

ФРАГМЕНТЫ РАННИХ ГРЕЧЕСКИХ ФИЛОСОФОВ

Часть I

Издательство Наука.

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Институт философии

Издательство · Науна ·
Москва 1989

ПАМЯТНИКИ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Редакционная коллегия серии
«Памятники философской мысли»:

Т. И. ОЙЗЕРМАН (председатель), А. Л. АНДРЕЕВ,
В. В. БЫЧКОВ, П. П. ГАЙДЕНКО, А. В. ГУЛЫГА,
М. А. КИССЕЛЬ, В. А. КУВАКИН, Н. В. МОТРОШИЛОВА,
В. В. МШВЕНИЕРАДЗЕ, И. С. НАРСКИЙ, И. Д. РОЖАНСКИЙ,
В. В. СОКОЛОВ (зам. председателя), А. Л. СУББОТИН,
А. Д. СУХОВ, А. А. СТОЛЯРОВ (уч. секретарь),
Н. Ф. УТКИНА

ФРАГМЕНТЫ РАННИХ ГРЕЧЕСКИХ ФИЛОСОФОВ

Часть I

От эпических
теокосмогоний
до возникновения
атомистики

Издание подготовил
А. В. ЛЕБЕДЕВ

Издательство · Наука ·
Москва 1989

Рецензенты:

кандидат философских наук В. В. БИБИХИН,
доктор филологических наук М. Л. ГАСПАРОВ

Редактор издательства В. П. ЛЕГА

Книга содержит перевод всех сохранившихся фрагментов доплатоновских философов от орфиков до атомистов (исключая последних), а также биографических и доксографических свидетельств о них. В основу положены собрание Дильса-Кранца и новейшие отдельные издания, дополненные переводчиком.

Для историков философии и науки, антиковедов и всех интересующихся античной философией.

Ответственный редактор
и автор вступительной статьи
доктор философских наук
И. Д. РОЖАНСКИЙ

Публикация

ФРАГМЕНТЫ РАННИХ ГРЕЧЕСКИХ ФИЛОСОФОВ

Часть I

От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики

Утверждено к печати Институтом философии АН СССР

Художник Ю. А. Марков. Художественный редактор М. Л. Храпцов.

Технический редактор Л. В. Каскова, Н. Н. Кожина.

Корректоры Л. А. Иванова, Г. М. Ляпустина.

ИБ № 38341

Сдано в набор 09.09.88. Подписано к печати 15.05.89. Формат 70×90^{1/16}.
Бумага книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 42,12. Усл. кр. отг. 43,29. Уч.-изд. л. 50,1. Тираж 50 000 экз.
Тип. зак. 808. Цена 5 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

0301030000-166
Ф $\frac{042(02)-89}{6-1989}$ доп. каталог

ISBN 5-02-008030-6

© Издательство «Наука», 1989

РАННЯЯ ГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Издание на русском языке материалов о ранних греческих философах вряд ли требует подробного обоснования. Ведь основная трудность, встающая перед исследователями древнегреческой философии раннего периода, состоит прежде всего в том, что ни одно из сочинений мыслителей этой эпохи до нас не дошло в сколько-нибудь полном виде. В одних случаях эти сочинения оказались полностью (или почти полностью) утерянными, в других мы располагаем более или менее значительным числом фрагментов, приводимых в качестве цитат в сочинениях писателей поздней античности. Порой эти фрагменты оказываются достаточно содержательными, чтобы мы смогли реконструировать основные идеи данного мыслителя, но в других случаях они имеют случайный характер и похожи на обломки мозаики, из которых трудно, если вообще возможно, составить общую картину. Правда, наряду с фрагментами, которые с большой степенью вероятности могут считаться подлинными, буквально о каждом из мыслителей досократовской эпохи имеется большое число косвенных свидетельств. Эти свидетельства далеко не равнозначны по своей ценности. Одно дело, когда о том или ином философе высказывается Аристотель, хорошо знавший труды своих предшественников и всегда стремившийся выразить саму суть рассматриваемого им учения, и совсем другое дело, когда эти косвенные свидетельства содержатся в компиляциях, относящихся к поздней античности, авторы которых черпали свои сведения из вторых или третьих рук и порой интересовались не столько доктриной данного мыслителя, сколько анекдотическими деталями, относившимися к его личности или его биографии. Ярким примером подобных компиляций может служить дошедший до нас сборник Диогена Лаэртия.

Общее число косвенных свидетельств о философах-досократиках громадно. Естественно, что исследователю, который занимается изучением жизни и творчества досократовских мыслителей, — в особенности если этот исследователь не обладает специальной филологической подготовкой — было бы крайне трудно разыскивать самому в одиночку как фрагменты оригинальных сочинений, так и косвенные свидетельства, рассеянные по безбрежному морю позднеантичной литературы. Поэтому уже с начала прошлого столетия перед филологами-классиками во весь рост встала задача собрать воедино все эти фрагменты и свидетельства или по крайней мере наиболее важные из них. Первоначально эта задача решалась для отдельных мыслителей: Гераклита, Эмпедокла, Анаксагора и др.; первую же попытку дать свод фрагментов всех древних философов предпринял в XIX столетии Ф. В. А. Муллах¹. Но все эти попытки померкли, когда в 1903 г. вышло в свет первое издание «Фрагментов досократиков» великого немецкого филолога Германа Дильса². С тех пор «Фрагменты досократиков»

¹ *Mullach F. W. A. Fragmenta philosophorum graecorum. Parisiis, 1860—1881. 3 Vol.*

² *Diels H. Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch und Deutsch. B., 1903.*

стали настольной книгой и необходимым справочным пособием для всех философов, филологов и историков античной культуры, которым приходится сталкиваться с ранними греческими философами.

Труд Дильса завоевал огромную популярность, об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в среднем каждые пять-шесть лет он выходит новым изданием, обогащаясь вновь обнаруженными материалами и комментариями к ним. Начиная с 5-го издания, вышедшего в 1934—1937 гг., когда Дильса уже не было в живых, редактирование «Фрагментов» взял на себя его ученик, выдающийся немецкий филолог Вальтер Крауц. С тех пор при ссылках на этот труд обычно пользуются сокращенным обозначением *DK*. «Фрагменты досократиков» приобрели стандартный вид трехтомника, причем в первых двух томах приводятся фрагменты и свидетельства, а третий том занимают указатели. При этом согласно порядку, установленному Дильсом еще в первом издании, глава, посвященная каждому философу, делится на два раздела — *A* и *B*. В разделе *A* приводится вся доксография, относящаяся к жизни, трудам и учению данного философа, причем она дается только на языке оригинала. Под рубрикой *B* идут подлинные фрагменты, дошедшие до нашего времени, причем они сопровождаются переводом на немецкий язык. Иногда к этим двум разделам добавляется раздел *C*, содержащий подражания или тексты, ложно приписываемые данному философу.

Из сказанного ясно, что «Фрагменты досократиков» рассчитаны на читателей, имеющих классическое образование. Для того чтобы сделать материалы, содержащиеся в труде Дильса, доступными более широкому кругу русских читателей, А. О. Маковельский предпринял в свое время перевод «Фрагментов досократиков» на русский язык. Этот перевод был выполнен с 3-го издания «Фрагментов» и издан в Казани в трех частях в 1914—1919 гг. под заглавием «Досократики»³. В это издание не вошел ряд материалов, содержащихся в труде Дильса, в том числе раздел, посвященный атомистике (материалы об атомистике были опубликованы Маковельским позднее в книге «Древнегреческие атомисты»⁴); кроме того, в русском издании были опущены комментарии и весь справочный аппарат. Для русских читателей, не знающих древних языков, «Досократики» Маковельского в течение нескольких десятилетий служили своего рода эрзацем Дильса. И действительно, по своему материалу это был тот же Дильс, только устаревший, во многом искаженный при переводе, изобиловавший ошибками и все же большинством наших читателей принимавшийся за последнее слово в области изучения древнегреческой философии. Популярности «Досократиков» Маковельского опосредствовало еще и то обстоятельство, что каждому сколько-нибудь значительному философу в русском издании предшествовала статья, содержащая краткое изложение соответствующего учения вместе с обзором его важнейших интерпретаций. В наше время эти статьи представляются безнадежно устаревшими.

«Досократики» Маковельского давно уже стали библиографической редкостью. Учитывая все возрастающий интерес широких кругов советских читателей к античной философии и античной культуре вообще, уже давно назрел вопрос о необходимости издания нового русского перевода «Фрагментов досократиков». Простое переиздание «Досократиков» Маковельского было бы явно нецелесообразно в силу перечисленных выше недостатков этого издания. Нужен был новый, современный перевод, не только нахо-

³ Маковельский А. О. Досократики. Казань, 1914. Ч. I; 1915. Ч. II; 1919. Ч. III.

⁴ Маковельский А. О. Древнегреческие атомисты. Баку, 1940.

дящийся на уровне последних изданий сборника Дильса—Кранца, но и обогащенный за счет включения в него материалов, которые немецкими учеными были по тем или иным причинам оставлены без внимания. И здесь уместно указать на некоторые недостатки «Фрагментов досократиков» Дильса—Кранца, которые, несмотря на неоспоримые достоинства этого труда, в нем, несомненно, имеются.

Дело в том, что подбор материалов, осуществленный Дильсом уже в первом издании «Фрагментов досократиков», был продиктован общей методологической установкой немецкого ученого. В том, что касается философии досократиков, непререкаемым авторитетом для Дильса был ученик Аристотеля Феофраст. По убеждению Дильса, обоснованному им в его более ранней работе «Греческие доксографы»⁵, первоисточником, откуда — через ряд промежуточных звеньев — черпали свои сведения авторы поздневантичной доксографической литературы, в том числе дошедших до нас компендиумов Стобея и Псевдо-Плутарха, были в конечном счете «Мнения физиков» Феофраста. Так как это сочинение до нас не дошло, то своей главной задачей при построении разделов *A* в «Фрагментах досократиков» Дильс считал такую подборку и расположение материалов, относящихся к тому или иному философу, которые в наибольшей степени отражали бы изложение Феофраста в его «Мнениях физиков». Естественно, что при такой установке Дильса целый ряд свидетельств, далеко не всегда маловажных, но не укладывавшихся в феофрастовскую схему, оказался за пределами сборника.

Критические замечания в адрес «Фрагментов досократиков» были сделаны сразу же после выхода в свет первого его издания. В предисловии ко второму изданию (1906) Дильс в следующих выражениях ответил на эту критику: «Произведенный отбор стоил мне больше времени и усилий, чем если бы собранный мною материал был целиком направлен в типографию. Я, однако, полагаю, что именно таким путем, ограничиваясь наиболее существенным и древним, я смог оказать услугу начинающим исследователям, да и не только им. Мое намерение состояло в том, чтобы свесть в амбар лишь полноценные колосья, солому же оставить снаружи, даже если это грозило опасностью потерять то там, то здесь хорошие зерна»⁶.

Настоящее издание представляет собой совершенно новый перевод на русский язык «Фрагментов досократиков» Дильса—Кранца, существенно дополненных за счет включения в это собрание большого числа новых материалов, либо игнорировавшихся немецкими составителями, либо остававшихся ранее неизвестными или незамеченными. Вкратце скажем о том, в чем данное собрание совпадает с «Фрагментами досократиков» Дильса—Кранца и в чем оно от них отличается.

Учитывая огромную популярность труда Дильса—Кранца и то широкое распространение, которое «Фрагменты досократиков» получили во всех странах мира, было призвано целесообразным сохранить основную структуру «Фрагментов» и в новом русском издании. Как нумерация и порядок следования глав, принятые Дильсом, так и разделение материала на рубрики *A* и *B* оставлены в данном издании неизменными. Также в основном сохранено расположение фрагментов и свидетельств в отдельных главах: это сделано не только для того, чтобы приблизиться к гипотетической структуре «Мнений физиков» Феофраста, а из чисто практических соображений, дабы все ссылки на Дильса—Кранца, где бы они ни давались, сохраняли свою силу и для данного издания. Исключение составляет лишь расположение фрагментов Гераклита, которое

⁵ Diels H. Doxographi graeci. B., 1879.

⁶ Diels H. Die Fragmente der Vorsokratiker. B., 1906. P. X.

было произведено Дильсом чисто формально (по источникам) и не имеет у него никакого отношения к их возможному положению в книге самого Гераклита. В настоящее время в мировой литературе все большее признание завоевывает новый, логический порядок фрагментов Гераклита, предложенный М. Марковичем⁷, этот порядок принят и в настоящем издании, причем для удобства читателей номер фрагмента «по Марковичу» сопровождается (в скобках) номером фрагмента «по Дильсу».

Аналогичное изменение произведено и в разделе, посвященном Эмпедоклу, где нумерация фрагментов дана не по Дильсу, а по недавней капитальной работе об Эмпедокле французского исследователя Ж. Боллака (ссылка на эту работу будет дана ниже).

Новые свидетельства, отсутствующие в собрании Дильса—Кранца, даются под теми же номерами, под которыми во «Фрагментах досократиков» представлены свидетельства, близкие по смыслу; заметим, что точно таким же образом поступали Дильс, а затем Кранц, когда в очередное издание своего труда они включали тексты, которых не было в предшествующих изданиях.

После этих предварительных замечаний перейдем к краткой характеристике текстов, включенных в состав данного сборника. Его вступительный раздел, озаглавленный «Предфилософская традиция», содержит материалы, которые в первых изданиях «Фрагментов досократиков» Дильса помещались в конце второго тома в качестве приложения ко всему изданию. В дальнейшем, когда редактирование «Фрагментов» перешло в руки Кранца, это приложение было перенесено в начало первого тома. Замечу, что у Маковельского в его «Досократиках» эти материалы полностью отсутствовали. Действительно, незначительные отрывки, приписывавшиеся Орфею, Мусею, Эпимениду, Ферекиду и другим мифотворцам архаической эпохи, а также дошедшие до нас полуполюгендарные (или полностью легендарные) рассказы об этих авторах не имеют на первый взгляд никакого научного значения. Однако при рассмотрении вопроса о генезисе философского и в какой-то степени научного мышления их нельзя не учитывать.

Первоисточником греческой (а также, по-видимому, индийской, китайской и всякой другой) философии была мифология. И притом не мифология вообще, а главным образом космогонические мифы, создававшиеся на определенной стадии культурного развития всеми народами мира, в том числе и греками. В мифах, повествующих о происхождении богов, их борьбе между собой, чередовании различных поколений богов, отражались первобытные представления людей о возникновении и эволюции мира. В эпоху развития политеистических религий космогония, как правило, выступает в форме теогонии. Именно такого рода теогония с добавлением ряда спекулятивных построений самого автора была изложена в одноименной поэме Гесиода.

«Теогония» Гесиода оказала громадное влияние на дальнейшую эволюцию греческих космогонических представлений. При этом наметились две основные тенденции. Одна из них выразилась в развитии индивидуального мифотворчества. Среди перечисленных выше авторов, занимавшихся подобным мифотворчеством, особенно интересен Ферекид Сиросский, теогоническая концепция которого испытала, помимо Гесиода, заметное влияние иранской мифологии⁸. В той степени, в какой мы можем судить об орфической космогонии, она также впитала в себя некоторые восточные мотивы (на-

⁷ *Marcovich M. Heraclito, frammenti. Firenze, 1978. (Biblioteca di studi superiori; LXIV).*

⁸ См.: *West M. L. Early Greek Philosophy and the Orient. Oxford, 1971. Ch. 1. P. 1—75.*

пример, образ мирового яйца). В целом же это направление оказалось тупиковым. Аристотель называет его представителей «теологами», противопоставляя их «физикам» — творцам ранней греческой науки о «природе» (περί φύσεως). Симпатии Аристотеля лежали целиком на стороне «физиков».

Ранние построения «физиков» также находились под большим влиянием как греческих, так и восточных мифов о происхождении мира. Но в отличие от «теологов» для них были характерны решительный отказ от мифологических (антропо- и зооморфных) образов и переход к чисто рациональным мотивировкам. Однако, преодолев антропо- и зооморфизм древних космогонических мифов, первые греческие философы заимствовали от них ряд структурных особенностей, определивших некоторые важные черты ранней греческой науки:

1. Представление о первичном, бесформенном состоянии Вселенной (в космогонических мифах это состояние чаще всего конкретизируется в виде безграничной водной бездны).

2. Мотив отделения — часто насильственного — неба от земли, которые в космогонических мифах обычно олицетворяют мужское и женское начала мироздания (классическим примером этого мотива может служить полинезийский космогонический миф о Рангу и Папа).

3. Идея эволюции в сторону большей упорядоченности и лучшего устройства мира, завершающейся воцарением светлого бога, разумного и справедливого (в индоевропейской мифологии это обычно бог ветра, бури и грозы — Индра, Перун, Водан, Зевс).

4. В некоторых мифологиях наличествует также мотив периодической гибели и нового рождения Вселенной.

Эти мотивы, разумеется, в демифологизированной форме, можно обнаружить почти во всех космологических построениях греческих философов-досократиков.

Первой философской школой Древней Греции считается милетская школа, названная так потому, что все ее представители были гражданами города Милета. Ее деятельность приходится в основном на начало и середину VI в. до н. э. Время жизни основателя школы *Фалеса Милетского* определяется сообщением, что он будто бы предсказал полное солнечное затмение, случившееся в 585 г. до н. э. (об этом, в частности, писали Ксенофан и Геродот), хотя реальная возможность такого предсказания — даже при допущении знакомства с вычислениями вавилонских звездочетов — в настоящее время подвергается сомнению.

Научных сочинений Фалес после себя не оставил, поэтому все материалы о нем относятся к группе А. Эти материалы многочисленны и разнообразны. Большое место среди них занимают рассказы о Фалесе как об одном из полулегендарных «семи мудрецов». Геродот сообщает некоторые сведения, из которых следует, что Фалес был выдающимся общественным деятелем Милета, пользовавшимся уважением среди своих сограждан.

Космологическая концепция Фалеса, о которой уже Аристотель, по-видимому, имел довольно смутное представление, сводилась к трем положениям:

1. Все произошло из воды (в формулировке Аристотеля — «начало всего есть вода»).

2. Земля плавает на воде, подобно куску дерева (этим Фалес объяснял ряд явлений природы, в том числе землетрясения).

3. Все в мире одушевлено (или «полно богов»). Древние, в частности, указывали, что Фалес приписывал душу магниту, притягивающему железу.

Философское значение учения Фалеса состояло прежде всего в том, что он впервые в истории человечества поставил вопрос, ставший в дальнейшем основным вопросом всей греческой философии: «Что есть все?».

Другие важные свидетельства относятся к математическим работам Фалеса. Ссылаясь на ученика Аристотеля Евдема, написавшего труд по истории ранней греческой математики, неоплатоник Прокл сообщает, что Фалес был первым греком, начавшим доказывать геометрические теоремы. В частности, согласно Евдему, им были доказаны следующие положения: 1) круг делится диаметром пополам; 2) в равнобедренном треугольнике углы при основании равны; 3) при пересечении двух прямых образуемые ими вертикальные углы равны, и, наконец, 4) два треугольника равны, если два угла и одна сторона одного из них равны двум углам и соответствующей стороне другого.

Историки науки по-разному интерпретировали эти сообщения. Так, Б. Л. ван дер Варден считает, что к свидетельствам Евдема надо отнестись вполне серьезно и что именно Фалес, опираясь на достижения вавилонян и египтян, ввел в геометрию доказательства, придав этой науке логическое построение⁹. Другие ученые полагают, что доказательства Фалеса еще не могли иметь строго логический характер и были, скорее всего, основаны на приемах перегибания и наложения чертежей¹⁰. Скептическую позицию занимает О. Нейгебауэр, считающий, что «традиционные рассказы об открытиях, сделанных Фалесом или Пифагором, следует отбросить как совершенно неисторические»¹¹.

Если не становиться на крайнюю точку зрения Нейгебауэра, то надо будет признать, что Фалес был основоположником не только греческой философии, но и греческой математики — первой дисциплины, которая в Греции выделилась в самостоятельную область и стала развиваться независимо от синкретичной науки о «природе».

Анаксимандр был вторым великим представителем милетской философской школы. Источники сообщают о нем значительно меньше биографических сведений, чем о Фалесе, и вообще во всей известной нам литературе VI—V вв. до н. э. и даже у Платона имя Анаксимандра ни разу не упоминается. По-видимому, Аристотель был первый, кто «открыл» и по-настоящему оценил Анаксимандра. О времени его жизни имеется одно, более позднее, но довольно точное свидетельство: историк II в. до н. э. Аполлодор Афинский сообщает в своей «Хронике», что во втором году 58-й олимпиады (т. е. в 547/546 гг. до н. э.) Анаксимандру было шестьдесят четыре года и что вскоре после этого он умер.

Свое учение Анаксимандр изложил в книге, которую можно рассматривать как первое в истории греческой мысли научное сочинение, написанное прозой. К сожалению, от этого сочинения до нас дошла лишь одна фраза, цитируемая Симпликием в его комментариях к «Физике» Аристотеля. Кроме того, в некоторых позднейших философских компиляциях, восходящих, по-видимому, к «Мнениям физиков» Феофраста, содержатся выражения, которые, несомненно, взяты из книги самого Анаксимавдра. Эти и другие косвенные данные, сообщаемые многими древними авторами, начиная с Аристотеля, позволяют реконструировать ряд важнейших положений космогонической концепции Анаксимандра.

⁹ Ван дер Варден Б. Л. Пробуждающаяся наука: Математика Древнего Египта, Вавилона и Греции. М., 1959. С. 121—124.

¹⁰ История математики с древнейших времен до начала XIX столетия / Под ред. А. П. Юшкевича. М., 1970. Т. 1. С. 66.

¹¹ Нейгебауэр О. Точные науки в древности. М., 1968. С. 149.

В отличие от Фалеса источником всего сущего Анаксимандр считал не воду, а некое вечное и беспредельное начало, которое, согласно позднейшим авторам, он называл «божественным», утверждая, что оно «всем управляет». Термин «апейрон» (*ἄπειρον*), т. е. «беспредельное», которым обычно именуют первоначало Анаксимандра, был на самом деле не названием этого первоначала, а лишь обозначением одного из его атрибутов¹². По традиции, восходящей к Аристотелю и Феофрасту, это первоначало обычно трактовалось как бескачественное и неопределенное первовещество или же как смесь всех элементов, однако в ряде новейших работ эти традиционные точки зрения подвергаются сомнению. Критическое отношение к перипатетической трактовке учений досократиков (особенно после опубликования в 1935 г. на эту тему известной работы Г. Чернисса¹³) привело к появлению новых интерпретаций анаксимандровского первоначала. В философско-библиографическом обзоре Л. Суини, вышедшем в 1972 г. и посвященном понятию бесконечности в досократовской философии¹⁴, лишь в публикациях послевоенного времени указывается на 23 подобных интерпретаций. С тех пор число таких интерпретаций еще более возросло.

Возникновение мира Анаксимандр рисовал как борьбу и обособление противоположностей, в первую очередь тепла и холода (причем у него, по-видимому, еще отсутствовало четкое разграничение понятий силы, качества и вещества). В недрах беспредельного начала возникает как бы зародыш (*τὸ γόνιμον*) будущего мира, в котором влажное и холодное ядро оказывается окруженным огненной оболочкой. Под воздействием жара этой оболочки влажное ядро постепенно высыхает, причем выделяющиеся из него пары раздувают оболочку, которая в конце концов лопаается, распадаясь на ряд колец (или «ободов»). В результате этих процессов происходит образование плотной Земли, имеющей форму цилиндра, высота которого равна трети диаметра основания. Этот цилиндр не имеет опоры и висит неподвижно в центре сферической Вселенной, так как у него нет оснований двигаться в какую-либо сторону. Звезды, Луна и Солнце находятся от центра мира на расстояниях, равных соответственно 9, 18 и 27 радиусам земного диска; эти светила представляют собой отверстия в темных воздушных трубках, окружающих вращающиеся огненные кольца. С помощью такой картины Анаксимандр объяснял ряд астрономических и метеорологических явлений.

С космогонией Анаксимандра связана его зоогоническая концепция. Живые существа, по его мнению, зародились во влажном иле, некогда покрывавшем Землю. Когда Земля начала высыхать, влага скопилась в углублениях, образовавших моря, а некоторые животные вышли из воды на сушу. Среди них были рыбообразные существа, в чреве которых развились люди; когда люди выросли, покрывавшая их чешуйчатая оболочка развалилась. Некоторые ученые усматривают в этой концепции исторически первый намек на идею эволюции животного мира.

Возникновение и развитие мира Анаксимандр считал периодически повторяющимся процессом: через определенные промежутки времени мир снова поглощается окружающим его беспредельным началом (отсюда *περιέχον* — «окружающее» — как один из эпитетов анаксимандровского первоначала). Следует указать также на точку зрения

¹² А. В. Лебедев в статье «ТО ΑΠΕΙΡΟΝ: не Анаксимандр, а Платон и Аристотель» (ВДИ. 1978. № 1, 2) убедительно показывает, что субстантивация прилагательного *ἄπειρον* произошла не раньше IV в. до н. э.

¹³ Cherniss H. Aristotle's Criticism of Presocratic Philosophy. Baltimore, 1935.

¹⁴ Sweeney L. Arinistry in Presocratics: A Bibliographical and Philosophical Study. The Hague, 1972.

некоторых ученых, согласно которой Анаксимандр признавал одновременное сосуществование бесчисленного множества миров¹⁵. Вопрос этот спорный: термин «космосы» (*κόσμοι*), который, по-видимому, фигурировал в оригинальном тексте сочинения Анаксимандра, имел, вероятно, значение, отличное от позднейшего значения «миры».

Как показали новейшие исследования¹⁶, космогоническая концепция Анаксимандра включила в себя ряд элементов, взятых из космологических построений народов Востока. К числу таких заимствований относятся: образ огненных колец, числовые соотношения, определяющие удаленность от центра мира небесных светил, циклический характер процесса мироздания и даже, может быть, само понятие вечного и беспредельного начала.

Источники сообщают, что Анаксимандр был первым греком, начертившим на медной табличке географическую карту Земли, на которой вся ойкумена распадалась на две примерно равные части — Европу и Азию. Возможно, что эта карта служила приложением ко второй — географической части его сочинения. Анаксимандру приписывают также введение в греческую практику гномона (солнечных часов), который был известен на Востоке задолго до этого.

Последним великим представителем милетской философской школы был Анаксимен, скончавшийся, согласно «Хронике» Аполлодора, в 63-ю Олимпиаду (528—525 гг. до н. э.).

Переходя от Анаксимандра к Анаксимену, мы отчетливо ощущаем пропасть, которая их разделяет. В некоторых отношениях Анаксимен стоит ближе к Фалесу, чем к своему непосредственному предшественнику. У Анаксимена (как и у Фалеса) не было сколько-нибудь четко сформулированной космогонической концепции. Согласно Анаксимену, все вещи происходят из воздуха — либо путем разрежения, связанного с нагреванием, либо же путем сгущения, приводящего к охлаждению. Воздушные испарения, поднимаясь вверх и разрежаясь, превращаются в огневые небесные светила. Наоборот, твердые вещества — земля, камни и т. д. — суть не что иное, как сгустившийся и застывший воздух. Таким образом, Анаксимен указывал на конкретный физический механизм образования вещей из воздушного первоначала. Это постоянно действующий механизм, обусловленный тем, что воздух находится в непрестанном движении и изменении. Когда воздух неподвижен, мы его никак не воспринимаем; лишь когда он движется или претерпевает иные изменения, он дает о себе знать в виде ветра, облаков, пламени и т. д. Это означает, что все вещи суть модификации воздуха, который должен поэтому рассматриваться не как один из элементов, а как всеобщий субстрат вещей, в чем-то сходный с первомаатерией Аристотеля.

У Анаксимена мы почти не найдем заимствований из восточных космогонических мифов: космогония Анаксимена целиком находится в русле греческой «метеорологической» традиции. Оппозиции, такие, как светлое-темное, горячее-холодное и другие, играют у него (в отличие от Анаксимандра) незначительную роль. Зато Анаксимен очень охотно прибегает к методу аналогий, большей частью взятых из повседневной жизни и практики. Так, образование земли из воздуха сравнивается у него с валянием шерсти, из которой образуется войлок. Подобная «войлочная» Земля имеет «столооб-

¹⁵ Burnet J. Early Greek Philosophy. L., 1940.

¹⁶ Burkert W. Iranisches bei Anaximander // Rheinisches Museum für Philologie. 1963. Bd. 6. S. 97—134; West M. L. Op. cit. P. 76—78. См. также указанную выше статью А. В. Лебедева.

разную» форму, и она не висит неподвижно в центре мира (как у Анаксимандра), а как бы «оседлала» воздух, который поддерживает ее снизу. Солнце плоско, как лист; звезды вбиты в небосвод наподобие гвоздей; некоторые же из них (планеты) суть огненные листья, плавающие в воздухе. Когда в одном месте собирается слишком много воздуха, из него «выжимается» дождь. Ветры, возникающие из воды и воздуха, несутся подобно птицам.

Особенно известна аналогия, связанная с движением небесного свода. Анаксимен полагал, что заходящие за горизонт светила проходят не под Землей, а совершают оборот вокруг Земли, скрываясь за ее северной, приподнятой частью. При этом Анаксимен пользуется следующим сравнением: небосвод движется вокруг Земли наподобие шапочки, поворачивающейся вокруг нашей головы.

Хотя от книги Анаксимена до нас не дошло ни одного бесспорно аутентичного фрагмента, можно с большой степенью вероятности утверждать, что все перечисленные аналогии (или, во всяком случае, большинство из них) принадлежат самому Анаксимену.

Учение Анаксимена сыграло бесспорную роль в дальнейшем развитии греческого естественнонаучного мышления, непосредственное влияние идей Анаксимена испытали Анаксагор, Диоген из Аполлонии, а также атомисты.

Следующие разделы настоящего собрания содержат свидетельства о *Пифагоре* и ранних пифагорейцах (о последних, впрочем, за исключением, может быть, Гиппаса из Метапонта, эти свидетельства отличаются скудостью и неопределенностью).

О происхождении Пифагора, его жизни и деятельности существуют противоречивые версии, большинство которых изложено в сочинениях авторов поздней античности: Порфирия, Ямвлиха и др. С большей или меньшей степенью вероятности из этих версий могут быть извлечены следующие данные.

Пифагор, сын Мнесарха, был уроженцем острова Самос, лежащего вблизи малоазиатского побережья прямо против Милета. В годы своей юности он, несомненно, бывал в Милете и общался с представителями милетской школы (один из источников сообщает даже о встрече юного Пифагора с престарелым Фалесом незадолго до смерти последнего).

После захвата власти на Самосе Поликратом (около 537 г. до н. э.) Пифагор, уже будучи вполне зрелым человеком, покинул свою родину и либо сразу отправился в Италию, либо совершил путешествие по странам Востока. Последний вариант позволяет объяснить некоторые черты раннего пифагореизма.

Обосновавшись в южноиталийском городе Кротоне, Пифагор вскоре приобрел там большой авторитет и основал философскую школу, которая в большей степени, чем милетская, заслуживает такого наименования. Впрочем, с нашей точки зрения, это была не столько научная школа, сколько религиозно-этическое братство — нечто вроде монашеского ордена, члены которого обязывались вести «пифагорейский» образ жизни, включавший наряду с целой системой аскетических предписаний и табу также обязательства по проведению научных исследований. Кроме того, пифагорейская школа активно вмешивалась в политическую жизнь италийских полисов, что привело в конце концов к ее разгрому и бегству большинства ее адептов из Италии. Впрочем, это произошло уже после смерти Пифагора.

Религиозно-этическое учение Пифагора, в основе которого лежали идеи метемпсихоза и очищения души, засвидетельствовано достаточно ранними источниками (Ксенофан, Геродот, Эмпедокл) и может вызывать сомнения лишь в деталях. Значительно

более трудную задачу представляет собой установление научных достижений Пифагора. Над этой задачей бьются многие поколения исследователей, не приблизившиеся, однако, к ее решению. Имеющиеся здесь трудности определяются следующими факторами:

1. Сам Пифагор, судя по всему, не оставил после себя никаких сочинений.

2. В литературе раннего периода не содержится никаких указаний на научные открытия Пифагора и его ближайших учеников. Это обычно объясняется эзотерическим характером пифагорейских изысканий, которые не подлежали разглашению за пределами школы.

3. В пифагорейской школе существовала традиция — все достижения школы приписывались ее основоположнику. В силу этого оказывается почти невозможным отделить вклад, внесенный в науку Пифагором и его ближайшими учениками, от результатов, полученных пифагорейцами в более позднюю эпоху.

В силу этих причин мнения исследователей о роли Пифагора в истории научной и философской мысли расходятся самым кардинальным образом. Под влиянием критического духа новейшего времени рассказы Ямвлиха, Порфирия и других писателей поздней античности о Пифагоре и якобы сделанных им открытиях в области математики и астрономии стали рассматриваться как чистое мифотворчество неопифагорейцев и неоплатоников. Своего апогея критическое направление в изучении «пифагорейского вопроса» достигло в работе Э. Франка «Платон и так называемые пифагорейцы»¹⁷, в которой доказывалось, что до 400 г. до н. э., т. е. до времени жизни и деятельности Архита из Тарента, говорить о существовании какой-либо пифагорейской науки не приходится. К этому же направлению относится капитальная монография В. Буркертга о пифагорейцах¹⁸, автор которой пришел к выводу, что вклад в науку раннего пифагореизма был практически равен нулю, ибо нельзя считать наукой мистику чисел и спекуляции с пифагорейскими противоположностями типа «чет-нечет» и «предел-беспредельное».

Впрочем, в последнее время в науке все более укрепляется и противоположная тенденция, склонная усматривать в свидетельствах неоплатоников, писавших о Пифагоре, следы информации, восходящей к IV и даже к V в. до н. э., т. е. к тому времени, когда еще была жива школа, основанная самим Пифагором. Задача состоит, следовательно, в том, чтобы вычленив эту информацию из массы легенд о Пифагоре, начавших создаваться еще в эпоху раннего пифагореизма (о некоторых из них пишет даже Аристотель в своей не дошедшей до нас работе о пифагорейцах), но особенно большое распространение получивших в первых веках нашей эры. Достоверные результаты здесь, впрочем, вряд ли могут быть достигнуты.

И все же представляется весьма вероятным, что интерес к математике существовал в пифагорейской школе с самого ее возникновения. Ознакомившись в молодости с математическими достижениями Фалеса и пополнив свои знания в этой области в период своего пребывания в Египте и Вавилонии, Пифагор пришел к убеждению, что все в мире определяется числами или отношениями чисел. Отсюда приписываемое Пифагору изречение «все есть число». По всей видимости, эта мысль была обобщением очень небольшого числа наблюдений. Не только древние свидетельства, но и ранняя математическая терминология указывают на связь этих наблюдений с музыкой. Решаю-

¹⁷ *Frank E.* Plato und die sogenannten Pythagoreer. Halle, 1923; 2. Aufl, Darmstadt, 1962.

¹⁸ *Burkert W.* Weisheit und Wissenschaft: Studien zu Pythagoras, Philolaos und Platon. Nürnberg, 1962.

щую роль при этом сыграло открытие, что если длины струн в музыкальном инструменте (монохорде) относятся друг к другу как $1\ 2, 2 : 3, 3 : 4$, то получающиеся музыкальные интервалы будут соответствовать тому, что мы теперь называем октавой, квинтой или квартой. Это открытие послужило импульсом к поискам аналогичных соотношений и в других областях, например в геометрии и астрономии.

О конкретных математических достижениях ранних пифагорейцев у нас имеется мало сведений. Существуют, правда, легенды, связанные с открытием несоизмеримых отрезков: это открытие, сделанное, по-видимому, уже после смерти Пифагора, явилось своего рода скандалом, имевшим, однако, благоприятные последствия, ибо он привел к разработке новой научной дисциплины — геометрической алгебры. К тому же времени относилась активная разработка метода математической дедукции, давшей вскоре замечательные результаты. Достаточно показателен тот факт, что уже в конце V в. до н. э. Гиппократ Хиосский составил руководство по геометрии, написанное в том же духе, что и позднейшие работы математиков IV в. Вся предварительная работа по доказательству теорем, вошедших в книгу Гиппократа, была выполнена пифагорейскими математиками меньше чем за сто лет. О деталях этой работы мы ничего не знаем, но ее начало, как можно думать, было положено Пифагором.

Что касается теоремы, носящей имя самого Пифагора, то вавилонянам еще за тысячелетия до него были известны свойства прямоугольных треугольников. Возможно, что Пифагор узнал об этих свойствах во время своих путешествий по странам Востока и попытался их логически обосновать, что и привело к первым доказательствам теоремы Пифагора.

Менее ясна связь числовых изысканий пифагорейцев с арифметикой, достигшей на Востоке (в Вавилонии) значительных успехов. Известно, что числам, входящим в состав первой десятки, пифагорейцы приписывали особые, магические свойства. Занимаясь свойствами целых чисел, пифагорейцы делили их на классы («совершенные», «дружественные», «линейные», «квадратные» и другие числа). Особое их внимание привлекала проблема делимости чисел, и в этой области ими был получен ряд результатов, относящихся, говоря современным языком, к теории чисел. Здесь мы наблюдаем переплетение магии чисел с поисками реальных числовых закономерностей.

Многое было сделано пифагорейцами и в области астрономии. Согласно древним источникам, впервые идея шарообразности Земли была высказана Пифагором и потом в письменном виде сформулирована Парменидом. Заметим, что это была чисто греческая идея, чуждая представлениям восточных астрологов и звездочетов. Не исключено, что она пришла в голову Пифагору в порядке уточнения космологии Анаксимандра, у которого цилиндрическая форма Земли явно не согласовывалась с идеей симметрии (σφαιρότης) сферической Вселенной.

Другое достижение пифагорейцев в этой области состояло в том, что они первыми в Греции научились распознавать пять планет. Не исключено, что сведения о планетах Пифагор получил в Вавилонии, где соответствующие наблюдения проводились задолго до этого. Чем же объяснить, что такие крупные мыслители, как Эмпедокл, Анаксагор и Демокрит, имели о числе и движениях планет весьма смутные, чтобы не сказать превратные, представления? Следует ли это объяснить тем фактом, что пифагорейцы скрывали от непосвященных свои знания в этой области? Мы не знаем этого. Но мы знаем, что в конце V в. до н. э. пифагореец Филолай обнаружил своеобразную систему мира, в которой, помимо пяти планет — Меркурия, Венеры, Марса, Юпитера и Сатурна, вокруг «центрального огня» вращались также Солнце, Луна, Земля и так

называемая Противоземля. Надо, впрочем, полагать, что система мира Филолая была своеобразным уклонением от традиционной геоцентрической схемы, которая также была разработана пифагорейцами и о которой мы знаем по «Тимею» Платона.

Следует еще упомянуть о пифагорейской концепции «гармонии сфер», послужившей соединительным мостиком между музыкальными и астрономическими исследованиями пифагорейцев и раскритикованной позднее Аристотелем (О небе, II, 9). Впрочем, в дальнейшем, особенно же в средние века, идея гармонии небесных сфер пользовалась колоссальной популярностью.

Кроме упомянутых областей знания, пифагорейцы занимались медициной; во всяком случае, известно, что ряд членов пифагорейского союза принадлежал к профессии врачей (как известно, Кротон был центром знаменитой в то время медицинской школы). Среди них особенно прославился Алкмеон, о котором будет рассказано особо.

Из всего сказанного следует, что пифагорейцы внесли громадный вклад в развитие древнегреческой науки. Этот вклад несравним с их общепhilosophическими воззрениями, содержащими элементы, унаследованные от донаучной, магической стадии мышления. К ним относится, в частности, дошедшая до нас в позднейшем изложении, но бесспорно архаичная космогоническая концепция, согласно которой зародившаяся в «беспредельном» огненная единица начинает вдыхать в себя окружающую пустоту (воздух?) и, размножаясь, порождает все числа и вещи. К этому же наследию магического прошлого следует отнести систему оппозиций, господствующую роль среди которых (может быть, под влиянием Анаксимандра) играла пара «предел-беспредельное».

Несмотря на эти пережитки магического мышления, основная идея Пифагора о том, что в основе всех вещей лежат числа или отношения чисел, оказалась очень плодотворной и была подтверждена всем дальнейшим развитием математического естествознания.

А что же сказать о самом основателе школы? Противоречивый образ Пифагора сочетал в себе черты гениального математика и религиозного проповедника, глубокого мыслителя и политического деятеля, создателя первой в истории человечества научной школы, не лишенной в то же время элементов явного шарлатанства. Никакому однозначному определению этот образ не поддается.

Ксенофан из Колофона, как следует из названия его родного города, был, подобно Пифагору, выходцем из Ионии. Из противоречивых сведений о времени его жизни следует во всяком случае, что он жил очень долго — не менее 92 лет (фр. 8). Он был современником Анаксимандра, Анаксимена, Пифагора, Гераклита и молодого Парменида. Будучи по профессии странствующим поэтом, он еще в молодости покинул Колофон (возможно, после захвата его персами) и переселился в западную часть греческого мира, где прожил в различных городах Сицилии и Южной Италии.

Поэтическое творчество Ксенофана было многообразным. Он писал элегии, ямбы и поэмы, от которых до нас дошли многочисленные отрывки. Одна из его застольных песен привлекла внимание Пушкина, который переложил ее русскими стихами («Чистый лоснится пол. . .»). Из его эпических поэм Диоген Лаэртский называет «Основание Колофона» и «Выселение в Элею Италийскую». В эпоху поздней античности особой популярностью пользовались короткие стихотворения — эпиграммы (так называемые силлы) Ксенофана, в которых он высмеивал традиционные представления о богах как о существах, во всем подобных смертным людям. Он резко критиковал Гомера и Гесиода за то, что они приписывали богам поступки, которые у людей считаются предосудительными и позорными: воровство, прелюбодеяние, взаимный обман (фр. 11). По

мнению людей, боги рождаются, имеют человеческий облик и носят одежду (фр. 14). Короче говоря, люди создают богов по своему образу и подобию. Так, эфиопы представляют богов черными и с приплюснутыми носами, а фракийцы — рыжими и голубоглазыми (фр. 16). Если бы коровы и лошади имели руки и могли бы изображать богов, то у коров боги были бы во всем подобны коровам, а у лошадей — лошадям (фр. 15). Для своего времени эти высказывания Ксенофана были очень смелыми и прогрессивными, производившими впечатление как на современников Ксенофана, так и на его позднейших читателей.

Традиционной политеистической мифологии Ксенофан противопоставил монотеистическую концепцию, основанную на представлении об едином боге, вечном и неизменном, ни в чем не похожем на смертные существа (фр. 23). Он весь видит, весь сознает и весь слышит (фр. 24). Он пребывает неподвижным, ибо ему не пристало двигаться то туда, то сюда (фр. 26), и одной лишь своей мыслью он все погрязает (фр. 25). Последняя фраза, несомненно, навеяна гомеровским образом Зевса, потрясающего Олимп мановением своих бровей, однако Ксенофан лишает этот образ всякого антропоморфизма.

То, что в некоторых отрывках Ксенофана встречается слово «боги» (во множественном числе), следует, по-видимому, рассматривать как дань поэтической традиции. Все свидетельствует о том, что Ксенофан был убежденным монотеистом. В известном пассаже «Метафизики», посвященном понятию единого у элеатов, Аристотель пишет, что, согласно Ксенофану, «единое есть бог», причем под единым тот разумел Вселенную (Небо) в целом (А 30). Так как, по единодушному мнению древних, Вселенная имела сферическую форму (в этом их убеждало непосредственное созерцание небосвода), то большинство авторов приписывали эту форму также и богу Ксенофана. Правда, прямых высказываний самого Ксенофана на эту тему не сохранилось, но об этом говорится в псевдоаристотелевском трактате «О Мелиссе, Ксенофане, Горгии», и в этом сходятся Диоген Лаэртий, Цицерон, Секст Эмпирик, Симпликий (ссылающийся при этом на Александра Афродисийского) и др. Сам Ксенофан относился к собственным высказываниям с известной осторожностью, говоря, что «в отношении всего существует лишь вероятное мнение», ибо «точную истину не постиг ни один человек, и нет никого, кто ее знает о богах и обо всем, о чем я говорю» (фр. 34).

Коротко скажем об естественнонаучных воззрениях Ксенофана. В 29-м фрагменте содержится парадоксальное утверждение, что верхняя граница Земли у нас под ногами и касается воздуха, в то время как нижняя уходит в бесконечность (*ἐς ἄπειρον*). Как примирить это высказывание с идеей ограниченной, сферической Вселенной? Надо, однако, иметь в виду, что у Ксенофана еще могло не быть четкого представления о пространственной бесконечности и термин *ἄπειρον* мог означать у него расплывчатое значение «не имеющего границ». Кроме того, здесь могла иметь место скрытая полемика с милетцами, у которых Земля была подобна плавающему на воде куску дерева, либо обрубу колонны, неподвижно висящему в центре мира, либо же лепешке, поддерживаемой снизу воздухом.

Земля как элемент занимала важное место в рассуждениях Ксенофана. Его утверждение, что «все из земли и в землю все умирает» (фр. 27), побудило позднейших доксографов полагать, что земля у Ксенофана играла роль такого же первоначала, как вода у Фалеса или воздух у Анаксимена. Этому, однако, противоречит категорическое заявление Аристотеля, что из всех «физиков», принимавших единое первоначало, никто не брал в качестве такового землю (Метаф., 989 а 5; см. также: О душе,

405 в 8). Да и у самого Ксенофана мы находим другое утверждение, а именно что «все, что рождается и проприрастает, есть земля и вода» (фр. 29), а также что «мы все родились из земли и воды» (фр. 33). Таким образом, если применять к Ксенофану понятие аристотелевского первоначала (*ἀρχή*), то такими первоначалами у него были земля и вода. В пользу этого говорит не только то, что, согласно приведенным высказываниям, все живые существа произошли из этих двух элементов, но и то, что и небесные светила рассматривались Ксенофаном как облака или воспламененные испарения. Эта точка зрения соответствовала греческой «метеорологической» традиции. Впрочем, в высказываниях Ксенофана о небесных светилах содержится много путаного и неясного.

Одна идея Ксенофана, связанная с естествознанием, представляет бесспорный интерес.

Он утверждал (А 32, 33), что когда-то вся Европа была покрыта морем: это следует из того, что в глубине материка и в горах нередко находят раковины, а на обломках камней — отпечатки рыб и других морских животных. Эти отпечатки, по его словам, образовались в грязи, возникшей от смешения земли и воды; когда море отступило, грязь высохла. Такое погружение суши в море происходит периодически, при этом все люди погибают, а при отступлении воды рождаются вновь. Теперь мы находимся в том периоде, когда суша, постепенно опускаясь, вновь погружается в море.

Подобная концепция, возможно, была навеяна легендами о мировом потопе, но ее обоснование свидетельствует о рационалистическом складе ума Ксенофана и его наблюдательности.

Принято считать, что свои представления о боге и мире Ксенофан изложил в поэме, традиционно озаглавленной «О природе» (*Περὶ φύσεως*). Этого мнения придерживался и Дильс. Однако Диоген Лаэртский в своем перечне сочинений Ксенофана не называет такой поэмы; нет на нее ссылок и у других доксографов. Поэтому теперь некоторые исследователи вообще отрицают факт существования такой поэмы¹⁹, полагая, что свои философские и научные взгляды Ксенофан излагал в коротких стихотворениях, подобных тем, в которых он подвергал критике традиционный политеизм.

Древние доксографы, любившие устанавливать цепочки «преемств», единодушно называли Ксенофана основоположником школы элеатов. С этим согласуется беглое замечание Аристотеля: «Говорят, что Парменид был его [Ксенофана] учеником» (А 30). Однако большинство исследователей нашего времени отрицают наличие непосредственной связи между обоими философами, указывая на то, что сходство между учениями того и другого имело чисто внешний характер (шарообразный бог Ксенофана и шарообразное бытие Парменида). Кроме того, нет никаких указаний на то, что Ксенофан создал школу, хоть в чем-либо похожую на школу Пифагора. Последнее обстоятельство, однако, отнюдь не препятствует предположению, что Парменид встречался с Ксенофаном и заимствовал у него кое-какие идеи.

В заключение отметим парадоксальную концепцию Карла Рейнгардта в его знаменитой книге о Пармениде²⁰. Рейнгардт полагает, что поэма «О природе» Ксенофана действительно существовала, но она была написана поздно — уже под влиянием поэмы Парменида. Согласно этой гипотезе, Ксенофан предстает перед нами не в качестве

¹⁹ См.: *Burnet J. Op. cit. P. 115; Jaeger W. The Theology of the Early Greek Philosophers. Oxford, 1967. P. 40.*

²⁰ *Reinhardt K. Parmenides und die Geschichte der griechischen Philosophie. Bonn, 1916.*

предшественника, а в качестве не очень последовательного эпигона Парменида. Рейнгардт, однако, остался в одиночестве со своей концепцией.

Переходя к *Гераклиту*, мы поднимаемся ступенькой выше и входим в другой мир — мир философии как таковой. Но как странен и причудлив этот мир у Гераклита! Вместо сколько-нибудь связного изложения своих идей (все равно, в прозе или стихами), Гераклит предлагает нам набор афоризмов, порой более или менее ясных, а порой выраженных в виде зашифрованных метафор, напоминающих изречения дельфийской пифии.

Составляли ли эти афоризмы цельную книгу, подчиненную единому плану, или же они были собранием изолированных изречений (γῶμα)? Последнего мнения придерживался ряд исследователей, в том числе Дильс, Керк и др. Однако древние источники, начиная с Аристотеля (Риторика, 1407 b 16), говорят о сочинении (σύγγραμμα) или о книге (βιβλίον), причем Диоген Лаэртий указывает, что одни называют ее «Музы», а другие — «О природе». По словам Диогена, книга эта делилась на три части: «О космосе», «О государстве» и «О богословии». Подобное членение, равно как и заглавие книги в целом, было, по-видимому, делом позднейших комментаторов, но в пользу единства книги Гераклита говорит первый фрагмент, выдержанный в духе вступления к последующему тексту.

О жизни Гераклита мало достоверных сведений. Он принадлежал к старинному аристократическому роду, представители которого пользовались в Эфесе некоторыми царскими привилегиями, от которых, однако, Гераклит отказался в пользу своего брата. Его акме (ἀκμή) приходится на 69-ю олимпиаду (504—501 гг. до н. э.), после чего он прожил еще около двадцати лет. Источники подчеркивают, что Гераклит ни у кого не учился. Все остальное — стереотипная характеристика его как «плачущего» философа, макабрические рассказы о его смерти и т. д. — относится к области легенд, популярных в эпоху поздней античности. К ним же следует отнести и переписку Гераклита с царем Дарием, приводимую Диогеном Лаэртием, хотя какие-то интеллектуальные связи у философа с Востоком, по-видимому, имелись, о чем свидетельствует явная перекличка некоторых фрагментов Гераклита с древнеиранскими религиозными текстами и даже с индийскими Упанишадами²¹.

Важнейшим понятием в философской системе Гераклита следует считать λόγος («Слово»). По единодушному мнению исследователей, книга эфесского мыслителя началась словами: «Этот весь логос, существующий вечно. . .» и т. д. (фр. 1)²². Но какой смысл вкладывал Гераклит в понятие логоса? Ответы на этот вопрос образуют целый спектр мнений, вдаваться в разбор которых здесь нет никакой возможности. Уже в VI—V вв. существительное ὁ λόγος имело в греческом языке более двадцати различных значений — от обыденных значений «слово», «рассказ», «повествование» до математического отношения двух величин²³. Для уточнения смысла гераклитовского логоса исследователю не остается ничего другого, как внимательно рассмотреть фрагменты, в которых прямо или косвенно фигурирует этот термин.

²¹ О предполагаемом влиянии зороастризма на Гераклита писали многие ученые. В последнее время эту тему подробно развивал Уэст (*West M. L. Op. cit. P. 165—202*).

²² Здесь и в дальнейшем нумерация фрагментов Гераклита приводится по Марковичу (см. выше).

²³ См.: *Guthrie W. H. C. A History of Greek Philosophy. Cambridge, 1962. Vol. 1. P. 420—424.*

Итак, согласно первому фрагменту, логос «существует вечно» и «все происходит согласно этому логосу». Уже эти две характеристики дают основание трактовать логос как некий закон, управляющий всем мирозданием. Такую трактовку мы находим у большого числа ученых, особенно немецких²⁴. Она, однако, далеко не исчерпывает смысла гераклитовского логоса. Тут же мы убеждаемся в том, что логос есть действительно «слово», т. е. речь самого Гераклита. Это слово «люди не понимают и прежде, чем выслушают его, и выслушав однажды» (фр. 1). Жалобы на непонимание логоса повторяются и в других фрагментах. Люди, по Гераклиту, «подобны глухим» (фр. 2), им незнакомо то, с чем они сталкиваются и непрерывно общаются (фр. 3, 4). Здесь это уже не столько речь, сколько истина, которая постигается зрением и слухом (фр. 5) — и скорее именно зрением, чем слухом (фр. 6). «Слово», «речь», «истина» — эти понятия переплетаются друг с другом, показывая, что у Гераклита еще не было четкого различения субъективного и объективного.

Почему же только один Гераклит постиг истину (=логос), в то время как прочие люди остаются «глухими» невеждами? Потому что у них грубые, «варварские» души, как с нескрываемым презрением ко всему человечеству пишет Гераклит (фр. 13). К невеждам, которым логос недоступен, Гераклит относит и учейших мужей — Гесиода, Ксенофана, Пифагора и Гекатея. Ибо «многознание уму не научает» (фр. 16). Особенно резко высказывается Гераклит о Пифагоре, называя его «предводителем мошенников» (фр. 18). Под «мошенниками» имеется в виду, очевидно, пифагорейская школа. Даже Гомер, который считается мудрейшим из эллинов, не смог отгадать простую загадку, которую задали ему дети (фр. 21).

Люди живут так, как если бы у каждого из них имелось свое особое сознание (фр. 23). Они подобны спящим, ибо каждый спящий живет в своем мире, в то время как у бодрствующих существует один общий мир. Чтобы жить и действовать с умом, надо опираться на всеобщее²⁵ так же твердо, как граждане полиса опираются на закон (*νόμος*), и даже еще тверже, ибо человеческие законы питаются единым божественным (т. е. логосом). Это единственный пример у Гераклита, где логос прямо сопоставляется с законом в обыденном, гражданском смысле.

Гегель сказал однажды, что нет ни одного положения Гераклита, которое он (Гегель) не взял в свою логику²⁶. Чтобы полностью оценить значение этого заявления Гегеля, рассмотрим основные идеи, определяющие содержательные аспекты понятия «логос» у Гераклита.

Первая и притом важнейшая идея Гераклита — это идея борьбы и единства (тождества) противоположностей. По утверждению Гераклита, все в мире состоит из противоположностей, противоборствующих сил и тенденций. Борьбой противоположностей определяется сущность любой вещи, любого процесса. Действуя одновременно, эти противоположно направленные силы образуют напряженное состояние, которым и определяется внутренняя гармония вещей. Эту грандиозную мысль Гераклит пояснял знаменитым примером лука и лиры (фр. 27). Оба дугообразных конца лука стремятся разогнуться, но тетива стягивает их, и эта взаимная сопряженность образует высшее единство. Пример с лирой комментируется Платоном в «Пире» (187А—С).

²⁴ «Weltgesetz», «Prinzip der Weltordnung» (W. Capelle); «Gesetz der Natur» (W. Windelband), «Natur- und Menschengesetz» (H. Diels) etc.

²⁵ Здесь у Гераклита игра слов; ἔνν ᾧφ — с умом, τῷ ξυνῶ — всеобщему.

²⁶ См.: Гегель Г. В. Д. Сочинения. М.; Л., 1932. Т. 9. С. 246.

Аристотель же излагает эту идею Гераклита, приводя следующие (возможно, приблизительные) цитаты: «Противоположное сходится», «Из различающегося прекраснейшая гармония» и «Все происходит через распря» (Никомахова этика, VIII 1.1155 b 4).

Итак, борьба, распря, война лежат в основе всего сущего. Война (борьба) всеобща, пишет Гераклит (фр. 28), она составляет истинную справедливость, являясь условием существования упорядоченного космоса. Молясь о том, чтобы распря сгнула меж богами и людьми, Гомер не ведал, что тем самым он навлекал проклятье на все сущее, что рождается в силу противоборства и противодействия (фр. 28 b 3). Особенно примечателен следующий фрагмент Гераклита. «Война — отец всех и царь всех: одних она явила богами, других — людьми, одних сотворила рабами, других — свободными» (фр. 29). Противоборство свободных и рабов в полисе составляет гармонию полиса; при этом необязательно, чтобы это противоборство выражалось в формах открытой войны. Ибо «тайная гармония лучше явной» (фр. 9).

Борьба противоположностей имеет и другую сторону, которая выражается в единстве (тождестве) противоборствующих сил. Гераклит приводит много примеров такого единства. Не все из них одинаково убедительны: во многих случаях речь идет о двух аспектах одной и той же вещи или двух точках зрения на одну и ту же вещь. Ясно, что здесь речь идет не о борьбе противоположностей в собственном смысле слова. В большинстве же фрагментов противоборствующие силы попеременно сменяют друг друга (пример — последовательность дня и ночи). В этих случаях речь идет об изменчивости вещей, которые обнаруживают то ту, то другую сторону: «В одном и том же заложено живое и мертвое, бдящее и спящее, молодое и старое, ибо эти [первые из них] изменившись [букв.: перепавши, выпав другой стороной] суть те, а те, изменившись, суть эти» (фр. 41).

Вторая важнейшая идея Гераклита, связанная с его учением о логосе, — это идея безостановочной изменчивости вещей, их текучести. Эта сторона учения Гераклита стала особенно популярной у его последователей (например, у Кратила), и в сознание последующих поколений Гераклит вошел прежде всего как философ, учивший, что «все течет» (*πάντα ῥεῖ*). Так, у Энгельса мы читаем: «Этот первоначальный, наивный, но по сути дела правильный взгляд на мир был присущ древнегреческой философии и впервые ясно выражен Гераклитом: все существует и в то же время не существует, так как все *течет*, все постоянно изменяется, все находится в постоянном процессе возникновения и исчезновения»²⁷.

Заметим, что выражение «*πάντα ῥεῖ*» ни в одном из дошедших до нас фрагментов Гераклита не фигурирует, однако мы находим его при изложении взглядов Гераклита у Платона (Тезет 182 С, Кратил 440) и у Аристотеля (Метафизика, XIII 4. 1078 b 13), а это достаточно авторитетные свидетели. Но известен другой фрагмент Гераклита, в котором выражена та же мысль: «На входящих в одни и те же речные струи текут все новые и новые воды» (фр. 40).

Второе фундаментальное понятие в философии Гераклита — это понятие огня как первоосновы всего сущего. Не следует рассматривать огонь как материальную ипостась логоса: эта стоическая интерпретация не находит подтверждения в фрагментах Гераклита. Огонь Гераклита отождествляется не с логосом, а с космосом, т. е. упорядоченной, организованной Вселенной (в этом значении термин «космос» впервые встречается именно у Гераклита). Как гласит один из самых знаменитых фрагментов

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 202—203.

Гераклита, «этот космос, один и тот же для всех, не создал никто из богов, никто из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живой огонь, мерно возгорающийся, мерно угасающий» (фр. 51).

При выборе огня в качестве первоосновы всех вещей Гераклит, по-видимому, меньше всего руководствовался физическими соображениями: огонь был для него образом вечного движения и изменения. То, что он ни в какой мере не был естествоиспытателем, подтверждается изучением его космогонических представлений.

Периоды «возгорания» и «угасания» огня, по-видимому, чередуются друг за другом, и это чередование продолжается вечно (*Аристотель*. О небе, I 10, 27b 12). Отсюда, правда, не следует, что «возгорание» приводит к полной гибели космоса (ἐκπόρωσις), как об этом учили стоики. Мы имеем дело здесь с чередованием «пути вверх» и «пути вниз» в фр. 33, которое, по единодушному мнению всех доксографов, имело космологическое значение. При «угасании» космический огонь переходит в другие субстанции — сначала в море (воду), а затем наполовину в землю и наполовину в «престер» (πρῆστηρ). Смысл последнего термина вызывал нескончаемые споры среди исследователей. Логически здесь должен был бы стоять воздух. И это действительно воздух, но, как показал А. В. Лебедев²⁸, не обычный атмосферный воздух, а воздух, вырывающийся из сопла меха, используемого в золотоплавильной мастерской для выплавления крупинок золота. Аналогичные золотым крупинки огня собираются в «корыта» или «чаши» (σχαφαί), подобные плавильным тиглям, где под воздействием «престера» они сплавляются в сплошные светящиеся массы, воспринимаемые нами как Солнце, Луна и другие небесные светила. Солнечные и лунные затмения наблюдаются в тех случаях, когда эти «чаши» поворачиваются к нам своей обратной стороной. Таким образом, все мироздание уподобляется космической золотоплавильной мастерской, где роль золота играет огонь. «Плохая физика, но зато какая смелая поэзия!» — сказал по аналогичному поводу А. С. Пушкин. Между прочим, сравнение огня с золотом мы находим еще в знаменитом фрагменте (54), заинтересовавшем Лассалья и Маркса: «Все обменивается на огонь и огонь на все подобно тому, как все вещи обмениваются на золото и золото на все вещи». Здесь речь идет о космическом процессе «возгорания» и «угасания» огня, но сопоставление этого процесса с денежным товарооборотом на самом деле любопытно.

То, что Гераклит не был ученым в духе Фалеса и Пифагора, явствует из его замечания, что ширина Солнца равна человеческой ступне. Естественнонаучная (и математическая) проблематика была ему глубоко чужда. Он презирал «многознание», считая, что мудрость заключается в одном — познать замысел, которым все управляется посредством всего (фр. 85). Но на этом одном пути он открыл многое, что до сих пор вызывает наше восхищение.

Между двумя гигантами — Гераклитом и Парменидом — данное собрание включает несколько менее значительных имен. Одно из них принадлежит сицилийскому комедиографу *Эпихарму*, жившему во второй половине VI в. до н. э. До нас дошли некоторые фрагменты из комедий Эпихарма, в которых обсуждаются философские проблемы и которые содержат аллюзии на воззрения его современников: Гераклита, пифагорейцев и Ксенофана (или, как считают некоторые, Парменида). Это обстоятельство, между прочим, указывает на высокий интеллектуальный уровень греков того времени:

²⁸ Лебедев А. В. ΨΗΓΜΑ ΣΥΜΦΥΣΩΜΕΝΟΝ. Новый фрагмент Гераклита//ВДИ. 1979., № 2; 1980. № 1.

(в более позднее время та же черта характеризовала зрителей таких комедий Аристофана, как «Облака» и «Лягушки»). О взглядах самого Эпихарма известно очень мало. Некоторые доксографы усматривают в высказываниях Эпихарма первую формулировку концепции четырех элементов, впоследствии развитую Эмпедоклом, а также намеки на различение материальных и умопостигаемых сущностей. Все это, впрочем, очень спорно.

Алкмеон из Кротона интересен прежде всего с точки зрения истории греческой науки. Точные даты его жизни неизвестны. Аристотель относит его юность к тому времени, когда Пифагор был уже стариком (Метаф., I 5.986a 22), но последнее указание само по себе достаточно неопределенно. Среди некоторых современных исследователей существует тенденция приближать жизнь Алкмеона к IV в. до н. э. Более вероятно, однако, что расцвет его деятельности приходился на первую половину V в.

Алкмеон был врачом, принадлежавшим к кротонской медицинской школе, но в отличие от других своих коллег он был не только врачом-практиком, но и настоящим ученым. Он написал одно сочинение, которому позднейшие источники приписали традиционное заглавие «О природе» и от которого до нас дошло несколько небольших отрывков. Основная идея его медико-биологической концепции состояла в том, что состояние человеческого организма определяется парами противоположных сил или качеств, таких, как сладкое и горькое, сухое и влажное, горячее и холодное и др. Аристотель указывает, что противоположные качества Алкмеона отличались от канонических десяти пифагорейских пар и число их не было фиксировано.

Основным условием здоровья человека Алкмеон считал «равноправие» (*ισονομία*) противоположных качеств, в то время как господство (*μοναρχία*) одного члена какой-либо пары над другим приводит к болезни. Нарушение равновесия между противоположными силами может быть вызвано характером пищи, особенностями воды и свойствами местности, а также другими причинами. Задача лечащего врача состоит в восстановлении нарушенного равновесия. Эта концепция Алкмеона оказала громадное влияние на теоретические воззрения врачей гиппократовской школы, а через них на всю позднеантичную и средневековую медицину.

Помимо этой теоретической концепции, Алкмеону приписывалось несколько важных открытий в области анатомии и физиологии человека. По-видимому, он был первым греческим ученым, проведшим резкую грань между мышлением и ощущением, причем именно в различии этих двух психических сфер он усматривал отличие человека от животных. Центром всей психической деятельности он признал головной мозг, причем в этом вопросе он опередил многих выдающихся ученых античности, включая Аристотеля. Алкмеон полагал, что восприятия передаются от органов чувств к мозгу посредством неких каналов (*πύροι*), под которыми следует, вероятно, понимать чувствительные нервы. Открытие этих нервов было одним из первых значительных достижений греческой науки в области анатомии. Оно вряд ли могло быть сделано без использования анатомических вскрытий. Мы знаем, что развитие античной науки существенно тормозилось категорическим запретом вскрывать трупы. Видимо, Алкмеону удалось каким-то образом обойти этот запрет. Не случайно один из позднейших латинских комментаторов Платона прямо указывает, что Алкмеон был первым ученым, дерзнувшим предпринять «рассечение» (*exsectio*) в своих опытах (A 10).

Укажем еще на любопытную теорию сна и бодрствования, развитую Алкмеоном. По его мнению, сон наступает, когда кровь удаляется из мелких периферийных сосудов и скапливается в глубине тела. При пробуждении имеет место обратный процесс.

Эта точка зрения была, по-видимому, очень распространена, в частности, ее сторонником был позднее Аристотель (История животных, III, 521 а 15).

Кроме биологических наук, древние доксографы сообщают о занятиях Алкмеона астрономией. Здесь ему приписывается установление того факта, что планеты движутся с запада на восток — в направлении, противоположном движению неподвижных звезд. В остальном его астрономические воззрения не отличались от взглядов современных ему пифагорейцев. Как и те, Алкмеон считал небесные светила живыми существами, обладающими бессмертными душами. Человеческим душам он также приписывал бессмертие, хотя в дошедших до нас свидетельствах нигде не говорится, что он придерживался доктрины метемпсихоза.

Неясен вопрос об отношении Алкмеона к пифагорейскому союзу. Во всех списках пифагорейцев, составившихся в эпоху поздней античности, неизменно фигурировало и имя Алкмеона. Однако Аристотель, интересовавшийся прежде всего биологическими воззрениями Алкмеона, нигде не причисляет его к «так называемым пифагорейцам». Последнее обстоятельство, впрочем, еще ни о чем не говорит. Алкмеон мог быть одним из учеников Пифагора и вместе с тем проявлять самостоятельность в своей научной деятельности, тем более что эта деятельность не входила в состав эзотерических штудий пифагорейцев, имевших отношение прежде всего к математике и близким к ней дисциплинам.

Два великих антипода — Гераклит и *Парменид* — оказались в некотором смысле антиподами и по месту жительства. Если первый из них был уроженцем и гражданином Эфеса, находившемся на восточной периферии греческого мира, то Парменид родился и, по-видимому, прожил основную часть своей жизни в Элее, греческой колонии на западном побережье Южной Италии, основанной, по всей вероятности, незадолго до рождения Парменида. Парменид был, очевидно, уважаемым и влиятельным гражданином Элеи, о чем свидетельствует то обстоятельство, что ему было поручено составить законодательство для своего родного полиса.

По поводу времени жизни Парменида существуют значительные разногласия. Александрийский хронограф Аполлодор относит ἀκμή Парменида к 69-й Олимпиаде, т. е. к 504—501 гг. до н. э. Платон же рассказывает в диалоге «Парменид» о беседе 65-летнего Парменида с юным Сократом. О встрече Сократа с Парменидом он упоминает еще в двух своих диалогах: в «Теэтете» и «Кратиле», поэтому сам факт этой встречи (а состоялась она в связи с приездом Парменида и Зенона на Панафинейские торжества) вряд ли может вызывать сомнения. Дату рождения Сократа мы примерно знаем (470—469 гг. до н. э.). Если допустить, что в момент встречи Парменида и Сократа последнему было около 20 лет, то получится, что Парменид родился приблизительно в 515 г., т. е. он был значительно моложе Ксенофана и Гераклита, но, бесспорно, старше Анаксагора и Эмпедокла.

По свидетельствам доксографов, Парменид сначала слушал Ксенофана, но потом стал учеником пифагорейца Амения, о котором нам, кроме этого факта, ровно ничего неизвестно. Однако следы влияния пифагореизма в учении Парменида представляются бесспорными.

Парменид изложил свои взгляды в одном-единственном сочинении, написанном гекзаметрами. Благодаря Симпликию до нас дошло целиком введение в поэму Парменида, включавшее 32 строки и значительные куски из первой части поэмы, посвященной анализу понятия бытия.

Мы не будем вдаваться в рассмотрение сложной мифологической метафоры введения, тем более что этот вопрос многократно обсуждался в литературе²⁹. Ограничимся лишь ссылкой на заключительные слова богини справедливости ($\Delta\iota\kappa\eta$), которая призывает «юношу» (Парменида) «. . . узнать все: Как бестрепетное сердце совершенно-круглой Истины, Так и мнения смертных, в которых нет истинной достоверности» (фр. 1, 28—30). В дальнейшем поэма строится именно по такому плану: в первой части излагается учение об истинном, умопостигаемом бытии, которое чуждо мнениям смертных; во второй части Парменид рисует наиболее правдоподобную картину обманчивого мира явлений.

В начале первой части поэмы мы встречаемся с дилеммой, имеющей глубочайшее значение, ибо на ней строится вся онтология Парменида: ЕСТЬ ($\epsilon\sigma\tau\iota\nu$) — НЕ ЕСТЬ ($\mu\eta\epsilon\sigma\tau\iota\nu$). ЕСТЬ — это то, что не может не быть, т. е. это бытие, сущее. НЕ ЕСТЬ — это то, что необходимо не может быть, т. е. небытие, не-сущее. Мыслить можно только бытие, т. е. то, что ЕСТЬ, ибо то, чего нет, никоим образом не может быть мыслимо (фр. 3). Эту мысль Парменид повторяет в несколько видоизмененной форме в 8-м фрагменте (34—36): «Одно и то же — мышление и то, о чем мысль, Ибо без сущего, в котором она высказана, Тебе не заставить мышления».

Категорически отвергнув второй путь исследования, допускающий возможность и мыслимость небытия, Парменид мимоходом обрушивается на «двухголовых» людей, «у кого „быть“ и „не быть“ считаются одним и тем же и не одним и тем же и для всего имеется обратный путь» (фр. 6). Этот полемический выпад, несомненно, направлен против Гераклита и его последователей. Он показывает, что в эпоху создания поэмы Парменида учение Гераклита было уже хорошо известно.

Из всех дошедших до нас фрагментов Парменида наиболее значителен по объему 8-й фрагмент, содержащий 61 строку. В нем, по сути дела, изложена вся онтология Парменида.

В начале фрагмента Парменид повторяет то, о чем он уже заявил выше, а именно что мыслим только один путь разыскания истины — путь ЕСТЬ. Но даже это, казалось бы, малосодержательное утверждение («есть») дает возможность установить целый ряд отличительных признаков ($\tau\eta\mu\alpha\tau\alpha$), присущих тому, что ЕСТЬ, т. е. истинно сущему или бытию. Перечислив эти признаки (фр. 8, 3—4), Парменид переходит к обоснованию каждого из них.

Вот эти признаки или свойства бытия:

- 1) бытие не возникло;
- 2) бытие не подвержено гибели;
- 3) бытие целокупно (т. е. не состоит из многих частей);
- 4) бытие однородно ($\mu\omicron\nu\omicron\gamma\epsilon\nu\epsilon\varsigma$), что надо понимать в смысле его единственности;
- 5) бытие неподвижно (буквально «бездрожно» — $\alpha\tau\omicron\mu\epsilon\tau\omicron\varsigma$);
- 6) бытие закончено или совершенно.

Далее Парменид переходит к доказательству этих свойств бытия. То, что бытие не возникло и не может погибнуть, непосредственно следует из невозможности небытия. Следовательно, бытие было либо всегда, либо никогда. Но последнее немислимо по той же причине. Бытие не было ранее и не будет когда-либо позже, так как оно ЕСТЬ сейчас, все вместе, единое и непрерывное ($\epsilon\pi\epsilon\iota\ \nu\upsilon\nu\ \epsilon\sigma\tau\iota\nu\ \delta\mu\omicron\upsilon\ \pi\acute{\alpha}\nu, \epsilon\gamma, \sigma\upsilon\nu\chi\epsilon\varsigma$). Исследователи

²⁹ См. в особенности: *Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides: A Study of Word Image and Argument of the Fragments.* New Haven; L., 1970.

много спорили по поводу последней фразы³⁰: означает ли она, что Парменид дошел до представления о вневременном бытии? Или его « ψ » означает бесконечно длящийся момент настоящего? Мы оставляем этот вопрос открытым.

В дальнейшем Парменид не ограничивается логическими доводами, а прибегает к мифологическим образам. В строках 30—31 говорится, что неодолима Анапкэ держит бытие в оковах предела, который его объемлет, а далее (37—38) утверждается, что Мойра приковала его, заставив быть целым и неподвижным. Все это, разумеется, только метафоры. А при обосновании последнего признака бытия — его законченности или совершенства — появляется новая метафора, уже не пмеюющая мифологического контекста. Поскольку у бытия есть крайняя граница (ведь Анапкэ держит его в пределах этой границы), оно завершено со всех сторон, будучи похоже на совершенно круглый шар. Отсюда некоторые исследователи заключили, что Парменид представлял себе Вселенную в виде круглого, абсолютно плотного и абсолютно однородного физического шара. В подобном прямом отождествлении бытия с круглым физическим телом сам Парменид нашел бы целый ряд противоречий и несообразностей. Сравнение бытия с шаром — это не более чем метафора.

Вторая часть поэмы Парменида, посвященная «мнениям» смертных, дошла до нас в виде нескольких небольших фрагментов. Парменид полагал, что вещи, среди которых мы живем, иллюзорны, но люди высказывают по поводу этих иллюзий свои суждения, из которых ни одно не может претендовать на истинность, ибо все это только «мнения» ($\delta\acute{o}\xi\alpha$). И вот одно из таких мнений, которое представлялось Пармениду наиболее правдоподобным, излагается им в поэме.

Смертные, шпшет Парменид, различают две формы ($\mu\omicron\rho\phi\alpha$). С одной стороны, это Свет, или небесный огонь, светлый, разреженный, всюду тождественный самому себе. С другой стороны, это непроницаемо темная Ночь, плотная и тяжелая. Эти две формы образуют наиболее правдоподобное миростроение ($\beta\acute{\iota}\alpha\kappa\omicron\sigma\mu\omicron\varsigma$), ибо все вещи причастны Свету или Ночи либо представляют собой смесь того и другого. Аристотель, который был склонен сводить все материальные первоначала к элементам, писал по этому поводу, что у Парменида есть два начала: горячее, или огонь, и холодное, или земля. При этом, стремясь перебросить мостик от мира истины к миру мнений, он соотносит горячее Парменида с сущим (тем, что есть), а холодное — с не-сущим (Метаф., I, 5).

Дальнейшие детали космологии Парменида очень неясны. В наиболее существенном доксиграфическом свидетельстве на эту тему (А 37) говорится, что космос окружен со всех сторон сферической оболочкой, под которой находятся какие-то «венцы», заключенные друг в друге, причем один из них состоит из чистого Света, другие же — из смеси Света и Ночи.

Далее в этой части поэмы Парменид рассматривает небесные и атмосферные явления, высказывает соображения о природе чувственных восприятий, происхождении живых существ, различии полов и т. д. Но сколько-нибудь точная реконструкция его взглядов по всем этим вопросам представляется невозможной.

Зенон из Элеи, ближайший ученик Парменида, был, по свидетельству Платона, на 25 лет моложе своего учителя. По-видимому, он написал всего одну книгу, которая не содержала собственной концепции об устройстве мира, но представляла собой ряд задач или «апорий», цель которых состояла в защите учения Парменида. Зенон разбил тезисы противников Парменида (например, что сущее множественно, что движе-

³⁰ Ibid. P. 103—111.

ние реально существует и т. д.) и показывал, что все эти тезисы приводят к логическим противоречиям. Сообщается, что книга Зенона содержала сорок таких апорий. Наиболее известны четыре апории против существования движения, разбираемые Аристотелем в шестой главе его «Физики» («Дихотомия», «Ахиллес», «Стрела» и «Стадион»).

Мы не будем излагать содержание каждой из этих апорий, так как это вопрос общеизвестный. Любопытно другое: почему эти апории вызывали и продолжают вызывать интерес среди ученых, и прежде всего математиков? Аристотель (и вслед за ним другие ученые древности) полагал, что в каждой апории Зенон допускал некий логический ляпсус, вследствие которого его рассуждения становились некорректными. В действительности дело обстоит далеко не так просто. Апории «Дихотомия», «Ахиллес» и «Стрела» логически безупречны и не могли быть решены средствами античной математики. Результаты, полученные Зеноном, являются парадоксами, лежащими в самом существе такого понятия, как континуум. Эти парадоксы были вскрыты в ходе разработки теории множеств; совсем недавно ими занимался такой великий математик, как Г. Вейль. В апории «Стадион», имеющей несколько другой характер, некоторые усматривают первое предвосхищение принципа относительности движения.

В этой связи представляется неважным, была ли полемика Зенона направлена против числового атомизма пифагорейцев (как полагали некоторые исследователи), или же ее смысл состоял исключительно в том, чтобы поддержать учение Парменида (как писал Платон в «Пармениде»). Проблематика Зенона далеко выходит за пределы конкретной исторической ситуации, обусловившей их появление.

Наряду с этим сочинение Зенона служит яркой демонстрацией нового этапа, достигнутого греческим научным мышлением. В нем нет ни заключений по аналогии, столь типичных для мыслителей милетской школы, ни красочной метафоричности Гераклита. Рассуждения Зенона, изложенные точной и ясной прозой, являются первым в истории примером чисто логических доказательств. Именно этим определяется исключительно важное место Зенона в истории науки.

Мелисс, уроженец острова Самос, был третьим из известных нам представителем школы элеатов. Время его жизни определяется тем фактом, что в 441 г. до н. э. в ходе войны острова Самос с Афинами Мелисс был избран командующим самосским флотом и нанес тяжелое поражение флоту афинян. Неизвестно, встречался ли он когда-либо с Парменидом; то обстоятельство, что он принял учение Парменида о бытии, объяснялось известностью, которое это учение приобрело в самых различных концах эллинского мира.

Мелисс написал сочинение, имевшее, согласно позднейшим источникам, заглавие «О природе, или О сущем», в нем понтийской прозой были повторены и развиты аргументы Парменида о едином, неделимом, неизменном и неподвижном бытии. Мелисс разошелся с Парменидом лишь в том, что он признал бытие не имеющим границ (если бы бытие было ограничено, рассуждал он, то оно граничило бы с небытием. Но небытия нет, следовательно, бытие не может быть ограниченным). В то же время бытие не может быть телесным. «Если оно есть, — пишет он, — то должно быть одно, а коль скоро оно одно, то должно не иметь тела. Если бы оно имело толщину, то имело бы и части и больше не было бы одним» (фр. 9). Фактически у Мелисса бытие отождествляется с бесконечным пространством, в котором ничего не происходит и которое (как он сам это специально подчеркивает) ничего не испытывает.

Философская поэма Парменида явилась важным рубежом в истории ранней греческой философии. Аргументы Парменида о свойствах бытия казались последующему

поколению философов в большей своей части неопровержимыми. Стремление согласовать эти свойства с данными нашего опыта нанесло серьезный удар по ранней ионийской традиции, состоявшей в поисках некоей космической сущности (причем чаще всего такой сущностью оказывалась одна из четырех стихий), которая была бы источником и порождающим началом всего существующего. При этом предполагалось, что бесконечное разнообразие вещей обусловлено видоизменениями этого начала и реализацией заключенных в нем скрытых возможностей. Учение о вечно живом огне Гераклита было крайним выражением такого миропонимания, основная идея которого была подорвана аргументами Парменида. Подвижное, изменчивое начало (или начала) уже в силу своей изменчивости не могло обладать признаками истинного бытия — такой вывод с неизбежностью вытекал из рассуждений Парменида.

Выход из создавшегося положения был найден в отказе от поисков единого порождающего начала и в допущении многих структурных элементов существующих вещей, из которых каждый обладал бы некоторыми атрибутами парменидовского бытия. Некоторыми, но не всеми. При этом пришлось пожертвовать атрибутами единственности и неподвижности; плюрализм материальных первооснов был характерной чертой философских систем, возникших в послепарменидовскую эпоху. Все другие признаки парменидовского бытия были сохранены: элементы материального мира у Эмпедокла, Левкиппа и Анаксагора были вечными, качественно неизменными сущностями, они не подвергались ни возникновению, ни гибели, они не могли переходить друг в друга и в силу этого пребывали в целом в одном и том же количестве. Однако эти первоосновы могли вступать друг с другом в различные пространственные отношения; бесконечное разнообразие этих отношений обуславливало многообразие вещей окружающего нас мира.

Характерная черта плюралистических учений V в. до н. э. состояла в том, что материальные первоосновы или элементы в этих учениях оказались лишенными внутренней активности, способности к самодвижению (каковой обладали начала ранних досократиков — милетцев и Гераклита). Для того чтобы они могли перемещаться, соединяясь друг с другом и разделяясь, требовалось ввести какой-то источник движения или агент, который лежал бы вне этих первоначал, но обладал бы способностью воздействовать на них. Ниже мы увидим, как решали эту проблему Эмпедокл и Анаксагор. Что же касается атомистов, решение которых в наибольшей степени соответствовало духу науки нового времени, то мы их оставим без рассмотрения, поскольку они вообще оказались за пределами этого тома.

Эмпедокл из Акраганта (Сицилия) жил предположительно в 490—430 гг. до н. э. Во всей истории греческой философии трудно найти более яркую и колоритную фигуру, сочетавшую в себе аспекты философа, поэта, ученого-естествоиспытателя, врача, политического деятеля и религиозного проповедника. Его учение носит на себе следы влияния, с одной стороны, пифагорейзма, а с другой — Парменида, в подражание которому он изложил свои взгляды в стихотворной форме (в поэмах «О природе» и «Очищения»). От обеих поэм сохранилось большое число фрагментов. Нумерация фрагментов в настоящем собрании следует нумерации, предложенной Ж. Боллаком в его капитальном труде, посвященном Эмпедоклу³¹ (номера по Дильсу и Кранцу даются тут же в скобках).

³¹ *Bollack J. Empedocle. Vol. I. Introduction à l'ancienne physique. P., 1965; Vol. II. Les Origines. Ed. et trad. des fragments et des témoignages. P., 1969; Vol. III. Les Origines. Commentaires, 1, 2. P., 1969.*

В основе учения Эмпедокла лежит концепция четырех элементов, которые он называет «корнями всех вещей» (*πάντων ῥιζώματα*). Это огонь, воздух (именуемый у Эмпедокла эфиром), вода и земля. Эти «корни» у Эмпедокла вечны, неизменны и не могут ни возникнуть из чего-либо другого, ни переходить друг в друга. Т. е. они обладают если не всеми, то некоторыми признаками бытия Парменида. Все прочие вещи получаются в результате соединения этих элементов в определенных количественных пропорциях; в некоторых случаях Эмпедокл указывает эти пропорции, найденные им, по-видимому, на основе умозрительных спекуляций с учетом, однако, чувственно воспринимаемых свойств соответствующих вещей. При этом соединения элементов представляют собой механическую смесь отдельных неизменных частичек, которые укладываются друг подле друга подобно тому, как стена складывается из кирпичей (сравнение Аристотеля). Представление о вещах как о такого рода механических смесях дискретных, не переходящих друг в друга частиц четырех элементов делает учение Эмпедокла примитивным прообразом атомистики, и Аристотель был, безусловно, прав, указывая, что Эмпедокл был «почти вынужден принять точку зрения Левкиппа, согласно которой существуют неделимые твердые частицы» (О возн. и уничт., I, 8.325 b 5—7).

Кроме четырех элементов, Эмпедокл постулировал существование двух сил Любви (*Φιλία*) и Вражды (*Νείκος*), которые он представлял себе нематериальными, но пространственно протяженными. Из этих сил первая соединяет (перемещивает) разнородные элементы, вторая же разделяет их. Попеременным преобладанием этих сил обусловлен циклический ход мирового процесса. В период господства Любви все четыре элемента смешаны самым совершенным образом, образуя огромный однородный шар — пребывающий в покое Сфэрос (*Σφαιρος*). При этом Вражда оказывается вытесненной за пределы Сфэроса и занимает периферийные области мира. В дальнейшем Вражда проникает в Сфэрос, разделяя элементы и оттесняя Любовь к центру мира. В силу того что огонь скапливается по преимуществу в одной половине мира, а воздух (эфир) — в другой, происходит нарушение равновесия, приводящее к вращению мира — сначала медленному, но постепенно ускоряющемуся; этим вращением объясняется, в частности, смена дня и ночи. В период господства Вражды и полного разъединения элементов, располагающихся концентрическими слоями друг над другом, вращение приобретает максимальную скорость, оно начинает замедляться по мере того, как закатая в центре мира Любовь начинает брать верх и снова смешивает разъединенные элементы.

Детали причудливой космогонии Эмпедокла остаются во многом неясными, и изложенную нами схему следует рассматривать лишь как наиболее вероятную ее реконструкцию, которая, впрочем, еще недавно считалась общепринятой³². За последние десятилетия появились новые интерпретации космогонических фрагментов Эмпедокла, однако их обсуждение выходит за рамки данной статьи³³. Отметим лишь, что к числу подобных «неортодоксальных» интерпретаций относится и та, которая детально обоснована Ж. Боллаком в упомянутой выше его работе об Эмпедокле.

Идея бесконечного пространства у Эмпедокла еще отсутствует. Источники сообщают, что Эмпедокл приписывал миру (космосу) не строго шарообразную, но яйцевидную форму. Оболочка космоса состоит из затвердевшего эфира. Звезды имеют ог-

³² O'Brien D. Empedocles' Cosmic Cycle. Cambridge, 1969.

³³ Обзор этих новых интерпретаций дан в ст.: Long A. A. Empedocles Cosmic Cycle in the Sixties // The Presocratics. N. Y., 1974.

ненную природу — неподвижные звезды прикреплены к небесному своду, планеты же свободно парят в пространстве. Солнце, подобно огромному зеркалу, отражает свет, испускаемый огненной полусферой космоса. Луна находится на одной трети расстояния от Земли до небесного свода, она образовалась от сгущения облачной земной атмосферы и имеет плоскую форму, получая свой свет от Солнца. Солнечные затмения происходят, когда Луна загораживает от нас, полностью или частично, солнечный диск. Неясно, какой представлял себе Эмпедокл форму Земли. Воды морей, по его мнению, первоначально находились в глубинах Земли, в результате космического круговращения они были выжаты из нее, как из губки. В одном месте Эмпедокл называет море «потом Земли».

Крайне любопытна развитая Эмпедоклом теория происхождения растений и животных, в которой многие усматривают предвосхищение дарвиновской идеи естественного отбора, а именно: живые существа могут возникать лишь в промежуточные стадии перехода от господства Любви к господству Вражды или наоборот. В первом случае сначала образуются синтетические «цельноприродные» формы, которые затем распадаются на противоположные по полу существа. Во втором случае имеет место обратный процесс: во влажном, теплом иле возникают отдельные члены и органы, которые беспорядочно носятся в пространстве и, случайным образом соединившись друг с другом, образуют самые разнообразные, большей частью уродливые существа, лишь немногие из них оказываются жизнеспособными и выживают.

В основу своего учения о строении живых организмов Эмпедокл кладет учение о четырех элементах, объясняя различные свойства органических тканей пропорциями, в которых элементы входят в состав этих тканей. Механизм дыхания объяснялся Эмпедоклом приливом и отливом крови по отношению к поверхности тела, этот механизм иллюстрировался им опытами с клепсидрой (водяными часами). Ряд интересных соображений высказывает Эмпедокл по поводу наследственности, различия полов и развития зародышей.

Детально разработанная теория ощущений основывалась Эмпедоклом на принципе «подобное познается подобным». Так, он считал, что внутренность глаза состоит из четырех элементов, причем каждый из них заполняет особые, для него предназначенные поры; при встрече данного элемента с соответствующими ему истечениями от внешнего объекта возникает зрительное ощущение. Объясняя слуховые ощущения, Эмпедокл опирался на полученные им данные о строении уха (в частности, ему приписывалось открытие ушного лабиринта). Приятные ощущения Эмпедокл объяснял действием подобного на подобное, неприятные — встречей противоположных агентов.

В видимом противоречии с естественнонаучными воззрениями Эмпедокла находится его поэма «Очищения» (*Katharmoi*), в которой он развивал религиозно-этическое учение, носящее на себе явные следы пифагорейской доктрины; это учение основано на идеях бессмертия души, метемпсихоза и нравственного очищения. Ученые пытались по-разному объяснить это противоречие, в частности путем отнесения обеих поэм к различным периодам творческой эволюции Эмпедокла. Возможно, однако, что сам он не видел между ними никакого противоречия, полагая, что они рассматривают принципиально различные области, никак не перекрывающиеся друг с другом. Во всяком случае, языковой и стилистический анализ обеих поэм показывает, что обе они, бесспорно, принадлежат одному и тому же автору³⁴.

³⁴ См.: *Kahn Ch. H. Religion and Natural Philosophy in Empedocles' Doctrine of the Soul // Ibid.*

Анаксагор из Клазомен родился около 500 г. и умер в 428 г. до н. э. В молодости он отказался от наследства в пользу родственников и целиком посвятил себя служению науке. Позднее он появился в Афинах и прожил там около 30 лет; это был период расцвета афинской демократии, когда Афины сделались политическим и культурным центром тогдашней Эллады. В конце жизни Анаксагор подвергся судебному преследованию и вынужден был бежать из Афин. Умер он в Лампсаке (на берегу Геллеспонта).

Философские взгляды Анаксагора сформировались под воздействием мыслителей милетской школы и Парменида. Он написал всего лишь одно сочинение, от которого сохранилось около двадцати фрагментов, далеко не во всем ясных, но все же дающих возможность реконструировать основные положения его теории.

Сочинение Анаксагора начинается с описания первичного состояния мира — того состояния материи, в котором она находилась до начала процесса космообразования. Известна первая фраза этого сочинения: «Вместе все вещи были, бесконечные и по количеству и по малости. .» (фр. 1). Итак, начальное состояние представляло собой смесь (причем, как следует из дальнейшего, это была смесь неподвижная, лишённая каких-либо изменений) бесконечно большого числа частиц бесчисленного множества всевозможных качественно определенных веществ (гомеомерий или «подобочастных» по Аристотелю). Эти частицы были бесконечно малыми или, как пишет Анаксагор, «бесконечными по малости». Это выражение «бесконечные по малости» следует понимать не в приблизительном или переносном смысле, а в буквальном смысле актуальных бесконечно малых величин (не случайно в следующей вслед за первой фразе Анаксагор подчеркивает: «Ибо и малое было бесконечным»). Следовательно, частицы, из которых состояла первичная смесь, не следует трактовать как очень малые крупинки золота, крови и других веществ; нет: сколь бы мал ни был взятый нами объем, этот объем может быть подвергнут безграничному делению на все более малые объемчики, причем каждый из этих объемчиков по-прежнему будет состоять из бесконечно большого числа бесконечно малых частиц. «И у малого ведь нет наименьшего, но всегда еще меньшее. . . Но и у большого всегда есть большее» (фр. 3). Отсюда Анаксагор делает вывод, который является фундаментальным принципом его теории материи: «. . . во всем заключается все» (или «во всем есть часть всего»).

Но при всем этом первичная смесь Анаксагора не является вполне однородной. В ней имеются малые (но все же не бесконечно малые) участки, где частицы какого-то определенного вида преобладают в количественном отношении над частицами всех других видов. Эти участки различны по своей форме и обладают свойствами (цветами, запахами и т. д.), которые присущи преобладающему в них веществу. Это получается потому, что, как пишет Анаксагор, «чего всего более в каждой [вещи], тем одним она кажется и казалась» (фр. 12) Анаксагор называет эти участки «семенами» соответствующих веществ. Это название, как мы увидим в дальнейшем, представляется вполне оправданным.

Но сказанная структура первичной смеси еще не исчерпывается. Как пишет Анаксагор все в том же первом фрагменте, в первичной смеси «все наполнял эфир и воздух — самые большие как по количеству, так и по величине». Эта фраза была бы совершенно непонятной, если бы под эфиром и воздухом мы понимали два сорта подобочастных веществ. Но здесь нам на помощь приходит Аристотель. В двух важных местах, где сравниваются понятия элемента у Эмпедокла и Анаксагора (О небе, III, 3.302 а 25—302 б 5; О возн. и уничт., I, 4.314 а 20—25), Аристотель разъясняет, что

так называемые стихии, в частности воздух и эфир (который у Анаксагора тождествен огню), не являются элементами, как у Эмпедокла, а представляют собой смесь всевозможных семян (панспермии). Но чем же тогда отличаются стихии друг от друга? Ответ мы находим во фр. 4, где Анаксагор снова дает характеристику первичной смеси, в которой, помимо «беспредельных по множеству семян, ни в чем не похожих друг на друга», называются три пары противоположных качеств: влажное и сухое, теплое и холодное, светлое и темное. Отсюда напрашивается заключение, что эфир и воздух суть огромные скопления семян, отличающиеся друг от друга лишь тем, что в первом случае (в эфире) семена обладают качествами сухости, теплоты, светлости, а в воздухе — противоположными им качествами влажности, холода и темноты.

И. Д. Рожанский

Условные обозначения, принятые в тексте

- () — круглые скобки употребляются как обычный знак препинания, т. е. обозначают парентезу самого древнего автора.
- [] — в квадратные скобки взяты слова, отсутствующие в тексте оригинала и добавленные переводчиком для ясности, а также краткие резюме контекста, переводы олимпиад в г. до н. э. и т. д.
- < > — в угловые скобки заключены вставки современных издателей (или переводчика в качестве издателя) в греческий текст, т. е. восполнения лакун.
- { } — в фигурные скобки взяты слова, вычеркиваемые издателем из греческого текста как глоссы или интерполяции.
- * * * — лакуна в греческом (латинском) тексте.
- † † — текст испорчен и не получил удовлетворительного объяснения.
- * — звездочкой отмечены тексты, отсутствующие в DK (во фрагментах Гераклита и Эмпедокла звездочкой отмечены только тексты, отсутствующие у Марковича и Боллака).
- [~] — важная коннотация.
- {=} — фактическое (референциальное) значение
- [?] — неясность в тексте, предположительность перевода или заполнения лакуны.

ПРЕДФИЛОСОФСКАЯ ТРАДИЦИЯ

I. РАННЯЯ КОСМОГОНИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

1^а. ГОМЕР

1. Илиада, XIV, 198—207: [Гера говорит Афродите]

- Дай же мне любовь и вожделение, которым
Ты укрощаешь всех бессмертных [богов] и смертных людей,
200 Ибо я отправляюсь к крайним пределам (πείρατα) кормообильной Земли,
навестить
Океана, прародителя (γένεσις) богов, и мать Тефию.
Это они добросердечно воспитывали и холили меня в своем доме,
Приняв из рук Реи, когда громозвучный Зевс
Низверг Крона под Землю и под неистощимое Море.
205 Их я отправляюсь навестить и прекратить их нескончаемые ссоры (νεῖκηα).
Вот уже долгое время, как они сторонятся друг друга
И воздерживаются от [супружеского] ложа и от любви (φιλότιτος), ибо злоба
нашла им на сердце.

2. Илиада, XIV, 244 сл.: [Сон, брат Смерти, говорит Гере]

- Кого-нибудь другого из вечносущих богов
245 Я бы легко усыпил, будь это даже потоки реки
Океана, который всем — прародитель (γένεσις).
Но к Зевсу, Кронову сыну, я не смею ни приблизиться,
Ни усыпить его, — разве только когда он сам велит.
[. . .]
258 И [Зевс] сбросил бы меня с эфирной выси в море, и я бы пропал^х без вести,
Если бы не спасла меня Ночь, укротительница богов и людей
У нее я нашел прибежище, а [Зевс] отстал, хотя и гневался:
Он боялся, как бы не причинить неудовольствие быстрей Ночи.

3. Илиада, XXI, 193—199:

- Нет! Нельзя бороться с Зевсом, Кроновым сыном.
С ним не равняется ни Ахелой,
195 Ни даже великая мощь глубоководного Океана,
Из которого текут все реки и все море,
И все источники, и глубокие колодцы.
Даже он боится перуна великого Зевса
И страшного грома, когда тот громыхнет с неба.

4. Илиада, XVIII, 483—489, 607—608: [Гефест творит щит Ахилла]

Он сотворил на нем землю, небо и море,
 Неутомимое солнце и полную луну,

485 Сотворил все звезды, которыми увенчано небо,
 Плеяды, Гиады и мощь Ориона,

И Медведицу, которую нарекают также Возом
 И которая поворачивается на месте, глядя на Ориона,
 Она единственная не купается в водах Океана.

607 Он расположил на нем и великую мощь реки Океана,
 По крайнему ободу крепкозданного щита.

5. Одиссея, I, 52—54: [Калипсо]

Дочь злокозненного Атласа, которому ведомы
 Глубины всего моря; а еще он сторожит
 Длинные колонны, которые держат врозь землю и небо.

6. Илиада, XVII, 425: . . . медное небо. . .; Ил., V, 504; Одиссея, III, 2:
 . . . многомедное небо; Одиссея, XV, 329 и XVII, 563: . . . железное небо.

7. Илиада, XIV, 288: [Высокая ель] через воздух [аэр] достигала эфира.

8. Илиада, VIII, 13: [Зевс грозит богам-ослушникам]

А не то возьму да брошу его в Тартар туманный,
 Далеко-предалеко, где под землей глубочайшая пропасть,
 Где железные ворота и медный порог,
 Настолько далеко под Аидом, насколько небо — от земли.

1^b. ГЕСИОД

1. Теогония, 22 сл.:

[Музы], которые некогда научили Гесиода прекрасной песне,
 Когда он пас овец у подножия священного Геликона.

Вот какое слово рекли ко мне перво-наперво богини,

25 Олимпийские Музы, дочери Зевса Эгиоха:

«Пастухи деревенские, срамники дрянные, одно брюхо!

Мы умеем говорить много лжи, похожей на правду,

А когда захотим, умеем глаголить истину».

Так сказали складноречивые дочери великого Зевса,

30 И дали мне жезл, сорвав ветвь зеленеющего лавра,

Загляденье, и вдохнули в меня вещей глагол,

Чтобы славил я что будет и что было,

И велели мне воспевать род блаженных, вечно сущих богов,
 А самих их петь всегда в начале и в конце.

[. . .]

104 Радуйтесь, чада Зевса, и даруйте вождевленную песнь,

105 Славьте бессмертных священный род вечносущих,

Тех, что родились от Земли и звездного Неба,

- И от темной Ночи, и тех, кого вскормило соленое Море.
Скажите, как родились вначале боги и земля,
И реки, и беспредельное море, бушующее волнами,
110 И сверкающие звезды, и широкое Небо — горé,
112 И как распределили богатство, и как разделили почести,
И как впервые заняли складчатый Олимп.
Об этом скажите мне, Музы, чьи жилища на Олимпе,
115 С самого начала и скажите, что из них возникло первым.
— Перво-наперво возник Хаос (Бездна), а затем
Широкогрудая Гея (Земля), прочное седалище навек
Всех бессмертных, живущих на вершине снежного Олимпа,
И Тартар туманный в недрах широкодорожной Земли,
120 И Эрос (Любовь) — прекраснейший среди бессмертных богов,
Расслабляющий члены всех богов и всех людей
Покоряет он разум и соображение в груди.
Из Хаоса родились Эреб (Мрак) и черная Ночь,
А от Ночи произошли Эфир и Денница,
125 Которых она родила, зачав от Эреба в любовном совокуплении.
Земля сначала родила равное себе
Звездное Небо (Урана), чтобы оно покрыло ее повсюду,
И да будет блаженным богам прочным седалищем навек,
Родила и высокие Горы — прелестные обители
130 Богинь-Нимф, которые живут в ущелистых горах,
Еще родила бурно волнующуюся неистощимую пучину
— Море, [все это] — без вожденной любви. А потом,
Разделив ложе с Небом, родила глубоководного Океана,
Кея с Крием и Гипериона с Япетом,
135 Тейю с Реей и Фемиду с Мнемосиной,
Златовенчанную Фебу и обворожительную Тефию. . .
[. . .]
- [Титанов связали и низвергли]
- 720 Столь глубоко под землю, насколько небо [отстоит] от земли:
Ибо столько же и от земли до туманного Тартара.
И впрямь, падая с неба девять дней и [девять] ночей,
Медная наковальня на десятый достигла бы земли.
723а Равное [расстояние] и от земли до туманного Тартара:
Падая с земли девять ночей и [девять] дней,
725 Медная наковальня на десятый достигла бы Тартара.
Его окружает медная ограда, а вокруг нее — ночь
В три ряда разлита вокруг шеи; сверху же —
Корни земли и неистощимого моря.
Там, под туманною мглою, сокрыты боги Титаны
730 По решению Зевса Тучесобирателя
В месте гнилоство-затхломе, на крайних пределах чудовищной Земли.
Оттуда не выйти: Посейдон закрыл [выход] дверьми
Медными, стена сооружена с обеих сторон.
Там обитают Гиг, Котт и отважный Обрнарей,

735 Верные стражи Зевса Эгиоха.
Там и темной Земли, и туманного Тартара,
И неистощимого Моря, и звездного Неба,
— Всех подряд — находятся истоки (πηγαί) и концы (πείρατα)
Страшные, затхло-гнилые, они внушают жуть даже богам:

740 Бездна великая, даже и за целый год, [падая],
Не достигнет дна тот, кто вошел в ворота,
Но страшная буря за бурей будет носить его туда и сюда,
Даже бессмертным богам страшно
Это чудо. [. . .]

807—810=736—739: «Там и темной земли богам».

811 Там блестящие врата и медный порог,
Непоколебимо укрепленный длинными, непрерывными корнями,
Самородный, а спереди [от них], отдельно от всех богов,
Обитают Титаны, по ту сторону темного Хаоса.

1. ОРФЕЙ

А. МИФИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ. СОЧИНЕНИЯ ПОД ИМЕНЕМ ОРФЕЯ

1. СУДА, под словом «Орфей»: Орфей из Либетр Фракийских (город у подножия Пиерии), сын Эагра и Калиопы (а Эагр был потомок Атланта в пятом колене через Алкиону, одну из дочерей его). Родился за 11 поколений до Троянской войны и, как сообщают, был учеником Лина; прожил 9 поколений, а по словам других, 11. Написал «Триагмы» (их приписывают трагику Иону), куда входит так называемая «Поэма о священных одеждах»; «Космические зоны»; «Храмострой»; «Священные сказания» в 24 рапсодиях (их приписывают: одни — Теогнету Фессалийскому, другие — Керкопу-пифагорейцу); «Прорицания», которые приписывают Ономакриту; «Посвящения в таинства» (их также приписывают Ономакриту); «О камнях», куда входит поэма о резьбе по камню, озаглавленная «Восьмидесятикаменник»; «Благодарственные жертвоприношения за спасение» (их приписывают Тимоклу из Сиракуз или Персину из Милета); «Кратеры» (приписывают Зопиру); «Возведения на престол Великой Матери» и «Ваххические обряды» (их приписывают Никию из Элея); «Нисхождение в Аид» (приписывают Геродику из Перивфа); «Покров» и «Сеть» (также Зопиру из Гераклеи, а другие — Бротину); «Ономастикон» — 1200 стихов; «Теогонию» — 1200 стихов; «Астрономию», «Гадание на песке», «О жертвоприношениях», «О жертвоприношении яиц» или «Гадание по яйцам» эпическим размером, «О препоясании [священным поясом]», «Гимны», «О Корибантах» и «Физику», которую приписывают Бротину.

Орфей Кротонский, эпический поэт, который, как говорит Асклепиад в шестой книге «Грамматики», жил при дворе тирана Писистрата. [Написал]: «Двенадцатилетия», «Аргонавтику» и др.

Орфей из Камарины, эпический поэт, которому приписывают «Нисхождение в Аид».

1а. СУДА, под словом «Нисейский конь»: В «Сети» Орфей говорит, что Ниса — местность, расположенная у Красного моря.

1б. КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, I, 131 (II, 81, 1 St.): Ономакрит Афинский, которого считают автором поэм, известных под именем Орфея, жил в правление Писистратидов, в 50-ю олимпиаду, а Орфей, плававший вместе с Гераклом [на Арго], — ученик Мусея. . . «Оракулы», известные под именем Мусея, приписывают Ономакриту, «Кратер» Орфея — Зопиру из Гераклеи, «Нисхождение в Аид» — Продику Самосскому. Ион из Хиоса и т. д. [см. 36 В 2]. Эпиген в сочинении «О поэзии, приписываемой Орфею» говорит, что «Нисхождение в Аид» и «Священное сказание» принадлежат Керкопу-пифагорейцу, а «Покров» и «Физика» — Бронтину.

2. АЛКЕЙ, фр. 80 Diehl:

Орфей насилует судьбу,

«Убежда»я людей, рожд^{ен}ных на свет, смерти бежать».

«О если» бы он был искуш^{ен}но-мудрым «во все»м и «отличался» крепк^{им} умом!»

«Глупе»ц! Вопреки мойре Зевса даже «волосы не падают с головы».

2а. ИВИК, фр. 306 (25) PMG. Page: . . .Славноименного Орфея. . .

3. ЭСХИЛ Агамемнон, 1629: [Эгисф — корифею]

Язык твой — язык Орфея наоборот:

Тот водил за собой все, вызывая радость своим голосом. . .

4. ПАВСАНИЙ, X, 30, 6: [Картина Полигнота с описанием подземного царства]. Взглянувшему на нижнюю часть картины вслед за Патроклом предстает Орфей, сидящий как бы на некоем бугорке. Левою рукою он касается кифары, а правой трогает ивовые ветви, прислонившись при этом к дереву. Похоже, что эта роща Персефоны, где, по мнению Гомера [Од. X, 509], растут черные тополя и ивы. Облик у Орфея греческий, и ни одежда, ни головной убор не фракийские.

5. ПРОКЛ. Схолии к Гесиоду, Труды и дни, 631 (с. 361, 6 Gaisf.): Гелланик в «Форониде» [FGH Hist 4 F 5] говорит, что Геснод жил в [десятом поколении] после Орфея. Ср.: АРИСТОФАН. Лягушки, 1030 сл.; ГИППИЙ, 86 В 6; ПЛАТОН. Апология Сократа, 41 а; Противоположная точка зрения: ГЕРОДОТ, II, 53: Я думаю, что Гесиод и Гомер старше меня по времени на четыреста лет и никак не более. Именно они сочинили эллинам теогонию [родословие богов], дали богам прозвища, разделили между ними почести и умения и показали их образы. А поэты, которые якобы жили раньше этих мужей, по-моему, жили после них. Причем. . . последнее утверждение — касательно Гесиода и Гомера — принадлежит мне самому. Ср. также: ГЕРОДОТ, II, 81=гл. 14, 1.

6. ЕВРИПИД. Алкестида, 357: [Адмет]

Будь у меня язык и песнь Орфея,

Чтобы, заворожив дочь Деметры или ее супруга

Гимнами, взять тебя из Аида,

Я бы спустился. . . [ср. А 3 выше; Медея, 543].

7. ЕВРИПИД. Алкестида, 962: [Хор]

Я и с помощью Музы

Воспарял ввысь, и

Премного учений изведаль,

965 Но ничего сильнее Необходимости (Ананкэ)

- Не нашел, ни какое-либо зелье
 На фракийских дощечках, которые
 Начертала Орфеева
- 970 Речь, ни те зелья, которые дал Асклепиадам Феб,
 Накропив их для многострадальных смертных.
8. ЕВРИПИД. Ипполит, 952: [Тесей — Ипполиту]
 Теперь кичись, не ешь мяса,
 Выставляй напоказ свой хлеб и, повинуюсь Орфею,
 Предавайся вакхованью, чтя пустословие [букв. «дым»] множества писаний.
9. ЕВРИПИД. Киклоп, 646: [Хор сатиров]
 Я знаю отличное заклинание (ἐπιφθῆ) Орфея,
 Чтобы пылающая головня сама собой пошла к черепушке Киклопа
 И опалила одноглазого сына Земли.
- 9 а. ЕВРИПИД. Ипсишла, фр. 1, 3, 8—14 Bond
 . . . Возле средней мачты
 Скорбную азийскую песнь
- 10 Пела фракийская кифара Орфея,
 Всплескам длинных весел
 Повеления напевая, то ускорить
 Плавание, то дать отдых еловой лопасти.
- *ЕВРИПИД. Ипсишла, фр. 57, 20—25 Bond:
 <О> владычица богов
 <С>вет незримый < . . . >
 <В эф>ире перворожденн<ый>
 < . . . Э>рос когда Н<очь>
 < . . . > тогда < . . . >
 < . . . > возник < . . . >
10. ПСЕВДО-ЕВРИПИД. Рес, 943: [Муза, мать Реса — к Афине]
 Факелы сокровенных мистерий
 Открыл [тебе] Орфей, двоюродный брат покойного [Реса],
 Которого убила ты, а Мусей — твоего
 Честного гражданина, достигшего исключительных высот,
 Воспитали Феб да мы, сестры[=Музы].
11. АРИСТОФАН. Лягушки, 1032: [Эсхил о пользе поэтов]
 Орфей обучил нас посвящениям в таинства (τελεταί) и воздержанию от
 убийств
 Мусей — исцелениям от болезней и пророчаниям.
12. АРИСТОФАН. Птицы, 693: [Хор птиц]
 Сначала были Хаос и Ночь, да черный Эреб [Мрак], да Тартар широкий.
 И не было ни Земли, ни Воздуха, ни Неба. В беспредельном лоне Эреба
 695 Чернокрылая Ночь перво-наперво рождает яйцо, что ветром надуло.
 Из него по истечении времени вылупился полный вождения Эрос
 Со сверкающими крыльями на спине, подобный быстрому, как ветер, вихрям.

Совокупившись с крылатым ночным Хаосом в широком Тартаре, Он высидел наш род и впервые вывел его на свет.

- 700 Прежде чем Эрос все соединил (~совокупил), не было рода бессмертных; Когда же одно соединилось (~совокупилось) с другим, родились Небо, Океан,

Земля и нетленный род всех блаженных богов.

12 а. ТИМОФЕЙ. Персы, ст. 221, PMG, Page:

Изогранный в музыке Орфей первым /Создал лиру, / сын Каллиопы *** / из Пиерии, [225] а Терпандр надсаять / Перестроил музыку в песнях.

13. ГИППИЙ [фр. 86 В 6] у Климента Алекс. Строматы, VI, 15: Из этого [из того, что я буду сводить вместе] одно, пожалуй, сказано у Орфея, другое — у Мусея, третья — у Гесиода, четвертое — у Гомера, но вкратце и вразброс.

13 а. ГЕРОДОР ИЗ ГЕРАКЛЕИ [FGH Hist 31 F 12] у Фотия, Библиотека, кодекс 80. 61 а 31: ... Геродот [III, 26] называет его [египетский город Оазис] «островами блаженных», а Геродор, написавший историю Орфея и Мусея, называет его Феакидой.

14. ПЛАТОН. Пир, 179d: Орфея, сына Эагра, боги отослали из Аида ни с чем: они показали ему призрак жены, за которой тот пришел, а саму ее не дали, ибо он производил впечатление неженки, этот кифаред, и не отважился умереть ради любви, как Алкестида, но исхитрился войти в Аид живым. За это они наложили на него наказание и устроили так, чтобы он принял смерть от рук женщин.

14 а. ПЛАТОН. ИОН, 636 b: [Поэты «одержимы» Музой, как металлические кольца магнитом]. А от этих первых колец — поэтов — зависят — кто от кого — и черпают вдохновение другие: одни от Орфея, другие от Мусея, а большинство одержимо Гомером, т. е. он их держит.

14 б. ИСОКРАТ, XI, 38: [Поэты] наговорили о самих богах таких рассказней, каких и о врагах никто не посмел бы рассказывать. Они возвели на них хулу не только в воровстве, прелюбоденнях и холопстве у людей, но и наплели небылиц, будто они пожирали детей, оскопляли отцов, заключали в оковы матерей и совершали множество других беззаконий. (39) За это они не понесли достойного наказания, но и безнаказанными не ускользнули: одни... [Гомер, Гесиод], а Орфей, который больше всех подвизался в этих рассказах, скончал жизнь растерзанный на части.

15. ЭФОР [FGH Hist 70 F 104] у Диодора Сицилийского, V, 64, 4: Некоторые, в том числе Эфор, сообщают, что идейские Дактили родились на Иде Фригийской и вместе с Мигдоном перешли в Европу. Они были колдунами, подвизались в заклинаниях, обрядах посвящения и мистериях, и во время своего пребывания в Самофракии приводили этим в немалое изумление местных жителей. В это самое время Орфей, одаренный замечательными природными способностями к поэзии и пению, сделался их учеником и впервые ввел у эллинов посвящения и мистерии.

16. ТЕОФРАСТ. Характеры, 16, 11: Стоит ему [суеверному] увидеть сон, как он отправляется к снотолкователям, к провидцам, к птицегадателям, чтобы спросить, какому богу или богине следует молиться, и каждый месяц ходит вместе с женой (а если жене недосуг — то с нянькой) и с детьми к орфеотелестам, чтобы посвятиться в таинства. Ср.: ДЕМОСФЕН. О венке, 129, 259.

В. ФРАГМЕНТЫ, ЗАСВИДЕТЕЛЬСТВОВАННЫЕ В РАННЕЙ ТРАДИЦИИ

1 (F14 Kern). ПЛАТОН. Филеб, 66 с: [После перечисления пяти благ]. «А на шестом поколении положите конец строю песни», — говорит Орфей. Да и наше рассуждение закончилось на шестом определении.

2 (15). ПЛАТОН. Кратил, 402 вс: [Установитель имен «Рея» и «Кронос» выразил в них учение Гераклита о всеобщем течении]. Равным образом и Гомер говорит: «Океана, родителя богов и мать Тефию» [Ил. XIV, 201]. Думаю, что и Гесиод тоже [Теогония, 337]. Да и Орфей говорит — не так ли? —

Первым положил начало браку прекраснотекущий Океан,
Который взял в жены единоутробную сестру Тефию.

3 (8). ПЛАТОН. Кратил, 400 с: Некоторые говорят, что тело (σῶμα) — могила (σῆμα) души, поскольку, мол, в настоящее время она [в нем] похоронена. Опять же поскольку все, что душа выражает знаками, она выражает знаками (σημαίνε) с помощью тела, то и в этом смысле оно правильно называется σῆμα («знаком»). И все же наиболее вероятным мне представляется, что это имя установили Орфей и иже с ним в том смысле, что душа несет наказание за свои преступления, а тело служит ей оградой наподобие тюрьмы, чтобы она сохранялась (σφῆσαι). Таким образом, оно оказывается для души — до тех пор пока она не заплатит долгов — именно тем, чем называется, — «хранилищем» (σῶμα), и не следует менять ни одной буквы. Ср.: ФИЛЮЛАЙ, 44 В 14: «Свидетельствуют древние богословы и прорицатели, что в наказание за некие преступления душа. . . похоронена в нем [теле], словно в могиле». Ср. также 44 В 15.

4 (4). ПЛАТОН. Государство, II, 363 с: А Мусей и его сын предлагают праведникам от богов блага пороскошнее этих [предлагаемых Гомером и Гесиодом]. В своих обещаниях они приводят их в Аид, укладывают на пиршественные ложа, устраивают пир святых и позволяют им отныне с венками на голове проводить целую вечность в пьянстве, полагая, что высшая награда за добродетель — вечное опьянение. А другие простирают награды от богов еще дальше: по их словам, они остаются в силе для внуков и последующих потомков благочестивого и верного клятвам человека. Вот почему, и по другим причинам того же рода, они славословят справедливость, а нечестивых и неправедных зарывают в какую-то грязь в Аиде и заставляют носить воду решетом; мало того, еще при жизни навлекают на них дурную славу.

5 (3). Там же, 364 е 2: [Бродячие жрецы и прорицатели]. Они держат наготове кучу книг Мусея и Орфея — потомков Селены и Муз, как они уверяют, — по которым они совершают жертвоприношения, убеждая не только частных лиц, но и целые города, что-де и для тех, кто еще жив, и для тех, кто уже умер, существуют избавления и очищения от прегрешений посредством жертвоприношений и радостных забав, которые они называют «посвящениями в таинства» (τελεταί), что избавляют нас от загробных страданий, а кто жертв не приносил — тех ожидают ужасы.

5 а (11). ПЛАТОН. Законы, II, 669d: . . . Людей, которые, по словам Орфея, «достигли возраста услад».

6 (21). Там же, 715 е 8: Бог, как гласит древнее сказание, содержит в себе «начало, середину и конец» всех вещей, он идет к цели прямым путем, вращаясь по природе, а за ним неотступно следует Правда (Дикэ), карающая отступников от божественного закона. Желаящий быть счастливым держится ее и идет следом в смиренности и благочинии, а кто превознесся от гордыни, прельщенный богатством и почестями,

или же распаляется в душе красотой тела вкупе с юношеским неразумием, впадая в преступную наглость . . . того покидает бог. Покинутый богом и прихватив с собой еще таких же, он куролесит, внося сумятицу во все подряд, и многие считают его человеком незаурядным, но спустя немного времени он несет заслуженное наказание от Правды и дотла разоряет себя, свою семью и родной город.

6 а (12). ПЛАТОН. Законы, VIII, 829 de: Никто не посмеет петь песнь без разрешения стражей законов, будь она даже сладостней гимнов Фамира и Орфея.

7 (13). ПЛАТОН. Пир, 218 b: Все вы приобщены к философскому безумию и вакхованию, поэтому все вы услышите. . . а слуги и любой другой непосвященный и неотесанная деревенщина — затворите пути превеликими воротами. Ср.: Дервенийская теогония. ст. 1 и F 245, 1 К. ЮСТИН МУЧЕНИК. Увещание, 15: «Скажу кому дозволено, а непосвященные — затворите двери!».

8 (16). ПЛАТОН. Тимей, 40 d: Узнать и рассказать родословие остальных божеств — превосходит наши силы. Придется поверить говорившим об этом до нас: поскольку они, по их же собственным словам, потомки богов, то уж предков-то своих они, наверное, знают со всей определенностью. . . Итак, изложим, следуя им, родословие этих богов: от Геи и Урана родились дети Океан и Тефия, от них — Форкий, Крон, Рея и иже с ними, от Крона и Реи — Зевс с Герой и все известные нам их братья и сестры, а уже от них — дальнейшие потомки.

9 (24). АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, Δ 6. 1071 b 26: . . . Богословы, порождающие [мир] из Ночи. . . Там же, N 4. 1091 b 4: древние поэты сходятся в этом [с философами, отрицающими временную изначальность блага и прекрасного], поскольку они утверждают, что правят [миром] не первые по времени [боги], как-то: Ночь, Уран, Хаос или Океан, а Зевс.

10 (25). АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, Α 3, 983 b 27=ФАЛЕС, Α 12.

10 а (26). АРИСТОТЕЛЬ. О возникновении животных, В 1, 734 а 16: Органы (такие, как сердце, легкие, печень, глаз и т. д.) возникают либо все одновременно, либо по очереди, как утверждает в так называемых стихах Орфея: он там говорит, что возникновение животного подобно плетению сети.

11 (27). АРИСТОТЕЛЬ. О душе, Α 5, 410 b 27: Этот же недостаток [=необщезначимость] присущ и учению [о душе], изложенному в так называемых орфических стихах: оно гласит, что носимая ветром душа проникает внутрь [живого существа] из мирового пространства (τὸ ἔλθον) при вдохе.

ФИЛОПОН. Комм. к этому месту, с. 186, 24: Он сказал «так называемых», так как считает, что стихи эти не принадлежат Орфею, о чем он и сам говорит в диалоге «О философии» [фр. 7 Ross]. Орфею принадлежат учения, а в стихи их, как говорят, переложил Ономакрит [ср. гл. 15, 1].

ЭЛИАН. Пестрая история, VIII, 6: Говорят, что ни один древний фракиец не знал грамоты. поэтому осмеливаются утверждать, что и Орфей не был мудр, раз он фракиец, и что рассказы о нем вздорны и лживы. Так говорит Андروتсион [фр. 36 FHG I, 375].

ТАТИАН, 41, с. 42, 4: Орфей был современником Геракла, тогда как то, что ему приписывают, было сочинено Ономакритом Афинским, жившим в правление Писистратидов около 50-й олимпиады [580—577 гг. до н. э.]. Ученик Орфея Мусей.

12—13: Теогонии по Евдему, Рапсодическая и по Иерониму: см. ниже.

14 (23). ПСЕВДО-ДЕМОСФЕН, XXV, 11: Неумолимую и святую Правду (Дикэ), которая, по словам открывшего нам священнейшие посвящения в таинства Орфея, сидя подле Зевсова трона, надзирает за всеми делами людей.

15 (t. 221). Паросская хроника, FGrHist 239 A 14; II, 995: <С тех пор как Орфей>, сын <Эагра и Каллиопы>, обнаружил свою поэзию — о похищении Коры, о поисках Деметры и об <изобретении ею сева пшеницы, которому она научила мно>-жество воспринявших плод, прошло 1135 лет, а было это в царствование афинского царя Эрехта.

Ср.: ФЕМИСТИЙ. Речи, 30 (II, 183, 7 Downey—Normann): Посвящения в таинства и обряды [оргии] Орфея также отнюдь не чужды земледелия. Миф, по которому он околдовывал и завораживал все, аллегорически намекает на то, что благодаря одомашненным плодам, которые доставляет земледелие, он одомашнил всю природу и образ жизни диких зверей, а также укротил и искоренил заключенное в душах звериное начало. Так, верили, что он завораживал диких зверей пением и совершал все жертвоприношения и обряды, используя [в качестве жертвенных даров] плоды земледелия. Слава о нем обошла всех людей, и все восприняли земледелие.

Орфическая Аргонавтика, ст. 26: Блуждания Деметры, великую скорбь по Персефоне, и как она была законодательницей.

15 а (49). Берлинский папирус 44 [II в. до н. э., парафраза орфической версии гимна к Деметре]. Стб. 1, 1 сл.: <Орфей был сыном Эагра и <Музы> Каллиопы. Царь <Муз> Аполлон <вдохновил его>, посему, став боговдохновенным, <он сочинил гимны>, которые, слегка исправив, записал Мусей. Он научил эллинов и <варваров> чтить <священные обряды> и был <весьма рачительным во> всяком богопочитании: посвящениях, таинствах [мистериях], <очищениях> и оракулах. Богино Деметру. . . Стб. 2, 1 сл.: Орфей передает, что она сестра Зевса, другие — что она его мать. Ни то ни другое не следует даже упоминать людям благочестивым. <Гимн> начинается рассказом о дочери Зевса и Деметры Персефоне, <плывущей <венки из фиалок> в присутствии дочерей <Океана>; вот их имена <из> стихов Орфея [следует цитата из гомеровского гимна к Деметре, ст. 418, 420—423]. Стб. 3: [Кора-Персефона хочет сорвать нарцисс. В этот момент земля разверзается, и Аидоней (Аид) похищает ее. Чтобы помочь брату и обмануть свидетельниц, Зевс под громы и молнии помещает на колесницу также черных свиней — культовых животных Артемиды и Афины. Узнав о случившемся, Деметра покидает Сицилию и блуждает по земле]. Стб. 4: В своих стихах Мусей рассказывает о том, как скорбящая Деметра оплакивает дочь; Каллиопа, Клейсидика и Демонасса [?], придя за водой вместе с царницей, спрашивают у Деметры, словно у простой смертной, чего ради она явилась. [Культовое употребление шафрана, иглицы и карликового ириса (?). Следует гимн к Деметре, ст. 8 сл.: Нарцисс.] Стб. 5: [Бегство Аидоней=Гимн к Деметре, 17, 32—36. Геката.] Стб. 6: [Баубо-царица передает Деметре своего сына Демофонта на вынячивание. Деметра натирает младенца амвросией и по ночам кладет в огонь, он не прирагивается к груди, но хорошо растет. Баубо подсматривает колдовство Деметры ночью через дверь и вскрикивает: Гимн к Деметре, 248—249. Разгневанная Деметра отвечает:] «Неразумные, несчастные люди! Не провидящие ни грядущего на вас зла, ни добра!» [Дальнейшая речь Деметры отклоняется от гомеровского гимна, затем следует ст. 263. Деметра сжигает младенца.] Стб. 7: [Деметра открывает себя.] Я — Деметра, посылающая смену времен года, прекрасная дарами. Кто из небесных богов или смертных людей похитил Персефону и обманул ее милое сердце? [Следует возвращение Келея.

Дальнейший текст — вплоть до возвращения Триптолема (7, 19) — испорчен. Конец (7, 20):] . . . поэтому сказание называется «Нисхождением».

16 (29). АПОЛЛОНИЙ РОДОССКИЙ. Аргонавтика, I, 494: . . . Орфей [495] Поднял левой рукой кифару и запел. / Он пел о том, что земля, небо и море, / Прежде сплоченные между собой в едином образе, / Разделились под действием лютой вражды на отдельные существа, / И о том, что навеки незаблемый предел имеют в эфире / [500] Звезды, Луна и пути Солнца. / И как выросли горы, и как родились шумящие реки / Вместе с нимфами и все звери земные. / Он пел о том, что снежным Олимпом / Сначала владели Офион и Океанида Эвринома, / [505] И как он, побежденный силою рук, уступил [царскую] честь Крону, / А она — Рею, и оба упали в воды Океана. А Крон и Рея царили над блаженными богами Титанами до тех пор, / Покуда Зевс — еще мальчик, еще с детскими мыслями, — Жил в Диктейской пещере, / [510] И земле-рожденные киклопы еще не вооружили его перуном, / Громом и молнией: это они даруют могущество Зевсу.

17—21: Тексты на золотых пластинках [см. ниже].

22 (33). КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, V, 49 (II, 360 St.): В трактате «О поэзии Орфея» Эпиген излагает идиоматические выражения, которые встречаются у Орфея. По его словам, «челючки с гнутым остовом» означают плуги, «ткацкая основа» — борозду, «нитью» аллегорически называется семя, «слезы Зевса» означают дождь, а «Мойры» [доли] — фазы Луны: тридцатое число, пятнадцатое и новолуние [1-е число месяца]. Вот почему Орфей называет их «облаченными в белые одежды», раз они доли света. Затем «цветочком» у богослова называется весна в силу ее природы, «бездельницей» — ночь вследствие отдыха, «лицом Горгоны» — Луна из-за видимого на ней лица, а «Афродитой» — время, когда нужно сеять. Ср. 58 С 1, 2.

23 (31). Гуробский папирус 1. [Конец III в. до н. э., ритуальные предписания]: . . . Имея то, что найдет . . . пусть он соберет сырые куски. . . через священный обряд [следует молитва] «Прими мое приношение» как плату за «беззакония моих» отцов. Спаси меня, великая Бримо. . . и Деметра с Реей . . . и вооруженные Куреты. . . мы совершим хорошие жертвоприношения. . . баран и козел. . . бесчисленные дары» и пастбище у реки. . . «бе»ря [некие части] козла. . . а прочее мясо пусть съест. . . «непосвящен»ый пусть не наблюдает. . . посвятит для сожжения. . . молитва: «Протого»на и Эвбулея зову я. . . и «царицу» широкой «Земли» призываю. . . и любезных. . . Ты, иссушив. . . «даруй» нам «благодеяния» Деметры и Паллады. . . «О Эвбул»ей, Эрикней, спаси меня, «Громоверж»ец!». Един Дионис. Условные звачи: . . . «Бог через дано. . . Я выпил. Осел. Волопас. . . Пароль: вверх-вниз. и то, что тебе было дано, съешь. . . положи в корзину. . . шишка, трещотка, астргалы [бабки] зеркало.

Тексты на золотых пластинках из погребений

A 1 Zuntz (1 В 18 DK=F 32с К.), Фурии (Южн. Италия), между 400 и 350 г. до н. э.:

Я прихожу чистая из чистых, о царица преисподних,
Эвклея, Эвбулей и другие бессмертные боги!

3 Ибо я тоже горжусь происхождением от вашего счастливого рода,
Но Мойра сразила меня и Громовержец [?] — перуном.
Я вырвался из многострадального, мучительного круга,

- 6 Словно быстроногий бегун [досл. «быстрыми ногами»], я достиг вождельного венца.

Я погрузился в лоно Владычицы Подземной Царицы.

— «Счастливым и блаженным, ты станешь богом вместо смертного!»

- 9 — «Я — козленок — упал в молоко».

A 2 Z. (В 19 DK; 32d K.), Фурии, ок. 300 г. до н. э.:

Я прихожу чистая из чистых, о царица преисподних,
Эвклей, Эвбулей и другие боги <и> демоны!

- 3 Ибо я тоже горжусь происхождением от вашего счастливого рода.

Я понесла возмездие за дела отнюдь не праведные,
То ли Мойра сразила меня, то ли Громовержец [?] — перуном.

- 6 А теперь я прихожу просительницей к пречистой Ферсефонеи,
Дабы она благосклонно послала меня в обитель святых.

A 3 Z. = A 2 Z.

A 4 Z. (В 20 DK; 32f K.) Фурии, ок. 300 г. до н. э.:

Как только душа покинет свет Солнца,
Иди направо, тщательно остерегайся всего.

- 3 Радуйся, испытав испытанное, прежде ты не испытывал этого никогда.
Ты стал богом из человека. Ты — козленок — упал в молоко.

Радуйся, радуйся! Ступай направо

- 6 По священным лугам и рощам Ферсефонеи».

A 5 Z. (В 19 а DK; 32g K.), Рим, сер. III в. н. э.:

Она приходит чистая из чистых, о царица преисподних,
Эвклей и Эвбулей — славное дитя Зевса! — «Я имею

- 3 Этот дар Мнемосины, воспетый у людей.

— «Цецилия Секундина, проходи! Ты стала богиней по закону!»

В 1 Z. (В 17 DK; 32а K.), Петелия (Южн. Италия), между 400 и 350 г. до н. э.:

Слева от дома Аида ты найдешь источник,
Рядом с ним стоит белый кипарис.

- 3 К этому источнику даже близко не подходи.

Найдешь и другой: из озера Мнемосины
Текущую холодную воду, перед ним — стражи.

- 6 Скажи: «Я дитя Земли и звездного Неба,
Но род мой — небесный, об этом вы знаете и сами.

Я иссохла от жажды и погибаю — так дайте же мне скорей

- 9 Холодной воды, текущей из озера Мнемосины».

И они дадут тебе пить из божественного источника,

И тогда ты станешь царствовать <вместе с> д<ругими> героями.

- 12 Эта м<огила> принадлежит Мнемосине. <Когда придет время> умирать. . .

*В 2 Z., Фарсал (Фессалия), между 350 и 320 г. до н. э.:

Справа от дома Аида ты найдешь источник,
Рядом с ним стоит белый кипарис.

- 3 К этому источнику даже близко не подходи.
Дальше найдешь текущую из озера Мнемосины
Холодную воду. Над ней — стражи.
- 6 Они спросят тебя, зачем ты пришел и чего тебе надо.
Ты же объяви им всю правду.
Скажи: «Я сын Земли и звездного Неба,
- 9 По имени Астерий [Звездный]. Я иссох от жажды. Дайте же мне
Пить из источника».

*В 3—8 Z., Элевтерны (Центр. Крит), III в. до н. э.:

- Я иссох от жажды и погибаю. Пить же мне дайте
Из вечнотекущего [вариант: «вечного»] источника — справа, где кипарис.
- 3 — «Кто ты? Откуда ты?»
— «Я сын Земли и звездного Неба».

*В 9 Z., там же:

Плутону и Феропоне [=Персефоне] — привет!

*В 10 (Foti G., Pugliese Carratelli G. La parola del passato, 29 (1974), p. 91—126), Гишпонион (Южн. Италия), конец V—нач. IV в. до н. э.:

- Эта могила принадлежит Мнемосине. Когда тебе суждено будет умереть,
Ты пойдешь в хорошо сделанный дом Аида. Справа — источник.
- 3 Рядом с ним стоит белый кипарис.
Здесь охлаждаются опускающиеся души мертвых.
К этому источнику даже близко не подходи.
- 6 Дальше ты найдешь текущую из озера Мнемосины
Холодную воду. Над ней — стражи,
Которые спросят тебя пронизательно:
- 9 «Что ищешь ты во мраке губительного Аида?»
Скажи: «Я сын Тяжелой и звездного Неба.
Я иссох от жажды и погибаю. Так дайте же быстро
- 12 Холодной воды, текущей из озера Мнемосины».
И они сжалятся над тобой, повинуюсь Подземному Царю,
И дадут тебе пить из озера Мнемосины.
- 15 И ты пойдешь по многолюдной священной дороге,
По которой идут и другие славные вакханты и мисты.

В 11 (Merkelbach R., ZPE, Bd. 25 (1977), S. 276), Фессалия, ок. 330 г. до н. э.,
то же, что в В 3—8 Z. с добавлением слов «но род мой — небесный».

* Граффити на костяных пластинках

(Русяева А. С. Орфизм и культ Диониса в Ольвии // ВДИ. 1978. № 1. С. 87—104), Ольвия (Сев. Причерноморье), сер. V в. до н. э.

1-я пластинка (Русяева. С. 89, рис. 6, 1):

ЖИЗНЬ СМЕРТЬ ЖИЗНЬ
ИСТИНА
ДИО<НИСУ> ОРФИЧЕСКОМУ

2-я пластинка (Там же. рис. 6, 2):

МИР ВОЙНА
ИСТИНА ЛОЖЬ
ДИОН<ИСУ>

3-я пластинка (Там же. Рис. 6, 3):]

ДИО<НИСУ>
ИСТИНА ЛОЖЬ
ДУША ТЕЛО

* Орфические теогонии

I. Теогония папируса из Дервени

- <Я буду петь для понимающих> — затворите двери, непосвященные!
< . . . род бессмертных богов>,
Которые родились от Зевса, премогучего царя.
Итак, когда Зевс <собирался> принять в руки от своего отца
5 Богореченную власть и <преславный скипетр,>
<Обдумал он хорошенько все, что ему> из заповедного святилища
<Рекла> всевеющая <богиня> Ночь, <амбросиальная> кормилица <богов,>
<Которая> прорекла <ему> все, что ему было положено соверш>ить,
Как во<цариться> на прекрасном седалище снежного Олимпа.
10 Услышав от <богини неизреченные> пророчества, Зевс
<Проникся отвагой и бога славного,>
Почтенного (*αἰδοῖον*) проглотил, который первым произошел на свет.
<Тот родил Гею и> широкопространного Урана,
<А Урану огромная Гея родила Крона,> который великое содеял
15 Урану, Сыну Ночи, тому, что царствовал самым первым;
От него [произошел] Крон, а затем — мудрый Зевс,
Обладающий Мудростью (Метис) и царскою честью среди <блаженных богов.>
<Вот тогда-то и проглотил он, как было положено, мощь бога>
Перворожденного (Протогона), почтенного царя, и с ним
20 Срослись воедино все бессмертные блаженные боги и богини,
Прелестные реки и источники, и все прочее,
Что тогда существовало — [всем этим], стало быть, стал он один.
<Ныне> — он царь> всех, <и будет> засим.

- Зевс стал первым, Зевс — последним, яркоперуный,
- 25 Зевс — глава, <Зевс — середина,> все произошло из Зевса.
<В руках Зевса исход всего, Зевс — могучая> Мойра,
Зевс — царь, Зевс — владыка всех яркоперуный.
<Ибо сокрывши всех, снова на многорадостный свет
Из священного чрева он произвел, творя чудеса.>
- 30 <Первой из богов — золотую> Афродиту
Уранию <прелестную из своего смастерил он> семени,
<Вместе с ней родились прелестная> Гармония и Убеждение.
<Смастерил он Землю и широкое Небо — горб,>
Смастерил великую мощь широкотекущего Океана,
- 35 Приделал жилы среброводовертного Ахелоя.
<Смастерил и другую землю безграничную, которую Селеной
Зовут бессмертные, а земные человеки — Меной.
Много на ней гор, много городов, много жилищ.>
Равной длины ее члены от центра повсюду.
- 40 Многим смертным светит она на безграничную Землю.
<Смастерил и великое Солнце — отраду смертным,
И сверкающие звезды, коими увенчано Небо.>

. . .

<И вот, когда все это изобрел мудрый Зевс,>
Захотелось ему совокупиться любовью со своей матерью. . .

II. Орфическая теогония по Евдему

ДАМАСКИЙ. О началах, 124 (I, 319, 8 R.)=1 В 12 DK; F 28 K.: Теология, описанная у перипатетика Евдема [фр. 150 Wehrlí] как теология Орфея, обшла молчанием все умопостигаемое. . . и начала [родословие богов] с Ночи, с которой начинает и Гомер, хотя он и не излагает связной генеалогии. Нельзя согласиться с Евдемом, утверждающим, что он [Гомер] начинает с Океана и Тефии, ибо он явно признает и Ночь настолько великой богиней, что даже Зевс перед ней благоговее: «Он благоговейно боялся, как бы ни вызвать неудовольствие быстрой Ночи» [Ид., XIV, 261]. Так что Гомер, несомненно, также начинает с Ночи. А вот Гесиод, думаю мне, повествуя о том, что «первым возник Хаос», назвал Хаосом непостижимую и совершенно единенную природу умопостигаемого, а Землю выводит из него как своего рода начало всей генеалогии богов, если только не следует толковать Хаос как второе из двух начал, а Землю, Тартар и Эрота — как тройное умопостигаемое, принимаемая Эрота за третий член и рассматривая его эпистрофически (Орфей в «Рапсодиях» также называет его [третий член] Эротом), Землю — за первый член, поскольку она первой затвердела и перешла в твердое и вещественно-субстанциальное состояние, а Тартар — за средний, поскольку он уже некоторым образом возбужден до состояния расчлененности.

III. Рапсодическая теогония (Orph. fr. 60—235 Kern)

Священные сказания в 24 рапсодиях

60. ДАМАСКИЙ. О началах, 123 (I, 316, 18 R.): В этих имеющих хождение Орфических рапсодиях теология умопостигаемого такова. Истолковывая ее, философы [неоплатоники] принимают Хронос [Время] за единое начало всех вещей, Эфир и Хаос — за двоицу, яйцо объясняют как абсолютное бытие и полагают эту триаду первой. Ко второй [триаде] относятся либо вынашиваемое и вынашивающее бога яйцо, либо «сияющее одеяние (хитон)», либо облако, из которых «выскакивает» Фанес. . . . Третью [триаду] составляют Метис — как ум, Эрикепей — как потенция и сам Фанес — как отец. Быть может, следует принять также и среднюю триаду, соответствующую «трехликому (τρίμορφος) богу, еще вынашиваемому в яйце». Действительно, средний член всегда уподобляется обоим крайним, подобно тому как в данном случае он одновременно и яйцо и бог. Легко видеть, что яйцо — это единенность, а трехликий и в действительности многоликий бог — расчлененность умопостигаемого, а среднее, поскольку оно яйцо, — еще единенное, поскольку бог — уже расчлененное, а говоря в целом, находящееся в процессе расчленения. Такова обычная орфическая теология.

61 (АРИСТОКРИТ МАНИХЕЕЦ) . . . В четвертой рапсодии [Орфей] говорит, обращаясь к Мусею:

Храни это, милое чадо, в уме своем,
Зная все дела глубочайшей древности, начиная с Фанеса.

62 (ИОАНН МАЛАЛА) [Орфей] изложил теогонию, творение мира и создание человека; в начале своего сочинения он говорит. . . :

О Владыка, сын Лето, далекоразящий могучий Феб,
Всевидающий царь смертных и бессмертных,
Солнце, взмывающее ввысь на золотых крыльях!
Се — двенадцатый вещий глас, что я слышал от тебя,
Ты рек, тебя самого, далекоразящий, возьму в свидетели.

66 (ПРОКЛ)

Сей нестареющий Хронос, нетленномудрый, родил
Эфир и бездну великую, чудовищную, семо и овамо.
И не было снизу ни границы, ни дна, ни основания.

67 (ПРОКЛ)

[Все было] в темной мгле. . .

70 (ДАМАСКИЙ)

Затем сотворил великий Хронос в божественном Эфире
Серебряное яйцо. . .

71 (ПРОКЛ)

...По безграничному кругу
Оно носилось, не зная покоя...
Двинулось по неизреченно-огромному кругу...

72 (ПРОКЛ)

Бездна туманная и безветренный расколосся Эфир,
Когда начал возникать Фанес.

73 (ЛАКТАНЦИЙ)

Перворожденный Фаэтон, сын пространного Эфира.

75 (БОЛЬШОЙ ЭТИМОЛОГИК)

Его зовут Фанесом, ибо он первый стал видим (φαντός) в эфире.

76 (ГЕРМИЙ)

Четырьмя очами взирая семо и овамо.

78 (ГЕРМИЙ)

На золотых крыльях носящийся семо и овамо.

79 (ПРОКЛ) Фанес... имеет головы животных:

«Издавая бычье мычанье и рык свирепого льва».

80 (АВВА НОНН) Фанес... имеет срамный уд на заду.

81 (ПРОКЛ)

Женщина и отец-родитель [одновременно], могучий бог Эрикпей.

82 (ПРОКЛ)

Лелеющий в душе безоую, порывистую любовь (эрос).
Фанес — ключ ума (нуса).

83 (ПРОКЛ)

...Нежный Эрос и Метис отчаянно-безрассудный...
За ними всегда идет по пятам великий даимон [= Эрос].

84 (ДАМАСКИЙ) Фанес пролил с самого своего верха несказанный ливень.

85 (ПРОКЛ)

...святого даимона
Метиса, несущего славное семя богов, коего Фанесом
Перворожденным величали блаженные на высоком Олимпе.

86 (ГЕРМИЙ)

Перворожденного (Протогона) никто не видел очами,
Разве лишь одна священная Ночь, а все прочие
Дивились, созерцая невероятный свет в эфире:
Так отсверкивало от тела бессмертного Фанеса.

89 (ЛАКТАНЦИЙ)

Он создал для бессмертных нетленный дом.

91 (ПРОКЛ)

Он смастерил и иную землю, безграничную, кою Селеной
Зовут бессмертные, а земные человеки — Меной.
Много на ней гор, много городов, много жилищ.

92 (ПРОКЛ)

Чтобы за месяц она обращалась, как Солнце — за год.

93 (ПРОКЛ)

[Луна] — небесная [эфирная] земля.

94 (ПРОКЛ)

Он назначил человекам
Обитать отдельно от бессмертных, в области, где срединная ось
Солнца поворачивается, наклоняясь; [там] не слишком
Холодно над головой и не слишком жарко, а средне.

95 (ПРОКЛ)

Пребывают [неизменными] дивные дела природы и безграничная веч-
ность (эон).

96 (ПРОКЛ) Фанес поставил Солнце надо всем:

«И учинил его стражем и велел начальствовать надо всеми».

97 (ПРОКЛ)

Сие сотворил отец в туманной пещере.

98 (ПРОКЛ) Фанес творит три Ночи и соединяется со средней:

«Он сам сорвал у своей дочери цвет девичества».

99 (ПРОКЛ) . . . Первая Ночь «прорицает» . . . вторую [Орфей] называет «почтенной». . . а третья, по его словам, рождает Справедливость.

100 (ДАМАСКИЙ) . . . Блестки. . . [О звездах на черном покрове Ночи]

101 (ПРОКЛ) Фанес добровольно передает царский скипетр Ночи:

«. . . скипетр свой велелепный
Ночи-богине вручил, да имеет царскую почесть».

102 (АЛЕКСАНДР АФРОДИС.) . . . После Фанеса царствует Ночь,

«Скипетр держа в руках велелепный Эпиклея».

103 (ГЕРМИЙ)

Дар прорицанья ей дал, совершенно неложный.

104 (ПРОКЛ) . . . Животворный «кратер» Ночи. . . рождает всякую душу в мире.

105 (ГЕРМИЙ) Адрастея. . . дочь Мелисса и Амалфея. . . сестра Иды:

«Миловидная Ида и единокровная Адрастея».

Она. . . содержит в себе все законы. . . о ней говорится, что она гремит перед пещерой Ночи:

«. . . Медные била в ладони
Ей дала Адрастея. . . »

Она звенит кимвалами у входа в пещеру Ночи, чтобы все подчинялись ее законам. Внутри, в заповедном святилище Ночи, сидит Фанес, посредине — Ночь, прорицающая богам, а Адрастея — у входа, она законодательствует и дает всем божественные установления. От тамошней Дикэ она отличается как законодательная [власть] от судебной. О тамошней Дикэ говорится, что она дочь Номоса [Закона] и Эвсебии [Благочестия]. . . вот они-то и вскармливают Зевса в пещере Ночи. . . Закон дается от Адрастеи и богам. . . и вообще всем.

106 (ПРОКЛ)

Ночь — амбросиальная кормилица богов.

107 (ПРОКЛ) По преданию Орфея, царями богов были. . . Фанес, Ночь, Уран, Крон, Зевс, Дионис.

108 (СИРИАН)

Взял он тогда и распределил между богами и смертными космос,
Над которым первый царствовал славный Эрикепей.

109 (ГЕРМИЙ)

Затем она [Ночь] родила Землю и широкого Урана [Небо],
Она явила их, [обратив] из неявленных в явленных, и каковы они
происхождением.

111 (АЛЕКСАНДР АФРОДИС.) . . . После нее [Ночи] [царствует] Уран:
«Который стал первым царем богов после матери Ночи».

112 (ПРОКЛ) [Орфей] называет Гею первой невестой, а ее соединение с Ураном — самым первым браком.

113 (ДАМАСКИЙ)

Уран — надзиратель (ὄψρος) всех и страж.

114 (ПРОКЛ) . . . Как говорит богослов, Гея рождает тайком от Урана

Семь миловидных девочек, живооких, святых,
Семь мальчиков-владык родила она густовласых.
Дочерей. . . Фемиду и благосклонную Тефию,
Мнемосину с густыми локонами и блаженную Тейю,
Также Диону она родила, чей вид велелепен,
Фебу да Рею, родительницу Зевса-владыки,

и столько же мальчиков:

Кея с великим Крием, да могучего Форкия,
Крона с Океаном, да Гипериона с Иапетом.

115 (ЕВСТАФИЙ) . . . Как говорит Орфей в сказании о Зевсе и Гере:

. . . круг неутомимого, прекраснотекущего Океана,
Который, обвившись вокруг Земли, объемлет ее водоворотами.

116 (ПРОКЛ) От Океана ответвляются десять рукавов, из которых девять впадают в море.

117 (ПРОКЛ) . . . Титанами предводительствует величайший Крон, как говорит богослов. . . Крон захватывает небесный Олимп и, воссев на престоле, царствует над Титанами, а Океан [не присоединяется к восстанию и]. . . «обитает в дивно-великих руслах» . . . Тефия рождает Форкия вместе с Нереем и Тавмантом, «совокупившись любовью с Понтом».

119 (ПРОКЛ)

Зломудрые Титаны с высокомерным сердцем.

120 (ПРОКЛ) Титаны терпят поражение от Олимпийцев:

Хоть и могучи они, а с лучшим, [чем сами], столкнулись,
В казнь за ужасную наглость и дерзкое их безрассудство.

121 (ПРОКЛ) [Титанов], «чье сердце неумолимо», чья природа беззаконна. . . [Уран] сбросил в глубокий Тартар земли.

123 (ОЛИМПИОДОР) Четыре реки [подземного царства] соответствуют четырем элементам и четырем странам света: Пирифлегетонт соответствует огню и востоку, Кокит — земле и западу, Ахеронт — воздуху и югу. . . а Океан — воде и северу.

125 (ОЛИМПИОДОР) . . . Поэтому Орфей называет Ахеронтское озеро «туманным».

126 (ПРОКЛ). . . Аванкэ — мать Мойр. . . «жутколикую Аванкэ».

127 (ПРОКЛ) [Кастрация Урана, рождение Афродиты]

Срамные части пали с высоты в море, окрест же них,
Плывущих поверху, взвилась отовсюду белая пена (афрós).
Протекли, обращаясь, времена года (Оры), и Эниавтос (Год) родил
Почтенную деву, а когда она родилась,
Ее восприняли в свои длани Ревность (Зелос) и Обман (Апатэ).

63 (БОЛЬШОЙ ЭТИМОЛОГИК)

Тех, кого кличут «Гиганты» по имени между блаженных,
Ибо они родились от Геи и крови Урана.

129 (ПРОКЛ)

Из всех них Ночь растила и холила Крона.

130 (ПРОКЛ) Орфей говорит, что у Крона волосы в бороде всегда черны.

131 (ДАМАСКИЙ)

Крон хитроумный.

132 (ДАМАСКИЙ) . . . В лоне Реи. . . [как источнике всеобщего рождения].

135 (ПРОКЛ) В то время как остальные Титаны присоединяются к заговору Крона, Океан отговаривает [их от выполнения] приказов матери и сомневается в задуманном деле:

Океан оставался тогда в палатах,
Размышляя, в какую сторону обратить ему свое намерение:
То ли изувечить своего отца, лишив его силы, и осквернить безрассудно
Вместе с Кроном и прочими братьями, которые послушались
Милой матери, то ли оставить их и спокойно сидеть дома.
Много поволновавшись, остался он сидеть в палатах,
Сердясь на свою мать и паки — на братьев.

А другие Титаны выступают. . . и предводительствует ими величайший Крон [следует фр. 117].

137 (ПРОКЛ)

Крон. . . оскопляющий и [сам, в свою очередь], оскопляемый.

139 (ЛАКТАНЦИЙ)

Самый первый над земными человеками царил Крон,
А от Крона родился великий владыка, дальновидец Зевс.

140 (ПРОКЛ) Богослов Орфей поведал о трех родах людей. Первый — золотой, созданный, по его словам, Фанесом, второй — серебряный, им правил Крон, а третий — Титанический, его создал из титанических членов Зевс.

142 (ПРОКЛ)

<Издревле им суждено> Зевесом, Кроновым сыном,
Век бессмертный в удел получить бороды непорочной,
<И> живые власы, благовонные, к ним никогда же
<Старости> немощной цвет белизны отнюдь не пристанет,
<Вечно будут у них на висках> цветущие пряди.

143 (ПРОКЛ) В мифе о похищении огня [Прометеем] и передаче его людям Орфей и Гесиод хотят сказать. . .

144 (ПРОКЛ) Фемида. . . остается девою [до рождения Зевса]. согласно орacularу Ночи:

Кроносу Рея доколь не родит любовию сына.

Она [Фемида] рождает Зевсу троицу Ор (Времен года), которым вверено великое Небо и Олимп.

145 (ПРОКЛ) Орфей отождествляет Рею с Деметрой:

Прежде бывшая Реей, когда стала матерью Зевса,
Стала Деметрой. . .

146 (ДАМАСКИЙ) . . . у Орфея Крон. . . проглатывает своих детей. . .

148 (ПРОКЛ)

Тогда Крон, съев коварную пищу, спал, громко храпя.

149 (КЛИМЕНТ АЛЕКС.)

Лежал, свесив толстую шею,
Сморил его всеукрощающий сон. . .

152 (ПРОКЛ) У Орфея Адрастея сторожит Зевса и, «взявши медные била и тимпан из козьей шкуры [?]». . .

154 (ПОРФИРИЙ) У Орфея Зевс уловляет Крона в ловушку медом. Напившись меда, Крон пьянеет, помрачается в рассудке, словно от вина, и засыпает. . . советуя уловку с медом, Ночь говорит у Орфея Зевсу:

Лишь заметишь, как он под дубами с высокою кроной
От творения громкожужжащих пчел захмелеет,
Тотчас свяжи. . .

Что и происходит с Кроном: он оказывается связан и оскоплен, подобно Урану. . .

155 (ПРОКЛ) [Зевс говорит Крону]

Восстанови поколение наше, даймон преславный!

157 (ПРОКЛ) [скипетр Фанеса —] в двадцать четыре меры.

158 (ПРОКЛ)

Шла за ним [Зевсом] следом тяжкокарающая Дикэ (Правда), пособница всем.

159 (ГЕРМИЙ) Справедливость, согласно богослову, рождается от Номоса (Закона) и Эвсебии (Благочестия).

160 (ПРОКЛ) Номос (Закон) — парадр (спутник) Зевса, как говорит Орфей.

162 (ПРОКЛ) Демимург, как говорит Орфей, вскармливается Адрастеей (Неизбежностью), имеет спутницей Ананкэ (Необходимость) и рождает Еймарменэ (Судьбу).

163 (ПРОКЛ) Величайший Зевс сочетается браком с Герой, поэтому она именуется «равночинной» ему.

164 (ПРОКЛ) [Перед началом творения Зевс входит в оракул Ночи и вопрошает ее]:

Матушка, высочайшая из богов, бессмертная Ночь, как — скажи мне это — Как мне следует, сохраняя неустрашимость, устроить власть над бессмертным?

165 (ПРОКЛ) . . . На вопрос Зевса Ночь отвечает:

— Как мне сделать, чтобы все вещи были одно и [в то же время] каждая отдельно?

— Охвати все вокруг неизреченно-огромным Эфиром, в середине него — Небо, в нем — землю безграничную, в нем — море, В нем — звезды, коими увенчаво Небо.

166 (ПРОКЛ) . . . Согласно назиданиям Ночи:

Но когда ты протянешь по всему миру крепкие оковы,
Подвесив с неба златую цепь. . .

167 (ПРОКЛ)

- (а) Первороденного мощь вмести в тогда Эрикеея,
Тело всего он имел во чреве своем во глубоком.
К членам своим примешал он божию силу и храбрость,
Вот почему с ним все вещи внутри Зевса вновь сотворились.
- (б) И просторы эфира, и неба блестящие выси,
И беспредельного моря, земли велеславной основа,
И Океан великий, и Тартар земли преисподний,
Также и реки, и Понт безграничный, и все остальное,
- 5 Все бессмертные боги блаженные, да и богини,
Все, что было тогда, и все, чему быть предстояло,
Стало одно, во чреве Зевеса слилось воедино.

168 (ЕВСЕВИЙ, СТОБЕЙ)

Зевс стал первым, и Зевс — последним, яркоперуный.
Зевс — глава, Зевс — середина, все происходит от Зевса.
Зевс мужчиною стал, и Зевс — бессмертною девою.

- 4 Зевс — основание Земли и звездообильного Неба.
<Зевс — дыхание всех, Зевс — пыл огня неустанна.
В Зевсе — корень морей, Зевс — также Солнце с Луною.>

- 5 Зевс — владыка и царь, Зевс — всех прародитель единый.
 Стала единая власть и бог-мироправец великий,
 Царское тело одно, а в нем все это кружится:
 Огонь и вода, земля и эфир и Ночь со Денницей,
 Метис-первородитель и Эрос многоусладный —
- 10 Все это в теле великом покоится ныне Зевеса.
 В образе зримы его голова и лик велелепный
 Неба, блестящего ярко, окрест же — власы золотые
 Звезд в мерцающем свете, дивной красоты, воспарили.
 Бычьи с обеих сторон воздел он рога золотые —
- 15 Запад вкупе с Востоком, богов небесных дороги.
 Очи — Солнце с Луной, противугрядущую Солнцу.
 Царский же ум неложный его — в нетленном эфире,
 Коим слышит он все и коим все замечает:
 Речь ли, голос ли, шум иль молва — нет звука, который
- 20 Не уловили бы уши Крониона мощного Зевса.
 Образ такой обрели голова и разум бессмертный.
 Тела же образ таков: осиянно оно, безгранично,
 Неуязвимо, бездрожно, с могучими членами, мощно.
 Сделались плечи и грудь, и спина широкая бога
- 25 Воздухом ширококрылым, из плеч же крылья прозябли,
 Коими всюду летает. Священным сделались чревом
 Гея, всеобщая мать, и гор крутые вершины.
 В пахе прибой громыхает морской, тяжелогремящий,
 Ноги — корни земли, глубоко залежные в недрах,
- 30 Тартар гнилостно-затхлый и крайние Геи пределы.
 Все сокрывши в себе, на свет многорадостный снова
 Из нутра произвесть, творя чудеса, собирался.
- 169 (АРИСТОКРИТ МАНИХЕЕЦ) [ст. 1—5=фр. 168, 6—10]:
- 6 Все он чует (νοεῖ) один и промыслит все боговидно,
 Все на глазах у Зевеса повсюду, отца и владыки,
 Боги бессмертны живут, равно как и смертные люди,
 Звери, да птицы, да все, что дышать и ползать умеет,
- 10 Не утаиться от Зевса и сонмам людей однодневным,
 Всем их делам беззаконным, [не скрыться] и зверям нагорным,
 Диким, четвероногим, мохнатым и с духом могучим.
- 170 (ПРОКЛ)
 Бромий великий и Зевс всевидящий. . .
- 171 (ГРИГОРИЙ НАЗИАНЗИН) . . . Последний бог . . . всех прочих проглатывает, чтобы стать «отцом всех богов и людей». . . они злосчастно пожираются и изbleвываются.
- 172 (ПРОКЛ) [Платон], подобно Орфею, некоторым образом отождествляет солнце с Аполлоном.
- 173 (ФУЛЬГЕНТИЙ) Это сказание [об Аполлоне и Марсии] придумано музыкантами, как пишет Орфей в «Теогонии».

174 (ПРОКЛ) Поэтому и Орфей тоже говорит о рождении Афины, что-де Зевс родил ее из головы:

Вооруженъем сверкавшую медного цвета с отливом.

175 (ПРОКЛ)

Именем также честным Ареты [Доблести] ее [Афину] прозывают.

176 (ПРОКЛ) [Зевс родил Афину]

Дабы великих деяний ему совершителем стала.

177 (ПРОКЛ) [об Афине] Страшный он совершитель намерений Кронова сына.

178 (ПРОКЛ) . . . Афина покровительствует разным искусствам, особенно ткацкому. . . :

Всех бессмертных богинь [в искусстве] она превосходит

Ткацкий обхаживать стан и учить прядильному делу.

179 (ПРОКЛ)

[Киклопы] Зевса громом снабдили они и перун сотворили,

Первые рукоумельцы, а также Гефеста с Афиной

Всем научили ремеслам, что небо в себе заключает.

180 (СИРИАН) . Богословы называют Киклопов и Гефеста «кузнецами» и «домостроителями», а Афине и Коре уделяют ткацкое искусство. (ПРОКЛ) . . . О Гефесте, надо полагать, символически говорится, что он выковывает небо.

181 (ПРОКЛ) . . . Эвномия (Благозаконие) . . . Аглая (Краса) сочетается с Гефестом. . . Дикэ (Правда) надзирает над Орами (Временами года). . . Талия (Цветущая) . . . Эйрена (Мир). . . Эвфросина (Радость).

182 (ПРОКЛ) . . . Богословы соединяют Афродиту узами брака с Гефестом. . . и говорят, что от Гефеста и Аглаи рождаются Эвклея (Благославие) Эвтения (Благополучие), Эвфема (Благомолвие) и Филофросина (Дружесмыслие).

183 (ПРОКЛ) Вторую Афродиту рождает Зевс. . . ему помогает Диона. . . :

Страсть охватила отца величайшего, семя изверглось

Пенное из детородного члена, восприняло море

Семя великого Зевса: затем по прошествии года

В пору цветущей весны родило Афродиту смешницу,

Пенорожденную.

184 (ПРОКЛ) [Зевс родил Афродиту] и Эроta, ее спутника.

185 (ПРОКЛ) [Афина] — предводительница Куретов.

186 (ПРОКЛ) Афина увенчала Куретов оливковой ветвью, как говорит Орфей.

187 (ПРОКЛ) [Артемиде]

. . . Не познавшая брака,

Всяких родов она разрешает концы. . .

188 (ПРОКЛ) [единство Артемиды, Гекаты и Кору] . . . откуда ясно, что и Лето содержится в Деметре, родившей Зевсу Кору и внутримирную Гекату, поскольку и Артемиду Орфей называет Гекатой:

Дивная тотчас Геката, покинувши члены ребенка,

Дщерь лепокудрой Летб, взошла на Олимп. . .

189 (ПРОКЛ) Деметра первая разделила между богами два рода пищи, как говорит Орфей:

Изобрела она слуг, и прислужников, и провожатых,
Изобрела амвросию, красного нектара пойло,
Изобрела и творенье прекрасное пчелок жужжащих.

190 (ПРОКЛ) Богослов обычно называет Кору единой.

191 (ПРОКЛ) Рожденные от Рэй Куреты, по словам богословов, обступают творца Вселенной и пляшут вокруг него. . . Куретам соответствует ряд Корибантов, которых . . . сторожит Кору со всех сторон.

192 (ПОРФИРИЙ) . . . У Орфея Кора — а она попечительница всякого посеянного плода — представлена работающей за ткацким станком, поскольку древние называли небо пеплосом (покровом), т. е. как бы облачением небесных богов. (ПРОКЛ) Орфей . . . называет [Кору], ткающую небесный мирострой, невестой как непорочную, несмотря на то что она сочетается с Зевсом. Она пребывает в своих покоях, а когда выходит из своего дома и оставляет ткань незаконченной, то похищается, похищенная берется в жены, и взятая в жены рождает. (ПРОКЛ) . . . Пеплос, произведение ткацкого искусства, несущий на себе изображение космической войны. . . богиня тклет его вместе с отцом.

193 (ЦЕЦ) Ткацкую ткань, незаконченный труд, что вышит цветами.

194 (ПРОКЛ) . . . У Орфея Деметра, вручая Коре царскую власть, говорит:

На Аполлоновом ложе цветущем ты также возляжешь,
Славные чада родишь, чьи лица огнем полыхают.

195 (ПРОКЛ) [Богословы] говорят, что Зевс насилует Кору, а Плутон похищает.

196 (ПРОКЛ) . . . В стихах о творении покрова [Кора] изображена ткащей скорпиона. . .

197 (ПРОКЛ) [Кора остается непорочной «девой», но как Персефона она сочетается с Аидом и рождает преисподних Эвменид]: «Девять дочерей с мерцающим взглядом, цветотворящих».

199 (ПРОКЛ) [Ипта, нянька Диониса], возложив на голову колыбель-веялку (ликнон) и обвив вокруг нее змею, приемлет сердечного [?] Диониса . . . она спешит к матери богов и к Иде. . . поэтому об Ипте говорится, что она помогает родам Зевса. . . «Сладкое чадо Зевса она вызывала. . .».

200 (ПРОКЛ) [Обращение к Селене]. «О Плутона и Эвфросина, и мощная Бендис!»

201 (ДАМАСКИЙ)

Мать бессмертных зову, и Аттиса, также и Месяц,
Также богиню небес с бессмертным Адонисом святым.

202 (ПРОКЛ) . . . Одну Гигиейю (Здоровье) богословы возводят к Асклепию. . . а вторую, возникшую до Асклепия вместе с творением мира, производят от Пейто (Убедения) и Эрота (Любви).

203 (ОЛИМПИОДОР) у Орфея [упоминается богиня] Мнемоб (Память).

204 (СИМПЛИКИЙ) . . . Орфей называет Тяхэ (Случай) Артемидой, Луну — Гекатой [следуют Гимны, I, 1]; и ты найдешь еще у Орфея тысячи случаев употребления одних имен вместо других.

206 (КЛИМЕНТ АЛЕРС.) «Как растит человек побег оливы цветущий». . . из стихов Орфея об исчезновении Диониса.

207 (ПРОКЛ) . . . Зевс назначает его [Диониса] царем всех. . . богов и воздает

ему высочайшие почести. «Хоть и младому еще, неразумну участнику пира». Поэтому богословы часто называют Солнце «новым [молодым] богом» — по словам Гераклита, «солнце ежедневно новое» [фр. 58] — как причастное дионисийской силы.

208 (ПРОКЛ) Отец сажает его на царский престол, вручает ему скипетр и провозглашает царем всех внутримирных богов:

«Слушайте боги! Его-вот я вам царем назначаю!».

209 (ОЛИМПИОДОР) Когда Дионис напечатлел свое отображение в зеркале, то последовал за ним, и таким образом раздробился на Вселенную, а Аполлон его собирает воедино и восстанавливает, поскольку он очищающий бог и воистину спаситель Диониса, почему его и воспевают как Дионисодателя. (ПРОКЛ) [Богословы] говорят, что Гефест сделал Дионису зеркало; посмотрев в него и увидев в нем свое отображение, бог выступил из самого себя и изошел во все разделенное на индивидуальные вещи творение. Ср.: НОНН. Поэма о Дионисе, VI, 169: Недолго владел он престолом Зевса. Намазав коварным гипсом воровские круги лиц, повинувшись гневу безжалостной, гневливой богини Геры, его порешили титаны Тартарийским ножом, когда он рассматривал в зеркале ложный образ.

34 (КЛИМЕНТ АЛЕКС.) Тайнства Диониса совершенно бесчеловечны. Когда он был еще ребенком и вокруг него плясали вооруженные Куреты, к нему обманом подкралась Титаны и, обманув его детскими игрушками. . . растерзали его, еще младенца, как говорит поэт тайнства фракиец Орфей:

Шипка сосны, трещотка и гнучоленные игрушки,
Дивные яблоки в злате от Гесперид звонкогласых.

Символы этого тайнства: . . . игральная кость [астрагал], мяч, сосновая шипка [или волчок], яблоки, трещотка, зеркало, клочок шерсти.

35 (КЛИМЕНТ АЛЕКС.) Афина, похитившая сердце Диониса, была названа Палладой от «бления» (πάλλειν) сердца, а растерзавшие его Титаны поставили на треножник некий котел, положили в него члены Диониса и сначала варили их, а потом наизвали на вертела и поджаривали на Гефестовом огне. Затем появляется Зевс . . . поражает молнией Титанов и поручает сыну Аполлону похоронить члены Диониса. Тот, не смея послушаться Зевса, относит расчлененный труп на Парнас и погребает его.

210 (ПРОКЛ)

(a) Умное сердце оставили только. . .

(b) На семь членов всего разделили мальчика. . .

Ср.: ПЛУТАРХ. О плотоядении, I, 996 С: Миф о страстях Диониса и его расчленении, о дерзновенном покушении Титанов на него и об их наказании и испепелении молнией, после того как они вкусили мертвой плоти, в аллегорической форме говорит о новом рождении [палингенеси]. Иррациональную, неупорядоченную и склонную к насилию часть [нашего существа], поскольку она не божественного, а демонического происхождения, древние называли Титанами; именно эта часть несет наказание и справедливое возмездие. Ср.: ПРОКЛ. Гимн VII к Афине, ст. 11 сл.: О ты, которая спасла неискромсанное сердце Владыки. . . и отнесла его к отцу, чтобы по незреченному замыслу родителя от Семелы родился в мире новый Дионис.

211 (ОЛИМПИОДОР. К «Федону» 67 с) Разве Платон не перепевает здесь орфические сказания о том, что Дионис разрывается на части Титанами, а соединяется Аполлоном? Поэтому он сводится воедино и собирается, т. е. возрождается от Титанической

жизни к единовидной. (ПРОКЛ. К «Тимею» 35 b) . . . Это число [седмица] приводит в душу. . . чтобы она обладала разделением на семь долей как символом Дионисийского ряда и выраженного в мифической форме расчленения. . . а гармонией между этими семью долями она должна обладать как символом Аполлонического ряда. . . (ПРОКЛ. К «Алкивиаду I», 103 a) . . . Подобно тому как Орфей ставит над царем Дионисом аполлоническую монаду, отвращающую его от выступления (эманации) в титаническое множество и сошествия с царского престола и блюдущую его непорочную чистоту в единении.

212 (ОЛИМПИОДОР) . . . царем их [новых богов] Платон считает Солнце, которое тесно связано с Дионисом через Аполлона согласно Орфею.

215 (ПРОКЛ)

Атлас широкое Небо несет, повинаясь Ананкэ
Мощной на границах Земли. . .

216 (ПРОКЛ) Господа нашего Диониса богословы часто называют Ойносом [Вином] по последним его дарам. Так, например, Орфей:

- (a) Ойноса корень единый трояким они сотворили. . .
- (b) Ойноса члены все чинно возьми и ко мне принеси-ка. . .
- (c) Гера к Ойносу злобу питая, Зевесову сыгу. . .

217 (ПРОКЛ) Орфей упоминает кратер Диониса и помещает много других кратеров вокруг Солнечного стола.

218 (ПРОКЛ)

Все творил Зевс-отец, а Вакх приводил в исполнение.

219 (КЛИМЕНТ АЛЕКС.) Фригийцы называют воду «бэдю», подобно Орфею:

Капает бэдю Нимф, вода преславная. . .

220 (ОЛИМПИОДОР. К «Федону» 61 c) у Орфея рассказано о четырех царствах; первое — Урана, которое наследовал Крон, оскотивший своего отца, после Крона царствовал Зевс, который низверг отца в Тартар, преемником Зевса был Дионис, которого, как говорят, по наущению Геры растерзали Титаны и вкусили его плоти. Разгневавшись на них, Зевс поразил их молнией, и из копоти испарений, поднявшихся от них (которая стала материей), произошли люди. . . [По Платону], мы не должны выводить себя сами [из тела], поскольку тело наше дионисийское; мы часть Диониса, коль скоро мы состоим из копоти Титанов, вкусивших его плоти.

*220a (БОЭЦИЙ. Утешение, IV, 6 пр., 148)

Копоть созидала тело священного человека.

222 (ПРОКЛ)

Кто безгрешно прожил под лучами Ээлиоса [Солнца],
Тех и по смерти судьба ожидает помягче, [чем прочих],
На красивом лугу, у глубоких вод Ахеронта.
Кто ж беззаконья творил под лучами Ээлиоса,
Тех, бесчинных, низводят вниз под равнину Кокита,
Тартар во леденящий. . .

223 (ПРОКЛ)

Стало быть, души зверей, равно как и птиц окрыленных,
Лишь отлетят [от тела] и жизнь (эон) их покинет святая,

- Душу никто их отнюдь не уводит в чертоги Аида,
 Но летает на месте без всякого толку, доколе
 5 [Тело] иное захватит ее с дуновеньями ветра.
 Но едва человек покинет свет Ээлиоса,
 Души бессмертные вниз Гермес низводит Килленский
 В недра земли огромные. . .

224 (ПРОКЛ). . . После мифического суда над Титанами и рождения от них этих смертных существ [Орфей] говорит, во-первых, что души сменяют жизни через определенные периоды времени и многократно вселяются в различные человеческие тела:

- (а) Одни и те же отцами и сыновьями в чертогах,
 Лепыми женами, и матерями, и дочерьми
 [Снова] родятся на свет, меж собой меняясь рождением.

В этих стихах он учит о переселении из одних человеческих тел в другие. . . во-вторых, о том, что возможно переселение человеческих душ и в других животных, Орфей тоже учит в ясных выражениях, когда говорит:

- (b) Вот почему по кругу времен душа человека
 Поочередно в животных вселяется иногда в разных:
 То родится конем, а то ***
 То [родится] овцой, то птицею с виду ужасной,
 5 А иногда и с собачьим телом, и с голосом низким,
 Хладных породю змей ползет по земле она дивной.

225 (ПЛУТАРХ)

Столько живет, сколько отпрыски палм с густолиственной кроной.

226 (КЛИМЕНТ АЛЕКС.)

Смерть душе — вода, но водам она возмещение,
 А из воды — земля, из земли же вода вновь родится,
 А из воды — душа, что весь эфир обегает.

227 (КЛИМЕНТ)

Вётвям подобны дела, что заботят земных человек,
 Ни у кого назначенья единого в мыслях, кружитесь
 Все кругом, а стать на одном недозволено месте,
 Так и бегут, кто как начал, тур бега у всех одинаков.

228 (ВЕТТИЙ ВАЛЕНТ)

- (а) А душа у людей корнями растет из эфира.
 (b) Воздух вдыхая, мы душу божественную срываем.
 (с) А душа, бессмертна и вечно юна, — от Зевеса.
 (d) Всех бессмертна душа, а тела подвержены смерти.

229 (ПРОКЛ) . . . у Орфея посвящаемые в таинства Диониса и Керы молятся:

Кругу конец положить и от зла вздохнуть с облегченьем.

230 (СИМПЛИКИЙ) [Души] привязаны воздающим всем по заслугам богом-демиургом к колесу судьбы и рождения, от которого, согласно Орфею, невозможно осво-

бодиться, если не умиловить тех богов, «коим приказ от Зевеса / Отвязать от круга и дать от зла передышку» человеческим душам.

231 (ПРОКЛ) Согласно Орфею, души возвращаются к рождению из подземных мест и тамошних судилищ через триста лет, он также считает три сотни символом полного периода очищения человеческих душ.

232 (ОЛИМПИОДОР) Дионис — источник избавления (λύσις), поэтому его зовут Лисеом [Избавителем], и Орфей говорит:

. . . совершенные жертвы стобычьи

Люди тебе станут слать ежегодно во всякую пору
И обряды свершать, искупленья за предков преступных
Алча, а ты, власть имущий над ними, кого пожелаешь,
Освободишь от тяжких трудов, нескончаемой боли.

233 (ИОАНН МАЛАЛА)

Звери, и птицы, и смертных людей никчемное племя,
Бремя земли, сотворенные призраки, вовсе невежды,
Что ни грядущего зла приближенье смекнуть не способны
Ни отвратить совершенно беду загодя не умеют,
5 Ни добро, когда оно есть, удержать и заметить,
Неискупленные, все наобум, без предусмотренья.

234 (КЛИМЕНТ)

Нет ничего собачнее женщины, нет и мерзее.

235 (ОЛИМПИОДОР)

Много нартеконосцев, но мало [истинных] вакхов.

**IV. Орфическая теогония по Иерониму и Гелланику*
(fr. 54—59 Kern)

54. ДАМАСКИЙ. О началах, 123 bis: [Орфическая теогония] по Иерониму и Гелланику — если только это не одно и то же лицо — такова: «Сначала были вода и ид, который затвердел в землю», — говорит он, полагая первыми эти два начала — воду и землю; землю — как рассеивающуюся по своей природе, воду — как склеивающую и связующую ее, а предшествующее двум единое начало опускает как неизреченное, ибо уже само умолчание о нем указывает на его неизреченную природу. Третье начало, идущее после двух, родилось из них, т. е. из воды и земли, и являет собой «Дракона [Змея] с приросшими головами быка и льва, а посреди [них] — лик бога. На плечах у него крылья, имя ему — Нестареющий Хронос [Время], он же Геракл. С ним соединена Аванкэ [Необходимость] — то же самое существо, что и Адрастея — бестелесная, распростертая по всему космосу и касающаяся его границ. Под этим, я думаю, подразумевается третье субстанциальное начало, только он признал его мужеженским, чтобы указать на производящую причину всех вещей. Я полагаю также, что теология, изложенная в «Рапсодиях», опустив два первых начала (вместе с одним, предшествующим двум и переданным посредством молчания), началá с этого третьего, следующего за двумя, как с первого, которое хоть в какой-то мере выразимо в слове и доступно человеческому слуху. Действительно, высокочтимый в той [«Рапсодической теогонии»] Нестареющий Хронос был «отцом Эфира и Хаоса»; и согласно этой [Иеронимовой теогонии] тоже именно этот Хронос-Змей рождает тройное потомство: «влажный Эфир»,

как он говорит, «безграничный Хаос» и, кроме того, в-третьих, «мглистый Эреб [Мрак]». Эта вторая триада, по его учению, соответствует первой, как потенциальная — отчей. Поэтому третий член ее есть «мглистый Эреб», отчий и крайний — «Эфир», и не просто [«Эфир»], а «влажный», а средний — «безграничный Хаос». В них [Эфире, Хаосе, Эребе], по его словам, «Хронос родил яйцо». Таким образом, это предание тоже полагает [яйцо] порождением Хроноса, и оно также порождается в них [Эфире, Хаосе, Эребе], так как из них тоже эманурует третья умопостигаемая триада. Какова же она? [Во-первых], яйцо, [во-вторых], двоица заключенных в нем существ, мужского и женского, равно как и множество содержащихся в среднем [члене триады] семян, и, в-третьих, кроме того, «бестелесный бог с золотыми крыльями на плечах, у которого по бокам были приросшие головы быков, а на голове — чудовищный змей, принимающий всевозможные обличья зверей». Его надо рассматривать как ум триады, этого третьего бога; средние роды, множество и двоицу — как потенцию, а само яйцо — как отчее начало третьей триады. Эта теология также, [подобно Рапсодической], воспеваает Протогона [Первороденного бога] и величает Зевса (Δία) «распорядителем (Δία-τάτωρ) всех и всего космоса», почему он и зовется также Паном. Вот что сообщает эта генеалогия об умопостигаемых началах.

55. АПИОН у Климента Римского, Гомилии, VI, 3: Гесиод в «Теогонии» говорит: «Итак, в самом начале возник Хаос». Слово «возник» очевидным образом означает возникновение в качестве чего-то возникшего, а не вечное бытие в качестве чего-то невозникшего. Орфей же уподобляет Хаос яйцу, в котором было слияние первых элементов. Под Хаосом Гесиод понимает то, что Орфей называет возникшим «яйцом». Яйцо это произошло из беспредельной материи и возникло так. (4) Четверородная материя была живой, и вся беспредельная «пучина вечно текла», беспорядочно неслась, вновь и вновь выливалась в мириады то таких, то иных несовершенных соединений и разрушала их своей беспорядочностью, и — разверстая — зияла словно немогущая завязаться для рождения животного. И вот однажды случилось так, что беспредельное море само, гнетомое своей собственной природой, потекло упорядоченно, от себя к себе, подобно водовороту, и смешало вещества таким образом, что самая питательная часть всего, которая была наиболее подходящей для рождения животного, невзначай потекла в центре Вселенной — как в воронке — и под действием несущего все водоворота удалилась в глубину, втянула в себя окружающую пневму и, словно забеременев, образовала зародыш. Подобно тому как в воде часто сами собой возникают пузыри, так со всех сторон скрепился шарообразный свод. Затем, выношенный в самом себе, он был подхвачен божественной пневмой, понесся наверх и вынырнул на свет — своего рода гигантский плод, как бы живое творение, рожденное из всей беспредельной пучины, похожее на яйцо и округлостью и порядком [расположения внутренних] слоев. Ср.: РУФИН. Recognition., X, 30: Среди множества авторов у греков, писавших о происхождении мира, особенно выделяются двое: Орфей и Гесиод. Их сочинения допускают двойное толкование: буквальное и аллегорическое. Буквальный смысл привлек невежественную толпу черни, аллегорический стал предметом восхищения всех философов и людей образованных. Орфей говорит, что сначала был вечный, беспредельный, нерожденный Хаос, из которого возникло все. Этот Хаос, по его словам, не тьма и не свет, не влажное и не сухое, не теплое и не холодное, но все вместе смешанное; он был вечен, единый и бесформенный. Однако однажды он породил и произвел из себя выношенный в течение беспредельного времени как бы «наподобие огромного яйца» некий «двойной образ», который они [язычники] называют «мужеженским»; он образовался

из такой разнообразной смеси противоположностей. Это начало всех вещей, которое первым произошло из более чистой материи и при своем происхождении вызвало разделение четырех элементов. Из двух первых элементов оно создало небо, из прочих — землю, а уж от них, по его словам, благодаря их взаимному сочетанию рождается и возникает все. Вот что говорит Орфей.

56. АПИОН у Климента Римского, Гомилии, VI, 5—12: Под «Кроносом» разумей «время» (хронос), под «Реей» — текучесть (τὸ ρέον) жидкой субстанции, так как движущаяся материя с течением времени породила, словно яйцо, объемлющее все вещи шарообразное небо. Сначала оно [яйцо] было наполнено плодоносной (γόνιμος) мозговиной, как бы способное породить всевозможные элементы и цвета, но, несмотря на это разнообразие, выглядело так, как будто состояло из одного вещества и было одного цвета. Подобно тому как павлинье яйцо кажется одноцветным, но потенциально содержит в себе тысячи цветов будущего взрослого павлина, так и рожденное из всей бесконечной материи живое яйцо, приводимое в движение лежащей в его основе и вечно текущей материей, обнаруживает всевозможные превращения. Внутри шара промышленением содержащейся в нем божественной пнеумы формируются некое мужеженское живое существо, которое Орфей называет Фанесом, так как когда он явился (φανεύτος) от него осветилась вся Вселенная светом самого яркого элемента — огня, созревающего в жидкости. Весьма вероятно, что и на примере светлячков природа даровала нам возможность наблюдать свечение жидкости. (6) Итак, первозданная часть яйца, подогретая находящимся внутри живым существом, трескается, а затем выходит наружу сформировавшееся существо, о котором Орфей говорит:

Эрикпей, лишь расселось яйцо глубозевное, [прянул].

И благодаря столь великой силе произошедшего [из яйца] Фанеса небосвод обретает гармонию и упорядоченность, а сам он садится на вершине неба, словно на престол, и сокровенно освещает беспредельную вечность. А оставшаяся внутри небосвода плодоносная материя, как бы вынашиваемая в течение длительного времени, «оставалась нерасчлененной», пока естественно подогревающая ее теплота не разделила субстанции всех [элементов]. Сначала ее нижняя часть, словно осадок, под действием тяжести удалилась вниз; вследствие веса и плотности, а также большого количества содержащегося в ней вещества ее назвали Плутоном [Обильным], объявив царем Аида и мертвых. (7) О том, что эта первая и обильная, грязная и грубая субстанция была проглочена Кроносом-Временем, говорят в естественном смысле, имея в виду ее осаждевание вниз. Воду, которая стекла след за первым осадком и всплыла над первой субстанцией, назвали Посидоном [= Питье-доном]. А оставшийся третий, самый чистый ввиду его прозрачности и самый горный [элемент] — огонь — назвали Зевсом по причине присущей ему кипящей (ζέουσαν) природы. Благодаря своему устремлению вверх огонь не был проглочен в нижнюю область Кроносом-Временем, но, как я уже сказал, животворящая и стремящаяся вверх огненная субстанция взлетела в воздух, который в силу своей чистоты в наибольшей степени наделен разумом. Зевс, т. е. кипящая субстанция, своим жаром втягивает (ἀνιμάτ-αι) наверх оставшуюся в лежащей снизу влаге тончайшую и божественную пнеуму, которую назвали Метис. (8) Достигнув вершины эфира, будучи им проглочена (словно влага смешалась с теплом) и вызвав вечное дрожательное движение, она рождает ум, который также называют Палладой вследствие биения (πάλλεσθαι) — наихудожественнейший разум, благодаря которому эфирный Мастер приль весь космос. От всепроникающего Зевса, т. е. от самого горячего эфира, вплоть

до эдешних мест доходит воздух (*ἀήρ*), который называют Герой (*'Ἡρα*). Как находящаяся ниже чистой эфирной субстанции и уступающая как женщина по чистоте превосходящему ее [эфиру], она естественно стала считаться сестрой Зевса, поскольку родилась из той же субстанции, а супругой — поскольку лежит под ним как жена. . . Ср.: РУФИН. Рес., X, 17—20: Более мудрые среди язычников говорят, что прежде всего был Хаос. В течение долгого времени сплавивая свои внешние части, он сотворил себе границы и некое основание, собравшись воедино и приняв образ и форму как бы огромного яйца, внутри которого в течение столь же большого времени, словно внутри яичной скорлупы, находилось согретое животворным теплом животное. Затем, когда этот огромный шар треснул, из него произошел некий человеческий образ с двойным обликом, который они называют мужеженским. Кроме того, его называют также Фанесом от слова «являться», поскольку, когда он явился, тогда, по их словам, просиял свет. От него, говорят они, произошли вещество, разум, движение, сон, а из них сотворены Небо и Земля. От Неба родились шесть мужских существ, которых называют Титанами, и сходным образом от Земли — шесть женских, которых нарекли Титанидами. Имена тех, кто родился от Неба, таковы: Океан, Кей, Крий, Гиперион, Иапет, Кронос; имена тех, кто родился от Земли, таковы: Тейя, Рея, Фемиды, Мнемосина, Тетфия, Феба. (18) Тот из них, кто был рожден от Неба первым, взял в жены первую дочь Земли, кто вторым — вторую и т. д. по порядку. Первый [Титан], взявший в жены первую [Титаниду], чрез нее был низведен вниз; вторая [Титанида] чрез того, за кого она вышла замуж, поднялась вверх, и, поступая таким образом по порядку, остальные [Титаны и Титаниды] остались на тех местах, которые достались им по брачному жребью. От брачных союзов этих [Титанов и Титанид], как они утверждают, произошли бесчисленные другие [боги]. Между тем один из тех шести сыновей, именуемый Сатурном, взял в супружество Рею. А поскольку он был предупрежден неким оракулом, что тот, кто от нее родится, окажется сильнее его самого и свергнет его с царства, то он решил проглатывать сыновей, которые у нее рождаются. Первым у нее рождается сын, которого нарекли Айдом (у нас он именуется Орком), и по причинам, о которых мы сказали выше, отец приемлет его внутрь и проглатывает. После него она родила второго, которого называют Нептуном, и его он тоже проглотил. Последним она родила того, кого называют Юпитером. Но мать Рея, жалея сына, хитростью прячет его от отца, намеревавшегося его проглотить, и сначала — чтобы крика мальчика не было слышно — велела неким Корибантам бить в кимвалы и бубны, чтобы грохотом заглушить крик ребенка. (19) А когда по умалению утробы отец повял, что плод родился, то потребовал его на пожрание. Тогда Рея поднесла ему большой камень и сказала: «Его родила». Тот принял его и проглотил, и проглоченный камень потеснил и заставил выйти наружу тех сыновей, что были проглочены раньше. Первым протиснулся, и выделился Орк, и занял нижние места, т. е. преисподнюю. Вторым — так как во чреве отца он находился выше Орка — выталкивается Нептун. Третий, оставшийся в живых благодаря хитрости матери Реи и по ее приказу вскормленный козой был выпущен на небо. (20) Доведа досюда вздорную басню и генеалогию язычников, остановимся, ибо если бы я захотел изложить все рождения тех, кого они называют богами, то ей не было бы конца.

57. АФИНАГОР. В защиту христиан, 18: Боги, как говорят [язычники], были вначале, но каждый из них родился так же, как рождается мы, и причем в этом они согласны все: как Гомер, который говорит: «Океана, прародителя богов, и мать Тетфию» [Ил., XIV, 201], так и Орфей, который первым придумал имена богов и изложил их

генеалогии, равно как и деяния каждого из них, и который пользуется у язычников славой более правдивого богослова. Гомер по большей части и особенно в отношении богов следует за ним и так же, [как Орфей], полагает источник их возникновения в воде «Океан, что всем прародитель» [Ил., XIV, 246]. Ведь, по Орфею началом всех вещей была вода, из воды возник ил, а из того и другого родилось животное Змей с приросшей головой льва <и быка>, а посредине между ними — лик бога по имени Геракл или Хронос. Этот Геракл родил сверхвеликое яйцо, которое — переполняемое силой своего родителя — от трения раскололось надвое. Верхняя его половина стала Небом, нижняя — Землей. Произошел и некий двутелый бог. Сококупившись с Землей, Небо рождает дочерей: Клото, Лахесис, Атропос — и сыновей: Гекатонхейров — Котта, Гига, Бриарей; Киклопов — Бронта, Стеропа и Арга. Узнав, что он будет лишен власти своими детьми, [Уран] заковал их и сбросил в Тартар. А Земля, разгневавшись на это, родила Титанов:

Юношей Уранионов родила владычица Гея,
 Коих Титанами также по имени величают,
 Ибо они отомстили великому звездному Небу.

58. АФИНАГОР. В защиту христиан, 20: Итак, если утверждение язычников, что боги возникли и образовались из воды, свидетельствовало о неправдоподобии их богословия, то — показав, что нет ничего возникшего, что не было бы в то же время тленным, — я перейду к остальным обвинениям. Во-первых, они [язычники] описали их тела. Геракл, по их словам, бог, и при этом «Змей извивающийся», других [богов] они называли Сторукими. Дочь Зевса, которую он родил от своей матери Реи или Деметры, имеет два глаза согласно природе, два на лбу и еще лицо с тыльной стороны шеи. Есть у нее и рога, и поэтому Рея, испугавшись уродства ребенка, убежала, не дав ему сосца, почему ее и прозвали: мистически — Афила [= Лишенная сосца 'Αθηλά], а общедоступно — Ферсефона и Кора, причем она не тождественна Афине, рожденной из головы Зевса. Кроме того, они в точности (как они полагают) изложили их деяния: как Крон отсек срамные части отца и сбросил его с колесницы и как он предавал детоубийству, проглатывая детей мужского пола, как Зевс связал своего отца и низверг его в Тартар (подобно тому как Уран — своих сыновей) и воевал с Титанами за власть и как он преследовал свою мать Рею, запрещавшую ему вступить с ней в брак, а когда она стала Змеей, то и сам превратился в Змея и, связав ее так называемым Гераклеиским узлом, сококупился с ней — ведь жезл Гермеса символизирует форму сокоупления — затем, как он сококупился со своей дочерью Ферсефой, изнасиловав и ее в форме змея, от которой у него родился сын Дионис. Надо сказать хотя бы вот что: что святого или хорошего в этой истории, чтобы мы поверили, будто Крон, Зевс, Кора и другие — боги? Описания тел? И какой человек, не лишенный ума, поверит по здравом размышлении, что бог родил Ехидну? Орфей:

Новое, жуткое Фанес на свет произвел поколение
 Из священного чрева — ужасного вида Ехидну,
 Коей власы с головы и лицо [девичье] прекрасным
 Было на вид, а прочие части ужасного Змея
 [Облик являли] от шеи. . .

Или же согласится с тем, что перворожденный бог Фанес — ведь это он первым произшел из яйца — имеет тело или облик Змея и был проглочен Зевсом, чтобы Зевс стал неотделим от него?

2. МУСЕЙ

А. МИФИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ.
СОЧИНЕНИЯ ПОД ИМЕНЕМ МУСЕЙ

Ср. 1 А 1 б, А 10, А 11, А 14 а; 1 В 4, В 5, В 11.

1. СУДА, под словом «Мусей»: Мусей Элевсинский из Афин, сын Антифема, сына Экфанга, сына Керкиона, которого победил в войне Тесей, и Селены. Эпический поэт, ученик Орфея (но скорее старше его): был в расцвете при втором Кекропе и написал «Наставления» к сыну Евмолпу [объемом] в 4000 стихов и множество других сочинений.

1 а. ГАРПОКРАТИОН, под словом «Мусей»: Лисий в обвинительной речи против Миксидама [фр. 176 Saurre] — если только эта речь подлинная — говорит: «И двое малых [= рабов] у него в свите: одного из них он зовет Мусеем, другого — Гесиодом». Ясно, что обвиняемый нарочно назвал так слуг. А о Мусее Аристоксен говорит в сочинении «О Праксидаманте» [фр. 91 Wehrli], что одни считают его уроженцем Фракии, другие — автохтоном из Элевсина. Среди прочих о нем писал и Главк [из Регия] [фр. 1 FHG].

2. ГЕРМЕСИАНАКТ. Леонтион, ст. 15 (у Афиняе, XIII, 597 D):

15 Также сын Мены Мусей, радатель Харит, не оставил
Непочтенной [жену] Деиопею [свою].

С громким криком «Эвай» близ Элевсинского берега

Тайну вещей словес мистам открыла она:

Так по святому обряду Рарийскую чтила Деметру.

20 Слава не меркнет ее даже в Аидовой тьме.

3. ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ. Об удивительных слухах, 131, 843 б 1: Говорят, что когда афиняне строили храм Деметры Элевсинской, то нашли погребенную под камнями медную стелу, на которой было написано: «Это могила Деиопы». По словам одних, она была женой Мусея, по словам других, — матерью Триптолема.

3 а. Схолии к СОФОКЛУ, Эдип в Колоне, 1053: Некоторые говорят, что Евмолп изобрел посвящение в мистерии, ежегодно справляемое в Элевсине в честь Деметры и Коры. А вот Андрон [FGH Hist 10 F 13] пишет, что посвящение в мистерии изобрел не <этот> Евмолп, а его одноименный потомок в пятом колене; от Евмолпа, по его словам, родился Керик, от Керика — Евмолп, от Евмолпа — Антифем, от Антифема — поэт Мусей, а от него — тот Евмолп, который открыл посвящение в мистерии и стал перофантом.

4. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, I, 3: В Афинах жил Мусей, в Фивах — Лин. Первого из них называют сыном Евмолпа, он первым сочинил «Теогонию» и «Сферу» и утверждал, что все вещи возникают из одного и в одно разрешаются.

5. ПАВСАНИЙ, I, 22, 7: [Описание пинакотеки на Афинском Акрополе]. Как ми-нуешь картины с изображением мальчика, несущего гидрия, и борца, которого написал Тименет, увидишь Мусея. Я читал эпические стихи, в которых сказано, что Мусей получил от Борея в дар способность летать, но сдается мне, что их сочинил Ономакрит. И вообще [из всего, что приписывают Мусею], ничто не принадлежит ему наверняка, кроме «Гимна к Деметре для Ликомидов» [фр. В 20].

5 а. ПЛАТОН. Государство 363 с=1 В 4.

6. Схолии к АРИСТОФАНУ, Лягушки, 1033: По словам Филохора [F 209 Jас.], Мусей — сын Селены и Евмолпа. Он сочинил Избавления, Посвящения в таинства и

Очищения. Софокл [фр. 1012 Nauck] называет его хресмологом [собирателем оракулов или прорицателем].

7. СЕРВИЙ. Комментарий к «Энеиде», VI, 667: Он [Мусей] был богословом после Орфея, и мнения о нем различны: одни считают его сыном Луны, другие — сыном Орфея, учеником которого, как известно, он был: ведь это ему [Мусею] он [Орфей] посвятил первую песнь поэмы, озаглавленной «Кратер» [1 А 1].

8. Паросская хроника, FGrHist 239 A 15: «С тех пор как Евмолп, сын Мусея, Орфеем посвящен»ного, учредил мистерии в Элевсине и «отца М»усея поэзию обнародовал, минуло 1110 лет; в то время в Афинах царствовал Эрехт»ей, сын Пандиона [1373 г. до н. э.].

9. ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ, IV, 25, 1: [Геракл] пришел в Афины и посвятился в Элевсинские мистерии, когда предстоятелем обрядов посвящения был Мусей, сын Орфея.

10. Схолии к ДИОНИСИЮ ФРАКИЙСКОМУ, с. 183, 10 Hilgard: Некоторые считают изобретателем [алфавита] Мусея, сына Метиона и Стеропы, современника Орфея.

МАЛЛИЙ ТЕОДОР. О размерах, VI, 589, 20 Keil: Размер дактилический гексаметр был впервые изобретен Орфеем по утверждению Крития [В 3], Мусеем по утверждению Демокрита [фр. 568 а Лурье], Лином по утверждению Персина, Гомером по утверждению весьма многих.

В. ФРАГМЕНТЫ

Теогония

1 (4 Kern). Схолии к АПОЛЛОНИЮ РОДОССКОМУ, III, 1179: В 3-й книге «Титаномахии» Мусея говорится, что Кадм шел из Дельфийского оракула следом за жоровой, которая его вела.

2 (5). Там же, IV, 156: В этих и следующих стихах [Аполлоний] рассказывает, как, побрызгав зелье можжевельной ветвью и произнеся заклинание, Медея усыпила дракона. . . а можжевельник — это колючее растение, посвященное Аполлону, как сообщается в 3-й книге [поэмы], приписываемой Мусею.

3 (21). АРИСТОТЕЛЬ. История животных, VI, 6, 563 а 18: Орел кладет три яйца, а высиживает два из них, как об этом говорится в так называемых Мусеевых стихах:

Три он кладет и, высидев два, одно опекает.

3 а. АРИСТОТЕЛЬ. Политика, 1339 в 21: И Мусей тоже говорит:

Слаще всего для смертных — петь.

4 (24). КЛИМЕНТ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ. Строматы, VI, 5 (II, 424, 26 St.): Мусей написал:

Сколь же умнее (τέχνη) всегда много лучше, чем сила, бывает, и Гомер повторяет» [Ил., XXIII, 345, пер. Н. И. Гнедича]:

Плотник тебя превосходит искусством своим, а не силой. Опять же Мусей сочинил:

5 (25)

Точно так же и листья растит хлебодарная почва:
Вянут на ясенях листья одни, прозябают другие.
Так и род человек, и племя людское крутится,

а Гомер переписывает [Ил., VI, 147—148, пер. Гнедича]:

Ветер одни по земле развевает, другие дубрава,
Вновь расцветая, рождает. . .

6 (с. 14). Там же, VI, 25 (II, 442, 3 St.): Украв целиком чужие сочинения, [эллины] обнародовали их как свои собственные. Так, например, Евгамон Киренский украл у Мусея целую книгу о Феспотах.

7 (23). Там же, VI, 26 (II, 442, 15 St.): Гесиод пишет о Мелампе [фр. 273 Merkelbach—West]:

Сладостно также узнать, и что уготовили смертным
Боги — добра или зла примету надежную. . .

и т. д., дословно позаимствовав [эти стихи] у поэта Мусея.

8 (3). ПСЕВДО-ЭРАТОСФЕН. Превращения в звезды, 13: (Возничий) В этом созвездии изображены очертания Козы и Козлят. Мусей говорит, что новорожденного Зевса Рея поручила Фемиде, Фемида отдала младенца Амалфее, а Амалфея доверила его козе, которая у нее была, и та вскормила Зевса. Коза сия была дочь Гелиоса, столь страшная, что боги Кронова века в ужасе перед обликом девочки попросили Гею упрятать ее в какую-нибудь критскую пещеру. Упрятав ее, Гея поручила заботу о ней Амалфее, а та вскормила козьим молоком Зевса. Когда ребенок возмужал и собирался воевать с Титанами, а оружия у него не было, вышел ему оракул: вооружиться шкурой козы, так как она неуязвима и так как посреди спины у нее — лик Горгоны. Исполнив сие, Зевс, благодаря хитроумной уловке, стал казаться вдвое больше. [Победив Титанов], он покрыл скелет козы новой шкурой, оживил ее и сделал бессмертной. Говорят, что она стала небесной звездой, а Зевса прозвали Эгионом [= Обладателем козьей шкуры]. ЛАКТАНЦИЙ. Божественные установления, I, 21, 39: Мусей повествует, что шкуру этой козы использовал вместо щита Юпитер в борьбе против Титанов, и что поэтому поэты называют его Эгионом. Ср.: ЭПИМЕНИД, 3 В 24.

9 (10). ГАРПОКРАТИОН. Мелита — дем фило Кекропиды. Филохор говорит в 3-й книге [FGH Hist 328 F 27], что дем этот получил свое название от Мелиты, согласно Гесиоду [фр. 225 Merk.—West] — дочери Мирмека, согласно Мусею — дочери Дия, сына Аполлонова.

10 (14). ПАВСАНИЙ, I, 14, 3: Известны стихи Мусея (если только они принадлежат Мусею) о том, что Триптолем — сын Океана и Геи.

11 (13). ПАВСАНИЙ, X, 5, 6: Есть у эллинов эпическая поэма, озаглавленная «Евмолия», которую приписывают Мусею, сыну Антиофема. В этих стихах говорится о совместном оракуле Посейдона и Геи [в Дельфах], причем она дает оракулы сама, а Посейдону прислуживает Пиркон. Стихи гласят:

Тотчас же голос Хтонии разумное вымолвил слово
С Пирконом вместе, служителем славного Энносигея.

12 (15). ФИЛОДЕМ. О благочестии, 1 (Henrichs, Gron. Etc. 5 (1975), 21): Н<о Зев>су, как говоря<т, го>лову <р>ассек Гефест, а согласно Евмоли<у или со>чинившему сик<е по>эту, — Паламао<н.> Схолии к ПИНДАРУ. VII Олимпийская ода, ст. 66 (Drachmann): В стихах Мусея говорится, что Паламаон ударил Зевса по голове, когда тот рожал Афины.

13 (8). ФИЛОДЕМ. О благочестии, 97, 18 (с. 47 Gomperz): [У Аргоса] четыре глаза.

Мусей говорит, что <Аргос> родил от Атлантовой дочери Келайно [Черной] «четыре» Эфиопов, царей <чело>веков.

14 (1). Там же, 137, 5 (Henrichs GRBS 13 (1972), 77): В <одни>х [источниках] говорится, что <в>сё [произошло] из Ночи и <Тар>тара, в други<х> — из Аида и Э<фир>а. Написав<ший> «Ти<тано>махию» го<ворит>, что [все] — <из> Эфира; Акусилаи [8 В 1] — что первичен Хаос, <а из> него — <про>чее; а в [стихах], приписываемых <М>усею, написано, что сначала бы<ли> <Тар>тар <и Н>очь и, <в>третьих, Воздух (Аэр). Ср.: Там же, 13—14 (Henrichs, Stob. Etc. 4 (1974), 17—18): Во второй [книге трактата «О природе» Хрисипп] пытается сблизить с их [стойков] воззрениями [стихи], приписываемые Орфею и Мусею. . . (17—18) И в перв<ой> [книге] он говорит, что самая первая богиня — Ночь.

15 (2). Схолии к АПОЛЛОНИЮ РОДОССКОМУ, III, 1: В [стихах], приписываемых Мусею, повествуется о двух родах Муз: старшем при Кроне, младшем — от Зевса и Мнемосины.

16 (6). Там же, III, 1035: Мусей повествует, что, влюбившись в Астерию, Зевс с ней совокупился, а совокупившись, отдал Персею, которому она родила Гекату. Ср.: Там же, III, 467: Мусей [говорит, что Геката — дочь] Астерии и Зевса.

17 (9). Там же, III, 1377: По словам Мусея, такие явления [= падающие звезды], возносясь из Океана, гаснут в воздухе (эфире). Эти «звезды», как назвал их Мусей, Аполлоний правдоподобно назвал «искрами».

18 (7). Схолии к АРАТУ, 172, с. 369, 24 Maass: Фалес сказал, что их [Гиад] две. . . Мусей — что пять. СЕРВИЙ. Комм. к «Георгикам» I, 138: [Гиады]. . . кормилицы Либера; как пишет Мусей, они были названы Гиадами по имени своего брата Гиаса, убитого на охоте и оплаканного ими. Схолии к «Феноменам Арата» Германика, с. 75, 10 (Robert, Eratosthenes, 110): Мусей говорит так: Этра родила от Океана двенадцать дочерей, превращенных в звезды, из них пять Гиад и семь Плеяд. У них был единственный брат Гиас, которого любили все сестры. Одни говорят, что он был убит на охоте львом, другие — что кабаном. Они умерли, оплакивая его, и одни были названы Гиадами, другие — Плеядами.

19 (19). ТЕОФРАСТ. Исследование о растениях, IX, 19, 2: Говорят, что триполый, по Гесиоду [фр. 349 Mer.—West] и Мусею, полезен во всяком серьезном деле, потому-то его выкапывают ночью, поставив палатку.

Гимн к Дионису (?)

19 а (с. 13). ЭЛИЙ АРИСТИД. Речи, 41 [II, 330, 16 Keil]: Совершенные гимны и речи о Дионисе уступим Орфею, Мусею и древним законодателям. Ср.: Берлинский папирус, 44, 2 [1 В 15а]: Став боговдохновенным, [Орфей] <сочинил гимны>, которые, слегка ис<правив, запи>сал Мусей.

Гимн к Деметре для Ликомидов

20 (20). ПАВСАНИЙ, IV, 1, 5: Первыми, стало быть, царствуют в этой стране [Мессении] Поликаон, сын Лелега, и Мессена, жена Поликаона. К этой Мессене пришел, неся с собой тайные обряды Великих богинь, Каукон из Элевсина, сын Келена, сына Флия. По словам афинян, Флий этот — сын Геи. В этом с ними согласен гимн Мусея к Деметре, сочиненный для Ликомидов.

Оракулы

Ср. 1 А 11; 2 А 6; гл. 25, 1.

20 а. ГЕРОДОТ, VII, 6: см.: ОНОМАКРИТ, А 1. Ср. 1 А 1б.

21 (17). ГЕРОДОТ, VIII, 96: [Саламинская битва]. Подхватив множество корабельных обломков, Зефир отнес их к побережью Аттики, называемому Колиадой. Тем самым исполнились как все пророчества об этом морском сражении, реченные Бакидом и Мусеем, [так и пророчество Лисистрата об обломках кораблей на Колиадском берегу].

22 (18). ПАВСАНИЙ, X, 9, 11: Афиняне не признают, что поражение при Эгоспотамах было нанесено им честным образом. Они, мол, были преданы за деньги полководцами: Тидей и Адимант — вот кто был подкуплен Лисандром. В доказательство этого они ссылаются на оракул. . . Сивиллы. . . а прочее припоминают из оракулов Мусея:

Ибо на граждан Афин надвигается яростный ливень
В казнь за порочность вождей. Наступит затем утешенье.
Город изрядно они разорят, но пеню заплатят.

2а. ЛИН

А. СВИДЕТЕЛЬСТВА

1. ГЕРАКЛИД ПОНТИЙСКИЙ у Псевдо-Плутарха, О музыке, 1132а [фр. 157 Wehrli]: Одновременно с ним [с Амфионом], говорит [Гераклид], и Лин из Эвбеи [впервые] сочинил трены, и Анф из Анфедона Беотийского — гимны, и Пиер из Пиерии — стихотворения о Музах.

2. ГИППОБОТ у Диогена Лаэртия, I, 42: Гиппобот в «Списке философов» [относит к семи мудрецам] Орфея, Лина, Солона, Перяндра, Анахарсиса, Клеобула, Мисона, Фалеса, Бианта, Питтака, Эпихарма, Пифагора.

3. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, I, 3: [Философия впервые возникла у эллинов, а не у варваров] Так, в Афинах жил Мусей, в Фивах—Лин [следует 2 А 4]. (4) Лин — сын Гермеса и музы Урании, он сочинил космогонию, [в которой рассказывается о] движении Солнца и Луны и происхождении животных и плодов. Поэма его начинается так [следует В 1]. Ср.: СУДА, под словом «Лин», III, 273, 17 Adler: Лин — фиванский философ.

4. ДИОНИСИЙ СКИТОБРАХИОН, 32 F 8 у Диодора Сицилийского, 3, 67, 1—4: Он говорит, что первоизобретателем ритмов и мелодии у эллинов был Лин. Кроме того, когда Кадм впервые принес из Финикии так называемые письмена [= алфавит], [Лин] впервые приноворил их к греческому языку. . . В общем употреблении письма эти были названы финикийскими, так как они были перенесены к эллинам из Финикии, а в особом употреблении — пеласгическими, так как пеласги первыми воспользовались видоизмененными буквами. . . (4) Так вот, Лин, как говорят, сочинил пеласгическими буквами деяния первого Диониса и прочие мифологические сказания и оставил о том записки.

5. КВИНТИЛИАН, I, 10, 9: Кто ж не знает, что музыка. . . уже в те древние времена содержала столько науки и даже [религиозного] почитания, что одни и те же лица считались музыкантами, пророками-стихотворцами и мудрецами? Взять хотя бы Орфея и Лина.

6 а. ПАВСАНИЙ, 2, 19, 8: [Святылище Аполлона Ликийского в Аргосе]. Есть там

гробницы, одна — Лиана, сына Аполлонова, и Псамафы, дочери Кротоповой, а другая, говорят, — того Лиана, который сочинил [известные] стихи. (b) ПАВСАНИЙ, 8, 18, 1 [ср. фр. 11]: Говорят, что сходные стихи сочинил и Лин, но я по здравом размышлении пришел к выводу, что стихи эти, безусловно, подложные. (c) ПАВСАНИЙ, 9, 29, 9: Сказывают еще фиванцы, что после этого Лиана был и другой Лин, сын Исмениев, и что-де Геракл еще в детские свои годы убил его, когда тот учил его музыке. Однако ни Лин, сын Амфимара, ни тот Лин, который жил позже его, стихов не сочиняли, а если и сочиняли, то они до потомков не дошли.

7. ОРИГЕН. Против Кельса, I, 16—18: Дивлюсь я Кельсу, как это он всяких там одрисов, самофракийцев, элевсинян и гиперборейцев причислил к древнейшим и мудрейшим народам, а иудеев не удостоил. . . или вот еще: составляя перечень древних и мудрых мужей, оказавших благотворное воздействие на своих современников, а через свои сочинения и на потомков, [Кельс] исключил из этого перечня Моисея. И это при том, что от Лиана, с которого Кельс начинает свой перечень, не сохранилось ни законов, ни речей, которые обратили бы на путь истинный или целительно подействовали бы на язычников, а от Моисея. . . уж не злонамеренно ли исключил он из списка мудрецов Моисея, зато [включил] Лиана, Мусея, Орфея, Ферекида, перса Зороастра и Пифагора, утверждая, что они об этом высказались и что учения их были занесены в книги и сохранились до сего дня. . . (18) Не предложить ли нам ему сравнить их книги и не сказать ли: эй, ну-ка принеси стихотворения Лиана, Мусея и Орфея и Ферекидовы писания, да и сравни их с законами Моисея!

8. СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, I, 204: Но, во-первых, не все признают Гомера древнейшим поэтом, некоторые утверждают, что Гесиод раньше его по времени, равно как и Лин, Орфей, Мусей и множество иных. К тому же вполне вероятно, что и до Гомера и одновременно с ним были и другие поэты. . . но он их всех затмил своим блеском.

9. ИППОЛИТ. Опровержение всех ересей, 5, 20, 4: Все их учение о слове происходит от древних богословов: Мусея, Лиана и особенно установившего священные обряды и таинства Орфея.

10. КАЛКИДИЙ. Комм. к Тимею, с. 170, 18 Waszink: Следовательно, говорит [Платон (Тимей, 40 d 7)] то, что сказано древними, наделенными некоей божественной мудростью, не нуждается в постоянных доказательствах и подтверждениях. При этом он излагает пророческие речения Орфея, Лиана и Мусея о божественных силах.

11. АВГУСТИН. О Граде Божием, 18, 14: В тот же промежуток времени существовали поэты, которых называли также богословами, так как они сочиняли стихотворения о богах. . . Орфей, Мусей, Лин.

12. ИОАНН ЦЕЦ. Схолии к «Трудам и дням» Гесиода, с. 28 Gaisford: Лин — сын [музы] Урании, поскольку он сочинил [поэму] о небе и о Вселенной.

В. ФРАГМЕНТЫ

1. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, I, 4: Поэма его начинается так:

Было некогда время, когда все вещи были вместе.

2. СТОБЕЙ, I, 10, 5: Из поэмы Лиана «О природе космоса»:

Так, через распрю управляется все всегда.

Из Всего — все [вещи], и из всех [вещей] — Всё,

Все [вещи] — одно, каждая — часть Целого, все в одном:

Ибо все эти-вот [вещи] возникли из некогда единого Целого,

- 5 А из всех [вещей] некогда, в predeterminedенное время, снова будет одно, Вечно сущее одним и многим, причем [их] невозможно увидеть одновременно. Много раз будет [повторяться] одно и то же, и никогда не наступит конец. Жизнь сопряжена с мучительными страданиями и сонмом смертельных напастей.

Так бессмертная смерть осеняет все окрест.

- 10 Человек и все тленное умирают, а бытие
13 Будет неуничтожимым и сущим всегда, поскольку оно таково.
14 Оно будет изменяться [лишь] всевозможными кажущимися обличьями и очертаниями формы,

Скрываясь от взора всех смертных.

ДАМАСКИЙ. О началах, 25 bis [I, 45, 12 R.]: Ибо не существует нечто одно, но «Все одно», как говорили Лин и Пифагор. Там же, 27 [I, 48, 13]: Далее, если это «одно» есть «все [вещи]» и «все», как говорили Лин и Пифагор и т. д.

3. ПСЕВДО-ЯМВЛИХ. Теологумены арифметики, с. 67, 2 De Falco: Поскольку все вещи состоят из четырех элементов и между ними по необходимости имеется три промежутка, то выходит, что и в этом случае седмица преобладает надо всем. Поэтому и Лин-богослов во второй книге богословского сочинения, обращенного к Гименею, говорит:

Четыре начала у всех вещей. . .

триа узами держимы.

Ср.: МАКРОБИЙ. Комм. к «Сну Сципиона», I, 6, 36—39: Так как есть четыре элемента, из которых состоят [все] тела, то они, несомненно, разделены тремя интервалами. . . (37) Интервал от земли до воды физики называют Необходимостью. . . (38) Интервал между водой и воздухом — Гармонией. . . (39) а между воздухом и огнем — Послушанием.

4—7. АРИСТОБУЛ, фр. 5 у Евсевия, Приготовление к Евангелию, 13, 12, 16: Лин говорит так:

А на седьмой день все завершено.

А также:

Седмица — в числе благих [дней], и седмица — рожаница.

и

Седмица — в числе первых, и седмица — совершенна,

и

Существует всего семь [планет] на звездном небе,
Которые видны на [небесных] сферах в течение года.

8. ЦЕНЗОРИН. О дне рождения, 18, 11 [ср.: ГЕРАКЛИТ, фр. 65]: Гераклит и Лин [определяли великий год] в 10 800 лет.

9. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 139: Так что в вещах такого рода [пифагорейцы] считают глухими не самих себя, а тех, кто не верит [в чудеса]. Ибо неверно считать, что для бога одно возможно, а другое — нет, как полагают умствующие лукаво, но [для него] возможно все. С этой же мысли начинаются и стихи, которые они приписывают Лину, хотя они, возможно, принадлежат им самим:

Должно надеяться на все, ибо нет ничего безнадежного:
Богу легко исполнить все, и нет ничего невозможного.

10. СТОБЕЙ, III, 1, 70: Из поэмы Лина «О природе космоса»:

Приготовься внимательно слушать и внемли
Тропе наших слов, истинной во всем.

Отринь многогорестных демонов смерти [керы], которые
Истребляют толпу непосвященных, опутывая их во всем

5 Всевозможными напастями, принимая обманчивый облик.

Не пускай их в душу оберегами ума:

Такое очищение осятит тебя неподдельно,

Если ты воистину возненавидишь тлетворный сонм напастей.

Прежде всего [обуздывай] чрево — источник всех безобразий, —

10 Коим вождение правит похотливыми уздами. . .

11. ПАВСАНИЙ, 8, 18, 1: Стигу изобразил Гесиод в «Теогонии» [ст. 361, 383] (некоторые полагают, что «Теогония» принадлежит Гесиоду), так вот, в этих стихах говорится, что Стига — дочь Океана и жена Палланта. Говорят, что нечто подобное сочинил и Лин. Но я по здравом размышлении пришел к выводу, что стихи эти, безусловно, подложные.

12. ПСЕВДО-АПУЛЕЙ. Об орфографии, 44: По словам Орфея [фр. 359 Kern], Лина и Гесиода, боги искони произошли из хаоса.

3. ЭПИМЕНИД

А. БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

1 (FGrHist 457 T 1). ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, I, 109: Эпименид, как говорит Феопомп [FGrHist 115 F 67] и многие другие, был сыном Фестия (по словам других, Досиада или Агесарха), родом критянин из Кносса, внешне отличавшийся длинными волосами. Посланный однажды отцом в деревню за овцой, он отклонился в полдень с дороги и проспал в некоей пещере пятьдесят семь лет. Поднявшись после этого, он стал искать овцу, думая, что спал недолго. Так и не найдя ее, вернулся в деревню и застал [там] все изменившимся до неузнаваемости, а имение принадлежащим другому [владельцу]. В недоумении он снова пришел в город, но там, войдя в собственный дом, столкнулся с людьми, которые спрашивали его, кто он такой, пока не нашел младшего брата (тогда уже старика) и не узнал от него всю правду. (110) Сделавшись знаменитым у эллинов, он стал считаться богоугоднейшим человеком. Как раз в то время афиняне были одержимы чумой, и Пифия дала им оракул: очистить город. Они посылают на Крит корабль с Никием, сыном Никерата, и приглашают Эпименида. Прибыв в [Афины] в сорок шестую олимпиаду [596—593 гг. до н. э.], он очистил их город и положил конец чуме следующим образом: взял черных и белых овец, пригнал их к Ареопагу и пустил отсюда идти куда хотят, приказав сопровождающим приносить в жертву соответствующему богу каждую из них на том месте, где она приляжет. Так он положил конец несчастью. Поэтому и поныне можно встретить в афинских демах безымянные алтари — память о тогдашнем умилостивлении. По словам других, [Пифия] объявила причиной чумы Килонову скверну и предписала избавление, поэтому умерли двое юношей — Кратин и Ктесибий — и несчастье кончилось. (111) Афиняне постановили дать ему талант

и корабль, который отвезет его на Крит. Денег он не принял, но заключил договор о дружбе и союзничестве между кносцами и афинянами.

Вскоре по возвращении домой он умер, прожив сто пятьдесят семь лет, как говорит Флегонт в трактате «О долгожителях» [FGrHist 257 F 38], двести девяносто девять — как говорят критяне, сто пятьдесят четыре — как слышал Ксенофан [21 В 20].

Он сочинил «Родословие куретов и корибантов» и «Теогонию» — пять тысяч стихов, «Строительство Арго» и «Плавание Ясона к колхам» — шесть тысяч пятисот стихов. (112) Кроме того, написал прозой «О жертвоприношениях», «О критском государственном устройстве» и «О Миносе и Радаманфе» — около четырех тысяч строк. Как говорит Лобон из Аргоса в трактате «О поэтах» [фр. 16 Gröbert], он основал в Афинах храм «Святых богинь». Сообщают также, что он первым очистил дома и поля и основал святилища. Некоторые утверждают, что он не спал, а просто отлучился на какое-то время, занимаясь собиранием корней [следует § 113 — подложное письмо к Солону].

(114) По словам Деметрия, некоторые сообщают, что он получил от нимф некую [чудесную] еду и хранил ее в копыте быка. Принимая ее понемногу, он не опорожнялся никаким выделением, и никогда не видели, чтобы он ел. Об этом упоминает и Тимей во второй книге [F 4 Jacoby].

Некоторые говорят, что критяне приносят ему жертвы как богу; говорят также, что он был выдающимся провидцем. Так, например, увидев у афинян Мунихию, он сказал, что они не ведают, причиной скольких бед станет для них это место — а не то растерзали бы его зубами [В 10]. И это он предрек за столько лет! Сообщают также, что он первым назвал себя Эакон, предсказал лакедемонянам их пленение аркадцами и прикидывался много раз воскресавшим из мертвых. (115) Феопомп в «Чудесных событиях» [FGrHist 115 F 69] говорит, что, когда он сооружал святилище нимф, с неба грянул голос: «Эпимениде, не нимфам, но Зевсу!». Как уже сказано выше, он предсказал критянам, что лакедемоняне понесут поражение от аркадцев (§ 114), и они действительно попали в плен при Орхомене. Состарился он за столько же дней, сколько лет спал, — об этом также говорит Феопомп. Мирониан в «Одинаковых [исторических темах]» [фр. 1 FHG] говорит, что критяне называли его Куретом, а по словам Сосибия Лаконского [F 15 Jас.], лакедемоняне хранят у себя его тело в соответствии с неким пророчеством.

Было еще два Эпименида: [второй] — генеалог и третий — писавший на дорийском диалекте о Родосе.

2 (Т 2). СУДА, под словом «Эпименид»: Эпименид, сын Феста (или Досиада или Агесарха) и Бласты, критянин из Кносса, эпический поэт. (О нем рассказывают, что душа его выходила на какое угодно время и снова входила в тело, а через много лет после его смерти была найдена [его] кожа, испещренная письменами). Родился [?] в 3-ю олимпиаду [660—657 гг. до н. э.] и, стало быть, жил раньше семи мудрецов или был их современником, так как очистил Афины от Килоновой скверны в 44-ю олимпиаду [604—601 гг. до н. э.] уже стариком. Написал много книг эпическим размером и прозой: какие-то «Мистерии», «Очищения» и другие загадочные вещи. К нему обращено письмо законодателя Солона [Диоген Лаэртский, I, 64], в котором он порицает его за очищение города.

Он прожил 150 лет, 6 спал.

Поговорка «Эпименидова кожа» — о таинственных вещах.

3 (Т 7). СТРАБОН, X, 479: Говорят, что Эпименид, сочинивший «Очищения» в гексаметрах, — уроженец Феста.

4 (Т 4). АРИСТОТЕЛЬ. Афинская полития, 1: <Судили их 300 судей> знатного рода, присягнув над жертвами, <обвинял> Мирон. Когда кощунство осудили, сами [Алкмеониды] были выброшены из могил, а род их ушел в вечное изгнание. Затем Эпименид-критянин очистил город.

ПЛУТАРХ. Солон, 12: [После суда над Алкмеонидами]. Город был во власти суеврных страхов и привидений. Гадатели говорили, что из [наблюдения] жертв обнаруживаются кощунства и скверны, требующие очищений. Тогда приехал с Крита приглашенный ими Эпименид из Феста, которого некоторые (из тех, кто не признает Периандра) включают в число [семи] мудрецов седьмым. У него была репутация человека любезного богам и искусенно-мудрого в божественных вещах, в боговдохновенной и тайнообрядовой премудрости. Поэтому современники и величали его сыном нимфы Балты и новым Куретом. Приехав и сдружившись с Солоном, он во многом подготовил почву и проложил путь его законодательству. Он сделал [афинян] более благочинными в богослужениях и более кроткими в выражении скорби [по умершим], соединив некоторые жертвоприношения непосредственно с погребальным обрядом и липив [последний] варварской жестокости, которой страдало прежде большинство женщин [следует В 10]. Эпименид вызвал неопишемое восхищение; афиняне предлагали ему много денег и великие почести, но он попросил только ветвь священной оливы, ничего больше и, взяв ее, уехал.

5 (Т 4). ПЛАТОН, Законы, I. 642 d 4: [Критянин Клиний говорит афинскому гостю]. Возможно, ты слышал здесь [т. е. на Крите], что Эпименид был божественным мужем. Он был наш родственник; прибыв за десять лет до Персидских войн к вам [т. е. в Афины] по прорицанию бога, он совершил жертвоприношения, которые бог предписал через оракул, и в то время как афиняне боялись персидского флота, сказал, что в течение десяти лет персы не придут, а когда придут, то отступят, не совершив ничего, на что надеялись, и претерпев несчастий больше, чем причинив. Тогда-то наши предки и заключили союз гостеприимства: вот с каких давних пор тянется та доброжелательность, которую питаю к вам я и мои родители.

Там же, III. 677 d 7 [После упоминания Дедала, Орфея, Паламеда, Марсия, Олимпа, Амфиона]: — [Афинянин]. А знаешь ли ты, Клиний, что ты пропустил друга, который жил прямо-таки вчера? — [Клиний]. Уж не Эпименида ли ты имеешь в виду? — [Афинянин]. Да, его. Он у вас далеко превзошел всех в ухищренности, любезный. Как вы сами говорите, о чем Гесиод в старину прорицал на словах, то он осуществил на деле.

ПЛУТАРХ. Пир семи мудрецов, 157 D: «Стало быть, — подхватил Ардал, — нашему товарищу и гостю Солона Эпимениду также некий закон повелевает воздерживаться от всех яств и, беря в рот немножко голодоутоляющего снадобья (которое он сам приготовил), проводить день без завтрака и без обеда?» . . . Солон сказал, что он удивляется тому, что Ардал не читал закона, по которому питается Эпименид, в стихах Гесиода. «Ведь это он первым указал Эпимениду семена этой пищи и научил его искать,

Сколь великая польза [содержится] в мальве и асфоделе» [Труды и дни, 41]

«Неужели ты и впрямь думаешь, — сказал Периандр, — что Гесиод имел в виду что-нибудь подобное? Разве он не восхваляет все время бережливость и не призывает нас

к самой простой пище, считая ее самой вкусной? Мальва в самом деле хороша на вкус, и сладок асфодель, а что касается всех этих „голодоутолителей“ и „жаждоутолителей“, то они, насколько мне известно, скорее лекарства, чем пища, и содержат мед, какой-то иностранный сыр и еще множество ингредиентов, которые не легко достать». Ср. А 1 § 114.

6. ТЕОФРАСТ. Исследование о растениях, VII, 12, 1: Съедобны. . . и корень асфоделя и корень морского лука, но только не всякого, а лишь так называемого «эпименидова», получившего это название по своему употреблению. Ср.: ТЕОФРАСТ, Характеры, 16, 13: [Суеверный], позвав жриц, велит подвергнуть себя очищению с помощью морского лука или щенка.

6 а. АПУЛЕЙ. Апология, 27: [Философов-физиков считают безбожниками]. Тех же, кто с излишним любопытством исследует провидение в мире и слишком горячо славит богов, сплошь да рядом называют магами, как будто, зная происходящее, они сами умеют его делать. Таковы были некогда Эпименид, Орфей, Пифагор и Остан, а впоследствии подобные подозрения пали на «Очищения» Эмпедокла, даймонион Сократа, τὸ ἀγαθόν Платона.

7 (Т 4е). КЛИМЕНТ АЛЕКС. Протретики, 2, 26 (I, 19, 25): . . . Древний Эпименид воздвиг в Афинах алтари Наглости и Бесстыдства.

*Схол. к этому месту (I, 305, 3 St.): Эпименид: он был критянин по происхождению, жрец Зевса и Реи, практиковавший очищение от любой порчи, как телесной, так и душевной, и объяснявший ее причину. — Он считал богами и Наглость (Ἵβρις) и Бесстыдство, воздвиг им храмы и алтари в Афинах и предписал приносить им жертвы. — Он совершил очищение Афин, был критянин родом и обладал величайшей мудростью. Его упоминает Менаандр в «Женщинах, пьющих болиголов» [фр. 2, I Körte].

*ЦИЦЕРОН. О законах, II, 11, 28: Хорошо, что обожествлены человеческие Ум, Благочестие, Добродетель, Верность — всем им за счет государства посвящены в Риме храмы. . . но порочно то, что в Афинах по искуплении Килоновой скверны по совету Эпименида-критянина воздвигли святилище Хулы (Contumelia) и Бесстыдства. Ср. А 1 § 110, 112.

8 (Т 4). ПАВСАНИЙ, I, 14, 4: Перед этим храмом [Афинским Элевсинеум], там же, где и статуя Триптолема, стоит бронзовый бык, как бы ведомый на заклание. Верхом на нем изваян Эпименид Кносский, про которого рассказывают, что он пришел в деревню, и, войдя в пещеру, заснул, причем сон оставил его не раньше, чем исполнилось сорок лет, как он спит. Впоследствии он стал сочинять эпические поэмы и совершать очищение городов, в том числе и Афин.

СЕРВИЙ. Комментарий к «Георгикам» Вергилия, 1, 19: «Мальчик — изобретатель крючковатого плуга . . .» — [либо Триптолем], либо Эпименид, который, согласно Аристотелю [фр. 386 Rose], впоследствии был назван Бузигом [Быкозапрягателем]. ГЕСИХИЙ, под словом «Бузиг»: Бузиг: аттический герой, первым запрягший быков в плуг; его звали Эпименид.

В. ФРАГМЕНТЫ

Теогония. Оракулы.

1 (FGrHist 457 F 2). Послание к Титу св. Апостола Павла, I, 12: Кто-то из них [из критян], их собственный пророк, сказал:

Критяне вечно лежецы, злые звери, праздное брюхо!

КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, I, 59⁷(II, 37, 21 St.): Седьмым [из семи мудрецов] одни считают Периандра Коринфского, другие — скифа Анахарсиса, третьи — Эпименида Критянина, { которого он знает как языческого пророка }, которого упоминает апостол Павел в послании к Титу [следует цитата].

ИЕРОНИМ. Толкование на послание к Титу св. апостола Павла, VII, 606 Migne: Говорят, что этот стих помещен в «Оракулах» поэта Эпименида Критского . . . наконец, сама книга озаглавлена «Оракулы». Ср.: ОН ЖЕ. Послания, 70 (I, 666 M.), где добавлено: [Первое] полустипхиэ этого гексаметра впоследствии использовал Каллимах [КАЛЛИМАХ. Гимны, I, 8 (Гимн к Зевсу)]:

Критяне всегда лжецы: даже могилу твою, о владыка,
Критяне выдумали. Но ты не умер: ведь ты вечен].

МАКСИМ ТИРСКИЙ, 38 (с. 439, 14 Nobein): Прибыл в Афины и другой критянин, по имени Эпименид. Ему также некого было назвать своим учителем, и тем не менее он был бесподобным знатоком божественной науки, благодаря чему спас терзаемый чумой и междоусобицей город афинян с помощью искупительных жертвоприношений. Знатоком же этих вещей он был не от учения: он рассказывал, что учителем его был долгий сон со сновидениями.

Там же, 10 (с. 110, 13 N.): Прибыл некогда в Афины критянин по имени Эпименид со следующим невероятным рассказом: дескать, заснув в <пол>день в пещере Диктейского Зевса глубоким сном на много лет, он встречался [~ беседовал] во сне с богами, внимал речам богов и [общался] с Истиной ('Αλήθεια) и Правдой (Δίκη).

2 (F 3). ЭЛИАН. О своеобразии животных, XII, 7: Говорят, что Немейский лев упал с луны. Так, стихи Эпименида гласят:

Ибо и я — порожденье Селены прекрасноволосой,
Вздрогнув ужасно, она стряхнула с себя льва-зверину,
Волей Владычицы Геры в Немее его задушила
<И сокрушила святая мощь Геракловой силы>.

ТАТИАН, 28=ГЕРОДОР ИЗ ГЕРАКЛЕИ 31 F 4 Jac.: Не глупо ли верить книгам Геродора, касающимся сказания о Геракле? Они проповедуют, что [Луна] — это горная земля и что с нее спустился убитый Гераклом лев. Ср. 59 A 77.

3 (F 20). АРИСТОТЕЛЬ. Политика, A 2, 1252b 13: Таким образом, предназначенное на каждый день естественное сообщество есть семья, членов которой Харонд называет «сотрапезниками» [досл. «товарищами-по-мучному-ларю»], а Эпименид Критский — «однодымниками».

4 (F 1). АРИСТОТЕЛЬ. Риторика, Г 17, 1418 а 21: Совещательное красноречие, естественно, труднее судебного, так как оно о будущем, а то о прошлом, которое, кстати сказать, тоже может быть предметом познания для гадателей, как сказал Эпименид Критский: по его словам, он гадал не о том, что произойдет, а о том, что произошло, но осталось незамеченным.

5 (F 4). ДАМАСКИЙ, О началах, 124; I, 320, 17 Ruelle=ЕВДЕМ, фр. 150 Wehrli: Эпименид принял два первых начала: Аэр и Ночь. . . от них родился Тартар, — думаю, третье начало, как некое смешанное из двух [первых] и произошедшее от их слияния; от них — два Титана . . . от совокупления которых между собой родилось яйцо . . . из которого, в свою очередь, произошло новое поколение.

ФИЛОДЕМ, О благочестии, 47 а 2 сл. (Henrichs, GRBS 13 [1972], 77—78): В стихах, <приписываемых Эпи>мениду, <говорится>, что <все> образовалось <из Аэра> и Ночи. Гомер <утвержда>ет, что Океа<н> рождает <проч>их <богов от> Тефии, ск<азав>: «О>кеана, <праро>дителя <богов> и <мать> Т<ефи>ю». [следует АВАРИС, В 1; Ферекид В 13].

6 (F 5). ПАВСАНИЙ, VIII, 18, 2: Эпименид Критский также изобразил Стикс дочерью Океана, но только у него она состоит в супружестве не с Паллантом, а родила Ехидну от Пейранта, кем бы ни был этот Пейрант.

7 (F 6). ФИЛОДЕМ. О благочестии, 46 b 7, с. 18 G.: <Богини> Гар<п>и сыно<в>ьями <Борея> . . . 18: <Эпи>менид [считает их] <порождени>ями <Оке>ана и Г<ен>и г<оворит>, что о<ни> были убит<ы> [?] о<коло> Ре<гия> [?].

8 (F 8). Там же. 61 b 1, с. 46 G.: <Расс>ка<зывают>, что Тифон посягнул на царскую власть > Зевса, <например> Эсхил > в «Про<метее>, А>жусила<й>, Эпи>менид <и> многие <другие>. <У Эпи>менида Тифон <пришел к царскому двор>цу, когда Зевс <спа>л и, <завла>дев воротами, <про>ник внутрь. <Подо>спев на помощь и <увиде>в, что дворец захвачен<, Зевс, гов>орят, убил <его> перуном>.

9 (F 6). Там же. 92, 24, с. 43 G.: Ак<усил>ай говорит, что яб<локи> с<торжат> Гар<пии>. Эпименид добавляет к этому, что они тождественны Гесперидам.

10. ПЛУТАРХ. Солон, 12 (ср. А 4): Но что самое главное, умилоствлениями, очищениями и основаниями [алтарей] он освятил город и посвятил граждан в таинства, сделав их более послушными справедливости и более податливыми убеждению в единомыслии. Говорят, что, увидав Мунихию, он долго ее рассматривал и сказал присутствующим: «Как слеп человек к будущему! Если бы афиняне знали заранее, сколько печали принесет городу это место, они бы съели его своими зубами!»

11 (Г 6). ПЛУТАРХ. Об упадке оракулов, I, 409 E: Сказывают миф, Терентий Приск, будто то ли орлы, то ли лебеди, летя от края земли к середине, встретились [досл. «совпали в одной точке»] в Пифо, на месте так называемого пупа [земли]. Впоследствии Эпименид из Феста решил проверить этот миф в присутствии бога [=вопросить оракул] и, получив неясный и двусмысленный оракул, сказал:

Нет никакого срединного пупа земли или моря.

Если ж и есть, то известен богам, а смертным неведом.

12 (F 12). Схолии к АПОЛЛОНИЮ РОДОССКОМУ, II, 1122: Геродор [FGrHist 31 F 39] говорит, что они [сыновья Фрикса] — от Халкиопы, дочери Ээта. Акусилай [8 В 25] и Гесиод в «Больших Эоих» [фр. 255 M.—W.] говорят, что они — от Иофоссы, дочери Ээта. Аполлоний [Аргонавтика, II, 1155] называет четырех: Арга, Фронтиса, Меласа, Китисора. Эпименид добавляет пятого — Пресбона.

13 (F 11). Там же, III, 242: Эпименид говорит, что Ээт — коринфянин родом, а мать его называет Эфирой.

14 (F 10). Там же, IV, 57: Эпименид говорит, что, живя у богов, он [Эндимион] влюбился в Геру и ввиду негодования Зевса выпросил себе вечный сон.

15 (F 13). Схолии к ЕВРИПИДУ. Финикиянки, 13: Эпименид говорит, что он [Лай] женился на Эвриклее, дочери Экфанта, от которой родился Эдип.

16 (F 9). Схолии к ЕВРИПИДУ. Рес, 36: Эпименид говорит, что от Каллисто и Зевса родились дети-близнецы Пан и Аркад. Схолии к ФЕОКРИТУ. I, 3; с. 28 Wendel: Эпименид в [своих] стихотворениях [говорит], что от Зевса и Каллисто [родились] близнецы Пан и Аркад.

17 (F 14). Схолии к ПИНДАРУ. 1-я Олимпийская ода, 127: [Имена 13 женихов Гипподамии, убитых Эномаем]. Это число погибших женихов подтверждают Гесиод [259 М.—W.] и Эпименид.

18 (F 21). Там же. 7-я Олимпийская ода, 24: Герофил говорит, что [нимфа] Родос — дочь Посейдона и Афродиты. Эпименид выводит ее родословие от Океана [и полагает, что] по ее имени был назван город.

19 (F 7). Схолии к СОФОКЛУ, Эдип в Колоне, 42: Эпименид говорит, что Евмениды — дочери Кроноса:

А от него родилась лепокудра златá Афродита,
Мойры бессмертные и Эринии пестряннодарны,

Критские события

20 (F 17). ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ, V, 80: Поскольку большинство авторов «Критских событий» противоречат друг другу, не следует удивляться, если наше изложение не будет согласным со всеми: мы последовали за теми, чей рассказ более достоверен и кто пользуется наибольшим доверием, в одних случаях примкнув к богослову Эпимениду, в других — к Досиаду, Сосикрату и Лаосфениду. Ср. XII, 66—77.

21. АРАТ. Феномены, 163—164 [Звезда Капелла]:

Слева — святая Коза, говорят, вскормившая Зевса,
Оленийской Козой зовут ее Зевса пророки.

22. Там же, 30 [Гелика и Киносура]:

С Крита (если не лгут) по воле великого Зевса
К небу они поднялись за то, что Зевеса-малютку
В Дикте благоуханной, от Иды-горы недалеко,
В гроте сокрыли они и питали в течение года
Дондеже Крона в обман вводили диктейцы Куреты.

23. Схол. к АРАТУ, 46 (349, 23 Maass) [Созвездие Дракона]. О Драконе рассказывают критский миф, что-де, когда однажды нагрянул Кронос, Зевс из осторожности превратил себя в змею [дракона], а кормилиц в медведиц и так обманул отца, а когда захватил царскую власть, то запечатлел приключившееся с ним и с кормилицами на арктическом круге.

24 (F 18). ПСЕВДО-ЭРАТОСФЕН. Превращения в звезды, 27: [Козерог]. Внешне он похож на козлоногого Пана (ибо от него рожден): нижняя половина тела у него звериная, на голове — рога. Этой чести [=превращения в звезды] он удостоился потому, что, по словам автора «Критских событий» Эпименида, был молочным братом Зевса и находился с ним на Иде, когда тот пошел войной на Титанов. Полагают, что он изобрел раковину, из-за ужаса, внушаемого ее звучанием, называемую Панической, которой он вооружил соратников и от которой бежали Титаны. Захватив власть, [Зевс] поместил его среди звезд вместе с матерью Козой [Капеллой]. А так как раковину он «нашел» в море, то отличительным знаком имеет рыбий «хвост». Ср. 2 В 8; ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ, XII, 70.

25 (F 19). Там же, 5, с. 5, 21 Olivieri: [Созвездие Венца]. Говорят, что это венец Ариадны . . . Автор «Критских событий» говорит, <что>, когда Дионис пришел к Миносу с намерением совратить ее, он принес ей в дар этот венец, чем обманул Ариадну. Гово-

рят, что он творение Гефеста [и сделан] из червленого золота и индийских камней . . . а впоследствии он [Дионис] поместил его среди звезд. Ср.: ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ, VI, 4 [ТЕРТУЛЛИАН. О венце, 7].

Dubia

26 (F 15). ИОАНН ЛИДИЙСКИЙ. О месяцах, IV, 17: Философы толкуют Диоскуров как подземное и надземное полушарие: уносясь по очереди под Антиподов, они, выражаясь на мифический манер, как бы попеременно умирают. А Эпименид и иже с ним изобразили Диоскуров мужчиной и женщиной, назвав его Веком (*αἰών*) как единицу, а ее — Природой (*φύσις*) как двойцу, поскольку из единицы и двойцы произошло всякое живородящее и душетворящее число. Ср. 7 В 14.

3^a. КОСМОГОНΙΑ АЛКМАНА

Оксиринхский папирус 2390: Фрагменты комментария к парфению [хору девушек] Алкмана, PMG 5, фр. 2, стб. I, строка 22 сл.

«Тебя, Муза, молю всех более». Муз * * *

Питанатидской фило. Хор состоит из

- 25 [Девушек]-диманок, родина которых — Диманы. В этой песне Алкман рассуждает о природе (*φυσιολογεῖ*). Изложим же наше толкование после попыток остальных. Муз он генеалогизирует как дочерей Земли, подобно Мимнерму. . .

столбец II

* * *

всех * * *

некий. «А из П<ороса Текмор», > Текмор же родился <вслед за Поросом>

- 5 * * * отсюда * * *

«Порос» от слова пор. . .

Ибо, когда материя начала упорядочиваться, Возник некий Порос — как бы начало (*ἀρχή*).

- 10 Итак, Алкман говорит, что материя всех вещей была беспорядочной и необработанной. Затем возник, по его словам, некто, мастерящий (*κατασκευάζοντα*) все вещи, затем возник Порос, когда же Порос прошел, последовал Текмор. Порос означает как бы начало, а Текмор — как бы конец [~ завершение, телос].

- 15 С рождением Фетиды они стали началом и концом всех вещей. Все имеет природу, подобную материи-меди,

Фетиды [подобна] мастеру (*τεχνίτης*), а Порос и Текмор — началу и концу. [Форму] *πρέστυς*

- 20 [он употребляет] вместо *πρεσβύτες* «старый». «И третьим — Мрак»:

- так как ни Солнце, ни Луна еще не возникли, но материя еще была неразличимой (*ἀδιάκριτος*).
 Таким образом, возникли * * * По-
 25 рос, Текмор и Мрак. «День
 да Луна и третьим — Мрак» <и до слова>
 «блестки»: «день» — не в узком смысле, но
 включая Солнце; сначала был только мрак,
 а после этого, когда он стал различимым. . .

II. РАННЯЯ АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

4. ГЕСИОД

А. СВИДЕТЕЛЬСТВА ОБ «АСТРОНОМИИ» ГЕСИОДА

1. ФИЛИПП ОПУНТСКИЙ. Послезаконие, 990 а 5: . . . Величайшим мудрецом должен быть истинный астроном, — не тот, кто занимается астрономией по Гесиоду и всем ему подобным, обращая внимание лишь на заходы и восходы [звезд], а тот и т. д.

2. КАЛЛИМАХ. Эпиграммы, 27 [На «Феномены» Арата]:

Песнь и слог Гесиода. . .

3. ПЛУТАРХ. Об оракулах Пифии, 402F: Ни Аристарх, ни Тимохар, ни Аристилл, ни Гипсарх не преуменьшили славы астрономии тем, что стали писать прозой, тогда как прежде Евдокс, Гесиод и Фалес [11 В 1] писали стихами. . .

В. ФРАГМЕНТЫ

«Астрономия» Гесиода

1 (288 Merkelbach—West). АФИНЕЙ, XI, 491 CD [Источник: Асклепиад из Мирлеи]: Автор приписываемой Гесиоду «Астрономии» также постоянно называет их [Плеяды] «Пелеядами»:

. . . которых смертные называют Пелеядами.

2 (289 MW). Там же: . . .И опять:

заходят зимние Пелеяды.

3 (290 MW). Там же: . . .И опять:

тогда скрываются Пелеяды.

4 (290 MW). ПЛИНИЙ. Естественная история, XVIII, 213: По словам Гесиода (под его именем также сохранилась «Астрономия»), утренний заход Плеяд приходится на осеннее равноденствие, по словам Фалеса [11 А 18] — на 25-й день после равноденствия.

5 (291 MW). Схолии к АРАТУ, 172 [строки 2—4; Там же, 254: Гесиод в своей астрономической книге]: Гесиод говорит о них [Гиадах]:

. . . Харитам подобные нимфы:

Фесида да Коронида с прекрасновенчанной Клеейей,
Также прелестна Фэо и долгопокровна Евдора,
Коиx людей племена на земле Гиадами кличут.

6 (163 MW). ПСЕВДО-ЭРАТОСФЕН. Превращения в звезды, 1: Большой медведицы. По словам Гесиода, она была дочерью Ликаона, жила в Аркадии и вместе с Артемидой предавалась охоте в горах. Сокрушенная Зевсом, она скрывала это от богини, но позже, уже будучи на сносях, была уличена ею, когда та увидела ее купающейся. Разгневанная на это богиня превратила ее в зверя, и вот, превратившись в медведицу, она родила [ребенка], нареченного Аркадом. Живя в горах, она была поймана некими козопасами и вместе с младенцем передана Ликаону, а по прошествии некоторого времени ее заподозрили в том, что она по неведению закона вошла в заповедное святилище Зевса. Когда родной сын вместе с аркадцами преследовал ее и собирался убить за нарушение упомянутого закона, Зевс, помня о родстве, выхватил ее и поместил среди звезд. А Медведицей он назвал ее из-за приключившейся с ней напасти.

Комм. к АРАТУ. Suppl., 8 с. 574 Maass: О нем [Волопасе] рассказывают, что он был Аркадом, сыном Каллисто и Зевса, и жил в окрестностях горы Ликей. Когда Зевс сокрушил Каллисто, то Ликаон, как говорит Гесиод, делая вид, что ничего не произошло, гостеприимно принял Зевса и, избувив младенца, подал его на стол. АПОЛЛОДОР. Мифологическая библиотека, III, 8, 2; 100 Wagner: Евмел [фр. 14 Bernabé] и некоторые другие говорят, что у Ликаона была еще дочь Каллисто: Гесиод называет ее одной из нимф, Асий [фр. 9 Verg.] — дочерью Никтея, Ферекид [FGH Hist. 3 F 157] — дочерью Кегея. Ср.: Гигин. Астрономия, II, 1.

7 (148 а MW). ПСЕВДО-ЭРАТОСФЕН. Превращения в звезды, 32. Ориона. Гесиод говорит, что он был сыном Эвриалы, дочери Миноса, и Посейдона; ему было дано в дар ходить по волнам как по суше. Придя на Хиос, он во хмелю изнасиловал Меропу, дочь Энопиона. Узнав об этом и тяжело пережив надругательство, Энопион ослепил его и изгнал из страны. Скитальцем он пришел на Лемнос и сошелся с Гефестом, который пожалел его и дал ему в поводыри своего слугу Кедалиона. Он взял его и понес на плечах, а тот указывал дорогу. Придя к месту восхода солнца, он сошелся с Гелиосом и якобы был [им] исцелен, после чего снова пошел к Энопиону, чтобы отомстить ему, но того сограждане спрятали под землей. Отчаявшись разыскать его, он удалился на Крит, где проводил время на охоте в обществе Артемиды и Латоны и якобы пригрозил, что истребит всех зверей, какие только родятся на земле. Рассердившись на него, Гея наслала огромного скорпиона, уязвленный жалом которого он погиб. За его храбрость Зевс по просьбе Артемиды и Латоны поместил его среди звезд, а также скорпиона, дабы он служил памятником о деянии.

8 [149 MW]. ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ, IV, 85, 4: [Мессинский пролив]. Некоторые полагают, что в результате сильных землетрясений материковый перешеек разрушился, море разобило материк с островом и образовался пролив. Поэт Гесиод утверждает обратное: когда море разверзлось, Орион насыпал Пелоридский мыс и соорудил святилище Посейдона, исключительно почитаемое местными жителями. Совершив это, он переселился на Эвбею, а благодаря своей славе был причислен к звездам и сподобился бессмертной памяти.

5. ФОК

Фока-самосца «Морская астрономия»

См. 11 А 1 § 23, В 1.

6. КЛЕОСТРАТ

А. СВИДЕТЕЛЬСТВА О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНИИ

1. ТЕОФРАСТ. О приметах погоды, 4: Поэтому и были в некоторых местах хорошие астрономы: например Матрикет [наблюдал звезды] в Метимне с Лепетимна. Клеострат на Тенедосе с Иды, Фаэйн в Афинах с Ликабетта открыл на основании наблюдений то, что относится к солнцестояниям. Учеником последнего был Метон, который составил девятнадцатилетний цикл (причем Фаэйн был метеком в Афинах, а Метон — афинянином).

2. ПСЕВДО-СКИЛАК. Перипл, 95: В этих местах находятся остров Тенедос и гавань, откуда [родом] астроном [досл. «астролог»] Клеострат.

3. Комм. к Арату, с. 324, 10 Maass: «Небесные явления» писали [помимо Арата], также многие другие: и Клеострат, и Сминф, и Александр Этолийский и т. д.

3 а. Каталог астрономов, изд. Maass: Клеострат из Тенедоса. . .

4. АФИНЕЙ, VII, 278 А: А искусный кулинар Архестрат в «Гастронологии» (так, по словам Ликофрона в трактате «О комедии», озаглавлена [его книга], подобно «Астрологии» Клеострата Тенедосского) и т. д.

В. ФРАГМЕНТЫ

«Астрология»

1. СХОЛИИ К ЕВРИПИДУ. Рес, 528: [Заходят первые звезды]. По словам Пармениска, под первыми звездами понимаются первые градусы Скорпиона: так называли их древние, потому что вместе с ними начинает заходить Волопас. Так, например, Клеострат Тенедосский, древний астроном, сказал:

Но когда [уже] восемьдесят третий день остается
 <На небе сияющий Арктофилак, тогда первые звезды
 Скорпиона падают в море одновременно с сиянием зари.

2. ПЛИНИЙ. Естественная история, II, 31 [после Анаксимандра, ср. 12 А 5]: Затем [=после 548—545 гг. до н. э.] созвездия на нем [Зодиаке] открыл, как передают Клеострат, причем первыми [созвездия] Овна и Стрельца.

3. ГИГИН. Астрономия, II, 13 [из Пармениска]: Сообщают, что созвездие Козлят первым открыл Клеострат.

4. ЦЕНЗОРИН. О дне рождения, 18,5: Широко распространено мнение, что эту октаэтериду [=восьмилетний цикл] установил Евдокс Книдский, однако сообщают, что впервые ее составил Клеострат Тенедосский, а впоследствии и другие — каждый по-своему, — те, кто, по-разному вставляя добавочные месяцы, создали свои октаэтериды, как это сделал Гарпал, Наутел, Менестрат и др.

III. РАННЯЯ КОСМОГОНИЧЕСКАЯ И ГНОМИЧЕСКАЯ ПРОЗА

7. ФЕРЕКИД ИЗ СИРОСА

А. СВИДЕТЕЛЬСТВА О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНИИ

1. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, I, 116; Ферекид, сын Бабия, сиросец; как говорит Александр [Полигистор] в «Преемствах [философов]» [фр. 139 FHG], был учеником Питтака. Феопомп [FGHist 115 F 71] говорит, что он первым написал о природе и <происхождении> богов.

О нем рассказывают много чудес. Так, прогуливаясь на берегу Самоса и увидев бегущий с попутным ветром корабль, он [пред]сказал, что [корабль этот] вскоре потонет, — и он потонул у него на глазах. Попив зачерпнутой из колодца воды, он предсказал, что на третий день будет землетрясение, — и сбылось. На пути в Олимпию он посоветовал — Мессене своему гостеприимцу Перилаю переселиться вместе с семьей, тот не послушался — и Мессена была захвачена. (117) Лакедемонянам сказал, чтоб не ценили ни золота, ни серебра, как говорит Феопомп в «Чудесах» [фр. 71], а приказал ему это во сне Геракл, который той же ночью велел царям слушаться Ферекида. Некоторые приписывают эти [чудеса] Пифагору [см. А 6].

Гермипп говорит [фр. 19 FHG], что, когда вспыхнула война между эфесцами и магнесийцами, [Ферекид], желая, чтобы победили эфесцы, спросил у прохожего, откуда он. «Из Эфеса», — ответил тот. «Тогда волокни меня за ноги, — сказал он, — и положи на земле магнесийцев, да сообщи своим согражданам, чтоб после победы похоронили меня на этом самом месте (118) и что так приказал Ферекид». Тот сообщил, и эфесцы на следующий же день нападают на магнесийцев и побеждают их, а умершего Ферекида хоронят на этом самом месте и воздают ему великолепные почести. Некоторые, впрочем, говорят, что он пришел в Дельфы и бросился с Корикской горы. А Аристоксен в книге «О Пифагоре и его учениках» [фр. 14 Wehrli] говорит, что он заболел и был похоронен Пифагором на Делосе. Другие утверждают, что он умер от вшивости и, когда Пифагор навестил его и спросил, как он, тот просунул через дверь палец и сказал: «По коже ясно». Поэтому эрудиты употребляют это выражение в отрицательном смысле, а те, кто употребляет в положительном, допускают ошибку. (119) Он говорил также, что боги называют стол *θηρός* [жертвенник] [В 12].

Андрон из Эфеса говорит, что было два Ферекида Сиросца: один — астроном, другой — богослов, сын Бабия, у которого учился Пифагор. Эратосфен [признает] только одного, и другого — [Ферекида] Афинского, генеалога.

Сохранилась книга Сиросца, которую он написал [прозой] и начало которой: «Зас . . . землю» [В 1]. Сохранился и гелиотропий на острове Сиросе [следует 36 В 4 и эпиграмма Диогена].

(121) Он жил в пятьдесят девятую олимпиаду [544—541 гг. до н. э.]. [Следует подложное письмо к Фалесу].

1а. ВСЕВИЙ. Хроника, 59-я олимпиада (2-й год 59-й ол. — кодекс М, 4-й год 59-й ол. — остальные): Становится известным историк Ферекид.

2. СУДА, под словом «Ферекид»: Ферекид, сын Бабия, Сиросец (Сира — один из Кикладских островов, близ Делоса). Жил во времена лидийского царя Алиатта, так что был современником семи мудрецов и родился около 45-й олимпиады [600—597 гг.

до н. э.]. Рассказывают, что он был учителем Пифагора, а у самого наставника не было: он сам себя выучил, приобретя тайные книги финикийцев. Некоторые сообщают, что он первым опубликовал сочинение в прозе (в то время как другие относят это к Кадму Милетскому) и первым ввел учение о метемпсихозе. Ревновал славе Фалеса. Умер от шпивости [ср. 11 А 11 (Иосиф Флавий); ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, II, 46].

Вот все, что он написал: «Семинадри» ('Επτάμυθος), иначе «Богосмешение» (Θεοκρασία) или «Теогония» (это теология в 10 книгах, содержащая происхождение и преемства богов).

Ферекид Афинский (старше Сиросского, который, как передают, свел воедино стихотворения Орфея) написал «Автохтонов» — древнюю историю Аттики в 10 книгах, «Увещевания» эпическим стихом. Порфирий, однако, не признает никого старше Сиросца и считает его единственным родоначальником прозы.

СУДА, под словом «Гекатей»: [Гекатей] первым опубликовал историю в прозе, Ферекид — прозаическое сочинение, ибо книга Акусилая считается неоподлинной.

2а. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, I, 42=9 А 1 [Гермипп включает Ферекида в каталог 7 мудрецов].

3. СТРАБОН. География, X, с. 487: Сирос произносится с удлинением первого слога. Оттуда был родом Ферекид, сын Бабия. [Ферекид] Афинский моложе его.

4. ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ, X, 3, 4 [Из Аристоксена, см. гл. 14, 8]: Узнав, что его наставник Ферекид тяжело болен на Делосе, Пифагор поплыл из Италии на Делос. Там он по-сыновнему опекал его изрядное время и приложил всяческое старание, чтобы спасти старика от болезни. Когда же старость и тяжелая болезнь одолели Ферекида, он заботливо похоронил и почтил его принятыми обрядами, словно сын отца, после чего снова вернулся в Италию.

ПОРФИРИЙ. Жизнь Пифагора, 56 [После описания погрома, см. гл. 14, 16]: Ферекид умер до отъезда [Пифагора] из Самоса.

* ГЕРАКЛИД ЛЕМБОС. Эксерпты из «Политий» Аристотеля, 32 (с. 378, 5 Rose) [из «Самосской Политии»]: Ферекид Сиросский, съеденный вшами, умер на Самосе. Посетившему его Пифагору он показал через щель палец, оголившийся [до кости]

* ЭЛИАН. Пестрая история, 4, 28: Ферекид Сиросский умер самой мучительной смертью из всех людей: все его тело было истреблено вшами. Так как лицо его стало безобразным, он уклонялся от общения с друзьями, а когда кто-нибудь приходил и спрашивал, как он поживает, просовывал через дверную щель палец, обнажившийся от мяса, и добавлял, что и все его тело в таком же состоянии. Делосцы говорят, что это бог, [почитаемый] на Делосе, разгневался на него и наслал эту болезнь: дескать, сидя на Делосе вместе с учениками, он много всякого наговорил о своей собственной мудрости и, между прочим, сказал следующее: он-де никому из богов не приносил жертв и, однако же, прожил ничуть не менее сладостную и беспечальную жизнь, чем те, кто жертвует [богам] гекатомбы. Вот за эти легкомысленные речи он и понес тяжелейшее наказание [там же, 5, 2]. Заболев, Ферекид, учитель Пифагора, сначала потел горячим липким потом, напоминающим сопли, потом покрылся насекомыми [?], а затем завшивел. Пока вши уничтожали его плоть, наступило истощение и он умер.

5. ЦИЦЕРОН. Тускуланские беседы, I, 16, 38: Полагаю, что за столько веков были, конечно, и другие, но насколько известно из письменного предания, впервые сказал, что души людей вечны, Ферекид Сиросский, лицо весьма древнее: ведь он жил в царствование моего сородича [=Сервия Туллия, 578—535 гг. до н. э.].

АПОНИЙ. Толкование на «Песнь песней», V, с. 95 [Bottino—Martini, Roma, 1843]; на «Песнь песней», 3, 5: Как мы сказали, в предыдущем «заклинании дочерей иерусалимских зернами и полевыми ланями» разумелись представители Фалесовой и Ферекидовой философии. . . из коих Фалес [см. 11 А 23] . . . а Ферекид первый, как сообщают, преподавал своим слушателям, что душа человека бессмертна, и что она — жизнь тела, а также полагал, что один дух в нас — с неба, а другой происходит от земных семян. Он раньше всех описал природу и происхождение богов. Признано, что это сочинение весьма способствует нашей религии в том, чтобы идолопоклонник знал, что те, кого он считает богами, постыдно родились, вели чрезвычайно постыдную жизнь и весьма позорно умерли.

6. Эксерпт из 1-й книги «Филологических лекций» ПОРФИРИЯ у Евсевия, Подготовка к Евангелию, X, 3, 6: Андрон в «Треножнике» рассказывает о предсказаниях философа Пифагора: как однажды в Метопонте он почувствовал жажду, зачерпнул [воды] из колодца и, попив, предсказал, что на третий день будет землетрясение. Приведя еще несколько примеров, он [Порфирий] добавляет: «Все, что Андрон рассказал о Пифагоре, украл Феопомп [FGrHist 115 F 70]. Если бы при этом он говорил это о Пифагоре, то можно было бы предположить, что и другие знали об этом и говорили то же, что и Андрон, независимо. Однако перемена имени разоблачила плагиат: события-то он использует те же самые, а имя подменил другим — предсказывающим все это он сделал Ферекида Сиросского. Но не только этим именем маскирует он плагиат, а и переменой мест тоже: по словам Андрона, предсказание землетрясения произошло в Метопонте, а Феопомп утверждает, что на Сиросе; корабль, утверждает он, наблюдали не из Мегар Сицилийских, а с Самоса; взятие Сибариса он перенес на взятие Месены. А чтобы казалось, что кое-что он говорит сверх [того, что сообщает Андрон], присочинил и имя друга, сказав, что его звали Перилаем». МАКСИМ ТИРСКИЙ, 29, 5 Nobein: Ферекид предсказал самосцам землетрясение.

7. АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, N 4. 1091 b 6 [В теогониях древних поэтов-богословов — Орфея, Гесиода, Гомера — мир порождается не его нынешним правителем — Зевсом (благим и прекрасным началом), а аксиологически нейтральными первобытными существами: Ночью, Небом, Хаосом, Океаном. В этом они сходятся с современными философами, утверждающими вторичность и производность блага; ср. 1 В 9]: Впрочем, эти [богословы] приходят к такому утверждению потому, что правители [мира у них] меняются; тогда как те из них, кто относится к смешанному типу (*μεμιγμένοι*) в силу того, что они не все излагают в форме мифа, как, например, Ферекид и некоторые другие, полагают первичное породившее [мир начало] наивысшим благом, равно как и маги.

7а. ПЛОТИН, V, 1, 9: Так что те из древних, кто находится в наибольшем согласии с учением Пифагора и его последователей, а также Ферекида, занимались этой природой [= «вечным и умопостигаемым Одним»], но только одни изложили [свои взгляды] в книгах, а другие — не в книгах, но в устных беседах, а то и вовсе оставили [их невысказанными].

8. ДАМАСКИЙ. О началах, 124 b (I, 321 R.)=ЕВДЕМ, фр. 150 W.: Ферекид Сиросский говорит, что Зас был всегда, и Хронос [Время] и Хтония — три первых начала. . . Хронос же создал из своего семени (*γόνος*) огонь, воздух (*πνεῦμα*) и воду. . . из которых — после того как они распределились в пяти недрах — образовалось новое многочисленное поколение богов, называемое «пятинедровым» (*πεντέμυχος*), что, вероятно, равнозначно «пятимирному» (*πεντέκοσμος*). Ср. В 1.

9. ПРОБ. Комм. к «Буколикам» Вергилия, 6, 31 (Appendix Serviana, ed. Hagen, с. 343, 18): [Трехэлементная космогония]. Согласен и Ферекид, но элементы приводит другие: Зевса, Хтонию и Кроноса, обозначая [так] огонь, землю и время, причем эфир — это то, что правит, земля — то, чем правят, а время — то, в чем управляется Вселенная.

ГЕРМИЙ. Осмеяние языч. философов, 12 (D. 654): Ферекид полагает началами Зевса, Хтонию и Кроноса; под Зевсом он понимает эфир, под Хтонией — землю, под Кроносом — время (*χρόνος*); эфир — это активное начало, земля — пассивное, время — то, в чем все происходит.

ИОАНН ЛИДИЙСКИЙ. О месяцах, IV, 3: [Зевс], согласно Ферекиду, — Солнце.

10. СЕКСТ ЭМПИРИК. Пирроновы положения, III, 30. [«О материальных началах»]: Ферекид Сиросский считал [материальным] началом всего землю [из В 1, ср. А 8, 9].

11. МАКСИМ ТИРСКИЙ, 4, 4, с. 45 *Nobein*: Имей в виду также поэзию Сиросца: и Зевса с Хтонией, и Эрота [Любовь] между ними [В 3], и рождение Офионея, и битву богов [В 4], и древо, и покров [В 2].

12. ПРОКЛ. Комм. к «Тимею» 23 с; I, 129, 15 Diehl: Учение Платона не столь загадочно, как учение Ферекида. [ср. В 2, 6].

*ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, I, 122: [Из подложного письма Ферекида к Фалесу]. Что бы ты ни читал [в моей книге] о богах — все надо понимать аллегорически, ибо обо всем я говорю намеками.

*КЛИМЕНТ АЛЕКС., Строматы, V, 50, 3 [ср. Гераклит А 4]: Сходно с этой книгой [Гераклита] и «Богословие» Ферекида Сиросского.

В. ФРАГМЕНТЫ

«Богословие» или «Семинадне»

1. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, I, 119 [ср. А 1]: «Зас и Хронос были всегда, и Хтония; Хтонии же имя стало Земля (Γῆ) с тех пор, как Зас дал ей в дар землю».

Ср.: ГЕРОДИАН. Об особенных словах, II, 911, 8 Lentz. [Формы имени Зевс]: Дис, Зен, Ден, Зас и Зес у Ферекида по особому склонению [ср. А 8].

1а. АХИЛЛ. Введение к «Феноменам» Арата, 3 [31, 28 Maass]: Фалес Милетский и Ферекид Сиросский полагают началом всех вещей воду, которую Ферекид называет также Хаосом, вероятно заимствовав это у Гесиода, говорящего [Теог., 116]: «прежде всего возник Хаос».

2. Grenfell—Hunt, Greek Papyr., Ser. II, N 11, с. 23: Ему. . . покров. КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, VI, 9 (II, 428, 19 St.): Вслед за Гомером, сказавшим по поводу сделанного Гефестом щита [Ил., XVIII, 483, 607]: «Там он сделал землю, там — небо, там — море/, Там сделал великую, могучую реку Океан», — Ферекид Сиросский говорит: «Зас. . . чертоги Огена». Там же. VI, 53 (II, 459, 4): [Из Исидора] . . . Чтобы они поняли, что означает «крылатый дуб» и вышитый «покров» на нем — все аллегорическое богословие Ферекида, содержание которого он заимствовал из пророчества Хама.

Стб. 1: . . . <Е>му строят хоромы, многие и большие. Когда же они завершили их полностью, равно как и утварь, и слуг, и служанок, и все прочее, что необходимо, когда, значит, все было готово, устраивают свадьбу. И когда наступил третий день свадьбы,

тогда Зас творит покров, большой и красивый, и вышивает на нем Землю (Γῆν) и Огена, и чертоги Огена . . .

Стб. 2: [Зас обращается к Хтонии:] Ибо, <желая,> чтобы свадьбы были твоими, я жалую тебя этим [покровом]. Ты же у меня здравствуй и будь моей женой! Так, говорят, впервые произошли анакалиптерии. С тех пор этот обычай установился и у богов и у людей. Она же ем<у> отвечает, приняв<ши> у него пок<р>ов . . .

3. ПРОКЛ. Комм. к «Тимею» 32 с (II, 54, 28 D): Ферекид говорил, что, собираясь творить мир, Зевс превратился в Эрота: создав космос из противоположностей, он привел его к согласию и любви и посеял во всем тождественность и единение, пронизывающее универсум.

4. ОРИГЕН. Против Кельса, VI, 42 (II, 114, 13 K.): [По словам Кельса], Ферекид, который был намного древнее Гераклита, рассказывает миф о том, что два войска противостоят друг другу, одним из которых командует Кронос, другим — Офионей, и повествует о вызовах и поединках между ними, и как они заключают договор: которые из них упадут в Оген — тем быть побежденными, а которые выпихнут [врага] и победят — тем владеть небом. Этот же смысл, по его [Кельса] словам, имеют и священные сказания о Титанах и Гигантах, объявляющих войну богам, и священные сказания египтян о Тифоне, Горе и Осирисе.

ФИЛОН ИЗ БИБЛА. Финикийская история (у Евсевия. Приготовление к Евангелию, I, 10, 50): Заимствовав у финикийцев исходный материал [ср. 11 A 11 (Иосиф Флавий); 7 A 2], Ферекид богословствовал об Офионее (как он его называет) и Офионидах [потомках Офионей].

ТЕРТУЛЛИАН. О венце, 7: По словам Ферекида, раньше всех был коронован Сатурн, по словам Диодора [Сицилийского] [VI, 4], — Юпитер после победы над Титанами. Ср.: ПРОКЛ. Комм. к «Тимею» 20 d; I, 77, 15D.

5. ОРИГЕН. Против Кельса, VI, 42 (II, 112, 20 K.): Толкуя гомеровские стихи [Илиада I, 590; 15, 18] он [Кельс] говорит, что слова Зевса к Гере — это слова бога к матери, а слова к матери аллегорически выражают, что бог скрутил ее, изначально бывшую хаотически неистовой, связал определенными пропорциями и упорядочил, а демонов из ее окружения, которые окажутся смутьянами, сбросит в наказание вниз по дороге, ведущей сюда. Поняв эти стихи Гомера таким образом, Ферекид, по его словам, сказал: «Под тем уделом (μοῖρα) лежит удел Тартарский, сторожат его дочери Борей Гарпии да Тизелла [Буря], туда изгоняет Зевс богов, согрешивших от дерзости». То же значение, по его словам, имеет и покров Афины, выставляемый на всеобщее обозрение во время Панафинейского шествия: на нем изображено, как не имеющая матери и девственная богиня побеждает мятежных сынов земли.

6. ПОРФИРИЙ. О пещере нимф, 31: Ферекид Сиросский говорит о «недрах», «ямах», «пещерах», «дверях» и «вратах», символизирующих рождения [= вхождения в чувственный мир] и исхождения [из него] душ. . .

ПРОКЛ. Комм. к «Тимею» 29 а; I, 333, 28 D: Древние называют космос пещерой [ср.: A 8; 31 B 120], тюрмой [44 B 15] и гротом . . .

7. ПСЕВДО-ГАЛЕН (ПОРФИРИЙ). К Гавру, изд. Kalbfleisch (Abh. Ver. Akad., 1895), с. 34, 26: В этом усердствуют Нумений и толкователи аллегорий Пифагора, интерпретирующие реку Амелет у Платона [Гос., X, 621 а], Стикс у Геспода и орфиков и истечение (ἐκροή) у Ферекида как семя.

9. ГЕРОДИАН. Об особенных словах, II, 911, 23 L.: Если же кто-нибудь говорит

«и Рея у Сиросца названа Ре (Ρῆ)», то пусть знает, что это его особенное употребление [ср. 64 В 10].

10. АПОЛЛОНИЙ ДИСКОЛ. О местоимениях, с. 65, 15 Schneider: И Ферекид в «Теологии», а также Демокрит [68 В 13=422, 829 Лурье] чаще употребляют форму ἐμεῦ, а также ἐμέο [меня].

11. Там же, с. 93, 1: Слитные формы именительного падежа [местоимений ἡμεῖς, ὑμεῖς, σφεῖς =мы, вы, они] засвидетельствованы у ионийских писателей примерами из Демокрита [68 В 29 а=829 Л.], Ферекида, Гекатея [FGH Hist 1 F 360; I, 45].

12. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, I, 119 (из А 1): Он говорил также что боги называют стол θυσίον [жертвенник].

13. ФИЛОДЕМ. О благочестии, 47 а 14 сл. (Henrichs, GRBS, 13 [1972], 79, 84) [после 3 В 5 и АВАРИС, В 1]: Другие считают отцом и матерью богов <Зевса и> Геру, Пив<дар полагает, что боги происходят от> Кибек<лы-м>атери в строках «<Госп>ож<у> Кибек<лу> мат<ь>» [фр. 80 Snell—Maehler], Фере<кид> <Си>росский. . .

13 а. [FGH Hist 3 F 177] ПЛУТАРХ. О лице на Луне, 24, 938 В [Жизни на Луне нет, так как сухость атмосферы исключает растительную пищу]: Если только — клянусь Зевсом! — мы не станем утверждать, что как Афина вливала в непринимавшего пицци Ахилла по кашле нектар и амвросию, так и Луна, которую называют Афиной и которая действительно тождественна с ней, кормит [лунных] людей, ежедневно производя для них амвросию, как, по мнению древнего Ферекида, питаются боги.

Spuria

14. ИОАНН ЛИДИЙСКИЙ, II, 7: Ферекид и его последователи называли двоицу «дерзостью» (ἄβρις) и «порывом», называют ее и «мнением», так как истина и ложь — в мнении. Ср. 3 В 26.

8. ТЕАГЕН

1. ТАТИАН, 31, с. 31, 16 Schwartz: Из прежних исследователей поэзии происхождения и времени расцвета Гомера самыми древними были Теаген из Регия, живший во времена Камбиса [529—522 гг. до н. э.], Стесимброт из Тасоса [FGH Hist 107 F 24], Антимах из Колофона, Геродот из Галикарнасса [II, 53, 116], Дионисий из Олинфа и т. д. Ср. гл. 61.

1а. Схолии к ДИОНИСИЮ ФРАКИЙСКОМУ, с. 164, 23 Hilgard: Есть два вида грамматики: одна занимается начертаниями и произношением букв (эта грамматика считается древней, появившейся до Троянской войны и чуть ли даже не одновременно с природой), другая — эллинской словесностью. Последняя моложе: она началась с Теагена и была доведена до совершенства перипатетиками Праксифаном и Аристотелем. Гр.: Там же, с. 448, 13.

2. Схолии к Гомеру В (к «Илиаде», XX, 67) [ПОРФИРИЙ. Гомеровские вопросы, I, 240, 14 Schrader]: Рассказ о богах совершенно неудобен и непристоен: мифы, которые он [Гомер] рассказывает о богах, непристойны. Одни находят оправдание против этого обвинения в манере выражения, полагая, что все это сказано аллегорически о природе элементов. Например, противоборствами богов [аллегорически выражено противоборство элементов]. Так, сухое, по их словам, сражается с влажным,

горячее — с холодным, легкое — с тяжелым. Кроме того, вода гасит огонь, а огонь иссушает воду. Точно так же и между всеми элементами, из которых состоит Вселенная, существует противоположность [~ враждебность], и частично они подвергаются уничтожению в какой-то момент, а все в целом пребывает вечно. Их [элементов] «битвы» он [Гомер] и излагает, называя огонь Аполлоном, Гелиосом и Гефестом, воду Посейдоном и Скамандром, луну Артемидой, воздух Герой и т. д. Сходным образом он дает иногда имена богов и состояниям [духа]: разуму (φρόνησις) — имя Афины, безрассудству — Ареса, вожделению — Афродиты, речи — Гермеса и присваивает их им. Таков этот способ оправдания [Гомера] со стороны стилия; он очень древний и берет начало от Теагена из Регия, который первым написал о Гомере.

3. Схолии к Гомеру А (к «Илиаде», I, 381): «Поскольку он [Хрис] был ему [Аполлону] весьма любезен». Селевк говорит, что в кипрском и критском [изданиях «Илиады» читается]: «поскольку, значит, он был ему любезен», — и Теаген цитирует так же.

4. СУДА, под словом «Теагеновы деньги»: . . . Есть еще два Теагена: один — писавший о Гомере, другой — выпучиваемый за изнеженность.

9. АКУСИЛАЙ

А. СВИДЕТЕЛЬСТВА О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНИИ

1. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, I, 41 [из 10, 1]: Некоторые присоединяют [к семи мудрецам] Акусилая, сына Каба или Скабра, аргосца. (42) Гермипп в книге «О мудрецах» [фр. 8 FHG III 37] говорит, что их было семнадцать, к ним относятся Солон, Фалес, Питтак, Биант, Хилон, «Мисон», Клеобул, Периандр, Анахарсис, Акусилай, Эпименид, Леофант, Ферекид [7 А 2 а] и т. д.

2. СУДА, под словом «Акусилай», сын Каба, аргосец, из Керкады (города близ Авлиды), древнейший историк. Написал «Генеалогии», [переписав их] с медных табличек, которые, как говорят, нашел его отец, раскопав некое место своего дома.

3. СУДА, под словом «Гекатей»: Гекатей. . . первым обнародовал историю в прозе. Ферекид — прозаическое сочинение [7 А 2], ибо книга Акусилая считается неподлинной.

4. КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, VI, 26 (II, 443, 2 St.): Стихи Гесиода переложили в прозу и обнародовали как свои собственные историки Эвмел [FHG II 20] и Акусилай.

5. СУДА, под словом «Сабин»: Сабин — софист, живший при цезаре Адриане. Написал: . . . комментарии к Фукидиду, Акусилаю и другим, а также иные экзегетические сочинения.

В. ФРАГМЕНТЫ «ГЕНЕАЛОГИЙ»

1 (FGrHist 2 F 6b. 5). ДАМАСКИЙ. О началах, 124 [I, 320, 10 R.]: Акусилай, как я думаю, полагает первым началом Хаос как нечто абсолютно непознаваемое, а двумя после одного — Эреб (мужское начало) и Ночь (женское). . . от совокупления которых родились Эфир, Эрос и Метис. . . Затем он производит от них же большое число других богов согласно «Истории [теологии]» Евдема [фр. 117]. ФИЛЮДЕМ. О благочестии, 137, 13, с. 61: Акусилай говорит, что Хаос первичен, а прочее — из него [ср. 2 В 14].

2 (6a). ПЛАТОН. Пир, 178 b: Гесиод [Теог., 116] говорит, что первым возник Хаос, . . . а после Хаоса эти двое: Гея и Эрос [следует 28 В 13]. С Гесиодом согласен в

Акусила́й. Таким образом, многие признают, что Эрос относится к древнейшим богам.

3 (6с). Схолия к ФЕОКРИТУ, XIII, 2 [из Теона], с. 258 W: Он [Феокрит] сомневается, чьим сыном ему назвать Эроса: Гесиод [Теог., 120] [называет его сыном] Хаоса и Гея, Симонид [фр. 43 В. = 575/70 Page] — Ареса и Афродиты, Акусила́й — Ночи и Эфира, Алкей — Ириды и Зефира, Сапфо — Афродиты и Урана и т. д. Ср.: АНТАГОР у Диогена Лаэртия, IV, 26.

10. СЕМЬ МУДРЕЦОВ

1. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, I, 40: Что касается семи [мудрецов] (о которых здесь также стоит упомянуть в общих чертах), то о них ходят толки такого рода. Дамон Киренский, написавший «О философах» [FHG IV 377], порицает всех, но особенно семерых. Анаксимен [из Лампсака] говорит, что они все посвятили себя политике, а Дикеарх [фр. 30, 32 W.] — что они были и не мудрецами, и не философами, а просто умными людьми и законодателями. Архетим Сиракузский [FHG IV 318] записал их беседу у Кипсела (на которой, по его словам, он присутствовал сам), Эфор же [говорит, что они встретились] у Креза, за исключением Фалеса [FGrHist 70 F 181]. Одни говорят, что они встретились в Панионии, другие — что в Коринфе, третьи — что в Дельфах. (41) Предмет разногласий составляют и их изречения, которые приписывают то одному, то другому [из них], как, например, это:

Мудр был лакедемонянин Хилон, изрекший:
«Ничего слишком; все хорошо, что в меру».

Спорят и об их числе. Меандрій [фр. 16 J.] вместо Клебула и Мисона включает в канон Леофанта, сына Горгиада, лебедосца (или эфесца) и Эпименида Критского [3 В 1]; Платон в «Протагоре» [см. 10, 2] — Мисона вместо Перяндра; Эфор — [FGrHist 70 F 182] вместо Мисона Анахарсиса; другие вносят в список Пифагора. Дикеарх передает нам [имена] четырех, признанных всеми, — Фалеса, Бианта, Питтака, «Солона — и называет поименно еще шестерых, из которых [надлежит] выбрать трех: Аристодема, Памфила, Хилона Лакедемонского, Клебула, Анахарсиса, Перяндра. Некоторые присоединяют Акусила́я [9 А 1], сына Каба или Скабра, Аргосца. (42) Гермипп в книге «О мудрецах» [фр. 8 FHG] называет семнадцать [мудрецов], из которых разные [писатели] выбирают семерых по-разному, а именно: Солона, Фалеса, Питтака, Бианта, Хилона, «Мисона», Клебула, Перяндра, Анахарсиса, Акусила́я, Эпименида [3 В 1], Леофанта, Ферекида [7 А 2а], Аристодема, Пифагора, Ласа, сына Хармантида или Сисимбрина, или, согласно Аристоксену [фр. 86 Wehrli], Хабрина, из Гермियोны; Анаксагора [59 А 30, 33]. Гиппот в «Списке философов» [называет] Орфея, Лина, Солона, Перяндра, Анахарсиса, Клебула, Мисона, Фалеса, Бианта, Питтака, Эпихарма [23 А 6с], Пифагора.

2. ПЛАТОН. Протагор, 343 а: К их [лаконствующих философов] числу принадлежали Фалес из Милета, Питтак из Митилены, Биант из Приены, наш Солон, Клебул из Линда и Мисон из Хены, а седьмым меж ними числился лакедемонянин Хилон. Все они были ревнительями, поклонниками и учениками лаконского строя, и нетрудно заметить, что это наложило отпечаток на их мудрость: краткие и достопамятные изречения каждого из них. Собравшись вместе, они посвятили Аполлону в Дельфийский храм первинки своей мудрости, начертав [на его стене] то, что все повторяют: «Знай самого себя» и «Ничего слишком». К чему я это говорю? Да к тому, что таков был стиль фило-

софий древних: прямо-таки лаконское краткословие. Точно так же ходило по устам в приватном порядке и это превозносимое мудрецами изречение Питтака: «Трудно быть хорошим».

ПЛАТОН. Хармид, 164 d: Я утверждаю, что «самообладание» (αυφροσύνη) означает почти то же самое, что и «знание самого себя», и я согласен в этом с тем, кто посвятил в Дельфах [Аполлону] подобную надпись. . . ибо «знай себя» и «владей собой» — одно и то же, как утверждают надписи и я [вместе с ними], хотя, вероятно, можно подумать, что не одно и то же; по-моему, это как раз и произошло с теми, кто посвятил позднейшие надписи: «Ничего слишком» и «Где порука — там беда»: они решили, что «Знай себя» — это совет, а не обращение бога к входящим [в храм], а затем, чтобы и самим не отстать по части посвящения полезных советов, они написали [эти изречения на стене храма] и посвятили [их Аполлону].

3. СТОБЕЙ, III, 1, 172:

«Изречения Семи мудрецов» [из собрания] Деметрия Фалерского

1. КЛЕОБУЛ, сын Эвагра из Линда, изрек:

1. Мера лучше всего. 2. Отца надо уважать. 3. Будь здоров и телом и душой. 4. Будь любослуж, а не многослов. 5. [Лучше быть] ученым, чем неучем. 6. Будь сдержан на язык. 7. Добродетели — свой, пороку — чужой. 8. К несправедливости питай ненависть, благочестие блюди. 9. Согражданам советуй наилучшее. 10. Удовольствие обуздывай. 11. Силой не делай ничего. 12. Детей воспитывай. 13. Удаче молись. 14. Ссоры замиряй. 15. Врага народа считай супостатом. 16. С женой не бранись и не любезничай при чужих: первое — признак глупости, второе — сумасбродства. 17. За вином слуг не наказывай, не то решат, что ты бесчинствуешь во хмелю. 18. Бери жеңу из ровни, ибо, если возьмешь из тех, кто знатней тебя, приобретешь не родственников, а господ. 19. Насмешкам остряка не смеяся, не то будешь ненавистен тем, на кого они направлены. 20. В достатке на заносись, в нужде не уничижайся.

2. СОЛОН, сын Эксекестида, афинянин, изрек:

1. Ничего слишком. 2. В судьи не садись, а не то будешь врагом уличенному. 3. Избегай удовольствия, рождающего страдание. 4. Добропорядочность (καλοκαγαθία) права соблюдай вернее клятвы. 5. Скрепляй слова печатью молчания, а молчание — печатью подходящего момента (καιρός). 6. Не лги, но говори правду. 7. Радей о честном. 8. Родители всегда правы [досл.: «не говори более справедливого, чем родители»]. 9. Не спеши приобретать друзей, а приобретенных не спеши отвергнуть. 10. Научившись подчиняться, научисься управлять. 11. Требуя, чтобы ответственность несли другие, носи ее и сам. 12. Согражданам советуй не самое приятное, а самое полезное. 13. Не будь дерзким. 14. Не якшайся с дурными. 15. Почитай богов. 16. Уважай друзей. 17. Чего «не» видел, того не говори. 18. Знаешь — так молчи. 19. К своим будь кроток. 20. О тайном догадывайся по явному.

3. ХИЛОН, сын Дамагета, лакедемонянин, изрек:

1. Знай себя. 2. Выпивая, не болтай: промахнешься. 3. Не грози свободным: нет на то права. 4. Не худи ближних, а не то услышишь такое, от чего огорчишься. 5. На обеды друзей ходи медленно, на беды — быстро. 6. Свадьбу устраивай дешевую. 7. Покойного величай. 8. Старшего уважай. 9. К тому, кто суется в чужие дела, питай ненависть. 10. Предпочитай убыток позорной прибыли: первое огорчит один раз, вто-

рое [будет огорчать] всегда. 11. Над попавшим в беду не смейся. 12. Если у тебя крутой нрав, проявляй спокойствие, чтобы тебя скорее уважали, чем боялись. 13. Будь защитником своей семьи. 14. Язык твой пусть не обгоняет ума. 15. Обуздывай гнев. 16. Не желай невозможного. 17. В пути не торопись. 18. И не махай рукой, ибо это от безумия. 19. Повинуйся законам. 20. Если тебе причинили ущерб — примирись, если оскорбили — отомсти.

4. ФАЛЕС, сын Экоамия, милетец, изрек:

1. Где порука, там беда. 2. Помни о присутствующих и отсутствующих друзьях. 3. Не красуйся наружностью, а будь прекрасен делами. 4. Не обогащайся нечестным путем. 5. Пусть молва не сорит тебя с теми, кто пользуется твоим доверием. 6. Не стесняйся лстить родителям. 7. Не перенимай от отца дурного. 8. Какие услуги окажешь родителям, такие и сам ожидай в старости от детей. 9. [Что] трудно [?] — познать самого себя. 10. [Что] самое приятное [?] — достичь того, чего желаешь. 11. [Что] утомительно [?] — праздность. 12. [Что] вредно [?] — невоздержанность. 13. [Что] невыносимо [?] — невоспитанность. 14. Учи и учись лучшему. 15. Праздным не будь, даже если ты богат. 16. Плохое прятать в доме. 17. Лучше вызывай зависть, чем жалость. 18. Блюда ты меру. 19. Не верь всем подряд. 20. Находясь у власти, управляй самим собой.

5. ПИТТАК, сын Гирраса, лесбосец, изрек:

1. Знай меру. 2. О том, что намерен делать, не рассказывай: не выйдет — засмеют. 3. Полагайся на друзей. 4. Что возмущает тебя в ближнем, того не делай сам. 5. Горемыку не брани: на то есть гнев богов. 6. Доверенный тебе залог отдай. 7. Если ближние причинили тебе маленький убыток — стерпи. 8. Друга не хвали и врага не хвали: нерасчетливо это. 9. [Что] страшно узнать [?] — будущее, [что] безопасно [?] — прошлое. 10. [Что] надежно [?] — земля, [что] ненадежно [?] — море. 11. [Что] ненасытно [?] — корыстолюбие. 12. Владей своим. 13. Лелей благочестие, воспитание, самообладание, рассудок, правдивость, верность, опытность, ловкость, товарищество, прилежание, хозяйственность, мастерство.

6. БИАНТ, сын Тевтама, приенец, изрек:

1. Большинство людей дурны. 2. Надо посмотреть на себя в зеркало, сказал он, и если выглядишь прекрасным — поступай прекрасно, а если безобразным — то исправляй природный недостаток добропорядочностью. 3. Берись [за дело] не спеша, а начатое доводи до конца. 4. Не болтай: промахнешься — пожалеешь. 5. Не будь ни дурнем, ни злым. 6. Безрассудства не одобряй. 7. Рассудительность — любя. 8. О богах говори, что они существуют. 9. Соображай, что делаешь. 10. Слушай побольше. 11. Говори к месту. 12. В бедности богатых не кори, если только не очень задолжал. 13. Недостойного человека за богатство не хвали. 14. Бери убеждением, а не силой. 15. Причиной любой удачи считай богов, а не себя. 16. Приобретай: в молодости — благополучие, в старости — мудрость. 17. Приобретешь: делом — память [о себе], надлежащей мерой — осторожность, характером — благородство, трудом — терпение, страхом — благочестие, богатством — дружбу, словом — убеждение, молчанием — чинность, решением — справедливость, дерзанием — мужество, деянием — власть, славой — верховенство.

7. ПЕРИАНДР, сын Кипсела, коринфянин, изрек:

1. Прилежание — все. 2. [Что] прекрасно [?] — спокойствие. 3. [Что] опасно [?] — опрометчивость. 4—5. Бесчестная прибыль обличает <бесчестную> натуру. 6. Демократия лучше тирании. 7. Удовольствия омертны, добродетели бессмертны. 8. В удаче будь умерен, в беде — рассудителен. 9. Лучше умереть в скупости, чем жить в нужде.

10. Сделайся достойным своих родителей. 11. При жизни будь хвалим, после смерти — благословим. 12. С друзьями будь одним и тем же и в удаче и в беде. 13. Дал слово — держи: нарушить — подло. 14. Тайны не разглашай. 15. Бранись с таким расчетом, чтобы скоро стать другом. 16. Люби законы старые, а яства свежие. 17. Не только наказывай прегрешающих, но и останавливай намеревающихся. 18. Неудачи скрывай, чтобы не радовать врагов.

IV. ПРОРОКИ И ЧУДОТВОРЦЫ АРХАИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

10*. АРИСТЕЙ ИЗ ПРОКОННЕСА

А. СВИДЕТЕЛЬСТВА

1. В перечнях древних чудотворцев объединяются у АПОЛЛОНИЯ ПАРАДОКСОГРАФА. История чудес, 1—6: Эпименид, Аристей, Гермотим, Абарис, Ферекид, Пифагор; у КЛИМЕНТА АЛЕКС., Строматы, I, 133, 2 (ср. ТАТИАН, 41): Пифагор, Абарис, Аристей, Эпименид, Зороастр, Эмпедокл, Формион; у Никомаха (ПОРФИРИЙ. Жизнь Пифагора, 29= ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 135): Эмпедокл, Эпименид, Абарис, Пифагор; у МАКСИМА ТИРСКОГО, 10,1 сл.: Эпименид, Пифагор, Аристей; у ПЛИНИЯ, Естеств. история, 7, 174: Гермотим, Аристей, Эпименид, Эмпедокл; у ПРОКЛА, Комм. к «Государству», II, 113: Аристей, Гермодор, Эпименид; у ГРИГОРИЯ НАЗИАНЗИНА, 35, 581 Migne: Эмпедокл, Аристей, Эмпедотим, Трофоний.

2. ПИНДАР, фр. 271 Snell у Оригена, Против Кельса, 3, 26: [Пиндар говорит] об Аристее из Проконнеса.

3. ГЕРОДОТ, 4,13: Аристей, сын Каистробия, уроженец Проконнеса и стихотворец, сказал, что сделавшись одержимый Фебом, он прибыл в страну исседонов. За исседонами, по его словам, живут одноглазые аримаспы, за ними — златосторожащие грифы, а за грифами — гиперборейцы, страна которых простирается до моря. Все эти народы, кроме гиперборейцев, все время нападают на соседей, причем зачинщиками выступают аримаспы, так что исседонов вытесняют из [родной] страны аримаспы, исседоны — скифов, а киммерийцы, которые жили на южном море, под натиском скифов покинули страну. Выходит, что и Аристей не сходитя со скифами относительно этой страны. (14) И откуда родом была Аристей, сочинивший про это, я уже сказал, а вот что за рассказ я слышал о нем в Проконнесе и Кизике, скажу теперь. Сказывают, что Аристей, не уступавший в родовитости никому из сограждан, вошел в Проконнесе в чистильню одежды и помер, а чистильщик запер мастерскую и отправился оповестить об этом родственников покойного. И вот, когда слух о кончине Аристее уже разнесся по городу, его стал оспаривать уроженец Кизика, прибывший из города Артаки и утверждавший, что встретил Аристее по дороге у Кизика и даже вступил с ним в беседу. Пока он упорно оспаривал [слух], родственники умершего пришли к чистильне с носилками, чтобы унести тело. Открыли помещение — а Аристее не видать ни живого, ни мертвого! Семь лет спустя он явился в Проконнес и сочинил стихи, которые теперь эллины называют «Аримаспическими», а сочинивши, исчез во второй раз. (15) Так говорят жители этих городов, а вот что, как я знаю, приключилось с метапонтцами в Ита-

ли через двести сорок лет после второго исчезновения Аристея, как я вычислил в Проконнесе и Метапонте. Сказывают метапонты, что Аристей собственной персоной явился в их края и велел воздвигнуть алтарь Аполлона, а возле него поставить статую с имен- ной надписью «Аристей Проконнесец». Объяснил он им это тем, что из всех италийцев Аполлон пришел только в их землю, и что-де сам он ныне следует за Аполлоном в облик- е Аристея, а в тот раз, когда следовал за богом, то был вороном. Сказав это, он исчез, а метапонты, как они сами рассказывают, послали в Дельфы спросить бога, что бы- могло означать это привидение в облике человека. Тогда Пифия велит им послушаться привидения, потому как если послушаются, им же будет лучше. Получив такой ответ, они все исполнили. И вот теперь статуя с именем Аристея стоит возле самого изваяния Аполлона, а окрест него стоят лавры. Изваяние стоит на агоре. Об Аристее — довольно.

4. ФЕОПОМП, фр. 248 Jacoby у Афиня, 13. 605 с: . . . Во время пришествия Ари- стея Проконнесца, когда он, по его словам, прибыл из страны гиперборейцев.

5. АПОЛЛОНИЙ-ПАРАДОКСОГРАФ. История чудес, 2, 44: Рассказывают, что Аристея из Проконнеса, умершего в какой-то проконнесской чистильне, в тот же день и час многие видели в Сицилии — он учил [детей] в школе. Поскольку такое с ним при- ключалось не раз, и за много лет он стал знаменит, а в Сицилии он являлся сплошь да- рядом, то сицилийцы воздвигли ему святилище и принесли жертвы как герою.

6. СТРАВОН, I, 2, 10: Быть может и одноглазых киклопов [Гомер] позаимствовал из скифской истории — так описывают аримаспов, которых в «Аримаспее» изобразил Аристей из Проконнеса.

Там же, 13, 16: Отсюда [= из Проконнеса] родом Аристей, сочинитель так называе- мых «аримаспических стихов», шарлатан [букв. «колдун»] первостатейный.

Там же, 14, 1, 18: Некоторые говорят, что он [Креофил] был учителем Гомера, дру- гие — что не он, а Аристей из Проконнеса.

7 (FGrHist 35 T 1 a). СУДА: Аристей, сын Демохарида или Каистробия, Прокон- несец, эпический поэт, [сочинил] так называемые «Аримаспические стихи» — рассказ- о гиперборейцах и аримаспах в 3 книгах. [. . .] Жил при Крезе и Кире, в 58-ю олимпи- аду [548—545 гг.]. Он также написал «Теогонию» в прозе, 1000 стихов. (Т 3) СУДА, под словом «Писандр»: . . . остальные его поэмы [кроме «О Геракле»] считаются непод- линными: они сочинены разными поэтами, в том числе и Аристеем.

8 (Т 1b). ТАТИАН, 41: Моисей древнее не только Гомера, но и догомеровских писателей: Лина, Филаммона, Фамира, Амфиона, Орфея, Мусея, Демодока, Фемия, Си- виллы, Эпименида Критского, который пришел в Спарту, Аристея Проконнесского, сочинившего «Аримаспею», Кентавра Асбола, Бакида, Дримона, Эвкла Кипрского, Гора Самосского и Пронапида Афинского.

(Т 2) ДИОНИСИЙ ГАЛИКАРНАССКИЙ. О Фукидиде, 23: Сочинения большин- ства [древнейших писателей] не сохранились до наших дней, а сохранившиеся не всеми признаются подлинными; таковы сочинения Кадма Милетского, Аристея Проконнес- ского и им подобных.

В. ФРАГМЕНТЫ

Из поэмы «Аримаспея»

1. [Прозмий] (а) ГЕРОДОТ, 4, 13: . . . Сделавшись одержимый Фебом, он прибыл в страну исседонов [см. А 3]. Ср. (б) МАКСИМ ТИРСКИЙ, 10, 2e; 38, 3d: . . . душа его, выскользнув из тела, блуждала в эфире словно птица . . . он говорил, что душа

его, покинув тело и взлетев прямо к эфиру, облетела землю. . . (с) СУДА [из А 7]:
Говорят, что душа его по желанию выходила [из тела] и возвращалась обратно.

2. Цец, Хиляды, 7, 678—684:

Исседоны власами своими длинными горды
И говорят, что над ними живут человеки — соседи
С севера, многи числом и воители храбрые очень,
Многоягнисты они, многобычливы, конебогаты,
Каждый на лепом челе имеет единое око,
Густоволосые, всех превосходят могучею силой.

3. ПАВСАНИЙ, I, 24, 6: Аристей из Проконнеса говорит в своей поэме, что эти грифы сражаются за золото с аримаспами, живущими над исседонами, а золото, которое сторожат грифы, родит земля. Аримаспы, по его словам, — люди, одноглазые от рождения, а грифы — звери, похожие на львов, но с крыльями и клювом орла.

4. ПСЕВДО-ЛОНГИН. О возвышенном, 10, 4:

Дивно zelo нам и то в помышлениях нашего сердца:
Люди живут на воде, вдалеке от земли, прямо в море.
Сколь же несчастны они, ибо труд их мучительно тяжек,
Очи у них от звезд, а душа от моря зависит.
Знать, воздымая горé свои руки, богам они часто
Молятся, в сердце своем сокрушаяся злою кручиной.

5. СТРАБОН, II, 3, 5 [анонимные стихи о безграничности объемлющего Землю Океана; ср. Посидоний, «Об Океане», фр. 49 Edelst.—Kidd]:

Ибо он не обхвачен оковами тверди земныя,
Но в бесконечность разлит, и то его не загрязняет.

10^b. АБАРИС

А. СВИДЕТЕЛЬСТВА

1. ПИНДАР, фр. 270 Snell у Гарпократиона, под словом «Абарис»: [По словам Пиндара], Абарис прибыл [из страны гиперборейцев] во времена Креза, царя лидийского.

2. ГЕРОДОТ, 4, 36: Рассказ про Абариса, который якобы был гиперборейцем, я опущу — про то, как он носил по всей земле стрелу и при этом ничего не ел.

3. ПЛАТОН. Хармид, 158 b: . заклинания Залмоксиса и Абариса-гиперборейца.

4. ЛИКУРГ, фр. XIV, 5 а Сопомис: Став боговдохновенным, Абарис со стрелой обходил Элладу по кругу и изрекал оракулы и прорицания. Оратор Ликург в речи «Против Менесехма» говорит, что когда у гиперборейцев случилось моровое поветрие, Абарис пришел [в Элладу] и наялся в служители Аполлону. Научившись от него оракулам, он ходил по Элладе со стрелой Аполлона в руках (используя ее как знак—удостоверение) и прорицал будущее.

Там же, фр. XIV, 5 b (Гарпократион, Суда, Фотий): Говорят, что когда по всей вселенной случилось моровое поветрие, и как эллины, так и варвары обратились с вопросом в [дельфийский] оракул, Аполлон ответил, что афинский народ должен по-

молиться за всех. Многие народы послали своих послов в Афины, и среди них, говорят, прибыл послом от гиперборейцев Абарис в 53-ю олимпиаду [568—565 гг.].

5. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 140 [из Аристотеля?]: Пифагорейцы считают Пифагора Аполлоном Гиперборейским, в доказательство этого они ссылаются на то, что . . . он принял у себя Абариса-гиперборейца и отнял у него стрелу, которая указывала тому путь. [141] Рассказывают, что Абарис пришел из страны гиперборейцев, собирал золото [т. е. пожертвования] в храм и предсказал моровое поветрие. Останавливался он в храмах, и никто никогда не видел, чтобы он что-либо ел или пил. Еще говорят, что в Лакедемон он принес запретительные жертвы, и поэтому впоследствии в Лакедемон не было ни одного поветрия. Так вот, отняв у этого самого Абариса золотую стрелу, без которой тот не мог находить дорогу, Пифагор заставил его признать [себя богом].

6. Там же, 136: . . . У Эмпедокла было прозвище «Запретитель ветров», у Эпименида — «Очиститель», а у Абариса — «Небоход» (Αἰθροβάτης), потому что, летая на дарованной ему стреле Аполлона Гиперборейского, он переправлялся через реки, моря и непроходимые места, в некотором смысле ходя по воздуху. . . Там же, 91: Летая на ней, он переправлялся через непроходимые места, как-то: через реки, озера, болота, горы и т. д., и ходя по городам, как гласит предание, совершал очищения и отгонял моровые поветрия и ветры от тех городов, которые просили его в этом помочь. Ср. ГЕРАКЛИД ПОНТИЙСКИЙ, фр. 51 с W.

7. Абарис как пифагорец в каталоге Ямвлиха: см. гл. 58 А.

8 (FGrHist 34 T 1). СУДА, под словом «Абарис»: Абарис: скиф, сын Севта. Написал оракулы, которые называют «Скифскими», «Свадьбу реки Гебр», «Очищения», «Теогию» в прозе и «Прибытие Аполлона к Гиперборейцам» в стихах

В. ФРАГМЕНТЫ (Dubia)

1 (FGrHist 34 F 1; ср. Эпименид В 5). ФИЛОДЕМ. О благочестии, 47 а 2 сл.: В стихах, приписываемых Эпимениду, говорится, что все образовалось из Тумана (Аэра) и Ночи, Гомер и т. д. [. . .] <Аба>рис считает отцом и матерью богов Крона и Рею, другие — Зевса и Геру. Пиндар и т. д. [см. Ферекид В 13].

2 (34 F 2). Оксиринхский папирус № 1611, фр. 8, столб. II, 21-24: <Аб>арис на самом краю *** Исседонов * * * <Исс>едонов. А Асс<доп> идет походом * * *

10°. ГЕРМОТИМ

1. АРИСТОТЕЛЬ, Метафизика, 984 б 18 (контекст см. 59 А 58): Доподлинно известно, что таких взглядов [о космическом Уме—демиурге] держался Анаксагор, но есть основания предполагать, что еще раньше их высказал Гермотим из Клазомен. (Ср. АРИСТОТЕЛЬ. О душе, 404 а 26=59 А 99, где «другой [философ], сказавший, что Вселенную привел в движение Ум» — Гермотим).

АРИСТОТЕЛЬ, Протрептик, фр. 10 с Ross=ЯМВЛИХ. Протрептик, 8; с. 48, 9—21 Pistelli: Стало быть, в человеке нет ничего божественного и блаженного, кроме одного, достойного серьезного к себе отношения — а именно, всего того в нас, что относится к сфере ума и духа: только это в нас бессмертно, и только это божественно. И хотя по природе [человеческая] жизнь несчастна и тягостна, все-таки, благодаря воз-

возможности быть причастной к такой [т. е. интеллектуальной] способности, она устроена столь благодатно, что по сравнению со всеми остальными существами человек кажется богом. «Ибо наш ум (*νοῦς*) есть бог» — кто бы это ни сказал, Гермотим, или Анаксагор — и «есть в жизни смертных доля бога некого». А потому надо либо предаться философствованию, либо, распрощавшись с жизнью, уйти отсюда, поскольку все прочее — сплошная болтовня и вздор.

2. Гермотим как инкарнация Пифагора: см. гл. 14, 8 (Гераклид Понт.).

3. ЛУКИАН. Похвала мухе, 7—8: . . . Миф о Гермотиме из Клазомен, гласящий, что душа часто оставляла его и странствовала [досл. «была в отъезде»] сама по себе, а затем возвращалась, вновь наполняя тело и пробуждала Гермотима.

ПЛУТАРХ. О демонионе Сократа, 22. 592 CD: [От кротких душ] происходит род боговдохновенных прорицателей. Душа одного из них — Гермодора [sic] из Клазомен — как ты, конечно, слышал, полностью покидала тело и денно и ночью странствовала на большое расстояние, а затем возвращалась обратно, благодаря непосредственному присутствию познакомившись со многим таким, что говорилось и делалось вдалеке. [Так продолжалось] до тех пор, пока враги его, воспользовавшись предательством жены, не схватили тело и не сожгли его дома, когда в нем не было души. [. . .] Уничтожившие тело спящего до сих пор несут наказание в Тартаре.

10^a. ОНОМАКРИТ

А. СВИДЕТЕЛЬСТВА

1 (test. 182 Kern). ГЕРОДОТ, VII, 6: [Писистратиды] отправились [в Сузы], взяв с собой афинянина Ономакрита, толкователя оракулов и редактора «Оракулов» Мусея, предварительно примирившись с ним. [В свое время] Ономакрит был изгнан из Афин Гиппархом, сыном Писистрата, после того как его поймал с поличным Лас из Гермионы: он вставил в стихи Мусея оракул о том, что прилежащие к Лемносу острова исчезнут в море. За это Гиппарх его и изгнал, хотя прежде был с ним в самых близких отношениях. На сей раз он отправился вместе с ними, дабы предстать пред царские очи. Писистратиды произносили о нем [перед Ксерксом] возвышенные речи, а он знай себе выбирал оракулы: если в них оказывалось что-то, грозящее варвару несчастьем, то он об этом — ни слова, а сам, выбирая самое счастливое, вешал, что по предначертаниям судьбы муж персидский перекроет мостом Геллеспонт, и описывал [будущий] поход. И он, стало быть, нажимал [на царя] своими пророчествами и т. д.

2 (183). ТАТИАН, 41: [То, что приписывают Орфее], говорят, было сочинено Ономакритом Афинским, жившим в правление Писистратидов около 50-й олимпиады [580-577 гг.]. [См. также 1 А 1 а].

3 (184). СУДА, под словом «Орфей»: . . . «Оракулы», которые приписывают Ономакриту.

4 (185). ПЛУТАРХ. Об оракулах Пифии, XXV. 407 b: Я уже не говорю о том, сколько обвинений навлекли на себя пресловутые Ономакриты, Геродоты и Кинефоны по поводу оракулов — за то, что они напустили на себя трагический пафос и величие без всякой на то нужды. . .

5 (186). СУДА, под словом «Орфей»: . . . «Посвящения в таинства» — их также приписывают Ономакриту. Ср. В 4 (194) ниже.

6 (187). «Орфические стихи»: см. В 1, ср. В 2—3.

7 (188)=1 А 11 (Филонон).

8 (189). ИОАНН ЦЕЦ. Прологомены к Аристофану «О комедии», CGF I, 20 Kaibel: Гомеровские поэмы, которые прежде были разрознены, расположили в порядке семьдесят два грамматика при Писистрате, тиране Афинском. [. . .] Другие приписывают Писистратову редакцию [гомеровских поэм] четверем: Орфею Кротонскому, Зопиру из Гераклеи, Ономакриту Афинскому и . . . [четвертое имя испорчено, возможно «Керкопу Пифагорейцу»].

9 (190). Схолии Y² к ГОМЕРУ, Од., XI, 602—604 (призрак Геракла): Эти стихи атетируются и считаются принадлежащими Ономакриту. Схолии H² к ст. 604: Говорят, что этот стих вставлен Ономакритом; он атетирован.

В. ФРАГМЕНТЫ

1 (191). СЕКСТ ЭМПИРИК. Пиррон. основ., III, 30; Против ученых, I, 361: Ономакрит в Орфических стихах [полагал началом всех вещей] огонь, воду и землю.

2 (192). ПАВСАНИЙ, IX, 35, 5: Гесиод в «Теогонии» [ст. 907] — кто хочет, пусть признает подлинность «Теогонии»! — так вот, он говорит в этой поэме, что Хариты — дочери Зевса и Эвриномы, а имена им: Евфросина, Аглая и Талия. То же самое читается в стихах Ономакрита.

3 (193). ПАВСАНИЙ, VIII, 31, 3 (святилище Великих богов в Мегалополе): Есть также изваяние Геракла возле Деметры, величиной в локоть. Ономакрит в стихах называет этого Геракла одним из Идейских дактилей.

4 (194). ПАВСАНИЙ, VIII, 37, 5: Заимствовав у Гомера имя Титанов, Ономакрит учредил тайные обряды (оргии) в честь Диониса и изобразил в поэзии Титанов виновниками страстей Диониса.

5 (195)=МУСЕЙ, А 5.

ФРАГМЕНТЫ ГРЕЧЕСКИХ ФИЛОСОФОВ VI—V вв. до н. э.

(и их ближайших преемников)

11. ФАЛЕС

А. СВИДЕТЕЛЬСТВА О ЖИЗНИ И УЧЕНИИ

1. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, I, 22—44: (22) Итак, Фалес, как говорят Геродот [I, 170], Дурис [FGH Hist 76 F 74] и Демокрит [68 В 115 а=156 Л.], происходил от отца Эксамия и матери Клеобулины, из рода Фелидов, а Фелиды — финикийцы, благороднейшие из потомков Кадма и Агенора. <Он принадлежал к числу семи мудрецов>, как среди прочих говорит Платон [Протагор 343 а=10, 2], и первым был назван «мудрецом» в архонство Дамасия в Афинах [582/581 г. до н. э.], при котором были названы «мудрецами» и семеро, как говорит Деметрий Фалерский в «Списке архонтов» [FGH Hist 228 F 1 = фр. 149 W.]. Милетское гражданство они [Фелиды] получили, когда — изгнанные из Финикии — прибыли [в Милет] вместе с Нейлеем. По словам же большинства, он был коренной милетец и знатного рода.

(23) После государственных дел он предался изучению природы. И согласно некоторым, не оставил ни одного сочинения (так как приписываемая ему «Морская астрономия», как полагают, принадлежит Фоку Самосскому [гл. 5, ср. 11 В 1]; Каллимах, однако, знает его как открывателя Малой Медведицы, о чем говорит в «Ямбах» [фр. 191 Pfeiffer I, 167=A 3a] так:

. . . И, как говорили, вымерил звездочки Воза,
[Ориентируясь] по которому плавают Финикийцы),

а согласно другим, написал только два: «О солнцевороте» и «О равенстве» [В 4], прочее сочтя непостижимым. По мнению некоторых, он первым занялся астрономией и предсказал солнечные затмения и солнцевороты, как говорит Евдем [фр. 144 Wehrli] в «Истории астрономии», почему им и восхищаются Ксенофан [21 В 19] и Геродот [1, 74]. Об этом свидетельствуют также Гераклит [63 б М.] и Демокрит [156 Л.].

(24) По словам некоторых, он также первым сказал, что души бессмертны; к их числу принадлежит поэт Херил [фр. 12 Berg.]. Кроме того, согласно некоторым, он первым открыл прохождение [?] Солнца от солнцеворота к солнцевороту и первым сказал, что величина [=диаметр] Солнца составляет одну семьсот двадцатую часть <солнечной орбиты, равно как и величина Луны — одну семьсот двадцатую часть> лунной. Кроме того, он первым назвал последний день месяца тридцатым и, по словам некоторых, первым стал рассуждать о природе (*περί φύσεως*).

Аристотель [А 22] и Гипсий [86 В 7] говорят, что он наделял душой (*ψυχή*) даже неодушевленное, заключая (*τεχμαρβόμενος*) [о всеобщей одушевленности] по магнесийскому камню [магниту] и янтарю. Памфила [фр. 1 FHG] говорит, что, научившись геометрии у египтян, он первым вписал в круг прямоугольный треугольник и [в благодарность богам] принес в жертву быка; (25) другие, в том числе Аполлодор-логистик [ср. DL VIII 12], утверждают, что [это открытие сделал] Пифагор. (Он двинул далеко вперед изучение тех фигур, изобретенных которыми Каллимах в «Ямбах» [см. А 3a] приписывает

фригийцу Эвфорбу, как-то: «неравносторонних и равносторонних треугольников» и вообще всего, что касается геометрического умозрения).

Полагают, что и в государственных делах он принимал мудрейшие решения. Так, например, когда Крез послал к милетцам [послов] на предмет заключения военного союза, он воспрепятствовал этому, что и спасло город после победы Кира.

Сам он, как рассказывает Гераклид [Понтийский] [фр. 45 W.], говорит, что жил в одиночестве и сторонился государственных дел. (26) Некоторые же говорят, что он женился и имел сына Кибиста, другие — что остался холостяком и усыновил сына сестры, а когда его спросили, почему он не заводит детей, то ответил: «Из детолюбия». Говорят также, что, когда мать понуждала его жениться, он отвечал: «Еще не время», а потом, когда молодость прошла, ответил на ее настояния: «Уже не время». Иероним из Родоса во второй книге «Разрозненных записок» [фр. 39 W.] говорит, что, желая показать, как легко разбогатеть, он — предвидев будущий урожай маслин — нанял в аренду маслодавильни и собрал громадные деньги.

(27) Началом всех вещей он полагал воду, а космос — одушевленным [~ живым, $\xi\mu\phi\omega\chi\omicron\varsigma$] и полным божественных сил ($\delta\alpha\acute{\iota}\mu\omicron\nu\epsilon\varsigma$). Еще говорят, что он открыл времена года и разделял [год] на триста шестьдесят пять дней. Наставников у него не было, за исключением жрецов, с которыми он общался во время путешествия в Египет. Иероним говорит также [фр. 40 W.], что он измерил пирамиды по [их] тени, подметив момент, когда [наша тень] равна нашему росту.

По словам Миния [фр. 3 FHG] он был близким другом Милетского тирана Трамбула.

Знаменита история о треножнике, найденном рыбаками и посланном милетским народом мудрецам. (28) Рассказывают, что некие ионийские отроки [заранее] купили у милетских рыбаков улов с одной закидки невода. Когда же был вытащен треножник, то [между ними и рыбаками] возник спор, покуда милетцы не послали в Дельфы [вопросить оракул], и бог ответил так:

Потомок Милета, ты спрашиваешь Феба о треножнике?

Кто первый из всех в мудрости — тому присуждаю треножник.

Посему дают Фалесу, Фалес — другому [из семи мудрецов], тот — третьему и т. д. вплоть до Солона, а Солон сказал, что первый в мудрости — бог, и отослал [треножник] в Дельфы. Каллимах в «Ямбах» рассказывает об этом иначе [см. А 3 а], заимствовав [свою версию] у Меандрия Милетского [фр. 18 Jас.] По Каллимаху некий аркадянин Бафикл оставил после себя фиалу и завещал: «Отдать ее лучшему из мудрецов». Отдали Фалесу и — по кругу — снова Фалесу, (29), а он отослал ее Аполлону Дидимскому • такими словами [посвятительной надписи] [фр. 191, 76 Pf.]:

Фалес дарит меня покровителю Нейлеева народа,
Дважды получив эту награду за первенство.

Провайческая надпись [на фиале] гласит: «Фалес, сын Эксамия, милетец, — Аполлону Дельфинию, дважды получив [эту фиалу] в награду за первенство среди эллинов». Как говорят Элевсис в сочинении «Об Ахиллесе» [FGrHist 55 F 1] и Алексон из Минда в IX книге «Мифических рассказов» [FGrHist 25 F 1], сына Бафикла, носившего фиалу по кругу, звали Тирион.

Евдокс Книдский [фр. 371 Lass.] и Эвант Милетский [FHG III 2] говорят, что один из друзей Креза получил от царя [=Креза] золотой кубок с наказом отдать его «муд-

рейшему из эллинов». Тот отдал его Фалесу, и кубок по кругу перешел к Хилону. (30) Хилон спросил Аполлона Пифийского; кто мудрее его самого? Тот объявил Мисона, о котором скажем (Евдокс со своими последователями ставит его [в списке семи мудрецов] на место Клеобула, Платон [Протагор, 343 а 4] — на место Перияндра). Так вот, Аполлон Пифийский возвестил о нем так:

Я говорю, что этеец Мисон, рожденный в Хене,
Превосходит тебя в сметливости ума.

А вопрошавшим [оракул] был Анахарсис. Платоник Даимах [FGH 65 F 6] и Клеарх [фр. 70 W.] говорят, что фиала была послана Крезом Питтаку, а затем обошла круг.

Андрон в «Треножнике» [фр. 1 FNG] сообщает, что аргосцы назначили наградой за доблесть мудрейшему из эллинов треножник; [победителем] выбрали спартамца Аристодема, но тот уступил Хилону. (31) Упоминает об Аристодеме и Алкей [фр. 360 Lobel—Page] в таких словах:

Так, говорят, изрек некогда в Спарте Аристодам отнюдь не беспомощное
слово:
«Деньги делают мужа, а кто беден — тот не в чести».

Некоторые говорят, что Перияндр послал к Трасибулу, тирану милетскому, судно, груженное товаром; оно потерпело крушение в Косском море, и впоследствии некие рыбаки нашли треножник. Однако, по словам Фанодика [FGH 397 F 4], треножник был найден в афинских водах, доставлен в город и постановлением народного собрания послан Бианту. (32) А почему — скажем в главе о Бианте [I, 82].

Другие говорят, что треножник — гефестовой работы, подарен богом Пелопу на свадьбу, затем перешел к Менелаю и, похищенный Александром вместе с Еленой, был брошен в Косское море лаконяжкой, сказавшей, что он станет предметом распри. По прошествии времени какие-то лебедосцы купили на этом самом месте закидку невода, и вместе с уловом попался треножник; препираясь с рыбаками, дошли до Коса и так как ничего не добились, докладывают милетцам (а Милет был метрополией [Лебедоса]). Милетцы же — так как посольство их было оставлено без внимания — идут войной на косцев, и вот, когда с обеих сторон уже было много павших, объявлен оракул: отдать [треножник] мудрейшему. Обе стороны сошлись на Фалесе, (33) а тот — после того как треножник обошел [мудрецов по кругу и вернулся к нему] — посвятил его Аполлону Дидимскому. Оракул косцам был дан такой:

Не прежде прекратится вражда меропов и ионийцев,
Нежели треножник златой, который Гефест бросил в море,
Вышлете вы из города и достигнет он дома того мужа,
Который мудр в том, что есть, что будет и было.

А милетцам:

Потомок Милета, ты вопрошаешь Феба о треножнике?

и т. д., как сказано выше. Но об этом довольно.

Гермипп в «Жизнеописаниях» [фр. 12 FNG] приписывает Фалесу то, что некоторые рассказывают о Сократе: дескать, он не раз говаривал, что благодарен судьбе за три вещи: «Во-первых, за то, что родился я человеком, а не зверем; во-вторых, за то, что мужчиной, а не женщиной; в-третьих — что эллином, а не варваром». (34) Рассказывают, что старуха служанка вывела его как-то из дому созерцать звезды, а он упал

в яму, и в ответ на его громкие стенания старуха сказала: «Эх ты, Фалес! Не в силах увидеть того, что под ногами, думаешь познать то, что на тебе?». Как астронома его знает и Тимон, который хвалит его в «Силлах» [фр. 23 Diels] такими словами:

. . . И сколь мудр среди семи мудрецов Фалес в наблюдении звезд!

Лобон из Аргоса утверждает [фр. 8 Cr.] что написанное им достигает примерно двухсот строк и что надпись на его статуе гласит [AP VII 83]:

Сего Фалеса вскормил ионийский Милет и явил
Превосходящим всех астрономов мудростью.

(35) И что из песен [семи мудрецов] ему принадлежит эта:

Много слов отнюдь не выражают мудрую мысль.

Ищи одну мудрость,

Выбирай одно благо:

Так ты заткнешь бесконечноречивые языки болтунов.

Предание донесло следующие изречения Фалеса:

Старше всех вещей — бог, ибо он не рожден.

Прекраснее всего — космос, ибо он творение бога.

Больше всего — пространство, ибо оно вмещает все.

Быстрее всего — мысль (νοῦς), ибо она бежит без остановки.

Сильнее всего — необходимость, ибо она одолевает всех.

Мудрее всего — время, ибо оно обнаруживает все.

Он сказал, что смерть ничем не отличается от жизни. «Так почему же, — спросил кто-то, — ты не умираешь?» «Именно потому, что разницы никакой», — ответил он. (36) На вопрос, что возникло раньше, ночь или день, он ответил: «Ночь — одним днем раньше». Его спросили, может ли человек тайком от богов совершить беззаконие. «[Не только совершить], но и замыслить [не может]», — ответил он. На вопрос прелюбодея, не дать ли ему [на суде] клятвы в том, что он не прелюбодействовал, Фалес ответил: «Клятвопреступление не страшнее прелюбодеяния». На вопрос, что трудно. — «Знать себя». Что легко? — «Наставлять другого». Что всего слаще? — «Успех». Что есть божество? — «То, у чего нет ни начала, ни конца». Какую невидаль ему довелось увидеть? — «Тирана, дожившего до старости». Как легче всего переносить несчастье? — «Если видишь, что врагам приходится еще хуже». Как нам прожить самую лучшую и самую праведную жизнь? — «Если сами не будем делать того, в чем упрекаем других». (37) Кто счастлив? — «Кто телом здоров, натурой богат, душой благовоспитан». Он говорит, что о друзьях надо помнить как в их присутствии, так и в их отсутствие. «Не красуйся наружностью, но будь прекрасен делами». «Не наживай богатства нечестным путем». «Да не настроит тебя никакой слух против тех, кому ты доверяешь». «Какие взносы внесешь родителям — такие взывай с детей».

Нил, по его словам, разливается потому, что этесии, дующие в противоположном направлении, отбрасывают его потоки назад.

Аполлодор в «Хронике» [FGH 244 F 28] говорит, что он родился в первый год тридцать пятой олимпиады [640 г. до н. э.]. (38) А умер семидесяти восьми лет или, как говорит Сосикрат [фр. 10 FHG], девяноста, поскольку умер он в пятьдесят восьмую олимпиаду [548—545 гг. до н. э.] и еще был жив при Крезе, которому обещал устроить переправу без моста через Гално, отведя русло [546 г., ср. также А 6].

По словам Деметрия из Магнесии в «Одноименных [писателях и поэтах]», было еще пять других Фалесов: первый — ритор из Каллатиды, отличавшийся дурным стилем; второй — живописец из Сикнона, талантливый; третий — очень древний, живший во времена Гесиода, Гомера и Ликурга; четвертый — которого упоминает Дурис в трактате «О живописи» [FGhN 76 F 31; II, 147]; пятый — живший недавно, неизвестный, о котором упоминает Дионисий в «Критических сочинениях».

(39) Умер Фалес-мудрец, когда осмотрел гимнический агон, от палящего зноя, жажды и немощи, уже стариком. На могиле его написано:

Взгляни на эту могилу — она мала, но слава
Многомысленного Фалеса высока до неба.

И у нас в первой книге «Эпиграмм» или «Всеизмернике» есть на него такая эпиграмма:

Гелиос Зевс! Смотревшего некогда гимнический агон
Мудрого мужа Фалеса ты похитил со стадиона.
Хвалю тебя за то, что подвел ты его поближе, ибо старец
Уже не мог более видеть звезды с земли.

(40) Ему принадлежит изречение «Знай себя», но Антисфен в «Преемствах» [фр. 3 Jас.] говорит, что оно принадлежит Фемонею, а присвоено Хилоном. [Далее (40—42) см. гл. 10, 1 выше; 43—44 — подложные письма Фалеса к Ферекиду и Солону].

2. СУДА под словом «Фалес» [1-й абзац из «Именослова» Гесихия Милетского, 2-й — из А 1]: Фалес, сын Эксамия и Клеобулины, милетец, по Геродоту же [см. 11 А 4] — финикиец, родился до Креза в 35-ю олимпиаду [640—647 гг. до н. э.], а по Флевопту известен уже в 7-ю [752—749 гг. до н. э.]. Написал: о небесных явлениях в гексаметрах [ср. В 1], «О равноденствии» [В 4] и многое другое. Скончался в старости, когда осмотрел гимнический агон, одавленный толпой и обессиленный от жары.

Фалес первым был назван мудрецом и первым сказал, что душа бессмертна, а также постиг затмения и равноденствия. Изречений его очень много, в том числе и пресловутое «Знай себя». Изречение «Где порука — там беда» скорее принадлежит Хилону, который присвоил его и «Ничего лишком» [ср.: Кедрен I, 275, 14 В].

Фалес, философ природы, предсказавший затмение Солнца при Дарии.

3. Схолии к ПЛАТОНУ, Государство, 600 а [из Гесихия Милетского]: Фалес, сын Эксамия, милетец, а по Геродоту — финикиец. Он первым был назван мудрецом, так как открыл, что затмения Солнца происходят вследствие покрытия его Луной, и первым из эллинов узнал Малую Медведицу и солнцевороты, а также [рассуждал] о величине Солнца в о природе. По магнесийскому камню и янтарю [он заключил, что] и неодушевленные предметы каким-то образом имеют душу. Начало элементов — вода. Космос, по его словам, одушевлен и полон божественных сил. Он был обучен в Египте жрецами. Его — «Знай себя». Умер одиноким стариком, когда смотрел гимнический агон, обессилен от жары.

3 а. КАЛЛИМАХ. Ямбы фр. 191, ст. 52—73 Pfeiffer (Оксиринхский папирус 4011+ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, I, 23. 25; контекст см. А 1, § 28 выше):

[Трион] отплыл в Милет, ибо победа была
За Фалесом, который вообще был сноровист умом
И, как говорили, вымерил звездочки Веса,

55 [Ориентируясь] по которому плавают финикийцы.

Нашел долунник [=аркадянин] с добрым предзнаменованием

- Старца в святилище [Аполлона] Дидимского
 Скребушим тросточкой землю и чертящим фигуру,
 Открытую фригийцем Эвфорбом — тем, что из людей
- 60 Первый начертил треугольнички и неравносторонние [фигуры],
 Изобрел глобус и научил поститься, [воздерживаясь]
 От [мяса] живых существ, а италийцы его послушались —
 Правда, не все, а лишь гнетомые <несчастной судьбой.>
- Ему, стало быть, сказал <сын Бафиклов> так,
- 65 Вы<нув> тот цельнозолотой кубок <из котомки>:
 «Отец мой наказал отдать се<й> кубок
 Тому из вас, [семерых] мудрецов, кто <всех лучше>,
 И я вручаю <награду за первенство> — тебе».
- <Стукнул старец> посохом оз<емь>
- 70 <И, почесывая> другой рукой бороду,
 Сказал: «Дар <я не приму>,
 А ты, е<жели> чтить» сло<ва род>ителя,
 Биант. . .

4. ГЕРОДОТ, I, 170: [После покорения Ионии Киром в 547/6 г. до н. э. Биант дал ионийцам совет переселиться в Сардинию и основать там единое ионийское государство]: . . . А еще до сокрушения Ионии полезным было предложение, внесенное [на съезде пробулов ионийского Двенадцатиградия в Панионии] Фалесом, мужем милетским, а со стороны своих предков — физикийцем по происхождению; он уговаривал ионийцев держать один булевтерий [=дом заседаний государственного совета], и быть тому булевтерию в Теосе, ибо Теос — центр Ионии, а прочим полисам [Двенадцатиградия], оставаясь по-прежнему населенными, [в правовом отношении] рассматриваться так, как если бы они были демами.

*ЭЛИАН. Пестрая история, 3, 17: Философы также занимались государственной деятельностью, а не только жили в тиши, отличаясь одними интеллектуальными достоинствами. . . Солон [был во благо] афинянам, Биант и Фалес оказали большую пользу Ионии, Хилон — лакедемонянам, Питтак — митиленцам, Клебул — родосцам [следует 12 А 3].

*ФЕОДОР ИТ. Врачевание, I, 24 (I, 110, 2 Canivet): Фалеса одни считают милетцем, а Леандр и Геродот называют финикийцем.

5. ГЕРОДОТ, I, 74: Война между ними [лидийцами и мидянами] шла с переменным успехом, когда на шестой год произошло сражение. И случилось так, что, когда завязалась битва, день внезапно стал ночью. Это пресечение дня предсказал ионийцам на будущее Фалес Милетский, назначив в качестве срока, [в течение которого должно произойти затмение,] тот самый год, в который оно как раз и произошло. А лидийцы и мидяне, как только увидели, что вместо дня сделалась ночь, сразу же прекратили битву и — как те, так и другие — весьма поспешили заключить мир.

КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, I, 65 (II, 41, 9—15 St.): Евдем в «Истории астрономии» [фр. 143 Wehrli] говорит, что Фалес предсказал затмение Солнца, происшедшее в то время, как завязали между собой сражение мидяне и лидийцы; над мидянами тогда царствовал Кнаксар, отец Астиага, над лидийцами — Алиатт, отец Креза. . . Время [этого сражения] приходится на 50-ю олимпиаду [580—577 гг. до н. э.].

ТАТИАН. Послание к эллинам, 41: Помянем о времени семи мудрецов: самый старший из них — Фалес — был [известен] в пятидесятую олимпиаду. . .

Эксерпты из «Хроники» ЕВСЕВИЯ: (а) ГЕОРГИЙ СИНКЕЛЛ, Хронография: «Фалес Милетский предсказал полное затмение Солнца». Согласно армянскому переводу — во 2-й год 49-й олимпиады [583 г. до н. э.]; (б) согласно КИРИЛЛУ АЛЕКСАНДРИЙСКОМУ. Против Юлиана, I, 13 E — в 50-ю олимпиаду [580—577 гг. до н. э.]; (с) согласно лат. переводу ИЕРОНИМА: «Произошло затмение Солнца, которое предсказал Фалес . . . сражались Алиатт и Астиаг в год от Авраама 1432-й» [585 г. до н. э.].

ЦИЦЕРОН. О дивинации, I, 49, 112: [Пример предсказания будущего, основанного не на божественном наитии, а на человеческом разуме]. И он же [Фалес], по преданию, первым предсказал затмение солнца, которое произошло в царствование Астиага.

ПЛИНИЙ. Естественная история, II, 53.: У греков первым исследовал [причину затмений] Фалес Милетский в четвертый год XLVIII олимпиады [585—584 г. до н. э.], предсказав затмение солнца, которое произошло при царе Алиатте, в год от основания Рима CLXX.

6. ГЕРОДОТ I, 75: [Крез начал войну с Киром (546 г. до н. э.)] Когда же Крез достиг реки Галис, то засим, как я полагаю, он переправил войско по имевшимся мостам, а среди эллинов преобладает молва, что [войско] ему переправил Фалес Милетский. Десять, когда Крез недоумевал, как же ему перевести войско через реку (поскольку, мол, внешних мостов в то время еще не было), присутствовавший в лагере Фалес оделал в угоду ему так, чтобы река, текущая по левую руку от войска, потекла бы также и по правую, а оделал он это так: выше лагеря [по течению] он начал рыть глубокий канал и провел его в виде полумесяца, с тем, чтобы [река], отведенная по каналу из старого русла, охватила войсковой стан с тыла и, минуя лагерь, снова впадала в старое русло. Так что, едва лишь река разделилась, как тотчас же стала переходимой [вброд] с обеих сторон. Иные пуще того утверждают, что старое русло пересохло вовсе. Но я этого не допускаю: как же они тогда переправились на обратном пути?

7. ЕВСЕВИЙ. Хроника: а) у КИРИЛЛА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО, Против Юлиана, I, 12: Говорят, что Фалес Милетский, первый философ природы, родился в тридцать пятую олимпиаду [640—637 г. до н. э.], а жизнь его продлилась до пятидесяти восьмой олимпиады [548—545 г. до н. э.]; б) у ИЕРОНИМА под 1-м годом 35-й ол. [640 г. до н. э.] [в арм. пер. — 2-й год 35-й олимпиады, т. е. 639 г. до н. э.]: Был известен [agnoscitur; читай: nascitur «родился» — прим. ДК] Фалес Милетский, сын Эксамия, первый философ природы, который, как сообщают, прожил до LVIII олимпиады.

АБУ-Л-ФАРАДЖ. История династий, с. 33 Рососке: Кирилл в своей книге против Юлиана передает. . . что Фалес жил за 28 лет до начала царствования Навуходоносора. Порфирий же говорит, что Фалес достиг расцвета через 123 года после Навуходоносора (589—586 гг. до н. э.).

8. Парижский «Исторический сборник» [Cramer. Anecdota Paris., II, 263], в 6-й год царствования Гиския [10-я олимпиада=740 г. до н. э.]: В эти времена Фалес Милетский умер на Тенедосе, и была известна Сивилла Эритрейская. Пасхальная хроника, 214, 20 Веккер, 5-й год Гиския [3-й год 10-й олимпиады=738 г. до н. э.]: В этом году Фалес Милетский, философ, умер на Тенедосе.

ПЛУТАРХ. Солон, 12: [Контекст см. 3 В 10]. Подобную догадку, говорят, высказал и Фалес: якобы он велел похоронить себя после смерти в одном захудалом и находящемся в небрежении месте милетской хоры, предсказав, что некогда оно станет агорой милетцев.

9. ПЛАТОН. Теэтет, 174 а 4: [Пример созерцательной жизни философа, далекого от политики и непрактичного в обыденной жизни]. Рассказывают, Феодор, что, наблюдая звезды и глядя наверх, Фалес упал в колодезь, а какая-то фракиянка — хорошенькая и остроумная служанка — подняла его насмех: он, мол, желает знать то, что на небе, а того, что перед ним и под ногами, не замечает. Ср. А 1. § 34 выше. *У ТЕРТУЛЛИАНА (К язычникам, II, 4) над Фалесом смеется «египтянин».

*АРИСТОТЕЛЬ. Никомахова этика, VI, 7, 1141 б 2—8: Из сказанного ясно, что мудрость (*σοφία*) есть знание и интуиция наиболее ценных по своей природе вещей. Поэтому Анаксагора, Фалеса и им подобных называют мудрыми (*σοφοί*), но не умными (*φρόνιμοι*), видя, что они игнорируют собственную выгоду, и говорят, что они знают нечто исключительное, изумительное, трудное и божественное, но бесполезное, ибо они ищут не человеческих благ.

*ПЛУТАРХ. Солон, 3, 8: По всей вероятности, в те времена [во времена Солона] мудрость одного только Фалеса вышла за границы практических нужд и пошла дальше них в умозрении (*θεωρία*), а остальные снискали имя «мудрецов» за свою политическую доблесть.

*[У АРИСТОФАНА имя Фалес употребляется дважды в качестве нарицательного: применительно к Сократу в «Облаках» (ст. 180: «Так что же мы удивляемся тому Фалесу?») и Метону в «Птицах» (ст. 1009: «Ну сущий Фалес») как реакция обыденного сознания на экстраординарную ученость в связи с астрономией и геометрией и оба раза о упоминанием «циркуля» (*δισβήτης*: «Облака» 178, «Птицы» 1003) как характерного атрибута Фалеса].

*ФЕМИСТИЙ. Речь 26, 317 а (II, 127, 15 Downey—Norman) [Философия, как и культура, постоянно развивается]: Так, до Фалеса Милетского [т. е. Фалеса как философа] ходили по устам немногие изречения самого Фалеса [как мудреца] и других мудрецов, коими и поныне исписаны стены и писчие дощечки, изречения полезные и содержащие изрядный смысл, даже максимум смысла, выразимого в двух словах, но все же бездоказательные, похожие на приказ и назидające лишь в малой толике добродетели. Фалес же впоследствии, уже под старость, впервые занялся природой, воззрел на небо, исследовал звезды и публично предрек всем милетцам, что будет ночь среди дня, и зайдет солнце горé, и набежит на него луна, так что отсекутся лучи его и свет дневной. Фалес, который привнес столько [нового], не изложил, однако, своих открытий в письменном сочинении — ни сам Фалес, ни кто-либо другой из его современников [следует АНАКСИМАНДР, А 7].

10. АРИСТОТЕЛЬ. Политика, А IV, 4. 1259 а 3: Кроме того, следует собирать и то, что рассказывают там и сям о средствах, благодаря которым те или иные лица преуспели в наживе состояния: все это полезно для тех, кто уважает искусство наживы. Такова, например, [уловка] Фалеса Милетского: (5) это проявление омекалки в искусстве обогащения, которое приписывают Фалесу из-за его мудрости, тогда как на оаом деле оно имеет универсальный смысл. Рассказывают, что когда Фалеса, по причине его бедности, укоряли в бесполезности философии, то он, смекнув по наблюдению звезд о будущем [богатом] урожае маслин, еще зимой — благо у него было немного денег — раздал их в задаток за все маслодавлильни в Милете и на Хиосе. Нанял он их за безценок, поскольку никто не давал больше, а когда пришла пора и спрос на них внезапно возрос, то стал отдавать их внаем по своему усмотрению и, собрав много денег, показав, что философы при желании легко могут разбогатеть, да только это не то, о чем они заботятся. (6) Вот каким образом, говорят, Фалес выказал свою мудрость. Там же.

1259 а 31: Спекуляция (*ἔρασμα*) Фалеса и сицилийского торговца железом одна и та же: оба с помощью хитрой уловки приобрели себе монополию. Ср.: ИЕРОНИМ [РОДОСКИЙ, А 1, § 34 выше и ЦИЦЕРОН. О дивинации, I, 49, 111.

*ПЛАТОН. Государство, X, 600 а 4: А рассказывают ли о многочисленных хитроумных изобретениях [Гомера] в искусствах, ремеслах или каких-либо других видах практической деятельности, свидетельствующих о нем как о муже, искушенном (*σέφός*) в делах, подобно тому как [это рассказывают] о Фалесе Милетском и скифе Анахарсисе?

*ПЛУТАРХ. О сообразительности животных, 16, 971 А—С: Примеров хитрости животных много. Оставляя в стороне уловки лис, волков, журавлей и галок (они и без того известны), я приведу в пример Фалеса, древнейшего из мудрецов, который, говорят, вызвал немало восхищение тем, что перехитрил мула. Рассказ таков: один из мулов-солевозов, войдя в реку, случайно поскользнулся, соль растаяла, а он, поднявшись налегке, смекнул, в чем тут причина, и запомнил ее. И с тех пор всякий раз при переходе реки он нарочно окунал мешки в воду, присаживаясь и наклоняясь в обе стороны. Прослышав об этом, Фалес велел наполнить мешки вместо соли шерстью и губками, взвалить их на мула и гнать его в путь. Сделав то же, что обычно, и наполнив груз водой, мул сообразил, что ухищрения его невыгодны для него самого, и впредь переходил реку так внимательно и осторожно, что ни разу не замочил груза даже нечаянно. Ср.: ЭЛИАН. О своеобразии животных, VII, 42.

*НИКОЛАЙ ИЗ ДАМАСКА, фр. 68 [FGrH II A, 372, 19]: Некоторые говорят, что Фалес по каким-то приметам предвидел дождь и посоветовал в тот час не выходить из дому.

11. ПРОКЛ. Комм. к Евклиду, 65, 3—11 Friedlein=ЕВДЕМ. История геометрии, фр. 133 Wehrli: Как у финикийцев начало точному знанию чисел было положено благодаря торговле и сделкам, так и у египтян геометрия была изобретена по указанной причине. Съездив в Египет, Фалес впервые перенес эту науку в Элладу; многое он открыл сам, а принципы многих [других знаний] указал тем, кто пришел после него: одно он изучал в более общем виде, другое — в более чувственном.

*ГЕРОДОТ, II, 109: Думается мне, что геометрия была изобретена здесь [в Египте] и отсюда перешла в Элладу.

ПЛУТАРХ. Об Исиде и Осирисе, 10, 354 DE: . . . *Мудрейшие из эллинов — Солоон, Фалес, Платон, Евдокс и Пифагор — . . . ездили в Египет и беседовали [~ учились] с жрецами.

Там же, 34, 364 CD: Египтяне говорят, что Солнце и Луна объезжают [небо] не на колесницах, а на кораблях, намекая на их рождение из влаги и питание влагой. Думают, что и Гомер полагает воду началом и «родителем» [Ил. XIV, 201] всех вещей, подобно Фалесу научившись у египтян.

ИОСИФ ФЛАВИЙ. Против Апиона, I, 2; 14: Все единогласно признают, что первые эллинские философы, размышлявшие о вещах небесных и божественных, как, например, Ферекид Сиросский, Пифагор и Фалес, были учениками египтян и халдеев и написали немного, причем эти сочинения эллины считают самыми древними и с трудом верят в то, что они [действительно] написаны ими.

Мнения философов (Псевдо-Плутарх), I, 3, 1: Изучив философию в Египте, он вернулся в Милет постарше.

ЯМВЛИХ. О пифагор. жизни, 12: [Фалес] склонил [Пифагора] плыть в Египет и войти в контакт с жрецами, особенно с жрецами Мемфиса и Диосполия, так как, мол, сам он набрался у них того, что создает ему репутацию мудреца среди большинства.

11 а. ГИМЕРИЙ. Речи, 28, 2 Colonna: . . . И Алкей в своих песнях славил Фалеса, когда Лесбос <справлял> всенародный праздник. . . [=АЛКЕЙ, фр. 448 Lobel—Page].

Учение

12. АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, I, 3, 983 b 6 [Предвосхищение предшествующими Аристотеля его учения]о 4-х причинах (*αἰτίαι*) или началах (*ἀρχαί*) бытия: материального, формального, движущего и целевого]: Большинство первых философов полагали начала, относящиеся к разряду материи, единственными началами всех вещей: из чего все сущие [вещи] состоят, из чего, как из первого, они возникают и во что, как в последнее, они уничтожаются. Это они полагают элементом и это — началом сущих [вещей].

Там же. 983 b 18: Однако количество и вид (*εἶδος*) такого начала (*ἀρχή*) не все определяют одинаково. Так, Фалес, родоначальник такого рода философии, считает [материальное начало] водой (поэтому он и утверждал, что земля — на воде). Вероятно, он вывел это воззрение из наблюдения, что пища всех [существ] влажная и что тепло как таковое рождается из воды и живет за счет нее, а что, из чего [все] возникает», — это, [по определению], и есть начало всех [вещей]. Вот почему он принял это воззрение, а также потому, что сперма всех [живых существ] имеет влажную природу, а начало и причина роста содержащих влагу [существ] — вода.

Некоторые полагают, что уже первые богословы, жившие в глубочайшей древности и задолго до нынешнего поколения, держались того же воззрения на природу, [что и Фалес]: дескать, в своей поэзии они изобразили праотцами всего возникшего Океана и Тефию и [говорили], что боги клянутся водой или, как они сами [поэты] ее называли, Стиксом: старейшее, [рассуждают «некоторые»], чтимо всего более, а чтимое всего более — это то, чем клянутся, [следовательно, «вода» = «старейшее», τὸ πρεσβύτατον]. Действительно ли это мнение о природе столь древнее и старое — пожалуй, неясно, однако Фалес, говорят, высказался о первой причине (*αἰτία*) указанным образом.

*12 а. Мнения философов, I, 3 («О началах»), 1 [слова «сей муж. . . постарше»] отсутствуют у Стобея; вставка Псевдо-Плутарха]: Фалес Милетский утверждал, что начало сущих [вещей] — вода. (Сей муж считается зачинателем философии, и по нему была названа ионийская школа: ведь философских преемств было множество. Изучив философию в Египте, он вернулся в Милет постарше.) Все из воды, говорит он, и в воду все разлагается. Заключает он [об этом], во-первых, из того, что начало (*ἀρχή*) всех животных — сперма, а она влажная; так и все [вещи], вероятно, берут [свое] начало из влаги. Во-вторых, из того, что все растения влагой питаются и [от влаги] плодоносят, а лишённые [ее] засыхают. В-третьих, из того, что и сам огонь Солнца и звезд питается водными испарениями, равно как и сам космос. По этой же причине и Гомер высказывает о воде такое суждение: «Океан, который всем прародитель».

*12 б. ИППОЛИТ. Опровержение всех ересей, I, 1: Сообщают, что Фалес Милетский, один из семи мудрецов, первым принялся за философию природы. Он говорил, что начало и конец Вселенной — вода. Ибо все образуется из воды путем ее затвердевания [~ замерзания], а также испарения. Все плавает по воде, от чего происходит землетрясения, вихри и движения звезд. И все произрастает и течет в ладном согласии с природой предка-родоначальника, от которого все произошло. Богом он считал вот что: «То, у чего нет ни начала, ни конца».

*12 с. ГЕРАКЛИТ-АЛЛЕГОРИСТ. Гомеровские вопросы, 22: Влажное вещество, с легкостью преобразаясь [собств. «перелепливаясь»] во всевозможные [тела], принимает пестрое многообразие форм. Испаряющаяся часть его обращается в воздух, а тончайший воздух возгорается в виде эфира. Выпадая в осадок и превращаясь в ил, вода обращается в землю. Поэтому из четверицы элементов Фалес объявил воду наипричиннейшим элементом. Кто ж породил это воззрение? Разве не Гомер, сказавший: «Океан и т. д.»?

13. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 23, 21 = ТЕОФРАСТ. Физические мнения, фр. 1 Diels [В комментируемом пассаже «Физики» I, 2. 184 b 15 сл. Аристотель устанавливает искусственную дихотомическую классификацию всех мыслимых учений о физических принципах или началах: начало (ἀρχή) либо одно, либо их много, и если одно — то либо движущееся, либо неподвижное, и если движущееся — то либо конечное, либо бесконечное и т. д.]: Из тех, кто полагает одно движущееся начало (их [Аристотель] называет физиками в собственном смысле слова), одни считают его конечным, как, например, Фалес, сын Эксамия, милетец, и Гиппон [гл. 38], которого считают безбожником. Они полагали, что начало — вода, причем на это их навело чувственное восприятие. Так, теплое живет за счет влажного, умирающее высыхает, сперма всех [живых существ] влажная, всякая пища пропитана соками. А из чего каждое [существо] состоит, тем оно и питается. Между тем вода — основа (ἀρχή) всякой жидкости и то, без чего не может существовать ни одно [существо]. Поэтому они приняли за начало всего воду и объявили, что Земля покоится на воде.

ОН ЖЕ. Комм. к «Физике» 203 а 16 [Платон и пифагорейцы рассматривают бесконечное как субстанцию, «а все физики всегда полагают субстратом бесконечного какую-нибудь другую субстанцию из числа так называемых элементов, как-то: воду, воздух или среднее между ними], с. 458, 19: *«Физиками» Аристотель имеет обыкновение называть тех, кто занимается физическим разделом философии, в особенности же тех из них, кто пользуется одним только материальным началом или преимущественно им. Указанные физики, приняв в качестве субстрата становящихся вещей материю и рассматривая ее бесконечность, очевидным образом полагали бесконечное уже не как субстанцию, а как акциденцию.* Одни из них, приняв один какой-нибудь элемент, полагали его бесконечным по величине, как, например, Фалес — воду, Анаксимен и Диоген — воздух, Анаксимандр — среднее [между водой и воздухом]. . .

СЕРВИЙ. Комм. к «Энеиде», XI 186 (II, 497, 3): У разных народов существовали разные виды погребения: вот почему одних закапывают, других сжигают. Фалес, утверждающий, что все рождается из воды, говорит, что тела следует закапывать, дабы они могли разложиться на влагу.

13 а. Мнения философов (Стобей) I, 17, 1 («О смеси и слиянии»): Фалес и его последователи считают слияние смешением элементов, приводящим к качественному изменению.

13 в. Там же, II, 1, 2: Фалес и его последователи [признают] один космос.

13 с. Там же, II, 12, 1: Фалес, Пифагор и его последователи полагают, что небесная сфера разделена на пять кругов, которые они именуют поясами: один из них называется арктическим и всегда видимым, другой — летним тропиком, третий — [небесным] экватором, четвертый — зимним тропиком, пятый — антарктическим и невидимым. Так называемый зодиак наискось накладывается на три средних круга, касаясь всех трех. Всех их под прямым углом — с севера на юг — пересекает меридиан.

14. АРИСТОТЕЛЬ. О небе, II, 13, 294 а 28 [Причина неподвижности Земли: одни, подобно Ксенофану, говорят, что «она уходит своими корнями в бесконечность»]: Другие говорят, что [Земля] покоится на воде. Это древнейшая теория [неподвижности Земли], которую мы унаследовали по преданию; говорят, что ее высказал Фалес Милетский. Она гласит, что [Земля] остается неподвижной потому, что она плавает как дерево или какое-нибудь другое подобное [вещество] (ни одному из них не свойственно по природе держаться на воздухе, а на воде свойственно), — как будто о воде, поддерживающей Землю, нельзя сказать того же, что и о Земле. Воде также не свойственно по природе держаться на весу — она всегда находится на чем-то. СИМПЛИКИЙ. Комм. к этому месту, 522, 14: [Аристотель] излагает [мнение] Фалеса Милетского, полагающего, что Земля плавает как дерево на воде или какое-нибудь другое [вещество], которому по природе свойственно держаться на плаву в воде. Аристотель возражает против этого мнения. Вероятно, оно господствовало потому, что такое учение, [выраженное] в форме мифа, имеется у египтян, и Фалес, вероятно, заимствовал его оттуда [из Египта]. Ср.: ПЛУТАРХ. Об Исиде и Осирисе. 34 [=А 11 выше].

*14 а. ПЛУТАРХ. Пир семи мудрецов, 158 С: Как, по словам Фалеса, при уничтожении Земли рухнет весь мир, так и прекращение [доставки] пищи означает развал дома, ибо вместе с пищей уничтожаются огонь очага, очаг, кратеры, приемы гостей и т. д.

15. СЕНЕКА. Естественнаучные вопросы, III, 13 [Почему реки не иссякают? Потому что вода — элемент, 1/4 часть Вселенной, ее запасы огромны и неисчерпаемы]. *Добавлю, что она, как говорит Фалес, — могущественнейший элемент. Этот [элемент] был вначале, полагает он, из него все возникло [~ поднялось, surrexisse]*. (14) Следующее мнение Фалеса нелепо: он говорит, что земной круг поддерживается водой и плавает наподобие корабля, а когда говорят, что [Земля] трясется, то она [на самом деле] качается на волнах по причине подвижности воды. Неудивительно, стало быть, что влага для порождения рек не иссякает, коль скоро весь мир целиком во влаге. *Отвергни напрочь это старинное и неогесанное мнение. И нет никакого основания, чтобы ты, [Луцилий], верил, будто вода просачивается на поверхность Земли через трещины и образует придонный сток [собств. «сточные воды на дне корабля», sentina].

*Там же, кн. VI («О землетрясениях»), гл. 6: О том, что причина [землетрясений] в воде, говорилось разными [философами] и на разных основаниях. Фалес Милетский полагает, что вся Земля несомненно лежит под ней влагой и плавает в ней, как бы ты ее ни называл: Океаном, великим ли морем, или же чистой от примесей других веществ водой и влажным элементом. Этими-то волнами, по его словам, и поддерживается круг земной, словно некий огромный и тяжелый корабль, теми водами, на которые он давит. Излишне излагать причины, вследствие которых он считает невозможным, чтобы носителем тяжелейшей части мира был столь тонкий и летучий воздух, ибо речь сейчас идет не о положении Земли, а о колебании.

*Мнения философов (Псевдо-Плутарх), III, 15, 1: Фалес и Демокрит связывают причину землетрясений с водой.

Там же, III, 11, 1: Последователи Фалеса полагают, что Земля — в центре [Вселенной].

16. ГЕРОДОТ, II, 20 [«Желавшие отличиться мудростью» греки дали три объяснения разливов Нила, два из которых едва заслуживают упоминания]: Первое из двух гласит, что в разливах реки повинны [~ причиняют, αἰτιοί] ветры-этесии, препятствующие Нилу вытекать в море.

Мнения философов (Псевдо-Плутарх), IV, 1, 1: Фалес полагает, что ветры-этезии, дуящие на Египет в лоб, поднимают [водную] толщу Нила, так как его течение в устье останавливается вздутием прибрежной морской полосы. Ср. А 1, § 37 выше.

17. ТЕОН СМИРНСКИЙ. О математических знаниях, полезных для чтения Платона, с. 198, 14 Hiller [эксцерпт из платоника Деркиллида]: Евдем в «Истории астрономии» [фр. 145 Wehrli] сообщает, что Энопид [гл. 41, 7] первым открыл наклонение зодиака и цикл великого года, а Фалес — затмение Солнца и то, что его период, относящийся к солнцеворотам, не получается всегда равным.

17 а. Мнения философов, II, 13, 1 («Какова сущность звезд, блуждающих и неподвижных»): По мнению Фалеса звезды состоят из земли, но при этом раскалены. Там же, II, 20, 9 (СТОБЕЙ): По мнению Фалеса Солнце — землистого состава. *Там же, II, 25, 8 (СТОБЕЙ): Фалес утверждал, что Луна состоит из земли.

Там же, II, 24, 1: Фалес первым сказал, что затмение Солнца происходит, когда Луна, по природе своей землеобразная, проходит под ним по отвесной линии, причем видно это, когда [наблюдатель] находится в позиции зеркального отражения [= «на одной прямой»] по отношению к диску.

*Оксиринхский папирус 3710, стб. II, 36—43; т. 53 (1986), стр. 97 (Комм. к «Одиссее», XX; 2-й век н. э.): О том, что затмения бывают в новолуние, говорит Аристарх из Самоса, который пишет: «Фалес сказал, что Солнце затмевается, когда его покрывает Луна, умозаключив об этом по тому дню, в который [обычно] происходят затмения. Этот день одни называют триакадой (тридцатым), другие неоменией (новолунием)».

Ср. *ЦИЦЕРОН. О государстве, I, 16, 25 (теория затмений Анаксагора, ср. 59 А 18): Таким образом, хотя и не во всякое новолуние, но все-таки происходить это может только в новолуние . . . В те времена это была новая и неизвестная теория — о том, что затмения Солнца происходят вследствие покрытия его Луной. Говорят, что впервые это понял Фалес Милетский. См. также: *Мнения философов, II, 28, 5 = 59 А 77 («Фалес, Анаксагор, Платон и стоики» о конъюнкции и затмениях).

17 б. Мнения философов, II, 27, 5 (Собей): Фалес первым сказал, что [Луна] освещается Солнцем. Пифагор, Парменид, Эмпедокл, Анаксагор, Метродор — то же.

18. ПЛИНИЙ. Естественная история, 18, 213: Гесиод, которому также приписывают «Астрономию» [гл. 4], передает, что утренний заход Плеяд происходит в день осеннего равноденствия, а Фалес — что на 25-й день после равноденствия [следует 12 А 20].

[Свидетельства ДИОГЕНА, Платонова схолиаста и КАЛЛИМАХА (МЕАНДРИЯ?) об «открытии» Малой Медведицы см. выше: А 1, § 23; А 3; А 3 а] *Схолии к «Илиаде» XVIII, 487: [Малую Медведицу=Киносуру] Гомер не упоминает, поскольку она была открыта позже Фалесом Милетским, одним из семи мудрецов. *Схолии к АРАТУ, 27. 39: [Медведиц=Колесниц] — две. Большую открыл Навплий, а вторую, меньшую — Фалес Мудрый. *ГИГИН. Астрономия, II, 2: [Почему Малая Медведица называется Финикийской звездой?] Дело в том, что Фалес, который тщательно исследовал этот предмет [Малая Медведица — более точный навигационный ориентир, чем Большая] и первым назвал ее Медведицей, был родом финикиец, как говорит Геродот. . .

19. АПУЛЕЙ. Флориды, 18: Фалес Милетский, несомненно самый выдающийся из тех знаменитых семи мудрецов (он ведь и геометрии у греков первый открыватель, и природы точнейший испытатель, и светил опытейший наблюдатель), малыми линиями открыл величайшие вещи: круговороты времен года, ветров дуновения, звезд

движения [~ пути, орбиты], громов дивные громыхания, планет (sidera) извилистые пути, Солнца годичные повороты [geverticula=τρομαί], а также [объяснил] нарождающейся Луны прибывание, стареющей — убывание, затмевающейся — преграды. Мало того, уже на склоне старческих лет он придумал божественный расчет [~ пропорцию, ratio], относящийся к Солнцу, [вычислил] сколько раз своей величиной [= диаметром] Солнце меряет ту окружность, которую оно пробегает (а я не только выучил этот расчет, но и подтвердил его верность своими опытами). Рассказывают, что Фалес поведал о недавно сделанном открытии Мандролиту из Приены. Тот пришел в неописуемый восторг от [приобретенного им] нового и неожиданного познания и велел просить у него в награду за столь ценный урок такую плату, какую Фалес пожелает. «Довольно мне будет платы, — сказал мудрый Фалес, — ежели, вздумав разгласить кому-либо то, чему ты научился от меня, ты не припишешь этого открытия себе, но назовешь первооткрывателем меня и никого другого».

ЮЛИАН. Речи, III, 162, 2 Hertlein: Кто-то спросил [Фалеса], сколько он должен заплатить за то, чему научился. «Заплатишь цену сполна, — ответил Фалес, — признанием, что научился у меня».

*ФИЛОСТРАТ. Жизнь Аполлония Тианского, II, 5; I, 126 Conybeare: . . . Клазоменец Анаксагор [59 A 6] наблюдал небесные тела с [горы] Мимант в Ионии, а Фалес Милетский — с находящегося по соседству [мыса] Микале.

20. ПРОКЛ. Комм. к Евклиду, 157, 10—11 Friedlein: То, что круг делится диаметром пополам, говорят, впервые доказал знаменитый Фалес.

Там же, 250, 20—251, 2: Древнему Фалесу мы обязаны открытием многих теорем, в том числе и следующей теоремы. Как сообщают, он первым установил и сказал [=сформулировал], что-де во всяком равнобедренном треугольнике углы при основании равны, причем равные углы (ίσας) он на архаический манер назвал «подобными» (ὁμοίως).

Там же, 299, 1—4=ЕВДЕМ. История геометрии, фр. 135 Wehrli: Таким образом, эта теорема доказывает, что при пересечении двух прямых вертикальные углы равны. Как говорит Евдем, она была впервые открыта Фалесом.

Там же, 352, 14—18=ЕВДЕМ. История геометрии, фр. 134: Евдем в «Истории геометрии» возводит эту теорему [ЕВКЛИД, I, 26: два треугольника равны, если два угла и одна сторона одного из них равны двум углам и одной стороне другого] к Фалесу. По его словам, чтобы найти расстояние [от берега] до находящихся в море кораблей тем способом, который предание приписывает Фалесу, необходимо использовать эту теорему.

21. ПЛИНИЙ. Естественная история, XXXVI, 82: Фалес Милетский изобрел способ измерения высоты пирамид путем измерения [их] тени в час, когда [наша тень] равна росту тела. Ср.: ИЕРОНИМ РОДОССКИЙ, A 1, § 27 выше. ПЛУТАРХ. Пир семи мудрецов, 2. 147 A: [Нилосен говорит Фалесу:] Многим восхищается в тебе [фараон Амасис], в непомерный восторг привело его и то, как ты измерил пирамиду — без малейшего труда и не нуждаясь ни в каких инструментах, ты просто установил палку на край тени, которую отбрасывала пирамида, касанием луча света [с вершинами пирамиды и палки] получилось два треугольника, и ты наглядно показал, что пирамида относится к палке так же, как тень — к тени.

*21 а. ЯМВЛИХ. Введение в «Арифметику» Никомаха, 10.8 Pist.: Фалес определил [число] как «совокупность единиц», следуя египетскому воззрению, а именно в Египте он и занимался науками.

22. АРИСТОТЕЛЬ. О душе, А 5, 411 а 7: Некоторые говорят, что душа размешана во Вселенной. Вероятно, исходя из этого воззрения, Фалес полагал, что все полно богов. Ср.: *АРИСТОТЕЛЬ. О рождении животных, III, 11, 762 а 18—21: Животные зарождаются в земле и в жидкости, так как в земле содержится вода, в воде — пневма, а пневма целиком проникнута психическим теплом, так что в известном смысле «все полно души». Ср. также: ПЛАТОН. Законы, X, 899 В.

АРИСТОТЕЛЬ. О душе, А 2, 405 а 19: [Из предшествующих философов одни исходят из концепции души как принципа движения, другие — как принципа ощущения и познания]. Также и Фалес, судя по воспоминаниям [о нем], полагал душу двигательным началом, раз он говорил, что [магнесийский] камень [=магнит] имеет душу, так как движет железо.

*ИОАНН ФИЛОПОН. Комм. к этому месту, с. 86, 13 Hauduck: Его [Аристотеля] упоминание о мнении Фалеса производит нескладное впечатление. В то время как ему предстояло показать, что исходящие из концепции души как принципа познания считали ее состоящей из тех же самых начал, что и вещи, так как «подобное познается подобным», он, излагая мнение Фалеса, не сказал ничего подобного тому, что сказал о других; он сказал лишь, что Фалес считал камень, притягивающий железо, одушевленным, так как полагал отличительным признаком души движение. Излагая воззрения тех, кто исходил из концепции души как принципа движения, он говорил, что каждый из них полагал элементом души тот элемент, который представлялся ему наиболее подвижным. . . однако относительно мнения Фалеса, полагавшего началом вещей воду, он также не сказал ничего подобного. Так, например, он не сказал, что Фалес полагает душу водой и поэтому утверждает, что магнит притягивает железо, так как состоит из воды. Вместо этого он сказал лишь, что Фалес считал магнит одушевленным. Почему? Может быть, потому, что сочинения его не сохранились, но [дошли] лишь воспоминания [о нем], поэтому Аристотель избегал, не имея сочинения Фалеса, обвинять его в вульгарности учения? Или же потому, что он испытывал к нему пиетет, поскольку воспоминания сохранили много достопримечательных воззрений Фалеса? Так, например, как передают, он говорил, что Провидение проникает вплоть до крайних пределов [космоса] и ничто от него не ускользает, даже малейшее. По этой причине он не приписывает ему мнения, по которому душа состоит из воды, но говорит лишь, что он также наделял душу движением. Однако Гиппону он ниже приписывает мнение, по которому душа — из воды, так как Гиппон также считал началом всех вещей воду.

22 а. Мнения философов, IV, 2, 1: Фалес первым объявил душу вечнодвижущейся или самодвижущейся субстанцией.

23. Мнения философов, I, 7, 11 (Стобей): [«Что есть бог?»] Фалес полагает, что бог — это ум ($\nu\omicron\upsilon\varsigma$) космоса, а Вселенная одушевлена и одновременно полна божеств; элементарную влагу пронизывает божественная сила, приводящая воду в движение.

ЦИЦЕРОН. О природе богов, I, 10, 25: Фалес Милетский, который первым исследовал подобные [=теологические] вопросы, считал воду началом всех вещей, а бога — тем умом ($\mu\epsilon\nu\varsigma=\nu\omicron\upsilon\varsigma$), который все создал из воды.

*АПОНИЙ. Толкование на «Песнь песней», V, с. 95 Bottino—Martini: Фалес. в своем учении объявил воду началом всех вещей и источником, из которого все сотворено Незримым и Великим; причина же движения, по его утверждению, дух ($\sigma\pi\iota\tau\upsilon\varsigma=\pi\upsilon\epsilon\upsilon\mu\alpha$), гнездящийся в воде. А также благодаря пронизательному уму он первым открыл геометрическое искусство, через которое догадался о едином Творце всех

вещей. [Ср. изречение о демиурге А 1 § 35 («Прекраснее всего космос, ибо он творение бога») и о Провидении (Πρόνοια) у ФИЛОПОНА в А 22].

*ПЛУТАРХ. Пир семи мудрецов, 21. 163 D: После него Анахарсис заметил: «Прекрасно полагает Фалес, что во всех важнейших и величайших частях космоса имеется душа, а потому и не стоит удивляться тому, что промыслом бога совершаются прекраснейшие дела» и т. д.

Апофтегматика

См. гл. 10, 3; 11 А 1, § 35 сл. Другая [позднейшая] редакция вопросов «Что самое?..» — у ПЛУТАРХА. Пир семи мудрецов, 9, 153 С—D.

В. ПОДЛОЖНЫЕ ФРАГМЕНТЫ

Морская астрономия

1. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 23, 29 D: По преданию, Фалес первым явил эллинам естественную историю. Правда, по мнению Теофраста [Физические мнения, фр. 1], у него было много предшественников, но он намного превзошел их, так что затмил всех, кто был до него. Говорят, что в письменном виде он не оставил ничего, кроме так называемой «Морской астрономии». Ср. А 1, § 23; А 2.

ПЛУТАРХ. Об оракулах Пифии, 18. 402 E: Прежде философы излагали свои учения и теории в стихах, подобно Орфею, Гесиоду, Пармениду, Ксенофану, Эмпедоклу и Фалесу. . . Ни Аристарх, ни Тимохар, ни Аристилл, ни Гиппарх не преуменьшили славы астрономии тем, что писали прозой, тогда как Евдокс, Гесиод и Фалес прежде писали в стихах, если только Фалес взаправду сочинил приписываемую ему «Астрономию». Ср. А 18—20.

2. Схолии к «Феноменам» АРАТА, 172; с. 369, 24: [Число звезд в созвездии Гиад] Фалес признавал две: одну — северную, другую — южную.

О началах

3. ПСЕВДО-ГАЛЕН. Комм. к «О соках» Гиппократу, I, 1 [т. XVI, 37 K]: Если даже Фалес и говорит, что все состоит из воды, тем не менее он понимает и это тоже [взаимопреращение элементов]. Но лучше приложить его собственные слова из 2-й книги [трактата] «О началах», которые гласят: «Стало быть, пресловутые четыре, из коих первым и как бы единственным элементом мы полагаем воду, смешиваются меж собой для соединения, затвердения и образования внутримирных [тел]. А как — уже сказано нами в первой книге».

О солнцевороте. О равноденствии

4. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, I, 23: . . . Согласно некоторым, он написал только два [сочинения]: «О солнцевороте» и «О равноденствии». Ср. 11 А 2.

12. АНАКСИМАНДР

А. СВИДЕТЕЛЬСТВА О ЖИЗНИ И УЧЕНИИ

1. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, II, 1—2. (1) Анаксимандр, сын Праксиада, Милетец. Он утверждал, что начало и элемент — бесконечное (τὸ ἄπειρον), не определяя [это бесконечное] как «воздух», «воду» или какой-нибудь другой определенный [элемент]; что части изменяются, а Целое [=универсум] неизменно; что Земля покоится посредине [космоса], занимая центральное местоположение {в силу шарообразности, а также что Луна сияет ложным светом и освещается Солнцем, а Солнце [по величине] не меньше Земли и есть чистейший огонь}.

Он первым изобрел гномон и, как говорит Фаворин в «Разнообразных рассказах» [фр. 28 Mensching], установил его на циферблате в Лакедемонне, чтобы он указывал солнцевороты и равноденствия, а также соорудил часы. (2) И контуры земли и моря он также начертил первым, а также соорудил сферу [ср. А 6].

Он сделал суммарное изложение своих воззрений, которое, судя по всему, попало среди прочих в руки Аполлодора Афинского. Последний как раз и говорит в «Хронике» [FGH Hist 244 F 29], что во второй год 58-й олимпиады [547—546 гг. до н. э.] ему было 64 года и вскоре после этого он скончался. <Учеником его был Пифагор [?]>, расцвет которого примерно совпадает с тиранией Поликрата Самосского.

Говорят, что, когда он пел, ребята подняли его на смех, а он узнал и сказал: «Ну что же, ради ребят нам следует петь лучше». Был и другой Анаксимандр — историк, и тоже милетец, писавший на ионийском диалекте.

2. СУДА, под словом «Анаксимандр»: Анаксимандр, сын Праксиада, милетец, философ; родственник, ученик и преемник Фалеса. Первым открыл равноденствие, солнцевороты, [изобрел] часы и [установил], что Земля находится в самом центре [космоса]. Еще ввел гномон и дал общий очерк геометрии. Написал «О природе», «Землеописание», «О неподвижных звездах», «Сферу» и другое.

3. ЭЛИАН. Пестрая история, III, 17 [пример государственной деятельности философов, ср. 11 А 4]: Анаксимандр предводительствовал экспедицией [=колониальной экспедицией] из Милета в Аполлонию.

4. ЕВСЕВИЙ. Приготовление к Евангелию. X, 14, 11: Слушателем Фалеса становится Анаксимандр, сын Праксиада, родом тоже милетец. Он первым соорудил гномоны для распознавания солнцеворотов, времени, времен года и равноденствия. Ср.: ГЕРОДОТ, II, 109: Полос, гномон и двенадцать частей дня эллины узнали от вавилонян.

5. ПЛИНИЙ. Естественная история, II, 31: Передают, что наклонение зодиака первым постиг Анаксимандр Милетский в пятьдесят восьмую олимпиаду [548—545 гг. до н. э.], тем самым отворив двери [к познанию] вещей; зодиакальные созвездия впоследствии [открыл] Клеострат, причем вначале созвездия Овна и Стрельца, а саму [небесную] сферу задолго до этого [открыл] Атлант.

5 а. ЦИЦЕРОН. О дивинации, I, 50, 112: Естествоиспытатель Анаксимандр предостерег лакедемонян, чтобы, покинув городские дома, они провели ночь во всеоружии и на открытом воздухе в поле, так как надвигалось землетрясение — то самое, когда весь город обратился в развалины, а от горы Тайгет, словно корма [от корабля], оторвалась вершина. Ср.: ПЛИНИЙ. Естественная история, II, 191; 12 А 28.

6. АГАФЕМЕР. Очерк географии, I, 1 [из Эратосфена]: Анаксимандр Милетский, ученик Фалеса, первым дерзнул начертить ойкумену на карте; после него Гекатей Милетский [FGrHist 1 T 12 a], человек, много путешествовавший, внес в нее уточнения, так что она сделалась предметом восхищения.

*СТРАБОН, I, 1, 1 [1 T 11 a]: Первыми, кто осмелился взяться за географию, были философы Гомер, Анаксимандр Милетский и Гекатей, согражданин его, как говорит Эратосфен.

Там же, I, 1, 11: Эратосфен говорит, что первыми [географами] после Гомера были двое: Анаксимандр — ученик и согражданин Фалеса — и Гекатей Милетский [1 T 11 b]. Анаксимандр первым обнародовал географическую карту, а Гекатей оставил после себя [географический] трактат, подлинность которого удостоверяется другими его сочинениями.

*Схолии к ДИОНИСИЮ ПЕРИЭГЕТУ, с. 428, 7 Müller: Кто же первым начертил обитаемую землю (ойкумену) на карте? Первым — Анаксимандр, вторым — Гекатей Милетский [1 T 12 b], третьим — ученик Фалеса Демокрит, четвертым — Евдоко.

7. ФЕМИСТИЙ. Речи, 26 [II, 128, 13 D.—N.]: [Анаксимандр] первым из известных нам эллинов осмелился написать и обнародовать речь о природе.

8. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 70: Диодор из Эфеса, пишущий об Анаксимандре, говорит, что это ему подражал [Эмпедокл], стремясь к театральной [досл. «трагедийной»] позе и надевая помпезную одежду.

9. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 24, 13: [Контекст см. к 11 A 13] Из полагающих одно движущееся и бесконечное [начало] Анаксимандр, сын Праксиада, милетец, преемник и ученик Фалеса, началом и элементом сущих [вещей] полагал бесконечное (τὸ ἄπειρον), первым введя это имя начала. Этим [началом] он считает не воду и не какой-нибудь другой из так называемых элементов, но некую иную бесконечную природу, из которой рождаются небосводы [миры] и находящиеся в них космосы. «А из каких [начал] вещам рождение . . . назначенный срок времени» [12 B 1], как он сам говорит об этом довольно поэтическими словами. Ясно, что, подметив взаимопревращение четырех элементов, он не счел ни один из них достойным того, чтобы принять его за субстрат [остальных], но [признал субстратом] нечто иное, отличное от них. Возникновение он объясняет не инаковением [= качественным превращением] первоэлемента, но выделением противоположностей вследствие вечного движения. Поэтому Аристотель и поставил его в один ряд с философами типа Анаксагора.

Там же, 150, 24: Противоположности же суть: горячее, холодное, сухое, влажное и другие. Ср.: АРИСТОТЕЛЬ. Физика, A 4. 187 a 20: [Одни физики принимают одно первоначальное тело-субстрат и порождают из него остальные сгущением и разрежением] А другие утверждают, что противоположности наличествуют в Одном и выделяются из него, как говорит Анаксимандр, равно как и все, что принимает одно и многое, как, например, Эмпедокл и Анаксагор: ведь и по их мнению, так же [как и по мнению Анаксимандра], остальные [тела] выделяются из смеси.

*АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, Δ 2. 1069 b 20: Именно это [потенциально сущее, актуально не-оущее] означает Одно Анаксагора (так лучше, чем «все вперемешку») и «соедь» Эмпедокла и Анаксимандра . . . Так что они, пожалуй, толковали о материи.

*ИРИНЕЙ. Против ересей, II, 14 [= Dox. Gr., 171]: Анаксимандр принял за начало неизмеримое (ἰμμενσιμ), семенообразно содержащее в себе самом рождение всех вещей; из него, как он утверждает, состоят неисчислимые миры.

9 а. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 27, 11 = ТЕОФРАСТ. Физические мнения, фр. 4 D: *Эти утверждения Анаксагора [см. 59 А 41], по словам Теофраста, схожи с утверждениями Анаксимандра: в самом деле, тот говорит, что при разделении бесконечного однородные [тела] движутся друг к другу, и, поскольку во Вселенной наличествовало золото, возникает золото, а поскольку земля — земля и точно так же все остальные тела, постольку, они, мол, не возникают, но изначально содержатся [в смеси]. Но только Анаксагор [в отличие от Анаксимандра] установил Ум причиной движения и возникновения: под его действием [элементы] разделились и породили коомосы и природу остальных [сущест]. Исходя из этого и т. д. [продолжение см. ниже]*.

Там же, 154, 14: Теофраст подгоняет Анаксагора под Анаксимандра и истолковывает слова Анаксагора таким образом, чтобы они означали, что он полагает [материальный] субстрат единой природой. Вот что он пишет в «Естественной истории»: «Исходя из этого, надо полагать, что материальные начала, как сказано, он признает бесконечными [по числу], а причину движения и возникновения — одну. Если же принять смесь всех вещей за одну природу, неопределенную по виду [= качественно] и по величине — а таков, судя по всему, смысл его слов, — то получается, что он полагает два начала — природу бесконечного и ум, так что телесные элементы он, очевидно, трактует вполне сходно с Анаксимандром».

10. ПСЕВДО-ПЛУТАРХ. Строматы, 2: После него [Фалеса] Анаксимандр, товарищ Фалеса, сказал, что абсолютная причина возникновения и уничтожения Вселенной — бесконечное, из которого, по его словам, выделились небосводы (*οὐρανοί*) и вообще все бесконечные коомосы. Он утверждал, что совершается гибель [миров-небосводов], а намного раньше — [их] рождение, причем исконок бесконечного веку повторяется по-кругу все одно и то же. Он говорит, что Земля по форме цилиндробразна, высота же ее составляет треть ширины. Он говорит, что при возникновении этого космоса из вечного [?] выделилось нечто чреватое (*γόνιμον*) горячим и холодным, а затем сфера пламени обросла вокруг окружающего Землю аэра [холодного тумана] словно кора вокруг дерева. Когда же она оторвалась и была заключена внутрь неких кругов, возникли Солнце, Луна и звезды. Еще он говорит, что вначале человек родился от животных другого вида, основываясь на том, что остальные животные скоро начинают кормиться самостоятельно и лишь один человек нуждается в долговременном выпячивании, поэтому он и вначале ни за что бы не выжил, будучи таким [беспомощным].

*СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 41, 16: Из полагающих одно движущееся начало Анаксимандр, сын Праксиада, милетец, принял за начало некую бесконечную природу (*φύσις ἀπείρος*), отличную от четырех элементов, вечное движение которой он считал причиной рождения небосводов [= миров].

11. ИППОЛИТ. Опровержение всех ересей, I, 6, 1: Слушателем [= учеником] Фалеса становится Анаксимандр. Анаксимандр, сын Праксиада, милетец. Сей сказал, что начало сущих [вещей] — некая природа бесконечного (*φύσις τοῦ ἀπείρου*), из которой рождаются небосводы и космос в них. Он называет [природу бесконечного] «вечной и нестареющей» и [говорит], что она «объемлет все коомосы». Время же, по его словам * * * в том смысле, что рождение, бытие и гибель [миров-небосводов] предопределены. (2) Он утверждает, что начало и элемент сущих — бесконечное, первым введя это имя начала, и что, кроме того, имеется вечное движение, в котором происходит рождение небооводов. (3) Земля — парящее тело, ничто ее не держит, на месте же она остается вследствие равного расстояния от всех [точек периферии космоса]. Форма у нее округ-

лая, {закругленная}, подобная барабану каменной колонны: из [двух] плоских поверхностей по одной ходим мы, а другая ей противоположна. (4) Светила возникают в виде круга огня, отделившись от огня, [рассеянного] в космосе, и охваченные аэром [= туманом], отдушниками же [в оболочке] служат некие трубковидные проходы, через которые виднеются светила, поэтому, когда отдушники закрываются, происходят затмения. (5) Луна видна то полной, то ущербной вследствие закрытия или открытия проходов. Круг Солнца в двадцать семь раз больше <диаметра Земли, а круг> Луны <— в восемьнадцать>; выше всего находится Солнце, ниже всего — круги неподвижных звезд. (6) Животные возникают * * * до мере того, как солнце выпаривает из них [влагу]. Человек первоначально возник похожим на другое животное, т. е. на рыбу. (7) Ветры возникают от того, что из воздуха выделяются тончайшие пары и, скучившись, приходят в движение; дожди — от испарения, испускаемого из находящихся под солнцем мест, молнии — когда ветер, обрушиваясь на облака, расщепляет их. Родился он в третий год сорок второй олимпиады [610 г. до н. э.].

12. ГЕРМИЙ. Осмеяние языческих философов, 10: Согражданин его [Фалеса] Анаксимандр говорит, что вечное движение — начало, обладающее старшинством над влагой и что от него одно рождается, другое уничтожается.

*12 а. АРИСТОТЕЛЬ. О небе, В 13. 295 а 9: Поэтому, если теперь Земля покоится насильственно, то и вихревое движение, благодаря которому ее части собрались в центр [космоса], тоже было насильственным. Именно его все считают причиной, основываясь на [наблюдении вихрей], происходящих в жидкостях и в воздухе: в них более крупные и более тяжелые тела всегда устремляются к центру вихря. По мнению всех, кто [в своих космогониях] порождает Небо [= «Вселенную»], это и объясняет, почему Земля собралась в центр, а причину того, что она остается на месте, им приходится искать [ниже следует А 26].

13. ЦИЦЕРОН. Учения академиков, II, 37, 118: Источником, из которого все рождается, он [Анаксимандр] объявил бесконечность природы (*infinitas naturae*).

ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ. О Мелиссе, Ксенофане, Горгии, 2, 10. 975 b 21: Далее, ничто не мешает тому, чтобы Вселенная была одной какой-то формой, как среди прочих полагают Анаксимандр и Анаксимен: первый — утверждая, что Вселенная есть вода и т. д.

14. Мнения философов, I, 3, 3: Анаксимандр, сын Праксиада, милетец, началом сущих полагает бесконечное: из него все возникает и в него все уничтожается. Поэтому и рождаются бесконечные [по числу] космомы и снова уничтожаются в то, из чего возникли. Он объясняет, почему оно безгранично (*ἀπεραντων*): чтобы никогда не иссякало наличное возникновение. Но он ошибается, не говоря, что есть бесконечное: воздух ли оно, или вода, или земля, или какие другие тела. Он ошибается в том, что о материи высказывается, а творящую причину упраздняет. Ведь бесконечное есть не что иное, как материя, но материя не может быть действительностью, если не дана творящая причина. Ср.: АРИСТОТЕЛЬ. Физика, Г 7, 207 b 35: Ясно, что бесконечное следует отнести в разряд материальной причины, что оно не субстанция, [а атрибут, причем] негативный атрибут [= лишенность], самосущий же субстрат, [атрибутом которого является бесконечное] — это чувственный континуум. Совершенно очевидно, что и все остальные [философы] рассматривали бесконечное (*τὸ ἀπειρον*) как материю (*ὑλη*), а потому абсурдно полагать его объемлющим (*τὸ περιέχον*), а не объемлемым. Там же, 8, 208 а 8: Для того чтобы объяснить неиссякаемость возникновения, нет необходимости постулировать актуально существующее бесконечное чувственное тело, так как унич-

тожение одной вещи может быть возникновением другой, притом что Вселенная конечна.

15. АРИСТОТЕЛЬ. Физика, Г 4. *202 b 36: [Аристотель приступает к анализу понятия бесконечного (τὸ ἄπειρον), занимающего главы 4—8 III книги «Физики», и, как обычно, начинает с изложения и критики взглядов предшественников, которые должны служить диалектическим аргументом в пользу его собственной концепции τὸ ἄπειρον]. Свидетельством того, что рассмотрение бесконечного входит в компетенцию этой [физической] науки, служит тот факт, что все, кто только заслуживающим внимания образом занимался натуральной философией, толковали о бесконечном и все полагают его неким онтологическим началом (ἀρχή), но только одни, как, например, пифагорейцы и Платон, — о бесконечном в себе, [т. е.] не как об акциденции чего-то другого [= другой субстанции], но как о самосушей субстанции. . .

*Там же, 203 a 16: А все натурфилософы всегда полагают в качестве субстрата бесконечного некую иную [=отличную от него] естественную субстанцию (φύσις), как-то: воду, воздух или промежуточное между ними [тело].

Там же, 203 b 4: *Логично и то, что все полагают его началом ибо: 1) оно не может быть всуе; 2) оно не может иметь никакого другого значения, кроме значения начала*. В самом деле, всякая вещь либо начало, либо [происходит] из начала, но у бесконечного нет начала, ибо в противном случае у него был бы конец (τέρας). Кроме того, то, что оно не возникло и неуничтожимо, также [указывает на то, что его следует понимать] как некое начало, ибо то, что возникло, по необходимости должно прийти к концу и всякое уничтожение сопряжено с понятием конца. Поэтому, как мы говорим, у этого [начала] нет начала, но оно само представляется началом других вещей, и «все объемлет», и «всем правит», как говорят те, кто не принимает, помимо бесконечного, иных причин, как-то: ум или дружбу. И оно-то и есть божество, ибо оно «бессмертно и не подвержено гибели», как говорит Анаксимандр и большинство физиологов. [Следует перечисление пяти источников понятия бесконечности, резюмирующее взгляды различных философов; третий аргумент (203 b 18) — «возникновение и уничтожение могут быть неиссякаемы только в том случае, если [тело], от которого отнимается то, что возникает, бесконечно», — в «Мнениях философов» приписан Анаксимандру, см. А 14.]

*АРИСТОТЕЛЬ. О небе, А 5. 271 b 2: Существует ли некое бесконечное тело (σῶμα ἄπειρον), как полагали большинство древних философов, или же это нечто невозможное?

*КЛИМЕНТ АЛЕКС. Протрептик, V, 65 (1, 50, 13 Stählin): Из прочих философов, которые превзошли элементы и в своем стремлении к новшествам придумали нечто более возвышенное и нетривиальное, одни воспели бесконечное (τὸ ἄπειρον), как, например, Анаксимандр (он был милетцем), Анаксагор Клазоменский и Архелай Афинский, причем оба последних присоединили к бесконечности ум.

16. Свидетельства Аристотеля и комментаторов о «промежуточном» (τὸ μετὰξὺ) или «отличном от элементов» τὸ παρά τὰ στοιχεῖα начале. *АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, А 7, 988 a 29: Те, кто [полагает материальным началом] воздух, или огонь, или воду, или нечто более плотное, чем огонь, но более тонкое, чем воздух, — ведь в таком тоже полагали первый элемент некоторые.

АЛЕКСАНДР АФРОД. Комм. к этому месту, 60, 8: В своем изложении он привел также мнение Анаксимандра, который полагал началом природу, среднюю между воздухом и огнем или между воздухом и водой (о ней говорится и так и так).

АРИСТОТЕЛЬ. Физика, А 4, 187 а 12: В учениях физиков [можно выделить] два способа [в объяснении процесса изменения]. Одни из них, приняв одно сущее тело-субстрат, или одно из трех [=огня, воздуха, воды], или другое, которое плотнее огня, но тоньше воздуха, — прочие [тела] порождают посредством [различий в] плотности и разреженности [первозлемента] и превращают [его] во множество (а разреженность и плотность суть противоположности. . .). . . Другие же полагают, что противоположности [изначально] наличны в Одном и выделяются из него, как говорит Анаксимандр, и т. д. [см. А 9].

***СИМПЛИКИЙ.** Комм. к этому месту, 149, 3: Также и среди физиков одни полагают [началом] единое, другие — многое. У полагающих единое, по его словам, [можно выделить] два способа порождения из него сущих. Все полагают это единое чем-то телесным, но одни из них [полагают это единое] одним из трех элементов; как, например, Фалес и Гиппон — водой, Анаксимен и Диоген — воздухом, Гераклит и Гиппас — огнем (одну только землю никто не счел возможным принять за начало вследствие ее неподверженности изменениям), а некоторые — чем-то отличным от трех элементов: более плотным, чем огонь, но более тонким, чем воздух, или, как он говорит в другом месте, более плотным, чем воздух, но более тонким, чем вода. Александр полагает, что [физик], принявший за начало некую отличную от элементов телесную природу, — Анаксимандр. Однако Порфирий, исходя из того что Аристотель противопоставляет принимающих субстратное тело без определений принимающим один из трех элементов или нечто другое, среднее между огнем и воздухом, говорит, что Анаксимандр полагает субстратное (без определений) тело бесконечным (*ἄπειρον*), не уточняя его вида [огонь, вода или воздух]; промежуточное же [тело] Порфирий, как и Николай из Дамаска, приписал Диогену из Аполлонии. Но, по-моему, следуя тексту, естественнее толковать его не в смысле противопоставления [неопределенного субстратного] тела трем элементам и «промежуточному» [телу], но скорее в смысле подразделения на три [элемента, с одной стороны], и «промежуточное» [тело — с другой]: «Тело-субстрат, — говорит [Аристотель], — или одно из трех, или другое, которое плотнее огня, но тоньше воздуха». Правда, его слова о том, что «они порождают прочие [тела] разреженностью и плотностью», относятся ко всем вышеназванным [философам] в целом, хотя Анаксимандр, как он сам же говорит, объясняет возникновение не так, а выделением из бесконечного. Но если он именно его считал [физиком], принимающим [за начало] тело без определений, то почему же он привел возникновение путем качественного изменения в качестве их общего мнения? Их всех объединяет то, что они полагают одно начало, но они разделяются на две группы в соответствии со способом возникновения. Одни порождают прочие [тела] из материального единого посредством разреженности и плотности, как Анаксимен. . .

*Там же, 150, 20: Согласно второму способу, причину [возникновения] усматривают уже не в превращении материи и объясняют возникновение не изменением (*ἀλλοίωσις*) субстрата, но выделением (*ἔκκρισις*). Так, Анаксимандр говорит, что противоположности, содержащиеся-в-наличии в субстратном бесконечном теле (*ἄπειρον σῶμα*), выделяются [из него], первым назвав субстрат началом (*ἀρχή*). Противоположности же суть: горячее, холодное, сухое, влажное и др.

АРИСТОТЕЛЬ. Физика, Г 5. 204 б 22: [Составного бесконечного тела существовать не может]. Но равным образом не может существовать и простое бесконечное тело — ни в виде того-что-помимо-элементов (*τὸ παρὰ τὰ στοιχεῖα*), как говорят некоторые, порождая из него элементы, ни вообще. Есть ведь некоторые, кто именно этим [пара-

элементным телом] полагают бесконечное (τὸ ἄπειρον), а не воздухом или водой, чтобы один из элементов, будучи бесконечным [~ неограниченным], не уничтожил остальные, поскольку-де [элементы] находятся между собой в отношениях противоположности [~ противоборства, вражды, ἐναντιώσεως], как-то: воздух холодный, вода влажная, огонь горячий. Если бы один из них был бесконечен [= неограниченно превосходил остальные], то остальные к настоящему моменту уже [давно] были бы уничтожены. Но в действительности [это не так, и поэтому] они полагают [бесконечным] инае, отличное [от них тело], из которого — элементы. Такого тела существовать не может не потому, что оно бесконечно (в этом отношении следует аргументировать одинаково применительно ко всякому телу: и к воде, и к воздуху, и к любому другому), но потому, что, помимо так называемых элементов, никакого другого подобного чувственного тела нет: из чего все [тела] состоят, в то они и разлагаются, так что, помимо воздуха, огня, земли и воды, здесь [= в эмпирии] имелось бы [и пара-элементное тело, из которого возникли элементы], однако ничто [подобное] не наблюдается.

*СИМПЛИКИЙ. Комм. к этому месту, 479, 30: Показав, что никакое естественное тело, составленное из многих [тел], не может быть бесконечным, он показывает затем, что равным образом не может быть и одного простого бесконечного тела. В самом деле, если бы [бесконечное тело] было простым, оно было бы либо одним из четырех элементов, либо чем-то отличным от них, как полагают Анаксимандр и его последователи [принимая за бесконечное] пара-элементное [тело], из которого они порождают элементы. То, что бесконечное не может быть одним из элементов, ясно среди прочего из того, что Анаксимандр, желая, чтобы его [перво]элемент был бесконечным, отождествил его не с воздухом, огнем или каким-нибудь из четырех элементов, так как последние находятся между собой в отношениях противоположности, и если бы один из них был бесконечен, противоположные [ему] были бы им уничтожены. А то, что пара-элементное бесконечное [тело], полагаемое началом, не только не бесконечно, но и вовсе не существует, он показывает, исходя из предпосылки, согласно которой все, что возникает из чего-либо, в него же и разлагается, как показывает наблюдение. Стало быть, если бы возникновение имело место из того [отличного от элементов] тела, то, помимо четырех, здесь имелось бы еще нечто, во что происходило бы разложение. Однако здесь ничего подобного не наблюдается.

*Там же, 481, 28: По поводу этого текста следует также отметить, что в примерах элементов он назвал воздух холодным, а воду влажной, что у него не в обычае: воздух он [обычно] называет влажным, полагая, что ему в большей мере свойствен отличительный признак влаги — трудно поддаваться определению [оформлению] собственной границей и легко — внешней. То ли он допустил небрежность, приводя пример исключительно ради [иллюстрации] противоположности [элементов], то ли описка вышла.

*АРИСТОТЕЛЬ. Физика, Г 5. 205 а 25: Вот почему ни один из натурфилософов (физиологов) не принял в качестве единого и бесконечного (ἐν καὶ ἄπειρον) огонь или землю, но либо воду, либо воздух, либо среднее (τὸ μέσον) между ними. Там же, 205 б 1 Мнение же Анаксагора относительно неподвижности бесконечного абсурдно: он говорит, что бесконечное (τὸ ἄπειρον) подпирает само себя и т. д.

*АРИСТОТЕЛЬ. О небе, Г 5. 303 б 10: Некоторые принимают только один [элемент], и причем одни полагают его водой, другие — воздухом, третьи — [телом] более тонким, чем вода, но более плотным, чем воздух, которое, как они говорят, «объемлет все небоосводы», будучи бесконечным. . . а затем порождают из него остальные [тела] посредством плотности и разреженности.

*АРИСТОТЕЛЬ. О возникновении и уничтожении, В 1. 328 в 33: Материальный субстрат этих [чувственных тел] одни считают единым, как, например, те, кто полагает его воздухом, огнем или чем-то промежуточным между ними (*μεταξὺ τῶν*), причем телом и существующим обособленно. . . Те, кто принимает одну материю, помимо (*παρά*) выше-названных [четыре элемента], и причем телеоную и обособленную, ошибаются: это тело, будучи чувственно воспринимаемым, не может существовать без противоположности [чему-либо]; это бесконечное (*τὸ ἄπειρον*), которое некоторые полагают началом (*ἀρχή*), по необходимости должно быть либо легким, либо тяжелым, либо холодным, либо горячим.

*АРИСТОТЕЛЬ. О возникновении и уничтожении, В 5. 332 а 20: [Ни один из четырех элементов не может быть субстратом остальных]. Но равным образом им не может быть и нечто иное, помимо (*παρά*) них, как, например, нечто среднее (*μέσον*) между воздухом и водой или между воздухом и огнем, — более плотное, чем воздух и огонь, но более тонкое, чем вода и воздух. В противном случае оно окажется воздухом и огнем, сочетая [в себе] противоположности, но одна из противоположностей есть отсутствие другой. Следовательно, оно никогда не может существовать обособленно, как это говорят некоторые о бесконечном (*τὸ ἄπειρον*) и объемлющем (*τὸ περιέχον*). См. также: *АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, А 8, 989 а 14: . . . Более плотное, чем воздух, но более тонкое, чем вода; Физика, А 6, 189 в 3: вода, огонь или промежуточное между ними; Физика, Г 4, 203 а 18: вода, воздух или промежуточное между ними = А 15; Метафизика, Δ4. 1014 в 33: одни — огонь, другие — землю, третьи — воздух, четвертые — воду, пятые — нечто иное, подобное.

*АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, I 2. 1053 в 14: [Следует ли считать единое самоощущей субстанцией, подобно пифагорейцам и Платону, или только атрибутом некоего естественного субстрата (*φύσις*)], как полагают натурфилософы: из них один говорит, что единое — это дружба, другой — воздух, третий — бесконечное.

17. АВГУСТИН. О Граде Божием, VIII, 2: Преемником Фалеса стал его слушатель Анаксимандр и изменил воззрение на природу вещей. Ибо не из одной вещи (как Фалес, из влаги), но из своих собственных начал, думал он, рождается всякая вещь. Он полагал, что эти начала единичных вещей бесконечны и порождают бесчисленные миры вместе со всем, что только в них возникает; миры же те, как он считал, то разлагаются, то снова рождаются — каждый сообразно своему жизненному веку [*aetas = iō v*], в течение которого он может сохраняться. Но в он также в этом творении вещей не уделил никакой роли божественному уму.

*СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике» 191 а 23; с. 235, 18: Одни из них [первых философов] считали сущее единым и невозникшим, другие — многим, но говорили, что [многое] содержится в наличии и выделяется, тем самым упраздняя возникновение, подобно Анаксимандру и Анаксагору.

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «О небе», с. 615, 13: Анаксимандр, согражданин и ученик Фалеса. . . первым признал [первоэлемент] бесконечным, чтобы можно было воспользоваться его избытком для [объяснения] возникновений. Как считают, он принимал бесконечные [по числу] космосы и каждый из космосов, по его мнению, [возникает] из такого бесконечного элемента.

Мнения философов, I, 7, 12: Анаксимандр утверждал, что бесконечные небосводы [миры] оуть боги.

ЦИЦЕРОН. О природе богов, I, 10, 25: По мнению Анаксимандра, боги рождены:

они возникают и погибают через долгие промежутки времени и при этом суть бесчисленные миры. Но как же мы можем мыслить бога иначе как вечным?

Мнения философов (Стобей), II, 1, 3: Анаксимандр, Анаксимен, Архелай, Ксенофан, Диоген, Левкипп, Демокрит, Эпикур [принимают] бесконечные [по числу] космосы в бесконечном [пространстве] во всех направлениях.

Там же (Стобей), II, 1, 8: Из утверждавших, что космосы бесконечны [по числу], Анаксимандр полагает, что они находятся на равном расстоянии один от другого.

Там же (Стобей), II, 4, 6: Анаксимандр. . . космос уничтожим.

*АРИСТОТЕЛЬ. Физика, VIII, 1. 250 b 11: Возникло ли некогда движение.

или же оно не возникло и не уничтожимо, но всегда было и всегда будет, и причем при-
суще вещам как нечто бессмертное и непрекращающееся, будучи своего рода жизнью
для всего, что существует от природы . . . все, кто полагает, что существуют бесчис-
ленные космосы и что одни из космосов возникают, а другие уничтожаются, говорят,
что движение вечно, а все, кто признает один [космос], вечный или не вечный, и о дви-
жении предполагают соответственно. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 1121,
5: Полагающие космосы бесконечными по числу, как, например, сторонники Анакси-
мандра, Левкиппа и Демокрита, а впоследствии сторонники Эпикура, утверждали,
что они возникают и уничтожаются в течение бесконечного времени, причем постоянно
одни [космосы] возникают, а другие уничтожаются. Движение они считали вечным,
так как без движения невозможны возникновение или уничтожение.

*АРИСТОТЕЛЬ. О небе, Δ 1. 308 a 17: Абсурдно полагать, что во Вселенной
нет верха и низа, как считают некоторые. . . *СИМПЛИКИЙ. Комм. к этому месту,
с. 679, 1: Этому мнению придерживались Анаксимандр и Демокрит, так как они пола-
гали Вселенную бесконечной: ведь в бесконечном [пространстве] нет никакого «верха»
или «низа» объективно. . .

17 а. Мнения философов, II, 11, 5 («О субстанции небосвода»): Анаксимандр:
из смеси горячего и холодного.

18. Мнения философов (Стобей), II, 13, 7 («О субстанции звезд»): Анаксимандр:
колесообразные свалывшиеся сгустки аэра, полные огня, в определенном месте выды-
хающие из устьев пламя.

Там же, II, 15, 6 («О порядке светил»): Анаксимандр, Метродор из Хиоса и Кратет:
выше всех расположено Солнце, за ним — Луна, под ними — неподвижные звезды
и планеты.

Там же, II, 16, 5 («О движении светил»): Анаксимандр: [светила] движимы кругами
и сферами, к которым каждое [светило] прикреплено.

19. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «О небе», 291 a 29; 471, 1: Этот вопрос [о порядке
планет], говорит [Аристотель], «должен рассматриваться на основании астрономических
теорий», поскольку в них даны доказательства относительно порядка планет, их раз-
меров и расстояний. Учение о размерах и расстояниях первым изобрел Анаксимандр,
как сообщает Евдем [«История астрономии», фр. 146 Wehrli], приписывая при этом
открытие [правильного] порядка расположения [планет] пифагорейцам как перво-
открывателям. Размеры и расстояния Солнца и Луны до сих пор устанавливались
исходя из затмений, которые навели на мысль [об этом] (и вполне вероятно, что это
открыл уже Анаксимандр), а [размеры и расстояния] Гермеса [= Меркурия] и Афрод-
иты [= Венеры] — исходя из их соединения с Солнцем и Луной.

20. ПЛИНИЙ. Естественная история, XVIII, 213 [Начало см.: 11 A 18]: [Утрен-
ний заход Плеяд], по Анаксимандру, — на 31-й [день после осеннего равноденствия],

21. Мнения философов, II, 20, 1 («О субстанции Солнца»): Анаксимандр [полагает, что Солнце] — это круг, в двадцать восемь раз больший Земли, подобный колесничному колесу, имеющий полый обод, наполненный огнем, в определенном месте обнаруживающий огонь через устье, словно через трубку-насадку кузнечного меха. Это [отверстие] и есть Солнце.

Там же, II, 21, 1 («О размере Солнца»): Анаксимандр: Солнце равно Земле, а круг, из которого оно имеет отдушину и которым несомо по кругу, в двадцать семь раз больше Земли.

Там же, II, 24, 2 («О затмении Солнца»): Анаксимандр: [затмение происходит], когда устье выдыхания огня закрывается.

22. Мнения философов, II, 25, 1 («О субстанции Луны»): Анаксимандр [полагает, что Луна] — это круг, в девятнадцать раз больший Земли, подобный колесничному колесу, имеющему, как и круг Солнца, полый и наполненный огнем обод, расположенный, как и тот, наклонно и имеющий одну отдушину, словно трубку-насадку кузнечного меха. [Стобей:] Затмения зависят от поворотов колеса.

Там же (Стобей), II, 28, 1 («Об освещении Луны»): Анаксимандр, Ксенофан, Берос [полагают, что] она имеет собственный свет.

Там же, II, 29, 1 («О затмении Луны»): Анаксимандр: когда устье в колесе закупоривается.

23. Мнения философов, III, 3, 1 («О громах, молниях, перунах, престерах и тифонах»): Анаксимандр [полагает, что] все эти [явления] вызываются пневмой; всякий раз, как охваченная со всех сторон густым облаком пневма вырвется наружу благодаря тонкости своих частиц и легкости, разрыв [облака] вызывает грохот, а [образовавшаяся] брешь — просвет на фоне черноты облака.

СЕНЕКА. Естественнаучные вопросы, II, 18: Анаксимандр причину всех [этих метеоявлений] приписал пневме (spiritus). Громы, говорит он, суть звуки [расшибленного облака. Почему они неодинаковы? Потому что и сама пневма неодинакова [по силе]. Почему [случается, что] и в ведро громыхает? Потому что и тогда тоже через плотно-густой аэр [=облачный туман], разорвав его, прорывается пневма. А почему иной раз гремит, но без вспышки? Потому что пневма послабее: на пламя у нее не хватило силы, на звук хватило. Что же в таком случае есть вспышка молнии (fulguratio) как таковая? Колебательное движение аэра [=облачного воздуха], который то растягивается, то [снова] собирается в кучу, обнаруживая [на мгновение через просветы] вялый огонь, который не успеет выйти наружу. Что есть перун (fulmen)? Струя более напористой и плотнее сжатой пневмы, [прорвавшей облачную оболочку].

24. Мнения философов (Псевдо-Плутарх) III, 7, 1 («О ветрах»): Анаксимандр: ветер есть ток [~ струя] воздуха, тончайшие и наиболее влажные частицы которого приводятся в движение или расплавляются Солнцем.

25. Мнения философов (Псевдо-Плутарх), III, 10, 2 («О форме Земли»): Анаксимандр: Земля схожа с барабаном каменной колонны; из плоских поверхностей * * * [продолжение сохранилось у Ипполита: А 11, § 3].

26. АРИСТОТЕЛЬ. О небе, В 13. 295 б 10: [Причина неподвижности Земли]. Но есть и такие, кто полагает, что Земля покоится вследствие «симметрии» [досл. «равенства», ὁμοιότης], как, например, из старинных [философов] Анаксимандр. По их мнению, тому, что помещено в центре и равноудалено от всех крайних точек, ничуть не более надлежит двигаться вверх, нежели вниз или в боковые стороны. Но одновре-

менно двигаться в противоположных направлениях невозможно, поэтому оно по необходимости должно покоиться. Эта теория остроумна, но не верна.

ТЕОН СМИРНСКИЙ, с. 198, 18 Hiller [через Дэркиллида из Евдема «История астрономии», фр. 145 Wehrli]: Анаксимандр полагает, что Земля — парящее тело и движется [sic] вокруг центра космоса.

27. *АРИСТОТЕЛЬ. Метеорология, В 1. 353 а 34: [Природа и происхождение моря]. Жившие в старину и занимавшиеся богословием полагают, что у моря есть «истoki» — это дает им возможность говорить о началах и «корнях» земли и моря [ср.: ГЕСИОД. Теогония, ст. 738, 807 сл.]. Вероятно, они думали [тем самым] придать величественности и внушающего благоговейный трепет великолепия предмету нашего обожжения, полагая, что земля и вода составляют громадную часть Вселенной. Остальная же часть Вселенной [букв. «Неба»] образовалась вокруг этого [= околосемного] места и ради него, поскольку-де оно всего ценнее и первоначало.

Там же. 353 в 5: Те ж, кто мудрее в мудрости человеческой, полагают, что море возникло. По их мнению, все околосемное пространство первоначально было жидким; осушаемое Солнцем, оно испарило часть [влаги], произведя ветры и [вызвав] повороты Солнца и Луны, а оставшаяся часть есть море. Поэтому они полагают, что, высыхая, море становится все меньше и в конце концов некогда все будет сухим. *Ср.: Там же, II, 2, 355 а 22: . . . Для утверждающих, что первоначально даже земля была жидкой, и вследствие того, что Солнце нагревало околосемное пространство (*χόσμος*), возник воздух и увеличилось [в объеме] все Небо, воздух же вызвал ветры и повороты Солнца.

АЛЕКСАНДР АФРОД. Комм. к «Метеорологии» 353 в 6; с. 67, 3: Одни из них полагают море остатком первичной влаги. По их мнению, околосемное пространство было жидким, затем Солнце испарило часть влаги, и из нее произошли ветры и повороты Солнца и Луны — поскольку-де Солнце и Луна также совершают свои повороты вследствие этих паров и испарений, т. е. вокруг тех мест, где имеются обильные запасы влаги для их [питания], а та ее часть, которая осталась во впадинах Земли, есть море. Поэтому-де осушаемое Солнцем море становится все меньше и в конце концов будет некогда сухим. Этого мнения, как сообщает Теофраст [Физические мнения, фр. 23], держались Анаксимандр и Диоген.

Мнения философов (Псевдо-Плутарх), III, 16, 1 («О море: как оно образовалось и чем объясняется его горький вкус»): Анаксимандр говорит, что море — остаток первичной влаги, большую часть которой осушил огонь, а оставшаяся часть изменилась [в горько-соленую] вследствие обжига.

28. АММИАН МАРЦЕЛЛИН. XVII, 7, 12: [Древние теории землетрясений]. Анаксимандр говорит, что, высыхая от чрезмерной сухости зноя или [пропитываясь] влагой после ливней, земля разверзает огромные трещины, в которые проникает горный воздух, неготовый и чрезмерный, и, сотрясенная через эти [трещины] яростной цневмой (*spiritus*), она колеблется в своих основаниях. Поэтому ужасы такого рода случаются либо во времена душливого зноя, либо от чрезмерного пролития небесных вод.

29. ФЕОДОР ИТ. Лечение эллипских недугов, V, 18 (Dox. 387): Анаксимен, Анаксимандр, Анаксагор и Архелай полагали, что природа души воздушна.

30. Мнения философов (Псевдо-Плутарх), V, 19, 4 («О происхождении животных. . .»): Анаксимандр: первые животные были рождены во влаге, заключенные внутри иглистой скорлупы; с возрастом они стали выходить на сушу и, после того как скорлупа лопнула и облупилась, они прожили еще недолгое время.

ЦЕНЗОРИН. О дне рождения, 4, 7: По мнению Анаксимандра Милетского, из пагретой воды с землей возникли то ли рыбы, то ли чрезвычайно похожие на рыб животные; в них сложились люди, причем [человеческие] детеныши удерживались внутри [утробы рыбоподобных существ] вплоть до [достижения] зрелости: лишь тогда те лояли, и мужчины и женщины, уже способные прокормить себя, вышли наружу.

ПЛУТАРХ. Застольные вопросы, VIII, 8, 4; 730 D—F: [Параллели к пифагорейскому запрету на жертвоприношение и вкушение рыбы]. Жрецы Посейдона в Лептисе, которых мы называем иеромнемонами, рыбы не вкушают, ибо сей бог именуется Рождающим. Потомки же древнего Эллина приносят жертвы и Посейдону Отчородному, полагая, подобно сирийцам, что человек произрос из влажного естества; а потому и почитают рыбу как своего родственника и молочного брата. В этом они философствуют сообразнее Анаксимандра: ведь по его высказываниям, [дело обстоит] не так, что рыбы и люди [зародились] в одной и той же [стихии], но что люди первоначально зародились внутри рыб; были вскормлены подобно акулам и только после того, как оказались в состоянии прийти на помощь самим себе, вышли наружу и достигли земли. По словам того, кто вставил в творения Гесиода [поэму] «Свадьба Кейка» [фр. 267 Merkelbach—West], огонь пожирал лео, из которого возгорелся, сущий ему матерью и отцом. Так и Анаксимандр, объявив рыбу общим отцом и матерью людей, отвратил их от поедания [ее].

В. ФРАГМЕНТЫ

1. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 24, 17 (ср. А 9): . . . некую иную бесконечную природу, из которой рождаются все небосводы и заключенные в них космосы. «А из каких [начал] вещам рождение, в те же самые и гибель совершается по роковой задолженности, ибо они выплачивают друг другу правозаконное возмещение неправды [=ущерба] в назначенный срок времени», как он сам говорит об этом довольно поэтическими словами.

*1 а. Парафразы фрагмента В 1: **ГЕРАКЛИТ-АЛЛЕГОРИСТ.** Гомеровские вопросы, 22, 10: Все, что возникает из каких-либо [элементов], в них же и разлагается при уничтожении, как если бы природа взыскивала под конец те долги, которые она осудила в начале.

ФИЛОН АЛЕКС. О потомстве Каина, 5: При разложении трупов на элементы доли [каждого элемента] снова выделяются в те стихии Вселенной, из которых они [=живые существа] образовались: каждый возвращает одолженную ему осуду природе-заимодавцу в неравные [для различных существ] сроки, когда ей будет угодно взыскать причитающиеся ей долги.

ИОАНН ЛИДИЙСКИЙ. О месяцах, IV, 40; стр. 97, 20 Wünsch: Древние сжигали тела мертвых, превращая их в эфир вместе с душой: подобно тому, как душа огненна и стремится вверх, так тело — тяжелое, холодное и клонится вниз. Стало быть, они думали, что истребляют самый образ тела огненным очищением. Неверно воззрение Анаксимандра, который утверждал, что эта Вселенная произошла из огня, и что-де поэту древние предавали тела огню, или воззрение стоиков, по которому [древние] ожидали мирового пожара (экспрозы) и потому, мол, испекаляли мертвых. Ведь подобное разложение тел на элементы [т. е. кремация] намного древнее философских учений. [См. также ГИППОКРАТ. О природе человека, 3].

2. ИППОЛИТ. Опровержение всех ересей, I, 6, 1 [=А 11]: . . . Некая природа

бесконечного, из которой рождаются небоводды и [находящиеся] в них коомосы; она вечна и нестареющая и объемлет [~ содержит в себе] все небоводды. Ср. А 9.

3. АРИСТОТЕЛЬ. О небе, Г 5. 303 b 12=A 16.

4. Мнения философов, II, 20, 1; II, 25, 1 [=A 21—22]: [Колеса Солнца и Луны выдыхают через устья огонь], словно через трубку-насадку кузнечного меха.

5. Мнения философов, III, 10, 2 [=A 25, ср. А 11, § 3]: Земля схожа с барабаном каменной колонны. [Аутентичен также термин *φλοιός*, обозначающий как «скорлупу» [кожу] первых животных [А 30], так и «кору» мирового зародыша [А 10].

*Dubia

1. ОЛИМПИОДОР. О священном искусстве философского камня, гл. 25; Coll. alch. gr. т. III, с. 83 Berthelot: Анаксимандр полагал началом промежуточное вещество (*σόμεταξίον*). Под промежуточным веществом я разумею пар или дым, так как пар есть нечто промежуточное между огнем и землей. Вообще все промежуточное между горячими и жидкими [веществами] есть пар, а между горячими и сухими — дым.

Там же, гл. 27, с. 84: И Анаксимандр принимал промежуточное вещество, то есть дым или пар.

2. АРИСТОТЕЛЬ. О небе, 284 а 2 («древние и отеческие воззрения» о непрекращающемся и «объемлющем» движении неба): см. гл. 24, Dubia.

3. ТЕ РАСТ. Об огне, §§ 3—4: Пламя как бы постоянно находится в возникновении и подобно движению. Возникая, оно в то же время погибает, а когда кончается горючее, то погибает и сам огонь. Именно это имели в виду древние, когда говорили, что «огонь всегда ищет пищу» — в том смысле, что без дров он не может существовать.

4. АХИЛЛ. Введение к «Феномена м» Арата, 4. с. 34, 3—12 Maass: То, что земля остается неподвижной, поясняют на следующем примере. Если в надувной пузырь положить просяное зерно или зернышко чечевицы, а затем надуть его и наполнить воздухом, то зернышко окажется неподвижным во взвешенном состоянии в центре пузыря; так и земля, испытывая толчки воздуха со всех сторон, пребывает неподвижно в состоянии равновесия в центре [космоса]. Или другой пример: если взять некое тело, привязать к нему со всех сторон {с обеих сторон} веревки, и дать кому-то тянуть, соблюдая точное равновесие, то окажется, что, когда его равномерно тянут во все стороны, оно остается неподвижным. Ксенофан, однако, отрицает, что земля парит в воздухе и т. д. [следует 21 В 28]. Ср. 12 А 26.

5. ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ. Историческая библиотека, I, 7, 1: [По мнению «авторитетнейших физиологов», признающих космос возникшим и уничтожимым], при изначальном образовании всего земля и небо имели единый облик, поскольку естество их было смешано. Затем, после того как тела [=элементы] отделились одно от другого, космос воспринял все ныне видимое в нем устройство. При этом воздух приобрел непрерывное движение, причем огнистая часть его стеклась в самые горние места, поскольку подобной природе в силу легкости свойственно устремляться вверх, (по этой причине Солнце и прочее множество светил были вовлечены во всеобщий вихрь), а илстая и мутная [часть] в сочетании с жидкой консистенцией осела в одно и то же место в силу тяжести. (2) Непрерывно вращаясь вокруг своей оси и сбиваясь в комок, она произвела из жидких [частиц] море, а из более твердых — землю, [поначалу] грязеобразную и совершенно мягкую. (3) Когда же в осиял огонь солнца, земля

сперва затвердела, а затем, поскольку от нагревания поверхность [ее] забродила, некоторые из влажных веществ во многих местах вздулись [пузырями], в этих местах возникли гнильцы, покрытые тонкими оболочками, что и теперь еще наблюдается в топях и болотистых местах, когда после охлаждения местности воздух внезапно, а не путем постепенного изменения становится раскаленным. (4) Как только влажные вещества стали живородить от нагревания указанным образом, [гнильцы] начали по ночам получать пищу из тумана [в виде росы], выпадающей из окружающего [воздуха], а днем отвердевать от жара. Наконец, когда утробные зародыши, вынашиваемые [в гнильцах-пузырях], выросли до зрелого состояния, обожженные оболочки растрескались и произошли всевозможные породы животных.

13. АНАКСИМЕН

А. СВИДЕТЕЛЬСТВА О ЖИЗНИ И УЧЕНИИ

1. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, II, 3: Анаксимен, сын Эвристрата, Милетец, был слушателем Анаксимандра (некоторые говорят, что он слушал и Парменида). Он считал началом воздух и бесконечное (τὸ ἄπειρον). Светила, по его мнению, движутся не под Землей, но вокруг Земли.

Писал на ионийском диалекте, слогом простым и безыскусственным. Был [в расцвете], как говорит Аполлодор [FGrHist 244 F 66], во время взятия Сард [546 г. до н. э.], скончался в шестьдесят третью олимпиаду [528—525 гг. до н. э.].

Было еще два Анаксимена, оба из Лампсака, ритор и историк. . . [следуют два подложных письма Анаксимена к Пифагору].

2. СУДА, под словом «Анаксимен»: Анаксимен, сын Эвристрата, Милетец; ученик и преемник Анаксимандра Милетского, а по словам других — также и Парменида. Был [в расцвете] в 55-ю олимпиаду [560—557 гг. до н. э.], во время взятия Сард, когда Кир Персидский низверг Креза [546/545 г. до н. э.].

3. ЕВСЕВИЙ. Хроника (в 4-й год 55-й олимпиады=557/556 г.): Анаксимен-физик достиг известности.

4. АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, А 3. 984 а 1: [Контекст см.: 11 А 12]. Фалес, как передают, так высказалась о первой причине . . . (984 а 5) Анаксимен же и Диоген воздух полагают первичным по отношению к воде и высшим началом из числа простых тел [=4 элементов]. Ср. 13 В 2.

5. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 24, 26=ТЕОФРАСТ. Физические мнения, фр. 2 Diels: Анаксимен, сын Эвристрата, милетец, который был учеником Анаксимандра, так же, как и он, полагает, что субстратная естественная субстанция одна и бесконечна, но в отличие от него [считает ее] не неопределенной, а [конкретно-]определенной, полагая ее воздухом. Сущностные различия он свел к разреженности и плотности. Разрежаясь [воздух] становится огнем, сгущаясь — ветром, потом облаком, [сгустившись] еще больше — водой, потом землей, потом камнями, а из них — все остальное. Движение он, так же [как и Анаксимандр], полагает вечным и считает его причиной изменения.

Там же, 22, 9: Следует обратить внимание на то, что одно дело — бесконечное и конечное по множеству (это [понятие бесконечного] было свойственно полагающим множество начал), другое дело — бесконечное или конечное по [протяженной] величине (ἄπειρον κατὰ μέγεθος): это [понятие] он [Аристотель] исследует в полемике против

Мелисса и Парменида, оно подходит также и к Анаксимандру с Анаксименом, принявшим один, но при этом бесконечный по [протяженной] величине элемент.

Там же, 149, 28 [В комментируемом пассаже — 187 а 12 — Аристотель приписывает учение о «сгущении и разрежении» всем материальным монистам, ср. 12 А 16]: Одни порождают остальные [тела] из материального Одного, [дифференцируя его] разреженностью и плотностью. Так, Анаксимен говорит, что, разрежаясь, воздух становится огнем, сгущаясь — ветром, потом — облаком, потом, [сгустившись] еще больше, — водой, потом землей, потом камнями, а из них — все остальное. Теофраст в «[Естественной] истории» приписал разрежение (*μάωσις*) и сгущение (*πύχνωσις*) одному только ему. Ясно, однако, что и другие также пользовались разреженностью и плотностью: ведь Аристотель обо всех них вместе сказал, что они «порождают остальные [тела] плотностью и разреженностью, производя множество».

6. ПСЕВДО-ПЛУТАРХ. Строматы, 3: Сообщают, что Анаксимен полагал началом всех вещей воздух. По протяженной величине он бесконечен, а по своим качествам определен. Все вещи рождаются путем некоего сгущения (*πύχνωσις*) и, наоборот, разрежения (*ἀραιώσις*) воздуха. Что касается движения, то оно существует испокон веку. Он говорит, что в процессе «валяния» [из] воздуха первой возникла Земля, весьма плоская, а потому вполне естественно, что она плавает по воздуху. И Солнце, и Луна, и прочие звезды берут начало и происходят из Земли. Так, он утверждает, что Солнце — это Земля, но только от стремительного движения она еще и презрительно нагрелась.

7. ИШПОЛИТ. Опровержение всех ересей, I, 7, 1: Анаксимен, тоже милетец, сын Эвристрата, полагал, что начало — бесконечный воздух (*ἀήρ ἄπειρος*), из которого рождается то, что есть, что было и что будет, а также боги и божественные существа, а [все] прочие [вещи] — от его потомков. (2) Свойство (*εἶδος*) воздуха таково: когда он предельно ровен [уравновешен, однородно-усреднен, *ἄμαλβος*], то не-явлен взору, а обнаруживает себя, [когда становится] холодным, теплым, сырым и движущимся. Двигается же он всегда, ибо если бы он не двигался, то все, что изменяется, не изменялось бы. (3) Сгущаясь и разрежаясь, [воздух] приобретает видимые различия. Так, растекшись [~ рассеявшись] до более разреженного состояния, он становится огнем; в нейтральном [букв. «среднем, промежуточном»] состоянии возвращается к [природе] воздуха; по мере сгущения из воздуха путем «валяния» образуется облако, сгустившись еще больше, [он становится] водой, еще больше — землей, а достигнув предельной плотности — камнями. Таким образом, важнейшие [принципы] возникновения — противоположности: горячее и холодное. (4) Земля плоская и оседлала воздух; равным образом и Солнце, и Луна и прочие звезды — все состоящие из огня — плавают по воздуху [собств. «ездят верхом»] вследствие плоской формы. (5) Светила произошли из Земли вследствие того, что из нее вздымается испарина; когда испарина разрежается, рождается огонь, а из возносящегося вверх огня сгущаются светила. В пространстве светил имеются также землистые образования, которые круговращаются вместе с ними. (6) Светила, по его словам, движутся не под Землей, как полагали другие, а вокруг Земли, как если бы вокруг нашей головы поворачивалась войлочная шапочка. Солнце прячется не потому, что заходит под Землю, но потому, что скрывается за более высокими сторонами Земли, <зима же происходит> от того, что оно удаляется от нас на большее расстояние. Звезды не греют из-за удаленности на большее расстояние. (7) Ветры рождаются, когда чрезмерно сжатый воздух в результате разрежения приходит в стремительное движение. Когда он скучится и загустеет еще больше, то рож-

даются облака, [которые] затем превращаются в воду. Град бывает, когда выпадающая из облаков вода замерзнет, снег — когда замерзнут сами облака, будучи при этом обильнее пропитаны влагой. (8) Молния — когда облака расщепляются силой воздушных потоков, ибо при их расщеплении возникает яркое огненное сияние. Радуга рождается от того, что солнечные лучи падают на загустевший воздух, землетрясение — от изменений земли, вызываемых избыточным нагревом и охлаждением. (9) Таковы воззрения Анаксимена. Он был в расцвете в первый год пятьдесят восьмой олимпиады [548/547 г. до н. э.].

8. ГЕРМИЙ. Осмеяние языческих философов, 7: Но стоит мне только подумать, что теперь у меня есть непоколебимый догмат, как встрянет Анаксимен и завопит наперекор [Пармениду]: «А я говорю тебе: все есть воздух! Сгущаясь и сплываясь, он становится водой и землей, разрежаясь и рассеиваясь — эфиром и огнем, а вернувшись к своей природе — [снова] воздухом». «Разрежением, — говорит, — и сгущением изменяется». Ну я заново подлаживаюсь к этому [учению] и чувствую склонность к Анаксимену.

9. ЦИЦЕРОН. Учения академиков, II, 37, 118 [после 12 А 13]: Затем его [Анаксимандра] слушатель Анаксимен [полагал, что источник происхождения всех вещей] — бесконечный [~ неопределенный] воздух, тогда как вещи, которые из него возникают, конечны [~ определенно-конкретны, definita], рождаются же [из него сначала] земля, вода и огонь, а затем из этих [элементов] все [остальное].

10. ЦИЦЕРОН. О природе богов, I, 10, 26: Затем Анаксимен полагал, что воздух — бог, что он рождается, неизмерим и бесконечен и всегда в движении. Как будто лишенный какой бы то ни было формы, воздух может быть богом, в то время как богу особенно подобает обладать не только каким-нибудь, а наипрекраснейшим образом, и как будто бы все, что родилось, не обречено на смерть! [следует 59 А 48].

АВГУСТИН. О Граде Божиим, VIII, 2: Сей [=Анаксимандр] оставил в качестве ученика и преемника Анаксимена, который все причины вещей видел в бесконечном воздухе, но и богов не отрицал и не замалчивал; только он полагал, что не ими сотворен воздух, но сами они возникли из воздуха.

Мнения философов (Стобей), I, 7, 13 («Что есть бог?»): Анаксимен: воздух. {Под такими выражениями следует подразумевать силы, пронизывающие элементы или тела.}

*ФИЛОДЕМ. О благочестии, с. 3^d (с. 65 G=Dox. 531): .Полага^{ет}. . . воздух бог^{ом}», который призна^{ется}. . . лиш^{ен}н^{ым} о^щущения, <из которого все>, что возник^{ло}, что возникает и <что буд^{ет} и. . . Ср. 13 А 7, § 1.

11. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 1121, 12: [Начало см. 12 А 17] Один космос, и причем возникший и уничтожимый, полагают те, кто говорят, что космос есть всегда, но не всегда один и тот же, а через определенные периоды времени становящийся то таким, то другим, как [полагали] Анаксимен, Гераклит, Диоген и впоследствии стоики.

12. Мнения философов, II, 2, 4=ФЕОДОР ИТ. Лечение эллинских недугов, IV, 16: Одни [полагают, что космос] крутится подобно мельничному жернову, другие — как колесо.

13. Мнения философов (Стобей), II, 11, 1 («О субстанции неба»): Анаксимен и Парменид [28 А 37] полагают, что небо — это вращающийся свод, максимально удаленный [досл. «самый внешний относительно»] от Земли.

14. Мнения философов (Стобей), II, 13, 10 («О субстанции звезд, блуждающих и неподвижных»): Анаксимен: звезды огненной природы, но включают также и некоторое число земляных тел, которые круговращаются вместе с ними, [оставаясь] невидимыми.

Там же, II, 14, 3 («О форме звезд»): Анаксимен: звезды прибиты к ледообразному своду (τὸ χρυσταλλοειδές) наподобие гвоздей. [В редакции Псевдо-Плутарха добавлено:] А некоторые [считают, что звезды] — огненные листья, наподобие рисунков.

*АХИЛЛ. Введение к «Феноменам» Арата, с. 40, 20 Maass: Некоторые [считают, что звезды] подобны листьям из огня; они не имеют глубины, но [плоские] словно рисунки.

Мнения философов, II, 16, 6 («О движении звезд»): По мнению Анаксимена, звезды вращаются не под Землей, а вокруг нее.

АРИСТОТЕЛЬ. Метеорология, В 1. 354 а 28: Многие из старинных исследователей небесных явлений (метеорологов) были убеждены в том, что Солнце движется не под Землей, но вокруг Земли и этого [=подлунного] места, а исчезает и творит ночь от того, что на севере Земля возвышается.

Мнения философов, II, 19, 1—2: («Об астрономических приметах и как происходит смена зимы и лета»): Платон: как летние, так и зимние эписемасии обусловлены восходами и заходами светил — {Солнца, Луны, а также остальных планет и неподвижных звезд}. Анаксимен: эписемасии обусловлены только Солнцем.

14 а. ПЛИНИЙ. Естественная история, II, 186: Так получается, что в силу различного прироста дневного времени, в Мероэ самый длинный день содержит 12 равноденственных часов и восемь девятых одного часа, в Александрии — 14 часов, в Италии — 15, в Британии — 17. . . (187) Эту науку о тенях — «гномонику», как ее называют, — изобрел Анаксимен Милетский, ученик того Анаксимандра, о котором мы говорили выше [см. 12 А 5], и первым продемонстрировал в Лакедемонне часы (hologium), именуемые скиотерическими.

15. Мнения философов (Стобей), II, 20, 2 («О субстанции Солнца»): Анаксимен утверждал, что Солнце — из огня.

Там же, II, 22, 1 («О форме Солнца»): Анаксимен: Солнце плоское, как лист.

Там же, II, 23, 1 («О солнцеворотах»): Анаксимен: светила совершают повороты, отбрасываемые вспять сжатым и сопротивляющимся воздухом.

16. ТЕОН СМИРНСКИЙ, с. 198, 14 Hiller (из Деркиллида): Евдем в «Истории астрономии» [фр. 145 Wehrli] сообщает, что Энопид первым [см. 41, 7] открыл.

а Анаксимен — что Луна получает свет от Солнца и каким образом она затмевается.

Мнения философов (Стобей), II, 25, 2 («О субстанции Луны»): Анаксимен: Луна — из огня.

17. Мнения философов (Стобей), III, 3, 2 («О громах, молниях. . .», см. 12 А 23): Анаксимен: то же, что Анаксимандр, добавляя сравнение с морем, которое поблескивает, рассекаемое веслами.

*СЕНЕКА. Естественнонаучные вопросы, II, 17: Некоторые полагают, что сама пневма, проходя через холодную и влажную среду, издает звук. Ибо и раскаленное железо не беззвучно погружается в воду. Но подобно тому как раскаленная глыба, погружаясь в воду, гаснет с громким шипением, так, говорит Анаксимен, и пневма, попадая в облака, издает звуки грома, и, покидая она прорывается через сопротивляющиеся и разорванное [ею облако], сам бег ее воспламеняет огонь.

Мнения философов, III, 4, 1: Анаксимен: облака возникают, когда воздух делается более тучным [~ загустевшим], когда ж он скопится еще больше, выжимаются ливни;

град — всякий раз, как падающая вода замерзнет, снег — когда во влаге содержится немного пневмы.

18. Мнения философов (Псевдо-Плутарх), III, 5, 10: Анаксимен: радуга образуется путем отражения Солнца на плотном, гучном и темном облаке оттого, что лучи, которые на нем скапливаются, не могут пронзить его насквозь и выйти с противоположной стороны.

Схолии к АРАТУ, с. 515, 27 Маасс (из Посидония): Анаксимен говорит, что радуга образуется всякий раз, как лучи Солнца наткнутся на гучный и плотный воздух. От этого передняя часть его, прожигаемая лучами, кажется красной, а [задняя] — темной, поскольку в ней преобладает влага. По его словам, ночью тоже бывает радуга — от Луны, но не часто, поскольку полнолуние — не всегда, а свет Луны слабее света Солнца.

19. ГАЛЕН. Комм. к «О соках» Гиппократата, III; vol. XVI, 395 Kühn (из Посидония): Анаксимен же склоняется к тому, что ветры рождаются из воды и воздуха и в некоем неведомом порыве несутся яростно и летят, словно птицы, с величайшей быстротой.

20. Мнения философов (Псевдо-Плутарх), III, 10, 3 («О форме Земли»): Анаксимен: [Земля] столообразна.

АРИСТОТЕЛЬ. О небе, II, 13. 294 b 13: Анаксимен, Анаксагор и Демокрит [фр. 376 Лурье] причиной неподвижности Земли считают ее плоскую форму. Благодаря ей, дескать, Земля не рассекает находящийся под ней воздух, а запирает его; наблюдение показывает, что это свойство плоских тел вообще (кроме того, плоские тела благодаря упору обладают устойчивостью и выдерживают напоры ветра). Таким же точно образом, по их словам, Земля запирает своей плоской поверхностью лежащий под ней воздух, а он, лишенный пространства, достаточного для перемещения, остается неподвижен всем своим подземным скопом — нечто подобное происходит с водой в клепсидрах. *При этом они приводят много фактов, доказывающих, что запертый и неподвижный воздух способен выдерживать большую тяжесть.

Мнения философов (Псевдо-Плутарх), III, 15, 8: Анаксимен: [Земля] плавает [«сидит верхом»] на воздухе вследствие плоской формы.

21. АРИСТОТЕЛЬ. Метеорология, В 7. 365 b 6: Анаксимен говорит, что, намокая от дождей и пересыхая, земля дает трещины и сотрясается отколовшимися [горными] вершинами, которые проваливаются в [расселины]. Потому-де землетрясения и случаются в пору засух, а также в пору ливней: в пору засух, как сказано, земля дает трещины от пересыхания, а от вод намокает сверх меры и разваливается.

Мнения философов (Псевдо-Плутарх), III, 15, 3: Анаксимен причиной землетрясения считает сухость и влажность земли: первую производят засухи, вторую — ливни.

*СЕНЕКА. Естественнаучные вопросы, VI, 10, 1: Анаксимен говорит, что земля — сама себе причина колебания, и то, что ее толкает, врывается не извне, но внутрь нее и, [отделившись] от нее же самой, проваливаются некие ее части, которые либо влага отрешила, либо огонь выел, либо ветер выбил в яростном неистовстве. Но и когда они [= вода, огонь и ветер] унимаются, по его мнению, нет недостатка в причинах, по которым [от земли] нечто отваливалось бы и отрывалось. Ибо, прежде всего все рухнет от ветхости, и нет ничего, что было бы защищено от старости. Сия даже твердое и великой крепостью наделенное изнуряет. И подобно тому как в старых зданиях некоторые части и без удара отваливаются, когда весу в них больше, чем проч-

ности, так (2) и в этом совокупном теле земли случается, что части его от ветхости отрешаются, отрешившись, падают и причиняют тому, что расположено выше, трус: во-первых, пока отваливаются (ибо ни одна, тем более крупная, часть не может оторваться от того, с чем она сцеплена, без колебания последнего), а во-вторых, когда упавши и уткнувшись в твердое [основание], отскакивают словно мяч, который, упав, подпрыгивает и ударяется многократно: столько новых порывов сообщает ему один-единственный [изначальный]. Если ж они свалятся в затопленное водой место, то само это падение потрясает окрестности громадной волной, которую внезапным ударом с высоты выбрасывает тяжесть.

22. ГАЛЕН. Комм. к «О природе человека» Гиппократ, XV, 25 К.: Ибо я вовсе не считаю ни того, что человек — воздух, как [полагает] Анаксимен. . .

23. ФИЛОПОН. Комм. к «О душе» Аристотеля, с. 9, 9: Другие [полагают душу] воздушной, как, например, Анаксимен и кое-кто из стойков.

*Мнения философов (Стобей), IV, 3, 2: Анаксимен, Анаксагор, Архелай, Диоген: [душа] воздухообразна. Ср. 13 В 2; ПЛАТОН. Федон, 96 b 4.

В. ФРАГМЕНТЫ

1. ПЛУТАРХ. О первичном холоде, 7. 947 D: *Коль скоро во Вселенной имеются четыре первичных тела (огонь, вода, воздух и земля), которые вследствие их обилия, простоты и силы большинство полагает элементами и началами остальных [тел], необходимо, чтобы и первичных и простых качеств имелось бы столько же. Что ж это за качества, как не теплота, холодность, сухость и влажность*. . . (947 F) Или же, как думал древний Анаксимен, нам не следует признавать субстанциальности ни за холодным, ни за горячим, но [должно рассматривать их] как переменные состояния (πάθη) общей материи, возникающие вторично от изменений [субстрата]? Холодным он считает сжимающуюся и уплотняющуюся часть материи, а горячим — разреженную и «расслабленную» (τὸ χαλαρόν), — таким термином он ее назвал. Потому-де и не без основания говорится, что человек испускает изо рта как теплое, так и холодное: сжатое и сгущенное губами дыхание охлаждается, когда же рот расслаблен, оно становится теплым на выходе от разреженности. Аристотель считает это [сравнение] Анаксимена недоразумением: ведь когда рот расслаблен, то тепло выдыхается из нас самих, когда же мы подуем, свернув губы [трубочкой], то выталкивается и бьет [струей] уже [воздух] не из нас, а находящийся перед ртом, а он холодный.

2. Мнения философов, I, 3, 4 («О началах»): Анаксимен, сын Эвристрата, милетец, утверждал, что начало сущих — воздух, ибо из него все рождается и в него вновь разлагается. «Как душа наша, — говорит он, — сущая воздухом, скрепляет нас воедино, так дыхание и воздух объемлют весь космос» («воздух» и «дыхание» [здесь] употребляются синонимически). Он так же, [как Анаксимаандр: см. 12 А 14], ошибается, полагая, что животные состоят из простого и однородного воздуха или пневмы, ибо не может существовать одно начало всех вещей — материя, но необходимо принять также и творящую причину. Так, [одного] серебра недостаточно для того, чтобы оно стало кубком, если нет творящей причины, т. е. серебряных дел мастера; то же самое справедливо и для меди, и для дерева, и для [любого] другого материала.

2 а. Мнения философов, II, 22, 1 [=А 15, ср. А 14]: Солнце плоское, как лист.

Dubia

3. ОЛИМПИОДОР-АЛХИМИК. О священном искусстве философского камня, гл. 25: Одним, движущимся, бесконечным началом всех вещей Анаксимен полагает воздух. Он говорит так: «Воздух близок к бестелесному, и поскольку мы рождаемся вследствие его истечения, то он по необходимости должен быть безграничным (ἄπειρος) и изобильным, дабы никогда не иссякать».

*4. СТОБЕЙ, II, 8, 17 («Изречение Анаксимена») о Случае): см. АНАКСАГОР, В 27.

*5. АХИЛЛ. Введение, с. 32, 1—4 Maass (после Фалеса и Ферекида): Гераклит говорит, что сначала возник огонь. А некоторые [Анаксимен?] говорят, что сначала возникла земля [ср. 13 А 6]; от сжатия и сжатия она зажгла огонь, испустила воду, распространила воздух.

13^а. ГЕКАТЕЙ МИЛЕТСКИЙ

СВИДЕТЕЛЬСТВА

1 Т 1 FGGrHist. СУДА: Гекатей, сын Гегесандра, Милетец. Жил во времена Дария, царствовавшего после Камбиса, в одно время с Дионисием Милетским, в 65-ю олимпиаду [520—516 гг. до н. э.], историкограф. От него зависит Геродот Галикарнасский, который жил позже. Гекатей был учеником Протагора. Он первым обнаружил историю в прозе, а прозаическое сочинение — Ферекид (книги Акусилая считаются неподлинными).

Т 2. СУДА, под словом «Гелланик»: Гелланик [читай «Гекатей»] Милетский, историк. [Написал] «Землеописание» и «Историю».

Т 3. СТРАБОН, XIV, 1, 7: Из достопамятных мужей в Милете родились Фалес . . . ученик Фалеса Анаксимандр и ученик Анаксимандра Анаксимен, а также Гекатей, сочинивший «Историю».

Т 4. (= F 300). ГЕРОДОТ, II, 143: Логографу Гекатею, который в прежние времена, находясь в [египетских] Фивах, рассказал [жрецам] свою генеалогию и возвел свое происхождение по мужской линии в шестнадцатом поколении к богу, жрецы Зевса [= Амуна] ответили так же, как и мне, даром что я им своей генеалогии не рассказывал [см. далее рус. пер. Геродота].

Т 5—6. ГЕРОДОТ, V, 36. 124—125. [Участие Гекатея в событиях Ионийского восстания 500/499 г.; см. рус. пер. Геродота].

Т 8. ЭЛИАН. Пестрая история, 13, 20: Уроженец Мегалополя из Аркадии по имени Керкид, умирая, говорил расстроенным родственникам, что уходит из жизни с радостью, так как надеется встретиться [на том свете] из философов — с Пифагором, из историков — с Гекатеем, из музыкантов — с Олимпом, из поэтов — с Гомером. Засим, по преданию, он испустил дух.

Т 11 (а). СТРАБОН, I, 1, 1: Мы полагаем, что география с полным основанием должна быть отнесена к ведомству философской науки. . . ибо первыми, кто дерзнул заняться ею, были люди такого склада: Гомер, Анаксимандр Милетский и его согражданин Гекатей (как говорит Эратосфен), Демокрит, Евдокс, Дикеарх, Эфор и многие другие, а также последующие [географы] Эратосфен, Полибий и Посидоний — все они были философами. [Т 11 (b) и Т 12 (a), (b) о Гекатее-географе см.: АНАКСИМАНДР, А 6].

Т 13. СТРАБОН, VII, 3, 6: Нельзя согласиться с тем, что говорит Аполлодор в предисловии ко второй книге «О каталоге кораблей»: он одобрительно отзывается о высказывании Эратосфена, который говорит, что Гомер и другие древние Грецию знают, а относительно дальних стран пребывают в полном невежестве. . . но в случае с Гомером ничего удивительного нет, так как и позднейшие [поэты] многого не знают и чудословят: Гесиод говорит о «полупсах», «великоголовых» и «людях с кулачок» (пигмеях), Алкман — о «верхоногих», Эсхил — о «собакоголовых», «грудооких», «одноглазых» и тьме другого. От поэтов он [Аполлодор] переходит к прозаическим писателям, которые рассказывают про «Рицейские горы», «Огийскую гору», обитель Горгон и Гесперид, Феопомп — про «Мероцийскую землю», Гекатей — про «Киммерийский град», а Эвгемер — про «страну Панхейскую» . . .

Т 16. СТРАБОН, I, 2, 6: . . . Можно сказать, что прозаическая речь, по крайней мере художественно отделанная, есть подражание поэзии. С самого начала на сцену вышел и прославился поэтический жанр словесности. Затем, подражая ему, упразднив размер, но сохранив другие поэтические особенности, писали Кадм, Ферекид и Гекатей и иже с ними. Последующие писатели, постоянно устрояя из прозы остатки поэзии, привели ее к нынешнему виду, словно спустив с некой высоты. Так и комедия, которая образовалась из трагедии, можно сказать, спустилась с трагической высоты к нынешнему так называемому прозаическому виду.

Т 21. ГЕРАКЛИТ, фр. 16 М.: Многознание уму не научает, а не то научило бы Гекатея.

Т 25 (а). ПЛИНИЙ. Естеств. история, I, 4: Содержатся описания стран, народов, морей, городов из писателей . . . иноземных: Полибия, Гекатея, Гелланика, Дамаста, Евдокса. (b) I, 56: . . . иноземных: царя Юбы, Гекатея, Гелланика, Дамаста, Дикеарха. (c) I, 18: содержится описание свойств плодов. . . из писателей . . . иноземных. . . Фалеса, Евдокса, Филиппа, Калиппа, Досифея, Пармениска, Метона, Критона, Энопида, Копона, Евктемона, Гарпала, Гекатея, Анаксимандра, Сосигена, Гишпарха, Арата. .

ФРАГМЕНТЫ

Из «Генеалогий» (иначе «Историй» или «Героологий»)

Г 1 (а). ДЕМЕТРИЙ. О стиле, 12: Вот пример [непериодического] стиля: «Так говорит Гекатей Милетский: я пишу это так, как мне представляется истинным, ибо рассказы эллинов многообразны и смехотворны, как мне кажется».

Г 15. АФИНЕЙ, II, 35 АВ: Гекатей Милетский, по словам которого виноградная лоза была изобретена в Этолии, говорит, в частности, следующее: «Оресфей, сын Девкалиона, пришел в Этолию на царство, и собака его родила стебель, а он велел его зарыть, и из него выросла лоза, обильная гроздьями, поэтому он и назвал своего сына Фитием («Растительным»), а от него родился Ойней, названный так от лозы, ибо древние эллины называли лозы „ойнами“, от Ойнея же родился Этол».

Г 19. Схолии к ЕВРИПИДУ, Орест 872: По преобладающему мнению, Египет не пришел в Аргос, о чем среди прочих пишет и Гекатей в таких словах: «Сам Египет в Аргос не пришел, а только сыновья его, которых, как Гесиод сочинил, было пятьдесят, а как по-моему, то не было и двадцати».

Г 20. Схолии к ДИОНИСИЮ ФРАКИЙСКОМУ, с. 183, 1 Hilgard: Эфор во второй книге и другие считают изобретателем алфавита Кадма. Другие считают, что Кадм не

изобрел, а только передал нам изобретение финикийцев: так сообщают Геродот в «Истории» [V, 58] и Аристотель [фр. 501 R.]. По их словам, финикийцы изобрели алфавит, а Кадм перенес его в Элладу. Пифодор в сочинении «Об алфавите» и Филлис Делосский в «Хронологии» говорят, что еще до Кадма алфавит был перенесен Данаем. Об этом свидетельствуют также милетские писатели Анаксимандр, Дионисий и Гекатей, которых цитирует Аполлодор в «Каталоге кораблей». Некоторые считают изобретателем алфавита Мусея, сына Метиона и Стеропа, который был современником Орфея. Антиклид Афинский приписывает изобретение египтянам. Досиад говорит, что он был изобретен на Крите. Эсхил называет изобретателем Прометея в одноименной драме [ст. 460]. Стесихор во второй книге «Орестей» и Еврипид [фр. 578 N.] считают изобретателем Паламеда, Мнасей — Гермеса. Кто как.

Ф 27. ПАВСАНИЙ, III, 25, 4: Мыс Тенар. . . на мысу стоит храм в виде пещеры и перед ним — статуя Посейдона. (5) Кто-то из греков сочинил, будто Геракл поднял здесь наверх пса Аида, хотя через пещеру нет никакой дороги под землю, и кроме того, нелегко поверить в то, что существует некое подземное жилище богов, в которое собираются души [умерших]. Но Гекатей Милетский «нашел правдоподобное объяснение», (λόγον εἰκότα): по его словам, «на Тенаре выросла ужасная змея, а „псом Аида“ ее прозвали потому, что ужаленного ею ждала немедленная смерть от яда, и вот эту-то змею Геракл и отвел к Эврисфею». (6) Гомер — а он первым назвал существо, приведенное Гераклом, «псом Аида» — не дал ему никакого имени и не присочинил деталей внешнего облика, как в случае с Химерой, а последующие поэты назвали его Кербером и говорят, что у него три головы.

Ф 27 (b). Схолии к Антимаху, Каирский папирус 65741, столб. II, 26 сл., с. 83 Wyss: Гекатей Милетский говорит так: «Думаю я, что змея эта была не такая большая и не огромная, а [просто] пострашней других змей, и поэтому Эврисфей приказал [привести ее], думая, что к ней не подступиться. . .»

Из «Периэгезы» или «Землеописания»

Ф 36. (Карта к «Периэгезе», ср. 12 А 6). АГАФЕМЕР, I, 1: Древние изображали обитаемую землю (ойкумену) круглой, в центре помещали Элладу, а в центре Эллады — Дельфы, так как в них — пуп Земли. Демокрит первым подметил, что Земля продолговата, имея длину в полтора раза больше ширины. С этим согласился и Дикеарх-перипатетик. По мнению Евдокса, длина в два раза больше ширины, по мнению Эратосфена — больше чем в два раза.

(b) ГЕРОДОТ, IV, 36 [после АБАРИС, 2]: Но если существуют некие гипербореицы, то должны быть и гипернотийцы. Со смехом я гляжу на то, как многие уже начертили землеописания [= «карты земли»], а толком никто ничего не разъяснил: они чертят Океан текущим по кругу вокруг Земли, которая кругла словно из-под циркуля, и делают Азию равной Европе. Чуть ниже я покажу, какова величина каждой из них, и какие каждая из них имеет очертания.

Ф 302. (a) ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ, I, 37, 1: Поскольку разливы реки [Нила] вызывают великое недоумение, многие философы и историки брались объяснить его причины. . . (3) Гелланик, Кадм, а также Гекатей и все им подобные (уж очень они допотопные) склонились к баснословным объяснениям. . . (6) Вплоть до момента, когда пишется эта история, пока еще никто не сказал, что видел истоки Нила и место, откуда начинается его течение; равно как и никто не сказал понаслышке от уверяющих, что

они видели. (7) И так как дело сводится к предположениям и вероятным догадкам, то одни следуют египетским жрецам и говорят, что Нил берет начало из обтекающего ойкумену Океана; ничего здравого они не говорят, а только решают загадку другой загадкой.

(б) ГЕРОДОТ, II, 19: На этот счет мне не удалось узнать ничего ни от кого от египтян, когда я выспрашивал у них, что это за свойство такое у Нила, что он ведет себя прямо наоборот, нежели прочие реки. (20) Некоторые эллины, желая блеснуть своей мудростью, высказали по поводу этой воды три объяснения, два из которых я не считаю достойными упоминания, разве только с тем, чтобы указать на них. Одно из них. [следует теория Фалеса, 11 А 16]. (21) Второе гласит, что Нил вытворяет это потому, что течет из Океана, а Океан течет вокруг Земли [следует теория Анаксагора, 59 А 91]. . . (23) Тот, кто сказал об Океане и сослался в своем баснословном объяснении на неизвестное, не может быть опровергнут: я не знаю никакой реки Океан, существующей в действительности, а думаю, что это Гомер или еще кто-то из поэтов придумал это имя и ввел его в поэзию.

Г 302 bis. Мнения философов (Стобей), II, 20, 16 («О сущности солнца»): Гераклит и Гекатей считают солнце умным воспламенением из моря. [ср. ГЕРАКЛИТ, 61 (а¹) М.]

Dubia

Г 35 bis. НАТАЛИС КОМЕС (Конт). Мифология, 3, Предисловие (с. 186 Женевского издания 1651 г.): Этими рассуждениями [о загробном мире], относящимися к телесным наслаждениям (а других чернь не понимала), и другими, подобными, древние пытались направить души народа к справедливости и честной жизни, используя отчасти надежду на наслаждения, отчасти страх наказаний. Но поскольку первым из всех смертных эти рассуждения придумал Плутон, как думал Гекатей, то его стали считать царем преисподней подобно тому, как Эола стали считать царем ветров потому, что он первым стал наблюдать перемены ветров, а Эндимиона — другом Луны потому, что он первым постиг ее движение и фазы. Ср. ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ, 5, 69, 5: Говорят, что Анд избрал погребения, вынос тела и воздаяние почестей покойникам, тогда как прежде никакой заботы о них не существовало, потому этого бога и принято считать господином умерших и т. д.

Г 35 ter. НАТАЛИС КОМЕС. Мифология, 7, 2 (с. 705): Алкей считал [реку Ахелой] сыном Океана и Земли, а Гекатей — сыном Солнца и Земли.

14. ПИФАГОР

Древнейшие свидетельства о Пифагоре: а) Ксенофана [21 В 7], б) Гераклита [фр. 16—18 М.], в) Эмпедокла [В 129 DK], г) Иона из Хиоса [36 В 2, В 4] — см. под соответствующими номерами.

1. ГЕРОДОТ, II, 123: Владыками преисподней египтяне считают Деметру и Дниона. А еще египтяне первыми высказали вот какое учение: что душа человека бессмертна и с гибелью тела вселяется [собств. «входит внутрь»] в другое животное, которое всякий раз [в этот самый момент] рождается. Когда же она обойдет всех земных, морских и пернатых животных, то снова вселяется в [как раз] рождающееся тело человека, причем [полный] круговорот она совершает за три тысячи лет. Некоторые

эллины — одни раньше, другие позже — высказывали это учение как свое собственное. Имена их я хоть и знаю, но не пишу.

ГЕРОДОТ, II, 81: [Текст Флорентийской семьи: кодексы АВ]: Египтяне носят льняные хитоны. а поверх них белые шерстяные одежды. Однако входить в шерстяных одеждах в храмы или хоронить в них покойников не принято: грешно это. В этом они согласуются с так называемыми орфиками и пифагорейцами: посвященному в эти таинства (*δρῦια*) также грешно быть погребенным в шерстяных одеждах. Об этом, впрочем, существует священное сказание (*ἱερὸς λόγος*). [Текст Римской семьи: кодексы RVS]: .Грешно это. Эти [обычай египтян] согласуются с теми [греческими обрядами], которые называют «орфическими» и «вакхическими», тогда как на самом деле они египетские и пифагорейские: посвященному в эти таинства и т. д.

2. ГЕРОДОТ, IV, 95: [IV, 94: Геты «верят в то, что они не умирают и что погибший отправляется к божеству Залмоксис»]. Но, как я слышал от эллинов, населяющих побережье Геллеспонта и Понта, Залмоксис этот был [вовсе не богом, а] человеком: он был рабом на Самосе, а именно рабом у Пифагора, Мнесархова сына. Сделавшись в дальнейшем свободным, он нажил богатое состояние и вернулся на родину. Фракийцы живут худо-бедно и придурковаты, а Залмоксис этот знал толк в ионийском образе жизни и отличался более глубоким складом [ума], чем фракийский, так как общался с эллинами, а из эллинов—с далеко не самым захудалым умником [*σοφιστῆς*]: Пифагором. [Пользуясь этим], он [по возвращении] соорудил и обставил себе пиршественный покой [по ионийскому образцу], стал принимать в нем знатнейших граждан и, задавая им угощение на славу, поучать, что ни сам он, ни его собутыльники, ни их потомки до бесчисленных колен не умрут, но придут в ту страну, где обретут вечную жизнь и все блага. Поступая указанным образом и произнося эти речи, он тем временем сооружал себе подземную комнату. А когда комната была готова, то он исчез из среды фракийцев и, сойдя (*καταβάς*) вниз, в подземную комнату, жил [в ней] три года; фракийцы же тосковали по нем и скорбно оплакивали его как умершего. На четвертый год он явился фракийцам, и благодаря этому они уверовали в то, чему учил Залмоксис. (96) Вот что он сделал, по словам [греков с Геллеспонта и Понта]. Что касается меня, то я не отказываюсь наотрез верить [рассказам] о нем и о подземной комнате, но и не слишком-то им верю. Думаю, впрочем, что Залмоксис этот жил за много лет до Пифагора.

*ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 41=ГЕРМИПП, фр. 23 Müller: Гермипп рассказывает про Пифагора еще одну историю. Приехав в Италию, он соорудил себе комнатушку под землей и наказал матери записывать на дощечке все происходящее, отмечая при этом время [событий], а затем спускать ему [эти заметки], доколе он не вернется [на землю]. Мать сделала, как он сказал. А Пифагор некоторое время спустя вернулся наверх тощий как скелет, пришел в народное собрание и объявил, что прибыл из Аида, причем зачитал им все, что произошло [за время его отсутствия]. Те были так взволнованы сказанным, что заплакали, зарыдали и уверовали, что Пифагор прямо-таки божественное существо. Дело кончилось тем, что они доверили ему своих жен, чтобы те научились кое-чему из его учений, и их прозвали пифагоричками. Вот что говорит Гермипп.

*СОФОКЛ, Электра, 62:

Уже не раз видали мудрецов,

Умиравших ложно — на словах: потом, домой

Вернувшись, они снискали большой почет.

*Схолия к этому месту=СУДА, под словом ἴδη, «уже»: Запершись в подземелье, Пифагор велел своей матери распространять слухи о том, что он умер, а затем явился [народу] и стал рассказывать всякие чудеса о новом рождении [шалингенесии] и о том, что в Аиде. Живым он рассказывал об их [умерших] близких, с которыми он, по его словам, встречался в Аиде. Благодаря этому он создал о себе мнение, будто до Троянской войны он был Эталидом, сыном Гермеса, потом Эвфорбом, потом Гермотимом, потом Пирром из Делоса, а потом — после всех [перечисленных выше инкарнаций] — Пифагором. На это, очевидно, и намекает Софокл.

3. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 8=АРИСТОКСЕН, фр. 15 Wehrli: Аристоксен говорит, что большую часть этических воззрений Пифагор заимствовал у Фемистоклея, дельфийской [жрицы].

4. ИСОКРАТ. Бусирис, 28: Пифагор из Самоса. . прибывши в Египет и став их [египтян] учеником, первым ввел в Элладу философию вообще и в особенности отличился рвением, с которым подвизался в науке о жертвоприношениях и торжественных богослужениях, совершаемых в храмах, полагая, что даже если ему не будет за это никакой награды от богов, то уж у людей-то он за это сподобится величайшей славы. (29) Так оно и вышло: он настолько превзошел остальных славой, что все юноши мечтали быть его учениками, а старшие с большим удовольствием взирали на то, как их дети учатся у него, нежели на то, как они пекутся о семейных делах. И этому нельзя не верить, ибо еще и поныне молчанию притязующих на звание его учеников восхищаются более, нежели [речам] самых прославленных ораторов.

5. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 56=АЛКИДАМАНТ (Oratores Attici, II, 156 b 6 Baiter—Sauppe): Алкидамант в «Физическом [диалоге]» сообщает, что [Эмпедокл; 31 A 1, 56] учился у Анаксагора и Пифагора: одному [=Пифагору] он подражал в торжественном величии образа жизни и наружности, а другому [=Анаксагору] — в учении о природе.

АРИСТОТЕЛЬ. Риторика, В 23. 1398 b 9=АЛКИДАМАНТ, фр. 5 В.—S.: И как Алкидамант [иллюстрирует примерами положение], что все почитают мудрых: так, паросцы почтили Архилоха, хоть он и клеветник. . италийцы — Пифагора, а жители Лампсака — Анаксагора, хоть он и чужеземец, похоронили и почитают еще и теперь.

6. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 38=ДЕМОКРИТ, фр. 154 Лурье: «Судя по всему, — говорит Фрасил, — он [Демокрит] был приверженцем пифагорейцев; к тому же он упоминает и самого Пифагора, восхищаясь им в одноименном сочинении [«Пифагор»]. Можно было бы даже подумать, что он все у него заимствовал и самого его слушал, если бы этому не противоречила хронология». Так или иначе, но Главк из Регия, который был современником Демокрита, говорит, что он слушал кого-то из пифагорейцев.

ПОРФИРИЙ. Жизнь Пифагора, 3=ДУРИС, FGrHist 76 F 23: Дурис Самосский во второй книге «[Самосской] летописи» упоминает также его [Пифагора] сына Аримнеста и говорит, что он был учителем Демокрита. Аримнест, вернувшись из изгнания, посвятил в храм Геры бронзовый посвященный дар, имевший около двух локтей в диаметре, на котором была написана следующая эпиграмма:

Меня посвятил любимый сын Пифагоров Аримнест,
Открывший много мудреных пропорций.

Сим-гармоник уничтожил этот [посвященный дар] и, присвоив [одну, начертанную на нем] формулу [?], обнародовал ее как свою собственную. Всего [на посвященном

даре] было записано семь пропорций, но из-за одной, которую похитил Сим, исчезли и остальные, которые были записаны на посвятельном даре.

6 а. ПРОКЛ. Комм. к Евклиду, 65, 11 Friedl.=ЕВДЕМ. История геометрии, фр. 133 W. (начало см. 11 А 11, ср. 86 В 12): Следующим после него [Фалеса], кто предался занятиям геометрией, предание называет Мамерка, брата поэта Стесихора . . . После них Пифагор преобразовал занятия геометрией в свободную дисциплину, изучая ее высшие основания и рассматривая теоремы in abstracto [собств. «в отвлечении от материи», *ἀβλως*] и поэтически. Он же открыл теорию иррациональных и конструкцию космических фигур [=правильных многогранников].

7. АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, А 5. 986 а 29 [=24 А 3]: Время жизни Алкмеона [акмэ?] пришлось на старость Пифагора.

АПОЛЛОНИЙ. Чудесные рассказы, 6=АРИСТОТЕЛЬ. О пифагорейцах, фр. 1 Ross: Следующий после них [Эпименида, Аристея, Гермотима, Абариса, Ферекида] Пифагор поначалу усердно занимался математикой и числами, а впоследствии и Ферекидова чудотворства не чурался. Так однажды, когда в [гавань] Метапонта входил корабль, груженный товаром, а случившиеся [на берегу] молились, чтобы корабль вернулся невредимым, [опасаясь] за груз, Пифагор подошел и сказал: «Вот увидите: этот корабль везет покойника». В другой раз в Кавлонии, как говорит Аристотель, <он предвестил белого медведя. Тот же Аристотель> в своей книге о Пифагоре сообщает еще много других [чудесных рассказов о нем] и среди прочего говорит: «Укусившую его в Тиррении смертельно-ядовитую змею он сам убил своим укусом». Пифагорейцам он предсказал восстание, которое действительно произошло, поэтому он и уехал [заранее] в Метапонт, никем не замеченный. Переходя с другими реку Каса, он услышал, как его окликнул глас громкий и сверхчеловеческий: «Привет, Пифагор!» — спутников же его обьял ужас. Однажды его видели в Кротоне и Метапонте в один и тот же день и час. Сидя как-то в театре, говорит Аристотель, он встал и, обнажив собственное бедро, показал его сидящим — оно было золотым.

ЭЛИАН. Пестрая история, II, 26=АРИСТОТЕЛЬ. Там же: Аристотель говорит, что кротонцы звали Пифагора «Аполлоном Гиперборейским».

Там же, IV, 17: Пифагор учил людей, что он рожден от семени, превосходящего человеческую природу. . . . Кротонцу Миллию он напомнил, что тот — фригиец Мидас, сын Гордия [т. е. инкарнация Мидаса], а белый орел подпустил его к себе и дал погладить.

ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 31=АРИСТОТЕЛЬ. О пифагорейцах, фр. 2 Ross: В книге «О пифагорейской философии» Аристотель сообщает, что пифагорейцы хранили в строжайшей тайне следующее разделение: разумные живые существа подразделяются на [три вида]: бог, человек и существо, подобное Пифагору.

8. КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, I, 62: Пифагор, сын Мнесарха, по словам Гиппобота, был самосцем, по словам Аристоксена в «Жизнеописании Пифагора» [фр. 11 b Wehrli], Аристотеля [«О пифагорейцах», фр. 17 Ross] и Феопомпа [FGrHist 115 F 72], — тирренцем, а согласно Неанфу [FGrHist 84 F 29], — сирийцем или уроженцем Тира. Так что, согласно большинству, Пифагор был варварского происхождения.

ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 1: Пифагор, сын Мнесарха-дактилиоглифа [=резчика гемм], по словам Гермиппа [FHG III 41, фр. 22], — самосец или, согласно Аристоксену [фр. 11 a Wehrli], — тирронец с одного из островов, которыми овладели афиняне, прогнав тирренцев.

ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, I, 118=АРИСТОКСЕН, фр. 14 Wehrli: Аристоксен в книге «О Пифагоре и его учениках» говорит, что он [Ферекид, ср. 7 А 1] заболел и был похоронен Пифагором на Делосе.

ПОРФИРИЙ. Жизнь Пифагора, 9=АРИСТОКСЕН, фр. 16 Wehrli: Но, достигнув сорока лет, говорит Аристоксен, и видя, что тирания Поликрата слишком сурова, чтобы свободному человеку к лицу было бы терпеть деспотическое господство, он по этой самой причине уехал в Италию.

Теологумены арифметики, с. 52 De Falco (из «О декаде» АНАТОЛИЯ): Андрокид-пифагорец, автор книги «О [пифагорейских] символах», а также Эвбулид-пифагорец, Аристоксен [фр. 12 Wehrli] Гиппобот и Неанф, сохранившие в своих сочинениях сведения о Пифагоре, утверждали, что его реинкарнации происходили в течение 216 лет. Стало быть, по прошествии стольких лет Пифагор достиг нового рождения (палингенесии) и ожил как бы после первого цикла и возвращения куба шести [6³=216] — душеродного и одновременно апокатастатического [=периодически повторяющегося] благодаря сферичности: через равный период времени он возродился снова. Хронологически с этим согласуется тот факт, что он имел душу Эвфорба. В самом деле, как сообщают, почти 514 лет прошло со времени Троянской войны до времен Ксенофана-физика, Анакреонта и Поликрата, равно как [до времен] осады и опустошения Ионии Гарпагом-мидянином, бежав от которого фокейцы основали Массилию. А Пифагор — современник всех этих событий. Сообщают ведь, что когда Камбис захватил Египет, то Пифагор, учившийся там [в то время] у жрецов, оказался в числе пленных и, угнанный в Вавилон, был посвящен в мистерии варваров. Между тем Камбис — современник тирании Поликрата, бежав от которой, Пифагор перебрался в Египет. Стало быть, если [от 514] дважды отнять период [реинкарнаций], т. е. 216×2 лет, то останутся 82 года его жизни.

ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 4=ГЕРАКЛИД ПОНТИЙСКИЙ, фр. 89 Wehrli: Вот что рассказывал о себе [Пифагор], по словам Гераклида Понтийского: что-де некогда он был Эталидом и считался сыном Гермеса. Гермес сказал ему, чтобы он выбирал все что угодно, кроме бессмертия. Тогда он попросил, чтобы и при жизни и после смерти он сохранял память о том, что с ним происходило. Так-то в жизни он все отчетливо запомнил, а когда умер, мол, то сохранил ту же самую память. По прошествии времени он вселился [букв. «вошел»] в Эвфорба и был ранен Менелаем. Эвфорб, в свою очередь, рассказывал о том, что некогда он был Эталидом, что получил дар от Гермеса и [описывал] странствия своей души: как она странствовала, во сколько растений и животных вселялась по пути, и что претерпела душа в Аиде, и что терпят [там] прочие души. (5) Когда умер Эвфорб, то душа его перешла в Гермотима, который, также желая привести доказательство [тому], вернулся [?] в Бранхиды и, войдя в храм Аполлона, опознал щит, посвященный [в храм] Менелаем (по словам Гермотима, Менелай посвятил щит Аполлону, плывя назад из Трои); он уже истлел, осталась только облицовка из слоновой кости. Когда умер Гермотим, он стал Пирром, делосским рыбаком, и опять помнил все: как он прежде был Эталидом, потом Эвфорбом, потом Гермотимом, потом Пирром. Когда же умер Пирр, он стал Пифагором и до сих пор помнит обо всем, что сказано выше.

8 а. ПОРФИРИЙ. Жизнь Пифагора, 18=ДИКЕАРХ, фр. 33 Wehrli: Достигнув Италии, говорит Дикеарх, он прибыл в Кротон. Прибытие человека, много путешествовавшего, необыкновенного и щедро наделенного судьбой природными дарованиями (внешность у него была благородной и величественной; в голосе, манере держаться и

во всем прочем — величайшая грация и чинность), [произвело впечатление], и, пользуясь этим, он сумел расположить [к себе] все население Кротона. Сначала он пленил души старейшин из городской управы пространными и прекрасными речами, потом по просьбе [тех же] властей обратился с юношескими наставлениями к молодым, после этого [выступил с назидательной речью] перед детьми, собравшимися на сходку из школ, а потом — перед женщинами: собрание женщин ему тоже устроили. (19) После этих событий слава его возросла и стала огромной, и он приобрел себе многих учеников в лице не только мужчин, но и женщин (имя одной из которых, Теано, стало знаменитым) в самом городе, равно как и в лице царей и властителей из соседней варварской страны. Что он говорил своим ученикам, никто не может сказать наверное, либо молчание соблюдалось у них с исключительной строгостью. Однако наибольшую известность среди всех получили следующие положения: по-первых, что душа, по его словам, бессмертна, во-вторых, что она переселяется в другие виды животных, кроме того, [в-третьих], что все, что некогда произошло, через определенные периоды [времени] происходит снова, а нового нет абсолютно ничего, и, [в-четвертых], что все живые [собств. «обладающие душой»] существа следует считать родственными друг другу. Очевидно, первым, кто принес эти учения в Элладу, был Пифагор.

*8 в. ПОРФИРИЙ. Схолии к «Одиссее», I, 1 = Антисфен-сократик, фр. 51 Deleva Caizzi (толкование эпитета Одиссея *πολύτροπος*, «многообразный»): Гомер называет мудрого Одиссея многообразным потому, что тот умел общаться с людьми многообразным образом. Так и Пифагор, говорят, когда его попросили выступить с речью перед детьми, произнес перед ними речь детскую, перед женщинами — речь, подходящую для женщин, перед правителями — правительственную, и перед эфебами — эфебическую.

9. ПОРФИРИЙ. Жизнь Пифагора, 6: Что касается того, где он учился, то большинство утверждает, что начала так называемых математических наук он усвоил от египтян, халдеев и финикийцев, (так как геометрией с древних времен занимались египтяне, числами и вычислениями — финикийцы, а астрономическими теориями — халдеи), а всему, что относится к культу богов и прочим жизненным правилам, научился у магов и у них заимствовал. Первые [=культовые правила], пожалуй, знакомы многим, поскольку они записаны в [исторических] записках, но прочие его обыновения известны меньше. Известно только, как говорит Евдокс в седьмой книге «Землеописания» [фр. 325 Lass.], что он соблюдал такую [ритуальную] чистоту [~ святость, *ἀγνεία*] и так избегал убийств и убийц, что не только воздерживался от [вкусения] живого, но и никогда не приближался к мясникам и охотникам.

СТРАБОН, XV, 716 (из ОНЕСИКРИТА, FGrHist 134 F 17): Когда же он [Калан] сказал, что и Пифагор учит тому же [аскезе] и велит воздерживаться от [употребления в пищу] живых существ и т. д.

ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 20: Жертвоприношения [Пифагор] совершал бескровные, а по словам других, [разрешал приносить в жертву] только петухов, молочных козлят и так называемых «неженок» [=молочных поросят], но ягнят — ни в коем случае. Тем не менее Аристоксен [фр. 29 a Wehrli] утверждает, что он воздерживался только от [мяса] пахотных быков и баранов, а всех остальных животных позволял есть.

АВЛ ГЕЛЛИЙ. Аттические ночи, IV, 11, 1: Распространилось и укоренилось старинное ложное мнение, будто философ Пифагор не употреблял в пищу животных,

а также воздерживался от бобов, которые греки называют *κίβανος* (2). Основываясь на этом мнении, поэт Каллимах писал [фр. 553 Pfeiffer]:

Руки подальше держи от бобов — несваримого яства!
Так повелел Пифагор — так утверждаю и я.

(4) Однако музыковед Аристоксен [фр. 25 Wehrli], тончайший знаток старинной словесности и ученик философа Аристотеля, говорит в своей книге о Пифагоре, что ни один другой стручковый плод Пифагор не употреблял в пищу чаще, чем бобы, поскольку эта пища и слегка слабит, и очищает желудок. (5) Привожу собственные слова Аристоксена: «Из стручковых Пифагор всего более одобрял бобы, ибо они действуют смягчающе и слабят: потому-то он питался ими чаще всего». (6) Аристоксен сообщает также, что он питался молочными поросятами и нежными козлятами. (7) Вероятно, он узнал об этом от своего друга, пифагорейца Ксенофила [см. гл. 52], и от каких-нибудь других, более старых [пифагорейцев], которых от века Пифагора отделял не столь большой промежуток времени. (12) По словам Аристотеля [О пифагорейцах, фр. 4 Ross], пифагорейцы воздерживались от [вкусения] утробы, сердца, [морской] крапивы и чего-то еще в том же роде, а все остальное ели.

10. ПЛАТОН. Государство, X. 600 а 9: Ну что ж, если не на государственном поприще, то, может быть, хотя бы в частном порядке Гомер, по рассказам, еще при жизни стал верховным наставником в воспитании неких людей, которые горячо любили его за [учительские] беседы и передали следующим поколениям некий гомеровский путь жизни, подобно тому, как за это исключительно любили самого Пифагора [его ученики], а последующие [сторонники его учения] еще и поныне именуют свой образ жизни пифагорейским и в чем-то заметно выделяются среди остальных?

ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 45: [Пифагор] был в расцвете в шестидесятую олимпиаду [540—537 гг. до н. э.], а союз (*σύστυμα*) его продолжал существовать еще девять или десять поколений, (46) ибо последними из пифагорейцев, которых еще видел Аристоксен [фр. 19 Wehrli], были Ксенофил из Халкидики фракийской [гл. 52] и Фантон из Флиунта, Эхекрат, Диокл и Полимаст — тоже флиунты. Они были слушателями Филолая и Эврита, тарентцев.

11. ИППОЛИТ. Опровержение всех ересей, I, 2, 12: Диодор из Эретрии и Аристоксен-музыковед [фр. 13 Wehrli] говорят, что Пифагор посетил Халдея Зарату [=Зороастра], а тот изложил ему учение, согласно которому есть две изначальные причины вещей: отец и мать, отец — свет, мать — тьма, части света — горячее, сухое, легкое, быстрое; части тьмы — холодное, влажное, тяжелое, медленное; из них, из женского и мужского начала, состоит весь космос.

12. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 14=АРИСТОКСЕН, фр. 24 Wehrli: По словам музыковеда Аристоксена, [Пифагор] первым ввел в Грецию меры и веса.

ПОРФИРИЙ. Жизнь Пифагора, 22=АРИСТОКСЕН, фр. 17 W.: По словам Аристоксена, к нему [Пифагору] приходили [учиться] жители Лукании, Мессапии, Пичена и римляне.

13. ПОРФИРИЙ. Жизнь Пифагора, 4: Другие упоминают сына Пифагора Телавга и дочь Мию от критянки Теано, дочери Пифонакта, третья — [дочь] Аригноту (от них сохранились пифагорейские сочинения). Тимей [FGH 566 F 131] сообщает, что дочь Пифагора в девичестве была начальницей [хора] кротонских девиц, в замужестве — женщин. Дом [Пифагора] кротонцы превратили в храм Деметры, а переулочек называли «Мусеем» [=Святылищем Муз]. Ср.: ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 15.

ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 170: Пифагор так воспитал рожденную в браке дочь (впоследствии выданную за кротонца Менона), что в девичестве она руководила хором, а в замужестве первой подходила к алтарям. Жители Метапонта, хранившие память о Пифагоре и после его смерти, превратили его дом в храм Деметры, а переулок — в «Мусей». ЮСТИН, XX, 4, 17—18 [из Тимея]: Прожив в Кротоне двадцать лет, Пифагор переселился в Метапонт, где и умер. Преклонение перед ним было столь велико, что из дома его сделали храм. Ср.: ЦИЦЕРОН. О пределах добра и зла, V, 2, 1.

Геркуланумский папирус 1788 (Coll. alt. VIII, фр. 4): <Спустившись на Крите в Идейскую пеще> ру и <посвященный в> сокровенные <знания> о бо<гах, уехал> в Кротон, <и умер в возрасте д>евяноста <лет, и похоро>нен в Мета<понте>.

14. ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ, XII, 9, 2 (из Эфора?): Явился у них [=сибаритов] демагог Телис и своими обвинениями против вышей знати убедил сибаритов отправить в изгнание пятьсот самых богатых граждан, а имущество их конфисковать. (3) Изгнанники прибыли в Кротон и прибегли к алтарям, стоявшим на агоре, с мольбой о защите. Тогда Телис отправил к кротонцам послов с требованием либо выдать изгнанников, либо ждать войны. (4) Собрали народное собрание и вынесли на обсуждение вопрос, следует ли выдать просителей сибаритам или отважиться на войну с более сильным противником. Синклит и народ пребывали в нерешительности. Поначалу мнение большинства склонялось к выдаче просителей ввиду угрозы войны. Но после того как философ Пифагор подал совет спасти просителей, мнение их переменялось и они предприняли войну за спасение просителей. (5) Сибариты пошли на них войском в тридцать мириад [300 тыс.], кротонцы выставили против них десять мириад [100 тыс.] под командованием атлета Милона, который благодаря своей огромной телесной силе первым обратил в бегство противников. (6) Рассказывают, что сей муж, будучи шестикратным победителем на Олимпийских играх и обладая отвагой, соответствующей его телесной мощи, пошел в бой увенчанный олимпийскими венками и обряженный в наряд Геракла — львиную шкуру с палицей. Виновник победы, он снискал восхищение сограждан. (10, 1) В гневе кротонцы не пожелали брать живьем ни единого пленного и всех, кто во время преследования сдавался, убивали на месте. Поэтому большинство сибаритов было изрублено, а город [Сибарис] они разграбили и сделали его совершенно пустынным. Ср.: ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 260: .Одержавших верх над тридцатью мириадами при Тетраэнте.

15. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, II, 46=АРИСТОТЕЛЬ. О поэтах, фр. 7 Ross: Как говорит Аристотель в третьей книге «О поэтике». с Пифагором [при жизни соперничали] Килон и Онат [58 А].

16. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 248: С тем, что заговор случился в отсутствие Пифагора, согласны все; мнения расходятся относительно того, где он тогда был: одни говорят, что Пифагор уехал к Ферекиду Сиросскому, другие — что в Метапонт. Причин заговора называют несколько; одна из них, проистекающая от так называемых килоновцев, состоит в следующем. Кротонец Килон — муж, первенствующий над согражданами родом, славой и богатством, а впрочем, человек злобный, склонный к насилию, смутьян и тиранического нрава, — обнаружил рьяную охоту вступить в пифагорейскую общину и, придя к Пифагору, тогда уже старцу, был отвергнут по указанным выше причинам. (249) После этого он и его друзья начали непримиримую войну против самого Пифагора и его товарищей; причем честолюбие Килона и его приверженцев оказалось столь неистовым и необузданным, что война эта продолжилась

до времени последних пифагорейцев. По этой причине Пифагор удалился в Метапонт, где, как сообщают, и умер. А так называемые килоновцы продолжали бунтовать против пифагорейцев, выказывая всяческую враждебность. До поры до времени калокагатия пифагорейцев и желание самих [южноиталийских] полисов, чтобы государственными делами управляли пифагорейцы, одерживали верх. Но под конец козни против них достигли таких размеров, что, когда пифагорейцы заседали в доме Милона в Кротоне и обсуждали государственные дела, [килоновцы] подпалили дом и сожгли всех пифагорейцев, кроме двоих: Архиппа и Лисиды; эти были самыми молодыми и самыми сильными и каким-то образом прорвались наружу. (250) После этого пифагорейцы сложили с себя [правительственные] полномочия, так как полисы не придали случившемуся никакого значения. Произошло это по двум причинам: из-за попустительства полисов (они не обратили никакого внимания на столь чрезвычайное происшествие!) и из-за гибели высшего руководства. Из двух спасшихся [пифагорейцев] — оба были тарентцами — Архипп вернулся в Тарент, а Лисид, негодуя на попустительство [италийцев], уехал в Элладу и жил в Ахайе Пелопоннесской, а потом переселился в Фивы, где пользовался уважением. [Там] его учеником стал Эпаминонд, называвший Лисиду отцом. Там он и умер. (251) Остальные пифагорейцы, кроме Архита Тарентского, собрались в Регию и жили там общиной. Со временем, когда образ правления изменился к худшему, они покинули Италию. Самыми значительными из них были флиунты Фантон, Эхекрат, Полимнаст и Диокл, а также Ксенофил из Халкидики Фракийской. Хотя школа прекратила существование, они сохраняли изначальные нравы и математические науки до тех пор, пока благородно не ушли из жизни. Так рассказывает Аристоксен [фр. 18 Wehrli]. Никомах во всем согласен с этим, но говорит, что заговор произошел во время отъезда Пифагора и т. д. [ср. 44 А 4а; гл. 46].

ПОРФИРИЙ. Жизнь Пифагора, 56=ДИКЕАРХ, фр. 34 Wehrli: Однако Диккарх и писатели, сообщающие наиболее точные сведения, говорят, что Пифагор присутствовал при заговоре.

ПОЛИБИЙ, II, 38, 10: Политические принципы и упомянутая особенность государственного устройства существовали у жителей Ахайи и раньше (39, 1) Во времена, когда в тех областях Италии, которые тогда назывались Великой Грецией, подожгли синедрионы [=дома собраний] пифагорейцев, (2) после чего повсеместно произошли государственные перевороты (что естественно, поскольку первые люди каждого государства были убиты столь неожиданно), (3) расположенные в тех областях греческие полисы преисполнились убийств, междоусобицы и всякого рода смуты. (4) В то время едва ли не со всех концов Эллады были отправлены посольства [в Южную Италию] для умиротворения, но [италийские полисы] доверились только ахейцам и воспользовались [их посредничеством и советами] для преодоления постигших их бедствий.

Сочинения. Учение

17. ФИЛОДЕМ. О благочестии, с. 66, 4 b 3 Gomprez: Некоторые говорят, что самому Пифагору не принадлежит ни одно из приписываемых ему сочинений, кроме <тех трех книг [?]>.

ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 199 (из Аристоксена?): Вызывает удивление также строжайшая засекреченность [пифагорейского учения]: в течение стольких поколений никому, очевидно, не попадали в руки никакие записки пифагорейцев

вплоть до времени Филолая: он впервые обнаружил те пресловутые три книги, которые, как говорят, Дион Сиракузский по просьбе Платона купил у Филолая за сто мин, когда тот впал в великую и страшную бедность: Филолай сам принадлежал к братству (συγγένητα) пифагорейцев, поэтому получил книги [ср. 44 А 1, § 85; 18, 4].

18. ИОСИФ ФЛАВИЙ. Против Апиона, I, 163: Нет ни одного сочинения, которое признавалось бы принадлежащим ему [Пифагору], но многие описали его жизнь; из них самый замечательный — Гермипп [ср. 11 А 11; 19, 2].

ПЛУТАРХ. О счастье или доблести Александра I, 4. с. 328: Ни Пифагор, ни Сократ, ни Аркесилай, ни Карнеад ничего не написали.

ГАЛЕН. О взглядах Гиппократов и Платона, 459 Müller=ПОСИДОНИЙ, Т 91 Edelstein—Kidd: Посидоний говорит, что уже Пифагор [принимал Платоновое учение о душе], заключая об этом на основании письменных сообщений некоторых из его учеников, поскольку до нашего времени не сохранилось ни одного сочинения самого Пифагора.

19. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 6: Некоторые говорят, что Пифагор не оставил ни одного сочинения, но они ошибаются. Гераклит-физик [фр. 17] едва ли не кричит [об обратном]: «Пифагор, Мнесархов сын, занимался собиранием сведений больше всех людей на свете и, понадергав себе эти сочинения, выдал за свою собственную мудрость многознайство и мошенничество». Сказал он так потому, что Пифагор в начале своего сочинения «О природе» говорит: «Клянусь воздухом, которым дышу, клянусь водой, которую пью, не извергну я хулы на это учение (логос)». Написал же Пифагор три сочинения: «О воспитании», «О государстве», «О природе». (7) А то, что известно под именем Пифагора, принадлежит пифагорейцу Лисиду из Тарента, который бежал в Фивы и стал наставником Эпаминонда. Гераклит, сын Сарапиона, говорит в «Сокращении Сотииона» [fr. 9, FHG], что еще он написал, [во-первых], «О Вселенной» в гексаметрах, во-вторых — «Священное слово», которое начинается так:

Юноши, свято блюдите в безмолвии все эти речи.

в-третьих, «О душе», в-четвертых, «О благочестии», в-пятых, «Гелофалес» (отец Эпихарма Косского), в-шестых, «Кротон» и другие [диалоги]. «Тайное учение», по словам [Гераклида Лембоса], принадлежит [не Пифагору, а] Гиппасу и написано с целью оклеветать Пифагора. Кроме того, Пифагору были приписаны многие сочинения, написанные Астроном Кротонским.

20. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 23: Считается, что он [Парменид] первым открыл тождество Вечерней и Утренней звезды, как говорит Фаворин в пятой книге «Воспоминаний». Правда, некоторые [считают первооткрывателем] Пифагора, но Каллимах [фр. 442 Pfeiffer] говорит, что поэма ему не принадлежит.

21. Мнения философов, II, 1, 1: Пифагор первый назвал Вселенную «космосом» по порядку (τάξις), который ему присущ. Ср. *ПЛАТОН. Горгий, 507 e 6: Мудрецы говорят, Калликл, что и небо и земля, и боги и люди, связаны в одно целое общностью, дружбой, благочинием (κοινωνία), целомудрием и справедливостью, и именно поэтому друг мой, они называют весь этот видимый мир «космосом» (порядком), а не акосмией (беспорядком) и распущенностью.

*21 а. ГЕРАКЛИД ПОНТИЙСКИЙ, фр. 87 Wehrli у ДИОГЕНА ЛАЭРТИЯ, Проэрий, 12: Как говорит Гераклит Понтийский в сочинении «О бездыханной», Пифагор впервые назвал философию (любомудрие) этим именем и себя — философом, раз-

говаривая в Сикионе с сикионским или флиунтским тираном Леонтом: по его словам, никто не мудр, кроме бога.

ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ, X, 10, 1: Пифагор называл свое учение любомудрием (*φιλοσοφία*), а не мудростью (*σοφία*). Упрекая семерых мудрецов (как их прозвали до него), он говорил, что никто не мудр, ибо человек по слабости своей природы часто не в силах достичь всего, а тот, кто стремится к праву и образу жизни мудрого существа может быть подобающе назван любомудром (философом).

*21 б. СТОБЕЙ, II, VII, 3⁷ (II, 49, 8 сл. W.) [из Ария Дидима]: Сократ и Платон так же, как Пифагор, видят высшую нравственную цель (телос) в уподоблении богу. . . На это намекнул Гомер в словах «он шел по следам бога» [«Одиссея», 5, 193], а Пифагор сказал под него: «Следуй богу».

*22. ЦИЦЕРОН. О государстве, III, 11, 19: Пифагор и Эмпедокл провозглашают равноправие всех живых существ и заявляют, что тем, кто совершил насилие над животным, угрожают неумолимые кары. [О естественном праве или божественном законе см. далее: ЭМПЕДОКЛ. «Очищения», фр. В 135—136].

*23. ТИМЕЙ ИЗ ТАВРОМЕНИИ FG_{GrHist} 566 F 77: (а) ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 10: По словам Тимея, Пифагор первый сказал, что у друзей все общее и что дружба — равенство. И ученики его вносили свои состояния в одну общую кассу. В течение пятилетия они безмолвствовали, только слыша речи Пифагора, но не видя его до тех пор, пока не будут испытаны и одобрены.

(б) Схолии к ПЛАТОНУ, Федр 279 (VI, 275 Nergmann): Тимей в 5-й книге говорит так: «Когда к нему приходили молодые и изъявляли желание учиться у него, он не сразу соглашался, но говорил, что у его учеников и имущество должно быть общим». Затем, значительно ниже [Тимей] говорит, что благодаря им в Италии впервые появилось изречение «у друзей все общее».

(с) ФОТИЙ. Лексикон, под словом *κοινὰ τὰ φίλων*, «у друзей все общее»: Тимей в 9-й книге говорит, что эта пословица впервые вошла в употребление в Великой Элладе в те времена, когда Пифагор убеждал ее жителей владеть всем имуществом сообща [букв. «нераздельно»].

*24. АРИСТОТЕЛЬ, «О философии Архита», фр. 2 Ross (207 Rose³) у ДАМАСКИЯ, О началах, 2. 172 Ruelle: Аристотель сообщает в «Учениях Архита», что [подобно Платону] и Пифагор также называл материю «иное» (*ἄλλο*) как нечто текучее и постоянно становящееся иным. [Ср. вероятный ранний рефлекс: ЭПИХАРМ, В 2, 11—12].

*25. ПОРФИРИЙ. Комм. к «Гармонике» Птолемея, с. 30, 1 Düring=Ксенократ, фр. 9 Heintze: Вот что пишет об этом Гераклид в «Введении в музыку»: «Пифагор, как говорит Ксенократ, открыл, что происхождение музыкальных интервалов также неразрывно связано с числом, так как они представляют собой сравнение количества с количеством. Он исследовал, в результате чего возникают консонирующие и диссонирющие интервалы и вообще гармония и дисгармония. [Из свидетельств 4 века о математике Пифагора см. также 58 В 1=14, 6 а (Евдем) и 58 В 2 (Аристоксен). Ср. также свидетельства Каллимаха, 11 А 3 а, ст. 58 сл.=58 В 3 и Гермесианакта: гл. 14^a, № 5].

*26. ГЕРАКЛИД ПОНТИЙСКИЙ, фр. 44 Wehrli у Климентя Алекс., Строматы, II, 130 (II, 184, 8—10 St.): Пифагор, по сообщению Гераклида Понтийского, учил, что счастье (эвдемония) заключается в знании совершенства чисел.

*27. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 89 (из неизвестного доплатоновского источника): Геометрию Пифагор называл «наукой» (*ἰστορία*). [Свидетельства о теореме Пифагора см. 58 В 19].

*28. Там же, 162 [из «старинных» пифагорейских «записок» (§ 157); примеры «символических» изречений Пифагора, рассчитанных на толкование подобно оракулам Пифии]: Таково

Начало — пол-целого дела

— изречение самого Пифагора. Не только в этом полустипии, но и в других, подобных, божественнейший Пифагор скрывал тлеющие искорки истины для тех, кто сумеет их разжечь; под своим краткословием он прятал, словно сокровище, необозримое и неисчерпаемое по объему богатство умозрения, как, например, в изречении

Числу все вещи подобны,

которое он чаще всего повторял всем [своим ученикам], или в изречении «дружба — равенство», или в слове «космос», или — клянусь Зевсом! — в слове «философия», или в слове «суть» (*ἔστω*) и * * * или в общеизвестном «тетрактида» [следует пифагорейская клятва четверицей: см. 58 В 15 и 58 F 47—48].

*29. Фрагменты неподлинных сочинений см. в кн.: THESLEFF H. The Pythagorean Texts of the Hellenistic Period. Åbo, 1965. P. 157—186.

14^а. ТЕАНО

1. Древнейшие свидетельства (Дикеарх, Тимей) см.: гл. 14, №№ 8а. 13. См. также гл. 17, № 1.

2. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 267 (каталог женщин-пифагореек): Теано, жена Бротина из Метапонта.

3. (а) СУДА, под словом «Теано» [1]: Теано, уроженка Метапонта или Фурий, пифагорейка, дочь Леофрона, жена Кариста или Кротона, или Бротина-пифагорейца. Написала: «О Пифагоре», «О добродетели к Гипподаму Фурийскому», «Женские увещания» и «Изречения пифагорейцев».

(б) Там же, «Теано» [2]: Критянка, философия, дочь Пифонакта, жена великого Пифагора, от которого имела детей Телавга, Мнесарха, Мио и Аригноту. Некоторые пишут, что она была женой Бротина и уроженка Кротона. [Написала]: «Философские записки», «Изречения» и какую-то поэму эпическими стихами.

4. КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, I, 80, 4; II, 52, 12—14 St.: Дидим в сочинении «О пифагорейской философии» передает, что Теано из Кротона первой из женщин стала философствовать и написала стихотворения.

5. ГЕРМЕСИАНАКТ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ. Леонтион, фр. 2, 85 Diehl у Афина, 13, 599а: Безумная страсть Теано связала самосца / Пифагора, изобретшего изощренные геометрические спирали / И круг [=«сферу»], которым окружен эфир, / И поместившего весь мир в маленьком шаре [глобуса].

6. СТОБЕЙ, I, 10, 12 (с. 125 W.=с. 195 Thesleff): Из сочинения Теано «О благодетели»: И многие эллины, как мне известно, думают, будто Пифагор говорил, что все рождается из числа. Но это учение вызывает недоумение: каким образом то, что даже не существует, мыслится порождающим? Между тем он говорил, что все возникает не из числа, а согласно числу, так как в числе — первый порядок, по причастности ко-

торому и в счислимых вещах устанавливается нечто первое, второе и т. д. [Другие неподлинные фрагменты (из нравственных писем) см. THESLEFF. PTHR. С. 195—201].

14^b. ТЕЛАВГ

1. СУДА, под словом «Телавг»: Самосец, сын и ученик знаменитого Пифагора, философ, учитель Эмпедокла. Написал «О тетрактиде» в 4 книгах.

2. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 43: Был у них и сын Телавг, который стал приемником отца [как глава школы] и, согласно некоторым, был учителем Эмпедокла. По словам Гиппобота, Эмпедокл говорит: «Телавг, славное чадо Теано и Пифагора!» [31 В 155, Spuria]. От Телавга сочинений никаких не дошло.

АНОНИМ ФОТИЯ, 438 в: Говорят, что Мнесарх, один из сыновей его [Пифагора] умер раньше, а Телавг стал приемником.

Схолии к ПЛАТОНУ, Государство, 600 в: Пифагор был женат на Теано, от которой у него были дети: Телавг, ставший схолархом после него, Дамон (или, по другим, Мнесарх), и дочь Мия, или, по другим, Аригнота.

ПОРФИРИЙ. Жизнь Пифагора, 4: Другие сообщают о сыне Пифагора от Теано Телавге и дочери Мии, а некоторые и об Аригноте, от которых сохранились пифагорейские сочинения.

3. Подложное письмо Телавга в Филолаю: см. ЭМПЕДОКЛ, А 1, §§ 53. 55. 74.

ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 146: [о неподлинном «Священном слове» Пифагора на дорийском диалекте] действительно ли оно принадлежит Пифагору, как считает большинство, или Телавгу, как утверждают некоторые прославленные и заслуживающие доверия представители пифагорейской школы и т. д.

15. КЕРКОП

ЦИЦЕРОН. О природе богов, I, 38, 107: Аристотель утверждает [фр. 7 Rose], что поэта Орфея никогда не существовало, а так называемая «Орфическая поэма», как передают, принадлежит некому пифагорейцу Керкопу.

КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, I, 131 (т. II, с. 81, 11 St.): Эпиген в сочинении «О поэзии, приписываемой Орфею» говорит, что «Нисхождение в Аид» и «Священное слово» принадлежат Керкопу-пифагорейцу, а «Покров» и «Физика» — Бронтину [гл. 17].

СУДА, под словом «Орфей» [ср. 1 А 1] [Сочинения Орфея]. «Священные сказания» в 24 рапсодиях: их приписывают Теогнету Фессалийскому, а другие — Керкопу-пифагорейцу.

ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, II, 46: Керкоп [соперничал] с Гесиодом при жизни последнего.

16. ПЕТРОН

ПЛУТАРХ. Об упадке оракулов, 22, 422 В: [Чужеземец говорил, что космосов не бесчисленное множество, не один и не пять, а] сто восемьдесят три, причем расположены они в форме треугольника, каждая сторона которого содержит по шестьдесят космосов, а три остальных расположены по углам; расположенные в ряд касаются друг друга, мерно кружась, словно в танце.

Там же, 23, 422 D: [В том, что чужеземец был не варваром, а греком, испушенным в греческой образованности], его уличает число космосов: число это не египетское и не индийское, а дорийское, из Сицилии, и принадлежит уроженцу Гимеры по имени Петрон. Книжку его я не читал и не знаю, сохранилась ли она, но Гиппис из Регия [FGH 554 F 5], которого цитирует Фаний из Эреса [фр. 22 FHG], сообщает, что это воззрение и учение принадлежит Петрону; оно гласит, что существует сто восемьдесят три космоса, касающихся друг друга *κατὰ στοιχεῖον*, но что означает выражение *κατὰ στοιχεῖον*, он [Гиппис] не поясняет и не приводит никаких аргументов.

17. БРОТИН

1. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 267, с. 144, 1 Deubner: [Каталог пифагорейцев]. Уроженцы Метапонта: Бротин и т. д. С. 146—147: Теано, жена Бротина из Метапонта. 132, с. 75, 1: Дейноно — жена Бротина, одного из пифагорейцев, женщина мудрая и духовно одаренная. Ей принадлежит прекрасное и знаменитое изречение: «Встав от своего мужа, жена должна немедленно совершить жертвоприношение», которое некоторые приписывают Теано. Так вот, к ней пришли жены кротонцев и попросили ее убедить Пифагора, чтобы он поговорил с их мужьями о целомудренном отношении к ним. .

ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 42: Была у Пифагора и жена по имени Теано, дочь кротонца Бротина; по другим — женой она была Бротину, а Пифагору — ученицей. Была у него и дочь Дамо, как говорит Лисид в письме к Гиппасу.

2. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 83—АЛКМЕОН 24 В 1.

3. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 55: Приписываемое Телавгу письмо, согласно которому он [Эмпедокл] учился у Гипсаса и Бротина, не заслуживает доверия.

4. СУДА, под словом «Орфей» [=1 А 1] [Сочинения Орфея]. «Покров» и «Сеть» также принадлежат Зопиру из Гераклеи, а по другим — Бротину и «Физика», которую приписывают Бротину. КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, I, 131: «Покров» и «Физика» [принадлежат] Бротину.

Spuria

5. Фрагменты подложного трактата «О разуме и рассудке» см.: THESLEFF. PTHR. С. 55—56.

18. ГИПСАС

1. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 84: Гипсас из Метапонта, также пифагорец. Он полагал, что время изменения космоса определено, что Вселенная конечна и вечно движется.

Деметрий в «Одноименных [писателях и поэтах]» говорит, что он не оставил ни одного сочинения. Было два Гипсаса: этот и другой, написавший «Лаконскую политику» в пяти книгах, тоже лаконец.

1а. СУДА, под словом «Гераклит»: Некоторые говорят, что он слушал Ксенофана и пифагорейца Гипсаса.

2. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 267, с. 144, 20 Deubner: [Каталог пифагорейцев]. Уроженцы Сибариса: Метоп, Гипсас . .

*ЯМВЛИХ. Об общей математической науке, 76, 19 сл. Festa: [Два рода пифагорейцев: акусматикки и математикки]. Из них акусматикки признавались в качестве пифагорейцев со стороны математиков, но сами [акусматикки] математиков не признавали, утверждая, что их научная система (*παράματις*) идет не от Пифагора, а от Гипсаса (Гипсаса одни считают кротонцем, другие — метапонтцем). Те же из пифагорейцев, которые занимаются математическими науками, признают акусматиков пифагорейцами, но говорят, что сами они в еще большей степени пифагорейцы и что их учение истинно.

ПОРФИРИЙ. Жизнь Пифагора, 36: Беседуя со слушателями, [Пифагор]ставлял их либо дискурсивно, либо символически, (37) так как форма преподавания его была двойкой. Из слушателей одни назывались математиками, другие акусматиками. Математиками назывались те, кто изучил более обстоятельную и скрупулезно разработанную научную теорию, акусматиками — те, кто прослушал сжатые наставления в науке, без более подробного и точного изложения.

3. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 7: «Тайное учение», по словам [Гераклида Лембоса], принадлежит [не Пифагору, а] Гипсасу и написано с целью оклеветать Пифагора.

4. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 88; Об общей математической науке, 25: О Гипсасе говорят, что он был из числа пифагорейцев; за то, что разгласил и построил впервые сферу из двенадцати пятиугольников, он погиб в море как нечестивец, зато снискал славу первооткрывателя, хотя все [открытия должны принадлежать] «оному мужу» — так [пифагорейцы] величают Пифагора, не называя его по имени. После разглашения математические науки приумножились, в особенности их продвинули вперед двое: Феодор из Кирены и Гиппократ из Хиоса. По словам пифагорейцев, геометрия была разглашена так: один из пифагорейцев утратил состояние, и после этого несчастия ему было разрешено зарабатывать преподаванием геометрии.

ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 246: Как сообщают, к тому, кто первым открыл недостойным посвящения в учения природу соизмеримости и несоизмеримости, [пифагорейцы] прониклись такой ненавистью и отвращением, что не только изгнали его из своего общества и общежития, но и соорудили ему гробницу в знак того, что они считают своего бывшего товарища ушедшим из жизни. (247) Другие говорят, что само божество разгневалось на того, кто разгласил учения Пифагора: дескать, тот, кто выдал конструкцию икосагона, т. е. додекаэдра, одной из так называемых телесных фигур, [и показал], что она вписывается в сферу, погиб в море как нечестивец. Некоторые же утверждали, что это случилось с тем, кто разгласил учение об иррациональности и несоизмеримости.

КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, V, 58: Говорят, что пифагорейца Гиппарха, обвиненного в том, что он в письменном виде разгласил учение Пифагора, изгнали из школы и поставили ему надгробную стелу как покойнику.

*4 а. ЭЛИАС, СAG 18, 1. с. 125 Busse: Кто-то из пифагорейцев, обнаруживший одноименное сочинение «Об иррациональных линиях», попал в кораблекрушение за то, что выдал тайну.

5. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 257: Все это [зависть и недовольство среди населения Кротона, вызванные олигархическими стремлениями Пифагора и его учеников к политической исключительности], как я сказал выше, огорчало вообще всех [кротонцев], поскольку они заметили, что их совоспитанники выделяются среди них [своими привилегиями]. . . Когда же они [собратья-пифагорейцы] положили начало

расколу, к распри тотчас же стали примыкать прочие [жители Кротона]. Из числа самой [олигархической] «тысячи» Гиппас, Диодор и Теаг высказались за то, чтобы все [граждане Кротона] участвовали в государственных должностях и народном собрании и чтобы архонты отчитывались [в своей деятельности] перед [народными представителями], избранными по жребию из числа всех граждан. Им противились пифагорейцы Алкимах, Динарх, Метон и Демокед, противодействовавшие свержению отеческого строя. Победили выступавшие в защиту народной массы. После этого народное большинство сошло на собрание, и обратившиеся с речами к народу ораторы — Килон и Нинон — стали обвинять пифагорейцев.

6. ЦЕЛИЙ АВРЕЛИАН. Об острых болезнях, I, 1: Говорят, что когда философ-пифагорейца Гипсала спросили, что он делает, тот ответил: «Покуда ничего: мне покуда не завидуют».

Учение

7. АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, А 3. 984 а 7: Гиппас из Метапонта и Гераклит из Эфеса [полагали началом простых тел] огонь.

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 23, 33 [ср. контекст 11 А 13]: Гиппас из Метапонта и Гераклит из Эфеса так же, [как Фалес и Гиппон], приняли одно, движущееся и конечное начало, но только [не воду, а] огонь и полагают, что все вещи возникают из огня посредством сгущения и разрежения и снова разлагаются в огонь, исходя из того, что огонь — единый естественный субстрат.

*Мнения философов, I, 3, 11: Гераклит и Гиппас из Метапонта началом всех вещей полагают огонь: они утверждают, что все возникает из огня и в огонь погибает.

ФЕОДОРИТ. Лечение эллинических недугов, IV, 12: Гиппас из Метапонта и Гераклит, сын Блосона, эфесец, полагают, что Вселенная одна, вечнодвижима и конечна; за начало они приняли огонь.

*7 а. АРИСТОТЕЛЬ. О небе, III, 5. 304 а 9: Одни из них [тех, кто принимает за первоэлемент огонь], а 7] приписывают [корпускулам] огня [определенную геометрическую] форму, как те, кто, считает его пирамидой. Причем из этих последних одни рассуждают попроще: из всех фигур самая острорежущая — пирамида, из всех тел [т. е. стихий] — огонь, [следовательно, огонь — пирамида]. А другие приводят более тонкий аргумент: все тела состоят из наиболее тончайшего [т. е. имеющего мельчайшие корпускулы] тела, все фигуры — из пирамид; поэтому, коль скоро тончайшее из тел — огонь, мельчайшая и первая [= «простейшая»] из фигур — пирамида, а первая фигура принадлежит первому телу, то огонь — пирамида. Другие же [т. е. Гераклит] и т. д. [см. ГЕРАКЛИТ, фр. 53 bis]. СИМПЛИКИЙ. Комм. к этому месту, 620, 4: [Аристотель] переходит к тем, кто полагает [первоэлементом тончайший из четырех элементов — огонь. К их числу принадлежали Гиппас из Метапонта и Гераклит из Эфеса.

8. КЛИМЕНТ АЛЕКС. Протретики, 5, 64: Огонь полагали богом Гиппас из Метапонта и Гераклит Эфесский.

9. Мнения философов (Стобей), IV, 3, 4: Парменид и Гиппас [считают душу] огненной. ТЕРТУЛЛИАН. О душе, 5: Гипсарх [sic] и Гераклит [учили, что душа состоит] из огня.

10—11: см. Spuria.

12. Схолии к ПЛАТОНУ, Федон, 108 d=АРИСТОКСЕН, фр. 90 Wehrli: [Выражение «Главково искусство» употребляется] либо применительно к тому, что нелегко

изготовить, либо к тому, что изготовлено с большим старанием и мастерством. [Происхождение этой поговорки таково]. Некто Гиппас изготовил четыре медных диска с таким расчетом, чтобы диаметры их были равны, толщина первого диска составляла $1\frac{1}{3}$ толщины второго, $1\frac{1}{2}$ толщины третьего и была в два раза больше толщины четвертого. Когда по ним ударяли, то они издавали определенный консонирующий интервал. Как говорят, Главк, заметив звуки, издаваемые дисками, первым принялся играть на них как на музыкальном инструменте, в память об этой затее еще и поныне говорят о «Главковом искусстве». Об этом упоминают Аристоксен в «Лекциях по музыке» и Никокл в книге «О теории [музыки]».

ЕВСЕВИЙ. Против Маркелла, XXIV, 746 Migne: Другой, подтвердив исключительную искусственность Главка в музыке, говорит, что изготовленные им четыре медных диска при ударе издавали определенное гармоническое созвучие.

13. ТЕОН СМИРНСКИЙ, с. 59, 4 Hiller: Одни полагали, что эти консонирующие интервалы [=кварту, квинту и октаву] следует получать исходя из [соотношения] весов, другие — из [соотношения] величин, третьи — из числа колебаний, четвертые — из емкостей и объемов. Лас Гермийонский, с которым согласны последователи пифагорейца Гиппаса из Метапонта, полагая, что частота колебаний, от которых [получаются] консонансы, соответствует числам, получал такие соотношения на сосудах. Взяв равные [по объему] и одинаковые [по форме] сосуды и один из них оставив пустым, а другой <наполнив> водой наполовину, он извлекал звук из того и другого и у него выходила октава. Затем он оставлял один сосуд пустым, а второй наполнял водой на одну четверть, и при ударе у него получалась кварта. Квинта [получалась], когда он заполнял [второй сосуд] на одну треть. Таким образом, отношение пустоты одного сосуда к пустоте другого составляло: в случае с октавой — $2 : 1$, с квинтой — $3 : 2$, с квартой — $4 : 3$.

14. БОЭЦИЙ. Наставление в музыке, II, 19, с. 250 Friedl. [из Никомаха]: Однако Эвбулид и Гиппас устанавливают другой порядок консонирующих интервалов. Они полагают, что увеличение отношения многократности в неизменном порядке соответствует уменьшению отношения суперпартикулярности, так что не может быть двукратного [отношения] без половинного и трехкратного без одной трети. Следовательно, коль скоро отношение двукратное, получается интервал октава [$2 : 1$], а коль скоро половинное [$1 : 2$], то из него [в качестве суперпартикулярного отношения] получается квинта [$3 : 2$]. В результате их, т. е. октавы и квинты, соединения, порождается трехкратное отношение, которое содержит оба интервала $\left[\frac{2}{3} \cdot \frac{3}{2} = \frac{3}{1} \right]$. Трехкратное отношение, в свою очередь, путем перестановки членов [$3 : 1, 1 : 3$] становится третьей, из которого, в свою очередь, [в качестве суперпартикулярного отношения] получается интервал кварта [$4 : 3$]. Трехкратное отношение и кварта, соединившись между собой, образуют четырехкратное отношение $\left[\frac{3}{1} \cdot \frac{4}{3} = \frac{4}{1} \right]$. Таким образом, из октавы и квинты, образующих единый консонирующий интервал, с одной стороны, и кварты — с другой, сопрягается единая гармония, которая состоит в четырехкратном отношении [$4 : 1$] и получает наименование двойной октавы. Таким образом, согласно им [Эвбулиду и Гиппасу], порядок [интервалов] таков: октава, квинта, октава и квинта, кварта, двойная октава.

15. ЯМВЛИХ. Комм. к «Арифметике» Никомаха, 100, 19 Pistelli: В старину, при Пифагоре и современных ему математиках, были [известны] три средние пропорцио-

нальные [величины]: арифметическая, геометрическая и третья по порядку, некогда называвшаяся субконтрарной, а впоследствии переименованная последователями Архита [47 В 2] и Гиппаса в гармоническую. После того как термин был изменен, последующие математики из круга Евдокса открыли еще три средних пропорциональных и назвали четвертую специально субконтрарной, а двум остальным дали просто порядковые названия: пятая и шестая.

Spuria

10. КЛАВДИАН МАМЕРТ. О душе, II, 7: Гиппон [sic; читай «Гиппас»] из Метапонта, [выходец] из той же школы Пифагора, изложив сначала неопровержимые, с его точки зрения, доводы о душе, высказывается так: «Тело — это одно, и душа — совершенно иное: когда тело цепенеет, душа полна сил; когда оно слепо, она видит; когда оно мертво, она живет».

11. ЯМВЛИХ. О душе, у Стобея, I, 49, 32: Некоторые из пифагорейцев соотносят с душой число вообще: Ксенократ — поскольку оно «самодвижущееся», пифагореец Модерат — поскольку оно содержит [гармонические] отношения [т. е. интервалы], а Гиппас, пифагореец-акустик, поскольку оно — «различительное орудие [или «орган суждения»] бога-творца».

ЯМВЛИХ. Комм. к «Арифметике» Никомаха, с. 10, 20 Pist.: Акустики из школы Гиппаса определяли число как «первый прообраз (парадигма) творения мира» и «различительное орудие бога-творца».

19. КАЛЛИФОНТ И ДЕМОКЕД

1. ГЕРОДОТ, III, 125—137: [Новелла о Демокее, Дарии и Атоссе — см. рус. пер. Геродота; Демокед в числе пифагорейцев-консерваторов — см. выше 18, 5]. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 261: [Смерть Демокееда от руки Теага в Платее].

2. СУДА, под словом «Демокед»: Демокед, сын Каллифонта, квидского жреца Асклепия, кротонский врач, лечил на Эгине, где и женился. Излечил Поликрата, тирана Самосского, за два таланта золотом. Был приглашен Дарием и жил у него при дворе изрядное время. Написал врачебную книгу.

ИОСИФ ФЛАВИЙ. Против Апиона, I, 163 [следует после 14, 18]: [Гермипп] во второй книге «О Пифагоре [фр. 21 FHG] сообщает, что после смерти одного из его учеников — по имени Каллифонт родом кротонца — Пифагор говорил, что душа его пребывает с ним денно и ночью.

2 а. АФИНЕЙ, XII, 522 А: По словам Тимея [FGtH 566 F 44—45], после истребления Сибариса кротонцы также впали в роскошь, так что их архонт обходил город облаченный в порфиру, увенчанный златым венцом и обутый в белые сапоги. Другие говорят, что обычай этот пошел не от роскоши, а от врача Демокееда. Демокед был кротонец родом, жил при дворе Поликрата, тирана Самосского, а после его смерти (Поликрата убил Оройт) взят в плен персами и увезен к царю [Дарию]. Демокед излечил жену Дария и дочь Кира Атоссу, страдавшую грудной болезнью, и попросил в награду послать его в Грецию, пообещав вернуться. Добившись этого, он уехал в Кротон. Когда он пожелал здесь остаться, один из [сопровождавших его] персов арестовал его, утверждая, что тот раб царя. Кротонцы отняли Демокееда и, сняв с перса

одежду, облачили в нее слугу притана. С тех самых пор, облаченный в персидский наряд, он обходит алтари вместе с пританом каждое седьмое число [месяца] — не ради роскоши и не ради спеси, а ради поношения персов, которые так делают.

2 в. ЭЛИАН. Пестрая история, VIII, 17: Сицилиец Скиф, отпущенный Дарием погостить на родину, вернулся назад. А кротонец Демокед этого не сделал, за что Дарий поносил его последними словами, называя обманщиком и негодяем.

2 с. ГИМЕРИЙ. Речи, с. 145, 33 Colonna: Рассказывают, что знаменитый Демокед из Кротона, который первым ввел у варваров греческую медицину, после пребывания в Сузах и у мидян стал учеником Пифагора и предпочел богатство Пифагоровой мудрости сокровищам [персидского] царя.

3. СТОБЕЙ, IV, 50, 80. 81 Hense: [Изречение] Демокеда: «С ростом тела растет и ум, стареет тело — стареет и ум и на всякое дело притупляется». [Займовано из ГЕРОДОТА, III, 134: Наученная Демокедом, Атосса говорила Дарию на ложе такие слова: «. . . сейчас бы тебе и явить великое дело, покуда молод: ведь с ростом тела и т. д.».]

20. ПАРМИСК

1. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 267: [Каталог пифагорейцев]. Метапонтцы: Бронтин, Пармиск, Орестаид, Леонт. . . Ср. 58 А.

2. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 20 [=21 А 1]: Полагают, что он [Ксенофан] был продан в рабство <и выкуплен> пифагорейцами Пармениском и Орестаидом.

3. АФИНЕЙ, XIV, 614 А: Пармениск из Метапонта, как говорит Сем в 5-й книге «Делиады» [FGhN 396 F 10], первенствовал и родом и богатством. Он спустился в пещеру Трофония, а когда поднялся, не мог уж больше смеяться. Вопросив об этом оракул, он получил от Пифии ответ:

Ты вопрошаешь меня о ласковом смехе, угрюмец:

Мать тебе дома вернет, ее почитай непомерно!

Надеясь обрести смех по возвращении на родину, он считал себя обманутым, поскольку этого не произошло. Но однажды он случайно прибыл на Делос и, дивясь достопримечательностям острова, зашел в храм Латоны, думая посмотреть на некую замечательную статую матери Аполлона. А увидев, что эта статуя — бесформенное бревно, нечаянно засмеялся. Разгадав оракул бога и избавившись от болезни, он почтил богиню великолепными дарами.

Инвентарь храма Артемиды на Делосе, IG XI 2, 161 В 17, р. 49: «Кратер серебряный, который посвятил Пармиск, весом 9572 драхмы».

21. КСЕНОФАН

А. СВИДЕТЕЛЬСТВА О ЖИЗНИ И УЧЕНИИ

1. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 18: Ксенофан Колофонский, сын Дексия или, согласно Аполлодору [FGhN 244 F 68 а], Ортомена. Его хвалит Тимон [фр. 60 D., ср. А 35], который говорит:

И Ксенофана, почти свободного от бреда, бичевателя гомеровобмана.

Покинув отечество, он жил в Занкле сицилийской, а также в Катане. Некоторые полагают, что он ни у кого не учился, некоторые — что у Ботона Афинского или, по другим — у Архелая. По словам Сотгиона, он был современником Анаксимандра. Писал эпические стихи, элегии и ямбы против Гомера и Гесиода, бичуя сказанное ими о богах. Но и сам в качестве рэпсода декламировал собственные стихи. Говорят, что он полемизировал с Фалесом и Пифагором [В 7], да и на Эпименида напал [ср. В 20]. И был он величайшим долгожителем, о чем и сам говорит в одном месте [следует В 8].

(19) Он полагает, что элементов сущего — четыре, а космос — бесконечное число, но неразлично сходных. Облака образуются, когда пар под воздействием солнца поднимается вверх и вздымается в окружающее [пространство]. Сущность бога шарообразна и ничуть не схожа с человеком: он весь целиком видит и весь целиком слышит, но не дышит, и всецело — сознание (*νοῦς*), разум (*φρόνησις*) и вечен. Он также первым сказал, что все возникающее подлечит гибели и что душа — дыхание.

Еще он сказал, что большинство хуже ума и что тиранов надо либо пореже посещать, либо почаше услаждать. (20) Когда Эмпедокл сказал ему, что мудреца отыскать невозможно, тот ответил: «Естественно: ведь чтобы узнать мудреца, надо быть им». Сотгион (ошибочно) утверждает, что он первым объявил все непостижимым [ср. В 34].

Он сочинил эпическую поэму «Основание Колофона» и «Колонизация Элеи Итальяской» в две тысячи стихов. Расцвет его пришелся на шестидесятую олимпиаду [540—537 гг. до н. э.]. Деметрий Фалерский в книге «О старости» [фр. 83 W.] и стоик Панетий [фр. 45 van Straaten] в книге «О благорасположении духа» утверждают, что он, подобно Анаксагору, своими руками похоронил своих сыновей. Полагают, что он был продан в рабство <и выкуплен> пифагорейцами Пармениском [гл. 20] и Орестадом, как говорит Фаворин в первой книге «Воспоминаний» [фр. 8 Men.] Был и другой Ксенофан — лесбосец, ямбический поэт. Таковы «спорадические» [= не принадлежащие ни к одной из линий «преемств»] философы [= Гераклит и Ксенофан].

2. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 21: Учеником Ксенофана был Парменид, сын Пирета, элонец. Теофраст в «Сокращении [„Физических мнений“]» [фр. 6 a Diels] говорит, что он был учеником Анаксимандра. Ср. 28 A 1.

3. ГЕРАКЛИТ, фр. 16=В 40: Многознание уму не научает, а не то научило бы Гесиода и Пифагора, равно как и Ксенофана с Гекатеем.

4. ЦИЦЕРОН. Учения академиков, II, 118: Ксенофан, который был немного древнее [Анаксагора], утверждал, что все есть одно.

5. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 56 [ср. 31 A 1]: По словам Гермиппа [фр. 27 FHG], [Эмпедокл] был ревнителем не Парменида, а Ксенофана; у него он учился и его эпической поэзии подражал.

6. ПСЕВДО-ЛУКИАН. Долгожители, 20: Ксенофан, сын Дексина, ученик натурфилософа Архелая прожил девяносто один год.

7. ЦЕНЗОРИН. О дне рождения, 15, 3: Ксенофану Колофонскому было больше ста лет.

8. КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, I, 64: Зачинателем элейской школы был Ксенофан Колофонский. По словам Тимея [FGtN 566 F 133], он был современником сицилийского тирана Гиерона и поэта Эпихарма; по словам Аполлодора [FGtN 244 F 68 c], родился в пятидесятую олимпиаду [580—577 гг. до н. э.] и дожил до времен Дария и Кира. [Из того же источника]: СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, I, 257: Ксенофан Колофонский родился в пятидесятую олимпиаду [ср. В 8].

9. ЕВСЕВИЙ. Хроника: а) 56-я олимпиада [556—553 г. до н. э.]: Был известен Ксенофан Колофонский; б) 59-я—61-я олимпиада [в армянском переводе — 1-й год 60-й олимпиады—540 г. до н. э.]: Мелический поэт Ивик, историограф Ферекид, Фокилид, натурфилософ Ксенофан и Феспид, трагический поэт. Ср. А 1.

10. Теологумены арифметики, с. 52, 18—22 De Falco [=14, 8].

10а. ДЕМЕТРИЙ. О стиле, 182: .как говорит Дикеарх: «В Элее Итальяской, уже стариком. .».

Апофтегматика

(ср. А 1, § 19—20)

11. ПСЕВДО-ПЛУТАРХ. Изречения царей и полководцев, 175 С: На слова Ксенофана Колофонского о том, что он с трудом может прокормить двух слуг, [Гиерон] ответил: «А Гомер, которого ты осмеиваешь, даже мертвый кормит более десяти тысяч».

12. АРИСТОТЕЛЬ. Риторика, В 23. 1399 б 5: Другой [риторический топос] основан на том, что если тождественно следствие, то тождественны и посылки, из которых оно вытекает. Примером может служить изречение Ксенофана о том, что как утверждающие, что боги родились, так и утверждающие, что боги умерли, одинаково впадают в нечестие. В обоих случаях получается, что в какой-то момент богов нет.

13. АРИСТОТЕЛЬ. Риторика, В 26. 1400 б 5: Элейцам, сирсившим его, приносить ли им жертвы Левкотею и оплакивать ли ее, Ксенофан посоветовал: если считают ее богиней — не оплакивать, если человеком — не приносить жертв. ПЛУТАРХ. О любви, 18, 12. 763 D: Ксенофан велел египтянам: если они считают Осириса смертным, не чтить его как бога, если же полагают, что он бог — не оплакивать.

ПЛУТАРХ. Об Исиде и Осирисе, 70, 379 В: Правильно потребовал от египтян Ксенофан Колофонский: если они признают богов — не оплакивать их, а если оплакивают, то пусть не признают богами [ср.: ГЕРАКЛИТ, фр. 119=В 127].

ПЛУТАРХ. О суеверии 13. 171 Е: Натурфилософ Ксенофан, видя, как египтяне во время празднеств истязают себя и поют трены [=скорбные песни], кстати напомнил: «Если они боги — не оплакивайте их, если люди — не приносите им жертв» [ср.: ПСЕВДО-ПЛУТАРХ. Спартакие изречения, 26. 228 Е].

14. АРИСТОТЕЛЬ. Риторика, А 15. 1377 а 19: Уместно и изречение Ксенофана о том, что это предложение [принести присягу на суде], обращенное от человека нечестивого к благочестивому, делает стороны неравными и похоже на то, как если бы сильный вызвал слабого на бой или [по существу] на избиение.

15. АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, Г 5. 1010 а 4: Поэтому «они говорят правдоподобно, но истинно — не говорят»: такое изречение подходит больше, нежели то, которое Эпихарм адресовал Ксенофану.

16. ПЛУТАРХ. О ложном стыде, 5. 530 Е: Не стыдись и не пугайся, когда над тобой насмеются, но [держись] подобно Ксенофану; когда Лас из Гермियोны обозвал его трусом за то, что тот не захотел играть с ним в кости, Ксенофан признал, что он очень даже труслив и нерешителен на безобразные дела.

17. ПЛУТАРХ. Об общих понятиях, 46, 3. 1084 F: Кто-то рассказал Ксенофану, что видал угрей, живущих в горячей воде. «Ну что ж, — сказал Ксенофан, — тогда давай сварим их в холодной».

Поэзия и стиль

18. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 22: [Парменид] также философствует в стихах, подобно Гесиоду, Ксенофану и Эмпедоклу. Ср. 11 В 1, 21 А 5.

19. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 18=21 А 1 выше.

Там же, II, 46=АРИСТОТЕЛЬ. О поэтах, фр. 7 Ross: С Гомером при жизни [соперничал] Сиагр, после смерти — Ксенофан Колофонский, с Гесиодом при жизни — Керкоп, после смерти — упомянутый Ксенофан.

20. СТРАБОН, XIV, с. 643: Натурфилософ Ксенофан, сочинивший «Силлы» в стихах.

21. АПУЛЕЙ. Флориды, 20: Эмпедокл творил поэмы, Платон — диалоги, Сократ — гимны, Эпихарм — комедии, Ксенофонт — историю, Ксенофан [?] — сатиры.

22. ПРОКЛ. Схолии к «Трудам и дням» Гесиода, ст. 284=ПЛУТАРХ, фр. 40 Sandbach: Архилох и Гиппонакт сочиняли хулы на обидчиков. Эпикурейцы Метродор и Тимократ — а ведь они были братья! — сцепившись меж собой, обнародовали сочинения, направленные друг против друга. Да что говорить о них, когда уже Ксенофан в силу какого-то низменного отношения к современному ему философам и поэтам сочинил нелепые силлы против всех философов и поэтов.

23. Схолии АВТ к «Илиаде», II, 212: Отнюдь не Ксенофан, а уже Гомер был первым сочинителем силл — в тех стихах, где он сам высмеивает Терсита, а Терсит — знать.

24. АРИЙ ДИДИМ у Стобея, «Эклоги», II, 1, 18: Ксенофан первым явил эллинам учение, достойное упоминания: с шуткой на устах он порицал смелые притязания других и выказывал собственную осторожность: дескать, истину знает [только] бог, а «во всем лишь догадка бывает» [В 34].

25. ЦИЦЕРОН. Учения академиков, II, 23, 74: Парменид и Ксенофан, хотя и в менее изящных стихах, [чем Эмпедокл], однако тоже в стихах, словно разгневавшись, осыпают бранью дерзкие притязания тех, кто осмеливается утверждать, что они [что-то] знают, хотя ничего знать нельзя.

26. ФИЛОН АЛЕКС. О провидении, II, 39: Однако ни Ксенофан, ни Парменид, ни Эмпедокл, ни все прочие богословы не были вдохновенными мужами, плененными поэзией в такой мере [т. е. не изображали богов лжецами]. Скорее они находили отраду в умозрении о природе и, посвятив всю свою жизнь благочестию и восхвалению богов, снискали себе славу как мужи высокой нравственности, но не как одаренные поэты. Им бы в удел вдохновение по божественному наитию и благодать небесную в виде стихотворного размера, напева и ритма небесного и божественного — тогда бы они оставили после себя подлинные стихотворения, как бы совершенный первообраз книги и прекрасный пример для всех. Там же, 42: Но почему Эмпедокл, Парменид, Ксенофан и хор их подражателей не получили в удел вдохновения от Муз, когда занимались богословием?

27. АФИНЕЙ, XIV. 632 CD: То, что древние поэты состояли в самом близком родстве с музыкой, явствует и из Гомера. Поскольку вся его поэзия была сочинена мелодически, он беззаботно творит многие стихи безглавыми, слабыми и куцыми. Ксенофан же, Солон, Феогнид, Фокилид, а также элегический поэт Периандр из Коринфа, да и прочие поэты, не приносящие в стихотворения мелодичности, тщательно отделяют стихи в просодическом и метрическом отношении и следят, чтобы ни один стих не вышел безглавым, слабым или куцым.

Учение

28. ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ. О Мелиссе, Ксенофане, Горгии, гл. 3—4:

- ^{977a} 14 Гл. 3 (1) Если нечто есть, — говорит он, имея в виду бога, — то оно не
 15 могло возникнуть. В самом деле, необходимо, чтобы возникшее возникло либо
 из подобного, либо из неподобного, но ни то, ни другое невозможно, так как:
 (а) быть порождением подобного подобному подобает не больше, чем породить
 его (у одинаковых вещей все [свойства] тождественны и они одинаково отно-
 сятся друг к другу); (б) неподобное не может возникнуть из неподобного.
 20 (2) [Последнее] потому, что если бы из более слабого возникало более сильное,
 или из меньшего — большее, или из худшего — лучшее, или же, наоборот,
 из лучшего — худшее, то тогда сущее возникло бы из не-сущего, что невозможно.
 Стало быть, в силу этого бог вечен. (3) Далее, если бог — самое могущественное
 из всех [существ], то ему подобает быть одним, говорит он. Ибо если бы [богов]
 25 было два или больше, то он уже не был бы самым могущественным и самым
 лучшим из всех существ. В самом деле, каждый из многих, поскольку он бог,
 равным образом был бы таким. В том-то и суть бога, и сила бога, чтобы господ-
 ствовать, а не подчиняться, и быть самым могущественным. Следовательно,
 поскольку он не обладает превосходством, постольку он не бог.
 30 (4) Допустим, что богов много. Если при этом они в одном будут превосхо-
 дить друг друга, в другом — уступать, то они не будут богами, потому что
 божество по своей природе не терпит над собой господства.
 (5) Если же они равны, то не будут обладать природой бога, потому что бог
 должен обладать превосходством над всеми, а равное не лучше и не хуже рав-
 ного. Поэтому, коль скоро бог есть, и коль скоро он таков, то он должен быть
 35 только один. Кроме того, будь их много, то он не обладал бы силой [совершить]
 все, что пожелает. Следовательно, он только один.
 (6) Но коль скоро он один, то должен быть повсюду подобен: повсюду
 видящим, [повсюду] слышащим и [повсюду] обладающим прочими чувствами.
 В противном случае части его, притом что они — части бога, находились бы
 между собой в отношениях господства и подчинения, что невозможно.
^{977b} 1 (7) А коль скоро он повсюду подобен, то должен быть шарообразным, ибо
 дело обстоит не так, что он здесь таков, а там нет, но так, что он повсюду
 [таков].
 (8) Коль скоро он вечен, один и шарообразен, он и не бесконечен и не ко-
 нечен. <В самом деле>, бесконечно — не-сущее, так как именно оно не имеет ни
 5 середины, ни начала, ни конца, ни какой-либо другой части, а таково беско-
 нечное. Однако сущее не могло бы быть таким, как не-сущее. [С другой стороны,
 бог и не конечен], ибо граничить друг с другом [сущие] могли бы только в том
 случае, если бы их было много, [а бог один]. Между тем одно не подобно ни не-
 сущему, ни многому; поскольку оно одно, ему не с чем граничить.
 (9) Такое одно, каким он полагает бога, и не движется и не неподвижно.
 10 В самом деле, неподвижно — не-сущее, так как ни в него не может переме-
 ститься другое, ни оно — в иное. Двигается же то, что числом больше одного,
 так как двигаться должно одно в другое. Следовательно, ничто не может пере-
 двинуться в не-сущее,

(10) ибо не-сущего нет нигде. А если бы происходил переход одного в другом, то единое [числом] было бы больше одного. Стало быть, вследствие этого двигаться могут два [сущих] или больше одного, а покоиться и быть неподвижным — ничто.

(11) Но единое и не покоится и не движется, ибо не подобно ни не-сущему, ни многому. Согласно всем этим [аргументам], бог, поскольку он вечен, один, однороден и шарообразен, не может быть ни бесконечным, ни конечным, ни покоющимся, ни движущимся.

Гл. 4 (1) Прежде всего и он, подобно Мелиссу [30 А 5], постулирует, что то, что возникает, возникает из сущего. Однако что мешает возникающему возникать и не из подобного <и не из неподобного>, а из не-сущего? Кроме того, бог ничуть не больше нерожден, чем все остальное, если все возникло либо из подобного, либо из неподобного, что невозможно. Следовательно, либо нет ничего, кроме бога, либо и все прочие вещи тоже вечны.

(2) Затем, он постулирует, что бог «превосходит всех», разумея под этим, что он «самый сильный» и «самый лучший». Однако с общепринятым мнением согласно не это, а то, что боги во многих отношениях превосходят один другого. Следовательно, этот постулат о боге он заимствовал не из общепринятого мнения.

(3) Как сообщают, он полагает бога обладающим наивысшим превосходством не в том смысле, что такова природа бога по отношению к чему-то другому, а [в том, что она такова] по отношению к его собственному состоянию, поскольку обладать превосходством по отношению к иному ему ничто не мешало бы не благодаря своим собственным достоинствам и силе, а благодаря чужой слабости. Однако никто не согласится признать бога «превосходнейшим» в этом смысле: [его можно признать превосходнейшим только] в том смысле, что он сам находится в наилучшем из всех возможных состояний, и что нет ничего, чего бы ему не хватало для состояния добра и красоты: из обладания всем этим, пожалуй, вытекает и высшее превосходство.

39 (4) Однако ничто не мешало бы им находиться в таком состоянии, даже
978a 1 если бы их было много: они все находились бы в состоянии наивысшего совершенства и обладали бы наивысшим превосходством над остальными [существами], а не над самими собой.

(5) Между тем остальные [существа], очевидно, существуют. В самом деле, он полагает бога «самым превосходным», но [самым] можно быть только «из» некоторого числа [других существ]. Кроме того, если он один, то ему несколько не подобает видеть и слышать «повсюду» [= всем своим существом]: даже если в какой-то точке [своего существа] он не видит, то это не означает, что он видит «хуже», но [лишь] то, что он не видит. Но, быть может, учение о том, что бог ощущает всем своим существом, означает, что, для того чтобы находиться в наилучшем состоянии, ему надо быть повсюду одинаковым.

(6) Кроме того, коль скоро он таков, то почему он должен быть шарообразным, а не иметь какую-нибудь другую форму, раз он повсюду слышит и повсюду господствует? Так, например, когда мы говорим, что белила всецело белы, то это не означает ничего иного, кроме того, что они во всех своих частях окрашены в белый цвет. Так что же мешает тому, чтобы и в случае с богом [выражения] «повсюду видит», «[повсюду] слышит» и «[повсюду] господствует» озна-

чали бы [только] то, что любая его часть обладает этим свойством? И как белила,
15 так и бог не должны быть в силу этого шарообразными.

(7) Кроме того, коль скоро он тело и имеет величину, то как возможно,
чтобы он не <был> ни бесконечным, ни конечным? Поскольку «бесконечное»
[по определению] означает «то, что [потенциально] способно получить предел,
но [в действительности] не имеет предела», а предел имеет место в величине,
20 множестве и в любом виде количества, то все, что, будучи величиной, не имеет
предела, — бесконечно.

(8) Кроме того, [бог] должен иметь предел, поскольку он шарообразен.
В самом деле, у него есть периферия, коль скоро он имеет центр, от которого
[периферия] удалена на максимальное расстояние. Центр же он имеет, поскольку
шарообразен: ведь «шарообразное», [по определению], означает «то, все точки
периферии которого одинаково удалены от центра».

25 (9) Но [выражения] «тело имеет периферию» и «[тело имеет] предел» равно-
значны. * * * В самом деле, если не-сущее бесконечно, то почему бы и сущему
не быть бесконечным? Что мешает тому, чтобы сущее и не-сущее имели некото-
рые тождественные предикаты? Как никто не воспринимает того-чего-нет
[не-сущего] в момент «теперь», так и то-что-есть [сущее] могло бы быть не вос-
принято в момент «теперь»; но и то и другое мыслимо и выразимо. То, чего
30 нет, — не белое. Должны ли мы отсюда сделать вывод, что все, что есть, — белое,
чтобы не приписать ни одного тождественного предиката сущему и не-сущему?
Полагаю, что нет: ничто не мешает некоторым из сущих также не быть белыми.
Аналогичным образом — путем отрицания другого рода — о [сущем] можно
будет высказать [предикат] «бесконечное», если, согласно сказанному, «беско-
нечное» означает скорее положительное обладание свойством, нежели его от-
сутствие. Следовательно, сущее также может быть либо бесконечным, либо
имеющим предел.

35 (10) Пожалуй, абсурдно также приписывать не-сущему бесконечность:
отнюдь не все, что не имеет предела, мы называем бесконечным, точно так же,
как мы не называли бы неравным [все] то, что не есть равное.

(11) Кроме того, почему бы богу, коль скоро он один, не иметь предела,
но только не по отношению к другому богу? Если же бог — только одно, одним
978b 1 только будет и части бога.

(12) Кроме того, абсурден и этот [аргумент]: если многому свойственно
иметь взаимные границы, то, следовательно, одно не имеет границы. Единое
и многое имеют много тождественных атрибутов, например общий атрибут
5 бытия. Пожалуй, было бы абсурдно, если бы мы по этой причине стали утвер-
ждать, что бога нет, раз есть множество, — чтобы бог в этом отношении не был
подобен множеству.

(13) Кроме того, что мешает богу, при том что он один, быть конечным и
иметь границы? Так, например, Парменид утверждает [В 8, 43], что, будучи
одним, он

Подобен глыбе хорошо закругленного шара, со всех сторон
равно отстоящий от центра.

10 Граница по необходимости должна быть границей чего-то, но отнюдь не [непре-
менно] границей по отношению к чему-то, и нет необходимости, чтобы имеющее

границу с чем-то граничило, как конечное — с примыкающим к нему бесконечным: быть конечным — значит иметь периферию, но для имеющего периферию отнюдь не необходимо иметь ее относительно чего-то.

(14) Некоторым [предметам] свойственно быть ограниченными и при этом примыкать к чему-то, а другим — быть ограниченными, но ни от чего не ограниченными.

- 15 (15) Что касается тезиса, согласно которому сущее и одно — «неподвижно», так как и «не» сущее не «движется», то он, пожалуй, столь же абсурден, как и предыдущие. И еще: надо полагать, что [предикаты] «не двигаться» и «быть неподвижным» не тождественны: первый означает отрицание движения, как «то, что не есть равное», и может быть истинно высказано и о не-сущем, а второй, «неподвижное», означает уже в каком-то смысле положительное обладание [качеством], как «неравное», и [может быть истинно высказано] о том, что противоположно движению, — о покое; как и почти все отрицания, образованные от α - [«не-»], сказываются о противоположностях. Таким образом, [предикат] «не двигаться» истинно [сказывается] о не-сущем, а «покой» не-сущему не присущ. Равным
- 20 образом и [предикат] «быть неподвижным» не означает того же самого. Однако он употребляет его применительно к покою и говорит, что не-сущее покоится, так как ему некуда переместиться.

- (16) Как мы уже сказали выше, пожалуй, абсурдно также [утверждать], что все, что мы приписываем не-сущему, не может быть истинно высказано
- 30 о сущем, особенно если предикат есть отрицание, как, например, «не двигаться» и «не перемещаться». В этом случае, как уже было сказано, мы были бы лишены возможности высказывать о сущем много [истинных] предикатов. И было бы неверным сказать о многом «не одно», поскольку и не-сущее также «не одно».

- (17) Кроме того, в некоторых случаях, как представляется, в силу тех же самых отрицаний получаются противоположные [предикаты]: так, например, нечто по необходимости должно быть либо равным, либо неравным, если оно —
- 35 множество или величина; четным или нечетным, если оно — число; сходным образом, вероятно, и «сущее» по необходимости должно «либо» покоиться, либо двигаться, если оно тело.

- (18) Кроме того, если бог и единое не движется также и потому, что многое
- 979a1 движется путем перемещения друг в друга [=на место друг друга], то что мешает и богу двигаться в иное? «Ведь он» ни«где не говорит», что «есть» только «одно», но что есть один только бог.

- (19) Но даже если и так, то что мешает богу «двигаться» по кругу, вследствие
- 5 вие того что части «бога» будут двигаться на место друг друга? Не станет же он утверждать, подобно Зенону, что такое одно есть многое! Ведь он полагает бога телом, разумеет ли он [под ним] эту Вселенную или что бы то ни было: в самом деле, будь [бог] бестелесен, каким образом он мог бы быть шарообразным?

(20) Кроме того, лишь в этом случае [=в случае бестелесности] он и не двигался бы и не покоился, поскольку он не находился бы нигде. Но коль скоро он тело, то что помешало бы ему двигаться, как было сказано?

29. ПЛАТОН: Софист, 242 cd: [Говорит элейский гость.] У меня создается впечатление, что каждый [из натурфилософов] рассказывает нам своего рода сказку

[собств. «миф»], словно мы дети: один о том, что сущих три, что некоторые из них **то** воюют друг с другом, а то, подружившись, вступают в брак, рожают детей и выкармливают потомков, другой утверждает, что [сущих] два — влажное и сухое или горячее и холодное, и сватает их, и выдает [друг за друга]. А пошедшее от нас элейское племя, начавшееся с Ксенофана и даже еще раньше, распространяется в [своих] мифах в том смысле, что-де так называемые «все [вещи]» суть одно.

ФИЛОПОН. Комм. к «Физике», 125, 27 Vitelli: Порфирий говорит, что Ксенофан полагал началами сухое и влажное, т. е. землю и воду, и приводит цитату из него, из которой это явствует: «Все, что произрастает или рождается, — земля и вода» [В 29]. Этого мнения, судя по всему, держится и Гомер в тех стихах, где он говорит [Илиада, VII, 99]:

Но да сгинете все вы, водой и землей обратившись!

30. АРИСТОТЕЛЬ: Метафизика, А 5. 986 b 18: Парменид, судя по всему, исследовал формальное [~ соответствующее логосу-понятию] Одно, а Мелисс — материальное, поэтому первый полагает его конечным, второй — бесконечным. Ксенофан, который первым из них выступил с монистическим учением (говорят, что Парменид был его учеником), ничего [на этот счет] не разъяснил, и, по-видимому, не затронул природы ни той, ни другой из этих [двух причин=«формальной и материальной»], но, имея в виду все Небо [= Вселенную] в целом, говорит, что единое есть бог [ср. В 23]. Этих философов, как мы сказали, следует оставить в стороне в связи с настоящим исследованием, и особенно двоих из них — Ксенофана и Мелисса, поскольку они несколько примитивны.

31. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 22, 22: (1) Итак, начало по необходимости должно быть либо одним, либо не одним, иначе говоря, многим; и если одним — то либо неподвижным, либо движущимся; и если неподвижным — то либо бесконечным, как полагает Мелисс Самосский, либо конечным, как Парменид, сын Пирета, элеец (они полагают так не о физическом элементе, а об онтически сущем). (2) Одно начало (и причем ни конечное, ни бесконечное, ни движущееся, ни неподвижное) или всеединство ($\epsilon\nu\ \kappa\alpha\iota\ \pi\acute{\alpha}\nu$) сущего принимал Ксенофан Колофонский, учитель Парменида. Об этом сообщает Теофраст, признавая, что упоминание об этом воззрении уместно скорее в другом исследовании, нежели в исследовании о природе. (3) Под этим всеединством Ксенофан понимал бога. То, что бог один, он доказывает исходя из [предпосылки], что бог «самое могущественное»: если их много, говорит он, то им всем в равной мере должно быть в господстве господство [над остальными], но «бог», [по определению], означает «самое могущественное» и «самое лучшее». (4) Нерожденность его он доказывал исходя из [посылката], что [все] возникающее должно возникать либо из подобного, либо из неподобного. Но подобное, по его словам, не может подвергнуться воздействию со стороны подобного, ибо подобному ничуть не более подобает рождать подобное, нежели рождаться из него; если же допустить, что оно возникло из неподобного, то сущее окажется [возникшим] из не-сущего. Так он доказывал нерожденность и вечность [бога]. (5) Не бесконечен же он и не конечен потому, что бесконечно не-сущее как не имеющее ни начала, ни середины, ни конца, а граничит между собой [т. е. конечно] многое. (6) Сходным образом он устраняет [из атрибутов бога-сущего] движение и покой. В самом деле, неподвижно не-сущее, ибо ни на его место не может перейти другое, ни само оно — на место другого, а движется то, что [числом] больше одного, ибо [при движении] одно перемещается в другое. (7) Поэтому когда он говорит, что [бог-сущее] пребывает на одном и том же месте и не движется,

Всегда на том же самом месте он пребывает, совершенно не двигаясь, И не пристало ему переходить то туда, то сюда [В 26],

но он разумеет под его пребыванием не покой, противоположный движению, но пребывание, трансцендирующее движение и покой. (8) Николай из Дамаска в сочинении «О богах» упоминает, что он полагает начало бесконечным и неподвижным, Александр — что конечным и шарообразным. (9) Но, как явствует из оказанного выше, он доказывал, что [начало] ни бесконечно, ни конечно, ограниченным же и шарообразным, по словам [Александра], он называл его [метафорически], потому что оно со всех сторон подобно. Еще он говорит, что оно все сознает (νοεῖ): [следует В 25].

32. ПСЕВДО-ПЛУТАРХ: Строматы, 4: Ксенофан Колофонский пошел особенным путем, уклонившись от всех названных выше философов [= милетцев]. Он не допускает ни возникновения, ни уничтожения, но утверждает, что универсум всегда подобен [самому себе]. В самом деле, если бы он возник, говорит [Ксенофан], то до этого [его] бы по необходимости не было. Но не-сущее не могло бы возникнуть, не-сущее не могло бы произвести нечто, и от не-сущего ничто не могло бы родиться. Он утверждает также, что ощущения лживы, а заодно с ними дискредитирует и самый разум (λόγος). Еще он утверждает, что со временем, непрерывно и постепенно опускаясь, земля погружается в море. Также говорит, что Солнце скучивается из множества маленьких огоньков. О богах он утверждает, что меж ними нет никакого главенства, ибо нечестиво кому-либо из богов иметь над собой господина. И никто из них абсолютно ни в чем не нуждается. Слышат и видят [они] целиком, а не частично. Еще он утверждает, что Земля бесконечна и не окружена со всех сторон воздухом. Все рождается из земли, а Солнце и звезды, по его словам, рождаются из облаков.

33. ИППОЛИТ: Опровержение всех ересей, I, 14, 1: Ксенофан Колофонский, сын Ортомена. Дожил до [царствования] Кира. Он первым утверждал непостижимость всех вещей в следующих словах [следует В 34, ст. 3—4].

(2) Он полагает, что ничто не возникает, не уничтожается и не движется и что Все [=универсум] есть одно, [причем] вне изменения. Он также утверждает, что бог вечен, один, подобен в каждой точке [своего существа], конечен, шарообразен и обладает чувствительностью во всех [своих] частях. (3) Солнце ежедневно рождается из скопления маленьких огоньков, а Земля бесконечна и не окружена ни воздухом, ни небом. Существоует бесконечное число солнц и лун, и всё — из земли. (4) Море, утверждал он, соленое, потому что в нем сливается много [веществ], образуя смеси. Мергород же говорил [70 А 19], что море становится соленым оттого, что процеживается сквозь землю. (5) Ксенофан думает, что земля смешивается с морем и со временем растворяется в воде, утверждая, что у него есть следующие доказательства: в глубине материка и в горах находят раковины. В Сиракузах, по его словам, был найден в каменоломнях отпечаток рыбы и тюленей, на Паросе — отпечаток лавра в толще камня, а на Мальте — плоские отпечатки всех морских существ. (6) Эти [отпечатки], по его словам, образовались в древности, когда все обратилось в жидкую грязь, а отпечаток на грязи засох. Все люди истребляются, всякий раз как земля, погрузившись в море, становится грязью, а потом снова начинают рождаться. И такое основание бывает во всех мирах. Ср. В 33.

34. ЦИЦЕРОН. Учения академиков II, 118 [ср. А 4]: . . . Все есть одно, что оно не подвержено изменению и что оно есть бог — никогда не рожденный, вечный, шарообразный.

ЦИЦЕРОН. О природе богов, I, 11, 28: Затем Ксенофан, который приписал Вселенной не только сознание (mens), но и бесконечность и признал ее богом. Относительно **ознания** он заслуживает такого же упрека, как и остальные, а относительно **бесконечности** более серьезного, ибо в бесконечности не может быть ничего ощущающего или связного. Ср.: АРИСТОТЕЛЬ. Поэтика, 25. 1460 b 36—37: Может статься, что такие [традиционные] рассказы [о богах] изображают их и не лучше, [чем они есть], и не правдивы, а вздорны, как [сказал] Ксенофан. Но уж так рассказывают.

35. ПСЕВДО-ГАЛЕН. История философии, гл. 7 («О философских школах»): [4 школы: догматическая, скептическая, эриотическая, смешанная]. К последователям смешанной школы принадлежат Ксенофан, который относительно всего выставлял **апории**, а догматически утверждал лишь то, что все есть одно и это [одно] есть бог — конечный, разумный, неизменяемый, а также Демокрит, который равным образом ни о чем [утвердительно] не высказывался и оставил только одно догматическое положение: об атомах, пустоте и бесконечности.

ТИМОН ИЗ ФЛИУНТА, фр. 59=СЕКСТ ЭМПИРИК. Пирроновы положения, I, 223: Во многих местах отзываясь о Ксенофане с похвалой вплоть до того, что посвятил ему свои «Силлы», [Тимон] изобразил его горестно причитающим:

О если бы я был наделен крепким умом
И был двоеглядом! Но я был обманут коварным путем
Уже в старости, совершенно не думая
О скептическом сомнении: куда бы ни обращал я свою мысль,
Она разрешалась в тождественное Всеединство, а вечно сущий универсум,
Взвешенный со всех сторон, оказывался одной единообразной природой.

ТИМОН, фр. 60=СЕКСТ ЭМПИРИК. Там же, I, 224:

В меру небредовый Ксенофан, бичеватель гомерообмана,
Эк выдумал бога: непохожего на людей, повсюду равного,
<Невыблемого>, неуязвимого, разумнее разума!

Секст комментирует: Поэтому он [Тимон] и называет его «в меру небредовым», а не «совершенно небредовым» в следующих стихах: «В меру небредовый разума!». «В меру небредовым» он назвал его как небредового в определенном отношении, а насмешником над «гомерообманом», поскольку он осмеивал гомеровский обман. Догматически же Ксенофан утверждал — вопреки представлениям других людей, — что универсум един, что бог имманентен [букв. «сращен»] всем вещам и что он шарообразен, неаффицируем, неизменяем и разумен.

СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, VII, 14: Из принимавших двухчастную философию, Ксенофан Колофонский, как говорят некоторые, занимался одновременно физической и логической частью.

36. ФЕОДОРИТ. Лечение эллинских недугов, IV, 5: Ксенофан, сын Ортомена, колофонец, зачинатель элейской школы, утверждал, что универсум един, шарообразен, конечен, не рожден, но вечен и совершенно неподвижен. С другой стороны, забыв про эти слова, он говорил, что все произошло из земли [следует В 27].

Мнения философов (Стобей), I, 3, 12: Ксенофан: начало всех вещей — земля. Он пишет в [книге] «О природе» [следует В 27].

ОЛИМПИОДОР-АЛХИМИК. О священном искусстве философского камня, гл. 24: Землю никто не считал началом, разве только Ксенофан Колофонский.

ГАЛЕН. Комм. к «О природе человека» Гипократа, XV, 25 К.: Некоторые толкователи нехорошо обогнали Ксенофана, например Сабин, написавший дословно следующее: «Я отнюдь не считаю человека ни воздухом, как Анаксимен, ни водой, как Фалес, ни землей, как в одном месте Ксенофан». Ксенофан нигде этого не утверждает... да и Теофраст в «Сокращении [„Физических мнений“]» изложил бы [это] мнение Ксенофана, если бы оно было таким. Ср.: АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, А 8. 989 а 5.

37. Мнения философов (Стобей), II, 4, 11: Ксенофан, Парменид, Мелисс: космос не возник, вечен и неуничтожим. [Ксенофан в ряду философов, учивших о бесчисленных мирах, см. выше 12 А 17 (Мнения философов, II, 1, 3).]

38. Мнения философов, II, 13, 14 («О субстанции светил»): Ксенофан: из воспламененных облаков. Ежедневно угасая, они снова вспыхивают ночью, словно угли: восход и заход есть воспламенение и угасание.

39. Мнения философов (Стобей), II, 18, 1: Ксенофан полагает, что наблюдаемые на кораблях как бы звезды, которые некоторые называют «Диоскурами», суть маленькие облака, поблескивающие вследствие определенного движения.

40. Мнения философов (Стобей), II, 20, 3 («О субстанции Солнца»): Ксенофан: из воспламененных облаков. Теофраст в «Физике» пишет, что, [по Ксенофану, Солнце] — из огоньков, сгущивающихся из влажного испарения, и при скоплении образующих Солнце.

41. Мнения философов, II, 24, 4 («О затмении Солнца»): Ксенофан: вследствие угасания, а на востоке рождается новое. Он упоминает также затмение Солнца в течение целого месяца и еще полное затмение, так что день казался ночью.

41 а. Там же, II, 24, 9: Ксенофан полагает, что имеется много солнц и лун по [разным] широтам, районам и поясам Земли. В какой-то момент [солнечный] диск, обившись с пути, попадает в необитаемый район Земли и тем самым, как бы заблудившись, ненадолго являет [нам] затмение. Он же полагает, что Солнце идет по прямой в бесконечность, а из-за расстояния кажется, что оно кружит.

42. Там же (Стобей), II, 30, 8: Ксенофан полагает, что Солнце полезно для возникновения и внутренней организации [собств. «хозяйственного управления»] космоса и находящихся в нем живых существ, а луна излишня.

43. Там же, II, 25, 4 («О субстанции Луны»): Ксенофан: свалывшееся облако.

Там же (Стобей), II, 28, 1: Анаксимандр, Ксенофан, Берос [фр. 18 FHG] полагают, что Луна имеет собственный свет.

Там же (Стобей), II, 29, 5: Ксенофан полагает, что ежемесячное исчезновение [Луны] также происходит вследствие угасания.

44. Там же, III, 2, 11 («О кометах, падающих звездах, метеорах-брусьях»): Ксенофан полагает, что все подобные явления суть скопления или движения воспламененных облаков.

45. Там же (Стобей) III, 3, 6: Ксенофан полагает, что молнии образуются оттого, что облака вследствие движения начинают сгуститься.

46. Там же (Стобей), III, 4, 4 («Об облаках, тумане, дождях, росе, снеге, инее, граде»): Первоначальной причиной, вызывающей метеоявления, Ксенофан полагает солнечное тепло: [Солнце] вытягивает из моря влагу, причем благодаря тонкости своих частиц [из морской толщи] выделяется пресная вода, которая превращается в туман и сгущивает облака, а сгущаясь, проливает ливни и испаряет из себя ветры. Так, он пишет дословно следующее: «Море — источник воды. . .» [В 30, 1].

47. АРИСТОТЕЛЬ. О небе, В 13. 294 а 21: [Почему Земля не падает?] Так, одни на основании этого утверждают, что низ Земли бесконечен. «Она уходит своими корнями в бесконечность», — говорят они, подобно Ксенофану Колофонскому [В 28], чтобы не утруждать себя поисками [подлинной] причины, за что и навлекли на себя суровую укоризну Эмпедокла, сказавшего [о них]:

...Будь бесконечны глубины Земли и эфир изобильный,
Как с языка сорвалось и из уст излилось впустую,
Многих людей, ничтожную часть Вселенной выдавших.

СИМПЛИКИЙ. Комм. к этому месту, с. 522, 7: Поскольку мне не попадались стихи Ксенофана, в которых об этом говорится, то я не знаю, говорит ли он [в них], что бесконечна нижняя часть [самой] Земли и поэтому Земля покоится или же что бесконечно подземное пространство и подземный эфир и поэтому падающая в бесконечность Земля кажется покоящейся. Ни Аристотель этого не разъяснил, ни стихи Эмпедокла не уточняют этого с ясностью; между тем [выражение] «глубины Земли» могло бы означать и то [пространство], в которое Земля падает.

Мнения философов (Псевдо-Плутарх), III, 9, 4: Ксенофан полагает, что снизу Земля уходит своими корнями в бесконечность.

Там же (Псевдо-Плутарх), III, 11, 1—2 («О положении Земли»): Фалес и его последователи: Земля — в центре. Ксенофан: в основании [космоса]. Ведь, по его словам, она уходит своими корнями в бесконечность.

ЦИЦЕРОН. Учения академиков, II, 39, 122: Но можем ли мы тем же самым способом, [что и врачи, вскрывающие человеческое тело, чтобы познать его], рассекать, вскрывать и расчленять природу вещей, чтобы увидеть, прикреплена ли Земля к чему-нибудь в недрах своих, зацепилась ли, так сказать, своими корнями или же висит посередине? (123) Ксенофан говорит, что Луна обитаема и представляет собой Землю со множеством городов и гор. Ср. А 33, § 3 выше и 30 А 5. 976 а 32.

48. ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ. Об удивительных слухах, 38. 833 а 15: Ксенофан говорит, что [огонь] на Липаре однажды исчез на шестнадцать лет, а на семнадцатом году вернулся.

49. АРИСТОКЛ («О философии») у Евсевия, Приготовление к Евангелию, XIV, 17, 1: Они полагают, что должно отвергнуть ощущения и представления и доверять только разуму самому по себе. Нечто подобное в прежние времена утверждали Ксенофан, Парменид, Зенон и Мелисо, а впоследствии Стиллион и мегарцы. Исходя из этого, они считали, что сущее одно, что одна вещь не тождественна другой и что абсолютно ничто не возникает, не уничтожается и не движется.

Мнения философов (Стобей), IV, 9, 1 («Верны ли ощущения»): Пифагор, Эмпедокл, Ксенофан . . . полагают ощущения ложными. Ср. В 34.

* ЦИЦЕРОН. Учения академиков, II, 42, 129: Учение мегарцев, родоначальником которого, как я читал, был Ксенофан.

50. МАКРОВИЙ. Комм. ко «Сну Сципиона» I, 14, 19: Ксенофан [полагает, что душа состоит] из земли и воды.

51. ТЕРТУЛЛИАН. О душе, гл. 43: Анаксагор о Ксенофаном [считают сон] невозможным.

52. ЦИЦЕРОН. О дивинации, I, 3, 5: Собраны изысканные доказательства философов, касающиеся истинности дивинации [=мантики, искусства гадания]. Из коих (если говорить только о древнейших) Ксенофан Колофонский был единственным, кто,

признавая существование богов, полностью отвергал дивинацию, все же остальные, за исключением Эпикура с его жалким лепетом о природе богов, дивинацию признавали...

Мнения философов (Псевдо-Плутарх), V, 1, 2: Ксенофан и Эпикур упраздняют мантику.

В. ФРАГМЕНТЫ

Элегии

1 (1 Gentili—Prato, 1 Diehl). АФИНЕЙ, XI, 462 с:

- Чист ныне пол, и руки у всех, и килики чисты.
 Кто возлагает венки свитые [всем] вокруг чела,
 Кто благовонное миро протягивает в фиале,
 Доверху полный кратер с увеселеньем стоит.
- 5 Есть и еще наготове вино — отказа не будет —
 В амфорах, сладко оно, благоухает цветком.
 А посредине ладан святой аромат источает,
 Есть наготове вода — хладна, сладка и чиста.
 Поданы желтые хлебы, и стол, почтенья достойный,
- 10 Обремененный стоит сыром и медом густым.
 Жертвенник, весь утопая в цветах, стоит посредине,
 Пенъем охвачен весь дом и ликованьем гостей.
 Надобно бога сперва воспеть благомысленным мужам
 В благоговейных словах и непорочных речах,
- 15 А возлиянье свершив и молитву, да правду возможем,
 А не грехи совершать — так-то ведь легче оно —
 Можно и выпить, но столько, чтоб выпив, самим воротиться
 Без провожатых домой, коли не очень-то стар.
 Тот из мужей достохвален, кто, выпив, являет благое:
- 20 Трезвую память свою и к совершенству (аретэ) порыв.
 Не воспевать сражений Титанов или Гигантов,
 Иль кентавров — сия выдумки прежних времен —
 Или свирепые распри, в которых вовсе нет проку,
 Но о богах всегда добру заботу иметь.

2 (2 G.—P., 2 D.). АФИНЕЙ, X, 413 f: Еврипид заимствовал это [см. 21 С 2] из элегий Ксенофана Колофонского, который говорит так:

- Если кто скоростью ног одержит победу [в ристаньи],
 Иль в пятиборьи — там, где Зевса священный удел,
 У Писийских берегов в Олимпии — или в бореньи
 [В первые выйдет], а то — в тяжком кулачном бою,
- 5 Иль в состязаньи ужасном, которое кличут «панкратий»,
 Сразу в глазах горожан станет он много славней,
 Станет сидеть впереди на видном месте в агонах,
 Станет паек получать он за общественный счет
 От государства, на память дадут ему ценный подарок.

- 10 Кони его победы — то же получит сполна!
 Хоть не достоин того он, что я, ибо лучше, чем сила
 Мужей или коней наше уменье (σοφίη) [стократ].
 Вздорен обычай сей, право, и несправедливо к тому же
 Силу предпочитать мудрости [нашей] благой.
- 15 Будь среди граждан хотя бы кулачный боец превосходный,
 Будь в пятибории кто или в искусстве борьбы,
 Будь хоть в скорости ног — а это ценится выше
 Всех состязаний, поди, в силе промежду мужей —
 Благозаконаия тем не станет в городе больше.
- 20 Радость невелика городу, ежели кто
 Близ Писийских брегов в состязаньи одержит победу:
 Ведь городская казна этим не станет жирней!

3 (3 G.—P., 3 D.). АФИНЕЙ, XII, 526 а: Колофонцы, по словам Филарха [FGH Hist 81 F 66], поначалу отличались строгим образом жизни, а после того как заключили союз и дружбу с лидийцами, впали в роскошь и выходили на люди с золотыми украшениями в волосах. Об этом говорит и Ксенофан:

Беспользную роскошь узнали они от лидийцев,
 Без тирании доколь мерзостной жили еще,
 На агору выходили в сплошь пурпурной одежде,
 Сразу не менее чем тысяча общим числом,
 Чванные, великолепьем своих гордились причесок,
 Все пропитавшись насквозь запахом тонких духов.

4 (42 G.—P.). ПОЛЛУКС. Ономастикон, IX, 83: Первым отчеканил золотую монету не то аргосец Фидон, не то Демодика из Кимы (супруга фригийца Мидаса и дочь кимского царя Агамемнона), не то афиняне Эрихтоний и Лик, не то — как говорит Ксенофан — лидийцы. Ср.: ГЕРОДОТ, I, 94: Лидийцы первый из известных нам народов, который стал чеканить золотую и серебряную монету и ввел ее в употребление.

5 (4 G.—P., 4 D.). АФИНЕЙ, XI, 18. 782 а: В прежние времена был обычай наливать в чашу сначала воду, а потом вино. Ксенофан:

В килике пусть не мешает никто, вино поначалу
 Вливши, но воду сперва, а уже сверху вино.

6 (5 G.—P., 5 D.). АФИНЕЙ, IX, 368 е: Ксенофан Колофонский говорит в элегиях:

Ножку козленка послав, получил ты окорок жирный
 Тучной коровы взамен — мужу почетный удел,
 Коего слава по всей Элладе пройдет и не сгинет
 До тех пор, пока жив род элладских певцов.

7 (6 G.—P., 6 D.). ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 36: О перевоплощениях [Пифагора] свидетельствует Ксенофан в элегии, начало которой:

Ныне за новую речь примусь и путь укажу я . . .

А то, что он о нем говорит, гласит:

Шел, говорят, он однажды, и видит — щенка избивают.
 Жалостью схваченный, он слово такое изрек:

«Стой! Перестань его бить! В бедняге умершего друга
Душу я опознал, взглянув внимая ее».

8 (7 G.—P., 7 D.). ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 18—19 (из А 1, § 18): И был он величайшим должжителем, о чем и сам говорит где-то:

Вот уже семь да еще шестьдесят годов миновало,
Как с моей думой мечусь я по элладской земле.
Отроду ж было тогда мне двадцать пять, если только
Я в состояньи еще верно об этом судить.

9 (8 G.—P., 8 D.). Etymologicum Genuinum, под словом «старость»:
Ветхого старца [теперь стал я] премного дряхлей.

Силлы

10 (14 G.—P., 9 D.). ГЕРОДИАН. О долгих слогах, 296, 6 (Cramer, Anecdota Oxoniensia, III):

Искони по Гомеру поскольку все обучались...

11 (15 G.—P., 10 D.). СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, IX, 193:

Все на богов возвели Гомер с Гесиодом, что только
У людей позором считается или пороком:
Красть, прелюбы творить и друг друга обманывать [тайно].

12 (16 G.—P., 11 D.). СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, I, 289: Гомер и Гесиод, согласно Ксенофану Колофонскому,

Тьму незаконных деяний богов они рассказали:
Красть, прелюбы творить и друг друга обманывать [тайно].

Так, Кронос, при котором, говорят, была счастливая жизнь, оскотил отца и проглотил детей, а его сын Зевс отнял у него царскую власть и «низверг под землю» [Ил. XIV, 204] и т. д.

13 (45 G.—P.). АВЛ ГЕЛЛИЙ, III, 11: Одни, в том числе Филохор [FGH Hist 328 F 210] и Ксенофан, пишут, что Гомер был старше Гесиода, другие — что моложе.

14 (17 G.—P., 12 D.). КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, V, 109 [после В 23]:

Но люди мнят, что боги были рождены,
Их же одежду имеют, и голос, и облик [такой же].

15 (19 G.—P., 13 D.). КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, V, 110 [после В 14]:

Если бы руки имели быки и львы или <кони,>
Чтоб рисовать руками, творить изваянья, как люди,
Кони б тогда на коней, а быки на быков бы похожих
Образы рисовали богов и тела их ваяли,
Точно такими, каков у каждого собственный облик.

16 (18 G.—P., 14 D.). Там же, VII, 22: Язычники считают богов не только антропоморфными, но и антропоматичными и как образы их каждые из них живописуют сходно со своим собственным, по слову Ксенофана,

Эфиопы черными и с приплюснутыми носами,
Фракийцы — рыжими и голубоглазыми. . .

так и души их они изображают подобными самим себе. *ФЕОДОРИТ. Лечение аллигаторских недугов, 3, 72: Еще яснее высмеивая этот обман, [Ксенофан] уличает [язычников] во лжи по цвету картин. По его словам, эфиопы пишут своих богов черными и с приплюснутыми носами, фракийцы — рыжими и голубоглазыми, мидяне и персы — также подобными самим себе, египтяне также изображают их по собственному образу.

17 (12 G.—P., 15 D.). Схолии к АРИСТОФАНУ, Всадники, 408 а (103 Mervyn Jones—Wilson): «Вакхом» называли не только Диониса, но и всех совершающих священные обряды также называли «вакхами» («вакхантами»), а также ветви, которые несут мисты. Упоминает Ксенофан в «Силлах»:

...Еловые <вакхи> стоят вокруг крепкого дома.

18 (20 G.—P., 16 D.). СТОБЕЙ. Эклоги, I, 8 («О сущности времени»), 2=Антология 3, 29 («О трудолюбии»), 41:

Боги отнюдь не открыли смертным всего изначально,
Но постепенно (χρῶν), ища, лучшее изобретают.

19 (43 G.—P.). ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, I, 23 (ср. 11 А 1, § 23; 21 А 1, § 18): По мнению некоторых, Фалес первым занялся астрономией и предсказал солнечные затмения и солнцевороты, как говорит Евдем в «Истории астрономии» [фр. 144 Wehrli, ср. 11 А 5], почему им и восхищаются Ксенофан и Геродот [I, 74].

20 (44 G.—P.). ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, I, 111 (ср. А 1, § 18): По словам Ксенофана Колофонского, он слышал, [что Эпименид] прожил сто пятьдесят четыре года [ср. 3 А 1, § 111].

21 (21 G.—P.). Схолии к Аристофану, Мир, 697: Как полагают, Симонид первым привнес меркантильность в поэзию и написал стихотворение за плату... Поэтому Ксенофан называет его «скупердяем». Ср.: *АФИНЕЙ, 14. 656d: И впрямь Симонид был скупердяем и корыстолюбцем, как говорит Хамелеонт [-перипатетик; фр. 33 Wehrli].

21 а (10 G.—P.). Схолии к ГОМЕРУ, Оксириинский папирус 1087, 40: [Форма] *Ἐρυχός «Эрик» [встречается] у Ксенофана в 5-й книге «Силл» [вместо обычного *Ἐρυξ].

* (11 G.—P.). ГЕРОДИАН. О всеобщей просодии, cod. Vind. hist. gr. 10 f. 5r: В 5-й книге «Силл»: <ла>вристый.

22 (13 G.—P., 18 D.). АФИНЕЙ, II, 54e: Ксенофан Колофонский в «Пародиях»:

Вот о чем нужно вести беседу зимней порою
У очага, возлежа на мягком ложе, наевшись,
Сладкое попивая вино, заедая горошком;
«Кем ты будешь, откуда? Годов тебе сколько, милейший?
Сколько было тебе, когда нагрязнул Мидиец?»

О природе

23 (26 G.—P., 19 D.). КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, V, 109: Ксенофан Колофонский приводит хорошие доводы в пользу своего учения о том, что бог один и бестелесен [ср. А 30]:

[Есть] один [только] бог, меж богов и людей величайший,
Не похожий на смертных ни обликом, ни сознаньем (νόημα).

[Следуют фр. В 14—15].

24 (27 G.—P., 20 D.). СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, IX, 144 [ср. 21 А 1, § 19]:

Весь целиком он видит, весь сознает (νοεῖ) и весь слышит.

25 (28 G.—P., 21 D.). СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 23, 19 [=А 31, 9]:

Но без труда, помышленьем ума он все потрясает.

26 (29 G.—P., 22 D.). СИМПЛИКИЙ. Там же, 23, 10 [=А 31, 7]:

Вечно на месте одном пребывает, не двигаясь вовсе,
Переходить то туда, то сюда ему не пристало.

27 (23 G.—P., 23 D.). ФЕОДОР ИТ, IV, 5 [ср. А 36]:

Ибо все из земли и в землю все умирает.

28 (30 G.—P., 24 D.). АХИЛЛ. Введение в «Феномены» Арата 4, с. 34, 11 Maass [ср. А 32, А 33, § 3]:

Этот верхний конец земли мы зрим под ногами,
Воздуху он сопределен, а низ в бесконечность уходит.

29 (31 G.—P., 25 D.). СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 186, 32 [ср. А 29, Филопов]:

Все есть земля и вода, что рождается и прорастает.

30 (24 G.—P., 26 D.). Мнения философов (Стобей), III, 4, 4 [=21 А 46]; Женевские схолии к «Илиаде», 21, 196=Кратег из Малла, фр. 32 а Mette; Ксенофан в «О природе»:

Море — источник воды, [и море] — ветра источник.

Ибо ни в облаках <не может ветер возникнуть

Ни в земле> изнутри без великого Понта,

Ни потоки рек, ни э<фира> вода дождевая,

5 Но великий Понт — облаков родитель и ветров,

Также и рек.

31 (32 G.—P., 27 D.). ГЕРАКЛИТ-АЛЛЕГОРИСТ. Гомеровские вопросы, гл. 44 (этимология имени Гиперион):

Солнце, носясь в вышине (ὑπερέμμενος) и землю подогревая.

32 (33 G.—P., 28 D.). Схолии к «Илиаде», XI, 27; т. III, 129, 84 Erbse; ЕВСТАФИЙ, с. 827, 59:

Та, что Иридой (Радугой) зовут, тоже облако по природе,

Пурпурное, красное и желто-зеленое с виду.

33 (34 G.—P., 29 D.). СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, X, 314:

Ибо мы все родились из земли и воды...

34 (35 G.—P., 30 D.). Там же, VII, 49. 110; ПЛУТАРХ. Как слушать поэтов, 17 E:

Истины точной никто не узрел и никто не узнает

Из людей о богах и о всем, что я только толкую:

Если кому и удастся вполне сказать то, что сбылось,

Сам все равно не знает, во всем лишь догадка бывает.

35 (36 G.—P., 31 D.). ПЛУТАРХ. Застольные вопросы, IX, 7. 746 В:

Примем это на веру как то, что похоже на правду. . .

36 (37 G.—P., 32 D.). ГЕРОДИАН. О долгих слогах, 296, 9:

Сколько ни явлено смертному взору, все они. . .

37 (38 G.—P., 33 D.). ГЕРОДИАН. Об особенных словах, 30, 30:

Также в неких пещерах вода сочится по каплям.

38 (39 G.—P., 34 D.). Там же, 41, 5:

Если бы бог не создал желтого меда, то много

Слаще считались бы фиги.

39 (25 G.—P.). ПОЛЛУКС, VI, 46: Слово *xépasos* («черешня») применительно к дереву встречается в поэме Ксенофана «О природе».

40 (40 G.—P.). *Etymologicum Genuinum*, под словом *βρόταχος*: Так называется лягушка в ионийском диалекте и у Ксенофана.

41. ИОАНН ЦЕЦ. Комм. к Дионисию Периегету, V, 940, с. 1010 Bernh.: Правило о словах на -ρος [о слове *σῆρος*, «яма»].

Силлограф некий пишет слог си долгим,

Посредством ро, мне мнится, слог удлиняя.

«Силлограф» — Ксенофан, Тимон и др.

42 (9 G.—P., 17 D.). ГЕРОДИАН. Об особенных словах, 7, 11: И у Ксенофана в 4-й книге «Силл»:

И пожелает юнец служанки младой. . .

45 (41 G.—P.). Схолии к Гиппократу, Эпидемии, I, 13, 3: ...Ксенофан Колофонский говорит:

А я из града в град скитаясь странником,

Так метался. . .

* Вероятные фрагменты, цитируемые анонимно

046. ПЛАТОН. Федон, 65 b 3: Поэты постоянно твердят нам, что

Мы ничего доподлинно не слышим и не видим,

<Но всегда [только] мним, истину же знает, поди, один бог[?]>

047. ИОАНН ФИЛОПОН. Комм. к «О душе» Аристотеля, с. 188, 26 Hayduck:

Богом наполнено все, повсюду уши у бога:

Слышит он через скалы, сквозь землю, равно как и прямо

Чрез человека, зане в груди он таит разуменье.

048. ФИЛОН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ. О вечности мира, 8. 39—43=АРИСТОТЕЛЬ. О философии, фр. 19 с Ross: В высшей степени доказателен и тот аргумент [в пользу вечности мира], который, насколько мне известно, с гордостью приводит тьма [философов] как точный и совершенно неопровержимый. Чего ради, спрашивают они, бог уничтожит мир? Либо затем, чтобы вовсе не творить больше мира, либо затем, чтобы создать иной. Первое богу чуждо, ибо он должен претворять беспорядок в порядок, а не порядок в беспорядок; кроме того, [в этом случае] он испытает раскаянье и

душевную болезнь. Ибо тогда ему либо вовсе не следовало творить мир, либо, сочтя творение подобающим себе, радоваться имеющемуся. Вторая возможность требует более пространного рассмотрения. Если он создаст другой мир вместо сущего ныне, то этот новый в любом случае окажется либо хуже [старого], либо подобным [ему], либо лучше, однако любая из этих возможностей уязвима. Действительно, если [новый] мир хуже [старого], то хуже и творец, однако творения бога непорочны, безупречны и не требуют исправления, яко совершеннейшим искусством и знанием сотворенные. Ибо, говорят они,

Даже женщина не настолько лишена здравого ума,
Чтобы предпочесть худшее, когда есть лучшее.

Однако богу подобает оформлять бесформенное и придавать безобразнейшему чудесную красоту. Если [новый мир] подобен [старому], то тщетны труды Мастера и он ничем не отличается от неразумных детей, которые, играя на морском берегу, часто воздвигают из песка кулички, а потом сносят их руками и снова уничтожают. Действительно, насколько лучше, вместо того чтобы творить подобный [мир], ничего не отнимать, и не прибавлять, и не изменять ни к лучшему, ни к худшему, но оставить на месте искони однажды возникший мир. Если же он сотворит лучший [мир], то лучше окажется и творец, откуда следует, что когда он творил прежний, то и искусством, и разумом был несовершенней, о чем даже и помыслить непозволительно. Ибо бог равен и подобен самому себе и не допускает ни ослабления к худшему, ни усиления к лучшему.

С. ПОДРАЖАНИЯ

1. ЕВРИПИД. Геракл, 1341 [ср. В 11, В 12, А 32] (пер. И. Анненского):

А все же я не верил и не верю,
Чтоб бог вкушал запретного плода,
Чтоб на руках у бога были узы
И бог один повелевал другим.
Нет, божество само себе довлеет:
Все это бредни дерзкие певцов.

2. АФИНЕЙ, X, 413 С: Поэтому Еврипид говорит в первом «Автоликке» [фр. 282 Nauck]:

- Из тьмы несчастий, Грецию гнетущих,
Нет хуже, чем атлеты, ничего.
Во-первых, не умеют честно жить
Они, да и не могут: как бы мог
- 5 Раб челюсти и чревом побежденный
Умножить состояние отца?
- 13 Не одобряю я обычай греков,
Которые, для них творя собор,
- 15 Чтут наслажденья подлые для пира.
Какую пользу городу родному,
Стяжав венок, доставил тот атлет,
Который или хорошо боролся,
Иль быстро бежал, или диск метнул,

- Иль в зубы дал противнику отменно?
 Сумеют ли они с врагом сразиться
- 20 Вооружившись диском, без щитов
 Изгнать врагов ударом кулака?
 Никто, завидев вражеский клинок,
 Не станет заниматься этим вздором!
 Я думаю, что мудрых и хороших
 Венком лавровым должно увенчать,
 И всякого, кто правит государством
- 25 Отлично, по закону и с умом,
 Кто словом отвращает злое дело
 И устраняет распри и раздор:
 Вот благо граду всякому, всем грекам.

Еврипид заимствовал эти мысли из элегий Ксенофана Колофонского, который говорит так [следует фр. В 2].

22. ГЕРАКЛИТ

А. БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

1. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 1—17: (1) Гераклит, сын Блосона (или, как говорят некоторые, Геракионта), эфесец. Он был в расцвете в шестьдесят девятую олимпиаду [504—501 гг. до н. э.]. Он был высокоумным, как никто, и всех презирал, как это явствует из его сочинения, где он говорит: «Многознание уму не научает, а не то научило бы Гесиода и Пифагора, равно как и Ксенофана с Гекатеем» [16/В 40]. Ибо «Мудрым [Существом] можно считать только одно: Ум, могущий править всей Вселенной» [85/В 41]. Гомер, по его словам, заслуживал того, чтобы его выгнали с [поэтических] состязаний и высекли, да и Архилох тоже [30/В 42]. (2) Он говорил также, что «своеволие надо гасить пуще пожара» [102/В43] и что «народ должен сражаться за попираемый закон как за стену [города]» [103/В 44]. Нападает он и на эфесцев за то, что они изгнали его друга Гермодора, в следующих словах: «Все взрослые эфесцы заслуживают того, чтобы их казнили . . . и с другими» [105/В 121]. Когда они просили его дать им законы, он пренебрег их просьбой, сославшись на то, что город уже во власти дурного государственного устройства. (3) Удалившись в святилище Артемиды, он играл с детьми в кости (астрагалы), а обступившим его эфесцам сказал: «Что удивляетесь, негодяи? Не лучше ли заниматься этим, чем с вами участвовать в государственных делах?». Впав под конец в человеконенавистничество и став отшельником, он жил в горах и питался травами и растениями. Заболев от этого водянкой, он спустился в город и, говоря загадками, спрашивал у врачей, могут ли они из ливня сделать засуху [42 с]. Они не поняли, а он закопался в коровнике, надеясь, что тепло от навоза испарит влагу [из его тела]. Ничего не добившись и этим, умер шестидесяти лет от роду [следует эпиграмма Диогена]. (4) По словам Гермиппа [фр. 28 FHG], он спросил врачей, может ли кто-нибудь из них опорочить ему внутренности и откатить влагу, а когда те отказались, лег на солнце и велел слугам облепить его навозом; так, распластавшись на земле, он скончался на второй день и был похоронен на агоре. А Неанф из Кизика [83 F 24 Jas], говорит, что, не смогну отодрать навоз, он остался на месте и был пожран собаками, которые не узнали его из-за перемены [облика]. (5) С детства он был чуда-

ком: в молодости говаривал, что не знает ничего, а повзрослев — что знает все. Он не был ничьим учеником, но, по его словам, выпытал самого себя [15/В 101] и узнал все от себя самого. Сотион, однако, говорит, что, по сообщениям некоторых, он был учеником Ксенофана и еще что Аристон [из Кеоса, фр. 28 Wehrli] в сочинении «О Гераклите» сообщает, будто от водянки он излечился, а умер от другой болезни; то же говорит и Гиппобот.

Книга, дошедшая до нас под его именем, по своей основной теме — «О природе», а разделена на три главы: о Вселенной, о государстве и о богословии. (6) Он посвятил ее в храм Артемиды [как votивный дар], по мнению некоторых, нарочно написав ее непонятнее, чтобы она была доступна только способным [ее понять] и не стала предметом пренебрежения со стороны черни. Тимон [фр. 43 D.] так описывает его в общих чертах: «Вскокил среди них Гераклит, горлан, хулитель черни, горящий загадками». Теофраст говорит, что под влиянием меланхолии одно он в своем сочинении оставил незаконченным, а о другом пишет то так, то иначе. Свидетельство его высокоумия приводит Антисфен в «Преемствах [философов]» [фр. 10 Jас.]: он уступил титул царя (басилевса) своему брату. Сочинение его снискало такую славу, что от него произошли и последователи его учения, прозванные гераклитовцами.

(7) Воззрения его в общих чертах таковы. Все состоит из огня и в огонь разлагается. Все происходит согласно судьбе, и все сущее слажено в гармонию через противоположность. И все полно душ и божеств (демонов). Высказывался он и обо всех космических явлениях, и о том, что Солнце по величине таково, каким кажется. Еще он говорит: «Границ души . . . мера» [67/В 45]. Воображение он называл падучей [114/В 46] и говорил, что зрение жлет. В своем сочинении он выражается иной раз с таким блеском и ясностью, что даже последний тупица может с легкостью все понять и испытать душевный восторг; краткость и весомость его стиля несравненны.

(8) Частности его учения таковы. Огонь — первоэлемент, и все вещи — обменный эквивалент огня [54/В 90] — возникают из него путем разрежения и сгущения. Впрочем, ясно он не излагает ничего. Все возникает в силу противоположности, и все течет подобно реке [40/В 12]. Вселенная конечна, и космос один. Рождается он из огня и снова сгорает дотла через определенные периоды времени, попеременно в течение совокупной вечности (зон) [54/93], происходит же это согласно судьбе. Та из противоположностей, которая ведет к возникновению [космоса], называется войной и распрей [28/В 80], а та, что — к сторанию (экспирозе) — согласием и миром, изменение — путем вверх-вниз, по которому и возникает космос. (9) Сгущаясь, огонь увлажняется и, сплываясь, становится водой; вода, затвердевая, превращается в землю: это путь вниз. Земля, в свою очередь, снова тает [~плавится], из нее возникает вода, а из воды — все остальное; причины почти всех [этих] явлений он возводит к испарению из моря: это путь вверх. Испарения происходят из земли и из моря, одни светлые и чистые, другие темные: огонь возрастает за счет светлых, влажное начало — за счет темных. Что представляет собой объемлющее [=небосвод], он не объясняет, однако в нем имеются «чаши», повернутые к нам вогнутой стороной; скапливаясь в них, светлые испарения образуют сгустки пламени, это и есть звезды. (10) Самое яркое и самое горячее — пламя Солнца, так как остальные звезды дальше отстоят от Земли и поэтому слабее светят и греют, а Луна, находясь ближе к Земле, движется не через чистое пространство; Солнце же находится в прозрачной и беспримесной [области] и удалено от нас на умеренное расстояние, поэтому оно сильнее греет и светит. Затмения Солнца и Луны происходят, когда [их] «чаши» поворачиваются [вогнутой стороной] вверх,

ежемесячные изменения очертания [= фазы] Луны — от того, что [ее] «чаша» понемногу поворачивается вокруг своей оси. Смена дня и ночи, месяцев, времен года и лет, а также дожди, ветры и тому подобные явления вызываются различными испарениями. (11) Так, светлое испарение, воспламенившись в круге Солнца, вызывает день, а преобладание противоположного ему порождает ночь. Возрастание тепла от светлого [испарения] вызывает лето, а избыток влаги от темного производит зиму. Сообразно с этим он объясняет и прочие явления. О Земле же — какова она — он ничего не говорит и о «чашах» тоже. Таковы были его воззрения.

Историю с Сократом и что он сказал, прочитав сочинение [Гераклита], которое Дал ему Еврипид, мы рассказали, следуя версии Аристона, в жизнеописании Сократа. (12) Грамматик Селевк, однако же, говорит, что, по сообщению некоего Кротона в «Ныряльщике», первым привез книгу [Гераклита] в Элладу некий Кратет и что якобы это он, [а не Сократ] сказал, что для этой книги нужен делосский ныряльщик, чтобы в ней не утонуть. Одни озаглавливают ее «Музы», другие — «О природе», а Диодот — «Путеводитель точный к мете жизненной», иные — «Мерило нравов, [или] Благочинный уклад поведения, один и тот же для всех». Говорят, на вопрос, почему он молчит, он ответил: «Чтоб вы болтали!». Дарий тоже пожелал приобщиться к его [мудрости] и написал ему так: [следуют письма 1—2, § 13—14]. (51) Так он держал себя даже с царем. Деметрий в «Одноименных [писателях и поэтах]» говорит, что он пренебрег и [приглашением] афинян, хотя и пользовался среди них огромной славой, и предпочел остаться на родине, хотя и был в небрежении у эфесцев. Упоминает о нем и Деметрий Фалерский в «Апологии Сократа» [фр. 92 Wehrli].

Толкователей его сочинения было великое множество: и Антисфен [гл. 66], и Гераклид Понтийский [фр. 39 Wehrli], стоики Клеанф и Сфер, да еще Павсаний, прозванный гераклитовцем, Никомед и Дионисий, а из грамматиков — Диодот, который говорит, что сочинение его не о природе, а о государстве, поскольку раздел о природе служит только для примера [~ аналогии]. (16) Иероним [фр. 46 W.] сообщает, что и ямбический поэт Скифин взялся изложить учение Гераклита в стихах. Гераклиту посвящено много эпиграмм, в том числе следующая [следует фр. 98 e]. И еще такая [Anth. P., IX, 540]: «Не торопись раскрутить до стерженька свиток Гераклита/Эфесского: Дорожка эта для тебя зело непроходимая. / Мрак и тьма беспросветная, но если тебя введет посвященный, / [книга станет] светлее ясного солнца».

1а. СУДА, под словом «Гераклит»: Гераклит, сын Блосона или Бавтора, по другим — Геракина, эфесец, физический философ, прозванный «Темным». Он не был учеником никого из философов, но был воспитан природой и прилежанием. Заболев водянкой, он не давался врачам лечить его так, как они хотели, но сам намазал себя всего навозом и высушил его на солнце; подбежавшие собаки разорвали его, лежащего на земле. Другие говорят, что он умер, зарывшись в песок. Некоторые утверждали, что он был учеником Ксенофана и Гиппаса-пифагорейца. Он был [известен] в 69-ю олимпиаду [504—501 гг. до н. э.] при Дарии, сыне Гистаспа, и написал много поэтических произведений.

2. СТРАБОН, XIV, 3, с. 632—633: по его [Ферекида Афинского, FGrHist 3 F 155] словам, Ионийскую, а впоследствии Эолийскую колонизацию возглавил Андрокл, законный сын афинского царя Кодра, и он стал основателем Эфеса. Вот почему, как говорят, Эфес стал столицей Ионийского царства, и происходящие от этого рода [= Андроклидов] еще и поныне именуются «царями» (басилевсами) и обладают некоторыми привилегиями: проэдрией [= почетным местом в первом ряду] на агонах, пурпурной

мантией как отличительным знаком царского рода, палицей вместо скипетра, и в их ведении находятся священные обряды Деметры Элевсинской. [Ср. свидетельство Антифана А 1, § 6 выше].

3. КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, I, 65 (II, 41, 19 St.): Гераклит, сын Блисона, убедил тирана Меланкома сложить с себя власть. Он же пренебрег приглашением царя Дария приехать в Персию.

3 а. [Свидетельства о Гермодоре см. фр. 105.]

3 б. [Анекдот о кикееоне см. фр. 31 d.]

(А 9 DK). АРИСТОТЕЛЬ. О частях животных, I, 5. 645 а 17: Рассказывают, что некие странники желали встретиться с Гераклитом, но, когда подошли [к его дому] и увидели, что он греется у печки, остановились [в смущении]. Тогда он пригласил их смело входить, «ибо и здесь тоже есть боги». Так и к исследованию каждого животного следует приступать не смущаясь, полагая, что во всем имеется нечто естественное и прекрасное.

Сочинение и стиль

ср. А 1, § 5—7, 12, 15—16

4. АРИСТОТЕЛЬ. Риторика, III, 5. 1407 б 11: Текст вообще должен быть удобочитаемым и внятнм, что одно и то же. Это как раз то свойство, которым большое число союзов обладает, а малое не обладает. Не обладают им и те [тексты], которые нелегко интерпунгировать, как, например, Гераклитов. Текст Гераклита трудно интерпунгировать, так как неясно, к чему относится [то или иное слово] — к последующему или к предыдущему. Так, например, в начале своего сочинения он говорит: «Эту-вот Речь сущую вечно люди не понимают». Тут неясно, к чему относится слово «вечно».

ДЕМЕТРИЙ. О стиле, 192: Ясность зависит от многого. Во-первых, от употребления слов в их прямом значении; во-вторых, от наличия союзов. Всякое бессоюзие (ἀσύνδετον) и отрывочность (διαλελυμένον) совершенно непонятны, так как где начало каждого колона — неясно вследствие несвязанности (λύσις), как, например, в тексте Гераклита: его тоже делает темным по большей части несвязанность.

ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, II, 22: Говорят, Еврипид дал ему [Сократу] сочинение Гераклита и спросил о его мнении. Тот ответил: «Что понял — великолепно, чего не понял, думаю, тоже, а впрочем, нужен прямо-таки делосский ныряльщик».

*ТАТИАН. Послание к эллинам, 3 [после 15 d³]: ...Не похвалил бы я его [Гераклита] и за то, что он спрятал свою поэму[?] в храме Артемиды, чтобы она была обнаружена впоследствии таинственным образом. Те, кому это интересно, утверждают, что трагик Еврипид, [множественно] возвращаясь туда и читая ее, постепенно выучил ее наизусть и отменно передал Гераклитову тьму.

*КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, V, 50, 2 (II, 360, 22 St) [после Орфея В 22 и Пифагорейских агусм]: И мы найдем еще тьмы и тьмы загадочных речений философов и поэтов, поскольку даже целые книги выражают смысл, вложенный в них сочинителем, в прикровенном виде, как, например, книга Гераклита «О природе», за что он и получил прозвище «Темный». Сходно с этой книгой и «Богословие» Ферекида Сирросского.

*ГЕРАКЛИТ-АЛЛЕГОРИСТ. Гомеровские вопросы, 24, 3: Гераклит Темный богословствует о природе в неясных выражениях, о смысле которых можно догадаться через символы. . . [следуют фр. 47 б¹ и 40 с²] и все его сочинение «О природе» написано в загадках и аллегориях.

*ПЛОТИН, IV, 8 [6], 1, 8 Н.—S. [после фр. 56]: Гераклит . . . предоставил нам догадываться [о смысле своих слов], не потрудившись оделать свою речь ясной для нас и т. д.

*ДАВИД. Комм. к «Введ.» Порфирия, СAG 18, 2; с. 105, 10—13: Неясность проистекает либо от слога, либо от теорий. От теорий — как, например, в случае с изречениями Гераклита: они глубоки и необычны. Это о сочинениях Гераклита сказано, что они нуждаются в глубинном ныряльщике.

*ЦИЦЕРОН. О пределах добра и зла, II, 15: [Темнота] не заслуживает упрека в двух случаях: либо если привносишь ее намеренно, как Гераклит, «который известен под прозвищем Темный, ибо слишком темно о природе вещей рассуждал он», либо когда непонятность речи обусловлена темнотой предмета, а не слов, — такова темнота «Тимея» Платона. Ср. также: ЦИЦЕРОН. О природе богов, I, 74; III, 35; О дивинации, II, 132; ЛУКРЕЦИЙ, I, 638 сл.; ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ. О мире, 396 b 20; ВИТРУВИЙ, II, 2, 1; СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, VII, 7: Обсуждался также вопрос о Гераклите: является ли он не только физическим, но и этическим филозофом.

*МАКРОБИЙ. Комм. к «Сну Сципиона», I, 2, 21: Сообразно с этим говорили о богах сам Пифагор и Эмпедокл, а также Парменид и Гераклит. . .

*ПЛУТАРХ. О дельфийском Е, 9. 388 EF: Мы слышим, как богословы — одни в стихах [= Орфей], другие в прозе [= Гераклит] — утверждают и поют. . . [см. фр. 55 с].

*Легенда о плачущем философе

ИППОЛИТ. Опровержение всех ересей, I, 4: Физический философ Гераклит из Эфеса оплакивал все, осуждая невежество всей жизни и всех людей, но пытаясь жалость к жизни смертных. Он утверждал, что сам знает все, а другие люди — ничего. Высказывания его почти во всем согласны с Эмпедоклом: он также утверждал, что начало всего — вражда и любовь, что бог — это умный огонь, что все движется в противоположных направлениях и ничто не стоит. Эмпедокл считал, что пространство вокруг нас полно зла, причем зло простирается от околоземного пространства до Луны, а дальше не заходит, поскольку все надлунное пространство чище. И Гераклит думал так же.

(С 5 DK). ЛУКИАН. Продажа жизни, 14: [Покупатель] А ты что плачешь, любезнейший? Думаю, гораздо лучше поговорить с тобой. [Гераклит]. О чужеземец, я думаю, что жизнь человеческая несчастна и полна слез, и нет в ней ничего, неподвластного смерти; потому-то я вас жалею и плачу. И настоящее мне не кажется великим, а уж будущее и вовсе печально — я разумею мировые пожары и гибель Вселенной. Об этом я и плачу, а еще о том, что нет ничего постоянного, но все смешано как в болтанке (киконе) и одно и то же: удовольствие-неудовольствие, знание-незнание, большое-малое — [все это] перемещается туда-сюда и чередуется в игре Вечности (Эона). — А что такое Вечность? — [Гер.] Дитя играющее, кости бросающее, то выигрывающее, то проигрывающее. — А что такое люди? — [Гер.] Смертные боги. — А боги? — [Гер.] Бессмертные люди. — Ты что это, загадками говоришь или головоломки сочиняешь? Совсем как Локсий, ничего не разъясняешь. — [Гер.] А мне до вас и дела нет. — Ну так никто и не купит тебя, коли он в здравом уме. — [Гер.] Да сгиньте вы все поголовно — и покупатели и непокупатели! — Да, от такой напасти недалеко до черножелчия (меланхолии).

СОТИОН у Стобея, III, 20, 53: На мудрых вместо гнева находили: слезы — на Гераклита, смех — на Демокрита.

СЕНЕКА. О спокойствии духа, XV, 2: Гераклит всякий раз, как выходил на люди, плакал, а Демокрит смеялся: одному все, что мы делаем, казалось жалким, а другому — нелепым.

ОН ЖЕ. О гневе, II, 10, 5: Гераклит всякий раз, как выходил на люди и видел вокруг себя столько дурно живущих, а верней, дурно погибающих людей, плакал и жалел всех, кто сам себе казался радостным и счастливым. . . Демокрит, говорят, напротив. . . [ср. ДЕМОКРИТ, LXII Л.].

*Псевдо-Гераклит. Письма

I. Царь Дарий приветствует мудрого мужа Гераклита Эфесского. Сочинил ты письменную речь о природе, трудную для понимания и истолкования. Мнится мне, что в некоторых местах, ежели переводить ее дословно, она обнаруживает некий смысл касательно созерцания целокупного космоса и всего, что в нем происходит, что находится в божественнейшем движении, но в том, что касается исследования и познания, она по большей части воздерживается от суждения, так что даже наиболее искушенные в эллинской словесности, да и другие — те, кто занимается наблюдением небесных явлений и с любопытством их изучает, — недоумевают относительно смысла твоего письменного изложения, отличающегося, судя по всему, верностью суждений. Поэтому царь Дарий, сын Гистаспа, желает послушать твои чтения и устное преподавание. Привезжай же скорей пред мои очи в царский дворец. Эллины обычно невнимательны к мудрецам и пренебрегают их благими указаниями о благом поведении и образе жизни, у меня же будет тебе всяческий почет, ежедневное благое и отменное обращение и жизнь, сообразная с твоими увещаниями.

II. Гераклит царю Дарию, сыну Гистаспа, желает здравствовать. Сколько ни есть на Земле человек, от истины и праведного делания они далеки, но прилежат ненасытности и погоне за славой скверного недоумия ради. Я же, предавая забвению всяческую подлость и избегая пресыщения, которое по причине надменности вызывает всеобщую зависть, пожалуй что не приеду в страну персидскую, довольствуясь малым по своему разумению. {Прощай.}

III. Царь Дарий эфесцам.

Доблестный муж — великое благо городу: хорошими речами и законами он облагораживает души, своевременно направляя их ко благу. Вы же изгнали из отечества Гермодора, наилучшего не только из вас, но и из всех ионийцев, навесив позорные обвинения на доблестную душу. Если вы решили воевать с царем, вашим господином, то готовьтесь: пошлю [на вас] войско, которому не сможете противостоять, ибо стыдно великому царю не прийти на помощь друзьям. Если же ничего подобного не предпримете, верните из изгнания Гермодора и возвратите ему наследственное владение, помня о благодеяниях, которыми я осыпал вас из моего благоволения к нему: я уменьшил вам налоги, которые вы платили, и даровал много земли в придачу к той, которой вы владели. Похоже, что вы не испытываете ко мне за это благодарности: иначе вы бы никогда не изгнали друга царя Гермодора. Пошлите же ко мне людей, которые будут отстаивать передо мной законность ваших обвинений против Гермодора, и если он будет уличен в злом умысле, то будет наказан, а если вы, то я вас вразумлю и впредь не дозволю обижать доблестных мужей. Это выгодно и вашему царю и вам. {Прощайте.}

IV. Гераклит — Гермодору.

Отныне хватит горевать о твоих несчастьях, Гермодор! Эвтикл, сын Никофонта — того, что в позапрошлом году святотатственно ограбил богиню, — выдвинул против меня обвинение в нечестии (превосходящего мудростью побеждая невежеством): дескать, на воздвигнутом мной алтаре я написал свое собственное имя, обоготворяя самого себя, в то время как я человек. Как ты думаешь? Сочтут ли они благочестивым меня, если в богах я думаю противоположное тому, что признают они? Если бы слепые судили зрячего, они называли бы зрение слепотой. О невежественные люди! Научите сначала самих себя, что есть бог, чтобы, когда вы говорите о нечестии, вам можно было верить. (2) Где же бог? Затворен в храмах? Хороши «благочестивые» — вы, которые поселяете бога во тьме. Человек почтет за оскорбление, если его назовут каменным, а бога [отождествляют с каменным изваянием], и это считается истинным, так что — прямо как в священном возгласе — он «из горных круч рождается». Невежды! Ужели вы не знаете, что нет бога рукотворного, что бог не имеет искони [каменного] основания и что он не заключен в одной какой-то ограде, но что весь космос — его храм, разнообразно украшенный животными, растениями и звездами? «Гераклу Эфесскому», а вовсе не «Гераклиту» написал я на алтаре, записывая бога в число ваших сограждан. Если же вы не знаете грамоты, то нечего выдавать ваше невежество за мое нечестие. Учитесь мудрости и понимайте. Да только и вам неохота, и я вас не принуждаю. Старейте в невежестве, радуясь собственным порокам! (3) А Геракл, что, не человеком родился? По Гомерову вранью, еще и гостей убивал. Спрашивается, что его обоготворило? Собственная доблесть и благороднейшие из его деяний, коль скоро он совершил столько подвигов. Ну а я, о люди, я-то разве не доблестен тоже? Да только напрасно я вас об этом спросил, ибо даже если вы ответите противоположное, я все равно доблестен. Я тоже совершил много труднейших подвигов. Я победил наслаждения, победил деньги, победил честолюбие, поборол трусость, поборол лень, не прекословит мне страх, не прекословит мне хмель, боится меня страдание, боится меня гнев. Вот о кем борьба. И я сам себя увенчал [победным венком], сам себе давая приказания, а не получая их от Эврисфея. (4) Когда прекратите вы возводить хулу на мудрость и приписывать нам собственные прегрешения и собственные недостатки? Если бы вы могли возродиться через пятьсот лет после палингенесии, то застали бы Гераклита все еще в живых, а от вас даже и следов от имени [не нашли бы]. Я буду жить, доколе существуют города и страны, и благодаря моей мудрости имя мое не перестанет произноситься никогда. И даже если город эфесцев будет разграблен и все алтари разрушены, местом памяти обо мне станут человеческие души. Я возьму себе в жены Гебу, но только не Гераклу (тот со своей никогда не расстанется), родится для меня другая. (5) Многих [Геб] рождает добродетель: Гомеру дала одну, Гесиоду — другую, и со всеми, кто только станет доблестным, с каждым из них она сочетает браком славу мудрости. Вот и выходит, Эвтикл, что я — благочестив, ибо я единственный, кто знает бога, а ты, во-первых, дерзок, ибо только думаешь, что его знаешь, а во-вторых, нечестив, ибо мнишь богом не бога. [По-твоему], если не воздвигнуть алтарь бога, то бога нет, а если воздвигнуть, но не бога, то бог есть, так что камни — свидетели о богах? О нем должны свидетельствовать дела, как, например, дела Солнца. День и ночь о нем свидетельствуют, времена года — свидетели, вся земля плодоносящая — свидетель, круг Луны — его дело, небесное свидетельство.

V. Гераклит — Амфидаманту.

Болен я, Амфидамант, болезнию водяной, так что болезнь — это преобладание

каждого из элементов, заключенных в нас. Избыток тепла — лихорадка, избыток холода — паралич, избыток воздуха — удушье, [избыток воды] — теперешняя моя влажная болезнь. Но душа, соединяющая их в гармонию, — нечто божественное. Здоровье первично, природа — лучший врач. Ибо первобытная безыскусственность не подражает чему-то противоестественному, это уж потом, подражая чему-то иному, люди придумали имена «науки» и «незнания». Раз я знаю природу космоса, то знаю и природу человека, знаю болезни, знаю здоровье. Исцелю самого себя, уподоблюсь богу, который выравнивает чрезмерности космоса, отдавая приказы через Солнце. (2) Гераклит не будет пленен болезнью, болезнь будет пленена разумом Гераклита. И во Вселенной тоже влажное высыхает, горячее охлаждается. Знает моя мудрость пути природы, знает и прекращение болезни. Если же тело прежде даст течь и переполнится водой, то потонет в роковом конце. Но душа не потонет, нет! — ибо она бессмертна: она взлетит в горние выси, примут меня эфирные чертоги, и [там] я оговорю эфесцев. Я стану гражданином града, населенного не людьми, а богами, и уже не я буду воздвигать алтари другим, а другие — мне, и не Эвтикл будет грозить мне обвинением в нечестии, а я ему — гневом. (3) Удивляюсь, почему всегда мрачен Гераклит, не удивляются, почему всегда подлы люди. Поубавьте малость свою порочность, и я тотчас улыбнусь. Я и так уже подобрел за время нынешней моей болезни, ибо не встречаюсь с людьми, но болею в одиночестве. Вот уже и душа моя вѣщая провидит грядущее свое освобождение из этой темницы, и, высовываясь из трясущегося тела, [словно из окошка], вспоминает свою родину, низойдя откуда [на землю], она облеклась в текущее тело, этот труп, который другие люди мнят живым, сдавленный в слизи, желчи, сукровице, крови, жилах, костях и мясе. И если бы каждый из нас, находясь в изгнании, не старался избежать наказания [за самовольное возвращение], то разве бы мы не покинули уже это тело давным-давно и не убежали бы из него? (Прощай.)

VI. К нему же.

Сошлись врачи, Амфидамант, на мою болезнь, да и с какой превеликой охотой, не зная ни искусства, ни природы, причем второго они [и зная] не желали, первое мнили, [будто знают], тогда как [на самом деле] не знали ни того, ни другого. Только-то и всего, что намяли мне живот своими пощупываниями, будто я мех какой. Иные еще и лечить хотели, да я не дал, а потребовал от них прежде [назвать] причину болезни, и они не назвали, так что не они меня одолели, а я их. «Как же вы сможете, — спросил я их, — быть флейтистами-искусниками, если вас побеждает не-флейтист? Я сам себя исцелю или вы — если научите меня, как превратить ливень в засуху». (2) Они даже не доняли вопроса и замолчали, сбитые с толку в своей собственной науке. Тогда я понял, что и других [больных] исцелили не сами они, а случай. Они впадают в нечестие, Амфидамант, прикидываясь знатоками искусств, которыми не владеют, и лечат то, чего не знают, и убивая людей, под именем искусства попирая природу и искусство. Позорно признаваться в невежестве, еще позорнее притязать на знание, которым не обладаешь. Что им за радость от вранья, как не обогащение обманным путем? Если бы они собирали подаяние, то были бы лучше, ибо их по крайней мере жалели бы. В действительности же их ненавидят, ибо они и вредят, и лгут. Прочие искусства попроще, скоро изобличаются; чем выше [искусство], тем трудней уличить. (3) <Не> утаились от меня такие люди в городе. Неть меж них врача, все обманщики и шарлатаны, продающие за деньги ловкие ухищрения. Дядю моего Гераклеодора они убили, да еще и награду получили — это они-то, которые не смогли объяснить ни причину моей бо-

лезни, ни как ливень может превратиться в засуху. Не знают они, что бог в космосе врачует великие тела. Он выравняет их чрезмерность, соединяет раздробленное, предупредительно вправляет вывихнутое, собирает рассеянное, украшает безобразное, теснит отставшее, преследует убегающее, светом озаряет мрак, ограничивает безграничное, налагает форму на бесформенное и делает зримым невоспринимаемое. (4) Он проникает оквозь все естество, вылепливая, сглаживая, разлагая, замораживая, растапливая. Сухое он расплавляет во влажное и разжижает его, влагу испаряет, а разреженный воздух сгущает, и [так] непрерывно одно гонит сверху, другое сагает снизу. Таково врачевание большого космоса. Ему я буду подражать в самом себе, а что до других, то ну их всех!

VII. К Гермодору.

Прослышал я, что эфесцы намереваются ввести закон против меня беззаконнейший, ибо несть закона по делу одного, но судебное решение. Не знают того эфесцы, что судья отличен от законодателя. И так лучше, ибо бесстрастнее по отношению к неизвестному лицу, имеющему совершить деяние. Судья же видит подсудимого, который вызывает пристрастие. [Эфесцы] знают, Гермодор, что я помогал тебе вырабатывать законы, и хотят изгнать меня тоже, но только [им это не удастся], прежде чем я их изболочу в том, что они приняли беззаконное решение. «Кто не смеется и ко всему относится с человеконенавистничеством, тот должен покинуть город до захода солнца» — такой закон решили они принять, но ведь нет никого несмеющегося, Гермодор, кроме Гераклита, так что изгоняют меня. (2) О люди! Хотите узнать, почему я никогда не смеюсь? Не потому, что ненавижу людей, а потому, что [ненавижу их] пороки. Так и запишите закон: «Кто ненавидит порок, пусть уйдет из города», — и я уйду первым. С радостью буду жить не вдали от родины, а вдали от подлости. Перепишите постановление, если же вы признаете, что «эфесцы» — это «порок», то ненавижу и вас. Разве я не был бы более справедливым законодателем, [приняв закон]: «Кто сделал Гераклита несмеющимся своей подлостью, пусть уйдет из жизни», или, еще лучше, «пусть будет оштрафован на 10 000 [драхм]», раз денежное наказание удручает вас больше? Это для вас «изгнание», это для вас «смерть». (3) Вы несправедливо обидели меня, отняв то, что дал мне бог, и несправедливо меня изговяете. Или, может быть, прикажете любить вас за то, что вы искоренили во мне добродушие, за то, что не прекращаете бороться со мной законами и ссылками? Разве, оставаясь в городе, я уже не изгнан [и не живу] вдали от вас? С кем [из вас] вместе я прелюбодействую, с кем оскверняю себя убийством, с кем пьянствую, с кем развращаюсь? Не развращаю, не обижаю никого, один я в городе. Вы превратили город в пустыню своими пороками. Может быть, ваша агора делает Гераклита хорошим? Нет, но Гераклит — вас, город, да только вы не желаете. (4) А я желаю, и я [сам] есмь закон для всех остальных, но поскольку я один, то не в силах наказывать весь город. Вы удивляетесь тому, что я больше не смеюсь, а я удивляюсь смеющимся — тому, что они радуются своим беззакониям, тогда как им следует грустить о своей несправедности. Дайте мне мирную передышку для смеха, перестаньте маршировать в суды, обратив в оружие собственные языки, после того как похитили деньги, развратили женщин, отравили друзей, совершили святотатство, проституировали, были уличены в нарушении клятвы, избили кого-то до полусмерти, совершили всевозможные преступления. (5) Глядя на эти поступки людей, я буду смеяться? Или глядя на заботящихся об одежде, бороде и прическах для обмана, или на женщину, ядами убившую своего ребенка, или на отроков, чье наследственное

состояние промотано, или на гражданина, у которого отняли законную жену, или на девочку, изнасилованную и лишенную девства во время военнощных празднеств, или на гетеру — еще не женщину, но уже обладающую женским опытом, или на распутного юнца, в одиночку живущего со всем городом, или на то, как переводят оливы на благовонные притирания, или как на пирах разбухают в объеме от выпитых кубков, или на роскошества в яствах, приводящие к поносам, или на то, как актеры на сцене подстрекают чернь к великим беззакониям? Позволит ли моему взору развеселиться зрелище добродетели, поставленной на второе место после порока? (6) Или, может быть, мне смеяться, взирая на ваши настоящие войны, когда под предлогом нанесенных вам обид вы оскверняете себя убийством, несчастные, превращаясь из людей в диких зверей, когда музыкой флейт и труб вы разжигаете в себе чуждые Музам страсти, когда железо, которое скорее должно употребляться для плугов и земледелия, обращается в орудие убийства и смерти, когда вы кощунственно оскорбляете божество, называя его «Афиной Войтельницей» и «Аресом Эниалием» [= «Убийцей»], когда, построив фалангу против фаланги, человек против человека, вы молитесь о взаимном убийении, когда отказывающихся осквернить себя убийством вы наказываете как дезертиров, а заливших себя кровью с ног до головы почитаете как героев? (7) Львы не вооружаются против львов, кони не берутся за мечи, и вряд ли увидишь орла, облачившегося в панцирь против орла. Нет у них никакого иного орудия битвы, но каждому служат оружием его собственные члены. Одним оружием служат рога, другим — клювы, третьим — крылья; одним — скорость, другим — крупная ота, третьим — мелкая, четвертым — толщина, пятым — умение плавать, многим — отвага. Никакой меч не привлекает бессловесных животных, ибо они видят, что закон природы сохраняется в них самих, а не в людях. [. . .] (8) А впрочем, на что вам желать окончания войны? Может быть, этим вы развеете мое уныние? Как это? Разве не с еще большим рвением вырубаются деревья на земле ваших соплеменников и разграбляются их города? Не творится глумление над старостью, не уводятся жены, не вырываются из объятий дети, не разрушаются брачные чертоги, не обращаются в наложниц девы, не оженотворяются мальчики, не заковываются в железные цепи свободные, не сносятся храмы богов, не разрываются святилища героев, не поются богам пеаны [= песни благодарственные жертвы за совершенное беззаконие? (9) Вот почему я не смеюсь. В мирное время вы воюете речами, в военное решаете дела железом: похищаете право мечами. Гермодора изгоняют за то, что он пишет законы, Гераклита изгоняют за нечестие. Города опустели от доблести, пустыни полны народа для беззакония. Стены [домов] стоят как знамение человеческой порочности, укрывают от взоров ваше насильничество [$\beta\acute{\iota}\alpha\nu$, а не насельничество, $\beta\acute{\iota}\omicron\nu$], дома у всех огорожены. Другие [= городские] стены — [знамение] ошибки: те, кто внутри, враждебны [друг другу], но при этом [именуются] согражданами; те, кто снаружи, — враги, но при этом [именуются] гостями. Все враги, никто не друг [другому] (10) Могу ли я смеяться, видя столько врагов? Чужое богатство вы считаете своим, чужих жен считаете своими, свободных обращаете в рабство, живых поедаете, законы нарушаете, беззакония возводите в ранг закона, насилуете все, что для вас неприлично. Законы, которые по преимуществу считаются знаменами справедливости, суть свидетельство несправедливости. Ибо если бы их не было, вы бы предавались подлотям без огласения; на самом же деле, хотя страх наказания вас немного и обуздывает, вы одержимы страстью ко всякого рода несправедливости.

VIII. К нему же.

Дай мне знать, Гермодор, когда ты решил отчалить в Италию. Пусть боги и демоны той страны примут тебя милостиво! Мне приснилось, как к твоим законам подходили цари [досл. «диадемы»] со всего обитаемого мира и, падая перед ними ниц, поклонялись им по персидскому обычаю, а те продолжали стоять с величавой торжественностью. Поклоняется тебе эфесцы, когда тебя уже не будет, когда твои законы будут повелевать всеми, тогда они вынуждены будут их принять. Бог отнял у них верховенство, и они сочли себя достойными рабства. (2) Я узнал это и от отцов: вся Азия сделалась владением царя, и все эфесцы — его добычей. Они не привыкли к истинной свободе — к тому, чтобы править [другими]. И теперь они, разумеется, подчиняются приказам, а если не послушаются, то им не сдобровать. Люди сетуют на богов за то, что те не обогащают их, но не сетуют на собственный безрассудный нрав (этнос). Надо быть слепым, чтобы не принять те блага, которые дарует божество. Среди прочего Сивилла предсказала и следующее: «Мудрый в Италию муж придет из страны Ионийской». Она увидела тебя за столько веков, Гермодор, та Сивилла, и ты был уже тогда, а эфесцы и теперь не желают замечать того, кого через боговосную женщину видела сама Истина. (3) Это свидетельство о твоей мудрости, Гермодор, а эфесцы прекословят свидетельству бога [Аполлона]. Они заплатят за свое своеволие и уже теперь расплачиваются тем, что преисполнились порочных намерений. Бог наказывает подлецов не тем, что отнимает у них богатство, а тем, что умножает его, чтобы, обладая тем, ради чего они грешат, они оказались избалованными и выставили свою порочность на всеобщее обозрение; бедность прикрывает [пороки]. Пусть не покинет вас удача, чтобы вы позорились в своих подлостях! Ну да бог с ними, а ты мне дай знать о времени отъезда. В любом случае хочу встретиться с тобой и поговорить о многом, в том числе и вкратце высказать свои соображения о самих законах. (4) Я бы изложил эти соображения и в письме, если бы не ставил превыше всего сохранение их в тайне. Ничто так не сохраняется в тайне, как сказанное наедине, тем более когда наедине разговаривают Гераклит с Гермодором. Большинство не отличается от дырявых сосудов: они не могут скрыть ничего, но протекают от болтовни. Афиняне благодаря своей автохтонности познали природу человека, ибо происходят из земли и потому порой имеют греснутый ум. Их научили хранить неизреченные тайны благодаря мистериям, чтобы молчали от страха, а не по решению и чтобы забота о молчании впредь не тяготила душу.

IX. К нему же.

Доколе, Гермодор, люди будут порочны, и не только поодиночке, в своей частной жизни, но и сообща, целыми государствами? Эфесцы изгоняют тебя — самого доблестного гражданина. За что, спрашивается, как не за то, что ты написал законы, предоставляющие вольноотпущенникам равенство гражданских прав (исополитию), а их детям — равенство привилегий (исотимию)? А между тем законный гражданин не становится доблестным по постановлению, а вынуждается к этому своим происхождением и, даже будучи вынужденным, не всегда остается доблестным. Подвергнутые испытанию (докимасии) удостоиваются гражданства, доказав свое право на равенство привилегий своей жизнью. Насколько же лучше те, кого записывают в число граждан за доблесть! (2) Лакедемоняне среди прочего заслуживают одобрения за то, что спартиатами провозглашаются не на основании письменных декретов, а на основании поведения. Кто угодно — хоть скиф, хоть трибалл, хоть пафлагонец, хоть уроженец неизвестной страны, — придя [в Спарту] и выдержав суровую Ликургову дисциплину,

становится лаконцем, так что всякий получивший права гражданства приходит, неся родину в самом себе, пусть он хоть числится на стелах в центре города, зато порок живет в изгнании вдали от города. И я не верю в существование каких-то «эфсцев», [они существуют] разве лишь в том смысле, в каком говорят об «эфесской собаке» или «эфесской корове». Эфсец же, если он доблестен, — гражданин мира (космополит). Ибо мир — общая для всех страна, в которой закон не надпись, а бог, и кто его преступит, тот совершит нечестие, а вернее даже, и не преступит, коль скоро преступление его не останется незамеченным. (3) Много Эриний Правды (Дикэ), стражей, [подстерегающих] преступления. Гесиод солгал, определив их число в тридцать тысяч: мало, не хватит на зло мира, слишком много порочности. Боги мне сограждане, в награду за добродетель я живу в обществе богов и знаю, какой величины Солнце, а порочные не знают даже самих себя. Не стыдно ли эфесцам от того, что рабы бывают доблестными? Разумеется, ибо сами порочны те свободные, которые поддаются несвободным страстям. Пусть перестанут быть такими и полюбят всех, ведь добродетель всех делает равными. Как вы думаете, люди, ужели бог, не сделавший рабами ни собак, ни овец, ни ослов, ни коней, ни мулов, ужели он сделал рабами людей? (4) И раз рабство постигло лучших, не стыдитесь ли вы и этого дела и имени вашей несправедливости? Насколько лучше эфсцев волки и львы! Они не обращают в рабство друг друга, орел не покупает орла, лев не служит виночерпием у льва, и собака не оскопляет собаку, как вы [оскопили] Мегабиаа богини, опасаясь, что жрецом ее девственности будет мужчина. Ужели, нечестиво надругавшись над природой, думаете быть благочестивыми по отношению к статуе? А может быть, [вы его оскопили], чтобы, лишенный мужской силы, он первым делом стал проклинать богов? К тому же вы подозреваете богиню в невоздержанности, если боитесь, что служителем ее будет мужчина. (5) «Пусть не садится со мной рядом раб и пусть не обедают со мной за одним столом», — говорят эфсцы. А я скажу нечто более справедливое: пусть садится со мной добродетельный и пусть обедают со мной или — еще лучше — пусть садится на более почетном месте и пусть ему будет оказано предпочтение, ибо людей делает равными не случай, а добродетель. Чем обидел вас Гермодор, напомнив эфесцам о том, что все люди и что не следует кичиться случаем, ставя его над природой. Только порочность обращает в рабство, только добродетель освобождает, никакому человеку это не под силу. И даже если благодаря случаю вы повелеваете другими, добродетельными, сами вы — рабы своих желаний и подчиняетесь повелениям своих собственных господ. (6) О люди, ужели вы не боитесь малочисленности мужского населения в городе? Зачем же вам тогда вводить [в город] приплюгу толпу, когда следует [принять в число граждан] воспитанных и вскормленных вами и ставших добродетельными благодаря утрозам, наказаниям и страху? Кто подчинится твоим законам, Гермодор, те станут лучше, не переживай. Провидит это моя личность, которая для каждого — его божество. И подчинятся, и вся власть будет у них в руках, если будут подражать природе. (7) Тело, раб души, живет одной общиной с душой; и ум не возмущается тем, что живет вместе со своими слугами; и земля, самое малоценное в космосе, правит вместе с небом; и небо не отвергает бrenную землю, так же как сердце — внутренности, самая священная вещь в теле — самую худородную. Бог без зависти наделил всех в равной мере глазами, слухом, чувством вкуса, пониманием, памятью и надеждой и не закрыл от рабов свет солнца, записав всех людей в граждане мира. Эфсцы же считают свой город надмирным, ни за что не устаивая [рабов] участия в общественных делах. Смотрите, как бы вам не впасть в нечестие своей оппозицией богу. Вы что, хотите, чтобы рабы

вас всегда ненавидели: и прежде, когда они были у вас в услужении, и впоследствии, когда они лишаются прав? (8) Зачем же вы их освобождали, если считали их недостойными? Может быть, потому, что они поддались вашим страстям? Выходит, что вы негодуете на тех, кто был у вас в рабстве по воле случая, а не на самих себя, которые находились во власти порочных страстей? Те были достойны жалости за то, что терпели зло от страха, вы же достойны проклятия за то, что предписываете еще худшее. Вы и тогда были в рабстве у более жестоких господ, и теперь еще в рабстве, ибо боитесь тех, кем повелевали. Чего же вы хотите? Чтобы они всем скопом покинули город и, покинув его, основали свой собственный город, проклявши вас и приняв постановление, запрещающее въезд детям ваших детей? Вы растите врагов самим себе, эфесцы, и будущую вражду между вашими и их детьми. Ничего, Гермодор! Эфесцы пожнут плоды своих собственных рук, а тебе, доблестный человек, всего доброго!

ФРАГМЕНТЫ

Соответствие номеров DK — Marcovich

	DIELS—KRANZ	MARCOVICH	DIELS—KRANZ	MARCOVICH
A	1 (IX. 9—11)	61	31	53
	13	65	32	84
	16	116	33	104
	18—19	108	34	2
	22	28 (c ^{2-a})	35	7
B	1	1	36	66
	2	23	37	36 (c ¹)
	3	57	38	63 (b)
	4	38	39	100
	5	86	40	16
	6	58	41	85
	7	78	42	30
	8	27 (d ¹);	43	102
		28 (c ¹)	44	103
	9	37	45	67
	10	25	46	114
	11	80	47	113
	12	40	48	39
	13	36	49	98
	14	87	49a	40 (c ²)
	15	50	50	26
	16	81	51	27
	17	3	52	93
	18	11	53	29
	19	1 (g)	54	9
	20	99	55	5
	21	49	56	21
	22	10	57	43
	23	45	58	46
	24	96	59	32
	25	97	60	33
	26	48	61	35
	27	74	62	47
	28 ^a	20	63	73
	28 ^b	19	64	79
	29	95	65	55
	30	51	66	82

DIELS—KRANZ	MARCOVICH	DIELS—KRANZ	MARCOVICH
67	77	103	34
67a	115	104	101
68	88	105	63a
69	98 (g)	106	59
70	92 (d)	107	13
71	69 (b ¹)	108	83
72 ^a	4	109	110
72 ^b	3 (c)	110	71
73	1 (h ¹)	111	44
74	89	112	23 (f)
75	1 (h ²)	113	23 (d ¹)
76	66 (e)	114	23
77 ^a	66 (d ¹)	115	112
77 ^b	47 (d ⁴)	116	23 (e)
78	90	117	69
79	92	118	68
80	28	119	94
81	18	120	62
82—83	92 (b)	121	105
84a	56a	122	111
84b	56b	123	8
85	70	124	107
86	12	125	31
87	109	125a	106
88	41	126	42
89	24	126a	118
90	54	126b	0
91	40 (c ³)	127	119
92	75	128	86 (g ¹)
93	14	129	17
94	52	130	124
95	110	131	114 (d ¹)
96	76	132	120
97	22	133	121
98	72	134	122
99	60	135	123
100	64	136	96 (b)
101	15	137	28 (d ¹)
101a	6	138	125
102	91	139	118 (c)

1 Marcovich (B 1 DK)

(а) СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, VII, 132: Так, в начале своего сочинения «О природе» вышеупомянутый философ говорит, некоторым образом указывая на Объемлющее:

Эту-вот Речь (Логос) сущую вечно люди не понимают и прежде, чем выслушать [ее], и выслушав однажды. Ибо, хотя все [люди] сталкиваются напрямую с этой-вот Речью (Логосом), они подобны незнающим [ее], даром что узнают на опыте [точно] такие слова и вещи, какие описываю я, разделяя [их] согласно природе [=истинной реальности] и высказывая [их] так, как они есть. Что ж касается остальных людей, то они не осознают того, что делают наяву, подобно тому как этого не помнят спящие.

(б) ИШПОЛИТ. Опровержение всех ересей, IX, 9, 1: Гераклит говорит, что все делимое неделимо, рожденное нерожденно, смертное бессмертно, Слово — Эон, Отец — Сын, Бог — справедливость. . . [следуют фр. 26/50 и 27/51]. О том, что Слово суще-

ствует вечно, всецело и всегда существующее, он говорит так: «Это-вот Слово существующее вечно . . . как они есть». О том же, что оно есть ребенок, всецело и навеки вечный царь всего сущего, он говорит так. . . [следует фр. 93/52].

(с) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, V, 111, 7=ЕВСЕВИЙ. Приготовление к Евангелию, XIII, 13, 39: Гераклит прямо говорит: «Эту-вот Речь . . . выслушав однажды».

(d) (A 4 DK) АРИСТОТЕЛЬ. Риторика, Г 5. 1407 b 14: Текст Гераклита трудно интерпунгировать, так как неясно, к чему относится [то или иное слово]: к последующему или к предшествующему, как, например, в начале его сочинения, где он говорит: «Эту-вот Речь существующую вечно люди не понимают». Здесь неясно, к чему следует отнести слово «вечно» [т. е. «сущую вечно» или «вечно не понимают»].

(d¹) АНОНИМ. Комм. к «Риторике» Аристотеля, с. 183, 19 Rabe.

(d²) (A 4 DK) ДЕМЕТРИЙ. О стиле. 192.

(e) КЛЕАНФ. Гимн к Зевсу, 21:

Так что возникает единый для всех вещей логос вечно сущий.

(f) АМЕЛИЙ у Евсевия, Приготовление к Евангелию, XI, 19, 1: Это и был тот самый «Логос вечно сущий, согласно которому происходило [все] происходящее», как, вероятно, призвал бы Гераклит и как — клянусь Зевсом! — признает варварский богослов [=Евангелист Иоанн] . . . [=ФЕОДОРИТ. Лечение эллинских недугов, II, 88; КИРИЛЛ. Против Юлиана, 8, с. 283].

(g) (19 DK) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, II, 24, 5; Бичуя кого-то за неверие, Гераклит говорит: «Не умеющие ни слушать, ни говорить», несомненно позаимствовав [эту мысль] у Соломона: «Если с любовью будешь слушать ее, то поймешь ее, и если приклонишь ухо твое, то будешь мудр» [Сирах, 6, 34].

(h¹) (73 DK) МАРК АВРЕЛИЙ, IV, 46 [после фр. 4/72]: И что не следует действовать и говорить подобно спящим (ведь и во сне нам кажется, что мы действуем и говорим) . . . [следует фр. 89/74].

(h²) (75 DK) МАРК АВРЕЛИЙ, VI, 42; Все мы содействуем достижению одного конечного результата, одни — сознательно и последовательно, другие — неосознанно, как, например, спящие, которых, думается мне, Гераклит называет действующими и содействующими участниками происходящего в космосе. Причем каждый содействует по-своему. . .

(i¹) ИППОЛИТ. Опровержение всех ересей, I, 4, 1: Гераклит утверждал, что сам он знает все, а другие люди — ничего.

(i²) ПРОКЛ. Комм. к «Тимею», I, с. 351, 5 Diehl: Столь осторожен в своих высказываниях Платон, не то что иные. Так, например, Гераклит, утверждая, что сам он знает все, всех остальных выставляет неучами. . .

(i³) ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 5: А повзрослев, [Гераклит утверждал], что знает все.

(k)=фр. 23 f.

2 (34 DK)

(a) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, V, 115, 3 [после фр. 104/33 DK]: И если тебе будет угодно привести знаменитое речение «Имеющий уши слышать да слышит» [Евангелие от Матфея, 11, 15; Евангелие от Луки, 8, 8; 14, 35 и т. д.], то обнаружишь его у Эфесца в следующем виде: «Те, кто слышали, но не поняли, глухим подобны: „присутствуя, отсутствуют“, — говорит о них пословица».

(a¹) ФЕОДОРИТ. Лечение эллинских недугов, I, 70.

(a²) АРИСТОКРИТ. Теософия, 67.

3 (17 DK)

(а) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, II, 8, 1:

«Большинство [людей] не мыслят [~воспринимают] вещи такими, какими встречаются их [в опыте] и, узнав, не понимают, но воображают [~грезят]», по словам славного Гераклита. Не кажется ли тебе, что и он тоже порицает неверующих?

(b) ПСЕВДО-ГИППОКРАТ. О диете, I, 5, 2: И что делают, того не знают [ср. фр. 1], а чего не делают, то думают, что знают, и что видят, того не разумеют.

(с) МАРК АВРЕЛИЙ, IV, 46 [=фр. 4]: . . . И с чем сталкиваются ежедневно, то им кажется незнакомым.

4 (72 DK)

(а) МАРК АВРЕЛИЙ, IV, 46 [после фр. 69b¹/71 DK]: Всегда помнить Гераклитово что «и с чем они в самом непрерывном общении {с логосом, управляющим всеми вещами}, с тем они в разладе», и с чем сталкиваются ежедневно, то им кажется незнакомым [=фр. 3 с; следует фр. 1 h¹].

5 (55 DK)

(а¹) ИППОЛИТ. Опровержение всех ересей, IX, 9, 5 [после фр. 9/54 DK]: О том же, что [Всеобщий Отец] зрим и не сокрыт для людей, он говорит так: «Что можно видеть, слышать, узнать, то я предпочитаю», т. е. зримое незримо [следует фр. 21/56 DK].

(а²) Там же, IX, 10, 1: Гераклит явные вещи ценит в равной мере с неявными, исходя из того, что явное и неявное образуют некое единство [следует фр. 9/54 DK]. и «что можно видеть, слышать, узнать (т. е. органы чувств), то я предпочитаю», — говорит он, отдав предпочтение явному перед неявным.

6 (101a DK)

(а) ПОЛИБИЙ, XII, 27, 1: Природа наделила нас как бы двумя орудиями [~органами], с помощью которых мы все выводываем и удовлетворяем наше любопытство, — зрением и слухом, причем зрение, по Гераклиту, намного достовернее: «Глаза — более точные свидетели, чем уши»

(а¹) (A 23 DK) Там же, IV, 40, 2: Это характерная черта нынешнего времени, когда любое место сделалось доступным благодаря судоходству и дорогам. Теперь уже более не подобает полагаться на свидетельство поэтов и мифографов о неведомом, как во многих случаях поступали наши предшественники, ссылаясь на «незаслуживающих доверия поручителей» сомнительных сведений, по слову Гераклита, но следует постараться убедить читателей в достоверности [сведений] самим историческим исследованием.

7 (35 DK)

(а) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, V, 140, 5 [после ЭМПЕДОКЛ, фр. 132 DK]: [Эмпедокл] великолепно выразил ту мысль, что знание и невежество составляют условия счастья [и несчастья], ибо чрезвычайно «многого знатоками должны быть любомудрые мужи» по Гераклиту и воистину необходимо «много скитаться тому, кто стать добронравным взыскует» [Фокидид, фр. 13 Diehl].

(а¹) ПОРФИРИЙ. О воздержании от животной пищи, II, 49: . . . Ибо подлинный философ — знаток многих вещей.

8 (123 DK)

(0) **Природа любит прятаться.**

(a¹) ФИЛОН АЛЕКС. Вопросы на «Книгу Бытия», IV, 1 (с. 265, пер. с арм. R. Marcus): «According to Heraclitus, our nature {a tree} likes to hide itself».

(a²) ОН ЖЕ. О сновидениях, I, 6 (т. III, с. 205 Wend.): По-моему, колодец — символ науки, ибо природа ее не на поверхности, а в глубине и не лежит у всех на виду, а любит прятаться где-то в незримом месте.

(a³) ОН ЖЕ. О частных законах, IV, 51 (т. V, с. 220 С.): Но в самом скором времени подобные хитрости раскрываются, ибо природа не всегда любит прятаться, но, когда придет пора, являет свою красоту необоримым силам.

(a⁴) ОН ЖЕ. О бегстве и нахождении, 179 (т. III, 149 W.): Непосвященные в аллегорию и [не знающие, что] «природа любит прятаться», сравнивают вышеупомянутый источник с египетской рекой. . .

(a⁵) ОН ЖЕ. Об изменении имен, 61 (т. III, с. 167 W.): . . . Все, что кажется лишенным благопристойности в словесном выражении, все эти символы «природы, любящей прятаться». . .

(b) ФЕМИСТИЙ. Речи, 5, 69 В: Природа, согласно Гераклиту, любит прятаться, и уж тем более творец природы. . .

(c) ПРОКЛ. Комм. к «Государству» Платона, II с. 107, 5 Кг.: . . . И что вымыслы эти в каком-то смысле согласны с природой, ибо, по Гераклиту, «природа любит прятаться». . .

(d) ЮЛИАН. Речи, 7, 216 С: Ибо природа любит прятаться и сокровенная сущность богов не терпит того, чтобы ее грубо открывали нечистому слуху в обнаженных выражениях.

(e) МАНИЛИЙ, IV, 769:

Прячется, молвил, природа в укромном месте глубоком,
Смертных взоров она бежит и нашего сердца.

9 (54 DK)

(a¹) ИППОЛИТ. Опровержение всех ересей, IX, 9, 5 (с. 242, 10 W.) [после фр. 27/51 DK]: О том же, что [Всеобщий Отец] сокрыт, незрим, неведом людям, он говорит так: «Тайная гармония лучше явной». Он одобряет и предпочитает познаваемости непознаваемость и незримость Его силы [следует фр. 5/55 DK].

(a²) Там же, IX, 10, 1 (с. 242, 22 W.): Гераклит ценит явное наравне с тайным, исходя из того, что явное и тайное образуют некое единство. Так, он говорит: «Тайная гармония лучше явной», и «что доступно зрению, слуху и т. д.» [фр. 5/55 DK].

(b) ПЛУТАРХ. О сотворении души в «Тимее», 102b С: Ни одна часть души не остается чистой, несмешанной и обособленной от других, ибо, по Гераклиту, «тайная гармония лучше явной»; смешав различия и противоположности, бог сокрыл их и спрятал в ней.

(c) ПЛОТИН. I, 6 [1], 3, 28 Henry-Schwyzger: Тайные гармонии в звуках, создавшие гармонии явные. . .

(d) ПРОКЛ. Комм. к «Кратилу», 176 (с. 101, 22 Pas.): Феномен музыки доказывает, что этот бог [Аполлон] — причина всякой гармонии, как тайной, так и явной. . . Ср.: ПЛАТОН. Федон 85E.

10 (22 DK)

(а) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, IV, 4, 2 (т. II, с. 249 St.): «Ищущие золото, — говорит Гераклит, — много земли перекапывают, а находят — мало».

(а¹) ФЕОДОРИТ. Лечение эллинских недугов, I, 88.

11 (18 DK)

(а) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, II, 17, 4 (т. II, с. 121 St.): . . . Реченное про- роком: «Если не уверуете, то и не поймете» [Исайя, 7, 9]. Парафразировав это рече- ние, Гераклит Эфесский сказал: «Не чая нечаянного, не выследишь неисследимого и недоступного».

(а¹) ФЕОДОРИТ. Лечение эллинских недугов, I, 88: Опять же и Гераклит уве- щевает руководствоваться верой, говоря так: «Не чая нечаянного, не выследите не- исследимого и недоступного» [следует фр. 10/22 DK].

12 (86 DK)

(а) ПЛУТАРХ. Кориолан, 38, 6: Между богом и человеком нет совершенно ни- чего общего. Ничего человеческого нет ни в природе, ни в движении, ни в искусстве, ни в могуществе бога, и если он осуществляет неосуществимое или изобретает не- возможное для нас, то в этом также нет ничего парадоксального. Скорее он во всем весьма отличен от нас, и особенно непохож и отличается [от человека] в своих делах. Но «большая часть божественных вещей», по Гераклиту, «ускользает от познания по причине невероятности» [или: «неверия»].

(b) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, V, 88, 4 (т. II, с. 384 St.): Каково это разделе- ние и что есть Святой Дух, мы покажем в главах о пророчестве и о душе. Но сокровен- ные глубины знания (гносис) я буду скрывать, изумленный их невероятностью, по словам Гераклита: ведь они «ускользают от познания по причине невероятности».

13 (107 DK)

(а) СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, VII, 126: Изобличая чувственное вос- приятие, он [Гераклит] говорит дословно следующее: «Глаза и уши — дурные сви- детели для людей, если души у них варварские», что равнозначно утверждению: «Вар- варским душам свойственно верить иррациональным ощущениям».

(b) СТОБЕЙ, III, 4, 54 (III, с. 233 Nense) (Глава «О безрассудстве»): Изречение Гераклита: «Дурными <свидетелями> бывают уши и глаза неразумных людей, имеющих варварские души».

(b¹) Ватиканский гномологий 743, № 311 Sternbach: Он же [Гераклит] сказал: «Дурные свидетели — уши и глаза неразумных людей».

(b²) Мюнхенский гномологий (84 V) I, 31: [Гераклит сказал]: «Глаза и уши черни — дурные свидетели».

(с) ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 7 [после фр. 114/46 DK]: [Гераклит говорил] . . . что зрение лжет.

14 (93 DK)

(а) ПЛУТАРХ. Об оракулах Пифии, 404 D: Полагаю, что тебе известны слова Гераклита: «Владыка, чье прорицалище в Дельфах, и не говорит, и не утаивает, а подает знаку». Вдумайся в эти замечательные слова и представь себе, что здешний

бог открывается нашему слуху через Пифию точно так же, как Солнце открывается зрению через [отражающую его свет] Луну.

(а¹) СТОБЕЙ, III, 199 (III, с. 151, 6 Н.) = ПЛУТАРХ, фр. 202 Sandbach: Пифагорейские символы. . . Как Дельфийский Владыка и не говорит, и не утаивает, а подает знаки, согласно Гераклиту, так и в пифагорейских символах: то, что кажется ясно сказанным, таинственно, а что кажется таинственным, имеет [ясный] смысл.

(б) ЯМВЛИХ. Послание к Дексиппу у Стобея, II, 2, 5 (II, с. 18, 20 Wachsm.): Как показывают сами дела, сам Дельфийский бог, не говорящий и не утаивающий, согласно Гераклиту, а знаками выражающий прорицания, побуждает слушателей оракулов к диалектическому исследованию. .

(в¹) ЯМВЛИХ. О мистериях, III, 15 (с. 119 des Places): [Генесиургические демоны] символически выражают волю бога; они и не говорят, и не утаивают, но показывают знаками предсказания будущего, согласно Гераклиту, так как отображают предсказанием характер творения. Подобно тому как они порождают все через отображения, точно так же и знаменья дают через символы. Может статься, что по тому же поводу они изощряют и нашу сообразительность.

15 (101 DK)

(а) ПЛУТАРХ. Против Колота, 1118 С: Из слов Колота, в которых он поднимает на смех и смешивает с грязью Сократа за то, что тот искал, что есть человек, и при этом «сморовил», как он говорит, что-де не знает даже самого себя, явствует, что сам-то Колот никогда такими вещами не занимался, а вот Гераклит, словно совершив нечто величественное и важное, говорит: «Я искал самого себя» — и из Дельфийских изречений самым божественным считал «Познай самого себя», — то самое, что и Сократу послужило отправной точкой постановки этого вопроса и его исследования. . .

(а¹) ЮЛИАН. Речи, 6, 185 А: Заповедь Дельфийского бога — «Познай самого себя», Гераклита — «Я искал самого себя», Пифагора и его последователей вплоть до Теофраста — «Уподобление богу в меру сил». .

(а²) АРИСТОНИМ у Стобея, III, 21, 7 (III, с. 557 Н.) [глава «Об изречении „познай самого себя“»]: Из книжек Аристонима. Гераклит в молодости превзошел всех в мудрости, так как знал, что ничего не знает.

(а³) Ватиканский гномологий 743, № 310 Sternbach: Гераклит-физик сказал, что в молодости он превзошел всех в мудрости, так как знал, что ничего не знает. [=АНТОНИЙ МОНАХ. Пчела, I, 59; PG 136, 960 С; МАКСИМ ИСПОВЕДНИК. Беседы, 56; PG 91, 969 А.]

(а⁴) ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 5: С детства он был чудачком: в молодости говаривал, что не знает ничего, а повзрослев — что знает все. Ср. фр. 1 i³; МАКСИМ ИСПОВЕДНИК. Общие места, 56, с. 663 (PG 91, с. 969 А).

(б) СУДА, под словом «Постум»=ЭЛИАН, фр. 317 Hercher: Сначала он был золотых дел мастером. Но после того как однажды в него вселилась любовь к наукам, он отправился в Афины и там проникся эллинской образованностью. И дожил до глубокой старости, обладая многочисленными и прекрасными познаниями. Разве не пристало этому Постуму повторять те слова, которые Гераклит изрек о самом себе: «Я выспытал самого себя?»

(с) ПЛОТИН, V, 9 [5], 5, 29 Н.—С.: Стало быть, верно сказано: «ибо мыслить и быть — одно и то же» [ПАРМЕНИД В 3], и «знание нематериальных [предметов]

тождественно предмету [знания]» [АРИСТОТЕЛЬ. О душе, Г 4. 430 а 3], и «Я искал самого себя», поскольку бытие едино.

(с¹) ОН ЖЕ, IV, 8 [6], 1, 11: Гераклит, который наказывает нас искать это . . . [следует фр. 54, 33 f, 56 ab], предоставил нам догадываться об этом, не постаравшись прояснить смысл своих слов, вероятно намекая тем самым на то, что следует искать [спрашивать] у самих себя, подобно тому как и сам он искал и нашел [в самом себе]. Ср.: Теология Аристотеля, I, 27.

(d¹) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, II, 2, 3 (т. II, с. 113 St.): Что они [язычники] украли [у иудеев], то мы не преминем показать, уязвив их самолюбие, а что они, по их хвастливым утверждениям, якобы «открыли, выпытав самих себя», то изболчим [в плагиате].

(d²) ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 5 [после фр. 15a⁴): Он не был ничьим учеником, но, по его словам, «выпытал самого себя» и узнал все от себя самого.

(d³) ТАТИАН. Речь против язычников, 3 (с. 3 Schwartz TU IV, 1): Я бы не поверил Гераклиту, сказавшему: «Я научил самого себя», потому что он был самоучкой и надменным.

(d⁴) ДИОН ХРИЗОСТОМ. Речи 38 (55), 1—2: . . . Мы можем назвать учителей большинства прославленных мужей кроме Гераклита Эфесского и Гесиода из Аскры. . . Гераклит же, что еще замечательнее, [по его собственным словам], «сам отыскал» природу Вселенной [и выяснил], что она собой представляет, причем никто его не учил, но он сделался мудрым, [научившись] у самого себя.

(d⁵) СУДА, под словом «Гераклит», 472 Adler: Он не был учеником какого-либо философа, но воспитался природным дарованием и прилежанием.

(d⁶) ОЛИМПИОДОР. Комм. к «Федону» С 2, 41 (с. 158, 9 Norvin): . . . автодидакты [=самоучки]: Гераклит. . . [=ПЛУТАРХ, фр. 216, 30 Sand.].

(е) ГЕСИХИЙ, ἐδίζησα ἐμεωυτόν [означает] «я исследовал [или: «искал»] самого себя». Ср.: АЛХИМИК ЗОСИМА, III, 49, 4 Berthelot—Ruelle (II, с. 230) = ГЕРМЕС ТРИЖДЫВЕЛИЧАЙШИЙ, фр. 21 (т. IV, с. 118 Nock): . . . Единственный путь — исследовать самого себя.

(f) = фр. 23 в.

(g) АНОНИМНЫЙ ВРАЧ. Флорентийский папирус, 115 В, 1—2 (ed. M. Manfredi, Studi It. di Filol. Class., 46, 1974, с. 157; 160, 178): [Природа] сама себя исследовала согласно Гераклиту.

16 (40 DK)

(а) ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 1: Он был высокоумным, как никто, и всех презирал, как это явствует из его сочинения, где он говорит: «Многознание уму не научает, а не то научило бы Гесиода и Пифагора, равно как и Ксенофана с Гекатеем [следует фр. 85/41 DK].

(a¹) Схолии к ПЛАТОНУ, Теэтет 179 Е (т. VI, с. 245 Hermann; 438 Greene): «Согласно сочинениям»: Платон имеет в виду сочинения Гераклита, ибо они [гераклитовцы] такие же дикие и высокомерные, как эти сочинения. Таков был Гераклит, которому приписывают следующее изречение: «Многознание. . . Пифагора».

(b) АВЛ ГЕЛЛИЙ. Аттические ночи. Предисловие, 12: Я же, помня известное изречение знаменитейшего Эфесца, которое гласит: «Многознание уму не научает. . .».

(с¹) АФИНЕЙ, XIII, 610 В: «Многоученость, которой нет ничего бесполезней», — сказал Гиппон-безбожник [ср.: DK 38 В3], но и божественный Гераклит говорит: «Многознание обладанию умом не научает», да и Тимон изрек:

Многоученности, коей суетней ничто не бывает.

(с²) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, I, 93, 1 (II, с. 59 St.): И в «Демодоке» [Amat. 137 В], если только это сочинение принадлежит Платону, говорится: «Философствование — не в том, чтобы жить в хлопотах, занимаясь ремеслами, и не в том, чтобы стремиться к многознанию, а в чем-то другом, поскольку по-моему это предосудительно». Я думаю, что ему были известны слова Гераклита: «Многознание обладанию умом не научает».

(d) ПРОКЛ. Комм. к «Тимею», I, с. 102, 22 D: Почему, говорят, этот жрец обрушился с грубыми упреками [ср.: Тимей, 22 В]? Что удивительного в знании прошлого? «Многознание ума не возвращает», — говорит славный Гераклит.

(е) СЕРЕН у Стобея, II; 31; 116 (II, с. 229 W.): Гераклит говорил, что многознание ума не придает, Анаксарх [72 В 1 DK] — «многознание, с одной стороны, приносит большую пользу, с другой стороны, большой вред». [= ИОАНН ДАМАСКИН. Excerpt. Flor., II, 116 с. 205 Meineke].

(f) ЮЛИАН. Речи, 6, 187 D: И не нужно разворачивать тьму свитков, ибо «многознание, как говорят, уму не научает».

(g) ДЕМОКРИТ, 68 В 64=СХI Лурье: Многие обладают многознанием, но лишены ума. ОН ЖЕ. В 65=СХI Л.: Следует учиться многоумию, а не многознанию.

(h) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, I, 129, 4 (II, 80 St.): Гераклит, живший после Пифагора, упоминает его в своем сочинении.

17 (129 DK)

(a) ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 6: Некоторые говорят, что Пифагор не оставил ни одного сочинения, но они ошибаются. Гераклит-физик едва ли не кричит [об обратном]:

Пифагор, Мнесархов сын, занимался собиранием сведений больше всех людей на свете и, понадегав себе эти сочинения, выдал за свою собственную мудрость многознание и мощничество. Ср. 14 А 19.

(b)=ИОН ХИОССКИЙ, фр. В 4, 3.

18 (81 DK)

(0) [Пифагор] — предводитель мошенников [по другому толкованию: «изобретатель надувательств»].

(a) ФИЛОДЕМ. Риторика, I, стб. 57 и 62 (т. I, с. 351 и 354 Sudhaus)=ДИОГЕН ВАВИЛОНСКИЙ, SVF III № 105: Риторика не похожа на [оборонительное] оружие, ибо последнее не дает никаких хитроумных уловок, предназначенных для обмана, тогда как все правила риторики нацелены именно на это; по выражению Гераклита, она «изобретательница надувательств».

(b) Схолии к ЕВРИПИДУ, Гекуба, ст. 131 (т. I, с. 26, 1 Schwartz)=ТИМЕЙ ИЗ ТАВРОМЕНИЯ, фр. 132 Jacoby: «Надувательствами» (κοπιδες) называли руководства по риторике, среди прочих — Тимей, который пишет так: «Откуда ясно, что изобретателем подлинных надувательств был не Пифагор, которого обвиняет в этом Гераклит, а сам кичливый [или: шарлатанствующий] Гераклит».

19 (28^b DK)

(а) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, V, 9, 3 (II, с. 331 St.) [после фр. 20/28^a DK]:
 . . . А также: «Правда (Дикэ) постигнет мастеров лжи и лжесвидетелей», — говорит Эфесец. (4) Он тоже знаком с учением об очищении грешников в огне, узнав о нем из негреческой философии. Это очищение огнем стойки впоследствии назвали «выжиганием» (экпирозой).

20 (28^a DK)

(а) Там же, V, 9, 2 (II, с. 331 St.): Потому-то и Апостол [Павел] увещевает [1-е Послание к Коринфянам, 2, 5], «дабы вера ваша была не в мудрости человеков», обративших в ремесло искусство убеждать, «но в силе Божией», которая одна и без всяких доказательств способна спасти одной лишь верой: «Стало быть, самый несомненный [мудрец] распознаёт мнимое, чтобы остерегать от него» — а также [следует фр. 19]. . . . говорит Эфесец.

21 (56 DK)

(а) ИШПОЛИТ. Опровержение всех ересей, IX, 9, 5 (с. 242, 16 Wendl.) [после фр. 5/55]: * * * легко видеть из следующих его слов: «Люди были обмануты явлениями, подобно Гомеру, даром что тот был мудрее всех эллинов. Ведь и его обманули дети, убивавшие вшей, загадав: „что видали да поймали, того нам поубавилось, а чего не видали и не поймали, то нам в прибыток“».

22 (97 DK)

(а) ПЛУТАРХ. Должен ли старик управлять государством, 787 С: Величайшее из всех зол, сопряженных с участием в государственном правлении, — зависть — оказывает наименьшее сопротивление старости: «ибо собаки на того и лают, кого они не знают», по словам Гераклита; [так и зависть, которая, подобно собаке], как бы сидит у входа на трибуну: она набрасывается на того, кто начинает [политическую карьеру] и не дает ему прохода, а давно знакомую и привычную славу переносит не свирепо и не враждебно, но ласково.

(b¹) АРИСТОН ИЗ ХИОСА у Стобея, IV, 25, 44 (IV, с. 628 Н.) = SVF I, № 386, из «Притч» Аристона: С новообращенными философами, которые уличают всех, начиная с родителей, происходит то же, что с новокупленными собаками: они лают не только на посторонних, но и на домашних.

(b²) Греческая антология, VII, 79, 3 (Мелеагр. На Гер. Эф., мудреца, несмеянного): — Эй, прохожий, я — Гераклит, единственный, кто нашел мудрость. — Пусть так, но любовь к родине поважней мудрости. — Попирая даже родителей, я лаял на безмозглых людей. — Хороша благодарность вскормившим тебя!

(b³) Там же, VII, 479, 6: [Говорит надгробный камень на могиле Гераклита].

Подо мной погребен божественный пес — лаятель народа (демоса).

23 (114+2 DK)

(а) СТОБЕЙ, III, 1, 179 (III, с. 129 Н.) («О добродетели»): Изречение Гераклита [после 23 d¹]: «Кто намерен говорить [=изречь свой логос] с умом (ξὺν νόῳ), те должны крепко опираться на общее (ξυνοῦ) для всех, как граждане полиса — на закон, и даже гораздо крепче. Ибо все человеческие законы зависят от одного, божественного: он простирает свою власть так далеко, как только пожелает, и всему довлеет, и [все] превосходит». СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, VII, 133 [после фр. 1]: . . . Чуть

ниже он [Гераклит] добавляет: «Поэтому должно следовать общему {ξυμβολός значит «общий»}, но хотя разум (логос) — общ, большинство [людей] живет так, как если бы у них был особенный рассудок (φρόνησις)».

(b) КЛЕАНФ. Гимн к Зевсу:

2 Зевс, владыка природы, правящий всем по закону. . .

24 Они не видят и не олышат божественного общего закона,

А если бы подчинились ему ознательно (σύννοον), то жили бы в счастье. . .

39 . . . всегда славить общий закон во правде.

(c) ПЛУТАРХ. Об Исиде и Осирисе, 369 А: Начала всего не следует полагать ни в неодушевленных телах, как Демокрит и Эпикур, ни в бескачественной материи, которую оформляют единый творящий разум (логос) и единое провидение, надо всем одерживающее верх и всепобеждающее, как стоики [ср.: SVF II № 1108]. Ср.: КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, VII, 9, 1 (III, с. 8): Обладая силой Отца, Сын легко одерживает верх над чем ни пожелает.

23 d¹ (113 DK)

СТОБЕЙ, III, I, 179 (III, с. 129 Н.) [после 23 f]: Изречение Гераклита: «Здравый рассудок — у всех общий».

(d²) ПЛОТИН, VI, 5 [23], 10, 11: И сознание (τὸ φρονεῖν) у всех единое, потому и «общее» сознание, а не то что: одно — такое, а другое — вот такое.

23 e (116 DK)

СТОБЕЙ, III, 5, 6 (III, с. 257 Н.) («О целомудрии»): Изречение Гераклита: «Всем людям дано познавать самих себя и быть целомудренными» [следуют фр. 69 и 68].

23 f (112 DK)

СТОБЕЙ, III, 1, 178 (III, с. 129 Н.) («О добродетели») [после фр. 44/111 DK]: Изречение Гераклита: Целомудрие [~ самоограничение] — величайшая добродетель, мудрость же в том, чтобы говорить истину и действовать согласно природе, осозная [следует фр. 23 d¹].

24 (89 DK)

(a) ПЛУТАРХ. О суеверии, 166 С: Гераклит говорит: «Для бодрствующих существует один общий мир, а из спящих каждый отворачивается в свой собственный». Для суеверного же никакой мир не является общим, ибо он и наяву лишен здравого рассудка, и во сне не может избавиться от страхов. . .

25 (10 DK)

(a) ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ. О мире, 5. 396 b 7—25: Вероятно, природа стремится к противоположностям и из них, а не из подобного создает согласие. Так, она свела мужчину с женщиной, а не с однополым существом (равно как и женщину) и сочетала первичное согласие из противоположных, а не подобных существ. Создается впечатление, что искусство делает то же самое в подражание природе: живопись, смешав белые и черные, желтые и красные краски, создает изображения, соответствующие оригиналам; музыка, смешав одновременно высокие и низкие, длительные и краткие звуки в различных голосах, создает единую гармонию; грамматика, смешав гласные и согласные буквы, создала из них все [словесное] искусство. Вероятно, именно в этом смысл изречения Гераклита Темного: «Сопряжения: целое и нецелое, сходящееся рас-

ходящееся, созвучное несозвучное, из всего — одно, из одного — все». Так и все мироздание, т. е. небо и землю, и весь космос в целом, упорядочила единая гармония через смешение противоположнейших начал. . .

(а) АПУЛЕЙ. О мире, 20, с. 156, 19 Thomas: Гераклит, известный [?] темнотой [?] своих изречений, выразил эту мысль так: «Сопряжения. . . все». Так и природа, сочетав между собой несхожие начала мироздания, соразмерила их, словно музыку, благозвучным согласием: смешав сухое с влажным, пылающее с ледяным, медленное с быстрым, кривое с прямым, она создала, согласно Гераклиту, «из всего одно и из одного все».

(b)=ЛИН, фр. В 2, 2—6.

26 (50 DK)

(а) ИШПОЛИТ. Опровержение всех ересей, IX, 9, 1 (с. 241, 15 Wend.): Гераклит говорит, что все делимое неделимо, рожденное нерожденно, смертное бессмертно, Слово — Эон, Отец — Сын, Бог — справедливость: «Выслушав не мою, но эту-вот Речь (Логос), должно признать: мудрость в том, чтобы знать все как одно», — говорит Гераклит. [Синтаксическая двусмысленность допускает перевод: «. . . есть только одно Мудрое Существо, которое знает все»] [следует фр. 27].

(b) ФИЛОН АЛЕКС. Аллегории законов, III, 7 (т. I, с. 114 Sohn): . . . Все выводящий из космоса и возводящий к космосу и отрицающий какое-либо участие Бога в возникновении вещей, сторонник гераклитовского учения, вводящий «Избыток и нужду» [фр. 55], Всеединство (ἐν τὸ πᾶν) и «все под залог» [фр. 54] [т. е. «отрицая благодать»]. ОН ЖЕ. О частн. зак. I, 208: Расчлененность животного означает либо что все одно, либо что [все] из одного и в одно [попеременно]; одни называли это «избытком и нуждой», другие — «выгоранием и мироупорядоченностью» (экпирозой и диакосмезой).

27 (51 DK)

(а) ИШПОЛИТ. Опровержение всех ересей, IX, 9, 2 (с. 241, 18 W.) [после фр. 26/50 DK]: В том же, что они не знают этого и не признают, Гераклит укоряет их так: «Они не понимают, как враждебное находится в согласии с собой: перевернутое соединение (гармония), как лука и лиры».

(а¹) Там же, IX, 9, 5 (с. 242, 9 Wend.) [после фр. 29/53 DK]: О том же, что [Всеобщий Отец] * * * гармония, как лука и лиры [следует фр. 9/54 DK].

(b) ПЛАТОН. Пир, 187 ab: Что с музыкальной дело обстоит точно так же, ясно с первого взгляда. Вероятно, именно это хочет сказать и Гераклит, хотя выражает он свою мысль неудачно: он говорит, что Единое, расходясь [~ враждуя] с самим собой, сходится [~ ладит], словно гармония лука и лиры. Полная бессмыслица утверждать, что гармония «не согласуется» или состоит из по-прежнему несогласующихся [элементов]. Смысл его слов, вероятно, в том, что высокие и низкие звуки сначала были несогласны, а потом стали согласными между собой и что музыкальное искусство именно таким образом создало из них гармонию. Ведь если бы высокие и низкие звуки по-прежнему оставались бы несогласующимися, то, надо думать, никакой гармонии не было бы.

(с) ПЛАТОН. Софист, 242 de: Но некие ионийские и сицилийские Музы впоследствии сообразили, что безопаснее всего сочетать то и другое, т. е. утверждать, что сущее едино и множественно, но одержимо враждой и дружбой: «Враждебное всегда в ладу», —

говорят более строгие Музы [Гераклит], а те, что поуступчивей [Эмпедокл], пошли на компромисс, отказавшись от утверждения, что дело обстоит таким образом всегда, и говорят, что универсум попеременно то един и связан дружбой благодаря Афродите, то множествен и сам себе враждебен в силу некой ненависти.

(d¹) 8 DK; АРИСТОТЕЛЬ. Никомахова этика, Θ 2, 1155 b 5 [после: ЕВРИПИД, фр. 898, 7—10 Nauck]: . И Гераклит говорит: «враждебное ладит», «наилучшая гармония — из различающихся [звукот]» и «все происходит через распрю» [ср. фр. 28].

(d²) ПСЕВДО-ГИППОКРАТ. О диете, I, 11, 1 (DK I, с. 185, 28): . . . все полезное различно. . . все вещи примиряются благодаря противоположному характеру; I, 17, 2 (с. 187, 8): все это полезно, ибо различно; 18, 1 (с. 187, 11): максимально различное максимально полезно, минимально различное минимально полезно.

(d³) ГОРАЦИЙ. Послания, I, 12, 19: разногласное согласие вещей (ср.: ЛУКАН, I, 98; ДОНАТ. Комм. к «Евнуху» Теренция, 721; ЛАКТАНЦИЙ. Божественные ута-новления, II, 9, 17: поэтому некоторые философы и поэты учили о разногласном со-гласии мира); ОН ЖЕ. Искусство поэзии, 374: разногласное созвучие; МАНИЛИЙ, I, 142: согласное разногласие; СЕНЕКА. Естественнонаучные вопросы, VII, 27, 4: все это согласие мира состоит из несогласных [элементов]; ОН ЖЕ. Диалоги, VIII, 5, 6: противоположны ли элементы, или же они не враждуют, но согласуются через раз-личия; ЦИЦЕРОН. О природе богов, II, 119: гармоничное созвучие из предельно несхожих движений; МАРСИЛИО ФИЧИНО. Комм. к «Софисту» Платона (т. II, с. 1287 Базель, 1576): Гераклит сравнивал состояние этого мира с разногласным со-гласием, хотя и отрицал его тождество (по его учению, все непрерывно течет); ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ. О мире, 5. 396 b 7: Природа стремится к противоположностям и из них, а не из подобного создает согласие; МАРК АВРЕЛИЙ, VII, 48: и то что сла-живается из противоположностей; ФИЛОН АЛЕКС. Вопросы к «Книге Бытия», III, 5; ПЛОТИН, III, 2 [47], 16, 48 Н.—S: и универсум в ладу с самим собой, тогда как части его зачастую враждуют. . .

(e¹) ПЛУТАРХ. О упокоившии духа, 473 F: С душой следует обращаться как с цветной картинкой: выдвигать на первый план светлые и прятать и вытеснять мрач-ные стороны жизни. Совершенно вычеркнуть их и избавиться от них невозможно, ибо «перевернута гармония мира, как лиры и лука»; так и в человеческой жизни нет ничего чистого и несмешанного [со злом]. В музыке низкие звуки сочетаются с высокими, в грамматике — гласные буквы с согласными. Музыкант и грамматик не тот, кто тя-готится одной из противоположностей и избегает ее, но тот, кто умеет пользоваться всеми [звуками и буквами], смешивая их должным образом. Такие же соответствия [противоположностей] имеются и в вещах. . .

(e²) ПЛУТАРХ. Об Исиде и Осирисе, 369 AB: Не может возникнуть что-либо плохое там, где бог — причина всего, или хорошее там, где ничего, ибо «гармония мира натянута в противоположные стороны, как у лиры и лука», согласно Гераклиту. . .

(e³) ПЛУТАРХ. О сотворении души в «Тимее» 1026 A: . . . Универсуму присущи жизнь, сознание, гармония и разум, склоняющий убеждением примешанную необ-ходимость, которую большинство называет судьбой, Эмпедокл — дружбой и враждой, Гераклит — «перевернутой гармонией мира, как лиры и лука». Парменид — «светом и тьмой», Анаксагор — Умом и бесконечностью. . .

(e⁴) ПОРФИРИЙ. О пещере нимф, 29 (с. 76, 20 Nauck²): И поэтому «гармония натянута в противоположные стороны» и «стреляет из лука» посредством противополо-жностей.

(е⁶) СИНЕЗИЙ. О свидениях, 2 (133 А), т. II, с. 148 Terzaghi: Из противоположностей [возникает] единство, гармония лиры и космоса.

(f) СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 50, 10 D. [Ср.: АРИСТОТЕЛЬ. Физика, I, 2. 185 b 19]. Такого рода [полемиические] тезисы выставлял, как считалось, Гераклит, утверждавший, что добро и зло совпадают подобно луку и лире. Столь неопределенные высказывания и дали повод считать его тем, кто выставляет [спорные] положения. [Ср.: ПЛАТОН. Софист, 242 D.] Там же, с. 82, 23: [Иначе окажется] истинным тезис Гераклита, утверждающий, что добро и зло тождественны.

28 (80 DK)

(a) КЕЛЬС у Оригена, Против Кельса, VI, 42 (II, с. 111, 9 Koetschau): . . . [Кельс] утверждает, что древние аллегорически говорят о некой божественной войне, приводя следующие слова Гераклита: «Должно знать, что война общепринята, что вражда — обычный порядок вещей (*δίκη*), и что все возникает через вражду и заимобразно [= „за счет другого“], — и слова Ферекида. . . [следует 7 В 4 DK].

(b¹) (8 DK=27 d¹) АРИСТОТЕЛЬ. Никомахова этика, Θ 2, 1155 b 4=ПСЕВДОАНДРОНИК. Парафраза Ник. эт., с. 164, 34. Ср.: ФР. ПЕТРАРКА. Лекарства от превратностей судьбы. II, Предисловие (Сочинения. Базель, 1554, с. 121): Известное изречение Гераклита: «Все происходит через спор».

(b⁷) ПСЕВДО-ЛИН у Стобея I, 10, 5 (I, с. 119 W.): . . . все вещи вечно управляются через вражду».

(A 14 a DK) Схол. к «Противоядиям» Никандра, ст. 172 и 174: О том же, что море и огонь находятся в рабстве у ветров согласно божественному закону [ср. фр. 23 b], учили и Гераклит, и Менекрат . . . Этим Гераклит хочет сказать, что, по его учению, все вещи противоположны друг другу.

(c) СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 24, 4 Diels [=Dox., 476]: [Гераклит] полагает также некий срок и определенное время изменения космоса согласно некой роковой необходимости. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 8: Все возникает в силу противоположности. . . Рождается [космос] из огня и снова сгорает долта через определенные периоды времени, попеременно в течение совокупной вечности; происходит же это огласно судьбе. Та из противоположностей, которая ведет к возникновению [космоса], называется войной и распрей, а та, что к сгоранию — огласием и миром. . (7) Все происходит согласно судьбе, и все сущее слажено в гармонию через противоположность».

(c¹) (A 8 и B 137 DK) Мнения философов, I, 27, 1: Гераклит [полагает], что все [происходит] согласно судьбе, которая тождественна необходимости. Так, он пишет: «Ибо [все?] предопределено судьбой всецело». Там же, I, 28, 1 («О сущности судьбы»): Гераклит сущностью судьбы полагал разум (логос), пронизывающий субстанцию Вселенной. . . Там же, I, 7, 22: Гераклит . . . [определял] судьбу как разум (логос), творящий [все] вещи через [их] «бег-в-противоположные-стороны» [ср. фр. 64].

(d) ПЛУТАРХ. О сообразительности животных, 964 D: Эмпедокл и Гераклит принимают за истину, что человек не вполне чист от греха, обращаясь о животными таким образом. Часто они скорбят и бранят природу как являющую собой необходимость и войну и не содержащую ничего несмешанного или чистого, но провикнутому многими беззаконными явлениями.

(b³) (А 22 DK) АРИСТОТЕЛЬ. Евдемова этика, VII, 1. 1235 а 25 : Другие полагают, что противоположности в дружбе [между собой]. Гераклит порицает поэта, оказавшего [Илиада, XVIII, 107]: Да огинет вражда как меж богами, так и меж людьми; в таком случае, [по словам Гераклита], не было бы ни гармонии без высоких и низких звуков, ни животных без самца и самки, которые противоположны друг другу.

(b³) ПЛУТАРХ. Об Исиде и Осирисе, 370 D [после фр. 29]: . . . [Гераклит] говорит, что «Гомер, молясь о том, чтобы „вражда сгинула меж богами и меж людьми“, сам того не ведая, накликает проклятье на рождение всех [сущест^в]», ибо они рождаются в силу противоборства и противодействия. . . [следует фр. 52/94 DK].

(b⁴) НУМЕНИЙ, фр. 16 Thedinga = А 30 Leemans [у КАЛКИДИЯ. Комм. к «Тимею», гл. 297, с. 299, 10 Waszink]: Ибо если мир — из материи, то он, несомненно, создан из предсуществующей злой природы. Поэтому Нумений хвалит Гераклита, упрекающего Гомера в том, что тот предпочел несчастьям жизни [ее] погибель и истребление, так как не понимал, что, желая искоренения материи, которая есть источник зла, он оказывался за уничтожение мира.

(b⁵) Схолии А к «Илиаде», XVIII, 107 Dindorf: Полагая, что природа вещей основана на вражде, Гераклит порицает Гомера, думая, что тот молится об уничтожении мира. Схолии Г к этому месту, Maass: Гераклит говорит, что Гомер молится об уничтожении всех вещей, ибо, [по Гераклиту], все удерживается вместе благодаря противоположности [~ враждебности] между ними. Ср.: Anecdota, Graeae, III, с. 24, 17: Гераклит полагает, что Вселенная составлена и сохраняется благодаря любопрению.

(b⁶) СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Категориям», с. 412, 22 Kalbfleisch: Но с этим не согласятся те, кто полагал началами противоположности, — гераклитовцы и другие: [по их мнению], если иссякнет одна из противоположностей, то сгинет и исчезнет все. Потому-то Гераклит и бранит Гомера за то, что тот сказал: «Да сгинет вражда как меж богами, так и меж людьми»; в таком случае, говорит он, сгинет все. ФИЛОПОН. Комм. и «Категориям», с. 104, 34 Busse: То, что подпадает под категорию отношения, сравнивают с поддерживающими одно другое бревнами: если убрать одно из них, то рухнет все. АЛЕКСАНДР АФРОДИСИЙСКИЙ у Элпаса, Комм. к «Категориям», с. 242, 14 Busse: . . . Противоположности: Александр сравнивает их с Δ-образными бревнами, которые спасают друг друга благодаря некоему противостоянию. Ср.: ХРИСИПП у Авла Гелия, Аттические ночи, VII, 1, 3 [=SVF II, № 1169]: . . . И все вещи удерживаются вместе, как бы скрепленные взаимным и противоположным упором.

29 (53 DK)

(а) ИППОЛИТ. Опровержение всех ересей, IX, 9, 4 (с. 242, 5 W.) [после фр. 93/52 DK]: Мы слышим, как он [=Гераклит] говорит о том, что Отец всего сущего — рожденный нерожденный, творение Творец: «Война (Полемос) — отец всех, царь всех: одних она объявляет богами, других — людьми, одних творит рабами, других — свободными» [следует фр. 27/51].

(b) ПЛУТАРХ. Об Исиде и Осирисе, 370 D: Гераклит прямо называет войну «отцом и царем» и господином всех. . . [следует фр. 28 (b³) и 52 (a²)=94 DK].

(с) ПРОКЛ. Комм. к «Тимею», т. I, с. 174, 20 Diehl: . . . Из всего этого можно извлечь одно — что все мироздание скреплено [=сопряжено в единство] этой противо-

положностью. И если славный Гераклит имел в виду ее, говоря: «Война — отец всех», то слова его не лишены смысла. Там же, с. 76, 20: Ибо, по Гераклиту, отец всех вещей — война.

(с¹) МАРСИЛИО ФИЧИНО. Комм. к «Тимею» Платона (т. II, с. 1439. Базель, 1576): Ибо, по Гераклиту, отец всех вещей — война, т. е. противоположность.

(d) ЛУКИАН. Как следует писать историю, 2: . . . Похоже, стало быть, что истинно изречение «война — отец всех», коль скоро [война] одним махом породила такое количество писателей.

(d¹) ЛУКИАН. Икарменищ, 8 (в конце) . . . А другой воинственный муж полагал войну отцом всего.

(е) ХРИСИПП у Филодема, О благочестии, гл. 14, 21, с. 81 Gomprez [=Dox. 548^b; SVF II, № 636]: В третьей книге «О природе» [Хрисипп] говорит, что существует единотвенный космос разумных существ, гражданами которого являются боги и люди, и что Война и Зевс тождественны; так полагал и Гераклит.

30 (42 DK)

(а) ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 1 [после фр. 85/41 DK]: «Гомер стоил того, чтобы его выгнали с состязаний и высекли, да и Архилох тоже» [следует фр. 102/43 DK].

(b) ПСЕВДО-ГЕРАКЛИТ. Письма, VII, Женевский папирус, 271, стб. XIV, 15: Ненавижу поэтов: Гомеров, Гесиодов и Архилохов.

31 (125 DK)

(а) ТЕОФРАСТ. О головокружении, 9 Wimmer: Головокружение бывает также, когда пристально всматриваются в одну точку. . . причина же этого в том. . . что то, что сохраняется в движении, расслаивается и «разделяется» при остановке: стоит остановиться взгляду — одной из частей, как и другие, смежные с ним [части] в мозгу останавливаются. Когда же они расслаиваются и разделяются, то тяжелые отягощают [мозг] и вызывают головокружение. В самом деле, [тела], которым свойственно двигаться этим [вихреобразным] движением, иногда [?] остаются вместе вследствие него же; в противном случае, как говорит Гераклит, «и кикееон [=болтанка] расслаивается, если его «не» взбалтывать».

(a¹) АЛЕКСАНДР АФРОДИСИЙСКИЙ. Проблемы, IV, 42 (с. 11, 16 Usener): Кикееон же, как говорит Гераклит, оседает, если его не встряхивать.

(b¹) ХРИСИПП у Плутарха, О противоречиях стоиков, 1049 F (=SVF II, № 937): . . . В первой книге «О природе» он [Хрисипп] уподобил вечность движения кикееону, беспорядочно размешивающему и взбалтывающему поток событий. . .

(b²) МАРК АВРЕЛИЙ, IV, 27: либо расчлененный и упорядоченный космос, либо кикееон, сваленный в кучу, но беспорядочный. . . VI, 10: либо кикееон, взаимодействие и рассеяние, либо единство, порядок и провидение. IX, 39: либо атомы в больше ничего, либо кикееон и рассеяние.

(b³) ЛУКИАН. Продажа жизней, 14: Вот почему я плачу, [говорит Гераклит], а еще потому, что ничто не постоянно, но все свалено в кучу, словно в кикееоне, и одно и то же: удовольствие-неудовольствие, знание-незнание, большое-малое, туда-сюда [все] кружится и сменяется в игре Века.

(с) ЭПИКУР у Диогена Лаэртия X, 8: [шуточные прозвища, данные Эпикуром разным философам]. Гераклита [Эпикур называл] Баламутом, а Демокрита — Ерундокрином.

(d) (A 3 b DK) ПЛУТАРХ. О болтлив., 511 В: А те, кто выражает то, что нужно, символически, без помощи голоса, разве не удостоиваются исключительных похвал и не вызывают восхищения? Например, Гераклит. В ответ на просьбу сограждан выказать свое мнение о [гражданском] мире, он взмог на трибуну, взял килик холодной воды, присыпал ячменной мукой и, помешав веточкой поляя, отпил и удалился. Тем самым он показал им, что, для того чтобы сохранить государство в мире и согласии, надо отказываться от роскоши и довольствоваться тем, что оказалась под рукой. Схолии Т к «Илиаде» X, 149: Повздорили как-то эфесцы о деньгах. Выступил в народном собрании Гераклит, подсыпал в килик ячменной муки и выпил кикеон, показав, что надо стремиться к самодовлению. ФЕМИСТИЙ. О добродетели, с. 40 Sachau=22 A 3 b.

32 (59 DK)

(a) ИППОЛИТ. Опровержение всех ересей, IX, 10, 4 (с. 243, 7 W.) [после фр. 46/58 DK]: И прямое и витое, говорит [Гераклит], одно и то же: «У чесала путь прямой и кривой» (у орудия, называемого «улиткой» [=винтом], в мастерской валяльщика, вращение прямое и кривое, так как он идет одновременно вверх и по кругу), «один и тот же» [следует фр. 33 a]. Ср.: ПСЕВДО-ГИППОКРАТ. О диете, I, 14: И валяльщики продельывают то же самое и т. д.

33 (60 DK)

(a) ИППОЛИТ. Опровержение всех ересей, IX, 10, 4 (с. 243, 11 W.) [после фр. 32/59]. И верх и низ одно и то же: «Путь вверх-вниз один и тот же [или: «путь туда-сюда один и тот же»] [следует фр. 35].

(b) ТЕРТУЛЛИАН. Против Маркиона, II, 28, 1 Kroymann: как говорит знаменитый Гераклит Темный, путь вверх-вниз один и тот же.

(c) ПСЕВДО-ГИППОКРАТ. О пище, 45 (SMG I, 1, с. 84 Heiberg): путь вверх-вниз один [ср. гл. 18: лекарьство — вверх и вниз и не вверх и не вниз].

(d) ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 8—9: .Изменение [называется] «путем вверх-вниз», по которому и возникает космос. (9) Сгущаясь, огонь увлажняется и, сплываясь, становится водой; вода, затвердевая, превращается в землю: это «путь вниз». Земля, в свою очередь, снова тает [~плавится], из нее возникает вода, а из воды — все остальное [=светила и метеорологические феномены]; причины почти всех [этих] явлений он возводит к испарению из моря: это «путь вверх».

(d¹) ЦИЦЕРОН. О природе богов, II, 33, 84: Существуют четыре рода тел [=элементов], благодаря их чередованию продолжается природа мира: из земли возникает вода, из воды — воздух, из воздуха — эфир; затем в обратном порядке снова из эфира — воздух, из воздуха — вода, из воды последней земля. Так, благодаря движению вверх-вниз, туда-сюда элементов, из которых все состоит, поддерживается связь частей мира. Ср.: ПЛИНИЙ. Естественная история, II, 104: природа ходит туда-сюда.

(d²)=фр. 66 b.

Ср.: Мнения философов I, 7, 22: Гераклит [полагал]. судьбой разум [логос] — творца вещей посредством «бега в противоположные стороны».

(d³) ЭПИКТЕТ, фр. 8, с. 460 Schenkl=МУСОНИЙ РУФ, фр. 42 Hense: Четыре элемента превращаются и изменяются вверх и вниз [=туда-сюда, по кругу]: земля становится водой, вода — воздухом, воздух, в свою очередь, переходит в эфир, и таким же образом происходит [обратное] превращение сверху вниз.

(d⁴) МАКСИМ ТИРСКИЙ, 41, 4i: Ты видишь события, которые ты называешь «гибелью», заключая по пути уходящих, а я — «спасением», заключая по преемству грядущих. Видишь смену тел и рождения, перемену «путей вверх-вниз» [~туда-сюда], согласно Гераклиту, равно как «живущих за счет смерти других, за счет жизни других умирающих» [ср. фр. 47 b³]. (k) (В 76 DK): «огонь живет за счет смерти земли, воздух живет за счет смерти огня, вода живет за счет смерти воздуха, земля за счет смерти воды» [ср. фр. 66 e⁴]. Видишь смену [~эстафету] жизни и перемену тел, обновление Вселенной. Ср.: Там же, 10, 5 с: Всякое тело стремительно течет и несется, подобно Еврипу, туда-сюда, то приливая от младенчества к юности, то отливая и откатываясь от юности к старости. 1, 2 g: . В теле, не стоящем неподвижно, но движущемся «туда-сюда» и взбалтываемом, [подобно кикеону], опустошением и наполнением.

(d⁵) КЛЕОМЕД. О круговращении небесных тел, I, 11 (61) (с. 112, 1 Н. Ziegler): Земля не израсходуется от этого, так как и она, в свою очередь, получает компенсацию от воздуха и неба: «путь вверх-вниз «один и тот же»», — говорит Гераклит, так как субстанция превращается и изменяется целиком, во всем подчиняясь демиургу для управления и сохранения Вселенной.

(d⁶) НЕМЕСИЙ. О природе человека, 5, с. 154 Matth.: А чтобы элементы были связаны не только восхождением вверх и нисхождением вниз, но и по кругу, [демиург] как бы загнул и замкнул крайности, т. е. огонь и землю, друг на друга.

(d⁷) МАРК АВРЕЛИЙ, VI, 17: вверх-вниз по кругу пути элементов. . IX, 28, 1: Круговращения космоса одни и те же — вверх-вниз, из вечности в вечность. Ср. IV, 46 [=фр. 66 e³].

(d⁸) ЛУКИАН. Продажа жизней, 14: И одно и то же. . туда-сюда ходящие по кругу и сменяющие друг друга в игре Века [=фр. 93 b¹].

(e¹) ФИЛОН АЛЕКС. О сновидениях, I, 153 (III, с. 237 W.): Жизнь человеческая обыкновенно напоминает лестницу, ибо она полна взлетов и падений: (154) как кто-то изрек: «Единый день одного низверг с высоты, другого поднял вверх» [ср.: ЕВРИПИД, фр. 420, 2—3]; ничто человеческое не остается прежним, но меняется и претерпевает всевозможные перипетии. (156) Это и есть своего рода «путь вверх и вниз» человеческих судеб, полный непостоянных и нестойких удач и неудач. . .

(e²) ОН ЖЕ. О жизни Моисея, I, 31 (IV, с. 127 С.): Нет ничего переменчивей Судьбы (Тюха), которая играет человеческим счастьем [досл. «играет в пессейю», т. е. «бросая кости», ср. фр. 93] и так и сяк [досл. «вверх и вниз», т. е. переворачивая вверх дном]: часто она «за один день возвысившегося низвергает долу, униженного вздымает ввысь».

(f) ПЛОТИН, IV, 8 [6], 1, 11 Н.—S.: Гераклит. . . полагавший неизбежные чередования противоположностей, и сказавший о «пути вверх-вниз», и [следует фр. 56 ab].

(f¹) ЯМВЛИХ. О душе, у Стобея, I, 49, 39 (I, с. 378, 21 W.): Гераклит полагает неизбежные чередования противоположностей, а также полагал, что души проходят путь вверх и вниз, и . . [следует фр. 56 ab].

(f²) ЭНЕЙ ИЗ ГАЗЫ. Теофраст, с. 5 Boissonade (=PG 85, 877 C): Гераклит полагает неизбежную смену и говорил, что душа путешествует вверх и вниз [следует фр. 56 b].

(g) Греческая антология, VII, 128=ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 16: Я Гераклит! Что вы дергаете меня туда-сюда, простофили?

(b) ПСЕВДО-ГЕРАКЛИТ. Письма, V (с. 323, 13 Tagán): Знает моя мудрость пути природы. .; VI (с. 330, 36 T.): [Бог в космосе] непрерывно одно гонит сверху, другое сажает снизу.

34 (103 DK)

(a) ПОРФИРИЙ. Гомеровские вопросы, к «Илиаде» XIV, 200 (с. 190, 6 Schrader): . . . А для всей окружности в целом больше нет [начальной и конечной точки]: любая мыслимая точка есть и начало и конец, ибо «совместны у {окружности} круга начало и конец», согласно Гераклиту.

(b¹) ПСЕВДО-ГИППОКРАТ. О местах в человеке, I (т. VI, с. 276 L.): Я думаю, что у тела нет никакого начала, но все [точки тела] в равной мере начало и конец: начерти круг — начала не сыскать.

(b²) ПСЕВДО-ГИППОКРАТ. О природе костей, 11 (т. IX, с. 182 L.): Откуда начинается и где кончается эта единая артерия, я не знаю, ибо, начертив круг, начала не сыскать.

(b³) ПСЕВДО-ГИППОКРАТ. О диете, I, 19 (DK I, S. 187, 23): Плетельщики плетут вкруговую: начинают с начала и кончают началом. То же самое — цикл в теле: откуда начинается, там и заканчивается.

(b⁴) ПСЕВДО-ГИППОКРАТ. О пище, 9 (CMG I, с. 79; IX, с. 102 L.): Начало всех вещей одно, и конец всех вещей один, и одно и то же — начало и конец. Ср.: ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ. Проблемы, 17, 3. 916 а 37: Если же — круг, а в круге — ни начала, ни конца. . .

35 (61 DK)

(a) ИППОЛИТ. Опровержение всех ересей, IX, 10, 5 (с. 243, 12 W.) [после фр. 33/60 DK]: И грязное и чистое, говорит [Гераклит], одно и то же, и пригодное и непригодное для питья одно и то же. «Море, — говорит, — вода чистейшая и грязнейшая: рыбам — питьевая и спасительная, людям — негодная для питья и губительная» [следует фр. 47/62 DK].

(b) СЕКСТ ЭМПИРИК. Пирроновы основоположения, I, 55: И морская вода для людей — противное и ядовитое питье, а для рыб она приятнейшая и питьевая.

(c) ПСЕВДО-ГИППОКРАТ. О диете, I, 10, 1 (DK I, с. 185, 12):. [Желудок в теле] выполняет функцию моря [в космосе]: годных животных кормитель, негодных губитель.

(d) ФИЛОН АЛЕКС. Кто наследник божественного. 208 (т. III, с. 47 W.): Опять-таки сладкий вкус воды [противоположен] горькому. (209) Смертное бес- смертное. . начало конец, рождение гибель, жизнь смерть, болезнь здоровье. справедливость несправедливость, здравый рассудок безрассудство. (211) нужда избыток, война мир, закон беззаконие. . праздность труд, молодость старость. (213) Ибо из обеих противоположностей [составляется] единство; если его рассечь, то противоположности становятся познаваемыми. (214) Разве это не то самое учение, которое, по уверению эллинов, поставил во главу угла собственной философии великий и прославленный у них Гераклит, хвастаясь им так, будто он изобрел нечто новое?

36 (13 DK)

(a¹) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, I, 2, 2 (т. II, с. 4 St.): Если же знание не всеобщее, то книги для большинства, как говорит пословица, все равно что лира для осла: и впрямь «свиньи грязью наслаждаются больше, чем чистой водой».

(а²) ОН ЖЕ. Протрептик, 92, 4 (т. I, с. 68 St.): [Язычники же], словно черви, валяются в выгребных ямах и нечистотах — потоках наслаждения — и кормятся бесполезными и бессмысленными негами, прямо-таки свинообразные люди, ибо «свиньи, — говорит [пословица], — наслаждаются грязью больше, чем чистой водой», и «беснуются от нечистот», согласно Демокриту [фр. 581a Лурье=147 DK].

(а³) ОН ЖЕ. Строматы, II, 68, 3 (т. II, с. 149 St.) * * * свинья наслаждается грязью и нечистотами. Ср.: Boissonade, Anecdota, IV, с. 172, 10: Свинья валяется в грязи и наслаждается [грязью].

(b¹) СЕКСТ ЭМПИРИК. Пирроновы основоположения, I, 56 [после фр. 35/61 DK]: Свиньи с большим удовольствием купаются в зловоннейшей грязи, нежели в прозрачной и чистой воде. Ср.: АРИСТОТЕЛЬ. История животных, IX, 6. 595 а 31: Свинья радуется купание в грязи. Греческая пословица: «Свинья выкупалась в луже грязи»: Рагоет. Гр. т. I, с. 376; 2-е Послание Петра, 2, 22.

(b²) ЛУКРЕЦИЙ, VI, 976 сл. (пер. Ф. А. Петровского):

Наоборот, та же грязь, что для нас отвратительно мерзкой
Кажется, всякой свинье настолько, как видно, приятна,
Что целиком она вся валяется в ней ненасытно.

(b³) АНОНИМ. Комм. к «Теэтету» Платона, стб. 63, 25 (с. 42 Diels—Schubart): Козы наслаждаются побегам, свиньи — грязью, люди испытывают отвращение и к тому и к другому.

(c¹) [37 DK] КОЛУМЕЛЛА, VIII, 4, 4: . . . Гераклиту Эфесскому, который говорит, что свиньи купаются в грязи. . .

(c²) ГАЛЕН. Протрептик, 13 (с. 19, 11 Kaibel): В чем же тогда они проявят свою силу, чем будут гордиться? . . . Может быть, тем, что целый день валяются в пыли [= занимаются спортом]? Но этим отличаются и перепела, и куропатки. И уж если гордиться этим, то следует гордиться и тем, что целый день моешься в грязи.

(d¹) АФИНЕЙ, V, 178 F: Было бы неприлично, по словам Аристотеля [фр. 100 Rose³], явиться на пир взмокшим от пота и запыленным. Ибо кто хочет быть приятным [для окружающих], тот не должен быть грязным, неумытым и, по слову Гераклита, «радоваться грязи».

(d²) ФИЛОН АЛЕКС. О частных законах, I, 148 (V, 36 С.): [Наслаждение], подобно свинье, радуется жизни в грязи. Ср.: ОН ЖЕ. О земледелии, 144 (II, 123 W.): Поэтому Законодатель прекрасно сравнивает софистов, живущих подобным образом, со свиньями, ибо они живут не прозрачной и чистой, но мутной и грязной жизнью и стремятся к величайшим мерзостям.

(d³) ПЛУТАРХ. Застольные вопросы, IV, 5, 3 (671 A): Мы видим, что ни одно другое животное так не радуется грязи, скверным и нечистым местам, как свинья.

(d⁴) ПЛОТИН, I, 6 [1], 6, 3 Н.—S.: Поэтому справедливо символическое учение мистерий о том, что неочистившийся и в Аиде будет лежать в грязи, ибо нечистому в силу порочности любезна грязь; так, например, и свиньи, не чистые телом, радуются грязи. Ср.: ПЛАТОН. Федон, 69 с.

(e) ВИНЦЕНТ ИЗ БОВЕ. Нравственное зеркало, III, 9, 3: В изречениях философов читаем: когда некто в присутствии Пифагора сказал, что охотнее проводил бы время в окружении женщин, нежели в обществе философов, Пифагор ответил: «И свинья

охотнее [проводит время] в грязи, нежели в чистой воде». Ср.: БУРЛЕЙ В. О жизни и нравах философов (1473), Пифагор, 10: И свиньи, сказал Пифагор, охотнее обретаются в грязи, нежели в чистой воде.

36c¹ (37 DK)

КОЛУМЕЛЛА. О сельском хозяйстве, VIII, 4, 4: Везде, где есть крытый загон для птицы, надо насыпать возле стены сухую пыль и золу, чтобы было в чем купаться птице. Ибо этим она чистит оперение и крылья, если верить Гераклиту Эфесскому, который говорит, что свиньи — грязью, а домашние «птицы моются пылью». Ср. 36 c²: . . .перепела и куропатки [валяются в пыли].

37 (9 DK)

(а) АРИСТОТЕЛЬ. Никомахова этика, К 5, 1176 а 3: Судя по всему, у каждого вида животных свой род удовольствия, как и род деятельности: ведь удовольствие зависит от деятельности. Правильность этого [теоретического положения] можно с очевидностью продемонстрировать и при [эмпирическом] рассмотрении каждого отдельного случая, ибо лошади удовольствие доставляет одно, собаке — другое, человеку — третье; как говорит Гераклит, «ослы солому предпочли бы золоту», поскольку корм для ослов приятнее золота.

(а¹) МИХАИЛ ЭФЕССКИЙ. Комм. к «Никомаховой этике», с. 570, 21 Neylbut: Изречение Гераклита Эфесского, моего соотечественника, «ослы солому предпочли бы золоту». Словом *σύρματα* Гераклит называет солому, которая естественным образом доставляет удовольствие ослу.

(а²) МАРСИЛИО ФИЧИНО. Об удовольствии, 8 (т. I, с. 1000, Базель, 1576): Поэтому каждому животному соответствует определенный и как бы собственный вид вожделения (как сказал Гераклит) и удовольствия. Ибо каждому животному доставляет удовольствие то, что сообразно с его природой, и каждого влечет свое удовольствие.

37a² (A 21 DK)

КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, II, 130, 2 (II, 184, 6 St.): Сообщают, что Анаксагор считал целью жизни умозрение и пристекающую из него свободу, а Гераклит Эфесский — облегчение [от страданий].

ФЕОДОРИТ. Лечение эллинских недугов, XI, 7: Гераклит Эфесский изменил только название, а смысл оставил тот же: на место «наслаждения» он поставил «облегчение».

38 (4 DK)

(а) АЛЬБЕРТ ВЕЛИКИЙ. О растениях, VI, 401 (с. 545 Meyer): Orobum [«горькая вика», *Vicia Ervilia*] есть трава, которую некоторые называют «птичьей викой». . . Она приятнейший корм для быков, так что бык поедает ее с удовольствием. Вот почему Гераклит сказал, что, если бы счастье заключалось в телесных наслаждениях, мы бы назвали «быков счастливыми, когда они находят горькую вику» себе в корм. [В оригинале, возможно, было: «быки горькой викой наслаждаются. . .»]

39 (48 DK)

(а¹) Большой этимологик, под словом βίος: . . . По-видимому, слова βίος употреблялись древними омонимически, означая «лук» и «жизнь». Так, Гераклит Темный [говорит]: «Луку имя — „жизнь“ (βίος), а дело — смерть». Оружие это получило свое

название то ли от силы ($\beta\iota\alpha$) натяжения, поскольку, чтобы натянуть лук, требуется сила, то ли потому, что с его помощью древние добывали себе средства к жизни ($\beta\iota\omicron\nu$), используя его на охоте; древние добывали себе средства к жизни, стреляя из лука пернатых и четвероногих.

(а²) ИОАНН ЦЕЦ. Толкование на «Илиаду», с. 101 Негтманн: Словом $\beta\iota\omicron\varsigma$ (с ударением на второй слог) называется «лук» в отличие от $\beta\iota\omicron\varsigma$ (с ударением на первый слог), означающего «жизнь» . . . О том же, что лук также назывался $\beta\iota\omicron\varsigma$ [«жизнь»], говорит Гераклит Темный: «Луку смерть».

(а³) ЕВСТАФИЙ. Комм. к «Илиаде», I, 49 (с. 41, 6 Римского издания): Поэтому остроумно сказал Гераклит Темный, что-де у $\beta\iota\omicron\varsigma$, т. е. у лука, имя — жизнь, а дело — смерть. Дело в том, что лук назван так по паронимии от слова $\beta\iota\omicron\varsigma$ (жизнь), как орудие поддержания жизни, в то же время он умерщвляет пораженных [стрелой] и лишает их жизни.

(б) ПСЕВДО-ГИППОКРАТ. О пище, 20 (CMG I, 1, с. 81 Heiberg; IX, 104 L.): Пища — не пища, если не может питать; не пища — пища, если ею можно питаться. Имя — пища, дело — нет; дело — пища, имя — нет.

40 (12 DK)

(а) КЛЕАНФ у Ария Дидима, цитируемого Евсевием, Приготовление к Евангелию, XV, 20, 2 (т. II, с. 384 Mras) [=Dox. 470; SVF, I, № 519]: Приводя мнения Зенона о душе для сравнения с другими физиками, Клеанф говорит, что Зенон полагает душу чувствительным испарением, как и Гераклит. Последний, желая образно выразить ту мысль, что «души испаряясь влажными вечно рождаются», уподобил их рекам, говоря так: «На входящих в те же самые реки притекают в один раз одни, в другой раз другие воды», а также: «Души же из влаги испаряются». Таким образом, «испарением» Зенон полагает душу, следуя Гераклиту, а чувствительной он считает ее потому, что . . .

(б¹) ПЛАТОН. Кратил, 402 а: Гераклит говорит где-то, что все движется и ничто не остается на месте, и, образно сравнивая сущее с течением реки, говорит, что дважды нельзя войти в одну и ту же реку. Ср. 401 d: Те, кто [называет бытие, $\omicron\beta\iota\alpha$] $\omega\iota\alpha$, можно сказать, почти по Гераклиту, полагают, что все вещи идут и ничто не остается на месте; таким образом, причиной и первоначалом вещей оказывается «то, что толкает», поэтому оно правильно было названо $\omega\iota\alpha$ [«толканием»]. Теэтет, 160 d: Согласно Гомеру, Гераклиту и всему племени их единомышленников, все вещи движутся словно потоки; 152 d: А из стремительного движения и взаимосмешения рождается все, о чем мы говорим, что оно «есть», но название это неправильно: ничто никогда не «есть», но всегда возникает [~ становится]. И в этом сходились все последующие мудрецы, кроме Парменида: и Протагор, и Гераклит, и Эмпедокл, и корифеи обоих родов поэзии: в комедии — Эпихарм, в трагедии — Гомер, который в стихе «Океана — родителя богов и мать Тефию» [Ил., XIV, 201=302] выразил ту мысль, что все вещи — потомки потока и движения. Ср.: Кратил, 411 b: . . . Большинство нынешних мудрецов, следуя бытию, часто поворачиваются в разные стороны и от этого испытывают головокружение, а потом им кажется, что это всячески кружатся и движутся [сами] вещи. Причину этого субъективного представления они усматривают не в своем внутреннем состоянии, но в природе самих вещей: ни одна из них, мол, не остается неподвижной и постоянной, но все текут и движутся, всегда полные всяческого движения и возникновения [~ становления]. Кратил, 439 с: . . . Поскольку, мол, все вещи всегда идут

и текут. но это если и имеет место, то отнюдь не так, [как утверждают гераклитовцы]: это они сами, словно попав в некий водоворот, начинают кружиться, как при размешивании кикееона [ср. фр. 31], да еще и нас пытаются утащить за собой и ввергнуть туда же. (d) .И кажется, что все эти [чувственно воспринимаемые] вещи текут. (440 a) Равным образом невероятным окажется утверждение, что знание возможно. если все вещи переменчивы и ничто не остается прежним. (b) Мне не кажется, что то сущее, о котором мы сейчас говорим, подобно течению и порыву. Обстоит ли дело таким образом или же так, как полагают последователи Гераклита и многие другие, было бы не легко исследовать. (cd) .Признать, что нет ничего здорового, но что все течет как глиняные сосуды, и думать, что все вещи находятся совершенно в таком же состоянии, как люди, больные насморком, и что все вещи охвачены течением и насморком. Теэтет, 156 a: .Как если бы универсум был движением и больше ничем. (177 c) . . . Полагающих движущееся бытие. (179 d) .Последователи Гераклита очень энергично задают тон этому учению. (180 a). Но зато они очень строго следят за тем, чтобы не допускать ничего надежного [определенного] ни в высказывании, ни в своих душах, полагая, как я думаю, что это ведет к неподвижности, к неподвижности же они относятся крайне враждебно и по мере сил изгоняют ее отовсюду. (181 a) .[философов]-«текучников». (c) .все движется. (182 a) .все всегда движется всеми видами движения. (c) Все. . . движется и течет. (183 a) .если все движется, то любой ответ, о чем бы он ни был, одинаково верен. Софист, 249 b: .Если же мы признаем, что все несется и движется. Федон, 90 bc: И особенно те, кто, как тебе известно, занимался противоречивыми высказываниями и под конец решил, что они мудрее всех и что никто, кроме них, не понял того, что нет ничего здорового и надежного ни в вещах, ни в высказываниях, но что все сущее, совершенно как в Еврипе, поворачивает [вспять и течет] туда-сюда [ср. фр. 33], и ни на мгновение ни в чем не останавливается. Филеб, 43 a: .Как говорят мудрецы, все постоянно течет туда-сюда.

(b²) [65 A 4] АРИСТОТЕЛЬ. Мегафизика, Г 5. 1010 a 7: Кроме того, они видели, что вся эта природа движется, а ни один предикат, высказанный об изменяющемся предмете, не может быть истинным; тем более невозможны истинные высказывания о том, что изменяется всячески и во всех отношениях. Из этого взгляда развилось [букв. «расцвел»] крайнее воззрение упомянутых [философов], а именно воззрение тех, кто считал себя последователями Гераклита; подобного воззрения держался и Кратил, который под конец пришел к мнению, что не следует ничего высказывать [утверждать], и только шевелил пальцем, а также упрекал Гераклита за то, что тот сказал «нельзя дважды войти в одну и ту же реку», поскольку сам полагал, что нельзя войти даже один раз [ср. комм. к этому месту: АЛЕКСАНДР АФРОД. Комм. к «Мегафизике», с. 308, 28 *Nauduck*; АСКЛЕПИЙ. Комм. к «Мегафизике», с. 278, 32 *Nauduck*; АММОНИЙ. Комм. к «Категориям», с. 2, 25 *Busse*; ДАВИД. Прологомены, с. 4, 2 *Busse*; ГЕОРГИЙ ПАХИМЕР. О Мих. Палеол., I, с. 340, 6 *Bekker* и Ватиканские схолии, с. 656 *Bekker*]. Ср.: Топика, А 11. 104 b 21: .Или что все движется, согласно Гераклиту. О душе, А 2. 405 a 28: Мнение о том, что сущее находится в движении, разделяли Гераклит и большинство философов. О небе, Г 1. 298 b 29: [Одни — Мелисс и Парменид — полностью отрицали возникновение и уничтожение, другие — Гесиод и первые натурфилософы — считали, что все возникает, а возникнув, либо остается неуничтоженным, либо снова уничтожается]. Третьи говорят, что все вещи возникают и текут, застывшего же нет ничего, и пребывает лишь нечто одно, из чего все эти вещи возникают путем естественного переоформления: таков, по-видимому,

смысл утверждений Гераклита Эфесского и многих других. Метафизика, А 6. 987 а 32: [Платон] с юности сблизился с Кратилом и усвоил гераклитовские воззрения, согласно которым все чувственно воспринимаемые вещи постоянно текут и научное знание (эπιστημῆ) о них невозможно. От этого взгляда он не отказался и впоследствии. Метафизика, М 4. 1078 б 13: . . . Будучи убежденным в истинности гераклитовских взглядов, согласно которым все чувственно воспринимаемые вещи постоянно текут. Там же, Г 8. 1012 б 26: Если же все движется, то никакое утверждение не будет истинным. Физика, Θ 3. 253 б 9: По мнению некоторых, дело обстоит не так, что одни вещи движутся, а другие нет, но движутся все и всегда, только это ускользает от нашего чувственного восприятия. Там же, Θ 8. 265 а 2: Из этого ясно, что равно неверно и утверждение натурфилософов, говорящих, что все чувственно воспринимаемые вещи движутся всегда. Некоторые из этих вещей по необходимости должны двигаться <некоторыми> из движений, и прежде всего, согласно их же собственным теориям, претерпевать качественное изменение, коль скоро они утверждают, что [чувственные вещи] текут и убывают, и к тому же полагают возникновение и уничтожение качественным изменением (ἀλλοίωσις). Там же, Ε 4. 228 а 7: . . . Едины ли здоровье и вообще все свойства и состояния субстанции в телах: ведь субстраты [этих свойств и состояний], как мы видим, движутся и текут.

(b³) ФЕОДОР МЕТОХИТ. Филос. смесь, гл. 29, с. 197 Müller—Kiessling: . И Гераклит из Ионии. высказывает противоположные [предикаты] об одном и том же и сколько выставляет догматических положений, столько же противоречащих им высказываний, имея в виду постоянную текучесть и переменчивость вещей, а также не считая возможным давать определения, устанавливая, заключать с несомненностью и связывать незыблемыми утвердительными суждениями то, природа чего в том, чтобы не оставаться неизменным.

(c¹) СЕНЕКА. Письма, 58, 22: Все, что мы видим или осязаем, Платон исключает из числа того, что, по его мнению, обладает бытием в собственном смысле, ибо все это течет и подвержено непрерывному убавлению и прибавлению. В старости никто из нас не тождествен тому, кем был в молодости. Тела наши уносятся, словно реки. Все, что видишь, проносится со временем. Ничто из того, что мы видим, не остается прежним. Я сам, пока говорю о том, что это изменяется, уже изменился. (23) Именно об этом говорит Гераклит: «В ту же самую реку дважды входим и не входим». Имя реки остается, а вода утекла. На примере реки это очевиднее, чем на примере человека. Но и нас увлекает не менее быстрое течение. Потому и дивлюсь я нашей глупости; что мы так любим тело — мимолетнейшую из вещей — и боимся, что некогда умрем, хотя каждое мгновение нашего предшествующего состояния есть смерть. Ср. 24, 20 сл.; Диалоги, VI, 21, 7; ФР. ПЕТРАРКА. Rerum memorand. III, 80, 1 (ed. Billanovich, Florentiae, 1945); ОН ЖЕ. De otio religioso, с. 59 сл. (Vaticano, 1958).

(c²) [49а DK] ГЕРАКЛИТ-АЛЛЕГОРИСТ. Гомеровские вопросы, 24, 5 [после фр. 47/62 DK]: [Гераклит говорит]: «В одну и ту же реку входим и не входим, мы есть и нас нет». Так и все учение о природе он выражает в форме загадок и аллегорий.

(c³) [91 DK] ПЛУТАРХ. О Дельфийском Е, 18. 392 А: Воистину мы совершенно не причастны бытию, но всякое смертное существо, ограниченное рождением и гибелью, являет собой призрак и смутную и неверную иллюзию. (В) Пытаться коснуться [= постичь] его напряжением мысли все равно что хватать воду [рукой]: при попытке собрать ее воедино и силою зажать в кулак, она проскользнет [между пальцев] и оставит тебя ни с чем. Так и разум в погоне за чистой видимостью чувственных и изменчи-

вых вещей дает промах и сбивается: в одном случае — на процесс их возникновения, в другом — на процесс уничтожения; ничего пребывающего или сущностно сущего коснуться [= постичь] он не может. Ибо, по Гераклиту, «нельзя дважды вступить в ту же самую реку», равно как и дважды коснуться смертной природы в [прежнем] состоянии: быстротой и скоростью изменения она «рассеивает» и снова «собирает», а точнее, даже не снова и не потом, но одновременно образуется и убывает и «приближается и удаляется». (С) Поэтому становление ее никогда не достигает бытия, так как оно не прекращается и не останавливается никогда. Она изменяется постоянно, начиная с семени, и образует сначала зародыш, потом младенца, потом ребенка, потом подростка, юношу, потом мужа, пожилого человека, старика, всякий раз уничтожая прежние рождения и возрасты новыми. Смешно, что мы боимся одной смерти, хотя уже столько раз умерли и умираем сейчас. Ибо не только, как говорил Гераклит, «смерть огня — воздуха рождение, смерть воздуха — воды рождение» [ср. фр. 66], но и, что еще более очевидно, в нас самих зрелый умирает с рождением старика, молодой умирает в зрелого, ребенок — в молодого, младенец — в ребенка. (D) Вчерашний умер в сегодняшнего, а сегодняшний умирает в завтрашнего. Никто не остается [тем, кем был], и никто не «есть один», но «становимся многими», пока материя пронесится и скользит мимо одного какого-то призрака и общего отпечатка. . (E) Ибо без изменения невозможна перемена свойств, а кто изменяется, тот не тождествен самому себе, но коль скоро не есть тот же самый, то и не есть, но именно изменяется, становясь одним из другого. Чувственное восприятие же по неведению бытия лжет, [говоря], что явление есть.

(с⁴) ПЛУТАРХ. О людях, поздно наказанных божеством, 559 С: . Или незаметно ввергнем все вещи в гераклитовскую реку, в которую, по его словам, нельзя вступить дважды, так как, изменяясь, природа приводит в движение и обращает в иное все вещи.

(с⁵) ПЛУТАРХ. Естественнонаучные вопросы, 912 А: Ключевая и речная вода — свежая и новорожденная (как говорит Гераклит, «дважды тебе не войти в одну и ту же реку», ибо «притекает другая вода»), тем не менее она питает [почву] хуже дождевой.

(с⁶) СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 1313, 8 D.: Для натурфилософов школы Гераклита, исходивших из непрерывного потока становления и из того, что все телесное находится в процессе возникновения и исчезновения, но никогда не обладает истинным бытием, естественно утверждать, что «всегда все течет» и что «дважды нельзя вступить в ту же самую реку». (с. 77, 30): . . . В этом случае тоже нельзя было бы говорить о «сущем» в собственном смысле, но лишь о возникающем и уничтожающемся в силу непрерывного потока, изменяющего все вещи, о котором Гераклит аллегорически сказал: «В ту же самую реку дважды не войти», образно сравнивая становление с течением реки, так как оно в большей мере обладает небытием, нежели бытием. (с. 887, 1): . . . Он [Аристотель] использует тезис Гераклита, согласно которому «все течет» и никогда не есть то же. . . хотя все тела, свойства и состояния, текут, как говорит Гераклит. (с. 1257, 17): Нельзя согласиться ни с тем, что все сущее всегда движется, как, по общему мнению, учил Гераклит. . .

(с⁷) ОЛИМПИОДОР. Комм. к «Категориям», с. 4, 31 Busse: То, что подверженное возникновению и уничтожению лишено неподвижности, очевидно. Об этом свидетельствует как сама природа вещей, так и изречение одного древнего [философа], гласящее, что как невозможно «дважды войти в ту же самую реку» в одно и то же время относительно одного и того же субъекта (да что удивительного, говорит другой мудрец,

в том, что нельзя дважды войти в одну и ту же воду, когда нельзя и единожды! Одна вода омывает пальцы, другая — ногу), так и вещи не могут быть неподвижными, но постоянно изменяются. Что же касается души, то она не только следует за вещами, но и благодаря стремительности [овоего] движения порой предвосхищает их, как показывают гадания. . .

(e⁸) ФИЛОПОН. Комм. к «Категориям» с. 2, 7 Busse: [Скептики] назывались афектиками [= сторонниками воздержания от суждения, ἐποχή] по следующей причине. Основатель школы Пиррон учил о нестижимости вещей, приводя такой пример: как невозможно дважды вступить в одну и ту же реку (она успевает утечь прежде, нежели вступишь в нее повторно), так невозможно утверждать о вещах нечто определенное, поскольку природа их также текуча и имеет свое бытие в становлении и прехождении. Поэтому на все вопросы они лишь кивали в знак согласия или несогласия, думая, что, прежде чем они ответят, вещи успеют измениться. Ученик же его Гераклит дошел до абсурда, утверждая, что в одну и ту же реку нельзя вступить даже единожды, поскольку, прежде чем тело погрузится, утечет огромное количество воды. Такова и природа вещей: все вещи имеют свое бытие в движении и течении.

(e⁹) ГРИГОРИЙ НАЗИАНЗИН. Стихотворения, I, разд. 2, № 14 (PG, т. 37, с. 757):

25 «Еомь». Но что это значит? Чем был я, уж то миновало.

Ныне — иной и иным буду, коль буду и впрямь

Несть постоянства. Я сам — речной поток замутненный,

Вечно теку я вперед и никогда не стою. . .

31 Дважды потока реки не преиждешь того же, что прежде,

Снова, ни смертного ты прежним не узришь вовек.

(c¹⁰) МАРСИЛИО ФИЧИНО. О бессмертии душ, XI, 6 (т. I, с. 259, Базель, 1576): Доказательств тому довольно у Плутарха и у Прокла, а еще раньше них то же сказал Гераклит: подобно тому как мы не можем дважды войти в одну и ту же воду потока или дважды коснуться одной и той же точки вертящегося колеса, точно так же мы не в состоянии застыть совершенно одинаковое состояние и состав тела сохранившимися за два мгновения. ОН ЖЕ. Послания, 3 (т. I, с. 725): Ведь я узнал от Гераклита и Фалеса, что все смертное — доброе ли, злое ли, — «казалось бы, возникая, порибает».

(d¹) ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 8: . . .И все течет подобно реке.

(А 6 DK) Мнения философов, I, 23, 7 (Дох. 320): Гераклит алминировал покой и неподвижность из всех вещей, ссылаясь на то, что это свойство мертвецов, и всем вещам приписывал движение: вечное — вечным, тленное — тленным. ИППОЛИТ. Опровержение, I, 4, 2 (Дох. 559): Все вещи движутся, меняясь между собой местами, и не стоят на месте. ЛУКИАН. Продажа жизней, 14: [Я плачу], потому что нет ничего постоянного. ИОАНН ЦЕЦ. Хиллады, II, 723 Leone: . . .И следуя сразу и Гераклиту и Демокриту, [Эталид] одновременно оплакивал и осмеивал непостоянство жизни. . .

(d²) ПСЕВДО-ГИППОКРАТ. О диете, I, 5, 1 (ed. R. Joly): Двигается все, и божественное и человеческое. . .

41 (88 DK)

(a) ПСЕВДО-ПЛУТАРХ. Утешение к Аполлонию, 106 D—F: Разве есть хоть одно мгновение, когда бы в нас самих не присутствовала смерть? Как говорит Гераклит: «Одно и то же в нас — живое и мертвое, бодрствующее и спящее, молодое и старое, ибо эти [противоположности], переменившись, суть те, а те, вновь переменившись,

суть эти». Подобно тому как из одной и той же глины можно лепить [фигурки] животных, а потом смять их, и снова лепить, и опять смять, и делать это попеременно и непрерывно, так и природа из той же самой материи древле произвела на свет наших предков, потом смяла их, породила отцов, потом нас, а потом, повторяя одно и то же, [породит] одних за другими [наших потомков]. И эта река рождения будет непрерывно течь и никогда не остановится, равно как и текущая ей навстречу река уничтожения — Ахеронт или Кокит, как называют ее поэты. Стало быть, та же самая первопричина, которая явила нам солнечный свет, влечет за собой и мрак Аида. Не точный ли образ этого — окружающий нас воздух: попеременно творящий день и ночь, наводящий жизнь и смерть, сон и бодрствование?

42 (126 DK)

(а) ИОАНН ЦЕЦ. Схолии к «Толкованию» на «Илиаду», с. 126 Негmann: Древнему Гераклиту Эфесскому было дано прозвище «Темный» за темноту его речей. Он говорит: «Холодное нагревается, горячее охлаждается, влажное сохнет, иссохшее орошается».

(б) ПСЕВДО-ГЕРАКЛИТ. Письма, V (с. 323, 12 Tagán): И во Вселенной влажное сохнет, горячее охлаждается.

42с (0)

(0) [Знать или уметь], как из ливня сделать засуху.

(с) ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 3: Заболев от этого водянкой, [Гераклит] спустился в город и, говоря загадками, спрашивал у врачей, могут ли они «из ливня сделать засуху». ФИЛОСТРАТ. Жизнь Аполлония Тианского, I, 9 (т. I, с. 8, 26 Kayser): Гераклит сказал, что нужен тот, кто сумеет из ливня сделать засуху. ПСЕВДО-ГЕРАКЛИТ. Письма, VI (с. 329, 10 и 26 Tagán): Как из ливня сделать засуху. . . каким образом ливень превратился бы в засуху.

43 (57 DK)

(а) ИППОЛИТ. Опровержение всех ересей, IX, 10, 2 (с. 242, 26 Wendl.) [после фр. 5/55 DK]: Гераклит не различает света и тьмы, дурного и хорошего, но полагает их одним и тем же. Так, он порицает Гесиода [ср.: Теогония, 123] за то, что тот <не> знал дня и ночи; так как день и ночь, говорит [Гераклит], одно и то же. Вот его слова: «Учитель большинства — Гесиод: про него думают, что он очень много знает — про того, кто не знал [даже] дня и ночи! Ведь они суть одно» [следует фр. 46/58 DK].

44 (111 DK)

(а) СТОБЕЙ, III, 1, 177 (т. III, с. 129 Hense; глава «О добродетели»): Изречение Гераклита. . . [после фр. 71/110 DK]: Болезнь делает приятным и благим здоровье, голод — сытость, усталость — отдых [следует фр. 23f, d¹, a].

45 (23 DK)

(а) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, IV, 9, 7 (т. II, с. 252 St.): Устранив причину страха — грех, устранишь и страх, а тем более наказание, когда не будет больше того, чему свойственны [греховные] возделения. «Закон положен не для праведника», — говорит Писание [1 Тим. 1, 9]. Верно, стало быть, сказал Гераклит: «Имени Правды (Дикэ) не ведали бы, если бы не было этого». Сократ же говорил, что ради добрых людей закон бы не возник.

(b) ХРИСИПП. «О провидении», у Авла Геллия, VII, 1, 2 Marshall [=SVF II, № 1169]: Нет ничего более нелепого, говорит [Хрисипп], чем утверждения тех, кто полагает, будто добро могло бы существовать, если бы одновременно не было бы зла. Так как добро противоположно злу, они по необходимости должны противостоять друг другу и как бы держаться благодаря взаимному противоупору. Ни одна противоположность не может существовать без того, что ей противоположно. Как могло бы существовать понятие справедливости, если бы не было беззаконий?

(c) ПСЕВДО-ГЕРАКЛИТ. Письма, VII (с. 336, 88 Таг.): Законы, которые по преимуществу считаются приметами правосудия, суть свидетельства беззакония. Ибо, если бы их не было, вы [эфесцы] плутовали бы без стеснения. Когда же они есть, вы хоть и обуздываетесь немного страхом наказания, все равно погрязли во всяческом беззаконии. Ср.: Письмо VII, Женевокий папирус, 271, стб. XIII, 12: Закон угрожает. Берегитесь наказания.

46 (58 DK)

(a) ИППОЛИТ. Опровержение всех ересей, IX, 10, 2—3 (с. 242 W.): . . . И добро и зло [Гераклит полагает одним и тем же]. «Врачи, — говорит Гераклит, — режут, жгут, всяко мучают зло {больных} и еще требуют платы {у больных}, нисколько ее не заслуживая, ибо причиняют то же „добро“, что и болезни».

(b) ПСЕВДО-ГЕРАКЛИТ. Письма, VI (с. 329, 1 Тагán): Врачи. . . ни искусства не зная, ни природы. (15) убивая людей. . . (19) вреда. . . (24) они убили моего дядю и получили за это плату. Ср.: ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 3=42 с.

47 (62 DK)

(a) ИППОЛИТ. Опровержение всех ересей, IX, 10, 6 (с. 243, 16 W.) [после фр. 35/61]: [Гераклит] признает, что бессмертное смертно, а смертное бессмертно, в следующих словах: «Бессмертные смертны, смертны бессмертны, [одни] живут за счет смерти других, за счет жизни других умирают».

(b¹) ГЕРАКЛИТ-АЛЛЕГОРИСТ. Гомеровские вопросы, 24, 3: Гераклит Темный богоооловотвует о природе в неясных и символических образах, говоря: «Боги смертны, люди бессмертны, [одни] живут за счет смерти других, умирают за счет жизни других», а также [следует фр. 40 с²].

(b²) МАКСИМ ТИРСКИЙ, 4, 4h: Подумай и о Гераклите: «боги смертны, люди бессмертны».

(b³) ОН ЖЕ, 41, 4i [после фр. 33 d⁴]: . . . по Гераклиту, видишь также, как [одни] живут за счет смерти других, а умирают за счет жизни других [следует фр. 66 e⁴].

(b⁴) ЛУКИАН. Продажа жизней, 14: Что есть люди? — Гераклит: «Смертны боги». А что есть боги? — Гераклит: «Бессмертны люди».

(b⁵) ДИОН КАССИЙ, VII, фр. 30, 3 (т. I, с. 88, 7 Boissevain): Выражаясь о известной долей дерзости, можно сказать, что человек не что иное, как бог, обладающий смертным телом, и бог не что иное, как человек бестелесный и потому бессмертный [=ЗОНАРА. Эпистома, VII, 25, 4 (т. II, с. 162, 26 D.)].

(b⁶) ГЕРМЕС ТРИЖДЫВЕЛИЧАЙШИЙ. Corpus Hermeticum, т. I, X, 25 Nock [ср.: СТОБЕЙ, I, 47, 8 (т. I, с. 305 W.)]: Ни один небесный бог не спустится на Землю, покинув пределы неба, а человек и на небо восходит и измеряет его. . . столь далеко он распространился. Поэтому дерзнем сказать, что земной человек — смертный бог, а небесный бог — бессмертный человек.

(b⁷) Там же, т. I, XII, 1 N.: Этот дух в человеке есть бог. Поэтому некоторые из людей суть боги, и человечность их близка к божественности. Ведь и Добрый Демон сказал, что боги — бессмертные <люди>, а люди — смертные боги.

(c) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Наставник, III, 1, 5 (т. I, с. 236, 24 St.): . . . Богом же становится тот человек, который исполняет волю Божию. Значит, верно сказал Гераклит: «Люди — боги, боги — люди. Ибо логос один и тот же». Тайное явно [=смысл этого таинственного изречения очевиден]: Бог в человеке, и человек — Бог, а волю Отца исполняет Посредник, так как Слово (Логос) — Посредник [между Богом и человеком], общий им обоим. . .

(d¹) ФИЛОН АЛЕКС. Аллегория законов, I, 107 (т. I, с. 89 Сohn): В результате естественной смерти душа отделяется от тела, а смерть в наказание заключается в том, что душа умирает для добродетельной жизни и живет лишь жизнью порочной. (108) Прав Гераклит, следующий в этом догмату Моисея. Он говорит: «Живем за счет их смерти, умерли за счет их жизни», — в том смысле, что сейчас, когда мы живем, душа умерла и похоронена в теле (зѳма), словно в могиле (зѳма), а когда умрем, то душа живет своей собственной жизнью, забывшись от злого и мертвого тела, к которому была привязана [в арм. пер.: «избавившись от злых и долгих болезней»]. Ср.: ОН ЖЕ. О бегстве и обретении, 55 (т. III, с. 122 Wend.): [Размышление] научило меня, что некоторые и при жизни мертвы и по смерти живы.

(d²) ОН ЖЕ. Вопросы на «Книгу Бытия», IV, 152 (с. 434 R. Marcus): . . . the death of the body is the life of the soul, since the soul lives an incorporeal life of its own. In regard to this Heraclitus, like a thief taking law and opinions from Moses, says: «we live their death, and we die their life», intimating that the life of the body is the death of the soul. And what is called «death» is the most glorious life of the first (glorious читает Marcus) soul (пер. с древнеарм. Р. Маркуса).

(d³) СЕКСТ ЭМПИРИК. Пирроновы положения, III, 230: Гераклит говорит, что как жизнь, так и смерть присутствуют как в нашей жизни, так и в смерти: когда мы живы, то души наши мертвы и похоронены в нас, когда же мы умираем, то души оживают и живут.

(d⁴) [77 b DK] НУМЕНИЙ, фр. 35 Thedinga = A 46 Leemans у ПОРФИРИЯ, О пещере нимф, 10, с. 63, 19 Nauok² [после фр. 66 d¹]: В другом месте [Гераклит] сказал: «Мы живем за счет их [=душ] смерти, а они живут за счет нашей смерти».

(d⁵) ГИЕРОКЛ. Комм. к «Золотым стихам» Пифагора, 24 Mullach (FPhG, I, с. 470 ab): Поэтому [человеческая сущность] причастна обоим состояниям: то живет там умной и блаженной жизнью, то приобретает здесь чувственную одержимость страстями. Поэтому правильно сказал Гераклит, что мы «живем за счет их смерти, мертвы за счет их жизни».

48 (26 DK)

(a) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, IV, 141, 1—2 (т. II, с. 310 St.): Смерть следует толковать так же, как объясняют сон. И то и другое означает расставание души [с телом], но одно в большей, другое в меньшей степени, как это можно понять и из слов Гераклита: «Человек — свет в ночи: вспыхивает утром, угаснув вечером. Он вспыхивает к жизни [букв. «живым»], умерев, словно как вспыхивает к бодрствованию, уснув».

49 (21 DK)

(а) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, III, 21, 1 (т. II, с. 205 St.): Разве Гераклит не называет рождение смертью, подобно Пифагору и Сократу в «Горгий» [ср.: ПЛАТОН. Горгий, 492 E—493 A; Федон. 95 CD], когда говорит: «Все, что мы видим наяву, — смерть; все, что во сне, — сон; <все, что по смерти, — жизнь [?]>».

(а¹) Там же, V, 105, 2 (II, с. 396 St.): В седьмой книге «Государства» [ср.: ПЛАТОН. Государство, 521 C] Платон назвал здешний день ночным. . . а сон и смерть он полагал нисхождением души в тело в полном согласии с Гераклитом [=ЕВСЕВИЙ. Приготовление к Евангелию, XIII, 13, 32 (т. II, с. 209 Mras)].

50 (15 DK)

(а¹) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Протрептик, 34, 5 (т. I, с. 26 St.): В качестве таинственного воспоминания об этих страстях по городам воздвигают фаллосы Дионису; как говорит Гераклит: «Не твори они шествие в честь Диониса и не пой песнь во славу срамного уда, бессрамнейшими были бы их дела. Но тождествен Аид («Срамный») с Дионисом, одержимые коим они беснуются и предаются вакхованию», не столько от телесного опьянения, как я думаю, сколько от позорного посвящения в непотребство.

(а²) ПЛУТАРХ. Об Исиде и Осирисе, 362 A: Под это же воззрение подводят и слова Гераклита-физика: «Аид тождествен с Дионисом, одержимые коим они беснуются и предаются вакхованию». Но те, кто толкует Аид как тело, полагая, что душа в нем как бы сходит с ума и опьяняется, занимаются жалкими аллегориями. Правильнее отождествлять Осириса с Дионисом и т. д.

(а³) АРНОВИЙ. Против язычников, V, 29: Если же кто-нибудь, чего доброго, решит, что мы выдумали столь нечестивые вещи, то, [для того чтобы удостовериться в обратном], ему не обязательно верить свидетельству Гераклита и узнавать, что он думал о таких мистериях из его сочинения: пусть спросит всю Грецию, что означают эти фаллосы, которые, следуя древнему обычаю, воздвигают по городам и весям, и убедится, что причины именно те, о которых мы говорим. . .

51 (30 DK)

(а) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, V, 103, 6 (т. II, с. 396 St.): Не обойду молчанием и Эмпедокла; этот физик упоминает о вознесении всех вещей, полагая, что некогда произойдет [их] превращение в субстанцию огня. (104, 1) С непреложной очевидностью этого воззрения придерживается Гераклит Эфесский, который признавал, с одной стороны, некий вечный космос, с другой — подверженный уничтожению, зная, что [этот последний] космос в смысле диакосмезы не отличается от того, находящегося в определенном состоянии. (2) То, что он признавал вечным состоящий из всей субстанции особенный [=конкретный] космос, явствует из следующих его слов: «Этот космос, один и тот же для всех, не создал никто из богов, никто из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живой огонь, мерно возгорающийся, мерно угасающий». (3) О том же, что он признавал его возникшим и уничтожимым, свидетельствует нижеследующее [следует фр. 53/31 DK] [=ЕВСЕВИЙ. Приготовление к Евангелию, XII, 13, 30 (т. II, с. 208 Mras)].

(б¹) (А 10 DK) АРИСТОТЕЛЬ. О небе, А 10. 279 b 12: Все утверждают, что Небо [=Вселенная] возникло, но при этом одни — что оно возникло вечным, другие —

уничтожимым. а третьи — что оно попеременно находится то в одном, то в другом состоянии, [периподическ] уничтожаясь, и что это продолжается вечно, как утверждают Эмпедокл из Акраганта и Гераклит из Эфеса. Ср. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «О небе», с. 307, 15 Heib.: . . . Что космос попеременно уничтожается и снова возникает, и так непрерывно, как, считалось, полагали Эмпедокл, Гераклит и впоследствии некоторые из стойков.

(b²) АРИСТОТЕЛЬ. Физика, Г 5. 205 а 1: Ибо вообще, даже если не принимать бесконечность одного из элементов, невозможно, чтобы универсум, даже если он будет конечным, был или становился одним из них, как, например, Гераклит говорит, что все вещи некогда становятся огнем. . . Ср.: СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 480, 27 D.: Гераклит полагал, что все вещи состоят из конечного огня и в него все вещи разлагаются. ФИЛОПОН. Комм. к «Физике», с. 433, 6 Vit.: . . . Что все вещи некогда подвергнутся экипрозе, разложившись в огонь. (с. 436, 3): Он [Аристотель] упомянул Гераклита, полагающего началом огонь и утверждающего поэтому, что все вещи некогда разложатся: некогда универсум подвергнется экипрозе.

(b³) СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 24, 4 D.: Гераклит полагает некий срок и определенное время изменения космоса.

(b⁴) ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 8: . . . Космос оди. Рождается он из огня и снова сгорает дотла [~ подвергается экипрозе] через определенные периоды времени, попеременно в течение совокупной вечности.

(b⁵) (A 10 DK) СИМПЛИКИЙ. Комм. к «О небе», с. 294, 4 N.: И Гераклит говорит, что космос то обращается в огонь, то снова образуется из огня через определенные периоды времени, в следующих словах: «Мерно возгорающийся и мерно угасающий». Этого взгляда впоследствии держались и стоики. . . (с. 294, 13) И Гераклит, выражающий свою мудрость в загадках, вкладывает в свои слова не тот смысл, который находит в них большинство [толкователей]: приведенные выше слова [Гераклита], казалось бы, относятся к возникновению космоса, однако он же пишет и следующее: «Этот космос не создал никто из богов, никто из людей, но он был всегда». Впрочем, Александр, который склонен полагать, что Гераклит учил о возникновении и уничтожении космоса, понимает слово «космос» в этом втором случае иначе. Гераклит отнюдь не противоречит себе, как это могло бы показаться, говорит [Александр]. «Космосом» в данном случае он называет не эту-вот диакосмезу, но вообще сущее и его [временную] структуру (*διὰταξιν*), в соответствии с которой происходит попеременное изменение универсума в одну из двух [фаз, т. е. экипрозы и диакосмезы]: то в огонь, то в данный [«такой-то вот»] космос. Такое попеременное изменение сущего и такой «космос» не имеют начала во времени, но «были всегда». Еще Александр добавляет, что полагающие поочередную смену состояний универсума учат скорее о качественном изменении (*ἀλλοίωσις*) универсума, нежели о его возникновении и уничтожении. Там же, с. 367, 9: Это означает, что космос не возник и не может уничтожиться. Ибо из того, что некоторые тела превращаются друг в друга, не следует, что некоторые части космоса уничтожаются. Аргумент Александра, направленный против Эмпедокла и Гераклита, [утверждающих, что космос попеременно возникает и уничтожается, и гласящий, что не космос возникает и уничтожается, но сменяются его состояния, а сам он пребывает вечно, имеет силу и для нас.

(b⁶) СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 1121, 12: Возникшим и уничтожимым полагают единый космос те, кто утверждает, что он существует всегда, но не всегда один и тот же, а становящийся то одним, то другим, через определенные периоды вре-

мени, как, например, Анаксимен, Гераклит, Диоген [Аполлонийский] и впоследствии Стоики.

(b⁷) ПЛУТАРХ. О Дельфийском Е, 388 ЕФ: Мы слышим, как богословы (одни в стихах, другие в прозе) говорят и поют нам о том, что бог неуничтожим и вечен, но, подчиняясь некоему промыслу (γνώμη) и логосу, испытывает превращения собственной природы и то возгорается огнем, стирая все различия между вещами путем расплавления, то [воз]рождается в многообразии различных форм, чувственных свойств и потенциалов — как это имеет место теперь — в облике космоса; называют же его известнейшим из имен [=космосом].

(b⁸) Мнения философов, I, 3, 11: . . . По мере угасания огня все упорядочивается в космос. Там же, I, 7, 22: Гераклит [полагает богом] периодический вечный огонь.

(c) ПЛУТАРХ. О сотворении души в «Тимее», 1014 А: «Этот космос не создал никто из богов, никто из людей», — говорит Гераклит, — словно опасаясь, как бы, отказавшись от мысли о боге, мы не заподозрили, что творцом космоса был некий человек.

(d) ГАЛЕН. О пульсе, VII, 616 К.: Поскольку врожденное тепло обладает вечным движением, то оно не движется только внутрь или только вовне, но ему присущи оба эти движения, и одно из них постоянно сменяет другое, так как одно только движение внутрь скоро привело бы к неподвижности, одно только движение вовне рассеяло бы и тем самым уничтожило бы врожденное тепло, а «умеренно угасая и умеренно возгораясь», как говорил Гераклит, оно тем самым остается вечнодвижущимся. Возгорается оно, когда опускается вниз, испытывая влечение к пище, а угасает, когда поднимается и всюду рассеивается.

(e) ОЛИМПИОДОР. Комм. к «Федону», D 128, с. 237, 7 Ног.: Где видны звезды и как они видны? Как говорит комментатор, в воздухе видны их «упреждения». Каким же образом они не опускаются до наших глаз, но видны вдалеке? Поэтому наш наставник говорит, что в эфире из них возникают некие воспламенения и вот они-то и видны. И уж не об этом ли, продолжает он, говорит и Гераклит: «Мерно возгорающийся и мерно угасающий». Ведь надо полагать, что [мы видим] не солнце в себе, но солнце-для-нас. Ср. фр. 58 f.

(f) ГЕРАКЛИТ-АЛЛЕГОРИСТ. Гомеровские вопросы, 26, 7: . . . Поэтому самое сильное пламя [Гомер] постоянно называет Гелиосом и Зевсом, а наземный огонь — Гефестом, который по этимологии «возгорается и угасает».

(g) ЮСТИН МУЧЕНИК. Апология, I, 60, 8: Послушайте о том, как пророческий дух предвозвестил через Моисея о грядущей экипирозе; (9) он сказал так: спустится вечноживой огонь и пожрет [все] вплоть до бездны внизу [ср.: Второзаконие, 32, 22]; ср. II, 7, 3. НИКАНДР. Противоядия, 172 (A 14 а DK): Враждебным дыханием [ветров] укрошен вечно живущий огонь, и широко разлитые воды в трепете отступают перед ветрами. . . КЛЕАНФ. Гимн к Зевсу, 10:

Обоудоострый, огненный, вечно живущий перун.

Ср. фр. 79.

(h) МАРК АВРЕЛИЙ, VII, 9: Все вещи включены и со-упорядочены в один и тот же космос: ибо и космос один из всех, и бог один через всех, и субстанция одна, и закон один [ср. фр. 23], общ разум [логос] всех разумных животных, и истина одна. . . ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 12: [Заглавия книги Гераклита]. Иные [озаглавливают]: «Мерило нравов, [или] Благочинный уклад (κόσμος) поведения, один и тот же для всех» [?].

(i) ПЛОТИН, V, 1 [10], 9, 3 Н.—S.: Гераклит признает Одно вечным и умопостижимым, так как тела, по его мнению, вечно становятся и текут.

52 (94 DK)

(a¹) ПЛУТАРХ. Об изгнании, 604 А: . . . Хотя каждая из планет обращается, прикрепленная к одной сфере, словно [заключенная] на острове, и не покидает назначенного места: «Солнце не преступит [положенных] мер, — говорят Гераклит, — а не то его разыщут Эринии, союзницы Правды».

(a²) ОН ЖЕ. Об Исиде и Осприсе, 370 D: Гераклит прямо. [следуют фр. 29 b, 28 b³]. . . говорит. . . что Солнце не преступит надлежащих границ, а не то его разыщут Черноокие союзницы Правды [следует ЭМПЕДОКЛ, фр. В 18; 17; 19; 122, 2 DK].

(b) ПСЕВДО-ГЕРАКЛИТ. Письма, IX (с. 351, 21 Tagán): Многочисленны Эринии Правды, стерегущие прегрешения. [См. также фр. 57].

53 (31 DK)

(a) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, V, 104, 3 (т. II, с. 396 St.) [после фр. 51/30 DK]; (фр. 53^a): О том же, что он полагал его [космос] возникшим и уничтожимым, свидетельствует нижеследующее: «Обращения огня: сначала — море; а [обращения] моря — наполовину земля, наполовину — престёр [«дутьель»]». (4) Смысл его слов таков: под действием управляющего всем логоса и бога огонь превращается через воздух в жидкость, как бы семя упорядоченного космоса, которое он называет морем. Из него же, в свою очередь, возникают земля и небо, и все что заключено между ними. (фр. 53^b) А то, что [космос, по Гераклиту], вновь исчезает и подвергается экипрозе, с очевидностью явствует из следующего: «Море расточается [~ тратится] и восполняется до той же самой меры [λόγος], какая была прежде, нежели оно стало землей». То же самое он говорит и об остальных элементах. (105, 1) Сходным образом и знаменитейшие из стойков учат и об экипрозе, и об управлении космоса, и об особенном (конкретном) космосе, и о человеке, и о посмертном сохранении нашей души. [= ЕВ-СЕВИЙ. Приготовление к Евангелию, XIII, 13, 31 (т. II, с. 208 Mras)].

(b) ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 9=фр. 33 d.

(c¹) ЗЕНОН [SVF, т. I, № 102] у Ария Дидима, фр. 38 [Dox. 469], цитируемого Стобеем, I, 17, 3 (т. I, с. 152 Wach.): Зенон утверждает дословно следующее: по истечении периода должно будет произойти такое мироупорядочивание (диакосмеза) Целого из [первоначальной] субстанции: когда совершится превращение [субстанции] из огня в воду через воздух, одна часть [воды должна] оседать и затвердевать в землю, что же касается остальной, то частично она должна остаться водой, а другая часть, испарившись, превратиться в воздух, а из разрежающегося воздуха — вспыхнуть огонь. Ср.: ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VII, 142: [Космогония стойков]: Космос возникает, когда субстанция из огня превратится в жидкость через воздух, затем плотная часть его, сплотившись, образует землю, а тонкая обратится в воздух, который, утончившись еще больше, породит огонь.

(c²) ХРИСИПП [SVF, т. II, № 413] у Ария Дидима, фр. 21 [Dox. 458, 22], цитируемого Стобеем, I, 10, 16 (т. I, с. 129, 18 W.): . . . Первое превращение [субстанции] путем сплочения — из огня в воздух, второе — из воздуха в воду, третье — в результате еще большего, пропорционально, сплочения воды в землю. Земля, в свою очередь, разлагается и тает; так происходит первое разжижение в воду, второе [разжижение] — из воды в воздух, а третье и последнее — в огонь. Ср.: ХРИСИПП [SVF, т. II, № 579]

у Плутарха, О противоречиях стоиков, 1053 А: В первой книге «О природе» Хрисипп говорит: «Превращение огня таково: через воздух превращается в воду, из нее выпадает в осадок земля и испаряется воздух, а вследствие утоньшения [разрежения] воздуха кругом разливается эфир; звезды же возгораются из моря вместе с Солнцем».

(с³) ЛУКРЕЦИЙ, I, 782 (пер. Ф. А. Петровского):

Больше того, от небес и огней их они начинают
И говорят, что сначала огонь обращается в токи
Воздуха, воздухом дождь порождается, дождь образует
Землю, и снова затем из земли все выходит обратно:
Влага сначала, а там уж и воздух и сызнова пламя.
И непрерывно все это сменяет друг друга, нисходит
С неба к земле и с земли обратно к светилам небесным.

(с⁴) ЦИЦЕРОН. О природе богов, II, 84=фр. 33 d¹.

(с⁵) ЭПИКТЕТ, фр. 8=МУСОНИЙ РУФ, фр. 42 Hense=фр. 33 d³.

(с⁶) ОКЕЛЛ ИЗ ЛУКАНИИ, 15, (I, 13) Hard.: Огонь, собираясь воедино, порождает воздух, воздух — воду, вода — землю, затем происходит тот же самый цикл превращения [в обратном порядке] вплоть до огня, с которого началось превращение.

(с⁷) МАРЦИАН КАПЕЛЛА, 7, 738: Столько же [т. е. семь] превращений [собств. «переплавлений», transfusiones] элементов: из бесформенной материи сначала [возникает] огонь, из огня воздух, из воздуха вода, из воды земля; так же происходит и восхождение, и из земли возникает вода, из воды — воздух, из воздуха — огонь, но перехода из огня в неопределенную материю уже произойти не может.

*53 bis

(a¹) АРИСТОТЕЛЬ. О небе, Г 5.304 а 9: Одни из них [тех, кто принимает за первоэлемент огонь], придают огню [определенную геометрическую] форму, как, например, те, кто считает его пирамидой, одни из которых рассуждают довольно примитивно: дескать, самая колкая [геометрическая] фигура — пирамида, самое колкое тело — огонь; [следовательно, огонь — пирамида], а другие приводят более утонченный аргумент: все тела состоят из наиболее тончайшего [тела], все телесные фигуры — из пирамид, поэтому, коль скоро тончайшее из тел — огонь, мельчайшая и первая из фигур — пирамида, а первая фигура принадлежит первому телу, то огонь — пирамида.

(a 18) Другие же о фигуре огня не говорят ничего и лишь считают его наиболее тончайшим; затем по мере его сплочения, говорят они, из него возникают остальные [элементы], «подобно тому как плавят золотой песок (ψήγμα)».

(a²) СИМПЛИКИЙ. Комм. к этому месту, с. 620, 4: [Аристотель] переходит к тем, кто полагает [перво]элементом тончайший из четырех элементов — огонь, к числу которых принадлежали Гипсас из Метапонта и Гераклит Эфесский. Там же, с. 621, 15 Heib.: Затем он излагает взгляды тех, кто не придает [огню] никакой формы и лишь считает его состоящим из наиболее тонких частиц, при соединении которых из него возникают остальные [тела], словно при сплавлении и спекании золотого песка: ибо при сплывании и сгущении огня из него возникают более плотные тела, но при этом к нему ничто не примешивается.

(a³) АЛЕКСАНДР АФРОД. у Симпликия. Комм. к «О небе», с. 621, 20: Я полагаю, говорит Александр, что на этом примере [Аристотель] доказывает абсурдность

[излагаемого им] взгляда, ибо как при сплавлении золотого песка из него возникает более плотное тело, которое тем не менее остается золотом, так и в случае, если бы более плотные тела возникали из огня таким образом, то они также были бы огнем и различались только плотностью и величиной.

(а⁴) ФЕМИСТИЙ. Комм. к этому месту, 186, 7 Landauer: Из тех, кто полагает огонь первым телом, одни, как он сказал раньше, придают ему фигуру, а другие не придают, но просто считают его состоящим из самых тонких частиц по сравнению с остальными телами, как если бы [остальные тела] возникали [из огня] посредством inflatio, сочетались и выходили [?], подобно тому, как крупы золота, отделяясь [от песка или пустой породы], соединяются воедино.

(б³) Мнения философов (Стобей), I, 13, 2 [«О наименьших величинах»]: По мнению некоторых, Гераклит допускает «крупы» (ψῆματα), первичные относительно одного [элемента, т. е. огня].

(б²) Там же (Псевдо-Плутарх): Гераклит вводит некие «крупиночки», наименьшие по величине и лишённые частей.

(б³) ПСЕВДО-ГАЛЕН. История философии, 26: Мельчайшими осколками четырех элементов, как бы элементами элементов или «крупинками», считают некоторые так называемые наименьшие величины. Гераклит вводит их как исключительно умопостигаемые.

(с) ПСЕВДО-ГИППОКРАТ. О диете, I, 20 (DK I, 187, 25): Вырабатывают [чистое] золото: дробят, промывают, плавят [намытый золотой песок]: на мягком огне, но не на сильном — спекается [в слиток?]. Выработав, используют для всего. Человек хлеб молотит, моет, мелет, испекши на огне — употребляет. На сильном огне в теле не спекается, но [только] на мягком.

54 (90 DK)

(а) ПЛУТАРХ. О Дельфийском Е, 388 DE: [Число 5 обладает удивительным свойством «сохранять» самого себя при последовательном умножении, чередуясь с совершенным числом 10 до бесконечности: 5—10—15 и т. д., аналогичное бесконечное чередование: зерно — растение — зерно и т. д.] . . . Тем самым число 5 подражает космогоническому первоначалу: подобно тому как оно заимообразно [собств. «ссужая под залог»] порождает из самого себя космос, а из космоса снова самого себя — «Под залог огня все вещи, — говорит Гераклит, — и огонь [под залог] всех вещей, словно как [под залог] золота — имущество и [под залог] имущества — золото», — так и соединение пятерки с самой собой не рождает ничего несовершенного или чужеродного, но имеет определенные превращения, а именно порождает либо саму себя, либо декаду, т. е. либо свое, либо совершенное.

(б¹) СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 23, 33 D.: Гиппас из Метапонта и Гераклит Эфесский также полагали одно, движущееся и конечное начало, но только огонь, [а не воду], и из огня порождают все вещи сгущением и разрежением, и снова разлагают в огонь, признавая его единым материальным субстратом. «Все вещи — возмещение огня», говорит Гераклит. Он принимает также некий назначенный срок (τάξις) и определенное время превращения космоса согласно роковой необходимости.

(б²) ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 8: Огонь — первоэлемент, и все вещи — возмещение огня.

(б³) ЕВСЕВИЙ. Подготовка к Евангелию, XIV, 3, 8 (т. II, с. 262 Mras): Гераклит началом всех вещей полагал огонь, из которого все возникает и в который

все разлагается, ибо все вещи — возмещение <огня>, и предопределено время разложения всех вещей в огонь и их рождения из него.

(с¹) ГЕРАКЛИТ-АЛЛЕГОРИСТ. Гомеровские вопросы, 43, 7: .А демиургом, когда все должно было образоваться [~сформоваться], поставил Гефеста, т. е. горячую субстанцию; и в самом деле, согласно физику Гераклиту, «ценой огня все» возникает.

(с²) ФИЛОН АЛЕКС. Аллегории законов, III, 7 (т. I, с. 114): .Сторонник гераклитовского учения, вводящий «избыток и нужду» [фр. 55], Всеединство [ср. фр. 26] и «все под залог».

(с³) ПЛОТИН, IV, 8 [6], 1, 11 Н.—S.: Гераклит. . полагающий роковые чередования противоположностей, сказавший о «пути вверх-вниз» [=туда-обратно] [ср. фр. 33] и. [следует фр. 56 ab]. Ср. фр. 56 а², а³.

(с⁴) ЛУКИАН. Продажа жизней, 14: . . [Все] кружится и сменяется в игре Века.

(с⁵) АРНОВИЙ. Против язычников, II, 10: Гераклит полагал, что все вещи возникают благодаря обращениям огня.

55 (85 DK)

(а) ИППОЛИТ. Опровержение всех ересей, IX, 10, 7 (с. 243, 26 Wendl.) [после фр. 79/64 DK]: Он [Гераклит] называет его [=огонь] «нуждой и избытком» [~ нищетой и богатством]. Нужда на его языке — это диакосмеза, а избыток — эмпироза.

(б¹) ФИЛОН АЛЕКС. Аллегории законов, III, 7 (т. I, с. 114): . Сторонник гераклитовского учения, вводящий «нужду и избыток», Всеединство [ср. фр. 26] и «все под залог» [ср. фр. 54 с²].

(б²) ФИЛОН АЛЕКС. О частных законах, I, 208 (т. V, с. 50 С.): Разделение животного на члены означает либо что все вещи одно, либо из одного и в одно; одни называли это [=два состояния — нерасчлененного единства и множественности] «избытком и нуждой», другие — эмпирозой и диакосмезой: эмпироза соответствует самодержавному господству огня, победившего остальные [три] элемента, а диакосмеза — демократическому равноправию четырех элементов, по которому они воздают друг другу равную компенсацию [за равный ущерб].

(с) ПЛУТАРХ. О Дельфийском Е, 389 ВС: Поскольку же продолжительность периодов в превращениях [огня] неодинакова, но период так называемого «избытка» больше, а «нужды» меньше, то они, соблюдая пропорцию, большую часть года пользуются при жертвоприношениях [аполлонийским] пеаном, а с началом зимы возобновляют [дионисийский] дифирамб, а пеан прекращают, и в течение трех месяцев вместо того бога [Аполлона] призывают этого [Диониса]; таким образом, они полагают, что по времени диакосмеза относится к эмпирозе как один к трем.

56ab (84 DK)

(а) ПЛОТИН, IV, 8 [6], 1, 8 Н.—S. («О нисхождении души в тело»): Я недоумеваю, каким образом некогда и сейчас я нисхожу и каким образом некогда душа моя оказалась внутри тела, оставаясь тем же, чем являлась сама по себе, хотя и находясь в теле. Гераклит, который побуждает нас искать ответа на этот вопрос, полагая «роковые чередования» противоположностей, сказав о «пути вверх-вниз» [ср. фр. 33f], а также [фр. 56a] «[все?], сменяясь, отдыхает» и [фр. 56b] «утомительно одним и тем же [бегунам?] изнемогать и начинать сначала», предоставил нам догадываться самим, не потрудившись разъяснить смысл своих слов, вероятно намекая на то, что следует искать [~спрашивать] у самих себя, подобно тому как и сам он искал и нашел [ср. фр. 15].

(a¹) Там же, IV, 8 [6], 5, 5: Ни Эмпедоклово изгнание от бога и блуждание, ни грех, за которым следует наказание, ни Гераклитово «отдохновение в изгнании», ни вообще добровольность или недобровольность нисхождения [души].

(a²) ЯМВЛИХ. О душе, у Стобея, I, 49, 39 (т. I, с. 378, 21 W.): Гераклит полагает необходимые чередования противоположностей; он полагал также, что души проходят путь вверх и вниз и пребывание на одном и том же месте приносит им утомление, а перемещение — отдых. Ср. I, 49, 37 (т. I, с. 375, 7 W.): . . . А по Гераклиту, «отдохновения в перемещении».

(a³) ЭНЕИ ИЗ ГАЗЫ. Теофраст, с. 5 (PG, т. 85, с. 877 C — 880 A): Гераклит, полагавший неизбежную смену, говорил, что душа путешествует вверх и вниз: поскольку для нее утомительно сопровождать демиурга и, [оставаясь] наверху, вместе с богом обходить по кругу Вселенную, а также находиться у него в подчинении и под властью, то душа, желая обрести покой и в надежде на власть, по его словам, ниспадает вниз.

(a⁴) Там же, с. 7 (PG, т. 85, с. 881 C): Я [=Эвксифей] не знаю, кому скорее должно следовать: Гераклиту ли, которому изгнание души в эту жизнь представляется отдохновением от горних трудов, или же Эмпедоклу.

(a⁵) АРАБСКИЙ АНОНИМ. Изречения греческого мудреца, I, 89 [пер. Дж. Льюиса в изд. Плотина Анри и Швицера, т. II, с. 241]: Heraclitus said: When I erred, I descended to this world in order to rest, and through it I came into greater fatigue and weariness.

57 (3 DK)

* Папирус из Дервени, стб. I, 4—10: . . .которым [солнцем] <сотворен весь> этот космос согласно <Орфею.> Гераклит также изменяет общепринятое словоупотребление и облакает [свою мысль] в необычные выражения, словно подражая в своей речи <«Священному» Слову>: «Солнце <правит> <кое>мосом согласно естественному порядку, будучи шириной [всего лишь] в ступню человеческую. Оно не преступает положенных границ, ибо если оно <преступит> должные сроки, его разыщут Эринии, <союзницы Правды.>» <Он намеренно> переставил слова <и сделал свою речь непонятной. . .>

(a) Мнения философов, II, 21 [«О величине Солнца»]: Согласно Анаксагору — в несколько раз больше Пелопоннеса. Согласно Гераклиту — шириной в ступню человеческую. Согласно Эпикуру — такое по величине, каким кажется, немного больше или меньше.

(a¹) ФЕОДОРИТ. Лечение эллинских недугов, IV, 22: Гераклит [полагает, что Солнце] величиной в ступню.

(b) АРИСТОТЕЛЬ. Метеорология, A 3, 339 b 30: Те, кто полагает весь небосвод, а не только движущиеся в нем тела чистым огнем, а тело, заполняющее пространство между Землей и светилами, воздухом, познавемся они с тем, что в наши дни убедительно доказала математическая астрономия, вероятно, отказались бы от этого детского представления, ибо чрезвычайно наивно думать, что каждое из круговращающихся [небесных] тел мало по своим размерам, потому что кажется нам таким при наблюдении с Земли.

(c) АРИСТОТЕЛЬ. О душе, Г 3, 428 b 2: Чувственное восприятие иногда обманывает, даже если относительно предмета восприятия имеется истинное представление; как, например, Солнце кажется величиной в ступню, хотя мы при этом уверены, что оно больше ойкумены.

(с¹) ОН ЖЕ. О сновидениях, I, 458 b 28: Но даже и тем, кто находится в здоровом уме и знает [о его истинной величине], Солнце все равно кажется величиной в ступню. Ср.: Там же, 460 b 16.

(d) ЭПИКУР. Письмо к Пифоклу, 91 Bailey: Величина Солнца, Луны и прочих светил по отношению к нам такова, какой кажется, а сама по себе либо больше видимой [величины], либо немного меньше, либо такая же. Ср.: ФИЛОДЕМ. Об индуктивных умозаключениях, стб. IX, 13 De Lacy; ЛУКРЕЦИЙ, V, 564; ЦИЦЕРОН. Учения академиков, II, 82; ОН ЖЕ. О границах добра и зла, I, 20; СЕНЕКА. Естественнонаучные вопросы, I, 3, 10: Хотя разум доказывает, что Солнце больше Земли, взор наш сократил его до таких размеров, что мудрые мужи утверждали, будто оно величиной в ступню; хотя мы знаем, что оно самое быстрее из небесных тел, никто из нас не видит, как оно движется, и вообще не верил бы в то, что оно смещается, если бы воочию не видел, что оно уже сместилось. КЛЕОМЕД. О круговращении небесных тел, II, 1, с. 126, 27; 134, 13 Ziegler: Из всего этого явствует, что Солнце не может быть величиной в ступню, ни таким, каким кажется. Ср.: Там же, с. 136, 21; 152, 7. АРНОВИЙ. Против язычников, II, 61: Солнце больше Земли, а измеряется в ширину одной ступни. ТЕРТУЛЛИАН. Против язычников, II, 4, 15.

(e) ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 7: Высказывался [Гераклит] и обо всех космических явлениях, и о том, что Солнце по величине таково, каким кажется.

(f) ПСЕВДО-ГЕРАКЛИТ. Письма, IX (с. 351, 24 Tagán): Приобщенный к сонму богов за добродетель, я знаю размеры Солнца.

58 (6 DK)

(a) АРИСТОТЕЛЬ. Метеорология, В 2. 354 b 33: Поэтому смехотворны утверждения всех предшествующих [философов], полагавших, что Солнце питается влагой. Некоторые утверждают, что именно по этой причине оно и совершает солнцевороты; поскольку-де всегда одни и те же места не могут обеспечить его пищей. С ним по необходимости должно происходить это [=солнцевороты], иначе оно погибнет. Так и допустный наблюдению огонь, [утверждают они], живет до тех пор, пока имеется пища, а единственная пища для огня — влага; как если бы поднимающаяся [с испарением] влага достигала Солнца или как если бы восхождение было таким же, как у горящего пламени, по аналогии с которым они представляли себе [«питание»] Солнца. Однако аналогия неверна: пламя рождается [~ поддерживается, горит] вследствие превращения непосредственно контактирующего с ним влажного и сухого вещества, но не «питается» [им], поскольку оно, так сказать, не остается тем же самым ни единого мгновения, а с Солнцем этого происходить не может, поскольку если оно «питается» так, как они говорят, то ясно, что Солнце не только, как говорит Гераклит, новое ежедневно, но и всегда и непрерывно новое.

(b¹) АЛЕКСАНДР АФРОД. Комм. к «Метеорологии», с. 72, 31 Naud.: С Солнцем же ничего подобного не происходит, поскольку если бы Солнце питалось подобно огню, [как они утверждают], то оно было бы не только «новое ежедневно», как говорит Гераклит, (а [по Гераклиту], каждый день вспыхивает новое Солнце, тогда как прежнее гаснет на заходе), но и становилось бы всегда и непрерывно новое и иное в различные моменты времени, подобно тому как и пламя имеет бытие в становлении.

(b²) ОЛИМПИОДОР. Комм. к «Метеорологии», с. 136, 6 Stüve: .Откуда ясно, что Солнце не питается влажным испарением. Мы превзойдем парадоксологию Гераклита: Солнце окажется уже не просто новым ежедневно согласно Гераклиту, но и но-

вым в каждое отдельное мгновение [каждое «теперь»]. Ведь Гераклит утверждал, что Солнце представляет собой огонь; находясь на востоке, загорается вследствие тамошней жары, а достигнув запада, гаснет вследствие тамошнего холода.

(b³) Схолии к «Государству» Платона, 498 A (с. 240 Greene): Натурфилософ Гераклит Эфесский говорил, что Солнце, дойдя до западного моря и погрузившись в него, гаснет, а затем, пройдя под Землей и достигнув востока, вспыхивает опять, и так происходит вечно.

(с) ПЛАТОН. Государство, VI. 498 а: [Увлекающиеся философией] .вспыхивают в отрочестве. а под старость — за исключением совсем немногих — угасают пуще Гераклитова солнца, поскольку больше не возгораются.

(d) ПРОКЛ. Комм. к «Тимею», т. III, с. 310, 30 Diehl: Так [=новым богом] богословы называли Диониса [ср.: Фрагменты орфики, № 205 и 207 K.]. (с. 311, 4) Поэтому Гелиоса имеют обыкновение называть новым богом (а Гераклит говорит: «Солнце новое ежедневно») как причастного Дионисийской силе.

(е) ПЛОТИН, II, 1 [40], 2, 8 Н.—S.: Каким образом, спрашивает [Платон (Государство, 530)], будучи телесными и зримыми, [светила] могут быть неуклоняющимися и неизменными? Очевидно, что он и здесь делает уступку Гераклиту, который говорил, что даже Солнце вечно рождается.

(f) ОЛИМПИОДОР. Комм. к «Федону», (с. 237, 13 Norvin) [после фр. 51]: Ведь надо полагать, что [мы видим] не Солнце в себе, но Солнце для нас. Ср. фр. 51 е.

(g) Арабские схолии к АРИСТОТЕЛЮ, Вторая аналитика, II, 7. 93 b 5 (BA DAWI A. Mantîq Aristû, Каир, 1948. Vol. 1. P. 428) [англ. пер. Р. Вальцера]: It may be that he follows in this view of Heraclitus that the stars cease to exist when they set.

59 (106 DK)

(a) ПЛУТАРХ. Камилл, 19, 3: Что касается несчастливых дней, следует ли в них верить, или же Гераклит справедливо упрекнул Гесиода, полагающего одни дни хорошими, а другие плохими, в том, что он не знал, что природа всякого дня едина, то этот вопрос рассмотрен в другом месте.

(b) СЕНЕКА. Письма, 12, 7: Гераклит, который обязан своим прозвищем темноте стилиа, сказал: «Один день равен всякому». Эти слова различные толкователи толкуют по-разному. [Один] говорит, что [«равен» значит] «равен часами», и нельзя сказать, чтобы он был не прав. Ибо если день есть время, равное двадцати четырем часам, то все дни по необходимости равны между собой, так как то, что теряет день, приобретает ночь. Другой утверждает, что один день равен всем в смысле подобия, ибо даже самый продолжительный отрезок времени не содержит ничего, чего бы ты не нашел в одном дне: света и ночи. . .

60 (99 DK)

(0) [Исправленный текст]: Не будь Солнца, мы бы не знали, что такое ночь.

(a) ПЛУТАРХ. О том, что полезнее: вода или огонь, 957 A: Гераклит говорит: «Если бы не было Солнца, была бы ночь». Можно сказать: если бы не было моря, человек был бы самым диким и самым жалким из всех животных.

(b) ПЛУТАРХ. Об удаче, 98 C: И подобно тому как, по словам Гераклита, «не будь Солнца, несмотря на прочие светила, мы бы проводили [?] ночь», точно так же, если бы у человека не было ни ума, ни разума, то, несмотря на ощущения, жизнь его не отличалась бы от животной.

(b¹) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Протрептик, 113, 3 (т. I, с. 80 St.): И подобно тому как «не будь Солнца, несмотря на остальные светила, все было бы ночью», точно так же, если бы мы не знали Слова (Логоса) и не были бы им просвещены, то ничем не отличались бы от откармливаемых птиц, — во тьме окормляемые, смертью питаемые.

(с) МАКРОБИЙ. Комм. к «Сну Сципиона» I, 20, 3: .Которое [Солнце] Гераклит называет «источником небесного света».

(с¹) МАРСИЛИО ФИЧИНО. О солнце, 6 (т. I, с. 969, Базель, 1576): Гераклит называет [Солнце] источником небесного света.

(d) ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 10: Самое яркое и самое горячее — пламя Солнца, так как остальные светила дальше отстоят от Земли и поэтому слабее светят и греют, а Луна, находясь ближе к Земле, движется не через чистое пространство; Солнце же находится в прозрачной и беспримесной [области] и удалено от нас на умеренное расстояние, поэтому оно сильнее греет и светит. Ср. 61 а. Ср.: Мнения философов, II, 28, 6: .Солнце ярче, так как движется в более чистом воздухе, а Луна — в более мутном и потому кажется более затемненной. Ср. 61 а¹.

61 (A 1. 10—12. 14 etc. DK)

(0) «Чаши» (о светилах).

(а) ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 9=A 1, § 9—11.

(а¹) (A 10—12 DK) Мнения философов, II, 11, 4 («О сущности неба»): Парменид, Гераклит, Стратон, Зенон: небо из огня.

II, 13, 8 («О сущности звезд»): Парменид и Гераклит: звезды — сгустки огня.

II, 17, 4: Гераклит и стоики полагают, что звезды питаются наземным испарением.

II, 20, 16 («О сущности Солнца»): Гераклит и Гекатей полагают Солнце умным воспламенением из моря.

II, 22, 2 («О форме Солнца»): По Гераклиту, чашеобразное, вогнутое.

II, 24, 3 («О затмениях Солнца»): Гераклит [полагает, что затмения происходят] вследствие поворота чашеобразного тела, так что вогнутая сторона оказывается [повернутой] вверх, а выпуклая — вниз, в направлении нашего взора. II, 27, 2 («О форме Луны»): По Гераклиту чашеобразная.

II, 28, 6 [«Об освещении Луны»]: По Гераклиту Солнце и Луна освещаются одинаково: будучи чашеобразными по форме, светила воспринимают лучи из влажного испарения и светятся [не сами, но] в нашем представлении. . . [следует фр. 60 d].

II, 29, 3 [«О затмении Луны»]: Гераклит: вследствие поворота чашеобразного тела.

Ср.: ФЕОДОР ИТ. Лечение эллинских недугов, IV, 23 (D. 356): По Анаксимену, Пармениду и Гераклиту, [Луна] состоит из одного лишь огня.

(а²) ТЕОН СМИРНСКИЙ. Комм. к Птолемею, с. 340, 3 Rome: Думать, что звезды, как полагает Гераклит, вспыхивают и угасают, было бы совершенной глупостью.

(b¹) (A 14 DK) Мнения философов, III, 3, 9 (D. 369): Гераклит: гром [возникает] вследствие скопления ветров и вслучивания облаков, а также [последующего] столкновения [вылетающих] воздушных потоков с облаками, молнии — вследствие вспышек испаряемых веществ, зарницы [престеры] — вследствие вспыхивания и угасания облаков.

(b²) СЕНЕКА. Естественнонаучные вопросы, II, 56, 1: Гераклит полагает, что молния подобна раздуванию огней на земле и первому, неуверенному пламени, то гаснущему, то вспыхивающему. Древние называли это зарницами.

62 (120 DK)

(a) СТРАБОН. География, I, 1, 6 (с. 3 Cas.):

«[Медведица] одна лишь не купается в Океане»

[Илиада, XVIII, 489; Одиссея, V, 275]. Под Медведицей и Колесницей [Гомер] разумеет арктический круг, [а не созвездие]. Кратет ошибочно исправляет: «... один лишь [аркт. круг] не купается в Океане», — избегая того, чего избегать не следует. Лучше и в большем согласии с Гомером Гераклит также называет арктический круг Медведицей: «**Меты утра и вечера — Медведица, и напротив Медведицы — граница ясного Зевса**». Ведь граница востока и запада — арктический круг, а не Медведица.

63a (105 DK) — см. комм.

63b (38 DK)

ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, I, 23 По мнению некоторых, он [Фалес] первым занялся астрономией и предсказал солнечные затмения и солнцевороты, как говорит Евдем [фр. 144 Wehr.] в «Истории астрономии»; почему им и восхищаются Ксенофан [B 19] и Геродот [I, 74, 2]. Об этом свидетельствуют также Гераклит и Демокрит [фр. 156 Лурье=В 115a].

64 (100 DK)

(a) ПЛУТАРХ. Платоновские вопросы, 1007 DE: Таким образом, обладая необходимой связью и сопряженностью с небом, время есть не просто движение, но, как сказано, движение, которому свойственна упорядоченность, обладающая мерой, границами и периодами. **Солнце же, будучи их эпистатом [распорядителем] и судьей, дабы определять, регулировать, знаменовать и объявлять перемены и времена года, которые все порождают**, согласно Гераклиту, оказывается помощником верховного бога не в малом и не в пустяках, но в самом важном и самом главном.

65 (A 13 DK)

(a) ЦЕНЗОРИН. О дне рождения, 18, 11: Кроме того, имеется год, который Аристотель [фр. 25 Rose] называет скорее величайшим, нежели великим; его образуют периоды Солнца, Луны и пяти планет, когда они возвращаются в то же созвездие [Зодиака], в котором некогда находились одновременно. Величайшая зима этого года [по-гречески] называется катаклизмом, а по-нашему потопом, лето же — «экспирозой», т. е. мировым пожаром. Ибо в эти сменяющие друг друга времена мир, как полагают, то выжигается огнем, то затопляется водой. Этот год Аристарх определял в 2484 лет, Арет Диррахинский — в 5552 года, Гераклит и Лин — 10 800, Дион — 10 884, Орфей — 120, Кассандр — 1 800 000 солнечных лет. Другие же полагали, что он бесконечен и никогда не возвращается к началу.

(b) Мнения философов, II, 32, 3 («О великом годе»): Гераклит [полагал, что великий год состоит] из восемнадцати тысяч солнечных лет; стоик Диоген умножал гераклитовский год на 365.

66 (36 DK, 76—77 DK)

(а) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, VI, 17, 1—2 (т. II, с. 435 St.): А стихи Орфея [фр. 226 Kern]:

Вода — смерть душе [=воздуху], но возмещение водам [ср. фр. 54],
Из воды возникает земля, а из земли — снова вода,
Из нее же — душа [=воздух], возносящаяся к небосводу,

Гераклит переделал в прозу и пишет так: «**Душам смерть — воды рождение, воде смерть — земли рождение, из земли вода рождается, из воды — душа**». Ср.: Там же, VI, 27, 1 (т. II, с. 443): Не говорю уже о Гераклите Эфесском, который едва ли не все заимствовал у Орфея.

(а¹) Рапсодическая теогония, фр. 226=66а.

(б) ФИЛОН АЛЕКС. О вечности мира, 109 (т. VI, с. 106 Sohn): Подобно тому как времена года проходят по кругу, сменяя друг друга, [словно в эстафете], в соответствии с никогда не кончающимися годовыми циклами, так и элементы космоса [как бы] соревнуются в беге: в своих взаимных превращениях они, что самое парадоксальное, «казалось бы, умирая, обретают бессмертие», вечно бегая по кругу и постоянно проходя «один и тот же путь вверх-вниз» [=фр. 33 d²]. (110) Путь в гору начинается с земли: расплавляясь, земля превращается в воду, вода, испаряясь, — в воздух, воздух, разрежаясь, — в огонь; путь под гору — с вершины: угасая, огонь осаждается в воздух, воздух через сжатие осаждается в воду, а избыток воды путем сгущения превращается в землю. (111) Верно говорит Гераклит: «Душам смерть — воды рождение, воде смерть — земли рождение». Понимая под душой воздух, он намекает на то, что смерть воздуха — рождение воды, а смерть воды — рождение земли; при этом смертью он называет не абсолютное уничтожение, но превращение в другой элемент.

(с) ИППОЛИТ. Опровержение всех ересей, V, 16, 4 (с. 111, 23): По его словам, об этом говорят не только поэты, но и величайшие эллинские мудрецы, один из которых — Гераклит, говорящий: «Душам смерть — воды рождение».

(d¹) (77^a DK) НУМЕНИЙ, фр. 35 Theod.=A 46 Leemans (у Порфирия, О пещере нимф, 10, с. 63, 10 Nauck²): По словам Нумения, они полагали, что души льнут к воде, поскольку вода, [по их мнению], полна божественного духа; потому, мол, и пророк [Моисей, ср.: Бытие, 1, 2] сказал: «Дух Божий носился над водою». Поэтому и египтяне представляли себе все божества — и Солнце и вообще всех — не стоящими на суше, но стремительно летящими на корабле: под ними следует понимать души, порхающие над водой и нисходящие в рождение. Потому-де и Гераклит сказал, что душам наслаждение, а не смерть стать влажными; наслаждение же для них — падение в рождение. А в другом месте он сказал: «Мы живем за счет их [=душ] смерти, а они живут за счет нашей смерти» [=фр. 47 d⁴].

(d²) АРИСТИД КВИНТИЛИАН. О музыке, II, 17 (с. 89, 5 Winn. — Ingr.): Также и мудрый Гераклит утверждает нечто подобное весьма метко. О блаженной душе, обитающей в эфире, он говорит: «Сухая душа мудрейшая» [ср. фр. 68 B¹], а о той, что замутняется воздушным волнением и испарением, он выражается так: «Душам смерть стать влажными».

(d³) ЮЛИАН. Речи, 5. 165 CD: По мифу, он [Атис] спустился в пещеру и совокупился с нимфой; здесь содержится намек на влажность материи. . . и Гераклит говорит: «Душам смерть стать влажными».

(d⁴) ПРОКЛ. Комм. к «Государству», т. II, с. 270, 28 Кг.: Таким образом, смертно то, во что нисходит душа, и смертносно круговращение самих душ не только в том смысле, в каком говорит Гераклит: «Смерть душам стать влажными», — но и в том, в каком Платон часто говорит, что в [телесном] рождении мы живем, по большей части следуя смертной части души.

(d⁵) ОН ЖЕ. Комм. к «Тимею», т. II, с. 117, 5 D.: То вождедеющая часть души, затопляемая родотворной влагой, обессиливает и окунается в потоки материи, и это иная «смерть умных душ стать влажными», по словам Гераклита. [На полях кодекса М: «Душам человеческим смерть стать влажными».]

(d⁶) ОЛИМПИОДОР. Комм. к «Горгию», 49, 3 (с. 237, 6 Norvin; с. 259 Westerink): Следует отметить, что древние называют рождение влажным. О душе так и говорится: «Душам человеческим смерть стать влажными» — вследствие текучести и влажности [становления], а также потому, что жизни их цветут в этом мире. [на полях: «изречение Гераклита»]. Там же, 30, 2 (с. 142, 7 N.; с. 155 W.): Вода означает текучесть природы; как сказал Гераклит, влажность — смерть души. [На полях: Изречение Гераклита о душе: «Душам влажными».]

(e¹) (76 DK) ПЛУТАРХ. О Дельфийском Е, 392 С: Ибо не только, как говорил Гераклит, «смерть огня — воздуха рождение, смерть воздуха — воды рождение», но и, что еще более очевидно, в нас самих . . . [см. фр. 40 с³].

(e²) ПЛУТАРХ. Об абсолютном холоде, 948 F (SVF, т. II, № 340): Поскольку уничтожение есть некое превращение уничтожаемого в свою противоположность, (949 A) рассмотрим, насколько справедливо изречение «смерть огня — воздуха рождение». Действительно, огонь тоже умирает подобно животному: либо его насильно гасят, либо он увядает сам по себе. Гашение делает его превращение в воздух более очевидным. .

(e³) (76 DK) МАРК АВРЕЛИЙ, IV, 46: Всегда помнить Гераклитово: смерть земли — воды рождение, смерть воды — воздуха рождение, [смерть] воздуха — огня [рождение] и наоборот. Ср. фр. 33 d⁷.

(e⁴) (76 DK) МАКСИМ ТИРСКИЙ, 41, 4 k [после фр. 47 b³]: Огонь живет за счет смерти земли, воздух живет за счет смерти огня, вода живет за счет смерти воздуха, земля — за счет смерти воды. Ср. фр. 33 d⁴.

(e⁵) ЛУКРЕЦИЙ, I, 670 (пер. Ф. А. Петровского):

Ведь коль из граней своих что-нибудь, изменяясь, выходит,
Это тем самым есть смерть для того, чем оно было раньше.

(e⁶) НЕМЕСИЙ. О природе человека, 5, с. 160 Matth.: Поэтому, говорит он [?], возникновение одного есть уничтожение другого, а уничтожение одного — возникновение другого не только в отношении души, как сказано выше, но и в отношении тела.

(f¹) (A 15 DK) АРИСТОТЕЛЬ. О душе, I, 2, 405 а 25: Гераклит также полагает душой первоначало, коль скоро [он считает душой] испарение, из которого, по его мнению, образуются остальные [элементы, т. е. вода и земля]; [он считает ее] также наиболее бестелесным [из всех элементов] и вечно текущей. .

(f²)=фр. 40а: Гераклит уподобил их [=души] рекам, говоря так. [следует фр. 40а], а также «души же из влаги испаряются».

(f³) (A 15 DK) Мнения философов, IV, 3, 12: Гераклит полагает душу космоса испарением из находящейся в нем влаги, а душу в животных — однородной из внешнего и внутреннего [собств. «в них»] испарения. Ср.: ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ.

Проблемы, 13, 6. 908 а 30: . . . Как говорят некоторые из гераклитовцев, что в теле происходит такое же испарение, как и во Вселенной. . .

(f⁴) (18 А 9 DK) ФЕОДОРИТ. Лечение эллинских недугов, V, 18: Парменид, Гиппас и Гераклит называли ее [=душу] огненной. ТЕРТУЛЛИАН. О душе, 5, 2: Гиппарх и Гераклит [полагают, что душа] из огня. МАКРОБИЙ. Комм. ко «Сну Сципиона», I, 14, 19: Гераклит-физик [считал душу] искоркой звездной субстанции. Гиппарх — огнем.

67 (45 DK)

(а) ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 7: Высказывался он и обо всех космических явлениях и о том, что Солнце [следует фр. 57e], а также: **Границ души тебе не отыскать, по какому бы пути [=в каком бы направлении] ты ни пошел: столь глубока ее мера** [=«объем», λόγος] [следуют фр. 114, 13 с].

(б) ТЕРТУЛЛИАН. О душе, 2, 6 Waszink: Насколько трудно доказывать, настолько хлопотливо убеждать, так что с полным основанием знаменитый Гераклит Темный, наблюдая непроглядный мрак у исследователей души, пресытившись [подобными] исследованиями, объявил: «Границ души не найдешь ни за что, на какой бы путь ты ни вступишь».

(в) Руководство Секста, 403, изд. H. Chadwick: Размер (μέγεθος) души мудрого тебе не отыскать; это возможно ничуть не более чем [измерить душу] бога.

68 (118 DK)

(0) **Сухая душа — мудрейшая и наилучшая.**

(a¹) МУСОНИЙ РУФ. О пище, фр. 18а (с. 96 Hense) у Стобея, III, 17, 42 (т. III. с. 505, 2 Н.): Богом довольно [для питания] испарений, возносящихся от земли и воды, для нас же наиболее сходной с божественной пищей была бы пища легчайшая и чистейшая; питайся мы такой пищей, [не только тело, но] и душа наша была бы чистой и сухой; такая душа, будучи наилучшей [=добродетельнейшей], тем самым была бы и мудрейшей, как полагает Гераклит, который говорит так: «Сухой свет — душа мудрейшая и наилучшая».

(a²) СТОБЕЙ, III, 5, 8 (т. III, с. 257 Н.) («О целомудрии»). [после фр. 69]: Изречение Гераклита: «Сухой свет. . . наилучшая».

(a³) ФИЛОН АЛЕКС. О провидении, II, 66 Colson у Евсевия, Приготовление к Евангелию, VIII, 14, 66 (т. I, с. 477, 21 Mras): [Влияние климата на интеллект; у варваров нет философии]. Одна лишь Эллада производит породу человека, которого и впрямь можно считать «небесным растением» [ср.: ПЛАТОН. Тимей, 90 А] и божественным отпрыском, ибо она порождает интеллект, приуроченный к научному знанию (эпистеме). Причина тому: разум естественно заостряется тонкостью воздуха. (67) Поэтому метко сказал Гераклит: «Сухой свет — душа мудрейшая и наилучшая». [Армянский перевод этого места: «Где земля суха — там душа мудрая и любящая добродетель»].

(a⁴) ПЛУТАРХ. О плотоядении, 995 D: Стало быть, мясоедение противоестественно не только для тел; души тоже жиреют от обжорства и пресыщения. «Вино и вкушение мяса делают тело сильным и крепким, а душу слабой». (995 E) «Сухой свет — душа мудрейшая», согласно Гераклиту. [. . .] Так блеск и свечение души через замутненное и пресытившееся тело, отягченное чужеродной пищей, по необходимости должны мерк-

нуть и угасать; душа же должна заблуждаться и путаться, не имея света ($\alpha\beta\gamma\eta$) и натяжения, чтобы высветить тонкие и трудноуловимые целевые причины вещей.

(a⁶) ПЛУТАРХ. Об упадке оракулов, 432 F: В то же время не лишенным основания было бы и утверждение, что сухость в сочетании с теплотой утончают [профетическую] пневу и делают ее эфирной и чистой: «Сухой свет — душа наилучшая» — по Гераклиту. Влажность же не только притупляет зрение и слух, но и, касаясь зеркал и смешиваясь с воздухом, отнимает блеск и свечение.

(a⁶) ПЛУТАРХ. Ромул, 28, 8 [после ПИНДАР, фр. 131 Snell]: Оттуда приходит и туда вернется [призрак, $\epsilon\iota\delta\omega\lambda\omicron\nu$], но не вместе с телом, а как только полностью освободится от тела и отделится и станет совершенно чистым, бесплотным и святым. Ибо такова, по Гераклиту, «душа сухая и наилучшая», пролетающая сквозь тело, словно молния сквозь тучу.

(a⁷) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Педагог, II, 29, 3 (т. I, с. 174 St.): Так душа наша могла бы быть чистой, сухой и светообразной: «свет душа сухая, мудрейшая и наилучшая». Так, [благодаря трезвости] она может подняться на высшую ступень мистического созерцания, не будучи влажной и телотворимой винными испарениями, словно облако.

(a⁸) ГАЛЕН. О том, что способности души следуют конституциям тела (Малые соч., т. II, с. 47, 9 Müller): Не признать ли нам сухость причиной сознания, подобно последователям Гераклита? Так, Гераклит сказал: «Сухой свет — душа мудрейшая», полагая сухость причиной сознания {на это указывает слово «свет»}. Это мнение следует признать более разумным, приняв в расчет, что и звезды, будучи одновременно и светообразными и сухими, в высшей степени наделены сознанием. .

(a⁹) ГЕРМИЙ. Комм. к «Федру» Платона (с. 73 Ast; с. 27, 28 Couvreur): Лето и юг благоприятствуют восхождению [души к богу] также и по Гераклиту, который говорит: «Сухой свет — душа мудрейшая».

(a¹⁰) СИНЕЗИЙ. О сновидениях, 7 (138 A; II, с. 156 Terzaghi): .Вздымается вывьс благодаря теплоте и сухости. В этом и заключается окрыленность души, и Гераклитово «свет сухой — душа мудрая» имеет в виду не что иное, как именно это.

(a¹¹) ПОРФИРИЙ. Сентенции, 29, 3: Когда же душа сосредоточится на том, чтобы отпасть от природы, она становится «сухим светом», не отбрасывающим тени и безоблачным: влажность в воздухе сгущает облако, а сухость от испарения образует сухой свет.

(a¹²) МАРСИЛИО ФИЧИНО. О бессмертии душ, VI, 2 (т. I, с. 162, Базель, 1576): Души суть незримые шары света, а шары [света] суть зримые души. Гераклит выразил эту мысль так: $\alpha\beta\gamma\eta$ $\xi\eta\rho\eta$ $\psi\chi\eta$ $\sigma\phi\omega\tau\acute{\alpha}\tau\eta$, т. е. «сухой свет — душа мудрейшая». Ср. VIII, 13 (т. I, с. 197): Как полагают орфики и Гераклит, свет есть не что иное, как видимая душа. а душа — невидимый свет. ОН ЖЕ. О здоровье ученых, I, 5 (I, с. 498): Вот что означают слова Гераклита «сухой свет — душа мудрейшая». ОН ЖЕ. Письма, I («О божественном безумии») (т. I, с. 612): Как утверждали еще раньше Пифагор, Эмпедокл и Гераклит, дух наш до ниспадения в тело существовал в небесных обиталищах.

(b¹) АРИСТИД КВИНТИЛИАН. О музыке, II, 17 (с. 89, 5 Winn. — Ingr.): Также и мудрый Гераклит утверждает нечто подобное весьма метко: О блаженной душе, обитающей в эфире, он говорит: «Сухая {сухая} душа мудрейшая», а о той, что замутняется воздушным волнением и испарением, он выражается так: [следует фр. 66 d²):

(b²) ПОРФИРИЙ. О пещере нимф, 11 (с. 64, 21 Nauck): Тот же Гераклит говорит: «Сухая душа мудрейшая». Поэтому в эдепном мире вследствие желаний совокупления

пневма становится влажной и более сырой, так как от своего устремления к рождению душа притягивает влажное испарение.

(b³) ЕВСТАФИЙ. Комм. к «Илиаде», XXIII, 261 (с. 1299, 17 R.): В насмешку их обзывают толстыми, поскольку они не отличаются тонкостью и остротой ума и не обладают другими качествами, которые нравятся автору изречения «сухая душа самая мудрая».

(b⁴) МИХАИЛ ГЛИКА. Летопись, с. 141, 11 Bekker: Если же возобладает сухой элемент, то родится трезвый и подвижный человек, о котором мудрец по имени Гераклит говорил: «Душа чем суше, тем мудрей», называя в данном случае душой вещество мозга. Ср. с. 219, 14: И если угодно, внемли мудрому Гераклиту: «Чем суше душа, тем мудрей».

(b⁵) МИХАИЛ АКОМИНАТ. Послания, 173, 6 (т. II, с. 340, 5 Lampros): Мы ни душу не иссушили от плотской грязи, сотворив ее такой, о которой с похвалой говорит Гераклит: «Сухая душа мудрая», ни тела не сделали, по пословице, тоще водяного дрозда, измождив его философскими занятиями.

69 (117 DK)

(а) СТОБЕЙ, III, 5, 7 (т. III, с. 257 Н.) («О целомудрии») [после фр. 23e]: Изречение Гераклита. . . : «Когда взрослый муж напьется пьян, его ведет [домой] безусый малый; а он сбивается с пути и не понимает, куда идет, ибо душа его влажна» [следует фр. 68a²].

(b¹) (В 71 DK) МАРК АВРЕЛИЙ, IV, 46 [после фр. 66 e³]: Помнить и о забывающем, куда ведет дорога [следует фр. 4]. Ср. VI, 22: . . . или заблудшего и не ведающего пути.

(b²) БОЭЦИЙ. Утешение философией, III, 2, 52 (с. 96 Gigon): Но я вернусь к занятиям людей, чей дух хоть и стремится вновь обрести свое благо, но с помраченной памятью и при этом, словно пьяный, не знает, по какой дороге вернуться домой.

(b³) СЕНЕКА. Письма, 98, 10 Reynolds: Впрочем, люди настолько подлы и настолько забывают, куда идут, куда гонят их отдельные дни, что дивятся незначительной утрате, хотя в один прекрасный день им предстоит утратить все. Ср.: Диалоги, IX, 2, 2,

70 (85 DK)

(0) С сердцем бороться тяжело, ибо чего оно хочет, то покупает ценой души [= «жизни»].

(а¹) ПЛУТАРХ. Кориолан, 22, 2: Марций знал, что тот ненавидит его больше, чем кого-либо другого из римлян, ибо, много раз угрожая друг другу и выкликаая на поединок во время схваток. . . они прибавили к общей особую, взаимную ненависть. (3) Замечая заносчивость Тулла, [Марций]. . . еще раз подтвердил изречение: «С гневом бороться тяжело: чего он хочет, то покупает ценою жизни».

(а²) ПЛУТАРХ. Об обуздании гнева, 457 D: Побеждать лучших случалось и худшим, а вот воздвигнуть трофей в душе против [собственного] гнева, с коим, по слову Гераклита, бороться тяжело, ибо, чего ни захочет, покупает ценой жизни — это действительно признак великой и необоримой силы. . .

(а³) ПЛУТАРХ. О любви, 755 D: Тяжело бороться с любовью, а не с гневом, как говорит Гераклит, ибо чего она ни захочет, то покупает ценой жизни, денег и славы.

(b¹) АРИСТОТЕЛЬ. Евдемова этика, В 7. 1223 b 22: По-видимому, и Гераклит говорит о том, что обуздание гнева тягостно, имея в виду силу гнева. «С гневом бороться тяжело, — говорит он, — ибо покупается ценой жизни».

(b²) АРИСТОТЕЛЬ. Политика, Е IX, 18. 1315 а 29: .Те, кто покушается [на жизнь тирана] под влиянием гнева, не щадят самих себя, ибо, как сказал Гераклит: «С гневом бороться тяжело, ибо покупается ценой жизни».

(b³) АРИСТОТЕЛЬ. Никомахова этика, В 2. 1105 а 7: Еще тяжелее бороться с наслаждением, нежели с гневом, как говорит Гераклит. . .

(с) ЯМВЛИХ. Протрептик, 21, 8 (с. 112, 29 Pistelli): Свидетель сказанному — Гераклит. «С гневом, — говорит он, — бороться тяжело, ибо чего желает, то покупает ценой жизни». И это он верно сказал; многие, поддавшись гневу, отдали взамен свою жизнь и предпочли смерть.

(d) ДЕМОКРИТ, фр. 762 Лурье=В 236: С сердцем бороться тяжело, побеждать его — признак благорассудительного мужа.

(е) ФИЛОДЕМ. О гнев, стб. 27, 17 (с. 57 Wilke): Со страстью [гнев] покупает все, чего желает. . .

(f) МАРСИЛИО ФИЧИНО. Комм. к Платону (т. II, с. 1228, Базель, 1576): Зло, которое лежит и не причиняет вреда, не следует трогать. С этим схож символ Пифагора: «Огонь мечом не вороши», — а также изречение Гераклита: «Тяжело бороться против гнева, ибо, когда он в порыве, покупается ценой жизни».

71 (110 DK)

(а) СТОБЕЙ, III, 1, 176 (т. III, с. 129 Н.) [после фр. 83 и 110]: Изречение Гераклита: «Не к добру людям исполнение их желаний».

72 (98 DK)

(а) ПЛУТАРХ. О лице на Луне, 943 С: Согласно роковому предопределению, всякая душа, как лишённая ума, так и обладающая умом, после исхождения из тела, должна в течение определенного времени странствовать в пространстве между Землей и Луной. Время это не одинаково [для всех душ]: души неправедные и развратные должны понести наказание за беззакония, а души добродетельные должны провести определенное время в тишайшей части воздуха, которую называют лугами Аида, ровно столько, сколько необходимо, чтобы смыть и сдуть оставшиеся от тела, словно от ядовитого испарения, скверны и очиститься. Затем, словно возвращаясь из изгнания на родину, они испытывают радость, подобную той, что — в сочетании со сладостной надеждой — переживают посвящаемые в таинства, с ликованием и восторгом, ибо многие души выталкивает и откатывает от Луны, когда они уже цепляются за нее, а иные даже и оказавшись там, опрокидываются и словно ныряют в пучину. Те же, что оказались наверху и надежно обосновались на ней, во-первых, подобно победителям, обходят круг увечьянные так называемыми венками крыльев постоянного, так как они надлежащим образом обуздали при жизни иррациональную и страстную часть души, сделав ее послушной разуму и дисциплинированной. А во-вторых, внешне подобные лучу, а душой — огню, они взлетают вверх, утратив тяжесть, словно здесь * * * они получают от околосолнечного эфира натяжение и силу, словно [железо] — крепость при закалке: еще разреженная и рыхлая консистенция обретает крепость и становится прочной и прозрачной, так что они питаются любым испарением. И верно сказал Гераклит, что «души обоняют в Аиде».

(b) ИППОЛИТ. Опровержение всех ересей, I, 4, 3 (с. 9 сл. Wendl.) [=31 А 62 DK]: Эмпедокл полагал, что все окружающее нас пространство полно зла, причем зло простирается от Земли до Луны, а дальше не заходит, поскольку надлунное пространство чище. Так считал и Гераклит. Ср. фр. 68 b¹.

73 (63 DK)

(а) ИППОЛИТ. Опровержение всех ересей, IX, 10, 6 (с. 243, 19 Wendland) [после фр. 47]: Гераклит учит и о воскресении плоти — вот этой явной, в которой мы родились. Известно ему и то, что причина этого воскресения — Бог. Он говорит так: «[Мудрым суждено(?) Будучи в Аиде (?) восставать [от сна смерти] и становиться наяву стражами живых и мертвых].»

74 (27 DK)

(а) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, IV, 144, 2 (т. II, с. 312 St.): О загробном уповании — благом для добрых, дурном для дурных — известно не только последователям варварской философии, но и пифагорейцам: они тоже внушали философствующим, что надежда — высшая цель, поскольку и Сократ в «Федоне» говорит, что добрые души отходят отсюда «с доброй надеждой» [«Федон», 67 С]; точно так же он поносит дурные души, противопоставляя [их добрым]: «Они живут с плохой надеждой», — говорит он о них [«Государство», 330 E]. (3) По-видимому, ему вторит и Гераклит, когда говорит о людях: «Людей ожидает после смерти то, чего они не чают и не воображают».

(а¹) ФЕОДОРИТ. Лечение, VIII, 41 [после фр. 97]: Очень меня удивляет высказывание Гераклита: «Людей ожидает после смерти то, чего они не чают и не воображают».

(b¹) ПЛУТАРХ. О душе, у Стобея, IV, 52, 49 (т. IV, с. 1092, 18 Н.) [= ПЛУТАРХ, фр. 178, 87 Sandbach]: «Боги сокрыли жизнь человека», по словам мудрого Гесиода [Труды и дни, 42]. При этом они привязали душу к телу не плотскими узами, но придумали одни оковы и одну тюрьму: неизвестность и неверие в то, что будет после смерти, ибо душу, убежденную в «том, что ожидает людей после кончины», по слову Гераклита, не удержало бы ничто.

(b²) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Протретики, 22, 1 (т. I, с. 16 St.): [Об Элевсинском ритуале]. Обряды, достойные ночи и огня и «отважного», а точнее, светлого «народа потомков Эректа» [ср.: Ил., II, 547], да и прочих эллинов, которых «ожидает после смерти то, чего они не чают!» Кому пророчит Гераклит Эфесский? [следует фр. 87].

75 (92 DK)

(а) ПЛУТАРХ. Об оракулах Пифии, 397 АВ: Может быть, упрекнем Пифию за то, что она не поет сладостей Главки-кифаристки? За то, что не умащается благовониями и не облекается в багряницу, когда спускается в прорицалище? За то, что кассии, ладану и ливанону предпочитает лавр и ячменную муку? Ужели не видишь, сказал [Сарапийон], как прелестны Сапфические песни, завораживающие и очаровывающие слушателей? Сивилла же бесноватыми устами, по Гераклиту, несмелое, неприкрашенное, неумащенное вещает, и голос ее простирается на тысячу лет чрез бога. Пиндар же говорит [фр. 13 Вовга], что Кадм слышал от бога «строгую музыку», а не сладостную, не изнеженную и не украшенную мелодическими завитушками.

(а¹) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, I, 70, 3 (т. II, с. 44): По словам Гераклита, Сивилла [про]рекла будущее не человеческим образом, а с помощью бога.

(с) ПСЕВДО-ГЕРАКЛИТ. Письма, VIII (с. 346, 17 Tagán) (с. 346, 17 Tagán): Среди прочего Сивилла предрекла и следующую: «Мудрый в Италию муж придет из страны Ионийской». Она провидела тебя за столько веков, Гермодор, та Сивилла, и ты был уже тогда, а эфесцы и теперь не желают замечать того, кого через богоносную женщину видела сама Истина.

76 (96 DK)

(а) СТРАБОН, XVI, 4, 26 (с. 784 Cas.): [Набатей] приравнивают группы к испражнениям, подобно Гераклиту, который говорит: «Группы на выброс пуще дерьма», — и потому зарывают царей возле выгребных ям.

(б) ПЛУТАРХ. Застольные вопросы, IV, 4, 3. 668 F: Как цвета нуждаются в свете, так вкусы в соли, чтобы возбудить ощущение. В противном случае вкус будет тяжелым и тошнотворным. «Группы на выброс пуще дерьма», — говорит Гераклит, а всякое мясо — мертвечина и часть мертвеца. Сила же соли, привходя [в мясо], словно душа, придает ему приятный вкус.

(с) КЕЛЬС у ОРИГЕНА, Против Кельса, V, 14 (т. II, с. 15, 19 Koetschau): Душе [бог] может даровать вечную жизнь, «группы же, — по словам Гераклита, — на выброс пуще дерьма». Объявить же вопреки здравому смыслу вечной плоть, полную того, о чем и говорить неприлично, бог и не хочет, и не может.

(д) Схолии ТВ к «Илиаде», XXIV 54: . Или же потому, что тело из земли, тяжелое и землистое, как говорят и Эмпедокл и Гераклит: «Группы на выброс пуще дерьма». Ср.: Схолии ВТ к «Илиаде», XXII, 414: [Эпитафия Эпихарма]: Я мертвец, мертвец — это кал. . .

(е) ПЛОТИН, V, 1 [10], 2, 40 Н.—S.: Солнце — бог потому, что живое; и прочие звезды, и мы, если только в нас есть что-то божественное, по той же самой причине, ибо «группы на выброс пуще дерьма».

(ф) МИХАИЛ АКОМИНАТ. Письма, 170, 1 (т. II, с. 335, 15 Lampros): Демокрит говорит: «Группы. . .» и т. д.

(г) ПОЛЛУКС, V, 163 (т. I, с. 304, 5 Bethe): [О ничего не стоящем]. Подлежащий выбрасыванию более, нежели уличные нечистоты: «пуще дерьма на выброс», если говорить словами Гераклита.

(h) ЮЛИАН. Речи, 7, 226 С: [Киник] должен. всячески пренебрегать телом и считать его заслуживающим «выброса пуще дерьма», по словам Гераклита, и меньше всего заботиться о его лечении до тех пор, пока бог приказывает пользоваться им как орудием. Ср.: ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VI, 79: Некоторые говорят, что, умирая, он [Диоген-киник] завещал выбросить себя непохороненным, чтобы им питался [всякий зверь. . .]. Ср.: ЦИЦЕРОН. Тускуланские беседы, I, 104.

(и) ФИЛОН АЛЕКС. О бегстве и нахождении, 61 (т. III, с. 123 W.): [Нечестие — бессмертное зло в нашей жизни, поскольку по сравнению с жизнью в боге оно [мертвое, и, по чьим-то словам, «пуще дерьма на выброс»].

77 (67 DK)

(а) ИППОЛИТ. Опровержение всех ересей, IX, 10, 8 (с. 244 Wendland): В этой главе [своего сочинения Гераклит] полностью изложил смысл как своего учения, так и ереси Ноэта, который, как я показал вкратце, был учеником не Христа, а Гераклита. О том, что тварный мир — творец самого себя, он говорит так: «Бог: день-ночь, зима-лето, война-мир, избыток-нужда {т. е. все противоположности — таков смысл}; изменяется же словно, когда смешается с благовониями, именуется по запаху каждого [из них]».

(б) ИППОЛИТ. Там же, V, 21, 2 (с. 123, 7 Wend.): Учение о слиянии и смеси сети-ане передают так. Световой луч сверху и мельчайшая искорка примешиваются к темным водам внизу еле уловимым образом и соединяются, и получается некая единая

смесь, как бы единый запах из многих, смешанных в огне благовоний. (3) И вот знаток, обладающий тонким обонянием, по одному запаху благовония должен тонко различить каждое из смешанных в огне благовоний, как-то: стиракс, смирну, ливанон или любое другое примешанное благовоние. Ср. V, 19, 4 (с. 117, 4 Wend.): Свет, подобно солнечному лучу, проникает сверху вниз и освещает нижележащую тьму; напротив, благовоние духа, занимая среднее положение, распространяется и несется повсюду, подобно тому как мы замечаем распространяющееся повсюду благовоние возжигаемых благовонных курений. X, 11, 3 (с. 270, 19): . . . Подобно тому как запах благовоний распространяется на огне. Ср. X, 11, 2 (с. 270, 13).

(с) ФИЛОДЕМ. О благочестии, 6а (с. 70 Gomperz); Геркуланумский папирус 1428, фр. 17, 9—11 [после фр. 79]: Он утверждает также, что противоположности — боги: ночь—день.

78 (7 DK)

(а) АРИСТОТЕЛЬ. Об ощущении, 5. 443 а 21: Некоторые полагают, что запах — это дымообразное испарение, представляющее собой смесь земли и воздуха. Поэтому Гераклит и сказал, что-де «если бы все вещи стали дымом, носы бы распознали [их]». И все ссылаются на это в связи с запахом. Одни полагают его паром, другие — [сухим] испарением, третьи — и тем и другим. Пар есть разновидность влаги, а дымообразное испарение, как уже сказано, смесь воздуха и земли, причем из пара конденсируется вода, а из дыма — разновидность земли.

(а¹) АЛЕКСАНДР АФРОД. Комм. к «Об ощущении», с. 92, 22: Гераклит говорил: если бы все вещи были дымом, то носы распознавали бы и познавали их, а именно ощущая их, поскольку дым — соответствующий носам предмет ощущения.

79 (64 DK)

(а) ИППОЛИТ. Опровержение всех ересей, IX, 10, 7 (с. 243, 22 W.) [после фр. 73]: [Гераклит] учит и о суде над миром, и о том, что все в нем будет охвачено огнем. «Всех и вся, нагрывнув внезапно, будет Огонь судить и схватит», — говорит он [фр. 82]. Он считает этот огонь обладающим сознанием и причиной управления Вселенной, о чем говорит так: «Всем этим-вот правит Перун». [«Правит»], т. е. «управляет»; «Перуном» же он называет вечный огонь. Он называет его нуждой и избытком [фр. 55]. Нужда на его языке — это диакосмеза, а Избыток — экипроза.

(b) ФИЛОДЕМ. О благочестии, 6а (с. 70 Gomperz) Геркуланумский папирус 1428, фр. 17, 7—9: Перун всем правит и Зевс. . .

(с) КЛЕАНФ. Гимн к Зевсу, ст. 9—13: См.: Подражания, 4.

(d) ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 12: Одни озаглавливают ее [=книгу Гераклита] «Музы», другие — «О природе», а Диодот — «Путеводитель точный к мете жизненной».

80 (11 DK)

(а) ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ. О мире, 6. 401 а 8 Logimer: Также и животные, дикие и домашние, в воздухе, на земле и в воде пасущиеся, рождаются, расцветают и гибнут, повинуюсь законам бога: «всякая тварь бичом пасется», как говорит Гераклит.

(а¹) АПУЛЕЙ. О мире, 36 (с. 172, 15 Thomas): Наконец, природа всех животных, диких и ручных, пернатых, сухопутных и водных, рождается, питается и истребляется, повинуюсь божественным установлениям: «всякая тварь. . .», как говорит Гераклит.

(a²) Сирийский пер. Сергия Решайнского (пер. Захав): «Denn alles Kriechende, wie Heraklit gesagt hat, weidet auf der ganzen Erde».

(b) ПЛАТОН. Критий, 109 вс: Боги выращивали нас, словно свои стада, владения и питомцев, но только не насилая тела телами, как это делают пастухи, пасущие скот бичом, а управляя нами с кормы убеждением, словно кормилом, как наиболее удобоуправляемым животным, касаясь [нашей] души по собственному усмотрению. Так они правила всеми смертными существами, воспитывая их.

(c¹) ПРОКЛ. Комм. к «Государству» (т. II, с. 20, 23 Kroll): [Души] живут самодвижущейся жизнью, и их не только водит за собой судьба, как это говорят о «бичом пасущихся», но они и сами себя водят.

(c²) ПРОКЛ. Комм. к «Алкивиаду» I (с. 279, 19 Creuzer=129 West.): В-третьих, мы полагаем, что бессловесные животные принадлежат к «бичом пасущимся», равно как и все ожидающие лечения извне, и куда ведет ведущее, туда и ведомое ведется, ибо они лишены способности властвовать над собой и спасать себя.

(c³) ОЛИМПИОДОР. Комм. к «Алкивиаду» I (с. 178, 18 Creuz. = с. 113 Westerink): Власть — вид политической науки, но власть не над «бичом пасущимися», а над людьми.

(c⁴) ПЛОТИН, II, 3 [52], 13, 14 Н. — S.: Среди одушевленных существ у одних характер движения неопределен, поскольку они «бичом пасутся», как, например, у запряженных в колесницу коней, прежде, нежели возница определит им направление бега, природа же разумного животного имеет возницу в самой себе.

(d) КЛЕАНФ. Гимн к Зевсу, ст. 5 сл.: [Мы, люди, обладаем речью]

5 Единственные из всех смертных, что живут и ползают по земле. .

7 Весь этот космос, вращающийся вокруг Земли,

Послушно следует за тобой и добровольно подчиняется твоей власти. . .

[следует фр. 79 с.].

11 Под его [Перуна] ударом совершаются все дела природы. .

81 (16 DK)

(a) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Наставник, II, 99, 5 (т. I, с. 216 St.): И вновь Наставник грозит им через Исайю, говорящего [Исайя, 29, 15]: «Горе тем, которые думают скрыться в глубину, чтобы замысел свой утаить от Господа. . . и говорят: „Кто увидит нас?“». От чувственного света, может быть, кто-нибудь и утаится, а от умопостигаемого [утаиться] невозможно, или, как говорит Гераклит: «Как можно утаиться от того, что никогда не заходит?».

(b) ПЛАТОН. Кратил 413 вс: Один утверждает, что справедливость ($\delta\acute{\iota}\kappa\alpha\iota\omicron\nu$) — это Солнце, поскольку-де оно одно, проходя насквозь ($\delta\iota\alpha\iota\acute{\omicron}\nu$) и обжигая ($\chi\acute{\alpha}\omega\nu$), управляет всеми вещами. Когда же я рассказываю об этом другому с радостью, словно услышав нечто замечательное, тот насмехается над моими словами и спрашивает: «Что ж, значит, с заходом Солнца в людях совершенно не остается справедливости?». Когда же я настаиваю, чтобы он сказал, что он сам считает справедливостью, тот отвечает: «Огонь . . .».

(c) КОРНУТ. Сокращение греческого богословия, 11 Lang: Сообразно с этим говорится:

Все надзирает Зевесово око и все замечает.

Ибо как может что-либо из того, что происходит в космосе, утаиться от всепроникающей Силы?

82 (66 DK)

(а) ИПОЛИТ. Опровержение всех ересей, IX, 10, 6 (с. 243 Wendland) [после фр. 73]: [Гераклит] учит и о суде над миром, и о том, что все в нем будет охвачено огнем: «**Всех и вся, нагрянув внезапно, будет Огонь судить и схватит**». Ср.: ФЕМИСТИЙ. Комм. к «Физике» Аристотеля, с. 86, 31 Schenkl: . . . Как, например, Гераклит полагает, что огонь — единственный элемент и что из него возникла Вселенная. Потому-то он и пугает нас, и грозит, что некогда Вселенная будет испепелена, поскольку она разложится в то, из чего возникла.

83 (108 DK)

(а) СТОБЕЙ, III, 1, 174 (т. III, с. 129 Н.) («О добродетели»): Изречение Гераклита: **Чьи только речи я не слышал, никто не доходит до того, чтобы понимать, что Мудрое ото всех обособлено.**

(б) АПОЛЛОНИЙ ТИАНСКИЙ у Евсевия, Приготовление к Евангелию, IV, 13, 1 (т. I, с. 185 Mraz): Бог. . . . один и ото всех обособлен.

(с) ПЛУТАРХ. Кориолан, 38, 6: Бог совершенно не похож на человека ни природой, ни движением, ни искусством, ни силой. . . . но скорее во всем весьма отличается и особенно не похож и отличен своими делами [следует фр. 12].

84 (32 DK)

(а) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, V, 115, 1 (т. II, с. 404 St.) [после Эсхил, фр. 70=105a Mette]: Мне известно, что и Платон подтверждает слова Гераклита, который пишет: «**Одно-единственное Мудрое [Существо] называться не желает и желает именем Зевса**».

85 (41 DK)

(а) ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 1 [после фр. 16]: **Ибо Мудрым [Существом] можно считать только одно: Ум (Γνῶμη), могущий править всей Вселенной.**

(б) ПЛУТАРХ. Об Исиде и Осирисе, 382 В: Но живая и глядящая природа, имеющая в себе источник своего движения и обладающая знанием своего и чужого, втянула в себя истечение красоты и долю Разума, «которым управляется Вселенная» по Гераклиту.

(с) КЛЕАНФ. Гимн. к Зевсу, ст. 34 сл.:

дай причаститься

Мудрости (Γνῶμη), полагаясь на которую, ты правишь всеми вещами по справедливости.

(d) ПСЕВДО-ЛИН у Стобея, I, 10, 5 (т. I, с. 119 W.):

Все всегда управляется через вражду . . .

[следует фр. 25 b].

(е) ПСЕВДО-ГИППОКРАТ. О диете, I, 10, 3 (т. I, с. 185, 21 и 24 DK): . . . Теплейший и сильнейший огонь, который над всеми господствует. . . он правит всеми всегда. Ср.: О мясе, 2 (с. 2 Deichgr.; т. VIII, с. 584 Littré): Думается мне, что то, что мы называем теплом, бессмертно, и все мыслит, видит и слышит, и все знает: и то, что есть, и то, что будет. . .

86 (5 DK)

(а) АРИСТОКРИТ. Теософия, 68 [после фр. 2]: Ругая тех, кто приносит жертвы демонам, Гераклит сказал: **Вотще очищаются кровью <кровью> оскверненные, как если бы кто, в грязь войдя, грязью отмывался: его бы сочли сумасшедшим, если бы кто из людей заметил, что он так делает. И изваяниям этим вот они молятся, как если бы кто беседовал с домами, ни о богах не имея понятия, ни о героях** [следует фр. 119].

(б) КЕЛЬС у ОРИГЕНА, Против Кельса, VII, 62 (т. II, с. 212, 3 К.) [после Геродот, I, 131]: Гераклит высказывается так: «И изваяниям. о героях». Чему ж еще более мудрому, чем Гераклит, могут они [христиане] нас научить? Ведь он весьма завуалированно намекает на то, что глупо «молиться изваяниям, если не знаешь что такое боги и герои». Ср. VII, 65 (т. II, с. 215, 11 К.). Там же, I, 5 (т. I, с. 58, 26 К.): Ниже, желая сообщить о том, что это не впервые им изобретено, [Кельс] приводит цитату из Гераклита, согласно которой те, кто обращается к безжизненным [изваяниям] как богам, ведут себя так же, как тот, кто беседует с домами.

(в) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Протрептик, 50, 4 (т. I, с. 39 St.): Ты же, если не внемлешь пророчице [Сивилле], послушай хоть своего философа Гераклита Эфесского, брагнящего изваяния за бесчувственность: «И изваяниям. с домами».

(д) ИЛЬЯ КРИТСКИЙ. Толкование на Слова Григория Назианзина, 25, 15: Высмеивая их, Гераклит говорит: «Очищаются. отмывался».

(е) ГРИГОРИЙ НАЗИАНЗИН. Слова, 25, 15 (PG, т. 35, с. 1220 A): Отбрось эллинское суеверие, как прежде — их многобожное безбожие, и старых богов, и новых, и безобразные мифы, и еще более безобразные жертвоприношения «грязь грязью очищающих», как я слышал от кого-то из них. .

(и) АПОЛЛОНИЙ ТИАНСКИЙ. Письма, 27 (с. 114 Hercher; I, с. 351 Kayser): Дельфийским жрецам. Жрецы кровью оскверняют алтари, а потом иные удивляются, оказавшись в отчаянном положении, отчего на города обрушиваются несчастья. О невежество! Гераклит был мудр, но даже ему не удалось убедить эфесцев «не очищать грязью грязь».

(g¹) (B 128 DK) Теософия, 74 (с. 185 Erbse): Видя как эллины воздают демонам жертвенные дары, Гераклит сказал: «Демонов изваяниям они молятся не внемлющим, словно внемлющим, не воздающим, словно воздающим, не требующим, словно требующим».

(g²) Деяния Аполлония, 19 с. 106 Klette (T. U. 15, 2).

(h) ПСЕВДО-ГЕРАКЛИТ. Письма, IV (с. 71, 26 Вуш.; 315, 15 Tagán): Невежды! Ужели вы не знаете, что нет бога рукотворного. с. 316, 48: .Так что камни — свидетели о богах?

87 (14 DK)

(а) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Протрептик, 22, 2 (т. I, с. 16 St.) [после фр. 74]: Кому проризает Гераклит Эфесский? «Бродящим в ночи (магам), вакхантам, менадам, мистам». Это им он грозит посмертным воздаянием, им провещает огонь, ибо «нечестиво они посвящаются в то, что считается таинствами у людей». (3) Стало быть, мистерии — пустое установление и представление, и обман Змея, выдаваемый за религию. . . [=ЕВСЕВИЙ. Приготовление к Евангелию, II, 3, 37 (т. I, с. 85, 11 Mgas).]

88 (68 DK)

(а) ЯМВЛИХ. О мистериях, I, 11 (с. 40, 2 Parthey =с. 61 Des Places): Вот почему, наблюдая и в комедии, и в трагедии чужие страсти, мы подавляем свои собственные страсти, и умеряем их, и очищаем, равно как и созерцая и слушая безобразное во время

священнодействий, мы избавляемся от вреда, который приключается от него на деле. Таким образом, такого рода [непристойные изображения и повествования] применяются ради лечения нашей души, умерения прилипших к ней вследствие рождения зол, а также ради освобождения и избавления от оков. И поэтому Гераклит правильно назвал эти вещи «лекарствами» в том смысле, что они исцеляют от зла и помогают душам выздороветь от напастей, приключившихся с ними в [телесном] рождении.

89 (74 DK)

(а) МАРК АВРЕЛИЙ, IV, 46: Всегда помнить Гераклитово. . [следуют фр. 66 e³, 69 b¹, 4 и 1 h¹] и что не следует [поступать и говорить] как «родительские сынки», т. е., попросту говоря, как мы переняли [от старших].

(b) АПУЛЕЙ. Апология, 39, 1. Helm: . . . Верить рассказам отца и матери о богах? Ср.: МИНУЦИЙ ФЕЛИКС. Октавий, 23, 1: Мы узнаем небылицы и заблуждения от несведущих родителей и.

(c¹) АРИСТОН из Хиоса у Стобея, IV, 25, 44 (т. IV, с. 628 Н.) [=SVF, I, № 386]: Из «Подобий» Аристана. Философы-неофиты изобличают всех, начиная с родителей. . [следует фр. 22 b¹].

(c²) Греческая антология, VII, 79, 3: [Говорит Гераклит].

Попирая даже родителей, о чужестранец, я лаял на безрассудных людей.

(c³) Греческая Антология, VII, 408, 3:

Ныне и Гипноакта, лаявшего даже на родителей,

Ныне и его сердце уснуло в тишине.

90 (78 DK)

(а) КЕЛЬС у Оригена, Против Кельса, VI, 12 (т. II, с. 82, 18 Коет.): [«Мудрость мира сего — глупость для Бога» (I Кор. 3, 19)]. Однако Кельс захотел показать, что и это у нас [христиан] сфабриковано и заимствовано у эллинских мудрецов, утверждавших, что мудрость человеческая отличается от божественной. [В подтверждение Кельс] приводит цитаты из Гераклита, одну — гласящую: «Человеческая натура не обладает разумом, а божественная обладает», а другую [следует фр. 92].

91 (102 DK)

(а) ПОРФИРИЙ. Гомеровские вопросы, к «Илиаде», IV, 4 (с. 69 Schrader) [Схолии ВТ: т. III, с. 194 Dindorf; V, с. 124 Maass; Греч. схолии к «Илиаде», т. I, с. 445 Erbse]: Считают неподобающим то, что богам доставляет удовольствие зрелище битв. Но ничего неподобающего здесь нет: им доставляют удовольствие благородные деяния. Не говоря уж о том, что войны и битвы нам кажутся ужасными, а для бога и в них нет ничего ужасного: бог все обращает на благо гармонии Целого и промышлен в пользу, о чем говорит и Гераклит: «Для бога все прекрасно и справедливо, люди же одно признали несправедливым, другое — справедливым».

(b) ПСЕВДО-ГИППОКРАТ. О диете, I, 11, 2 (т. I, с. 186, 1 DK): Законы, установленные людьми, никогда не незыблемы, [и о них нельзя сказать], правильны ли они или неправильны. А те, что установлены богами, всегда правильны — и правильные и неправильные: столь велико различие [между ними].

(c) КЛЕАНФ. Гимн к Зевсу, 19:

. . . и недружное [между собой] для тебя дружно.

92 (79 DK)

(а) КЕЛЬС у Оригена, Против Кельса, VI, 12 (т. II, с. 82, 23 К.) [после фр. 90]: Другую [цитату из Гераклита]: «Взрослый муж слывет глупым у бога, как ребенок — у взрослого мужа».

(b) (B 82 и 83 DK) ПЛАТОН. Гиппий Большой, 289 АВ: Послушай, ты что ж, не знаешь, сколь справедливо утверждение Гераклита, что-де [B 82] прекраснейшая из обезьян безобразна в сравнении с человеческим родом и что прекраснейший глиняный горшок безобразен в сравнении с родом девушек, как говорит мудрец Гиппий. . . А если сравнить род девушек с родом богов, то разве не убедишься в том же, в чем [убедился], сравнивая род горшков с родом девушек? Разве прекраснейшая девушка не покажется безобразной? И разве Гераклит, на которого ты ссылаешься, не говорит то же самое, что-де [B 83] мудрейший из людей по сравнению с богом покажется обезьяной и в мудрости, и в красоте, и во всем прочем? Не признать ли нам, Гиппий, что прекраснейшая девушка безобразна по сравнению с родом богов?

(b¹) ПЛОТИН, VI, 3 [44], 11, 22 Н.—S.: И то, что считается прекрасным, по сравнению с другим может показаться безобразным, как, например, красота людей по сравнению с красотой богов. «Прекраснейшая из обезьян, — говорит [Платон], — безобразна в сравнении с другим родом».

(с) ЕВСЕВИЙ. О Богоявлении, I, 73 (GCS, ЕВСЕВИЙ, т. III, 2, с. 74, 5 Gressmann): Der aber noch kindliche Verstand in den Menschen ist gleichsam in prüfender Vergleichung mit den körperlosen, göttlichen und vernünftigen (Wesen) im Himmel mit Recht ganz und gar kindlich genannt worden. Und selbst wenn es der Weiseste ist von allen Menschen und selbst wenn es der Vollkommenste ist von denen auf Erden, so ist er nichts besser als ein Kind, wenn er an sich selber mit seiner (späteren) Vollkommenheit verglichen wird (пер. с сир. Грессманна).

(d) (B 70 DK) ЯМВЛИХ. О душе, у Стобея, II, 1, 16 (т. II, с. 6 W.): Насколько лучше Гераклит считал человеческие воззрения «детскими игрушками».

93 (52 DK)

(а) ИППОЛИТ. Опровержение всех ересей, IX, 9, 3—4 (с. 241 W.): О том, что Слово существует вечно. . . он говорит так [следует фр. 1]. . . О том же, что оно дитя. . . и навеки вечный царь всего сущего, он говорит так: «Век — дитя играющее, кости бросающее, дитя на престоле!» [досл. «Эон — ребенок, играющий в песейю», ребенку принадлежит царская власть»] [следует фр. 29].

(b¹) ЛУКИАН. Продажа жизней, 14: Вот почему я рыдаю, [говорит Гераклит], а также потому, что нет ничего постоянного, но все беспорядочно перемешано словно в кикеоне и одно и то же: удовольствие-неудовольствие, знание-незнание, большое-малое, туда-сюда ходящие по кругу и сменяющие друг друга в игре Века (Эона).

— П о к у п а т е л ь: А что такое «Век»?

— Г е р а к л и т: Дитя играющее, кости бросающее, то выигрывающее, то проигрывающее.

(b²) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Наставник, I, 21, 4 (т. I, с. 103 St.): Радуется дух чад во Христе, живущих в терпении, и такова Божественная игра. (22,1) В такого рода игру играет, по словам Гераклита, его Зевс.

Ср.: ПЛУТАРХ. О Дельфийском Е, 393 Е: А не то [бог] окажется хуже гомеровского ребенка, играющего на песке, собирая его и снова разбрасывая. Вот в такую игру

[бог окажется] вечно играющим во Вселенной: слепил космос, которого не было, а потом снова разрушил.

ФИЛОН АЛЕКС. О вечности мира, 42 (VI, с. 86 Sohn): Если же [космос каждый раз] одинаков, то старания Творца тщетны и он ничем совершенно не отличается от несмышленных детей, которые, часто резвясь на морском берегу, воздвигают холмики из песка, а потом снова уничтожают, отбрасывая [песок] руками.

(b³) ПРОКЛ. Комм. к «Тимею», I (с. 334, 1 Diehl): Другие, как, например, Гераклит, утверждали, что Демиург играет во время творения космоса. Ср.: Комм. к «Государству», I, с. 127, 6.

(с) ФИЛОН АЛЕКС. О жизни Моисея, I, 31 (т. IV, с. 127 С.): Нет ничего непостоянней судьбы (Тюхэ), которая, словно при игре в пессейю, оборачивает человеческую жизнь, [словно игральную кость], противоположной стороной [букв. «вверх дном»]. Ср. фр. 33 e². Ср.: ГРИГОРИЙ НАЗИАНЗИН. Стихотворения, II, разд. 1, № 85, 11 (PG, т. 37, с. 1432 А.):

Время (Хронос) катит все, подобно пашкам в пессейе. . .

(d) ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 3: Удалившись в святилище Артемиды, [Гераклит] играл с детьми в кости (астргалы), а обступившим его эфесцам сказал: «Что удивляетесь, негодяи? Не лучше ли заниматься этим, чем с вами участвовать в государственных делах?».

94 (119 DK)

(a) СТОБЕЙ, IV, 40, 23 (V, с. 925 Н.): Гераклит сказал, что «личность — божество человека» [собств. «этос человека — его даймон»].

(b) ПЛУТАРХ. Платоновские вопросы, 999 DE [по поводу «Теэтета», 150 С, 151 С]: Назвал ли он свою собственную природу богом как в большей мере наделенную способностью суждения или более гениальную, подобно Менандру, сказавшему: «Ум наш — бог наш», — и Гераклиту, сказавшему: «Личность — божество человека», — или же и впрямь некое божество и некий даймонион подсказал Сократу этот род философствования, которым он испытывал остальных, избавляя их от спеси и т. д.?

(с) АЛЕКСАНДР АФРОД. О роке, 6 (с. 170, 16 Bruns)=О душе, 2 (с. 185, 21 Bruns): Точно так же и в случае с душой оказывается, что различные склонности, деятельность и образ жизни каждого индивида обусловлены его естественным складом. «Этос — божество человека», — сказал Гераклит, т. е. «натура». В самом деле, в большинстве случаев наблюдается зависимость деятельности, жизненных судеб и их развязок от естественного склада и расположений [индивида].

(d) ПСЕВДО-ГЕРАКЛИТ. Письма, IX (с. 351, 54 Tarán): Кто подчинится твоим законам, Гермодор, те станут лучше, не переживай! Провидит это моя личность, которая для каждого — его божество. Ср. VIII (с. 346, 14 Т.): Люди сетуют на богов за то, что те не обогащают их, но не негодуют на собственный безрассудный нрав [=этос].

(e¹) ПСЕВДО-ЭПИХАРМ, фр. 17:

Характер (τρόπος) для одних людей добрый гений, для других — злой.

(e²) МЕНАНДР. Трегейский суд, 738:

Характер — наш бог,
И он виновник того, что один преуспевает,
А другой нет.

(e³) МЕНАНДР, фр. 762 Kock=фр. 749 Körte:

В каждом из нас бог — наш ум.

(f) КАЛКИДИЙ. Комм. к «Тимею», гл. 168 (с. 198 Waszink): Должно быть, достаточно хороших наставников и тех задатков [=этос], которые достались каждому из нас в качестве его [личного] божества (πιστεῖν=δαίμων).

(g) ДЕМОКРИТ, фр. В 171=780 Лурье: Счастье [эвдемония — собств. «обладание добрым демоном»] не в стадах и не в золоте: душа — обиталище божества [счастья].

95 (29 DK)

(a) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, V, 59, 4 (т. II, с. 366 St.): Ионийские Музы [=Гераклит; ср.: ПЛАТОН. Софист 242 D] дословно говорят, что большинство людей, т. е. мнимомудрые. . . [следует фр. 101 (b)] а лучшие (οἱ ἀριστοὶ) преследуют славу: по его словам, «лучшие люди одно предпочитают всему: вечную славу — бранным вещам, а большинство обжирается как скотья», измерив счастье чревом, срамными членами и самым безобразным из того, что в нас есть [ср.: ДЕМОСФЕН. О венке, 296; ПЛУТАРХ. Об удаче, 97 D].

(a¹) Там же, IV, 50, 2 (т. II, с. 271 St.): Поэтому Гераклит «предпочитал одно всему — славу», а большинству уступал возможность «обожраться как скотам».

(b) АНОНИМ у Ямвлиха, Протрептик, гл. 20, с. 99, 24 Pist.=DK 89, 5, 2 (т. II, с. 402, 18).

96 (24 DK)

(a) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, IV, 16, 1 (т. II, с. 255 St.): Затем Гераклит говорит: «Убитых Аресом боги чтут и люди», — и Платон в пятой книге «Государства» пишет [468 E]: «Всякого, кто погибнет в походе славной смертью, разве не причислим первым к золотому роду?»

(a¹) ФЕОДОРИТ. Лечение эллинских недугов, VIII, 39: Убитых на войне Гераклит считает достойными всяческих почестей. «Убитых Аресом, — говорит он, — боги чтут и люди».

(b¹) (В 136) Схолии к Арриану, Беседы Эпиктета, IV, 7, 27 (с. 422 Schenkl): Изречение Гераклита:

Души, павшие в бою, чище тех, что в болезнях.

(b²) Халдейский оракул, 159 des Places:

. . . ибо силой покинувших тело

Души чище людей . . .

97 (25 DK)

(a) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, IV, 49, 2 (т. II, с. 270): Ту же мысль затрагивает и Эсхил [фр. 315 Nauck²=625 Mette]: «Потрудившемуся от богов / Причитается плод труда — слава», ибо, согласно Гераклиту, «чем доблестней смерть, тем лучше удел выпадает на долю [умерших]».

(a¹) ФЕОДОРИТ. Лечение эллинских недугов, VIII, 39 [после фр. 96]: А также, [говорит Гераклит], «одним лишь более великим выпадает на долю лучший удел».

(41) Стало быть, согласно Гераклиту, следует почитать не всех павших в бою, а лишь тех, кто с радостью принял смерть за благочестие. Ибо только они, по Гераклиту, и

впрямь «одни лишь более великие». Почему и изведывают «лучший удел»; и ныне им почет от всех людей, и вечные венцы их ожидают [следует фр. 74].

(b) ИППОЛИТ. Опровержение всех ересей, V, 8, 42 (с. 96 Wendl.): Это говорит он [=наассенини] как раз то, о чем говорят посвященные в Великие элевсинские мистерии. Согласно установлению, те, кто уже посвящен в Малые, потом посвящаются в Великие, ибо «чем доблестней смерть, тем лучший удел выпадает на долю». Там же. V, 8, 44 (с. 97 W.): Это, говорит он, Малые мистерии плотского рождения; после посвящения в них люди должны немного переждать и посвящаться в Великие, Небесные. Ибо кому выпадает тамошняя смерть, говорит он, «тем выпадает на долю лучший удел».

Ср.: ПЛАТОН. Кратил, 398 b: Если кто-то умрет доблестным, получает великий удел и великую честь и становится демоном [божеством].

98 (49 DK)

(0) Один мне — тьма, если он наилучший.

(a) ФЕОДОР ПРОДРОМ. Послания, I (PG, т. 133, с. 1240 A): Если один для Гераклита — тьма, коль наилучший он, то и одна ласточка стоит тьмы, если удел ее наилучший.

(a¹) Четверостишия на Василия Великого, I (л. К 2*, Базель, 1536)

Гордится Эллада тьмой [прославленных] потомков,
Гордится Понт одним лишь Василием,
И пускает Элладу ко дну [=побеждает] доблестью,
Ибо один, по Гераклиту, стоит тьмы.

(b) ГАЛЕН. О распознавании пульса, т. VIII, с. 773 К.: Это учение нуждается не в изнеженных, а в достаточно напряженных [=сосредоточенных] и благосклонных слушателях. Но среди нынешних таких совсем немного. Однако, по Гераклиту, «один мне — тьма», и я бы с большим удовольствием учил этого одного, нежели тьму, которая стоит, а верней, не стоит и одного.

(c) АВРЕЛИЙ СИММАХ. Послания, IX, 115 (Monumenta Germaniae Historica, Auct. ant., VI, 1, p. 267, 3 Seec): Согласно Гераклиту-физику, который считает верхом похвалы заслужить одобрение одного, если он наилучший.

(d¹) ЦИЦЕРОН. Письма к Аттику, XVI, 11, 1: Прочитай мою речь к Сексту и напиши, что ты о ней думаешь: один мне — тьма.

(d²) Там же, II, 5, 1: . . . Наш Катон, который для меня один стоит ста тысяч. Ср.: КАТУЛЛ, 9, 1.

(d³) ЦИЦЕРОН. Брут, 191: . . . Платон для меня один стоит ста тысяч.

(e) Греческая антология, VII, 128=Диоген Лаэртий, IX, 16:

Я — Гераклит, что таскает меня туда-сюда, невежды?
Не для вас я старался, а для тех, кто меня понимает.
Один для меня — трижды тьма, а бесчисленные —
Нуль. Об этом я твержу и у Персефоны.

(e¹) ОЛИМПИОДОР. Комм. к «Горгию» Платона, 20, 7 (с. 103, 16 Norvin=с. 114 Westerink): Так говорил и Гераклит: «Один для меня стоит множества, и я говорю об этом даже у Персефоны».

(e²) НИКИФОР ХУМН. Послания, 44 (Boissonade. Anecdota nova. Parisiis, 1844, p. 57): Я думаю, что к твоему посланию применима поговорка: «Один вместо множества».

(f) СЕНЕКА. Письма, 7, 10: Демокрит говорит: «Один для меня стоит тьмы, и тьма — одного» [В 302a=727 Лурье]. Ср.: ИОАНН ЗЛАТОУСТ, II, с. 857 Matth.: Один слушатель из вас перевешивает целый город. ПЛАТОН. Горгий, 490 a: По твоему утверждению, один умный часто лучше тьмы дураков, и вот он-то и должен владеть, а они подчиняться. СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, VII, 329: . . . Один умный лучше множества дураков. . . умный редок, а дураков полно. Там же, VII, 334: Если, согласно предположению, это говорил только один из них, утверждение его имело бы равную силу с утверждением всех. ОН ЖЕ. Пирроновы положения, II, 43: Прежде всего истина редка, и поэтому один может быть умнее большинства. ДЕМОКРИТ, В 98=660 Лурье: Дружба одного умного лучше дружбы всех дураков. ЕВРИПИД, фр. 584 N. 2: Один справедливый пересиливает тьму несправедливых.

СОСИФЕЙ-ТРАГИК, фр. 1 (с. 821 Nauck²):

Один орел вспугнет-разгонит тьму пичуг,
Отважный муж рассеет толпы трусов.

КЛЕАНФ, фр. 100 Pearson (SVF I № 559) у Климента Алекс. Строматы, V, 17, 6 (т. II, с. 337 St.):

Нет пониманья у черни, суждения нет о прекрасном
Иль справедливом, отнюдь! Сей дар ты найдешь у немногих.

(g) (В 69 DK) ЯМВЛИХ. О мистериях, V, 15 (с. 219, 12 Parthey=c. 170 des Places): Я полагаю, есть два вида жертвоприношений: одни — от совершенно очистившихся людей, такие жертвоприношения совершаются очень редко, одним, как говорит Гераклит, или немногими людьми, которых легко пересчитать, а другие — материальные, телесные и т. д.

99 (20 DK)

(а) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, III, 14, 1 (т. II, с. 201 St.): По-видимому, Гераклит хулит рождение, говоря: «Рожденные жить, они обречены на смерть, (а точнее, на упокоение), да еще оставляют детей, чтобы родилась [новая] смерть». (2) С ним явно сходится и Эмпедокл, говорящий [следует фр. 31 В 118, 125, 124 DK].

100 (39 DK)

(а) ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, I, 88: Как уже сказано выше [I, 84], о Бианте упоминает и Гиппонакт, а брюзга Гераклит удостоил его величайшей похвалы, написав «В Приене родился Биант, сын Тевтамов, который в большем почете, чем остальные». И приенцы посвятили ему капище, нарекаемое «Тевтамовым». Он изрек: «Большинство людей плохи».

101 (104 DK)

(а) ПРОКЛ. Комм. к «Алквиаду I» (с. 255, 15 Creuzer=c. 117, Westerink): И возрев на Универсум, следует признать, что то, что в нем ближе всего к природе Единого, обладает умом и сознанием, а все индивидуальное, различное и беспорядочное, непричастно истинному знанию и науке. Стало быть, и славный Гераклит справедливо поносит чернь [собств. «множество»] как безмозглую и безрассудную. «В своем ли они уме? В здравом ли рассудке? Они дуреют от песен деревенской черни и берут в учителя толпу, того не ведая, что многие — дурны, немногие — хороши».

(b) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, V, 59, 4 (т. II, с. 366 St.): Ионийские Музы [=Гераклит] дословно говорят, что большинство, т. е. мнимомудрые, «следуют певцам деревенской черни и поют мелодии (номосы) <толпы>, того <не> ведая, что многие — дурны, немногие — хороши» [следует фр. 95].

102 (43 DK)

(a) ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 2 [после фр. 30]: Гераклит говорил также: Своеволие (ὑβρις) надо гасить пуще пожара [следует фр. 103].

103 (44 DK)

(a) ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 2 [после фр. 102]: . . . А также: «Народ должен сражаться за попираемый закон, как за стену [города]» [следует фр. 105].

104 (33 DK)

(a) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, V, 115, 2 (т. II, с. 404 St.) [после фр. 84]: А также [Гераклит говорит]: «Закон именно в том, чтобы повиноваться воле одного». [=ЕВСЕВИЙ. Приготовление к Евангелию, XIII, 13, 42 (т. II, с. 245 Mgas)] [следует фр. 2].

105 (121 DK)

(a) (A 3 a DK) СТРАБОН, XIV, 1, 25 (с. 642 Cas.): В Эфесе родились достопримечательные мужи: из древних — Гераклит по прозвищу «Темный» и Гермодор, о котором он говорит: «Эфесцы заслуживают того, чтобы их перевешали всех поголовно за то, что изгнали они Гермодора, мужа из них наилучшего, сказавши: „Среди нас никто да не будет наилучшим! А не то быть ему на чужбине и с другими!“». Полагают, что он составил для римлян какие-то законы.

(b) ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 2 [после фр. 103]: Нападает [Гераклит] и на эфесцев за то, что они изгнали его друга Гермодора, в следующих словах: «Эфесцы заслуживают того, чтобы их казнили всех поголовно, а город оставили на безусых юнцов за то, что они изгнали Гермодора, <мужа> из них наилучшего, со словами: „Среди нас никто да не будет наилучшим, а коли есть такой, быть ему на чужбине и с другими!“». Когда же они просили его дать им законы, он пренебрег их просьбой, сославшись на то, что город уже во власти дурного государственного устройства [т. е. демократии].

(c¹) ЦИЦЕРОН. Тускуланские беседы, V, 105: Гераклит-физик говорит о верховном правителе (принсепс) эфесцев Гермодоре: «Все эфесцы заслуживают смертной казни за то, что, изгнав из государства Гермодора, сказали так: „Никто из нас да не выдается над другими, а коли есть такой, быть ему в другом месте и среди других“». Разве так не бывает во всяком народе? Разве всякое превосходство в доблести не вызывало ненависти? Что? Аристид (я предпочитаю воспользоваться греческим примером) не потому разве был изгнан из отечества, что был чрезмерно справедлив?

(c²) МУСОНИЙ РУФ, фр. 9 (с. 47 Hense) [из трактата «О том, что изгнание не есть зло»]: . . . И что многие добродетельные мужи были изгнаны своими согражданами, например Аристид Справедливый из Афин, а из Эфеса Гермодор, по поводу изгнания которого Гераклит советовал «перевешать всех взрослых эфесцев».

(d) ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 172 (с. 97 Deubner): И все [законодатели, учившиеся у Пифагора], удостоились от своих сограждан божественных почестей. (173) Ибо они законодательствовали не так, как Гераклит, который в ответ на просьбу

составить эфесцам законы, велел перевешать всех взрослых граждан, а с большим пониманием и знанием политической науки.

(е) ПСЕВДО-ДИОГЕН. Письма, 28, 6 (с. 243 Hercher): . . . Поверив мудрому Соократу и мне, собравшись всем скопом, либо научитесь самоограничению, либо **удавитесь**. .

(f) ЛУКИАН. Продажа жизней, 14: Гераклит: А чтоб вам всем поголовно было пусто! .

(g) ПСЕВДО-ГЕРАКЛИТ. Письма, IX (с. 350, 3 Tagán): Эфесцы изгоняют Гермодора — наилучшего из мужей. ОН ЖЕ. Письма, III (с. 312, 3 Tagán): Вы же изгнали из отечества Гермодора, наилучшего не только из вас, но и из всех ионийцев.

106 (125a DK)

(а) ИОАНН ЦЕЦ. Комм. к «Плутосу» Аристофана, 91 а (с. 31 Massa): Он выводит Богатство слепым. . . видя в нем причину не добродетели, но порока. Поэтому и Гераклит Эфесский желает эфесцам богатства не в порядке доброго пожелания, а как проклятье. «Да не иссякнет у вас богатство, эфесцы, — сказал он, — чтобы вы изоблачились в своей порочности!»

(b) ПСЕВДО-ГЕРАКЛИТ. Письма, VIII (с. 346, 23 Tagán): Бог наказывает подлецов не тем, что отнимает у них богатство, а тем, что умножает его, чтобы у них было на что грешить, изоблачая тем самым самих себя, и чтобы от избытка они выставляли на показ собственную порочность. Пусть не покинет вас удача, чтобы вы позорились в своих подлостях!

(с) Схолии Т к «Илиаде», X, 149: Препирались как-то эфесцы из-за денег. Гераклит взял слово в народном собрании [следует фр. 31 d].

107 (124 DK)

(а) ТЕОФРАСТ. Метафизика, 15 (с. 16 Ross—Fobes): Даже сами они [=те, кто принимает одни только материальные начала] почли бы абсурдным, что вся Вселенная и все ее отдельные части наделены порядком, разумом, определенными формами, потенциями и периодичностью, а в [самых] началах нет ничего подобного, но «**прекраснейший космос** [~ украшение], как говорит Гераклит, — словно слиток, отлитый как попало».

108 (A 19 + A 18 DK)

(а) ИОАНН ЛИДИЙСКИЙ. О месяцах, III, 14:

О том, что тридцать — естественнейшее число. Ибо что в единицах тройка, то в десятках тридцатка, поскольку и цикл месяца * * * состоит из четырех следующих за единицей квадратов: 1, 4, 9, 16. Поэтому Гераклит не впусую называет месяц «поколением».

ФИЛОН АЛЕКС. Вопросы к «Книге Бытия», II, 5 (англ. пер. с древнеарм. Р. Маркуса): Moreover thirty is a very natural (number). For as the triad is to unity, so thirty is to the decad, so that the period of the moon is full-orbed by collections of months. Second, it consists of the following four squares in succession from unity: 1, 4, 9, 16, which (added together) make thirty. Wherefore not idly or inappropriately did Heracleitus call this a generation, saying:

(А 19 DK) ФИЛОН АЛЕКС., фр. 1, изд. I. Rendel Harris, Кембридж, 1886, с. 20. На тридцатом году человек может стать дедом: половой зрелости он достигает в возрасте четырнадцати лет, когда он осеменяет, а посеянное им, родившись в течение года, снова на пятнадцатом году рождает себе подобное.

«From a man thirty years old there can come a grandfather, for he attains manhood in his fourteenth year, when he is able to sow seed, and the (child) sown within] a year comes into being and similarly after fifteen years begets one like himself».

And from these names of grandfathers, fathers, begotten sons... there comes about a complete generation.

(b¹) (А 19 DK) ПЛУТАРХ. Об упрядке оракулов, 415 E: Те, кто читает [во фрагменте Гесиода, фр. 304 Merkelbach—West] «достигших зрелости» [мужей], определяют поколение в тридцать лет согласно Гераклиту; это то время, за которое родивший являет рожденного из себя рождающим.

(b²) (А 19 DK) ЦЕНЗОРИН. О дне рождения, 17, 2 (SVF, I, № 133): Век (saeculum) есть самый продолжительный срок человеческой жизни, ограниченный рождением и смертью. Поэтому те, кто полагал век [продолжительность] в тридцать лет, очевидно, допустили серьезную ошибку. Этот период времени Гераклит назвал γενεά [«поколение»], поскольку в нем заключен «круг жизни». Кругом жизни он называет период времени, за который человеческая природа возвращается от посева к посеву.

(с) (А 18 DK) Мнения философов (Псевдо-Плутарх), V, 23 («Когда человек достигает зрелости?»): Гераклит и стоики полагают, что люди достигают зрелости во вторую седмицу, когда начинает выделяться семенная жидкость. Ведь и деревья достигают зрелости тогда, когда начинают производить семена, а до тех пор они несовершенны, незрелы и бесплодны. Стало быть, в это время человек становится зрелым. Аристотель же полагает, что в первую седмицу, когда возникает понятие хорошего и плохого и когда начинается учение. Ср.: СОЛОН, фр. 19, 3 Diehl=27, 3 West:

Когда же бог исполнит вторые семь лет,
Он являет знаки зрелости... .

АРИСТОТЕЛЬ. История животных, 581 a 12: мужчина начинает производить семя по большей части по истечении четырнадцати лет. Ср.: E 14. 544 b 25. ИППОЛИТ. Опровержение всех ересей, V, 7, 21 (с. 83, 16 Wendl.): Это учение не Христа, а Гиппократа, который говорит: «Семилетний ребенок — половина отца». Поэтому они [наасеянне], полагая первобытную природу всего в первобытном семени, поскольку они слышали слова Гиппократа о том, что семилетний ребенок — половина отца, утверждают, что оно обнаруживается, согласно Фоме, в четырнадцать лет. Ср.: Там же, V, 7, 20 (с. 83, 14 W.): Ищущий меня найдет меня в детях, начиная с семилетнего возраста: там я обнаружу себя, скрываясь в четырнадцатилетнем возрасте [букв. «веке», эон].

109 (87 DK)

(a¹) ПЛУТАРХ. Об умении слушать, 40 F—41 A: Небрежные и дерзкие получают меньше пользы от говорящих, а впечатлительные и наивные — больше вреда, лишний раз подтверждая слова Гераклита: «Дурак любит восторгаться любой речью (λόγος)».

(a²) ПЛУТАРХ. Как слушать поэтов, 28D: Тот, кто будет сопротивляться таким образом, не поддаваясь всякому слову, будто дуновению, и признавая истинность изречения «дурак. речью» тот отразит много лживых и вредных рассказней. Эти предосторожности сделают слушание поэтов безвредным.

110 (B 95 + B 109 DK)

(a¹) ПЛУТАРХ. Можно ли научить добродетели, 439 D: Неуч не возьмется ни за ткацкий станок, ни за книгу, ни за лиру, хотя вреда ему большого и не будет, а стыдно, что осмеют. «Невежество, — говорит Гераклит, — лучше прятать».

(a²) ПЛУТАРХ. Об умении слушать, 43 D: А быть может, невежество лучше не прятать, как говорит Гераклит, а выставлять напоказ и избавляться от него.

(a³) ПЛУТАРХ. Застольные вопросы, III, 1, 644 EF: Поэт (Симонид. . . заметив на какой-то пирушке чужеземца, который возлежал молча и ни с кем не разговаривал, сказал: «Эй, дружище! Коли ты глуп, поступаешь умно, коль умен — глупо». Ибо «невежество, как говорит Гераклит, лучше прятать», но это трудно во время развлечения и за вином. . . поэтому Платон полагает, что нравы большинства обнаруживаются за вином, как нигде [ср.: Законы, 649 d].

(a⁴) ПЛУТАРХ. О том, что и женщину тоже следует воспитывать, фр. 22, 1 (фр. 129 Sandbach) у Стобея, III, 18, 31 (т. III, с. 521 Н.): Невежество, как говорит Гераклит, и так трудно прятать, а за вином еще труднее. И Платон говорит, что вино обнаруживает нравы.

(b) (B 109) СТОБЕЙ, III, 1, 175 (т. III, с. 129 Н.) [после фр. 83]: Изречение Гераклита: «Невежество лучше прятать, чем выставлять напоказ».

111 (122 DK)

(a) СУДА, под словом ἀμφισβασίην: Гераклит употребляет [форму] ἀρχιβασίη — спор, прение.

Dubia et spuria¹

112 (115 DK)

(a) СТОБЕЙ, III, 1, 180^a (т. III, с. 130 Н.) [после фр. 23]: Изречение Сократа: «Душе присуща самовозрастающая мера (λόγος)».

113 (47 DK)

(a) ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 73 [после фр. 31 B 2, 7 и B 5]: И даже Гераклит [был скептиком]: «Не будем наобум гадать о величайшем».

114 (46 DK)

(a) ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 7 [после фр. 67]: «Воображение» [или «самомяние»] Гераклит называл падучей [= сумасшествием] и говорил, что зрение лжет [ср. фр. 13 с].

(b) Ватиканский гномологий 753, № 294=Мюнхенская Антология, № 195 Meineke: Философ Эпикур называл самомяние «падучей».

(c) ФИЛОН. О частных законах, I, 10 (т. V, с. 3 Cohn): Познавать самого себя

¹ Фр. 118 — 118 bis и, возможно, 113—114 — подлинные

и избавить душу от тяжелой болезни — самомнения. Ср.: КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, VII, 98, 5 (т. III, с. 69 St.): Тройкое лечение самомнения, как и всякой страсти.

(d¹) (В 131 DK) Парижский гномологий, № 209: Гераклит говорил, что самомнение — помеха успеху.

(d²) Мюнхенская антология, № 199 Meineke: Гераклит сказал: самомнение — помеха успеху.

(d³) МАКСИМ ИСПОВЕДНИК. Гомилии, 34, с. 624 (PG, т. 91, с. 897 A) [=Парижский кодекс 1168, № 66]: Гераклит-физик говорил, что самомнение — помеха успеху.

(d⁴) ФИЛОН АЛЕКС. у Иоанна Дамаскина, Sacra parall. 693 E: Самомнение, по слову древних, есть помеха успеху.

(d⁵) ИСИДОР ИЗ ПЕЛУСИЯ. Письма, IV, 6 (т. 78, с. 1053 C): Самомнение есть помеха успеху. Поэтому следует избавиться от надменности и спеси.

(d⁶) ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IV, 50: [Бион Борисфенский] называл самомнение помехой успеху. Ср.: СТОБЕЙ, III, 4, 87 (т. III, с. 239 Н.): Бион на вопрос, что есть глупость, ответил: препятствие успеху. МАКСИМ ИСПОВЕДНИК. Гомилии, 34

(PG, т. 91, с. 983 D): Тщеславие — великое препятствие для людей на пути к добродетели. ПЛУТАРХ. Как можно осознать собственное преуспеяние в добродетели,

76. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VII, 23 [=SVF, I, № 71]: [Зенон] говорил, что нет ничего более чуждого для постижения наук, чем самомнение. ЭПИКТЕТ, II, 17, 1; 39;

III, 14, 8—9; фр. X, 3 Schenkl; ЦИЦЕРОН. Учения академиков, I, 42; Тускуланские беседы, IV, 26.

115 (67 а DK)

(а) ГИСДОС СХОЛАСТИК. О душе мира у Платона (Комм. к Калкидию, Комм. к «Тимею» Платона 34 В), Парижский лат. кодекс 8624 (XII—XIII в.), л. 17^v, 18: Одни утверждают, что центр мира — Солнце, которое они считают сердцем всего мира. Подобно тому, говорят они, как душа человека имеет местопребывание и жилище в сердце, откуда она распространяет свои силы по всем членам тела, оживляя их, так и жизненное тепло, исходящее от Солнца, дает жизнь всем живым существам. Разделяя это воззрение, Гераклит дает прекрасное сравнение, уподобляя душу пауку, а тело — паутине. Подобно тому как паук, говорит он, стоя в середине паутины, чувствует, как только муха порвет какую-либо его нить, и быстро бежит туда, как бы испытывая боль от порыва нити, так и душа человека в случае повреждения какой-либо части тела, торопливо несется туда, словно не вынося повреждения тела, с которым она прочно и соразмерно соединена.

Ср.: ХРИСИПП. О душе, у Калкидия, Комм. к «Тимею» Платона, гл. 220 (с. 233, 17 Wasz.): Из всех смертных существ один только человек наделен руководящим началом сознания, т. е. разумом, как говорит тот же Хрисипп: подобно тому как паук в середине паутины держит ножками кончики всех нитей, чтобы сразу же почувствовать, как только какое-нибудь насекомое ворвется с какой бы то ни было стороны, так и руководящее начало души, помещенное в центральной области сердца, держит кончики ощущений, чтобы сразу же распознать, как только они что-нибудь просигнализируют.

СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, VII, 349: .Одни помещают сознание вне тела, как, например, Энесидем, следуя Гераклиту, а другие — во всем теле, как не-

которые, следуя Демокриту. (350). Другие отождествляют его с ощущениями и полагают, что оно выглядывает из органов чувств, словно из окошек; эта точка зрения пошла от Стратона-физика и Энесидема.

ТЕРТУЛЛИАН. О душе, 15, 5; 14, 5=Стратон, фр. 108 Wehrli: .Нельзя согласиться и с Гераклитом, согласно которому сознание [«руководящее начало»] возбуждается извне. Этот пример [=гидравлическое орудие Архимеда] близок к учению Стратона, Энесидема и Гераклита. Они также отстаивают единство души, которая разлита по всему телу — везде одна и та же — и выглядывает через поры органов чувств (sensalia), словно воздух через дырочки трубки, не столько расчлененная, сколько распределенная.

КАЛКИДИЙ. Комм. к «Тимею» Платона, гл. 237 (с. 249, 11 Wasz.): Гераклит говорит, что внутреннее движение, т. е. устремление (intentio) души или внимание, протягивается через отверстия глаз и таким образом касается и осязывает зрительные объекты.

116 (A 16 DK)

(а) (A 16 DK) СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, VII, 126: Гераклит, полагавший, что человек снабжен двумя орудиями познания истины: ощущением и разумом, ощущение, подобно упомянутым выше физикам, считал недостоверным, а разум (логос) признавал критерием [истины]. Изобличая чувственное восприятие, он говорит дословно следующее [следует фр. 13=В 107], что равнозначно утверждению: «Варварским душам свойственно верить иррациональным ощущениям». (127) Разум (логос) же он полагает критерием истины не всякий, но общий и божественный. Покажем вкратце, что он собой представляет. Наш физик полагает, что объемлющее нас разумно (λογιζόν) и обладает сознанием. (128) Задолго до него ту же мысль выразил Гомер в следующих стихах [Од., XVIII, 136—137]:

То на уме (νόος) у наземных человеков,
Что ежедневно наводит Отец богов и людей.

Архилох [фр. 68 D.] тоже говорит, что люди думают то, «что ежедневно наводит Зевс». И у Еврипида [Троянки, 885] сказано то же самое:

Кем бы ты ни был, непостижимый |
Зевс, необходимостью ли природы или умом смертных,
Я молю тебя. . .

(129) Так вот, втянув в себя этот божественный разум вместе с дыханием, мы, по Гераклиту, становимся разумными; во сне мы впадаем в беспамятство, а по пробуждении снова приходим в сознание. Дело в том, что во сне закрываются сенсорные каналы (поры), в результате чего заключенный в нас ум (νόος) обособливается и лишается сращенности (συμφύια) с Объемлющим; единственная приращенность [к Объемлющему], как бы в виде некоего корня, сохраняется через дыхание. Обособившись, он утрачивает способность памяти, которой обладал прежде. (130) По пробуждении же, высунувшись через сенсорные каналы, словно через некие окошки, он снова вступает в контакт с объемлющим и приобретает рациональную способность. Подобно тому как угли, если их поднести поближе к огню, в результате качественного изменения становятся раскаленными, а если поместить отдельно, гаснут, так и поселившаяся в наших телах доля объемлющего в результате обособления становится почти совершенно неразумной [собств. «лишенной логоса»], а в результате сращения через множество пор асси-

милируется Целому. (131) Этот-то общий и божественный разум (логос), благодаря причастности которому мы становимся разумными, Гераклит и полагает критерием истины. Поэтому то, что является всем сообща, достоверно, поскольку оно постигается общим и божественным разумом, а то, что воспринимается кем-то одним, недостоверно по противоположной причине [далее см. фр. 1 а].

(а¹) Там же, VIII, 286: Гераклит ясно говорит, что человек неразумен [лишен логоса] и что сознанием обладает только Объемлющее.

Ср.: АПОЛЛОНИЙ ТИАНСКИЙ. Письма, 18 Hercher: Гераклит-физик говорил, что человек по природе неразумен. СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, VII, 349: Одни помещают сознание вне тела, как, например, Энесидем, следуя Гераклиту. ТЕРТУЛЛИАН. О душе, 15, 5; ср. фр. 115 выше.

(б) СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, X, 233: Сущее, по Гераклиту, есть воздух, как говорит Энесидем. Там же, IX, 360: Анаксимен же, Идей из Гимеры, Диоген из Аполлонии и Архелай Афинский, учитель Сократа, а согласно некоторым, и Гераклит [полагали всеобщим началом и элементом] воздух. Гиппас же из Метапонта и, согласно некоторым, Гераклит — огонь.

ТЕРТУЛЛИАН. О душе, 9, 5: Но отсюда не следует, что воздух — сама субстанция души, хотя так и полагали Энесидем и Анаксимен, а согласно некоторым, и Гераклит. . .

(с) (A 20 DK) КАЛКИДИЙ. Комм. к «Тимею» Платона, гл. 251 (с. 260, 20 Wasz.): Гераклит, с которым согласны стоики, связывает наш разум ($\text{ratio} = \lambda\delta\gamma\omicron\varsigma$) с божественным разумом, признавая, что правит и руководит мировой разум: вследствие нераздельного сопровождения [=«контакта с Объемлющим?»], осознав разумное решение [$\text{decreti rationabilis} = \gamma\upsilon\beta\omega\mu\eta$ = Провидение?], во время сна благодаря ощущениям возвещает будущее; вот почему [во сне] являются изображения неизвестных мест и призраки людей, как живых, так и мертвых. Он также одобряет практику гадания и полагает, что достойные [избранники] предупреждаются [о будущем] по наущению божественных сил.

117

(а) ОЛИМПИОДОР. Комм. к «Федону» Платона, A 10, 2 (с. 57, 27 Norvin): Третье мнение гласит, что необразованная душа гибнет сразу же по выходе из тела, а образованная, закаленная добродетелями выдерживает экипирозу Вселенной: этого мнения среди прочих держался Гераклит.

Ср.: Мнения философов, IV, 7, 3: Стоики полагают, что, выходя из тела, [душа] гибнет не сразу * * * более слабая [сохраняется] ненадолго. . . — это душа необразованных, а более сильная, как, например, у мудрых, [сохраняется] вплоть до экипирозы.

ФЕОДОРИТ. Лечение эллинских недугов, V, 23: Стоики утверждали, что, отделяясь от тел, души сохраняются и живут сами по себе, но только более слабая ненадолго, а более сильная — вплоть до экипирозы Вселенной.

ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VII, 157 [=SVF, т. I, № 522=т. II, № 811]: Клеанф полагал, что все души сохраняются вплоть до экипирозы, Хрисипп — что только души мудрых.

118 (126 а DK)

а) АНАТОЛИЙ. О декаде, с. 36 Heiberg: Медведица семизвездная. Гераклит: «Сообразно с числом времен года <год> исчисляется седмицами по луне, а делится по Медведицам, знакам бессмертной Памяти». Плеяды шестизвездные. . . ЛОРЕНЦО

ВАЛЛА. О том, чего желать и чего избегать, III, 17: Медведица семизвездная. Гераклит соотносит исчисление годового урожая [?] с семью фазами луны. Плеяды: семь звезд.

(b) СУДА, под словом «дышло Колесницы»: . Кроме того, Гераклит называет так три звезды в хвосте Большой Медведицы.

(c) (B 139) Каталог греческих астрологических кодексов, IV, 32 «Гераклита-философа „О началах звезд“»; VII, 106: Гераклита-философа. Поскольку некоторые утверждают, что звезды расположены и т. д.

(d) ГЕОРГИЙ ПАХИМЕР. Квадривий, Астрономия, 14: Некоторые [из пяти планет] часто оказываются в диаметральной позиции по отношению к некоторым другим, а также Солнцу и Луне, но только не [все] сразу. Последователи Гераклита чудословят: быть светопреставлению, если все окажется по диаметру. Потому, мол, они постоянно и отклоняются. Бывает, что и две, и три [планеты] окажутся по диаметру и какое-то время со-обращаются, отчего на Земле, как они говорят, случается ненормальная зима или жара. Так, например, когда огненный Марс находится в соединении с Солнцем, бывают чрезмерная жара, и засуха, и множество других бед от раскаленного воздуха. Когда же Солнцу сопутствует Сатурн, то летние дни становятся прохладными и более умеренными, так что получается позднее лето.

118 bis (0 DK, 0 Mch)

* Оксиринхский папирус 3710 (т. 53, L., 1986), стб. II, 43 сл. (Комм. к «Одиссее», XX, 156) [после цитаты из Аристарха, см. 11 A 17a]: Гераклит: (a) «По мере того, как истекают месяцы, [луна] совершает свои превращения то за большее, то за меньшее число дней, протекших со времени ее появления в одно новолуние <до> следующего [новолуния]». Диодор толковал это так. В конце месяцев луна скрывается, приблизившись к солнцу и попав в солнечные лучи; исчезнув на <некоторое> время, она снова <появляется в новолуние> . . . (стб. III, 2 сл.) <когда луна > находится в промежутке между <ее исчезновением> и <новым появлением> нет никакой видимой фазы [. . .] И опять он [=Гераклит] говорит следующее: (b) «Месяц появляется на третий день и становится видим как полная луна на шестнадцатый день за четырнадцать дней; в течение неполного [месяца] он убывает за 13 дней». И действительно, если бы начав быть видимой 3-го числа на новолуние, она достигла [фазы] полнолуния за 14 дней, то ясно, что 16-го числа она бы еще не была видна как полная луна, ибо когда она теперь впервые появляется в новолуние [=1-го числа], она достигает фазы полнолуния 14-го числа за равное время [=за 14 дней], когда же она впервые появляется 3-го числа, то достигает фазы полнолуния 17-го за 14 дней.

119 (127 DK)

(a¹) АРИСТОКРИТ. Теософия, 69 (с. 184 Erbse) [после фр. 86]: Он [Гераклит] также сказал египтянам: «Если они боги, зачем их оплакиваете? Если же вы их оплакиваете, то они, по-вашему, больше не боги».

(a²) ЕПИФАНИЙ. Якорь, гл. 104, 1 (т. I, с. 124, 17 Holl=GCS, 25): Гераклит говорит египтянам: «Если они боги, почему их оплакиваете?».

(b) КЛИМЕНТ АЛЕКС. Протретики, 24, 3 (т. I, с. 18 St.): Кто-то из них увещевает египтян: «Если признаете богов, не оплакивайте их и не бейте себя в грудь; если же скорбите о них, то тем самым уже не считаете их богами. .». Свидетельства с¹ — е см. 21 A 13.

120 (132 DK)

(а) Ватиканский гномологий 743, № 312 [после фр. 13 b¹]: Он же [Гераклит] сказал: «Почести порабощают богов и людей». Ср.: ГЕСИОД, фр. 272 Rz.=фр. 361 Merk.—West:

Дары убеждают богов, дары — почтенных царей.

Ср.: ПЛАТОН. Государство, 390 E; ЕВРИПИД. Медяя, 964; СУДА, под словом «дары», 1451 Adler; ОВИДИЙ. Искусство любви, III, 653.

121 (133 DK)

(а) Ватиканский гномологий, № 313 Stern. [после фр. 120]: Он же сказал: «Дурные люди — враги истины».

122 (134 DK)

(а) Ватиканский гномологий, № 314 Stern. [после фр. 121]=Мюнхенская антология № 200 Meineke [после фр. 114 d²]=Парижский кодекс 1168, № 67 Schenkl [после фр. 114 d³]: Гераклит говорил, что образование для образованных — второе солнце.

(b¹) ИОАНН ДАМАСКИН. Цветник, II, 13, 80 Meineke: Платон сказал, что образование для людей — второе солнце.

(b²) Voissonade. Anecdota Graeca, т. III, с. 471, 3: Мы говорим, что образование для людей — второе солнце. Ср.: МЕНАНДР. Гномы, 180 Jäkel:

Кто образован, тем дано два зрения.

123 (135 DK)

Ватиканский гномологий, № 135 Stern. [после фр. 122]=Парижский кодекс 1168, № 68 Schenkl [после фр. 122]=МАКСИМ ИСПОВЕДНИК. Гомилии, 46, с. 646 (PG, т. 91, с. 937 C)=Ватиканский кодекс греч. 1144 л. 228^v: Он же [=Гераклит] говорил, что кратчайший путь к славе — стать добрым. Ср.: КСЕНОФОНТ. Меморabilia, I, 7, 1; II, 6, 39; Киропедия, I, 6, 22. ЭСХИЛ. Семеро, 592; ПЛАТОН. Горгий, 527 B; Государство, 361 B. ЦИЦЕРОН. Об обязанностях, II, 43 и др.

124 (130 DK)

(а) Мюнхенский лат. гномологий, I, 19 (л. 84^r): Не годится быть настолько смешным, чтобы самому казаться достойным осмеяния. Ср.: ПЛАТОН. Пир, 189 B.

125 (138 DK)

(а) Греческая антология, IX, 359=СТОБЕЙ, IV, 34, 57 (IV, с. 842 Н.): Эпиграмма Посидиппа, в Парижском кодексе 1630 (XIV в.) л. 191^r приписывается Гераклиту-философу. «В жизни какую дорогой пойти?» и т. д., см. рус. пер. Л. Блуменау в кн.: Греческая эпиграмма, М., 1960. С. 82.

ПОДРАЖАНИЯ

1—2: Многочисленные реминисценции и имитация стиля Гераклита в псевдо-гиппократовских трактатах «О диете» и «О пище»: см. главу «Гиппократовская школа», №№ 2—3.

3. СКИФИН ИЗ ТЕОСА. Из поэмы «О природе»:

а) ПЛУТАРХ. Об оракулах Пифии, 17. 402 A:

[лира], которую всю гармонично настраивает
Благовидный сын Зевса Аполлон, начало и конец
Соединив. А плектром ему служит яркий свет Солнца.

б) СТОБЕЙ, I, 8, 43 (т. I, с. 108, 6 — 10; прозаическая парафраза Стобея):
Время — самое последнее и первое из всех вещей, и оно содержит в себе все и всегда
есть и нет, одно и то же [и не то же]. Прошлое снова приходит из будущего по обра-
щенному вспять пути, ибо «завтра» для нас на деле «вчера», а «вчера» — это
«завтра».

4. КЛЕАНФ. Гимн к Зевсу (СТОБЕЙ, I, 1, 12; с. 25, 3 W.=SVF, I, № 537):

- Славой затмивший богов, вседержитель многоименный,
Зевс, владыка природы, правящий всем по закону,
Радуйся! Ибо к тебе взывать подобает всем смертным.
Мы — порода твоя. Лишь нам на долю досталась
- 5 Речь изо всех, что живут на Земле, пресмыкаяся, тварей.
Сим тебя воспою и власть твою присно прославлю.
Весь этот космос тебе подчинен, вокруг Земли обращаясь,
Всем приказам послушный твоим, добровольно подвластный.
Столь могучий пособник в руках твоих неборимых —
- 10 Двулезвийный перун, огнедышащий, вечноживущий:
Грянет грозный удар — и вся вострепетет природа.
Разум всеобщий ты им направляешь, что весь пронизает
Мир, питая собой большие и малые свету.
Царь всевышний, о сколь ты велик! Никогда и нигде же
- 15 Воле твоей вопреки ничто не свершается, боже,
Ни на земле, ни на море, ни в горнем божественном своде;
Разве лишь то, что злодеи творят по их безрассудству.
Но и чрезмерное ты умеешь ладным содеять,
Строй в нестройное внести и в распре дружбу увидеть.
- 20 Столь гармонично сопряг ты добро и зло воедино,
Что у всего возник вечносущий разум единый,
Коего лишь порочные люди бегут в небреженьи.
О злосчастливые! Вечно стяжать вождедея лишь благо,
Божий не видят они всеобщий закон и не слышат.
- 25 А подчинись ему здравым умом — и жили бы в счастье.
Нет же, влекомы они кто к чему, не ведая блага.
Эти неодолимой охвачены жаждою славы,
Те обратились к корысти, бесчинства творя, а иные
Томной предалися неге и сладостным тела утехам.
- 30 Так измощдают себя чрезмерно и терпят невзгоды,
Но добиваются лишь обратного чаяньям вздорным.
Зевс, податель всех благ, чернооблачный, владиперунный,
Освободи же людей от невежества жалкого, отче,
Прочь с души ты его отряси и дай причаститься
- 35 Мудрости, верный которой ты правишь Вселенной во правде,
Дабы, сподобившись чести, мы честью тебе отплатили,
Славя деянья твои без устали, как и пристало

Смертным, понеже для них и богов нет более чести,
Нежели славить всечасно закон всеобщий во правде.

5. ЛУКИАН. Продажа жизней, 14: см. биографич. свидетельства.

23. ЭПИХАРМ

А. СВИДЕТЕЛЬСТВА О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНИЯХ

1. СУДА, под словом «Эпихарм»: Эпихарм, сын Титира (или Химара) и Секиды, сиракузянин или уроженец сиканийского города Краста. Изобрел комедию в Сиракузах вместе с Формом. Поставил 52 драмы, а по словам Ликона [см. гл. 57], — 35. У некоторых он записан как косец из числа тех, что вместе с Кадмом переселились в Сицилию, у других — как самосец, у третьих — как уроженец Мегар Сицилийских. Он был [известен] за 6 лет до Персидских войн [480 г.] постановкой [драмы] в Сиракузах.

2. АРИСТОТЕЛЬ. Поэтика, 5. 1449b 5: Сочинение [связных] фабул — {Эпихарм и Формис} — первоначально пришло из Сицилии. . . Там же, 3.1448 a 31: На изобретение комедии притязают мегарцы: как здешние [=материковые] мегарцы, которые утверждают, что комедия возникла у них с установлением демократического правления, так и мегарцы из Сицилии, которые ссылаются на то, что оттуда [=из Мегар Сицилийских] был родом поэт Эпихарм, живший намного раньше [первых афинских комедиографов] Хионида и Магнета.

3. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 78: Эпихарм, сын Гелофалеса, косец. Он тоже был учеником Пифагора. Трехмесячным [младенцем] его увезли [из Коса] в Мегары Сицилийские, а оттуда в Сиракузы, о чем он сам говорит в своих сочинениях. Надпись на его статуе гласит:

Сколь затмевает сияньем звезды великое Солнце,
Море насколько мощней силы [всех] рек [на Земле],
Столь, говорю, Эпихарм превзошел [всех поэтов] искусством,
Коего отчий сей град сиракузян увенчал.

Он оставил записки, в которых содержатся рассуждения о природе, гномические изречения и рассуждения о медицине. В большинстве записок он сочинил акrostихи, в которых ясно дает понять, что автор [этих] сочинений он. Скончался в возрасте 90 лет.

3 а. ДИОМЕД ГРАММАТИК, с. 489 Keil= с. 58, 170 Kaibel: По мнению некоторых, живя в изгнании на острове Кос, Эпихарм впервые ввел в употребление этот род поэзии, поэтому комедия была так названа в честь косца.

*3 в. ЭЛИАН. Пестрая история, II, 34: Рассказывают, что Эпихарм — уже глубокий старик — сидел как-то и беседовал со своими сверстниками. Один из присутствующих говорил: «Мне хватит еще пяти лет жизни», другой: «Мне трех», третий: «А мне четырех». Тогда Эпихарм заметил: «Милые вы мои! Что вы препираетесь и ссоритесь из-за нескольких дней? Над каждым из нас, собравшихся здесь, свой рок [демон], и все мы уж на закате наших дней, а потому всем нам впору как можно скорей отправляться в путь, покуда мы не изведали зла старости».

4. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 266: К экзотерическим слушателям {Пифагора} принадлежал и Эпихарм, который, однако, не был членом пифагорейского

союза (σύστυμα). Приехав в Сиракузы, он ввиду тирании Гиерона воздержался от того, чтобы философствовать открыто, и, переложив воззрения пифагорейцев в стихи, обнародовал учения Пифагора тайком в шутливой форме.

Там же, 166: [Благодаря Пифагору Италия прославилась своими философами], и все, кто так или иначе упоминает о физике, прежде всего цитируют Эмпедокла и Парменида Элейского, а все, кто желает привести какую-либо гномическую сентенцию на житейские темы, цитируют мысли Эпихарма — их усвоили почти все философы.

5. Паросская хроника, 71: На 208-м году [с начала архонства в Афинах] тираном Сиракуз стал Гиерон, когда архонтом в Афинах был Харет [472/471 г. до н. э.]. Его современником был поэт Эпихарм. Ср. 21 А 8.

ВИЗАНТИЙСКИЙ АНОНИМ. О комедии, II, 4 (с. 7, 16 Kaibel.): Эпихарм Сиракузский. Он впервые воссоздал комедию из обломков, изобретши много нового. Время жизни его пришлось на 73-ю олимпиаду [488—485 гг. до н. э.]. Как поэт, он был изобретателен, искусен и любил гномические сентенции. Сохранилось 40 его драм, подлинность 4 из них оспаривается.

6. ПЛАТОН. Тезет, 152 de: Ничто никогда не есть, но всегда возникает [~становится]: и в этом сходились все последующие мудрецы, кроме Парменида: и Протагор, и Гераклит, и Эмпедокл, и корифеи обоих родов поэзии: в комедии — Эпихарм, в трагедии — Гомер. Ср. 23 В 2.

АЛЕКСИД. Лин, у Афиня, IV, 164 С (II, 345 К.): [Выбор книг в лавке книго-торговца]: . есть Орфей, Гесиод, трагедии, Херил, Гомер есть, Эпихарм, всякая литература.

6 а. ФЕОКРИТ. Эпиграммы, XVIII (надпись на бронзовой статуе Эпихарма в Сиракузском театре):

Сам дориец, по-дорийски Эпихарм писал, сей муж
Изобрел комедию.
О Вах! Взамен живого в бронзе здесь его
Тебе посвятили
Все, кто в граде Сиракузском во огромнейшем живет,
Как согражданину.
Изрек речений пропасть он. Кто помнит, те
Отплатят наградой.
Много дельного для жизни всем изрек, за то ему —
Велика благодарность!

6 в. ПЛИНИЙ. Естественная история, VII, 192. Согласно Аристотелю [Покров, фр. 501 Rose], древний алфавит состоял из 18 букв. а две — θ и Χ — были добавлены, по его мнению, Эпихармом, а не Паламедом.

6 с. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, I, 42: Гиппобот в «Перечне философов» [причисляет к семи мудрецам] Орфея, Лина, Солона, Периандра, Анахарсиса, Клеобула, Мисона, Фалеса, Бианта, Питтака, Эпихарма, Пифагора [ср. гл. 10, № 1].

7. ПОРФИРИЙ. Жизнь Плотина, 24: [Грамматик Аполлодор Афинский] издал сочинения комедиографа Эпихарма в 10 томах.

СУДА, под словом «Дионисий»: Дионисий, сын сицилийского тирана, тоже тиран и философ. [Сочинения]: Письма и «О стихотворениях Эпихарма».

8. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 241: Метродор, брат Фирса, применивший большую часть учения отца Эпихарма и Пифагора к медицине, истолковывая брату учения отца, говорит, что Эпихарм и до него Пифагор лучшим диалектом считали дорийский и т. д.

9. КОЛУМЕЛЛА. О сельском хозяйстве, I, 1: Отнюдь не пренебрегали этим занятием [=сельским хозяйством] и сицилийцы Гиерон и Эпихарм.

СТАТИЙ. Сильвы, V, 3, 150: . . . Сколь обогатили благочестивых селян аскрейский и сицилийский старцы [=Гесиод и Эпихарм]. Ср.: ПЛИНИЙ. Естественная история, I, 20—27.

10. АФИНЕЙ, XIV, 648 D: Термин «гемина» известен сочинителям приписываемых Эпихарму стихотворений. Так, в сочинении, озаглавленном «Хирон», говорится [следует фр. В 58]. Эти псевдоэпихармовы [стихотворения] сочинили знаменитые мужи: как говорит Аристоксен в восьмой книге «Государственных законов» [фр. 45 W.], «Государство» сочинил флейтист Хрисогон, а по словам Филохора в «О гадании» [фр. 193 FHG], «Канон» и «Гномы» сочинил Аксиопист, родом не то из Локр, не то из Сициона. То же сообщает и Аполлодор [FGH Hist 244 F 226].

В. ФРАГМЕНТЫ

Фрагменты Эпихарма из сочинения Алкима «Против Аминта»

1—6. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, III, 9—17: Много он [Платон] позаимствовал и у комедиографа Эпихарма, списав у него большую часть [своих учений], как говорит Алким в четырех книгах «Против Аминта». В первой из них он говорит так [АЛКИМ, фр. 6 Jас.]: «Совершенно очевидно, что Платон повторяет многое вслед за Эпихармом. Судите сами. Платон определяет чувственно воспринимаемое как то, что никогда не пребывает ни в качестве, ни в количестве, но всегда течет и изменяется, (10) поскольку, как он полагает, все, из чего устранено число, не обладает ни равенством [~самотождественностью], ни чтойностью, ни количеством, ни качеством: это то, чему становление присуще всегда, а бытие никогда. «Умопостигаемое» же он определяет как то, от чего ничто не убывает и к чему ничто не прибывает: это природа вечных вещей, которой присущи подобие [самой себе] и вечная самотождественность. Ну так вот, Эпихарм ясно говорит о чувственно воспринимаемых и умопостигаемых вещах:

Фр. 1 (170а К.).

— Да пойми ты, что боги были [~присутствовали] всегда и не отсутствовали никогда,
А эти-вот вещи есть [~присутствуют] всегда, подобные [себе] и всегда те же самые.

— Да, но говорят, что Хаос возник первым из богов.

— Как это возможно? Раз он был «первым», то ему не из чего было прийти и не во что!

5 — Стало быть, ничто не пришло первым? — И не [только первым, но и] вторым, клянусь Зевсом!

Во всяком случае [ни одна] из тех вещей, о которых мы сейчас здесь говорим, но они всегда были вот-этими-здесь.

Фр. 2 (170 в К.). А также [Эпихарм говорит]:

— <Если> к нечетному числу или, если тебе угодно, к четному,
Кто-нибудь пожелает прибавить камушек [=единицу] или же отнять [его]
от имеющихся в наличии•

Как ты думаешь, будет ли это <все> то же [число]? — По-моему нет.

— Ну а если к мере в локоть кто-нибудь пожелает прибавить

5 Другую длину или отрезать [ее] от той, что была прежде,

Имелась бы все еще в наличии та мера? — Разумеется, нет. — Вот так
смотри теперь

И на людей: один растет, другой чахнет,

Все всё время в измененьи,

Но то, что изменяется по [своей] природе и никогда не остается тем же
[букв. «на том же месте»]•

10 Уже отлично от переменившегося [собств. «от сместившегося, сдвинув-
шегося»].

Так и ты, и я: вчера одни, а ныне другие,

[Завтра же] опять иные, и никогда не одни и те же, по одному и тому же
счету (λόγος).

Ср.: ПЛУТАРХ. Об общих понятиях, 44. 1083 А: Аргумент о росте древний: по сло-
вам Хрисиппа, его выдвинул Эпихарм.

ПЛУТАРХ. О людях, поздно наказанных божеством, 15, 559 А: А делить один
город по времени на множество, точнее, даже на бесконечное число городов то же
самое, что полагать одного человека многими [людьми] на том основании, что сейчас
он старше, а раньше был моложе, а еще раньше — подростком. Но все это напоминает
рассуждения Эпихарма, из которых у софистов развился аргумент о росте: тот, кто
взял в долг давно, теперь не должен, поскольку стал другим, а кого звали на обед
вчера, приходит незванным сегодня, поскольку-де он «другой». [. . .] В противном слу-
чае, мы сами не заметим, как ввергнем все вещи в гераклитовскую реку [фр. 40 с⁴],
в которую, по его словам, нельзя войти дважды и т. д.

АНОНИМ. Комм. к «Гэстегу» Платона, 71, 12: Эпихарм, который учился у пифа-
горейцев, придумал много остроумного, в том числе аргумент о растущем [человеке].
Он рассуждает по Гераклиту: «То так, то иначе * * * <рас>тет сообразно с тем
* * *» Стало быть, если все постоянно течет и изменяется по виду, сущности ста-
новятся то такими, то другими вследствие непрерывного течения. [Эпихарм] высмеял
это [учение] в комедии: заимодавец требует назад долг, а должник отрицает, что он
тот же самый, поскольку в нем одно прибавилось, а другое убавилось. Когда же заимо-
давец избил его и был привлечен к суду, то сам, в свою очередь стал говорить, что
бил-то один, а к суду привлекли другого.

ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, III, 12: Вот что еще говорит Алким: «Философы говорят,
что одни вещи душа ощущает посредством тела, например видя или слыша [их], а дру-
гие припоминает сама по себе, совершенно не пользуясь телом. Поэтому сущие де-
лятся на чувственно воспринимаемые и умопостигаемые. Потому Платон и говорил,
что, кто хочет постичь начала универсума, должен, во-первых, определить идеи сами
по себе, как, например, подобие, единицу, множество, величину, покой и движение;
во-вторых, установить прекрасное в себе, благо в себе, справедливое в себе и т. д.;
в-третьих, постичь, какие идеи соотносятся с другими идеями, например наука, вели-

чина или власть. При этом следует иметь в виду, что вещи нашего мира соименны [«омонимичны»] идеям потому, что „причастны“ им, т. е. „справедливо“ то, что причастно справедливости, а „прекрасно“ то, что причастно красоте. Каждый из эйдосов вечен, представляет собой нозтическую сущность [ноэму] и, кроме того, неаффицируем. Поэтому он и говорит, что в природе идеи стоят как первообразы [парадигмы], а прочие вещи подобны им, представляя собой их копии. (13) Так вот, о благе и об идеях Эпихарм говорит так:

Фр. 3 (171 К.).

- Есть ли игра на флейте некая вещь? — Безусловно!
 — Значит, человек — игра на флейте? — Никким образом.
 — Разъясни же мне, что есть флейтист? Что он, по-твоему, такое? Человек или нет? — Безусловно. — Так не считаешь ли ты,
 5 Что и с добром обстоит точно так же?
 Добро — это вещь, [существующая] сама по себе, а кто Ее познаёт, изучив, тотчас [сам] становится добрым,
 Подобно тому как флейтист — тот, кто научился игре на флейте,
 Танцор — кто танцу, плетельщик — кто плетенью,
 10 И точно так же все, что тебе угодно в том же роде:
 Сам он не будет уменьем (τέχνα), но умельцем (τεχνικός).

(15) Излагая теорию идей [Федон, 96 В], Платон говорит, что, коль скоро существует память, идеи обладают наличной реальностью [букв. «наличны в числе сущих»], так как память возможна только о неподвижном и пребывающем, а преbывает не что иное, как идеи. Каким образом, говорит он, животные могли бы выживать, если бы они не были причастны идее и, кроме того, не обладали бы врожденным умом? На самом же деле, они помнят о подобии и о пище, какой им надлежит питаться, показывая, что всем животным врождено умозрительное постижение подобия, поэтому они и чувт животных той же породы. Что ж Эпихарм?

Фр. 4 (172 К.).

- Эвмей! Мудрость — не в одном-единственном,
 Но все живые существа обладают умом (γνώμη).
 Так, самка куриного племени —
 Ты только присмотрись внимательно — не родит детенышей
 5 Живыми, а высиживает и оживляет.
 Какова эта мудрость — знает одна только природа,
 Ибо она обучена сама собой.

А также:

Фр. 5 (173 К.).

- Ничего удивительного, что мы так считаем,
 И нравимся сами себе, и мним,
 Что мы красивы. Так и собака собаке
 Кажется красивейшим существом, и корова корове,
 5 Ослу красивейшим кажется осел, а свинье, поди, свинья.

(17) Вот эти и подобные примеры приводит Алким на протяжении четырех книг, отмечая заимствования Платона из Эпихарма. А что Эпихарм и сам знал о своей мудрости, явствует из следующих стихов, в которых он предсказывает подражателя:

Фр. 6 (254 К.).

Как я полагаю, — полагаю? — нет, знаю точно:
 Эти мои слова еще будут некогда упомянуты,
 Кто-то возьмет их, разденет, [сняв с них] нынешний размер,
 И, одев в пурпурную одежду, вытканную красивыми баснями,
 5 Сам необоримый, поборет других.

7. ЕВСТРАТИЙ НИКЕЙСКИЙ. Комм. к «Никомаховой этике», III, 7 (с. 155, 10 Heulb.): В [комедии] «Геракл у Фола» [Эпихарм говорит]:

Все это я делаю по принуждению,
 А по доброй воле, думается мне, никто не страждет и не несчастен.

«Гномы» Эпихарма

Папирусы Эль-Хибе, I, 1 (III в. до н. э., последнее предисловие к гномологии Эпихарма):

Много здесь речений всяких, можно их употребить
 К другу, ко врагу, в суде ли, иль в собраньи говоря,
 К подлецу и к честным людям, к иноземцу [и к своим],
 К ворчуну и к выпивохе, к пошляку, да будь хоть кто —
 5 Лишь бы в нем дурное было: тут насмешки есть на всех.
 Есть и мудрые реченья; кто послушается их,
 Станет лучше и умнее и сгодится хоть куда.
 И нужды нет многословить, надо лишь один стихок
 Привести из этих к месту — всяко будет выгода.
 10 Мне в укор вменяли было, что-де хоть я и остер,
 Но уж очень многословен, в кратких гномах не силен.
 Как прослышал я об этом, сборник этот сочинил,
 Чтобы всяк [читал и] молвил: «Да, мудрец был Эпихарм!
 Тьму острог изрек он всяких — каждую в одном стихе,
 15 Чтобы доказать, что кратко тоже может говорить» и т. д.

8. (239). СТОБЕЙ, IV, 31, 30: Изречение Менандра [фр. 537 Kock=614 Körte; ср. В 53]:

Эпихарм говорит, что боги — это
 Ветры, вода, Земля, Солнце, огонь, звезды,
 А я решил, что единственные для нас полезные боги —
 Злато-серебро.

* 8 а. СТОБЕЙ, I, 1, 24 (I, 31, 5 — 6 W.):

— Что есть бог? — Бог — это разум. — Что есть разум? — Здравый смысл.
 — «Зевсом» (Ζῆνα) то считай, что средства к «жизни» (ζῆν) нам всегда дает.

9 (245). ПСЕВДО-ПЛУТАРХ. Утешение к Аполлонию, 15.110А [ср. В. 48]:

Соединилось, и разъединилось, и вновь ушло, откуда пришло:
 В землю — земля, дыханье — в небо. Что тут страшного? Ничего!

10 (246). КЛИМЕНТ. Строматы, IV, 45 (т. II, 268, 20 St.):

Что есть природа человека? То же, что надутый мех.

11 (247). СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, I, 273 [ср.: ЦИЦЕРОН. Тускуланские беседы, I, 8, 15]:

Умереть? Я не хотел бы. Мертвым быть? Мне все равно!

12 (249). ПЛУТАРХ. Об удаче Александра, II, 3. 336 В [ср. 21 В 24]:

Разум видит, разум слышит, прочее глухо и слепб.

13 (250). ПОЛИБИЙ, XVIII, 40, 4:

Трезвым будь, стремись не верить, в этом сметка состоит.

14 (251). АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, 1086 а 16: Мудрено из неверных посылок вывести верное заключение, по Эпихарму:

Это сказано и складно, и неверно вместе с тем.

15 (252)=21 А 15.

16 (253). АФИНЕЙ, VII. 308 С:

Что до меня говорили двое, с тем справляюсь я один.

17 (258). СТОБЕЙ, III, 37, 18; ср.: ГЕРАКЛИТ, фр. 94 (В 119).

Нрав людей — их добрый гений, а для кого и гений злой.

18 (261). Anecdota, ed. Boissonade, I, 125:

Благочестивая жизнь для смертных — величайший капитал.

19 (262). АРИСТОТЕЛЬ. Риторика, II, 21. 1394 в 13 (без леммы):

Лучше всего для человека быть здоровым, мнится мне.

20 (263). Там же, II, 21. 1394 в 25:

Смертный должен думать о смертном, не о бессмертном, коль смертен он.

20 а (147). Там же, III, 9. 1410 в 3: [пример ложного противопоставления]:

То в их доме жил я как-то, то у них же я гостил.

21 (264). ЦИЦЕРОН. Письма к брату Квинту, III, 1, 23:

Как с другим он дружит, [прежде] ты узнай [— потом дружи (?)].

22 (265). КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, IV, 170 (т. II, с. 322, 22 st.):

В мыслях коль благочестив ты, не претерпишь зла отнюдь

После смерти: дух на небе твой пребудет в вышине.

23 (266). Там же, V, 101 (т. II, с. 393, 10 st.): Эпихарм — а он был пифагорейцем — говорит:

Должен знать ты, что от бога утаить нельзя ничто,

Он за нами надзирает: все, что угодно, может бог.

24 (267). Там же, VI, 12 (т. II, с. 432, 11 st.):

Много ль, мало ль жить осталось — пусть тебе будет все равно.

25 (268). КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, VI, 21 (т. II, с. 439, 22 st.) [ср. 11 А 1; 10, 2. 3, 4, 1]:

Ослепленья дочь — порука, а поруки дочь — беда.

26 (269). Там же, VII, 27 (т. III, 20, 11 St.):

Коли дух (νοῦς) твой чист — и тело целиком твое чисто.

27 (270). КОРНУТ. Сокращение греческого богословия, 14:

Коли мудрое что ищешь, размышляй о нем в ночи.

28 (271). Там же:

Все серьезное скорей ночью открывается.

29 (272). АВЛ ГЕЛЛИЙ. Аттические ночи, I, 15, 15:

Нет, не говорить силен ты, а бессилен ты молчать.

30 (273). ПСЕВДО-ПЛАТОН. Аксиох, 366 С:

А рука-то руку моет: дай-ка, и получишь сам.

31 (274). ПЛУТАРХ. Попликола, 15: [К могу]:

Ты не человеколюбец, а больной: ты рад дарить.

32 (275). ПЛУТАРХ. Как слушать поэтов, 4, 21 E [без леммы]:

Подлость против подлеца — средство не негодное.

33 (284). СТОБЕЙ, III, 29, 54:

Прилежание, друзья, больше даст задатков (φύσις) добрых.

34 (285). Там же, 38, 21:

А кому, друзья, охота зависти не вызывать?

Ясно: ничего не стоит тот, кому не завидуют.

Пожалел слепого — каждый, позавидовал — никто.

35 (286). Там же, IV, 23, 37:

Целомудренной жены доблесть: не обижать супруга.

36 (287). КСЕНОФОНТ. Меморабилии, II, 1, 20: Подтверждением сказанному служат слова Эпихарма:

Боги продают все блага нам лишь только за труды.

А в другом месте он говорит:

37 (288).

Не гонись, прохвост, за мягким: как бы жестко не пришлось!

38 (277). СТОБЕЙ, II, 15, 7:

Коль идешь к соседям, гиматий ты роскошный надевай,

Многие решат: «умен он», будь ты хоть совсем дурак.

39 (278). Там же, II, 15, 18 [без леммы]:

На словах у тебя все прекрасно, а на деле хуже нет.

40 (279). Там же, II, 31, 25 [без леммы]:

Лучше всего — иметь задатки, а второе — <прилежным быть>.

41 (280). Там же, III, 1, 10:

Загодя, не погода должен думать муж сметливый.

42 (281). Там же, III, 20, 8:

Ты по пустякам себя вспыльчивым не выказывай.

43 (282). Там же, III, 20, 9:

Нет, не сердце, а рассудок должен верх одерживать.

44 (283). Там же, III, 20, 10:

Нет, никто решенья в гневе не принимает должного.

44 а (0). Остракон № 12319 [вторая пол. III в. до н. э.]:

〈Счастлив〉 тот лишь, кто разумен: вот свидетельство тому:
Земли, дом, богатство, сила, власть, равно и красота
Безрассудному доставшись, станут смехотворными.

Удовольствия для смертных — что безбожные пираты:
Наслажденьями плененный тотчас же идет ко дну.

45 (297). Антология Магаффи [Папирусы Флиндерса Петри, I, т. 3; III в. до н. э.]:

а) Эпихарма:

Кто пользуясь достатком и везением,
В душе не скопит доброго, прекрасного,
Счастливым я того не назову, скорей
Охранником чужого состояния.

б) Еврипида: =фр. 198 N.

46 (299). ФИЛОН АЛЕКС. Вопросы к «Книге Бытия», IV, 203 с. 406 Auch.:

У кого грехов поменьше, тот зовется лучше всех:
Без греха и без упрека нет на свете никого.

Spuria

«Эпихарм» Энния

47 (1 Vahlen). ЦИЦЕРОН. Учения академиков, II, 16, 51: По словам Энния, когда он заснул, ему «привиделся поэт Гомер» [Анналы, 7]. Он же говорит в «Эпихарме»:

Ибо мне во сне приснилось, что я умер.

48 (5). ПРИСКИАН, I, 341 N.: [По поводу формы им. п. mentis, «ум»]:

...Тело — земля, а дух (mentis) — огонь.

49 (3). ВАРРОН. О сельском хозяйстве, I, 4, 1: Начала сельского хозяйства те же, что начала мира, описанные Эннием: вода, земля, душа [anima=воздух] и солнце.

50 (6, 52). ВАРРОН. О латинском языке, V, 59: Эпихарм говорит о человеческом духе [mens=ум]:

...сей огонь — от солнца взятый.

50 а (6, 53). Там же: Он же о солнце:

и оно — всецело дух,

подобно тому как холодная влага присуща земле, как я показал выше. (60) Когда они [огонь солнца и земная влага] сопряглись, Небо и Земля породили все существа, ибо через них природа

51 (2).

с холодом тепло мешает и сухое с влагою.

52 (4, 48. 49). ВАРРОН. О латинском языке, 64: Называется «Опой» матерью как мать-земля, которая

Все племена на земле породила и приемлет вновь [в себя],
Кормилица. . .

как говорит Эний. Ее же

52 а. как родящую (gerit) плоды [зовут] «Церерой» (Ceres), так как у древних нынешнее G писалось как C. (65) Эти боги — Небо и Земля — [зовутся] «Юпитером» и «Юноной», потому что, как говорит Эний

53 (7).

Вот тот Юпитер, о котором я говорю, которого греки зовут —

«Воздухом» [Аэр]: он — ветер и облака, потом ливень,

А из ливня становится стужей, потом ветром и снова воздухом.

Потому те [элементы], о которых я тебе говорю, — Юпитер,

Ибо ими он помогает (juvat ~ Jupiter) всем смертным, городам и животным.

54 (8). Там же. 68: Поэтому Эпихарм Эния называет [Луну] также Прозерпиной, так как она обыкновенно находится под Землей. Прозерпиной (Proserpina) же она названа потому, что, подобно змее (serpens), движется то направо, то налево на широком пространстве.

«Канон»

55 (289). ТЕРТУЛЛИАН. О душе, 46 (377, 8 Wiss.): Из всех видов дивинации Эпихарм высшим считает сновидения, и с ним согласен Филохор Афинский. (47) Далее, раз невозможно видеть сны произвольно (ex arbitrio) — а Эпихарм тоже так считает — и т. д. С. 377, 3: [Примеры исполнившихся вещей снов дают] Артемон, Антифонт, Стратон, Филохор, Эпихарм и др.

«Государство»

(ср. А 10)

56 (255). КЛИМЕНТ АЛЕРС. Строматы, V, 119 (т. II, с. 405, 13 St.): Комик Эпихарм ясно говорит о Логосе в «Государстве» так:

Жизнь людей нуждается очень и в расчете (λογισμός), и в числе,
Мы живем числом с расчетом: вот ведь что спасает людей.

57 (256. 257). А затем добавляет дословно:

Разум (λόγος) правит людьми как должно и спасает [их] всегда.

Есть расчет у человека, также и божий разум есть.

Только разум человека произошел от божьего

И дает всем средства к жизни и ко пропитанию.
 Божий разум — тот искусствам всем сопутствует всегда,
 Он один людей лишь учит, что им делать выгодно,
 Ибо не человек изобрел искусство, а всецело только бог.

«Хирон»

(ср. А 10)

58 (290). АФИНЕЙ, XIV, 648 D [ср. А 10]:

И воды две части теплой выпить, две гемины. .

58 а (291). Anecdota, ed. Bekker, Антиаггицист, 98, 32: [Термин] «пол-литра» [употребляет] Эпихарм в «Хироне».

59 (248). ЦЕНЗОРИН, VII, 6: Вопреки ему [Эврифонту Книдскому] почти все остальные, следуя Эпихарму, отрицали жизнеспособность восьмимесячных младенцев.

60 (292). КОЛУМЕЛЛА, VII, 3, 6: Эпихарм из Сиракуз, который тщательнейшим образом написал руководство по ветеринарии, утверждает, что драчливого барана можно усмирить, если просверлить ему рога около ушей в том месте, где они выгибаются.

61 (293). ПЛИНИЙ. Естественная история, XX, 89: По Эпихарму, при болезнях тестикул и гениталий чрезвычайно полезно прикладывать капусту и т. д.

62 (294). Там же, 94: Эпихарм полагает, что против укуса бешеной собаки достаточно приложить лесную капусту, лучше с добавкой лазерпидия и едкого укуса. Причем собаки умирают, если им дать ее, подмешав к мясу.

63 (290). Anecdota, ed. Bekker, Антиаггицист, 99, 1: «Гемина»: [употребляется] в приписываемой Эпихарму поваренной книге.

Эпиграмма

64 (296). Схолии ВГ к «Илиаде», XXII, 414: Есть и эпиграмма, которую приписывают Эпихарму:

Я емь мертвец, мертвец есть навоз, навоз же земля есть,
 Но раз земля есть бог, то не мертвец я, а бог.

К Антенору

65 (295). ПЛУТАРХ. Нума, 8: Римляне дали Пифагору права гражданства, как сообщает Эпихарм-комик в одной речи к Антенору, муж древний и учившийся в Пифагорейской школе.

24. АЛКМЕОН

А. СВИДЕТЕЛЬСТВА О ЖИЗНИ И УЧЕНИИ

1. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 83: Алкмеон Кротонец. Отца его звали Пейрифой, о чем он сам говорит в начале своего сочинения: «Алкмеон Кротонец, сын Пейрифоя. . .» [см. фр. В 1]. Он также был учеником Пифагора. По большей части он толкует

о медицине, но иногда рассуждает и о природе, когда говорит: «Большинство человеческих [вещей] двоичны» [В 1 bis]. Полагают, что он первым написал [прозаический] трактат о природе, как говорит Фаворин в «Разнообразных рассказах» [фр. 42 Мел.].

По его мнению, Луна и вообще <весь надлунный мир> обладают вечной природой. Он говорил также, что душа бессмертна и что она движется непрерывно, подобно Солнцу.

2. КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, I, 78 (т. II, с. 51, 1 St): Алкмеон, сын Пейрифоя, кротонец, первым сочинил [прозаический] трактат о природе.

ГАЛЕН. Об элементах по Гиппократу, I, 9 (I, 487 К., 54, 18 Helmr.): Все сочинения древних [философов] озаглавлены «О природе» (Περὶ φύσεως) — сочинение Мелисса, сочинение Парменида, сочинение Эмпедокла, Алкмеона, Горгия, Продика и всех прочих.

3. АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, А 5. 986 а 22 [Контекст см. 58 В 5]. Такого же воззрения, судя по всему, держался и Алкмеон Кротонец, и то ли он у них перенял это учение, то ли они у него: ведь время жизни Алкмеона [акме?] пришлось на старость Пифагора, а высказывался он подобно им. А именно он говорит, что «большинство человеческих [вещей] двоичны», разумея при этом не определенные противоположности, подобно пифагорейцам, а любые, как-то: белое-черное, сладкое-горькое, добро-зло, большое-малое. Таким образом, он небрежно высказался об остальных [противоположностях], не определив [их числа и состава], а пифагорейцы сказали и сколько, и какие. Стало быть, и от него, и от них можно узнать только то, что противоположности — начала вещей. Ср.: ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, V, 25: [Каталог соч. Аристотеля] «Против учений Алкмеона» 1 книга.

ИСОКРАТ, 15, 268: Учения древних философов, один из которых полагал бесконечное множество сущих, Эмпедокл — четыре, а Распрей и Любовью в них, Ион — не больше трех, а Алкмеон — только два.

Схолии к «Шестодневу» Василия Великого, изд. Pasquali n. 3 (Gött. Nachr. 1910, 196): Алкмеон [полагал началами] противоположности [= ПСЕВДО-КЛИМЕНТ РИМСКИЙ. Recognitiones, VIII, 15].

4. Мнения философов, II, 16, 2—3 («О движении звезд»): Некоторые математики полагают, что планеты движутся с запада на восток в направлении, противоположном движению неподвижных звезд. С этим согласен и Алкмеон.

Там же (Стойей), II, 22, 4 («О форме Солнца»): Алкмеон считает Солнце плоским.

Там же (Стойей), II, 29, 3 («О затмении Луны»): Алкмеон, Гераклит [фр. 61 а¹] и Антифонт [87 В 28]: вследствие поворота и наклонов чашеобразного [тела Луны].

5. ТЕОФРАСТ. Об ощущениях, 25: К числу тех, кто не объясняет ощущение подобием [органа и объекта], принадлежит Алкмеон. Сначала он определяет отличие [человека] от животных: человек, говорит он, отличается от других [животных] тем, что «только он понимает (ξυνίησι), а другие ощущают, но не понимают»; тем самым он различает мышление (τὸ φρονεῖν) и ощущение, а не отождествляет их, как Эмпедокл. Затем он говорит о каждом [ощущении] в отдельности. Слышат, по его словам, ушами, потому что в них имеется пустота: она звучит (а звучение производится полостью), а воздух отзвучивает. Обоняют носом, втягивая пнезму к мозгу в момент вдоха. Вкусы различают языком: будучи теплыми и мягкими, он растапливает [пищу] своей теплотой [= вытапливает из нее «вкусовые соки», χυμοί], а благодаря своей рыхлости [~ пористости] и нежности всасывает [их] и передает [через поры в мозг]. (26) Глаза видят через окружающую влагу. Что [глаз] содержит огонь — очевидно, ибо при ударе

[по глазу огонь] вспыхивает [=«искры летят»]. Видят посредством блестящего и прозрачного [тела в глазу] всякий раз, как оно отсвечивает, и чем оно чище, тем лучше. Все ощущения некоторым образом прикреплены к головному мозгу, поэтому повреждаются при его сотрясениях и смещениях, так как он затыкает каналы (πρόσι), по которым [передаются] ощущения. Об осознании же он не сказал [ничего]: ни как, ни чем оно происходит. Такова теория Алкмеона.

6. Мнения философов, IV, 16, 2 («О слухе»): По Алкмеону, мы слышим пустотой, находящейся внутри уха: она служит звукопроводящей средой при вторжении воздуха, поскольку, мол, все полости резонируют. Ср.: АРИСТОТЕЛЬ. О душе, 419 b 34; ГИППОКРАТ. О мясе, 15.

7. АРИСТОТЕЛЬ. История животных, A 11. 492 a 13: Часть головы, которая служит органом слуха, — ухо — не дышит. Неверно говорит Алкмеон, утверждая, что козы дышат ушами.

8. Мн. фил. IV, 17, 1 («Об обонянии»): По Алкмеону, главенствующее начало [=«сознание»] — в головном мозге, поэтому мы обоняем мозгом, который втягивает запахи при вдохе.

9. Мнения философов (Псевдо-Плутарх), IV, 18, 1 («О вкусе»): По Алкмеону, вкусы различаются благодаря влажному и теплomu, содержащимся в языке, а также благодаря его мягкости.

10. Там же (Стойей), IV, 13, 12 («О зрении»): По Алкмеону, [мы видим] благодаря отсвечиванию прозрачного [тела в глазу].

КАЛКИДИЙ. Комм. к «Тимею» Платона, гл. 246: Рассмотрим строение глаза, о котором, помимо многих других, много замечательных открытий сделали Алкмеон Кротонский, искушенный в науке о природе и впервые дерзнувший предпринять иссечение (exsectio), а также ученик Аристотеля Каллисфен и Герофил. По их мнению, есть две узкие дорожки (semitae=греч. πρόσι, каналы), идущие от головного мозга (в котором расположена высшая и главенствующая способность души) к глазным впадинам и содержащие врожденную пневму. Выйдя из одного начала и одного и того же корня, они на небольшом протяжении остаются соединенными в глубине лба, а потом разделяются наподобие дорожной развилки и доходят до глазных впадин в том месте, где пролегают поперек бровные дуги; там они разбухают в недрах оболочек, служащих вместилищем естественной влаги, и образуют шары, защищенные покрытием век, почему и называются [глазными] яблоками [букв. «орбитами», orbēs]. Тому, что светоносные дорожки выходят из одного и того же места, учит главным образом анатомирование (sectio). Тем не менее это становится понятным также из того, что оба глаза движутся одновременно и один без другого двигаться не может. Они заметили далее, что сам глаз заключен в четыре кожицы или оболочки различной плотности. Более подробное рассмотрение различия и свойств этих оболочек не относится к предмету нашего исследования.

Ср.: ГИППОКРАТ. О местах в человеке, 2 (т. VI, с. 278 L.); О мясе, 17 (т. VIII, с. 606 L.): Перед хрусталиком много этих кожиц, таких же прозрачных, как он сам: этим прозрачным [хрусталиком глаз] отражает свет и все яркое; стало быть, этим отражающим свет [телом глаз] и видит. АРИСТОТЕЛЬ. О возникновении животных, В 6. 744 a 8: От мозговой влаги отделяется самая чистая часть через каналы (πρόσι), которые, как показывает наблюдение, ведут от глаз к оболочке головного мозга.

11. ПЛАТОН, Федон, 96 ab: Когда я был молод, Кебет, сказал [Сократ], я страстно увлекся той мудростью, которую называют наукой о природе. Она казалась мне сверх-

человеческой: знать причины каждой вещи, почему каждая вещь возникает, почему гибнет и почему есть. И часто я переворачивал вверх дном свои воззрения, исследуя прежде всего такого рода вопросы: образуются ли животные от гниения горячего и холодного, как [в мое время] говорили некоторые? И чем мы мыслим: кровью, воздухом или огнем? Или же ни тем, ни другим, ни третьим, а мозгом, и это мозг дает ощущения слуха, зрения и обоняния, из них возникает память и мнение ($\delta\acute{\nu}\xi\alpha$), а из памяти и мнения, ставшего неподвижным, возникает звание ($\epsilon\pi\iota\sigma\tau\acute{\eta}\mu\eta$). Ср.: ГИППОКРАТ. О священной болезни, 14 (т. VI, с. 387 L.): Покуда головной мозг остается неподвижным [=не испытывает сотрясений], дотоле человек находится в здравом уме. Там же, 17: Поэтому я утверждаю, что переводчик сознания — это мозг [т. е. переводчик, доводящий до понимания язык ощущений]. Ср.: АРИСТОТЕЛЬ. Вторая аналитика, В 19. 100 а 3.

12. АРИСТОТЕЛЬ. О душе, А 2. 405 а 29: Сходного с ними [Фалесом, Диогеном, Гераклитом] воззрения о душе держался, по-видимому, и Алкмеон: он говорит, что она бессмертна, потому что подобна бессмертным существам. А это свойство [=подобие бессмертным] присуще ей, поскольку она вечно движется: ведь и все божественные существа — Солнце, Луна, звезды и все Небо — также вечно и непрерывно движутся.

Ср.: * ОН ЖЕ. О небе, В 1. 284 а 2: Поэтому надлежит признать истинность древних, и причем отечественных, воззрений, согласно которым бессмертное и божественное существо наделено движением, но только таким движением, у которого нет никакой границы [~конца] и которое скорее само граница других [движений]. Ведь быть границей — свойство объемлющего, а это движение в силу своего совершенства объемлет движения несовершенные и имеющие границу и остановку; само оно при этом не имеет ни начала, ни конца и, будучи безостановочным в продолжение бесконечного времени, выступает по отношению к другим [движениям] как причина начала одних и восприимчик остановки других.

ЦИЦЕРОН. О природе богов, I, 11, 27: Кротонец Алкмеон, который наделил бессмертием не только душу, но и Солнце, Луну и все прочие светила, не заметил того, что он наделяет бессмертием смертные вещи.

КЛИМЕНТ АЛЕКС. Протрептик, 5, 66 (т. I, с. 50, 20 St.): Алкмеон Кротонский считал богами светила, признавая их одушевленными.

Мнения философов (Стобей), IV, 2, 2 («О душе»): Алкмеон [полагает душу] самодвижущейся субстанцией ($\phi\acute{\upsilon}\lambda\iota\varsigma$), причем движение ее вечно. Поэтому он полагает, что она бессмертна и подобна божественным существам. Ср.: ПЛАТОН. Федр, 245 С.

* ПОРФИРИЙ. «К Боэту о душе», кн. I-я, у Евсевия, Еванг. приговление, XI, 28, 8—9: Пожалуй, не нужно много доказательств для того, чтобы поверить, что в нашем существе нет ничего более схожего с богом, чем душа: это явствует не только из непрерывного и непрекращающегося движения, которое она в нас вызывает, но и из присущего ей ума. (9) Обратив на это внимание, Кротонский физик сказал, что душа бессмертна и, подобно божественным телам, по природе избегает всяческого покоя.

13. Мнения философов (Псевдо-Плутарх), V, 3, 3 («О сущности спермы»): По Алкмеону, часть головного мозга.

ЦЕНЗОРИН. О две рождения, 5, 2: Однако это мнение [о сперме как истечении костного мозга] некоторые опровергают, как, например, Анаксагор [59 А 107], Демокрит [68 А 141=526 Лурье] и Алкмеон Кротонский: (3) они возражают, что после случки у самцов истощается не только костный мозг, но и жир и значительная часть

мяса. Мнения авторов расходятся и относительно того, рождается ли плод только от отцовского семени, как пишут Диоген [64 А 27], Гиппон [38 А 13] и стоики, или же и от материнского тоже, как полагали Анаксагор, Алкмеон, Парменид [28 А 54], Эмпедокл и Эпикур. Но что касается образования зародыша, то Алкмеон признался, что он не знает ничего определенного, полагая, что никто не может постичь [собств. «проникнуть взором», «разглядеть»], какая часть младенца образуется первой.

Мнения философов (Псевдо-Плутарх), V, 17, 3 («Какая часть зародыша образуется в утробе первой?»): По Алкмеону, голова, в которой находится главенствующее начало [=сознание].

14. ЦЕНЗОРИН. О дне рождения, 6, 4: Алкмеон сказал, что [в младенце] воспроизводится пол того из родителей, от кого истекло больше семени.

15. АРИСТОТЕЛЬ. История животных, Н 1. 581 а 12: Как правило, самец начинает впервые производить семя, когда ему исполнится дважды семь лет. Одновременно начинается и обрастание волосами, свойственное половой зрелости, подобно тому как растения цветут, прежде чем производить семя, говорит Алкмеон Кротонский.

* Схолии к Платону, Алквиад I, 121 Е: Дважды семь: в этом возрасте в нас проявляется зрелый разум (τέλειος λόγος), как говорят Аристотель, Зенон и Алкмеон-пифагорец. Ср.: СОЛОН, 19, 3 D.=фр. 27 West=фр. 23 Gentili-Prato:

Когда же бог исполнит вторые семь лет,
Он выявляет знаки наступающей зрелости.

*15 а. АРИСТОТЕЛЬ. О возникновении животных, Е 5. 785 а 25: А что седина возникает вследствие некоего гниения и что она не есть, как полагают некоторые, «увядание», тому свидетельство. . . а что [седина] не есть увядание и что неверно утверждение, будто как увядающая трава белеет, так и волос, тому свидетельство, что многие волосы сразу же вырастают седыми, а увядшим не вырастает ничто. ОН ЖЕ. История животных, Г 11. 518 а 10: Большинство седых волос сразу же вырастают белыми, откуда ясно, что седина не увядание, как говорят некоторые: ведь ничто не вырастает сразу же увядшим. ОН ЖЕ, фр. 226: седина — увядание волоса. ОН ЖЕ. О дыхании, 478 б 27: у растений — увядание, а у животных это называется старостью. ОН ЖЕ. Метеорология, 379 а 5: старость и увядание.

ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ. Проблемы, XX, 7: Некоторые растения живут до осеменения, а после осеменения увядают, как, например, трава. так и люди растут до тридцати лет. . . а когда не могут больше производить семя, увядают и стареют.

16. АРИСТОТЕЛЬ. О возникновении животных, Г 2. 752 б 22: У живородящих пища, так называемое «молоко», образуется в другом органе, в вымени. А у птиц природа поместила ее в яйцах, но только не так, как люди думают и как говорит Алкмеон Кротонский, а прямо противоположным образом, ибо не белок [яйца] — «молоко», а желток. Именно он служит пищей птенцам, а они думают, что белок, из-за сходства в цвете.

17. Мнения философов (Псевдо-Плутарх), V, 16, 3 («Как питаются зародыши?»): По Алкмеону, они питаются всем телом; они всасывают им, словно губкой, питательные вещества из пищи.

РУФ ЭФЕССКИЙ у Орибасия, III, 156 (SMG, т. VI, 2. 2, 136): У новорожденных в кишечнике содержатся экскременты, подлежащие удалению. Неверно полагает

Алкмеон, будто, находясь в утробе, младенец питался [всем] телом: это невозможно никоим образом.

18. Мнения философов (Псевдо-Плутарх), V, 24, 1 («Как возникают сон и смерть?»): Алкмеон говорит, что сон происходит вследствие отлива крови в кровеносные вены, пробуждение — это разлив, а полный отлив — смерть.

В. ФРАГМЕНТЫ

О природе

1 (1 Wachtler) ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 83: Алкмеон Кротонец, сын Пейрифоя, так сказал Бротину, Леонгу и Бафиллу: о вещах незримых, о вещах божественных, очевидной истиной (*σαφήνεια*) обладают [лишь] боги, насколько же можно судить по вещам человеческим. . .

*1 bis. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 83; АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, А 5. 986 а 31: Большинство человеческих [вещей] двоичны.

1 а (2). ТЕОФРАСТ. Об ощущениях, 25: Человек, по его словам, отличается от других [животных] тем, что только он понимает (*συνίησι*), а другие ощущают, но не понимают.

2 (41). ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ. Проблемы, 17, 3. 916 а 33: По словам Алкмеона, люди погибают потому, что не могут соединить начало с концом. *Ср. контекст: 17, 3. 916 а 18: В каком смысле следует понимать «раньше» и «позже»? В том ли смысле, в каком мы говорим, что современники Троянской войны — «раньше» нас, а те, кто до них, — «раньше» них и т. д.: чем отдаленнее [букв. «выше»], тем «раньше»? Или же, коль скоро у всего есть начало, середина и конец, и кто состарился, тот достиг конца, а потом снова вернется к началу, а что ближе к началу — то «раньше», то, что мешает [считать], что мы находимся ближе к началу? А раз так, то, стало быть, мы и «раньше», подобно тому как движение Неба и каждой из звезд есть некий круг. Что мешает рождению и гибели смертных существ быть таким же [кругообразным, как заход и восход светил], так чтобы одни и те же существа вновь и вновь рождались и гибли? Полагать, что постоянно рождаются одни и те же существа нумерически, глупо, а что по виду — это более вероятно. Совсем по пословице «Круг — дела человеческие». Так что и сами мы [при этом допущении] были бы «раньше», [чем современники Троянской войны], и можно было бы принять, что порядок сцепления [событий] таков, что снова возвращается [букв. «загибается назад», т. е. «замыкается в круг»] к началу, и образует непрерывный ряд и вечно неизменен. Ведь, по словам Алкмеона, «люди. концом». Сказано тонко, если допустить, что он выразился приблизительно, и не требовать уточнения смысла. Но если [последовательность событий] — круг, а у круга ни начала, ни конца, то посылка, согласно которой мы «ближе к началу», оказывается неверной, и, следовательно, [нельзя утверждать] ни что мы «раньше» них [= современников Троянской войны], ни что они «раньше» нас. Ср.: АРИСТОТЕЛЬ. Физика, θ 8. 264 в 27: [В любом отрезке дуги] начало не соединяется с концом.

3 (16). Мнения философов (Псевдо-Плутарх), V, 14, 1 («Почему мулы бесплодны?»): По Алкмеону, самцы мулов бесплодны, потому что сперма у них жидковата и холодная, а самки — потому что у них матки не «раззеваются» — так он выразился.

4 (22). Мнения философов V, 30, 1 [«О здоровье, болезни и старости»]: Основной причиной здоровья Алкмеон полагает «демократическое равновесие» (*ισονομία*) [элемен-

тарных] сил (δυναμεις) влажного, сухого, холодного, горячего, горького, сладкого и прочих, а «монархия» среди них вызывает болезнь, поскольку монархия одной из двух [противоположностей] пагубна для другой. Болезнь приключается: что касается действующей причины [«то, чем»], — от избытка тепла или холода, что касается материальной причины [«то, из чего»], — от обилия или нехватки пищи, что касается места, [«то, в чем»] — в крови, костном мозге или головном мозге. Иногда [болезнь] возникает в указанных [местах тела] и от внешних причин: особенностей воды или местности, утомительных трудов, насилия и тому подобных [причин]. Напротив, здоровье — соразмерная смесь [элементарных] качеств. Ср.: ГИППОКРАТ. О древней медицине, 14; ПЛАТОН. Пир, 186 CD.

5 (23). КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, VI, 16 (т. II, 435, 9 St.): Подражая Алкмеону Кротонскому, который говорит: «Врага остережись легче, чем друга», — Софокл сочинил в «Антигоне» [ст. 651]: «Есть язва злей на свете, чем неверный друг?».

* Dubia

1. ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ (=НИКОЛАЙ ИЗ ДАМАСКА). О растениях, I, 6. 817 а 23 (ср. 59 А 117): Источник питания растений — Земля, а причина плодородия — Солнце. Поэтому Лехинеон [читай «Алкмеон»] говорит, что мать растений — Земля, а отец — Солнце.

2. ЦЕНЗОРИН. О дне рождения, 14, 7: [Пересказ элегии Солона о седмицах возраста]. В восьмую [седмицу] все остается по-прежнему; по словам других, в это время белеют глаза. . .

25. Иккос

1. ПЛАТОН Протагор, 316 D: [Говорит Протагор.] Я-то полагаю, что софистическое искусство древнее, но только те древние, кто им занимался, опасаясь его одиозности, выдумывали различные отговорки и прикрывались кто чем: кто поэзией, как Гомер, Гесиод и Симонид, кто обрядами и оракулами вроде Орфея и Мусея, а иные, кажется мне, даже гимнастикой, как Иккос из Тарента, да тот, кто еще и ныне не уступает никому из софистов, — Геродик из Селимбрии.

2. ПЛАТОН. Законы, VIII, 839—840: [Говорит афинянин.] Разве мы не знаем понаслышке, что тарентец Иккос ради Олимпийских игр и других состязаний, из стремления одержать победу и любви к искусству стяжавший в душе заодно и мужество в сочетании с целомудрием, как гласит молва, за все время своих упражнений ни разу не дотронулся ни до женщины, ни до мальчика?

ПАВСАНИЙ, VI, 10, 5: Иккос, сын Николаида, тарентец, стяжал Олимпийский венок в пятиборье, а впоследствии, как говорят, стал лучшим учителем гимнастики своего времени.

СТЕФАН ВИЗАНТИЙСКИЙ, под словом «Тарент»: Иккос из Тарента, врач, [был известен] в 77-ю олимпиаду; его упоминает и Платон в «Протагоре».

ЕВСТАФИЙ. Комм. к Гомеру, с. 610, 28 (из Стефана Виз. и паремикографов): Иккос — имя собственное мудрого врача из Регия, откуда поговорка «обед Иккоса» — от дешевизны его жизни. ОН ЖЕ. Комм. к Дионисию Перизагету, 376 (Geogr. Gr. Min., II, 285, 14 M.): Оттуда родом был Иккос Тарентский, врач, который благодаря дешевизне своего быта вошел в поговорку «обед Иккоса» — об обедающих без излишеств.

*ЭЛИАН. Пестрая история, XI, 3: Иккос, борец из Тарента, впервые стал вести более целомудренный образ жизни во время атлетических состязаний: он соблюдал строгую диету и не знал радостей Афродиты.

3.. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 267: [Каталог пифагорейцев]. Тарентцы: Иккос.

26. Парон [?]

АРИСТОТЕЛЬ. Физика, Δ 13. 222 b 17: Во времени все возникает и уничтожается. Поэтому одни называли его «мудрейшим», а пифагореец Парон — «невежественнейшим», поскольку забывают тоже в нем, и он прав. СИМПЛИКИЙ. Комм. к этому месту, с. 754, 9: По-видимому, это тот же [пифагореец], о котором, не называя его по имени, упоминает Евдем [фр. 52 Spengel=фр. 90 W.]. По его словам, когда Симоид в Олимпии восхвалял время как «мудрейшее», поскольку в нем учатся и вспоминают, один из присутствовавших (*παρόντα*) мудрецов спросил: «А что, Симоид, во времени мы не забываем?».

27. АМИНИЙ

ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 21 [см. 28 А 1].

28. ПАРМЕНИД

А. СВИДЕТЕЛЬСТВА О ЖИЗНИ И УЧЕНИИ

Жизнь

1. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 21—23: Учеником Ксенофана был Парменид, сын Пирета, элонец. Теофраст в «Сокращении [«Физических мнений»]» говорит, что он был учеником Анаксимандра. Но хоть он и учился у Ксенофана, а последователем его не стал. По словам Сотииона, он примкнул к пифагорейцу Амению, сыну Диохета, мужу бедному, но добропорядочному [собств. «обладавшему калокагатией»]. Его-то последователем он и предпочел стать, а после его смерти воздвиг ему усыпальницу как герою, ибо был знатного рода и богат; и именно Амением, а не Ксенофаном был обращен к созерцательной жизни [букв. «к безмолвию»]. Он первым выдвинул утверждение, что Земля шарообразна и находится в центре [Вселенной]. Элементов, [по его учению], два: огонь и земля, причем первый имеет статус демиурга, а вторая — материи. (22) Первоначально люди произошли из ила, сам же [человек] представляет собой [смесь] горячего и холодного, из которых состоят все вещи. Душа (*ψυχή*) и ум (*νοῦς*) тождественны, о чем упоминает и Теофраст в «Физике», где он излагает учения почти всех [физиков]. Философия, по его словам, двояка: одна согласна истине, другая согласно мнению. Поэтому он и говорит в одном месте [цит. фр. В 1, ст. 28—30]. Он тоже философствует в стихах, подобно Гесиоду, Ксенофану и Эмпедоклу. Критерием [истины] он считал разум (*λόγος*), а ощущения — недостоверными. Так, он говорит [цит. фр. В7, ст. 3—5]. (23) Вот почему Тимон [с похвалой] говорит о нем:

И Парменидову мощь, велемудрого, без многомненья,
Что ощущения свел к обману воображенья.

Платон посвятил ему диалог, озаглавленный «Парменид, или Об идеях». Расцвет его пришелся на шестьдесят девятую олимпиаду [504—501 гг. до н. э.].

Считается, что он первым открыл тождество Вечерней и Утренней звезды, как говорит Фаворин в пятой книге «Воспоминаний». Правда, некоторые [считают первооткрывателем] Пифагора, но Каллимах говорит, что поэма ему не принадлежит. Сообщают также, что он установил законы для своих сограждан, как говорит Спевсипп в сочинении «О философах», а также впервые выставил рассуждение «Ахиллес», согласно Фаворину в «Разнообразных рассказах».

Был и другой Парменид — ритор, автор [риторического] руководства.

2. СУДА, под словом «Парменид»: Парменид, сын Пирета, элеец, философ, ученик Ксенофана Колофонского, а согласно Теофрасту, Анаксимандра Милетского. Его преемниками, в свою очередь, были философ и врач Эмпедокл и Зенон Элейский. Написал «Природоведение» (*Φυσιολογία*) в эпических стихах и еще какие-то прозаические сочинения, о которых упоминает Платон [Софист, 237 А; ср. В 7].

3. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, II, 3: Анаксимен, сын Эвристрата, милетец, учился у Анаксимандра, но некоторые говорят, что он учился и у Парменида.

4. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 166 [ср.: Эпихарм А 4]: И все, кто так или иначе упоминает о физиках, прежде всего цитируют Эмпедокла и Парменида Элейского.

ПРОКЛ. Комм. к «Пармениду», I (с. 619, 4 Sous.): Так вот, во время этого [Панафинейского, ср. А 5] праздника, как мы сказали, прибыли в Афины Парменид и Зенон: Парменид — учитель, Зенон — ученик, оба элейцы, и, мало того, оба прошедшие пифагорейскую школу, как сообщает где-то Николае.

ФОТИЙ. Библиотека, кодекс 249 («Жизнеописание Пифагора»), с. 439 а 36: Зенона и Парменида Элейских, а они тоже принадлежали к Пифагорейской школе.

5. ПЛАТОН. Теэтет, 183 е: К Мелиссу и всем прочим, кто полагает универсум единым и неподвижным, я, [говорит Сократ], испытываю почтение и боюсь, как бы нам не опозлить [их учения] своим разбором, и все же [ко всем ним вместе взятым] я испытываю меньше почтения, чем к одному Пармениду. Парменид же мне кажется, по слову Гомера [ср.: Ил., III, 172], внушающим благоговение и в то же время трепет: я познакомился с ним, когда был очень молод, а он очень стар, и мне показалось, что он обладает прямо-таки совершенно исключительной глубиной. Поэтому я боюсь, что мы не пойдем его слов и уж тем более упустим, что он имел в виду, но самое главное — что останется нерассмотренным то, ради чего мы затеяли наше рассуждение, т. е. что есть научное знание (*ἐπιστήμη*), и т. д.

ОН ЖЕ. Софист, 217 с: .Посредством вопросов [и ответов], как это было однажды, когда я слышал Парменида, который излагал отличные рассуждения, пользуясь этим приемом; я тогда был молод, а он очень стар.

ОН ЖЕ. Парменид, 127 а: Антифонт сказал, что, по словам Пифодора, на Великие Панафиней однажды прибыли Зенон и Парменид. Парменид был уже очень стар, сильно сед, но хорош и благообразен на вид; лет ему было примерно шестьдесят пять. Зенону же тогда было приблизительно лет сорок; он был высок и миловиден, и поговаривали, что он был любовником Парменида. Остановились они, по его словам, у Пифодора, за стеной, в Керамике. Туда-то и пришел Сократ, а с ним еще много народу, желая послушать сочинения Зенона, которые они привезли впервые. Сократ тогда был очень молод. Ср.: ПРОКЛ. Комм. к этому месту, 684, 21.

АФИНЕЙ, XI, 505 F: Платоновскому Сократу возраст еле-еле позволяет быть собеседником Парменида, не то что произносить и выслушивать такие речи, [как в «Пармениде» Платона]. Но что всего отвратительнее и всего лживее — так это безо-

всякой нужды сказать, что согражданин Парменида Зенон был его любовником! Ср.: МАКРОБИЙ. Сатурналии, I, 1, 5.

ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 25: Зенон Элейский. Аполлодор в «Хронике» говорит, что он был родным сыном Телевтагора, а приемным Парменида. Зенон был учеником Парменида и его любовником.

6. АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, А 5. 986 b 22: Говорят, что Парменид был его [Ксенофана] учеником.

7. АЛЕКСАНДР АФРОД. Комм. к «Метафизике», А 3. 984 b 3 (с. 31, 7 Науд.): О Пармениде и его учении Теофраст в первой книге «О физике» говорит так: «Явившийся после него (он разумеем Ксенофана) Парменид, сын Пирета, элеец, пошел обоими путями: он и утверждает, что универсум вечен, и пытается истолковать генесис вещей. Воззрения его в обоих случаях не одинаковы: в соответствии с истиной он полагает универсум единым, невозникшим и шарообразным, а в соответствии с мнением толпы, для того чтобы истолковать генесис феноменального мира, полагает два начала: огонь и землю, одно как материю, другое как творящую причину». СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 22, 27: . . . Ксенофана Колофонского, учителя Парменида.

8. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 28, 4: Левкипп, элеец или милетец (о нем говорят и так, и так), примкнув к философии Парменида, пошел не тем же путем [в учении] о бытии, что Парменид и Ксенофан, а, судя по всему, противоположным: тогда как они полагали универсум единым, неподвижным, невозникшим и конечным и не разрешали даже исследования не-сущего [«=того, чего нет»], он принял атомы как бесконечные [по числу] и вечно движущиеся элементы.

9. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 55: Теофраст же говорит, что он [Эмпедокл] был ревнителем Парменида и подражал ему в поэзии: ведь и Парменид тоже обнарудовал трактат о природе в эпических стихах.

10. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 25, 19: Эмпедокл из Акраганта, родившийся [или: «живший»] немного позже Анаксагора, ревнитель и ученик Парменида а еще больше пифагорейцев.

11. ЕВСЕВИЙ. Хроника: а) Ол. 81 (456 г.): натурфилософы Эмпедокл и Парменид были известны. б) Ол. 86 (436 г.): тогда был известен натурфилософ Демокрит из Абдер, и философы Эмпедокл из Акраганта, Зенон и Парменид, и Гиппократ Косский Ср.: Chronicon Henzenianum (IG XIV) 1297, 30 [между Ксерксом и Пелопоннесской войной, цифра неразборчива]: Сократ-философ, Гераклит Эфесский, Анаксагор, Парменид и Зенон на. . . году. .

12. СТРАБОН, VI, 1, с. 252: Обогнувшему [мыс открывается] другой соседний залив, в котором расположен город, который основавшие его фokeйцы [называли] Хюэле, другие — Элэ по названию какого-то источника, а нынешние [жители] называют Элея, откуда были родом Парменид и Зенон, мужи-пифагорейцы. Полагаю, что благодаря им и даже еще раньше город получил хорошие законы [см. А 1].

ПЛУТАРХ. Против Колота, 32, с. 1126 А [после: ДЕМОКРИТ, фр. 728 Лурье]: Парменид же благоустроил свою родину наилучшими законами, так что власти ежегодно брали с граждан клятву оставаться верными законам Парменида.

*12 а. Элейская надпись на герме (1 в. до н. э.): Парменид, сын Пирета. Улиад, физик.

Поэзия

ср. А 1. 2

13. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, I, 16: Другие [философы оставили] по одному сочинению: Мелисс, Парменид, Анаксагор.

14. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «О небе», с. 556, 25: . Или потому, что Мелисс и Парменид озаглавили свои сочинения «О природе» Однако в этих сочинениях они рассуждали не только о метафизике, но и о физике и, вероятно, поэтому не избегали заглавия «О природе».

15. ПЛУТАРХ. Как слушать поэтов] 2. 16 С: Стихи Эмпедокла и Парменида, «Противоядия» Никандра и «Гномологии» Феогида суть теоретические рассуждения заимствующие у поэзии как средство возвышенность слога и размер, чтобы избежать прозаичности.

16. ПЛУТАРХ. Об умении слушать, 13, 45 А: Архилоха можно упрекнуть за содержание, Парменида за стихотворную форму, Фокилада — за пошлость, Еврипида — за болтливость, Софокла — за неровность слога. Ср. 21 А 25.

17. ПРОКЛ. Комм. к «Тимею», т. I, с. 345, 12: А Парменид хоть и грешит неясностью из-за поэтической формы, а все же и он тоже излагает путем доказательств эту теорию [=платоновское различие умопостигаемого и возникшего].

18. ПРОКЛ. Комм. к «Пармениду», I, с. 665, 17: . Сам Парменид в поэзии: хотя уже сама поэтическая форма обязывала его пользоваться метафорами, фигурами и тропами, все же он был склонен к лишенной прикрас, сухой и ясной форме изложения. Это явствует из следующих стихов [цит. фр. В 8, ст. 25. 5. 44. 45] и тому подобных мест. Поэтому речь его представляется скорее прозаической, нежели поэтической.

19. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 36, 25: Поскольку опровержение мнений предшествующих философов мы услышим и от Аристотеля, и до Аристотеля то же, очевидным образом, делает Платон, а до них обоих Парменид и Ксенофан, то следует знать, что [в своей критике] они опровергают [лишь] кажущуюся нелепость в рассуждениях предшественников, забываясь тем самым о поверхностных читателях, ибо древние имели обыкновение излагать свои мнения в символической форме [букв. «загадками»].

20. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 146, 29: И если он говорит, что единое сущее «подобно цельной массе хорошо закругленного шара» [фр. В 8, ст. 43], то не удивляйся: из-за поэтической формы он отдает дань и мифотворческому вымыслу. Чем отличается этот способ выражения от выражения Орфея [фр. 70, 2 Kern] «серебристое яйцо», [также символически обозначающего единое сущее]?

МЕНАНДР-РИТОР [или ГЕНЕТИЙ]. Подразделение эпидейктических жанров, I, 2, 2: Примером натурфилософских [=аллегорических] гимнов [о богах] могут служить гимны, сочиненные Парменидом и Эмпедоклом [ср. 31 А 23].

Там же, I, 5, 2: [Натурфилософские гимны] — это когда, сказывая гимн Аполлону, мы называем его солнцем и рассуждаем о природе солнца и про Геру говорим, что она воздух, а про Зевса, что он тепло [~ огонь]: вот что такое натурфилософские гимны. В чистом виде этим жанром пользуются Парменид и Эмпедокл. . . но только Парменид и Эмпедокл дают [подробные аллегорические] толкования, а Платон вкратце упоминает.

21. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 144, 25: И если меня не сочтут педантом, я с удовольствием припишу к этому комментарию стихи Парменида о едином существе, которых не так уж и много: как в подтверждение моих утверждений, так и по причине редкости сочинения Парменида [цит. фр. В 8, стихи 1—52].

Учение

ср. А 1, § 21 сл.; А 7—8

ФИЛОПОН. Комм. к «Физике», 65, 23 Vit.: Сообщают, что он [Аристотель] написал специальную книгу против учения Парменида.

22. ПСЕВДО-ПЛУТАРХ. Строматы, 5=ЕВСЕВИЙ. Приготовление к Евангелию, I, 8, 5 (с. 30, 4—12 Mras.): Парменид Элейский, ученик Ксенофана, усвоил его воззрения, но в то же время занял противоположную позицию. Он утверждает, что, согласно истине вещей, универсум вечен и неподвижен: по его словам, он един, единороден, незыблем и нерожден [ср. В 8, ст. 4].

А возникновение (генезис) мнимо-сущих-согласно-ложному-субъективному-представлению, равно как и ощущения, он изгоняет из [сферы] истины. Он говорит, что если существует нечто помимо сущего [«того, что есть»], то оно не есть сущее [«то, что есть»]. Но не-сущего [«того, чего нет»] нет во всей целокупности вещей. Так он приходит к допущению, что сущее [«то, что есть»] не возникло [собств. «лишено генезиса»]. Земля, по его словам, возникла в результате осаждения густого воздуха.

*22 а. Схолии к Евклиду, V, с. 77, 20: Поскольку отрицательные определения, как говорит Парменид, подобают началам и границам. . .

23. *ИСОКРАТ, 15, 268: . . . Учения древних философов, один из которых полагал бесконечное число сущих. . . а Парменид и Мелисс — одно.

Там же, 10, 3: Как можно превзойти Горгия, дерзнувшего утверждать, что вообще ничего нет [букв. «ни одно из сущих не есть»], или Зенона, пытавшегося доказать, что одно и то же возможно и невозможно, или Мелисса, который, невзирая на то что множество вещей бесконечно, взялся изыскивать доказательства, что Все есть одно?

ИППОЛИТ. Опровержение всех ересей, I, 11, 1: Парменид полагает, что Все одно, вечно, не возникло и шарообразно, но и он не избежал мнения большинства, полагая началами Всего огонь и землю: землю — как материю, огонь — как творящую причину. Он говорил, что космос уничтожается, а как — не сказал. (2) Он утверждал также, что Все вечно, не возникло, шарообразно и одинаково, не имеет пространства внутри себя, неподвижно и конечно.

24. *АРИСТОТЕЛЬ. Физика, А 8, 191 а 24: Первые философы в поисках истины и природы вещей как бы сбились с пути по неопытности и пошли не по той дороге: они утверждают, что ничто из сущего не возникает и не уничтожается, так как все, что возникает, по необходимости должно возникать либо из сущего, либо из не-сущего, однако ни из того, ни из другого [оно возникнуть] не может. В самом деле, сущее [«то, что есть»] не возникает, ибо оно уже есть, а из не-сущего [«того, чего нет»] не может возникнуть ничего, ибо должен быть какой-то субстрат [возникновения]. Доводя это рассуждение до логического конца, они приходят к выводу, что многого вообще нет, а есть одно только сущее [«то, что есть»] само по себе.

*ОН ЖЕ. Метафизика, А 3, 984 а 27: Самые первые [философы], которые занимались исследованиями такого рода и утверждали, что субстрат один, не испытывали

[по этому поводу] никаких затруднений, однако некоторые из полагавших [субстрат] единым, как бы побежденные [~ вынужденные] этим исследованием, признали, что одно неподвижно, равно как и вся Вселенная, и причем не только в отношении возникновения и уничтожения (это тезис древний, и его признавали все), но и в отношении всех остальных видов изменения, и в этом их особенность. Так вот, из полагавших универсум единым никому не удалось постичь такую [движущую] причину, за исключением, пожалуй, Парменида, да и тому [это удалось] лишь постольку, поскольку он полагает не одну, а в некотором смысле две причины.

*Там же, А 5. 986 b 9: На основании изложенного выше можно в достаточной мере судить об образе мыслей старинных [мыслителей], признававших элементы природы множеством. Однако некоторые [из старинных философов] высказывались об универсуме как об одной субстанции, но только не все на один манер, ни в смысле правильности [их рассуждений], ни в смысле согласия с природой. Обсуждение этих [философов] никоим образом не вяжется с настоящим исследованием причин (они рассуждают не так, как некоторые натурфилософы, которые, признав сущее одним, тем не менее порождают из одного [множество] как из материи, а иначе: если те привносят [в одно] движение, во всяком случае когда пытаются объяснить происхождение универсума, то эти полагают [одно] неподвижным). Но все же вот то, что по крайней мере представляет интерес для настоящего исследования.

Там же, А 5, 986 b 18: Парменид, судя по всему, исследовал формальное [соответствующее логосу-понятию] Одно, а Мелисс — материальное, поэтому первый полагает его конечным, второй — бесконечным.

Там же, А 5, 986 b 27: Парменид же, судя по всему, высказывает более пронипательные суждения. Он постулирует, что отличное от сущего [«того, что есть»] не-сущее — ничто, откуда, как он полагает, с необходимостью вытекает, что есть [только] одно — сущее [«то, что есть»] и ничего больше. Однако, вынуждаемый согласовать [теорию] с опытом [собств. «феноменами»] и полагая [поэтому], что [то, что есть], — одно согласно логосу, но множественно согласно чувственному восприятию, он, с другой стороны, полагает, что причин две и начал два: горячее и холодное, т. е. огонь и земля. Из них горячее он соотносит с сущим [«тем, что есть»], а холодное — с не-сущим [«тем, чего нет»]. Ср.: АЛЕКСАНДР АФРОД. Комм. к этому месту, с. 45, 2.

Там же, 1010 a 1: Причина этого воззрения в том, что они [Эмпедокл, Парменид, Демокрит, Анаксагор] занимались исследованием истины относительно реальности, но при этом единственной реальностью полагали чувственно воспринимаемые вещи.

25. АРИСТОТЕЛЬ. О небе, Г 1, 298 b 11: Те, кто философствовал в поисках истины до нас, расходились в своих воззрениях [относительно возникновения] и с теми взглядами, которые теперь высказываем мы, и между собой. Одни из них полностью отрицают возникновение и уничтожение: ничто сущее, утверждают они, не возникает и не уничтожается — это нам только кажется. Таковы Мелисс и Парменид с их сторонниками. Теории их, пусть даже во многом правильные, нельзя все же считать естественными, так как вопрос о существовании лишенных возникновения и совершенно неподвижных вещей должен рассматриваться не физикой, а другой, первенствующей над ней дисциплиной. А они полагали, что, кроме бытия чувственно воспринимаемых вещей, никакой другой реальности нет, но в то же время впервые поняли, что без такого рода [= неизменных] вещей никакое познание или мышление невозможны, и по-

тому перенесли на первые [=умопостигаемые] те воззрения, которые были справедливы для вторых [=чувственных].

АРИСТОТЕЛЬ. О возникновении и уничтожении, А 8, 325 а 13: Рассуждая таким образом, они вышли за границы [букв. «пере-шли», т. е. «транс-цендировали»] чувственного восприятия и, пренебрегнув им, поскольку, по их мнению, надо следовать [только] разуму, утверждают, что универсум один, а согласно некоторым, неподвижен и безграничен, поскольку, мол, граница граничила бы с пустотой. Вот так, исходя из таких оснований, они и высказались об истине. Далее, в теории эти утверждения представляются верными, но полагать так о реальных вещах похоже на сумасшествие. **ФИЛОПОН.** Комм. к этому месту, с. 157, 27: Он бранит Парменида с его сторонниками за то, что они считали, что не следует обращать ни малейшего внимания на непосредственную очевидность вещей, а лишь на непротиворечивость теории.

26. **ПЛАТОН.** Тезет, 181 а: А если сторонники [~«остановщики»] [Мирового] Целого покажутся нам в своих утверждениях ближе к истине, перебежим к ним от тех, кто наделяет движением даже неподвижное.

СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, X, 46: Отрицают же [движение] Парменид и Мелисс со своими последователями; Аристотель [«О философии», фр. 9, с. 77 Ross] назвал их «остановщиками природы и бесприродниками»: остановщиками (*στασιώται*) от слова остановка (*στάσις*), а бесприродниками (*ἄφροσίζοι*) — потому что, отрицая движение они упростили природу, которая, [по Аристотелю], есть источник движения.

27. **АРИСТОТЕЛЬ.** Физика, Г 6, 207 а 9: Целое мы определяем так: «то, в чем ничто не отсутствует», например целый человек или целый ящик. [Это определение приложимо] как к единичному [целому предмету], так и [к целому] в собственном смысле [=Мировому Целому], т. е. к «целому, вне которого [не находится] ни одна [из его частей]». А у чего что-то отсутствует [и находится] вне него — то не целое, что бы ни отсутствовало. Целое и совершенное [~законченное] либо совершенно тождественны, либо близки по значению. Но ничто не может быть совершенным, не имея конца, а конец есть граница. Поэтому следует полагать, что Парменид высказался лучше Мелисса: Мелисс говорит, что безграничное есть целое, а Парменид — что целое ограничено «от центра равносильное» [фр. В 8, ст. 44].

28. **СИМПЛИКИЙ.** Комм. к «Физике», с. 115, 11: Как сообщает Александр, Теофраст в первой книге «Исследования о природе» излагает аргумент Парменида так: «То, что отлично [букв. «помимо»] от сущего, — не-сущее. Не-сущее ничто. Следовательно, сущее одно». А Евдем так: «То, что отлично от сущего, — не-сущее. Но сущее однозначно. Следовательно, сущее одно». Действительно ли Евдем пишет об этом с такой ясностью где-то еще, я не могу сказать. Но в «Физике» [ЕВДЕМ, фр. 43 Wehrli] он пишет о Пармениде следующее, причем из его слов, пожалуй, можно вывести [формулировку Евдема, цитируемую Александром]: «Парменидово доказательство того, что сущее одно, убедительно, даже если сделать ему уступку и допустить, что [термин] „сущее“ употребляется в одном значении, за исключением категории чуждости, например когда [предикат] „человек“ сказывается об отдельных людях. И когда понятия предиктируются о единичном, всем [индивидам] будет присуще одно и то же понятие сущего так же, как понятие животного присуще всем животным. Допустим, что все сущие прекрасны и нельзя найти ни одного, которое не было бы прекрасным: все [сущие] в таком случае будут прекрасны, но прекрасное будет не одним, а многим: „прекрасным“ будет цвет, „прекрасным“ — занятие, „прекрасным“ — все, что угодно. Точно

так же все вещи будут „сущими“, но „сущее“ не будет ни одним, ни тем же самым: вода — это одно, а огонь — другое. Стало быть, неудивительно, что Парменид следовал недостоверным аргументам и был введен в заблуждение тем, что в его время еще не было выяснено: о многозначности [сущего] никто и понятия не имел, лишь Платон впервые ввел различие двух значений; никто не различал субстанциально сущего и акцидентально сущего. Явно он был обманут этим. Эта теория [=категориальный анализ сущего], равно как и силлогистика, была открыта [позднее] благодаря диспутам и диалектике [собств. «тезисам» (λόγοι) и «антитезисам» (ἀντιλογίαι)], ибо [тезис] не признавался [оппонентом], если не казался [логически] необходимым. А прежние философы выставляли свои тезисы без доказательств».

29. Мнения философов, I, 24, 1 («О возникновении и уничтожении»): Парменид и Мелисс отрицали возникновение и уничтожение, так как полагали универсум (τὸ πᾶν) неподвижным.

30. АММОНИЙ. Комм. к «Герменевтике», с. 133, 16: Прежде всего (как научил нас Тимей [27 С] и как утверждает сам Аристотель в своих рассуждениях о божестве, а до них Парменид, и не только у Платона [137 А], но и в **своих** стихах) в мире богов нет ни прошедшего, ни будущего, коль скоро ни то, ни другое не суще [«не налично-сейчас»], одно «уже не», другое «еще не», и коль скоро одно уже раз и навсегда изменилось, а другое постоянно изменяется; между тем такого рода [атрибуты] невозможно приписать сущностно сущим и не допускающим изменения даже в мысли [предметам].

31. Мнения философов (Стобей), I. 7. 26 («Что есть бог?»): Согласно Пармениду, неподвижное, конечное, шарообразное.

32. Мнения философов, I, 25, 3 («О необходимости»): Парменид и Демокрит: все в силу необходимости (ἀνάγκη), она же судьба (εἰμαρμένη), Правда (Дикэ), провидение (πρόνοια) и творец космоса. Ср.: ФЕОДОР ИТ, VI, 13: Парменид называет необходимость «божеством» (δαίμων), Правдой и провидением.

33. КЛИМЕНТ АЛЕКС. Протрептик, 5, 64 (т. I, с. 49, 2 St.): Парменид Элейский причислил к богам огонь и землю.

34. ПЛУТАРХ. Против Колота, 13. 1114 D: [Парменид] не упраздняет ни ту, ни другую реальность [ни нозтические, ни докситические вещи], но воздает должное каждой: к разряду единого-и-сущего он относит умопостигаемую реальность, называя ее «сущим» как нечто вечное и неуничтожимое, а «одним» — как нечто подобное себе и не поддающееся дифференциации, а к разряду неупорядоченного и движущегося он относит чувственную реальность. Средство познания этих [двух реальностей] можно видеть, с одной стороны, в «непогрешимом сердце легко убеждающей Истины» [В 1, 29], которое находится в контакте с умопостигаемым и пребывающим в одном и том же состоянии, а с другой — в «мнениях смертных, в которых нет достоверности точной» [В 1, 30], поскольку они в контакте с вещами, подверженными всевозможным изменениям и аффектам и не сохраняющими самотождественности [букв. «подверженными распадению»].

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 39, 10: [Парменид] называет это учение мнимым [собств. «постигаемым доксой»] и обманчивым не в том смысле, что оно абсолютно ложно, а в том, что оно низверглось [или: «низко пало»] от умопостигаемой истины до феноменального и постигаемого доксой чувственного мира.

Там же, с. 25, 15: Из полагавших конечное число начал одни принимают два, как, например, Парменид в «Доксе» огонь и землю, а точнее, свет и тьму.

35. АРИСТОТЕЛЬ. О возникновении и уничтожении, В 3. 330 b 13: Те, кто изначально допускает два [элемента], как, например, Парменид огонь и землю, считают промежуточные [тела], т. е. воздух и воду, их смесями.

Там же, В 9. 336 a 3: Поскольку, как они утверждают, горячему свойственно разделять, а холодному — сплавивать воедино, и каждое из других [тел] одно творит, другое претерпевает, из них, [как из материи], говорят они, и посредством них [как движущей причины] все остальное возникает и уничтожается. *Ср.: ФИЛОПОН. Комм. к этому месту, 287, 21: Александр говорит, что этого мнения держался Парменид с его сторонниками.

ЦИЦЕРОН. Учения академиков, II, 37, 118: Парменид [полагает] огонь тем, что движет, землю тем, что им оформляется.

36. Мнения философов (Стобей), II, 1, 2 («О космосе»): . . . Парменид, Мелисс. [признают] один космос. . . (3) Анаксимандр, Анаксимен. . . — бесчисленные космосы. . .

Там же (Стобей) II, 4, 11 («Уничтожим ли космос?»): Ксенофан, Парменид, Мелисс [полагают] космос невозникшим, вечным и неуничтожимым.

37. Мнения философов (Стобей), II, 7, 1 («О строении космоса»): Парменид говорит, что есть вещи, тесно переплетенные [или: «обвитые вокруг»], следующие друг за другом, один — из разреженного [вещества], другой — из плотного, а между ними — еще другие, смешанные из света и тьмы. То, что объемлет все [венцы] и окружает наподобие стены, — твердое, под ним — огненный венец. И то, что [находится] в самом центре всех [венцов], тоже твердое, а вокруг него — опять огненный [венец]. А самый средний из смешанных [венцов] для всех [них] — «родитель» движения и рождения; он называет его также «кормчей богиней», «ключедержицей», Правдой (Дикэ) и Необходимостью (Ананкэ). Аэр (темный воздух) — выделение земли, которое испарилось [из нее] по причине ее слишком сильного сжатия [собств. «валяния»]. Солнце и Млечный путь — отдушины огня. А Луна смешана из них обоих: аэра и огня. Выше всего расположен окружающий все эфир, под ним находится огненное [вещество] — то, что мы называем «небом», а уж под ним — земной мир.

ЦИЦЕРОН. О природе богов, I, 11, 28: [Теология Парменида]: Парменид измышляет нечто похожее на венок (он называет это στεφάνη) — содержащий огненный блеск или круг света, который окружает небо и который он называет богом. В нем невозможно заподозрить ни божественного образа, ни сознания. И много еще чудищ у того же [автора]: он ведь относит к богам «Войну», «Раздор», «Вожделение» и другие вещи того же рода, которые уничтожаются либо болезнью, либо сном, либо забвением, либо старостью. То же самое и о светилах, но, поскольку мы уже опровергли это учение [= о божественности светил] в случае с другим [философом], опустим его в случае с этим [Парменидом]. *Ср.: ФИЛОДЕМ. О благочестии, с. 68 G = с. 534—535 Dox.: Парменид же * * * очевидно, он полагает первого бога неодушевленным, а тех [богов], что им рождены, отчасти отождествляет со страстями человека. . . * * *

*ПЛАТОН. Пир, 195 с: А в древних расприх богов, о которых рассказывают Гесиод и Парменид, повинна скорей Необходимость, нежели Любовь [Эрос]. Если бы в них была Любовь, они бы не оскопляли, не заковывали бы друг друга в цепи и не совершали бы множество других насилий.

38. Мнения философов (Стобей), II, 11, 4 («О субстанции неба»): Согласно Пармениду, Гераклиту [A 10 DK = 61 a¹], Стратону [фр. 84 Wehrli], Зенону, небо состоит из огня.

39. Там же (Стобей), II, 13, 8 («О субстанции звезд»): Парменид и Гераклит [А 10 DK=61 а¹] полагают звезды сгустками огня.

40. ВИЗАНТИЙСКИЙ АНОНИМ, изд. Греу, с. 52, 19: Из неподвижных звезд, вращающихся вместе со Вселенной, одни для нас безмянны и непостижимы, как сказал Парменид-физик, а имеющих имена до шестой величины — тысяча, согласно Арату.

40 а. Мнения философов (Стобей), II, 15, 7 («О порядке светил»): Парменид первой в эфире помещает Утреннюю звезду, тождественную, по его мнению, с Вечерней, за ней Солнце, а под ним те звезды, что в огненной [сфере], которую он называет «небом» [В 10, 5].

ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ. VIII, 14: [Пифагор] первым сказал, что Вечерняя и Утренняя звезды тождественны, а по другим — Парменид.

41. Мнения философов (Стобей), II, 20, 8 («О сущности Солнца»): Согласно Пармениду и Метродору [70 А 11], Солнце — из огня.

42. Там же (Стобей), II, 25, 3 («О сущности Луны»): Согласно Пармениду, из огня.

Там же, II, 26, 2 («О величине Луны»): Согласно Пармениду, равна [по величине] Солнцу, так как [?] им освещается.

Там же (Стобей), II, 28, 5 («Об освещении Луны»): Фалес [11 А 17] первым сказал, что Луна освещается Солнцем. Пифагор, Парменид. того же мнения [ср. В 21].

43. Там же (Стобей), II, 20, 8 а («О сущности Солнца»): Согласно Пармениду, Солнце и Луна выделились из Млечного пути, Солнце — из более разреженной смеси, т. е. горячего, Луна — из более плотной, т. е. холодного.

43 а. Там же, III, 1, 4 («О Млечном пути»): Согласно Пармениду, смесь плотного и разреженного произвела млековидный цвет.

44. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 48: [Пифагор] первым назвал небо «космосом», а Землю круглой (согласно Теофрасту, Парменид, а согласно Зенону, Гесиод).

Мнения философов (Псевдо-Плутарх), III, 15, 7 («О землетрясениях»): Согласно Пармениду, Демокриту, [Земля] остается в равновесии вследствие равного расстояния от всех точек [периферии космоса], так как нет причины, по которой она скорее склонилась [~перевесила] бы сюда, нежели туда: поэтому она-де только колеблется, но не движется.

АНАТОЛИЙ. О декаде, с. 30 Неиб.: Кроме того, [пифагорейцы] полагали, что в центре четырех элементов покоится некий генадический [=соответствующий Единице, *ἐναδικόν*] огненный куб, о центральном местоположении которого знал и Гомер, когда говорил: «Столь внизу под Аидом, сколь Небоверху над Землею» [Ил., VIII, 16]. Похоже, что в этом пифагорейцам следовали Эмпедокл и Парменид с их последователями и едва ли не большинство древних мудрецов, утверждая, что монадическая субстанция, подобно очагу, расположена в центре и благодаря равновесию сохраняет то же самое местоположение.

44 а. СТРАБОН, II, 22 (94): Посидоний говорит, что основоположником учения о разделении [Земли] на пять поясов (*ζώναι*) был Парменид, но только он утверждал, что жаркий пояс почти в два раза больше в ширину, {чем расположенный между тропиками}, так как заходит за оба тропика вовне и до умеренных поясов. Ср.: АХИЛЛ. Введение, 31 [из Посидония через Евдора], с. 67, 27: Парменид Элейский впервые дал толчок [развитию] учения о поясах.

Мнения философов (Псевдо-Плутарх), III, 11, 4 («О положении Земли»): Парменид впервые определил обитаемые области Земли, [локализовав их] в двух субтропических поясах.

45. МАКРОБИЙ. Комм. к «Сну Сципиона», I, 14, 20: Парменид [полагает, что душа состоит] из земли и огня.

Мнения философов (Псевдо-Плутарх), IV, 3, 4 («Тело ли душа и какова ее сущность?»): Парменид и Гипсас [18, 9] [считают душу] огненной.

Там же (Псевдо-Плутарх), IV, 5, 5 («О сознании»): Согласно Пармениду и Эпикуру, сознание [«главенствующее начало»] находится во всей грудной клетке.

Там же (Стобей), IV, 5, 12: Парменид, Эмпедокл [фр. 525] отождествляют интеллект (νοῦς) и душу (ψυχή). По их мнению, нет ни одного животного, лишённого разума (ἄλογον) в строгом смысле слова.

46. ТЕОФРАСТ. Об ощущениях, 1: Относительно ощущения наиболее распространенных общих воззрений два: одни объясняют его подобием [органа и объекта], другие — противоположностью. Парменид, Эмпедокл и Платон — подобием, а Анаксагор и Гераклит с их последователями — противоположностью. (3) Парменид вообще ничего не определил, а лишь [указал], что при наличии двух элементов познание (γνώσις) зависит от преобладания [одного из них]. В зависимости от того, окажется ли в избытке горячее или холодное, мысль (διδόξα) становится иной, причем лучше и чище та, что от горячего. Правда, и ей нужна определенная пропорция (συμμετρία): «Смотря по тому, в каком состоянии всякий раз. — говорит он, — мысль» [В 16]. Ощущение и мышление (τὸ φρονεῖν) он отождествляет, поэтому и память и забвение происходят от этих [элементов] и обусловлены [пропорцией их] смеси. А когда они смешаны в равной пропорции, будет ли сознание или нет и что это будет за состояние, — больше он никаких разъяснений не дал. А то, что он и противоположному [элементу, т. е. холодному, — земле] как таковому приписывает ощущение, это явствует из тех его слов, где он говорит, что свет, тепло и голос мертвый не ощущает из-за отсутствия огня, а холод, молчание и [другие] противоположности ощущает. Мало того, вообще все существующее обладает-де некоторым сознанием! С помощью такого голословного утверждения он, по-видимому, хочет одним махом отрубить те трудности, которые вытекают из его воззрения.

46 а. Мнения философов (Стобей) V, 30.4 («О здоровье, болезни и старости»): Согласно Пармениду, старость вызывается нехваткой тепла.

46 б. ТЕРТУЛЛИАН. О душе, 45: Эмпедокл [фр. 567] и Парменид . полагают. сон охлаждением.

47. Мнения философов (Стобей), IV, 9, 6 («Истинны ли ощущения?»): Парменид, Эмпедокл [фр. 432], Анаксагор, Демокрит, Эпикур, Гераклит [фр. 122a Wehrli] полагают, что отдельные ощущения обусловлены соразмерностью пор [с воспринимаемыми объектами], причем к каждому органу чувств подходит [собств. «подогнан, прилажен»] соответствующий род чувственно воспринимаемых объектов.

48. Мнения философов (Стобей), IV, 13, 9—10 («О зрении»): По словам Гиппарха, [зрительные] лучи, которые вытягиваются из каждого глаза, своими концами, словно прикосновениями рук, ощущают внешние тела и передают восприятие к органу зрения. Некоторые приписывают это мнение и Пифагору как авторитету в математических науках, и, кроме того, Пармениду, который обнаруживает этот взгляд в своих стихах.

49. ФИЛОДЕМ. Риторика, fr. inc. 3, 7 (т. II, с. 169 Sudh.): Парменид и Мелисс, которые учат, что Все — одно, и так как ощущения ложны.

Мнения философов (Стобей), IV, 9, 1 («Истинны ли ощущения?»): Пифагор, Эмпедокл, Ксенофан [21 A 49], Парменид. полагают ощущения ложными.

50. Мнения философов (Стобей), IV, 9, 14: Согласно Пармениду, Эмпедоклу, влечение [=аппетит] возникает от недостатка пищи.

51. ЦЕНЗОРИН. О дне рождения, 4, 7, 8: Эмпедокл [фр. 484] утверждает нечто следующее. Сначала из как бы беременной земли там и сям родились отдельные члены, затем они срослись и образовали естество цельного человека, смешанное одновременно с огнем и водой. Того же мнения, за исключением немногочисленных расхождений с Эмпедоклом, держался и Парменид из Велии. Ср.: Мнения философов, V, 19, 5.

52. АРИСТОТЕЛЬ. О частях животных, В 2. 648 а 25: Некоторые говорят, что водные животные теплее земных, полагая, что холод среды компенсируется теплотой их природы, равно как они же утверждают, что бескровные [живые существа теплее] обладающих кровью, а самки — самцов. Так, Парменид и некоторые другие утверждают, что женщины теплее мужчин, поскольку, мол, месячные происходят от теплоты и обилия крови, а Эмпедокл — наоборот.

53. Мнения философов (Псевдо-Плутарх), V, 7, 2 («Как рождаются самцы и самки?»): Парменид — наоборот, [нежели Эмпедокл; ср. 31 А 81], по его словам, на севере [во время антропогенеза из земли] произросли самцы, так как они содержат больше плотного [вещества], а на юге — самки в силу рыхлости.

Там же, V, 7, 4: Согласно Анаксагору [59 А 111] и Пармениду, [сперма, отделившаяся] с правой стороны [тела отца], эякулируется в правые части матки, а с левой — в левые: [в этом случае рождаются самцы]. Если же направление эякуляции поменяется, рождаются самки. Ср.: АРИСТОТЕЛЬ. О возникновении животных, Δ 1. 763 в 30.

ЦЕНЗОРИН. О дне рождения, 5, 2: Стало быть, среди философов нет общепризнанного мнения по вопросу, откуда [=из какой части тела] исходит семя. Парменид полагал, что оно происходит то с правой стороны, то с левой.

54. Мнения философов (Псевдо-Плутарх), V, 11, 2 («Откуда происходит сходство [ребенка] с родителями и с предками?»): Парменид полагает, что, когда сперма отделяется с правой стороны {матки}, [ребенок похож] на отца, когда с левой — на мать.

ЦЕНЗОРИН. О дне рождения, 6, 8: Впрочем, Парменид полагает, что, когда семя даст правая сторона [тела отца], тогда сыновья похожи на отца, когда левые — на мать.

Там же, 6, 5: Между женщиной и мужчиной, говорит Парменид, происходит борьба и на чьей стороне победа, того облик и воспроизводится [в ребенке].

ЛАКТАНЦИЙ. О творении Божьем, 12, 12: Считается, что несхожие натуры образуются так: когда семя мужского пола случайно попадет в левую часть матки, то, как полагают, рождается мальчик, но поскольку он зачат в женской части, то в нем есть что-то женское в большей мере, нежели это допускает мужское достоинство: либо замечательная красота, либо излишняя белизна, либо гладкость тела, либо нежные члены, либо маленький рост, либо тонкий голос, либо слабость духа, либо сразу несколько из этих черт. Точно так же если в правую часть [матки] вольется женского рода семя, то родится девочка, но поскольку она зачата в мужской части, то в ней есть что-то мужское в большей мере, нежели это позволяет ее пол: либо мощные члены, либо непомерный рост, либо смуглый цвет, либо бутристое лицо, либо некрасивые черты, либо низкий голос, либо отважный дух, либо сразу несколько из этих черт [ср. В 18].

В. ФРАГМЕНТЫ

О природе

1. Ст. 1—30: СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, VII, 111: Ученик Ксенофана Парменид осудил гипотетическую [собств. «основанную на доксе»] теорию, т. е. теорию, основанную на необоснованных субъективных представлениях, и признал критерием [истины] научную, т. е. непогрешимую, теорию. В начале поэмы «О природе» он пишет так [цит. стихи 1—30 и фр. В 7, ст. 2—7]. (112) В этих стихах под «несущими» его «ко-нями» Парменид разумеет иррациональные порывы и влечения души [ст. 1], а по «мно-говестному пути божества» едет сообразное с философской теорией умозрение, како-вая теория в виде бога-проводника ведет к познанию всех вещей [ст. 2—3]. «Девы», ведущие его за собой, — это ощущения [ст. 5], из которых на слух он намекает в сло-вах: «Ибо ее подгоняли два вертящихся вихрем колеса» [ст. 7], т. е. уши, которыми воспринимают звук. Зрение он называет «Девами Гелиадами» [ст. 8], покинувшими «дом Ночи» [ст. 9] и «к свету гонящими» [ст. 10], так как без света оно бесполезно. «Многокарающая Правда», «имеющая чередующиеся ключи» [ст. 14], к которой он при-был, — это разум, обладающий безошибочными представлениями о вещах. «Привяв» его [ст. 22], она обещает научить его двум вещам: «как непоколебимому сердцу легко убеждающей Истины» [ст. 29], что означает незыблемое основание науки, так и «мне-ниям смертных, в которых нет очевидной достоверности» [ст. 30], т. е. всему, что осно-вано на мнении и ненадежно. Ст. 28—32: СИМПЛИКИЙ. Комм. к «О небе», 557, 20: Те философы признавали двоякую реальность: с одной стороны, реальность истинно сущего, умопостигаемого, с другой — становящегося, чувственного, которую они не считали возможным называть «сущим» в абсолютном смысле, но «тем, что кажется су-щим». Поэтому о сущем, утверждают они, имеется истина, о становящемся — мнение. Парменид говорит [ст. 28 сл.].

Кони, которые меня несут, — доставляли [меня] так далеко, как только
может достичь дух [~мысль],

После того как привели меня и вступили на многовестный путь
Божества, который ведет знающего мужа в стремительном полете по Все-
ленной.

Этим путем я несся, ибо по нему несли меня сверхпроницательные кони,

5 Во весь опор мча колесницу, а Коры (Девы) путеводительствовали.

Плающая ось издавала в ступицах скрежет втулки,

(Ибо ее подгоняли два вертящихся вихрем колеса

С обеих сторон), всякий раз как Коры (Девы) Гелиады (Дочери Солнца),
Покинувшие дом Ночи, [подгоняли коней и] торопились отвезти [меня]

10 К Свету, сбросив руками покрывала со [своих] голов.

Там — ворота путей Ночи и Дня,

И их объемлет притолока и каменный порог,

А сами — высоко в эфире — они наглухо закрыты огромными створами,
Двойные запоры которых сторожит многокарающая Дикэ (Правда).

15 Коры стали уговаривать ее ласковыми словами

И смекалисто убедили, чтобы она им закрепленный шпеньком засов

Мигом откинула от ворот. И тогда они распахнулись

И образовали широкозияющий проем между створами,

- Поочередно повернув в гнездах многомедные стержни,
 20 Закрепленные гвоздями и заклепками. И вот туда через ворота
 Прямо направили Кору по торной дороге колесницу да коней.
 И богиня приняла меня благосклонно, взяла десницей
 Десницу и, обратившись ко мне, сказала так:
 «О Курос (Юноша), спутник бессмертных возниц,
 25 На конях, которые тебя несут, прибывший в наш дом,
 Привет тебе! Ибо отнюдь не Злая Участь (Мойра) вела тебя пойти
 По этому пути — воистину он определен трою человек —
 Но Закон (Фемида) и Правда (Дика). Ты должен узнать все:
 Как непогрешимое сердце легко убеждающей Истины,
 30 Так и мнения смертных, в которых нет непреложной достоверности.
 Но все-таки ты узнаешь и их тоже: как о кажущихся вещах
 Надо говорить правдоподобно, обсуждая их все в совокушности.

2. Ст. 1—8: ПРОКЛ. Комм. к «Тимею», т. I, с. 345, 18 [после В 1, 29—30]. Ст. 3—8: СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 116, 25: Если же кто желает услышать самого Парменида, излагающего эти постулаты, один из которых гласит, что отличное от сущего — не-сущее и ничто (этот постулат тождествен постулату об однозначности «сущего»), то он найдет их в следующих стихах [цит. ст. 3—8]. Ст. 5—6: ПРОКЛ. Комм. к «Пармениду», 1078, 4—5.

Давай я скажу тебе (а ты внимательно выслушай) речь о том,
 Какие пути поиска [~дознания] единственно мыслимы:
 Один [путь] — что [ничто] есть и что невозможно не быть;
 Это — путь Убеждения (ибо оно сопутствует Истине).

- 5 Другой — что [ничто] не есть и что по необходимости должно не быть.
 Вот эта тропа, указываю тебе, совершенно неведома [=непознаваема],
 Ибо то, чего нет, ты не мог бы ни познать (это неосуществимо),
 Ни высказать.

3. КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, VI, 23 (т. II, с. 440, 12): Аристофан сказал: «Мыслить означает то же, что делать» [фр. 691 К.], и до него Парменид Элейский: «... мыслить и быть одно и то же». ПЛОТИН, V, 1, 8 Н.—S.: Прежде [т. е. до Платона] такого воззрения держался и Парменид, поскольку он отождествлял сущее и ум (нус) и полагал сущее не в чувственных вещах: «мыслить и быть — одно и то же», говорил он. Кроме того, он называет сущее «неподвижным» — впрочем, присовокупляя «мышление» — и тем самым устраняет из него всякое телесное движение, а также уподобляет его «глыбе шара», так как оно заключает все внутри себя и так как мышление не вне его, но в нем самом. [Грамматически допустимый вариант перевода: «... ибо одно и то же может быть мыслимо и быть»].

4. Ст. 1—4: КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, V, 15 (т. II, с. 335, 25 St.) [после: ЭМПЕДОКЛ. фр. 31, ст. 21]: Также и Парменид в своей поэме говорит намеками о надежде [цит. ст. 1—4], поскольку и надеющийся, подобно верующему, видит умом умопостигаемое и грядущее. Значит, если мы признаем реальной [букв. «чем-то»] справедливость, признаем и красоту, да и истину признаем реальностью, однако ж ничего подобного мы никогда глазами не видели, а разве лишь одним умом. Ст. 1: ПРОКЛ. Комм. к «Пармениду», 1152, 37; ФЕОДОРИТ. Лечение, I, 72; ст. 2: ДАМАСКИЙ. 67. 23.

Однако созерцай умом отсутствующее как постоянно присутствующее,
Ибо [отсутствующее?] не отсечет сущее от примыкания к сущему,

- 3 Ни когда оно повсюду полностью рассеивается по космосу,
Ни когда оно сплачивается.

5. ПРОКЛ. Комм. к «Пармениду», I, с. 708, 16 [после В 8, 25]:

Для меня равнозначно то,
Откуда начать, ибо я приду туда снова.

6. Ст. 1—9: СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 117, 2 [после В 2]: О том, что два противоречащих суждения не могут быть одновременно истинными, он говорит в тех стихах, где порицает отождествляющих противоположности; сказав: «Ибо есть — бытие это путь поиска», — он добавляет: «А затем. попятный путь». Ст. 8—9: Там же, 78, 2: Упрекнув тех, кто сводит воедино сущее и не-сущее в умопостигаемом: «Те, у кого быть и не быть считаются одним и тем же», [В 6, 8—9] и отвратив от пути ищущего не-сущее: «Отврати же от этого пути поиска [свою] мысль» [В 7, 2], он добавляет: «Остается только один и т. д.» [В 8, 1 сл.]. Ст. 1—2: СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 86, 27—28.

То, что высказывается и мыслится, необходимо должно быть сущим [«тем, что есть»], ибо есть — бытие,
А ничто — не есть: прошу тебя обдумать это.

* * *

Это путь поиска, от которого я тебя <отвращаю>, во-первых,
А затем от того, по которому смертные, не знающие ничего,

- 5 Блуждают о двух головах, ибо беспомощность в их
Грудях правит сбившимся-с-пути умом, а они носятся
Одновременно глухие и слепые, в изумлении [=«ничего не понимая»], невразумительные толпы,
Те, у кого «быть» и «не быть» считаются одним и тем же
И не одним и тем же и для всего имеется попятный [=«противоположный»] путь.

7—8. 7, 1—2: ПЛАТОН, Софист, 237 а, ср. 258 d: [Элейский гость]. [Возможность] казаться в явлении и мнить в мнении, но при этом не быть, а также [возможность] высказывать нечто неистинное, все это полно [противоречий, вызывающих] недоумения всегда — и в прежние времена, и сейчас. Каким образом сказавший, что возможно высказывать нечто ложное или полагать его в мнении истинно сущим, не испытывает, произнеся это, противоречия, — совершенно непостижимо. [Теэтет.] Эта теория посмела признать, что не-сущее [«то, чего нет»] есть, иначе-де ложь не была бы возможной, будь она тем, что есть. Великий Парменид, мальчик мой, когда мы сами были мальчиками, опровергал это перед нами с начала и до конца, постоянно утверждая в прозе и в стихах: «Ибо никогда не вынудить. . . мысль». Ст. 1: АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, N 2. 1089 а 2: Они [платоники] полагали, что все сущее будет одним, если не разрешить и не отбить тезис Парменида: «Ибо никогда. . . чего нет, есть»; необходимо, мол, доказать, что не-сущее есть.

7, 2—6+В 8, 1—2 [после В 1]: СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, VII, 114 [стихи 3—6: VII, 111]: И под конец он поясняет, что следует доверять не ощущениям, но только разуму: «И да не заставит тебя. . . произнесенное мной». Как явствует из ска-

занного, он тоже объявил критерием объективной истины научную теорию (логос) и тем самым отказался принимать во внимание ощущения. Ст. 3—5: ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 22.

8, 1—52: СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 144, 29 [после А 21]: Стихи, следующие после той части [поэмы Парменида], где элиминируется не-сущее, гласят: «Остается только один. внимая обманчивому нарядному строю моих стихов». 8, 1—14: Там же, 78, 5 [после В 7, 2] . Добавляет: «Остается только один. очень много знаков», — и затем излагает признаки абсолютного бытия: «Что сущее нерожденным. ослабив оковы». Говоря это об абсолютном бытии, он с очевидностью доказывает, что это бытие не возникло: [оно не могло возникнуть] ни из бытия, так как ему не предсуществовало другого бытия, ни из небытия, ибо небытия вовсе нет. И почему оно возникло именно тогда-то, а не раньше и не позже? Равным образом, [абсолютное бытие не возникло] из не-вполне-бытия [букв. «того, что в каком-то смысле есть, а в каком-то не есть»], подобно тому как возникают чувственные вещи, ибо не-вполне-бытие не могло бы предсуществовать абсолютному бытию, но гипостазировалось после него.

8, 3—4: КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, V, 112 (т. II, с. 402, 8): Парменид. . пишет о боге так: «очень много [знаков], что оно. . бездрожно и нерожденно [sic]». 8, 38: ПЛАТОН. Тетет, 180 D: Другие вопреки им [гераклитовцам] утверждали, нечто противоположное, как-то: «. оно неподвижно, всему имя будет. . » [текст испорчен] и все прочее, что вопреки всем им [гераклитовцам] утверждают Мелиссы и Пармениды, что-де все одно и неподвижно само в себе, так как лишено пространства, в котором могло бы двигаться. В 8, 39: ср.: Мелисс В 8: «Если земля, вода . . есть. . и все прочее, о чем люди говорят, что оно истинно есть». 8, 42: ср.: СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 147, 13: Надо полагать, что Парменид учит [о Едином] как о первой причине, коль скоро [выражения] «все вместе» [ст. 5] и «крайний предел» означают Единое. Но если он имеет в виду не абсолютное Единое в себе, а «единое сущее» и если «единородное», и если хоть и «предел», но «конечный», то, быть может, он указывает на неизреченную причину всего, стоящую над ним. 8, 43—45: ПЛАТОН. Софист, 244 E: [Тождественно ли «единое сущее» «целому»?] Стало быть, если [единое сущее] целокупно, о чем говорит и Парменид: «Со всех сторон, похожее на глыбу. чем вот там», — то, поскольку сущее таково, оно имеет центр и края, а имея их, оно со всей необходимостью должно иметь части. . ЕВДЕМ, фр. 45 Wehrli = СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 143, 4: Следовательно, то, что [Парменид] говорит [о едином сущем], не может относиться и к Небу [= Вселенной], как, по словам Евдема, полагали некоторые, понимая в этом смысле стихи «Со всех сторон, похожее на глыбу совершенно-круглого шара»: Небо не «неделимо» и не «подобно шару», но есть точнейший шар в природе. 8, 44: АРИСТОТЕЛЬ. Физика, Г 6. 207 а 15: Следует полагать, что Парменид высказался лучше Мелисса: Мелисс говорит, что безграничное есть целое, а Парменид — что целое ограничено «от центра равносильное». 8, 50—61: СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 38, 28: Завершив рассуждение об умопостигаемом, Парменид добавляет следующее. . . : «На этом я кончаю . . . чтобы тебя, чего доброго, не обскакало какое-нибудь воззрение смертных». 8, 50—59: СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 30, 14: Перейдя от умопостигаемого к чувственному или, как он сам говорит в следующих стихах: «На этом я кончаю внимая обманчивому нарядному строю моих стихов» — от «истины» к «мнению», Парменид также полагает элементарными началами чувственных вещей первичную противоположность, которую он называет «светом и тьмой», «или» «огнем и землей», или «плотным и разреженным», или «тождественным и иным», о чем говорит

в непосредственно примыкающих к цитированным выше стихах: «Смертные приняли решение . . . плотное и тяжеловесное обличье». 8, 52: СИМПЛИКИЙ. Там же, 147, 28: «Обманчивым» он называет «нарядный строй стихов», в которых идет речь о «мнениях смертных». 8, 53—59: СИМПЛИКИЙ. Там же, 179, 29: Физики, признающие сущее единым и неподвижным, подобно Пармениду, также полагают началами противоположности. Так, Парменид в «Доксе» также полагает началами горячее и холодное. Он называет их огнем и землей или светом и ночью, т. е. тьмой. После «Истины» он говорит: «Смертные приняли решение тяжеловесное обличье».

7:

Ибо никогда не вынудить этого: что то, чего нет, — есть.

Отврати же от этого пути поиска [свою] мысль,

И да не заставит тебя [вступить] на этот путь богатая опытом привычка

Глазеть бесцельным [~ невидящим] оком, слушать шумливым слухом

- 5 И [пробовать на вкус] языком. Нет, рассуди разумом ($\lambda\acute{o}\gamma\omicron\varsigma$) многооспаривающее опровержение,

Произнесенное мной.

8:

Остается только один мысленный путь,

[Который гласит]: «ЕСТЬ». На нем — очень много знаков,

Что сущее нерожденным, оно и не подвержено гибели,

Целокупное, однородное, бездрожное и законченное [?].

- 5 Оно не «было» некогда и не «будет», так как оно «есть» сейчас — все вместе [~одновременно],

Одно, непрерывное. Ибо что за рожденье будешь выискивать ему?

Как и откуда оно выросло? Из не-сущего [«того, чего нет»?] Этого я не разрешу

Тебе высказывать или мыслить, ибо нельзя ни высказать, ни помыслить:

«Не есть». Да и какая необходимость побудила бы его

- 10 [Скорее] позже, чем раньше, начав с ничего, родиться на свет?

Следовательно, оно должно быть всегда или никогда.

Равно как и из сущего сила достоверности никогда не позволит

Рождаться чему-либо, кроме него самого. Вот почему

Правда (Дикэ) не отпустила [сущее] рождаться или гибнуть, ослабив оковы,

- 15 Но держит крепко. Спор [собств. «тяжба, требующая решения»] по этому делу — вот в чем:

ЕСТЬ или НЕ ЕСТЬ? Так вот, решено [~ вынесен приговор], как [этого требует] необходимость,

От одного [пути] отказаться как от немыслимого, безымянного, ибо это не истинный

Путь, а другой — признать существующим и верным.

Каким образом то, что есть [~сущее-сейчас], могло бы быть потом? Каким образом оно могло бы быть-в-прошлом [или: «стать»]?

- 20 Если оно «было» [или: «стало»], то оно не есть, равно как если ему [лишь] некогда предстоит быть.

Так рожденье угасло и гибель пропала без вести.

И оно неделимо, ибо оно все одинаково,

И вот тут его ничуть не больше, а [вот там] ничуть не меньше,

Что исключило бы его непрерывность, но в сенаполнено сущим.

- 25 Тем самым Всё непрерывно: ибо сущее примыкает к сущему.
 Неподвижное, в границах великих оков,
 Оно безначально и непрерывно, так как рождение и гибель
 Отброшены прочь: их отразило безошибочное доказательство
 Оставаясь тем же самым в том же самом [месте], оно покоится само по себе.
- 30 И в таком состоянии оно остается стойко [~ постоянно], ибо неодолимая
 Анаккэ
 Держит [его] в оковах предела [~ границы], который его запирая-объемлет,
 Потому что сущему нельзя быть незаконченным.
 Ибо оно не нуждается ни в чем, а нуждайся, нуждалось бы во всем.
 Одно и то же — мышление и то, о чем мысль,
- 35 Ибо без сущего, о котором она высказана,
 Тебе нет и не будет ничего,
 Кроме сущего [«того, что есть»], так как Мойра приковала его
 Быть целокупным и неподвижным. Поэтому [пустым] именем будет все,
 Что смертные установили [в языке], убежденные в истинности этого:
- 40 «Рождаться и гибнуть», «быть и не быть»,
 «Менять место» и «изменять яркий цвет».
 Но поскольку есть крайняя граница, оно закончено
 Со всех сторон, похожее на глыбу совершенно-круглого Шара,
 Везде [=«в каждой точке»] равносильное от центра, ибо нет нужды,
- 45 Чтобы вот тут оно было больше или меньше, чем вот там.
 Ибо нет ни не-сущего, которое заставило бы его перестать примыкать
 К однородному [с ним], ни [такого] сущего, чтобы [сущего]
 Вот тут было больше, а вот там меньше, чем сущего, так как оно всецело
 неприкосновенно.
 Ибо равное самому себе со всех сторон [=от всех точек периферии] оно
 однородно внутри [своих] границ.
- 50 На этом я кончаю достоверное слово и мысль
 Об истине. Начиная отсюда, учи мнения (δῖξας) смертных,
 Внимая обманчивому нарядному строю (κόσμον) моих стихов.
 Смертные приняли решение именовать две формы (μορφαί),
 Одну из которых [именовать] не следует — в этом их ошибка.
- 55 Они различили [их как] противоположности по внешнему облику и уста-
 новили [отличительные] признаки
 Порознь друг от друга: с одной стороны — пламени огонь небесный [эфир-
 ный],
 Мягкий, очень разреженный {легкий}, повсюду тождественный самому себе,
 А другому — не тождественный. А с другой — и это тоже само по себе, —
 Как противоположность [огню] — невежественную [?] ночь, плотное и
 тяжеловесное обличье.
- 60 Я изрекаю тебе вполне правдоподобное мироустройство [=«космогонию»,
 δῖακόσμον],
 Чтобы тебя, чего доброго, не обскакало какое-нибудь воззрение смертных.

Схолий к ст. 56—59: СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 31, 3: [В кодексе с поэмой
 Παρμενίδα] между строк вписана также прозаическая цитатка, якобы принадлежащая

самому Пармениду; она гласит: «это [=огонь] называется разреженным, теплым, светом, мягким и легким, а плотное поименовано именами: холодное, тьма, твердое и тяжелое: это те [противоположности], которые отделились друг от друга».

9. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 180, 8 [после В 8, 59]: И чуть ниже [цит. ст. 1—4]. Если же «нет ничего, что было бы непричастно ни тому, ни другому», то это означает, что они оба начала и что они противоположны.

Но коль скоро все [вещи] названы именами «Свет» и «Ночь»,

И те [противоположные «признаки»], которые соответствуют их свойствам
(δυνάμεις), наименованы этим [вещам] и тем,

- 3 То, [следовательно], все наполнено вместе Светом и непроглядной Ночью,
Обоими поровну, так как ни тому, ни другому не причастно ничто.

10. КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, V, 138 (т. II, с. 419, 12): Придя к истинному познанию [Христа], пусть тот, кому угодно, послушает обещания Парменида Элейского: «ты познаешь. . . звезд». Ср.: ПЛУТАРХ. Против Колота, 13. 1114 В: [Вопреки нападкам Колота Парменид своим учением о Всеединстве не упразднил физического мира]. Он сочинил и космогонию (διάκοσμον), и смешением элементов, светлого и темного, из них и посредством них порождает все явления. И о Земле ведь он много чего сказал, и о небе, и о Солнце, и о Луне, и о звездах, и о происхождении людей рассказал. И поскольку он был древним физиологом и сочинил свое собственное сочинение, а не испортил чужое, [как эпикурейцы], то ни одного важного вопроса не обошел молчанием. Еще раньше Сократа и Платона он понял, что в природе есть нечто постигаемое мнением, а есть нечто постигаемое умом: постигаемое мнением ненадежно и шатко в силу того, что оно подвержено многочисленным изменениям и переменам, растет и убывает и по-разному воспринимается в ощущении различными [субъектами], и даже не всегда одинаково одним и тем же, а умопостигаемое относится к другому виду, ибо оно «цельночленно, бездрожно и нерожденно» [В 8, 4], как он сам сказал и т. д.

Ты познаешь эфирную природу и все, что в эфире,

Знаки [=созвездия], и дела чистого светоча лучезарного Солнца,

- 3 Делаящие [его] невидимым, и откуда они возникли

Уведает также циклические [собств. «ходящие взад—вперед»] дела кругло-
окой Луны

И [ее] природу, познаешь и [все]объемлющее Небо —

- 6 Откуда оно родилось и как понуждающая Ананкэ приковала его
Стеречь границы звезд.

11. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «О небе», 559, 20: О чувственно воспринимаемом Парменид, по его словам, начнет говорить

как Земля, Солнце и Луна,

И общий [всем] эфир, и небесное Млеко, и крайний Олимп,

- 3 И звезд горячий дух порывисто пустились
Рождаться.

и излагает затем происхождение подверженных возникновению и уничтожению вещей вплоть до частей животных.

12. Ст. 1—3: СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 39, 12 [после В 8, 61]: Чуть ниже, снова сказав о двух элементах, он прибавляет и творящую причину, говоря так: «Более узкие . . . правит». Ст. 2—6: Там же, 31, 10: О том, что творящая причина отно-

сится не только к телам, вовлеченным в рождение, но и к бестелесным сущностям, осуществляющим рождение, Парменид ясно передал в следующих словах: «Те, что за ними. . . самца». Ст. 4: Там же, 34, 14: Творящей причиной, единой и общей, он полагает богиню, находящуюся «в середине всего» и выступающую причиной всякого рождения.

- Более узкие [венцы] наполнены беспримесным Огнем,
 Те, что за ними — Ночью, но при этом испускается доля пламени,
 3 А в середине их — богиня, которая всем правит:
 Она зачинает проклятое рождение и совокупление всех существ,
 Посылая совокупиться самцу самку и, наоборот,
 6 Самке самца.

13. ПЛАТОН. Пир, 178 b: [Космогонический Эрос: Гесиод, Акусилаи, Парменид]. Парменид же [родительницей Эроса] считает Генесис: «Наипервейшим Эроса». АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, А 4. 984 b 23: Можно предположить, что впервые подобную [=движущую] причину исследовал Гесиод, равно как и все остальные, полагавшие эрос онтологическим принципом, например Парменид: конструируя космогонию, он говорит: «Наипервейшим. . . Эроса». ПЛУТАРХ. О любви, 13. 756 F: Парменид объявляет Эроса древнейшим из творений Афродиты; он пишет в «Космогонии» [=«Доксе»]: «Наипервейшим. . . Эроса». СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 39, 18 [после В 12, 3]: Он считает ее [Богиню — *Δαίμων*] и причиной богов, [а не только рождения животных] в следующих словах:

Наипервейшим из всех богов она смастерила Эроса. . .

и т. д. И еще он говорит, что она посылает души то из видимого мира в невидимый [τὸ ἀφανές=Аид], то наоборот, [из невидимого в видимый]. [Продолжение теогонии Парменида см. А 37, ЦИЦЕРОН].

Ср. *ДАМАСКИЙ. О нач. F 371^r: Далее, в-пятых, богов, видимых в этом космосе, но не эманурующих из горних рядов, богословы представляют нам как молодых или по большей части старых. Ими полны орфические и варварские теологии. И действительно, Парменид, который рассказывает нам о все новых и новых чинах (*διδασμοί*) [богов], завершил [теогонию] на шестом поколении богов, дойдя до этого [=подлунного чина]. Последний же из всех — подлунный мир (*χόσμος*), как свидетельствуют оракулы, философские учения и, можно сказать, сама чувственная очевидность [ср.: ОРФЕЙ, В 1].

*13 а. АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, Z 15. 1040 а 31: [О солнце]

Прячущийся-ночью. . . обегаящий Землю по кругу <свет>.

14. ПЛУТАРХ. Против Колота, 15. 1116 А: [Подобно тому как тот, кто не называет изображение Платона «Платоном», не отрицает тем самым реальности изображения], так и тот, кто не называет раскаленное железо «огнем» или Луну [отражающую свет Солнца] «Солнцем», но, говоря словами Парменида, [называет Луну]

Сияющим-ночью, бродящим вокруг Земли чужим светом,

не отрицает ни пользы железа, ни реальности (*φύσιν*) Луны.

15. ПЛУТАРХ. О лице на Луне, 16.6. 929 А: Из такого множества небесных светил одна лишь Луна нуждается в чужом свете и кружит, по словам Парменида,

Вечно обращая взор к лучам Солнца.

15 а. Схолии к «Шестодневу» Василия Великого, 25 [ed. Pasquali. Gött-Nachr. 1910, p. 201, 2]: [К словам «если предположить, что Земля зиждется на воде». Парменид в поэме назвал Землю «коренящейся в воде».

16. АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, Г 5. 1009 б 21 [ср. А 46]:

Какова в каждый момент пропорция смеси [элементов в] непрерывно-меняющихся членах,
Такова и мысль [=«ощущение»], приходящая людям на ум. Ибо
Природа членов тождественна с тем, что она сознает, у людей,
И у всех [существ], и у Всего, а именно: чего [в ней] больше, то и мыслится
[=«ощущается»].

17. ГАЛЕН. Комм. к «Эпидемиям» Гиппократу, VI, 48 (т. XVII А 1002 К.). О том, что зачатие мальчика происходит в правой части матки, говорили, [помимо Гиппократу], и другие древнейшие ученые. Парменид сказал так:

Справа — мальчики, слева — девочки. . .

18. ЦЕЛИЙ АВРЕЛИАН. О хронических болезнях, IV, 9 (с. 902 Drabkin): [Контекст: гомосексуальность]. В книгах «О природе» Парменид говорит, что в результате [особенностей] зачатия иногда рождаются изнеженные и расслабленные люди. Поскольку его греческий текст написан в гексаметрах, я тоже передам его в стихах. А чтобы не смешивать языки, я, как мог, перевел их на латынь тем же размером [цит. ст. 1—6]. Он полагает, что в семени, помимо материальных веществ, имеются силы [virtutes=δυνάμεις, ср. В 9, 2]. Если они смешаются таким образом, что в одном и том же теле образуют единство, то порождают [в ребенке] половое влечение, сообразное с полом. Если же вещества [мужского и женского] семени смешаются, а силы останутся разделенными, то рожденным [от такого зачатия] достается любовное влечение, свойственное и тому и другому полу:

Когда мужчина и женщина смешивают семена любви,
То сила (virtus), формирующая [?] в жилах из различной крови,
В случае, если она сохраняет пропорцию смеси (temperiem), образует хо-
рошо сложенные тела.

Ибо если семя перемешалось, а силы враждуют
И не образуют единства в смешанном теле, то они жутко
Будут терзать рождающийся пол двойным семенем.

19. СИМПЛИКИЙ, Комм. к «О небе», 558, 8: Изложив диакосмезу чувственных вещей, он опять добавил:

Так, к твоему сведению, согласно мнению (κατὰ δόξαν) родились эти-вот [вещи]
и существуют теперь,
А в будущем, коль скоро они образовались, им придет конец.
Люди же для каждой из них установили имя как приметку.

Dubia

20. =ЭМПЕДОКЛ, «О природе», фр. 611.

21. Мнения философов, II, 30, 4 (Стобей) («О видимом облике Луны. Почему она кажется землистой?»): Парменид: потому, что к огненному веществу в ней примешано темное. Поэтому он называет это светило «лжесветящим».

ПРИЛОЖЕНИЕ: СТИХОТВОРНЫЙ ПЕРЕВОД

Парменид. «О природе»

[Прозимий]

- фр. 1 Кони, несущи меня, куда только мысль достигает
 Мчали, вступивши со мной на путь божества многовещий,
 Что на крылах по Вселенной ведет познавшего мужа.
 Этим путем я летел, по нему меня мудрые кони,
 5 Мча колесницу, влекли, а Девы вожатыми были.
 Ось, накалившись в ступицах, со скрежетом терлась о втулку,
 (Ибо с обеих сторон ее подгоняли два круга
 Взверченных вихрем), как только Девы Дочери Солнца,
 Ночи покинув чертог, ускоряли бег колесницы
 10 К Свету, откинувши прочь руками с голов покрывала.
 Там — Ворота путей Дня и Ночи, объемлемы прочно
 Притолокой наверху и порогом каменным снизу,
 Сами же — в горнем эфире — закрыты громадами створов,
 Грозноозвездная Правда ключи стережет к ним двойные.
 15 Стали Девы ее уговаривать ласковой речью
 И убедили толково засов, щеколдой замкнутый,
 Вмиг отпереть от ворот. И они тотчас распахнулись
 И сотворили зиянье широкоразверстое створов,
 В гнездах один за другим повернув многомедные стержни,
 20 Все на гвоздях и заклепках. И се — туда, чрез ворота,
 Прямо направили Девы упряжку по торной дороге.
 И богиня меня приняла благосклонно; десницей
 Взявши десницу, рекла ко мне так и молвила слово:
 «Юноша, спутник бессмертных возниц! О ты, что на конях,
 25 Вскачь несущих тебя, достигнул нашего дома,
 Радуйся! Ибо тебя не злая Судьба проводила
 Этой дорогой пойти — не хожено здесь человеком —
 Но Закон вместе с Правдой. Теперь все должен узнать ты:
 Как убедительной Истины непогрешимое сердце,
 30 Так и мнения смертных, в которых нет верности точной.
 Все ж таки ты узнаешь и их: как надо о мнимом
 Правдоподобно вещать, обсуждая все без изъятия.
- фр. 5 Мне безразлично, откуда начать, ибо снова туда же
 Я вернусь.

[Путь Истины]

- фр. 2 Ныне скажу я, а ты восприми мое слово, услышав,
 Что за пути изысканья единственно мыслить возможно.
 Первый гласит, что «есть» и «не быть никак невозможно»:
 Это — путь Убежденья (которое Истине спутник).
 5 Путь второй — что «не есть» и «не быть должно неизбежно»:
 Эта тропа, говорю я тебе, совершенно неизвестна,

Ибо то, чего нет, нельзя ни познать (не удастся),
Ни изъяснить.

- фр. 3 Ибо мыслить — то же, что быть.
- фр. 6 Можно лишь то говорить и мыслить, что есть; бытие ведь
Есть, а ничто не есть: прошу тебя это обдумать.
Прежде тебя от сего отвращаю пути изысканья,
А затем от того, где люди, лишённые знания,
- 5 Бродят о двух головах. Беспомощность жалкая правит
В их груди заплутавшим умом, а они в изумленьи
Мечутся, глухи и слепы равно, невнятные толпы,
Коиими «быть» и «не быть» одним признаются и тем же
И не тем же, но все идет на попятную тотчас.
- фр. 7 Нет, никогда не вынудить это: «не-сущее сущее».
Но отврати свою мысль от сего пути изысканья,
Да не побудит тебя на него многоопытный навык
Оком беспечным глазеть, и слушать ухом шумящим,
- 5 И языком ощущать. Рассуди многоспорящий довод
- фр. 8 Разумом, мной приведенный. Один только путь обтаеся,
1 «Есть» гласящий; на нем — примет очень много различных,
Что нерожденным должно оно быть и негибнущим также,
Целым, однородным, бездрожным и совершенным.
- 5 И не «было» оно, и не «будет», раз ныне все сразу
«Есть», одно, сплошное. Не сыщешь ему ты рожденья.
Как, откуда взросло? Из не-сущего? Так не позволю
Я ни сказать, ни помыслить: немислимо, невыразимо
Есть, что не есть. Да и что за нужда бы его побудила
- 10 Позже скорее, чем раньше, начав с ничего, появляться?
Так что иль быть всегда, иль не быть никогда ему должно.
Но и из сущего не разрешит Убеждения сила,
Кроме него самого, возникать ничему. Потому-то
Правда его не пустила рождаться, ослабив оковы,
- 15 Иль погибать, но держит крепко. Решение — вот в чем:
Есть иль не есть? Так вот, решено, как и необходимо,
Путь второй отмести как немислимый и безмянный
(Ложен сей путь), а первый признать за сущий и верный.
Как может «быть потом» то, что есть, как могло бы «быть в прошлом»?
- 20 «Было» — значит не есть, не есть, если «некогда будет».
Так угасло рожденье и без вести гибель пропала.
И неделимо оно, коль скоро всецело подобно:
Тут вот — не больше его ничуть, а там вот — не меньше,
Что исключило бы сплошность, но все наполнено сущим.
- 25 Все непрерывно тем самым: сомкнулось сущее с сущим.
Но в границах великих оков оно неподвижно,
Безначально и непрерывно: рожденье и гибель
Прочь отброшены — их отразил безошибочный довод.
То же, на месте одном, покоясь в себе, пребывает
- 30 И пребудет так постоянно: мощно Ананкэ

- Держит в оковах границ, что вокруг его запирают,
Ибо нельзя бытию незаконченным быть и не должно:
Нет нужды у него, а будь, во всем бы нуждалось.
То же самое — мысль и то, о чем мысль возникает,
- 35 Ибо без бытия, о котором ее изрекают,
Мысли тебе не найти. Ибо нет и не будет другого
Сверх бытия ничего: Судьба его приковала
Быть целокупным, недвижимым. Поэтому именем будет
Все, что приняли люди, за истину то полагая:
- 40 «Быть и не быть», «рождаться на свет и гибнуть бесследно»,
«Перемещаться» и «цвет изменять ослепительно яркий».
Но, поскольку есть крайний предел, оно завершено
Отовсюду, подобное глыбе прекруглого Шара,
От середины везде равносильное, ибо не больше,
- 45 Но и не меньше вот тут должно его быть, чем вон там вот.
Ибо нет ни не-сущего, кое ему помешало б
С равным смыкаться, ни сущего, так чтобы тут его было
Больше, меньше — там, раз все оно неуязвимо.
Ибо отовсюду равно себе, однородно в границах.
- 50 Здесь достоверное слово и мысль мою завершаю
Я об Истине: мненья смертных отныне учи ты,
Лживому строю стихов моих нарядных внимаю.

[Путь Мнения]

- Смертные так порешили: назвать именами две формы,
Кох одну не должно — и в этом их заблужденье.
- 55 Супротив различили по виду и приняли знаки
Врозь меж собою: вот здесь — пламени огонь эфирный,
Легкий, тонкий весьма, себе тождественный всюду,
Но не другому. А там — в себе и противоположно
Знанья лишэнную Ночь — тяжелое, плотное тело.
- 60 Сей мирострой возвещаю тебе вполне вероятный,
Да не обскачет тебя какое воззрение смертных.
- фр. 4 Видь, однако, умом: от-сущее верно при-сущее,
Ибо не отрубить от сущего сущее в смычке,
Ни распыляя его повсюду всяко по миру,
Ни собирая в одно. . .
- фр. 9 Но коль скоро все вещи названы «Светом» и «Ночью»,
Качества ж их нареклись отдельно этим и тем вот,
Все наполнено вместе Светом и темною Ночью,
Поровну тем и другим, поскольку ничто не причастно
- 5 Ни тому, ни другому.
- фр. 10 Ты познаешь природу эфира и все, что в эфире,
Знаки, и чистой лампы дела лучезарного Солнца
Незримотворные, также откуда они народились.
И круглоокой Луны колобродные также узнаешь
- 5 Ты и дела, и природу, и Небо, что все обнимает,

Как и откуда оно родилось, как его приковала
Звезд границы стеречь Ананкэ.

- фр. 11 . . . как Земля и Солнце с Луною,
Общий для всех Эфир, Небесное Млеко, а также
Крайний Олимп и звезд горячая сила пустились
Вдруг родиться на свет. . .
- фр. 12 Те, что поуже венцы, огнем беспримесным полны,
Те, что за ними — Ночью, но брызжет пламени доля,
А посреди них — богиня, которая всем управляет.
Всюду причина она проклятых родов и случки,
5 Самку самцу посылая на случку, равно и напротив:
Самке — самца.
- фр. 13 Первым из всех богов она сотворила Эрота. . .
- фр. 14 Свет ночезарный, чужой, вокруг Земли бродящий. . .
- фр. 15 Вечно свой взор обращая к лучам лучезарного Солнца.
- фр. 16 Смесь какова всякий раз многоблудных членов, такая
Людям и мысль приходит на ум; тождественна, право,
С тем, что она сознает, природа членов и в людях,
И во всех, и во всем, ибо мысль — это то, что в избытке.
- фр. 17 Мальчиков справа, а девочек слева.
- фр. 19 Так родились эти вещи согласно мнению и ныне
Суть, а потом, коль скоро однажды возникли, — погибнут.
Люди же каждой из них нарекли приметное имя.

29. ЗЕНОН

А. СВИДЕТЕЛЬСТВА О ЖИЗНИ И УЧЕНИИ

Жизнь

1. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 25: Зенон Элейский. Аполлодор в «Хронике» [FGH 244 F 30] говорит, что он был родным сыном Телевтагора, а приемным — Парменида (а Парменид — сыном Пирета). О нем и о Мелиссе Тимон [фр. 45 Diels] говорит следующее:

И великую, неодолимую силу двуязычного
Зенона, изобличителя всех, и Мелисса,
Много иллюзий победившего, немногими побежденного.

Зенон был учеником Парменида и его любовником. Как говорит Платон в «Пармениде» [127 В, ср. А 11], он был высокого роста. Тот же Платон в «Софисте» [216 а 4] называет его «элейским Паламедом» [ошибка Диогена; см.: Федр, 261 d 6]. По словам Аристотеля [фр. 65 Rose³], он был изобретателем диалектики, как Эмпедокл — риторика [ср.: ДЛ VIII 57]. (26) Был он человеком исключительных достоинств и в философии, и в политической жизни, сохранились его книги, полные большого ума. А [что касается его политической деятельности, то] он вознамерился свергнуть тирана Непарха (по другим — Диомедонта) и был арестован, как говорит Гераклид в «Сокращении Сатира» [FHG фр. 7]. Когда на допросе его стали спрашивать о сообщниках и об ору-

жи, которое он привез на Липару, он донес на всех друзей тирана с тем, чтобы оставить его в одиночестве, а потом, [заявив], что он-де должен кое-что сказать ему на ухо кое о ком, укусил [тирана за ухо] и не отпускал до тех пор, пока не был заколот: так его постигла участь тираноубийцы Аристокрита. (27) Деметрий в «Одноименных [писателях и поэтах]» утверждает, что он отъел [тирану не ухо, а] нос. А по словам Антиофена в «Преемствах» [FGH фр. 11], тиран спросил его после того, как он донес на его друзей, есть ли еще кто-нибудь, на что он ответил: «Есть ты, проклятье города!» — а обращаясь к присутствующим сказал: «Удивляюсь я вашей трусости: вы рабски служите тирану ради того, чтобы вас постигла та же участь, что и меня!»; под конец он отъел себе язык и плюнул им в тирана. Это так подействовало на [присутствующих] граждан, что они тотчас же побили тирана камнями. Так болтает едва ли не большинство. Но Гермипп [FHG фр. 30] уверяет, что его бросили в ступу и искромсали [ср. 72 А 13]. (28) [Следует эпиграмма Диогена].

Помимо прочих доблестей, Зенон отличался презрением к сильным мира сего, не уступая в этом Гераклиту: [подобно Гераклиту, который предпочел Эфес Афинам], он также предпочел великолению Афин свой родной город, прежде называвшийся Хьюэлэ, а впоследствии Элеей и бывший колонией фокейцев, город скромный и умеющий лишь воспитывать доблестных мужей; за некоторыми исключениями, он не посещал Афин и прожил всю жизнь на месте.

(29) Он первым выдвинул аргумент «Ахиллес» (а Фаворин [фр. 43 Мен.] говорит, что Парменид) и много других [аргументов].

Воззрения его таковы: космос <один> и пустоты нет. Вселенная [букв. «природа всего»] возникла из теплого и холодного, из сухого и влажного в результате их взаимопревращения. Люди возникли из земли, и душа представляет собой смесь упомянутых выше [четырёх элементов], причем ни один из них не имеет перевеса.

Рассказывают, что он возмущился, когда его хулили, а в ответ на чей-то упрек сказал: «Притворяясь, что не слышу хулы, я не замечу и похвалы».

О том, что Зенонов было восемь, мы уже сказали в главе о Китийце [VII, 35]. Акме нашего Зенона пришлось на <семьдесят> девятую олимпиаду [464—461 гг. до н. э.; АПОЛЛОДОР, фр. 30а].

2. СУДА, под словом «Зенон»: Зенон, сын Телевтагора, элеец, философ, по времени близкий к Пифагору и Демокриту; он жил в 78-ю олимпиаду [468—465 гг. до н. э.]. Ученик Ксенофана или Парменида. Написал «Споры», «Толкование стихов Эмпедокла», «Против философов», «О природе» [из Гесихия].

Сообщают, что он был изобретателем диалектики, как Эмпедокл — риторики. Вознамерившись свергнуть Неарха (по другим, Диомедонта), тирана Элеи, он был схвачен, и, допрашиваемый им, закусил свой язык, и, отгрызши его, плюнул в тирана. Его бросили в ступу и истолкли в порошок [из Диогена].

3. ЕВСЕВИЙ. Хроника, под Ол. 81, 1—3 (456—454 гг.): Зенон и Гераклит Темный были в расцвете. Ср. 28 А 11; 41 А 1 а.

4. ПСЕВДО-ПЛАТОН, Алкивиад I, 119 А: Назови мне кого-нибудь из Афинян (будь то раб или свободный) или из иностранцев, кого считают помудреншим от общения с Периклом. Зато я [Сократ] могу сказать тебе, что Пифодор, сын Исолоха [ср. 28 А 5], и Каллий, сын Каллиада, стали мудрей от общения с Зеноном: каждый из них заплатил Зенону сто мин и стал мудрым и знаменитым.

Схолии к этому месту: Зенон Элейский, ученик Парменида, натурфилософ и настоящий государственный деятель, поэтому он и противопоставляется Периклу как

мнимому государственному деятелю. У него учился Пифодор, который удостоен упоминания и в «Пармениде» как тот, кто передал Антифону ту беседу. У него, в свою очередь, учился Кефал Клазоменский, сам потом ставший учителем.

ПЛУТАРХ. Перикл, 4, 5: Перикл учился и у Зенона Элейского, который, как и Парменид, занимался изучением природы, но [в отличие от Парменида] при этом практиковал эленктическое [=действующее через эленхос, уличающее опровержение] искусство — через противоречие загонять [противника] в безвыходное положение (*ἀπορία*). Ср. 28 А 12.

5. **АРИСТОТЕЛЬ.** Риторика, I, 12. 1372 b 3: И наоборот, [рискует пойти на преступление] те, кому правонарушения вменяются некоторым образом в похвалу, например, если удалось одновременно отомстить за отца или мать, как Зенону, а наказание состоит в денежном штрафе, изгнании или чем-то подобном.

6. **ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ.** Историческая библиотека, X, 18, 2: Когда его родной город был под властью жестокой тирании Неарха, он организовал заговор против тирана. Уличенный и допрашиваемый тираном под пыткой, кто были соучастники, он воскликнул: «О если бы я владел своим телом так же, как я владею языком!». Когда тиран стал еще больше ужесточать пытки, Зенон до поры до времени терпел, а потом — спеша избавиться от пытки и заодно отомстить Неарху — придумал вот что. Во время сильнейшего ужесточения пытки он притворился, что дух его поддался мукам и закричал: «Пустите! Скажу всю правду!». Когда его высвободили, он попросил тирана подойти и выслушать его приватно: потому как, мол, многое из того, что собирается сказать, лучше сохранить в тайне. Тиран обрадовался, подошел и поднес ухо к устам Зенона, а тот впился в царское ухо зубами. Подручные быстро подбежали и усилили пытку нещадно, чтобы заставить Зенона разжать зубы, но тот впивался еще сильнее. Наконец, не в силах сломить мужество Зенона, закололи его, чтобы он разжал зубы. Благодаря этой уловке он избавился от мучений и, как мог, отомстил тирану.

7. **ПЛУТАРХ.** Против Колоота, 32. 1126 D: Зенон, ученик Парменида, после неудачного покушения на тирана Демила, пронес учение Парменида через испытание огнем чистым и неподдельным, словно золото, и доказал на деле, что великому мужу страшно лишь то, что постыдно, а боли боятся только дети, женщины и мужчины с женской душонкой: он перегрыз собственный язык и плюнул его в тирана.

8. **КЛИМЕНТ АЛЕКС.** Строматы, IV, 57 (т. II, с. 274, 1 St.): Не только асопийцы [=беотийцы], македоняне и спартанцы стойко переносили пытку на колесе, как говорит Эратосфен в сочинении «О добре и зле», но и Зенон Элейский, принуждаемый выдать какую-то тайну, выдержал пытки и ни в чем не признался, а под конец отгрыз себе язык и плюнул им в тирана, которого одни называют Неархом, другие — Демиллом.

9. **ФИЛОСТРАТ.** Жизнь Аполлония Тианского, VII, 2: Зенон Элейский (он считается зачинателем диалектики), пытаясь свергнуть тирана Неарха Мисийского, был схвачен и подвергнут пытке на колесе, не выдал своих сообщников, а тех, кто был верен тирану, оклеветал как предателей: их казнили по ложному обвинению, а Зенон сверг тиранию с помощью тирании и вернул мисийцам свободу.

10. **ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ,** VIII, 57 [ср. А 1 § 25]: Аристотель в «Софисте» [фр. 65 Rose³] говорит, что Эмпедокл впервые изобрел риторику, а Зенон — диалектику.

СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, VII, 6: Надо думать, Парменид не был неискрушен в диалектике, коль скоро Аристотель считал его ученика Зенона родоначальником диалектики.

Сочинение

11. ПЛАТОН. Парменид, 127 ab: Антифонт сказал, что, по словам Пифодора, на Великие Панафиинеи однажды прибыли Зенон и Парменид. Парменид был уже очень стар, сильно сед, но хорош и благообразен на вид; лет ему было примерно шестьдесят пять. Зенону же тогда было приблизительно лет сорок; он был высок и миловиден, и поговаривали, что он был любовником Парменида. Остановились они, по его словам, у Пифодора, за стеной, в Керамике. Туда-то и пришел Сократ, а с ним еще много народу, желая послушать сочинения Зенона, которые они привезли впервые. Сократ тогда был очень молод. Так вот, читал им сам Зенон, а Парменида в этот момент не оказалось дома. Оставалась еще непрочитанной лишь малая толика рассуждений [Зенона], когда, по словам Пифодора, вошел он сам и с ним Парменид и Аристотель, впоследствии ставший одним из Тридцати, и они успели услышать совсем немного из сочинения и т. д. [ср. 28 А 5].

АФИНЕЙ, XI, 505 F: Но что всего отвратительнее и всего лживее — так это безо всякой на то нужды сказать, что согражданин Парменида Зенон был его любовником!

12. ПЛАТОН. Парменид, 128 b. Да, Сократ, сказал Зенон. Хотя, подобно лаконским ищейкам, ты хорошо идешь по следу и гонишься за смыслом [моих] слов, все же ты не везде почуял истинный смысл сочинения. Прежде всего от тебя ускользнуло, что мое сочинение вовсе не так заносчиво: оно отнюдь не написано с той целью, какую ты ему приписываешь, и вовсе не скрывает ее от людей в сознании собственной важности. Ты указал на что-то случайное, на самом же деле это сочинение — своего рода защита тезиса Парменида [«все есть одно»] против тех, кто пытается его высмеивать, [говоря], что-де если [все] есть одно, то из [этого] тезиса вытекает много смешных и противоречащих ему следствий. Это сочинение как раз и возражает тем, кто полагает многое, и отплачивает им тем же, да еще с лихвой, ставя своей целью показать, что их собственный постулат (ἅπλοσις) [«все»] есть многое, если разобраться в нем досконально, приводит к еще более смешным следствиям, нежели постулат [«все»] есть одно». Вот из такой любви к спорам я и написал его в молодости, а когда написал, у меня его кто-то украл, так что не приходилось и решать: выпускать ли его в свет или нет. Ты потому и проглядел [цель моего сочинения], Сократ, что думал, будто оно написано не под влиянием юношеской любви к спорам, а под влиянием честолюбия, свойственного более зрелому возрасту. В целом же, как я сказал, ты передал [его содержание] неплохо.

13. ПЛАТОН. Федр, 261 d: [Контекст: искусство спора, ἀντιλογικὴ τέχνη]. Разве мы не знаем, что своим искусством Элейский Паламед внушает слушателям, что одно и то же подобно и неподобно, едино и множественно, покоится и движется?

14. АРИСТОТЕЛЬ. О софистических опровержениях, 10. 170 b 19: Допустим, что имя многозначно, но и спрашивающий и отвечающий считают его однозначным. Так, например, «сущее» или «одно», надо думать, многозначны, но выступающий и в роли отвечающего и в роли спрашивающего Зенон выставил аргумент, считая [эти термины] однозначными, а аргумент гласит, что все — одно. Ср.: ПЛАТОН. Софист, 217 с.

ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, III, 48: Говорят, что диалоги впервые стал писать Зенон Элейский, а по словам Аристотеля в первой книге «О поэтах» [фр. 3 Ross], Алексамен из Спир или Теоса. Ср. А 10 и АФИНЕЙ, V. 505 B.

15. ПРОКЛ. Комм. к «Пармениду», с. 694, 23 (к «Пармениду» 127 d): Из множества выдвинутых Зеноном аргументов — всего их было сорок — Сократ выделил один

из первых и недоумевает по поводу него. . : «Если сущих много, одно и то же сущее и подобно и не подобно, однако одно и то же не может быть подобным и не подобным, следовательно, сущих не много».

ЭЛИАС. Комм. к «Категориям», с. 109, 6: [Зенон] Элейский по прозвищу Парменидовец. . . был прозван «двуязычным» не потому, что он был диалектиком, подобно Китийскому, и аргументировал за и против одного и того же положения, а потому, что был диалектиком в жизни: говорил одно, а думал другое. На вопрос тирана, кто самые опасные заговорщики, злоумышляющие против его тирании, Зенон указал на его телохранителей, а тот поверил, казнил их и был убит. Потому что он считал, что солгать ради свержения тирана — это хорошо. В другой раз он составил для своего учителя Парменида, который утверждал, что сущее одно по виду, но множественно согласно очевидности, [аргументацию] из сорока эпихерем в пользу того, что сущее одно, так как считал, что быть союзником учителя — это хорошо. Еще как-то, защищая того же учителя, утверждавшего, что сущее неподвижно, он выдвинул пять эпихерем в пользу того, что сущее неподвижно. Антисфен-киник, который не смог на них возразить, встал и стал ходить, полагая, что доказательство делом сильнее всякого возражения словом.

Апофтегматика

16. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 97, 12=ЕВДЕМ, фр. 37 а W.: Рассказывают, что Зенон говорил: если ему определят, что́ есть одно, он сможет полагать [много] сущих.

17. ПЛУТАРХ. Перикл, 5, 3: Тем, кто называл возвышенную серьезность Перикла напускной и мнимой, Зенон советовал и самим напустить на себя что-нибудь в этом роде, поскольку, мол, уже само притворство в добродетели постепенно и незаметно вырабатывает рвение и привычку к ней.

18. ФИЛОН АЛЕКС. О том, что всякий хороший свободен, 14 (т. II, 460 М.): . . .Изречение Зенона. . . : «Легче окунуть в воду мех, наполненный воздухом, чем заставить силой какого-либо хорошего человека совершить что-нибудь вопреки его воле».

19. ТЕРТУЛЛИАН. Апологетик, 50: На вопрос Дионисия, что дает философия, Зенон Элейский ответил: «Презрение к смерти». Подвергнутый затем тираном бичеванию, он оставался нечувствительным к страданиям, удостоверяя истинность своего изречения до самой смерти.

20. СТОБЕЙ, III, t. 7, 37 Н.: Когда тиран пытал Зенона Элейского, чтобы он выдал сообщников, тот сказал: «Будь у меня сообщники, ты бы уже не был тираном».

Учение

ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, V, 25: [Каталог соч. Аристотеля]: «Против учений Зенона 1 книга»; ОН ЖЕ, V, 87: [Каталог соч. Гераклида Понт.] «Против учения Зенона 1 книга» [=ГЕРАКЛИД ПОНТИЙСКИЙ, фр. 34 Wehrli].

*20а (1 Lee). СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 139, 19 [после В 2]: По словам Фемистия, аргумент Зенона стремится доказать, что сущее одно, исходя из того, что оно непрерывно и неделимо. «Если бы оно было делимо, — гласит [аргумент Зенона по Фемистию], — то оно не было бы одним в строгом смысле вследствие делимости тел до бесконечности». Но сам Зенон, судя по всему, говорил, что [в таком случае] оно не будет и множественным. Ср.: ФЕМИСТИЙ. Парафраза к «Физике», л. 12, 1: [Зенон]

доказывал, что сущее одно, исходя из того, что оно непрерывно и неделимо. Он говорит, что если оно делимо, то не будет безусловно одним вследствие делимости тел до бесконечности.

***20b (2). СИМПЛИКИЙ.** Комм. к «Физике», 139, 24: Однако Порфирий и аргумент от дихотомии приписывает Пармениду, пытающемуся доказать, исходя из нее, что сущее одно. Он пишет: «Другой аргумент Парменида стремился доказать посредством дихотомии, что сущее одно-единственное и при этом не имеет частей (*ἀμερές*) и неделимо. «Если оно делимо, — говорит он [Парменид], — разделим его надвое, а затем каждую из двух частей — [опять] надвое и если повторять это [дихотомическое деление] постоянно, то либо останутся некие предельные величины, наименьшие и неделимые (*ἄτομα*), а числом бесконечные, так что универсум окажется состоящим из наименьших, числом бесконечных [величин], либо [сущее] бесследно исчезнет, и разложится в ничто, и окажется состоящим из ничего, однако и то и другое абсурдно. Следовательно, [сущее] не делится, но пребывает одно. К тому же если оно делимо, то, коль скоро оно везде однородно [букв. «подобно»], оно будет одинаково делимо везде, а не то что: вот тут делимо, а вот там нет. В таком случае, допустим, что оно разделилось везде [=в каждой точке]. Ясно опять, что не останется ничего, но [сущее] исчезнет бесследно, и если и будет состоять [из неких частей], то опять будет состоять из ничего. Ибо если нечто останется, то оно уже не будет «разделившимся везде». Так что и из этого тоже ясно, говорит он, что сущее неделимо, лишено частей и одно». [. . .] 140, 18: То, что в приведенных выше словах Порфирия аргумент от дихотомии, доказывающий неделимость и единство [сущего] путем приведения к абсурду допущения о его делимости, цитируется дословно, вполне возможно. Следует заметить, однако, действительно ли этот аргумент принадлежит Пармениду, а не Зенону, как считает и Александр. В самом деле, в сочинении Парменида не говорится ничего подобного, да и историческое предание в большинстве случаев приписывает апорию «дихотомия» Зенону. Между прочим, в трактате о движении [АРИСТОТЕЛЬ, Физика, 239 b 9=A 25 ниже] она тоже упомянута как Зенонова [следует фр. В 3].

***20c (3). ФИЛОПОН.** Комм. к «Физике», 81, 23. Его [=Парменида] ученик Зенон, выступая в защиту учителя, доказывал, что сущее по необходимости одно и неподвижно. Доказывал же он это исходя из того, что дихотомия любого континуума [продолжается] до бесконечности: если допустить, что [сущее] не одно и не неделимо, [гласит доказательство], но делится на множество, ничто не будет одним в собственном смысле (так как если бы непрерывное делилось, оно было бы делимо до бесконечности), но если нет «одного» в собственном смысле, то нет и многого, раз множество состоит из многих единиц [генад]. Следовательно, сущее не может делиться на множество; следовательно, оно только одно. Или так: если нет одного и неделимого, то не будет и многого, так как многое состоит из многих единиц. Между тем каждая единица либо одна и неделима, либо тоже делится на многое. Если каждая единица одна и неделима, универсум будет состоять из неделимых (*ἄτόμων*) величин, если же они тоже делимы, то относительно каждой из делящихся единиц [монад] мы повторим тот же вопрос, и так до бесконечности. Стало быть, если сущих много, универсум будет бесконечно бесконечным. Но если это абсурдно, то сущее только одно и многих сущих быть не может, так как каждую единицу [монаду] необходимо разделить бесконечное число раз, что абсурдно.

21 (4). АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, В 4. 1001 b 7: Далее, если одно-в-себе неделимо, то, согласно постулату Зенона, оно будет ничем, ибо то, что не увеличивает,

если его прибавлять, и не уменьшает, если его отнимать, говорит он, не принадлежит к сущим, исходя очевидным образом из предпосылки, что сущее есть величина. А раз величина, то телесно, ибо только тело всесторонне [=во всех измерениях] сущее. Другие [величины], как, например, плоскость и линия, в каком-то смысле будут увеличивать, если их прибавлять, в каком-то нет, а точка и единица [монада] — ни в каком.

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 97, 11=ЕВДЕМ, фр. 37a Wehr.* Стало быть, это не есть *одно*, но нечто *одно есть*? Это ведь вызывало затруднения. И Зенон, как передают, говорил, что если бы кто-нибудь объяснил ему, что такое «одно», то он мог бы утверждать [существование множества] сущих.* По-видимому, он испытывал затруднения [относительно «одного»], с одной стороны, потому что каждая чувственная вещь называется многими [именами] как категориально, так и по разделению на части, с другой — потому что точку он полагал ничем: он считал, что то, что прибавляемое не увеличивает и отнимаемое не уменьшает, не принадлежит к сущим. [Далее Евдем решает апорию Зенона в перипатетических терминах акта и потенции.] *99, 1: Если бы Зенон был жив, мы бы сказали ему об одном-актуально, что оно не есть «многое», так как единство присуще ему в собственном смысле, а [множество предикатов] потенциально. Таким образом, одно и то же оказывается одним и многим, но актуально — только одним из двух, а и тем и другим одновременно — никогда. И если бы мы его убедили, то этим объяснением потребовали бы, чтобы он сдержал обещание [=признать реальность множества сущих].

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 99, 7: В этой [цитате из Евдема] аргумент Зенона отличается от того, который сохранился в [его] книге и который упомянут также Платоном в «Пармениде». Там [=в сохранившейся книге и в «Пармениде»] он показывает, что нет многого, помогая от противного Пармениду, утверждающему, что есть одно. А здесь, как говорит Евдем, он отрицает одно (ведь он понимает точку как одно), а бытие многого допускает. Александр полагает, что и в данном случае Евдем упоминает Зенона как отрицающего многое. «Как сообщает Евдем, — говорит [Александр], — ученик Парменида Зенон пытался доказать, что сущих не может быть много, так как среди сущих вовсе нет „одного“ [или: „ни одно из сущих не есть одно“], а „многое“ есть множество единиц [генад]» [=ЕВДЕМ, фр. 37a Wehrli]. То, что в данном случае Евдем упоминает Зенона не как отрицающего многое, ясно из [приведенной выше] цитаты из Евдема. Думаю, что и в книге Зенона нет такого аргумента [эпихеремы], о каком говорит Александр.

ФИЛОПОН. Комм. к «Физике», 42, 9: Возражая тем, кто высмеивал воззрение его учителя Парменида, полагающее сущее одним, и выступая в защиту воззрения учителя, Зенон Элейский взялся доказать, что в реальности [букв. «среди сущих»] не может быть множества. Если есть множество, говорит он, то поскольку множество состоит из многих [собств. «более, чем одной»] единиц [генад], то по необходимости должно быть много [«более, чем одна»] единиц, из которых состоит множество. Стало быть, если мы покажем, что многих единиц быть не может, то ясно, что не может быть и множества, так как множество — из единиц. Если же множества быть не может, а между тем необходимо, чтобы было либо одно, либо множество, множества же быть не может, то остается, что есть одно.* Каким же образом он доказывал, что не может быть много [более чем одна] единиц? Так как допускающие множество удостоверяли это на основании очевидности (существует конь, человек и любая единичная вещь, совокупность которых составляет множество), Зенон, желая софистически опровергнуть очевидность, утверждал, что, если из этих вещей состоит множество, а множество — из еди-

ниц, следовательно, эти вещи — единицы. Стало быть, если мы покажем, что они не могут быть единицами, то ясно, что то, что из них состоит, не будет множеством, коль скоро множество — из единиц. Доказывает он это так: Сократ, говорит он, которого вы считаете единицей, образующей наряду с другими единицами множество, не только «Сократ», но также «белый», «философ», «пузатый» и «курносый». Таким образом, тот же самый человек будет одним и многим. Однако тот же самый не может быть одним и многим, следовательно, Сократ не есть одно. И точно так же все прочие вещи, из которых по вашим словам, состоит множество. Но раз не может быть много единиц, то ясно, что не может быть и множества. Если же сущее по необходимости должно быть либо одним, либо многим, а между тем доказано, что оно не есть многое, так как нет многих единиц, то отсюда по необходимости следует, что [сущее] одно.

То же самое он доказывает [аргументом] от непрерывного. Допустим, что непрерывное — [нечто] одно. Но так как непрерывное делимо до бесконечности, то результат деления всякий раз можно будет разделить на большее число частей. А если так, то отсюда следует, что непрерывное множественно. Следовательно, то же самое будет одним и многим, что невозможно. Поэтому оно не может быть одним. Если же ничто непрерывное не есть одно, а между тем множество по необходимости может быть только в том случае, если оно состоит из единиц, то поскольку * * * следовательно, множества быть не может*.

СЕНЕКА. Письма, 88, 44: Парменид утверждает, что из того, что мы видим, нет ничего, но все же одно есть. Зенон Элейский отделился от хлопот: он утверждает, что нет ничего. . . (45) Если верить Пармениду, нет ничего, кроме одного, если Зенону, то и одного нет.

ИСОКРАТ, 10, 3 [=82 В 1]: . Или Зенона, который пытался доказывать, что одно и то же возможно и невозможно.

22. ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ. О неделимых линиях, 968 а 18—23: [Один из аргументов сторонников теории «неделимых линий»]. Далее, согласно аргументу Зенона, по необходимости должна быть некая лишняя частей (*ἄμερές*) величина, коль скоро в конечном время невозможно коснуться бесконечного числа [точек пространства], касаясь их по отдельности одна за другой; между тем движущееся тело по необходимости должно пройти сначала половину [любого расстояния], а у не лишней частей [величины] в любом случае есть половина.

АРИСТОТЕЛЬ. Физика, А 3. 187 а 1: Некоторые [=атомисты] поддались обоим аргументам [=Парменида и Зенона]; аргументу о том, что все одно, если сущее однозначно, [они поддались, признав], что есть не-сущее, а аргументу от дихотомии — признав неделимые (*ἄτομα*) величины.

СИМПЛИКИЙ. Комм. к этому месту, 138, 3: Второй аргумент — от дихотомии, — по словам Александра, принадлежит Зенону, утверждающему, что, если сущее имеет величину и делимо, оно уже не «одно», но «многое», и посредством этого [аргумента] доказывающего, что одно не существует в реальности [букв. «что одно не есть ни одно из сущих»]. [. . .] (10) «Этому аргументу о дихотомии, — говорит [Александр], — поддался Ксенократ Халкедонский [фр. 44 Heintze], принявший, что все делимое множественно (так как часть не тождественна целому), а также что одно и то же не может быть одновременно одним и многим по закону противоречия, но [далее этого его уступки Зенону не пошли, и] он уже не признал, что всякая величина делима и имеет части, так как, по его мнению, существуют некие неделимые линии, для которых утверждение, что они суть множества, уже неверно». *По поводу этих слов Александра

стоит заметить, во-первых, действительно ли Зенону принадлежит этот тезис, гласящий: «Одно не существует в реальности»? Зенон, как раз наоборот, написал много эпихерем, упраздняя многое, чтобы путем упразднения многого подтвердить тезис Парменида о том, что все — одно.*

23. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 134, 2 (к 187 а 1): «Некоторые, — говорит [Аристотель], — поддалися обоим аргументам», т. е. упомянутому аргументу Парменида и аргументу Зенона, который ставил своей целью защитить тезис Парменида против тех, кто пытался его высмеивать, [говоря], что, мол, если [сущее] одно, то из этого тезиса вытекает много смешных и противоречащих ему следствий. Зенон доказывает, что их собственный постулат, гласящий «[все] есть многое», если досконально разобраться, приводит к еще более смешным следствиям, нежели постулат «[все] есть одно». Об этом свидетельствует сам Зенон в «Пармениде» Платона [ср. А 12].

ПСЕВДО-ПЛУТАРХ. Строматы, 5 [после Парменида]: Зенон Элейский не выдвинул своего учения, но еще глубже исследовал эти вопросы в апориях.

Мнения философов, IV, 9, 1 [ср. 28 А 49]: . . . Парменид, Зенон. полагают ощущения ложными.

24. АРИСТОТЕЛЬ. Физика, Δ 3. 210 б 22: Апорию Зенона — если место есть нечто, то в чем оно будет? — решить нетрудно. Ничто не мешает первому месту быть в чем-то другом, но не как в месте и т. д.

*СИМПЛИКИЙ. Комм. к этому месту, 562, 3: Аргумент Зенона, якобы упразднявший реальность места, формулируется так: «Если есть место, то оно будет в чем-то, так как всякое сущее в чем-то. Но что в чем-то, то и в месте. Следовательно, и место будет в месте, и так до бесконечности. Следовательно, места нет».

Там же, 563, 17=ЕВДЕМ, фр. 78 Wehrli: К тому же выводу ведет, очевидно, и апория Зенона. Он постулирует, что все, что есть, должно быть «где». Но если место принадлежит к тому, что есть, то где оно будет? Разумеется, в другом месте, другое — в третьем и т. д. [. . .] Зенону мы возразим, что [выражение] «где» многозначно. Если он постулировал, что все, что есть, должно быть «в месте», то постулат неверен: ни о здоровье, ни о мужестве, ни о тьме других [сущих] нельзя сказать, чтобы они были «в месте». И точно так же [этого нельзя сказать] о месте, коль скоро оно таково, как определено выше. Если же «где» имеет другое значение [т. е. не «в месте»], то и место будет «где»: граница тела находится «где-то» на теле, а именно на краю.

АРИСТОТЕЛЬ. Физика, Δ 1. 209 а 23: Далее если само [место] есть нечто сущее, то где оно будет? Апория Зенона требует объяснения: если всякое сущее в месте, то ясно, что и у места будет место, и получится прогресс в бесконечность.

*ФИЛОПОН. Комм. к этому месту, 510, 2: Далее, говорит [Аристотель], апория Зенона также требует объяснения и нуждается в ответе. Если все сущие в месте, как полагали некоторые, а место принадлежит к сущим, то, следовательно, и место будет в месте, второе — в третьем, и так до бесконечности. Ср.: Там же, 599, 1: «Если всякое сущее где-то, — говорил Зенон, — а место есть нечто, то, следовательно, и место будет где-то, поэтому место будет в месте, и так до бесконечности».

Аргументы против возможности движения

ДИХОТОМИЯ [ср. А 22]

25. Аристотель. Физика, Z 9. 239 b 9: Есть четыре аргумента (λόγοι) Зенона о движении, которые доставляют трудности тем, кто пытается их решить [~ опровергнуть]. Первый — о невозможности движения, так как перемещающееся [тело] прежде должно дойти до половины, нежели до конца. Этот [аргумент] мы разобрали выше. См.: АРИСТОТЕЛЬ. Физика, Z 2. 233 a 21: Поэтому аргумент Зенона исходит из ложного постулата о том, что невозможно в конечное время пройти [собств. «пройти-из-начала-в-конец»] бесконечное число [протяженных величин] или коснуться бесконечного числа [точек] одну за другой. И длина, и время, и вообще всякий континуум называются «бесконечными» в двух смыслах: либо по делению, либо по экстремальной протяженности. Стало быть, коснуться в конечное время «бесконечных по количеству» [= «по протяженности»] [величин] невозможно, а «бесконечных по делению» — можно, так как само время [= «отрезок времени»] «бесконечно» в этом смысле. Поэтому оказывается, что [движущиеся тела] проходят бесконечность и касаются бесконечного числа [точек] в бесконечное, а не в конечное время и [сами при этом] «бесконечны», а не конечны.

*СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 1013, 4 (к 239 b 10): Первый [аргумент] гласит: если движение есть, то движущееся [тело] по необходимости должно в конечное [время] пройти бесконечность, но это невозможно. Следовательно, движения нет. Большую посылку [этого доказательства] он доказывал так: движущееся [тело] движется на некоторое расстояние. Но поскольку всякое расстояние делимо до бесконечности, то движущееся [тело] по необходимости должно сначала пройти половину того расстояния, на которое оно движется, и [лишь] затем все [расстояние]. Однако до половины всего [расстояния оно должно пройти] половину половины и опять-таки половину этого [последнего расстояния]. Стало быть, половины [расстояния] бесконечны [по числу], так как в любом данном [расстоянии] можно взять половину, а бесконечные [по числу величины] невозможно пройти в конечное время, — этот постулат Зенон принимал как очевидный (этот аргумент Аристотель упоминает раньше, когда он говорит, что невозможно в конечное [время] пройти бесконечное число [величин] и коснуться бесконечного числа [точек]). Между тем всякая величина содержит бесконечное число делений. Следовательно, невозможно в конечное время пройти какую-либо величину.

*СИМПЛИКИЙ. Там же, 947, 5 (к 233 a 21): Аргумент Зенона гласит: если движение есть, то возможно в конечное время пройти бесконечное число [величин или точек], касаясь каждой из них. Но это невозможно. Следовательно, движения нет. Большую посылку он доказывал, ссылаясь на делимость величин до бесконечности: если всякая величина делима на бесконечное число [частей], то она состоит также из бесконечного числа [частей]. Поэтому движущееся и проходящее любую величину [тело] двигалось бы на бесконечное [расстояние], проходя его из начала в конец, и касалось бы бесконечного числа [точек] в конечное время, за которое оно целиком проходит конечную [величину]. [Аристотель] говорит «коснуться бесконечного числа [точек] по отдельности», так как нечто может мнимо пройти бесконечное число [точек], перескакивая через них. Так он доказывал большую посылку. А меньшую посылку, гласящую: «Однако невозможно пройти или коснуться бесконечного числа [величин или точек] в конечное

время», — он доказывает исходя из того, что 1) бесконечное непроходимо из начала в конец, и из того, что 2) невозможно в конечное время коснуться бесконечного числа [точек] при условии, что движущееся [тело] касается частей данного [расстояния или величины] в последовательные моменты времени. Он сказал, что невозможно коснуться каждой из бесконечных [по числу точек или частей], так как касающийся как бы исчисляет, а исчислить бесконечное невозможно.

*ФИЛОПОН. Комм. к «Физике» 802, 31 (к 233 а 21): Упраздняя реальность движения, Зенон использовал такой силлогизм: Если движение есть, то возможно пройти бесконечное [расстояние] в конечное время. Но это невозможно. Следовательно, движения нет. Допустим, что нечто движется на расстояние [букв. «величину»] в локоть за один час. Так как в каждой величине имеется бесконечное число точек, то, следовательно, движущееся [тело] должно коснуться всех точек величины. Следовательно, оно пройдет бесконечное число [точек], что невозможно.

*ФИЛОПОН. Там же, 81, 7 (к 187 а 1): Доказывая, что это одно неподвижно, он использовал такой аргумент. Если нечто, говорит он, движется вдоль данной конечной прямой, то, прежде чем оно пройдет ее всю, оно по необходимости должно пройти половину прямой, а прежде чем пройдет половину всей, по необходимости должно сначала пройти четверть, а до четверти — восьмую часть и т. д. до бесконечности, так как непрерывное делимо до бесконечности. Следовательно, если нечто движется вдоль конечной прямой, оно должно прежде пройти бесконечное число величин, но если так, а всякое движение совершается в конечное время (поскольку ничто не движется в бесконечное время), то, следовательно, окажется возможным пройти бесконечное число величин в конечное время, что невозможно, так как бесконечное вообще нельзя пройти из начала в конец.

*ФЕМИСТИЙ. Парафраза к «Физике», 186, 30 (к 233 а 21): Этого Зенон не знает или делает вид, что не знает, когда думает, что ему удастся упразднить движение на том основании, что-де движущееся [тело] А не может в конечное время пройти бесконечное число [величин] и коснуться бесконечного множества [точек] по отдельности, если отрезок в один фут делим на бесконечное [число частей] и до бесконечности, а время движения по нему конечно.

*АРИСТОТЕЛЬ. Физика, Θ 8. 263 а 5: Таким же образом следует отвечать и тем, кто выдвигает аргумент Зенона и утверждает, что всякий раз надо пройти половину, половин бесконечно много, а бесконечного множества [отрезков] пройти невозможно; или, как иначе формулируют этот же аргумент некоторые, утверждая, что [движущееся тело] во время движения, проходя по отдельности каждую половину, прежде отсчитывает половину [этой половины], так что, пройдя все расстояние, оно окажется сосчитавшим бесконечное число, а это по общему признанию невозможно.

*СИМПЛИКИЙ. Комм. к этому месту, 1289, 5: Аргумент Зенона, который [Аристотель] сейчас упоминает, гласит: «Если есть движение, то будет нечто, прошедшее в конечное время бесконечное число [точек или величин]. Ибо вследствие того, что дихотомия может продолжаться до бесконечности, в любом континууме окажется бесконечное число половин, так как каждая часть его обладает половиной. Стало быть, [движущееся тело], прошедшее конечное расстояние, окажется прошедшим бесконечное число половин за то конечное время, за которое оно прошло конечное расстояние. Беря в качестве меньшей посылки суждение, противоречащее следствию большей посылки, а именно «невозможно, чтобы нечто прошло в конечное время какое-либо бесконечное множество», так как бесконечное вообще невозможно пройти, он

упразднял реальность движения. Так [аргументировал] Зенон. А некоторые, говорит [Аристотель], формулировали этот аргумент иначе, говоря: «Если есть движение, то, поскольку в каждом континууме содержится бесконечное число половин, движущееся по континууму может считать каждую половину по отдельности, проходя ее. В результате этого, когда движущееся [тело] пройдет до конца конечную величину, считающий окажется сосчитавшим бесконечное число. Стало быть, если сосчитать бесконечное невозможно, то невозможно и посылка, из которой следует этот вывод, а посылка, из которой он следует, была: «движение есть».

АРИСТОТЕЛЬ. Топика, Θ 8, 160 b 7: Нам известно много аргументов, противоречащих [общепринятым] мнениям, [аргументов], которые трудно опровергнуть, как, например, аргумент Зенона о том, что движение невозможно, равно как невозможно пройти стадий.

АХИЛЛЕС

26. АРИСТОТЕЛЬ. Физика, Z 9, 239 b 14: Второй [аргумент] — так называемый «Ахиллес». Он гласит, что самый быстрый бегун никогда не догонит самого медленного, так как необходимо, чтобы догоняющий прежде достиг [той точки], откуда стартовал [собств. «рванул, припустил»] убегающий, поэтому более медленный [бегун] по необходимости всегда должен быть чуть впереди. Этот аргумент [по существу] тождествен аргументу «дихотомия», но отличается от него тем, что [последовательно] добавляемая величина делится не пополам. *СИМПЛИКИЙ. Комм. к этому месту, 1013, 31: Этот аргумент также основан на делении до бесконечности, но иначе формулирован. Его можно изложить так: если есть движение, самый быстрый бегун никогда не догонит самого медленного. Но это невозможно. Следовательно, движения нет. [. .] (1014, 9) «Ахиллесом» этот аргумент был назван по имени фигурирующего в нем Ахиллеса, который, как гласит аргумент, преследуя черепаху, не может ее догнать. В самом деле, необходимо, чтобы догоняющий прежде, нежели он догонит, сначала достиг черты, с которой стартовал убегающий. Но за то время, пока догоняющий приходит к ней, убегающий продвинется на какое-то расстояние, хоть и меньшее, чем пройденное [за то же время] догоняющим, так как бежит медленнее, но все же таки продвинется, ибо не стоит на месте. И опять за то время, пока догоняющий будет проходить то расстояние, на которое продвинулся убегающий, за это время убегающий опять пройдет какое-то расстояние — настолько меньшее пройденного [им] в прошлый раз, насколько он [бежит] медленнее догоняющего. И так в каждый отрезок времени, в который догоняющий будет проходить то расстояние, на которое к этому моменту продвинулся убегающий, движущийся медленнее, в этот отрезок времени будет продвигаться на какое-то расстояние и убегающий. И хотя с каждым разом это расстояние будет все меньше и меньше, все-таки в любом случае будет продвигаться на какое-то расстояние и убегающий, ибо он движется. И так как в силу бесконечной делимости величин можно брать все меньшее и меньшее расстояние до бесконечности, то Ахиллес не догонит не только Гектора, но даже черепаху.

СТРЕЛА

27. АРИСТОТЕЛЬ. Физика, Z 9, 239 b 30: Третий [аргумент], только что упомянутый, гласит, что летящая стрела стоит на месте. [Этот вывод] вытекает из постулата о том, что время состоит из [отдельных] «теперь»: без этого допущения умозаключение невозможно. Ср.: Там же, 239 b 5: Зенон допускает паралогизм. Если всякое [тело], го-

ворит он, покоится там, где оно движется, всякий раз, как занимает равное [себе пространство], а движущееся [тело] всегда [занимает равное себе пространство] в [каждое] «теперь», то летящая стрела неподвижна. Но это ложь: ведь время не состоит из неделимых «теперь», равно как и никакая другая величина.

*СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 1015, 19 (к 239 в 30): Летящая стрела покоится в покое, коль скоро все по необходимости либо движется, либо покоится, а движущееся всегда занимает равное себе пространство. Между тем то, что занимает равное себе пространство, не движется. Следовательно, она покоится.

*Там же, 1011, 19 (к 239 в 5): Аргумент Зенона, предварительно постулировав, что: 1) всякое [тело], когда оно занимает равное себе пространство, либо движется, либо покоится; 2) ничто не движется в [отдельное] «теперь», 3) движущееся [тело] всегда находится в равном самому себе пространстве в каждое отдельное «теперь», — по-видимому, умозаключал так: летящая стрела в каждое «теперь» занимает равное себе пространство, а следовательно, и в течение всего времени [полета]. Но то, что в [данное] «теперь» занимает равное себе пространство, не движется, так как ничто не движется в [одно] «теперь». Но то, что не движется, покоится, так как все либо движется, либо покоится. Следовательно, летящая стрела, пока она летит, покоится в течение всего времени полета.

*Там же, 1034, 4: Тем самым он опроверг аргумент Зенона, утверждающий, что если летящая стрела всегда занимает равное себе пространство, а то, что в течение некоторого времени занимает равное себе пространство, покоится, то летящая стрела покоится, пока движется.

*ФИЛОПОН. Комм. к «Физике», 816, 30 (к 239 в 5): Все, говорит он, что находится в равном самому себе пространстве, либо покоится, либо движется, однако двигаться в равном самому себе пространстве невозможно; следовательно, оно покоится. Стало быть, летящая стрела, находясь в каждый из моментов [«теперь»] времени, в течение которого она движется, в равном себе пространстве, будет покоиться. Но раз она покоится во все моменты [«теперь»] времени, число которых бесконечно, то она будет покоиться и в течение всего времени. Однако, согласно исходной посылке, она движется. Следовательно, движущаяся стрела будет покоиться.

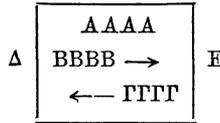
*ФЕМИСТИЙ. Парафраза к «Физике», 199, 4 (к 239 в 1): Если все покоится, говорит он, когда занимает равное самому себе пространство, а то, что летит, всегда занимает равное самому себе пространство, то летящая стрела по необходимости должна быть неподвижной.

СТАДИЙ

28. АРИСТОТЕЛЬ. Физика, Z 9. 239 в 33: Четвертый [аргумент] — о равных телах, движущихся по стадию в противоположных направлениях мимо [~ параллельно] равных [им тел]; одни [движутся] от конца стадиа, другие — от середины с равной скоростью, откуда, как он думает, следует, что половина времени равна двойному [=целому]. Паралогизм — в допущении, что как мимо движущегося [тела], так и мимо покоящегося равная [им] величина с равной скоростью движется равное время. Но это ложь. Так, например, пусть АА будут неподвижные тела равного размера, ВВ — тела, начинающие с середины, равные телам АА по числу и величине, а ГГ — тела, [начинающие] с конца, равные телам ВВ по числу и величине и обладающие равной скоростью с телами В. Тогда получается, что, когда [тела ВВ и ГГ] движутся друг мимо друга, первое В накладывается на последнее [Г] одновременно с тем, как первое Г —

{на последнее В}. Получается, что Г прошло мимо всех {В}, а В — мимо половины тел и поэтому затратило только половину [того] времени, [которое затратило Г], так как каждое из двух проходит мимо каждого за равное [время]. Одновременно получается, что первое В прошло мимо всех Г, так как первое Г и первое В одновременно наложатся на противоположные крайние [А], {ровно за такое же время проходя мимо каждого из тел В, как и мимо каждого из тел А, как он говорит}, так как оба они проходят мимо тел А за равное время. Так гласит аргумент, но вывод основан на упомянутом выше ложном допущении.

*СИМПЛИКИЙ, Комм. к этому месту, 1016, 9: Четвертый из аргументов Зенона о движении, также приводящий к абсурду реальность движения, гласил: если движение есть, то одна из двух равных величин, движущихся с равной скоростью, в равное время пройдет вдвое большее, чем другая, а не равное расстояние. Абсурдно и это, абсурдно и то, что из этого вытекает, а именно что одно и то же и равное время оказывается одновременно вдвое большим и вдвое меньшим. Доказывает он это, постулировав, что движущиеся, с равной скоростью и равные [величины] в равное время пройдут равное расстояние, а также, что если из двух движущихся с равной скоростью и равных [величин] одна пройдет половинное, а другая — двойное расстояние, то половинное расстояние будет пройдено за половинное время, а двойное — за двойное. Приняв эти постулаты, он полагает стадий ΔЕ и четыре величины А (или любое другое, но только четное число так, чтобы равнообъемные (ισόουχα) тела, а по словам Евдема [фр. 106 Wehrli],

— кубы, имели половину), занимающих среднее пространство стадия и неподвижных. Из этих неподвижных тел он определяет как «первое» ближайшее к началу стадия Δ, а как «последнее» ближайшее к [концу стадия] Ε и берет еще четыре тела или куба, равных неподвижным по величине и по числу и обозначенных как Β, которые [изначально расположены] начиная от начала стадия и кончая серединой четырех Α, а движутся к концу стадия Ε. Поэтому он и называет «первым» [Β] то [тело Β], которое [изначально расположено] напротив середины тел Α, так как при движении к Ε оно оказывается впереди остальных [Β]. Он потому и взял четное число тел, чтобы у них была половина: как мы увидим, это нужно. Вот почему он помещает первое Β против середины неподвижных Α, а затем берет другие тела Γ, равные по величине и по числу телам Β, а стало быть, и телам Α и движущиеся в направлении, противоположном движению тел Β. Ибо, в то время как тела Β движутся от середины стадия, совпадающей с серединой тел Α, к концу стадия Ε, тела Γ движутся от конца [стадия] Ε к точке Δ в начале стадия, и, значит, «первым» из четырех Γ оказывается то, что обращено в сторону Δ, в направлении которого движутся тела Γ; при этом первое Γ он помещает вровень с первым Β.

Таково изначальное положение, принятое [Зеноном]. Теперь если тела Α будут неподвижны, тела Β будут двигаться от середины тел Α, т. е. середины стадия, к концу стадия Ε, а тела Γ — от конца стадия к началу (а не «от последнего Β» — чтение, которое Александр, по-видимому, нашел в каких-то списках [«Физики»] и потому был вынужден повторить его, так как то, что раньше он назвал «первым Β», теперь назы-

вает «последним В»), то получается, что первое В оказывается «в крайней точке» своего движения одновременно с первым Г при условии, что они «движутся друг мимо друга и с равной скоростью». Иначе [слова Аристотеля можно толковать так, что они одновременно] «наложатся на последнее из тел противоположного ряда». В самом деле, при условии, что первое Г изначально расположено против первого В, после того как [ряды ВВ и ГГ], двигаясь в противоположных направлениях с равной скоростью, пройдут друг друга, первое В наложится на последнее Г, а первое Г — на последнее В. Так, очевидно, надо понимать фразу «получается, что, когда [тела ВВ и ГГ] движутся друг мимо друга, первое В налагается на последнее одновременно с тем, как первое Г», поскольку движение [первого В и первого Г] друг мимо друга приводит к тому, что они оказываются против последнего тела другого ряда. «Получается также, — говорит [Аристотель], — что Г», т. е. первое Г, «прошло мимо всех А, а В — мимо половины А». Ясно, что В, начав [свой путь] от середины тел А, прошло два А (или любую другую половину их четного числа) за то время, за какое Г проходит вдвое большее число тел В, так как первое В начало [двигаться] от середины тел А. И за то время, за какое В проходит два последних неподвижных А, движущееся в направлении противоположного движению тел В, первое Г пройдет четыре В, так как два встречных движения покрывают вдвое большее расстояние, чем одно, которое В совершает мимо неподвижных А. Это ясно. Но каким образом «Г прошло мимо всех А»? Ведь оно вовсе не двигалось мимо них, но мимо тел В; и не от начала тел А оно двигалось, а от начала тел В, находившегося против середины тел А. Может быть, [Аристотель выразился так] потому, что тела В равны телам А? И поэтому за то же время, за какое Г прошло мимо тел В, оно тем самым прошло и мимо тел А, равных телам В?

Паралогизм [Зенона] состоит в том, что он принял безотносительно постулат, согласно которому движение мимо равных величин занимает равное время, не учитывая того, что из этих равных величин [в данном случае] одни двигались навстречу, а другие были неподвижны. Приняв тем не менее, что тела Г в равное время проходят и тела В, и тела А и так как за то же время, за какое первое В проходит два А, Г проходит четыре В или четыре А, он заключил, что В хотя и имеет равную скорость с Г, тем не менее за то же время проходит половину того расстояния, какое проходит Г, что противоречит как исходным постулатам, так и очевидности, так как движущиеся с равной скоростью тела проходят в равное время равное расстояние, но только в том случае, когда они находятся в одинаковых условиях, а именно либо оба движутся мимо неподвижных тел, либо оба мимо движущихся, но не тогда, когда одни, как В, движутся мимо неподвижных, а другие, как Г, — мимо движущихся навстречу тел. Кроме того, время, за которое В проходит два А, составляет половину того времени, за какое Г проходит четыре В, раз тела А равны телам В, и при этом В и Г движутся с равной скоростью. Однако считалось, что время, за которое В прошло два А, а Г — четыре В, равно, т. е. тождественно. Стало быть, получится, что одна и та же величина — двойная и половинная, раз за то же время из двух движущихся с равной скоростью тел тело В прошло два А, а тело Г — четыре В, при том что тела В равны телам А, а также [получится], что и одно и то же время тоже двойное и половинное, раз время, за которое В прошло два А, составляло и половину того времени, за которое Г прошло четыре В, и было равно ему. Слова «каждое из двух проходит мимо каждого за равное [время]» означают, что и В, и Г, поскольку они движутся с равной скоростью, проходят в равное время каждое из тел В и каждое из тел А, мимо которых они движутся. А раз в равное, то ясно, что время, за которое Г проходит четыре В, вдвое больше того, за которое В [проходит] два

А, или, точнее, за время, которое Г проходит четыре А, [вдвое больше] того, за которое движущееся с той же скоростью В проходит два А. Ибо сказано, что Г проходит тела В за то же время, за какое оно проходит тела А.

Там же, 1019, 32=ЕВДЕМ, фр. 106 Wehrli: Таков аргумент [Зенона]. По словам Евдема, он чрезвычайно наивен, так как содержит явный паралогизм. . . ибо тела, движущиеся навстречу друг другу с равной скоростью, удаляются на двойное расстояние за то же время, за какое [тело], движущееся мимо неподвижного, удаляется на половинное расстояние, хотя бы даже скорость его и была равна скорости первых тел.

ПРОСЯНОЕ ЗЕРНО

29. АРИСТОТЕЛЬ. Физика, Н 5, 250 а 19: [Из того, что целая сила двинула тело на такое-то расстояние, не следует, что половинная сила двинет его вообще на сколь угодно малое расстояние за сколь угодно большое время]. Поэтому неверно рассуждение Зенона, что любая [сколь угодно малая] часть просяного зерна шумит [при падении], ибо ничто не препятствует тому, что она ни за какое [сколь угодно большое] время не приведет в движение то количество воздуха, какое приводит в движение при своем падении целый медимн [проса]. Мало того, она не приводит в движение даже столь малую частицу всего количества [воздуха], какую она привела бы в движение, если бы существовала сама по себе. Ведь она вовсе не существует, разве лишь потенциально в целом [зерне].

СИМПЛИКИЙ. Комм. к этому месту, 1108, 18: Тем самым [Аристотель] решает и апорию Зенона, которую тот задал софисту Протагору. «Скажи-ка мне, Протагор, — сказал [Зенон], — издает ли шум при падении одно просяное зернышко или одна десяти тысячная часть зернышка?» Тот сказал, что не издает. «А медимн просяных зерен, — спросил [Зенон], — издает ли шум при падении или нет?» Когда тот ответил, что медимн издает шум, Зенон спросил: «Ну а нет ли пропорции между медимном просяных зерен и одним зернышком или десяти тысячной частью одного зернышка?». Тот сказал, что есть. «Ну так не относятся ли между собой [их] шумы в той же пропорции, — спросил Зенон, — как шумящие [тела относятся между собой], так и шумы, не так ли? А раз это так, то если шумит медимн проса, должно шуметь и одно просяное зернышко и одна десяти тысячная часть зернышка». Так формулировал апорию Зенон.

30. Мнения философов (Стобей), I, 7, 27 («Что есть бог?»): Мелисс и Зенон [полагают богом] Всеединое и единственно вечное и бесконечное Одно.

В. ФРАГМЕНТЫ

Споры [?]

1. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 140, 34 [после В 3]: Так он доказал бесконечность [сущего] по числу посредством [аргумента] от дихотомии. А бесконечность по величине [он доказал] раньше [т. е. до фр. В 3] посредством такой же аргументации [от дихотомии]. Так, показав сначала, что «если бы сущее [„то, что есть“] не имело величины, то его бы и не было», он добавляет: «Если же есть, то необходимо, чтобы каждое имело некоторую величину и толщину и чтобы у него одно от-стояло от другого. То же самое справедливо и о превосходящем [по величине сущем], ибо и оно тоже будет иметь величину, и его, [в свою очередь], превзойдет нечто еще. Все равно, сказать ли это один раз или повторять постоянно. Ибо ни одно такое [=превосходящее] его не ока-

жется последним [~крайней границей] и никогда не будет так, что одно не примыкает к другому. Таким образом, если есть много [сущих], они по необходимости должны быть [одновременно] и малыми и большими; малыми — настолько, чтобы не иметь величины, большими — настолько, чтобы быть бесконечными.

2. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 139, 3: Весьма вероятно, что Зенон, диалектически [собств. «гимнастически»] аргументируя за и против (отсюда его прозвище «двуязыкий»), высказывал об Одном и такие [=негативные] суждения, [как утверждает Евдем], в порядке апории. Однако в сочинении своем, содержащем много эпихерем, он на основании каждой из них доказывает, что тот, кто утверждает реальность многого [«многое есть»], оказывается в противоречии с самим собой. В одной из этих эпихерем он доказывает, что «если есть много [сущих], они и велики и малы: велики — настолько, что бесконечны по величине, а малы — настолько, что не имеют никакой величины» [В 1]. В ней он доказывает, что у чего нет совершенно ни величины, ни толщины, ни объема [$\delta\chi\omicron\varsigma$, ср. А 28], того и вовсе нет.

«Ибо если прибавится к другому существу, — говорит он, — то не сделает его ничуть больше: в самом деле, если величины у него нет никакой, но оно прибавилось [к существу], [сущее] не может получить прирост по величине ни насколько. Уже отсюда следует, что прибавляемое ничто. Если же при убавлении [чего-то] другое [сущее] не станет ничуть меньше, равно как и не возрастет при прибавлении [того же], то ясно, что как прибавленное, так и убавленное было ничем». Зенон говорит это вовсе не потому, что он упраздняет Одно, но потому, что каждое из многих и бесконечных [по числу сущих] имеет величину, так как перед любым [из них] всегда есть нечто вследствие деления до бесконечности. Это он доказывает после того, как прежде доказал, что ни одно [из них] не имеет величины, на том основании, что каждое из многих [сущих] тождественно самому себе и одно.

3. Там же, 140, 27: [Аргумент «дихотомия»] вопреки Порфирию принадлежит не Пармениду, а Зенону]. Но к чему ненужные рассуждения, когда [апория «дихотомия»] сохранилась в самом сочинении Зенона? Доказывая опять, что, если есть многое, одни и те же [сущие] оказываются конечными и бесконечными, Зенон пишет дословно следующее:

«Если есть много [сущих], их по необходимости должно быть ровно столько, сколько их есть, и не больше их самих, и не меньше. Если же их столько, сколько есть, то они конечны.

Если есть много [сущих], то сущие бесконечны [по числу], так как между сущими всегда есть другие [сущие], а между этих последних — опять другие [сущие]. Следовательно, сущие бесконечны». Так он доказал бесконечность [сущего] по числу посредством [аргумента] от дихотомии [следует В 1].

4. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ. IX, 72: Мало того, согласно им [=пирроновцам], и Ксенофан, и Зенон Элейский, и Демокрит были скептиками. а Зенон упраздняет движение, говоря: «То, что движется, не движется ни в том месте, где оно есть, ни в том, где его нет».

*5 (12 Lee). ПЛАТОН. Парменид, 127 е 1—4: Дослушав [сочинение Зенона] до конца, Сократ попросил снова прочитать первое положение первого аргумента, и, когда оно было прочитано, спросил: «Как это ты говоришь, Зенон? „Если сущих много, дескать, то они должны быть одновременно подобными и неподобными, а это невозможно, так как ни неподобные [сущие] не могут быть подобны, ни подобные — неподобны“? Не так ли ты говоришь?».

30. МЕЛИСС

А. СВИДЕТЕЛЬСТВА О ЖИЗНИ И УЧЕНИИ

1. Диоген Лаэртский, IX, 24. Мелисс, сын Итагена, самосец. Он был учеником [«слушал»] Парменида. Но также имел беседы [или: «вступил в диалог»] с Гераклитом и по этому случаю представил его [как философа] эфесцам, которые о нем не знали, подобно тому как Гиппократ [представил] Демокрита абдеритам [= ДЕМОКРИТ, LXXVIII Л.]. Он был также государственным деятелем и пользовался уважением и почетом среди сограждан, поэтому он был избран навархом [= командующим флотом] и снискал еще большее восхищение своей доблестью.

Воззрения его таковы: универсум [«Все»] бесконечен, неизменяем, неподвижен, един, подобен самому себе [= «однороден»] и наполнен. Движения нет, только кажется, что есть. О богах, говорил он, не следует утверждать ничего, так как познание их невозможно.

Аполлодор [FGrH 244 F 72] говорит, что расцвет его пришелся на восемьдесят четвертую олимпиаду [444—441 гг. до н. э.]. Ср.: ЕВСЕВИЙ. Хроника, Ол. 84, 1.

2. СУДА, под словом «Мелет, сын Лара»: .Он был современником Зенона Элейского и Эмпедокла. Написал «О сущем». Также был политическим противником Перикла и, будучи стратегом самосцев [= «навархом»], дал морское сражение [афинскому флоту, которым командовал] Софокл-трагик, в восемьдесят четвертую олимпиаду [444—441 гг. до н. э.].

3. ПЛУТАРХ. Перикл, 26: После отплытия Перикла [с Самоса] Мелисс, сын Итагена, философ, который был тогда стратегом Самоса, невзирая на малочисленность кораблей и неопытность стратегов, убедил сограждан напасть на афинян. В бою победили самосцы. Они взяли в плен многих афинян, уничтожили много кораблей, возобновили снабжение по морю и обеспечили себя многим необходимым для войны, чего раньше у них не было. Аристотель говорит [«Самосская полития», фр. 577 R.], что и сам Перикл до этого потерпел поражение от Мелисса в морском бою. Самосцы клеймили пленных афинян в лоб изображением совы, отвечая глумлением за глумление: афиняне их тоже клеймили — изображением «самиянок» [самосский тип корабля]

(27). Узнав о несчастье в лагере, Перикл поспешил на помощь, победил Мелисса, построившего против него [свою эскадру] и, обратив противника в бегство, сразу же взял город в кольцо блокады: ему хотелось одержать верх и захватить город скорее ценой расходов и потерянному времени, чем ценой ран и опасностей, которым могли бы подвергнуться его сограждане. . . (28) На девятый месяц [лето 440 г.] самосцы сдались. Перикл срыл стены, отнял корабли, и оптрафовал самосцев на большую денежную сумму, часть которой они внесли сразу же, а часть условились внести в назначенный срок и дали заложников. Дурис Самосский [FGrHist 76 F 67] присочиняет к этому в театральном духе ужасную свирепость афинян (заодно обвиняя Перикла), однако ни Фукидид [I, 117], ни Эфор [FGrHist 74 F 195], ни Аристотель [фр. 578 R.] о таковой не сообщают.

ПЛУТАРХ. Фемистокл, 2: Правда, Стесимброт [FGrHist 107 F 1] говорит, что Фемистокл слушал Анаксагора и учился у Мелисса-физика, но он не в ладах с хронологией: Мелисс как стратег самосцев противостоял Периклу, осаждавшему Самос; Анаксагор принадлежал к близкому кругу Перикла; между тем Перикл [495—429 гг. до н. э.] был намного моложе Фемистокла [528—462 гг. до н. э.].

*ПЛУТАРХ. Против Колога, 32, 1126 В: Мелисс, будучи стратегом родного города, одержал победу над афинянами в морском сражении.

*ЭЛИАН. Пестрая история, VII, 14: Разве философы не выказали доблесть в военных делах? По-моему, выказали, раз Архита тарентцы шесть раз выбирали стратегом, Мелисс был навархом и т. д.

*3 а. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 267: [Каталог пифагорейцев]. Самосцы: Мелисс, Лакон, Архипп и т. д.

ЕВСЕВИЙ. Приготовление к Евангелию, XIV, 17, 10: [Очерк «преемств» философов]. Парменид: у него учился Мелисс, у Мелисса — Зенон, у Зенона — Левкипп, у Левкиппа — Демокрит и т. д.

ИОАНН ЦЕЦ. Хиляды, II, 980: Левкиппа. ученика Мелисса. . .

Сочинение

4. *ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, I, 16: Другие [оставили] по одному сочинению: Мелисс, Парменид, Анаксагор.

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 70, 16: Мелисс озаглавил свое сочинение так: «О природе, или О сущем».

*ОН ЖЕ. Комм. к «О небе», 556, 25=28 А 14; Там же, 557, 10: И раз Мелисс озаглавил [свое сочинение] «О природе, или О сущем», то ясно, что он считал природу сущим.

*ГАЛЕН. Об элементах по Гиппократу, I, 9=24 А 2; ОН ЖЕ. Комм. к «О природе человека» Гиппократа, XV, 5 К.=СМГ V, 9, 1, с. 5, 11: «О природе» озаглавлены сочинения всех древних философов: Эмпедокла, Парменида, Мелисса, Алкмеона, Гераклита. Ср. А 2.

Учение

5. ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ. О Мелиссе, Ксенофоне, Горгии, гл. 1.-2. 974 а 1 сл.: Если нечто есть, утверждает он, то оно вечно, коль скоро из ничего не может возникнуть ничего. Все ли [вещи] возникли или не все, — [безразлично]: оба допущения невозможны, ибо, возникая, они возникли бы из ничего. 974а5 В самом деле, если бы они возникли все, то им ничто не предсуществовало бы. А если бы одни были всегда, а другие к ним прибавились, то сущее возросло бы по числу и величине. Но то [количество], на которое оно возросло по числу и величине, возникло бы из ничего, ибо в меньшем числе не содержится большего, равно как и в меньшей величине — большей.

10 (2) Коль скоро оно вечно, то бесконечно (*ἄπειρον*), так как у него нет ни начала, из которого оно возникло, ни окончания, в которое, возникнув однажды, оно бы некогда окончилось: ведь оно всецело (*πᾶν*).

(3) А коль скоро оно бесконечно [~ безгранично], то одно, так как если бы [сущих] было два или больше, они были бы границами по отношению друг к другу.

(4) Коль скоро оно одно, то везде одинаково (*ἴσμεον*), так как если оно неодинаково [= «отлично от себя»], то его уже больше одного, следовательно, оно не одно, а многое.

15 (5) Коль скоро оно вечно, бесконечно и везде одинаково, одно должно быть неподвижно. В самом деле, оно не могло бы двигаться иначе как смещаясь в не-

что. А чтобы сместиться, необходимо войти либо в полное, либо в пустое. Но первое из них не приняло бы, а второго вовсе нет.

20 (6) Коль скоро Одно таково, оно должно быть безболезненным и неподверженным страданиям, здоровым [~ невредимым] и неведующим болезней [~ упадка] и [не должно] ни перемещаться по положению, ни изменяться по качеству, ни смешиваться с другим, так как в результате всего этого Одно вынуждено становиться многим, не-сущее — рождаться, а сущее — уничтожаться, а это невозможно.

25 (7) В самом деле, если понимать «одно» как конечный результат смешения многого и [на этом основании] допустить, что вещей много и они движутся, замещающая друг друга, то смесь могла бы получиться либо как со-положение в одном множестве, либо путем наложения элементов смеси в виде слоев один поверх другого. В первом случае были бы различимы швы, разделяющие элементы
974b1 смеси, а в случае наложения каждый из них становился бы заметен при соскабливании и удалении верхних слоев смеси с расположенных под ними. Однако ни того ни другого не происходит.

5 (8) Только в этих [двух] случаях, полагал он, множество [сущих] могло бы быть и являться нам. Поэтому коль скоро это невозможно, то и сущих не может быть много, но это нам неправильно кажется. Ибо и многое другое воображается имеющим место на основании чувственного восприятия, однако разум (логос) доказывает, что в действительности это не так, и точно так же [он доказывает], что сущее не множественно, но одно, вечно, бесконечно и всецело подобно само себе.

10 (9) Прежде всего не следует ли в таком случае начинать [рассуждение], приняв [за исходный постулат] не всякое мнение (докса), но лишь наиболее надежные? Если все мнения неправильны, [как утверждает Мелисс], то, вероятно, отнюдь не следует использовать [в качестве исходного постулата] и это положение: «из ничего не может возникнуть ничего». Ведь это всего лишь мнение, и к тому же неверное; мы все так полагаем на основании чувственного восприятия, исходя из множества частных случаев.

15 (10) Если же не все то ложно, что нам кажется, но есть среди этого и правильные воззрения, то следует либо доказать, что они таковы, и принять их, либо [сразу] принять те, что по преимуществу признаются правильными. Эти [воззрения] всегда должны быть более надежными, чем те, которые еще нужно доказать, [прежде чем принять за постулат].

20 (11) Даже если бы у нас было два мнения, противоречащих друг другу, как он полагает (если сущих много, утверждает он, то они по необходимости должны были возникнуть из не-сущих, если же это невозможно, то сущих не много: коль скоро все, что есть, безначально, то оно и бесконечно, а если бесконечно, то и одно), но при этом обе посылки одинаково признаются нами, то [тезис о том], что [сущее] одно, доказан ничуть не более, чем [тезис о том], что [сущих] много. Если же вторая [посылка] достовернее, то и вывод из нее обладает
25 большей доказательной силой.

975a1 (12) Мы имеем оба эти воззрения: 1) как то, что из ничего не может возникнуть ничего; 2) так и то, что сущее множественно и движется. Второе из двух достоверней, и все скорей откажутся от первого, чем от второго. Поэтому даже если окажется, что эти утверждения противоречат друг другу и что невозможно

одновременно признавать возникновение из не-сущего и отрицать множественность вещей, то они будут опровергать друг друга.

(13) Но почему скорее так, а не иначе [= «почему тезис (2) будет опровергнут тезисом (1), а не наоборот»]? С равным успехом можно утверждать и противоположное. В самом деле, он рассуждал, и не доказав [предварительно], что мнение, из которого он исходит, правильное, и не приняв в качестве постулата более достоверное мнение, нежели то, которое он опровергает: ведь возникновение из не-сущего считается более вероятным, чем отрицание множественности [сущего].

(14) В пользу того, что возникновение того, чего нет [«не-сущих»], возможно и что много [сущих] уже возникло из не-сущего, говорят общепризнанные мнения, причем высказанные не кем попало, но и некоторыми прославленными мудрецами.

(15) Так, Гесиод говорит [«Теогония», ст. 116, 117, 120]:

Прежде всего возник Хаос, а затем
Широкогрудая Гея, прочное седалище всех навек,
И Эрос, который выдается среди всех бессмертных.

Прочие вещи, по его словам, возникли <из этих>, а эти — из ничего. Да и многие утверждают, что ничто не есть, но все становится [~ возникает], полагая [тем самым], что становящееся становится не из того, что есть [= «не из сущих»]: иначе они не могли бы утверждать, что все становится [~ возникает]. Откуда ясно, что, во всяком случае, по мнению некоторых, возникновение из не-сущего также возможно.

Гл. 2. (1) Не отложить ли, однако, вопрос, возможно или невозможно то, что он утверждает, и не достаточно ли рассмотреть, вытекают ли эти утверждения из его посылок, или же ничто не мешает, чтобы дело обстояло не так? Пожалуй, это два отдельных вопроса.

(2) Если принять за исходную посылку его собственный исходный постулат «из не-сущего не может возникнуть ничего», то вытекает ли из него по необходимости, что все вещи должны быть невозникшими, или же ничто не мешает считать, что одни возникли из других, [другие — из третьих] и что этот процесс продолжается до бесконечности? (3) Или повторяется по кругу, так что одно возникает из другого и, следовательно, всегда нечто есть, причем все отдельные вещи бесконечное число раз уже возникали друг из друга: почему нет? (4) Стало быть, ничто не мешает, принимая постулат «из не-сущего не может возникнуть ничего», утверждать, что все вещи возникли, и, если они бесконечны, ничто не мешает, следуя ему [самому, т. е. Мелиссу], приписать им атрибут [бесконечности], присущий Одному. Ведь он сам ассоциирует с [атрибутом] «бесконечное» понятие и предикат «все» [= универсум всех вещей]. Равно как ничто не мешает в случае, если они не бесконечны, чтобы возникновение их было циклическим.

(5) Далее, если все вещи возникают и ни одна не есть, как утверждают некоторые, то каким образом они могут быть вечными? А он, несмотря ни на что, исходит в своих рассуждениях из того, что «нечто есть» как из факта и постулата. «Если [нечто] не возникло, но есть, — говорит он, — то оно вечно», как будто предикат бытия [«есть»] непременно должен быть присущ вещам.

(6) Далее, даже если абсолютно невозможно ни возникновение не-сущего, ни уничтожение сущего, то что мешает тому, чтобы, как полагает Эмпедокл, одни [сущие] были возникшими, а другие — вечными? Ведь и он тоже принял 975b1 все эти [постулаты], а именно что [31 фр. 46=В 12]:

Из того, чего нет нигде, не может возникнуть [ничто],
 Равно как недостижимо и неосуществимо, чтобы изничтожилось то,
 что есть:
 Сколько и откуда его не выталкивай, всякий раз [на его месте] ока-
 жется [другое сущее].

и тем не менее утверждает, что одни из сущих вечны: огонь, вода, земля и воз-
 5 дух, а другие возникают или возникли из них.

(7) Никакое другое возникновение, [кроме возникновения из элементов], как он считает, для сущих невозможно [31 фр. 53, ст. 3—4=В 8]:

А есть лишь смешение и разделение смешанных [элементов],
 Люди же называют это «рождением»,

10 (8) возникновение вечных [элементов] и сущего происходит не в отношении сущности, так как он полагал, что это невозможно [31 фр. 31, ст. 31=В 17]:

Что бы тогда давало прирост этой Вселенной и откуда бы оно взялось?

Многое возникает путем смешения и соединения огня и рядоположных ему [элементов], а уничтожается путем их разъединения и разделения. Таким обра-
 15 зом, многое существует как результат смешения и разделения, а по природе — четыре [сущих], не считая [движущих] причин, или Одно.

(9) Также и в том случае, если бы элементы, при соединении которых [вещи] возникают, а при разделении — уничтожаются, были бы изначально бесконечны [по числу], как, по словам некоторых, говорит Анаксагор. утвержда-
 20 ющий, что возникающие вещи возникают из вечно сущих [элементов] и бесконечных [по числу], также и в этом случае все не могло бы быть вечным, но некоторые вещи возникали бы и были бы возникшими из сущих, и уничтожались бы в другие сущности.

(10) Далее, ничто не мешает тому, чтобы Вселенная была одной какой-то формой, как среди прочих полагают Анаксимандр и Анаксимен: первый — утвер-
 25 ждая, что Вселенная есть вода, второй, т. е. Анаксимен, — что воздух, а также все остальные, кто полагал, что Вселенная есть одно в этом смысле. И в этом случае благодаря [различным] конфигурациям, большему или меньшему [количеству вещества], а также разрежению и сгущению Вселенная может производить множество или бесконечное число сущих и возникающих [вещей].

(11) Также и Демокрит утверждает, что и вода, и воздух, и каждая из множества вещей, будучи одним и тем же, различаются формой. Спрашивается, что мешает и в этом случае возникновению и уничтожению многого при условии, что Одно благодаря указанным различиям вечно превращается из одного сущего в другое, а Вселенная в целом не становится ничуть не больше и не меньше?

30 (12) Далее, что мешает считать, что тела в определенный момент возникают из других тел и, разлагаясь, переходят в [другие] тела, причем всегда возникает ровно столько тел, сколько разлагается, которые, в свою очередь, снова уничтожаются?

35 (13) Но даже если допустить это [=вечность сущего], [допустить], что оно есть и что оно не возникло, откуда следует, что оно скорее бесконечно? Он утверждает, что если [сущее] есть, но не возникло, то оно бесконечно, так как начало и конец возникновения суть границы. (14) Однако что мешает допустить исходя из сказанного, что, будучи невозникшим, оно тем не менее имеет границу? Он утверждает, что если оно возникло, то должно иметь то начало, из которого
976a1 начало возникать. Спрашивается, что мешает допустить, что даже если [сущее] не возникло, оно-таки имеет начало, но только не то, из которого возникло, а другое [=пространственное], и что имеются вечные сущие, граничащие между собой? (15) Далее, что мешает универсуму, коль скоро он не возник, быть бесконечным, а возникающим в нем вещам — конечными, коль скоро они имеют начало и конец возникновения? (16) Далее, что мешает согласиться с Парменидом, утверждающим, что Всё, хотя и одно, и не возникло, а все же конечно, и [28 В 8, ст. 43—45]:

10 . . . Со всех сторон похожее на глыбу совершенно-круглого Шара,
Веде равносильное от центра, ибо нет нужды,
Чтобы вот тут его было больше или меньше, чем вот там.

Коль скоро у него есть центр и периферия, оно имеет границу, хотя и не возникло.

(17) Далее, если оно бесконечно, то даже если оно одно, как он сам говорит, и причем тело, оно имеет части, не тождественные самому себе, но все подобные самому себе. (18) В этом смысле он называет универсум «подобным», а не так как другие, в смысле «подобия чему-то», что, очевидно, доказывает конечность [универсума]: если бесконечное «подобно», то это означает, что оно «подобно другому», и, следовательно, оно не одно и не бесконечно, а представляет собой два или более сущих. Но, вероятно, он употребляет термин «подобное» в смысле «подобия самому себе» и говорит, что универсум сам себе «подобен», поскольку однороден и весь целиком вода, земля или любое другое вещество того же рода: ведь ясно, что он полагает его «одним» в этом смысле. Стало быть, каждая из частей, по-
15 скольку она тело, не бесконечна, так как бесконечно Целое, и, следовательно, эти части граничат между собой, хотя и не возникли.

(19) Далее, если оно вечно и бесконечно, то каким образом оно может быть одним, при том, что оно тело? Если оно неоднородно, то множественно, как он сам же утверждает. Если же сущее всецело вода, или всецело земля, или что бы
25 то ни было подобное, то у него было бы много частей: таким, как пытается доказать и Зенон, должно быть сущее, если оно «одно» в этом смысле. Стало быть, некоторые его части были бы больше по числу, иные меньше по числу и по величине, [чем другие части], и тем самым [сущее] было бы повсюду разнородным, хотя ни одно тело не прибавлялось бы и не убавлялось.

(20) Если же у него вовсе нет ни тела, ни ширины, ни длины, то каким образом одно может быть бесконечным? И что мешает тому, чтобы таких [бестелесных единиц] было много или бесчисленное количество?

(21) Далее, что мешает тому, чтобы сущие были бесконечны по величине, даже если их больше одного? Так, например, Ксенофан [21 А 47] говорит, что бесконечна как глубина земли, так и воздуха. [О том же] свидетельствует и Эм-

педокл: он упрекает кого-то, кто утверждал так, полагая, что при множественности сущих они не могут быть бесконечными [31 фр. 240=В 39]:

. . . Будь бесконечны глубины Земли и Эфир изобильный,
Как с языка сорвалось и из уст излилось впустую
Многих людей, ничтожную часть Вселенной выдавших.

(22) Далее, если [сущее] одно, нет ничего абсурдного в том, что оно не
976b1 повсюду подобно [=однородно]. Если оно всецело вода, или огонь, или что бы
то ни было еще того же рода, то ничто не мешает допустить много видов одного
сущего, каждый из которых по отдельности подобен самому себе. (23) Ничто не
мешает одной [части сущего] быть разреженной, другой — плотной при условии,
что в разреженном не содержится пустоты. Действительно, в разреженном не
5 содержится в некоторых частях обособленная пустота, в результате чего одна
часть Целого была бы плотной, а другая — не плотной, и нет необходимости
полагать, что разреженно только то, что содержит пустоту; [разреженное]
также все целиком наполнено, но все же менее наполнено, чем плотное.

(24) Если оно есть и не возникло, даже если вследствие этого допустить, что
оно бесконечно и что не может быть другого [конечного] и другого бесконечного
10 [сущего], то на каком основании ему следует приписывать атрибуты одного и
неподвижного? * * *

(25) [Сущее] неподвижно, утверждает он, если нет пустоты, так как все
движется посредством смены места. (26) Прежде всего многие не разделяют этого
15 мнения, а полагают, что пустота есть, но только она не тело. Так, например,
Гесиод говорит, что при возникновении [мира] сначала возник хаос, исходя из
того что прежде всего должно быть пространство для вещей. Нечто подобное
представляет собой и пустота — что-то вроде порожнего сосуда.

(27) Но даже если пустоты вовсе нет, движение возможно с равным успе-
20 хом, так как Анаксагор, который исследовал этот вопрос, а не ограничился про-
стым отрицанием [пустоты], утверждает, что сущее движется, хотя пустоты нет.
(28) Сходным образом и Эмпедокл утверждает, что все сущее вечно и непрерывно
движется посредством соединения <и разъединения>, а пустоты нет вовсе; он
говорит [31 фр. 48=В 14]: «Во Вселенной нет вовсе пустоты: откуда что-либо
25 могло бы при-быть». Когда же [все] соединится в единый облик и станет Одним,
тогда, по его словам [31 фр. 47=В 13], «в нем [=Одном] вовсе нет ни пустоты, ни
избытка». (29) Действительно, что мешает тому, чтобы [тела] двигались путем
взаимного замещения так, чтобы одновременно первое [тело] занимало место
второго, второе — место третьего, а третье — место первого и чтобы такое
30 перемещение было постоянным? (30) Исходя из его же собственных посылок,
ничто не мешает и тому, чтобы и пребывающие на месте вещи претерпевали про-
цесс (κίνησις) изменения качества (εἶδος), который и он и все остальные называют
инаковением (ἀλλοίωσις) и при котором [вещь], например, становится из белой чер-
ной или из горькой сладкой. Ведь ни тот факт, что пустоты нет, ни тот факт, что
полное непроницаемо, не препятствуют качественному изменению.

(31) Следовательно, [из посылок Мелисса] не вытекает с необходимостью
ни что [сущее] должно быть всецелым, ни что вечным, ни что бесконечным (а будь
оно бесконечным, то было бы много бесконечных [сущих]), ни что одним, ни
что подобным, ни что неподвижным. Причем [последнее] — ни в случае, если

977a1 оно одно, ни в случае, если оно множественно. Если принять это, то на основании его же собственных посылок ничто не мешает существу ни подвергаться метакосмезе, ни подвергаться инаковению, ибо и в случае, если [сущее] одно, возможно движение, и количественная дифференциация [=сгущение и разрежение] и качественное изменение, при том что закон сохранения не нарушается [букв. «при том что никакое количество тела-вещества не прибавляется и не убавляется»], и в случае, если [сущих] много, [все перечисленные виды изменения могут осуществляться] путем их взаимного соединения и разъединения.

5 (32) Его объяснение смеси невероятно: она не может быть ни таким наложением [слов], ни таким соположением [элементов], как он говорит, в результате чего [элементы смеси] либо сразу же [были бы видны] раздельно, либо становились бы видны один отдельно от другого при соскабливании одного за другим поверхностных слоев. На самом деле структура смеси такова, что любая [сколь угодно малая] часть одного из компонентов смеси присутствует в любой [сколь угодно малой] части другого компонента так, что в любой сколь угодно [малой] 10 части смеси невозможно найти [компоненты смеси] в соположении, но только в смеси. Так как не существует наименьшего тела, то любая часть смешана с любой так же, как и целое.

6. ГИППОКРАТ. О природе человека, 1 (т. VI, 34 L.): [Полемика с натурфилософами-монистами: принимающие один-единственный элемент и полагающие его одним-и-всем (*ἓν καὶ πᾶν*), опровергают друг друга в диспутах, и никому из них еще не удалось победить противника «три раза подряд»]. Мне, по крайней мере, кажется, что такие люди по недостатку ума опровергают самих себя в словесии своих речей, а вот теорию Мелисса поддерживают.

ГАЛЕН. Комм. к этому месту, CMG V, 9, 1; 17, 16: Во всей этой главе он явно возражает тем, что полагает, что человек состоит только из одного из четырех элементов, и говорит, что они ошибаются. Так как они ничего не могут доказать, их тезис был крайне неубедительным: своей аргументацией они не могут доказать, что человек состоит из одного из четырех элементов, и тем самым доказывают правильность тезиса Мелисса, который тоже полагал, что [человек] есть нечто одно, но только не один из этих четырех элементов: воздуха, земли, воды и огня. По-видимому, этот философ хотел сказать, что имеется некая общая субстанция, лежащая в основе четырех элементов, невозникшая и неуничтожимая, которую последующие [философы] назвали «материей» (*ὑλη*), но не мог этого членораздельно объяснить. Эту самую субстанцию он и называет «одно-и-все».

*6a (Reale). ПЛАТОН. Теэтет, 180 d=28 В 7—8 (контекст); ПЛАТОН. Теэтет, 181 a=28 А 26; СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, X, 46=28 А 26; ИСОКРАТ, 10, 3; 15, 268=28 А 23.

7. АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, А 5. 986 b 18 [ср. 28 А 24]: Судя по всему, Парменид исследовал формальное [«соответствующее логосу-понятию»] Одно, а Мелисс — материальное, поэтому первый полагает его конечным, второй — бесконечным. . . (b 25) Этих [мыслителей=элейцев], как мы уже сказали, в связи с настоящим исследованием следует оставить в стороне, тем более что двое из них — Ксенофан и Мелисс — немного грубоваты, Парменид же, судя по всему, высказывает более пронизательные суждения. . .

АРИСТОТЕЛЬ. Физика, А 3. 186 а 6: Оба рассуждают эристически — в Мелисс, и Парменид: они исходят из ложных посылок, и рассуждения их бездоказательны (*ἀσολλόβυτοι*). Особенно примитивно [собств. «вульгарно», *φορτικός*] и не вызывает затруднений [рассуждение] Мелисса: из одной абсурдной посылки у него вытекает все остальное; [опровергнуть] это не составляет труда.

*7a (Reale). ПЛАТОН. Теэтет, 183e=28 А 5; ТИМОН, фр. 45 D=29 А 1, § 1.

8. АРИСТОТЕЛЬ. Физика Δ 6. 213 b 12: Исходя из этого [=необходимости пустоты для пространственного перемещения, см. 213 b 4], Мелисс и доказывает, что универсум неподвижен: если допустить, что [сущее] движется, говорит он, то по необходимости должна быть пустота, а пустота не принадлежит к сущему.

АРИСТОТЕЛЬ. О возникновении и уничтожении, А 8. 325 а 2: Некоторым из древних считали, что сущее по необходимости должно быть одним и неподвижным, так как пустоты нет, а без существования обособленной пустоты оно двигаться не может. Равным образом не существует и многого, раз нет того, что разграничивает. Представление о том, что универсум непрерывен, но разделен на соприкасающиеся части, [по их мнению], ничем не отличается от утверждения, что существует не одно, а многое и пустота: если он повсюду делим, то нет ни одного [сущего], представляющего собой нечто одно [букв. «нет ни одного одного»], а следовательно, нет и многого, [так как множество состоит из единиц], тем самым универсум пуст: а если [не повсюду], но вот тут делим, а вот там нет, то это похоже на выдумку: до какого количественного предела, спрашивается, и на каком основании одна часть универсума такова [=неделима] и наполнена, а другая разделена? Сходным образом они доказывают невозможность движения. Исходя из этих аргументов, они вышли за границы чувственного восприятия и, пренебрегши им, поскольку, по их мнению, надо следовать только разуму (логосу), утверждают, что Все [= универсум] одно, неподвижно и безгранично, так как иначе граница граничила бы с пустотой. Далее, в теории эти утверждения представляются верными, но полагать так о реальных вещах похоже на сумасшествие.

АРИСТОТЕЛЬ. О небе. Γ 1. 298 b 14=28 А 25.

*8a (Reale). АРИСТОТЕЛЬ. Физика, А 8. 191 а 24=28 А 24. ЕВДЕМ у Симпликия, Комм. к «Физике», с. 111, 13 [=ЕВДЕМ, фр. 42 Wehrli]: Почему неподвижно? Потому что полно. Почему полно? Потому что невозможно бесконечное [=«лишенное границ», *ἄκρον*], содержащее пустоту.

АЛЕКСАНДР АФРОД. у Симпликия, Комм. к «Физике», 110, 13: Выведа бесконечность [сущего] из того, что оно не имеет ни начала, ни конца, из бесконечности — что оно одно, Мелисс, по словам Александра, затем доказывает, что оно неподвижно, [аргументируя] тем, что движущееся должно двигаться либо через полное, либо через пустое. . но сквозь полное не может двигаться ничто, а пустого не может быть среди сущих.

9. ЦИЦЕРОН. Учения академиков, II, 37, 118: Мелисс полагает, что то, что есть, бесконечно и неизменно, всегда было и будет.

Мнения философов, II, 1, 2; II, 4, 11=28 А 36.

ФЕОДОРIT, IV, 8: Мелисс, сын Итагена, милетец (sic), был его [=Парменида] учеником, однако переданного ему учения в чистоте не сохранил: он утверждал, что космос бесконечен, а те — что конечен.

Мнения философов (Стобей), II, 1, 6 («О космосе»): Диоген и Мелисс: универсум (τὸ πᾶν) бесконечен, космос конечен.

10. АРИСТОТЕЛЬ. О софистических опровержениях, 5. 167 b 13: Например, аргумент Мелисса о бесконечности универсума, исходящий из посылок, что универсум не возник (так как из не-сущего не может возникнуть ничего) и что все, что возникло, возникло из начала. Стало быть, если универсум не возник, то он не имеет начала, а следовательно, бесконечен. Но вывод не вытекает по необходимости: из того, что все возникшее имеет начало, не следует, что все имеющее начало возникло.

Там же, 6. 168 b 35: . . . Как в аргументе Мелисса, который исходит из равнозначности выражений «быть возникшим» и «иметь начало» или «становиться равными» и «приобретать ту же величину». Он полагает, что коль скоро возникшее имеет начало, то и имеющее начало возникло, поскольку, мол, «возникшее» и «конечное» равнозначны как «имеющее начало».

*Там же, 28. 181 a 27: . . . Аргумент Мелисса: он постулирует, что если возникшее имеет начало, то невозникшее не имеет; следовательно, если Вселенная не возникла, то она и бесконечна.

***АРИСТОТЕЛЬ.** Физика, А 3. 186 a 10: Что Мелисс допускает паралогизм — очевидно; он думает, что постулировал: если все возникшее имеет начало, то и все невозникшее не имеет.

*10a (Reale). ПСЕВДО-АЛЕКСАНДР АФРОД. Комм. к «Софистич. опроверж.», 49, 5: Желая показать, что сущее одно и бесконечно, [Мелисс] якобы доказывал это посредством обращения с отрицанием, говоря, что если возникшее имеет начало, то, стало быть, невозникшее не имеет. Затем он добавлял вторую посылку: не имеющее начала бесконечно. Так что получается силлогизм: сущее не возникло, невозникшее не имеет начала, не имеющее начала бесконечно, сущее бесконечно.

Там же, 49, 20: Например, аргумент Мелисса о том, что универсум бесконечен. Мелисс, говорит [Аристотель], доказывал, что универсум, т. е. сущее (вместо термина «сущее» [Аристотель] употребляет термин «универсум»), бесконечно. Доказывал же он это, исходя из посылки, что сущее нерождено или что сущее не возникло. Затем он дает доказательство этой посылки: если утверждается, что сущее возникло, то оно должно было бы возникнуть либо из сущего, либо из не-сущего. Из сущего оно возникнуть не могло, так как иначе нам придется задать тот же вопрос о том сущем. Но равным образом невозможно и то, что сущее возникло из не-сущего, вследствие общего постулата всех философов о том, что из абсолютно не-сущего не может возникнуть ничего. Откуда следует, что сущее не возникло. Если возникшее имеет начало, невозникшее не имеет начала, но что не имеет начала, то бесконечно.

Там же, 63, 15: Нечто подобное представляет собой и аргумент Мелисса, как мы уже показали выше. Взяв за исходную посылку, что возникшее имеет начало, и думая, что она обратима, он заключал: если возникшее имеет начало, то и имеющее начало возникло, поэтому если нечто не возникло, то оно не имеет начала. Но не имеющее начала бесконечно, поэтому невозникшее бесконечно. Но сущее не возникло — следовательно, сущее бесконечно.

АНОНИМ. Комм. к «О софистических опровержениях», 15, 26: Доказывая, что сущее одно и бесконечно, он рассуждает так: сущее не возникло, невозник-

шее не имеет начала, не имеющее начала бесконечно, а если так, то и одно. Следовательно, сущее одно и бесконечно. Первую посылку он доказывает так: если сущее возникло, то оно, безусловно, возникло бы из сущего, так как оно не могло бы возникнуть из абсолютно не-сущего. Однако нам пришлось бы повторить то же самое и об этом втором сущем, и о следующем, и так до бесконечности. Следовательно, сущее не возникло. Вторую посылку — «невозникшее не имеет начала» — он якобы доказывал посредством обращения с отрицанием. Если возникшее, говорит он, имеет начало, то невозникшее не имеет начала.

Там же, 60, 30: Если возникшее имеет начало, говорит он, то невозникшее не может иметь начала. Следовательно, если Вселенная не возникла, то она и бесконечна.

ФЕМИСТИЙ, Парафраза к «Физике», 7, 16: Бездоказателен аргумент Мелисса; он говорит: «Если сущее возникло, оно имеет начало, но оно не возникло следовательно, оно не имеет начала. Поэтому оно бесконечно и одно».

Там же, 8, 11: Затем он утверждает, что сущее также неподвижно, ибо коль скоро оно одно и бесконечно во всех направлениях, то ему некуда двигаться.

ФИЛОПОН. Комм. к «Физике», с. 50, 30: Вот аргумент Мелисса, вернее — силлогизм Мелиссу не принадлежит — он лишь выдвинул следующие положения: «Сущее безначально, сущее одно, сущее бесконечно, сущее неподвижно». Так вот, тогда как Мелисс принял эти четыре положения, некоторые решили, что он вывел их из силлогизма, который излагает Аристотель. Действительно ли Мелисс излагал и силлогизм тоже, или это другие решили, что он вывел эти положения из такого силлогизма, для нас не имеет никакого значения. Во всяком случае, силлогизм, из которого выводятся указанные положения, гласит: (1) Сущее не возникло, невозникшее не имеет начала, не имеющее начала не имеет и конца, не имеющее конца бесконечно, следовательно, сущее бесконечно. (2) Так он доказывал, что сущее бесконечно, откуда выводил затем, что оно одно и неподвижно. Действительно, если оно бесконечно, то ясно, что оно и одно, так как бесконечное занимает все пространство, а если так, то существование чего-либо другого исключено, так как в противном случае оно не было бы бесконечным. (3) В силу того, что оно одно и бесконечно, в силу обоих этих [оснований] оно должно быть неподвижным: если оно занимает все пространство, то ему некуда будет двигаться. (4) В то же время оно по необходимости должно быть неподвижным, если оно одно: если оно движется, то по необходимости должно быть пространство или время, в котором оно движется, или самый вид движения, которым оно движется. В таком случае опять будет не одно, но многое. Так Мелисс доказывал, что сущее одно, бесконечно и неподвижно [следует критика посылок Мелисса Филопоном].

(1) Что сущее не возникло, он доказывает так: если сущее возникло, то оно возникло либо из сущего, либо из не-сущего. Если оно возникло из сущего, то отсюда следует, что оно существовало до [своего] возникновения (определенное сущее может возникнуть из определенного сущего, а абсолютно сущее не может возникнуть из сущего, иначе оно оказалось бы возникшим из самого себя и, следовательно, существовало до своего возникновения, что нелепо), если же — из не-сущего, то по необходимости должно было возникнуть из абсолютно не-сущего, так как если возникает абсолютно сущее, оно должно возникнуть из абсолютно не-сущего. Между тем все физики признают постулат, согласно ко-

тому из абсолютно не-сущего не может возникнуть ничего. . . Стало быть, если необходимо, чтобы сущее, если оно возникло, возникло бы либо из сущего, либо из не-сущего, но из каждого из этих двух допущений вытекает нечто абсурдное, то ясно, следовательно, что сущее не возникло. (2) А что невозникшее не имеет начала, он доказывает посредством обращения с отрицанием. Он постулирует, что все возникшее имеет начало. Стало быть, если возникшее имеет начало, то невозникшее не имеет начала. (3) А что имеющее начало имеет и конец, он опять-таки принял на основании общепризнанных постулатов: ибо само начало есть некий конец [~ граница, *πέρας*]. Таков весь ход Мелиссового доказательства.

11. АРИСТОТЕЛЬ. Физика, А 2. 185 а 32: Мелисс утверждает, что сущее бесконечно. Следовательно, сущее есть некое количество. так как понятие бесконечности оперирует с количеством, а не с сущностью и не с качеством. Ср. А 7. АРИСТОТЕЛЬ. Физика, Г 6. 207 а 9=28 А 27.

12. ЕПИФАНИЙ КИПРСКИЙ. Против ересей, III, 2, 12: Мелисс, сын Итагена, самосец родом, утверждал, что Все одно; в природе нет ничего постоянного, но все уничтожимо в потенции.

Мнения философов, I, 24, 1=28 А 29.

13. Мнения философов, I, 7, 27=29 А 30. ОЛИМПИОДОР. О священном искусстве философского камня, с. 81, 3 Berth.: Одним, неподвижным и бесконечным началом всего сущего Мелисс полагал божество.

14. ФИЛОДЕМ. Риторика, фрагменты неизвестных книг, III, 7 (т. II, с. 169 Sudh.)=28 А 49.

АРИСТОКЛ у Евсения, Приготовление к Евангелию, XIV, 17, 7: Желая показать, что из феноменов и видимых вещей ничто не обладает истинной реальностью, Мелисс доказывает это на основании самих феноменов. Так, он говорит: «Если земля. . . мягкое — жестким» [В 8, 2—3]. Слышая эти его рассуждения и множество других того же рода, вполне естественно было бы спросить: «А разве не из ощущений ты узнал, что нечто горячее в данный момент потом становится холодным?». То же и об остальном. Все его утверждения оказываются не чем иным, как отрицанием и опровержением чувственных восприятий на основании полного доверия им.

Мнения философов (Стобей), IV, 9, 1 («Истинны ли ощущения?»): Пифагор, Эмпедокл, Ксенофан, Парменид, Зенон, Мелисс, Анаксагор, Демокрит, Метродор, Протагор, Платон полагают ощущения ложными.

*АРИСТОТЕЛЬ. Физика, Θ 3. 254 а 24: Даже если согласно истине дело обстоит так, как утверждают некоторые, а именно что сущее бесконечно и неподвижно, то из чувственного восприятия этого отнюдь не явствует, а [явствует], что множество сущих движется. Значит, если *есть* ложное мнение и вообще мнение, то есть и движение, равно как и если есть воображение или если иногда кажется так, а иногда иначе: ибо воображение и мнение представляются некими движениями.

*14а (R.). СИМПЛИКИЙ. Комм. к «О небе», 556, 12: Сначала [Аристотель] обсуждает Мелисса и Парменида: первый из них утверждает, что возникновение нет вообще, второй — что есть не согласно истине, но согласно доксе.

В. ФРАГМЕНТЫ

О природе, или О сущем

01. *СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 103, 13: А сейчас рассмотрим аргумент Мелисса, на который он [=АРИСТОТЕЛЬ. Физика, А 3. 186 а 4] возражает сначала. Приняв постулаты физиков о возникновении и уничтожении, Мелисс начинает свое сочинение так: «Если ничего нет [букв. «ничто не есть»], что можно сказать о нем, словно о чем-то, что есть?»

1. СИМПЛИКИЙ. Там же, 162, 24: И Мелисс также доказывает, что сущее не возникло, исходя из этого общего постулата [«=из ничего не может возникнуть ничего»]. Он пишет так: «Всегда было то, что было, и всегда будет. Ибо если оно возникло [~стало быть], необходимо, чтобы до того, как возникнуть, оно было ничем. Если же не было ничего, никогда бы не возникло ничего из ничего».

Парафраза фр. 1: СИМПЛИКИЙ. Там же, 103, 15: Если нет ничего, что можно сказать о нем, словно о чем-то, что есть? Если же нечто есть, то либо возникшее, либо вечно сущее. Но если возникшее, то либо из сущего, либо из не-сущего. Однако ни из не-сущего не может возникнуть нечто (ни какое-либо сущее иным, ни тем более сущее в абсолютном смысле), ни из сущего: иначе оно [уже] было бы, а не возникло [~стало быть]. Следовательно, сущее не возникло. Следовательно, оно вечно сущее. Равным образом, сущее и не уничтожится. Ибо сущее не может превращаться ни в не-сущее (это также постулируется физиками), ни в сущее, так как в этом случае оно по-прежнему оставалось бы сущим и не уничтожилось бы. Следовательно, сущее не возникло и не уничтожится, следовательно, оно всегда и было и будет.

2. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 29, 22. 109, 20: «Стало быть, коль скоро оно не возникло, но есть, и всегда было, и всегда будет, то и не имеет ни начала, ни конца, но бесконечно (ἄπειρον). В самом деле, если бы оно возникло то имело бы начало (ибо оно начало бы возникать в определенный момент, и конец (ибо оно кончило бы возникать в определенный момент); но коль скоро оно и не началось, и не кончилось, а всегда было и всегда будет, то оно не имеет ни начала, ни конца. Ибо ничто не может вечно быть, если оно не целокушно (πᾶν)».

Парафраза фр. 2: СИМПЛИКИЙ. Там же, 103, 24: Но так как возникшее имеет начало, невозникшее не имеет начала. Сущее не возникло, следовательно, оно не имеет начала. Далее, уничтожимое имеет конец. Если же нечто неуничтожимо, то оно не имеет конца. Сущее неуничтожимо, следовательно, оно не имеет конца. Но то, что не имеет ни начала, ни конца, бесконечно. Следовательно, сущее бесконечно.

3. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 109, 29: Как «возникшее в какой-то момент» [В 2] он считает конечным по субстанции, так и «вечно сущее» полагает бесконечным по субстанции. Это явствует из его слов: «Но подобно тому как оно всегда есть, точно так же и по величине оно всегда должно быть бесконечным». О «величине» он говорит не в смысле протяженности [следует фр. В 10].

4. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 110, 2 [после фр. В 9]: Затем он соотнес с [атрибутом] вечности бесконечность по субстанции в следующих словах: «Ничто, имеющее начало и конец, не вечно и не бесконечно», — откуда следует, что не имеющее бесконечно.

*4 а (R.). АРИСТОТЕЛЬ. О возникновении и уничтожении, А 8. 325 а 14 [ср. А 8]: Некоторые утверждают, что Все одно, неподвижно и безгранично [~бесконечно] так как иначе граница граничила бы с пустотой.

5. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 110, 5 [после В 4]: Из «бесконечного» [~безграничного как атрибута сущего] он вывел «одно» на основании следующего [аргумента]: «Если бы оно не было одно, то граничило бы с другим [~«со вторым»]. Евдем [фр. 9 Sp.] обвиняет этот аргумент в неопределенности формулировки, он пишет так: «Даже если допустить, что сущее бесконечно, на каком основании оно должно быть одно? Довод, согласно которому, если сущих много, то они будут граничить между собой, не состоятелен. Так, например, прошедшее время представляется безграничным, хотя и граничит с настоящим. Поэтому много [сущих], может быть, и не могут быть бесконечными во всех направлениях, а в одном направлении это может оказаться возможным. Поэтому следует уточнить, в каком смысле [сущие] не могут быть бесконечными, если их много».

6. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «О небе», 557, 14: Хотя реальность чувственного мира представляется очевидной, если сущее одно, ничего другого, кроме него, быть не может. Мелисс говорит: «Если оно <безгранично>, то оно одно, ибо если бы оно было двумя, то они не могли бы быть безграничными, но имели бы границы между собой», — а Парменид: «Целокупное, однородное, бездрожное, нерожденное» [28 В 8, ст. 4].

Парафраза фр. 6: СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 103, 28: А если безгранично, то одно. Ибо если бы было два, они не могли бы быть безграничными, но имели бы границы относительно друг друга. Сущее безгранично. Следовательно, сущих не много. Следовательно, сущее одно.

7. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 111, 18: Заклучая сказанное ранее и переходя к трактовке движения, Мелисс говорит так:

«(1) В силу этого, стало быть, оно вечно, и бесконечно, и одно, и всецело подобно.

(2) И оно не может ни уничтожиться, ни стать больше, ни подвергнуться метакосмезе, ни болеть, ни печалиться. Ибо если бы оно претерпело что-нибудь из этого, то уже не было бы одно. Так, если оно изменяется [собств. «становится иным»], необходимо, чтобы сущее [больше] не было подобным [~ тем же, ὅμοιον], но преждесущее — уничтожалось, а не-сущее — возникало. Поэтому если оно будет изменяться [~ становиться иным] [хотя бы] на один волосок за десять тысяч лет, то уничтожится всецело за всю совокупность времени.

(3) Равным образом невозможно, чтобы оно подверглось метакосмезе. Ибо преждесущий космос не уничтожается и [еще] не сущий не возникает. Но коль скоро ничто не прибавляется, и не уничтожается, и не изменяется, то каким образом нечто, подвергнувшись метакосмезе, могло бы [по-прежнему] быть сущим? Если бы нечто стало иным, оно уже подверглось бы метакосмезе.

(4) И оно не испытывает боли, ибо, испытывая боль, оно не могло бы быть целокупным. Ибо больное не могло бы быть всегда и не имеет равной силы со здоровым. И оно не было бы подобным, если бы испытывало боль. Действительно, оно испытывало бы боль от того, что нечто убавлялось или прибавлялось, и уже не было бы подобным.

(5) Равным образом и здоровое не может заболеть, ибо [тем самым] здоровое, т. е. то, что есть [«сущее»], уничтожилось бы, а то, чего нет [«не сущее»], возникло бы.

(6) И о печали справедливо то же, что о боли.

(7) И нет ничего пустого, ибо пустое ничто, а ничто не могло бы быть. И оно не движется, ибо ему некуда отодвинуться, но [все] полно. Если бы была пустота, оно отодвинулось бы в пустоту, но раз пустоты нет, ему некуда отодвинуться.

(8) Плотного и разреженного быть не может. Ибо невозможно, чтобы разреженное было таким же полным, как плотное, но в разреженном, конечно же, больше пустоты, чем в плотном.

(9) Полное от неполного следует отличать так: если вмещает что-нибудь или выпускает в себя — значит, не полное, а если не вмещает и не выпускает — значит, полное.

(10) Стало быть, раз пустоты нет, оно по необходимости должно быть полным. А раз оно полное, то не движется.»

Парафраза фр. 7: СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 103, 30: (1) Но если одно, то и неподвижно, так как одно всегда подобно самому себе. (2) Но подобное не может ни уничтожиться, ни стать больше, ни подвергнуться метакозмезе, ни болеть, ни печалиться. Ибо если бы оно претерпело что-нибудь из этого, то уже не было бы одним. В самом деле, то, что совершает какой бы то ни было вид движения, изменяется из одного в другое. Но кроме сущего, ничего [другого] нет. Следовательно, оно не может двигаться. (7) Или по-другому. В сущем совершенно нет пустоты, так как пустота ничто, а ничто не могло бы быть. Стало быть, сущее не движется: раз нет пустоты, ему некуда отодвинуться. (8) Но равным образом невозможно, чтобы оно сжалось в себя: иначе оно было бы разреженной и плотней самого себя, а это невозможно. Ибо разреженное не может быть таким же полным, как плотное, но разреженное, конечно же, оказывается более пустым, чем плотное, а между тем пустоты нет. (9) Полно ли сущее или нет, следует различать по тому, выпускает ли оно в себя что-нибудь другое или нет: если не выпускает — значит, полно, если что-нибудь выпускает — значит, не полно. (10) Стало быть, раз нет пустоты, оно по необходимости должно быть полным. А если так, то — не двигаться, но не потому, что невозможно двигаться сквозь полное, как это мы полагаем относительно тел, а потому, что целокупное сущее не может двигаться ни в сущее (так как, кроме него, ничего другого нет), ни в не-сущее, так как не-сущего нет.

Этих цитат из Мелисса достаточно в связи с возражением Аристотеля. Леммы его в двух словах таковы: «Сущее не возникло; не возникшее не имеет начала, так как возникшее имеет начало; то, что не имеет начала, бесконечно; второго бесконечного наряду с первым быть не может, но только одно; но то, что одно и бесконечно, неподвижно».

8. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «О небе», 558, 19 [ср. А 14]: Сказав о сущем, что оно одно, не возникло, неподвижно и совершенно не разделено пустотой, но целиком наполнено самим собой, [Мелисс] добавляет: (1) «Этот довод — важнейшее доказательство того, что [сущее] только одно. А вот и еще доказательства [того же]. (2) Если бы было много [сущих], то они должны были бы быть такими, каково, по моим утверждениям, одно. Если земля, вода, воздух, огонь, и железо, и золото е с т ь и [если] одно живое, а другое мертвое, и белое, и черное, и все прочее, о чем люди говорят, что оно истинно есть, если, стало быть, эти [сущие] есть и мы правильно видим и слышим, то каждое из них должно быть точно таким, каким, как мы решили вначале, [должно быть сущее] и [не должно] ни переходить в свою противоположность [собств. «переворачиваться обратной стороной», μεταπίπτειν], ни изменяться [~становиться иным], но каждое должно быть точно таким, как оно есть. На самом же деле мы утверждаем, что мы правильно видим, слышим и понимаем, (3) и тем не менее нам мнится, что горячее становится холодным, а холодное — горячим, жесткое — мягким, а мягкое — жестким, и что живое умирает, а из неживого рождается [живое], и что все

эти [сущие] изменяются [~становятся иными] в то, что было совершенно не похоже на то, что есть теперь: так, железо хоть оно и жесткое, а стирается от соприкосновения с пальцем, равно как и золото, и камень, и все, что нам кажется прочным, а из воды возникают земля и камни. Так что получается, что мы и не видим и не знаем того, что есть. (4) Не согласуется, стало быть, одно с другим. С одной стороны, мы утверждаем, что есть много вечных [сущих], обладающих формами ($\epsilon\iota\delta\eta$) и силой, а с другой — на основании увиденного в каждое отдельное мгновение нам мнится, что все изменяется и превращается. (5) Ясно, стало быть, что мы видели неправильно и что мнится нам, будто тех [сущих] много, неправильно. Ибо если бы они были истинными, то не превращались бы, но каждое было бы точно таким, как мы думали, так как сильнее истинного сущего нет ничего. (6) Если же произошло превращение, то сущее уничтожилось, а не-сущее возникло. Таким образом, если бы было много [сущих], то они должны были бы быть точно такими, как одно.»

9. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 109, 34 [после В 10]: То, что он понимает сущее как бестелесное, явствует из его слов: «Стало быть, если оно есть, то должно быть одно, а коль скоро оно одно, то должно не иметь тела».

Там же, 87, 6: «А коль скоро оно одно, — говорит он, — то должно не иметь тела. Если бы оно имело толщину, то имело бы и части и больше не было бы одним».

10. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 109, 32 [после В 3]: О «величине» он говорит не в смысле протяженности, так как он сам доказывает, что сущее неделимо. «Если сущее разделено, — говорит он, — то оно движется, а если оно движется, то его нет». Под «величиной» он разумеет возвышенное величие ипостаси. [Неоплатоническое толкование!]

Spuria

11. ПАЛЕФАТ. О невероятном, с. 22, 1 Festa: Я всецело одобряю писателей Меллисса и Ламиска Самосского [Пифагореец, ср.: ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, III, 22], которые пишут в начале: «Что было, то есть теперь и всегда будет».

12. Греко-сирийские «Изречения философов о душе» (Rhein. Mus. 51, 1896, 539, п 31): [изречение Псевдо-Меллисса о тщете жизни и бессмертии мудрости, нем. пер. в DK I, 276, 5—17].

31. ЭМПЕДОКЛ

А. БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

1. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 51: Эмпедокл, как говорит Гиппобот, был сын Метона, сына Эмпедокла, акрагантец. То же самое <говорит> и Тимей в пятнадцатой книге «Историй» [FGrHist F 26 b], <добавляя>, что Эмпедокл, дед поэта, был выдающимся человеком, и ему вторит Гермипп [FHG фр. 27]. Равным образом Гераклид в сочинении «О болезнях» [фр. 76 Wehrli] сообщает, что он происходил из знатного дома, поскольку дед держал [скаковых] лошадей. Эратосфен в «Олимпийских победителях» [FGrHist F 7] говорит, ссылаясь на Аристотеля [фр. 71 Rose³], что отец Метона одержал победу в семьдесят первую олимпиаду [496—493 гг. до н. э.]. (52) Аполлодор-грамматик говорит в «Хронике» [FGrHist 244 F 32], что

Был он сын Метона, а в Фурии

Он прибыл, по словам Главка [из Регия],

Когда они были совсем недавно основаны [445—444 гг. до н. э.]

Затем ниже:

А те, кто повествует, что, изгнанный из родного города,
Он бежал в Сиракузы и на их стороне воевал
Против афинян, по-моему, совершенно не замечают [неувязки]:
Ведь [к тому времени] его либо уже не было в живых, либо
Он был совсем престарелым, что невероятно,
Поскольку Аристотель [фр. 71 R.] говорит, что он умер в шестьдесят лет,
И еще Гераклит.

А тот [Эмпедокл], что был победителем в семьдесят первую олимпиаду
В скачках, был дедом этого, носившим то же имя.

Так что Аполлодор одновременно указывает [событие] и время.

(53) По словам же Сатира в «Жизнеописаниях» [фр. 11 FHG], Эмпедокл был сыном Эксенета и тоже оставил сына Эксенета, и причем в одну и ту же Олимпиаду сам одержал победу в скачках верхом, а сын его — в борьбе, или, как говорит Гераклит в «Эпитоме» [фр. 6 FHG], в беге. А я разыскал в «Записках» Фаворина [фр. 48 Ваг.], что [по случаю победы] Эмпедокл еще и принес в жертву [Зевсу Олимпийскому] для [угощения] феоров быка из меда и ячменной крупы и что у него был брат Калликратид. Наконец, Телавг, сын Пифагора, говорит в письме к Филолаю [с. 189 Thesleff], что Эмпедокл был сыном Архинома. (54) О том, что он был акрагантец из Сицилии, он говорит сам в начале «Очищений» [следует фр. В 112, ст. 1—2]. Вот то, что касается его происхождения.

О том, что он слушал Пифагора, сообщает в девятой книге [«Историй»] Тимей [FGH F 14], говоря, что его изобличили тогда в плагиате и, как и Платону [в свое время], запретили посещать лекции. И дескать, он сам упоминает Пифагора в следующих словах [следует фр. В 129, ст. 1—2]. Другие полагают, что в этих стихах Эмпедокл имеет в виду Парменида. (55) Неанф [FGH 81 F 26] говорит, что вплоть до Филолая и Эмпедокла пифагорикки допускали на лекции [желающих], а после того, как Эмпедокл обнародовал их в своей поэме, приняли закон: никому из поэтов не разглашать; то же самое, по его словам, произошло с Платоном: ему тоже запретили. Однако кого именно из пифагориков слушал Эмпедокл — этого Неанф не сказал, так как приписываемое Телавгу письмо, по которому [Эмпедокл] учился у Гиппаса и Бронтия, не заслуживает доверия.

Теофраст же говорит, что он был ревнителем Парменида и подражал ему в поэзии; ведь и Парменид тоже обнародовал трактат о природе в гексаметрах. (56) Однако, по словам Гермиппа [фр. 27 FHG], [Эмпедокл] был ревнителем не Парменида, а Ксенофана: у него он учился и его эпической поэзии подражал, а позднее вступил в общение с пифагориками. Алкидамант в «Физическом [диалоге]» [OA II 156 b 6 Saure] сообщает, что Зенон и Эмпедокл в одно и то же время слушали Парменида, а потом отошли от него, причем Зенон стал философствовать самостоятельно, а Эмпедокл прослушал Анаксагора и Пифагора: одному [= Пифагору] он подражал в торжественном величии образа жизни и наружности, а другому [= Анаксагору] — в учении о природе. (57) Аристотель в «Софисте» [фр. 65 R. = «Софист», фр. 1 Ross] говорит, что Эмпедокл первым избрал риторику, а Зенон — диалектику. В диалоге «О поэтах» [фр. 70 Rose = фр. 1 Ross] он же говорит, что Эмпедокл писал в гомеровской манере и был изощренным мастером слога, используя метафоры и другие приемы поэтического искусства,

а также, что он написал и другие стихотворения: «Переpravу Ксеркса» и «Прозмий к Аполлону», но впоследствии их сожгла его сестра (или дочь, как говорит Гиероним) [фр. 30 Wehrli], прозмий — нечаянно, а поэму о Персидских войнах — нарочно, поскольку она была незаконченной.

(58) Вообще, по его словам, он писал и трагедии, и политические речи, но Гераклид, сын Сарапиона [FHG фр. 6], приписывает трагедии другому [Эмпедоклу]. Гиероним [фр. 30 Wehrli] говорит, что читал сорок три [трагедии Эмпедокла], а Неанф [FGtH 84 F 27] — что трагедии Эмпедокл написал в молодости и что из них он читал семь. Сатир в «Жизнеописаниях» [FHG фр. 12] утверждает, что, помимо всего прочего, он был врачом и великолепным оратором, поскольку его учеником был Горгий из Леонтин [82 A 3] — выдающийся оратор, оставивший после себя руководство [по риторике] и проживший, как говорит Аполлодор в «Хронике» [FGtHist 244 F 33] сто девять лет.

(59) По словам Сатира, Горгий говорит, что сам присутствовал при том, как Эмпедокл колдовал. Да и сам Эмпедокл, [продолжает Сатир], в своих стихах притязает на это [=колдовство] и многое другое, когда говорит [следует фр. 12 В.=В 111 DK].

(60) Как говорит Тимей в восемнадцатой книге [FGtH F 30], Эмпедокл совершил много различных чудес. Так, однажды, когда этесии подули так сильно, что повредили урожай, он велел ободрать ослов и изготовить мехи, а затем растянул их по холмам и вершинам гор, чтобы поймать ветер. Ветер улегся, и его прозвали «Запретитель ветров» (*Κωλυσανέμας*).

Как говорит Гераклид в «О болезнях» [фр. 77 Wehrli], Эмпедокл дал Павсанию наставления в случае с бездыханной. Павсаний же, по словам Аристиппа и Сатира, был его возлюбленным, которому он посвятил поэму «О природе» [следует фр. 3 В.=В 1] [. . .] (61) Бездыханная, по словам Гераклида [фр. 77], была чем-то настолько удивительным, что могла сохранить тело бездыханным, не не разлагающимся в течение тридцати дней. Вот почему он назвал его «врачом» и «прорицателем», одновременно черпая из следующих стихов [следует фр. В 112].

(63) По его [=Тимея] словам, он назвал Акрагант «большим», поскольку в нем было восемьсот тысяч жителей. Поэтому Эмпедокл-де сказал, глядя на их роскошь: «Акрагантцы живут в такой роскоши, будто завтра умрут, а дома строят так, будто собираются жить вечно».

Эти самые «Очищения», говорят, исполнил в Олимпии от начала до конца рапсод Клеомен — так среди прочих Фаворин в «Воспоминаниях» [фр. 49 Varig.]. По словам Аристотеля [фр. 66], он был независим и чуждался всякой должности, коль скоро он отказался от предлагавшейся ему царской власти (об этом сообщает Ксанф в сочинении о нем), — явно потому, что предпочитал жизнь простого человека.

(64) То же самое говорит Тимей [FHG фр. 88], одновременно приводя причину его демократичности. По его словам, Эмпедокл был зван одним из архонтов на обед. Обед продвигался вперед, а питья все не вносили. Все помалкивали, а он, возмущившись такой подлостью, велел подавать [вино]. На это хозяин ответил, что ждет служителя Совета. Когда тот явился, то был назначен симпосиархом (явно по указанию хозяина) и стал намеками говорить о начале тирании: велел либо пить вино, либо вылить на голову. Тогда Эмпедокл промолчал, а на следующий день привлек их к суду и добился осуждения и казни обоих — и хозяина и симпосиарха. Таким было начало его политической деятельности.

(65) Другой пример [демократичности Эмпедокла]. Когда врач Акрон просил у Совета место на вершине для сооружения памятника его отцу на том основании, что тот занимал исключительно высокое положение (акротес) среди врачей, Эмпедокл взошел [на трибуну] и наложил вето [на это предложение]. При этом он рассуждал о равенстве и между прочим задал примерно такой вопрос: «А что за эпитафию напишем мы на его могиле? Уж не такую ли:

Высокопревосходного врача Акрона [=Высшего], сына Акра, из Акраганта,
Скрывает самая высокая вершина высочайшего отечества».

Некоторые цитируют второй стих так:

Содержит высший курган наивысшей вершины.

Некоторые приписывают эту эпитагму Симониду.

(66) Впоследствии Эмпедокл распустил собрание Тысячи, учрежденное на три года, доказав, что он был не только из богатых, но и из демократически мыслящих. Во всяком случае, Тимей в 11-й и 12-й книгах — а он упоминает об Эмпедокле много раз — говорит, что, хотя, судя по его поэзии, он мог бы показаться самовлюбленным хвастуном — так, например, он говорит: «Привет вам! А я уже не смертный, но бессмертный бог для вас», — из его гражданской жизни видно, что он держался прямо противоположного образа мыслей. В то время как он был в Олимпии, он обращал на себя всеобщее внимание, так что ничье имя не упоминалось в разговорах столько раз, как имя Эмпедокла.

(67) Однако впоследствии, когда Акрагант подвергся ужасным испытаниям [гражданской войны], потомки его врагов выступили против его возвращения. Вот почему он удалился в Пелопоннес, где и умер. Тимон и его не пропустил, и нападает на него так [фр. 42]:

...и Эмпедокл,

Крикун площадных стихов, сколько мог, столько и взял,
А начала принял такие, что им самим гужны начала.

Мнения о его смерти расходятся. Гераклид [фр. 83 Wehrli], рассказав о бездыханной женщине, как Эмпедокл прославился, вернув покойницу к жизни, говорит, что он совершал жертвоприношение у Писианактова поля. Были званы кое-кто из друзей, в том числе и Павсаний. (68) После пира компания разбрелась и легла отдыхать: одни под деревьями, поскольку рядом было поле, другие — где им было угодно, а Эмпедокл остался на том самом месте, на котором он возлежал [во время пира]. Когда встали на следующее утро, он был единственный, кого не нашли. Стали его искать и расспрашивать слуг. Те говорят: не знаем, и лишь один [из них] сказал, что слышал в полночь сверхгромкий голос, зовущий Эмпедокла, а когда встал, то увидел свет[небесный и сияние факелов, и больше ничего. Друзья были изумлены случившимся, а Павсаний вернулся [в город] и послал несколько человек на поиски, а потом запретил дальнейшее расследование, заявив, что случилось то, о чем и мечтать нельзя, и что Эмпедоклу следует принести жертвы, как если бы он стал богом.

(69) По словам Гермиппа [FHG фр. 27], Эмпедокл исцелял некую Панфею из Акраганта, которую врачи признали безнадежной, и по этому поводу совершал [благодарственное] жертвоприношение, а приглашенных было до восьмидесяти. Гиппобот утверждает, что, поднявшись [с ложа], Эмпедокл пошел к Этне, и, дойдя до огнедыша-

щего кратера, прыгнул в него, и исчез, желая подтвердить молву о самом себе, по которой он стал богом. Узнали об этом позже, когда один из его башмаков выбросило [из кратера вулкана], а он имел обжкновение носить бронзовые. На это возражал Павсаний [в диалоге Гераклида].

(70) Диодор Эфесский в сочинении об Анаксимандре [А 8] утверждает, что именно его ревнителем был Эмпедокл, культивируя трагедийную высокопарность и облачаясь в помпезную одежду. Когда на селинунтцев нашло моровое поветрие от зловоний близлежащей реки, так что и сами они гибли, и женщины рожали мертвых младенцев, у Эмпедокла возник план: подвести за свой счет воды двух соседних рек, и, смешав их [с селинунтской], сделать воду свежей. Так прекратилось моровое поветрие, и однажды, когда селинунтцы пировали у реки, им явился Эмпедокл, тогда они вскочили и стали поклоняться и молиться ему, словно богу. Желая подтвердить это мнение о себе, Эмпедокл якобы и бросился в огонь.

(71) Однако против этого возражает Тимей [FGH F 6], ясно говоря, что Эмпедокл уехал [из Сицилии] в Пелопоннес и вообще никогда больше не возвращался, потому, мол, и неизвестны обстоятельства его смерти. С Гераклидом он открыто полемизирует в 14-й книге: во-первых, Писанакт был сиракузянин и не имел сельского имения в Акраганте; во-вторых, Павсаний, распространив такой слух, поставил бы другу памятник, какое-нибудь изваяньице или храмик, как богу, — ведь он был богатый человек. «Как он мог прыгнуть в кратер, — спрашивает [Тимей], — о котором ни разу не упоминает, хотя тот и находился по соседству? Стало быть, он умер в Пелопоннесе. (72) Ничего удивительного в том, что могила его неизвестна: могилы многих других тоже неизвестны». Вот что говорит Тимей и продолжает: «Но таков уж Гераклид: он постоянно сообщает небылицы и даже говорит, что с Луны упал человек» [ГЕРАКЛИД ПОНТИЙСКИЙ, фр. 84 и 115 Wehrli].

По словам Гиппобота, прикрытая статуя Эмпедокла стояла сначала в Акраганте, а потом, неприкрытая, перед римским сенатом, куда ее явно перенесли римляне. [Скульптурные] портреты [Эмпедокла] с надписями известны до сих пор. Неанф из Кизика, автор сочинения о пифагорейцах, говорит [FGH F 28], что после смерти Метона [в Акраганте] появились первые зачатки тирании; тогда Эмпедокл убедил акрагантцев положить конец усобицам и соблюдать политическое равенство.

(73) Многих бесприданниц своего родного города он одарил приданым благодаря богатству, которое у него было. Благодаря ему же он облачался в пурпурную мантию и носил на голове золотую повязку, как сообщает Фаворин в «Воспоминаниях» [фр. 50 Var.], а еще носил бронзовые сапоги и дельфийский венок. Волосы у него были густые, сопровождала его свита слуг. А сам он всегда был угрюмым [~сурово-мрачным, σκλιβρωπός], с неизменным выражением лица. Вот в таком виде выходил он на люди, так что встречавшиеся ему сограждане принимали это за своего рода царские знаки отличия. Однако впоследствии, когда он по случаю какого-то праздника ехал на повозке в Мессену, он упал и сломал себе бедро, заболел от этого и скончался семидесяти семи лет. Могила его — в Мегарах.

(74) Что касается возраста, то сведения Аристотеля [фр. 71 Rose] расходятся [с приведенными выше]: по его словам, Эмпедокл умер шестидесяти лет, по другим — ста девяти лет. Расцвет его пришелся на восемьдесят четвертую олимпиаду [444—441 гг. до н. э.]. Деметрий Трезенский [фр. 1 D.] в книге «Против софистов» говорит, что, по слову Гомера [ср.: Одиссея, XI, 278],

Петлю отвесную он закрепил на высоком кизиле,
Шею вложил и повис, а душа спустилась к Аиду.

Наконец, в упомянутом письмеце Телавга смерть его описывается так: якобы от старческой немощи он поскользнулся и упал в море. Вот что передают о его смерти, и вот сколько [существует версий]. [следуют две эпиграммы Диогена Лаэртия].

(76) Возвращения его таковы: элементов — четыре: огонь, вода, земля и воздух, и еще Любовь, которой они соединяются, и Распря, которой они разделяются. Он говорит так [следует фр. 150, ст. 2—3]. Зевсом он называет огонь, Герой — землю, Аидоном — воздух, а Нестидой — воду. «И это непрерывное чередование, — говорит он, — никогда не прекращается» [фр. 31, 6], полагая, что такое мироустройство вечно. Он продолжает [следует фр. 31, 7—8].

(77) Солнце он считает большим скоплением огня, по величине превосходящим Луну, Луну — дисковидной, а само небо — ледообразным. Душа, по его словам, перевоплощается в различные виды животных и растений [следуют «Очищения», фр. В 117].

Его поэмы «О природе» и «Очищения» достигают пяти тысяч стихов, а «Врачебное слово» — шестисот стихов. О трагедиях мы уже сказали выше.

2. СУДА, под словом «Эмпедокл»: Эмпедокл, сын Метона, или Архинома [из Гесихия], или Эксенета. У него был брат Калликратид [из А 1 § 53].

Учился сначала у Парменида и, как говорит Порфирий в «Истории философии» [фр. 8 Nauck], был его любовником. Другие утверждают, что Эмпедокл был учеником Телавга, сына Пифагора.

Акрагантец, натурфилософ и эпический поэт [из Гесихия].

Жил в 79-ю олимпиаду [464—460 гг. до н. э.; из Хроники].

С золотым венцом на голове, бронзовыми амиклами на ногах и Дельфийской гирляндой в руках он ходил по городам, желая снискать о себе славу как о боге. А когда состарился, бросился ночью в огнедышащий кратер, так что могила его была неизвестна. Так он погиб, а сандалию его выбросило огнем. Его прозвали «Запретитель ветров» за то, что он унял сильный ветер, обрушившийся на Акрагантскую землю, окружив город ослиными шкурами [из Порфирия, ср. А 16].

Учеником его был ритор Горгий из Леонтин [из А 1 § 58].

Написал эпическим стихом «О природе вещей» в двух книгах (около двух тысяч стихов), «Медицинский трактат» в прозе и многое другое [Лобон из Аргоса, фр. 19 Gröbert].

3. ПЛИНИЙ. Естественная история, XXIX, 1, 5: Другая школа [в медицине] — ее называют «эмпирической» от слова «опыт» — вышла из Сицилии, прославил ее Акрон из Акраганта, вдохновителем которого был Эмпедокл-физик.

СУДА, под словом «Акрон»: Акрагантец, врач, сын Ксенона, в качестве софиста преподавал в Афинах вместе с Эмпедоклом, стало быть, старше Гиппократа. Написал «О медицине» на дорийском диалекте, «О питании здоровых» в одной книге. Он тоже из числа тех [врачей], которые ставят диагноз исходя из пневмы. Это на него Эмпедокл сочинил язвительную эпиграмму [фр. В 157]. ПЛУТАРХ. Об Исиде и Осирисе, 79. 383 D: Говорят, что врач Акрон прославился в Афинах во время великой чумы, велел разжигать рядом с больными костры.

ГАЛЕН. Терапевтический метод, I, 1 (т. X, 5 К.): И в прежние времена было немалое соперничество между косскими и кидскими врачами, которые стремились

превзойти друг друга числом изобретений: ведь род азийских Асклепиадов, с угасанием Родосской ветви, в то время был еще раздвоен. Добрым соперничеством, снискавшим похвалу Гесиода [Труды и дни, 24], соперничали с ними и италийские врачи: Филистион, Эмпедокл, Павсаний и их коллеги.

4. АРИСТОТЕЛЬ. О душе, А 2. 405 b 1: Из более вульгарных мыслителей некоторые полагали душу водой, как, например, Гиппон. Это их убеждение, очевидно, основано на том, что сперма всех [живых существ] влажная. А ведь сам факт, что сперма не кровь, опровергает мнение тех, кто полагает душу кровью.

5. СУДА, под словом «Зенон» [29 А 2]: . . . написал «Споры», «Толкование стихов Эмпедокла», «Против философов», «О природе». Его считают изобретателем диалектики. как Эмпедокла — риторики. Ср. 29 А 1 § 25.

6. АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, А 3. 984 a 11: Анаксагор из Клазомен, который по времени был раньше [Эмпедокла], а делами — позже, принимает бесконечное число начал.

7. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 25, 19: Эмпедокл из Акраганта, родившийся немного спустя после Анаксагора, ревнитель и близкий ученик Парменида, а еще более пифагорейцев.

8. ЕВСЕВИЙ. Приготовление к Евангелию, X, 14, 15: Учеником Телавга становится Эмпедокл, при котором был известен Гераклит Темный [т. е. Ол. 69=504—501 гг. до н. э., согласно «Хронике»].

9. ЕВСЕВИЙ. Хроника, Ол. 81, 1 (=456 г. до н. э.): Были известны натурфилософы Эмпедокл и Парменид. АВЛ ГЕЛЛИЙ, XVII, 21, 14 (предположительно из «Хроники» Непота) [между битвой при Кремере, 477 г. до н. э., и Децемвиратом, 450 г. до н. э.]. Около того времени Эмпедокл Агригентский прославился [собств. «достиг расцвета»] в изучении естественной философии.

10. ЕВСЕВИЙ. Хроника, Ол. 86, 1 (=436 г. до н. э.): см. 28 А 11.

11. АФИНЕЙ, I, 5 E: Эмпедокл из Акраганта победил на Олимпийских играх в скачках, и поскольку он был пифагориком и не ел живого, то слепил быка из смиры, ладана и драгоценнейших благовоний и, [заколов] его в жертву, раздавал по кусочку тем, кто явился на праздник [ср. А 1 § 51. 53].

12. АФИНЕЙ, XIV 620 D: «Очищения» Эмпедокла продекламировал в Олимпии рапсод Клеомен, как говорит Дикеарх в «Олимпийской речи» [фр. 87 W.].

13. НИКОМАХ ИЗ ГЕРАСЫ у Порфирия, Жизнь Пифагора, 29 и Ямвлиха, О пифагорейской жизни, 135: Переняв их [=чудеса Пифагора], Эмпедокл из Акраганта, Эпименид-критянин и Абарис Гипербореец и сами много раз совершали подобные вещи. Деяния их известны, да и прозвища их [свидетельствуют о том же]: у Эмпедокла — Ветрогон, у Эпименида — Очиститель, у Абариса — Небоход.

14. ПЛУТАРХ. О любопытстве, 1. 515 C: Эмпедокл-физик перекрыл расселину в скале, через которую на равнину дул тяжелый и болезнетворный Нот, и тем самым, как полагали, оградил страну от морового поветрия.

ПЛУТАРХ. Против Колота, 32, 4. 1126 B: Уличив знатных граждан в преступных деяниях и расхищении казны, Эмпедокл «добился их изгнания», а также уберек страну от неурожая и морового поветрия, отгородив расселины горы, через которые на равнину переваливал Нот.

КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, VI, 30 (II, с. 445, 11 St.): Эмпедокла из Акраганта прозвали «Запретитель ветров». Про него рассказывают, что он прекратил тя-

желый ветер, дувший с горы Акрагант, вызывавший болезни у местных жителей и бесплодие у их жен [следуют фр. 12 В.=В 111, ст. 3—5 и В 112, 10—12].

ФИЛОСТРАТ. Жизнь Аполлония Тианского, VIII, 7, 8, с. 158: Какой мудрец, по-твоему, уклонится от борьбы за такой город, [как Эфес], припомнив Демокрита, который освободил некогда абдеритов от чумы; подумав о Софокле-афиняине, который, говорят, заворожил ветры, подувшие во внеурочное время; будучи наслышан о чудесах Эмпедокла, который остановил движение грозовой тучи на Акрагант?

Там же, I, 2: Ведь и Эмпедокл, и сам Пифагор, и Демокрит хоть и общались с магами и наговорили много сверхъестественного, а все же никогда не привлекались к суду за [черную] магию.

ПЛИНИЙ. Естественная история, XXX, 1, 9: Доподлинно известно: Пифагор, Эмпедокл, Демокрит и Платон пускались в плавание, чтобы изучить ее [=магию], переживая скорее изгнания, нежели путешествия. Ее они проповедовали по возвращении, ее держали в секрете.

15. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 113 (из Никомаха): Один юноша в присутствии Эмпедокла уже вытащил меч на его гостеприимца Анхита [ср. фр. 1] за то, что тот, будучи привязным судьей, осудил на смерть отца юноши, и в великом смятении и гнев с мечом в руке ринулся на Анхита, засудившего его отца, чтобы зарубить его как убийцу. Тогда Эмпедокл сразу же настроил лиру на другой лад, прибегнув к смягчающей и успокоительной мелодии, и тотчас же заиграл ее,

Гнев унимая и екорьбь, забвенье всех бедствий даруя,
по слову поэта [ср.: Одиссея, IV, 221]. Так он спас своего гостеприимца Анхита от смерти, а юношу — от человекоубийства. Рассказывают, что с тех пор он сделался самым верным другом Эмпедокла.

16. СТРАБОН, VI, с. 274: И что-де, судя по тому, что они там видели, [рассказывали Страбону взбравшиеся на Этну], много небылиц рассказывают [об Этне]. Особенно баснословно то, что некоторые рассказывают про Эмпедокла: будто он прыгнул в кратер и оставил след случившегося — один из бронзовых башмаков, которые он носил. Якобы его нашли снаружи, чуть поодаль от края кратера, поскольку-де его выбросило вверх силой огня. На самом деле, к этому месту нельзя подойти, да и не видно его. Они предполагают также, что оттуда вообще ничего не может выбрести. . .

ГОРАЦИЙ. Поэтическое искусство, 463 сл:

. . . сицилийца-поэта

Гибель поведаю я. Желая богом бессмертным

Страстно просельть, Эмпедокл холодный в жаркую Этну

Прыгнул. . .

17. ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ. Проблемы, 30. 1, с. 953 а 26: Из живших впоследствии [меланхоликами были] Эмпедокл, Платон, Сократ и много других знаменитых людей. Ср.: ЛУКИАН. Беглецы, 2.

18. ЭЛИАН. Пестрые рассказы, XII, 32: Эмпедокл из Акраганта носил багряницу и бронзовые сандалии [или: «башмаки»]. Ср. А 1 § 73.

ФИЛОСТРАТ. Жизнь Аполлония Тианского, VIII, 7, с. 156: Повязав вокруг волос повязку чистейшего пурпура, Эмпедокл важно шествовал по улицам греческих городов, слагая песни о том, что станет богом из человека. Ср.: «Очищения», фр. В 112, 6 сл.

19. СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, VII, 6: По словам Аристотеля [в диалоге «Софист», ср. А 1 § 57], Эмпедокл впервые двинул вперед риторику.

КВИНТИЛИАН, III, 1, 8 (из «Свода руководств» Аристотеля, ср. фр. 137 Rose): Говорят, что после [легендарных ораторов], упоминаемых у поэтов, впервые внес некоторые усовершенствования в риторику Эмпедокл. Древнейшими авторами риторических руководств были Коракас и Тисий Сицилийские, ближайшим преемником которых был уроженец того же острова Горгий из Леонтин, по преданию ученик Эмпедокла.

АРИСТОТЕЛЬ. О софистических опровержениях, 33. 183 b 31: Ныне прославленные [ораторы] переняли [искусство красноречия] от многочисленных предшественников, которые продвигали его вперед, словно в эстафете, по очереди, и таким образом преумножили: Тисий — после первых [гомеровских ораторов], Трасимах — после Тисия и т. д.

Схолии к «О пифагорейской жизни» Ямвлиха, с. 198 Nauck: Парменид из Элеи тоже был пифагорейцем. Откуда ясно, что и Зенон «двухязыкий», преподавший начала диалектики, [тоже был пифагорейцем]. Следовательно, диалектика началась с Пифагора и точно так же риторика, так как Тисий, Горгий и Пол — ученики пифагорейца Эмпедокла.

Апофтегматика

20. Парижский гномологий, № 153: На вопрос, почему он страшно негодует, когда о нем злословят, Эмпедокл ответил: «Ибо не огорчившись хуле, не обрадуюсь хвале» [ср. 29 А 1]. № 158: Кто-то посетовал, что не может найти ни одного мудреца, на что Эмпедокл ответил: «Естественно: кто ищет мудрого, сам прежде мудрым должен быть». Ср.: ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 20=21 А 1.

20 а. = «О природе», фр. 146—148.

Поэзия

ср. А 1 § 55 сл., 65, 77; А 2, А 12

21. ЛУКРЕЦИЙ. О природе вещей, 1, 714 сл.:

. . . Иль за основу всего принимает четыре стихии,
Именно: землю, огонь, дыхание воздуха, влагу,
Первым из первых средь них стоит Эмпедокл Акрагантский,
Коего на берегах треугольных вырастил остров,
Что омывают кругом Ионийские волны и горькой
Солью зеленых валов орошают его побережье,
Узким проливом стремясь, и проносятся вдоль побережья,
От Итальянской земли границы его отделяя.
Дикая здесь и Харибда, и здесь же глухие раскаты
Огненной Этны грозят разразиться накопленным гневом,
Чтоб, изрыгая опять из жерла могучее пламя,
Снова она к небесам вознесла огненосные молнии.
Но, хоть и много чудес представляется взору людскому
В этой стране, и слывет она посещение достойной,
Полная всяких богатств, укрепленная силой народа,
Не было в ней ничего, что достойнее этого мужа

И драгоценней, святей и славней бы его оказалось.
И песнопенья его из глубин вдохновенного сердца
Так громогласно звучат, излагают такие открытия,
Что и подумать нельзя, что рожден он от смертного корня.

(Пер. Ф. А. Петровского)

22. АРИСТОТЕЛЬ. Поэтика, I. 1447 b 17: У Гомера и Эмпедокла нет ничего общего, кроме размера. Поэтому первого правильно называть «поэтом», а второго — натурфилософом [«физиологом»] скорее, чем поэтом.

23. МЕНАНДР-РИТОР (или ГЕНЕТЛИЙ). Подразделение эпидейктических речей, I, 2, 2: Примером натурфилософских гимнов могут служить гимны, сочиненные Парменидом и Эмпедоклом. В них объясняется, какова природа Аполлона [ср. А 1 § 57 и Аммоний 31 В 134], какова природа Зевса [фр. 150, 2=В 6]. Большинство гимнов Орфея относится к тому же жанру.

Там же, 5, 2: Натурфилософские же гимны — это когда, сказывая гимн Аполлону, мы называем его солнцем, и рассуждаем о природе солнца, и говорим о Гере, что она воздух, а Зевс — тепло [фр. 150, 2]. Вот что такое натурфилософские гимны. Этим жанром пользуются Парменид и Эмпедокл. . . причем Парменид и Эмпедокл толкуют [подробно], а Платон вкратце напоминает.

24. ЛАКТАНИЙ. Божественные установления, II, 12, 4: Эмпедокл, которого не знаешь куда и отнести: к поэтам ли или к философам (поскольку он писал о природе вещей стихами, как у римлян Лукреций и Варрон), принял четыре элемента.

КВИНТИЛИАН, I, 4, 4: . . У греков — Эмпедокл, у латинян — Варрон и Лукреций, преподавшие наставления в мудрости стихами.

25. Схолии к Дионисию Фракийскому, с. 168, 8 Hilgard: Поэт отличается четырьмя художественными признаками: размером, фабулой, повествованием и особенным слогом, и всякое стихотворение, не обладающее этими признаками, не есть стихотворение, даже если ему присущ размер. Безусловно, мы не называем поэтами Эмпедокла, Аполлона Пифийского и авторов астрономических поэм — несмотря на то, что они пользовались размером, — так как им не присущи отличительные признаки поэтов.

Там же, 166, 13: Кто пользуется только размером, тот не поэт: ни Эмпедокл, написавший «О природе», ни авторы астрономических поэм, ни Аполлон Пифийский, дающий метрические оракулы.

ПЛУТАРХ. Как слушать поэтов, 2 с. 16 С=28 А 15.

АРИСТОТЕЛЬ. Риторика, III, 5. 1407 а 31: Второе — называть вещи собственными [т. е. неметафорическими] именами. . . Третье — не двусмысленными; если только преднамеренно не делать противоположное, как поступают те, кому сказать-то нечего, а прикидываются, будто говорят нечто важное. Такие люди выражаются так в поэзии, как, например, Эмпедокл: он морочит [слушателей] околичной многоименностью [т. е. множеством синонимов], и с ними происходит то же, что и с толпой у прорипателей, которая поддакивает, когда те говорят двусмысленности: «Крез, перейдя через Галис, великое царство разрушит».

АРИСТОТЕЛЬ. Метеорология, II, 3. 357 а 24: И точно так же смешно, если кто-нибудь, назвав море «потом земли», думает, что сказал нечто ясное, как, например, Эмпедокл [фр. 394]: для поэзии такое выражение, быть может, адекватно (поскольку метафора — поэтическое средство), а для познания природы — неадекватно.

ЦИЦЕРОН. Об ораторе, I, 50, 217: На этом же основании можно будет считать поэтами тех, кого греки называют φυσικοὺς («физиками»), потому только, что Эмпедокл-физик сочинил отменную поэму.

26. ДИОНИСИЙ ГАЛИКАРНАССКИЙ. О соединении имен, 22: Ревностных сторонников такого рода [=суровой] тональности [слога] много было и среди поэтов, и среди историков, и среди сочинителей политических речей, но особенно отличала она от прочих: в эпической поэзии — Антимаха Колофонского и Эмпедокла-физика, в лирической поэзии — Пиндара, в трагедии — Эсхила. .

27. ЦИЦЕРОН. Письмо к брату Квинту, II, 9, 3: Поэма Лукреция, как ты пишешь, такова: расцвечена многочисленными блесками таланта и отличается большим мастерством. Когда возьмешься [за нее], сочту тебя [не мальчиком, но] мужем, а если прочтешь Саллюстиева «Эмпедокла», — уже не человеком, [но богом].

ФРАГМЕНТЫ

О природе

Соответствие номеров DK — Bollack

DIELS-KRANZ	BOLLACK	DIELS-KRANZ	BOLLACK
B 1	3	34	452
2	10	35	201, 509
3	14	36	207
4	27	37	140
5	25	38	320
6	150	39	240
7	66	40	360
8	53	41	337
9	56	42	374
10	59	43	365
11	57	44	328
12	46	45	368
13	47, 96	46	371
14	48	47	362
15	58	48	341
16	118	49	344
17	31, 124	50	(—)
18	403	51	142
19	402	52	227
20	60	53	220
21	63	54	224
22	231	55	394
23	64	56	398
24	22	57	495
25	20	58	490
26	68	59	222, 501
27	92, 171	60	503
27a	99	61	508
28	95	62	510
29	83, 98	63	641
30	126	64	622
31	121	65	647
32	406	66	610
33	409	67	616

DIELS—KRANZ	BOLLACK	DIELS—KRANZ	BOLLACK
68	608	95	439
69	603	96	462
70	512	97	625
71	450	98	461
72	479	99	420
73	454	100	551
74	627	101	562
75	465	102	556
76	468	103	529
77	581	104	531
78	583, 584	105	520
79	588	106	536
80	591	107	523
81	595	108	537
82	477	109	522
83	471	109a	335
84	415	110	578, 699
85	463	111	12
86	410	115	110
87	411	149	384
88	417	150	519
89	554	151	400
90	543	152	vol. 1,
91	680		p. 297
92	682	153	480
93	685	153a	609
94	435		

Фр. 3 Bollack (фр. В 1 DK)

ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 60—61: Павсаний же, по словам Аристиппа и Сатира, был его возлюбленным, которому он посвятил поэму «О природе» в таких словах:

«... я расскажу тебе [?]>

Павсаний, а ты, сын велемудрого Анхита, внемли!

5 (ср. В 2, В 3)

СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, VII, 115 сл., 120—126: Эмпедокл из Акраганта, по мнению тех, кто притязает на более простое истолкование его учения, учит о шести критериях истины. А именно предположив два деятельных начала всех вещей — Любовь и Ненависть — и в то же время уюмянув о четырех в качестве материальных (земле, воде, воздухе и огне), он признал их критериями всех вещей. Как я сказал выше, представление о том, что подобное познается через подобное, очень древнее, оно исстари сделалось ходячим среди натурфилософов, и Демокрит притязал на то, что дал ему объяснение. . .

(120) . . . Судя по всему, Эмпедокл также следует этому представлению и утверждает, что коль скоро имеется шесть начал, составляющих все вещи, то и критериев [познания вещей] должно быть равное число, когда он пишет [следует фр. 522], давая понять, что землю мы постигаем благодаря причастности земле, воду — в силу причастности воде, воздух — благодаря причастности воздуху и соответственно в случае о огнем.

Другие, однако, утверждали, что критерий истины, по Эмпедоклу, не чувственные ощущения, а правильный разум. Есть два вида правильного разума: один — божественный, другой — человеческий; из них божественный невыразим, а человеческий выразим. О том, что критерий истины — не в ощущениях, он говорит так [следует фр. 10, 1—8 а], а то, что истина не всецело непостижима, но постижима в меру достигаемости для человеческого разума, он разъясняет, добавляя к изложенным выше стихам [следует фр. 10, 8 б—9].

Упрекнув в последующих стихах тех, кто притязает на познание большего, он показывает, что воспринимаемое каждым отдельным ощущением достоверно при условии, что их [=ощущения] контролирует разум, хотя раньше он и нападал на их достоверность; так, он говорит [следует фр. 14]. Так полагает Эмпедокл, а Гераклит.

6 (21 А 49)

Мнения философов (Стобей), IV, 9, 1 («Истинны ли ощущения?»): Пифагор, Эмпедокл. . . ощущения ложными.

10 (В 2)

Стихи 1—8 а, 8 б—9: СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, VII, 123 сл.; ст. 1: Геркуланумские свитки, VII², л. 22, стб. 29; ст. 2: ПРОКЛ. Комм. к «Тимею», 175 с, т. II, с. 116, 23 Diehl; ст. 4: ПЛУТАРХ. Об Исиде и Осирисе, гл. 24, с. 360 С; ст. 7—8 а, 5: ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 73; ст. 7—8 а: ПЛУТАРХ. О том, как слушать поэтов, гл. 2, с. 17 Е.

Узки способности [познания], разлитые по членам.

Много обрушивается напастей, притупляющих мысли.

Повидав на своем веку лишь малую часть Целого,

Обреченные на раннюю смерть, они улетают, взметнувшись словно дым,

5 Поверив лишь тому, на что каждый [случайно] наткнулся,

.Гонимый во все стороны. А <кто> похвалится, что открыл Все?

Таким образом, не постичь это [Целое] людям ни зрением, ни слухом,

Ни умом не объять. Но ты — поскольку ты удалился сюда [от всех]—

Узнаешь. Во всяком случае, человеческая мудрость выше [этого] не поднималась.

12 (В 111)

Ст. 1—9: ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 59; СУДА, I, 291, 4 сл. (под словом ἄλυσος); ЦЕЦ. Хиляды, II, 906; ст. 3—5: КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, VI, 30, с. 445, 16 сл.

Сколько ни есть лекарств от болезней, защиты от старости,

Ты их узнаешь все, ибо я исполню все это для одного тебя.

Ты прекратишь неутомимые ветры, которые налетают на землю

И губят своим дыханием нивы.

5 А если захочешь, то наведешь и ветры возмездия.

Из черного ливня ты сделаешь людям своевременное ведро,

А из летней засухи ты сделаешь

Древопитающие потоки, обитающие в эфире.

Ты вернешь из Аида умершего человека.

14 (В 3)

Ст. 1—13: СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, VII, 125; ст. 6—7: КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, V, 59, с. 366, 6 сл.; ст. 8: ПРОКЛ. Комм. к «Тимею», 106 е, т. I, с. 351, 10; ст. 8: ПЛУТАРХ. О множестве друзей, гл. I, с. 93 В.

Боги! Отвратите их безумие от моего языка
 И дайте излиться из благочестивых уст чистому источнику.
 И тебя, многопамятная, белораменная дева Муза,
 Я молю о словах, которые дозволено слышать эфемерным существам:
 5 Правь, погоняя, послушной вожжам колесницей [поэзии] из страны Эвсе-
 бии (Благочестия).
 И пусть венок доброславной чести не вынудит тебя
 Принять [его] от смертных при условии, что надо сказать нечто выходящее
 за пределы благочестия,
 По внушению дерзости, и такой ценой воссесть на вершинах мудрости.
 Так вперяйся же всеми способностями, с какой стороны ясна каждая вещь,
 10 Ничуть не более доверяй зрению, нежели слуху,
 Ни громкошумливому слуху больше, чем очевидностям языка,
 И не отнимай веры ни у одного другого члена, поскольку имеется путь
 к познанию,
 Но познавай каждую вещь оттуда, откуда она ясна.

20 (В 25)

ПЛУТАРХ. О невозможности жить счастливо, следуя Эпикуру, гл. 24; 1103 F; Ско-
 лии к Платону, Горгий, 498 е: Пословица «дважды и трижды хорошее», означающая,
 что о хорошем следует говорить много раз. Стих Эмпедокла, вошедший в поговорку:
 . . .Ибо и дважды сказать о том, что должно, — прекрасно.

22 (В 24)

ПЛУТАРХ. Об упадке оракулов, гл. 15, 418 С: Но чтобы не показалось будто я, го-
 воря словами Эмпедокла,
 . . .перескакивая с одной вершины на другую,
 Не иду в моих рассуждениях по одной словесной тропе,
 позвольте мне подобающим образом закончить прежний предмет разговора.

24—25 (ср. В 5)

ПЛУТАРХ. Застольные вопросы, VIII, 8, 1; 728 E: Он говорил, что это привилегия
 молчания <π> что рыб называют <ἄλλοπας> от того, что у них как бы голос (ῥα) на за-
 поре (ἰλλομένῃ); он говорил также, что мой тезка [говорит действующее лицо диалога
 по имени Эмпедокл] по прозвищу Укротитель Ветров увещевал на пифагорейский
 манер
 . . .сокрыть в глубине немого, словно рыба, сердца

[преподаваемые им] учения.

27 (В 4)

Ст. 1—3: КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, V, 18, с. 338, 1 сл.; ФЕОДОРИТ. Лече-
 ние эллинских недугов, I, 71 (ст. 1—2).

Упрямо не верить неопровержимым [достоверным] — свойство **ничтожных** людей.

Ты же, как велят тебе убедительные доказательства нашей Музы,
Так и считай, твердо признав учение в сердце своем.

30 (ср. В 17)

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 157, 25: О Едином и о конечном множестве, о периодическом восстановлении, а также о возникновении и уничтожении путем соединения и разъединения Эмпедокл передает в первой книге «О природе» так [следует фр. 31]. В этих стихах он называет Единым то, что образуется из многого, т. е. из четырех элементов, и показывает, что Любовь и Ненависть преобладают попеременно. То, что ни одна из этих двух [сил] не исчезает совершенно, явствует из слов: «Все они равны [между собой] и ровесники по рождению» [ст. 26] и «к ним ничего не прибавляется, от них ничего не отнимается» [ст. 29]. А «многое» означает те несколько элементов, из которых образуется Единое. Единое — это не Любовь, так как Ненависть также приводит к Единому.

31 (В 17)

Ст. 1—34: СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», стр. 158, 1—159, 4 и др.:

- Двойное скажу: то Одно вырастает, чтобы быть единственным
Из многого; то снова распадается, чтобы быть многим из Одного.
Двойко рождение смертных [вещей], двойка гибель:
Одно из них порождает и губит схождение всех [корней];
- 5 Другое разлетается, раздорное, когда они вновь разделяются,
И они [=элементы] никогда не прекращают непрерывного чередования:
То действием Любви все они сходятся в Одно,
То под действием лютой Ненависти несутся каждый врозь.
И поскольку они каждый раз заново образуют множество после разделения
Одного,
- 10 Постольку они рождаются и век у них непостоянный,
А поскольку они никогда не прекращают непрерывного чередования,
Постольку они существуют вечно, неподвижные в круге.
Внемли же моим словам, потому как ученье возвращает ум.
Как я сказал уже раньше, возвещая границы повествования,
- 15 Двойное скажу: то Одно вырастает, чтобы быть единственным,
Из многого, то снова распадается, чтобы быть многим из Одного,
Огнем, Водой, Землей и несметной высью Эфира,
Проклятая Ненависть порознь от них [=элементов], совершенно уравновешенная,
И Любовь в них, равная в длину и в ширину.
- 20 Соверцай ее умом и не сиди с изумленными очами.
Это ее почитают смертные, врожденную половым членам,
От нее испытывают любовные помыслы и совершают дела дружбы,
Называя ее именем Гефосины (Радости) и Афродиты.
Хотя она вьется [=постоянно пребывает в них], ни один смертный человек
не познал ее очами,
- 25 Ты же слушай непреложный ход [моей] речи.

Все они [=элементы] равны [между собой] и ровесники по рождению. Но каждый исполняет свою почетную должность, каждому присущ свой обычный нрав (этос),

А господствуют они по очереди по истечении определенного срока.

И к ним ничего не прибавляется, от них ничего не отнимается:

- 30 Ибо если бы они непрерывно терпели ущерб, то их уже не было бы, Но что бы тогда давало прирост этой Вселенной, и откуда бы оно взялось? И как [или: «куда»] бы пропало, раз от них ничто не пусто [=ими все полно]? Нет! Это они самые [или: «они те же самые»], но, пробегая друг сквозь друга, Они становятся то тем, то иным, оставаясь непрерывно и вечно тождественными [себе].

44 (ср. В 12)

ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ. О Мелиссе, Ксенофане, Горгии, 2, 6, 975 а 36: Далее, даже если абсолютно невозможны ни возникновение не-сущего, ни уничтожение сущего, то что мешает тому, чтобы, как полагает Эмпедокл, одни [сущие] были возникшими, а другие — вечными? Ведь и он [Эмпедокл] тоже, приняв все эти [постулаты Мелисса], а именно что [следует фр. 46], тем не менее утверждает, что одни из сущих вечны — огонь, вода, земля и воздух, а другие возникают или возникли из них. Никакое другое возникновение, [кроме возникновения из элементов], как он считал, для сущих невозможно [следует фр. 53, ст. 3—4], возникновение вечных [элементов] и сущего происходит не в отношении сущности, так как он полагал, что это невозможно: спрашивается, как возможно, чтобы [следует фр. 34, ст. 34]? Многое возникает путем смешения и соединения огня и рядоположенных ему [элементов], а уничтожается путем их разъединения и разделения. Таким образом, многое существует как результат смешения и разделения, а по природе — четыре [сущих], не считая [движущих] причин, или Одно.

46 (В 12)

Там же, 975 в 1; ст. 1—2: ФИЛОН АЛЕКС. О вечности мира, 2, с. 74, 3 сл.:

Из того, чего нет нигде, не может возникнуть [ничто],

Равно как недостижимо и неосуществимо, чтобы изничтожилось то, что есть: Сколько и откуда его не выталкивай, всякий раз [на его месте] окажется [другое сущее].

47 (В 13)

Мнения философов, I, 18, 2; ФЕОДОР ИТ. Лечение эллинских недугов, IV, 14:

Ни одна часть Целого [Вселенной] не бывает ни пустой, ни избыточной [~ переполненной].

48 (ср. В 14)

ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ. О Мелиссе, Ксенофане, Горгии, 2, 28. 976 в 25:

.. откуда что-либо могло бы при-быть?

50 (ср. В 8)

ПЛУТАРХ. Против Колота, гл. 10. 1111 F — 1112 В: Но Колот, словно обращаясь к невежественному царю, снова нападает на Эмпедокла за то, что он твердит о том же [следует фр. 53]. Что касается меня, то я не вижу, чем это мешает жить тем, кто полагает, что не существует ни возникновения не-сущего, ни уничтожения сущего и что

«возникновение» всего лишь имя, которое дают взаимному соединению некоторых сущих, а «смерть» — их разложению. Противопоставив «природе» (φύσις) «смерть», Эмпедокл ясно дал понять, что под «природой» он разумеет рождение [ср. фр. 53, ст. 4]. Но если [философы], полагающие возникновение смешениями, а уничтожения разложениями, не живут и не могут жить [счастливы], то, спрашивается, чем отличаются от них эпикурейцы? И то, Эмпедокл, склеивая и сопрягая между собой элементы такими качествами, как теплота, мягкость и влажность, еще придает им какое-то смешение и какую-то единящую сращенность, а вот те, кто срывает в одну кучу непреращаемые и лишённые симпатии атомы. . .

52 (ср. В 8)

Мнения философов, I, 30, 1 («О рождении» (φύσις)): Эмпедокл отрицает рождение (φύσις) чего бы то ни было и признает лишь смешение и разделение элементов. В первой книге «О природе» он пишет так [следует фр. 53].

53 (В 8)

Ст. 1—4: ПЛУТАРХ. Против Колота, гл. 10, 1111 F; Мнения философов, I, 30, 1; ст. 1, 3—4: АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, Δ 4. 1015 а 1 сл.; ст. 1 (не полностью), 3: АРИСТОТЕЛЬ. О возникновении и уничтожении, А 1. 314 b 7 сл.; ср.: ФИЛОПОН. Комм. к «О возникновении и уничтожении», с. 14, 17 сл., 15, 7 сл.; ст. 3—4: ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ. О Мелиссе, Ксенофане, Горгии, 2, 7. 975 b 7 сл. [см. фр. 44]; ст. 3 и реминисценция ст. 4: АРИСТОТЕЛЬ. О возникновении и уничтожении, В 6. 333 b 14 сл.; ст. 3: СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 161, 19; с. 180, 30; с. 235, 23; Комм. к «О небе», с. 306, 5; ФИЛОПОН. Комм. к «Физике», с. 840, 7; с. 896, 26; ИОАНН ЦЕЦ. Аллегории «Илиады», схолии ст. 285 «Пролегомен», с. 376, 7 сл.; ОН ЖЕ. Экзегеза «Илиады», с. 54, 25 сл.; ст. 4 (начиная с «рожденья. . .»): АСКЛЕПИЙ. Комм. к «Метафизике», с. 311, 32 сл.:

Еще скажу тебе: изо всех смертных вещей ни у одной нет ни рожденья (φύσις),
Ни какой бы то ни было кончины от проклятой смерти,
А есть лишь смешение и разделение смешанных [элементов],
Люди же называют это «рождением».

54 (А 44)

Мнения философов, I, 24, 2 («О возникновении и уничтожении»): Эмпедокл, Анаксагор, Демокрит, Эпикур и все, кто объясняет возникновение космоса аккрецией мелких корпускул и вводит соединение и разделение, признают возникновение и уничтожение не в собственном смысле; по их мнению, возникновение происходит не путем качественного изменения, но путем количественной аккреции.

55 (ср. В 9 и В 10)

ПЛУТАРХ. Против Колота, гл. 11, 1112 F — 1113 E: И если спросить его: «В каком это смысле, Эпикур, ты говоришь, с одной стороны, о „пустоте“, с другой — о „природе [=субстанции] пустоты“?» — то он ответит: «Клянусь Зевсом, такое употребление имен принято по установлению, и я тоже следую установлению» [ср. фр. 56, ст. 5]. То же самое делает и Эмпедокл: он учит, что «рождение» (φύσις) есть не что иное, как

«то, что рождается», а «смерть» — «то, что умирает», и как поэты часто персонифицируют [абстракции] и говорят:

Встряли меж ними Вражда, Смятенье и злая Погибель [Ил., XVIII, 535], так и большинство людей называют «возникновением» и «уничтожением» соединение и разделение [корпускул]. Он настолько далек от того, чтобы отрицать реальность и вступать в противоречие с явлениями, что не выходит даже за границы обычного словоупотребления, но, лишь устранив обман, искажающий предметы, снова возвращает именам их обычное значение [следует фр. 56]. Колот, который приводит эти стихи, не заметил, что Эмпедокл не упраздняет [=не отрицает реальности] людей, зверей, растений и птиц, которые, по его словам, образуются в результате смешения элементов, он лишь показал, в каком отношении заблуждаются те, кто высказывает об этом соединении и разделении предикаты «рождение», «злосчастный рок» и «нечестивая смерть», отнюдь не воспретив употребления обычных терминов применительно к этим явлениям.

Я думаю, что Эмпедокл опровергает не этот способ выражения, но, как сказано выше, по сути дела, выступает против возникновения из небытия, которое некоторые называют «рождением» (φύσις). Это с очевидностью явствует из следующих его стихов [следует фр. 57].

Для имеющих уши эти стихи громогласно вопиют о том, что он не упраздняет возникновения [вообще], но возникновение из небытия и не уничтожение [вообще], но абсолютное уничтожение, т. е. уничтожающее [нечто] в небытие. Тому, кто склонен не к столь грубой и глупой, а к более тонкой клевете, приводимые ниже стихи могли бы дать повод к прямо противоположному обвинению. Эмпедокл говорит [следует фр. 58].

В самом деле, автор этих строк не только не отрицает реальность тех, кто уже родился и живет сейчас, но скорее, наоборот, считает реальными даже тех, кто еще не родился или уже умер. Однако Колот не ставит этого в упрек Эмпедоклу и лишь утверждает, что-де, по Эмпедоклу, мы не можем ни заболеть, ни быть ранеными. Спрашивается, однако, каким образом философ, признающий, что каждому существу и до рождения и после смерти присущи «добро и зло», не допускает страдания для живых?

56 (В 9)

ПЛУТАРХ. Против Колота, гл. 11, 1113 А—В [ср. 1112 F]; ст. 5: Политические наставления, гл. 28. 820:

Всякий раз, как люди заметят, что [элементы] смешались в облике человека,

Или же в виде породы диких зверей, или в облике деревьев,

Или в облике птиц, тогда они говорят: «Это родилось».

Когда же они разделятся, то называют это «злосчастной смертью».

Так принято (ἕμεις), и я тоже следую обычаю (νόμος).

57 (В 11)

ПЛУТАРХ. Против Колота, гл. 12, 1113 С:

Несмышлениши! Сколь недаленовидны их мысли,

Ежели они полагают, что может родиться то, чего прежде не было,

Или же нечто умереть и изничтожиться совершенно.

58 (В 15)

ПЛУТАРХ. Против Колота, гл. 12, 1113 D:

Искушенному человеку не может прийти на ум догадка,
 Что-де покуда [элементы] живут в течение того срока, который именно
 и называют жизнью,
 До тех пор [лишь] они е с т ь и испытывают добро и зло,
 А до того, как они сплотились [в смертных] и после того, как они разло-
 жились, они-де ничто.

59 (В 10)

ПЛУТАРХ. Против Колота, гл. 11, 1113 В:

Злодейка-смерть. . .

60 (В 20)

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 1124, 12: Ведь и здесь тоже, по словам Эмпедокла, поочередно преобладают Ненависть и Любовь — в людях, рыбах, зверях и птицах. Он пишет:

Это [видно] и на примере великолепного человеческого тела:
 То все члены, что телу достались в расцвете жизненных сил,
 Сходятся воедино под действием Любви,
 То, рассеченные злыми Распрями,
 5 Они разбредаются порознь на жизненном берегу.
 То же и с деревьями, и с рыбами, чья кровля в воде,
 И со зверьми, чьи логова в горах, и с нырками[?]-крылоходами.

62 (0)

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 33, 3: В этих стихах [фр. 201, 3 сл.] он ясно говорит о том, что смертные существа слажены Любовью и что отсюда, где господствует Любовь, не вполне удалена Ненависть. Также и в тех стихах, где он излагает отличительные признаки каждого из четырех элементов, он ясно показал смешение обеих сил — Любви и Ненависти — во всех вещах. Стихи гласят [следует фр. 63, 3 сл.].

63 (В 21)

Ст. 1—14: СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 159, 13 сл.; ст. 3—12: Там же, с. 33, 8 сл.; ст. 3 и 5: АРИСТОТЕЛЬ. О возникновении и уничтожении, А 1. 314 b 20 сл.; ст. 3: ПЛУТАРХ. О первичном холоде, гл. 13, 949 F; ГАЛЕН. О смешениях простых лекарств, II, т. 11, с. 461, 7; ст. 9—12а: АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, В 4. 1000 a 29 сл.; ст. 9—11: ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ. О мире, 399 b 26 сл.; ст. 9: КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, VI, 17, с. 436, 7 [вслед за 31, 17]; (не полностью): АЛЕКСАНДР АФРОД. Комм. к «Метафизике», с. 220, 5; ст. 10—12а: АСКЛЕПИЙ. Комм. к «Метафизике» с. 197, 33 сл.

Рассмотри же дополнительное подтверждение моих прежних бесед,
 Коли в первоначальных [словах] что-нибудь выпло нескладным.
 [Воззри на] Солнце, обжигающее взгляд, и яркое везде,
 Бессмертные [существа], что кушаются в жаре и сияющем свете,

5 Ливень, темный и холодный во всех своих частях,
 А из Земли проистекают твердые опоры [вещей].

Под действием Злобы все [элементы] разно-образны и все порознь.
 Под действием Любви они сходятся и вожделяют друг друга.
 Из них — все, что было, что есть и что будет:

- 10 [Из них] произрастают деревья, мужчины, и женщины,
 Звери, и птицы, и водокормные рыбы,
 И долговечные боги, всех превосходящие почестями.
 Они [=элементы] одни и те же, но, пробегая друг сквозь друга,
 Они становятся различными-на-вид: столь меняет [их] смесь.

64 (В 23)

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 160, 1:

Словно когда живописцы испещряют посвячительные дощечки [=картины],
 Люди, хорошо сведущие в искусстве благодаря Смекалке (Метис),
 Схватив руками разноцветные краски
 И смешав их в определенной пропорции (*ἀρμόνη*) — одних больше, других
 меньше, —

- 5 Приготавливают из них изображения, похожие на все вещи,
 И создают деревья, мужчин и женщин,
 Зверей, и птиц, и водокормных рыб,
 И долговечных богов, всех превосходящих почестями,
 — Так да не одолеет твоего ума обман, будто
 Смертные [существа] — сколько их ни явлено взору в несметном коли-
 честве — происходят из другого источника,
 10 Но четко знай, что [единственный источник] — они [=элементы], ибо слово,
 услышанное тобой, — от бога.

66 (В 7)

ГЕСИХИЙ, под словом ἀγέννητα: «Нерожденные» означает «элементы» у Эмпедокла.

68 (В 26)

Ст. 1—12: СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 33, 19; ст. 1—2, 11—12: Там же, с. 160,
 16 сл.; ст. 1: Там же, с. 1185, 19; ст. 8—12: АРИСТОТЕЛЬ. Физика, θ 1. 250 b 30 сл.;
 ст. 10, 11—12: СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 1124, 23 сл.:

Они господствуют по очереди, по мере того как оборачивается круг [вре-
 мени],
 И убывают друг в друга, и возрастают [друг за счет друга] согласно пред-
 назначению судьбы [=в предустановленный срок],
 Ибо они [=элементы] — одни и те же, но, пробегая друг сквозь друга,
 Они становятся [~ рождаются в качестве] людьми и другими породами
 животных.

- 5 То под действием Любви они сходятся в один мирострой,
 То от лютой Ненависти несутся каждый врозь,
 Доколе, сращенные в единое мировое Целое, не будут повержены долу.
 Таким образом, поскольку они навыкли сращиваться в Одно из многого
 И, наоборот, образуют многое при распаде Одного,

- 10 Постольку они рождаются и жизненный век (*αἰών*) их нестоек,
Но поскольку это непрерывное чередование никогда не прекращается,
Постольку они есть всегда, неподвижные в круге.

80 (0)

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «О душе», с. 70, 17: . . . Шара (Сфайрос), который Эмпедокл величает богом.

81 (0)

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «О душе», с. 68, 2: Богом, по Эмпедоклу, Аристотель называет Сфайрос, который тоже состоит из элементов.

82 (ср. В 29)

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 1123, 25: Второй способ [трактовки движения] принадлежит Эмпедоклу, который полагает чередование движения и покоя. Он принимал, что как умопостигаемый, так и чувственный космос состоит из одних и тех же четырех элементов, разумеется, первый — парадигматически [в качестве первообраза], а второй — иконически [по отображению]. Творящей причиной умопостигаемого космоса он полагал Любовь, путем единения образующую Сфайрос, который он также называет богом и иногда обозначает в среднем роде:

Было Шаро (Сфайрон). . .

а творящей причиной чувственного космоса — Ненависть, которая творит этот космос путем разъединения [элементов] всякий раз, как достигнет неполного господства. В этом космосе также можно наблюдать соединение и разделение. . .

83 (ср. В 29)

Там же, 1124, 2: Было Шаро (Сфайрон). . .

84 (ср. А 41)

ФИЛОПОН. Комм. к «О возникновении и уничтожении», с. 19, 3: Теперь Аристотель снова нападает на Эмпедокла по отдельности за то, что он противоречит и явлениям и самому себе. Явлениям он противоречит тем, что упраздняет качественное изменение, хотя оно очевидно, а самому себе — потому что, с одной стороны, полагает элементы неизменными и утверждает, что все возникает из элементов, тогда как сами они не возникают друг из друга; однако, с другой стороны, он говорит, что при господстве Любви все вещи становятся Одним и образуют бескачественный Шар (Сфайрос), предполагая, таким образом, что ни огонь, ни прочие элементы не сохраняют в нем [Шаре] своеобразия, и каждый из элементов теряет присущую ему форму (эйдос).

90 (ср. В 27)

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 1183, 28=ЕВДЕМ, фр. 110 Wehrli: Евдем понимает неподвижность в эпоху господства Любви как относящуюся к Сфайросу, всякий раз, как все смешается [следует фр. 92 а 1], но, как он говорит [следует фр. 92 1 и 2]. [Продолжение см. фр. 120.]

92 (ср. В 27)

а 1—b 2: Там же, 1183, 30 сл.; ст. b 2: СИМПЛИКИЙ. Комм. к «О небе», с. 591, 5; МАРК АВРЕЛИЙ, XII, 3 и (не полностью) VIII, 41:

а 1 Там неразличимы ни быстрые члены Солнца. . .

б 1 В столь сильную потаенность [?] Гармонии погружен
Круглый Шар (Сфайрос), наслаждающийся радостным одиночеством.

93 (ср. В 27)

АНОНИМ. Комм. к Арату, гл. 6, с. 97, 24: Вселенная вращается вокруг своей оси ежедневно и ежечасно. о чем говорит и Акрагантец [следует фр. 95, 2]. Сфайросом он называет сферу, подобно тому как Гомер употребляет [форму мужского рода] ἔσπερος, «вечер» вместо [формы женского рода] ἑσπέρα, «круглый» означает «шарообразный», а выражение *μονίαν περιήγέα* — постоянство вращения.

94 (ср. В 27)

АХИЛЛ. Введение к Арату, гл. 6, с. 37, 11: Но лучше толковать так, что небо, равно как и находящиеся в нем тела, имеет шарообразную форму; как сказал Эмпедокл [следует фр. 95, 2].

95 (В 28)

Ст. 1—2: СТОБЕЙ, 1, 15; 2^{ab}, т. I, с. 144, 20 сл.; АХИЛЛ. Введение к «Феноменам» Арата, гл. 6, с. 37, 13; АНОНИМ. Комм. к Арату, гл. 6, с. 97, 25 сл.; 2 б: ПРОКЛ. Комм. к «Тимею», 160 d, т. II, с. 69, 22:

Но со всех сторон равный [самому себе] и вполне бесконечный
Круглый Шар (Сфайрос), радующийся неподвижному круговращению.

96 (ср. В 13)

ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ. О Мелиссе, Ксенофана, Горгии, 2, 28. 976 б 26 сл.:

В нем . . . нет ничего ни пустого, ни избыточного.

97 (В 29)

ИППОЛИТ. Опровержение всех ересей, VII, 29, 13; с. 212, 12 сл.:

Ибо из спины у него не прыщут две ветви [= «руки»],
Нет у него ног, ни быстрых колен, ни детородного члена:
Это был Шар (Сфайрос), со всех сторон равный [самому себе].

99 (В 27 а)

ПЛУТАРХ. О том, что философу надлежит в особенности разговаривать с правителями, гл. 2, с. 777 С:

Ни усобицы, ни распри зловещей нет в [его] членах.

100 (ср. В 115)

ПЛУТАРХ. Об изгнании, гл. 17, 607 С: Эмпедокл предвозглашает в начале философии [следует «Очищения», фр. В 115].

101 (ср. В 115)

ИППОЛИТ. Опровержение всех ересей, VII, 29, 22 сл.; с. 214, 16 сл.: Распря, постоянно разрушающая и разрывающая на части творение Любви. По словам Эмпедокла, это важнейший закон организации Вселенной, о чем говорит так [следует фр.

110]. Необходимостью (Ананкэ) он называет превращение из Одного во многое в эпоху Распри и из многого в Одно в эпоху Любви. Богов, по его словам, четыре смертных — Огонь, Вода, Земля, и Воздух — и два бессмертных, нерожденных, вечно враждебных друг другу — Распри и Любовь.

103 (ср. В 115)

ПЛУТАРХ. О сообразительности животных, гл. 7, 964 D—E: Эмпедокл и Гераклит принимают за истину, что человек не вполне чист от скверны несправедливости, раз он обращается с животными таким образом. Часто они скорбят и осыпают бранью природу как царство Необходимости (Ананкэ) и Войны, в котором нет ничего беспримесного [~ непорочного] и чистого и которое проникнуто множеством несправедливых напастей. Они доходят до утверждения, что само рождение есть результат несправедливости, так как [при этом] бессмертное сочетается со смертным и так как [ново]рожденный противоестественно наслаждается отторгнутыми членами родителя.

104 (ср. А 45)

ПЛУТАРХ. О происхождении души в «Тимее», гл. 27, 1026 В: . . .Принуждение (ананкэ), смешанное с убеждением, которое большинство людей называют судьбой (εἰμαρμένη), а Эмпедокл — Любовью и Распрей.

106 (ср. А 38)

АРИСТОТЕЛЬ. Физика, θ 1, 252 а 5 сл.: Столь же неверно утверждать, что это в природе вещей и что это следует полагать исходным принципом. Таков, по-видимому, смысл утверждений Эмпедокла, согласно которым поочередное преобладание Любви и Распри, вызывающих движение, присуще вещам по необходимости, а в промежуточное время — покою.

107 (ср. В 30)

АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, В 4. 1000 в 12: Вместе с тем он [=Эмпедокл] не дает никакого причинного объяснения изменению как таковому, кроме «это естественно» [или: «это в природе вещей»] [следует фр. 126]. Он исходит из того, что изменение необходимо, но причины необходимости не указывает никакой.

108 (0)

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 465, 12 сл.: Творческую и целевую причину Эмпедокл. . . приписывает Любви, Распре и Необходимости.

109 (ср. В 115 и 30)

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 1184, 5 сл.: Но чем отличается от утверждения «это естественно» утверждение, что «это происходит по необходимости», не сопровождаемое никаким причинным объяснением? Так, по-видимому, утверждает Эмпедокл в следующих стихах [следует фр. 124], а также когда он усматривает причину происходящего в необходимости [следует фр. 110]. В самом деле, здесь он утверждает, что каждая из двух сил господствует попеременно вследствие Необходимости и этих клятв. Относительно господства Распри Эмпедокл говорит также следующее [следует фр. 126].

110 (ср. В 115, 1—2)

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 1184, 9 сл.; ИППОЛИТ = фр. 101:

Есть Необходимость, оракул [~ рок] богов, древнее постановление, заверенное печатью, вечное, скрепленное пространственными клятвами.

Ст. 1 в редакции Ипполита и Плутарха:

Есть некое вещное речение [~ рок] Необходимости, древнее постановление богов и т. д.

114 (А 32)

Мнения философов, I, 7, 28 = СТОБЕЙ, I, 1, 29^b («О божестве»): «Эмпедокл полагает богом Сфайрос и» Одно. Одно — это Необходимость, ее материя — четыре элемента, а формы — Распря и Любовь. Он считает богами также элементы, их смесь — космос — и то, во что он разложится, единообразное. Он считает божественными и души, и чистых [людей], чисто причастных им.

115 (А 45)

Мнения философов, I, 26, 1 («О сущности необходимости»): Эмпедокл сущностью необходимости считает причину, господствующую над [движущими] началами и [материальными] элементами.

117 (А 52)

СИМПЛИКИЙ. Комм. «О небе», с. 293, 18: Другие утверждают, что один и тот же космос попеременно возникает и уничтожается и, вновь возникнув, вновь уничтожается и что такое чередование вечно. Так Эмпедокл полагает поочередное господство Любви и Распри: первая собирает все вещи в Одно и уничтожает космос Распри и творит из него Сфайрос, а Распря снова разделяет элементы и творит этот космос.

118 (В 16)

ИППОЛИТ. Опровержение всех ересей, VI, 25, 1; с. 151, 28 сл.; VII, 29, 10; с. 211, 23 сл.:

Они наличны [сейчас], были прежде и будут: никогда, думается мне, Не опустеет от них обеих несказанный век [= «вечность»].

119 (А 52)

Мнения философов (Стобей), II, 4, 8 («Неуничтожим ли космос»): По Эмпедоклу, космос уничтожается вследствие поочередного господства Распри и Любви.

120 (ср. В 31)

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 1184, 2 сл. = ЕВДЕМ, фр. 110 W. [предложение фр. 90]: Но когда снова начинает одерживать верх Распря, тогда в Сфайросе снова возникает движение [следует фр. 121].

121 (В 31)

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 1184, 4:

Все, один за другим, задрожали члены бога.

123 (0)

АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, N 5, 1092 в 6 сл.: Противоположность — имманентна ле она [вещи] или не имманентна — уничтожает ее, как, например, Распря [уничтожает] смесь, хотя и не должна была: ведь противоположна-то она не смеси, [а Любви].

124 (ср. В 17, 29)

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 1184, 7:

Они господствуют [~ побеждают] по очереди, по истечении [определенного] времени.

126 (В 30)

Ст. 1—3: АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, В 4. 1000 в 14 сл.; СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 1184, 14 сл.; ст. 1, 2, 3: СИРИАН: Комм. к «Метафизике», стр. 43, 29 сл.:

Однако когда великая Распря перевесила в членах [Сфайроса] И подскочила к почестям [=власти], по исполнении срока, Воздвигнутого для них попеременно крепкой клятвой. . .

130 (А 43)

Мнения философов, I, 17, 3 («О смеси и слиянии»): Эмпедокл и Ксенократ полагают, что элементы состоят из более мелких телец — «наименьших» [величин] или как бы элементов элементов.

131 (А 43)

Мнения философов, I, 13, 3 («О наименьших»): Эмпедокл признает наименьшие «осколки», предшествующие четырем элементам, как бы элементы до элементов, подобочастные.

133 (ср. А 43)

ГАЛЕН. Комм. к «О природе человека» Гиппократу, I, 13, с. 27, 22 сл.: Насколько нам известно, Гиппократ первым учил о слиянии элементов. и этим он отличается от Эмпедокла. Ибо, по Эмпедоклу тоже, и мы и все прочие тела в околоземном пространстве возникли из тех же элементов, из каких [они возникли] по Гиппократу, но только, [по Эмпедоклу], соединение элементов произошло не путем их слияния и взаимопроникновения, а путем рядоположения и касания маленьких частиц.

135 (ср. А 43)

АРИСТОТЕЛЬ. О возникновении и уничтожении, В 7, 334 а 18 сл., 26 сл.: Те, кто не признает возникновения [элементов] ни друг из друга, ни [всех] из одного, а разве лишь в том смысле, в каком стена — из кирпичей, не в состоянии объяснить, каким образом из них могут получиться мясо, кости и что бы то ни было еще. А как будут объяснять [возникновение] те, кто полагает подобно Эмпедоклу? Они по необходимости должны принять [механическое] соединение, подобно тому как из кирпичей и камней [составляется] стена. Но эта смесь будет состоять из элементов, сохранивших свое качество, но соположенных рядом в виде маленьких частиц: так [будет выглядеть] мясо и любое другое тело.

136 (А 43 а)

АРИСТОТЕЛЬ. О небе, Г 6. 305 а 1 сл.: Если же разложение остановится в какой-то точке, то тело, на котором оно остановилось, будет либо неделимым [атомом], либо делимым, но никогда не-могущим-быть-разделенным [до конца]: таков, по-видимому, смысл утверждений Эмпедокла.

139 (0)=30 А 5, 976 в 37 — 977 а 11.

140 (В 37)

АРИСТОТЕЛЬ. О возникновении и уничтожении, В 6. 333 в 1:

Земля умножает свое тело, Эфир [умножает] Эфир.

142 (В 51)

ГЕРОДИАН. Гомеровские формы, цит. в: *Etymologicum Gudianum*, с. 745; ЕВСТАФИЙ. Комм. к «Одиссее», 1, 320; с. 61, 30; Эмпедокл говорит об огне:

Стремительно взлетел.

145

ПЛАТОН. Лисид, 214 в: Разве ты не читал сочинений величайших мудрецов, в которых говорится о том же самом, а именно что подобное всегда должно быть в дружбе с подобным? Это те, кто рассуждает и пишет о природе и о Вселенной.

146 (ср. 22 В 8)

АРИСТОТЕЛЬ. Никомахова этика, θ 2. 1155 а 32 сл.: Одни полагают дружбу неким сходством и друзей подобными, откуда и поговорка «подобное к подобному» . . . [в 1 сл.] и этот же самый вопрос исследуют глубже, восходя к природе вещей. Так, Еврипид говорит, что иссохшая Земля любовно возделает ливня, а святое Небо, полное ливня, возделает пасть на Землю; Гераклит говорит, что «враждебное ладит», «наилучшая гармония — из разнящихся [звуков]» и «все происходит через распрю». Другие же, в том числе Эмпедокл, говорят прямо противоположное: что подобное стремится к подобному.

147 (ср. А 20 а)

АРИСТОТЕЛЬ. Евдемова этика, Н 1. 1235 а 9: Натурфилософы же объясняют происхождение порядка во Вселенной исходя из принципа «подобное идет к подобному». Отсюда изречение Эмпедокла о том, что и собака сидит на черепахе, потому что [между ними] имеется величайшее сходство. Одни определяют дружбу так, другие полагают, что дружба существует между противоположностями.

148 (ср. А 20 а)

АРИСТОТЕЛЬ. Большая этика, В 11. 1208 в 8: Существует ли дружба между подобными, как это принято считать и говорить. . . Говорят, что одна собака постоянно спала на одной и той же черепахе [~ кровле]; на вопрос, почему собака спит на одной и той же черепахе, Эмпедокл ответил, что у собаки есть что-то общее с черепахой, думая, что собака имеет обыкновение приходить на одно и то же место по причине сходства. Другие, однако, полагают, что дружба возникает скорее между противоположностями.

150 (В 6)

Ст. 1—3: Мнения философов, I, 3, 20; СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, X, 315; ИППОЛИТ. Опровержение всех ересей, VII, 29, 4; с. 210, 20 сл.; X, 7, 3 сл.; с. 267, 5 сл.; ПСЕВДО-ПРОБ. Комм. к «Буколикам» Вергилия, VI, 31, с. 332, 30 сл.; ИОАНН ЦЕЦ, Толкование на «Илиаду», с. 53, 23 сл.; ст. 1 (не полностью): ФИЛОПОН. Комм. к «Физике», с. 88, 6; КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, VI, 17; с. 436, 5; ст. 2—3: ГЕРАКЛИТ-АЛЛЕГОРИСТ. Гомеровские аллегории, 24; АФИНАГОР. Посольство в защиту христиан, 22, с. 26; ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 76; ИОАНН ЦЕЦ. Схолии к «Илионским песням», 137, с. 58; ст. 2 (не полностью): Выборки различных слов, *Anecdota Graeca Oxoniensia*, II, 455, 5 (под словом «Гера»); Гудианский этимологик, стб. 247, 38 сл.

Услышь сначала, что есть четыре корня всего:

Ослепительно вспыхивающий Зевс, животворная [~ плодоносная] Гера
и Аидоней [«Невидимка»],

И Нестида, которая слезами проливает человеческий родник.

152 (А 33)

Мнения философов (Псевдо-Плутарх), I, 3, 20 («О началах, что они есть»): Эмпедокл, сын Метона, акрагантец, полагает четыре элемента: огонь, воздух, воду и землю — и две силы в качестве движущих причин: Любовь и Распря, первая из которых соединяет, а вторая разделяет. Он говорит так [следует фр. 150]. Зевсом он называет пыл (ζέαις) и эфир, Животворной Герой — воздух, Аидонеем — землю, а Нестидой — человеческим родником — как бы сперму и воду.

153 (А 33)

СТОБЕЙ. I, 10, 11^b, с. 121, 16: Эмпедокл Зевсом называет пыл и эфир, Животворной Герой — землю, Аидонеем — воздух, так как он не имеет собственного света, но освещается Солнцем, Луной и другими звездами, а Нестидой и смертным родником — сперму и воду. Таким образом, Вселенная состоит из четырех элементов, природа которых образована противоположностями: сухостью, влажностью, теплотой и холодом. Путем взаимного смешения в определенной пропорции они производят Вселенную, которая подвержена частичным изменениям, но в целом не допускает разложения. Он говорит так [следует фр. 31, 7—8].

155 (А 1)

ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 76: Воззрения его таковы: элементов четыре: огонь, вода, земля и воздух, и еще Любовь, которой они соединяются, и Распря, которой они разделяются. Он говорит так [следует фр. 150, ст. 2—3]. Зевсом он называет огонь, Герой — землю, Аидонеем — воздух, а Нестидой — воду. И это непрерывное чередование, говорит он, [следует фр. 31, 6 b], полагая, что такое мироустройство вечно. Он продолжает [следует фр. 31, 7—8]. (77) Солнце он считает большим скоплением огня, по величине превосходящим Луну, Луну — дисковидной, а само небо — ледообразным. Душа, по его словам, перевоплощается в различные виды животных и растений [следуют «Очищения», фр. В 117].

[158 (0)]

Схюлли В к «Илиаде», 20, 67, с. 231, 12: В целом сказание о богах граничит с предосудительным и непристойным, ибо мифы, которые он [Гомер] рассказывает о богах, непристойны. В разрешение этой трудности одни исходят в своих суждениях из словесного выражения и утверждают, что все это сказано аллегорически о природе элементов, например противоборствами богов. Сухое тоже сражается с влажным, говорят они, горячее — с холодным и легкое — с тяжелым. Кроме того, вода гасит огонь, а огонь осушает воду. Сходным образом всем элементам, из которых состоит Вселенная, присуща противоположность, и частично они подвержены уничтожению в какой-то момент, но все в целом пребывает вечно. Повествуя о битвах [богов], Гомер называет огонь Аполлоном, Гелиосом и Гефестом, воду — Посейдоном и Скамандром, Луву — Артемидой, воздух — Герой и т. д.

160 (А 33)

ИППОЛИТ. Опровержение всех ересей, VII, 29, 5; с. 211, 1 сл.: Зевс — это огонь, Живоносная Гера — земля, приносящая плоды, необходимые для жизни, Андоной [«Невидимка»] — воздух, так как мы все видим через него, а его самого не замечаем, Нестиды [по Ипполиту, «Постница», «Несъедобница»] — вода, так как для всех питающихся существ она служит единственным переносчиком пищи [= растворителем], но при этом сама не может накормить кормящихся. Ибо если бы она кормила, говорит Эмпедокл, то животные никогда не были бы охвачены голодом, так как воды в космосе всегда в избытке. Потому-то он и называет воду Нестидой, что, будучи причиной питания, она не в состоянии накормить кормящихся.

170 (ср. В 27)

ПЛУТАРХ. О лице на Луне, гл. 12, 926 D — 927 A: Смотри же, любезнейший, как бы не оказалось, что, переставляя и уводя вещи с их естественных мест, ты проведешь разложение мира и напускаешь на вещи Эмпедоклову Распря или, вернее, натравливаешь на природу древних Титанов и Гигантов и жаждешь увидеть мифический ужасный беспорядок и разлад, во время которого было порознь все тяжелое и . . . легкое [следует фр. 171], как говорит Эмпедокл: земля была непричастна теплу, вода — воздуху, наверху не было ничего тяжелого и внизу — ничего легкого; первоначала всех вещей были несмешанными, равнодушными [друг к другу] и одинокими, они не стремились к соединению или общению друг с другом, но отворачивались, убегали и неслись каждое своим путем, исполненные самодовольства; они находились в том состоянии, в каком, по Платону, находится все, в чем не присутствует бог, т. е. в состоянии тел, покинутых умом и душой, до тех пор пока по воле провидения на природу не нашло любовное вожделение, когда в ней зародились Любовь (Филотес), Афродита и Эрос, как говорят Эмпедокл, Парменид и Гесиод, дабы, обменявшись местами, переменяя друг у друга силы [качества] и насильственно принужденные к лучшему — кто необходимостью движения, кто необходимостью покоя, — они [= элементы] не поддались и не сдвинулись с естественных мест, дабы создать гармонию и связь Вселенной.

171 (ср. В 27, 1—2)

Там же, гл. 12, с. 926 E:

Не видны там ни блистательный облик Солнца,
Ни косматое тело Земли, ни море.

172 (ср. А 37)

АРИСТОТЕЛЬ. О небе Г 2, 301 а 12. Анаксагор . . . начинает космогонию с неподвижных элементов. Да и другие мыслители пытаются объяснить происхождение космоса, представляя первичное состояние в виде неподвижной смеси, которая затем приводится в движение и разделяется. А начинать космогонию с уже разделившихся и движущихся элементов нелогично. Вот почему Эмпедокл опускает космогонию в эпоху Любви: он не мог бы составить Небо [= Вселенную], строя его из обособленных элементов и соединяя их силою Любви, ибо космос состоит из уже разделенных элементов и потому должен возникать из нерасчлененного единства.

173 (ср. А 37)

АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, А 4. 985 а 21: Эмпедокл в большей мере, нежели Анаксагор, использует [движущие] причины, но все же и он недостаточно и не достигает в них последовательности: во многих случаях у него Любовь разделяет, а Распря соединяет. Так, всякий раз, как Вселенная распадается на элементы под действием Распри, огонь соединяется в одно, равно как и каждый из остальных элементов, когда же под действием Любви они снова сойдутся в Одно, то каждый из элементов по необходимости снова должен разделиться на частицы.

174 (А 49)

Мнения философов (Псевдо-Плутарх), II, 6, 3 («С какого элемента начал творить космос бог?»): По Эмпедоклу, первым выделился [из смеси] эфир, вторым — огонь, затем — земля; из нее — в результате сильного сжатия напором вращения — брызнула вода; из воды испарился воздух и возникли: небо — из эфира, Солнце — из огня, а из остальных [элементов] сгустилось [~ сваялось, как шерсть] все земное.

200 (59 А 68)

АРИСТОТЕЛЬ. О небе, Δ 2. 309 а 19: Некоторые из отрицающих существование пустоты, например Анаксагор и Эмпедокл, не дали никаких определений легкого и тяжелого.

201 (В 35)

Ст. 1—15: СИМПЛИКИЙ. Комм. к «О небе», с. 529, 1 сл.; ст. 3—17: СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 32, 13 сл.: ст. 5 и 10—13: ОН ЖЕ. Комм. к «О небе», с. 587, 11 сл.; ст. 7: Большой этимологик, с. 319, 16; ст. 14—15: АФИНЕЙ, X, 22, с. 423 F; ПЛУТАРХ. Застольные вопросы, V, 4, 1. 677 d.

Но теперь я вернусь назад на тот самый путь песен,
Который поведал прежде, отвечая, словно канал, [в потоке речи] от слова
слово.

Когда Распря достигла самого дна
Вихря, а в середине круговерти оказалась Любовь,

- 5 Тогда в ней все это [=видимый мир] сходится вместе, чтобы быть Одним-единственным,

Не сразу, но добровольно собираясь одно отсюда, другое оттуда.

По мере того как они смешивались, отливались мириады племен смертных
[существ],

- Но многие [части] остаются несмешанными, чередуясь с теми, что смешиваются, —
 Все, которые еще удерживает Распря во взвешенном состоянии. ибо она
 10 Еще не безусловно [=совершенно] вся изшла [из членов Сфайроса] к край-
 ним метам круга,
 Но частью еще оставалась внутри членов, частью вышла [из них].
 И насколько она всякий раз вырывалась-вперед-в-беге, настолько всякий
 раз надвигалась на нее [~догоняла]
 Безупречная Любовь в своем ласковом бессмертном порыве.
 Внезапно стали рождаться в виде смертных те, что прежде навыкли быть
 бессмертными,
 15 И разбавленными — те, что прежде были беспримесными, сменив пути,
 И от их смешения отливались [~выплавливались] мириады племен смертных
 [существ],
 Уснащенных всевозможными формами — чудо на вид!

202 (0)

АРИСТОТЕЛЬ. О небе, В 13. 295 а 29: Кроме того, против Эмпедокла можно выставить еще одно возражение. Когда элементы были разъединены Распрей, то что было причиной неподвижности Земли? Не станет же он и тогда объяснять ее «вихрем! Абсурдно также не понимать того, что если раньше частицы земли двигались к центру под действием вихря, то по какой причине теперь все, что имеет тяжесть, движется к Земле. Ведь вихрь к нам не близок! Далее, по какой причине огонь движется вверх? Ведь не вследствие же вихря! Но если огню от природы свойственно двигаться в определенном направлении, то, разумеется, это должно быть свойственно и земле. Равным образом не вихрем обусловлены тяжесть и легкость: вихревое движение лишь причина того, что из предсуществующих тяжелых и легких тел одни направляются в центр, а другие поднимаются на поверхность. Следовательно, уже до того, как возник вихрь, одно было тяжелым, а другое — легким. Чем же определялось различие между ними и каковы были характер и направление их естественного движения? В бесконечном пространстве не может быть верха и низа, а между тем именно через них определяются тяжелое и легкое.

203 (0)

Мнения философов, II, 6, 1 («С какого элемента начал творить космос бог?»): Физики утверждают, что возникновение космоса началось с Земли, как из центра, начало же сферы — центр.

204 (ср. В 35)

СИМЛИКИЙ. Комм. к «О небе», с. 528, 8 сл.; 24 сл.: Как представляется, говоря «Когда элементы были разъединены Распрей», Аристотель понимает под состоянием [Вселенной], возникшим под действием Распри, некое иное, отличное от нынешнего состояние. Между тем Эмпедокл говорит, что этот космос возникает под действием Распри, разделяющей элементы. Шар же возникает под действием Любви, собирающей и единящей элементы. Как же тогда он может отрицать существование вихря при господстве Распри, если только речь идет о нем? .

То, что он [Александр Афродисийский] невероятным образом толкует и конструирует сказанное [Аристотелем], понимая «разъединены» как «еще не возникли», оче-

видно для всякого. И хотя Аристотель ясно говорит: «Когда они были разъединены Распрей», [Александр], насилуя текст, пытается отнести это время к господству Любви. Но как можно сказать «они были разъединены Распрей» вместо «когда Распря была отделена от них»? И все же он насилуял, а вернее, был вынужден насилуял текст, полагая, что, по Эмпедоклу, этот космос возникает только под действием Распри. Но, вероятно, (хотя бы даже Распря и господствовала [— преобладала] в этом космосе, как в Шаре — Любовь), все же оба они [= и космос и Шар], по словам Эмпедокла, возникают под действием² обеих [сил сразу]. Пожалуй, ничто не мешает нам привести стихи Эмпедокла, ясно говорящие об этом [следует фр. 201, 1—15]. В этих стихах ясно показывается, что в простой космогонии Распря отступает, а Любовь одерживает верх, оказавшись «в середине круговерти», т. е. вихря, так, что и в эпоху господства Любви вихрь существует и что одна часть элементов остается несмешанной под действием Распри, а другая, смешиваясь, создает «смертные существа», т. е. животных и растения, так как смешавшееся снова разлагается. . . (с. 530, 12 сл.) Но, быть может, Эмпедокл как поэт говорит об их поочередном преобладании на мифический лад [следует фр. 31, 8—9], а Аристотель, злоупотребляя этим мифическим способом выражения, спрашивает тех, кто единственную причину неподвижности Земли видит в вихре: «Когда элементы были разъединены Распрей (поскольку элементы тогда были несмешаны, небо не было сопряжено с Землей в упорядоченное целое, вернее, даже когда элементы были несмешаны, неба, согласно этому предположению, еще не существовало, а Земля была, раз элементы вечны, как они полагают) — какая тогда была причина неподвижности Земли? Ведь не станет же он и тогда объяснять [неподвижность Земли] вихрем!». Думаю, Эмпедокл ответил бы, что не существует такого момента, когда элементы были разъединены таким образом, что между ними не было взаимной сопряженности [в некое Целое], ибо иначе они не были бы «элементами»; однако теория, желающая раскрыть природу вещей, постулирует и рождение нерожденного, и разделение соединенного, и соединение разделенного.

205

АРИСТОТЕЛЬ. О небе, В 1. 284 а 24: Не следует, стало быть, придерживаться ни этого воззрения [= об Атланте, поддерживающем Небосвод], ни воззрения Эмпедокла, который говорит, что в результате вихревого вращения Небо приобретает более быстрое движение, чем его собственное устремление-вниз-под-действием-тяжести (ρeπί), и благодаря этому сохраняется в течение столь огромного времени и по сей день.

207 (В 36)

СТОБЕЙ, I, 10, 11; с. 121, 14 [после фр. 150];

АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, IV 4, 1000 б 2; АСКЛЕПИЙ. Комм. к «Метафизике», с. 198, 1:

По мере того как они [=элементы] сходились-вместе, Распря уходила -
вон из них к самому краю.

209 (А 47)

Мнения философов, I, 5, 2 («Едина ли Вселенная»): По Эмпедоклу, космос один, однако космос не Вселенная, а лишь малая часть Вселенной, прочее же — косная материя.

210 (А 30)

ИСЕВДО-ПЛУТАРХ. Строматы, 10 = ЕВСЕВИЙ. Приготовление к Евангелию, I, 8. (Дох. 582): Эмпедокл из Акраганта полагает четыре элемента: огонь, воду, эфир, землю; их [движущей] причиной он считает Любовь и Расприю. По его словам, из первоначальной смеси элементов выделился воздух и разлился вокруг [смеси] в виде сферы [~ круга]. Вслед за воздухом стремительно вырвался [собств. «выбежал»] огонь и, не имея другого места, побежал вон наверх, [располагаясь] под воздушным льдом [небосвода].

Вокруг Земли вращаются два полушария: одно — целиком из огня, второе — смешанное из воздуха и небольшого количества огня; последнее, как он полагает, и есть ночь.

Начало движения приключилось от случайного совпадения [?], когда огонь вследствие скопления хлынул на [небосвод?].

Солнце по своей природе не огонь, а отражение огня, подобное тому, что бывает в воде.

Луна же, по его словам, вещественное образование, она образовалась из воздуха, отсеченного [или: «запертого внутрь»] огнем, так как воздух [при этом] заледенел подобно граду. Свет же она получила от Солнца.

Сознание [«главенствующее начало»] — не в голове и не в грудной клетке, а в крови. Поэтому, в какой части тела крови разлито больше, в той у людей и главенство.

212 (ср. А 49, А 66)

ФИЛОН АЛЕКС. О провидении, II, 60 сл.: с. 86: *Cependant les parties aussi de ce monde-ci semblent supporter quelque chose de semblable (proprement: d'égal à la même chose), comme dit Empédocle. En effet, quand, se détachant de l'éther, le vent et le feu se furent envolés (comme des oiseaux) — затем неясность, в лат. пер. Аухера = et erat quod fuit — le large et grand ciel enveloppa circulairement le tout (6); quand au feu, demeuré un peu au-dessous du ciel, lui aussi crût jusqu'à devenir les rayons du soleil. Courant vers un seul point et, se condensant par une certaine nécessité, la Terre apparut et resta au milieu. Et autour d'elle, de tous côtés, étant donné qu'elle était plus petite, l'éther s'agite [(se soulève) sans se déplacer. Et ensuite la cause qui la fit demeurer était en dieu, et non en des cercles nombreux, placés les uns au-dessus des autres. De cette terre, les révolutions qui l'entourent façonnèrent la forme. En effet, autour d'elle, une sorte de flambeau fut enfermé en un cercle admirable. Et en effet la puissance de la forme est grande et riche (?). Grâce à quoi, elle (la terre) ne tombe pas ni de côté-ci, ni de ce côté-là.*

Et alors, disant la cause (ou: les causes) au sujet de la mer, il dit: surface (propr.: l'extrémité), qui avait été saisie avec violence, se durcit, et surtout, les grêlons pressés montèrent pour donner l'eau salée. Car toute l'humidité qui est sur la terre se complut dans ces lieux bas et creux: les vents en cercle à la façon deliens très puissants se pressant sans cesse les uns sur les autres (пер. с арм. Мерсье).

216 (0)

ИОАНН ФИЛОПОН. Комм. к «Физике», с. 261, 17. Эмпедокл говорит, что воздух занял верхнюю область случайно. Сначала все элементы были слиты воедино в Сфайросе, а затем разделились под действием Распри. При этом каждый понесся в то место,

в котором находится теперь, не по какому-либо промыслу, а как попало. Так, он говорит о движении воздуха вверх [следует фр. 220]. Так и вода, по его словам, сейчас находится над землей, но может статься, что некогда, в другой космогонии, когда космос снова возникает из Сфайроса, она займет другое положение и другое место.

220 (В 53)

АРИСТОТЕЛЬ. О возникновении и уничтожении, В 6. 334 а 3; Физика, В 4. 196 а 22; СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 327, 18; с. 330, 35; с. 358, 11; с. 1318, 28; ФИЛОПОН. Комм. к «Физике», с. 261, 22:

Ибо так [=«в этом направлении»] он [=воздух] случайно бежал иногда,
а часто — иначе.

222 (сп. В 59)

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 327, 20 и 331, 2 (оба раза после фр. 220):

[Элементы] . . . сталкиваясь как попало.

224 (В 54)

АРИСТОТЕЛЬ. О возникновении и уничтожении, В 6. 334 а 4:

Эфир . . . длинными корнями погружался под землю.

226 (А 68)

СЕНЕКА. Естественнаучные вопросы, III, 24, 1—3: [происхождение горячих источников]. Эмпедокл полагает, что вода нагревается огнями, запертыми во многих местах под покровом земли в случае, если они находятся под той почвой, через которую протекает вода. Мы обычно делаем змеевики, цилиндрические кипягильники и ряд сосудов другой формы, внутрь которых встраиваем тонкие медные трубки, закрученные в спираль, с тем чтобы вода, многократно обходя один и тот же огонь, протекала такое расстояние, какого достаточно для нагрева: в результате вода входит холодной, вытекает горячей. Эмпедокл полагает, что под землей происходит то же самое.

227 (В 52)

ПРОКЛ. Комм. к «Тимею», 141 Е; II, 8, 28:

Много огней горит в недрах земли.

231 (В 22)

ст. 1—9: СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 160, 28 сл.; ст. 6—7:

ТЕОФРАСТ. Об ощущениях, 16

Все они в ладу с самими собой своими частями:

Электор [Лучезарный], Хтон [Земля], Небо и Море, —

Все их части, которые заблудились в смертных существах.

Точно так же и все [из разнородных частиц], что в большей мере пригодны
к смешению,

5 Любят друг друга, уподобленные [друг другу] Афродитой.

Наиболее враждебны [друг другу] те, что больше всего различаются между
собой

Породой, смесью и оттиенутыми формами.

Совершенно неприноровленные к соединению [~ соитию] и чрезвычайно
угрюмые
По наущению Распри, ибо лишены взаимного влечения и равнодушны
к рождению.

233 (0)

ПЛУТАРХ. Деметрий, гл. 5, 890 е—f: Подобно тому как между элементами Эмпедокла имеется рознь и война, и особенно между соседними и касающимися друг друга, так и между всеми диадохами Александра шла непрерывная война, но близость дел и стран делали ее еще заметнее и разжигали еще больше между некоторыми диадохами.

234 (А 35)

Мнения философов, II, 7, 6 («О порядке космоса»): По Эмпедоклу, места элементов не всегда неизменны и определены, но все они занимают места друг друга.

235 (А 35)

АХИЛЛ. Введение, гл. 4, с. 34, 20 сл.: Эмпедокл не приписывает элементам определенных мест, но утверждает, что они взаимно уступают [свои места], так что и земля не-
ется ввысь и огонь — вниз.

240 (В 39)

ст. 1—3: АРИСТОТЕЛЬ. О небе, В 13. 294 а 25 сл.; ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ. О Метиссе, Ксенофане, Горгии, 2, 21. 976 а 35 сл.; ст. 2—3: КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, VI, 149, с. 508, 24 сл.

. . . Будь бесконечны глубины Земли и Эфир изобильный,
Как с языка сорвалось и из уст излилось впустую
Многих людей, ничтожную часть Вселенной выдавших.

242 (ср. А 67)

АРИСТОТЕЛЬ. О небе, В 13. 295 а 9 сл.: Поэтому если сейчас Земля покоится насильственно, то и вихревое движение, благодаря которому ее части собрались в центр, тоже было насильственным. Именно его все считают причиной, основываясь на наблюдении вихрей, происходящих в жидкостях и в воздухе: в них более крупные и более тяжелые тела всегда устремляются к центру вихря. По мнению тех, кто считает мир возникшим, им-то и объясняется, почему Земля собралась [в центр, а] причину того, что она остается на месте, им приходится искать. При этом одни объясняют неподвижность Земли указанным выше образом и видят причину в ее плоской форме и величине, а другие, как Эмпедокл, — тем, что вращательное движение неба быстрее движения Земли и потому препятствует ее падению; нечто подобное, по их словам, происходит с водой в ковшах: при движении ковша по кругу вода много раз оказывается под медью, но по той же самой причине не падает вниз, хотя от природы [ей] свойственно падать.

243 (0)

АРИСТОТЕЛЬ. О небе, Г 2. 300 в 2 сл.: Если же то, что препятствует движению Земли, нечто движущееся, как утверждает Эмпедокл, по словам которого Земля покоится под действием вихря, то спрашивается: куда бы она двигалась, [если бы вихрь не препятствовал], раз в бесконечность двигаться невозможно?

244 (ср. 13 А 7)

ПЛАТОН. Федон, 99 b: Поэтому один помещает Землю в центр вихря и заставляет небо удерживать ее в покое, другой подпирает ее воздухом, представляя ее широким корытом.

250 (А 51)

Мнения философов, II, 11, 2 («О сущности неба»): По Эмпедоклу, небо твердое, состоящее из воздуха, замерзшего под действием огня, ледообразное; в каждом из двух полушарий оно содержит огнистое и воздушное вещество.

251 (А 51)

АХИЛЛ. Введение к «Феноменам» Арата, гл. 5, с. 34, 29: Эмпедокл полагает его [=небо] ледообразным, сплотившимся из замерзшего вещества.

252 (ср. А 51)

Схолии к «Шестодневу» Василия Великого, XXII, 20 b с: Одни полагали субстанцию небес огненной, Эмпедокл — замерзшей водой и как бы ледяной оболочкой, иные — смесью 4 элементов, иные — из 5-го элемента.

253 (А 51)

ЛАКТАНЦИЙ. О творении Божьем, 17, 6: Если бы мне сказали, что небо медное, или стеклянное, или, как говорит Эмпедокл, из заледеневшего воздуха, ужели бы я тотчас согласился?

260 (А 69)

ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ. Проблемы, 24, 11. 937 а 11 сл.: Почему камни затвердевают скорее от горячей, нежели от холодной воды? Потому ли, что камень образуется в результате обезвоживания, вода же испаряется скорее под действием тепла, нежели под действием холода; так и окаменение происходит вследствие тепла? Именно так, по словам Эмпедокла, образуются скалы, камни и горячие источники.

261 (А 69)

ПЛУТАРХ. О первичном холоде, гл. 19. 953 E: Эмпедокл полагает, что эти вот видимые горы, скалы и утесы стоят и поддерживаются огнем, палящим в недрах земли.

300 (А 53)

Мнения философов, II, 13, 2 («О сущности звезд»): По Эмпедоклу, огненные, из огнистого вещества, которое воздух содержал в себе и выдавил во время первоначального разделения.

302 (А 54)

Мнения философов, II, 13, 11 («О сущности звезд»): По Эмпедоклу, неподвижные звезды прикреплены к ледяному небосводу, а планеты парят свободно.

305 (А 60)

Мнения философов (Стобей), II, 25, 15 («О сущности Луны»): По Эмпедоклу, сгущенный воздух, облакообразный, замерзший от огня, стало быть смешанный.

306 (А 60)

ПЛУТАРХ. О лице на Луне, гл. 5, 922 С. А ведь они [=стойки] негодуют на Эмпедокла за то, что он полагает Луну воздухом, замершим наподобие града и окруженным сферой огня.

307 (А 60)

ПЛУТАРХ. Римские вопросы, 101, 288 В: В полнолуние луна имеет не шарообразную, а чечевицеобразную и дисковидную видимую форму; Эмпедокл же считает, что она такова в действительности.

308 (А 60)

Мнения философов, II, 27, 3 («О форме Луны»): По Эмпедоклу, дисковидная.

310 (А 50)

Мнения философов (Столбей), II, 31, 4 («О расстояниях Луны»): По Эмпедоклу, измерение неба в ширину больше, чем высота от Земли до неба, т. е. линия зенита; в этом измерении небо больше раздалось вширь, так как космос похож на лежащее яйцо.

313 (А 58)

Мнения философов, II, 8, 2 («В чем причина наклона космоса»): По Эмпедоклу, полюсы [неба] наклонились от того, что воздух поддавался порыву Солнца, причем северный поднялся, а южный опустился, вследствие чего — и весь космос.

318 (0)

АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, а 2. 994 а 1 сл.: Ясно, что причины вещей не бесконечны ни в последовательном ряду, ни по виду. Ибо прогресс в бесконечность невозможен ни для материальной причины, например допущение, что мясо возникает из земли, земля — из воздуха, воздух — из огня и т. д. до бесконечности, ни для движущей причины, например допущение, что человек приводится в движение воздухом, воздух — солнцем, солнце — Распрей и что у этого ряда нет конца.

320 (В 38)

КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, V, 48; с. 358, 20 сл.:

Давай я скажу тебе прежде, что равны по могуществу
Те [элементы], из которых родилось все, что мы видим ныне:
Земля, бурное Море, влажный Воздух
И Титан Эфир, охватывающий вкруговую весь мир.

322 (А 56)

Мнения философов, II, 20, 13 («О сущности Солнца»): Эмпедокл полагает, что есть два Солнца: одно — архетипическое (первообраз), представляющее собой огонь в одном полушарии космоса, наполняющий полушарие, всегда находящееся против собственного отражения; другое — видимое отражение [первообраза] в другом полушарии, наполненном воздухом, смешанным с огнем, возникающее вследствие отражения круглой Земли на ледообразном Солнце, каковое [отражение] увлекается движением огненного [полушария]; коротко говоря, Солнце есть отражение окружающего Землю огня.

325 (А 56)

Мнения философов (Стобей), II, 21, 2 («О величине Солнца»): Солнце-отражение равно [по величине] Земле.

327 (ср. В 44)

ПЛУТАРХ. Об оракулах Пифии, гл. 12. 400 В: Платон даже человека назвал небесным растением, растущим из головы, словно из корня, вы же поднимаете на смех Эмпедокла, утверждающего, что Солнце возникает в результате отражения вокруг Земли небесного света [следует фр. 328].

328 (В 44)

ПЛУТАРХ. Там же; ГАЛЕН. Об употреблении частей человеческого тела, III, 3; т. I, е. 133, 18:

[Солнце] отсвечивает напротив Олимпа с бестрепетным ликом.

330 (ср. А 57)

АРИСТОТЕЛЬ. О душе, В 7. 418 в 13: Итак, что́ есть прозрачное и что́ есть свет, сказано, [причем установлено], что [свет] не есть ни огонь, ни вообще тело, ни истечение какого-либо тела (ибо в этом случае он также был бы телом), но присутствие огня или чего-то подобного в прозрачной среде. В самом деле, два тела не могут находиться в одном и том же месте и свет представляется противоположностью темноты. Между тем темнота есть отсутствие такого положительного свойства из прозрачной среды, откуда ясно, что его присутствие и есть свет. Следовательно, неверно утверждение Эмпедокла, равно как и всякого, кто утверждал таким образом, что-де свет движется и в какой-то момент оказывается [в пространстве] между Землей и объемлющим [космос небосводом], мы же его не замечаем: это противоречит как логической очевидности, так и явлениям. Еще в малом пространстве он мог бы остаться незаметным, но утверждение, что свет остается незаметным [на огромном пространстве] от востока до запада, — слишком смелый постулат.

331 (А 57)

ФИЛОПОН. Комм. к «О душе», с. 344, 34 сл.: . . . Эмпедокл, который говорил, что свет, будучи телом и истекая от светящего тела, оказывается сначала в пространстве между небом и Землей, а потом достигает нас, но мы не замечаем этого его движения вследствие скорости.

332 (ср. А 57)

АРИСТОТЕЛЬ. Об ощущении, 6.446 а 20 сл.: Вот проблема: достигают ли предметы чувственного ощущения или вызываемые ими движения (в зависимости от того, каким образом происходит ощущение), сначала промежуточного пространства? Это очевидно в случае с запахом и звуком, поскольку запах раньше ощущает тот, кто находится ближе, равно как и звук доходит после удара. Не обстоит ли дело таким же образом и с видимым, и со светом, как это утверждает Эмпедокл, полагающий, что свет от Солнца достигает сначала промежуточного пространства, прежде чем он достигнет зрения или Земли? Казалось бы, это правдоподобно. . .

333 (А 57)

Афинский кодекс 1249 (Оптический трактат), л. 110^о: Согласно второму воззрению, свет есть тончайшее пламя, извергаемое светящимся телом и обладающее огромной скоростью. Это воззрение, по-видимому, принадлежит Эмпедоклу. В доказательство они приводят следующие аргументы: чему присущи свойства тела, то само есть тело, однако свету свойственно отражаться и раздробляться, а это свойства исключительно тела, следовательно, свет есть тело.

334 (А 88)

Мнения философов, IV, 14, 1 («О зеркальных изображениях»): По Эмпедоклу, истечения, которые сходятся на поверхности зеркала и сплавиваются огнистым веществом, выделяющимся из зеркала и сгущающим находящийся перед зеркалом воздух, в который движутся истечения.

335 (В 109 а)

Оксириинский парирус 1609, т. XIII, с. 95 сл. (recto, стб. II, 9—21): . . . Но кажется, что видимое изображение — там [=в зеркале]. Ведь мы видим [его] не на самом зеркале, но [происходит] отражение [от зеркала], направленное к смотрящему. Об этом сказано в комментарии к «Тимею». Однако «отображение» (εἴδωλον) не следует понимать в том смысле, как [понимали этот термин] Демокрит и Эпикур или как сказал бы Эмпедокл, что-де от каждого из предметов, отражающихся в зеркале, исходят истечения и . . .

336 (А 50)

Мнения философов, II, 1, 4 («О космосе»): По Эмпедоклу, орбита Солнца очерчивает границу космоса.

337 (В 41)

МАКРОБИЙ. Сатурналии, I, 17, 4^б; Выборки различных слов в: Anecdota Graeca Oxoniensia, т. II, с. 444, 31 (под словом «Солнце»); Большой этимологик, 426, 54—427, 1 (под словом «Солнце»); Гудманский этимологик, 241, 22 сл. и 241, 46 сл. (под словом «Солнце»); СУДА, II, 564, 5 (под словом «Солнце»).

Сгрудившись в кучу, оно обхаживает великое небо. . .

338 (А 58)

Мнения философов, II, 23, 3 («О солнцеворотах»): По Эмпедоклу, постоянному прямому пути Солнца мешают содержащая его сфера и круги тропиков.

339 (А 50)

Мнения философов, II, 10, 2 («Какая сторона космоса правая, какая — левая?»): По Эмпедоклу, правая сторона космоса находится в области летнего тропика, левая — в области зимнего.

340 (ср. В 48)

ПЛУТАРХ. Платоновские вопросы, VIII, 3, 1006 E: Так и гномоны [=вертикальные стержни] солнечных часов не перемещаются вместе с тенью, но, оставаясь неподвижными, служат инструментами для измерения времени, подражая при этом [неподвижной] Земле, которая загораживает свет Солнца, проходящего под ней в своих обращениях вокруг нее, как говорит Эмпедокл [следует фр. 341].

341 (В 48)

Там же, 1006 F:

Что ж касается ночи, то ее делает Земля, противостоя [~ вставая на пути, загораживая] свету.

342 (0)

ПЛУТАРХ. О первоначальном холоде, гл. 17. 953 A: Поэты в своих мифах выводят родословие ночи от Земли, а математики доказывают, что ночь есть тень Земли, загораживающей Солнце, ибо Земля наполняет воздух тьмой, как Солнце — светом, поэтому его несвещенная часть соответствует протяженности ночи, — насколько простирается тень Земли.

343 (ср. В 49) + 344 (В 49)

ПЛУТАРХ. Застольные вопросы, VIII, 3 4, 720 E: Будучи темным, по Эмпедоклу, воздух

.ночи пустынной, слепоглазой,

сколько чувствительности отнимает у глаз, столько придает ушам.

360 (В 40)

ПЛУТАРХ. О лице на Луне, гл. 2, 920 C: [Противопоставление ослепительного света Солнца и мягкого света Луны]

Острострелое [рукк.: «быстротелое»] Солнце и кроткая Луна.

362 (В 47)

Anecdota, ed. Bekker, I, с. 337, ¶15:

Лицом к лицу с Владыкой [=Солнцем] она [Луна] пристально смотрит на [его] сияющий круг.

364 (ср. В 42)

ПЛУТАРХ. О лице на Луне, гл. 16. 929 C—E: Отклонения [с орбиты] и отвороты, которыми объясняют, почему Луна бывает половинной, горбатой или серповидной, не могут объяснить [ее] соединения [с Солнцем]; по словам Демокрита, находясь на одной прямой с источником света, она воспринимает солнечный свет, так что предстает являясь очевидным, что, [если бы она была прозрачной], она была бы видна сама и через нее просвечивало бы Солнце. В действительности же ничего подобного с ней не происходит. В эти моменты она и сама не видна, и часто скрывает, и делает невидимым Солнце, «рассеивая его лучи», как говорит Эмпедокл [следует фр. 374, ст. 2—3], словно свет попадает в ночь и тьму, а не [падает на] другое светило. Утверждение Посидония, что свет Солнца не проникает к нам через нее насквозь по причине ее толщины, опровергается со всей очевидностью. В самом деле, воздух, хотя он безмерен и имеет толщину, во много раз превосходящую толщину Луны, весь заливадается солнцем и освещается его лучами. Следовательно, остается теория Эмпедокла, по которой свечение Луны, наблюдаемое на Земле, возникает в результате некоторого отражения Солнца от Луны. Поэтому лунный свет достигает нас не горячим и не ярким, как этого следовало бы ожидать, если бы происходило слияние света двух светил и если бы Луна была воспламенена, но подобно тому, как эхо отраженного голоса

слабее самого голоса и удары отскочивших метательных снарядов мягче, «так и луч. . . [следует фр. 365]» достигает нас в результате отлива слабым и смутным, ибо преломление ослабляет его силу.

365 (В 43)

Там же, 929 Е.

Так и луч, ударившись в широкий круг Луны.

366 (А 60)

Мнения философов (Стобей), II, 28, 5 («О лунном свете»): Фалес первым сказал, что она освещается Солнцем. Пифагор, Парменид, Эмпедокл . . . полагают так же.

367 (ср. В 43)

ФИЛОН АЛЕКС. О провидении, II, 70, с. 92: Quant au scintillement de la lune, ne serait-il pas vain de penser que la lumière qu'elle tient (a reçu) vient du soleil, selon un certain ordre (plan, prévoyance), au lieu que, par nature, elle reçoit sa forme comme dans ce miroir que tu vois, qui tombe sur elle, selon ce que dit Empédocle: «recevant la lumière, le disque lunaire, grand et large, retournant immédiatement, décrit un grand tour, atteignant le ciel en courant» (пер. с арм. Мерсье).

368 (В 45)

АХИЛЛ. Введение к «Феноменам» Арата, гл. 16, с. 43, 6:

Круглый вокруг Земли вращается чужой свет.

370 (ср. В 46)

ПЛУТАРХ. О лице на Луне, гл. 9. 925 В—С: [Луна] настолько ниже звезд, что измерить расстояние невозможно, и, когда вы, математики, пытаетесь его вычислять, вам не хватает чисел. Земли же она, можно сказать, касается и вращается близ нее, как говорит Эмпедокл [следует фр. 371]. Часто она даже полностью покрывается [букв. «не превосходит»] тенью Земли, хотя последняя простирается на небольшое расстояние вследствие огромной величины источника света. Напротив, судя по всему, она блуждает в такой непосредственной близости к Земле, едва ли не в ее объятиях, что загораживается Землей от Солнца, так как не выдается за границы этого тенистого, хтонического и ночного места, доставшегося в удел Земле. Поэтому, думается, мы можем смело утверждать, что Луна находится в пределах Земли, коль скоро она затмевается ее оконечностями.

371 (В 46)

Там же, 925 В. [О Луне]:

Она вращается словно ступица колесницы, которая крайнюю
 <Мету ристалища огибающа. . .> [?];

373 (А 59)

Мнения философов (Стобей), II, 24, 7 («О затмении Солнца»): По Эмпедоклу, затмение [Солнца] происходит от того, что на него напоздает Луна.

374 (В 42)

ПЛУТАРХ. О лице на Луне, гл. 16, 929 С:

она отражает-рассеивая его лучи,
Доколе оно проходит поверх нее [?], и затемняет столько Земли,
Како́ка ширина ясноокой Луны.

377 (А 61)

Мнения философов, II, 31, 1 («О расстояниях Луны»): По Эмпедоклу, расстоянье от Луны до Солнца в два раза больше, чем расстояние от Луны до Земли.

378 (А 55)

АХИЛЛ. Введение к «Феноменам» Арата, гл. 16, с. 43, 2 сл.: [«Порядок 7 сфер»]. Некоторые первым полагают Солнце, второй — Луну, третьим — Сатурн. Однако, по мнению большинства, Луна идет первой, поскольку ее к тому же считают осколком Солнца. Как говорит Эмпедокл [следует фр. 368].

381 (А 65)

Мнения философов, III, 8, 1 («О зиме и лете»): Эмпедокл и стоики полагают, что зима происходит от того, что [в борьбе между холодным воздухом и горячим огнем] побеждает благодаря сгущению воздух и силой прорывается в верхнюю область, а лето — когда побеждает огонь и силой прорывается в нижнюю область.

383 (А 64)

ОЛИМПИОДОР. Комм. к «Метеорологии», I, 13, с. 102, 1 сл.: И что заставляет их [=ветры] двигаться криволинейно? Не земля и огонь в силу присущего им движения в противоположные стороны, как полагал Эмпедокл, а движущийся по кругу воздух.

384 (ср. В 149)

ПЛУТАРХ. Застольные вопросы, V, 8, 2. 683 Е [ср. 591]: [Эмпедокл называет {воздух} «гучесобирателем».

385 (А 63)

АРИСТОТЕЛЬ. Метеорология, В 9. 369 в 12 сл.: [Объясняя происхождение молнии], некоторые говорят, что в облаках зарождается огонь. Эмпедокл говорит, что этот огонь — часть солнечных лучей, запертая в облаках.

387 (А 63)

Мнения философов (Стобей), III, 3, 7 («О громах, молниях, перунах, престогах, ураганах»): По Эмпедоклу, свет падает на облако и проникает в него, вышибивая сопротивляющийся воздух, угасание которого и тресканье производят удар [грома], вспышка — молнию; перун он считает напряжением молнии.

390 (ср. А 66)

ИОАНН ЦЕЦ. Толкование «Илиады», с. 42, 17 сл.: Согласно Эмпедоклу-физику, даже после того как появились земля и море, элементы все еще двигались беспорядочно и те одерживал верх и [все] сжигал огонь, то влажная стихия выходила из берегов

и [все] затопляла. Также и Солнце, по его же словам, в силу беспорядочности и неустойчивости движения совершало свой дневной путь за столь долгий срок, что он равнялся нынешнему семимесячному периоду. Вот почему, по его словам, семимесячные младенцы рождаются живыми. А эта Распря, как мы сказали, была беспорядком и смешением элементов.

393 (ср. В 55)

АРИСТОТЕЛЬ. Метеорология, В 1. 353 б 11: Некоторые из них говорят, что море как бы пот, выделяемый нагреваемой солнцем землей, потому-де оно и соленое — ведь пот тоже соленый.

394 (В 55)

АРИСТОТЕЛЬ. Метеорология, В 3. 357 а 25 [ср. фр. 395]: [Море] — «пот земли».

395 (А 66)

Мнения философов (Псевдо-Плутарх), III, 16, 3 («О море, как оно возникло и почему соленое»): По Эмпедоклу, пот обжигаемой солнцем земли, [который выделяется] вследствие еще большего сжатия.

398 (В 56)

ГЕФЕСТИОН. Руководство, I, с. 2, 13:

Затвердела, [~замерзла] соль, стиснутая под напором солнца.

400 (В 151)

ПЛУТАРХ. О любви, гл. 13, 756 E:

Жизнедательница Афродита.

401 (ср. В 19)

ПЛУТАРХ. О первоначальном холоде, гл. 16. 952 В: Как представляется, вода сама по себе и изначально холодная . . . и вообще огонь обладает свойством разъединять и разделять, а вода — склеивать и скреплять, так как она связывает и стискивает благодаря влажности. Поэтому Эмпедокл и дал нам аллегорическое толкование, называя всякий раз огонь «гибельной Распрей», а влагу «связующей Любовью».

402 (В 19)

Там же, 952 В:

«связующую Любовь».

403 (ср. В 18)

ПЛУТАРХ. Об Исиде и Осирисе, гл. 48. 370 D:

Эмпедокл называет благотворное начало

Любовью (Филотес),

Дружбой (Филия), а часто и

Степенноокой Гармонией (Ладом).

406 (В 32)

ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ. О неделимых линиях, 972 б 29: Сочленение в каком-то смысле есть различие. Поэтому Эмпедокл сочинил:

Два [члена] связует сустав . . . [?]

408 (ср. В 33)

ПЯУТАРХ. О множестве друзей, гл. 5. 95 А: Таким образом, так называемая полифилия [=дружба со многими] оказывается чем-то противоположным <дружбе> [между двумя]. Последняя сводит воедино, скрепляет и удерживает вместе, слячивая общением и доброжелательством [следует фр. 408], по словам Эмпедокла, ибо дружба стремится создать такого рода единство и сплоченность, а полифилия разъединяет, отрывает и отвращает [друзей друг от друга], ибо, отзывая назад и перенося то к одному, то к другому [другу], она не дает произойти слиянию и спайке благожелательности в пропитанном и затвердевшем приятельстве.

409 (В 33)

Там же, 95 А:

Словно когда сычужина сбивает и слячивает [= створаживает] белое молоко.

410 (В 86)

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «О небе», с. 529, 23:

Из коих [=элементов] божественная Афродита смастерила неослабные [=зоркие] глаза.

411 (В 87)

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «О небе», с. 529, 25:

Сработавшая [глаз из элементов] гвоздями любви Афродита.

415 (В 84)

АРИСТОТЕЛЬ. Об ощущении, гл. 2. 437 b 26; Парафраза: АЛЕКСАНДР АФРОДИС. Об ощущении, с. 23, 8 сл.; ст. 8 (конец): |ЕВСТАФИЙ. Комм. к «Одиссее», к I, 69; а. 21, 33 (1392, 39); к XX, 18, с. 224, 5 (1881, 28).

Словно как некто, собираясь в дорогу, снаряжает светильник, — Свет огня, пылающего в ненастную ночь, —

Приладив в ветреную погоду стенки фонаря из тонкой ткани,

Которые рассеивают дуновение веющих ветров,

Тогда как огонь — тот, что потоньше, — проскакивает наружу

И светит на пороге [?] неослабными лучами,

Так и в те времена, заперев внутри оболочек первобытный огонь, [Афродита] спрятала круглооую девочку [=зрачок] за тонкими

полотнами,

Которые закупорили толщу обтекающей [глаз] воды,

Тогда как огонь — тот, что потоньше, — проскакивал наружу.

416 (А 91)

АРИСТОТЕЛЬ. Об ощущении, гл. 2. 437 b 9 сл.: Глаз видит самого себя так же, как и при отражении. Ибо если бы он был огнем, как говорит Эмпедокл и как написано в «Тимее», и зрение происходило бы путем исхождения света, словно из фонаря, то почему бы глаз не видел и в темноте?

417 (В 88)

АРИСТОТЕЛЬ. Поэтика, гл. 21, 1458 а 5; СТРАБОН, VIII, с. 364:

... Зрение обоих [глаз] сливается в одно.

420 (А 86)

ТЕОФРАСТ. Об ощущениях, 1 сл.; 7 — 24:

(1) В своем большинстве и в целом теории ощущения сводятся к двум: одни объясняют [ощущение] принципом подобия, другие — принципом противоположности [органа и объекта ощущения]. Парменид, Эмпедокл и Платон — принципом подобия, последователи Анаксагора и Гераклита — принципом противоположности . . .

(2) . . . О каждом ощущении в отдельности прочие почти умалчивают, Эмпедокл же пытается и их возвести к подобию.

(7) Эмпедокл обо всех ощущениях полагает одинаково: а именно он утверждает, что ощущение происходит благодаря подогнанности [~прилаженности] [объектов ощущения] к порам каждого [органа чувств]. Потому-то одни [из органов чувств] и не могут различить объекты других, так как у одних поры слишком широки, у других слишком узки по сравнению с воспринимаемым объектом, так что одни объекты проникают [в поры] с легкостью, не задевая их, а другие вовсе не могут войти.

Пытается он объяснить и зрение — что оно собой представляет? — и утверждает, что внутренняя часть [глаза] состоит из огня, а то, что его окружает, — из земли и воздуха, через которые он благодаря тонкости [своих частиц] проходит насквозь, как свет в фонарях. Поры огня и воды расположены поочередно, из них порами огня распознается белое, а порами воды — черное, так как к одному подходит [~подогнанно] одно, к другому — другое. Двигутся же цвета к глазу вследствие истечения.

(8) Все глаза состоят из противоположных [элементов], но не все одинаково [устроены]: у одних огонь — в середине, у других — во внешней области. Вот почему у одних животных зрение острее днем, у других — ночью: те, что имеют меньше огня, — днем, так как внутренний свет у них компенсируется внешним, а те, что наоборот, — ночью, так как у них восполняется недостающее. Заметим, что и то и другое [обострение зрения] происходит в противоположной среде, ибо [в подобной среде] притупляется зрение и у тех, у кого избыток огня: увеличившись еще больше днем, огонь затыкает и запирает поры воды. А у кого избыток воды, с теми то же самое происходит ночью, так как огонь запирается водой. И так до тех пор, пока в одном случае не выделится под действием внешнего света [забившая поры] вода, а в другом под действием [влажного] воздуха не выделится [забивший поры] огонь. Исцелением и от того, и от другого служит [его] противоположность. Лучший глаз, с наилучшей пропорцией смеси, тот, который состоит из обеих [противоположностей] в равных количествах. Вот, пожалуй, и все, что он говорит о зрении.

(9) Слуховое восприятие вызывается звуками извне: всякий раз как [приведенное в движение голосом звучит * * * внутри. Ухо, которое он называет «мясным суком», как бы колокольчик, звучащий в унисон. Приведенное в движение, оно гонит воздух в грудь и приводит в звук.

Обоняние опосредовано вдыханием, поэтому самым тонким обонянием обладают те, у кого дыхательное движение наиболее интенсивно. Самый сильный запах исходят [=испускают в виде истечений] тонкие и легкие тела.

Относительно вкуса и осязания в отдельности он не определяет ни как, ни почему они происходят, за исключением общего принципа, по которому ощущение опосредовано «подогнанностью» [объектов ощущения] к порам.

Удовольствие опосредовано [восприятием подобного элемента] подобным, как по частям, так и в смеси, страдание — противоположным.

(10) Точно так же он полагает о соображении и непонимании: соображают подобными [элементами], не понимают неподобными, так что соображение оказывается либо тождественным ощущению, либо похожим на него. В самом деле, перечислив, что каждый [элемент] мы познаем им же самим, он под конец добавил, что [следует фр. 523]. Поэтому соображение [~сознание] находится преимущественно в крови, так как именно в ней элементы частей [?] могут быть смешаны наилучшим образом.

(11) Таким образом, у кого [частицы элементов в крови] смешаны в равных или приблизительно равных количествах и не разделены большими промежутками, равно как не слишком малы и не слишком велики по размеру, те самые умные и обладают тончайшими ощущениями. Соответственно и те, кто к ним всего ближе. А у кого [элементы в крови смешаны] противоположным образом, те самые глухие.

И у кого элементы разрезаны и редко расставлены, те тупые и выносливые, а у кого часто и раздроблены на мелкие частицы, те вспыльчивы и порывисты; они за многое берутся, но мало что доводят до конца по причине стремительности движения крови. У кого золотая середина в смешении [элементов наблюдается] в одном каком-нибудь органе, те искусны именно им, поэтому одни — хорошие ораторы, другие — ремесленники, так как у одних [правильное] смешение имеется в руках, у других — в языке; то же и с другими способностями.

(12) Так Эмпедокл объясняет ощущение и сознание. Его утверждения сопряжены со следующими трудностями. Прежде всего, чем будет отличаться одушевленное от неодушевленного в том, что касается ощущения: ведь [предметы ощущения] «подходят» и к порам неодушевленных вещей. В самом деле, он всякую смесь объясняет соразмерностью (*συμμετρία*) пор: вот почему, по его мнению, оливковое масло не смешивается с водой, а другие жидкости и все вещества, особые смешения которых он перечисляет, [смешиваются]. Откуда следует, что все [тела] обладают ощущением и что смесь, ощущение и рост одно и то же, поскольку он все объясняет соразмерностью пор, если только он не укажет в порядке уточнения какое-нибудь различие.

(13) Далее, в самих же одушевленных существах, заключенный внутри животных огонь должен ощущать ничуть не больше [= с ничуть не большим основанием], нежели внешний огонь, коль скоро они подходят друг к другу: ведь имеется и соразмерность, и подобие. Кроме того, [внутренний огонь] должен обладать каким-то отличием [от внешнего], коль скоро сам он не может заполнять поры, но лишь приходящий извне. Следовательно, если бы он был везде и во всех отношениях одинаков, ощущения бы не было. Другая трудность: заполнены ли поры или пусты? Если они пусты, то получается, что Эмпедокл противоречит самому себе, ибо он утверждает, что пустоты вообще не существует. Если же они полны, то животные ощущали бы постоянно, ибо ясно, что подобное, по его же собственным словам, «подходит».

(14) Позволительно поставить под сомнение саму возможность того, что могут образоваться такие величины [= корпускулы такого размера] инородных [элементов], чтобы «подходить» [к инородным порам]. Между тем, по его же собственным словам, глаза, которым свойственно несоразмерное смешение [элементов], помрачатся от того, что поры залепаются то огнем, то воздухом. Но даже если между ними [= разно-

родными элементами] имеется соразмерность, а поры [постоянно] наполнены однородными [элементами], то как и куда эти [однородные элементы] отступают в момент ощущения? Ведь следует допустить некоторое перемещение [замечаемых элементов в порах]. Так что в любом случае имеются [неразрешимые] трудности: либо необходимо признать существование пустоты, либо допустить, что все животные постоянно ощущают все [элементы], либо утверждать, что неоднородный [элемент] «подходит» [к порам], не вызывая при этом ощущения и не имея перемещения, свойственного тем [элементам], которые [ощущение] вызывают.

(15) Далее, даже если подобное не подходит [собств. «не входит плотно в паз»], а лишь касается в любой точке, то логично, чтобы [и в этом случае] возникало ощущение. В самом деле, Эмпедокл объясняет познание двумя факторами: подобием и касанием, поэтому он и употребляет термин «подходить». Поэтому, если меньшее коснется большего, будет и ощущение. В то же время, по его же собственным утверждениям, принцип подобия совершенно исключается и достаточно одной только соразмерности: по его словам, взаимного ощущения [двух тел] не происходит потому, что у них несоразмерные поры, а подобно или неподобно истечение, этого он дополнительно не определил. Поэтому либо ощущение не зависит от подобия, либо отсутствие восприятия не есть следствие некоторой несоразмерности, и причем все ощущения и все ощущаемые [объекты] должны иметь одинаковую природу.

(16) Его объяснение удовольствия и страдания столь же непоследовательно. Удовольствие он объясняет подобием [субъекта и объекта], страдание — противоположностью. «Они враждебны, — говорит он, — и потому

весьма различны между собой
Породой, смесью и лепными формами».

В самом деле, удовольствие и страдание они полагают некоторыми ощущениями или сопряженными с ощущением и, следовательно, [ощущения] не у всех вызываются подобными [объектами]. Кроме того, если сродные [тела] в особенности вызывают удовольствие при касании, как он утверждает, то сращенные [в одно тело члены] испытывали бы величайшее удовольствие и целиком ощущали бы [друг друга], поскольку он объясняет ощущение и удовольствие одними и теми же причинами.

(17) А между тем во время ощущения мы часто испытываем страдание в силу самого ощущения, а по словам Анаксагора, всегда, ибо, по его мнению, всякое ощущение сопряжено со страданием.

Другая трудность связана с ощущениями, обусловленными количественными различиями [=различиями степени], поскольку, [по Эмпедоклу], познание осуществляется подобным [объекту элементом субъекта]. В самом деле, коль скоро глаз, по его мнению, состоит из огня и его противоположности, то он мог бы познавать белое и черное посредством подобных [элементов], а вот серое и другие смешанные цвета — как [он различит]? Ясно, что и не порами огня, и не порами воды, других же пор, смешанных из обоих [этих элементов] он не признает. Однако мы видим эти цвета ничуть не хуже простых.

(18) Абсурдно также его объяснение того факта, что одни животные лучше видят днем, другие — ночью. Меньший огонь уничтожается большим, поэтому мы не можем смотреть прямо на Солнце и вообще на чистый огонь. Следовательно, те животные, которым в большей мере недостает [внутреннего] света, должны были бы хуже видеть днем. Или же коль скоро подобное «со-умножает», как он выражается, а противополо-

ложное уничтожает и препятствует, то белые предметы все [животные] должны были бы лучше видеть днем — и те, у кого меньше, и те, у кого больше [внутреннего] света, а черные — ночью. На самом же деле все всё лучше видит днем, за исключением немногочисленных животных. В случае с этими животными разумно предполагать, что эта их способность объясняется их собственным огнем; так, у некоторых [животных] даже цвет [глаз] сильнее светится ночью.

(19) Далее, у тех [животных], у которых смесь [составляющих глаз элементов] состоит из равных по количеству [компонентов], каждый из двух [противоположных элементов — огня и воды] по необходимости должен со-умножаться [за счет подобного ему внешнего элемента] поочередно. Таким образом, раз избыток каждого из двух [противоположных элементов] мешает видеть, то состояние [зрения] всех [животных] было бы примерно одинаковым. Однако дифференцировать особенности зрения [различных животных] в таком случае будет труднее.

Что ж касается объектов других ощущений, то каким образом мы сможем различать их посредством подобного? Ведь подобное неопределенно. В самом деле, [мы не воспринимаем] ни звук звуком, ни запах запахом, ни что-либо иное однородным, но скорее, так сказать, противоположным. Ощущение следует наводить на [предмет ощущения] неаффицированным. Если же в ушах наличен звук, на языке — вкус, а в органе обоняния — запах, то все ощущения становятся тем более притупленными, чем более наполнены подобными [восприятиями], если только в отношении этих [органов чувств] не будет указано какое-либо разграничение.

(20) Далее, что касается теории истечения, то, хотя она и несостоятельна, все же в отношении прочих ощущений ее еще можно как-то принять, а в отношении осзания и вкуса нелегко. В самом деле, каким образом мы станем различать шероховатое и гладкое благодаря истечению? И как они могут «подходить» к порам? Судя по всему, единственный элемент, от которого происходят истечения, — огонь, и больше ни от одного другого. Далее, раз увядание [~истощение] происходит вследствие истечения — а он ссылается на этот факт как на самое общее подтверждение того, что и запахи тоже образуются путем истечения, — то [существа], обладающие самым сильным запахом, должны были бы гибнуть скорее всего. В действительности же дело обстоит почти наоборот: самые пахучие растения и другие [живые существа] — самые долговечные. [Из теории истечения] вытекает еще одно [нелепое] следствие: выходит, что в эпоху Любви вообще нет ощущения или оно слабей, [чем в эпоху Распри], так как тогда происходит аккреция и отсутствуют истечения [от тел].

(21) Когда он объясняет слух внутренними звуками, то [с его стороны] нелепо полагать, будто он выяснил, как мы слышим, сравнив внутренний звук с колокольчиками. Допустим, что внешние звуки мы слышим колокольчиками, но чем мы слышим звучание самого колокольчика? Проблема остается той же.

Нелепо также его объяснение обоняния. Прежде всего указанная им причина не универсальна, так как некоторые из обладающих обонянием [животных] вовсе не дышат. Затем наивно утверждать, что лучше всего обоняют те, кто больше всего втягивает [воздуха при вдохе]: пользы от этого никакой, если орган не здоров или почему-либо не раскрыт. У многих он закупорен, и они вовсе ничего не ощущают. Кроме того, страдающие одышкой, больные и спящие в таком случае ощущали бы запахи лучше [прочих], ибо у них самый глубокий вдох. На деле же наоборот.

(22) Вероятно, дыхание — причина обоняния не существенная, а акцидентальная, как это подтверждается на примере других животных и упомянутых выше состояний.

А то, что он снова повторил в конце, словно скрепляя печатью сказанное, что-де это-то и есть причина [следует фр. 556], так это неверно. Равно как неверно и то, что лучше всего обоняются легкие тела: [телу мало быть легким], надо еще, чтобы в нем содержался запах. Так, воздух и огонь — самые легкие тела, однако не вызывают ощущение запаха.

(23) Аналогичные трудности возникают и в связи с сознанием (*φρόνησις*), коль скоро он отождествляет предмет сознания и ощущения. В таком случае все существа будут причастны сознанию. И каким образом сознание может быть одновременно опосредовано и качественным изменением [субъекта] и воздействием подобного [объекта]? Ведь подобное не изменяется под действием подобного. А то, что сознание — в крови [собств. «то, что сознают кровью»], — это уж вовсе нелепо: многие животные бескровны, а у обладающих кровью органы чувств как раз самые обескровленные. Кроме того, в таком случае и кость, и волос обладали бы ощущением, поскольку они состоят из всех элементов. И выходит, что сознание, ощущение, удовольствие, [с одной стороны], и страдание и неосознание — [с другой], одно и то же, так как оба [по следних состояния] он объясняет неподобием [субъекта и объекта]. В таком случае неосознание должно было бы сопровождаться страданием, а сознание — удовольствием.

(24) Нелепо также утверждать, что способности зависят от состава кровяной смеси в органах, как если бы язык был причиной красноречия, а руки — мастерства, а не занимали бы [подчиненного] положения орудий. Поэтому скорее уж следовало бы объяснять [способности] морфологией [органов], а не составом крови, которая лишена сознания, поскольку другие животные/[в этом отношении] ничем не отличаются [от человека].

Итак, Эмпедокл, судя по всему, совершает много ошибок.

421 (0)

ТЕОФРАСТ. Об ощущениях, 91: [критика теории Платона]. Его учение о цветах почти не отличается от учения Эмпедокла: в самом деле, утверждение «корпускулы соразмерны зрительному лучу» равнозначно утверждению «они подогнаны к порам».

425 (A 87)

АРИСТОТЕЛЬ. О возникновении и уничтожении А 8. 324 b 26 сл.: По мнению одних, всякое [тело] претерпевает воздействие в силу того, что через некие поры в него проникает ближайшее к нему [в цепи двигателей] действующее начало, т. е. деятель в собственном смысле; именно так, утверждают они, мы видим, слышим и ощущаем всеми прочими органами чувств. Кроме того, они утверждают, что видимость через воздух, воду и другие прозрачные тела объясняется тем, что в них имеются невидимые следствия малости, но расположенные частыми рядами поры, причем, чем прозрачнее тела, тем больше у них пор. Одн., стало быть, в том числе Эмпедокл, объясняли строение некоторых тел так, причем это объяснение они распространили не только на действие и страдание, но также и на образование смеси: они утверждают, что смешиваются те тела, поры которых соразмерны друг другу.

430 (A 92)

ПЛАТОН. Менон, 76 с 4: (Сократ). Хочешь я отвечу тебе по Горгию, так чтобы тебе легче всего было следить [за ходом моей мысли]? — (Менон). Хочу, как же нет? — (Сократ). Стало быть, вы полагаете некие истечения от вещей, следуя Эмпедоклу? —

(Менон). Совершенно верно. — (Сократ). И некие поры, в которые и через которые проходят истечения? — (Менон). Именно так. — (Сократ). Причем, одни истечения, во-вашему, подходят к некоторым порам, а другие оказываются меньше или больше? — (Менон). Так оно и есть. — (Сократ). И ты признаешь нечто, называемое «зрением»? — (Менон). Да. — (Сократ). Вот из этих [посылок] и «уразумей, что я тебе говорю», как сказал Пиндар. Цвет есть истечение фигур, соразмерное зрению и чувственно воспринимаемое.

431 (А 90)

Мнения философов (Стобей), IV, 13, 4 («О зрении»): Эмпедокл предоставляет возможность различных толкований. Одни его высказывания говорят в пользу теории [зрительных] лучей, другие — в пользу теории призраков (εἰδῶλα), причем вторых больше, так как он допускает истечения.

432 (А 90)

Мнения философов, IV, 9, 6 («Истинны ли ощущения и представления»): Парменид, Эмпедокл, Анаксагор, Демокрит, Эпикур, Гераклид полагают, что отдельные ощущения обусловлены соразмерностью пор, причем к каждому органу чувств подходит [~ прилажен] соответствующий род чувственно воспринимаемых объектов.

433 (ср. А 69 а)

ТЕОФРАСТ. Об ощущениях, 59: Кроме того, они [=Анаксагор и Эмпедокл] объясняют голос как движение воздуха и запах как некое истечение. Эмпедокл толкует также о цветах, полагая, что белый цвет — свойство огня, а черный — воды. Другие же ограничились утверждением, что белое и черное — начала, а прочие цвета возникают из их смешения.

434 (ср. В 94)

ПЛУТАРХ. Естественнонаучные вопросы, 39: Почему вода на поверхности кажется белой, а на дне — черной? Потому ли, что глубина — мать черноты, так как она приглушает и губит солнечные лучи прежде, нежели они спустятся до нее? Поверхность же должна воспринимать сияние света, поскольку она постоянно подвергается воздействию Солнца. Это подтверждает и Эмпедокл [следует фр. 435].

435 (В 94)

Там же:

И на дне реки цвет [воды] черный от тени,
И в пещеристых гротах наблюдается также.

436 (А 92)

Мнения философов, I, 15, 3 («О цветах»): Эмпедокл определил цвет как то, что подобно к порам органа зрения. Различия цветов обусловлены определенными смесями элементов, различия [в окраске] животных — разнообразием пищи. [Основных] цветов четыре, по числу элементов: белый, черный, красный, желтый.

437 (0)

ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ. Проблемы, 14, 14. 910 а 12 сл.: Почему жители южных стран чаще бывают черноглазыми? Первая возможность: голубыми глаза бывают от избытка внутреннего тепла, черными — от его отсутствия, как утверждает и Эмпедокл. Подобно тому как у жителей севера голубой цвет глаз обусловлен тем, что внеш-

ний холод препятствует ускользанию внутреннего тепла, так у жителей юга [внутренняя] влага не ускользает вследствие окружающего тепла; при этом тепло ввиду отсутствия каких-либо преград ускользает, а оставшаяся влага дает черный цвет, так как из-за отсутствия света остающаяся влага темного цвета. Вторая возможность: цвет глаз уподобляется цвету остального тела. Поэтому у светлых северян глаза голубые, поскольку этот цвет близок к белому, а у смуглых южан и глаза тоже черные.

438 (ср. А 91)

АРИСТОТЕЛЬ. О возникновении животных, Е 1. 779 b 12 сл.: Следует установить в общем и целом причины различия глаза: почему одни голубые, другие голубовато-серые, третьи как у козы, четвертые черноокие. Предполагать, что голубые состоят из огня, как это утверждает Эмпедокл, а черные содержат больше воды, чем огня, и что поэтому одни, т. е. голубые, теряют остроту зрения днем от недостатка воды, а другие, [т. е. черные], — ночью от недостатка огня, неверно, поскольку следует полагать, что зрение во всех случаях основано не на огне, а на воде. Кроме того, различие цветов можно объяснить и иначе.

439 (В 95)

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «О небе», с. 529, 27: И объясняя, почему одни лучше видят днем, а другие — ночью, он говорит:

Когда в ладонях Киприды они [= глаза] впервые срачивались [из элементов] . .

440 (ср. В 99)

ФИЛОПОН. Комм. к «О душе», с. 355, 17: Ударяемый с выпуклой стороны, колокольчик звенит дольше, если его подвесить на тонком ремешке. Причина та же: ударяемый, он движется, а движимый, движет и заключенный в полостях воздух, который, в свою очередь, в течение долгого времени носится туда и сюда, и, сталкиваясь с медью, продлевает звук. . и это потому, что резонатор, если его не поколебать, не будет колебать внутренний воздух.

443 (А 93)

Мнения философов, IV, 16, 1 («О слухе»): Эмпедокл полагает, что слуховое ощущение возникает в результате напора воздушного потока на хрящ, который, по его словам, подвешен внутри уха; при этом он болтается и ударяется словно колокольчик.

450 (В 71)

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «О небе», с. 530, 1 сл.:

Если же ты почему-либо недостаточно удостоверился в этом,
 Как от смешенья Воды, Земли, Эфира и Солнца
 Родились [многообразные] формы и окраски смертных [сущест],
 Такие и столько, каких и сколько их существует ныне, слаженных
 [~ сколоченных, смастеренных] Афродитой.

452 (В 34)

АРИСТОТЕЛЬ. Метеорология, Δ 4. 382 а 1 сл.; ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ. Проблемы, 21, 22. 929 b 16 сл.; АЛЕКСАНДР. Комм. к «Метеорологии», с. 199, 6; ОЛИМПИОДОР. Комм. к «Метеорологии», с. 297, 19:

[Словно как некто]. . ячменную муку.
 Склеив водою. . [затем печет на огне] [?]

454 (В 73)

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «О небе», с. 530, 6 сл.:

... Так и тогда Киприда, смочив Землю в Ливне,
Суетливо работая, дала скрепить [вылепленные] формы резвому Огнию.

459 (ср. А 34)

ГАЛЕН. Комм. к «О природе человека» Гиппократа, I, 3. с. 19, 7 сл.: Еще раньше них [=стоиков] Эмпедокл полагал, что природа сложных тел образуется из четырех непревращаемых элементов. При этом первоэлементы перемешаны между собой так, как если бы кто-нибудь, тщательно растерев в порошок ярь-медянку, халцит, кадмию [каламин] и купорос [?], смешал бы их так, что ни один из этих [минералов] невозможно было бы употребить [в качестве припарки] отдельно от другого

460 (А 78)

Мнения философов (Псевдо-Плутарх), V, 22, 1 («Из каких элементов состоит каждая из содержащихся в нашем теле родовых частей [=тканей]»): Согласно Эмпедоклу, мясо рождается из четырех элементов, смешанных в равной пропорции, жиры — из смеси огня и земли с двумя частями воды; ногти у животных рождаются из жил, замороженных в меру соприкосновения с воздухом; когти — из двух частей воды и двух частей земли и четырех огня, причем эти части смешались внутри земли; пот и слезы образуются от плавления крови, которая становится разреженной вследствие утончения.

461 (В 98)

Ст. 1—5: СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 32, 6 сл.; ст. 1: Там же, 331, 5:

Становясь на якорь в совершенно-законченных гаванях Киприды,
Земля случайно оказывалась либо точь-в-точь равной им [по количеству]:
Гефесту [=Огнию], Ливню и сверкающему Эфиру,
Либо немного больше, либо немного меньше:
Из них родились кровь и прочие виды плоти.

462 (В 96)

Ст. 1—4: СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 300, 21 сл.; ст. 1—3: АРИСТОТЕЛЬ. О душе, А 5. 410 а 4 сл.; АЛЕКСАНДР АФРОД. Комм. к «Метафизике»; с. 135, 15 сл.; АСКЛЕПИЙ. Комм. к «Метафизике», с. 112, 1 сл.; ФЕМИСТИЙ. [Парафраза «О душе», с. 33, 12 сл.; ФИЛОПОН. Комм. к «О душе», с. 176, 25 сл.; СОФОНИЙ. Парафраза «О душе», с. 32, 15 сл.; ст. 2—3: СИРИАН. Комм. к «Метафизике», с. 188, 17; Парафраза (без цитаты): СИМПЛИКИЙ. Комм. к «О душе», с. 68, 3 сл.

А Земля-угодница в своих ладно сделанных тиглях
Получила-по-жребию из восьми частей: две — от блещущей Нестиды,
Четыре — от Гефеста, и они [=три элемента] стали белыми костями,
Скрепленными божественным клеем Гармонии.

463 (В 85)

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 331, 7:

А кроткому Пламени досталась крохотная частица Земли.

464 (0)

МИХАИЛ ЭФЕССКИЙ. Комм. к «О частях животных», с. 29, 9 сл.: Как мозг питает кости, хотя Эмпедокл называет мозг костерожденным.

465 (B 75)

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «О небе», с. 530, 9 сл.; ст. 2: СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Фивике», с. 331, 9:

Внутренние части у них образовались плотными, а те, что снаружи, —
разреженными;

Такую рыхлость они приобрели в руках [или: «мастерством»] Киприды.

467 (ср. B 76)

ПЛУТАРХ. О лице на Луне, гл. 14. 927 F: Равно как неверно было бы полагать, что огонь в верхней части [человеческого тела], поблескивающий в глазах, находится там естественно, а в животе и в сердце противоестественно; и в том и в другом случае огонь занимает надлежащее и целесообразное положение [следует фр. 468, 2. . . и у черепах] и у всякого двустворчатого моллюска, как говорит Эмпедокл, ты замечаешь такое же строение [следует фр. 468, 3].

468 (B 76)

Ст. 1—3: ПЛУТАРХ. Застольные вопросы, I, 2, 5. 618 B; ст. 2—3: ПЛУТАРХ. О лице на Луне, гл. 14. 927 F:

Это [можно видеть] в раковинах у тяжелоспинных морезжителей,
Равно как у [моллюсков-]герольдов и камнекожих черепах:
Там ты увидишь Землю, обитающей на самой поверхности мяса.

471 (B 83)

ПЛУТАРХ. Об удаче, гл. 3. 98 d:

. . . а у ежей

Ощетинилась поверх спины острострелая грива.

472 (ср. A 78)

ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ. О пневме, гл. 9. 485 b 23 сл.: Если же это те же самые [элементы, образующие различные органы тела], то они различались бы пропорциями, ибо по необходимости должно быть одно из двух, как и во всем прочем. Если смешивать вино с медом, то различие будет зависеть от вещественного состава; для вина же как такового если и будет какое-нибудь различие, то оно будет зависеть от пропорции. Поэтому Эмпедокл повинен в том, что он определил природу кости вообще: если пропорция смеси в костях всех [животных] одна и та же, то кости лошади, льва и человека не должны были бы различаться. На самом же деле они различаются [жесткостью, мягкостью, плотностью и другими свойствами, равно как и мясо и другие ткани.

473 (0)

ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ. О пневме, гл. 6. 484 a 38 сл.: Эмпедокл полагает, что ногти возникли из жил путем отвердевания. Находится ли кожа в таком же отношении к мясу?

477 (В 82)

АРИСТОТЕЛЬ. Метеорология, Δ 9. 387 В 4 сл.; ОЛИМПИОДОР. Комм. к «Метеорологии», с. 335, 22 сл.:

Одно и то же: волосы, листья, и густые перья птиц,
И чешуя, что рождаются на крепких телах.

479 (В 72)

АФИНЕЙ, VIII, 10. 334 В. Неизвестно мне и то, что Эмпедокл-физик употребил [видовое] название *καμασῆνες* применительно ко всем рыбам вообще:

Каким образом и длинные деревья и живущие в море рыбы-жерди [?]

480 (В 153)

ГЕСИХИЙ, под словом «Баубб»: кормилица Деметры, также означает «чрево», как у Эмпедокла.

482 (А 72)

Мнения философов (Псевдо-Плутарх), V, 19, 5 («О рождении животных, как возникли животные и уничтожимы ли они»): Согласно Эмпедоклу, первые поколения животных и растений родились вовсе не цельными, но разъятыми на несросшиеся части; вторые — в результате сращения частей — фантомообразными; третьими были поколения цельнорожденных [существ]; [животные и растения] четвертого поколения родились уже не из одинаковых [элементов], как-то земли и воды, а друг от друга, поскольку у одних [=растений] накопился избыток пищи, а у других [=животных] к тому же красота самок вызвала возбуждение сперматического движения.

Все животные разделились на классы вследствие различного состава смеси: более родственные [воде] устремились в воду, другие взлетели в воздух, причем тем выше, чем больше в них огненного вещества, более тяжелые — на землю, а те, которым было присуще равномерное смешение [четырёх элементов] во всем туловище, стали говорить [?].

484 (А 72)

ЦЕНЗОРИН. О дне рождения, 4, 7 сл.: Эмпедокл в своей великолепной поэме (о которой Лукреций отзывается с похвалой: по его словам, она столь велика, что с трудом верится в человеческое происхождение ее автора) утверждает нечто следующее. Сначала из как бы беременной земли там и сям родились отдельные члены, затем они срослись и образовали естество цельного человека, смешанное одновременно с огнем и водой. Что за нужда приводить дальнейшие подробности, в которых нет правдоподобия? Того же мнения, за исключением немногочисленных расхождений с Эмпедоклом, держался и Парменид из Велии.

488 (А 72)

ВАРРОН. Менипповы сатиры, фр. 163 (Эвмениды, 47), с. 199: По словам Эмпедокла люди родились из земли, как лебеда.

490 (В 58)

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «О небе», с. 587, 18 сл., ср. Там же, 587, 26:

... Одинокие члены . . . блуждали . . .

493 (ср. В 57)

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «О небе», с. 586, 6 сл.: [Аристотель] спрашивает, не было ли возможно, чтобы в результате беспорядочного движения [элементов] в то время иногда получались такие смеси, из каких состоят естественным образом возникающие тела, как-то: кости, мясо и вообще части животных и растений, равно как и сами животные и растения, как это, по словам Эмпедокла, происходит в эпоху Любви [следует фр. 495, 1].

494 (ср. В 57)

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «О небе», с. 586, 25 сл.: [Слова Аристотеля] «как это, по словам Эмпедокла, происходит в эпоху Любви», Александр понимает как пример смеси, из которой состоят естественные тела; он полагает, что в пользу его толкования говорит ссылка на Любовь, которая является причиной смешения, как Распре—разделения. Но каким образом может означать смесь «безвыйная голова» и все прочее, о чем Эмпедокл говорит в следующих стихах [следует фр. 495, 2—3], а также многое другое, что не может служить примером смеси, из которой состоят естественные тела.

495 (В 57)

Ст. 1, 2—3: СИМПЛИКИЙ. Комм. к «О небе», с. 586, 12; 587, 1 сл.; ст. 1: АРИСТОТЕЛЬ. О небе, Г 2. 300 в 30; АРИСТОТЕЛЬ. О душе, Г 6. 430 а 29; АРИСТОТЕЛЬ. О возникновении животных, А 18. 722 в 20; ФИЛОПОН. Комм. к «О душе», с. 545, 19; СИМПЛИКИЙ. Комм. к «О душе», с. 250, 23; СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Категориям», с. 337, 2 сл.; ИОАНН ЦЕЦ. Схолии к Ликофрону, к ст. 507, II, с. 183; к ст. 711, II, с. 232; ОН ЖЕ. Схолии к «Аллегориям Илиады», Δ 33, с. 101:

...Как выросло много безвыйных голов,
Голые руки блуждали, лишённые плеч,
Блуждали одинокие глаза, не имущие лбов.

500 (ср. В 59)

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «О небе», с. 587, 20 сл.: [цит. фр. 501, 1] . . .он говорит, когда Любовь наконец одерживала верх над Распрей [следует фр. 501, 2—3].

501 (В 59)

Ст. 1, 2—3: СИМПЛИКИЙ. Комм. к «О небе», с. 587, 20 сл.:

Но когда в большей мере стал смешиваться [~ совокупляться] демон
с демоном,
То и эти [члены] стали совпадать как попало
И, помимо них, еще много других, сплошных родилось из [Земли].

503 (В 60)

ПЛУТАРХ. Против Колота, гл. 28, 1123 В:

... Чудища ...
Крутоногоперасчлененнорукие. . .

505 (ср. В 61)

ЭЛИАН. О природе животных, XVI, 29, с. 405, 15 сл.: Эмпедокл-физик, который так же, [как и я], толкует об особенностях животных, говорит, что рождаются некие сращенные [животные], в которых смешаны формы различных существ, тем не менее сплетенные в единое тело. Вот его слова [следует фр. 508].

506 (ср. В 61)

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 371, 33 сл.: А все, что не выжили, погибли и погибают. Так, по словам Эмпедокла, в эпоху господства Любви родились как попало части первых животных, как-то: головы, руки, и ноги, а потом срослись — «быкородных человеколицых, и, наоборот, возникали» [фр. 508, 2] — имеется в виду «человекородных быколицих», т. е. соединяющих в себе быка и человека. И все, что срослось между собой таким образом, что смогли выжить, сделались животными и сохранились благодаря взаимному удовлетворению нужд: зубы разрезают и измельчают пищу, желудок переваривает, а печень превращает в кровь. При этом человеческая голова, сойдясь с человеческим телом, сохраняет целое, а к бычьему не подходит [~ не слагивается] и гибнет. Все [части], которые соединились ненадлежащим образом, погибли. Таким же образом все происходит и теперь.

508 (В 61)

Ст. 1—4: ЭЛИАН. О природе животных, XVI, 29, с. 405, 19 сл.; ст. 2: СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 372, 1; 2 а: АРИСТОТЕЛЬ. Физика, В 8. 198 b 32; СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 380, 20; с. 381, 3 сл.; 7, 13 сл.; с. 383, 4 сл.; ПЛУТАРХ. Против Колота, гл. 28, 1123 В; ФИЛОПОН. Комм. к «Физике», с. 314, 13 сл.; 318, 24 сл.; 320, 7; ФЕМИСТИЙ. Парафраза к «Физике», с. 59, 28; ИОАНН ЦЕЦ. Сколии к «Иллионским песням», 137, е. 58.

Много выросло двулицых и двугрудых,
 Быкородных человеколицых и, наоборот, возникали
 Человекородные быкоголовы, смешанные существа, с одной стороны,
 [снабженные] мужскими [членами],
 А с другой — женоподобные, снабженные тенистыми членами.

509 (В 35)

АРИСТОТЕЛЬ. Поэтика, гл. 25. 1461 a 24=фр. 201, 14—15.

510 (В 62)

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 381, 31 сл.; 4 а: АРИСТОТЕЛЬ. Физика, В 8. 199 b 9.

Выслушай теперь, как выделяющийся [из недр Земли] Огонь
 Возвел [на свет] скрытые-в-ночи молодые побег и многословные мужчины
 и женщины,
 Ибо слово (μῦθος) мое не бьет мимо цели и не лишено познавательности.
 Сначала из земли стали выскакивать цельносращенные фигуры,
 Содержащие как долю воды, так и долю огненного пыла.
 Их испускал наверх Огонь, желая достичь подобного.

Они еще не выказывали ни милого [собств. «желанного», «вызывающего эрос»] склада тела,
Ни речи, ни обычного у мужчин члена.

512 (В 70)

РУФ ЭФЕССКИЙ. О названии частей человеческого тела, 229, с. 166, 13; ПОЛЛУКС. Ономастикон, II, 223; I, с. 155, 9: Зародыш заключен в оболочке; одна из них тонкая и мягкая, Эмпедокл называет ее «ягнячей».

514 (А 74)

Мнения философов (Псевдо-Плутарх), IV, 22, 1 («О дыхании»): Согласно Эмпедоклу, первое дыхание первого животного произошло, когда отошла содержащаяся внутри утробного плода влага и в образовавшуюся пустоту проник извне наружный воздух в приоткрывшиеся сосуды. А уже после этого [дыхание происходило] благодаря тому, что врожденное тепло в своем порыве вовне выталкивает воздух — это выдох, а отступая внутрь, дает возможность воздуху снова проникнуть [в сосуды] — это вдох. Дыхание, преобладающее в настоящее время, [происходит так]: когда кровь движется по направлению к поверхности [тела] и своим приливом выдавливает воздух через кожу, то вследствие выхода его наружу происходит выдох; когда же она отливает [собств. «бежит вспять»] и вместо нее в оставленные кровью пустоты проникает воздух, то происходит вдох. Он поясняет это на примере с клепсидрой.

515 (ср. А 74)

Мнения философов (Псевдо-Плутарх), V, 15, 3 («Является ли зародыш живым существом?»): Согласно Эмпедоклу, зародыш не живое существо, но покоится в утробе бездыханным. Первое дыхание животного происходит во время родов, когда отходит содержащаяся в зародышах влага и в образовавшуюся пустоту проникает наружный воздух в приоткрывшиеся сосуды.

516 (0)

АРИСТОТЕЛЬ. О возникновении животных, В 4. 740 b 12 сл.: Расчленение органов [в зародыше] происходит отнюдь не в силу естественного стремления подобного к подобному, как полагают некоторые.

517 (А 84)

ЦЕНЗОРИН. О дне рождения, VI, 1: Эмпедокл, которому следует в этом Аристотель, считал, что раньше всех [частей в зародыше] начинает расти сердце, от которого в наибольшей степени зависит человеческая жизнь.

518 (А 79)

СОРАН. Гинекология, I, 57, 3 сл.; SMG, т. IV, с. 42, 12 сл.: [Пуповина] состоит из <четырёх> сосудов: двух вен и двух артерий, по которым зародышам доставляется кровяное и воздушное питательное вещество. По мнению Эмпедокла, они коренятся в печени, по мнению Федра, в сердце.

519 (В 150)

ПЛУТАРХ. Застольные вопросы, V, 8, 2. 683 E:

... Кровеобильная печень.

520 (В 105)

Ст. 1—3: СТОБЕЙ, I, 49, 53; т. I, с. 424, 17 сл. (извлечение из «О Стиксе» Порфирия); ст. 3: МЕЛЕТИЙ. О природе человека = Anecdota Graeca Oxoniensia, т. III, с. 37, 9; Большой этимологик, 34, 20; Орион, 16, 8 сл.; Гудианский этимологик, с. 45, 13; Латинские переводы ст. 3: ТЕРТУЛЛИАН. О душе, 15, 5, с. 20, 1 сл.; КАЛКИДИЙ. Комм. к «Тимею», с. 231, 17. Выражение «околосердечная кровь»: СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 392, 24 сл.; 27; ср.: ОН ЖЕ. Комм. к «О душе», с. 21, 31; ФИЛОПОН. Комм. к «О душе», с. 16, 33 сл.; ОН ЖЕ. Комм. к «Физике», с. 329, 25 и 26 сл.: [Порфирий:] В следующих словах Эмпедокл, очевидно, говорит о крови как об органе сознания (ζύνησις):

[Сосуды?], пробуравленные [?] в море противопрыщущей крови,
Где как раз [или: «по преимуществу»] и [находитея то, что] зовется у людей пониманием [~ сознанием, νόησις],
Ибо понимание у людей — это околосердечная кровь.

522 (В 109)

Ст. 1—3: АРИСТОТЕЛЬ. О душе, А 2. 404b 13 сл.; СОФОНИЙ. Парафраза «О душе», с. 12, 22 сл.; ФИЛОПОН. Комм. к «О возникновении и уничтожении», с. 268, 18 сл.; СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, I, 303; VII, 92, 121; ИПОЛИТ Опровержение всех ересей, VI, 11, с. 138, 4 сл.; Латинский перевод у КАЛКИДИЯ. Комм. к «Тимею», с. 100, 13 сл. (ст. 1—3); с. 231, 20 (ст. 1—2); ст. 1—2а, 3: АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, В 4. 1000 b 6 сл.; ст. 1—2: ГАЛЕН. О взглядах Гипократа и Платона, с. 627, 17 сл.; СТОБЕЙ, I, 51, 7; I, 483, 2; ст. 1—2а: АСКЛЕПИЙ. Комм. к «Метафизике», с. 198, 11 сл.; ст. 1, 3: ПРОКЛ. Комм. к «Тимею», 232 С, т. II, с. 298, 8 сл.; ст. 1: ФЕМИСТИЙ. Парафраза «О душе», с. 10, 20; с. 14, 18 сл.; с. 33, 7 сл.; СОФОНИЙ. Парафраза «О душе», с. 26, 16 сл. (не полностью); ФИЛОПОН. Комм. к «О душе», с. 489, 27 сл.; ст. 1а: СИРИАН. Комм. к «Метафизике», с. 44, 13 сл.; ФЕМИСТИЙ. Парафраза «О душе», с. 34, 8.

Ибо Землею мы видим Землю, Водю — Воду,
Эфиром — дивный Эфир, а Огнем — Огонь истребляющий,
Нежностью — Нежность, а Ненависть — злой Ненавистью.

523 (В 107)

ТЕОФРАСТ. Об ощущениях, 10:

Ибо из них [=элементов] — ладно пригнанных — сколочены все [существа],
И посредством них [собств. «ими»] мыслят, испытывают радость и печаль.

525 (А 96)

Мнения философов (Стобей), IV, 5, 12 («О сознании»): Парменид, Эмпедокл и Демокрит отождествляют интеллект (νοῦς) и душу. По их мнению, нет ни одного животного, лишённого разума в строгом смысле слова.

526 (ср. А 97)

Мнения философов (Псевдо-Плутарх), IV, 5, 8 («О сознании»): Эмпедокл [помещает сознание] в веществе крови, другие — в шейке сердца, третьи — в окружающей сердце оболочке, четвертые — в диафрагме.

529 (В 103)

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 331, 12:

Таким-то вот образом все [существа] оказались наделенными сознанием (φρονεῖν) по воле Тюхэ (Случая).

531 (В 104)

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 331, 14:

И насколько самые разреженные [элементы] случайно упали вниз, [Настолько самые плотные поднялись вверх?]. . .

533 (ср. В 108)

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «О душе», с. 202, 25 сл.: Не следует причислять Эмпедокла или Гомера к сторонникам этого взгляда [=отождествление мысли и ощущения]; придираясь к расплывчатым выражениям, Аристотель опровергает то, что можно понять и по-другому. Так, «наличное» (παρόν) можно, пожалуй, понять как «чувственно воспринимаемое», однако Эмпедокл не имеет это в виду, и это неверно: ибо «разум» постоянно умножает собственное совершенство не благодаря чувственным, а благодаря умопостигаемым предметам, «наличным» для него; равно как и «сознание представляет иное» в сновидениях не вследствие, фигурально выражаясь, остатков чувственно воспринимаемых вещей [в сознании] (ведь «сознавать» вот-это-вот-нечто невозможно), но [«сознание представляет иное»], когда благодаря известному отрешению разума от связи с телом во сне происходит более совершенное познание Блага и Истины, чем наяву.

534 (ср. В 108)

ФИЛОПОН. Комм. к «О душе», с. 486, 13 сл.: Толкуя о различиях сновидений, Эмпедокл говорит, что ночное воображение возникает от дневной деятельности. Это воображение он называет «сознанием» (φρόνησις) в следующих стихах [следует фр. 537].

536 (В 106)

АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, Г 5. 1009 б 18 сл.; ОН ЖЕ. О душе, Г 3. 427 а 23 сл.; АЛЕКСАНДР АФРОДИС. Комм. к «Метафизике», с. 306, 18; АСКЛЕПИЙ. Комм. к «Метафизике», с. 277, 9 сл.; ФИЛОПОН. Комм. к «О душе», с. 485, 23 сл.; ФЕМИСТИЙ. Парафраза «О душе», с. 87, 22; СОФОНИЙ. Парафраза «О душе», с. 115, 26:

Ибо разум (μῆτις) людей возрастает сообразно с наличным-сейчас.

537 (В 108)

Ст. 1—2: АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, Г 5. 1009 б 20; АЛЕКСАНДР АФРОДИС. Комм. к «Метафизике», с. 306, 24; 1 б—2: АРИСТОТЕЛЬ. О душе, Г 3. 427 а 24 сл.; ФИЛОПОН. Комм. к «О душе», с. 486, 16 и 487, 1 сл.; АСКЛЕПИЙ. Комм. к «Метафизике», с. 277, 17; СОФОНИЙ. Парафраза «О душе», с. 115, 32 сл.; ст. 2; СИМПЛИКИЙ. Комм. к «О душе», с. 202, 30 сл.:

И насколько они переродились, став иными [за день], настолько им всякий раз

И сознание (τὸ φρονεῖν) представляет иное [во сне].

539 (A 98)

ЦЕЛИЙ АВРЕЛИАН. О хронических болезнях, I, 5 (145), с. 534: Последователи Эмпедокла различают два вида бешенства: одно происходит от очищения (purgamentum=*καθαρσις*) духа, другое — от сумасшествия (alienatio mentis), и вызывается телесными причинами, т. е. неравенством [смеси элементов]. Именно оно и составляет предмет нашего сочинения. Греки называют его *μανία*, поскольку оно вызывает сильную тревогу.

540 (O)

АРИСТОТЕЛЬ. О частях животных, A 1. 640 b 4 сл.: Древние мыслители, которые впервые стали философствовать о природе, исследовали материальное начало и материальную причину вещей — какова она, и как возникает из нее Вселенная, и что служит движущим началом, как-то: Распря и Любовь, или Ум, или случайность. При этом они исходили из того, что материя-субстрат по необходимости должна иметь качественно определенную природу, скажем, у огня она должна быть горячей, у земли — холодной и в первом случае легкой, а во втором — тяжелой. Таким же образом они объясняют и возникновение космоса. И точно так же они толкуют о происхождении животных и растений, например от того, что, мол, в теле текла вода, возник желудок и все, что служитместилищем пищи и экскрементов, а от того, что воздух проделал [в теле] проход, отверзлись ноздри. Воздух и вода — материя тел [животных], и действительно, по мнению всех, природа состоит из такого рода [=элементарных] тел. Но коль скоро человек и животные, равно как и их части существуют от природы, то следует сказать о мясе, кости, крови и всех подобостных. Равно как и неподобостных, как-то: лице, руке, ноге — каким образом каждая из этих [частей] такова, как она есть и в силу какой потенции. Ибо сказать «из чего» они — скажем, «из огня» или «из воды», — недостаточно.

541 (ср. В 90)

ПЛУТАРХ. Застольные вопросы, IV, 1, 3. 663 АВ: Либо природа взывает соответствующие части из [предсуществующих] подобных [частей], и пестрая по составу пища, сразу же испуская из себя множество качеств в телесную массу, распределяет между всеми частями [тела] то, что кому подходит, так что выходит Эмпедоклово [следует фр. 543] когда доставляемое дыханием тепло рассеет смесь, подходящие части следуют за родственными им. Резонно предположить, что столь сложное по своему составу тело, как наше, в котором перемешано все, как в праздничной толпе, составляется вскладчину и восполняет смесь скорее из пестрой по составу, нежели из простой материи. Либо же это не так, и пищу изменяет и превращает пищеварение. .

542 (ср. В 90)

МАКРОВИЙ. Сатурналии, VII, 5, 17: Мы состоим из горячего и холодного, сухого и влажного. Между тем простая пища выделяет из себя сок одного качества. А мы знаем, что подобное питается подобным. Скажи мне, пожалуйста, откуда будут получать пищу три остальных качества тела? О том, что каждый сок присваивает себе подобное, свидетельствует Эмпедокл, который говорит [следует фр. 543].

543 (В 90)

ПЛУТАРХ. Застольные вопросы, IV, 1, 3; 663 А; МАКРОБИЙ. Сатурналии, VII, 5, 18:

Так сладкое хватало сладкое, горькое бросалось на горькое,
Кислое покрыло кислое, соленое спаривалось с соленным.

544 (ср. А 76)

ПЛАТОН. Федон, 96 а—b: Когда я был молод, Кебет, сказал [Сократ], я страстно увлекся той мудростью, которую называют наукой о природе. Она казалась мне сверхчеловеческой: знать причины каждой вещи, почему каждая вещь возникает, почему гибнет и почему есть. И часто я переворачивал вверх дном свои воззрения, исследуя прежде всего такого рода вопросы: образуются ли животные от гниения горячего и холодного, как [в мое время] говорили некоторые? И чем мы мыслим: кровью, воздухом или огнем? Или же ни тем, ни другим, ни третьим, а мозгом, и это мозг дает ощущения слуха, зрения и обоняния, из них возникают память и мнение, а из памяти и мнения, ставшего неподвижным, возникает знание?

545 (А 77)

ГАЛЕН. Определения, 99. т. 19, с. 372 сл.: Как Гиппократ, Эрасистрат, Эмпедокл и Асклепиад объясняют пищеварение. . . Эмпедокл — гниением. ОН ЖЕ. Комм. к «Афоризмам» Гиппократа, т. 18, ч. 1, с. 8, 14 сл.: Следуя старинному словоупотреблению, эти ученые называли «непрогнившим» то, что мы называем «непереваренным».

546 (А 95)

Мнения философов (Стобей), IV, 9, 14 («Истинны ли ощущения?»): Парменид, Эмпедокл: аппетит обусловлен недостатком пищи.

547 (А 95)

Там же, IV, 9, 15: Эмпедокл: подобное наслаждается подобным в силу восполнения недостатка, так что влечение возникает у испытывающего недостаток. Страдания же вызываются противоположным, так как все различное по составу и смеси элементов взаимоотчуждается.

548 (А 95)

Мнения философов (Псевдо-Плутарх), V, 28, 1 («Откуда возникают влечения и удовольствия у животных?»): По Эмпедоклу, влечения возникают в силу недостатка составляющих каждое [существо] элементов, удовольствия — от влаги, равно как чувство опасности и подобные аффекты, а беспокойства и * * *

549 (ср. А 78)

ПЛУТАРХ. Естественнаучные вопросы, 20. 917 А: Некоторые, как, например, Эмпедокл, говорят, что слезы выталкиваются словно молочная сыворотка при пахтании крови.

550 (ср. В 100)

АРИСТОТЕЛЬ. О дыхании, гл. 13 (7). 473 b 1 сл.: Эмпедокл объясняет вдох и выдох тем, что имеются некие сосуды, содержащие кровь, но не полные крови; они имеют проходы [поры] во внешний воздух, которые [в диаметре] меньше корpusкул тела,

но больше корпускул воздуха. Поэтому, когда кровь, которой от природы свойственно приливать и отливать [собств. «двигаться туда-сюда»], движется вспять [=отливает], внутрь приливает воздух и происходит вдох, а когда [кровь] приливает, воздух выталкивается вон и происходит выдох. Он сравнивает [этот процесс] с тем, что происходит в клепсидах [следует фр. 551].

551 (В 100)

АРИСТОТЕЛЬ. О дыхании, гл. 13. 473 в 9—474 а 6; ст. 1—2: МИХАИЛ ЭФЕССКИЙ. Комм. к *Parva Naturalia*, с. 124, 12 сл.

- Вот как вдыхают и выдыхают все [живые существа]: у всех Протянуты под кожей обескровленные трубочки из плоти, В устьях которых сплошь просверлена частыми бороздками Крайняя оконечность кожи, так что кровь
- 5 Затворена [внутри], а эфир свободно входит в прорубленные проходы. Как только мягкая кровь отхлынет оттуда, [В них] врывается яростным приливом клокочущий эфир. Как только [кровь] прихлынет снова, [эфир] выдыхается. Так девочка Играет в клепсидру [=черпак] из блестящей бронзы.
- 10 Когда, заткнув красивой рукой отверстие трубки, Она окунает [клепсидру] в мягкое тело серебристой воды, То в сосуд не проникает ни капли воды — ее не пускает Масса воздуха, изнутри навалившаяся на частые дырочки, — Доколе [девочка] не откупорит сжатый поток [воздуха]; зато после этого,
- 15 Поскольку воздух отсутствует, [в клепсидру] входит должная мера воды. И точно так же, когда на дне бронзового сосуда у нее вода, А проходное отверстие закрыто человеческой кожей, Рвущийся снаружи внутрь эфир не пускает воду У ворот, овладев самым краем металлического [букв. «гулкого»] решета,
- 20 Доколе [девочка] не разожмет руку. Тогда — не как прежде, а наоборот, — [В клепсидру] врывается воздух, а [из нее] вытекает должная мера воды. Так и мягкая кровь, снующая взад-вперед по улочкам [тела]: Стоит ей повернуть вспять и броситься в потаенную глубь [тела], Как тотчас же врывается поток эфира, вышедшего из берегов.
- 25 Стоит ей прихлынуть снова, как равное количество [воздуха] выдыхается назад.

552 (0)

ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ. О пневме, гл. 3. 482 а 28 сл.: Что касается дыхания, то одни не говорят, зачем оно, а лишь указывают, каким образом оно происходит, как, например, Эмпедокл и Демокрит, другие не указывают даже этого. . . Полагают также, что вызванное дыханием охлаждение распределяется по всем частям [тела] последовательно, поэтому следует показать, что это не верно. . . Опять же и явление отлива невероятно, чтобы от всех [частей], а разве только от крайних, да и то не таким образом. Но прежде всего и главным образом от области сердца. . . Абсурдно полагать, что [дыхание] передается вплоть до кости — а некоторые утверждают и такое, ссылаясь на артерии. . .

553 (ср. В 89)

ПЛУТАРХ. Застольные вопросы, 19. 916 С сл.: Рассмотрим предмет [= изменение окраски осьминогов] с точки зрения Эмпедокла [следует фр. 554]. Ибо не только от животных, растений, земли и моря, но и от камней непрерывно исходят многочисленные токи, а также от меди и железа. И увядают и издают запах все существа в силу того, что [от них] постоянно нечто течет и непрерывно уничтожается.

554 (В 89)

Там же, 916 D:

Знай, что всему, что родилось, присущи истечения (*ἀπορροαί*).

556 (В 102)

ТЕОФРАСТ. Об ощущениях, 22:

Вот так все [существа] оказались наделены дыханием и запахами.

558 (ср. В 101)

ПЛУТАРХ. О любопытстве, гл. 11. 520 EF: И как охотники не дают собакам сбиваться со следа и гнаться за любым запахом, но оттаскивают их за поводок и возвращают на след, сохраняя их чутье чистым и незасоренным для своего дела, чтобы нюх сильнее прирос к следам [следует фр. 562, 1], так и . . .

559 (ср. В 101)

ПЛУТАРХ. Застольные вопросы, 23. 917 E: Обстоит ли дело так, что собаки, как говорит Эмпедокл [следует фр. 562, 1], подбирают истечения, оставленные зверьми в лесу, а весной их забивают и делают неразличимыми огромное множество запахов растений и кустарников. . .

560 (ср. В 101)

АЛЕКСАНДР АФРОДИС. Проблемы, IV, 102, с. 22, 7 сл.: Почему собаки не чуют следов, когда заяц издохнет? Пока он жив, собаки чуют, поскольку запах от зверя исходит непрерывно, а после его смерти истечение запаха прекращается: он больше не «оставляет» его, как говорит Эмпедокл [следует фр. 562, 2]. Ибо запах больше не может оторваться от кожи и прекращается со смертью зверя.

561 (ср. В 101)

Анонимный комментарий к «Теэтету» Платона, Берлинский папирус 9782, к «Теэтету» 152 E; стб. 70, 33—71, 6: В том, что все движется, согласны все философы, кроме Парменида. Парменид, обратившись к природе эйдоса и пренебрегну материей, говорит: «Неподвижное хочет быть именем Всему» [ср.: Парменид, фр. В 8, 38]. Что касается остальных физиков, то легко понять, что они признают движение всех вещей. да и Эмпедокл допускает истечения и говорит: «Крохи звериных членов» [= 562].
*** это когда [?] *** умира ***

562 (В 101)

ПЛУТАРХ=558—559; АНОНИМ=561; АЛЕКСАНДР=560: [О собаке]

Выслеживая поздырями крохи звериных членов

*** [которые?] оставлял от ног на нежной траве. . .

565 (А 94)

Мнения философов, IV, 17, 2 («Об обонянии»): Согласно Эмпедоклу, запах проникает внутрь вместе с воздухом, вдыхаемым легким. В случае, если дыхание становится тяжелым, запах не ощущается вследствие густоты, как у страдающих насморком.

566 (А 85)

Мнения философов (Псевдо-Плутарх), V, 24, 2 («Как происходят сон и смерть?»): Согласно Эмпедоклу, сон вызывается умеренным охлаждением находящегося в крови тепла, смерть — полным

567 (28 А 46)

ТЕРТУЛЛИАН. О душе, 43, 2, с. 58, 24 сл.: Эмпедокл и Парменид. . . полагают. сон. . . охлаждением.

568 (А 77)

Мнения философов (Псевдо-Плутарх), V, 27, 1 («О питании и росте»): Согласно Эмпедоклу, животные питаются благодаря осаждению [?] [в теле] сродного, растут благодаря присутствию тепла, чахнут и гибнут вследствие отсутствия того и другого. Нынешние люди по сравнению с первыми [людьми] младенцы.

569 (А 85)

Мнения философов (Псевдо-Плутарх), V, 25, 4 («Чему присущи сон и смерть: душе или телу?»): Согласно Эмпедоклу, смерть происходит вследствие отделения огнистого вещества из той смеси [элементов], из которой образовался человек. В этом смысле смерть тела совпадает со смертью души. Сон же происходит вследствие <неполного [?]> отделения огнистого вещества.

571 (А 70)

Мнения философов (Псевдо-Плутарх), V, 26, 4 («Как выросли растения и животные ли они?»): Согласно Эмпедоклу, растения вынырнули из земли раньше животных, до того, как стало вращаться солнце, и до того, как разделились день и ночь; они содержат в себе мужской и женский пол [одновременно] вследствие равномерности (συνμετρία) смеси. Они вырастают от того, что заключенный в недрах земли огонь поднимается вверх, и, следовательно, представляют собой части земли, подобно тому как внутриутробные зародыши представляют собой часть матки. Плоды суть излишки содержащихся в растениях воды и огня.

Растения с недостаточным содержанием влаги вследствие летнего испарения ее сбрасывают листву, а с избытком [влаги] остаются [зелеными], как лавр, олива и пальма.

Вкусовые различия [плодов] зависят от разнообразия почв и объясняются тем, что растения всасывают различные подпочвенные вещества из питающей [почвы], как в случае с виноградом. Ведь не различия лоз делают вино добрым, а различия питающей почвы.

572 (ср. А 70)

НИКОЛАЙ ДАМАССКИЙ. О растениях, I, 7, с. 13, 2 сл.: Эмпедокл сказал, что растения возникли, но в незаконченном и еще незавершенном мире, тогда как животные возникли после его завершения. Однако это утверждение нелепо, ибо мир как целое вечен и никогда не переставал порождать различные виды животных и растений.

И в любом виде растений содержатся естественное тепло и влага. Когда они истощаются, растение вянет, стареет, гибнет и сохнет. Некоторые называют это уничтожением, некоторые нет.

573 (ср. А 70)

Там же, I, 6, с. 10, 6 сл.: Важнейший вопрос, относящийся к ботанической науке, — то, о чем говорил Эмпедокл, а именно имеется ли у растений мужской и женский пол, или же в них смешаны эти оба пола? Мы утверждаем, что самец, когда он рождает, рождает в другом [теле], а самка, когда она рождает, рождает от другого и что оба они отделены друг от друга. Этого нет у растений, так как внутри любого вида самец грубее, крепче и тверже, а самка мягче и плодovitее. Мы должны также исследовать, соединены ли оба пола в растениях, как утверждает Эмпедокл. Я не думаю, что это так, ибо то, что смешивается, прежде должно быть простым и раздельным — отдельно самец, отдельно самка. Затем они смешиваются, а смешиваться может только то, что [уже] возникло. Следовательно, растение существовало уже до своего смешения и по необходимости должно быть деятельным и страдательным началом одновременно. Однако ни в одном из видов оба пола не соединены. И если бы это было так, то растение было бы совершеннее животного, так как оно не нуждалось бы в чем-то внешнем по отношению к себе для размножения. Однако оно весьма нуждается во временах года, солнце и мягком климате.

574 (ср. А 70)

АРИСТОТЕЛЬ. О душе, В 4. 415 b 28 сл.: Однако Эмпедокл ошибся, добавив [к правильному учению о растительной душе неверный тезис о том], что растения растут корнями вниз, потому что таково естественное движение земли, а [стволом] вверх, потому что таково естественное движение огня. При этом он неверно толкует «вверх» и «вниз», ибо «вверх» и «вниз» для всех существ и для Вселенной не одно и то же. Голове животных соответствуют корни растений, коль скоро устанавливать тождество и различие органов следует на основании [их] функций. А кроме того, что удерживает вместе несущиеся в противоположных направлениях огонь и землю? Они оторвутся друг от друга, если не будет того, что этому препятствует, а раз оно есть, то это и есть душа и причина роста и питания.

575 (А 70)

ТЕОФРАСТ. О причинах растений, I, 12, 5, с. 21, 26 сл.: Порождающая причина [растений] одна, а не [две], как [полагает] Эмпедокл, разделяя ее на части [и утверждая, что] земля [порождает] корни, а эфир — ростки, как если бы они стремились отделиться друг от друга; [в действительности и корни и ростки] возникают из одной материи и под действием одной и той же порождающей причины.

576 (ср. А 70)

ПЛУТАРХ. Застольные вопросы, VI, 2, 2. 688 A: У растений [жизнь] поддерживается бесчувственным образом. По словам Эмпедокла, они всасывают питательные вещества из окружающей среды, а нас аппегит учит искать и гоняться за тем, чего недостает смеси [нашего тела].

577 (ср. А 70)

НИКОЛАЙ ДАМАССКИЙ. О растениях, I, 1, с. 5, 9 сл. и I, 2, с. 6, 13 сл.: Аваксагор и Эмпедокл говорят, что растения способны совершать движения по своему желанию, а также утверждают, что они ощущают, испытывают страдание и удоволь-

ствие. Из них Анаксагор в доказательство своего утверждения, что растения — животные, испытывающие удовольствие и страдание, ссылался на поворот листьев. Эмпедокл же полагал, что у них смешанный пол. [. . .] Платон говорит, что питается, то желает пищи, и наслаждается сытостью, и страдает, когда голодно, а между тем эти состояния не наступают иначе как с ощущением. Итак, странным было бы намерение [?] того, кто считал, что [растения] ощущают и жаждут. Анаксагор, Демокрит и Эмпедокл [шли еще дальше и] говорили, что растения обладают умом и пониманием. Отвергнем эти нелепости и будем следовать здравому учению.

578 (ср. В 110, 10)

СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, VIII, 286:

Знай, что все обладает сознанием ($\psi\rho\acute{o}\nu\eta\tau\iota\varsigma$) и долей понимания ($\nu\acute{o}\theta\eta\mu\alpha$).

*579

ГЕРОДИАН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ. Об общей просодии, л. 7^р, с. 26 Hunger: У Эмпедокла во второй книге «Очищений» встречается долгая альфа [в слове $\mu\alpha\nu\acute{o}\varsigma$, «редкий»]:

Те из них [растений], у которых корни под землей чаще,
А побеги реже, отличаются от [вечно] зеленых. . .

580 (ср. В 77) + 581

ПЛУТАРХ. Застольные вопросы, III, 2, 2, 649 CD: Эта способность быть вечнозеленым и, как говорит Эмпедокл, «стойколиственным» не зависит от [внутреннего] тепла, равно как и листопад не зависит от холодного качества. Так, мирт и адриант хоть и относятся не к теплым, а к холодным растениям, все же принадлежат к вечнозеленым. Некоторые думают, что листва стойко держится от равномерности смеси. Эмпедокл к этой причине добавляет и соразмерность пор, пропускающих пищу правильно и равномерно, так что она притекает вдоволь. У сбрасывающих листву растений это невозможно вследствие редкости верхних и узкости нижних пор; первые не снабжают [растение пищей], вторые не удерживают ее, а лишь втягивают немного и сразу выливают, как на неровных грядках. Те же растения, что постоянно всасывают вдосталь соразмерную [порам] пищу, не увядают и остаются вечнозелеными.

583 (В 78) + 584

ТЕОФРАСТ. О причинах растений, I, 13, 2: А если бы климатические условия постоянно соотнобразывались [с деревьями], то, быть может, не показались бы нелепыми ни рассказы поэтов [ср.: Одиссея, VII, 114], ни слова Эмпедокла о том, что

. . . вечнолиственные и стойкоплодные деревья дышат
Плодов изобильем весь год сообразно с воздухом [=«климатом»].

При этом он предполагает некий усредненный, весенний климат [букв. «растворение воздуха»].

585 (ср. В 79)

АРИСТОТЕЛЬ. О возникновении животных, А 23. 731 а 1 сл.: В растениях эти потенции [=мужской и женский пол] смешаны и самка не отделена от самца. Поэтому они рождают от самих себя и испускают не сперму, а зародыш — так называемые «се-

мена». Об этом верно говорит Эмпедокл в своих стихах [следует фр. 588]. В самом деле, яйцо — это зародыш, из одной части которого рождается животное, а прочее служит пищей. Так и с семенем: из части рождается растение, а остальное служит пищей росту и первому корню.

586 (0)

НИКОЛАЙ ДАМАСКИЙ. О растениях, 1, 6, с. 11, 13 сл.: Верно сказал Эмпедокл, что высокие растения не родят детенышей, ибо то, что рождается, рождается не иначе как из части семени, а остальная часть становится вначале пищей корня и, рождаясь, [растение] тотчас же движет самого себя. Следовательно, исходя из этого, мы должны полагать, что в растениях мужской и женский пол смешаны.

588 (В 79)

АРИСТОТЕЛЬ=фр. 585; ПСЕВДО-ФИЛОПОН. Комм. к «О возникновении животных», с. 63, 11 сл.; ТЕОФРАСТ. О причинах растений, I, 7, 1, с. 12, 2 (не полностью); ср.: НИКОЛАЙ ДАМАСКИЙ, I, 6, с. 11, 13 сл..

Так высокие деревья сначала несут яйца-оливы.

591 (В 80)

ПЛУТАРХ. Застольные вопросы, V, 8, 2. 683 D:

Вот почему поздно плодоносят гранатовые деревья и сверхсочны [их] плоды.

593 (ср. В 81)

ПЛУТАРХ. Естественнонаучные вопросы, 2. 912 С: О нестойкости дождевой воды свидетельствует гниение: она прогнивает скорей, чем речная или колодезная. Между тем брожение, очевидно, представляет собой гниение, о чем свидетельствует Эмпедокл [следует фр. 595].

595 (В 81)

Там же, 2. 912 С.; 31, 919D; 1 б: АРИСТОТЕЛЬ. Топика, Δ 5. 127 а 19; АЛЕКСАНДР АФРОДИС. Комм. к «Топике», с. 357, 12:

Вода, прогнив в дереве, обращается из сока в вино.

597 (ср. А 94)

АРИСТОТЕЛЬ. Об ощущении, 4. 441 а 2 сл.; а 10 сл.: Мы обладаем намного более тонким осязанием, чем другие животные, а вкус есть разновидность осязания. Вода по своей природе безвкусна. Следовательно, либо необходимо, чтобы вода содержала в себе виды вкусов, неощутимые вследствие малости, как говорит Эмпедокл. Ошибочность утверждений Эмпедокла очевидна. Мы видим, что вкус плодов изменяется уже после того, как они сорваны и полежали на солнце или поджарились, откуда следует, что изменение вкуса произошло не путем всасывания [вкусовых веществ] из воды, а внутри самого плода. Также при сушке и долгом хранении они становятся терпкими и горькими из сладких и самыми разными, да и при варке превращаются, можно сказать, во все виды вкусов.

598 (0)

Там же, 4. 441 а 30 сл.: Очевидно, что вкусы [~соки], содержащиеся в мякоти плодов, содержатся также и в земле. Поэтому многие из древних физиологов утверждают, что вкусовые качества воды зависят от земли, через которую она протекает. Это прежде

всего ясно на примере соленых вод, поскольку соль — вид земли. Также и вода, просочившаяся через золу — а зола горькая, — приобретает горький вкус. Имеется также множество источников: одни — горькие, другие — кислые, третьи — обладающие всевозможными иными вкусами. Таким образом, резонно, что вкусовые качества наблюдаются прежде всего у растений.

600 (А 75)

Мнения философов (Псевдо-Плутарх), V, 18, 1 («Почему выживают семимесячные?»): Согласно Эмпедоклу: когда человеческий род рождался из земли, вследствие медленного движения Солнца день длился столько, сколько теперь десятимесячный период, а с течением времени день стал длиться столько, сколько теперь семимесячный период. Поэтому и десятимесячные, и семимесячные вырастают за один день, в ночь которого происходит зачатие младенца, — таково обыкновение природы мира.

602 (ср. В 69) + 603 (В 69)

ПРОКЛ. Комм. к «Государству», т. II, с. 34, 25 сл.: Эмпедоклу тоже известен двойной срок родов. Поэтому он называет женщин «двуродыми». Он указал также разницу числа дней и нежизнеспособность восьмимесячных. Что естественно. В самом деле, у семимесячных первое число — 35 — слагается из 6, 8, 9, 12, крайние из которых относятся между собой как 1 : 2 и образуют октаву. А у девятимесячных первое число слагается из гармонических чисел 6, 9, 12, 18, крайние из которых относятся как 1 : 3. В промежутке же между ними нет никакой другой гармонической пропорции, так что ввиду отсутствия гармонии восьмимесячные, естественно, нежизнеспособны.

604 (А 83)

ЦЕНЗОРИН. О дне рождения, VII, 5: Большинство утверждает, что женщина может родить на седьмом месяце. . . как, например, Эмпедокл. . . и многие другие.

605 (А 83)

Мнения философов (Псевдо-Плутарх), V, 21, 1 («За какой срок формируются животные в утробе?»): Согласно Эмпедоклу, у людей [зародыш] начинает артикулироваться с тридцать шестого дня, а завершается формирование органов с сорок девятого дня.

606 (ср. А 83)

ОРИБАСИЙ. Из неизвестных книг, 16; извлечение из «О формировании зародыша» Афиней, с. 105, 26 сл.: Первичное формирование зародышей обнаруживается около сорокового дня. . . около четвертой девятки впервые наблюдается целиком расчленившееся тело, или, самое позднее, — с добавлением одной четверки — около сорокового дня. Со сроками полного расчленения зародышей согласен и физик Эмпедокл, который говорит также, что мальчик формируется быстрее девочки и правосторонние быстрее левосторонних.

608 (В 68)

АРИСТОТЕЛЬ. О возникновении животных, Δ 8. 777 а 10; ср.: ПСЕВДО-ФИЛОПОН. Комм. к «О возникновении животных», с. 208, 9 сл.: [Грудное] молоко есть сваренная, а не протухшая кровь. Поэтому Эмпедокл либо неправильно полагал, либо употребил неудачную метафору, сказав о молоке в своих стихах:

На десятый день восьмого месяца [кровь] обратилась в белый гной.

Гниль и варение противоположны, гной есть разновидность гнили, а молоко относится к сваренным [жидкостям].

609 (В 153 а)

ТЕОН СМИРНСКИЙ, с. 104, 1 сл.: Считается, что младенец созревает «за семь седмиц», как намекает Эмпедокл в «Очищениях».

610 (В 66)

Схолии к «Финикиянкам» Еврипида, ст. 18, т. I, с. 249, 24: «Не засевай бразду детей»: физик Эмпедокл аллегорически выражается:

«Разорванные луга Афродиты» —

о тех местах, где рождаются дети. Говоря об этом же, Еврипид избежал непристойного смысла и употребил приличные имена и метафоры, заимствованные из ремесла [пахаря]: «сев и борозда».

*611 (28 В 20)

ИППОЛИТ. Опровержение, V, 8, с. 97 W.:

А под ней [?] находится дорожка неровная,
Полая, слизистая, она — наилучший проводник
В вожделенную роцу многочисной Афродиты.

612 (А 81)

АРИСТОТЕЛЬ. О возникновении животных, Δ 1. 763 b 30 сл.; 764 a 1 сл.; а 12 сл.: Одни говорят, что эта противоположность [=полов] зависит непосредственно от семени. другие — что от матки, как Эмпедокл. Он утверждает, что семя, вошедшее в теплую матку, становится самцом, в холодную — самкой, а теплота или холодность [матки] обусловлены менструациями: в зависимости от того, холодней они или теплей, старей или недавней. право же, это воззрение Эмпедокла довольно несерьезно: он объяснял различие полов исключительно холодом и теплотой, не обращая внимания на огромное [морфологическое] различие всех органов, в том числе мужских гениталий и матки. [По теории Эмпедокла получается, что] если взять два уже сформировавшихся [букв. «вылепленных»] животных, одно из которых обладает всеми женскими органами, а другое — всеми мужскими, и поместить их в матку, словно в печь, причем имеющее матку — в горячую [матку-печь], а не имеющее — в холодную, то животное без матки будет самкой, животное с маткой — самцом, а это невозможно.

615 (ср. В 67)

ГАЛЕН. Комм. к «Эпидемиям» Гиппократата, II, 46, с. 119, 1 сл.; 12 сл.: Мужские зародыши чаще образуются в правой части матки, а женские — в ее другой пазухе, в левой. Вполне естественно, что более теплый пол образуется в более теплой части матки. Теплее же самец, как это явствует и из величины жил, и из цвета кожи. В целом мужчины темнее женщин. . . О том, что зачатие мальчика происходит в правой части матки, говорили, [помимо Гиппократата], и другие древнейшие ученые. Парменид сказал так: «Справа — мальчики, слева — девочки» [28 В 17], Эмпедокл так [следует фр. 616]

616 (В 67)

Ст. 1—3а: ГАЛЕН. Там же; ст. 2а: ГИППОКРАТ. Эпидемии, VI, 2, 25, т. V, с. 290:
 В более теплой [части] Земли было место для мальчиков:
 Поэтому мужчины черны, и с более мощными членами,
 И более волосатые.

617 (ср. А 81)

Мнения философов (Псевдо-Плутарх), V, 7, 1—2 («Как рождаются самцы и самки?»):
 Эмпедокл полагает, что самцы или самки рождаются в зависимости от тепла или холода.
 Поэтому он повествует о том, что первые самцы родились из Земли ближе к востоку
 и к югу, а самки — на севере. Парменид — наоборот: самцы произросли на севере,
 так как они содержат больше плотного вещества, а самки — на юге, по причине [их]
 рыхлости.

619 (28 А 52)

АРИСТОТЕЛЬ. О частях животных, В 2. 648 а 25 сл.: Некоторые говорят, что водные
 животные теплее земных, полагая, что холод среды компенсируется теплотой их при-
 роды, равно как [они же утверждают, что] бескровные [живые существа теплее] обла-
 дающих кровью и самки — самцов. Так, Парменид и некоторые другие утверждают,
 что женщины теплее мужчин, поскольку, мол, месячные происходят от теплоты и оби-
 лия крови, а Эмпедокл — наоборот.

621+622 (В 64)

ПЛУТАРХ. Естественнонаучные вопросы, гл. 21. 917 С: [Почему у домашних свиней
 случка бывает чаще, чем у диких?] Или же сам факт совместного выращивания и
 объединенность в одно стадо самок и самцов [домашних свиней — постоянно] напоми-
 нает им о случке и заодно вызывает влечение, как это, по словам Эмпедокла, происходит
 с людьми:

От этого [их] еще и Вождение охватило, заставляя непрерывно [=весь
 год] совокупляться [=622].

А у диких свиней, добывающих себе корм порознь, отсутствие взаимной привязанности
 и необщительность притупляют и гасят влечения.

625 (В 97)

АРИСТОТЕЛЬ. О частях животных, А 1. 640 а 18 сл.: Возникновение ради сущности
 [~ актуального бытия], а не сущность ради возникновения. Поэтому неверно утвер-
 ждение Эмпедокла, что многое присуще животным потому, что «так получилось» при
 возникновении, скажем, [у верблюда?] такая-то спина потому, что она случайно «трес-
 нула» при скручивании.

627 (В 74)

ПЛУТАРХ. Застольные вопросы, V, 10, 4. 685 F:

[Афродита?]

Ведущая безголосое племя обильных семенем рыб.

630 (А 66)

ЭЛИАН. О природе животных, IX, 64, с. 241, 15 сл.: Аристотель [ср.: История живот-
 ных, θ 2. 590 а 22 сл.], Демокрит до него [ср. фр. 554 Лурье] и, в-третьих, Теофраст
 [ср.: О причинах растений, VI, 10, 2] говорят, что рыбы питаются не соленой водой,

а пресной, которая имеется в море наряду с соленой. Эмпедокл из Акраганта также полагает, что в море содержится пресная вода; не всем заметная, она питает рыб. Он дает естественное объяснение этого опреснения соленой воды, которое вы узнаете из его стихов.

634 (ср. А 73)

АРИСТОТЕЛЬ. О дыхании, гл. 20 (14), 477 а 32 сл.: Неверно утверждение Эмпедокла, что самые теплые и содержащие больше всего огня животные живут в воде, спасаясь от избытка теплоты, присущего их природе, чтобы благодаря среде обитания восполнить недостающие им холодное и влажное, противоположные [преобладающим элементам их тела]: ведь влага содержит меньше тепла, чем воздух. Совершенно нелепо [и необъяснимо], как могло каждое из этих животных сменить среду обитания и переселиться в воду, возникнув на суше: ведь у большинства из них нет ног! Однако он, описывая их первоначальное образование, утверждает, что они возникли на суше, а в воду переселились, чтобы спастись. Что касается объяснения, данного Эмпедоклом, то сама постановка вопроса в каком-то смысле оправданна, однако ответ его неверен: тех, кто страдает от избытка [тех или иных] качеств, спасают противоположные [этим качествам] места обитания и времена года, однако природа [живых существ] сохраняется прежде всего в соответствующих [ей, а не противоположных] местах. . . (478 а 7 сл.) Итак, о том, что не вследствие теплоты [внутренней] природы одни животные — водные, а другие — сухопутные, как утверждает Эмпедокл, довольно сказанного.

637 (ср. А 73)

ТЕОФРАСТ. О причинах растений, I, 21, 5; с. 42, 13 сл.: Другая причина — места обитания, например холодные. Противоположные [растения] могут выжить в противоположных местах: теплые — в холодных, холодные — в теплых. И природа сразу же рождает с таким расчетом, что от подобного [растения] погибнут вследствие избытка, а от противоположного спасутся как бы благодаря некой равномерной смеси [«благо-растворению»], подобно тому как это утверждает о животных Эмпедокл: сверхгорячих [животных], по его словам, природа ведет в воду.

640 (ср. В 63)

АРИСТОТЕЛЬ. О возникновении животных, А 18. 722 б 6 сл.: Далее, если семя исходит от обоих родителей в равной мере от всех частей, то рождаются два животных, так как [их потомство] будет обладать всеми частями обоих. Поэтому Эмпедокл, если принять эту точку зрения, высказывается в полном согласии с ней — постольку, поскольку; однако с другой точки зрения не прав. В самом деле, он говорит, что и в самце и в самке содержится как бы символ [= «половинка знака гостеприимства»], а целое не исходит ни от того ни от другого [следует фр. 641]. В таком случае спрашивается: почему самки не рожают от самих себя, раз семя исходит от всего тела и раз [самка] имеет приемник [семени]? Однако, по всей вероятности, либо семя не исходит от всего тела, либо так, как он говорит: от каждого из родителей — не одно и то же, поэтому они и нуждаются в спаривании.

641 (В 63)

Там же, 722 б 12 и 764 б 17 сл.; ПСЕВДО-ФИЛОПОН. Комм. к «О возникновении животных», с. 166, 25 сл., ср. с. 27, 17:

Природа членов разорвана: частью она в мужском,
< А частью в женском теле содержится словно символ [?]>

642 (ср. В 63)

ПСЕВДО-ФИЛОПОН. Комм. к «О возникновении животных», с. 166, 24 сл.: Эмпедокл (следует изложить его мнение целиком) говорил, что «природа членов разорвана: частью она в мужском, а частью в женском. .» [фр. 641]. Смысл его слов таков. Во время соития половина сердца — очень маленькая и невоспринимаемая чувствами — исходит от мужчины, а половина — от женщины; точно так же от головы мужчины [исходит] половина головы и половина — от женщины; так и со всеми частями [тела] вообще: половина каждого из них — от мужчины, половина — от женщины. Когда они отошли и скопились в матке, то, если матка окажется теплой, половина сердца, отошедшая от мужчины, побеждает половину, отошедшую от женщины, и ассимилирует ее. То же самое делают и голова, и половые органы, и прочие члены тела, и получается мужчина. Если же, напротив, матка окажется холодной, то побеждает женская половина, ассимилирует себе мужскую и получается женщина. Именно поэтому, говорит он, мужчины и женщины возделают соития, ибо и в мужчине есть части женщины и в женщине — части мужчины. Так, половина Эмпедоклова сердца, как говорил Эмпедокл, была от женщины, равно как и половина головы и любого другого члена. И точно так же все женские члены, как он говорил, наполовину от мужчины, наполовину от женщины. Таким образом, Эмпедокл утверждает, что если части мужчины и женщины попадают в теплую матку, то побеждают мужские части и рождаются мужчины, а если в холодную — то женщины.

644 (ср. 24 А 13)

ЦЕНЗОРИН. О дне рождения, 5, 4 сл.: Мнения авторов расходятся и относительно того, рождается ли плод только от отцовского семени, как пишут Диоген, Гиппон и Стоики, или же и от материнского тоже, как полагали Анаксагор, Алкмеон, Парменид, Эмпедокл и Эпикур?

646 (ср. В 65)

ПСЕВДО-ФИЛОПОН: Комм. к «О возникновении животных», с. 30, 1 сл.: [Аристотель] неясно изложил взгляды Эмпедокла, так как процитировал его стихи не целиком, а лишь их начала, да и те не из следующих подряд, а из далеко отстоящих друг от друга стихов. Смысл этих стихов [следует фр. 647] таков. Мужчина «отливается», т. е. образуется из более чистой и более теплой крови, а другая часть крови «делается» и становится женщинами вследствие охлаждения.

647 (В 65)

АРИСТОТЕЛЬ. О возникновении животных, А 18. 723 а 24 сл.;

ПСЕВДО-ФИЛОПОН. Комм. к «О возникновении и уничтожении», с. 30, 4 сл.:

[Мужчина?] отливается в очищенной [от месячных] утробе, другая часть
делается женщинами,

Охладившись. . .

648 (ср. А 80)

СОРАН. Гинекология, I, 21, 1—3; SMG, IV, с. 14, 9 сл.: [Месячные] иногда опережают срок или опаздывают на несколько дней. У каждой они случаются в свой собственный срок, а не у всех в один и тот же, на ущербе Луны, как утверждали Диокл и Эмпедокл. Одни очищаются до двадцатого, другие — двадцатого, одни — на приросте Луны, другие — на ущербе, третьи — в любой другой, привычный для них срок.

649 (ср. А 80)

АРИСТОТЕЛЬ. История животных, II 2. 582 а 34 сл.: Месячные бывают на ущербе месяца. Поэтому некоторые мудрословы говорят, что и Луна тоже самка, так как очищение самок и ущерб Луны происходят одновременно, а после очищения и ущерба в обоих случаях происходит наполнение.

651 (А 81)

ЦЕНЗОРИН. О дне рождения, 6, 6: Анаксагор и Эмпедокл согласны в том, что если семя изольется с правой стороны, то рождаются мужчины, а если с левой — то женщины. Насколько сходны их мнения по этой статье, настолько они различны относительно сходства детей [с родителями]. Подробно обсудив этот вопрос, Эмпедокл высказывает следующие взгляды. Если в семени обоих родителей содержится равное количество тепла, рождается мальчик, похожий на отца, если холода — девочка, похожая на мать. Если семя отца горячее, а матери холодное, родится мальчик, чертами лица похожий на мать. Если же семя матери горячее, а семя отца холодное, быть девочке, похожей на отца.

652 (ср. В 63)

ПСЕВДО-ФИЛОПОН. Комм. к «О возникновении животных», с. 27, 4 сл.; 8 сл.; 14 сл.; 33 сл.; с. 28, 9 сл.: Эмпедокл полагал, что [во время соития миниатюрные] части [тела] отделяются и от отца и от матери, от отца — важнейшие, как-то: голова, сердце, печень, и т. д., от матери — менее важные, как-то: руки, ноги и т. д. Вот что утверждал Эмпедокл, а кроме того, что и части, исходящие от отца, живут еще находясь внутри отца, и точно так же части, исходящие от матери. . . Таким образом, Эмпедокл утверждает, что ребенок как бы символ, встреча и соединение частей, отошедших от отца и от матери, но не от одного только отца и не от одной только матери. Аристотель процитировал «частью она в мужском», но опустил «частью она в женском». Подобно тому как, говорит [Аристотель], большие неподобчастные [части тела] не могли быть живыми в эпоху преобладания Распри над Любовью (а Эмпедокл считал живыми и обладающими ощущением «безвзвешные головы») [ср. фр. 495], так вот, подобно тому как те большие головы не могли быть живыми и обладающими ощущением, будучи отделены от целостных организмов, равно как и те большие руки и проч., точно так же и мельчайшая голова, исходящая от отца [во время соития], и все прочее, что, по словам Эмпедокла, от него исходит, тоже не могут жить и ощущать, будучи отделены друг от друга. [По словам Аристотеля], утверждение тех, кто полагает, что [во время соития] части [ребенка] отделяются от всех частей тела [родителей], ничем не отличается от утверждения Эмпедокла, согласно которому в эпоху Любви, т. е. в эпоху поражения Любви и [постепенного] преобладания Распри, в земле скопились живые и обладающие ощущением головы, руки и прочие части тела, а затем из них, словно из множества [отдельных] животных, родилось каждое из животных.

653 (А 81)

Мнения философов (Псевдо-Плутарх), V, 11. 1 («Откуда происходит сходство с родителями и с предками?»); Эмпедокл объясняет сходство преобладанием той или иной спермы, несходство — испарением внутрисеменного тепла.

654 (А 81)

Мнения философов (Псевдо-Плутарх), V, 12, 2 («Отчего дети бывают похожими не на родителей, а на других?»): По Эмпедоклу, облик младенцев обусловлен воображением женщины в момент зачатия. Так, женщины часто влюблялись в статуи и картины и рождали детей, похожих на эти изображения.

657 (А 81)

Мнения философов (Псевдо-Плутарх), V, 10, 1 («Как рождаются двойни и тройни?»): По Эмпедоклу, двойни и тройни рождаются вследствие переизбытка или разрыва семени.

658 (А 81)

Мнения философов (Псевдо-Плутарх), V, 8, 1 («Как рождаются уроды?»): По Эмпедоклу, уроды рождаются вследствие переизбытка или недостатка семени, либо вследствие нарушений при зачатии, либо вследствие деления [семени] на несколько частей, либо вследствие его уклонения. Таким образом, он, очевидно, предвосхитил едва ли не все объяснения.

659 (А 81)

ЦЕНЗОРИН. О дне рождения, 6, 9 сл.: По мнению Гиппона, рождение близнецов зависит исключительно от [количества] семени: когда его больше, чем нужно на одного [зародыша], оно отводится в два места. Почти такого же мнения держался и Эмпедокл, который не объясняет, почему [семя] делится, а лишь утверждает, что это так. И если, говорит он, и та и другая часть [разделившегося семени] занимает одинаково теплые места, рождаются два мальчика, если одинаково холодные — две девочки, а если одна — более теплая, другая — более холодная, быть разнополым близнецам.

674 (А 89)

АЛЕКСАНДР АФРОДИС. Естественнонаучные вопросы, II, 23, с. 72, 9 («О Гераклевском камне, почему он притягивает железо?»): По словам Эмпедокла, железо движется к магниту благодаря истечениям от обоих тел, а также благодаря соразмерности пор магнита истечениям железа. Истечения магнита отталкивают и приводят в движение воздух, находящийся у пор железа и закупоривающий их. По удалении воздуха железо увлекается сплошным потоком истечений. И поскольку истечения, движущиеся от железа к порам магнита, соразмерны и «подогнанны» к ним, то и железо следует за истечениями и движется. Позволительно спросить — даже если допустить теорию истечений, — отчего ж это магнит не «следует» за своими собственными истечениями и не движется к железу? Из сказанного вытекает, что магнит ничуть не с большим основанием должен двигаться к железу, нежели железо к магниту. Далее, почему бы железу иногда не двигаться и без магнита, когда исходящий от него сплошной поток истечений движется к какому-нибудь другому телу? Почему одни лишь истечения от магнита могут сдвигать с места воздух, закупоривающий поры железа и сдерживающий истечения? Кроме того, почему никакое другое тело не движется таким же образом к какому-нибудь еще, хотя он и признает, что многие тела обладают порами, соразмерными истечениям друг друга. Так, он говорит [следует фр. 680].

675 (А 89)

ПСЕЛЛ. О камнях, 26, с. 247: Многие дерзнули объяснить причины этих сил, присущих камням: из более древних мудрецов — Анаксагор, Эмпедокл и Демокрит, а из живших незадолго до нас — Александр Афродисийский. . .

680 (В 91)

АЛЕКСАНДР АФРОДИС. Естественнаучные вопросы, II, 23, с. 72, 9 сл.:

Вода лучше приложена к вину, а с оливковым маслом
Не хочет [смешиваться]. . .

681 (А 82)

Мнения философов (Псевдо-Плутарх), V, 14, 2 («От чего мулы бесплодны?»). Эмпедокл полагает, что по причине малости, низкого положения и узкости матки, приращенной к животу в перевернутом состоянии, так что сперма не может в нее попасть, и даже если достигнет, матка ее не воспримет.

682 (ср. В 92)

АРИСТОТЕЛЬ. О возникновении животных, В 8. 747 а 24 сл.: Род мулов совершенно бесплоден. То, что говорят относительно причины этого Эмпедокл и Демокрит (первый — неясно, второй — несколько яснее), говорится неправильно, ибо оба они применяют одинаковое доказательство для всех спариваний не по родству. . . (а 34 сл.) Эмпедокл же видит причину в том, что смесь обоих видов в семени становится плотной, тогда как семенные влаги — и та и другая — мягки: полые и плотные частицы прилаживаются друг к другу, и от подобного соединения мягкое приобретает плотность, подобно олову, сплавленному с медью. Его суждения неправильны как в отношении причины смешения меди с оловом (относительно этого сказано в «Проблемах»), так и вообще, поскольку он берет начало из области неизвестного. Ибо каким путем образует смесь взаимное прилаживание полого и сплошного, например в случае вина и воды? Ведь это превосходит наше понимание, так как представление о полых частицах вина и воды слишком далеко от наших чувств. . . (747 b 12) Почему. . . возникает такое плотное смешение, что родившееся животное становится бесплодным, тогда как от кобылы и жеребца или ослицы и осла бесплодного потомства не происходит, хотя семя жеребца и кобылы имеет мягкую консистенцию? Скрещивается и кобыла и жеребец с ослом и ослицей, и в обоих случаях, по его мнению, получается бесплодное потомство, потому что вследствие мягкости семян из двух возникает нечто единое. Но тогда потомству жеребца и кобылы также надлежало быть бесплодными? Ведь если бы в скрещивании принимало участие только одно из них, возможно было бы считать его причиной, почему с ослиной семенной влагой оно не производит подобного себе [т. е. плодового] потомства; на самом же деле, той именно семенной влагой, какой оно скрещивается с ослиной, оно соединяется и с семенем сородича. Далее, доказательство, о котором идет речь, дается для обоих полов, самца и самки. . . (пер. В. П. Карпова).

683 (А 87)

ПСЕВДО-ФИЛОПОН. Комм. к «О возникновении и уничтожении», с. 123, 13 сл.: По словам Эмпедокла, как говорит Аристотель в «О возникновении и уничтожении», во всех подлунных телах, как-то: воде, оливковом масле и проч., имеются вперемешку

поры и непроницаемые части, причем поры он назвал полыми, а непроницаемые части — плотными. Тела, поры и непроницаемые части (т. е. полые и плотные части) которых соразмерны друг другу, так что они могут проникать друг сквозь друга, могут, по его словам, образовывать смесь и слияние, как, например, вино и вода, а которых несоразмерны, те, как он говорил, смешиваться не могут, как, например, оливковое масло и вода. . . [ср. 680].

685 (В 93)

ПЛУТАРХ. Об упадке оракулов, гл. 41. 433 В:

С виссоном смешивается сияние лучистого шафрана.

699 (В 110)

Ст. 1—10: ИППОЛИТ. Опровержение, VII, 29, 26; с. 215, 3 сл.; 10: *Он же*, VI, 12, с. 138, 8 (цитату Секста см. 578):

- Если, утвердив их в глубине крепкого ума,
Ты будешь благосклонно назирать [~беречь] их чистыми стараниями,
То все они останутся твоим достоянием навек,
И от них ты приобретешь еще много других, ибо они сами себя умножают:
- 5 Каждое — на свой лад, каждое — сообразно своей природе.
Если же ты станешь домогаться иных [приобретений] — тех, что
Приносят людям неисчислимыя беды и притупляют мысли,
То поверь, в скором времени они покинут тебя,
Ибо они вожделеют вернуться к своей родной породе:
- 10 Знай, что все обладает умом и долей сознанья.

Очищения

112 ДК. Стихи 1. 2. 4—11: ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 62; Ст. 1—2: Там же, 54: О том, что он был акрагантец из Сицилии он сам говорит в начале «Очищений»: «Друзья. . . акрополе». Ст. 3: ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ, XIII, 83; Ст. 10—12: КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, VI, 30.

- Друзья! Вы, что живете в большом городе на берегах золотистого Акраганта,
На самом акрополе, радеющие о добрых делах,
Вы — почтенные гавани для чужестранцев, не ведающие худа,
Привет вам! А я — уже не человек, но бессмертный бог для вас —
- 5 Шествую, почитаемый всеми как положено,
Перевитый лентами и зеленеющими венками:
Ими — едва лишь я прихожу в цветущие города —
Почитают меня мужчины и женщины. Они следуют за мной
— Тьмы и тьмы — чтобы выпросить, где тропа к пользе:
- 10 Одним нужны предсказания, другие по поводу болезней
Всевозможных спрашивают, чтобы услышать целительное слово,
Давно уже терзаемые тяжкими муками.
113. СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, I, 302 (после В 112, 5):
Да что я напирю на это? Будто я делаю что-то важное,
Если превосхожу смертных, гибнущих от множества напастей людей.

114. КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, V, 9:

Друзья! Я знаю, что в словах, которые я выскажу, — истина.
 Но только очень трудным бывает для людей
 И вызывающим подозрения порыв Убеждения [проникнуть] в ум.

115. Ст. 13.14.4—12.1.2: ИППОЛИТ. Опровержение, VII, 29: Именно это говорит о своем рождении Эмпедокл: «Ныне и я в их числе. . . скиталец» (ст. 13), то есть богом он называет Одно и божественное Единство, в котором он пребывал прежде, чем был отторгнут Ненавистью и родился в этом мире множества, соответствующем миро-строю Ненависти. <«Повинуясь бешеной» Ненависти», говорит он, называя «бешеной», беспорядочной и неустойчивой <«Ненавистью»> демиурга этого космоса. Именно в этом состоит осуждение и принуждение (ананкэ) душ, которые Ненависть отрывает от Одного и творит, и создает, о чем он говорит так: «И кто преступной клятвой. . . долго-вечную жизнь» (4—5), называя «долговечными демонами» (sic) души, так как они бес-смертны и живут долгий век. «Тридцать тысяч. . . блаженных» (6), говорит он, назы-вая «блаженными» собранных Любовью из мира множества в Единство умопостигае-мого мира. Они, по его словам, скитаются и «рождаея. . . сменяют мучительные пути жизни» (7—8). «Мучительными путями» он называет перемены и превращения душ в тела: именно это означает «сменяя мучительные пути» (8). Души «сменяют» тело за телом, — их переселяет и наказывает Ненависть, не давая им оставаться в Одном. Ненависть наказывает их всеми видами наказаний, заставляя переселяться из тела в тело: «Мощь Эфира. . . все ненавидят» (9—12). Таково наказание, которым наказы-вает [их] демиург, словно кузнец, перековывающий железо и окунающий их из огня в воду. «Эфир» значит огонь, откуда демиург переселяет души в море, а «хтон» значит земля, поэтому он говорит «из воды на землю, с земли в воздух». Именно это означают его слова «Земля — к лучам Солнца. . . все ненавидят» (10—12). Итак, ненавистные души. собирает воедино Любовь (Филия), поскольку она добрая и испытывает со-страдание к их стенаниям в хаотическом и злом миропорядке «бешеной Ненависти». . . Вследствие подобного устройства губительной Ненавистью этого вот раздробленного на части мира Эмпедокл призывает своих учеников воздерживаться от [вкусения] всего живого: по его словам, употребляемые в пищу тела животных суть обиталища наказанных душ. Слушателей, внемлющих таким учениям, Эмпедокл учит воздержи-ваться от общения с женщиной, чтобы они не содействовали и не принимали участия в делах, творимых Ненавистью, которая постоянно разрушает и разрывает творение Любви. Это Эмпедокл считает величайшим законом управления Вселенной в следую-щих словах: «Есть. . . клятвам» (1—2). «Необходимостью» он называет превращение из одного во многое согласно Ненависти и из многого в одно согласно Любви. Что касается богов, то, как я сказал, он принимает четыре смертных [бога]: огонь, воду, землю, воздух, и двух бессмертных, нерожденных, всегда враждебных друг другу: Ненависть и Любовь. Ст. 1.3.5.6.13: ПЛУТАРХ. Об изгнании, 17. 607 с: Предвозгла-сив в начале своей философии «Есть оракул Необходимости. . . скиталец», Эмпедокл говорит не про себя, а — на примере себя — про всех нас как переселенцев, чужаков и изгнанников, [попавших] в этот мир. . . душа уходит в изгнание и скитается, гонимая божественными решениями и законами. Ст. 9—12: ПЛУТАРХ. Об Исиде и Осирисе, 361 с: Эмпедокл говорит, что демоны несут наказание за свои грехи и проступки «Мощь Эфира. . . все ненавидят» — до тех пор, пока понесшие наказание и очистившиеся они не обретут снова свою естественную страну и положение. Ст. 13—14: ПЛОТИН,

IV, 8, 1: Эмпедокл, сказав, что грешным душам закон пасть сюда, и что сам он, сделавшись «изгнанником от бога» пришел [сюда], «повинуясь бешеной Ненависти», обнажил [истину] в той же мере, в какой, думается, намекали на это и многое другое Пифагор и его последователи.

Есть оракул [~ рок] Необходимости (Ананкэ), древнее постановление богов, Вечное, скрепленное, словно печатью, пространными клятвами:

Если какой-нибудь демон (божество) осквернит свои члены кровью
[~ убийством] по прегрешению,
<И>, следуя <Ненависти>, поклянется преступной клятвой,

- 5 — Из тех, кому досталась в удел долговечная жизнь —
Тридцать тысяч лет скитаться ему вдали от блаженных,
Рождаясь с течением времени во всевозможных обличьях смертных
[существ].

Сменяя мучительные пути жизни.

Мощь Эфира гонит его в Море,

- 10 Море выплевывает на почву Земли, Земля — к лучам
Сияющего Солнца, а Солнце ввергает в вихри Эфира.
Один принимает от другого, но все ненавидят.
По этому пути и я иду ныне, изгнанник от богов и скиталец,
Повинуясь бешеной Ненависти. . .

116. ПЛУТАРХ. Застольные вопросы, IX, 5. 745 с: Чудит Платон [Государство, X. 617 b], помещая на вечные и божественные сферы вместо Муз — Сирен, божества не очень-то человеколюбивые и не добрые, а Муз то ли опуская вовсе, то ли под именем Мойр называя их дочерьми Необходимости (Ананкэ). Чужда мусического духа Необходимость, но исполнено его Убеждение (Пейто), которое любезно [?] Музам и, по-моему гораздо больше, чем Эмпедоклова Милость (Харита)

. . . ненавидит невыносимую Необходимость (Ананкэ).

117. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 77; ИППОЛИТ. Опровержение, I, 3:

Некогда я уже был мальчиком и девочкой,
Кустом, птицей и вынырывающей из моря немой рыбой.

118. КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, III, 14: С ним [Гераклитом, фр. 99] явно сходится и Эмпедокл, который говорит: «Я заплакал . . . страну». СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, XI, 96: Некоторые эпикурейцы имеют обыкновение. . . утверждать, что животное от природы и без научения избегает боли и стремится к удовольствию: так, едва рожденное на свет и еще не поработанное предрассудками, оно, как только его хлестнет непривычным холодным воздухом, плачет и рыдает.

Я заплакал и зарыдал, увидев непривычную страну.

119. КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, IV, 12: [Гностики] . . . воспитывает и избличает «от какой. . . счастья», как говорит Эмпедокл, он пришел сюда и пребывает со смертными. ПЛУТАРХ. Об изгнании, 17. 607 D [после В 115, 1 сл.]: Затем, словно на качающемся острове, «подобно моллюску», как говорит Платон, [Федр, 250 с], привязанная к собственному телу, так как не думает и не помнит «от какой . . . счастья» переселилась [она сюда, душа] . . . сменившая небо и луну на землю и земную жизнь,

стоит ей здесь немного переместиться с одного места на другое, начинает тяготиться и испытывать странное чувство. Ср. СТОБЕЙ, III, 40, 5.

От какой чести и сколь великой глубины счастья. . .

120. ПОРФИРИЙ. О пещере нимф, 8: У Эмпедокла душеводительные силы говорят:

Мы пришли в эту закрытую сверху пещеру. . .

121. Ст. 1.2.4: ГИЕРОКЛ. Комм. к «Золотым стихам», 24: Возвращается и вновь обретает первоначальную стать, если покинет околосземное пространство и «безрадостную страну», как он сам говорит, «где Убийство . . . Кер», попавшие в которую «блуждают . . . Злосчастия». Бегущий торопливо устремляется от «луга Злосчастия» к «лугу Истины» [31 С 1], покинув который в порыве обескрыливания он входит в земное тело, «блаженной жизни лишившись» [31 В 158]. Ст. 2.4: ПРОКЛ. Комм. к «Государству», II, 157, 24 Kroll. 2.3: ПРОКЛ. Комм. к «Кратилу», стр. 103 Boiss. 2.4: СИНЕЗИЙ. О провидении, 1: Установлен закон Фемиды, возглашающий душам: которая из них, прибыв на окраину бытия, сохранит свою природу и проживет незапятнанной, та по тому же самому пути востечет обратно и изольется в свой родной источник, и точно так же душам из другой группы, некоторым образом сорвавшимся со своей природы, суждено расположиться на постой в потаенных глубинах, «где. . . Злосчастия».

. . безрадостную страну,

Где Убийство и Злоба, и толпы иных Кер,
Иссушающие Болезни, Гниение и Текучесть.
[Попавшие туда?]

Блуждают во тьме по Лугу Злосчастия.

122. ПЛУТАРХ. О спокойствии духа, 15. 474 В: Но скорее, как полагает Эмпедокл, каждым из нас после рождения завладевают и правят две доли (мойры) и два божества (демона):

Там были Хтония (Земля) и дальнорская Гелиопа (Солнцеликая),
Кровавая Распря и степенноокая Гармония (Лад),
Красавица и Безобразница, Торопливица и Медливица,
Милая Непреложность и черновласая Неясность.

123. КОРНУТ, 17: [Титаны], по-видимому, означают различия сущего. Подобно тому, как Эмпедокл перечисляет «Родильница. Говорильница», намекая на пестрое разнообразие бытия, так и древние называли Иапетом речь (логос), благодаря которой животные стали говорить и вообще возник звук, как своего рода иафет (иа значит «голос»), Кей же и т. д.

Родильница и Губильница, Почивальница и Будильница,
Двигунья и Неподвижность, многовенчанная Дева-Величие
И Дева-Мразь, Молчальница и Говорильница. . .

124. 1.2: КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, III, 14 [после В 125]; ТИМОН ИЗ ФЛИУНТА, фр. 10 Diels.

Ох, горе, горе! О жалкий род людской, о злосчастный!
От таких Раздоров и Стонов вы родились!

125. КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, III, 14 [после В 118]:

Из живых она [Ненависть] творила мертвых, меняя обличья,
А из мертвых — живых.

126. ПЛУТАРХ. О плотоядении, 2. 998 С (о палингенесии): Природа меняет и переселяет все: «одевающая плоти» [без имени автора]. ПОРФИРИЙ у Стобея, I, 49, 60: Судьба и природа перевоплощения наречена Эмпедоклом «богиней», которая «одевает. . . плоти» и переоблачает души.

Богиня. . .

Одевающая [души] в чужую рубашку плоти.

127. ЭЛИАН. О природе животных, XII, 7: Эмпедокл говорит, что наилучшее переселение для [души] человека, если жребий переведет его в животное, — стать львом, а если в растение — лавром. Вот его собственные слова:

Среди зверей рождаются горнологовищными львами, чья постель — земля,
А среди прекраснокудрых деревьев — лаврами.

128. ПОРФИРИЙ. О воздержании, II, 20 [из Теофраста, «О благочестии»]: В старину народ приносил жертвы трезвенные. Трезвенные — значит возлияние воды. После этого появилось возлияние меда. а затем елея. Наконец, позже всего появилось возлияние вина. . . (21) Об этом свидетельствуют не только критские скрижали, на которых записаны корибантические жертвоприношения. но и Эмпедокл, который излагая теогонию, попутно высказывается и о жертвах: «И не было Царца», то есть Любовь, «которую они. . . землю». Эти жертвы еще и поныне сохраняются у некоторых, словно некие остатки истины, а «чистой. . . алтарь». Ибо когда всеми владела Любовь и чувство родства, думаю я, никто никого не убивал, считая всех остальных животных родней. Когда же возобладали Арес, Кидем, всевозможные битвы и начало войн, с тех пор уже никто никого из близких совершенно не щадил.

И не было у них никакого бога Ареса, никакого Кидема,

Ни Зевса Царя, ни Крона, ни Посейдона,

Но [только] Киприда Царица. . .

Ее они умилоствовали благочестивыми приношениями [~изваяниями],

5 Нарисованными животными и утонченно пахнущими благовониями,

Жертвоприношениями чистой смирны и душистого ладана,

И совершая возлияния золотистого меда на землю,

А чистой кровью быков не кропялся алтарь,

Но было это величайшей скверной среди людей:

10 Вырвав жизнь, поедать благородные члены.

129. ПОРФИРИЙ. Жизнь Пифагора, 30: Сам [Пифагор] слышал гармонию Вселенной, так как понимал всеобщую гармонию сфер и движущихся сообразно с ними светил, а мы ее не слышим по причине ничтожности нашей природы. Об этом свидетельствует и Эмпедокл, который говорит о нем: «Был. . . веков». Был слова «обладающий необычайными познаниями», «видел каждую из всех сущих [вещей]» и «богатство ума» и сходные эмфатические выражения в особенности [свидетельствуют] об исключительной и более тонкой, чем у других, организации зрения, слуха и интеллекта Пифагора.

Был среди них некий **муж**, обладавший необычайными познаниями,

Который стяжал величайшее богатство ума,

И особенно искушенный в разного рода мудрых делах.

Стоило ему устремиться [~ пожелать] всеми силами ума,

5 Как он с легкостью видел каждую из всех сущих [вещей]

И за десять, и за двадцать человеческих веков.

130. Схолии к НИКАНДРУ, О действии животных ядов, 452; с. 36, 22:

Все [живые существа] были покорны и приветливы к людям:

И звери, и птицы, и пылало дружелюбие.

131. ИППОЛИТ. Опровержение, VII, 31, 4: Эмпедокл говорит, что существует мир, управляемый злой Ненавистью, и другой — умопостигаемый, управляемый Любовью. Посредине между двумя враждебными началами находится справедливое слово, согласно которому разделенное Ненавистью собирается вместе и в согласии с Любовью сообразовывается с Одним. Вот это самое справедливое слово, выступающее соратником Любви, Эмпедокл называет Музой и просит его о содействии в следующих словах:

Если ради одного из эфемерных существ, о бессмертная Муза,

<Тебе угодно было> позаботиться о наших стараниях,

То откликнись на мою молитву и теперь, и приди мне на помощь, Каллиопа,

Когда я намерен возгласить доброе слово о блаженных богах.

132. КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, V, 140:

Блажен, кто стяжал богатство ума в понимании божественного,

Жалок тот, кто лелеет темное мнение о богах.

133. КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, V, 81: Ибо божество, как говорит акрагантский поэт,

Нельзя приблизить к себе как доступное нашим

Очам или взять руками — а именно так главнейшая

Торная дорога Убеждения проникает в сердце людей —

<Но следует созерцать умом?>

134. АММОНИЙ. Комм. к «Об истолковании», 249, 1 Busse: Поэтому и акрагантский мудрец, подвергнув бичеванию рассказываемые поэтами мифы об антропоморфных богах, прежде всего привел доводы относительно Аполлона, о котором у него непосредственно шла речь, но в таком же духе высказался и обо всяком божестве вообще: «Ибо оно . . . мыслими», причем в слове «святой» он намекает на сверх-умную причину. [Ср. ИОАНН ЦЕЦ. Хилиады, VII, 519: Эмпедокл в третьей книге «О природе» показывает, какова сущность бога. . .]

Ибо оно не уснащено человеческой головой на теле

И из спины у него не прыщут две ветви [рук],

Нет ни ног, ни проворных колен, ни волосатого члена,

Оно — только Дух (φρόνη), святой и несказанный,

5 Обегающий весь космос быстрыми мыслями.

135. АРИСТОТЕЛЬ. Риторика, I, 13. 1373 b 4 сл.: Под законом я разумею, во-первых, частный, во-вторых, общий. . . общим я называю закон естественный. Ибо есть нечто, что интуитивно ощущают все: некое общее естественное право и противоправность, даже если [субъекты этого права] не связаны между собой никаким сообществом и никаким договором. Нечто подобное, по-видимому, говорит Софоклова Антигона

[ст. 450 сл.] о том, что, несмотря на запрет, справедливо похоронить Полиника, поскольку на это есть естественное право: «Это [возникло] не теперь и не вчера, но живет всегда и никто не знает, с каких пор оно появилось». В этом же смысле и Эмпедокл говорит о том, что нельзя убивать живое, ибо, по его словам, это нельзя считать справедливым для одних и несправедливым для других,

«Но то, что имеет силу закона для всех, непрерывно простерто
И через широкие владения Эфира, и через бесконечный свет»,
<Тогда как человеческие законы. [?]>

Об этом же говорит и Алкидамант в «Мессенской речи»: «Бог всех отпустил свободными, природа никого не сделала рабом».

Ср. ЦИЦЕРОН. О Государстве, III, 11, 19: Пифагор и Эмпедокл провозглашают равенство в правах для всех живых существ и заявляют, что тем, кто совершил насилие над животным, угрожают неумолимые кары.

СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, IX, 126 (перед В 136): Коль скоро справедливость введена сообразно с взаимным общением между людьми, а также между людьми и богами, то если нет богов, не возникнет и справедливости. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 108: Из числа государственных деятелей [Пифагор] предписал законодателям воздерживаться от [употребления в пищу] живых существ: коль скоро они стремятся к высшей справедливости, то уж им-то, разумеется, следует не обижать никого из родственных животных. Каким образом им удалось бы убедить других поступать справедливо, если сами они находятся в плену лихоимства и вкушают родственных животных, которые вследствие общности жизни, тех же самых стихий и возникающего из них образования [т. е. космоса как общего дома] как бы связаны с нами узами братства?

*ПЛУТАРХ. О мясоедении, II, 3. 997 D—998 A; с. 107, 26 сл. Drexler: Разве не роскошь любой обед, для которого умерщвляется нечто живое? Или мы считаем душу невеликой тратой? Я даже не имею в виду [душу] матери, отца, друга или ребенка, о чем говорил Эмпедокл [ср. В 137], но всякую душу, наделенную ощущением, зрением, слухом, воображением, сознанием [. . .]. Подумай же, кто из философов делает нас более цивилизованными: те, кто предписывает поедать умерших детей, друзей, отцов и жен, или же Пифагор с Эмпедоклом, которые приучают нас быть справедливыми даже к существам иной породы? [. . .] А учения Пифагора и Эмпедокла, равно как бескровные жертвоприношения и [растительное] питание, были общепринятыми установлениями древних эллинов. <Нам скажут>, что с бессловесными животными мы не связаны никаким правом. Кто же так впоследствии постановил? <Те, кто впервые злодейский выковал нож для разбоя, Первыми мяса быков вкусили пахотных. .» [АРАТ. Феномены, ст. 131—132].

136. СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, IX, 127: Последователи Пифагора и Эмпедокла, а также множество других италийских философов утверждают, что существует общность не только между нами, и не только между нами и богами, но и между нами и бессловесными животными. По их мнению, существует единое дыхание, которое пронизывает весь космос наподобие души и объединяет нас с ними. Поэтому, убивая их и питаясь их мясом, мы совершим беззаконие и нечестие как уничтожающие родственников. Потому-то и увещевали эти философы воздерживаться от [вкушения] живых существ и говорили, что нечестиво поступают люди, «блаженных алтарь обгаряя теплою кровью», да и Эмпедокл говорит где-то:

Ужели не прекратите зловучного убийства? Ужели не видите,
Что по беспечности ума вы раздраете друг друга?

137. ОРИГЕН. Против Кельса, V, 49: Веря в миф о перевоплощении души, они [=пифагорейцы] воздерживаются от [вкусения] живых существ, а тот, кто «родного сына. . . глупец».

СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, IX, 129 (после В 136, 2): . . . а также:

Подняв [над алтарем] родного сына, изменившего облик, отец
Закалывает его с молитвой — великий глупец! Служители взирают,
Принося в жертву умоляющего. А отец, глухой к его крикам,
Заколов-таки, готовит в палатах ужасный пир,

5 И точно так же сын хватает отца, а дети — мать,
И вырвав дух, пожирают родную плоть.

138. АРИСТОТЕЛЬ. Поэтика, 21. 1457 b 13: [Метафора, т. е. перенос] с вида на вид [имеет место], например, [в случае с]

. . . медью вычерпав душу. . .

и «отсекши несокрушимой медью» [В 143]: здесь вместо «вычерпать» он сказал «отсечь», а вместо «отсечь» — «вычерпать».

139. ПОРФИРИЙ. О воздержании, II, 31: Поскольку никто не безгрешен, остается впрямь самим исцеляться от грехов, связанных с питанием, с помощью очищений. Это равным образом возможно, если, воочию представив себе весь ужас [мясоедения], мы горестно воскликнем вслед за Эмпедоклом:

Горе мне, что неумолимый день не сгубил меня раньше,
Чем я изобрел своими губами гнусные дела [мясо]едения!

140. ПЛУТАРХ. Застольные вопросы, III, 1, 2. 646 D:

От листьев лавра — совершенно воздерживаться!

141. АВЛ ГЕЛЛИЙ, IV, 11, 9 (контекст см. гл. 14, 9): Причина ошибочного представления о том, что Пифагор не ел бобов, по-видимому, та, что в стихотворении Эмпедокла, который следовал учениям Пифагора, имеется следующий стих:

Несчастные, трижды несчастные! Не прикасайтесь к бобам!

(10) Большинство считало, что «бобами» (*κικάρους*) здесь назван стручковый плод как в обычном словоупотреблении. Но те, кто с большим тщанием и более тонко судил о стихотворениях Эмпедокла, говорят, что слово *κικάρους* в этом месте означает тестикулы, которые на пифагорейский манер — прикровенно и символически — названы «бобами», так как они — «причина беременности» (*αἵτιοί τοῦ κικάρου*) и в них содержится детородная сила человека. А потому этим стихом Эмпедокл, по их мнению, хочет отвадить людей не от вкусения бобов, а от грязи любовных дел. Ср. ДИДИМ. Комм. к «Геопонику», II, 35, 8: Первым от употребления бобов воздержался Амфиарай, так как ему было пророчество во сне. Известен также стих Орфея: «Несчастные. . . бобам!».

142. ДЕМЕТРИЙ ЛАКОНСКИЙ. Геркуланумский папирус № 1012, стб. 25 De Falco: Та же самая [фигура *ἀπὸ κοίτης*] встречается у Эмпедокла, когда он говорит:

Его не принимают ни верхние чертоги эгидодержавного Зевса,
Ни . . . дом . . . Аида. . .

143. ТЕОН СМИРНСКИЙ, с. 15, 7 Hiller (ср. В 138): По словам Эмпедокла, надо очищаться,

Отсекши от пяти источников длиннолезвейной медью. . .

144. ПЛУТАРХ. Об обуздании гнева, 16. 464 В: Великим и божественным почитал я изречение Эмпедокла:

. не вкушать ала!

145. КЛИМЕНТ АЛЕКС. Протрептик, 2, 27: Так мы, некогда сыны беззакония, стали сынами Божиими, а вам [язычникам] и ваш собственный поэт, Эмпедокл из Акраганта, внушает:

Так найдите же: доводимые до отчаянья тяжкими несчастьями,
Вы никогда не облегчите свое сердце от горьких печалей.

*145 bis. ПЛУТАРХ. О мясоедении, I, 7. 996 в; с. 103, 12 Drexler: Недурно бы, пожалуй, зачитать в порядке прелюдии и предвозгласить стихи Эмпедокла: * * * [цитата выпала]. В этих словах он аллегорически говорит о том, что [в земной жизни] души несут наказание за убийство, вкушение плоти и каннибализм: поэтому они прикованы к смертным телам. Впрочем, учение это, думается, много древней, ибо миф о страстях Диониса и т. д. [продолжение см.: ОРФЕЙ. Рапсодич. Теогония, к фр. 210].

146. КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, IV, 150: И Эмпедокл говорит, что души мудрых становятся богами; он пишет так:

А под конец они становятся прорицателями, песнопевцами, врачами
И вождями у живущих на земле человек,
Откуда вырастают в богов, всех превосходящих почестями.

147. КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, I, 122: Если же проживем жизнь благочестиво и праведно, то блаженны будем на земле, но еще блаженнее после ухода из этого мира, ибо будем владеть счастьем не на время, а сможем упокоиться в вечности «живущие. несокрушимые», как говорит философская поэзия Эмпедокла.

Живущие у одного очага и сотрапезники других бессмертных,
Свободные от человеческих страданий, несокрушимые.

148. ПЛУТАРХ. Застольные вопросы, V, 8, 2. 683 E: [Эмпедокл называет] «землей, в которую облачен человек», тело, облекающее душу.

149=«О природе», фр. 384 Bollack; 150=519; 151=400;

152. АРИСТОТЕЛЬ. Поэтика, 21. 1457 b 22: Старость относится к жизни, как вечер — к дню. Поэтому вечер назовут «старостью дня», или так, как Эмпедокл, а старость — «вечером жизни» или «закатом жизни».

153=480 В.; 153 а=609.

Dubia

154. ПЛУТАРХ. О мясоедении, I, 2. 993 с: Может быть, причину, побудившую тех первых людей к мясоедению, следовало бы усмотреть в безысходности их положения? Ибо пришли они к этому не потому, что предавались противозаконным вожделениям, и не потому, что, обнаглев от избытка всего необходимого, пустились в противоестественные и непотребные наслаждения. Если бы они вновь пришли в чувство и обрели голос в наши дни, то сказали бы: «О блаженные любимцы богов, люди нынешнего времени! Какая счастливая жизнь досталась вам и каким жребием изобильных

благ вы обладаете! Сколько всего растет у вас, сколько собирается с полей, какое богатство с равнин, сколько радостей можно сорвать с растений! Вы можете роскошествовать, не оскверняясь. На нашу же долю достались самое суровое время и самая страшная жизнь, ибо мы оказались перед огромными и немислимыми трудностями с первых дней миротворения. Еще небо и звезды покрывал туманный воздух, смешанный с мутной и взбаламученной влагой, огнем и ураганными ветрами. Солнце еще не утвердилось на неуклонном и постоянном пути,

Не разделило зари и заката, и не поворачивало снова назад,
Украшая [землю] плодоносными цветобутоновенчанными
Временами года. Земля была поругана

беспорядочными стоками рек и большая часть ее, обезображенная болотами, глубокими грязями, бесплодными чащами и лесами, лежала одичалой. Ни плодов одомашненных растений, ни орудий ремесла, ни хитроумных изобретений не было и в помине. А голод не давал времени, и сев пшеницы в ту пору не дожидался времен года. Что ж удивительного, если мы стали употреблять мясо животных, когда пищей служил ил, «вкусалась кора деревьев» и «найти растущую травинку или камышинку» или какой-нибудь корень было счастьем? А когда отведали желудей и поели, то от радости заплясали вокруг дуба и стали величать его «хлебодарницей», «матушкой» и «кормилицей». Вот какой праздник знавала тогдашняя жизнь, а все прочее было исполнено тревожений и ужаса. Вас же, нынешних, у которых в избытке столько всего необходимого, вас-то что за бешенство, что за опалелость влечет к гнусному кровопролитию?»

154 а. Там же, II, 1. 996 DE: Как сказал Катон, трудно обращаться к брюху, не имеющему ушей [т. е. к приверженцам мясоедения]. А кроме того, [ими] уже испит кикеон [= «коктейль»] привычки, подобно кикеону Кирки

Смешивающий муки с болями и обманы с рыданиями.

154 b=ARAT. Феномены, 131 сл. (ср. В 135, Плутарх).

154 с. Суда, под словом «сразу»: И пословица:

«Сразу видать деревца, что плод принести обещают» — [употребляется] о том, что с самого начала обещает хороший конец.

154 d: см. «О природе», фр. 611. 154 e=OF 354 Kern.

50. ИОАНН ЦЕЦ. Аллегории, O 83: Как Эмпедокл о том сказал (иль кто имой, неважно):

Радуга с моря ветер несет и ливень великий.

Spuria

155—157 (обращение к Телавгу и эпиграммы на Павсания и Акрона)=A I, §§ 43. 60. 65.

158. (из В 121, подлинный): . . . блаженной жизни лишенный.

159. АРИСТОТЕЛЬ. О возникновении и уничтожении, I, 8. 325 b 19: У Эмпедокла ясно, что возникновение и уничтожение всех [составных] тел начинается и кончается элементами, но вот каким образом возникает и уничтожается «нагромождаемая величина» самих элементов — это неясно и т. д.

160. Cramer, Anecdota Oxoniensia, III, 184. Подложные стихи, сочиненные Михаилом Италиком (12 в.).

161. Т. н. «Сфера Эмпедокла»: позднеантичное описание созвездий (в ямбических триметрах, 169 строк) и планет (в гекзаметрах, 13 строк), ошибочно приписанное Эмпедоклу Димитрием Триклинием. Издание текста: MAASS E. *Commentariorum in Aratum Reliquiae*. Berolini, 1958. P. 154—170.

С. ПОДРАЖАНИЕ

1. ПЛАТОН. Федр, 248 в слл. См. пер. А. Н. Егунова от слов «Но ради чего так стараются узреть поле Истины» до слов «снова вселиться в тело человека». Ср. В 121.

32. МЕНЕСТОР

1. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 267 [ср. 58 А: Каталог пифагорейцев]: Сибариты: Метоп, Гиппас, Проксен, Эванор, Леанакт, Менестор и т. д.

2. ТЕОФРАСТ. Исследование о растениях, I, 2, 3: Все знают, что такое влага, которую некоторые, в том числе Менестор, называют «соком» во всех растениях без разбора; другие же в некоторых растениях называют ее «соком», в других — «слезой», а в остальных не дают ей специального названия.

3. Там же, V, 9, 6: Палочки для добывания огня изготавливаются из многих растений, но самые лучшие, как говорит Менестор, из плюща: он вспыхивает быстрее всего и дает самое сильное пламя.

3 а. Там же, V, 3, 4: Горячими являются плющ, лавр и вообще все растения, из которых делают палочки для добывания огня, а по словам Менестора, еще и шелковица.

4. ТЕОФРАСТ. О причинах растений, I, 17, 3: Вот почему шелковица прорастает рано, а по словам Менестора, «прорастание ее позднее вследствие холода местности, а созревание скорее вследствие слабости».

5. Там же, I, 21, 5: Первое доказательство (*aitia*), которое приводится в пользу [существования] горячих и холодных растений, соотносит [эти свойства] с [их] плодородностью и бесплодием, в том смысле, что горячие плодородны, «а холодные бесплодны»; по такому же принципу и у животных различаются плодные и бесплодные, живородящие и яйцекладущие. Второе доказательство — зависимость от местностей, т. е. «горячих или» холодных, так как растения могут выживать лишь в противоположных им местностях: горячие — в холодных, холодные — в горячих. И природа, по их словам, изначально порождает [растения] с таким расчетом, поскольку в подобной [местности] они гибнут от избытка [тепла или холода], а в противоположной сохраняются благодаря некому пропорциональному смесянию (*εὐκρασία*). Сходным образом Эмпедокл учит и о животных: тех из них, в которых содержится избыток огня, природа ведет во влажную среду. (6). К этому мнению примкнул и Менестор, и причем не только в отношении животных, но и в отношении растений. Самыми горячими он считает самые водолюбивые, как-то: камыш, тростник, кипер, потому они и не вымерзают от зимней стужи. Из остальных [он считает наиболее горячими] те растения, которые лучше всего выживают в холодной среде, как-то: ель, сосну, кедр, можжевельник, плющ. На плюще даже снег не держится из-за теплоты. Да и вьется он потому, что сердцевина у него горячая и потому искривляет его. (7). Третье доказательство он усматривает в раннем прорастании и скороспелости: их сок, будучи горячим по своей природе, вызывает их раннее прорастание и созревание плодов. Свидетельство (*σημαίον*) тому он видит в плюще и некоторых других растениях. Четвертое доказательство — от вечнозеленых: и эти

растения, по его мнению, сохраняют [листву] в силу теплоты, тогда как другие по причине недостатка тепла теряют листья. К сказанному он добавляет и следующее свидетельство: самые лучшие палочки для добывания огня и лучше всего воспламеняющиеся изготавливаются из водных растений, так как наиболее близкие к огню [по своей природе] быстрее всего воспламеняются.

6. Там же, II, 4, 3: Слишком тучная [земля] не полезна ни одному растению, так как она сушит больше, чем надо, с чем согласен и Менестор. Такова «мыльная» земля, беловатого цвета [ср.: Там же, II, 4, 5].

7. Там же, VI, 3, 5: Кроме того, вкусы различаются по степени [интенсивности]. Поэтому и однородных, как-то: терпких, жирных, горьких, сладких, по несколько. По этой причине и старинные натуралисты, подобно Менестору, принимали бесконечное число вкусов: какова смесь и гниение внутренней влаги, таков и вкус.

33. КСУФ

АРИСТОТЕЛЬ. Физика, Δ 9. 216 b 22: По мнению некоторых, существование пустоты с очевидностью вытекает из разреженности и плотности [вещества]. Если [вещество однородно, утверждают они, и] нет разреженного и плотного, то невозможны и сгущение и сжатие. Если же это невозможно, то либо вовсе не будет движения, либо Вселенная будет волноваться [= «выходить из берегов», «переливаться через край», *χορμαίνει*], как сказал Ксуф, *либо воздух и вода должны будут сохранять постоянно равный объем при [взаимном] превращении. [. . .] В противном случае, [утверждают некоторые], по необходимости должна быть пустота, так как иначе, мол, сжатие и расширение невозможны. [. . .] (217 a 10) Так как, с одной стороны, мы отрицаем существование пустоты, а с другой — [перечисленные выше] апории сформулированы правильно, а именно что в случае, если не будет сгущения и разрежения, либо движение станет невозможным, либо Вселенная («Небо») будет волноваться, либо. . . (a 15), то необходимо, стало быть, чтобы в случае, если нет сжатия (*πίλησις*), смежные тела выталкивали друг друга по цепочке, [передавая толчок на периферию космоса], и волновали крайнюю границу [Вселенной] * и т. д.

СИМПЛИКИЙ. Комм. к этому месту, 683, 21 сл.: [Некоторые] утверждали, что если нет пустоты, то нет разрежения и сгущения, если же невозможны сгущение и разрежение, то невозможно и движение. Если же допустить, что сгущения и разрежения нет, а движение есть, то Вселенная будет волноваться, как говорит пифагорец Ксуф, и перельется через край, и расширит свою протяженность, подобно тому как море под действием волн переливается через край [и наступает] на берег. *Причем это одинаково должно происходить как в случае пространственного перемещения тел по прямой, так и в случае их роста: в обоих случаях они будут толкать вперед [по ходу своего движения] прилегающие к ним тела, так как невозможно сжатие, которое освободило бы пространство для надвигающихся тел (взаимперемещение, по их мнению, возможно только в случае кругового движения тел — только в этом случае они допускали взаимозамещение (*ἀντιπερίστασις*)). И когда плотные тела превращаются в более разреженные, опять по необходимости должны происходить передача толчка по ходу движения и перелив [Вселенной] через край. Перелив же, в свою очередь, невозможен без обособленной пустоты, т. е. окружающей Вселенную извне. Поэтому рассуждение вернется к исходной точке: если отрицать пустоту, приходится отрицать сжатие, но

если отрицать сжатие, приходится допускать пустоту. И действительно, Вселенная в любом случае перельется в пустоту, а не в тело.*

ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 267: [каталог пифагорейцев]. Кротонцы: . . . Тимей, Буф.

34. БОИД

Схолии к Аристофану, «Облака», ст. 96: Те, кто полагает, что [Аристофан], сочинив на него [Сократа] целую комедию, сделал это по вражде, думают неправильно. Прежде всего Дифил сочинил на Боида-философа целое [сатирическое] стихотворение, которым философ был опозорен до [?] рабства. Однако отсюда не следует, что он был его врагом. Затем Эвполид хоть и упомянул Сократа в нескольких местах, а высмеял его похлеще, чем Аристофан во всех «Облаках»

35. ТРАСИАЛК

1. СТРАБОН, XVII, с. 790=ПОСИДОНИЙ, фр. 222 Edelstein—Kidd: [Объяснение разливов Нила летними дождями] не нуждается в таких ссылках на авторитеты, какие приводит Посидоний. Он говорит, что Каллисфен перенял объяснение [разлизов Нила] летними дождями у Аристотеля [фр. 246 Rose], Аристотель — у Трасиалка из Тасоса (это один из древних физиков), Трасиалк — у Алкея [?], а тот — у Гомера [Одиссея, IV, 477], который называет Нил «упавшим с неба»: «Египта, ниспавшей с неба реки».

2. Там же, I, с. 29: Некоторые утверждают, что есть два главнейших ветра: Борей и Нот. . . в подтверждение того, что ветров два, они ссылаются на Трасиалка и на Гомера, который присоединяет Аргест к Ноту — «просветляющего небо Нота» [Ил., XI, 306; XXI, 334], а Зефир к Борею: «Борей да Зефир, дующие из Фракии» [Ил., IX, 5].

36. ИОН ИЗ ХИОСА

А. СВИДЕТЕЛЬСТВА О ЖИЗНИ, СОЧИНЕНИЯХ И УЧЕНИИ

1. ГАРПОКРАТИОН, под словом «Ион»: [Его упоминает] Исократ в речи «Об обмене имуществом» [см. А 6]. По-видимому, оратор упоминает в данном месте трагического поэта Иона, который был родом из Хиоса, сыном Ортомена, прозванного Ксуфом. Он написал много лирических стихотворений и трагедий, а также философское сочинение, озаглавленное «Триагм» [=«Троица»], подлинность которого, по словам Каллимаха, оспаривается Эпигеном. Согласно Деметрию из Скепсиса и Аполлониду Никейскому, в некоторых [списках] заглавие имеет множественное число «Триагмы» [следует фр. В 1].

2. АРИСТОФАН. Мир (поставлена весной 421 г.), ст. 832 сл.:

А что, правду говорят, что, как помер,

Так становимся звездами на небе?

— Так и есть. — А что это там сейчас за звезда?

835 — Ион из Хиоса: когда-то он сочинил

Здесь про Утреннюю Звезду, а как вознесся, тут же

Его все стали звать «Утренней Звездой».

Схолии к этому месту: Ион из Хиоса: дифирамбический, трагический и лирический поэт. Он сочинил песнь, начало которой: «Будем ждать небоходную Утреннюю Звезду, белокрылого предтечу Солнца!» [фр. 9 Diehl=фр. 6, № 745 PMG]. Из этих стихов явствует, что к тому времени он уже умер. Поэтому Аристофан в шутку говорит, что его прозвали «Утренней Звездой». Он был очень знаменит. Написал также комедии, эпиграммы, пеаны, гимны, сколии, энкомии, элегии и прозаическую речь «О посольстве», которую некоторые считают подложной, а не его. Сохранились также его «Основание [Хиоса]», «Космологическая речь», «Воспоминания» и другие сочинения. — И был очень знаменит. Говорят, что он участвовал сразу в дифирамбических и трагических состязаниях в Аттике, и вышел победителем, и в знак расположения послал афинянам даром хиосского вина. Имеется диалог философа Сократа, посвященный ему и озаглавленный «Ион». Упоминает о нем и Каллимах в «Холиямбах» [фр. 203 Pfeiffer] по поводу того, что он много написал.

3. СУДА, под словом «Ион из Хиоса»: Трагик, лирик и философ, сын Ортомена, прозванного Ксуфом. Начал ставить трагедии в 82-ю олимпиаду [452—449 гг. до н. э.]. Число его драм составляет 12, по другим — 30, по третьим — 40. Написал также «О небесных явлениях» и фиктивные речи. Аристофан называет его в шутку «Утренней Звездой». Победив в Афинах на трагических состязаниях, он поставил каждому афинянину по амфоре Хиосского.

4. ПСЕВДО-ЛОНГИН. О возвышенном, 33, 5: Кем бы ты предпочел быть в лирике — Вакхилидом или Пиндаром? А в трагедии — Ионом из Хиоса или Софоклом? Вакхилид и Ион всегда отличаются безукоризненной гладкостью и изяществом слога, а Пиндар и Софокл то словно воспаляют все в порыве, то, непонятно почему, часто угасают и допускают досаднейшие промахи, — это правда. И все же никто, находясь в здравом уме, не променяет одну-единственную драму — «Эдипа» — на все сочинения Иона, вместе взятые.

5. Аттическая надпись середины 5-го в. до н. э. (С. I. G. I, 395=ed. min. 604; восстановление ненадежно): Ион [?] посвятил статую [?] Афине.

6. ИСОКРАТ, XV, 268: [Юноши должны некоторое время изучать философию, но не должны увлекаться] учениями старинных софистов [=«философов»], один из которых утверждал, что сущих бесконечно много, Эмпедокл — что четыре, да еще Расприя и Любовь в них, Ион — что не больше трех, Алкмеон — только два, Парменид и Мелисс — только одно, Горгий — вообще ни одного.

*АРИСТОТЕЛЬ. О возникновении и уничтожении, В 1. 329 а 1: Одни [полагают элементами] огонь и землю, другие добавляют к ним третий — воздух, а иные и четвертый — воду, как Эмпедокл.

ФИЛОПОН. Комм. к этому месту, 207, 18: Огонь и землю полагал Парменид, те же элементы вместе с воздухом — трагический поэт Ион из Хиоса, а Эмпедокл полагал четыре.

7. Мнения философов (Стобей), II, 25, 11 («О субстанции Луны»): Согласно Иону, тело, где-то стекловидное, прозрачное, где-то светонепроницаемое.

В. ФРАГМЕНТЫ

Триагмы

1. ГАРПОКРАТИОН, под словом «Ион» [после А 1]: Из сочинения его приводят следующие [начальные строки]:

Начало моей речи: всех [вещей] — по три и ничуть не больше и не меньше этих трех. Добродетель каждого — тройца: ум, сила, удача.

2. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 8: Ион из Хиоса говорит в «Триагах», что Пифагор сочинил кое-что в стихах и приписал [эти произведения] Орфею.

КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, I, 131 (т. II, с. 81, 11 St.): Ион из Хиоса сообщает в «Триагах», что Пифагор приписал Орфею некоторые [свои сочинения]. Эпиген же и т. д. [ср. гл. 15].

СУДА, под словом «Орфей» [ср. 1 A 1]: Написал «Триагмы», которые приписывают трагику Иону, в них входят «Священные одежды».

Из неизвестных прозаических сочинений

3. ПЛУТАРХ. Об удаче римлян, I, 316 D: Поэт Ион в своих прозаических сочинениях говорит, что удача не имеет ничего общего с умением, но приносит плоды, которые невозможно отличить от плодов умения. Ср.: ПЛУТАРХ. Застольные вопросы, VIII, 1, 1: По его [Диогениана Пергамского] словам, Ион недурно сказал об удаче: насколько она отличается от умения, настолько похожи между собой их плоды.

3 а. ВАРРОН, фр. 3 Funaioli: Как пишет Ион, имеется двадцать пятая буква, которую называют «агма». Ни у греков, ни у латинян она не имеет своего начертания, но произносится одинаково, как в словах *aggulus*, *aggens*, *agguilla*, *iggerunt*. В таких словах греки и наш Акций пишут два G, другие — N и G и т. д.

3 б. *Lexicum Sabbaiticum*, ed. Papadopulos, под словом «единомыслящих»: У Иона встречается выражение «единомыслящих и связанных договором [?]».

3 с. ФИЛОДЕМ. О благочестии, с. 13 G: [Ион называет Мусея] «упавшим с Луны».

4. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, I, 120: Ион из Хиоса говорит о нем [Ферекиде]:

Так-то вот, мужеством он и стыдом украшенный равно,
Даже по смерти душой жить продолжает во сласть,
Если и впрямь мудрец Пифагор обо всех человеках
Судьб назначения узрел и в совершенстве постиг.

5. КЛЕОНИД. Введение в гармонику, 12: Применительно к звуку употребляют термин «тон» те, кто называет лиру «семитональной», как, например, Терпандр и Ион. Терпандр говорит [следует фр. 4 Diehl], а Ион:

Лира в одиннадцать струн! С десятиступенчатым строем
Для тройчных путей лада созвучных годна!
Прежде была ты в семь струн, на тебе бряцали в четверки
Эллины все той порой, жалку музы́ку творя. . .

37. ДАМОН

А. БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

1. СТЕФАН ВИЗАНТИЙСКИЙ, под словом «Оя» (название аттического дема): Демот [= уроженец дема] называется 'Οαθη» [«из Ои»], например «Дамон, сын Дамонида, из Ои».

2. ПЛАТОН. Лахет, 180 D: [Говорит Никий]. Недавно он [=Сократ] порекомендовал мне учителя музыки для сына — Агафоклова ученика Дамона, в совершенстве знающего не только музыку, но и все остальное и потому неопценимого как наставник молодых людей такого возраста.

Схолии к «Алквиаду», 118 С: Пифоклид был музыкантом, учителем возвышенно-строгой музыки и пифагорейцем; его учеником был Агафокл, учеником Агафокла — Лампрокл, учеником Лампрокла — Дамон.

3. ИСОКРАТ, XV, 235: У Перикла было два учителя: Анаксагор из Клазомен и Дамон, который в то время пользовался репутацией самого умного из афинян.

4. ПЛУТАРХ, Перикл, 4: По словам большинства, его [Перикла] учителем музыки был Дамон, в имени которого первый слог следует произносить кратко. Однако Аристотель [фр. 401 R.] утверждает, что он занимался музыкой у Пифоклида. Дамон, судя по всему, был незаурядным софистом, а в музыканта рядился для того, чтобы скрывать от большинства свое искусство. При Перикле он состоял как своего рода политический тренер и наставник при атлете. Но Дамону не удалось скрыть, что лира была для него только ширмой: как человек, затевающий крупные перемены и поклонник тирании он был подвергнут остракизму и дал комикам повод для насмешек. Платон [-комик, фр. 191 Kock] даже изобразил кого-то, кто у него спрашивает: «Скажи-ка мне сначала, умоляю, — ты, как говорят, Хирон, Перикла воспитал?»

5. ПЛАТОН. Алквиад I-й. 118 с: Говорят, Сократ, что он [Перикл] стал мудрым не случайно, а имел много мудрых наставников, в том числе Пифоклида и Анаксагора, да и теперь еще, несмотря на свои лета, он общается с Дамоном именно ради этого.

6. АРИСТОТЕЛЬ. Афинская политика, 27, 4: Поскольку состояние Перикла было недостаточным для такой раздачи средств, [какую позволял себе Кимон], он последовал совету Дамонида из Ойи (который, как считали, был вдохновителем многих начинаний Перикла, за что его и подвергли впоследствии остракизму): раз уступает [Кимону] в личных средствах, пусть даст народу его собственные, — и учредил жалованье судьям. Ср.: ПЛУТАРХ. Перикл, 9: Как сообщает Аристотель, Перикл, [с тем чтобы противостоять щедрости Кимона], по совету Демонида из Ойи прибегнул к раздаче казенных средств.

7. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, II, 19: Согласно некоторым, Сократ был слушателем Анаксагора, а также Дамона, как сообщает Александр [Полигистор] в «Преемствах» [фр. 141 FHG].

8. ГАЛЕН. О взглядах Гиппократа и Платона, V, 453 Müll.: Музыкант Дамон встретил как-то флейтистку, игравшую фригийскую мелодию подвыпившим и вытворявшим невероятные безумства юнцам. Он велел ей сыграть дорийскую — и те немедленно перестали беситься. Ср.: МАРЦИАН КАПЕЛЛА, IX, 126.

В. ФРАГМЕНТЫ «АРЕОПАГИТИКА»

1. ЦИЦЕРОН. Об ораторе, III, 33, 132: [Специализация наук; во времена Гиппократа один и тот же врач был терапевтом, хирургом и офтальмологом]. Неужели ты думаешь, что, когда Евклид или Архимед занимались геометрией, Дамон или Аристоксен — музыкой, Аристофан или Каллимах — словесностью, дисциплины эти были настолько раздроблены, что никто из них не охватывал весь жанр целиком?

2. ФИЛОДЕМ. О музыке, IV, 33, 37: Многие еще полагают, что люди хорошего вкуса должны обучаться и быть обучены музыке, [стб. 34] и если Дамон впрямь говорил

такие вещи, [как утверждает Диоген из Вавилона], настоящим, а не воображаемым ареопагитам, то он страшно морочил им голову.

3. ФИЛОДЕМ. О музыке, I фр. 11: Играющие в распутную игру, по словам Дамона. . .

4. Там же, I, 13. . [И что музыка] сделает характер гармоничнейшим и размереннейшим [собств. «ритмичнейшим»]. Когда же кто-то спросил, совершенствует ли музыка во всех добродетелях или в некоторых, музыкант Дамон, по его [Диогена Вавилонского] словам, ответил, что почти во всех; он-де говорит, что «поюще и играющему на кифаре ребенку подобает выказывать не только мужество и целомудрие, но и справедливость».

5. ПСЕВДО-ПЛУТАРХ. О музыке, 16: Расслабленный лидийский лад, который похож на ионийский, раз он противоположен миксолидийскому, говорят, был изобретен Дамоном Афинским.

6. АФИНЕЙ, 628 С: Недурно говорил Дамон и его последователи, что и песни и танцы должны возникать при некотором движении души и что свободные и прекрасные делают души такими же, а противоположные — противоположными.

7. АРИСТИД КВИНТИЛИАН, II, 14: Мысль о том, что звуки непрерывной мелодии вследствие подобию формируют еще не существующий этос и у детей, и у взрослых или выводят наружу спрятанный в глубине, высказывали Дамон и его последователи. В переданных им ладах можно найти иногда женские, иногда мужские звуки либо в избытке, либо в меньшем количестве, либо вовсе не использованными, откуда ясно, что [каждый] лад полезен сообразно этосу каждой души.

8. ПЛАТОН. Лахет, 197 D: [Никий доказывает тождество понятий «мужественный» и «мудрый»; Сократ говорит]: По-моему, ты и не заметил, что он перенял эту мудрость у нашего приятеля Дамона, а Дамон весьма близок с Продиком, который, как полагают, лучше всех софистов различает такие имена. Ср. В 4; 84 А 17.

9. ПЛАТОН. Государство, III, 400 А: Я еще, приглядевшись, сказал бы, что имеется три вида стоп, из которых складываются стихотворные размеры, вроде как все лады образуются из четырех звучаний, но какой жизни какие из них подражают — этого я не могу сказать. — Об этом, сказал я, мы посоветуемся с Дамоном, а именно какие размеры подходят для выражения низости, наглости, безумия, и других дурных свойств, а какие ритмы надо оставить для выражения противоположных состояний. Я смутно припоминаю, что слышал, как Дамон называл и какой-то составной плясовой военной размер, одновременно дактилический и героический, но не знаю, как он его строил и как достигал равномерности повышений и понижений в стихе, складываемся из краткостей и долгот. Помнится, Дамон называл и ямба, и какую-то другую стопу — кажется, трохей, где сочетаются долготы и краткости. В некоторых случаях его порицание или похвала касались темпов не менее чем самих ритмов или того и другого вместе — впрочем, мне этого не передать. Все это, как я и говорю, предоставим Дамону — ведь это требует долгого обсуждения (пер. А. Н. Егунова).

10. ПЛАТОН. Государство, IV. 424 с: Следует остерегаться вводить новый вид музыки, поскольку при этом рискуют всем: не бывает потрясения в стихах музыки без потрясения важнейших политических законов; так говорит Дамон и я с ним согласен.

38. ГИПШОН

А. СВИДЕТЕЛЬСТВА О ЖИЗНИ И УЧЕНИИ

1. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 267: [Каталог пифагорейцев, ср. 58 А]. Самосцы: Мелисс. Гелорид, Гипшон.

ЦЕНЗОРИН. О дне рождения, 5, 2: Гипшон из Метапонта, или, как утверждает Аристоксен [фр. 21 W.], из Самоса. .

СЕКСТ ЭМПИРИК. Пирр. основ., III, 30: Гипшон из Регия. . [=А 5].

АРИСТОТЕЛЬ. О душе, А 2. 405 b 1 (ср.: ЭМПЕДОКЛ, 31 А 4): [Хронологически Гипшон следует за Эмпедоклом].

2. АРИСТОФАН. Облака, 94 сл. [ср.: Птицы, 1001] [О школе Сократа]:

Это — фронтистерий [«мыслильня»] мудрых душ;
Здесь живут мужи, которые уверяют,
Что небо — это жаровня (πυρῆς),
Объемлющая нас, а мы — угли.

Венецианские схолии к этому месту: «Жаровня — печка на углях, поэтому Аристофан и добавляет «а мы — угли», так как нас разогревает солнце. До Аристофана то же самое говорил Кратин в комедии «Всевидащие» [фр. 155 Коск], высмеивая философа Гипшона.

Схолии к Клименту Алекс., Протрептик, IV, 103: Кратин упоминает Гипшона как нечестивца.

3. ИПИОЛИТ. Опровержение, I, 16: Гипшон из Регия полагал началами холодное или воду и горячее или огонь. Рожденный водой, огонь победил силу родителя и создал космос. Душу он отождествляет то с головным мозгом, то с водой, поскольку сперма, доступная нашему наблюдению, также состоит из влаги, а между тем из нее, как он утверждает, рождается душа.

4. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 23, 22 [ср. 11 А 13]: Фалес и Гипшон, которого считают безбожником, полагали началом воду, они пришли к этому воззрению исходя из чувственных явлений. . .

5. СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, IX, 361: Гипшон из Регия [полагал элементами] огонь и воду. Ср. Пирр. основ., III, 30.

6. АЛЕКСАНДР. Комм. к «Метафизике», 26, 21 [к 984 а 3=A 7]: Как сообщают, Гипшон полагал началом влажное вообще, не определив и не разъяснив, что именно [он полагал началом]: воду ли, как Фалес, или воздух, как Анаксимен и Диоген.

ИОАНН ДИАКОН. Аллегории к «Теогонии» Гесиода, ст. 116: Другой же [полагал началом] землю, как, например, Гипшон-безбожник.

7. АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, А 3. 984 а 3 [после 11 А 12]. Гипшон, пожалуй, не заслуживает того, чтобы его поставили в один ряд с этими мыслителями [Фалесом, Анаксименом, Гераклитом] ввиду дешевого образа мыслей.

8. КЛИМЕНТ АЛЕКС. Протрептик, 24 (т. I, с. 18, 7 St.): Удивляюсь я, каким это образом прозвали «безбожниками» Эвгемера Акрагантского, Никанора Кипрского, Гипшона, Диагора из Мелоса, Феодора из Кирены и многих других, которые в жизни отличались целомудрием и проницательнее прочих людей разглядели заблуждение [язычников] относительно богов. Ср.: ЭЛИАН. Пестрая история, II, 31=64 А 3; ПЛУТАРХ. Об общих понятиях, 31, 4. 1075 А.

9. ПСЕВДО-АЛЕКСАНДР АФРОДИС. Комм. к «Метафизике», 462, 29: Гиппон . по прозвищу «безбожник» (так как он отрицал существование чего-либо, кроме чувственно воспринимаемых вещей). Ср. В 2.

10. Мнения философов (Стобей), IV, 3, 9 («Тело ли душа и какова ее сущность»): Согласно Гиппону, из воды.

АРИСТОТЕЛЬ. О душе, А 2. 405 b 1: Из более вульгарных мыслителей некоторые полагали душу водой, как, например, Гиппон. Это их убеждение, очевидно, основано на том, что сперма всех [живых существ] влажная. А ведь сам факт, что сперма не кровь, опровергает мнение тех, кто полагает душу кровью. [. . .] (24) Другие [полагали началом] одну из двух противоположностей, например горячее, холодное или нечто подобное, и равным образом полагают душу чем-то одним из этого. Поэтому они дают и этимологическое обоснование [букв. «следуют именам»]: полагающие [душу] теплом производят имя «жизнь» (ζῆν) от «кипения» (ζεῖν); а полагающие холодом производят название «души» (ψυχή) от дыхания [ср. φύχω «дышать»] и «охлаждения» (κατάψυξις).

ФИЛОПОН. Комм. к этому месту, 92, 2: Одну из двух противоположностей полагают Гиппон и Гераклит: один — горячее, так как начало, по его мнению, огонь, а другой — холодное, так как началом он полагает воду. Каждый из них, говорит [Аристотель], пытается этимологизировать имя «души» сообразно своему мнению. Один утверждает, что поэтому термин «жить», применяемый к одушевленным существам, происходит от «кипеть» (ζεῖν), а это свойство горячего; другой — что «душа» (ψυχή) названа так от «холодного» (ψυχρόν), составляющего ее сущность, так как она оказывается для нас причиной охлаждения посредством дыхания: так как жизнь зависит от души [рассуждает он], а душа — от холодного, [ведь она — из воды], то поэтому дыхание должно препятствовать посредством охлаждения околосердечному теплу и не давать ему пересилить психическую потенцию, т. е. холодную потенцию.

ГЕРМИЙ. Осмеяние языческих философов, 2: Другие [полагают душу] сперматической жидкостью.

11. МЕНОН = Лондонский Аноним, 11, 22 [Suppl. Aristot. III, 1, 17]: Гиппон Крогонский считает, что в нас имеется врожденная влага, благодаря которой мы ощущаем и живем. Когда эта влага находится в надлежащем состоянии, животное здорово, когда же она высыхает, животное становится нечувствительным и умирает. Старики именно потому сухие и нечувствительные, что лишены влаги. Сходным образом нечувствительны и подошвы, так как они лишены влаги. [В одной из своих книг] он говорит только это, не вдаваясь в дальнейшие подробности. Однако в другой книге он же утверждает, что упомянутая выше влага изменяется от избытка тепла или от избытка холода, изменяется же она, по его словам, становясь либо более разжиженной, либо более сухой, либо более плотной, либо более тонкой, либо переходя в другие состояния. Так он объясняет причину болезней, но какие при этом возникают болезни — не перечисляет.

12. ЦЕНЗОРИН. О дне рождения, 5, 2: Гиппон . полагает, что семя истекает из костного мозга; по его мнению, это доказывается тем, что если после случки скота зарезать самца, костного мозга в нем не обнаружишь, как если бы он был вычерпан.

13. Мнения философов (Псевдо-Плутарх), V, 5, 3 («Испускают ли и самки сперму?»): Согласно Гиппону, самки испускают сперму ничуть не хуже самцов, однако она не вносит вклада в рождение животного, так как попадает мимо матки. Поэтому-де некоторые женщины, и особенно вдовы, часто испускают сперму даже без участия мужчин. Кости [ребенка], по его мнению, происходят от самца, мясо — от самки.

14. Там же, V, 7, 3 («Как рождаются самцы и самки?»): По Гиппонакту, в зависимости от того, будет ли сперма плотной и крепкой или жидкой и более слабой.

ЦЕНЗОРИН, 6, 4: Гиппон утверждает, что из более тонкого семени рождаются самки, из более плотного — самцы.

Мнения философов (Псевдо-Плутарх), V, 7, 7 («Как рождаются самцы и самки?»): Гиппонакт: если пересилит сперма — самец, если пища — самка.

15. ЦЕНЗОРИН. О дне рождения, 6, 1: Гиппон полагает, что [в утробе сначала формируется] голова, в которой находится сознание [собств. «главенствующее начало духа»].

16. Там же, 9, 2: Большинство других, полагая, что весь плод не созревает одновременно, утверждают, что формирование всего плода происходит за один и тот же период времени, как, например, Диоген, который говорит, что тело самцов формируется за четыре месяца, самок — за пять, или Гиппон, который пишет, что младенец формируется за 60 дней, причем на четвертом месяце затвердевает плоть, на пятом рождаются ногти и волосы, а на седьмом человек закончен.

Там же, 7, 2: Гиппон из Метапонта полагал, что рождение возможно от седьмого до десятого месяца. Действительно, на седьмом месяце плод уже созревший, так как число семь во всем обладает наибольшей силой; коль скоро мы формируемся за семь месяцев, еще через семь месяцев начинаем прямо стоять, после седьмого месяца у нас зарождаются зубы, а после седьмого года выпадают, на четырнадцатом же году мы обычно достигаем половой зрелости. Этот период зрелости [плода] начинается от седьмого месяца и длится до десятого, так как и во всем остальном проявляется та же самая природа, так что к семи месяцам или годам для завершения прибавляются три месяца или года: так, зубы появляются у семимесячного младенца и завершают рост около десятого; на седьмом году выпадают первые из них, на десятом — последние; после четырнадцатого года достигают половой зрелости некоторые, на семнадцатом году — все.

17. Там же, 6, 3: Диоген [64 A 25] и Гиппон полагали, что в утробе имеется некий выступ, который ребенок сосет и вытягивает из него пищу так же, как из материнской груди после рождения.

18. Там же, 6, 9: Остается сказать о близнецах, рождение которых Гиппон объясняет количеством семени: когда его больше, нежели хватает на одного [младенца], оно разделяется надвое.

19. ТЕОФРАСТ. Исследование о растениях, I, 3, 5: По словам Гиппона, всякое [растение] бывает диким или домашним в зависимости от того, ухаживают ли за ним или нет; плодоносит или нет, цветет или не цветет — зависит от местностей и окружающего воздуха; точно так же сбрасывает листву или остается вечнозеленым.

Там же, III, 2, 2: Хотя Гиппон утверждает, что всякое [растение] — и домашнее, и дикое: если за ним ухаживать, то оно домашнее, если не ухаживать — дикое. В чем-то он прав, в чем-то нет: всякое растение, если его не культивировать, становится хуже и дичает, но не всякое культивируемое становится лучше, как сказано выше.

В. ФРАГМЕНТЫ

1. Женевские схолии к «Илиаде», с. 197, 19, Nicole; к «Илиаде», XXI, 195 (пер. Н. И. Гнедича):

193 . . . Но невозможно сражаться с Кронионом Зевсом.

С ним, громовержцем, ни царь Ахелой не дерзает равняться,

195 Ни могуществом страшный, седой Океан беспредельный,
Тот, из которого всякий источник и всякое море,
Реки, ключи и глубокие кладези все истекают.

Кратет [Маллосский] во второй книге «Гомеровских вопросов», показав, что «Океан» означает «Великое море», говорит: «Эти слова могут относиться только к внешнему морю, которое и поныне одни называют „Великим морем“, другие — „Атлантическим морем“, а третьи — „Океаном“, но не к реке: какая река могла бы иметь такую силу? Однако некоторые [=Зенодот, Мегаклид] атетируют стих об Океане [ст. 195] и относят это к Ахелю, который не только меньше моря, но и меньше морских заливов — Тирренского и Ионийского. В трех стихах [195—197] Гомер сказал о том, с чем были согласны и позднейшие физики: что окружающая землю со всех сторон вода — Океан, источник пресной воды. Гиппон: „Вся пресная вода — из моря. Надо думать, что колодцы, из которых мы пьем, не глубже, чем море. Будь они глубже, [пресная] вода происходила бы не из моря, а из какого-то другого места. На самом же деле, море глубже [всех] вод. Стало быть, все [воды], что над морем, все — от него“».

*1а. СЕНЕКА. Естеств. вопросы, III, 8: Некоторые [Гиппон?] полагают, что подобно тому, как с наружной стороны земли лежат обширные болота, великие и судходные озера, подобно тому, как на огромные пространства земли простираются моря, наводняющие впадины, так и недра земли изобилуют пресными водами, причем разлиты они не меньше, чем наземный Океан и его залив, а скорее даже глубже, поскольку земля больше простирается вглубь. Стало быть, наши реки изливаются из этого бездонного запаса и т. д.

*1б. Схолии к АПОЛЛОНИЮ РОДОССКОМУ, IV, 261: Гиппон также говорит, что вода Нила — живородяща (γόνιμος) и признает египтян самыми древними людьми [на земле]; по его словам они первыми разгадали природу многих вещей, в том числе и температуры воздуха [т. е. климата].

Spuria

2. КЛИМЕНТ АЛЕКС. Протретики, 55 (т. I, с. 43, 1 St.): [Языческие боги — обожествленные люди]. Поэтому не следует негодовать на Гиппона, обожествившего себя после смерти. Этот Гиппон велел написать на его могиле следующую эпитафию [цит. ст. 1—2]. Отлично, Гиппон, показываешь ты нам человеческое заблуждение. Раз не поверили твоим словам при жизни, пусть поучатся у тебя после смерти! Это пророчество Гиппона, вникнем в него! Те, кому вы поклоняетесь как богам, некогда были людьми, потом умерли, миф и время их обожествили.

АЛЕКСАНДР АФРОДИС. Комм. к «Метафизике», 27, 1: Вероятно, Аристотель говорит о н так [«дешевый образ мыслей» и т. д., ср. А 7] потому, что он был безбожником. Вот эпитафия на его могиле:

Гиппона это могила. Его содеяла равным
Мойра бессмертным богам, сразу по смерти его.

3. АФИНЕЙ, XIII, 610 В: Все восхитились его [Миртила] памяти, а Кинулк сказал:
«Нет ничего многознайства суетнее»

* * * сказал Гиппон-безбожник.

4. КЛАВДИАН МАМЕРТ, О душе, II, 7 =ГИППАС, 10 (Spuria).

39. ФАЛЕЙ И ГИППОДАМ

1. АРИСТОТЕЛЬ. Политика, В IV, 1. 1266 а 36: Некоторым представляется наиболее существенным внести прекрасный порядок в то, что относится к собственности. поскольку, говорят они, все обычно вступают в раздоры по поводу такого рода дел. Поэтому Фалей Халкедонский первый сделал на этот счет такое предложение: земельная собственность у граждан должна быть равной. (2) По его мнению, это нетрудно провести сразу во время образования государств; после их образования это труднее, хотя уравнивать собственность следовало бы как можно скорее, и вот каким образом: богатые должны давать приданое, но не получать его; бедные же приданого не дают, но получают его и т. д. [далее см. АРИСТОТЕЛЬ. Соч., т. 4. М., 1984, с. 419 — 423 до слов:] На основании всего вышеизложенного всякий может судить, что в своем предполагаемом государственном устройстве Фалей сказал хорошо и что нехорошо. V, 1. 1267 б 22: Гипподам, сын Еврифонта, уроженец Милета (он изобрел разделение полисов и спланировал Пирей; он и вообще в образе жизни, движимый честолюбием, склонен был к чрезмерной эксцентричности, так что, как некоторым казалось, он был очень занят своей густой шевелюрой и драгоценными украшениями, а также одеждой простой и теплой не только в зимнее, но и в летнее время и желал показать себя ученым знатоком всей природы вещей), первым из не занимавшихся государственной деятельностью людей попробовал изложить кое-что о наилучшем государственном устройстве. (2) Он проектировал государство с населением в десять тысяч граждан, разделенное на три части: первую образуют ремесленники, вторую — земледельцы, третью — защитники государства, владеющие оружием. Территория государства также делится на три части: священную, общественную и частную. Священная — та, с доходов которой должен отправляться установленный государственный культ; общественная — та, с доходов которой должны получать средства к существованию защитники государства; третья находится в частном владении земледельцев. По его мысли, и законы существуют только тройкого вида, поскольку судебные дела возникают по поводу тройкого рода преступлений (оскорбление, повреждение, убийство). (3) Он предполагал учредить и одно верховное судилище, куда должны переноситься разбирательства по всем делам, решенным, по мнению тяжущихся, неправильно; в этом судилище должно состоять определенное число старцев, назначаемых путем избрания. Судебные решения в судах должны, по его мнению, выноситься не путем подачи камешков: каждый судья получает дощечку, на которой следует записать наказание, если судья безусловно осуждает подсудимого, а если он его безусловно оправдывает, то дощечка оставляется пустой; в случае же частичного осуждения или оправдания пишется определение. Современные законоположения он считает неправильными: вынося либо обвинительный, либо оправдательный приговор, судьи вынуждены нарушать данную ими присягу. (4) Сверх того, он устанавливает закон относительно тех, кто придумывает что-либо полезное для государства: они должны получать почести; и дети павших на войне должны воспитываться на казенный счет, коль скоро такого установления еще нет у других. Такого рода закон в настоящее время существует и в Афинах, и в других государствах. Все должностные лица должны быть избираемы народом, т. е. теми тремя частями государства, о которых упомянуто ранее. Избранные должностные лица обязаны иметь поечение о государственных делах, а также о делах, относящихся к чужестранцам и сиротам. Вот большая и наиболее примечательная часть предполагаемого Гипподамом устройства (пер. С. А. Жебелева — А. И. Доватура).

2. АРИСТОТЕЛЬ. Политика, II X, 4. 1330 b 21: Расположение частных домов считается более красивым и более полезным для житейского обихода тогда, когда улицы идут прямо, по новейшему, т. е. по Гипподамову способу. Для безопасности же в военном отношении — наоборот, как было в старое время и т. д. (пер. С. А. Жебелева — А. И. Доватура).

3. ГЕСИХИЙ, под словом «Гипподамова планировка»: Гипподам, сын Эврифонта, он же метеоролог, распланировал афинянам Пирей. Он был уроженцем Милета и переселился в Фурии.

4. ГАРПОКРАТИОН, под словом «Гипподамова»: Демосфен в речи «Против Тимофея» [49, 22] говорит, что в Пирее есть площадь, называемая «Гипподамовой» по имени Гипподама Милетского, архитектора, построившего афинянам Пирей.

Anecdota, ed. Bekker, I, 266, 28: «Гипподамова площадь» — место в Пирее, названное по имени Гипподама Милетского, архитектора, построившего афинянам Пирей и распланировавшего прямые улицы города.

Схолии к Аристофану, Всадники, 327: Он жил в Пирее, и у него был дом, который он оставил в собственность государству. Он впервые соединил Пирей [с Афинами] во времена Персидских войн. Одни называют его фурийцем, другие — самосцем, третьи — милетцем.

5. СТРАБОН, XIV, 654: Нынешний город [Родос] был построен во времена Пелопоннесской войны, как говорят, тем же архитектором, которым был построен Пирей.

ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ, XIII, 75 [Ол. 93, 1=408 г.]: Прежние жители Родоса, Ялиса, Линда и Камира переселились в один город, ныне называемый Родосом.

40. ПОЛИКЛЕТ

А. СВИДЕТЕЛЬСТВА О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНИИ

1. ПЛАТОН. Протагор, 311 C: Если бы ты вознамерился, придя к Поликлету Аргосскому или Фидию Афинскому, внести им плату за себя и тебя бы кто-нибудь спросил: «Как кому намерен ты заплатить эти деньги Поликлету и Фидию?», — что бы ты ответил? — Я бы ответил, что как ваятелям. (328 C) Ведь и сыновья Поликлета, ровесники Парала и этого вот Ксантипа, ничто в сравнении с отцом.

2. ПЛИНИЙ. Естественная история, XXXIV, 55: Поликлет Сикионский, ученик Агелата, изваял прославленного «Диадумена», юношу с изнеженными чертами. Он же изваял «Дорифора», юношу с мужественными чертами. Он изваял также статую, которую художники называют «Каноном» [«Правилом»], рассматривая ее как некий закон, содержащий предписания искусства [ваяния]. Его считают единственным из всех людей, кто произведением искусства создал руководство по искусству.

3. ГАЛЕН. О темпераментах, I, 9. с. 36, 6 Helmreich: Таков метод [определения темпераментов человека]. Однако умение легко определять должную пропорцию (τὸ μέτρον) в каждом виде животного и вообще во всем дано не каждому. Им обладает лишь тот, кто благодаря исключительному трудолюбию, долгому опыту и глубокому знанию умеет находить должную пропорцию всех единичных вещей. Так, лепщики и живописцы, скульпторы и вообще ваятели в каждом виде рисуют и лепят прекраснейший экземпляр, например самого красивого человека, коня, быка или льва, соблюдая присущую каждому виду пропорцию. Славится статуя Поликлета «Канон»: ее называют так потому, что ей присуща точная соразмерность (συμμετρία) всех частей между собой.

ГАЛЕН. О взглядах Гиппократов и Платона, V, с. 425, 14 Müll.: Эту мысль [Хрисипп] ясно выразил в приведенной чуть выше цитате, в которой он утверждает, что здоровье тела зависит от пропорции (*συμμετρία*) теплого, холодного, сухого и влажного, т. е. элементов тела, красота же, по его мнению, заключается уже не в пропорции элементов, но в пропорции частей тела, т. е. в пропорции между пальцем и пальцем, и между всеми пальцами и кистью и запястьем, и между всеми этими частями и локтем, между локтем и предплечьем, и между всеми частями вообще, как написано в «Каноне» Поликлета. Преподав нам в этом сочинении все пропорции тела, Поликлет подтвердил слово делом, создав статую согласно предписаниям своей теории и назвав саму статую, как и сочинение, «Канон». Таким образом, по мнению всех врачей и философов, красота тела заключается в пропорции частей.

В. ФРАГМЕНТЫ

«Канон» Поликлета

1. ПЛУТАРХ. Как можно осознать собственное совершенствование в добродетели, 17. 86 А: Преуспевающие [в добродетели], у которых уже как бы «выковано золотое основание» [ПИНДАР, фр. 194 Snell²] некоего священного и царского здания жизни, не увлекаются ничем необдуманно, но все полагают правилом разума, считая, что совершенно прав Поликлет, который говорит: «Самое трудное дело у тех, у кого глина дошла до шлифовки [букв. „до ногтя“]». ПЛУТАРХ. Застольные вопросы, II, 3, 2. 636 С: Так и ваятели лепят сначала нерасчлененные и бесформенные фигуры, а потом придают им расчлененный образ. Поэтому ваятель Поликлет сказал:

«Самое трудное дело — когда глина окажется на [кончике] ногтя». Поэтому вполне естественно, что и природа сначала слегка приводит в движение косную материю, производя на свет бесформенные и неопределенные образования, подобные яйцам, которые затем формуются и приобретают четкие очертания, создавая животное.

2. ФИЛОН-МЕХАНИК. Механика, IV, 1, с. 49, 20, Schöbne: Многие, берясь за конструирование [военных] орудий равной величины, и используя ту же конструкцию, и такое же дерево, и равное количество железа, и не изменяя веса, в одних случаях получили орудия с далеким боем и мощным ударом, в других — уступающие указанным. Когда же их спросили, почему так вышло, они не могли назвать причину. Так что и к предмету нашего обсуждения подходят слова ваятеля Поликлета, сказавшего:

«Совершенство зависит от малого во множестве деталей». Точно так же и в нашем искусстве: поскольку совершенство произведения зависит от множества деталей, достаточно допустить маленькое отклонение в какой-то частности, как в итоге наберется огромная погрешность.

41. ЭНОПИД ИЗ ХИОСА

1. ПРОКЛ. Комм. к Евклиду, с. 65, 21 [после Пифагора, ср. гл. 14, 6 а]: После него много геометрических вопросов затронули Анаксагор Клазоменский и Энопид из Хиоса, который был немного моложе Анаксагора.

1а. Неаполитанская «Жизнь Птолемея» (об Энопиде из Хиоса): Он был известен в конце Пелопоннесской войны; в это же время были [известны] и Горгий-ритор, и Зенон Элейский, и, по словам некоторых, историк Геродот Галикарнасский.

2. ПСЕВДО-ПЛАТОН. Соперники, 132 А: Похоже было, что они [два мальчика] спорили то ли об Анаксагоре, то ли об Энопиде. Я видел, как они чертят круги и изображают какие-то кривые, подпершись рукой и с большим старанием. [. . .] Они болтают о небесных явлениях и пустомельствуют о философии.

3. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 41: По-видимому, он [Демокрит] был современником Архелаа, ученика Анаксагора, и Энопида, так как он упоминает и его [=Энопида?]

4. Ватиканский гномологий 743, ed. Sternbach, № 420: Увидев необразованного мальчика, покупающего много книг, Энопид сказал: «Только не в сундук, а в голову!».

5. СЕКСТ ЭМПИРИК. Пирроновы основоположения, III, 30: Энопид из Хиоса [полагал началами] огонь и воздух.

6. Мнения философов (Стобей), I, 7, 17 («Что есть бог?»): Диоген [из Аполлонии], Клеанф и Энопид: душа космоса.

7. ТЕОН СМИРНСКИЙ, с. 198, 14 (ср. 11 А 17, из Деркиллида): Евдем [фр. 145 Wehrli] в «Истории астрономии» сообщает, что Энопид первым открыл пояс [?] зодиака и цикл великого года.

Мнения философов, II, 12, 2 («О разделении неба [на зоны]»): Говорят, что Пифагор впервые открыл наклонение зодиакального круга; Энопид из Хиоса приписывает это открытие себе.

ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ, I, 98, 2: Пифагор узнал от египтян «Священное слово», геометрические теоремы и науку о числах. . . Полагают, что и Демокрит провел у них пять лет и многому научился в астрономии. Равным образом и Энопид учился у жрецов и астрологов и среди прочего узнал, что эклиптика наклонена, а направление движения [Солнца] противоположно направлению движения остальных звезд.

МАКРОБИЙ. Сатурналии, I, 17, 31 (из «О богах» Аполлодора): Как говорит Энопид, Аполлона зовут «Локсием» [«Косым»], так как он [Аполлон-Солнце] проходит по наклонному кругу, двигаясь с запада на восток, т. е. [Макробий переводит с греч.] так как он проходит по наклонному кругу с запад на восток.

8. ЦЕНЗОРИН. О дне рождения, 19, 2: Энопид из Хиоса [определил продолжительность естественного года] в $365\frac{2}{59}$ дней.

9. ЭЛИАН. Пестрая история, X, 7: Астроном Энопид из Хиоса посвятил в храм в Олимпии бронзовую табличку, начертав на ней календарь на пятьдесят девять лет и утверждая, что таков великий год. Астроном Метон, уроженец [афинского дема] Левконоя, поставил стелы, записав [на них] солнцевороты; он утверждал, что нашел великий год и определял его в 19 лет.

Мнения философов (Стобей), II, 32, 2 («О годе. . . и чему равен великий год»): Великий год одни полагают в восьмилетии [ср. 6 В 4], другие — в девятнадцатилетии [=Метон], третьи определяют его в 19×4 лет [76-летний цикл Каллиппа], четвертые — в 59 лет, в том числе Энопид и Пифагор. Другие [полагают великий год] в «главе Крона»: это период, за который семь планет возвращаются в те же точки, из которых началось их движение.

10. АРИСТОТЕЛЬ. Метеорология, А 8. 345 а 13: Некоторые из так называемых пифагорейцев называют [Млечный Путь] «путем» — то ли, как говорят одни, одной из планет, сорвавшейся во время так называемой гибели Фаэтона, то ли, как утверждают другие, по этому кругу некогда двигалось Солнце, поэтому, мол, от его гибели это место оказалось выжженным или же с ним произошло нечто подобное.

АХИЛЛ. Введение, 55, 18 Маасс (из Посидония): Другие, в том числе Энопид из Хиоса, утверждают, что прежде до нему [=Млечному пути] двигалось Солнце, но

вследствие Фиестова пира оно отклонилось и движется по противоположной орбите, которую теперь описывает Зодиак [ср. 58 В 37с].

11. Диодор Сицилийский, I, 41, 1 (из трактата Аристотеля «О Ниле», фр. 248 Rose через посредство Агафархида): Энопид из Хиоса утверждает, что в летнее время земные воды охлаждаются, а в зимнее, наоборот, нагреваются, причем это заметно по глубоким колодцам: в самый разгар зимы вода отнюдь не бывает в них холодной, а в самую сильную жару вода, которую из них поднимают, исключительно холодна. Поэтому естественно, что и Нил зимой невелик и сжимается, так как земное тепло расходует значительную часть влажной субстанции, а дождей в Египте не бывает, летом же, когда подземного испарения больше не происходит, его естественное течение беспрепятственно наполняется. Ср.: Схолии к АПОЛЛОНИЮ РОДОССКОМУ, IV, 269.

12. ПРОКЛ. Комм. к Евклиду, с. 80, 15: Последователи Зенодота, который принадлежал к школе Энопида, а учился у Андрона, отличали теорему от проблемы: теорема исследует, каков атрибут [~свойство], высказываемый о рассматриваемом ей предмете, а проблема — при каком условии нечто имеет место.

13. Там же, с. 283, 4 (к теор. 12, пробл. 7: «На данную бесконечную прямую из данной точки, которая не лежит на этой прямой, опустить перпендикуляр»): Эту проблему исследовал Энопид, считая ее полезной для астрономии. Перпендикуляр он на старинный манер называет «по гномону», так как гномон стоит под прямым углом к горизонту.

14. Там же, 333, 1 (теор. 23, пробл. 9: «При данной прямой и точке вне ее построить прямолинейный угол, равный данному прямолинейному углу»): Эта проблема также скорее открытие Энопида, как говорит Евдем [фр. 138 W.].

42. ГИППОКРАТ ИЗ ХИОСА. ЭСХИЛ

1. ПРОКЛ. Комм. к Евклиду, с. 66, 4 (из «Истории геометрии» Евдема, фр. 133 W.): После них [Анаксагора, Энопида] Гиппократ из Хиоса, открывший квадрирование луночки, и Феодор из Кирены прославились в геометрии. . . Гиппократ первым из тех, о ком сохранилась память, написал «Элементы».

*1а. Геркуланумский список академиков, с. 16 Mekler: [Во времена Платона] достигли вершины .<ари>фметические проблемы после того, как Е<вдо>кс и его школа реформировали старинный метод, [унаследованный] от <Гип>по<кра>та.

2. АРИСТОТЕЛЬ. Евдемова этика, II 14. 1247 а 17: Например, Гиппократ был силен в геометрии, а в остальном у него репутация дурака и тупицы: как рассказывают, во время плаванья он понес огромные убытки от собственной глупости из-за [плутства] таможенников в Византии.

ПЛУТАРХ. Солон, 2: Говорят, и Фалес занимался торговлей, и Гиппократ-математик. . .

*ЯМВЛИХ. Об общей математической науке, 25: После обнародования математические науки преумножились, причем продвинули их в особенности двое: Феодор из Кирены и Гиппократ из Хиоса.

ФИЛОПОН. Комм. к «Физике», 31, 3: Некто Гиппократ из Хиоса, купец, налетел на пиратский корабль и, потеряв все, явился в Афины, чтобы возбудить судебное дело против пиратов. Из-за судебного процесса он задержался в Афинах надолго и стал ходить на уроки к философам. В результате он достиг таких высот геометрического искусства, что взялся найти квадратуру круга.

3. АРИСТОТЕЛЬ. О софистических опровержениях, 11. 171b 12: [Геометрические] псевдочертежи не являются эристическими (так как паралогизмы отвечают правилам искусства), даже в том случае, если псевдочертеж относится к чему-то истинному, как, например, чертеж Гиппократа, {т. е. квадрирование посредством луночек}.

АРИСТОТЕЛЬ. Физика, А 2. 185 а 16: Опровергнуть квадратуру посредством сегментов [круга] — дело геометра, а квадратуру Антифонта — не геометра.

СИМПЛИКИЙ. Комм. к этому месту, 55, 26: «Квадратуру посредством сегментов» означает «квадратуру посредством луночек», которую открыл Гиппократ из Хиоса: луночка есть сегмент круга. Там же, 60, 22: Евдем в «Истории геометрии» говорит, что Гиппократ показал квадрирование луночки не на стороне квадрата, а, так сказать, вообще. Раз внешняя дуга всякой луночки либо равна полуокружности, либо больше, либо меньше ее, а Гиппократ квадратурует и луночку, имеющую [внешнюю дугу], равную полуокружности, и большую, и меньшую, то можно считать, что он дал общее доказательство. . Во второй книге «Истории геометрии» Евдем [фр. 140 W.] говорит так: «Квадрирование луночек причисляли к разряду невыполнимых чертежей вследствие их родства с кругом, однако Гиппократ из Хиоса впервые начертал их, и, как было признано, ход его доказательства был верен» [следует подробное доказательство].

4. ПСЕВДО-ЭРАТОСФЕН. Письмо к Птолемею у Евтокия, Комм. к «Архимеду», III², 88, 17 Heib.: Долгое время никто не мог решить [задачу удвоения куба]. Гиппократ из Хиоса впервые догадался, что если для двух прямых, из которых большая относится к меньшей как 2 : 1, удастся найти две средних пропорциональных в непрерывной пропорции, то задача удвоения куба будет решена. Тем самым он свел одну проблему к другой, ничуть не меньшей.

*4а. ПРОКЛ. Комм. к Евклиду, с. 212, 24 Fr.: Редукцией (апагогэ) называется переход от одной проблемы или теоремы к другой, в случае решения которой станет ясной и исходная задача. Так, например, при решении вопроса об удвоении куба перенесли вопрос на другую проблему, от [решения] которой зависит первая — нахождение двух средних пропорциональных, и дальше уже искали, каким образом для двух данных прямых можно найти две средних пропорциональных. Говорят, что впервые редукцию геометрических проблем применил Гиппократ из Хиоса, который также квадрировал луночку и сделал еще много других открытий в геометрии, ибо был талантлив, как никто другой, в построении чертежей.

5. АРИСТОТЕЛЬ. Метеорология, I, 6 (о комете). 342 b 29: А некоторые из италийских философов, именуемых пифагорейцами, говорят, что комета — это одна из планет, но только видна она через большие промежутки времени и поднимается над горизонтом на небольшую высоту, как это имеет место и в случае со звездой Гермеса, многие появления которой не видны, так как она поднимается на небольшую высоту. Сходные взгляды высказывал и Гиппократ из Хиоса со своим учеником Эсхилом, но только [комета], по их словам, не имеет собственного хвоста, а лишь приобретает его порой в своих блужданиях в зависимости от [своего] местоположения, когда солнце отвечает от выпариваемой ею влаги нам в глаза [досл. «когда наш взгляд преломляется от выпариваемой влаги в направлении солнца»]. А так как отстает она [= «движется в обратном направлении по отношению к неподвижным звездам»] в высшей степени медленно, то и появление ее происходит через несравненно большие промежутки времени, чем [появления] других [блуждающих] звезд, поскольку, мол, появится на том же самом месте она может не раньше, чем пройдет в обратном направлении весь свой круг. Происходит же это на севере и на юге. По их словам, находясь между тро-

пиками, комета не выпаривает к себе воду, поскольку [вся вода тут] уже выжжена круговращением солнца. При движении на юг влаги-то такой она имеет в изобилии, да только оттого, что дуга орбиты, находящаяся над горизонтом, мала, а находящаяся под ним — во много раз больше, взгляд [=«зрительный луч»] человеческий не может преломляться в направлении солнца, ни когда оно приближается к меридиану, ни когда находится в точке летнего солнцестояния. Поэтому в этих местах звезда и не становится хвостатой. Но стоит ей отойти к северу, как она получает хвост, так как часть окружности, находящаяся над горизонтом, — велика, а нижняя часть орбиты — мала: в этом случае взгляд человеческий легко достигает солнца.

ОЛИМПИОДОР. Комм. к этому месту, 45, 24: Пифагор и Гиппократ (не Косский, а Хиосский — тот, что прежде был купцом и открыл паралогизм квадратуры круга) считал шестой планетой комету, имеющую одинаковую с Меркурием орбиту. Поэтому, подобно Меркурию, она редко бывает видна. Но Пифагор и звезду, и хвост полагал состоящими из пятой субстанции, Гиппократ же только звезду считал [состоящей] из пятой субстанции, а хвост, по его мнению, образуется в подлунном пространстве: он утверждает, что от кометы поднимаются вверх испарения; когда наш зрительный луч, обращенный к Солнцу, преломляется через них, получается хвост.

*Схолии к АРАТУ, 1091; с. 546, 21—22 Maass : Гиппократ-пифагорец говорит, что комета — одна <из планет>.

6. АРИСТОТЕЛЬ. Метеорология, А 8. 345 b 9: Кроме того, имеется третье мнение о нем [=Млечном пути]. Некоторые утверждают, что Млечный путь есть преломление нашего зрительного луча в направлении Солнца, и точно так же [они объясняют] комету.

*ОЛИМПИОДОР. Комм. к этому месту, 68, 30: Четвертое мнение принадлежит Гиппократу Хиосскому. Он утверждает, что Млечный путь возникает в результате преломления [нашего зрительного луча] в сторону Солнца, но только преломления не через пар, как мы сказали в случае с кометой, а через звезды. Наш зрительный луч, говорит он, несется к звездам, преломляется от них к Солнцу и затем возвращается к нам.

АЛЕКСАНДР АФРОДИС. Комм к этому месту, 38, 28: Третье мнение о Млечном пути, по его словам, рассматривает Млечный путь как преломление нашего зрительного луча от испарения, каковым считается Млечный путь, к Солнцу. Он отражает для нашего зрения свет, который мы видим исходящим от Солнца. Сходным образом, по словам Гиппократа и его последователей, получается и комета.

43. ФЕОДОР

1. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 267, с. 146, 8 Deubner: [Каталог пифагорейцев, ср. 58 A]: Киренцы: Прор. Феодор.

2. ЕВДЕМ, фр. 133 [ср. 42 A 1]: После них [Анаксагора, Энопида] Гиппократ из Хиоса. и Феодор из Кирены прославились в геометрии.

3. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, II, 103: Феодоров было двадцать. Первый — самосец, сын Река. второй — киренец, геометр, слушателем которого был Платон. Ср.: Там же, III, 6 = 44 A.

4. Феодор — персонаж диалогов Платона «Теэтет», «Софист», «Политик». Ср., например: Теэтет, 145 A: [Сократ:] Не геометр ли он [=Феодор]? — [Теэтет:] Несомненно, Сократ. — Не знаток ли он также астрономии, искусства счета, музыки и во-

обще всего, что касается образованности? — По-моему, да. (145 C) [Сократ:] Скажи мне тогда: узнаешь ли ты от Феодора нечто о геометрии? — [Тээтет:] Да. — [Сократ:] И о астрономии, гармонии, вычислениях тоже? — [Тээтет:] Стараюсь по крайней мере. — [Сократ:] Вот и я, мальчик мой, тоже учусь у него и всех остальных, кто, по-моему, что-то в этом смыслит. (147 D) [Тээтет:] Присутствующий здесь Феодор чертил нам что-то о квадратных корнях, показывая, что стороны квадратов, содержащих три и пять квадратных футов, несоизмеримы со стороной одного квадратного фута. Он выбирал один за другим квадраты вплоть до семнадцатифутового, а на нем остановился. И вот нам пришло на ум, поскольку число корней казалось бесконечным, попытаться объединить их все под одним именем, которым мы назовем все эти корни. — [Сократ:] Ну и как, нашли вы такое имя? — [Тээтет:] По-моему, нашли, но смотри сам. — [Сократ:] Говори. — [Тээтет:] Мы разделили все числа на два разряда. Те, которые способны получаться путем перемножения равных множителей, мы уподобили по фигуре квадрату и назвали их квадратными и равносторонними. — [Сократ:] Отлично. — [Тээтет:] А те, что находятся между ними, как, например, три, и (148 A) пять, и всякое число, которое не может получиться из умножения равного на равное, но либо большего на меньшее, либо меньшего на большее, так что на фигуре оно всегда заключено между неравных сторон, мы уподобили прямоугольной фигуре и назвали прямоугольным числом. — [Сократ:] Отлично. Но что потом? — [Тээтет:] Все линии, которые quadriруют плоское равностороннее число, мы определили как длину; все, что quadriруют прямоугольное число, — как потенциалы (*δυναμεις*), поскольку они несоизмеримы с первыми по длине, но лишь по плоскости, которую они могут [~ обладают потенциалом] [заключать в себе]. То же и об объемных фигурах. (161 B) [Сократ:] Знаешь, Феодор, что изумляет меня в твоём приятеле Протагоре? [. . .] (162 A) [Феодор:] О Сократ, он [=Протагор] мне друг, как ты только что сказал.

5. КСЕНОФОНТ. Воспоминания о Сократе, IV, 2, 10: Не желаешь ли стать хорошим геометром, подобно Феодору?

44. ФИЛОЛАЙ

А. СВИДЕТЕЛЬСТВА О ЖИЗНИ И УЧЕНИИ

Жизнь

1. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 84—85: Филолай из Кротона, пифагореец. В письме к Диону Платон просит купить у него пифагорейские книги. [. . .]

Он полагает, что все происходит через необходимость (*ἀνάγκη*) и гармонию. И первым сказал, что Земля движется по кругу (а другие говорят, что Гикет из Сиракуз).

Написал одну книгу. Гермипп [фр. 25 FHG] говорит, что, по словам одного писателя, философ Платон, приехав в Сицилию к Дионисию, купил ее у родственников Филолая за сорок александрийских мин серебра и списал оттуда «Тимей». Другие утверждают, что он получил эти [книги] за то, что выхлопотал у Дионисия освобождение из тюрьмы арестованного юноши, одного из учеников Филолая.

Деметрий в «Одноименных [писателях и поэтах]» говорит, что он впервые обнародовал «книги» пифагорейцев «О природе», которые начинаются так [цит. фр. В 1].

1а. ПЛАТОН. Федон, 61 Е [ср. В 15]: [Действие диалога происходит в 399 г., Фиванец Кебет говорит Сократу]: То, о чем ты меня сейчас спросил, я уже слышал. . . от Филолая [= что нельзя кончать с собой], когда он жил у нас [= в Фивах].

Схолии к этому месту: Этот Филолай был пифагорейцем, бежавшим из Италии из-за поджога, который устроил тогда Килон в отместку за то, что его выгнали из [пифагорейской] школы [~аудитории, *δμαχδίων*] как непригодного к философии. Свое учение он облакал в загадки, как это было у них [= пифагорейцев] принято. А в Фивы приехал затем, чтобы совершить возлияния на могиле своего умершего учителя Лисиды, который там похоронен. Гиппарх [= Архипп, гл. 46] и Филолай — единственные из пифагорейцев, кто спасся от упомянутого выше несчастья.

2. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 38: Аполлодор из Кизика говорит, что Демокрит [род. 470 по Фрасиллу, 460 по Аполлодору] учился у Филолая.

3. Цицерон. Об ораторе, III, 34, 139: . . . Филолай [обучил] Архита Тарентского.

4. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 46: Последними из пифагорейцев, которых еще видел Аристоксен [фр. 19 Wehrli], были Ксенофил из Халкидики Фракийской, Фантон из Флиунты, Эхекрат, Диокл и Полимаст, тоже флиунты. Они были слушателями Филолая и Эврита Тарентских.

4а. ПЛУТАРХ. О гении Сократа, 13. 583 А: Когда товарищества [гетерии=полит. ассоциации] побежденных мятежом пифагорейцев пали по городам [Южной Италии], а все еще организованных в союз [пифагорейцев] Метапонта килоновцы обложили огнем в то время, как те заседали в доме, и уничтожили всех на месте, кроме Филолая и Лисиды (они были еще молоды и благодаря силе и ловкости вырвались из огня), Филолай бежал оттуда в Луканию и нашел прибежище у других товарищей [по союзу], которые уже вновь собирались и одерживали верх над килоновцами [ср. 14 А 16].

5. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, III, 6: Потом, когда ему [Платону] исполнилось двадцать восемь лет, он, как говорит Гермодор, вместе с некоторыми другими сократиками уехал в Мегары к Евклиду. Потом он отправился в Кирену к математику Феодору, а оттуда в Италию, к пифагорейцам Филолаю и Эвриту. Ср.: ЦИЦЕРОН. О государстве, I, 10, 16 = 47 А 5.

6. ВИТРУВИЙ, I, 1, 16: Некоторых людей природа наделила такой сообразительностью, остротой ума и памятью, что они в состоянии в совершенстве знать геометрию, астрономию, музыку и прочие науки. Они встречаются редко, таковы были некогда Аристарх Самосский, Филолай и Архит из Тарента, Аполлоний из Перги. . . С помощью математики и физических рассуждений они открыли, истолковали и передали потомству многое относящееся к органике и гномонике.

7. АФИНЕЙ, IV. 184 Е: Многие из пифагорейцев занимались авлетикой, как, например, Эвфранор, Архит, Филолай, да и немало других.

Апофтегматика и сочинение

7 а. ПЛУТАРХ. Застольные вопросы, VIII, 2, 1. 718 Е: По словам Филолая, геометрия — начало и метрополия. . . других [наук].

8. АВЛ ГЕЛЛИЙ. Аттические ночи, III, 17, 4: Ядовитый Тимон написал полную злословия книгу, озаглавленную *Σύλλος*. В этой книге он поносит философа Платона и обвиняет его в том, что он за большие деньги купил книгу с изложением пифагорейского учения и скроил из нее знаменитый диалог «Тимей». Вот стихи Тимона на этот счет [ТИМОН, фр. 54 Diels]:

Эх, Платон. И тебя к учению страсть охватила!
 Деньги большие ты дал в обмен за малую книжку:
 Сливки снимая с нее, «Тимей» строчить научился.

ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, III, 9: Некоторые, в том числе Сатир [фр. 16 FHG], говорят, что Платон написал Диону в Сицилию с просьбой купить у Филолая за сто мин три пифагорейские книги.

ЕВСЕВИЙ. Против Гиерокла, с. 64 [380, 8 Kayser]: [Пифагор не оставил никаких сочинений, и потому никто не может приписывать ему слова о том, что богов следует почитать и ощущать их присутствие независимо от того, видимы ли они или нет], — ни знаменитый Платон, глубже всех изучивший философию Пифагора, ни Архит, ни тот, кто предал беседы Пифагора письменной огласке, — Филолай.

ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 199: . . . Никто не читал пифагорейских записок вплоть до времени Филолая: он впервые обнаружил те пресловутые три книги и т. д. [см. 14 А 17].

ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 55 = ЭМПЕДОКЛ, А 1, § 55.

Учение

9. Мнения философов (Стобей), 1, 3, 10 («О началах»): Пифагореец Филолай [полагает началами] предел и беспредельное (*πέρας και άπειρον*).

ПРОКЛ. Комм. к «Тимею», т. I, с. 176, 27 Diehl: Низшее, несовершенное подчиняется власти высшего, божественного, и образуется единый космос, гармонически сопряженный из противоположностей и возникший, согласно Филолаю, из «ограничивающих» и «безграничных» (*περαίνοντα και άπειρα*) [элементов]. Ср. В 1—2.

10. ТЕОН СМИРНСКИЙ, 20, 19: Архит и Филолай, не проводя никакого различия, одно называют «единицей» (монадой) и единицу — «одним».

11. ЛУКИАН. Об ошибке в приветствии, 5: Некоторые из пифагорейцев, в том числе Филолай, называли тетрактиду (служившую им величайшей клятвой, так как, по их мнению, она составляет совершенное число десять) «первопричиной здоровья».

12. Теологумены арифметики, с. 74, 10 De Falco (из Никомаха): По словам Филолая, после того как бытие (*φύσις*) приобрело протяженную в трех измерениях математическую величину в четверице, качество и цвет — в пятерке, одушевленность — в шестерке, сознание (*νοῦς*), здоровье и то, что он называет «светом», — в семерке, после этого, говорит он, в восьмерке вещам стали свойственны эрос, дружба (*φιλία*), целеполагающий разум (*νοῦς*) и мысль (*ἐπίνοια*).

13. Там же, 82, 10: Спевсипп, сын сестры Платона Потоны, преемник [Платона в качестве scholarха] Академии до Ксенократа, на основании внимательного изучения пифагорейских лекций и особенно сочинений Филолая сочинил складную книжечку, озаглавив ее «О пифагорейских числах» [фр. 4 Lang]. В первой ее половине он весьма толково рассмотрел числа линейные, многоугольные, а также всякого рода плоские и объемные, равно как и пять фигур, которые приписывают космическим элементам, их отличительные особенности и то общее, что между ними имеется, и, наконец, прерывную и непрерывную пропорцию. После этого во второй половине книги он толкует исключительно о декаде, объявляя ее коренящейся в самой природе и более всего способствующим завершению вещей числом, как бы некоей художественной формой (эйдосом) для космических вещей-произведений, существующей в себе (а вовсе не условно

принятой или произвольно установленной нами) и предлагающей творцу Вселенной богу в качестве совершеннейшего образца (парадигмы). Он говорит о ней так:

«Десять — число совершенное, и мы, эллины, и все люди отнюдь не нарочно возвращаемся к нему, считая по-всякому, и это правильно и согласно с природой. Оно имеет много особенных свойств, которые надлежит иметь столь совершенному числу, а многие свойства не составляют его особенности, но оно должно иметь их, раз оно совершенно.

Прежде всего оно должно быть четным, чтобы нечетных и четных в нем было поровну, а не с перевесом в одну сторону: так как нечетное всегда предшествует четному, то, если заключительное число не будет четным, нечетное окажется в большинстве.

Затем оно должно содержать равное количество первых, несложных и вторых, сложных [чисел], а число десять содержит, и ни одно другое число, меньшее десяти, не обладает этим свойством, а разве только большее (например, 12 и некоторые другие), но в основании их лежит десять.

И поскольку оно первое число, обладающее этим свойством и наименьшее из обладающих им, то оно совершенно, и это его особенность: то, что в нем первом наблюдается равное количество несложных и сложных чисел. Кроме того, оно обладает еще одним [особенным] свойством: оно содержит <равное количество> произведений и множителей этих произведений; [от 1] до пяти оно содержит множители, от шести до десяти — их произведения. Так как 7 не кратно никакому [числу], его надо исключить, равно как и 4, как кратное двум, так что их по-прежнему будет поровну.

Кроме того, в 10 содержатся все отношения: равенство, больше, меньше, суперпартикулярность [$1^1/x$] и другие, а также линейные, плоские и объемные [числа]. В самом деле, 1 — точка, 2 — линия, 3 — треугольник, 4 — пирамида, а все эти [элементы] — первые и начала отдельных [рядов] однородных [с ними величин или чисел]. Кроме того, в этих [первых четырех числах] наблюдается первая из прогрессий [«аналогий»] — разностная, сумма членов которой равна десяти.

И в плоскостях, и в объемных телах первые [элементы] суть точка, линия, треугольник, пирамида, а они содержат число десять и получают [в нем] завершение ($\tau\acute{\epsilon}\lambda\omicron\varsigma$). Четверка — в углах или основаниях пирамиды, шестерка — в ребрах, итого десять. Опять же четверка — в расстояниях между точкой и линией и концах линии, шестерка — в сторонах и углах треугольника, так что опять десять.

[Число десять] получается и в [геометрических] фигурах, если их рассматривать арифметически. Действительно, первый треугольник — равносторонний, который в известном смысле имеет одну линию и [один] угол; я говорю «одну», так как он имеет равные [линии и углы], а равное всегда неделимо и одного вида.

Второй [треугольник] — полуквадрат; имея одно различие сторон и углов, он отвечает двойке. Третий — половина равностороннего, он же полутреугольник (гемитригон); все его [элементы] не равны [между собой], и сумма их равна трем.

То же можно обнаружить и в объемных телах, продвигаясь до четырех, так что и в этом случае в сумме получается десятка. В самом деле, первая пирамида, имеющая в основании равносторонний треугольник, оказывается в известном смысле обладающей одной линией и одной плоскостью в силу [их] равенства. Вторая, воздвигнутая на квадратном основании, — двумя, так как она имеет одно различие — между углом при основании, образуемым тремя плоскостями, и углом при вершине, образуемым четырьмя, откуда следует, что она подобна двойке. Третья [пирамида], построенная на полуквадрате, подобна тройке: помимо различия, которое мы наблюдали в полуквад-

рате как плоской фигуре, она имеет еще одно: отличие угла при вершине, так как этот угол [лежит на плоскости], перпендикулярной средней стороне [=гипотенузе] основания, и, следовательно, [третья пирамида] подобна тройке. Аналогичным образом, четвертая [пирамида] подобна четверке, поскольку она построена на полутреугольном основании. Таким образом указанные [фигуры] получают завершение в числе десять. То же и при возникновении [физических тел]: первое начало, из которого возникает величина, — точка, второе — линия, третье — плоскость, четвертое — объемное тело».

Ср.: Теологумены арифметики, 81, 15 De Falco: «Убедением» (Πίστις) [декада] называется потому, что, согласно Филолаю, благодаря декаде и ее частям мы имеем твердое убеждение относительно сущего при условии, что оно постигается не поверхностно. Поэтому ее можно называть и «Памятью» исходя из тех же соображений, по которым единица была названа «Мнемосиной».

ИОАНН ЛИДИЙСКИЙ. О месяцах, I, 15: Поэтому Филолай правильно назвал это число «декадой» — в том смысле, что она «восприимница» (δέκτικὴ) бесконечного.

14. ПРОКЛ. Комм. к Евклиду, 130, 8: И у пифгорейцев мы найдем одни углы посвященными одним богам, другие — другие. Так поступил, например, Филолай, который одним [богам] посвятил угол треугольника, другим — угол квадрата и т. д. или один и тот же угол — нескольким богам, а несколько углов — одному и тому же богу сообразно различным потенциям, заключенным в нем.

Там же, 166, 25: Следовательно, Филолай справедливо посвятил угол треугольника четырем богам: Кроносу, Аиду, Аресу и Дионису, охватив ими весь четырехчастный мирострой элементов, простирающийся от неба [до земли], или же исходя из четырех сегментов зодиака. Действительно, Кронос гипостазирует всю влажную и холодную субстанцию, Арес — всю огненную природу, Аид объемлет всю хтоническую жизнь, а Дионис ведает влажным и теплым становлением, символ которого — вино, влажное и теплое. Все эти боги различаются по своим действиям на вещи второго порядка, но образуют между собой единство. Поэтому Филолай заключает об их единстве по единому и общему всем углу.

Там же, 173, 11: Кроме них [=пифгорейцев вообще], Филолай с другой точки зрения называет угол квадрата углом Реи, Деметры и Гестии.

Там же, 174, 2: *Не следует упускать из виду, что угол треугольника Филолай посвятил четырем богам, а угол квадрата — трем. Этим он указал на их взаимопроникновение и на то, что все причастно всему: и нечетное четному и четное нечетному. Таким образом, четверичная Троица и троичная Четверица, причастные к производительным и творческим благам, содержат целиком весь мирострой рожденных вещей.* Образованная ими Двенадцатерица простирает власть Зевса до одной-единственной Единицы, ибо угол двенадцатиугольника, по словам Филолая, принадлежит Зевсу, поскольку Зевс в одном единстве содержит целиком все число Двенадцатерицы.

ДАМАСКИЙ. О началах, II, 127, 7 Ruelle: Почему одному [из богов] пифгорейцы посвящали круг, другому — треугольник, третьему — квадрат и сходным образом каждому из них посвящали ту или иную из прямолинейных или смешанных фигур, как, например, Диоскурам — полукруг? Умудренный в этом Филолай часто приписывает одному и тому же богу разные фигуры сообразно его различным свойствам; может быть, говоря вообще, круг — общая фигура всех умпостигаемых богов, поскольку они умпостигаемы, а прямолинейные фигуры свойственны тем или иным отдельным богам сообразно особенностям чисел, углов и сторон. Так, например, Афине принадлежит треугольник, Гермесу — квадрат. Более того, Филолай говорит, что у треугольника

один угол — Реи, другой — Геры, третий — иной богини и т. д. В целом трактовка фигур имеет богословский характер.

ПЛУТАРХ. Об Исиде и Осирисе, 30. 363 А: Очевидно, и пифагорейцы, [подобно египетским жрецам], считают Тифона демонической силой. Они говорят, что Тифон возник в пятьдесят шестой четной мере. <Угол> треугольника они приписывают Аиду, Дионису и Аресу, [угол] квадрата — Рее, Афродите, Деметре, Гестии и Гере, двенадцатиугольника — Зевсу, пятидесятишестиугольника — Тифону, как сообщает Евдокс.

*ПРОКЛ. Платоновская теология, I, 4. с. 20, 8 Saffrey—Westerink: Второй способ изложения — посредством образов — пифагорейский. Математические науки были изобретены пифагорейцами для припоминания (анамнесис) о божественном; посредством них как посредством образов они пытались трансцендировать к потусторонним началам. Как говорят те, кто занимается изложением пифагорейских учений, они посвящали богам и числа, и фигуры.

15. Мнения философов, II, 6, 5 («С какого элемента бог начал творение космоса?»): Пифагор принимает пять объемных фигур, которые называют также математическими: из куба, по его словам, возникла земля, из пирамиды — огонь, из октаэдра — воздух, из икосаэдра — вода, из додекаэдра — сфера Вселенной [ср. В 12].

*15 а. Схолии к Евклиду, XIII, 1, т. V, с. 654 Heiberg: В этой, т. е. 13-й, книге, описываются так называемые 5 платоновских фигур, которые, однако, Платону не принадлежат. Три из упомянутых фигур — куб, пирамида и додекаэдр — принадлежат пифагорейцам, а октаэдр и икосаэдр — Теэтету. По имени Платона они были названы потому, что он упоминает о них в «Тимее». Там же, XIII, 80, т. V, с. 675:

Сфера	Пирамида	Октаэдр	Куб
6	4	3	2

Там же, к XIII, 81: Пирамида [принадлежит] огню, октаэдр — воздуху, куб — земле, икосаэдр — воде, додекаэдр — Вселенной.

16. Мнения философов (Стобей), II, 7, 7 («О порядке космоса»): Филолай посредине, в центре [космоса, помещает] огонь, который он называет «Очагом» (Гестией) Вселенной, «домом Зевса», «Матерью богов», «алтарем», «связью и мерой природы». Кроме того, он принимает и другой огонь, расположенный выше всего и служащий Объемлющим. Первый по природе — центральный огонь, вокруг него кружатся в хороводе десять божественных тел: небо и планеты, за ними — Солнце, под ним — Луна, под ней — Земля, под ней — Противоземля (Антихтон), а после них всех — огонь Очага, занимающий центральное положение. Самую верхнюю часть Объемлющего, в которой — беспримесная чистота элементов, он называет «Олимпом»; пространство под сферой Олимпа, в котором расположены пять планет вместе с Солнцем и Луной, — «Космосом», а расположенную под ними подлунную и околоземную часть, в которой находится мир переменчивого рождения, — «Небом» («Уранос»). Относительно упорядоченных небесных явлений бывает мудрость (софия), относительно неупорядоченности возникающих вещей — добродетель (аретэ); первая совершенна, вторая несовершенна.

*16 а. АЛЕКСАНДР АФРОД. Комм. к «Метаф.», А 5. с. 38, 20 [ср. 58 В 4]: Также и Солнце. . . помещается, как они утверждают, в том месте, которому соответствует число семь. . . так как среди десяти тел, вращающихся вокруг центра и «Очага», оно занимает седьмое место; оно движется после сферы неподвижных звезд и пяти планет, за ним на восьмом месте — Луна, на девятом — Земля, а за ней — Антиземля.

Там же, с. 40, 27: Считаю декаду совершенным числом, но наблюдая среди явлений лишь девять движущихся сфер (семь сфер планет, восьмую — неподвижных звезд, девятую — Земли: они полагали, что и она тоже движется по кругу вокруг неподвижного «Очага», что на их языке означает огонь), они прибавили к ним в своих теориях некую Антиземлю, которая, как они полагали, движется с противоположной стороны Земли и потому не видна наземным наблюдателям. Аристотель говорит об этом подробнее в трактате «О небе» и в «Мнениях пифагорейцев».

*16 в. АРИСТОТЕЛЬ. О небе, В 13. 293 а 18: Большинство считает, что она [Земля] находится в центре. Итальяские же философы, известные под именем пифагорейцев, держатся противоположного взгляда: в центре, утверждают они, находится огонь, а Земля — одна из звезд — движется по кругу вокруг центра, вызывая смену дня и ночи. Сверх того, они постулируют еще одну Землю — Антиземлю, как они ее называют, не ища теорий и объяснений, сообразных с наблюдаемыми фактами, а притягивая за уши наблюдаемые факты и пытаясь их подогнать под какие-то свои теории и воззрения. [.] (293 в 1) Но вернемся к пифагорейцам. Исходя из того что самая важная часть Вселенной должна быть надежнее всего защищена, а таковой является центр, они называют огонь, занимающий это место, «острогом Зевса», рассуждая так, будто [термин] «центр» однозначен и будто геометрический центр в то же время есть центр самой вещи и естественный центр. Однако у животных центр животного и центр тела не совпадают, и, надо полагать, что со всем Небом дело обстоит аналогичным образом. Поэтому им нет никакой нужды беспокоиться о Вселенной и укреплять ее математический центр «острогом», но следует искать тот центр и т. д.

Там же, 293 в 15: Таково мнение некоторых относительно местоположения Земли. И относительно ее покоя и движения [мнения расходятся] точно так же, ибо здесь также нет всеобщего единообразия во взглядах, и те, кто отрицает, что Земля находится в центре, утверждают, что она движется по кругу вокруг центра, и причем не только Земля, но и Антиземля, как мы сказали выше. Некоторым из них даже представляется возможным, что вокруг центра движется несколько таких тел, невидимых нам потому, что их заслоняет Земля. Этим, по их мнению, и объясняется, почему затмения Луны происходят чаще, чем затмения Солнца: Луну загораживает не одна только Земля, но и каждое из этих движущихся тел. Поскольку Земля в любом случае не центр, но отстоит от центра на целое земное полушарие, то [этим доказывается], по их мнению, что, когда мы живем не в центре, наблюдаемые явления вполне могут происходить точно так же, как если бы Земля находилась в центре: ведь и так совершенно не заметно, что мы удалены от центра на половину диаметра [Земли].

*СИМПЛИКИЙ. Комм. к этому месту, 511, 26: В центре, по их [=пифагорейцев] словам, находится огонь, вокруг центра, говорят они, вращается Антиземля, которая также представляет собой Землю, а Антиземлей называется потому, что находится с противоположной от Земли стороны; за Антиземлей вращается, тоже вокруг центра, наша Земля, а за Землей — Луна: так сообщает Аристотель в трактате «О пифагорейцах» [фр. 204 Rose]. Земля, будучи одной из планет и вращаясь вокруг центра, в зависимости от своего положения относительно Солнца производит ночь и день. Антиземля движется вокруг центра, следуя за нашей Землей, и не видна нам потому, что тело Земли нам ее постоянно загораживает. Они утверждают это, говорит [Аристотель], не ища теорий и причин, согласных с очевидными фактами, а притягивая за уши очевидные факты и пытаясь подогнать их под какие-то свои воззрения и теории, хотя ничего более нелепого быть не может. Полагая декаду совершенным числом, они желали

число круговращающихся тел привести к десяти. Приняв, говорит он, одну сферу неподвижных звезд, семь сфер планет и Землю, они дополнили [их число] до десяти Антиземлей. Так он истолковал учение пифагорейцев.

17. Мнения философов (Псевдо-Плутарх), III, 11, 3 («О положении Земли»): Пифагореец Филолай: в центре — огонь (так как он «Очаг» Вселенной), на втором месте — Антиземля, на третьем — обитаемая Земля, расположенная и обращающаяся против Антиземли, поэтому здешние жители не видят тамошних.

Там же (Стобей), II, 4, 15 («Где находится руководящее начало космоса?») [после А 18]: А руководящее начало — в огне, расположенном в самом центре. Бог-демиург прежде всего положил его в основание <остова> Вселенной, словно киль [при закладке корабля].

18. Мнения философов, II, 5, 3 («Как питается космос?»): По Филолаю, гибель космоса бывает двоякой; в одних случаях — от того, что с неба хлынет огонь, в других — от лунной воды, которая выливается в результате переворачивания светила. И их [?] испарения служат пищей космосу.

19. Мнения философов, II, 20, 12 («О субстанции Солнца»): Согласно пифагорейцу Филолаю, Солнце стекловидно, оно отражает огонь, находящийся в космосе, и просеивает к нам свет и тепло, так что в известном смысле оказывается два Солнца: находящееся на небе огненное и возникающее в результате его зеркального отражения огнеподобное, если только не посчитать третьим свет, отражаемый от зеркала к нам путем преломления. Действительно, мы называем его «солнцем», хотя он, так сказать, отображение отображения.

20. Мнения философов (Стобей), II, 30, 1 («О видимом облике Луны»): Некоторые из пифагорейцев, в том числе Филолай, [полагают], что Луна кажется землеобразной потому, что она, как и наша Земля, населена животными и растениями, но только более крупными и более красивыми: живущие на Луне животные в пятнадцать раз больше [земных] и совершенно не выделяют экскрементов. Столько же [т. е. в пятнадцать раз больше] длится и день. Ср.: ГЕРОДОР ГЕРАКЛЕЙСКИЙ у Афиня, II, 57 F: Женщины-селенитки кладут яйца, и тамошние младенцы в пятнадцать раз крупней наших.

21. Мнения философов, III, 13, 1—2 («О движении Земли»): В отличие от остальных, полагающих, что Земля неподвижна, пифагореец Филолай полагает, что она круговращается вокруг огня по наклонной орбите таким же образом, как Солнце и Луна.

22. ЦЕНЗОРИН. О дне рождения, 18, 8: Год пифагорейца Филолая также состоит из 59 лет; в нем 21 вставной месяц. Там же, 19, 2: Филолай утверждал, что естественный год содержит 364 с половиной дня.

23. МАКРОВИЙ. Комм. к «Сну Сципиона», I, 14, 19: Пифагор и Филолай [полагали душу] гармонией.

Аристотель, О душе, А 4. 407 b 27: Передают и другое мнение о душе. Ее считают некой гармонией, так как и гармония есть слияние ($\chi\rho\alpha\iota\sigma\iota\varsigma$) и синтез противоположностей, и тело тоже состоит из противоположностей. Ср.: ПЛАТОН. Федон, 86 ВС.

24. НИКОМАХ ИЗ ГЕРАСЫ. Арифметика, 26, 2. с. 135, 10: Некоторые, следуя Филолаю, полагают, что она [=пропорция, ср. 47 В 2] называется гармонической потому, что она сопутствует всякой геометрической гармонии, а геометрической гармонией они называют куб, так как он образован [собств. «гармонизирован»] в трех изменениях умножением [определенного числа] на столько же и еще раз на столько же.

Эта пропорция отражается во всяком кубе: во всяком кубе 12 ребер, 8 углов, 6 граней; следовательно, 8 есть среднее между 6 и 12 по гармонической пропорции.

ЯМВЛИХ. Комм. к Никомаху, 118, 23 Pist.; Полагают, что она [=гармоническая пропорция] изобретение вавилонян, а к грекам пришла впервые через Пифагора. Факт тот, что ею пользуются многие из пифагорейцев, как, например, Аристей Кротонский, Тимей из Локр, Филолай и Архит из Тарента и многие другие, а впоследствии Платон в «Тимее».

25. ПОРФИРИЙ. Комм. к «Гармонике» Птолея, 5. с. 91 Düring: Исходя из этого, некоторые из его [Эратосфена] последователей называли [музыкальный] интервал «разностью» (*βπεροχή*), как, например, платоник Элиан. Филолай [принимал этот] термин для всех интервалов.

26. БОЭЦИЙ. Музыкальное наставление, III, 5. с. 276, 15 Friedlein: Пифагореец Филолай попытался делить тон иначе, [чем Аристоксен]. Он полагал началом тона первое число, представляющее собой куб первого нечетного числа, — свойство, весьма почитавшееся у пифагорейцев. Поскольку первое нечетное число — три, то если помножить три на три трижды, по необходимости получится 27 — число, образующее с 24 интервал в один тон [$27 : 24 = 9/8$], сохраняя ту же разность 3. Действительно, три есть восьмая часть 24 и, будучи прибавлено к 24, образует первый куб от трех — 27. Этот куб Филолай делит на две части: одну — больше половины, ее он называет «апотомэ», другую — меньше половины, ее он, в свою очередь, называет «днес» (позднейшие называли ее меньшим полутоном), а их разность — «комма» [ср. В 6]. Он считает, что днес состоит из 13 единиц, во-первых, потому, что такова разность между 256 и 243, во-вторых, потому, что это же самое число, т. е. 13, состоит из 1, 3 и 9, где 1 занимает место точки, 3 — первой нечетной линии, 9 — первого нечетного квадрата. Полагая на этом основании 13 диесом, который называется полутоном, остальную часть числа 27, содержащую 14 единиц, он принимает за апотомэ. Но поскольку разность между 14 и 13 составляет единицу, он полагает, что единицу следует принять за комму. Целый тон, по его мнению, состоит из 27 единиц, так как разность между 216 и 243, интервал между которыми равен тону, [$243 : 216 = 9/8$], составляет 27.

*26 а. ПРОКЛ. Комм. к «Тимее», т. II, с. 189, 18 Diehl: Как мы сказали, апотомэ есть остаток, которым леймма дополняется до целого тона (190, 2) То, что отношение апотомэ содержится в этих числах [т. е. 2187 и 2048] в виде основания, очевидно: на основании теоремы о взаимном делении доказывается, что числа 2187 и 2048 — первые в отношении между собой, а первые по необходимости — наименьшие. Большинство терминов, [образующих интервалы], приводимых в «Тимее», очевидным образом, заимствовано у Филолая, но гамма Платона прогрессирует и без отношения апотомэ.

27. ЛОНДОНСКИЙ АНОНИМ. Эксерпты из «Истории медицины» Менона, 18, 8. с. 31: Пифагореец Филолай утверждает, что наши тела состоят из [одного лишь] теплого, так как, по его мнению, они не причастны холодному. В доказательство он приводит факты такого рода: сперма, которая образует животное, теплая; место, в котором происходит оплодотворение, т. е. матка, еще теплее и подобна сперме. Но то, что чему-то подобно, обладает такими же качествами, как то, чему оно подобно. А так как и то, что образует [животное], не причастно холодному, и место, в котором происходит оплодотворение, равным образом не причастно холодному, то ясно, что таким рождается и образуемое животное. В пользу этого положения он приводит следующий довод. Сразу же после рождения животное втягивает наружный воздух, который холоден,

а затем снова возвращает его вовне, словно долг [=нечто чужое]. Желание наружного воздуха от того и возникает, чтобы наши тела, которые теплее его, им охлаждались. Так он описывает конституцию наших тел. Болезни, по его словам, происходят от желчи, крови и флегмы, а вызываются болезни вот чем: кровь становится густой от внутреннего сжатия плоти, тонкой — от расширения находящихся в плоти сосудов. Флегма, по его мнению, образуется из мочи, а желчь он считает сывороткой плоти. На этот счет у него странные взгляды: он утверждает, что желчь не связана с печенью, а представляет собой лимфу плоти. То же и относительно флегмы: в то время как большинство [медиков] считают ее холодной, он полагает ее по природе теплой, ссылаясь на то, что флегма (φλέγμα) получила свое название от [слова] «жечь» (φλέγειν), и что поэтому воспаления (φλεγμαίνοντα) обладают воспалительным действием вследствие содержания флегмы. Вот что он считает причинами болезней, а сопутствующими причинами — избыток тепла, пищи, охлаждения, равно как и недостаток этого и тому подобного. Ср. 84 В 4; 68 А 159.

28. Там же, 20, 21: [Петров], почти как Филолай, считает, что желчь в нас совершенно бесполезна.

29. СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, VII, 92: Пифагорейцы считают [критерием истины] разум, но не вообще, а тот, что простекает из математики (так полагал и Филолай), ибо, обладая способностью созерцать природу Вселенной, он находится с ней в некоем родстве, так как подобное постигается подобным.

В. ФРАГМЕНТЫ

Филолая «О природе» книги I—III

1. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 85 [ср. А 1]: [Книги] «О» природе», которые начинаются так: «Природа в космосе образовалась [~ гармонически сладилась] из безграничных и ограничивающих [элементов]: и весь космос в целом и все вещи в нем».

2. СТОБЕЙ, I, 21, 7а (с. 187, 14 W.): Из сочинения Филолая «О космосе»: «Все сущие по необходимости должны быть либо ограничивающими, либо безграничными, либо и ограничивающими и безграничными [одновременно]. Но быть только безграничными или только ограничивающими они не могут. Стало быть, так как очевидно, что они не [состоят] ни из одних лишь ограничивающих, ни из одних лишь безграничных [элементов], то, следовательно, ясно, что и космос и вещи в нем были сложены из ограничивающих и безграничных [элементов]. Это явствует из того, что [наблюдается] в произведениях: те из них, что из ограничивающих, ограничивают, те, что из ограничивающих и безграничных, ограничивают и не ограничивают, а те, что из безграничных, окажутся безграничными» [следуют фр. В 4—7]. Ср.: ДАМАСКИЙ. О началах, I, 101, 3: Сущее состоит из границы и безграничного, как говорят Платон в «Филебе» [23 С] и Филолай в книгах «О природе». Ср. А 9.

3. ЯМВЛИХ. Комм. к Никомаху, 7, 24 Pist.: Согласно Филолаю, если бы все было безграничным, то вовсе бы не было того, что можно познать.

4. СТОБЕЙ, I, 21, 7 б (т. I, с. 188, 5 W.): И впрямь все, что познается, имеет число, ибо невозможно ни понять ничего, ни познать без него.

5. Там же, I, 21, 7 с (I, 188, 9): Число имеет два особых вида: нечетный и четный, и третий, смешанный из обоих — четнонечетный. У каждого из обоих видов много форм, которые каждый [?] проявляет сам по себе.

6. Там же, I, 21, 7 d (I, 188, 14; дополнено из Никомаха, Гармоника, 9. с. 252, 17 Jap): С природой и гармонией дело обстоит так. Сущность ($\epsilon\sigma\tau\acute{\omega}$) вещей, которая вечна, и сама природа требуют божественного, а не человеческого знания. Кроме того, ничто из того, что есть и познается нами, не могло бы возникнуть, если бы не было в наличии сущности вещей, из которых составилась космос: и ограничивающих и безграничных [элементов]. Но так как начала ($\acute{\alpha}\rho\chi\alpha\iota$) не были подобны и однородны, то они не могли бы упорядочиться в космос, если бы [к ним] не прибавилась гармония, каким бы образом она ни возникла. Вещи подобные и однородные нисколько не нуждаются в гармонии, а неподобные, неединородные и не одного порядка необходимо должны быть сопряжены гармонией, с тем чтобы удерживаться вместе в космическом порядке.

Величина гармонии [=«октавы», 1 : 2] — кварта [3 : 4] и квинта [2 : 3]. Квинта больше кварты на целый тон [8 : 9], ибо от гипаты до мезы [интервал] — кварта, от мезы до неты — квинта, от неты до триты — кварта, от триты до гипаты — квинта. [Интервал] между мезой и тритой равен целому тону. Кварта есть отношение 4 : 3, квинта — 3 : 2, октава — 2 : 1. Таким образом, гармония [=«октава»] [содержит] пять тонов и два полутона, квинта — три тона и полутона, кварта — два тона и полутона.

Ср.: БОЭЦИЙ. Музыкальное наставление, III, 8; с. 278, 11 Fr.: Эти интервалы и меньше, чем они, Филолай определяет так: «Диез, по его словам, есть интервал, на который кварта превосходит два тона. Комма — интервал, на который целый тон превосходит два диеза, т. е. два меньших полутона. Схизма есть половина коммы, диасхизма — половина диеза, т. е. меньшего полутона».

*ПЛУТАРХ. О психогонии «Тимея», гл. 17. 1020 E: Один из интервалов — так называемый тон, на который кварта превосходит квинту. Гармоники делят его пополам, полагая, что тем самым получают два интервала, каждый из которых они называют полутоном. Но пифагорейцы признали невозможным деление его на две равные части и из двух неравных частей меньшую называют «леймма» [«остаток»], так как ему недостает до половины.

7. СТОБЕЙ, I, 21, 8 (т. I, с. 189, 17 W.): Первое слаженное, одно, в середине Сферы называется «Очаг» (Гестия).

8. ЯМВЛИХ. Комм. к Никомаху, 77, 9: Единича (монада), согласно Филолаю, начало (архе) всех вещей; разве он не говорит: «Одно ($\tau\acute{\delta}\ \epsilon\nu$) — начало всех [вещей]».

9. ЯМВЛИХ. Комм. к Никомаху, 19, 21: Оставим для другого случая более подробное исследование вопроса, каким образом при возведении числа в квадрат посредством выкладывания ряд за рядом [составляющих его единиц-точек], результат получается не менее достоверный, [чем при обычном счете], «по природе, а не по установлению ($\nu\acute{o}\mu\omicron\varsigma$)», как говорит где-то Филолай.

10. НИКОМАХ. Введение в арифметику, II, 19. с. 115, 2: Гармония во всех случаях возникает из противоположностей, ибо «гармония есть единение многих [элементов] смеси и согласие несогласных» [собств. «единомыслие разномыслящих»]. Ср.: ТЕОН СМИРНСКИЙ, с. 12, 10: И пифагорейцы, которым часто следует Платон, называют музыку слаженностью противоположностей, единением многого и согласием несогласных [звучков].

11. ТЕОН СМИРНСКИЙ, 106, 10: О ней [=декаде] много толкуют и Архит в трактате «О декаде», и Филолай в сочинении «О природе» [ср. А 13].

СТОБЕЙ. I, Предисловие, 3 (т. I, с. 16, 20 W.): Из Филолая:

«Произведения и сущность числа надо рассматривать согласно потенции ($\delta\acute{\upsilon}\nu\alpha\mu\iota\varsigma$), которая заключена в декаде. Ибо она великая, всесовершенная и всепроизводящая, и

божественной и небесной, равно как и человеческой жизни начало (архэ) и предводительница, причастная * * * потенция и декады. А без нее все безгранично, и неясно, и невидимо.

Ибо природа числа познавательна, предводительна и учительна для всех во всем непонятном и неизвестном. В самом деле, никому не была бы ясна ни одна из вещей — ни в их отношении к самим себе, ни в их отношении к другому, — если бы не было числа и его сущности. На самом же деле оно прилаживает [~ приводит в гармонию с] к ощущению в душе все [вещи] и делает их познаваемыми и взаимосообразными [~ соизмеримыми] согласно природе гномона, телесотвора [?] и разделяя порознь отношения вещей как безграничных, так и ограничивающих.

Ты можешь наблюдать природу и потенцию числа имеющими силу не только в демонических и божественных вещах, но и во всех без исключения человеческих делах и словах, и в ремеслах во всех, и в искусствах, и в музыке.

А лжи вовсе не допускают природа числа и гармония, ибо она им не свойственна. Ложь и зависть присущи природе безграничного, непостижимого и иррационального.

Ложь вовсе не овеает числа, ибо ложь враждебна и супротивна природе, а истина свойственна и прирождена роду числа».

12. СТОБЕЙ. Предисловие, 18, 5 W. [после В 11, ср. А 15]: Сфере присущи пять тел: находящиеся внутри Сферы огонь, вода, земля, воздух и пятое — корпус [собств. «корабль»] Сферы.

13. Геологумены арифметики, 25, 17 de Falco: Как говорит Филолай в сочинении «О природе», имеются четыре начала разумного животного: головной мозг, сердце, пупок, половой член: «Голова — [начало] ума (νοῦς), сердце — души (ψυχῆ) и ощущения, пупок — укоренения и роста зародыша, половой член — семени, оплодотворения и рождения. Головной мозг содержит начало (ἀρχή) человека, сердце — животного, пупок — растения, половой член — всех вообще [живых существ], ибо все цветет и произрастает из семени».

14. КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, III, 17 (т. II, с. 203, 11 St.): Стоит привести и цитату из Филолая. Пифагореец говорит так: «Свидетельствуют и древние богословы и прорицатели, что в наказание за что-то душа сопряжена с телом (σῶμα) и похоронена в нем, как в могиле (σῆμα)». Ср.: ПЛАТОН. Горгий, 493 А: [«Говорит Сократ». Быть может, на самом деле мы мертвы? Я уже слышал от кого-то из мудрецов, что сейчас мы мертвы и тело (σῶμα) для нас могила (σῆμα), а та часть души, в которой находятся вожделея, легко поддается переубеждению и бросается из одной крайности в другую. Один остроумный человек, то ли сицилиец, то ли италиец, облек это учение в форму мифа и, играя словами, назвал [эту часть души] за ее доверчивость (πειθανόν) и податливость (πειστικόν) «бочкой» (πίθος), безрассудных — непосвященными [~ «незамкнутыми», ἀμύητοι], а вожделеющую часть души безрассудных с ее разнузданностью и незакрытостью он сравнил с дырявой бочкой, имея в виду ее ненасытность [~ ненаполнимость] {По этому мифу, непосвященные в Аиде} носят воду в дырявую бочку таким же продырявленным решетом. А под «решетом», как сказал мне мой собеседник, [сочинитель мифа] разумеет душу».

ПЛАТОН. Кратил, 400 В—С=ОРФЕЙ, В 3. Ср.: АФИНЕЙ, IV, 157 С: Как общает перипатетик Клеарх во второй книге «Жизнеописаний», пифагореец Евксифей говорил, что души всех людей привязаны к телу и здешней жизни в наказание и что бог постановил: если они не останутся здесь до тех пор, пока он не освободит их по собственной воле, то будут ввергнуты в еще более многочисленные и страшные напасти.

Поэтому все опасаются господской угрозы, и боятся самовольно уйти из жизни, и лишь смерть в старости приемлют с радостью, убежденные, что освобождение души происходит по решению господ.

15. АФИНАГОР. В защиту христиан, 6. с. 6, 13 Schwartz: Филолай говорит, что бог заточил все, словно в тюрьме, и доказывает, что он один и выше материи.

ПЛАТОН. Федон, 61 D: [Сократ:] Как, Кебет, разве ты и Симмий не слышали об этом [=предосудительности самоубийства], когда учились у Филолая? — [Кебет:] Ничего определенного, Сократ. — [Сократ:] Да я и сам говорю об этом понаслышке.

Там же, 61 E: [Кебет:] То, о чем ты меня сейчас спросил, я уже слышал не только от Филолая, когда он жил у нас [=в Фивах], но и от некоторых других: что делать этого не следует. Но ничего определенного на этот счет я никогда ни от кого не слышал.

Там же, 62 B: Существующее на этот счет тайное учение, согласно которому мы, люди, находимся как бы под стражей и что не следует освобождать самого себя от нее или убегать, мне кажется глубокомысленным и трудным для понимания. Но вот что, по крайней мере, Кебет, мне представляется в этом учении верным: что боги — наши почитатели и что мы, люди, — собственность богов.

Там же, 82 D: Распростившись со всеми этими людьми, Кебет, те, кому есть дело до собственной души и кто живет не марая ее телом, не идут по одной с ними дороге, ибо те люди не знают, куда идут. Полагая, что не следует поступать вопреки философии и даруемому ею освобождению и очищению, они сворачивают туда, куда она их ведет, и следуют за ней [ср. А 14, Клеарх].

16. АРИСТОТЕЛЬ. Евдемова этика, В 8. 1225 а 30: Некоторые мысли и страсти, равно как и поступки в соответствии с такими мыслями и помыслами, — не в нашей власти; как сказал Филолай, «есть мысли, которые сильнее нас».

Вакханки

17. СТОБЕЙ, I, 15, 7 (т. I, с. 148, 4 W.): Из «Вакханок» Филолая: Космос один. Он начал возникать до [заполнения?] середины, а от середины [возникал] равномерно вверх и вниз, <и> то, что кверху от середины, расположено напротив того, что снизу. Ибо для нижних [=антиподов] самая нижняя часть — как самая верхняя; с прочими точно так же: и та и другая одинаково расположены относительно середины, но только перевернуты.

18. Стобей, I, 25, 8 (т. I, с. 214, 21 W.): Из «Вакханок» Филолая. . . [выпала цитата о Солнце].

19. ПРОКЛ. Комм. к Евклиду, с. 22, 9: Поэтому и Платон преподает нам много замечательных положений о богах посредством математических фигур, и философия пифагорейцев пользуется ими как завесой для прикрытия посвящения в таинство божественных учений. Таково все «Священное слово», и «Вакханки» Филолая, и вся манера Пифагорова наставления о богах.

Dubia

20. ФИЛОН АЛЕКС. О творении Божьем, 100 (т. I, с. 34, 10 Sohn): По этой причине одни философы уподобляют это число [семерку] «лишенной матери Нике» и «Деве», которая, по сказанию, явилась на свет из головы Зевса, а пифагорейцы — владыке Вселенной: то, что не рождает и не рождается, пребывает неподвижным. . . но не движет и недвижим только старейший правитель и владыка, образом которого по

праву можно считать гебдомаду. Сказанное подтверждает и Филолай, когда говорит: «[Семерка] — владыка и правитель всех вещей, бог, единый, вечно сущий, постоянный, неподвижный, сам себе подобный, отличный от других [чисел]».

ИОАНН ЛИДИЙСКИЙ. О месяцах, II, 12: Филолай справедливо назвал число семь «лишенным матери», так как это единственное число, которое не рождает и не рождается. А то, что не рождает и не рождается, неподвижно. Действительно, рождение сопряжено с движением, так как ни рождающее, ни рождаемое не могут обойтись без движения: первое — чтобы родить, второе — чтобы родиться. Таков бог, о чем говорит и сам Тарентский ритор, а говорит он так: «[Семерка] подобный».

АНАТОЛИЙ. О декаде, с. 35 Heiberg: Семерка — единственное из чисел, содержащихся в декаде, которое не рождает и не рождается другим числом, кроме единицы. Поэтому пифагорейцы называют ее «Дева без матери».

20 а. ИОАНН ЛИДИЙСКИЙ. О месяцах, IV, 12: Филолай справедливо называет двойцу «супругой Кроноса», которого очевидным образом можно назвать Хроносом (Временем).

Spuria

О душе

21. СТОБЕЙ, I, 20, 2 (с. 172, 9 W.): Из сочинения Филолая «О душе». Филолай полагает космос неуничтожимым. Так, он говорит в сочинении «О душе»: «Поэтому [космос] пребывает неуничтожимым и неустанным в течение бесконечной вечности. Ибо нет никакой иной [=отличной от него самого] причины ни внутри него, которая оказалась бы сильнее, ни вне его, которая могла бы его уничтожить. Нет, этот космос был от века и пребудет вовеки, один, одним [богом] родственным [ему], всемогущим и неодолимым управляемый. Коль скоро он один, непрерывен, и от природы дышит, и вращается изначально [?], то он содержит [в себе] и причину движения и изменения. Одна его часть неизменна, другая подвержена изменениям. Неизменная простирается от объемлющей Вселенную души до Луны, а изменяющаяся — от Луны до Земли. И так как движущее круговращается извечно и вовеки, а движимое подчиняется движущему, то одно должно быть вечнодвижущим, а другое вечнострадательным. И одно — всецело местопребывание [?] ума и души, другое — рождения и изменения; одно — первое по силе и превосходящее, другое — подчиненное. А то, что из них обоих — из вечно бегущего, божественного, и вечно изменяющегося, возникшего, — космос».

Поэтому он считал правильным то, что «космос — вечная энергия бога и возникновения, в которой изменчивая природа играет подчиненную роль. И бог пребывает вечно в одном и том же состоянии, а возникающее и уничтожающееся множественно. Существа, подверженные гибели, сохраняют свою природу и форму и вновь воспроизводят в потомстве ту же форму, какую им дал отец-родитель и демиург. .».

О ритмах и мерах I—III

22. КЛАВДИАН МАМЕРТ, II, 3, с. 105, 5 Eng.: Так как сам Пифагор ничего не писал, его учение надо искать у позднейших. Среди них, насколько мне известно, более всех отличился Филолай Тарентский, который во многих томах рассуждает довольно темно о постижении вещей и о том, что каждая из них означает и, прежде чем определить сущность души, удивительным образом рассуждает о мерах, весах и числах применительно к геометрии, музыке и арифметике, утверждая, что через них возникла вся Вселенная.

Там же, II, 7, с. 120, 12: Теперь, после продолжительного отступления, я возвращаюсь к Филолаю, который в третьей книге сочинения, озаглавленного «О ритмах и мерах», говорит о душе так: «Душа проникает в тело посредством числа и посредством бессмертной и бестелесной гармонии». Также после другого: «Душа любит тело, ибо без него она не может использовать ощущения. Исторгнутая из него смертью, она ведет в мире бестелесную жизнь».

23. ЯМВЛИХ. Комм. к Никомаху, с. 10, 22: Филолай называет число «всемогущей и самородной связью вечного пребывания космических вещей».

45. ЭВРИТ

1. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 148: Когда какой-то пастух рассказал Эвриту Кротонскому, слушателю Филолая, что слышал в полдень голос Филолая из могилы как бы поющий — а Филолай умер много лет тому назад, — Эврит воскликнул: «Во имя всего святого! В каком ладу он пел?».

Там же, § 266 и 267 [=58 А]: Эврит Метапонтский; § 267: Эврит Тарентский. Ср.: ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, III, 6; VIII, 46=44 А 4—5; АПУЛЕЙ. Об учении Платона, 3: Эврис — автор псевдопифагорейского трактата «О судьбе» у Стобея, I, 6, 19; КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, V, 29.

2. ТЕОФРАСТ. Метафизика, 11, с. VI а 19 (Ross—Fobes): Это [=не останавливаться, не доведя исследование до конца] свойство зрелого и здорового мужа. По словам Архита [47 А 13], именно так некогда поступал Эврит, раскладывая камушки. Он [доходил до таких подробностей, что] утверждал: вот это вот число человека, вот это — коня, вот это — еще чего-то. А ныне большинство [исследователей] останавливаются, дойдя до известного предела. Например, те, кто полагает [первопринципами] Одно и неопределенную Двоицу. Породив числа, плоскости и тела, они, можно сказать, опускают все прочее, а разве только мимоходом касаются и указывают всего-навсего, что одни вещи происходят от неопределенной Двоицы, как, например, место, пустота и бесконечное; другие — от чисел и одного, как, например, душа и кое-что еще, {а заодно время, небо и многое другое}, а о небе и прочих вещах больше не упоминают.

3. АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, N 5, 1092 b 8: [Критика платонических теорий первоначал]. Равным образом совершенно не определено, в каком смысле числа суть причины субстанций и бытия — как определения (*ἄροι*) (так же, как точки — определения величин, и как устанавливал Эврит, какое число присуще какой вещи; например, вот это число человека, вот это — коня, и, отображая камушками формы <животных и> растений, подобно тем, кто сводит числа к [геометрическим] фигурам, [изображая их в виде] треугольника и квадрата) или же как консонанс есть отношение чисел, так и человек и все остальное?

ПСЕВДО-АЛЕКСАНДР АФРОДИС. Комм. к этому месту, с. 827, 9: Допустим, ради примера, что определение человека — число 250, а определение растения — 360. Приняв это, он брал двести пятьдесят камушков, окрашенных в самые разные цвета: зеленые, черные, красные и т. д. Затем он мазал стену известкой и рисовал контур человека и растения, а потом втыкал эти камушки: одни — на линии лица, другие — на линии рук, где какие, и получал изображение человека, выложенное камушками, равными по числу тому количеству единиц, которое он полагал определением человека.

46. АРХИПП. ЛИСИД. ОПСИМ.

1. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 250 [ср. 14 А 16]: Из двух спасшихся [пифагорейцев] — оба были тарентцами — Архипп вернулся в Тарент, а Лисид, негодя на попустительство [италийцев], уехал в Элладу и жил в Ахайе Пеллопоннесской, а потом переселился в Фивы, где пользовался уважением. [Там] его учеником стал Эпаминонд, называвший Лисида отцом. Там он и умер. Ср.: КОРНЕЛИЙ НЕПОТ. Эпаминонд, 2; ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ, X, 11, 2.

Анекдотический материал из романа Аполлония о Лисиде см.: ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 185, ср. 256; Бегство и смерть: ПЛУТАРХ. О божестве Сократа, 13.

Dubia

2. ПОРФИРИЙ. Жизнь Пифагора, 57: Ибо и от самого Пифагора не осталось никаких сочинений, и спасшиеся бегством Лисид и Архипп, и те, кто был в отлучке [в момент мятежа], сохранили лишь скудные тлеющие искорки философии, смутные и трудноуловимые.

3. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 7 [ср. 14 А 19]: А то, что приписывают Пифагору, принадлежит пифагорейцу Лисиду Тарентскому, который бежал в Фивы и стал учителем Эпаминонда.

4. АФИНАГОР, 5, с. 6, 15 Schw. [после 44 В 15]: Что касается Лисида и Опсима, то один из них определяет бога как неизреченное число, а другой — как разность между самым большим числом и ближайшим к нему. Но коль скоро самое большое число — десять (согласно пифагорейцам, оно является тетрактидой и содержит в себе все арифметические и гармонические отношения), а ближайшее, примыкающее к нему число — девять, то бог — единица (монада), т. е. один, так как самое большое число превосходит ближайшее к нему на самое маленькое, т. е. единицу.

5. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 267 [58 А]: [Каталог пифагорейцев] Уроженцы Регия: Аристид. Опсим.

Апокрифическое письмо Лисида к Гиппарху [Гиппасу]: ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, § 75 сл. (Epistologr., p. 601 Hercher); ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 42 [=гл. 17, 1].

47. АРХИТ

А. СВИДЕТЕЛЬСТВА О ЖИЗНИ И УЧЕНИИ

Жизнь

1. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 79: Архит, сын Мнесагора, тарентец (а по Аристотелю [фр. 47 Wehrli], сын Гестиэя), тоже пифагореец. Это он своим письмом спас Платона от Дионисия, когда ему грозила казнь. Он свиснул восхищение в народе всяческой доблестью: семь раз он был стратегом Тарента, тогда как другие занимали эту должность не больше года ввиду запрета, налагаемого законом. Платон написал к нему два письма после того, как Архит написал ему так [следуют подложные письма Архита и Платона, § 80, 84, фальсифицированные автором псевдооккеловых сочинений].

Архитов было четверо: первый — наш, второй — митиленец, музыкант, третий — автор трактата «О земледелии», четвертый — сочинитель эпиграмм. Некоторые упоми-

нают и пятого, архитектора, автора сохранившейся книги «О машине», начало которой: «Вот что я слышал от Тевкра Карфагенского». Про музыканта рассказывают такой анекдот: когда его упрекали в том, что не слышно его голоса, он сказал: «За меня состязается и говорит мой инструмент».

Про пифагорейца Аристоксен [фр. 48 Wehrli] говорит, что как стратег он не знал поражений никогда. Однажды он уступил должность стратега завистнику, и тарентцы немедленно попали в ловушку. Он впервые методически исследовал механику, используя математические принципы, и впервые применил механическое движение к геометрическому чертежу, когда сечением полуцилиндра стремился найти две средних пропорциональных, чтобы решить задачу по удвоению куба. И в геометрии он впервые открыл куб, как говорит Платон в «Государстве» [VII. 528 В ?].

2. СУДА, под словом «Архит»: Архит Тарентский, сын Гестиэя, или Мнесарха, или Мнасагета, или Мнасагора, философ-пифагореец. Он спас Платона от казни тираном Дионисием. Он стоял во главе италийской лиги [греческих городов]: сограждане и греки окрестных областей выбирали его стратегом-императором. В то же время он преподавал философию, причем у него были знаменитые ученики, и написал много книг. [из Гесихия].

Известно, что он был учителем Эмпедокла. Поговорка «Архитова погремушка» пошла от того, что Архит изобрел погремушку — особое приспособление, издающее звук и шум [из А 10].

3. ГОРАЦИЙ, Оды. I, 28 (пер. Н. С. Гинцбурга):

Моря, земли и песков измеритель несчетных, Архите,
 Скудные ныне тебя покрывают
 Горсти ничтожного праха у берегов Матинского мыса,
 Пользы тебе никакой не приносит
 То, что эфира обитель исследовал ты и все небо
 Мыслью обéгал, на смерть обреченный.
 Пал и Пелопс отец, хоть и был сотрапезник бессмертных,
 Умер Тифон, к небесам вознесенный,
 Умер Минос, посвященный Юпитером в тайны природы; владеет
 Орк Полидамом, вернувшимся в Тартар,
 Хоть доказал он питом, снятым в Герином храме, что жил он
 В пору Троянской войны, утверждая,
 Будто лишь кожа да жилы подвластны безжалостной смерти.
 Сам же он был знатоком не последним
 Истин, сокрытых в природе, по-твоему. Но по дороге
 К ночи уходим мы все и к могиле.

4. СТРАБОН, VI. с. 280: Некогда тарентцы достигли исключительного могущества в пору демократического правления. . . Они были поклонниками философии Пифагора, особенно Архит, который стоял во главе государства длительное время.

5. ПЛАТОН. VII-е Письмо, 338 с; с. 30, 25 Moore—Blunt: Я, конечно, знал, что у молодых часто бывает такое увлечение философией, и все же тогда [перед третьим путешествием в Сиракузы, 361 г.] мне показалось более безопасным оставить без внимания [просьбы] Диона и Дионисия, и к раздражению обоих я ответил, что, во-первых, я уже старик, а во-вторых, из того, что было предусмотрено соглашениями, пока ничего не выполнено. Но по-видимому сразу после этого к Дионисию прибыл Архит —

а дело в том, что перед отъездом [вскоре после 367 г., второе путешествие] я связал узами гостеприимства и дружбы Архита и тарентцев с Дионисием, и только потом отплыл — . (339 а) И вот тогда Дионисий пригласил меня в третий раз, прислав за мной для облегчения путешествия триеру, послал же он [за мной] Архедема, которого, по его мнению, я больше всего ценил из всех сицилийских друзей Архита, а также других, знакомых мне сицилийцев. . . (339 d) [Кроме письма Дионисия] поступали и другие письма — от Архита и тарентцев — превозносившие любовь Дионисия к философии и [предостерегавшие], что если теперь я не приеду, то совершенно дискредитирую установившуюся у них благодаря мне дружбу с Дионисием, а она имеет немалое политическое значение. . . (340 а) И вот я отправляюсь. . . с большими опасениями и недобрыми предчувствиями. . . (350 а) Приходили ко мне разные люди, в том числе некоторые члены экипажей из Афин, мои соотечественники, и сообщали, что среди пельтастов про меня пущена клевета, и некоторые из них грозятся убить меня, если где-нибудь схватят. Тогда я придумал себе во спасение вот какую уловку. Посылаю [письмо] к Архиту и другим друзьям в Тарент, объясняя, в каком я положении оказался. А те под предлогом посольства от их города посылают тридцативесельный корабль с Ламиском, одним из них, на борту. Тот пришел к Дионисию и стал просить за меня, говоря, что я хочу уехать и мне ни в коем случае не следует мешать. Дионисий согласился и отпустил меня, дав денег на дорогу. . . Прибыв в Пелопоннес, в Олимпию, и застав там Диона, смотревшего игры [Ол. 105=360 г.], я рассказал ему о происшедшем.

ЦИЦЕРОН. О государстве, I, 10, 16. ПСЕВДО-ДЕМОСФЕН. Речь, 61, § 46: Архит так умело и так гуманно управлял Тарентом, стоя во главе государства, что слава о нем дошла до всех. Сначала им пренебрегали, а таких успехов он достиг после сближения с Платоном.

6. ПРОКЛ. Комм. к Евклиду, с. 66, 14 (из «Истории геометрии» Евдема): В то время [=во времена Платона] жили Леодамант из Тасоса, Архит Тарентский и Теэтет Афинский, которые увеличили число теорем и придали им более научный вид.

7. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 197 (из Аристоксена): Спинтар, бывало, рассказывал про Архита Тарентского такую историю. Только что вернувшись из похода, который Тарент предпринял против мессапан, и после долгой отлучки навещавшись в свое имение, он увидал, что управляющий и прочие слуги не проявили должного попечения о земледелии и дошли до крайней степени нерадивости. Он разгневался и рассердился, а когда отлегло, сказал слугам: «Ваше счастье, что я на вас прогневался: не случись этого, ни за что бы вам не уйти от наказания за такие грехи!». Ср.: ЦИЦЕРОН. Тускуланские беседы, IV, 36, 78.

8. АФИНЕЙ, XII. 519 В: Афинодор в сочинении «О деле и потехе» рассказывает, что Архит Тарентский, который был одновременно государственным деятелем и философом, имел много слуг, с которыми он, бывало, забавлялся за столом, допуская их на пир. ЭЛИАН. Пестрая история, XII, 15: У Архита Тарентского, философа и государственного деятеля, было много слуг. Он весьма забавлялся, играя с детьми дворовой челяди. Но особенно он любил забавляться с ними на пирах. Ср. А 10.

9. АФИНЕЙ, XII, 545 А=АРИСТОКСЕН, фр. 50 W.: Аристоксен-музыкант в биографии Архита рассказывает, что однажды в Тарент прибыли послы от Дионисия Младшего, среди которых был и Полиарх по прозвищу Сладострастный, муж, подвизавшийся в телесных наслаждениях не только на практике, но и в теории. Поскольку он был знакомцем Архита и не вполне чужд философии, то хаживал в священный рощу и прогуливался там вместе с учениками Архита, слушая его речи. Однажды, когда

возник вопрос о вожделениях и вообще о телесных наслаждениях, Полиарх сказал и т. д. [следует гедонистическая теория Полиарха, опровержение которой Архитом у Афиняев не сохранилось; как показывают параллельные рефлексии у АРИСТОТЕЛЯ, Никомахова этика, Н 12, речь Архита, возможно, использована Цицероном из Аристоксена в след. свидетельстве].

ЦИЦЕРОН. О старости, 12, 39 (пер. В. О. Горенштейна): Послушайте же, избранные молодые люди, давнее изречение Архита Тарентского, одного из самых великих и самых прославленных мужей; мне сообщили его, когда я в молодости был в Таренте вместе с Квинтом Максимом. По словам Архита, самый губительный бич, какой природа только могла дать людям, — плотское наслаждение; страсти, жаждущие этого наслаждения, безрассудно и неудержимо стремятся к удовлетворению; (40) отсюда случаи измены отечеству, отсюда случаи ниспровержения государственного строя, отсюда тайные сношения с врагами; словом, нет преступления, нет дурного деяния, на которые страстное желание плотского наслаждения не толкнуло бы человека; что касается кровосмешений, прелюбодеяний и всяческих подобных гнусностей, то все они порождаются одной только жаждой наслаждения; в то время как самое прекрасное, что человеку даровала природа или какое-нибудь божество, — это разум, ничто так не враждебно этому божественному дару, как плотское наслаждение; (41) ведь при господстве похоти нет места для воздержности, да и вообще в царстве наслаждения доблесть утвердиться не может. Чтобы легче понять это, Архит советовал вообразить себе человека, охваченного столь сильным плотским наслаждением, какое только возможно испытать; по его мнению, ни у кого не будет сомнений в том, что этот человек, пока будет испытывать такую радость, ни над чем не сможет задуматься и ничего не постигнет ни разумом, ни размышлением, поэтому ничто не достойно такого глубокого презрения, какого достойно наслаждение, раз оно, будучи сильным, способно погасить свет духа. О том, что Архит говорил об этом в беседе с Гаем Понцием из Самнии, чей сын в Кавдинском сражении одержал победу над консулами Спурием Постумием и Титом Ветурием [321 г. до н. э.], наш гость Неарх Тарентский, который оставался верным другом римскому народу, узнал, по его словам, от старших. При этой беседе будто бы присутствовал афинянин Платон, который, как я установил, приезжал в год консульства Луция Камилла и Апфия Клавдия.

10. АРИСТОТЕЛЬ. Политика, Θ 6. 1340 b 25: Следует занимать чем-нибудь детей и считать полезной Архитову погремушку, которую дают детям, чтобы, играя в нее, они ничего не ломали в доме: ведь юные существа не могут сидеть неподвижно.

10 а. АВЛ ГЕЛЛИЙ. Аттические ночи, X, 12, 8: То, что, по преданию, придумал и смастерил Архит-пифагореец, должно считаться не менее удивительным, равно как и не лишенным смысла. Многие известные греческие писатели, включая ревностного изыскателя старины — философа Фаворина, с полной уверенностью пишут, что подобие голубя, изготовленное Архитом из дерева по законам науки механики, летало: оно держалось на весу благодаря противовесам [?] [или: «благодаря равновесию», *libramentis*] и приводилось в движение заключенным внутри [него] и невидимым воздухом. Это настолько невероятно, что хотелось бы привести слова самого Фаворина [фр. 62 Magtes]: «Архит Тарентский, искусный помимо прочего, в механике, сделал летающего деревянного голубя, который, однажды сев, уж больше не взлетал. Ибо до тех пор * * * он мог летать, пока. . . [?].

11. ЭЛИАН. Пестрая история, XIV, 19: Архит был целомудрен вообще и в частности избегал непристойных слов. Однажды он был вынужден сказать что-то непри-

личное, но не поддался: вслух этого не произнес, а написал на стене, показав то, что ему нужно было сказать, но так и не сказав.

12. АРИСТОТЕЛЬ. Политика, Г 11. 1412 а 12: Архит сказал, что судья то же, что алтарь: у обоих находит прибежище испытанный несправедливостью.

Учение

13. ГЕСИХИЙ. Каталог сочинений Аристотеля, Rose² 14. № 83: «О философии Архита 3 книги»; № 85: «[Выписки] из сочинений Тимея и Архита 1 книга».

ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, V, 25 (Rose 6, № 92): «О философии Архита, книги 1—2—3».

ДАМАСКИЙ. О началах, II, 172, 20 Ruelle: Аристотель в «Архитовых учениях» [фр. 207 Rose] сообщает, что и Пифагор называет материю «иным» ($\delta\lambda\lambda\omicron$), поскольку она текуча и постоянно становится иной.

14. ЕВТОКИЙ. Комм. ко 2-й кн. «О сфере и цилиндре» Архимеда, т. III², 84 Heiberg: Решение, найденное Архитом, как сообщает Евдем [фр. 141 W.]. Пусть будут даны две прямые $\Delta\Delta$ и Γ . Требуется найти две средние пропорциональные к $\Delta\Delta$ и Γ . Опшем вокруг большей прямой $\Delta\Delta$, [как вокруг диаметра], окружность $AB\Delta Z$ и впишем в нее [хорду] AB , равную прямой Γ . Продолжим [хорду AB за точку B] до пересечения с прямой, касающейся круга в точке Δ , в точке Π . Параллельно к прямой $\Pi\Delta O$ проведем прямую BEZ и вообразим полуцилиндр, восстановленный перпендикулярно к полукругу AB , [как к своему основанию], а на прямой $\Delta\Delta$ — полукруг, перпендикулярный [к плоскости круга $AB\Delta Z$] и лежащий на параллелограмме полуцилиндра [т. е. на плоскости прямоугольника $\Delta\Delta TP$]. Если вращать этот полукруг от точки Δ к точке B при неподвижном конце диаметра A , то в своем вращении он пересечет цилиндрическую поверхность и опишет на ней некую линию [т. е. кривую ΔKA]. Если же при неподвижной прямой $\Delta\Delta$ треугольник $\Delta\Pi\Delta$ будет вращаться в направлении, противоположном движению полукруга, то он образует коническую поверхность [с вершиной в точке A] стороной $\Delta\Pi$, которая в своем вращении встретится в некоей точке с цилиндрической линией [т. е. с кривой KA]; одновременно точка B опишет полукруг на поверхности конуса. Пусть в месте встречи этих линий движущийся полукруг занимает положение $\Delta'KA$, а вращаемый в противоположном направлении треугольник — положение $\Delta\Delta A$, точкой упомянутой встречи пусть будет K . Полукруг, описанный точкой B , пусть будет BMZ , а его пересечение с кругом $B\Delta ZA$ пусть будет BZ . Из точки K на плоскость полукруга $B\Delta A$ опустим перпендикуляр, он упадет на окружность круга, так как цилиндр стоит перпендикулярно. Пусть опущенный перпендикуляр будет KI ; пусть прямая, проведенная из I к A , встретится с BZ в точке Θ , а прямая $\Delta\Delta$ встретится с полукругом BMZ в точке M . Проведем также соединительные прямые $K\Delta'$, MI и $M\Theta$. Так как каждый из полукругов $\Delta'KA$ и BMZ перпендикулярен к данной плоскости, то, следовательно, и их общее пересечение $M\Theta$ перпендикулярно к плоскости круга, так что $M\Theta$ перпендикулярна также и к BZ . Поэтому произведение $\Theta B \cdot \Theta Z$, т. е. произведение $\Theta A \cdot \Theta I$ равно квадрату от $M\Theta$. Следовательно, треугольник ΔMI подобен каждому из треугольников $MI\Theta$ и $MA\Theta$, и угол ΓMA прямой. Но угол $\Delta'KA$ также прямой. Следовательно, прямые $K\Delta'$ и MI параллельны, поэтому как прямая $\Delta'A$ относится к AK , т. е. как прямая KA к AI , так прямая IA — к AM вследствие подобия треугольников. Следовательно, четыре прямых $\Delta'A$, AK , AI , AM образуют непрерывную пропорцию. Но прямая AM равна прямой Γ , так как она равна прямой AB . Следовательно, для двух данных $\Delta\Delta$ и Γ найдены две средние пропорциональные AK и AI .

15. ЭРАТОСФЕН у Евтокия, Комм. к «О сфере и цилиндре» Архимеда II, т. III², в. 96, 10 Heiberg: [Посвятительная эпиграмма о делосской задаче по удвоению куба; Эратосфен обращается к Птолемию III]: [ст.7—10]

Ты не ищи ни Архитовых действий с цилиндрами трудных,
 Ни Менехма триад в коносеченьи отнюдь,
 Ни коли некий вид кривых среди линий описан
 Богоподобным Евдоксом — также не следуй ему.

Ср.: ПСЕВДО-ЭРАТОСФЕН. Там же, III², с. 90, 4 [после 42 А 4]: [Некие делосцы во исполнение повеления бога удвоить кубический алтарь обратились за помощью к геометрам, пребывавшим в Академии Платона]. Те с большим прилежанием взялись за решение задачи и стали искать две средних пропорциональных для двух данных [прямых], причем Архит Тарентский, как сообщают, нашел их с помощью полуцилиндров, а Евдокс — с помощью так называемых кривых линий. Всем им удалось написать [теоретическое] доказательство, но осуществить на практике [эту задачу] они не смогли, разве только отчасти Менехм, да и тот с трудом.

ПЛУТАРХ. Застольные вопросы, VIII, 2, 1, 718 E: Поэтому Платон порицал Евдокса, Архита и Менехма за то, что они пытались свести удвоение объема к органическим и механическим конструкциям, поскольку тем самым они пытались найти две средних пропорциональных иррациональным путем. Тем самым, по Платону, гибнет и уничтожается ценность геометрии, так как она снова возвращается вспять к чувственным вещам, а не возносится ввысь и не постигает вечных и бестелесных образов, пребывающий в коих бог вечнобожен. Ср.: ПЛУТАРХ. Маркелл, 14; ВИТРУВИЙ, IX, 3, 13.

16. ПТОЛЕМЕЙ. Гармоника, I, 13. с. 30, 9 Düring: Архит Тарентский, который из всех пифагорейцев больше всего занимался музыкой, пытается провести принцип пропорциональности не только в консонансах, но и в делениях тетракордов, полагая, что соизмеримость интервалов — характерное свойство музыки. Он устанавливает три рода: энгармонический, хроматический и диатонический, каждый из них делит так. Последний интервал во всех трех родах он определяет как отношение 28/27, средний — в энгармоническом 36/35, в диатоническом — 8/7, соответственно начальный интервал в энгармоническом роде — 5/4, в диатоническом — 9/8. Второй [звук] от самого высокого в хроматическом роде он получает посредством занимающего то же положение в диатоническом, [т. е. 8/7]; действительно, он утверждает, что второй звук от самого высокого в хроматическом роде относится к подобному ему в диатоническом как 256 к 243. Стало быть, он составляет эти [три] тетракорда согласно данным отношениям в этих первых числах [«первых» между собой, т. е. в несводимых дробях]: если мы обозначим самые высокие звуки тетракордов числом 1512, а самые низкие, согласно отношению 4/3, — числом 2016, то последнее составит 28/27 по отношению к 1944. Этим числом будут выражаться во всех трех родах вторые звуки от самого низкого. Что же касается вторых от самого высокого, то в энгармоническом роде полученное число 1890, которое относится к числу 1944 как 36/35, а к числу 1512 как 5/4; в диатоническом роде будет число 1701, которое относится к числу 1944 как 8/7, а к числу 1512 как 9/8; в хроматическом роде будет число 1792, которое относится к 1701 как 256 к 243. Вот таблица этих чисел: (см. табл. на след. стр.)

17. ПОРФИРИЙ. Комм. к «Гармонике» Птолемея, I, 6. с. 107 D: Как сообщают Архит и Дидим, некоторые из пифагорейцев, установив отношения консонансов,

		Энгармонический	Хроматический	Диатонический
Интервалы	A	1512	1512	1512
	G	1890	1792	1701
	F	1944	1944	1944
	E	2016	2016	2016
		$\frac{5}{4} \cdot \frac{36}{35} \cdot \frac{28}{27} = \frac{4}{3}$	$\frac{32}{27} \cdot \frac{243}{224} \cdot \frac{28}{27} = \frac{4}{3}$	$\frac{9}{8} \cdot \frac{8}{7} \cdot \frac{28}{27} = \frac{4}{3}$

сравнивали их между собой и, желая продемонстрировать более консонирующие, поступали так: взяв первые числа, которые они называли «основаниями» (*πυθμέναις*), из тех, что составляют отношения консонансов. . . приписав эти числа консонансам, они отнимали по единице от каждого из чисел, составляющих члены каждого отношения, и смотрели, какие числа остались после отнятия. Так, например, отняв по единице от 2 и 1, выражавших отношение октавы, они смотрели остаток: он был равен одному. Отняв по единице от 4 и 3, выражавших отношение кварты, они получали в остатке от 4—3, от 3—2, так что суммарный остаток обоих членов после отнятия составлял пять. Отняв по единице от 3 и 2, выражавших отношение квинты, они получали в остатке от 3—2, от 2—1, так что суммарный остаток был равен трем. Отнимаемые единицы они называли подобными, а остатки вычитания — неподобными по двум причинам. Во-первых, потому что от обоих членов [отношения] отнималось подобное и равное число: ведь единица равна единице. В результате их вычитания остатки по необходимости должны быть неподобными и неравными, так как, если от неравных [чисел] отнять равные, остатки будут неравными. Между тем отношения многократности и суперпартикулярности, в которых выражаются консонансы, состоят из неравных членов и, следовательно, при отнятии от них равного числа остатки в любом случае будут неравными. «Неподобия» консонансов получаются в результате «сочетания», а «сочетанием» пифагорейцы называют получение одного числа из двух. Так вот, суммарные «неподобия» для каждого консонанса таковы: для октавы — 1, для кварты — 5, для квинты — 3. Чем меньше неподобие, говорят они, тем созвучней консонанс. [Самое совершенное] созвучие дает октава, так как ее неподобия равны одному, на втором месте — квинта, так как у нее — три, на последнем — кварта, так как у нее неподобных пять.

18. Там же, с. 104 Архит и его последователи утверждали, что в консонансах слухом воспринимается один звук. *АРИСТОТЕЛЬ. Об ощущении, 448 а 19: Верно или нет утверждение тех, кто занимается консонансами, согласно которому звуки доходят не одновременно, но кажется, [что одновременно], и мы не замечаем, когда промежуток времени неощутим?

18 а (19 а DK). ТЕОН СМИРНСКИЙ, с. 61, 11 Hiller: Евдокс и Архит полагали, что консонансы заключаются в числовых отношениях, признавая также, что

отношения имеются между движениями, причем быстрое движение дает высокий звук, так как оно непрерывно колеблет (πλήττουσαν) и резко ударяет воздух, а медленное — низкий, так как оно более вялое. Ср. В 1.

19. БОЭЦИЙ. О музыке, III, 11: В отношении суперпартикулярности невозможно вставить среднее пропорциональное. Строгое доказательство этого будет дано ниже. Доказательство, которое дает Архит, слишком слабое. Оно гласит: пусть будет суперпартикулярное отношение A , B . Сложу его к отношению наименьших [чисел] C , DE . Следовательно, так как C и DE — наименьшие члены этого отношения и суперпартикулярны между собой, то число DE превосходит число C на одну часть, общую им обоим. Обозначим ее как D . Я утверждаю, что D будет не числом, а единицей. В самом деле, если допустить, что D — число и составляет часть числа DE , то оно будет кратным числу DE , а стало быть, и кратным числу E . Откуда следует, что оно будет кратным и числу C . Следовательно, число D будет кратным обоим числам C и DE , что невозможно. Ибо наименьшие из всех чисел, находящиеся в суперпартикулярном отношении, первые между собой и различаются только на единицу. Следовательно, D — единица. Следовательно, число DE превосходит число C на единицу. Поэтому между ними невозможно вставить никакое число, которое было бы их средним пропорциональным. Откуда следует, что и между теми двумя числами, которые находятся в том же отношении, [не будучи наименьшими], невозможно вставить число, которое было бы их средним пропорциональным. 19 а: см. 18 а.

19 в. КВИНТИЛИАН, I, 10, 17: Архит и Эвен полагали, что грамматика подчинена музыке.

20. ТЕОН СМИРНСКИЙ, с. 20, 19: Архит и Филолай, не проводя никакого различия, одно называют «единицей» (монадой) и монаду — «одним».

21. Там же, с. 22, 5: Аристотель в трактате «О пифагорейцах» (фр. 199 Rose) говорит, что одно [= «единица»] причастно природе того и другого [= чета и нечета]: приближенное к четному, оно делает его нечетным, а к нечетному — четным, но оно не обладало бы этой способностью, если бы не было причастно обеим природам. Поэтому одно называется «четно-нечетным». С этим согласен и Архит.

22. АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, Н 2. 1043 а 19: [Наилучшее определение определяет вещь как соединение формы и материи]. Очевидно, определение через различия касается формы и акта, а исходящее из составных элементов — скорее материи. Таковы были и определения, которые одобрял Архит: они касаются того и другого. Например, что есть безветрие? Покой воздушной массы. Здесь материя — воздух, а акт и сущность — покой. Что есть штиль? Гладкость моря. Здесь материальный субстрат — море, а акт и форма — гладкость.

23. ЕВДЕМ. Физика, фр. 60 W. = СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 431, 8: Платон определяет движение как «большое и малое», «не-сущее», «неравномерное» и другие равнозначные выражения. Но представляется нелепым усматривать в этом сущность движения. Когда есть движение, то одно движется в другом. А утверждать, что коль скоро нечто «неравное» или «неравномерное», то оно по необходимости движется, смешно. В этих определениях лучше усматривать причины [движения], как это делал Архит.

23 а. ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ. Проблемы, 16, 9. 915 а 25: Почему части растений и животных, которые не имеют функции органов, — все имеют округлую форму (у растений — стебель и ветви, у животных — голени, бедра, плечи, грудная клетка), а треугольной или многоугольной формы не имеет ни тело в целом, ни одна из его

частей? Потому ли, как говорил Архит, что в естественном движении содержится отношение равенства (ведь всякое движение происходит согласно некоторому отношению), а это единственное отношение, которое возвращается к самому себе, так что когда оно имеет место, то порождает круги и округлые формы?

24. ЕВДЕМ. Физика, фр. 65 W. = СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 467, 26: Архит, как говорит Евдем, формулировал аргумент так: «Окажись я на краю Вселенной, т. е. на сфере неподвижных звезд, мог бы я вытянуть вовне руку или палку или нет?» Допущение, что не мог бы вытянуть, нелепо. Но если вытяну, то то, что вовне, окажется либо телом, либо местом (как мы увидим, это совершенно безразлично). Таким образом, сколько раз не допускай [все новую и новую] границу Вселенной, [отодвигая ее все дальше и дальше], всякий раз он будет аналогичным образом подходить к ней и задавать тот же самый вопрос, и если то, на что [вытянута] палка, всякий раз будет иным [=прибавочной величиной по отношению к принятой протяженности Вселенной], то ясно, что оно и бесконечно. И если это тело, то исходный тезис [«существует бесконечное тело»] доказан. Если же — место, а место, [по определению], есть то, в чем тело либо находится, либо может находиться, между тем применительно к вечному возможное следует считать осуществившимся, то и в этом случае существует бесконечное тело и место.

*24 а. АРИСТОТЕЛЬ. Физика, Г 4. 203 а 4: Пифагорейцы. . . полагают бесконечное самобытной субстанцией. . . и что то, что по ту сторону Вселенной, есть бесконечное.

*24 б. АРИСТОТЕЛЬ. Физика, Г 4. 203 б 15=12 А 15.

25. АПУЛЕЙ. Апология, 15: [Зеркальные изображения: верна ли теория «образов» Эпикура, фр. 320 Us.] Или же, как рассуждают другие философы, наши [собственные зрительные] лучи — либо истекши из середины глаз и смешавшись и соединившись с внешним светом (как считает Платон), либо всецело изойдя из глаз без какой-либо поддержки извне (как полагает Архит). . . упав на какое-нибудь плотное, блестящее и гладкое тело, отскакивают и возвращаются назад к нашему лицу под углом, равным углу падения, и причем так, что все, чего они касаются и что они видят извне, воображают находящимся внутри зеркала.

26. ПСЕВДО-БОЭЦИЙ. Геометрическое искусство, с. 393, 7: Но пора перейти к геометрической таблице (mensa), описанной Архитом, — не пустяшным знатоком этой науки. . . (с. 396, 7). . . пифагорейская таблица. . . (с. 425, 20) Остается сказать об унции, дюйме и мельчайших мерах: точках, минутах и т. д. [. . .], обнаруживав изумительный и необходимый не только для этой науки, но и для прочих математических дисциплин чертеж, который мы изучили под руководством Архита.

*26 а. ГЕРОН. Геометрия, 8. с. 218 Heiberg: Метод Пифагора для прямоугольного треугольника. Если перед тобой будет поставлена задача построить прямоугольный треугольник по методу Пифагора, исходя из нечетного числа, делай так. Пусть катету будет дано число 5. Возведи в квадрат — получится 25. От этого числа отними единицу — останется 24. Половина этого числа равна 12: это — основание. Прибавь к основанию единицу — получится 13 — такова гипотенуза.

ПРОКЛ. Комм. к Евклиду, с. 427, 18 Fl.: Есть два вида прямоугольных треугольников: равнобедренные и разносторонние; для разносторонних невозможно найти [целые] числа, приложимые к сторонам, так как не существует квадратного числа, которое было бы вдвое больше квадрата. . . (427, 24) а то, что их можно найти для равнобедренного треугольника, с очевидностью доказывается тем, что квадрат

гипотенузы равен сумме квадратов катетов. . . (428, 7) Известны определенные методы нахождения таких треугольников, один из которых приписывают Платону, другой — Пифагору, причем пифагорейский метод исходит из нечетных чисел. Этот метод принимает данное нечетное число за меньший из катетов, и, возведя его в квадрат и вычтя [из квадрата] единицу, принимает половину остатка за больший катет. Прибавив к последнему единицу, получает гипотенузу. Например, дано [нечетное число] 3. $3^2=9$, $9-1=8$, $8:2=4$, $4+1=5$. Найден прямоугольный треугольник со сторонами 3, 4, 5.

ПСЕВДО-ВОЭЦИЙ. Геометрическое искусство, с. 408, 11: Пусть дан прямоугольный треугольник, катет которого обозначен четным числом, например измеряется в 8 футов. Если неизвестны [две другие] стороны, Архит учит находить их следующим образом. Возьмем половину упомянутого катета, т. е. 4, и возведем в квадрат — получится 16. Если отнять от этого числа единицу — останется 15. Стольким футам равно основание этого треугольника. Если к упомянутому квадрату половины катета прибавить единицу, получим гипотенузу в 17 футов.

В. ФРАГМЕНТЫ

О математических науках

1. ПОРФИРИЙ. Комм. к Гармонике Птолемея, с. 56 Düring: Теперь приведем собственные слова Архита-пифагорейца, тем более что сочинения его считаются длинными. В самом начале сочинения «О математике» он говорит так:

«Думается мне, что знатоки математических наук (*μαθηματά*) пришли к верному познанию и нет ничего странного в том, что они правильно судят о свойствах всех отдельных вещей. Ибо раз они верно познали природу Вселенной, то должны были верно усмотреть и свойства отдельных вещей. И о скорости звезд, и о восходах и заходах передали они нам точные познания, и о геометрии, и о числах, и в не меньшей мере о музыке. Думается, что науки эти — родные сестры, ибо они занимаются двумя первоначальными родственными видами сущего. Прежде всего они сообразили, что не может быть звука, если не произошло удара одного об другое. А удар, утверждали они, происходит, когда движущиеся [тела] сталкиваются между собой. Причем движущиеся в противоположных направлениях при встрече затормаживают друг друга, а движущиеся в одном направлении, но с неравной скоростью производят звук в результате того, что движущиеся следом догоняют [движущиеся впереди] и ударяют их. Многие из этих [ударов] не могут быть восприняты нашей природой: одни вследствие слабости удара, другие вследствие большого расстояния от нас, а некоторые и вследствие чрезмерной громкости. Ибо [слишком] громкие звуки не проникают в наше ухо, подобно тому как если вливают много в сосуды с узкими горлышками, то не вливается ничего.

Из [звук]ов, попадающих в [слуховое] ощущение, те, что приходят от ударов быстро и <сильно>, кажутся высокими, а те, что медленно и слабо, кажутся низкими. Так, если взять палку и ударять ею вяло и слабо, то от удара получится низкий звук, а если быстро и сильно — то высокий. Мы можем судить не только по этому, но и по тому, что когда мы говорим или поем и нам нужно издать громкий и высокий звук, то мы достигаем этого сильным выдохом, а когда тихий и низкий — то слабым. То же и в случае с метательными снарядами: пущенные сильно летят далеко, [пущенные] слабо — близко, так как летящим сильно воздух поддается больше, а [летящим

слабо — меньше. То же окажется и с голосами: движущиеся от сильного выдоха окажутся громкими и высокими, а от слабого — тихими и низкими. Мы можем воочию убедиться в этом и на основании следующего неопровержимого факта (σημείον): одного и того же [человека], говорящего громко, услышим даже издали, а [говорящего] тихо [не услышим] даже вблизи. То же и с флейтами: когда выдыхаемый изо рта воздух попадает в ближние от рта дырочки, то вследствие большой силы она издает более высокий звук, когда в дальние — более низкий, откуда ясно, что быстрое движение производит высокий звук, а медленное — низкий. То же самое наблюдается и в тамбуринах, которыми трясут в мистерияльных обрядах: когда ими трясут тихо, они издают низкий звук, когда сильно — высокий. То же и с тростниковой дудочкой: если подуть в нее, зажав нижнюю часть, издает <низкий> звук, если же зажать посередине или в любом другом месте, издает высокий звук, так как одинаковая [по силе] струя воздуха, пройдя большое расстояние, вылетает слабой, а меньшее — сильной».

Развив дальше тезис о том, что движение голоса измеряется интервалами, он подытоживает сказанное так:

«Итак, то, что высокие звуки движутся быстрее, а низкие — медленней, нам стало очевидным на основании многих [аргументов]».

НИКОМАХ. Арифметическое наставление, I, 3, 4, с. 6, 16 Noche: То же самое говорит и Архит Тарентский в начале «Гармоники» в следующих словах: «Думается мне, родственными видами сущего». Ср.: ФИЛОПОН. Схолии к Никомаху, с. 8, 24; ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 160; Комм. к Никомаху, 6, 20 Pist.: «Раз они верно. . . свойства отдельных вещей». ЯМВЛИХ. Комм. к Никомаху, 9, 1 = Об общей математической науке, 7, с. 31, 4 Festa: «Думается, что науки эти — родные сестры».

2. ПОРФИРИЙ. Комм. к «Гармонике» Птолемея, с. 92 Düring: Того же словоупотребления [интервал] в смысле «отношение» придерживаются и многие другие из древних, как, например, Дионисий Галикарнасский и Архит в трактате «О музыке». В главе о пропорциях Архит пишет так: «Пропорций (μέσαι) в музыке три: первая — арифметическая, вторая — геометрическая, третья — субконтрарная, которую называют гармонической. Арифметическая — когда три члена пропорциональны согласно данному превосходству [= «разности»]: насколько первый больше второго, настолько второй больше третьего. В этой пропорции (ἀναλογία) оказывается, что интервал [= «отношение», διάστημα] между большими членами меньше, а между меньшими больше.

Геометрическая — когда первый [член] относится ко второму так же, как второй — к третьему. Причем интервал [= «отношение»] между большими из них равен интервалу между меньшими.

Субконтрарная же [пропорция], которую мы называем гармонической, [имеет место], когда [члены] таковы: на какую часть самого себя первый член больше второго, на такую часть третьего члена средний больше третьего. В этой пропорции интервал между большими членами больше, а между меньшими меньше».

3. СТОБЕЙ, IV, 1, 139 Hense: Из сочинения Архита «О математических науках»: «Чтобы узнать то, чего ты не знал, надо либо научиться от другого, либо найти самому. То, чему [ты] научился, [узнано] от другого и с чужой помощью; то, что нашел — самостоятельно и своими средствами. Найти не ища — трудно и редко, ища — доступно и легко, не умея искать — невозможно.

Изобретение счета положило конец раздору, умножило согласие. С изобретением счета исчезло лихоимство, наступило равенство, ибо благодаря ему мы рассчитываемся

в сделках. Благодаря ему бедные получают от состоятельных, а богатые дают нуждающимся, ибо те и другие верят, что благодаря счёту получают поровну. Мерило <праведных> — преграда неправедных, умеющих считать он отвращает от неправды, убедив их в том, что они не смогут остаться незамеченными, когда приступят к счёту, а не умеющим препятствует творить неправду, избличая их в неправде при счёте.»

ЯМВЛИХ. Об общей математической науке, 11, с. 44, 10: Поэтому Архит говорит в сочинении «О математических науках»: «Чтобы узнать... невозможно».

Диатрибы

4. СТОБЕЙ, I, Вступление, 4, с. 18, 8 W.: Из «Диатриб» Архита: «Думается, что искусство счёта (логистика) весьма превосходит прочие искусства в том, что касается мудрости (σοφία), в том числе и геометрическое искусство, ибо она с большей очевидностью трактует то, что ей нужно... * * * и там, где геометрия оказывается бессильной, искусство счёта восполняет доказательства, и равным образом при любом исследовании фигур [?] (εἰδέων), и то, что относится к фигурам...»

Dubia

О декаде

5. ТЕОН СМИРНСКИЙ, с. 106, 7 Hiller: Декада завершает весь числовой ряд, так как она содержит в себе все свойства: чета и нечета, движущегося и неподвижного, добра и зла. О ней много толкуют и Архит в сочинении «О декаде» и Филолай в сочинении «О природе» [44 В 11].

О флейтах

6. АФИНЕЙ, IV, 184 E: Многие пифагорейцы занимались авлетикой, как, например, Эвфранор, Архит, Филолай, да и немало других. Эвфранор даже оставил сочинение «О флейтах», равно как и Архит.

О машине

7. ВИТРУВИЙ. Предисловие, VII, 14: Не меньше [написали] о машинах, как, например, Диад, Архит, Архимед, Ктесибий, Нимфодор, Филон из Византия и т. д.

О земледелии

8. ВАРРОН. О земледелии, I, 1, 8: По-гречески писали [о земледелии]. . . из философов — Демокрит-физик, Ксенофонт-сократик, Аристотель и Теофраст — перипатетики, Архит-пифагореец.

Spuria

9. 1. «О началах»: — СТОБЕЙ, I, 41, 2 W.; 2. «О сущем» — СТОБЕЙ, II, 2, 4; 3. «Об универсуме, или «Об универсалиях, или «О родах», или «Пред-топика» (= «Категории») — СИМПЛИКИЙ. 4. «О противоположностях»: — СИМПЛИКИЙ. 5. «Об уме и ощущении» — СТОБЕЙ, I, 48, 6. 6. «О нравственном воспитании» — СТОБЕЙ, II, 31, 120; III, 1, 105. 106. 7. «О хорошем и счастливом человеке» — СТОБЕЙ, III,

1, 107; 3, 65; IV, 50, 28. 8. «О мудрости», — ЯМВЛИХ. Прогресптик, 4. с. 16, 17 Pist. 9. «О законе и справедливости» — СТОБЕЙ, IV, 1, 135 сл.; 10. «О душе» [?] — ср.: ЯМВЛИХ у Стобей, I, 369, 9. 11. «Кулинарное искусство» — АФИНЕЙ, XII, 516 С. 12. Письма к Дионисию и к Платону у Диогена Лаэртия, III, 22; VIII, 80 [ср. выше А 1; Оккел, 4].

48. ОККЕЛ

1. Ямвлих. О пифагорейской жизни, 267 [=58 А]: [Каталог пифагорейцев]. Уроженцы Лукании: братья Оккел и Оккил. Там же, [Каталог женщин-пифагореек]: Биндако́, сестра Оккела и Эккела из Лукании.

2. ЦЕНЗОРИН. О дне рождения, 4, 3: Более древнее мнение, по которому род человеческий был всегда, разделяется Пифагором из Самоса, Оккелом из Лукании, Архитом из Тарента и вообще всеми пифагорейцами.

3. ФИЛОН АЛЕКС. О вечности мира, 12, с. 5, 2 Simont: Некоторые считают основоположником учения [о вечности мира] не Аристотеля, а кого-то из пифагорейцев. Я читал сочинение Оккела из Лукании, озаглавленное «О природе Вселенной», в котором он не только утверждает, но и доказывает, что космос не возник и не уничтожим.

3 а. СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, X. 316: Из пяти [элементов порождали Вселенную] Оккел из Лукании и Аристотель: к четырем элементам они добавили пятое, круговращающееся тело, из которого, как они утверждают, состоят небесные тела.

*3 б. ЛУКИАН. Об ошибке в приветствии, 5: Божественный Пифагор хоть и не соизволил оставить нам ни одного своего сочинения, однако же, насколько можно судить по Океллу из Лукании, и Архиту, и другим его ученикам, не писал в начале письма ни «желаю радоваться», ни «желаю благополучия», а велел начинать с «желаю здравствовать». Ведь все его последователи в своих письмах, когда речь шла о чем-то важном, в самом начале желали друг другу «здравствовать», полагая, что здоровье самое надлежащее и для души и для тела и содержит в себе вообще все человеческие блага. И тройной треугольник со скрещенными сторонами (пентаграмму), по которому они узнавали единоверцев, они называли «здоровьем». И вообще они считали, что из здоровья вытекают и благополучие и радость, но ни из благополучия, ни из радости отнюдь не вытекает здоровье. А некоторые из них, в том числе Филолай, называли «началом здоровья» даже тетрактиду, служившую им величайшей клятвой и составляющую, по их мнению, совершенное число десять.

4. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 80: [Переписка Архита и Платона]. Архит Платону желает здравствовать. Хорошо, что ты оправился от болезни: об этом ты писал сам и сообщили люди из окружения Ламиска. Относительно записок мы позаботились, и ездили в Луканию, и встречались с потомками Оккела. Достали и посылаем тебе «О законе», «О царской власти», «О благочестии» и «О происхождении Вселенной», а остальные пока найти не удалось. Если найдем, приплем тебе. [Ответ Платона]. (81) Платон Архиту желает благополучия. Посланные тобой записки получили с огромной радостью, а сочинитель их привел нас в неописуемый восторг, и мы сочли его человеком, достойным своих славных предков. Говорят, что эти люди были выходцами из Миры (а мирийцы были из троянцев, переселившихся при Лаомедоне) и отличались доблестью, как гласит предание. Что касается наших записок, которые ты просил прислать, то они еще не закончены, но как только будут, сразу же пришлю. О том, чтобы хранить в секрете, мы уже условились, так что нет нужды звать к этому.

5. СИРИАН. Комм. к «Метафизике», с. 175, 7 Kroll: [Вопреки Аристотелю] пифагорейцы вовсе не рассматривали одно из двух начал [т. е. «многое» по отношению к «одному»] как нечто относительное и отнюдь не опускали совершенно учение о чувственном мире, как доказывает трактат Экелла (sic) «О происхождении Вселенной», откуда чуть что не списан [трактат Аристотеля] «О возникновении и уничтожении», а также большая часть сочинений Тимея, у которого перипатетическая философия в значительной мере позаимствовала свою теологию.

*5 а. ПРОКЛ. Комм. к «Тимею», II, с. 37, 33 Diehl: Некоторые другие, например предшественник Тимея Оккел, приписывали каждому элементу по две потенции: огню — теплое и сухое, воздуху — теплое и влажное, воде — влажное и холодное, земле — холодное и сухое. Он сам пишет об этом в трактате «О природе».

6. СТОБЕЙ, I, 20, 3: Из Окелла. Окелл полагает космос вечным: он говорит в трактате «О природе» так. . . I, 13, 2: Из Окелла. Окелл определял причину как «то, в результате чего» нечто происходит. Он говорит в трактате «О законе» так.

*III, 9, 51: Эккела (sic) пифагорейца из Лукании «О справедливости».

7. Подложное сочинение: «О природе Вселенной».

8. ИОАНН ЛИДИЙСКИЙ. О месяцах, II, 9. с. 27, 4 Wünsch: Мы знаем, что троица вызвала эманацию (πρόβολον) божественных существ и вечное пребывание их в одном и том же виде, о чем пифагореец Окелл говорит в следующих словах: «Троица впервые составила начало, середину и конец. *Ибо четное и совершающее равенство — демиург согласно квадратной природе, поскольку божество характеризуется тремя признаками: желанностью, самодостаточностью, совершенством».

9. СТОБЕЙ, I, 26, 1, с. 218, 18 = Мнения философов, II, 25, 13 («О сущности Луны»): Гераклд и Окелл: Земля, объята туманом.

49. ТИМЕЙ

1. ПЛАТОН. Тимей, 19 е 8: [Говорит Сократ]. Остается порода вашего [т. е. пифагорейского] склада, от природы и благодаря воспитанию одновременно причастная тому и другому [т. е. философии и политике]. Присутствующий здесь Тимей, уроженец благозаконнейшего города — Итальяских Локр, состоянием и знатностью рода не уступающий никому из тамошних жителей, исполнял самые высокие и почетные должности в государстве, и в то же время, по моему мнению, достиг вершин философии во всем ее объеме.

1 а. *Схолии к ПЛАТОНУ, Тимей, 20 А (с. 279 GREEPE): Тимей из Локр Эпизефирских, италийского города, философ-пифагореец, написал «Математику» и сочинение «О природе» на пифагорейский манер. Поэтому Платон и посвятил ему диалог.

СУДА, под словом «Тимей»: Тимей из Локр, философ-пифагореец. «Математика», «О природе», «О жизни Пифагора».

2. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, V, 25 (Каталог сочинений Аристотеля, Rose, с. 6), № 94: «Выписки из Тимея и Архита, 1 книга»; Гесикий (Rose, с. 14), № 85: «Выписки из сочинений Тимея и Архита». Ср.: СИМПЛИКИЙ. Комм. к «О небе», с. 296, 16: В сокращении «Тимея» Платона Аристотель пишет: «Он полагает [космос] возникшим, ибо он воспринимаем чувствами; чувственно воспринимаемое он полагает возникшим, а умопостигаемое — невозникшим» [= АРИСТОТЕЛЬ, фр. 206 Rose].

3. ПРОКЛ. Комм. к «Тимею», т. II, с. 38, 1: . . . Предшественник Тимея Оккел [= ОККЕЛ, 5 а].

4. Подложное сочинение «О душе космоса и природе».

*5. ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ. Об удивительных слухах, 178: Говорят, что Демарат, ученик Тимея из Локр, заболел и на десять дней утратил дар речи. Не сразу, лишь на одиннадцатый день оправившись от умопомрачения, он сказал, что это было самое сладостное время в его жизни.

50. ГИКЕТ

1. ЦИЦЕРОН. Учения академиков, II, 39, 123: По сообщению Теофраста, Гикет из Сиракуз полагает, что небо, Солнце, Луна, звезды, все небесные тела вообще неподвижны и ничто в мире не движется, кроме Земли. Когда она вращается и крутится вокруг своей оси, получаются все те же самые [явления], как и в случае, если Земля неподвижна, а небо движется. Некоторые полагают, что то же самое утверждает и Платон в «Тимее», только не столь ясно. Ср.: АРИСТОТЕЛЬ. О небе, В 13, 293 b 30—32.

2. Мнения философов (Псевдо-Плутарх), III, 9, 1—2 («О Земле»): Фалес и его последователи принимают одну Землю, Гикет Пифагорец — две: эту и Антиземлю. Ср.: ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 85 [=ФИЛОЛАЙ, А 1]: И первым сказал, что Земля движется по кругу (другие говорят, что Гикет из Сиракуз).

51. ЭКФАНТ

1. ИППОЛИТ. Опровержение всех ересей, I, 15 (между Ксенофаном и Гиппонем): Некто Экфант из Сиракуз утверждал, что достичь истинного знания о сущем невозможно и что [каждый] определяет его по собственному разумению. Первичные тела неделимы и им присущи три различия: величина, форма, сила, а из них возникает чувственно воспринимаемые вещи. Число их определено и при этом бесконечно. Двигутся тела не под действием тяжести и не от удара, а под действием божественной силы, которую он называет «умом» (νοῦς) и «душой». Космос — образ (ἰδέα) ума, поэтому он и возник шарообразным под действием божественной силы. Земля в центре космоса и движется вокруг собственного центра [с запада] на восток.

2. Мнения философов (Стобей), I, 3, 19 («О началах»): Экфант из Сиракуз, один из пифагорейцев, [началами] всех вещей полагает неделимые тела и пустоту: он впервые объявил пифагорейские единицы (монады) телесными.

3. Там же, II, 1, 2 («О космосе»): Фалес, Пифагор, Эмпедокл, Экфант, Парменид. . принимают один космос.

4. Там же, II, 3, 3 («Одушевлен ли космос и управляется ли провидением?»): По Экфанту, космос состоит из атомов, а управляется провидением.

*4 а. ФЕОДОРIT. Лечение, IV, 10=СУДА, под словом «атомы» (Dox. Gr. 285—286, ср. ДЕМОКРИТ, № 201 Лурье): Этим словом [«атомы»] они [Демокрит и Эпикур] называют те мельчайшие и тончайшие тела, которые видны в проникающем через окна солнечном луче мечущимися туда-сюда. Им следовал [в этом] и пифагорец Экфант из Сиракуз. Ср. АРИСТОТЕЛЬ. О душе, I, 2. 404 а 16=58 В 40.

5. Мнения философов (Псевдо-Плутарх), III, 13, 3 («О движении Земли»): Гераклид Понтийский и Экфант полагают, что Земля движется, но только не поступательно, а вращаясь вокруг своей оси, подобно колесу, с запада на восток вокруг собственного центра.

52. КСЕНОФИЛ

1. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 46: Последними из пифагорейцев, которых еще видел Аристоксен [фр. 19 Wehrli], были Ксенофил из Халкидики Фракийской и т. д. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 251: Важнейшими были Фантон, Эхекрат, Полимнаст и Диокл из Флиунта, Ксенофил из Халкидики Фракийской.

Там же, 267 [=58 А]: [Каталог пифагорейцев]. Уроженцы Кизика. . . Ксенофил.

2. ВАЛЕРИЙ МАКСИМ, VIII, 3: На два года меньше, [чем Горгий, проживший 107 лет], прожил пифагореец Ксенофил из Халкидики, но по удачливости он ему не уступает, коль скоро, по словам Аристоксена-музыканта [фр. 20 Wehrli], он почил в блеске достигшего совершенства учения, не ведая никаких болезней.

ПСЕВДО-ЛУКИАН. Долгожители, 18: По словам Аристоксена, музыкант Ксенофил, последователь философии Пифагора, умер в Афинах в возрасте 105 с лишком лет.

ПЛИНИЙ. Естественная история, VIII, 168: . . . Чудесный и единственный известный пример музыканта Ксенофила, прожившего сто пять лет без телесного недомогания.

3. СУДА, под словом «Аристоксен»: . . . Он был слушателем своего отца Лампра, сына Эритрея, затем пифагорейца Ксенофила и, наконец, Аристотеля. Ср.: АВЛ ГЕЛЛИЙ, IV, 11=14, 9.

53. ДИОКЛ. ПОЛИМНАСТ. ЭХЕКРАТ.
ФАНТОН. АРИОН

1. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 46=44 А 4; ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 251=КСЕНОФИЛ, 1.

2. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 267: [Каталог пифагорейцев=58 А]. Уроженцы Флиунта: Диокл, Эхекрат, Полимнаст, Фантон.

3. Там же: Тарентцы. . . Эхекрат.

Там же: [Женщины-пифагорейки]. Эхекратия из Флиунта.

ПЛАТОН. Федон, 57 А: [Эхекрат:] Как он [Сократ] умер? Я бы охотно послушал: ведь из флиунтцев никто ныне особенно не посещает Афин и т. д.

4. ПЛАТОН. Федон, 88 D: [Эхекрат:] Меня всегда чрезвычайно занимало и теперь занимает это учение о том, что душа наша — некая гармония, и, услышав его вновь, я припомнил, что и сам прежде держался такого же мнения. Ср.: ЦИЦЕРОН. О границах добра и зла, V, 29, 87: Зачем Платон объехал Египет, чтобы от варварских жрецов воспринять науку о числах и небесных явлениях? Зачем отправился потом в Тарент к Архиту? Зачем к прочим пифагорейцам — Эхекрату, Тимею, Ариону в Локры? Ср.: ПЛАТОН. Письма, IX, 358 В.

54. ПРОР. АМИКЛ. КЛИНИЙ

1. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 127, с. 72, 18: [Дионисий Младший] поведал Аристоксену эту историю [верной дружбы] и про Финтия и Дамона [гл. 55], и про Платона и Архита, и про Клиния и Прора.

2. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 40: Аристоксен [фр. 131 Wehrli] в «Исторических записках» рассказывает, что Платон хотел съечь все сочинения Демокрита, какие только мог собрать, но пифагорейцы Амикл и Клиний его отговорили: что толку, [убеждали они его], когда эти книги уже в руках у многих.

3. ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ, X, 4, 1: Уроженец Тарента Клиний, один из членов упомянутого [=Пифагорейского] союза, узнав, что Прор из Кирены в тяжелые для города времена потерял состояние и крайне нуждается, выехал из Италии в Кирену с изрядной суммой денег и восстановил его имущество, хотя никогда прежде его не видел, а только знал понаслышке, что тот пифагореец.

4. АФИНЕЙ, XIV, 624 A: Как сообщает Хамелеонт Понтийский, Клиний-пифагореец, выделявшийся образом жизни и нравами, всякий раз как ему случалось разгневаться, брал лиру и играл, а на вопрос, что это он, отвечал: «Усмиряюсь».

5. ПЛУТАРХ. Застольные вопросы, III, 6, 3. 654 B: Мне очень нравится изречение пифагорейца Кливия, сказал [Олимпик]: рассказывают, что на вопрос, какой самый подходящий момент для соития с женщиной, он ответил: «Когда тебе особенно охота повредиться [в уме]».

6. Цитаты из подложных сочинений: «О гебдомаде» Прора — НИКОМАХ. Комм. к «Теологуменам арифметики», с. 56 De Falco; СИРИАН. Комм. к «Метафизике» Аристотеля, с. 192, 5 Kroll. «О гебдомаде» Кливия — Теологумены арифметики», с. 21 De Falco; СИРИАН. Там же, с. 168, 18 Kt.

55. ДАМОН И ФИНТИЙ

ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ, X, 4, 3 (из Аристоксена) [ср. гл. 54, 1; 58 D 7]: Во времена тирании Дионисия один пифагореец, Финтий, участвовал в заговоре против тирана. Осужденный на казнь, он попросил у Дионисия отсрочки, чтобы прежде уладить свои дела, а поручителем смерти обещал дать одного из своих друзей. Деспот подивился тому, что есть такой друг, который сам себя предаст в темницу за него, а Финтий позвал одного своего приятеля, философа-пифагорейца по имени Дамон, который без колебания сразу же согласился стать поручителем смерти. Одни хвалили поручителя за чрезмерную любовь к другу, другие осуждали за опрометчивость и считали сумасшедшим. В назначенный час сбежался весь народ, стгорая от любопытства: сдержит ли слово давший поручителя. Время уже истекало, и все отчаялись ждать, как вдруг неожиданно в последний момент прибежал Финтий, когда Дамона уже вели на казнь. Всех так восхитила их дружба, что Дионисий помиловал осужденного и напросился к ним в друзья третьим.

56. СИМ. МИОНИД. ЭВФРАНОР

1. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 267, с. 145, 9 D. [=58 A]: [Каталог пифагорейцев]. Уроженцы Посидонии: Афамант, Сим.

2. ПОРФИРИЙ. Жизнь Пифагора, 3: [Контекст см. гл. 14, 6]. Сим-гармоник уничтожил этот [посвятительный дар] и присвоив [одну начертанную на нем] формулу [?], обнародовал ее как свою собственную. Всего [на посвятельном даре] было записано семь пропорций, но из-за одной, которую похитил Сим, исчезли и остальные.

3. ЯМВЛИХ. Комм. к Никомаху, с. 116, 1 Pist.: Сказано и о трех пропорциях, следующих за первыми, которыми пользовались [теоретики гармоник] от Платона до Эратосфена и начало открытию которых, как мы сказали, положили математики Архт [47 B 2] и Гипсас [гл. 18, 15]. Не следует обойти молчанием и четыре другие пропорции, [т. е. 7—10], открытые позднейшими пифагорейцами Мионидом и Эвфранором. . .

57. ЛИКОН (ЛИК)

1. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 267 [=58 A]: [Каталог пифагорейцев]. Тарентцы: . . . Ликон.

ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, V, 69: Были и другие Ликоны: первый — пифагорец.

2. АФИНЕЙ, II. 69 E (вероятно, из «Пира» Гераклида Тарентского): По словам пифагорейца Лика, вызывающий импотенцию латук с широкими гладкими листьями и без стебля пифагорейцы называли «евнухом», а женщины — «дряблухой»; он обладает мочегонным действием и вызывает импотенцию, а на вкус бесподобен.

3. АФИНЕЙ, X, 418 E: Пифагор Самосский тоже мало ел, как сообщает Ликон из Иаса в «Жизни Пифагора».

4. АРИСТОКЛ у Евсевия, Приготовление к Евангелию, XV, 2, 8: Но все перехлестывают по вздорности утверждения Ликона, якобы «пифагорейца», как он себя называет. Он уверяет, что Аристотель приносил покойнице жене такие же жертвы, как афиняне — Деметре, и купался в теплом оливковом масле, а потом его продавал и что-де, когда он отплывал в Халкиду, таможенники нашли на корабле семьдесят четыре бронзовых блюда, [провозимых контрабандой].

5. Схолии к «Животн. ядам» Никандра, ст. 585: Деметрий Хлор полагает, что «бычий бок» [βοῦπλευρον = ἄμμι μαῖος] — это дерево, но это не дерево, а зелень. . . Антигон говорит, что и Ликон упоминает о нем как о зелени.

57^а. ТИМАРИД

1. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 267, с. 145, 5—6 [=58 A]: [Каталог пифагорейцев]. Уроженцы Пароса: . . . Тимарид.

Там же, 104, с. 60, 1: Представители этой школы, особенно самые древние из них, современники и ученики Пифагора, которые были молоды, когда он был стар, — Филолай, Эврит, Харонд, Залевк, Брисон, Архит Старший, Аристей, Лисид, Эмпедокл, Замолксис, Эпименид, Милон, Левкипп, Алкмеон, Гиппас, Тимарид и все их современники [и в устных беседах, и в сочинениях выражали свое учение символически].

Там же, 239, с. 128, 18: Точно так же, говорят, и Фестор из Посидонии, зная лишь понаслышке, что Тимарид из Пароса — пифагорец, когда тот из большого достатка впал в нужду, отплыл на Парос, собрав большие деньги, и выкупил его имущество.

2. ЯМВЛИХ. Комм. к Никомаху, с. 11, 1: Единица (монада) есть минимальное количество или первая и общая часть количества, а согласно Тимариду, «завершающее [или «ограничивающее», *περαιούσα*] количество». . . более поздние философы определяют ее как «то, в силу чего каждая отдельная вещь называется «одним».

3. Там же, 27, 3: Некоторые называют простое число «линейномерным», а Тимарид — «прямолинейным», так как в геометрическом изображении оно лишено плоскости и имеет только одно измерение.

4. ЯМВЛИХ. Комм. к Никомаху, с. 62, 18 Pistelli: Отсюда был получен и метод *эпантемы* Тимарида. Если определенная величина разделена на определенное число неизвестных величин, и любая из них суммирована с каждой из остальных по отдельности, то в случае, если [неизвестных величин] три, сумма всех [парных сумм] после «вычитания» из нее изначально данного количества составит целое [искомое] слагаемое, по которому путем вычитания можно будет найти все остальные [величины];

в случае четырех [искомое слагаемое составит] половину, в случае пяти — одну треть, в случае шести — одну четвертую и так далее до бесконечности. Таким образом, и в этом случае между числом слагаемых и знаменателем дроби [постоянно] обнаруживается разница, равная двойце.

Там же, стр. 65, 6: Если числа известны в парных сочетаниях, а сами по себе не различены, то знание эпантемы Тимарида дает нам способ их различения. Если суммировать вместе числа, соответствующие парам, то есть 80, 90 и 96, сумма составит 266. Отнимаю число, изначально разделенное на четыре члена, то есть 120, и у меня остается 146. Так как [неизвестных] слагаемых — четыре, первый член первой пары составит половину [этого числа]. Половина равна 73. Вычитаю [73] из 80 и нахожу второй член, то есть 7. Поскольку вторая пара составляет число 90, опять отнимаю 73 от 90, и остается 17 — так определяю третий член. А так как третья пара состоит из 96 единиц, опять отнимаю 73 и остаток, 23, приписываю четвертому члену. Таким образом, первый член, 73, оказывается для меня как бы правилом (гномоном) для нахождения слагаемых, входящих в пары, так чтобы можно было различить по отдельности и найти четыре члена, расположенных в последовательности 73, 7, 17, 23, которые вместе составляют 120. . . Поэтому это самые первые числа среди целых единиц, числа-основания, которые обнаруживают указанные отношения.

58. ПИФАГОРЕЙСКАЯ ШКОЛА

А. КАТАЛОГ ЯМВЛИХА

ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 267: Из общего числа пифагорейцев многие, вероятно, остались неизвестными и безымянными; имена известных приводятся ниже.

К р о т о н ц ы: Гипострат, Димант, Эгон, Гемон, Силл, Клеосфен, Агел, Эписил, Фикиад, Экфант [гл. 51], Тимей [гл. 49], Буф [=Ксуф? ср. гл. 33], Эрат, Итаней, Родипп, Бриант, Эвандр, Миллий, Антимедонт, Агей, Леофрон, Агил, Онат [ср. гл. 14, 15], Гипсифен, Клеофрон, Алкмеон [гл. 24], Дамокл, Милон [ср. гл. 14, свид. 13], Менон.

Уроженцы М е т а п о н т а: Бронтин [гл. 17], Пармиск [гл. 20], Орестад [ср. гл. 20, свид. 2], Леонт, Дамармен, Эней, Хилант, Мелесий, Аристей, Лафаон, Эвандр, Агесидам, Ксенокад, Эврифем, Аристомен, Агесарх, Алкий, Ксенофант, Трасей, Эврит [гл. 45], Эпифрон, Ириск, Мегистий, Леокид, Трасимед, Эвфем, Прокл, Антимен, Лакрит, Дамотаг, Пиррон, Рексибий, Алопек, Астил, Дакид, Алиох, Лакрат, Гликки.

А к р а г а н т е ц: Эмпедокл [гл. 31].

Э л е е ц: Парменид [гл. 28].

Т а р е н т ц ы: Филолай [гл. 44], Эврит [гл. 45], Архит [гл. 47], Феодор [=гл. 43?], Аристипп, Ликов [гл. 57], Гестией, Полемарх, Астей, Кений, Клеон, Эвримедонт, Аркей, Клинагор, Архипп [гл. 46], Зофир, Эвтин, Дикеарх, Филонид, Фронтид, Лисид [гл. 46], Лисибий, Динократ, Эхекрат [=гл. 53?], Пактион, Акусилад, Иккос [гл. 25], Писикрат, Клеарат, Леонтей, Фриних, Смихий, Аристоклид, Клиний [гл. 54], Габротел, Писиррод, Бриант [=Бриант-кротонец?], Геландр, Архемах, Мимномах, Акмонид, Дикант, Карофантид.

С и б а р и т ы: Метоп [ср.: Стобей, I, 115], Гиппас [гл. 18], Проксен, Эванор, Леанакт, Менестор [гл. 32], Диокл, Эмпед, Тимасий, Птолемей, Эндий, Тирсен.

К а р ф а г е н ц ы: Мильтиад, Антен, Годий, Леокрит.

П а р о с ц ы: Ээтий, Фенекл, Дексифей, Алкимах, Динарх, Метон, Тимей [гл. 49 ?], Тимесланакт, Эвмер, Тимарид [гл. 57*].

Уроженцы Л о к р: Гиттий, Ксенон [ср. 31 А 3 ?], Филодам, Эвет, Эвдик, Сфеновид, Сосистрат, Эвтиной, Залевк, Тимар.

Уроженцы П о с и д о н и: Афамант, Сим [гл. 56], Проксен, Краной, Миес, Бафилай, Федон.

Уроженцы Л у к а н и и: Оккел [гл. 48] и Оккил братья, Оресандр, Керамб.

Уроженец Д а р д а н а: Малион.

А р г о с ц ы: Гиппомедонт, Тимосфен, Эвелтон, Трасидам, Критон, Поликтор.

Л а к о н ц ы: Автохарид, Клеанор, Эврикрат.

Г и п е р б о р е е ц: Абарис [гл. 10^b].

Уроженцы Р е г и я: Аристид, Демосфен, Аристократ, Фитий, Геликаон, Мнесибул, Гишпархид, Эвтосион, Эвтикл, Опсим [гл. 46], Калаид, Селинунтий.

Уроженцы С и р а к у з: Лептин, Финтий, Дамон [гл. 55].

С а м о с ц ы: Мелисс [гл. 30], Лакон, Архиш, Гелориш, Гелорид, Гишпон [гл. 38].

Уроженцы К а в л о н и и: Каллиброт, Дикон, Наст, Дримон, Ксент.

Уроженцы Ф л и у н т а: Диокл, Эхекрат, Полимнаст [гл. 53], Фантон [гл. 53].

Уроженцы С и к к и о н а: Полиад, Демон, Стратий, Сосфен.

К и р е н ц ы: Прор [гл. 54], Меланиш [ср. 58 Е 1, ст. 15], Аристангел, Феодор [гл. 43].

Уроженцы К и з и к а: Пифодор, Гиппосфен, Бутер, Ксенофил [гл. 52].

Уроженцы К а т а н и и: Харонд, Лисиад.

К о р и н ф я н и н: Хрисипп.

Т и р р е н е ц: Навсифой.

А ф и н я н и н: Неокрит.

П о н т и е ц: Лирамн.

Итого: 218 человек.

Самые знаменитые женщины-пифагорейки: Тимиха, жена Миллия Кротонского; Филтия, дочь Теофрия Кротонского; Биндаб, сестра Оккела и Эккела из Лукании; Хилонида, дочь Хилона Лакедемонского; Кратесиклея Лакомянка, жена Клеанора Лакедемонского; Теано, жена метапонтца Бротина [гл. 17]; Мия, жена Милона Кротонского; Ласфения Аркадянка; Габротелия, дочь Габротела Тарентского; Эхекратия из Флиунта; Тирсенида из Сибариса; Писиррода из Тарента; Нистеадуса Лакомянка; Бэб из Аргоса; Бабелика из Аргоса; Клеэхма, сестра лаконца Автохариды. Итого: 17.

В. АНОНИМНЫЕ ПИФАГОРЕЙЦЫ

(древнеперипатетическая доксография)

Ср. утраченные сочинения Аристотеля «Против пифагорейцев 1 книга» и «О пифагорейцах 1 книга» (Диоген Лаэртий, V, 25=фр. 190—205 Rose).

1. ПРОКЛ. Комм. к Евклиду, с. 65, 15 (из «Истории геометрии» Евдема, ср. гл. 14, свид. 6 а): После них [=Фалеса, Мамерка] Пифагор преобразовал занятия геометрией в свободную дисциплину, изучая ее высшие основания и рассматривая теоремы в отвлечении от материи и поэтически. Он же открыл теорию иррациональных и структуру космических фигур [=«правильных многогранников»]. После него многими геометрическими проблемами занимались Анаксагор из Клазомен и Энопид

из Хиоса [гл. 41], который был чуть моложе Анаксагора. . . После них прославились в геометрии Гиппократ из Хиоса [гл. 42], открывший квадрирование луночки, и Феодор из Кирены [гл. 43]: Гиппократ первым из тех, о ком сохранилась память, написал «Элементы». Живший после них Платон. . . В это же время жили Леодамант из Тасоса, Архит из Тарента [гл. 47 А 6] и Теэтет Афинский, которые умножили число теорем и придали им более научный вид.

1 а DK=45 Timr. Car. (см. ниже).

2. СТОБЕЙ, I, Проэрий, 6, с. 20, 1 W.=Аристоксен, фр. 23: Из книг Аристоксена «Об арифметике». Судя по всему, больше всех [наук] Пифагор почитал науку о числах [=арифметику]; он продвинул ее вперед, выведя ее за пределы [практического] употребления в торговле и сравнивая все вещи с числами [возможно толкование: «выражая, моделируя все вещи числами»]. По его мнению, все вещи имеют число и между всеми числами имеется отношение (логос). <Относительно изобретения числа существуют различные точки зрения.> Египтяне считают его изобретением Гермеса, которого они называют Тот. Другие [ср.: ФИЛИПП ОПУНТСКИЙ. Послезаконие, 978 С] полагают, что понятие числа возникло из наблюдений за круговращениями божественных тел [=светил]. Единица (монада) — начало (архэ) числа, а число — множество, состоящее из единиц. Четными числами называются те, что делятся на равные части, нечетными — те, что на неравные и имеют середину. Поэтому считается, что по нечетным дням происходят кризисы болезней и перемены, связанные с началом [болезни], кульминацией и выздоровлением, так как нечетное число имеет начало, середину и конец.

3. КАЛЛИМАХ. Ямбы, фр. 191 Pfeiffer, ст. 56 сл.=ФАЛЕС, 11 А 3 а.

ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ, X, 6, 4 (эксерпт): Каллимах говорит о Пифагоре, что одни геометрические проблемы он открыл, другие впервые доставил из Египта в Грецию, в следующих стихах [следует искаженная цитата ст. 59—63, причем в стихе 61 читается «и семидлинный (или «семилинейный») круг»]. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, I, 24=11 А 1, § 24.

4. АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, А 5. 985 b 23: Одновременно с ними [=«открывшими движущую причину?»] и до них так называемые пифагорейцы, впервые завявшись математическими науками, двинули их вперед, и поскольку они были воспитаны на них, то сочли их начала (*ἀρχαί*) началами всех вещей. А так как первые по природе [начала] этих наук — числа, в числах же, как им казалось, наблюдается много подобий (*ὁμοίωματα*) с сущими [вещами] и процессами, (больше, нежели в огне, земле и воде), дескать, такое-то свойство (*πάθος*) чисел есть справедливость, такое-то — душа и ум [нус], другое — удобный момент, и можно сказать, все остальные вещи [они определяли] таким же образом, а кроме того, так как свойства и отношения гармоний [=«музыкальных интервалов»] они усматривали в числах, так вот, поскольку, как им казалось, все остальные вещи уподобляются числам по всей совокупности своих характерных свойств [«природы»] и числа первичны по отношению ко всей природе, то они стали полагать, что элементы чисел суть элементы всех вещей и что вся Вселенная — гармония и число. И какие только соответствия между числами и гармониями [=«интервалами»], с одной стороны, и процессами (*πάθη*) и частями Неба [=«Вселенной»] — с другой, они могли показать, те они выводили [из своих посылок] и подгоняли. Если же где-нибудь чего-нибудь не хватало, то они из кожи вон лезли, чтобы их теория была связанной от начала до конца. Я имею в виду, например, вот что: радекада считается совершенным [числом], заключающим в себе всю природу чисел,

то и движущихся по небу тел они полагают десять, но так как видимых — только девять, то они на этом основании постулируют десятое — Антиземлю. Более обстоятельно мы разобрали этот вопрос в другом сочинении.

*АЛЕКСАНДР АФРОДИС. Комм. к этому месту, с 38, 10: Полагая отличительным признаком справедливости эквивалентность ($\tau\acute{o}$ $\acute{\alpha}\nu\tau\iota\pi\epsilon\lambda\omicron\upsilon\theta\acute{o}\varsigma$) и равенство и находя это свойство в числе, они определяли справедливость как первое квадратное число [букв. «равностно равное число»], так как первое число в каждом ряду чисел одного порядка в наибольшей мере соответствует предмету определения. Этим числом одни считали четыре, так как это первый квадрат, и при этом делится на [две] равные части, и является равным (поскольку четыре=дважды два), а другие — девять, так как это первый квадрат нечетного числа — трех, умноженного на самого себя. «Надлежащий момент» они определяли как число семь, так как в природе наступление моментов [~периодов] зрелости, рождения и завершения происходит по седмицам. Так, например, и рождаются [младенцы] в семь месяцев, и зубы вырастают в столько же, и половая зрелость наступает во вторую седмицу, и борода отрастает в третью. Также и Солнце, поскольку оно, по его словам, представляется причиной сезонов ($\chi\alpha\iota\rho\acute{o}\nu$), помещается, как они утверждают, в том месте, которому соответствует число семь, отождествляемое ими с моментом, так как среди десяти тел вращающихся вокруг центра и «Очага», оно занимает седьмое место: оно движется после сферы неподвижных звезд и пяти планет, за ним на восьмом месте Луна, на девятом — Земля, а за ней — Антиземля. Так как число семь не рождает ни одного из чисел, содержащихся в декаде и не рождается ни одним из них, то [пифагорейцы] называли его Афиной. Действительно, число два рождает четыре, число три — девять и шесть, число четыре — восемь и число пять — число десять, а рождаются числа четыре, шесть, восемь, девять и десять, тогда как число семь и не рождает ни одного, и ни одним не рождается, а такова Афина, лишённая матери и приснодева. Брак они определяли как число пять, так как брак есть соединение мужчины и женщины; мужское, по их мнению, есть нечет, женское — чет, а число пять происходит от первого четного — двух, и первого нечетного числа — трех, ибо, как я сказал, нечет, по их мнению, есть мужское, а чет — женское. Ум (нус) и сущность они определяли как одно (о «душе» он говорит в смысле «ума»); ум они определяли как одно и монаду, так как он постоянен ($\mu\acute{\epsilon}\nu\iota\mu\omicron\varsigma$), всецело подобен [себе] и начальствен [~начинателен], а сущность — так как она первый элемент вещи. «Мнение» (докса) они определяли как два, так как она переменчива надвое; кроме того, они называли ее «движением» и $\acute{\epsilon}\lambda\theta\epsilon\iota\varsigma$. Выбирая такие сходства вещей с числами, они стали считать числа причинами вещей, утверждая, что все сущее состоит из чисел. А виды, что и гармонии [=интервалы] составлены согласно некоторому числовому отношению, они и их началами также полагали числа. Действительно, октава выражается отношением 1 : 2, квинта — отношением 2 : 3, кварта — отношением 3 : 4. Они утверждали также, что вся Вселенная составлена согласно некоторому гармоническому отношению (таков смысл слов Аристотеля «и что вся Вселенная — число»), так как она состоит из чисел и согласно числовому и гармоническому отношению. Полагая, что расстояния движущихся вокруг центра тел пропорциональны, что одни из них движутся быстрее, другие — медленней и что движущиеся медленней издают при движении низкий звук, а движущиеся быстрее — высокий, [они заключали, что] эти звуки относятся между собой так же, как расстояния, и потому образуют гармоническое звучание. А так как началом этой гармонии они считали число, то, естественно, и началом Неба и Вселенной они тоже полагали число. Так, например,

расстояние от Земли до Солнца в два раза больше, чем расстояние до Луны, в три раза больше расстояния до Венеры и в четыре раза больше расстояния до Меркурия; также и для всех остальных [небесных тел] они принимали некоторое арифметическое отношение и потому полагали, что движению Неба присуща музыкальная гармония. Быстрее всего, по их мнению, движутся тела с наибольшей орбитой, медленнее всего — с наименьшей, а те, что между ними — пропорционально величине орбиты. Исходя из этих сходств между вещами и числами, они и считали все вещи и все сущие состоящими из чисел и некими числами.

Считая числа первичными по отношению ко всей природе и всем естественным вещам (так как без числа ничто сущее не может ни быть, ни быть познаваемым, а числа познаваемы и сами по себе), они приняли элементы и начала чисел за начала всех вещей. Элементы же чисел, как сказано, суть чет и нечет, из коих нечет они полагали ограниченным, а чет — безграничным. Начало чисел, по их мнению, монада, поскольку она состоит из чета и нечета: монада одновременно четно-нечетна; он доказывал это, исходя из того, что она порождает и нечетные и четные числа: прибавленная к четному, она порождает нечетное, а к нечетному — четное.

И сколько у них было соответствий между числами и гармоническими сочетаниями, с одной стороны, и процессами и частями Неба — с другой, те они принимали сразу же как очевидные и доказывали, что Небо [=Вселенная] составлено из чисел и согласно гармонии. Если же некоторые небесные явления не соответствовали [постулированной ими] числовой последовательности, то они добавляли эти [недостающие небесные тела] сами и пытались восполнять [наблюдаемое число тел], с тем чтобы вся их теория была последовательной от начала до конца. Так, например, считая совершенным числом декаду, но наблюдая в опыте только девять вращающихся сфер, семь — планетных, восьмью — неподвижных звезд, девятой — Землю (а они и ее считали движущейся вокруг неподвижного «Очага», что на их языке означает огонь), они сами добавили в теории некую Антиземлю, которая, как они полагали, движется с противоположной от Земли стороны и потому не видна наземным наблюдателям. Подробнее [Аристотель] говорит об этом в трактате «О небе» и в «Мнениях пифагорейцев». Гармоническим же они полагали строй этих [тел], исходя из того, что (1) десять движущихся тел, из которых состоит космос, отделены друг от друга гармоническими интервалами, (2) скорость движения, как сказано, пропорциональна расстояниям, (3) причем движущиеся быстрее издают более высокие звуки, а движущиеся медленнее — более низкие. Будучи подчинены гармоническим пропорциям, эти звуки сливаются в музыкально-гармоническое звучание, но мы не воспринимаем его слухом, так как привыкли к нему с детства. Аристотель разобрал эту теорию в трактате «О небе», где он показал также, что она неверна. О том, что чет пифагорейцы отождествляют с безграничным, а нечет — с ограниченным, что [эти элементы] — начало монады (монада состоит из них и потому четно-нечетна), равно как и всякого числа, раз монады, в свою очередь, начала [оставшихся] чисел, а также о том, что все Небо, т. е. все, что заключено в Небе, т. е. все сущее, есть число, об этом Аристотель говорит и в данном месте [«Метафизики»], но в тех сочинениях он разобрал это подробнее.

АРИСТОТЕЛЬ. Большая этика, А 1. 1182 а 11: Впервые попытался определить добродетель (*ἀρετή*) Пифагор, но неверно: сводя добродетели к числам, он применял неадекватный им метод исследования. И действительно, «справедливость» (*δικαιοσύνη*) не есть «квадратное число» [букв. «равностно равное число»].

АРИСТОТЕЛЬ. *Метафизика*, М 4. 1078 в 21: Еще раньше [Сократа] пифагорейцы [попытались определять] некоторые, весьма немногие, вещи, понятия-определения (*λόγος*) которых они соотносили с числами, например что есть «момент», «справедливость» или «брак», тогда как Сократ логично искал сущность вещи.

АРИСТОТЕЛЬ. *Никомахова этика*, Е 8. 1132 в 21: По мнению некоторых, справедливость в абсолютном смысле — это воздаяние равным; так считали, например, пифагорейцы, они определяли справедливость в абсолютном смысле как «воздаяние, равное [ущербу, причиненному] другому» (*τὸ ἀντιστοιχῶδες ἄλλῳ*). . . хотя они понимают в этом смысле Радаманфovu справедливость:

Коль понесет, что содеял, то правый суд совершится.

4 а. ЯМВЛИХ. Об общей математической науке, с. 78, 8—21 F. (из Аристотеля, Burkert, LS, 50): Пифагорейцы, посвятив себя занятиям математикой и полюбив точность [математических] рассуждений, так как из всех [искусств], которыми тогда занимались люди, одна только [математика] обладала доказательствами, а также видя, что гармоника, арифметика, оптика и наука о фигурах в равной мере согласуются [между собой], решили, что эти [математические предметы] и их начала — причины вообще всего сущего. Поэтому, по их мнению, кто желает изучать сущее и его свойства, тот должен обратить свой взор на это: на числа, на измеримые виды сущего и пропорции, так как через них можно объяснить все. Они думали, что нет более уместных и более ценных причин, к которым можно было бы возводить свойства каждой вещи, нежели всеобщие и первые причины. Примерно в такой же манере они объясняли и все прочее.

5. АРИСТОТЕЛЬ. *Метафизика*, А 5. 986 а 13: Но вернемся к цели нашего обсуждения, т. е. к выяснению того, какие начала [бытия] полагают [пифагорейцы] и каким образом они совпадают с указанными причинами [т. е. с 4 причинами Аристотеля]. Так вот, судя по всему, и они тоже считают число началом (*ἀρχή*) и как материю вещей, и как переменные и постоянные свойства (*πᾶθη καὶ ἕξεις*), а элементами числа [они считают] четное и нечетное, причем одно из них [полагают] ограниченным, другое — безграничным (*ἄπειρον*), а единицу (*τὸ ἕν*) — состоящей из обоих этих [элементов] (по скольку она и четна и нечетна); число — [состоящим] из единиц [букв. «из одного»], а числами, как сказано, — все Небо [= «Вселенную»].

Другие из числа этих же самых [философов-пифагорейцев] полагают десять начал, расположенных попарно [или: «в два столбца»]:

граница и безграничное
нечет и чет
одно и много
право и лево
мужское и женское
покоящееся и движущееся
прямое и кривое
свет и тьма
добро и зло
квадрат и разносторонний прямоугольник

Такого же воззрения, судя по всему, держался и Алкмеон Кротонец [ср. 24 А 3], и то ли он у них перенял это учение, то ли они у него: ведь по времени Алкмеон был

[в расцвете], когда Пифагор был стариком, а высказывался он подобно им. А именно он говорит, что «большинство человеческих [вещей] двойчны», разумея при этом не определенные противоположности, подобно пифагорейцам, а любые, как-то: белое-черное, сладкое-горькое, добро-зло, большое-малое. Таким образом, он небрежно высказался об остальных [противоположностях], не определив [их числа и состава], а пифагорейцы сказали и сколько, и какие. Стало быть, и от него, и от них можно узнать только то, что противоположности — начала вещей, а сколько [противоположностей] и какие — только от пифагорейцев.

Как можно свести [пифагорейские начала] к указанным [четырем] причинам, это ими ясно не расчленено, но, похоже, что они относят [принимаемые ими] элементы к ряду материи, так как, по их словам, субстанция состоит и выделена из этих [элементов] как из содержащихся [в ней составных частей].

На основании этого можно адекватно судить о мысли старинных [мыслителей], принимающих больше одного элемента субстанции. Но есть и такие [=элеицы], кто высказывался об универсуме как об одной субстанции (*φύσις*), правда не все одинаково — ни с точки зрения [формальной] правильности [рассуждения], ни с содержательной стороны. Обсуждение их совершенно не вяжется с настоящим исследованием причин, ибо они рассуждают не так, как некоторые из натурфилософов (тоже полагающих одно, но все же порождающих из одного [многое], как из материи), а иначе: те привносят [в одно] движение, во всяком случае, когда порождают Вселенную, а эти утверждают, что [одно] неподвижно.

6. АРИСТОТЕЛЬ. Никомахова этика, А 4. 1096 b 5: Более убедительными представляются взгляды пифагорейцев на этот счет, которые поместили одно в ряду благ [см. А 5].

7. Там же, 1106 b 29: Зло — свойство безграничного, как образно выражались пифагорейцы, а добро — ограниченного.

8. АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, А 5. 987 а 9: Итак, вплоть до италийских [философов] и не считая их остальные высказывались о причинах довольно невразумительно и разве только, как мы сказали, использовали две причины [из четырех возможных], причем одну из них, источник движения, одни принимают одну, а другие — две. Пифагорейцы сходным образом учили о двух началах, а то [новое], что они добавили и что составляет их отличительную черту, заключается в том, что ограниченное, безграничное и одно они считали не иными [=«отличными от них самих»] субстанциями, как, например, огнем, землей или чем-нибудь иным, подобным, но само безграничное и само одно [полагали] сущностью того, о чем они преддицируются. Поэтому [они и полагали] число сущностью всех вещей. Так они высказались о причинах. В то же время они начали определять чтойность [вещи], но метод у них был весьма примитивный. Они давали определение поверхностно, и к чему прежде всего подходило данное определение, то они считали сущностью вещи, как если бы кто-нибудь считал, что «двойное» и «двойка» одно и то же, потому что двойке прежде всего присущ [атрибут] двойного. Но надо думать, что «быть двойным» и «быть двойкой» не одно и то же. В противном случае и «одно» окажется «многим», что у них и выходило.

*Там же, В 5, 1002 а 8: Поэтому большинство прежних философов полагали бытием (*ὄνεια*) и сущим тело, а прочее [т. е. плоскости, линии, точки]—его атрибутами, так что начала тел оказывались началами сущего, а более поздние и прославившие более мудрыми, чем они — числа.

9. Там же, М 6. 1080 в 16: Пифагорейцы также [полагают, что существует только] одно, математическое число, но только не обособленное [от вещей]; напротив, они утверждают, что из него состоят чувственные субстанции. Всю Вселенную они конструируют из чисел, но только не монадических [= «абстрактных, арифметических»]; напротив, они полагают, что монады обладают [протяженной] величиной, но как образовалась первая единица ($\epsilon\nu$), обладающая величиной, судя по всему, объяснить не могут.

*Там же, 1080 в 30: Монадическими полагают числа все, кто считает одно элементом и началом вещей, кроме пифагорейцев, которые, как сказано выше, полагают числа обладающими величиной.

10. АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, М 8, 1083 в 8: Пифагорейская концепция [чисел], с одной стороны, содержит меньше трудностей, чем упомянутые выше [концепции], а с другой — [содержит] свои собственные, иного рода. То, что они не полагают число обособленным [от вещей], устраняет много невозможных следствий. Но [утверждать], что тела состоят из чисел и что это число математическое, невозможно. Прежде всего признавать неделимые величины неверно, и даже если [допустить, что] это так, то все-таки единицы [монады] не имеют величины. Как же может величина состоять из неделимых? Между тем арифметическое число является монадическим [= «состоящим из непротяженных единиц»]. Они же полагают число реальными вещами; так, они прилагают математические абстракции ($\theta\epsilon\omega\rho\eta\mu\alpha\tau\alpha$) к телам, как если бы числа были телесными.

11. АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, А 7. 1072 в 30: Неправильно думают те, кто, подобно пифагорейцам и Спевсиппу, полагает, что совершенная красота и совершенное благо не присущи [онтологическому] началу на том основании, что-де и начала растений и животных хоть и являются причинами, однако прекрасное и совершенное присуще [не им, а] их продуктам.

12. Там же, А 6. 987 в 10: Что касается *methexis* [«причастности»], то [Платон] только изменил имя. Пифагорейцы говорят, что вещи существуют посредством «подражания» ($\mu\iota\mu\eta\sigma\iota$) числам, а Платон — что посредством «причастности» ($\mu\epsilon\theta\epsilon\acute{\iota}\xi\iota$), [всего лишь] изменив имя. А в чем состоит эта «причастность» или «подражание» эйдосам, ни тот ни другие исследовать не потрудились.

13. Там же, А 6. 987 в 22: Что «одно» — это [самобытная] сущность, а не нечто иное, о чем «одно» сказывается как предикат, — в этом [Платон] сходил с пифагорейцами, равно как и в том, что числа — причина бытия других вещей. Но то, что вместо безграничного как одного он принял двоицу, а безграничное [признал состоящим] из большого и малого, — это его особенность. Кроме того, [различие между Платоном и пифагорейцами в том, что] Платон полагает числа отличными от чувственных вещей, а они утверждают, что числа — это сами вещи, и не помещают математические предметы между вещами и числами. Таким образом, признание «одного» и чисел отличными от вещей (в отличие от пифагорейцев), равно как и введение эйдосов, явилось следствием изучения понятий (ибо предшествующие философы диалектикой не владели) и т. д.

14. ТЕОФРАСТ. Метафизика, 33. с. XI а 27 Usener (Ross—Fobes): Платон и пифагорейцы, при«знавая» огромный разрыв < между чувственными вещами и одним, полагают, что > все вещи стремятся подражать < одному >. Впрочем, они допускают некую противоположность между одним и неопределенной дволицей, которой присущи безграничность, неупорядоченность и, так сказать, всякая неоформленность в себе.

Совсем без нее Вселенная существовать не может; имеется как бы равновесие или перевес одного над другим, вследствие чего начала противоположны. Поэтому даже бог — для тех, кто полагает бога первопричиной, — не может все направлять к лучшему, но лишь постольку, поскольку это возможно.

*14а. ПРОКЛ. Комм. к «Пармениду» в лат. переводе Вильема из Мербеке, *Plato Latinus III, L., 1953*, изд. R. Klibansky и C. Labowsky, с. 38 (Прокл цитирует Спевсиппа, который передает «мнение древних», т. е. пифагорейцев): Полагая, что Одно лучше сущего и что сущее от него зависит, они освободили его от статуса [единственного?] начала. Считая, что если полагать Одно, мыслимое исключительно само по себе, без других [начал] как таковое, не сопоставляя ему никакой другой элемент, то ничто иное не возникнет, они ввели в качестве начала сущих неопределенную двоицу.

15. Мнения философов, I, 3, 8 («О началах»): Пифагор, сын Мнесарха, самосец, впервые назвавший философию этим именем, полагал началами числа и числовые пропорции (*συμμετρία*), которые он называет «гармониями», а элементами — сочетаниями обоих [этих начал], так называемые геометрические [элементы]. С другой стороны, он полагает началами единицу [монаду] и неопределенную двоицу [диаду]. Из этих начал у него первое соответствует творящей и формальной причине, т. е. уму—богу, второе — страдательному и материальному, т. е. видимому космосу. Природой числа он полагает декаду, так как все эллины и все варвары считают до десяти, а дойдя до десяти, опять заворачивают к единице. А потенция десяти, говорит он, заключается в четырех и четверице, и вот почему: если, начав с единицы, [последовательно] складывать числа до четырех, то получится число десять, а если перейти четверицу, то и [сумма] превысит десять. Так, если взять единицу, прибавить два, потом три, потом четыре, то получится число десять. Поэтому монадически число — в десяти, а согласно потенции — в четырех. Вот почему пифагорейцы клялись четверицей, почитая ее величайшей клятвой:

Нет, клянусь передавшим нашей главе четверицу,
Вечной природы исток и корень в себе содержащу.

Душа наша, говорит он, также состоит из четверки: ее составляют ум, знание, мнение, ощущение, от которых происходят всякое искусство и всякая наука и благодаря которым мы разумные существа и т. д. [следует корреляция: нус=1, эпистемэ=2, докса=3]. Ср.: ЛУКИАН. Продажа жизни, 14: «Видишь? То, что тебе кажется четырьмя, на самом деле десять — и совершенный треугольник, и наша клятва». Ср. 44 А 13; ТЕОН СМИРНСКИЙ, с. 97, 14 Hiller; СЕРСТ ЭМПИРИК. Против ученых, VII, 94 сл.

16. ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ. Проблемы, 15. 3. 910 в 36: [Почему люди считают до десяти, а потом снова начинают с единицы?] . . . или же потому, что четыре кубических числа, из которых, по словам пифагорейцев, состоит Вселенная, образуются в десяти пропорциях?

17. АРИСТОТЕЛЬ. О небе, А 1. 268 а 10: . . . Как говорят пифагорейцы, «целое» (*τὸ πᾶν*) и «все [вещи]» (*τὰ πάντα*) определены тремя: началом, середина и конец содержат число целого, и при этом троицу.

18. ЕВДЕМ, фр. 142 Wehrli = ПОРФИРИЙ. Комм. к «Гармонике» Птолемея, I, 7, с. 115, 3 Düring: О том, что пифагорейцы доказывали отношения консонирующих интервалов посредством оснований [= «наименьших чисел ряда», *πυθμένες*], свиде-

тельствует Евдем в первой книге «Истории арифметики», он говорит о пифагорейцах дословно: «Кроме того, отношения трех консонансов — кварты, квинты и октавы — содержатся в девяти, как в первом [= «минимальном»] числе: $2+3+4=9$ ».

19. ПРОКЛ. Комм. к Евклиду, I, 47; с. 426, 6 Friedl. («В прямоугольных треугольниках квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов»). Читая исследователей старины, можно узнать, что они приписывают эту теорему Пифагору и утверждают, что в благодарность за ее открытие он принес в жертву [богам] быка.

*Схолии 149, к Евклиду I, 47; т. V, с. 213, 1 Heiberg: Древние приписывают эту теорему Пифагору; доказательство этой теоремы удивительно.

*Схолии 152, т. V, с. 215, 9 H.: Как говорит Прокл в толковании на это место, в благодарность за открытие этой теоремы Пифагор, как передают, принес [богам] в жертву быка. *ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 12.

20. ПРОКЛ. Комм. к Евклиду, I, 44, с. 419, 15 Friedl.: («К данной прямой приложить параллелограмм, равный данному треугольнику, в данном прямоугольном угле»). Как сообщает Евдем, эти открытия, т. е. приложение [парабола] площадей, а также [их] гипербола и эллипс — древние и принадлежат Музе пифагорейцев. *Позднейшие [математики] позаимствовали эти термины у пифагорейцев и перенесли их на так называемые конические линии. . . тогда как те древние и божественные мужи употребляли эти термины в другом значении, применяя их к построению площадей на данной прямой на плоской поверхности. Когда данная площадь, построенная на данной прямой, совпадает с прямой по всей протяженности, тогда, говорят они, эта площадь «прикладывается» [собств. «образует параболу»] [к прямой]; когда длина площади получится больше самой прямой, тогда, по их словам, она «образует гиперболу», а когда — меньше, так что после построения площади некий отрезок прямой остается вне [ее], тогда она «образует эллипс» . . . Например, дан треугольник с площадью двенадцать футов и проведена прямая, длина которой составляет четыре фута. Мы построим параболу [площади] к данной прямой, равную треугольнику, если, взяв совокупную длину четырех футов, найдем, скольким футам должна равняться ширина, чтобы параллелограмм был равен треугольнику. Допустим, мы нашли, что ширина составляет три фута. Умножив длину на ширину, найдем площадь при условии, что взятый угол прямой. Вот в чем состоит «приложение» [= построение параболы], восходящее к пифагорейцам.

21. Там же, I, 32, с. 377, 9 Fr.: («Во всяком треугольнике, при продолжении одной из сторон внешний угол равен двум внутренним и противолежащим, а три внутренних угла треугольника [вместе] равны двум прямым»). . . с. 379, 2: Перипатетик Евдем приписывает открытие этой теоремы пифагорейцам — о том, что внутренние углы всякого треугольника [в сумме] равны двум прямым. По его словам, они доказывают пропозицию так: «Пусть будет треугольник АВГ и пусть через А будет проведена ДЕ, параллельная ВГ. Так как прямые ВГ и ДЕ параллельны и противолежащие углы равны, то, следовательно, угол ДАВ равен углу АВГ, а угол ЕАГ — углу АГВ. Прибавим общий угол ВАГ. Следовательно, углы ДАВ, ВАГ, ГАЕ, т. е. углы ДАВ, ВАЕ, т. е. два прямых равны трем углам треугольника. Следовательно, три угла треугольника равны двум прямым». Таково доказательство пифагорейцев.

*21а. Там же, I, 15; с. 301, 18 Fr.: Королларий. Откуда ясно, что если две прямые пересекаются, то четыре угла равны четырем прямым. . . с. 304, 11: Королларий, о котором пойдет речь, учит нас, что пространство вокруг одной точки распределяется на углы, равные четырем прямым. Он послужил отправным пунктом и той пара-

доксальной теоремы, которая доказывает, что только три многоугольника могут заполнить все пространство вокруг одной точки: равносторонний треугольник, квадрат и равносторонний и равноугольный шестиугольник. А именно равносторонний треугольник, взятый шесть раз, так как две трети [прямого угла] на шесть будет четыре прямых; шестиугольник — три раза, так как каждый угол шестиугольника равен одному прямому с третью, а квадрат — четыре раза, так как каждый угол квадрата прямой. Таким образом, [пространство] заполняют шесть равносторонних треугольников, сходясь углами [в одной вершине], или три шестиугольника, или четыре квадрата. Любые другие многоугольники, как их ни прикладывай углами, дают [в сумме] либо меньше четырех прямых, либо больше, и только эти [многоугольники], согласно указанным числам, составляют ровно четыре прямых. Эта теорема принадлежит пифагорейцам.

*21 b. Схолии 2 к Евклиду, Элементы IV, т. V, с. 272, 15 Heiberg: В этой [=IV] книге доказывается, что периметр круга не равен трем диаметрам, как считают многие, а больше трех, и что круг, вписанный в треугольник, вовсе не равен трем четвертым треугольника. Эта книга — открытие пифагорейцев.

*21 c. Схолии 4 к Евклиду, Элементы IV, т. V, с. 273, 13 Heiberg: Все 17 теорем данной книги — открытия пифагорейцев.

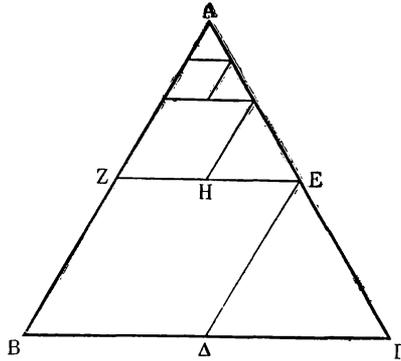
*21 d. Схолии 7 к Евклиду, Элементы VII, т. V, с. 364, 6 Heiberg: Пифагорейцы делили числа на четные и нечетные; четные — на четно-четные, четно-нечетные и нечетно-четные. «Четно-четным» они называли число, которое делится на два вплоть до единицы, «четно-нечетным» — то, которое сразу же после первой дихотомии оказывается [далее] неделимым, например 10, [разделенное] на 5 и 5, а «нечетно-четным» — то, которое допускает большее число делений, например 12. В свою очередь, из нечетных чисел [они называли] «первыми» те, которые делятся только на единицу, как 3 и 7; «сложными» — такие, как 9, 15. Они говорили, что нечетные числа посвящены мужским богам вследствие неделимости, обращенности (*στροφή*) к себе и пребывания (*μονή*), причем «первые» нечетные [посвящены] более одиноким [собств. «более монадическим», т. е. «близким к единице»] и обращенным к себе [богам], а «сложные» — обладающим большей производительной силой, дальше отстоящим от 1 и более склонным к прогрессу [~ эманации, (*πρόδος*)]. Четные числа, в свою очередь, [по их словам, посвящены] женским богам вследствие делимости и прогресса, причем из них четно-нечетные [посвящены] мужетворным богиням, как, например, владычице Афине или владычице Гекате и Артемиде, так как они девственницы и не прогрессируют далеко, а нечетно-четные — более производительным, но не прогрессирующим далеко, а в равной мере сохраняющим мужеподобность и женственность и занимающим промежуточное положение между мужеподобными и женеподобными богинями вроде Анесидоры, которую почитали афиняне: статуя ее совершенно женеподобна, но ей добавляли бороду, символически выражая ее мужеженственность. Наконец, четно-четное число [посвящено] постоянно прогрессирующим богиням, как, например, животворным Деметре и Рее: они прогрессируют далеко и постоянно.

*Схолии 8, т. V, с. 366, 5 Heiberg: Следует отметить, что число, которое пифагорейцы называют «нечетно-четным» и которое допускает больше одного деления на два, хотя деление и не прогрессирует до единицы, известно Евклиду также. Он упоминает его в IX книге, называя «и не четно-четным, и не четно-нечетным», т. е. обозначая его через отрицание двух крайних, как и в случае с крайними членами пропорции (*ἕμμετα ἐναντία*): член, для которого не существует термина, мы обозначаем

через отрицание двух крайних. А упоминает его Евклид в 34-й пропозиции [IX книги].

*21 е. Схолии 1 к Евклиду, Элементы X, т. V, с. 415, 7 Heiberg: Сначала к исследованию соизмеримости приступили пифагорейцы, которые впервые открыли ее в результате наблюдений над числами. В то время как у всех чисел была общая мера — единица, найти общую меру также и для величин они не смогли. И вот по какой причине: в то время как всякое и любое число при любом делении оставляет некую наименьшую часть, неподверженную [дальнейшему] делению, всякая величина, даже если делить ее до бесконечности, не оставляет части, которая была бы не подвержена делению вследствие минимальности, но и эта часть может быть разделена на бесконечное число частей, каждая из которых опять будет делиться до бесконечности. Вообще величина причастна принципу бесконечности в плане делимости, а принципу предела — в плане целокупности ($\delta\lambda\omicron\tau\tau\eta\varsigma$), а число — принципу предела в плане делимости, а принципу бесконечности — в плане целокупности. Так как мера должна быть меньше измеряемого, а всякое число измеримо, то мера по необходимости должна быть меньше всех [чисел]. А следовательно, и для величин, если они все измеряются общей мерой, она по необходимости должна быть наименьшей. Между тем для чисел [наименьшая мера] существует, так как [деление чисел], как сказано выше, имеет предел, а для величин нет. Следовательно, не существует некой общей меры всех величин. Поняв это, пифагорейцы открыли, насколько возможна соизмеримость величин. Все величины, [подпадающие] под одну меру, они назвали «соизмеримыми» ($\sigma\beta\mu\epsilon\tau\alpha$), а не подпадающие под одну и ту же меру — «несоизмеримыми». Те из них, которые измеримы некой иной, общей мерой, они называли «соизмеримыми между собой» [ср.: ЕВКЛИД, X, 12], а те, что нет, — несоизмеримыми с теми [ЕВКЛИД, X, 13]. Принимая основную [общую] меру, они сводили все к различным соизмеримостям, и если к различным, то не все [величины] могут быть соизмеримыми по отношению к неким [величинам]. Однако все [величины] по отношению к чему-то могут быть рациональными и иррациональными. Поэтому, согласно пифагорейцам, соизмеримость и несоизмеримость существуют по природе ($\phi\upsilon\sigma\epsilon\iota$), а рациональность и иррациональность — условно ($\theta\epsilon\acute{\iota}\sigma\epsilon\iota$). Соизмеримыми и несоизмеримыми [величины] бывают тройко в трех измерениях: и линии, и плоскости, и тела, как показывает Теон и некоторые другие.

То, что величина делима до бесконечности, они доказывают с помощью следующей теоремы. Взяв равносторонний треугольник [ABГ], они делят его основание пополам [в точке Δ] и, отложив на одной из сторон отрезок [ГЕ], равный половине основания, проводят через [точку Е] прямую [ZE], параллельную основанию, так что отсеченный треугольник [AEZ] будет опять равносторонним. Разделив таким же образом его основание [в точке Η], они повторяют то же самое и никогда не могут достичь вершины треугольника, ибо если достигнут, то половина основания, [полученного] в тот момент равностороннего треугольника, окажется равной каждой из сторон, а следовательно, и две стороны, [взятые вместе], окажутся равными третьей, что нелепо. Нелишним будет заметить, что изучение этого [=иррациональных величин] полезно. По пифагорейскому преданию, первый, кто обнаружил теорию иррациональных, потерпел кораблекрушение. Вероятно, они аллегорически намекали на то, что все иррациональное во Вселенной, поскольку оно иррационально и безобразно, любит прятаться, и всякая душа, которая приблизится к такому виду жизни и сделает его доступным и явным, низвергается в море рождения, и омывается его зыбкими пото-

ками. С таким благоговением относились пифагорейцы к теории иррациональных.

22. АРИСТОТЕЛЬ. *Метафизика*, А 8. 989 б 29: Пифагорейцы (как их называют) оперируют более экстравагантными [собств. «неуместными»] началами и элементами, чем природоведы—физиологи (причина тому та, что заимствовали они их не из области чувственных вещей, поскольку математические предметы — за исключением относящихся к ведению астрономии — лишены движения), и тем не менее говорят они и трактуют исключительно о природе. Так, они рассуждают о происхождении Неба [= «Вселенной»] и в том, что касается его частей, действий и претерпеваний, строго следуют наблюдаемым фактам, и без остатка тратят свои начала и причины на [объяснение] этих вещей, словно соглашаясь с другими физиологами в том, что бытие всецело исчерпывается тем, что ощущается и заключено внутри «неба» [т. е. видимой Вселенной]. А между тем, как мы сказали, причины и начала, которые они полагают, достаточны для восхождения и на более высокий уровень бытия и даже больше подходят [для этого], чем для рассуждений о природе. Каким же все-таки образом возможно движение, когда в основу положены только предел и беспредельное, нечетное и четное — на сей счет они ничего не говорят, равно как [не объясняют], каким образом без движения и изменения [в принципах] может существовать [наблюдаемое] возникновение и уничтожение, или же [очевидный] факт движения [светил] по небу. Кроме того, даже если допустить вместе с ними, что из этих [абстрактных элементов] состоит [протяженная] величина, даже если доказать это, то все равно, почему одни тела окажутся легкими, а другие тяжелыми? Даже если принять их исходные постулаты и положения, они тем не «менее» скорее рассуждают о математических, чем о чувственных телах. Вот почему об огне, земле или других телах такого рода они не сказали ровным счетом ничего — так как, по-моему, им просто нечего было сказать о чувственных [телах], — такого, чтобы это было им свойственно. Кроме того, как надо понимать, что свойства числа и [само] число суть причины всего, что во Вселенной есть и возникает искони и ныне, и в то же время не существует никакого иного числа, кроме того числа, из которого состоит космос? Так, если, согласно их воззрениям, в данной части [космоса], будет «мнение» (докса) и «удобный случай», а чуть выше или ниже «беззаконие» и «разделение» или «смешение», причем в доказательство этого они станут ссылаться на то, что каждая из этих вещей есть число, — а оказывается, что в этом месте уже имеется множество образовавшихся величин, так как эти явле-

ния сопутствуют каждому месту, свойственному их числу — то будет ли это то же самое число, что и во Вселенной, которое надо понимать таким образом, что оно есть каждая из этих вещей, или же это будет иное, отличное от него, число?

*АРИСТОТЕЛЬ. *Метафизика*, N 3. 1090 а 20: Пифагорейцы, видя, что многие свойства чисел присущи чувственным телам, признали вещи числами, но не обособленными; по их мнению, вещи состоят из чисел. Почему? Потому что свойства чисел присущи музыкальной гармонии, Небу и многому другому.

*Там же, 1090 а 31: [В отличие от Спевсиппа пифагорейцы не признают числа «отдельными» от вещей]. В этом отношении они вполне свободны от обвинений, но когда они полагают естественные тела состоящими из чисел, т. е. имеющие легкость и тяжесть из не имеющих ни легкости, ни тяжести, то создается впечатление, что они говорят об ином мире (*οὐρανός*) и иных телах, но только не о чувственных.

*22 а. АЛЕКСАНДР АФРОДИС. *Комм. к «Метафизике»* с. 75, 15 *Науд.*: Порядок расположения чисел в Небе, который принимали пифагорейцы, Аристотель упоминает во второй книге «Об учении пифагорейцев».

23. АРИСТОТЕЛЬ. *Метафизика*, Z 2. 1028 б 16: Некоторые полагают, что границы (*πέρας*) тела, как-то: поверхность, линия, точка и единица, — сущности, и причем в большей мере, нежели тело и твердое. Далее, некоторые считают, что, кроме чувственных тел, никакой другой реальности больше нет, другие принимают большее число, и причем в большей мере обладающих вечностью [сущностей], как, например, Платон двумя видами бытия полагает эйдосы и математические предметы, а третьим — бытие чувственных тел и т. д.

24. Там же, N 3. 1090 б 5: Некоторые, исходя из того, что точка для линии, линия для плоскости, а плоскость для тела являются границами и краями, считают, что они по необходимости должны быть физическими субстанциями (*φύσεις*).

25. Там же, Z 11. 1036 б 8: Некоторые ставят проблему и применительно к кругу и треугольнику, полагая, что не следует определять их через линии и континуум, но что все это надо рассматривать так же, как плоть или кости человека, и бронзу, и мрамор статуи, [т. е. как материю]. Они все сводят к числам и полагают, что понятие линии — это понятие двойки.

*ПСЕВДО-АЛЕКСАНДР АФРОДИС. *Комм. к «Метафизике»*, 1036 а 26; с. 512, 36 *Науд.*: Они утверждают, что понятие линии есть понятие двойки. Так как двойка есть первое протяженное (поскольку единица прежде всего распространяется в двойку, а затем в тройку и следующие числа), то коль скоро мы определяем линию, утверждают они, мы не должны определять ее как «количество, протяженное в одном измерении», но как «первое протяженное».

*25 а. Схолии к Евклиду, *Элементы*, I, Определение 1, т. V, с. 77, 26: Пифагорейцы определяют точку как «единицу, имеющую положение», так как числа лишены фигур и [не поддаются наглядному] представлению, а точка в представлении обладает протяженностью.

*25 б. Там же, с. 78, 19: Пифагорейцы полагали, что точка соответствует единице, линия — двойке, плоскость — тройке, тело — четверке. Однако Аристотель утверждает, что тело получается триадически, принимая за первую протяженную величину линию.

*25 с. СЕКСТ ЭМПИРИК. *Против ученых*, X, 281: Некоторые утверждают, что тело составляется из одной точки: эмануруя, эта точка образует линию; линия, эмануруя, образует плоскость, а плоскость, двигаясь в глубину, порождает тело

с тремя измерениями. Эта пифагорейская точка зрения отличается от прежних: те порождали числа из двух начал — единицы и неопределенной двоицы, а затем из чисел — точки, линии, плоские фигуры и объемные тела, а эти конструируют все из одной точки: из нее возникает линия, из линии — поверхность, из поверхности — тело. Ср.: *АРИСТОТЕЛЬ. О душе, А 4. 409 а 1: Как надо представлять себе движущуюся единицу, и под действием чего, и каким образом, если она лишена частей (*ἀμερής*) и различий? Поскольку она движет и движима, то должна различаться. Кроме того, коль скоро они утверждают, что приведенная в движение линия порождает плоскость, а точка — линию, то и движения единиц [монад] окажутся линиями, ибо точка есть единица, имеющая положение и т. д.

26. АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, N 3, 1091 а 12: Нелепо также допускать возникновение вечных вещей, а точнее, нечто невозможное. Допускают ли пифагорейцы возникновение или не допускают — на этот счет не может быть никаких сомнений: они ясно говорят, что когда составилось Одно — то ли из плоскостей, то ли из поверхности (*χρόα*), то ли из семени, то ли сами не знают из чего, — тотчас же стали вытягиваться ближайшие части Безграничного (*ἄπειρον*) и ограничиваться границей (*πέρας*). Но поскольку они занимаются космогонией и рассуждают натуралистически, то правильно будет отнести рассмотрение их учения к компетенции физики и оставить его за рамками настоящего исследования: мы исследуем начала неподвижных вещей, поэтому следует рассмотреть и возникновение таких чисел.

27. АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, N 6. 1092 б 26: Позволительно также задаться вопросом: в чем [практическое] «благо» от чисел, от того, что пропорция смеси выражается числом, будь то рациональным или избыточным? В действительности медовый напиток, в котором смешаны три раза по три [части], ничуть не более полезен для здоровья; напротив, он принесет больше пользы, если его приготовить вообще без пропорции, но водянистым, чем если в определенном числовом отношении, но крепким. Кроме того, пропорции смесей выражаются сложением чисел, а не умножением: например, «три к двум», а не «трижды два», так как при умножении требуется однородность [частей]. Поэтому ряд АВГ должен измеряться посредством А, а ряд ΔΕΖ — посредством Δ, так что любой [ряд должен измеряться] одной и той же [единицей измерения]. Следовательно, числом огня не может быть ВΕΓΖ, а числом воды — дважды три.

Если же все должно быть причастно числу, то многие вещи по необходимости окажутся тождественными, и одно и то же число будет соответствовать вот этой-вот вещи и [совсем] другой. Так значит это [=«причастность числу»] — причина и поэтому вещь есть [то, что она есть], или же это неясно? Так, например, есть определенное число обращений Солнца, равно как и Луны, а также [продолжительности] жизни и возраста каждого из животных. Что же мешает некоторым из них быть квадратами, некоторым — кубами, одним — равными, другим — двукратными? Да ничто не мешает! Напротив, [числа вещей] по необходимости должны вращаться в этих [категориях], раз [в исходных посылах] было допущено, что все вещи причастны числу, и что различные вещи могут подпадать под одно и то же число. Так что если бы каким-то вещам оказалось присуще одно и то же число, они были бы тождественны между собой, так как принадлежали бы к одному и тому же числовому виду (эйдосу): например, Солнце и Луна были бы тождественны. Спрашивается, однако, почему это — причины? Да, есть семь гласных, семь нот образуют гамму, Плеяд — тоже семь, через семь лет выпадают зубы (кстати, только у некоторых животных, а у некоторых —

нет), семеро [вождей шли] против Фив. Так что же? Вождей было семь и Плеяды состоят из семи звезд потому, что такова именно природа этого числа? Или же [правильнее было бы считать, что] вождей было семь по числу ворот или по какой-то иной причине, а в Плеядах [семь звезд просто потому, что] мы [=греки] так считаем? В Медведице, по крайней мере, [насчитывают не только 7, но и] — двенадцать [звезд], а некоторые [народы] — еще больше. Точно так же они называют буквы ΞΨΖ «созвучиями» и утверждают, что раз тех [т. е. музыкальных созвучий, интервалов] три, то и этих тоже три, а что таких [букв] могла бы быть тьма — это их нисколько не заботит: так, для сочетания Γ с Ρ мог бы существовать один знак. Если же [они возражают], что только эти (и никакие другие) [согласные] — двойные, по той причине, что мест [образования согласных — только] три, и в каждом [из них только] один [согласный] присоединяется к сигме, то вот это и есть причина, по которой [таких букв] — только три, а вовсе не потому, что есть три музыкальных созвучия, так как музыкальных созвучий [в действительности] — больше, а здесь их больше быть не может. Они напоминают старинных толкователей Гомера, которые маленькие сходства видят, а больших <различий> не замечают. Много еще [сопоставлений] такого рода приводят некоторые: скажем, средние [пропорциональные] — девять и восемь; и эпический стих — семнадцать, равен по числу этим [величинам], причем в правой его части скандируется девять слогов, а в левой — восемь. [Указывают] также на то, что расстояние от Α до Ω в алфавите равно расстоянию от самой низкой до самой высокой ноты во флейтах, число которой равно целокупности Неба [=«Вселенной»]. Надо обратить внимание на то, что ни для кого не составило бы труда приводить и выскидывать такие [совпадения] в вечных [вещах], коль скоро [это так легко] в переходящих. Но хваленые сущности в числах и то, что им противоположно, как и все вообще математические предметы — в том смысле, в каком о них говорят некоторые и полагают их причинами природы, — при таком рассмотрении вопроса, похоже, исчезают, так как ни одна из них не может быть причиной ни в одном из [4-х] модулов, которые были различены и определены для начал. Правда, постольку, поскольку они принимают [свои собственные начала], им удастся показать, что благо существует [в математических предметах] и что к ряду соответствий прекрасного принадлежит нечетное, прямое, равножды равное {степени некоторых чисел}: например, времена года, [которые прекрасны], неразрывно связаны с таким именно числом [4=2²]. И все прочее, что они выводят из математических положений, — все имеет такой характер. А потому и похоже на совпадения: все [соответствия такого рода] — акцидентальны, хотя и сродни друг другу, а одно составляют по аналогии. Ибо в каждой категории бытия есть нечто аналогичное: прямому в длине соответствует ровное в ширине; вероятно, нечетное — в числе, и белое в цвете.

28. АРИСТОТЕЛЬ. Физика, Γ 4. 202 b 36: Свидетельство тому, что рассмотрение бесконечного подлежит [физической] науке: все, кто, по общему мнению, всерьез занимался натуральной философией, трактуют бесконечное и полагают его неким онтологическим началом. Одни, как пифагорейцы и Платон, — [бесконечное] в себе: не как акциденцию чего-то другого, но бесконечное как самобытную субстанцию. Но только пифагорейцы [полагают бесконечное началом] в чувственных вещах (ибо они не отделяют число от вещей), а также утверждают, что и вне Неба имеется бесконечное. Платон же считает, что вне [Неба] нет никакого тела и даже идей, так как они нигде, а бесконечное [допускает] и в чувственных вещах, и в идеях. И пифагорейцы утверждают, что бесконечное есть четное, так как, отсекаемое ограничивае-

мое нечетным, оно сообщает вещам бесконечность. Свидетельство тому — то, что происходит с числами: при наложении гномонов вокруг единицы и без этого форма в одном случае постоянно меняется, в другом остается одной и той же.

*АЛЕКСАНДР АФРОДИС. у Симпликия, Комм. к «Физике», с. 457, 12: Правильно истолковал [это место] и Александр: по его мнению, выражение «при наложении гномонов» указывает на чертеж, который получается в случае с нечетными числами, а выражение «и без этого» означает арифметическое прибавление без фигурального наложения и относится к четным числам; пифагорейцы имеют обыкновение чертить фигуры [=«изображать числа геометрически»] . . . (457, 22), а в результате наложения четных чисел не получается определенной фигуры. Поэтому [Александр] предлагает не изображать наложение четных чисел на чертеже, как в случае с нечетными, а прибавлять их арифметически. Поэтому выражение «и без этого» означает «и без наложения путем прибавления в случае с четными числами».

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», Г 4. 203 а 1, с. 455, 20: Пифагорейцы полагали бесконечное четным числом, ибо, как говорят толкователи, «все четное делится на [две] равные части, а то, что делится на равные части, дихотомически бесконечно (ибо деление пополам и на равные части продолжается до бесконечности); напротив, нечетное, прибавленное к четному, ограничивает его, т. е. препятствует делению четного на равные части». Таким образом, толкователи соотносят бесконечное с четным в смысле деления на равные части и ясно, что деление до бесконечности они относят не к числам, а к величинам.

*ФЕМИСТИЙ. Парафраза к «Физике», III, 4. с. 80, 8 Schenk: Пифагорейцы отличаются от Платона также в том, что полагают бесконечным не всякое число, а только четное, так как именно четность — причина дихотомии, которая бесконечна. По своей природе чет сообщает бесконечность всему, чему он присущ, а ограничивается нечетом, так как нечетное число, прибавленное к четному, препятствует его делению на равные части. Приводят и другое свидетельство того, что нечет — причина предела, а чет — бесконечности: взяв единицу, последовательно прибавляют к ней следующие за ней нечетные числа, как-то: 3, 5, 7, 9, добавление каждого из них постоянно сохраняет в сумме квадратное число: 4, 9, 16, 25. Арифметики называют нечетные числа «гномонами», потому что при последовательном приложении к первым числам они, подобно линейным [числам], сохраняют форму квадрата. Что значит «гномон», ты, несомненно, знаешь из геометрии: ведь этот комментарий написан не в расчете на круглых невежд! Итак, нечетные числа сохраняют форму и блюдают единство, а нечетные при последовательном прибавлении к единице постоянно порождают какую-нибудь новую форму, различие прогрессирует до бесконечности, <порождая> треугольник, потом семиугольник, потом любую другую фигуру. Таким образом, для пифагорейцев только четное число является бесконечным.

ПЛУТАРХ [?] у Стобея, I, проэрий, 10, т. I, с. 22, 16 W.: При последовательном приложении гномонов к единице постоянно получается квадратное число; при подобном же приложении четных [гномонов] получаются одни лишь разносторонние и неравные [числа], а квадратного [букв. «равностно равного»] — ни одного. *При делении на два у нечетного в середине остается единица, а у четного остается пустое пространство, не занятое и неисчислимо, поскольку оно дефектно и несовершенно.

29. АРИСТОТЕЛЬ. Физика, Г 5. 204 а 29: Следовательно, бесконечное существует акцидентально. А если так, то, как сказано, недопустимо считать его началом, но лишь то, акциденцией чего оно является, т. е. воздух или четное число. Поэтому

абсурдными будут утверждения всех, кто полагает, подобно пифагорейцам: пифагорейцы одновременно полагают бесконечное субстанцией и делят его на части. Ср.: *ФЕМИСТИЙ. Парафраза к «Физике», с. 84, 21: Пифагорейцы намерены рассматривать то, что они называют «бесконечным» как субстанцию, но они непоследовательны и уклоняются к тому, чтобы считать его акциденцией. Действительно, они полагают бесконечным четное и, следовательно, рассматривают бесконечное как атрибут числа и делят его на части. Стало быть, [согласно пифагорейцам], бесконечное есть количество, а не субстанция.

30. АРИСТОТЕЛЬ. Физика, Δ 6. 213 b 22: Пифагорейцы также признавали существование пустоты и утверждали, что она проникает в Небо [=космос] из [окружающего] бесконечного (ἀπειρον), как если бы [Небо] вдыхало пневму и пустоту, которая разграничивает физические сущности (φύσεις), как если бы пустота была разделением и разграничением смежных [тел]. Прежде всего это наблюдается в числах, так как пустота разграничивает [их, сообщая] им самобытность (φύσις).

СТОБЕЙ, I, 18, 1^ο, т. I, с. 156 W.: В четвертой книге «Лекций по физике» Аристотель пишет: «Пифагорейцы признают существование пустоты и утверждают, что она проникает в Небо из бесконечной пневмы, как если бы оно вдыхало [ее]. А в первой книге «О философии пифагорейцев» [фр. 201 Rose=фр. 11 Ross] он пишет, что, [согласно пифагорейскому учению], Небо [=космос] одно и что оно втягивает из бесконечного время, дыхание и пустоту, которая постоянно разграничивает пространства отдельных вещей.

31 (30—31 DK). АРИСТОТЕЛЬ. О небе, Β 2. 284 b 6: Поскольку же некоторые утверждают, что у Неба есть право и лево, — я имею в виду так называемых пифагорейцев, так как именно им принадлежит это учение, — то необходимо рассмотреть, как обстоит тут дело в случае, если телу Вселенной следует приписывать эти начала, — так ли, как они говорят, или же как-то иначе? [. . .] (285 а 10). Можно поэтому только удивляться тому, что пифагорейцы полагали лишь эти два начала: право и лево, а остальные четыре проглядели, хотя они ничуть не менее основополагающи. А между тем верх от низа и перед от тыла у всех животных отличаются ничуть не меньше, чем право от лева. [. . .] (285 а 25). Но пифагорейцы заслуживают упрека не только за то, что они упустили из виду более основополагающие начала, но и за то, что эти [право и лево] они считали присущими всем [существам] в равной мере.

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «О небе» 284 b 6, с. 386, 9 Heiberg: *Пифагорейцы сводили все противоположности к двум рядам соответствий [συστοιχίαι, ср. Β 5 выше], один — худший, другой — лучший, т. е. ряд добра и ряд зла, и, символически исчерпав каждый ряд декадой как целокупным числом, каждую из противоположностей включали с таким расчетом, чтобы она со-выражала все родственные ей понятия. Из пространственных отношений они включили право и лево, во-первых, потому, что эти понятия выражают добро и зло. Так, мы говорим «одаренная натура» (δεξιὰ φύσις) [букв. «правая натура»] и «счастливая судьба» (δεξιὰ τύχη) [букв. «правая судьба»], желая сказать «хорошие», а противоположные им называем «левыми» [=«дурными», «несчастливыми»]. А во-вторых, потому, что всему, чему присущи право и лево, присущи также верх и низ, перед и тыл, но не наоборот, как определил Аристотель. Вероятно, через эти пространственные отношения они выразили и все остальные*. Действительно, право они называли также и верхом, и передом, а лево — и низом, и тылом, и злом, как сообщает сам же Аристотель в «Своде пифагорейских мнений» [фр. 200 Rose=фр. 10 Ross].

АРИСТОТЕЛЬ. О небе, В 2. 285 в 14: *Полюс, видимый над нами, есть нижняя часть [Вселенной], невидимый нам — верхняя. В самом деле, правой стороной всякого [существа] мы называем ту, с которой начинается его движение в пространстве; вращение Неба начинается с той стороны, где восходят звезды, следовательно, она будет правой, а сторона, где звезды заходят, — левой. Стало быть, если [Небо] начинает [вращаться] с правой стороны и вращается [слева] направо, то его верхом по необходимости должен быть невидимый полюс, ибо если допустить, что им является видимый, то движение будет происходить [справа] налево, что мы отрицаем [в наших исходных посылках].* Ясно, таким образом, что верхом [Вселенной] является невидимый полюс. И те, кто там живет, находятся в верхнем полушарии и с правой стороны, а мы — в нижнем и с левой, прямо противоположным образом тому, что говорят пифагорейцы: они помещают нас наверху и в правой части, а тамошних [жителей] — внизу и в левой части, хотя в действительности — наоборот.

СИМПЛИКИЙ. Комм. к этому месту, с. 392, 16=АРИСТОТЕЛЬ. «О пифагорейцах», фр. 205 Rose=фр. 15 Ross: Спрашивается, каким образом он может говорить, что пифагорейцы считают нас находящимися наверху и в правой части [Вселенной], а тамошних жителей — внизу и в левой, если, как он сам сообщает во второй книге «Свода пифагорейских мнений», пифагорейцы различают во Вселенной верх и низ, и причем низ Вселенной считают правой стороной, а верх — левой, полагая, что мы находимся внизу? [. . .] А то, что говорится в «Своде пифагорейских мнений», по мнению Александра, кем-то неправильно переписано и должно читаться так: «Верх Вселенной они считают правой стороной, а низ — левой, полагая, что мы находимся наверху», а не «внизу», как написано. При таком чтении [этот текст] будет согласовываться с тем, что говорится в нашем пассаже [трактата «О небе»], а именно что, считая нас живущими внизу, а потому и слева, раз низ сопоставлен левой стороне, мы полагаем прямо противоположным образом тому, что говорят пифагорейцы, т. е. что [мы живем] наверху и справа. Пожалуй, предположение об ошибке переписчика резонно, коль скоро Аристотелю известно, что пифагорейцы соотносят верх с правой стороной, а низ — с левой. Ср.: *ФЕМИСТИЙ. Парафраза к «Физике», с. 96, 17: Коль скоро пифагорейцы отождествляют верхнюю часть с левой областью [Вселенной], что подтверждает Аристотель в сочинении против мнений пифагорейцев, где он спорит с теми, кто утверждал, что верхняя часть — правая.

32. **ЕВДЕМ.** Физика, фр. 60 Wehrli=СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 431, 13 [после 47 А 23]: Пифагорейцы и Платон правильно определяют движение как «неопределенное» (τὸ ἀόριστον) — никто другой больше движения не определил, — но что не определено, того нет, равно как незаконченного и не-сущего: оно становится, но раз становится, то не есть.

33. **АРИСТОТЕЛЬ.** Физика, Δ 10, 218 а 32: Что есть время и какова его природа, одинаково неясно как из традиционных [мнений], так и из изложенного выше. Одни полагают, что время — это движение Вселенной, другие — что сама сфера. [. . .] *(218 в 5) Определившие время как сферу Вселенной пришли к этому мнению исходя из того, что все — во времени и в сфере Вселенной. Это утверждение слишком глупо, чтобы рассматривать связанные с ним невозможные следствия.

*СИМПЛИКИЙ. Комм. к этому месту, с. 700, 19: Другие же [полагая, что время] — сама небесная сфера. Это мнение приписывают пифагорейцам те, кто, вероятно, превратно истолковал данное Архитом общее определение времени как «измерения (δὲ ἀστέρημα) Вселенной».

*СИМПЛИКИЙ. Королларий о времени, с. 786, 11: Божественный Ямвлих в первой книге комментария к «Категориям» приводит следующее определение времени, данное Архимом: «Число движения или общее измерение Вселенной».

Мнения философов, I, 21, 1 («О времени»): Пифагор считает время сферой Объемлющего [=«небосвода»].

34. ЕВДЕМ. Физика, фр. 88 Wehrli=СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 732, 23 [ср.: АРИСТОТЕЛЬ. Физика, Δ 12. 220 b 12—14: «Подобно тому как может повторяться снова и снова одно и то же движение, так и время. . .»]. Так учили и пифагорейцы: по их словам, одни и те же вещи повторяются снова и снова нумерически. Но, пожалуй, не худо бы послушать цитату из третьей книги «Физики» Евдема, дающую парафразу этого пассажа [Аристотеля]. «Повторяется ли то же самое время или нет — вот вопрос. Термин «тождественное» многозначен. То же самое по виду (εἶδει), очевидно, повторяется, например лето, и зима, и другие времена года и периоды, и точно так же повторяются те же самые по виду движения, как, например, солнцевороты, равноденствия и другие пути Солнца. А если поверить пифагорейцам, что-де [повторится] снова то же самое нумерически (ἀριθμῶν), то и я буду рассказывать вам с палочкой в руках, [как сегодня], и вы будете сидеть вот так, и все остальное будет точно таким же, и в таком случае логично считать, что [повторится] то же самое время. Ибо у одного и того же движения, равно как и у многих тех же самых [движений], «раньше» и «позже» тождественны, а стало быть, они тождественны нумерически. Следовательно, [повторится] все то же самое, а значит, и время».

35. АРИСТОТЕЛЬ. О небе, В 9. 290 b 12: Из этого ясно, что утверждение, согласно которому движение [светил] рождает гармонию, поскольку, мол, [издаваемые ими] звуки объединяются в консонирующие интервалы, при всей своей остроумности и оригинальности тем не менее неверно. По мнению некоторых, столь огромные тела по необходимости должны производить своим движением шум: уж если его производят земные тела, [рассуждают они], ни по объему, ни по скорости движения не сравнимые [с небесными], то что говорить о Солнце, Луне, да еще таком количестве столь великих звезд, преодолевающих такой путь с такой быстротой, — не может быть, чтобы они не производили шума совершенно невообразимой силы! Исходя из этого, а также из того, что скорости [светил], измеренные по расстояниям, относятся между собой так же, как тоны консонирующих интервалов (συμφωνίαι), они утверждают, что звучание, издаваемое звездами при движении по кругу, образует гармонию. А поскольку представляется абсурдным, что мы этого звучания не слышим, они объясняют это тем, что звук имеется с самого момента нашего рождения и потому за немением контрастирующей с ним тишины неразличим: ведь звук и тишина различаются по взаимному контрасту. С людьми, мол, поэтому происходит то же, что с кузнецами-молотобойцами, которые вследствие привычки не замечают грохота.

*АРИСТОТЕЛЬ. О небе В 10. 291 a 29: Что касается порядка светил, т. е. последовательности, в которой они движутся, и расстояний, отделяющих каждое из них [от сферы неподвижных звезд], то следует исходить из данных астрономии, поскольку [астрономами этот вопрос] трактуется исчерпывающе.

*СИМПЛИКИЙ. Комм. к этому месту, 471, 1: В этом, говорит он, «следует исходить из данных астрономии», поскольку там даны доказательства относительно порядка планет, их размеров и расстояний. Как сообщает Евдем [фр. 146 W.], учение о размерах и расстояниях планет впервые изобрел Анаксимандр [ср. 12 A 19], а первую теорию о порядке [их] расположения он приписывает пифагорейцам.

36. Мнения философов (Стобей), II, 29, 4 («О затмении Луны») = АРИСТОТЕЛЬ. О пифагорейцах, фр. 16: Некоторые из пифагорейцев, по сообщению Аристотеля утверждению Филиппа Опунтского, [полагают, что затмения Луны происходят] в результате отражения света и загораживания [ее] то Землей, то Антисземлей.

37. АРИСТОТЕЛЬ. О небе, В 13. 293 а 18=44 А 16 b. СИМПЛИКИЙ. Комм. к этому месту, с. 512, 9: Те из пифагорейцев, кто высказал на этот счет более аутентичные взгляды, называют центральным огнем демиургическую силу, которая животворит всю Землю из центра и нагревает ее остывшую часть. Поэтому одни называют его «башней Зевса», как Аристотель сам сообщает в «Пифагорейских мнениях», другие — «острогом Зевса», как он говорит в данном пассаже [трактата «О небе»], третьи — «престолом Зевса», как сообщают другие. «Светилом» же они называли Землю в том смысле, что она тоже орудие времени, она причина дней и ночей; день она порождает, когда освещается со стороны, обращенной к Солнцу, а ночь — отбрасывая коническую тень. «Антисземлей», равно как «небесной Землей» пифагорейцы называли Луну, во-первых, потому что она загораживает солнечный свет, а это особенное свойство Земли, а во-вторых, потому что она служит границей небесного [=надлунного] мира, подобно тому как Земля — подлунного.

37 а. АРИСТОТЕЛЬ. О небе, В 13. 293 15=44 А 16 b.

37 b. АРИСТОТЕЛЬ. Метеорология, А 8. 345 а 13=41, 10.

37 с. Мнения философов, III, 1, 2 («О млечном пути»): Одни из пифагорейцев говорили, что [Млечный путь] — это выжженный [участок неба, оставшийся от] звезды, сорвавшейся с насиженного места: тот участок [неба], по которому она пронеслась, описывая круг, она выжгла во время Фаэтонова пожара. Другие говорят, что первоначально в этом месте проходил путь Солнца. Третьи [считают, что Млечный путь] — это зеркальная видимость Солнца, лучи которого отражаются от неба, — то же самое происходит и в облаках в случае с радугой.

*37 d. АХИЛЛ. Введение в «Феномены» Арата, с. 39, 28 Maass: Пифагорейцы полагают, что собственным движением обладают не только планеты, но и неподвижные звезды, однако они движутся и совершают собственное круговращение таким же образом, как Вселенная, т. е. не поступательно, а крутясь на месте.

Там же, с. 45, 21: Пифагорейцы утверждают, что не только планеты, но и неподвижные звезды имеют собственное движение, но только они движутся подобно бураву, вертясь на одном и том же месте.

38. АРИСТОТЕЛЬ. О небе. Г 1. 300 а 14: То же [противоречие] вытекает из учения тех, кто слагает Вселенную из чисел (некоторые, например кое-кто из пифагорейцев, полагают, что природа состоит из чисел): естественные тела очевидным образом имеют тяжесть и легкость, а единицы [монады] не могут иметь тяжесть, и, следовательно, образовывать при сложении тела.

39. АРИСТОТЕЛЬ. О душе, А 3. 407 b 20: А другие только берутся определить, что есть душа, но не дают никаких дополнительных разъяснений относительно тела, в которое ей суждено вселиться, как если бы, согласно пифагорейским мифам, любая душа вселялась в любое тело.

40. АРИСТОТЕЛЬ. О душе, А 2. 404 а 16: По-видимому, такой же смысл имеет утверждение пифагорейцев: некоторые из них считали душой [легающие] в воздухе пылинки, а другие — то, что ими движет. Об этих [пылинках] говорится потому, что они наблюдаются в непрерывном движении, даже если полное безветрие.

41. АРИСТОТЕЛЬ. Политика, Θ 5. 1340 b 17: По-видимому, [в нас] имеется некое родство с гармониями и ритмами, поэтому многие из мудрецов говорят, что душа — это гармония, а другие — что она имеет гармонию. Ср.: АРИСТОТЕЛЬ. О душе, A 4. 407 b 27=44 A 23.

42. АРИСТОТЕЛЬ. Об ощущении, 3. 439 a 30: Цвет — либо на краю [тела], либо сам есть край ($\pi\acute{\epsilon}\rho\alpha\varsigma$). Поэтому пифагорейцы называли поверхность $\chi\rho\omicron\acute{\iota}\alpha$.

43. АРИСТОТЕЛЬ. Об ощущении, 5. 445 a 16: То, что утверждают некоторые из пифагорейцев, необоснованно: по их словам, некоторые животные питаются запахами.

*44. Схолии ко «Второй аналитике» Аристотеля 79 a 1, с. 221a: Пифагорейская музыка различает гармонию разумом, а не ощущением, а вульгарная музыка различает слаженное и неслаженное только ощущением. Поэтому последняя знает только сам факт, т. е. что гармония созвучна, а математика [знает] также причину, по которой она созвучна. Поэтому они [=сторонники вульгарной музыки] заслужили насмешку какого-то остряка, сказавшего, что у них уши руководят умом.

45 (1a DK). ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 24=АЛЕКСАНДР ПОЛИГИСТОР. Преемства философов, FGrH 273 F 93: Александр в «Преемствах философов» говорит, что он нашел в пифагорейских записках следующее. (25) Начало (архэ) всех вещей — единица (монада), а из единицы гипостазировалась неопределенная двоица (диада), которая относится к единице как материя к [творящей] причине. Из единицы и неопределенной двоицы [гипостазировались] числа, из чисел — точки, из точек — линии, из линий — плоские фигуры, из плоских — телесные фигуры, а из них — чувственные тела, элементов которых четыре: огонь, вода, земля, воздух, которые изменяются и превращаются насквозь, и [в результате] из них рождается космос—живой ($\xi\mu\phi\upsilon\lambda\omicron\varsigma$), наделенный сознанием ($\nu\omicron\sigma\epsilon\tau\acute{\iota}\varsigma$), шарообразный, содержащий в середине Землю, тоже шарообразную и населенную со всех сторон. (26) Есть и антиподы, и что для нас наверху, то для них внизу. В космосе в равной пропорции ($\text{ισ}\acute{\omicron}\mu\omicron\iota\sigma\tau\alpha$) существуют свет и тьма, горячее и холодное, сухое и влажное; когда из них преобладает горячее, наступает лето, когда холодное — зима, а когда они в равновесии — то наилучшие времена года, из коих весна, пора цветения, благотворна для здоровья, а осень, пора увядания, болезнетворна. Так и в сутках: утро — пора расцвета, вечер — увяданья, поэтому вечер болезнетворней. Воздух вокруг Земли неколышимый и болезнетворный, поэтому все существа, [живущие] в нем, смертны, а самый горный [воздух] вечнодвижущийся, чистый и здоровый, и все существа, [живущие] в нем, бессмертны и потому божественны. (27) И Солнце, и Луна, и другие звезды — боги, ибо в них преобладает тепло, причина жизни. Луна освещается Солнцем. Люди в родстве с богами, поскольку человек причастен теплу, поэтому бог и заботится о нас своим промыслом. Судьба ($\epsilon\acute{\iota}\mu\alpha\rho\mu\acute{\epsilon}\nu\eta$) правит всем вместе и по отдельности. От Солнца исходит луч, проникающий через холодный и плотный эфир (воздух они называют «холодным эфиром», а море и влагу — «плотным эфиром»); этот луч проникает в самую глубь и тем все животворит.

(28) Живет все, что содержит тепло (поэтому и растения тоже животные), однако не все обладает душой. Душа — осколок эфира, одновременно теплого и холодного, душа ($\psi\upsilon\chi\acute{\eta}$) отличается от жизни тем, что наряду [с теплым] эфиром содержит холодный ($\psi\upsilon\chi\rho\acute{\epsilon}\varsigma$). Она бессмертна, так как и то, от чего она откололась, тоже бессмертно. Животные рождаются друг от друга, от семян, а рождение от земли невозможно. Семя — капля головного мозга, содержащая в себе теплый пар; попадая в матку, она испускает из [вещества] головного мозга ихор, влагу и кровь, из которых образуются плоть, жилы, кости, волосы и все тело, а из пара — душу и ощущение. (29) Зародыш форми-

руется за сорок дней; младенец созревает, согласно отношениям гармонии [=«музыкальным интервалам»], за семь, девять или, самое большее, десять месяцев и рождается на свет. В него заложены все причины жизни, благодаря сцеплению которых он подчиняется [в своем развитии] гармоническим отношениям, и все появляется в назначенный срок. Опушение вообще и зрение в частности — очень горячий пар; именно благодаря ему, говорится, можно видеть сквозь воздух и сквозь воду, так как [тепло зрительного луча] отражается [собств. «натывается на сопротивление, отталкивается»] от холодного, а если бы содержащийся в глазах пар был холодным, то он бы не контрастировал с таким же воздухом. Между тем он [=Пифагор] называет глаза «воротами Солнца». То же самое он учит о слухе и прочих ощущениях.

(30) Душа человека делится на три части: сознание ($\nu\omicron\delta\varsigma$), интеллект ($\varphi\rho\acute{\epsilon}\nu\epsilon\varsigma$) и эмоции ($\theta\upsilon\mu\acute{o}\varsigma$). Сознание и эмоции есть и у других животных, а интеллект — только у человека. Область души простирается от сердца до головного мозга. Эмоциональная часть находится в сердце, а интеллект и сознание — в головном мозге, ощущения — капли, [истекающие] от них. Интеллектуальная [часть души] бессмертна, остальные смертны. Пытается душа кровью. Мысли — ветры души; и она и мысли невидимы, так как эфир [воздух] тоже невидим. (31) Оковы души — вены, артерии и жилы, когда же она превозможет [их] и, оставшись наедине с собой, обретет покой, то оковами ее становятся мысли и постулки. Извергнутая [из тела после смерти], она блуждает по земле в воздухе [в виде призрака], похожего на тело. Распорядитель душ — Гермес, потому и зовут его «Проводником», «Привратником» и «Хтонием», так как именно он отправляет души по назначению по выходе из тела, как с земли, так и с моря. Чистые души отводят к высочайшему [эфиру?], а нечистым не разрешается приближаться ни к тем, ни друг к другу; Эринии сковывают их нерушимыми оковами. (32) Весь воздух полон душ: это их люди почитают демонами и героями, это они посылают людям сны и знамения болезни <и здоровья>, и не только людям, но и овцам и другим скотам. Для них совершаются очищения и умиловствления, всякое гадание и молитвы и тому подобное.

Самое важное в человеческой жизни, говорит [Пифагор], склонить душу к добру или ко злу. Люди счастливы, когда душа становится доброй, но она никогда не покоится и никогда не сохраняет того же самого течения, [подобно реке]. (33) Справедливость обладает силой клятвы, поэтому Зевса зовут «Клятвенным». Добродетель ($\acute{\alpha}\rho\epsilon\tau\acute{\eta}$) есть гармония, и точно так же [гармонией являются] здоровье, всякое благо и бог, поэтому вся Вселенная создана по законам [музыкальной] гармонии. Дружба есть энгармоническое равенство. Следует воздавать почести богам и героям, но неравные: богам — неизменно в благоговейном молчании, облачившись в белое и очистившись, а героям — после полудня. Чистота ($\acute{\alpha}\gamma\upsilon\epsilon\lambda\alpha$) достигается очищениями, омовениями и окроплениями, а также неприкасанием к трупам, роженнице и всякой скверне и воздержанием от мертвечины и мяса, от триглы и чернохвостки, яиц и яйцекладущих, бобов и всего прочего, что запрещают и совершающие обряды в храмах.

С. АКУСМЫ И СИМВОЛЫ

1. АРИСТОТЕЛЬ. Вторая аналитика, В 11. 94 b 33: . . . И если, как говорят пифагорейцы, [гром гремит] ради угрозы обитателям Гартара — чтобы боялись.

2. ПОРФИРИЙ. Жизнь Пифагора, 41: Кое-что [Пифагор] высказывал в таинственной манере и символически; подробнее эти [речения] записал Аристотель «О пифагорейцах», фр. 196 R. = фр. 6 Ross]. Так, например, он называл море «слезой <Крона>».

Медведиц — «руками Реи», Плеяды — «лирой Муз», планеты — «собаками Персефоны», а звук, издаваемый бронзой при ударе, — «голосом демонов», запертых в бронзе.

ЭЛИАН. Пестрая история, IV, 17: Лист мальвы [Пифагор] называл священнейшим. Он говорил, что самое мудрое — число, а на втором месте — тот, кто нарек вещам имена. Землетрясение он выводил не от чего иного, как от «сходки мертвецов»; радуга, говаривал он, — это «вещание Солнца», а многократно раздающееся в ушах эхо — «голос высших сил».

*ПРОКЛ. Комм. к Евклиду, 90, 14 Fg. = АРИСТОТЕЛЬ. О пифагорейцах, фр. 14 Ross: Пифагорейцы называли полюс «печатью Реи» а центр [космоса] — «Зевсовым острогом».

3. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 34 = АРИСТОТЕЛЬ. О пифагорейцах, фр. 195 Rose = фр. 5 Ross: В сочинении «О пифагорейцах» Аристотель говорит, что [Пифагор] предписывал «воздерживаться от бобов» — то ли потому, что они похожи на срамные члены, то ли потому, что на врата Аида * * * [ведь это единственное растение без сочленений], то ли потому, что они пагубны, то ли потому, что похожи на Вселенную, то ли потому, что имеют олигархический смысл (ведь ими проводят жеребьевку). «Упавшего не поднимать» — чтобы привыкать к умеренности в еде или же потому, что это к чьей-то смерти. И Аристофан говорит в «Героях» [фр. 305 Kock], что упавшее принадлежит героям: «И отведывать не смейте, что упало со стола». «Не прикасаться к белому петуху», потому что он посвящен Месяцу и ходатай к нему, а ходатайство — нечто хорошее, а Месяцу он посвящен, так как указывает часы; и белое присуще природе добра, а черное — природе зла. «Не прикасаться к тем рыбам, которые священны», ибо одно и то же не должно предназначаться для богов и для людей, равно как для свободных и рабов. (35) «Хлеб не разламывать», потому что встарь друзья сходились [за столом] вокруг одного [каравая], как варвары и поныне, а то, что их сводит, разделять нельзя. Другие, однако, связывают [разламывание хлеба] с судом в Аиде, третьи [утверждают], что это ведет к трусости на войне, четвертые — что с хлеба начинается все [?]. Прекраснейшей из телесных фигур [Пифагор] считал шар, из плоских — круг. Старость и все уменьшающееся подобны, равно как тождественны возрастание и юность. Здоровье — сохранение облика, болезнь — его гибель. Соль, по их словам, надо ставить на стол в напоминание о справедливости, ибо соль сохраняет все, к чему ее ни добавишь, и произошла от самых чистых стихий: солнца и моря. (36) Вот что нашли в пифагорейских записках Александр и близкое к этому Аристотель.

4. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 82: Философия акусматиков представляет собой бездоказательные и лишённые разумного основания «акусмы» о том, что следует поступать так-то. Эти и другие [предписания], изречённые им самим, они стремятся сохранить как божественные догматы; они не притязают на то, что говорят от себя, и считают, что самим говорить нельзя. Мудрейшими из акусматиков они считают тех, кто выучил наизусть больше всего акусм. Все так называемые акусмы делятся на три вида: одни отвечают на вопрос «что есть? . . .», другие — «что самое? . . .», третьи — «что должно делать или не делать». Вот примеры акусм типа «что есть? . . .»:

«Что есть острова блаженных?» — «Солнце и Луна».

«Что есть Дельфийский оракул?» — «Четверица, т. е. гармония, в которой — Сирены».

Акусмы типа «что самое? . . .», например, таковы:

«Что самое справедливое?» — «Жертвоприношения».

«Что самое мудрое?» — «Число. А на втором месте тот, кто нарек вещам имена».

«Что самое мудрое в человеческой жизни?» — «Медицина».

«Что самое прекрасное?» — «Гармония».

«Что самое сильное?» — «Разум».

«Что самое лучшее?» — «Счастье (эвдемония)».

«Какая пословица самая истинная?» — «Что люди подлы».

Поэтому, говорят, Пифагор и похвалил поэта Гипподаманта Саламинского, сочинившего:

Боги! Откуда вы родом, откуда такими родились?

Люди! Откуда вы родом, откуда столь злыми родились?

(83) Таковы акусмы этого [=второго] рода: каждая из них отвечает на вопрос «что самое? . . .». Это та же мудрость, что и мудрость Семи мудрецов. Ведь и они тоже допытывались не «что есть добро?», а «что самое доброе?», и не «что трудно?», а «что самое трудное?» (а самое трудное — познать самого себя), и не «что легко?», а «что самое легкое?» (жить по привычке). Очевидно, такого рода акусмы подражают мудрости Семи мудрецов, которые жили раньше Пифагора. А вот примеры акусм типа «что следует делать и чего не следует»:

«Следует обзаводиться детьми, ибо следует оставить вместо себя тех, кто будет почитать бога».

Или: «Следует обуваться с правой ноги».

Или: «Не следует ходить по большим дорогам, окунать [руку] в кропильницу или мыться в [общественной] бане», ибо во всех этих случаях неизвестно, чисты ли те, кто посещает эти же места. (84) А вот еще:

«Не помогать никому снимать ношу, чтобы не стать виновником чьего-то безделья, а помогать взваливать».

«С богатой для деторождения не сходиться».

«Без света не говорить».

«Совершать возлияние богам со стороны ушка килика ради хорошей приметы и чтобы эта часть была непригубленной».

«На перстне изображение бога не носить, чтобы не осквернялось, ибо это священный образ, а его надо стеречь дома».

«Жену свою гнать нельзя, ибо она просительница, потому и уведим ее от очага и берем десницей».

«Белого петуха в жертву не приносить, ибо он проситель и посвящен Месяцу, поэтому и указывает время».

(85) «Спрашивающему совета не советовать ничего, кроме самого лучшего, ибо совет — святое».

«Труды — благо; наслаждения, как ни поверни, — зло, ибо, придя на казнь, надобно казниться».

«Приносить жертвы следует босым, равно как и подходить к алтарю».

«В храм сворачивать нельзя, ибо бога нельзя считать чем-то побочным».

«Умереть, не отступив и будучи раненым спереди, — хорошо, а сзади — плохо».

«Душа человека не вселяется только в тех животных, которых дозволено приносить в жертву, поэтому следует есть только жертвенных животных (кому вообще подobaет их есть), а больше никаких». Таковы одни акусмы, другие (самые пространные) касаются жертвоприношений, как следует их совершать по тому или иному случаю, еще другие * * * о переселении из здешнего мира, о похоронах и как следует хоронить».

(86). Как видим, в некоторых добавляется, почему «следует» [делать то-то и то-то], как, например, следует обзаводиться детьми, чтобы оставить вместо себя другого почитателя богов, а в других причина не указана. Некоторые из этих пояснений, по всей вероятности, изначально входили в текст, а некоторые добавлены много позже, например о том, что не следует ломать хлеб, так как это имеет неблагоприятные последствия для суда в Аиде. Присоединяемые [к акусам] предположительные объяснения не пифагорейские, а принадлежат посторонним [=непифагорейским] толкователям, изощрявшим свое остроумие и пытавшимся присовокупить [к акусам] вероятное обоснование вроде только что упомянутого, — почему не следует ломать хлеб. Одни толкуют в том смысле, что не следует разделять то, что сводит, ибо в старину все друзья, по обычаю варваров, сходились к одному хлебу, другие — что не следует совершать такое предзнаменование в начале [трапезы], ломая и растерзывая.

5. ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ. Экономика, А 4. 1344 а 8: Прежде всего обычаи в отношении жены, запрещающие обижать ее: в этом случае и сам не будешь обижен. То же предписывает и общий обычай, как говорят пифагорейцы, — что как просительницу и уведенную от очага ее должно как можно меньше обижать.

6. СУДА: Анаксимандр Младший, сын Анаксимандра, милетец, историк [FGH 9 T 1]. Жил во времена Артаксеркса, прозванного Мнемомом [405 — 359 гг. до н. э.]. Написал «Истолкование пифагорейских символов» вроде «через ярмо не перешагивать», «ножом огня не ворошить», «от целого хлеба не откусывать» и т. д. Ср.: ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, II, 2: Был и другой Анаксимандр, историк и тоже милетец, писавший на ионийском диалекте.

ПОРФИРИЙ. Жизнь Пифагора, 42: Был и другой вид символов, такого рода: «ярмо не перешагивать», т. е. не лихоимствовать; «не ворошить огонь ножом», т. е. не раздражать [еще больше] колкими словами всплывшего в гневе; «венюк не опшипывать», т. е. законов не нарушать, ибо они венки города. Вот еще в том же роде: «не есть сердца», т. е. не огорчать себя печалью; «на хлебной мере не сидеть», т. е. не жить праздно; «кухоня, не оглядываться», т. е., умирая, не держаться за эту жизнь; «по большим дорогам не ходить» — этими словами он запрещал следовать мнениям толпы и велел идти за мнениями немногих и образованных; «ласточек в дом не допускать», т. е. людей болтливых и несдержанных на язык под кров не принимать; «ношу помогать взваливать, но не снимать» — этими словами он назидал не содействовать никому в отдыхе, но в добродетели и трудах; «изображений богов на перстнях не носить», т. е. не высказывать во всеуслышание и не разглашать учение о богах; «возлияния богам совершать со стороны ушка сосудов» — этим он аллегорически говорил о том, что богов следует почитать и славить музыкой, так как музыка проникает через уши; «не есть ни того, что недозволено, — рождения, роста, начала, конца», ни того, откуда происходит первая основа всего. (43) Он имел в виду, что следует воздерживаться от филейной части, яичек, гениталий, костного мозга, ног и головы жертвенных животных. . . он предписывал воздерживаться от бобов, как от человеческого мяса. . . (45) Предписывал он воздерживаться и от другого, как-то: матки, триглы, морской крапивы и едва ли не всех прочих морских существ.

ЯМВЛИХ. Протрептик, 21, с. 106, 18 Pist.: Вот «символы», которые нам предстоит истолковать: 1) Идя в храм поклониться, не говори и не делай ничего житейского. 2) Не заходи в храм мимоходом и не поклоняйся ни в коем случае, даже если будешь проходить мимо самых дверей. 3) Принеси жертвы и поклоняйся босиком. 4) Избегай больших дорог и ходи по тропинкам. 5) Воздерживайся от чернохвостки, ибо она по-

священа подземным богам. 6) Будь сдержан на язык перед другими, следуя богам. 7) Когда дуют ветры, поклоняйся [богине] Эхо. 8) Огонь ножом не вороши. 9) Отворачивай от себя всякое острие. 10) Поднимающему ношу взваливать помогай, снимающему сваливать не пособляй. 11) Обуваться начинай с правой ноги, мыть ноги — с левой. 12) О пифагорейских вещах без света не говори. 13) Ярмо не перешагивай. 14) Уходя из дому, не оборачивайся, ибо Эринии идут по пятам. 15) Поворотись к солнцу, не мочись. 16) Стульчак факелом не отгирай. 17) Петуха корми, но не закалывай, ибо он посвящен Месяцу и Солнцу. 18) На хлебной мере не сиди. 19) Никаких когтистых [= «хищных»] тварей не выкармливай. 20) На дороге не гадь. 21) Ласточку в дом не пускай. 22) Перстень не носи. 23) Изображение бога на перстне не вырезай. 24) Не глядись в зеркало при светильнике. 25) Не смей не верить сказаниям о богах или божественным учениям, даже если они невероятны. 26) Без удержу не смейся. 27) Во время жертвоприношения ногтей не подстригай. 28) Не протягивай десницу всем без разбора. 29) Встав с постели, сверни ее и разгладь место, где спал. 30) Сердца не ешь. 31) Мозга не ешь. 32) На обрезки своих волос и ногтей плюй. 33) Эритиву не ешь. 34) След горшка на золе стирай. 35) С богатой для деторождения не сходишь. 36) Предпочитай девиз «что ни фигура, то шаг [к совершенству]» девизу «что ни фигура, то три обола». 37) Воздерживайся от бобов. 38) Мальву расти, но не ешь. 39) Воздерживайся от живого.

*7. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 103: Необходимейшим у него считался способ обучения через символы. Этот стиль, поскольку он был старинной манеры, ценился едва ли не у всех эллинов и особенно почитался в самых разных формах у египтян. По той же причине к нему чрезвычайно серьезно относился и Пифагор; надо только ясно расчленить скрытые намеки и сокровенные значения пифагорейских символов, [чтобы понять], как много правильного и истинного содержится в них, когда они раскрыты и освобождены от загадочной формы; переведенные на простой и лишенный витийства язык, они оказываются в полном соответствии с гением этих философов. . . (105) Если, собрав эти символы, не развить их и не истолковать серьезно, они, чего доброго, покажутся смешными старушечьими байками, сплошной болтовней и пустомельством. Но стоит развить эти символы сообразно с присущей им манерой и сделать их из темных ясными и понятными большинству, как они оказываются под стать пророчествам и оракулам Аполлона Пифийского, обнаруживают изумительный смысл и внушают божественное наитие тем филологам, которым удалось их постичь. Не худо бы, впрочем, привести несколько символов, чтобы прояснить форму обучения [следуют № 2, 3, 4, 12]. Таков был в двух словах его способ обучения в символах.

D. ИЗ «ПИФАГОРЕЙСКИХ ИЗРЕЧЕНИЙ» И «ПИФАГОРЕЙСКОЙ ЖИЗНИ» АРИСТОКСЕНА

*1 а. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 95: Теперь я скажу о занятиях в течение всего дня, которые [Пифагор] назначал ученикам; те, кто вверил себя его руководству, поступали, согласно его предписаниям, так. (96) Утренние прогулки пифагорейцы совершали в одиночестве, и причем в такие места, где были подходящий покой и тишина, где храмы и священные роцци иль иная какая отрада. Ибо они считали, что не следует встречаться с кем-либо, прежде чем они упорядочат и гармонизируют сознание (*διανοία*), а упорядочиванию сознания способствует именно такая тишина, напротив; общение с толпой сразу после подъема, по их мнению, вызывает смятение духа. Вот почему все

пифагорейцы всегда выбирали наиболее священные места. И только после утренней прогулки они встречались друг с другом преимущественно в храмах, а если не в храмах, то в подобных местах. Это время они употребляли на преподавание и учение, а также на исправление нравов. (97) После подобного времяпрепровождения они обращались к заботе о теле. Большинство умащалось и упражнялось в беге, меньшинство еще и в борьбе — в садах и рощах, иные и с гантелями или в боксировании с тенью (*χερρονομία*), выбирая упражнения с таким расчетом, чтобы они способствовали укреплению тела. На завтрак ели хлеб с медом или сотами, а вина днем не пили. Время после завтрака посвящали занятиям государственными делами, как внутренними, так и внешними и иностранными, следуя предписанию законов: в часы после завтрака они стремились покончить со всеми делами. А с наступлением вечера снова отправлялись на прогулки, но теперь уже не в одиночку, а по двое и по трое, припоминая уроки (*μαθήματα*) и упражняясь в добрых делах. (98) После прогулки принимали ванну и, искупавшись, шли на сисситии [=совместные трапезы], причем за одной трапезой собиралось не больше десяти человек. Когда участники сисситий были в сборе, совершали возлияния и жертвоприношения в виде начатков и [воскурения] ладана. Затем приступали к обеду с тем, чтобы отобедать до захода солнца. Питались вином, ячменными лешечками, [пшеничным] хлебом, мясом и овощами, как вареными, так и сырыми. Мясо подавалось только жертвенных, подлежащих закланию животных, а рыбу ели редко, так как некоторые виды ее в силу известных причин вредны для здоровья. (99) После обеда совершались возлияния, а затем приступали к чтению. По обычаю, читал самый молодой, а самый старший следил за тем, что следует читать и чего не следует. Перед тем как разойтись, виночерпий наливал им вина для возлияния, и по совершении возлияния самый старший произносил следующие заповеди: домашним и плодовым растениям вреда не причинять и не губить их, равно как и животным, не причиняющим вреда человеческому роду, не вредить и не губить их. (100) Кроме того, он наставлял относиться с благоговением, иметь добрые помыслы о богах, демонах и героях и точно так же относиться в помыслах к родителям и благодетелям, закону помогать, с беззаконием воевать. После этих слов все расходились по домам. Одежду носили белую и чистую. Подстилками служило льняное полотно, овчиной не пользовались. Занятие охотой не одобрялось, и такого упражнения в заводе не было. Таковы были предписания большинству пифагорейцев на каждый день относительно пищи и образа жизни. (101) По преданию, был и другой способ воспитания — посредством «пифагорейских изречений» . . .

1 в (IDK). ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 163: Как сообщают, из наук пифагорейцы превыше всего ценили музыку, медицину и мантику. Они были молчаливыми, любили слушать, и умеющий слушать у них удостоивался похвал. Из медицины более всего одобрялся диетический вид, и в нем они были чрезвычайно щепетильны. Прежде всего они стремились изучить признаки должной пропорции (*συμμετρία*) питья, еды и отдыха. Затем они едва ли не первыми стали заниматься и определять [диетические нормы] относительно приготовления блюд. Более, нежели их предшественники, пифагорейцы применяли катаплазмы, а фармацевтику одобряли меньше и из лекарственных средств употребляли главным образом средства против нагноений, а хирургическое вмешательство [досл. «разрезы и прижигания»] одобряли всего менее. (164) Против некоторых болезней применяли и заклинания. Они верили также, что большое целительное воздействие на здоровье оказывает и музыка, если только пользоваться надлежащими ладами. Для исправления души при-

менялись также избранные цитаты из Гомера и Гесиода. Они считали, что следует держать и сохранять в памяти все, чему учат и объясняют, и что уроки и лекции укладываются [в уме] до тех пор, пока их может вмещать познающая и запоминающая часть [души], ибо это именно та часть, которой следует познавать и в которой хранить познанное. Память они ценили чрезвычайно, весьма упражняли ее, проявляли о ней большую заботу и, учаще, не переходили от одной темы к другой до тех пор, пока не усваивали прочно содержание предыдущего урока и не припомнили сказанного за день. (165) Пифагореец поднимался со спальной ложа не раньше, чем припомнит все, что произошло вчера. Припоминание (анамнесис) же он осуществлял так: он старался повторить в уме, что первым он сказал, или услышал, или приказал домочадцам после того, как встал, что — вторым и что — третьим. То же и о последующем. И точно так же [он припоминал], кого он встретил первым, выйдя из дому, кого вторым и какие разговоры велись во-первых, во-вторых и в-третьих, и т. д. Он старался повторить в уме то, что произошло за весь день, причем норовя припомнить все события в том же порядке, в каком они происходили. Если же по пробуждении у него было больше досуга, то он таким же образом старался повторить и события третьего дня. (166) [Не останавливаясь на этом], они старались упражнять память еще больше, так как, [по их мнению], нет ничего более важного для знания (*ἐπιστήμη*), опыта (*ἐμπειρία*) и ума (*φρόνησις*), чем способность помнить. Вот от таких занятий вся Италия наполнилась философами, и прежде известная, благодаря Пифагору она была прозвана «Великой Грецией», и в ней появилось множество философов, поэтов и законодателей, и из нее были перенесены в Грецию искусство красноречия, эпидейктические речи и писанные законы. И все, кто упоминает о физике, прежде всего цитируют Эмпедокла и Парменида Элейского, а кто хочет привести назидательную сентенцию на житейские темы, цитируют мысли Эпихарма, и едва ли не все философы знают их наизусть. К § 163 ср.: Cramer, *Ancedota Paris.* I, 172: Пифагорейцы, по словам Аристоксена [фр. 26 Wehrli], практиковали очищение (*κάθαρσις*) тела — посредством медицины, а души — посредством музыки.

ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 110: Пифагор придавал большое значение «очищению»: так он называл лечение музыкой.

Схолии V к «Илиаде» К 391: В старину вплоть до пифагорейцев музыке приписывали чудесную силу, называя ее «очищением».

2. ЯМВЛИХ. О пифагор. жизни, 137: Я хочу изложить высшие принципы религиозного почитания богов, которые Пифагор и его последователи поставили во главу угла. Все их предписания относительно того, что следует делать или не делать, имеют своей целью общения (*μίλια*) с божеством. Это — принцип, в этом — смысл пифагорейской философии; и цель, которой подчинена вся жизнь, состоит в том, чтобы «следовать богу». Ибо смешно поступают люди, взыскав благо не от богов, а из какого-либо иного источника, — все равно как если бы в стране, где есть император, кто-нибудь из граждан поклонялся префекту, пренебрегая властвующим и царствующим над всеми. Нечто подобное, по их мнению, делают и люди. Поскольку бог есть и поскольку он господин (*κύριος*) над всеми, а всеми признано, что благо следует просить от господина и что кого [господа] любят и кто им приятен, тем они блага дают, а кто нет — тому нет, то ясно, что следует делать то, что приятно богу.

3. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 174: Кроме того, наиболее действенной для установления справедливости [Пифагор] считал власть богов и как данные ею «свыше» устанавливал он государство, законы, справедливость и право. Не худо бы, впрочем, привести его установления по отдельности. Пифагорейцы считали полезным (научив-

пись этому от него) думать о божестве, что оно есть и причем относится к человеческому роду так, что надзирает за ним, а не оставляет без внимания. Ибо мы нуждаемся в таком предводительстве, против которого у нас не будет ни малейших оснований восставать, а таково предводительство, осуществляемое богом, коль скоро божество достойно править Вселенной. Животное, говорили они, по своей природе склонно к преступной наглости (*ὄβριστηκόν*) — и правильно говорили — и наделено всевозможными порывами, желаниями и прочими страстями. Поэтому оно нуждается в таком превосходстве [над собой] и угрозе, от которых будут простекать дисциплина и порядок. (175) Стало быть, полагали они, каждый должен, осознав в своей совести (*αὐτῷ συνειδότα*) запятнанность (*ποικιλία*) своей природы, никогда не забывать о благочестии и почитании по отношению к божеству, но постоянно представлять в мыслях, что оно надзирает и следит за человеческим поведением. После богов и демонов с наибольшим уважением надо относиться к родителям и закону и подчиняться им не притворно, но с убеждением. Вообще, думали они, надо полагать, что нет большего зла, чем анархия, так как человек по своей природе не может спастись, если никто им не руководит. (176) Пифагорейцы одобряли верность отеческим обычаям и установлениям, даже если они чуть хуже [установлений] других [городов], ибо легкомысленный отказ от существующих законов и склонность к нововведениям никоим образом не полезны и не спасительны.

4. СТОБЕЙ, IV, 25, 45=АРИСТОКСЕН, фр. 34 Wehrli: Из «Пифагорейских изречений» Аристоксена. После богов и демонов больше всего уважать родителей и законы, и не притворно, но с убеждением настраивая себя на это. Они одобряли верность отеческим обычаям и законам, даже если они чуть хуже других.

СТОБЕЙ, IV, 1, 49=АРИСТОКСЕН, фр. 35 Wehrli: Вообще, думали они, надо полагать, что нет большего зла, чем анархия, ибо человек по своей природе не может спастись, если им никто не руководит. О правителях и подчиненных они думали так. Правители должны быть не только знающими, но и человеколюбивыми, а подчиненные не только покладистыми, но и любящими правителей. Они считали также, что надо заботиться о всяком возрасте: детей учить грамоте и прочим наукам, юношей приучать к обычаям и законам города; мужи должны посвящать себя делам и общественным обязанностям (литургиям), а старцы, используя все свои знания, должны предаваться размышлениям, вынесениям решений и советам, с тем чтобы и дети не вели себя помладенчески, и юноши по-детски, и мужи по-юношески, и старцы не впадали в маразм. С самого детства, говорили они, и питаться надо по правилам, ибо, как они учили, порядок и пропорция прекрасны и полезны, а беспорядок и диспропорция безобразны и вредны.

5. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 180: Поскольку и в отношениях с другими имеется определенная справедливость, то и о ней, как сообщают, пифагорейцы давали следующие предписания. В общении [с другими] поведение бывает уместным (*εὐχαιρῶς*) или неуместным (*ἄχαιρῶς*), различие обусловлено разницей в возрасте, достоинстве, в близости по родству или по благоденствию или любыми другими различиями между людьми. Так, есть вид общения, который в отношениях младшего к младшему не кажется неуместным, а в отношениях [младшего] к старшему — кажется: гнев, и любой вид угрозы или дерзости [неуместен], и всего подобного младшему по отношению к старшему следует избегать. (181) Сходным образом они говорили и о достоинстве: так, в обращении к мужу, достигшему истинного достоинства за свою калокагатию, неприличной и неуместной будет чрезмерная фамильярность или что-либо из упомянутого выше. Сходным образом учили они и об обращении с родителями и точно так же с благоде-

телями. Выбор надлежащего момента (*καίρως*) обусловлен всевозможными и разнообразными обстоятельствами. Так, из тех, кто гневается и сердится, одни делают это своевременно, другие несвоевременно, равно как и из тех, кто испытывает влечение, желает или стремится к чему-нибудь, одни поступают своевременно, другие — несвоевременно. То же и об остальных страстях, поступках, расположениях духа, общениях и встречах. (182) Выбор надлежащего момента до какой-то степени научим, рационален и может быть предметом теории, но в безотносительном и абсолютном смысле ему не присуще ничто из этого. Соответственно и все, что сопутствует природе надлежащего момента: то, что называют «порой», и подобающее, и подходящее, и все, что этому родственно. Они утверждали далее, что начало (*ἀρχή*) во всем нечто самое ценное, равно в науке (*ἐπιστήμη*), опыте (*ἐμπειρία*) и происхождении (*γένεσις*), а также в семье, государстве, армии и во всех подобных организациях, но природа начала во всех упомянутых выше вещах с трудом поддается теоретическому познанию и трудноуловима. Так, в науках надо обладать незаурядным умом, чтобы, рассмотрев части [данной] дисциплины, понять и верно определить, какая из них начало. (183) Если начало определено неверно, то различие [в результатах] огромно и все [здание науки] рискует [оказаться неверным]. Ибо если истинное начало не понято, то, попросту говоря, ни одно [из выводимых из него] следствий не будет верным. То же и о начале в другом смысле [= в смысле власти]; ни семья, ни государство никогда не будут управляться хорошо, если не будет истинного начальника, властвующего и руководящего по доброй воле. Ибо руководство должно осуществляться по обоюдному согласию начальника и подчиненных, и точно так же правильно осуществляемое обучение, говорили они, должно происходить по обоюдному желанию учителя и ученика, ибо если та или иная сторона противится, то поставленная задача не будет выполнена как положено.

СТОБЕЙ, II, 31, 119=АРИСТОКСЕН, фр. 36 Wehrli: Из «Пифагорейских изречений» Аристоксена. Они говорили, что всякое изучение наук и искусств если оно добровольно, то правильно и достигает цели, а если недобровольно, то негодно и безрезультатно.

6. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 196: Вот еще предписания, завещанные Пифагором пифагорейцам и восходящие к нему самому. Они следили за тем, чтобы тела <всегда> были в одном состоянии и не были бы то тощими, то тучными: в этом они усматривали признак неправильной жизни. Точно так же [они следили за тем, чтобы] и в душе не быть то развеселыми, то впавшими в уныние, но сохранять ровную кроткую радость. Они гнали прочь гнев, уныние и тревоги, и была у них заповедь: для имеющих разум ни одна из человеческих страстей не должна быть неожиданной, но следует ожидать [= предвидеть] все, над чем они не властны. Если же на них находили гнев, печаль или нечто подобное, то они уходили прочь и, оставшись наедине с собой, старались переварить страсть и исцелиться от нее. (197) Еще о пифагорейцах рассказывают, что никто из них никогда не наказывал слуг и не вразумлял свободных в гневе, но ждал, пока к нему вернется рассудок. Вразумление они называли «выправлением» (*πεδαρτῶν*), так как они переживали [гнев] замолкая и успокаиваясь. Спинтар рассказывал и т. д. [следует 47 А 7]. (198) По его словам, нечто подобное рассказывают и о Клинии: Клиний тоже откладывал все вразумления и наказания до того времени, когда к нему вернется рассудок. От плача, слез и всего подобного пифагорейцы удерживались, и ни корысть, ни вождение, ни гнев, ни честолюбие, ни что-либо подобное никогда не вызывало среди них розни, но все пифагорейцы относились друг к другу так, как хороший отец относится к детям. Хорошей манерой [считалось] также приписывать все Пифагору и

называть его <первооткрывателем> и не притязать ни на какую личную славу за открытия, разве только изредка: совсем немного пифагорейцев, сочинения которых известны под их собственными именами [следует § 199=14, 17].

7. Там же, 233: О том, что пифагорейцы не изредка уклонялись от дружбы с чужаками, а сторонились и остерегались ее весьма рачительно, равно как и о том, что дружбу между собой они сохраняли неослабной в течение многих поколений, можно судить <среди прочего> по тому, что рассказывает в сочинении «О пифагорейской жизни» Аристоксен [фр. 31 Wehrli] и что он сам, по его словам, слышал от Дионисия, тирана Сицилии, когда тот, свергнутый с престола, был школьным учителем в Коринфе. (234) Вот что говорит Аристоксен: «От плача, слез и всего подобного они воздерживались, насколько это возможно, и точно так же от лести, мольбы, выпрашивания милости и всего подобного. Дионисий, потеряв тираническую власть и приехав в Коринф, часто рассказывал нам историю о пифагорейцах Финтии и Дамоне. Это история о поручке за приговоренного к смерти. Поручка же была дана при следующих обстоятельствах. Среди его окружения, сказал Дионисий, были люди, которые часто поминали пифагорейцев, насмехаясь, и издеваясь над ними, и называя их жуликами, и утверждая, что от их величавости, притворной верности и бесстрастия не останется и следа, если нагнать на них изрядного страху. (235) Кое-кто стал возражать, и вышел спор. Тогда устроили Финтию и его друзьям вот какой розыгрыш. Дионисий послал за Финтием, и один из его обвинителей сказал в его присутствии, что он-де и еще кое-кто уличены в заговоре против тирана, это подтвердили присутствовавшие „свидетели“, и негодование вышло весьма правдоподобным. Финтий только подивился таким словам. Но когда Дионисий сам заявил, что это расследовано точно и что он должен умереть, Финтий сказал, что раз уж он так решил, то пусть хотя бы подарит ему остаток дня, чтобы он уладил свои дела и дела Дамона — а они жили вместе и все у них было общее, причем Финтий, как старший, взял на себя большую часть забот по хозяйству. Вот зачем он просил его отпустить, а поручителем за себя дал Дамона. (236) Дионисий, по его словам, удивился и спросил, найдется ли такой человек, который отважится стать поручителем за приговоренного к смерти. Финтий подтвердил, и тогда вызвали Дамона. Тот выслушал, что произошло, и сказал, что ручается и останется здесь, покуда не вернется Финтий. Дионисий, по его словам, был потрясен этим сразу же, а те, кто затеял испытание, стали потешаться над Дамоном, говоря, что тут-то он и попадется, и, подшучивая над ним, называли его выкупной ланью. Уже на заходе солнца пришел Финтий, чтобы принять смерть, чем были потрясены и обезоружены все. Тогда Дионисий, обняв и поцеловав пифагорейцев, попросил взять его в друзья третьим, но те не согласились на это ни за что, как он их ни упрашивал». (237) Вот что рассказывает Аристоксен якобы со слов самого Дионисия.

Рассказывают, что даже не знавшие друг друга пифагорейцы старались оказывать дружеские услуги тем, кого они никогда не видели, стоило им лишь получить какое-нибудь свидетельство того, что они посвящены в то же учение; судя по этим услугам, не так уж невероятно утверждение, что добрые люди, даже если они живут в разных концах земли, — друзья между собой прежде, чем познакомиться и поговорить. Рассказывают, что один пифагореец, совершая в одиночестве длинный путь, остановился на постоя в гостинице, и от утомления и по ряду других причин заболел тяжело и надолго, так что у него вышли все средства. (238) Но хозяин гостиницы, то ли от жалости к нему, то ли из гостеприимства, снабдил его всем, не посулившись ни на услуги, ни на расходы. Когда болезнь усилилась, пифагореец, почувствовав приближение смерти,

начертил на дощечке какой-то условный знак (σύμβολον) и наказал, чтобы, коли с ним что случится, хозяин вывесил дощечку возле дороги и следил, не признает ли условного знака кто из прохожих; кто узнает, тот-де возместит ему траты на него и отблагодарит за него. После его смерти хозяин гостиницы похоронил его тело по обряду, и, хотя он не очень-то надеялся на покрытие расходов и на вознаграждение со стороны некого [прохожего], признающего дощечку, все же, изумленный наказом [умирающего], каждый день пробовал выставлять дощечку напоказ. Спустя много времени один пифагореец, проходя мимо, остановился и узнал, кто начертил знак. Расспросив о случившемся, он заплатил хозяину гостиницы намного больше денег, чем было истрачено.

(239) Как передает, Клиний из Тарента, узнав, что Прор из Кирены, последователь учения Пифагора, находится на грани разорения, собрал деньги, поплыл в Кирену и поправил дела Прора, сочтя пустяком не только уменьшение собственного состояния, но и опасность, которой он подвергся во время плавания. Точно так же Фестор из Посидонии, зная лишь понаслышке, что Тимарид из Пароса — пифагореец, когда тот из большого достатка впал в нужду, поплыл на Парос с большой суммой денег и восстановил его имущество. Ср. § 127: Вот что рассказывал [Аристоксену Дионисий Младший в Коринфе], равно как и [сходную] историю о Финтии и Дамоне, Платоне и Архите, Клинии и Проре [гл. 54, 3 выше]. Другая история — об Эвбуле Мессенском, который плыл домой, был захвачен тирренскими [пиратами] и увезен в Тиррению. Но тирренец Навсифой, который был пифагорейцем, признав в нем ученика Пифагора, отнял его у разбойников и в полной безопасности доставил его в Мессену. (128) Среди пяти с лишним тысяч наемников, которых карфагеняне собирались отправить в ссылку на пустынный остров, Мильтиад Карфагенский увидел Посида Аргосского — оба были пифагорейцами. Подойдя к нему, он не открыл ему готовившейся операции, но посоветовал как можно скорее бежать на родину, пристроил его на проплывавший мимо корабль, дал денег на дорогу и спас его от опасности.

8. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 200: Что касается мнения (δόξα), то о нем, как сообщают, пифагорейцы учили так. Глупо обращать внимание на всякое мнение и мнение всякого, и особенно на мнение толпы: правильно судить и придерживаться правильного мнения — удел немногих. Ибо ясно, что правильным мнением обладают знающие, а знающих мало. Откуда ясно, что подобная способность [=судить правильно] не распространяется на большинство. Но глупо и пренебрегать всяким воззрением и мнением: кто настроен таким образом, тот рискует оказаться неисправимым невеждой. Незнающему необходимо учить то, чего он не ведает и не знает, а участь, необходимо верить воззрению и мнению знающего и умеющего научить. Короче говоря, те юноши, которые хотят спастись, должны верить воззрениям и мнениям старших и добродетельных в жизни. (201) Вся человеческая жизнь «распределена» (как они выражаются) на возрасты, связать которые не всякому под силу, ибо они упраздняют друг друга, если человека не воспитывать хорошо и правильно с самого рождения. Если воспитание ребенка было прекрасным, целомудренным и мужественным, то большая часть его должна передаваться юношескому возрасту, точно так же, если воспитание юноши было прекрасным, целомудренным и мужественным, то большая часть его передается возрасту взрослого мужа. А то, что наблюдается у большинства, — нелепо и смешно. (202) По их мнению, дети должны быть дисциплинированными и целомудренными и воздерживаться от всего, что кажется пошлым и неприличным, а по достижении юношеского возраста им разрешают — во всяком случае, у большинства — делать что угодно. [В результате] в этот возраст стекаются, так сказать, оба вида прегрешений:

юноши совершают много прегрешений, свойственных детям и мужчинам. И действительно, избегать всё, что связано с серьезными занятиями и порядком, говоря вообще, и преследовать всё, что связано с игрой, необузданностью и детским озорством (*ὄβρις*), — характернейшая черта детского возраста. Стало быть, такая склонность переходит из детского возраста в следующий за ним. А всевозможные сильные желания, равно как и различные виды честолюбия, а также все прочие опасные и беспоконные стремления и склонности проникают в юношеский возраст из мужского возраста. Поэтому из всех возрастов этот требует наибольшего внимания. (203) Вообще говоря, человеку никогда не следует разрешать делать все, что он хочет, но всегда должно иметься некоторое руководство и законная и благообразная власть, которой будет подчиняться каждый гражданин. Ибо животное, предоставленное самому себе и оставленное без внимания, быстро дичает [~ дегенерирует], становясь дурным и негодным. Говорят, пифагорейцы часто спрашивали и задавались вопросом, почему мы приучаем детей к упорядоченному и размеренному питанию и утверждаем, что порядок и пропорция для них хороши, а то, что противоположно этому, — беспорядок и диспропорция — безобразны. Скажем, пьяница и обжора — предмет сурового осуждения. Если все это становится бесполезным, когда мы достигаем мужского возраста, то попусту приучать нас к такому порядку в детском возрасте. То же и о других привычках. (204) А ведь у других животных не наблюдается того, что воспитывается людьми: и щенка, и жеребенка с самого начала приучают и учат тому, что они должны будут делать, когда вырастут. С кем пифагорейцы встречались и кого они принимали в свое общество, тем они настоятельно советовали остерегаться наслаждения пище всего остального, ибо ни одна другая страсть не сбивает нас с пути и не ввергает в грех так, как оно. Судя по всему, они утверждали, что вообще ничего не следует делать, ставя своей целью наслаждение, ибо по большей части эта цель непристойна и вредна; целью любой практической деятельности должно быть прежде всего прекрасное и благопристойное, а вторых, выгодное и полезное. Но умение определять эти цели требует незаурядной способности суждения. (205) О так называемом телесном желании пифагорейцы, как говорят, учили так. Желание как таковое есть некий порыв, стремление или влечение души либо к некому наполнению, либо к присутствию чего-то, либо к ощущению или чувственному состоянию. Бывает и желание противоположного, т. е. опустошения, отсутствия и нечувствительности к некоторым вещам. Эта страсть разнообразна и едва ли не наиболее многообразна из всех человеческих страстей. Большинство человеческих желаний — благоприобретенные и созданные самими людьми. Поэтому эта страсть требует строжайшего контроля, надзора и настойчивого упражнения тела. Желание пищи при опустошенном теле естественно, равно как и желание надлежащего опустошения при наполненном теле тоже естественно. Но желание утонченной пищи или утонченной и роскошной одежды и покрывал или же изысканного, дорогостоящего и затейливого жилища благоприобретено; то же самое относится к утвари, посуде, прислуге и животным, которых держат ради роскоши. (206) Из всех человеческих страстей этой страсти в особенности свойственно не останавливаться ни на чем, но разгораться до бесконечности. Вот почему надо сзымальства заботиться о подростках, чтобы они желали то, что должно, воздерживались от желаний суетных и чрезмерных, и, оставаясь невозмутимыми и чистыми от подобных влечений, презирали бы тех, кто достоин презрения и поработчен желаниями. Следует заметить, что суетные, вредные, чрезмерные и разнужданные желания преимущественно возникают у тех, кто живет в довольстве, ибо нет такого вздорного влечения, которого бы не испытывала душа таких детей, мужчин и

женщин. (207) Род человеческий отличается исключительным многообразием желаний: свидетельство тому — разнообразие пищи. Прямо-таки не счесть числа плодов, не счесть числа клубней, которыми питается род человеческий. Этого мало, он питается всевозможными видами мяса, и мудроно сыскать хоть одно земное, пернатое или водное животное, которого бы он не вкушал. Мало того, он выдумал всевозможные способы приготовления и всякого рода букеты вкусов. После этого нечего удивляться тому, что род человеческий подвержен безумным и многообразным движениям души. (208) Ибо каждый вид пищи вызывает особое [душевное] состояние. Люди заметили, что некоторые [виды пищи] сразу же вызывают значительное изменение [сознания], например что вино, выпитое в большом количестве, до поры до времени делает более веселыми, а потом все более безумными и непристойными, а на то, что не обнаруживает такой силы, они внимания не обращают. Между тем, все что принято внутрь, вызывает особое состояние [души]. Вот почему необходимо большое искусство, чтобы заметить и повать, какую пищу и в каком количестве надо употреблять. Первоначально эта наука была достоянием Аполлона и Пеона, впоследствии — Асклепиадов.

(209) О рождении, как говорят, они учили так. По их мнению, следует всячески остерегаться так называемой скороспелости, ибо ни скороспелые растения, ни [преждевременно созревшие] животные не приносят хороших плодов, но должно пройти некоторое время до плодоношения, чтобы семена и плоды происходили от крепких и созревших тел. Поэтому мальчиков и девочек следует воспитывать в трудах, упражнениях и надлежащей выносливости, они должны питаться надлежащей пищей, ведя трудолюбивый, целомудренный и выносливый образ жизни. В человеческой жизни много такого, чему лучше научиться с опозданием: к этому относится и занятие любовью. (210) Итак, мальчика надо воспитывать так, чтобы до двадцати лет он не искал такой связи. По достижении же двадцати лет любовью следует заниматься изредка. Этого можно достичь, если он будет ценить хорошее самочувствие и считать его за благо: ведь невоздержность и хорошее самочувствие исключают друг друга. Говорят, что они хвалили уже существовавшие к тому времени установления греческих городов, запрещавшие соитие с матерью, дочерью, сестрой, а также в храме и на людях: они считали правильным и полезным чинить как можно больше препятствий таким действиям. Судя по всему, они считали необходимым искоренять противозаконные зачатия и зачатия, совершаемые в состоянии распущенности (*ὑβρις*) и допускать только зачатия, совершаемые естественно и целомудренно ради целомудренного и законного деторождения. (211) Они считали, что надо проявлять большую заботу о будущем потомстве. Первая и важнейшая забота — приступить к деторождению, ведя целомудренный и здоровый образ жизни, избегая как несвоевременного обжорства, так и употребления внутрь того, от чего слабеют потенции тела; и ни в коем случае не быть пьяным [в момент зачатия], ибо, по их мнению, от дурной, неслаженной и беспорядочной конституции тела (*κράσις*) получается негодное семя. (212) Они считали совершеннейшим легкомыслием и непредусмотрительностью — собираясь производить на свет живое существо, не заботиться со всяческим старанием о том, чтобы появление на свет новорожденных было как можно более счастливым, тогда как любители собак со всяческим старанием заботятся о выращивании собак, определяя, от каких родителей, когда и при каком состоянии [родителей] родятся добрые щенки, и точно так же любители птиц. (213) Ясно, что и все прочие, кто выводит благородные породы животных, проявляют всяческое старание о том, чтобы зачатие их происходило не как попало, а люди не обращают никакого внимания на собственное потомство, но и зачинают его наобум и как придется,

импровизируя на все лады, и выкармливают и воспитывают его после этого спустя рукава. В этом важнейшая и очевиднейшая причина порочности и худородности большинства людей, ибо у большинства деторождение происходит по-скотски и наобум. Такие наставления и обычаи в том, что касается целомудрия, были в ходу у пифагорейцев в словах и на деле, а восприняли они эти заповеди искони от самого Пифагора словом Дельфийские оракулы.

К § 205 ср. СТОБЕЙ, III, 10, 66, с. 424, 13=АРИСТОКСЕН, фр. 37 Wehrli: Из «Пифагорейских изречений» Аристоксена. О желании они учили так. Эта страсть разнообразна и наиболее многообразна. Из желаний одни — благоприобретенные и искусственные, другие — врожденные. Желание как таковое есть некий порыв, стремление и влечение души к наполнению, или присутствию ощущения, или опустошению и отсутствию и нечувствительности. Есть три наиболее известных вида ошибочного и дурного желания: непристойность, неумеренность, неуместность. Действительно, желание бывает непристойным, пошлым и вульгарным либо с самого начала, либо это не так, но оно сильнее и продолжительнее, чем подобает, либо, в-третьих, [оно бывает таким], когда возникает в неподходящее время и направлено на неподходящий предмет.

К § 209—213 ср. СТОБЕЙ, IV, 37, 4, с. 878, 13=АРИСТОКСЕН, фр. 39 Wehrli: О рождении детей они учили так: всячески остерегаться так называемой скороспелости, ибо ни скороспелые растения, ни [рано созревшие] животные не приносят хороших плодов, но требуется некоторое подготовительное время для плодоношения, по истечении которого окрепшие и созревшие тела способны производить семя и приносить плоды. В человеческой жизни есть много такого, чему лучше научиться с опозданием, — таковы любовные сношения. Поэтому детей следует занимать упражнениями так, чтобы у них не оставалось досуга и чтобы они по возможности не только не искали, но и не знали о существовании такой связи до двадцати лет. А по достижении двадцати лет заниматься любовью следует изредка: это весьма полезно и для здоровья родителей и для здоровья будущих детей. Он учил также, что нельзя сходить с женщинами для деторождения ни объевшись, ни напившись, ибо, по его мнению, от дурной, неслаженной и беспорядочной конституции тела отнюдь не родится гармоничное (εὐφροῦντα) и красивое, равно как и [нравственно] хорошее потомство.

9. ЯМВЛИХ. О пифагорейской жизни, 230: И об этом тоже следует изложить метод воспитания и заповеди Пифагора, которым он назидал своих учеников. Пифагорейцы исключали борьбу (ἀγών) и соперничество из дружбы, по возможности из всякой, если же это невозможно, то хотя бы из дружбы с отцом и вообще со всеми старшими, равно как и с благодетелями, ибо, если состязаться и соперничать с ними, да еще найдет гнев или иная подобная страсть, дружбе не сохраниться. (231) Они говорили, что в дружбе должно быть как можно меньше царящих и уязвлений, а это возможно, если оба умеют уступать и сдерживать гнев, но особенно младший и занимающий любое из упомянутых выше положений. Исправления и вразумления, которые они называли πεδατάρσεις, младших старшими, по их мнению, должны быть чрезвычайно тактичными и осторожными, причем вразумляющие должны выказывать заботу и привязанность — только в этом случае вразумление будет благопристойным и полезным. (232) Из дружбы никогда не исключать верность — ни в шутку, ни всерьез, ибо стоит лишь однажды проникнуть в отношения тех, кто называет себя друзьями, как прежнюю дружбу восстановить уже будет нелегко. Не отрекаться от дружбы из-за несчастья или иной житейской немощи, [постигшей друга]; единственное оправдание отречения от друга и дружбы — его большая и неисправимая порочность. Никогда не затевать по

доброй воле вражду с теми, кто не до конца испорчен, а затеяв, держаться стойко и непримиримо, покуда нрав противника не переменится и он не извинится [первым]. Воевать же не словом, а делами; война будет законной и дозволенной, если воевать как человек с человеком. Зачинщиком раздора по возможности не становиться никогда и избегать начала раздора изо всех сил. (233) Чтобы дружба была настоящей, она должна быть как можно точней регламентирована определенными принципами, причем они должны быть определены правильно, а не как попало. Даже в мавере обращения все должно быть упорядочено, чтобы ни одна беседа не прошла небрежно и как попало, но с уважением, пониманием и благочинием и чтобы ни одно чувство, как-то: желание или гнев, не пробуждалось спонтанно, негодно и ошибочно. То же и о других страстях и состояниях.

10. СТОБЕЙ, III, 1, 101, с. 50, 17=АРИСТОКСЕН, фр. 40 Wehrli: Из «Пифагорейских изречений» Аристоксена. Истинное добротолубие (*φιλοκαλία*), говорил [Пифагор], — в нравах и знаниях. Ибо любовь (*ἀγάπη*) и забота принадлежат к хорошим привычкам и нравам. И точно так же из знаний и навыков воистину добротолубивы прекрасные и благопристойные, а то, что называет «добротолубием» большинство, т. е. добротолубие, связанное с необходимым и полезным для жизни, лишь украло свое название у истинного добротолубия.

11. СТОБЕЙ, I, 6, 18, с. 89, 8=АРИСТОКСЕН, фр. 41 Wehrli: Из «Пифагорейских изречений» Аристоксена. Об удаче (*τύχη*) они учили так. В ней есть нечто божественное, ибо на одних людей божество влияет к лучшему, на других — к худшему; явно поэтому одни удачливы, другие неудачливы. С особенной очевидностью это явствует из того, что тем, кто делает нечто непреднамеренно и наугад, это часто удается, а тем, кто преднамеренно и по плану — не удается. Есть и другой вид удачи, благодаря которому одни рождаются одаренными и везучими, а другие — бездарными и обладающими противоположной натурой. Первые попадают прямо в цель, куда бы ни метили, вторые бьют мимо цели, и мысль у них движется невпопад и в замешательстве: такое невезение врожденное, а не привнесенное.

Е. ПИФАГОРИСТЫ В СРЕДНЕЙ КОМЕДИИ

ФЕОКРИТ. Идиллия XIV, 3 сл. (пер. М. Е. Грабарь-Пассек): [Тионих говорит чахнущему от любви Эсхину]:

То-то уж больно ты чахлый.

Вон как усы запустил, и кудри не прибраны вовсе.

Давеча точно такой приходил ученик Пифагора [собств. «пифагорист»],

Бледный какой-то, босой. Говорят, он афинянин родом,

Тожe любовью томился, но, думаю, к свежему хлебу.

Схолии к ст. 5: Пифагорейцы (*Πυθαγορίνοι*) проявляют всяческую заботу о теле, а пифагористы ведут прижизненный и нищенский образ жизни.

1. АФИНЕЙ, IV, с. 160 F—161 D: Если ты любишь самодовление (*αὐτάρχεια*), философ, то почему не подражаешь тем пифагорейцам (*πυθαγορίκοι*), о которых Антифан в «Могилах» [т. II, с. 76 Коск] говорят так:

Там жалкие попались пифагорики:

В канаве ели травы и такую дрянь

В котомку собирали . . .

А в комедии «Котомка» Антифан говорит [т. II, с. 67 Коск]:

Во-первых, подражая Пифагору (Πυθαγόριζω), он
 Не ест живого вовсе: на обол возьмет
 Он хлеба пригорелого и жрет его.

Алексид в «Тарентцах» [т. II, с. 378 Коск]:

Слышать, кто подражает Пифагору, те
 Ни рыбы не едят, и ничего вообще
 Живого, и вина одни не пьют совсем.
 — Да, но Эпихарид-то, тот ведь ест собак,

- 5 А он — пифагореец. — Но убив пред тем:
 Убитое ведь больше не живое. . .

Ниже Алексид говорит еще:

Ученья Пифагора (Πυθαγορισμοί), рассуждения
 Тончайшие и мысли изощренные
 Питают их, а пища повседневная:

- 10 По булке хлеба чистого на каждого,
 Стакан воды и все. — Еда тюремная!
 Ужель все мудрецы таким же образом
 Живут и горе мыкают злосчастное?
 — Роскошествуют эти по сравнению
 С другими! Знаешь ты, что их товарищи
- 15 Меланиппид и Фаон, Фиромах и Фан
 Обедают лишь раз в пять дней, не более
 Одной котилы ячменя на каждого?

И в «Пифагорействующей» [т. II, с. 370 Коск]:

А вот какое будет угощение:
 Сухие фиги, выжимки масличные
 И сыр — пифагорейцам не велит закон
 Иного в жертву приносить. — Зевс побери
 На славу приношенье, лучше некуда!

И чуть ниже:

И нужно выносить недоеданье, грязь,
 Молчанье, холод, мрачный вид, и без мытья...

2. АФИНЕЙ. IV, с. 161 Е: Аристофонт в «Пифагористе» [т. II, с. 279 Коск]:

Помилуй, бог! Ужели в старину и впрямь
 Пифагористы добровольно были грязными
 Иль рубища носили с удовольствием?
 По-моему, неправда это чистая:

- 5 Но по нужде и не имея ни гроша,
 Предлог удобный нищеты придумали,
 Ввели ограничения полезные
 Для бедных. А попробуй только им подать
 Мясца иль рыбки — коли не сожрут всего

И не оближут пальчиков, то пусть меня
10 Повесят десять раз!

3. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VIII, 37: Кратин высмеял Пифагора в «Пифагорействующей» [т. II, с. 291 Коск], да и в «Тарентцах» говорит:

У них такая манера: если им попадетсЯ какой-нибудь профан,
Пришедший, чтобы испытать
Их силу красноречия, ну его сбивать с толку и ловко запутывать
Антитезами, концовками (πέρασι), параллелизмом предложений (παρισώμασι),
Софистическими уловками (ἀποπλάνοις), гиперболами (μεγέθει).

Мнесимах в «Алкмеоне» [т. II, с. 436 Коск]:

Мы приносим жертвы Локсию как пифагористу:
Живого не едим совершенно ничего.

(38) Аристофонт в «Пифагористе» [т. II, с. 280 Коск] (пер. М. Л. Гаспарова):

Он видел всех, спускаясь в преисподнюю,
И ах, он говорит, какая разница
Меж мертвецами и пифагорейцами!
Лишь их зовет к столу за благочестие
Плутон-владыка. — Странный вкус поистине:
С подобной мразью тешиться приятельством!

еще там же:

Пьют воду, а едят сырые овощи;
Плащи их вшивы, тело их немытое —
Никто другой не снес бы этой участи!

*4. АНТИФАН, фр. 168 Коск у Афиняя, 4, 108e (из комедии «Неоттида», поставленной ок. 342 г.; о скупце, который держит рабов впроголодь):

Никем не превзойден он по сквалыжности,
Такой, что в дом не принесет ни крошечки,
Опрочь тимьяна, — даже то, что Пифагор
Вкушал тот самый триждыприснопамятный.

*Ф. ПИФАГОРЕЙСКИЕ «ЗОЛОТЫЕ СТИХИ»

- Прежде всего бессмертных богов согласно закону
Чти и клятву блюди. Затем героев преславных
И преисподних божеств почитай, обряд исполняя.
Также родителей чти и тех, кто родством тебе близок.
- 5 А из чужих в друзья выбирай, кто доблестью лучший.
Кротким внемли словам и делам, идущим на пользу.
С другом не ссорься твоим прегрешения малого ради
Сколько возможно; возможность от долга живет недалече.
Все это помни. Затем приучись обуздывать вот что:
- 10 Чрево прежде всего, и сон, и страстную похоть,
Также и гнев. Никогда дурного не делай с другим ты
Или один: всех боле себя самого да стыдишься.

- Далее, праведность ты соблюдай в словах ли, в делах ли
И никогда и ни в чем не веди себя безрассудно.
- 15 Помни, что всем суждено умереть неизбежною смертью:
Все, что сегодня стяжал, утратишь завтра бесследно.
Беды, что волей судеб роковых выпадают на смертных,
Следуя доле своей, всегда выноси без роптаний.
В меру сил оправляйся от них, про себя размышляя:
- 20 Добрым людям Судьба не пошлет их слишком уж много.
Много до слуха людского доходит кривых ли, благих ли
Толков. Но ты не смущайся, не дай тебе помешать им.
Хоть бы и ложь на тебя городили какую, спокоен
Будь. Но пуще всего соблюдай, что скажу тебе ниже:
- 25 Да не побудит тебя никто ни словом, ни делом
Сделать или сказать, что сам ты дурным считаешь.
Прежде чем делать, подумай, чтоб глупости часом не вышло:
Вздор говорить или делать негодному свойственно мужу.
Ты же лишь то совершай, о чем пожалеть не придется.
- 30 Коль не умеешь чего, не берись, а сперва изучи-ка
Все, что потребно, и жизнь твоя приятнейшей будет.
Здравие тела отнюдь не должно иметь в небреженьи,
Но соблюдать и в питье, и в еде, и в гимнастике меру.
Мерой же то называю, о чем пожалеть не придется.
- 35 К жизни простой себя приучай, без роскоши, чистой,
Остерегайся все то совершать, что вызовет зависть.
Трат неуместных беги (так тратит незнающий блага),
Также и скрягой не будь. Во всем наилучшее — мера.
Делай лишь то, что не будет во вред, и загода думай.
- 40 Да не коснется очей твоих сон, смежающий веки,
Прежде чем трижды дневные дела разберешь по порядку:
«В чем погрешил? Что сделал? Что должное я не исполнил?».
Вспомни весь день от и до, и коли содеял дурное,
То укорись, а добрым делам возрадуйся тихо.
- 45 Вот что ты должен любить, об этом радеть и трудиться:
Это тебя наведет на след добродетели божьей,
Ей! Клянись Передавшим нашей душе Четверицу —
Вечной природы исток. Итак, принимайся за дело,
Прежде богов помолив об успехе. Достигнув же это,
- 50 Связь ты познаешь бессмертных богов и смертного рода,
Как совершается все, какому подвластно закону;
Сколько возможно, познаешь единство всеобщей природы —
Так избежишь безнадежных надежд и все тайны раскроешь.
Беды людские, поймешь ты, по их же свершаются воле,
- 55 Их, несчастных, что благ столь близких не замечают
И не слышат, от зла ж избавление немногие знают.
Так человеческий ум повреждает Мойра: как кубарь,
Носятся взад и вперед, терпя несчетные беды,
Злой не видя сопутницы Распри, вредящей, врожденной,

- 60 Кою надобно не разжигать, а бежать, уступая.
Отче Зевс! От скольких бед ты всех бы избавил,
Если бы всем показал, какому року подвластны.
Ты же дерзай, зане божественный род и у смертных,
Вещая коим природа обряды все открывает.
- 65 Будучи в них посвящен, достигнешь того, что велю я,
Душу свою исцелишь и спасешь от этих страданий.
Яств не вкушай, о которых сказали мы в «Очищенных»
И в «Избавленьи души», но все разбери и обдумай,
А браздодержцем поставь над собою благое решенье.
- 70 Если же тело покинув, в эфир придешь ты свободный,
Станешь богом бессмертным, нетленным, боле не смертным.

59. АНАКСАГОР

А. СВИДЕТЕЛЬСТВА О ЖИЗНИ И УЧЕНИИ

1. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, II, 6—15: Анаксагор, сын Гегесибула или Эвбула, клазоменец. Он был слушателем Анаксимена и впервые присоединил к материи ум, начав свое сочинение — а оно написано приятным и исполненным величия слогом — так: «Все вещи были вперемешку, затем пришел ум и их упорядочил» [ср. В 1]. Поэтому его прозвали «Умом» (Νους), и Тимон в «Силлах» [фр. 24 D] говорит о нем так:

Анаксагор, отважный герой, — Умом его звали
Ибо учил он, что Ум, от спячки внезапно проснувшись,
Все воедино связал, что прежде в смешении было.

Он отличался не только знатностью рода и богатством, но и высокоумрием, поскольку отказался от наследственного имени в пользу родственников. (7) Те обвиняли его в том, что он о нем не заботится, а он им и говорит: «Ну так позаботьтесь вы», — и в конце концов удалился от дел и предался умозрению природы, не интересуясь общественными делами, а в ответ на чей-то упрек: «Тебе нет дела до родины» — сказал: «Типун тебе на язык! Мне до родины еще как есть дело!» — и указал перстом на небо.

Говорят, что во время переправы Ксеркса ему было двадцать лет, а всего он прожил семьдесят два. Аполлодор в «Хронике» сообщает, что он родился в семидесятью олимпиаду [500—497 гг. до н. э.], а умер в первый год восьмидесяти восьмой [428 г. до н. э.]. Начал философствовать в Афинах при Каллии в возрасте двадцати лет — так говорит Деметрий Фалерский в «Списке архонтов», — где и провел, говорят, тридцать лет.

(8) Он учил, что Солнце — раскаленная глыба, по величине больше Пелопоннеса (другие приписывают этот взгляд Танталу), а на Луне есть поселения, равно как холмы и овраги. Начала — гомеомерии: подобно тому как из «крупниц» (как их называют) составляется золото, так из подобочастных маленьких телец образовалась Вселенная. Движущая причина — Ум; тяжелые тела, как земля, [при возникновении мира] заняли нижнее место, легкие, как-то: огонь, — верхнее, а вода и воздух — среднее. Так на плоской земле возникло море, после того как солнце выпарило влагу. (9) Звезды первоначально двигались воз куполообразно, так что постоянно видимый пояс находился

в зените, но впоследствии [их орбиты] наклонились. Млечный путь — отражение света звезд, не освещаемых Солнцем, кометы — скопление планет, испускающих языки пламени, мелькающие [= «падающие»] звезды — как бы искры, выбрасываемые из эфира. Ветры возникают от того, что воздух разжижается [и течет] под действием солнца. Гром — столкновение облаков, молнии — сильное трение облаков, землетрясение — опускание воздуха в недра земли. Животные рождаются из влажного, горячего и землистого [начала], а затем друг от друга, причем самцы — справа, а самки — слева.

(10) Говорят, что он предсказал падение камня, случившееся у Эгоспотамов: он сказал, что камень упадет с Солнца. Поэтому Еврипид, который был его учеником, назвал Солнце в «Фаэтоне» «золотым слитком». В другой раз, придя в Олимпию, он сел [на стадионе] в кожаном плаще, как если бы должен был пойти дождь — что и произошло. Еще говорят, что на чей-то вопрос, станут ли когда-нибудь горы в окрестностях Лампсака морем, он ответил: «Станут, нужно только время». Как-то его спросили, чего ради он родился на свет, на что он ответил: «Ради созерцания Солнца, Луны и неба». «Ты лишился афинян», — сказал ему кто-то. «Нет — ответил он, — это они меня лишились». Увидав гробницу Мавсола, он сказал: «Роскошная гробница — прищипок богатства, обращенного в камень». (11) Страдавшему от того, что умирает на чужбине, он сказал: «Спуск в Аид отовсюду одинаков».

По словам Фаворина в «Разнообразных рассказах», он считается первым, кто высказал мнение, что поэзия Гомера — [аллегория] о добродетели и справедливости; с еще большим рвением защищал этот взгляд его ученик Метродор из Лампсака, который первым стал заниматься также и физическим учением поэта. Анаксагор же впервые обнаружил книгу с прозаическим сочинением [?]. Силен в первой книге «Истории» сообщает, что при архонте Демиле [?] с неба упал камень, (12) а Анаксагор объяснил это тем, что все небо состоит из камней: оно удерживается от распада благодаря быстрому вращению, а если замедлится, то упадет.

О его судебном процессе рассказывают по-разному. Сотион в «Преимуществах философов» говорит, что он был обвинен в нечестии Клеоном за то, что утверждал, что Солнце (Гелиос) — раскаленная крица железа. Поскольку с речью в его защиту выступил Перикл, его ученик, то его присудили [всего лишь] к штрафу в пять талантов и изгнанию [из Афин]. По словам Сатира в «Жизнеописаниях», судебное дело против него было возбуждено политическим противником Перикла Фукидидом, причем не только по обвинению в нечестии, но и по обвинению в персофильстве, и он был заочно приговорен к смертной казни. (13) Оба известия — и о его осуждении и о смерти его детей — дошли до него одновременно; об осуждении он сказал: «И моих судей, и меня природа и так уже давно приговорила к смерти», — а о детях: «Я знал, что родил их смертными» (иные приписывают эти изречения Солону, иные — Ксенофону). Он сам и похоронил их своими руками, как говорит Деметрий Фалерский в своей книге «О старости». Гермипп в «Жизнеописаниях» говорит, что он был заперт в тюрьме в ожидании казни; тогда Перикл обратился к народу и спросил, есть ли им хоть в чем-нибудь упрекнуть его самого в его жизни. «Нé в чем», — ответили те. «Ну так вот, — сказал он, — а я его ученик. Так не поддавайтесь же клевете и не убивайте человека; послушайте меня и отпустите его!» И его отпустили, но он не вынес такого глумления и покончил с собой. (14) Иероним во второй книге «Разрозненных записок» говорит, что Перикл привел его на суд и показал судьям: он был таким изможденным и похудевшим от болезни, что его отпустили скорее из жалости, чем на основании оправдательного приговора. Вот то, что сообщают о его процессе.

Поговаривали, что он враждебно относился к Демокриту после того, как ему не удалось войти в круг его собеседников. Наконец, он уехал в Лампсак, где и умер. На вопрос городских властей, какое его желание исполнить, он ответил: «Пусть в месяц моей смерти детей ежегодно отпускают на каникулы», — и обычай этот соблюдается по сей день. Когда он скончался, жители Лампсака похоронили его с почестями, а на могиле высекли надпись:

Истины высший предел и границы Вселенной достигший
Здесь, под этой плитой, Анаксагор погребен.

Есть и наша эпиграмма о нем:

Некогда Солнце считал огнедышащей глыбой железной
И посему умереть должен был Анаксагор.
Спас его друг Перикл, но он со спокойствием духа,
Как настоящий мудрец, сам себе жизни лишил.

Было еще три Анаксагора, совокупные заслуги которых не стоят ничего [по сравнению с Клазоменцем]: один был ритор Исократовской школы, другой скульптор, упоминаемый Антигоном, третий — грамматик, ученик Зенодота.

2. ГАРПОКРАТИОН; под словом «Анаксагор»: Анаксагор-софист [=«философ»], сын Гегесибула, клазоменец, ученик милетца Анаксимена. Его прозвали «Ум», так как он считал [началами] материю и всеконтролирующий Ум. Ему принадлежит определение Солнца как раскаленной «глыбы».

3. СУДА, под словом «Анаксагор»: «Анаксагор. . . глыбы» [=А 2], т. е. огненного камня. Он был изгнан из Афин, [а не казнен] благодаря защите Перикла и, переселившись в Лампсак, там и умер, уморив себя голодом. Покончил он с собой в возрасте 70 лет, так как афиняне посадили его в тюрьму как протаскивающего какое-то новое воззрение о боге.

4. КИРИЛЛ. Против Юлиана, I, 12 В (из «Хроники» Евсевия=ИЕРОНИМ, год от Авраама 1520-й=Ол. 70,1=500 г. до н. э.): Сообщают, что в семидесятую олимпиаду были [известны] философы-физики Демокрит и Анаксагор, равно как и Гераклит по прозвищу «Темный». ЕВСЕВИЙ в пер. Иеронима, год от Авраама 1557-й [Ол. 80, 1=460 г.]: Умер Анаксагор. Ср. А 18.

4а. Паросская хроника, 60=FGH 239 A 60: С тех пор как Еврипид в возрасте 44 лет впервые одержал победу в конкурсе трагедий, [минуло] 179 лет; архонтом в Афинах тогда был Дифил [442—441г. до н. э.]; современниками Еврипида были Сократ и Анаксагор. Ср.: ПЛУТАРХ: Фемистокл, 2=МЕЛИСС, А 3.

5. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 41: Что касается времени жизни [Демокрита], то, как он сам говорит об этом в «Малом мирострое», он был молод, когда Анаксагор был стар, — моложе его на сорок лет. А «Малый мирострой», по его словам, был сочинен в семьсот тридцатом году после взятия Трои.

Там же, IX, 34: Затем он [Демокрит] примкнул к Левкишу и (согласно некоторым) Анаксагору, будучи моложе его на сорок лет. Однако, по словам Фаворина в «Разнообразных рассказах», Демокрит говорил об Анаксагоре, что его воззрения о Солнце и Луне не свои, а древние: он их, дескать, украл, (35) и при этом высмеивал его космологию и учение об Уме; Демокрит враждебно относился к нему именно за то, что тот не принял его [в число слушателей]. Как же тогда он мог быть его учеником (вопреки некоторым)?

6. ФИЛОСТРАТ. Жизнь Аполлония Тианского, II, 5: [говорит Дамис]. Я думал, Аполлоний, что спущусь с горы мудрей, ибо я слышал, что клазоменец Анаксагор наблюдал небесные явления с горы Мимант в Ионии, а милетец Фалес — с близлежащей Микале. Там же, I, 2: Кто же не знает, как Анаксагор в Олимпии в самое ведро пришел на стадион под зонтиком в предречение дождя? Или как он предсказал, что дом рухнет, и не ошибся, ибо дом и впрямь рухнул? И разве не истинными оказались его пророчества о том, что день обратится в ночь и что у Эгоспотамов с неба извергнутся камни? Ср. А 1, § 10; А 11; А 18.

7. СТРАБОН, XIV, с. 645: Знаменитым клазоменцем был естествоиспытатель Анаксагор, ученик Анаксимена Милетского; его учениками, в свою очередь, были естествоиспытатель Архелай и поэт Еврипид.

ЕВСЕВИЙ. Приготовление к Евангелию, X, 14, 13: Архелай стал преемником Анаксагора как главы школы в Лампсаке и, переселившись в Афины, открыл школу там.

КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, I, 63: После него [=Анаксимена] Анаксагор, сын Гегесибула, клазоменец; он перенес школу из Ионии в Афины. Его преемником становится Архелай, учеником которого был Сократ.

ПСЕВДО-ГАЛЕН: История философии, 3: [Анаксимандр] вышколил Анаксимена в наставники Анаксагору, а тот покинул Милет и приехал в Афины; первым из афинян он подвиг к философствованию Архелая [см. 60 А 1—5].

*ЦИЦЕРОН: Tusculanские беседы, III, 30: То, что Тесея, по его словам, узнал от мудреца, то Еврипид [устаами Тесея] говорит о самом себе. Он был учеником Анаксагора, который, по преданию, получив известие о смерти сына, сказал: «Я знал, что родил его смертным» [ср. А 33].

*ДИОНИСИЙ ГАЛИКАРНАССКИЙ. Риторика, I, 10: Еврипид был близок к Анаксагору, а Анаксагор учил, что «все вещи были вперемешку». Затем он сошелся с Сократом и познакомился с более истинным учением. И все же, как мне думается, он и Анаксагорово учение удостоил упоминания в своих драмах и вывел это воззрение в «Меланиппе Премудрой»: начало его речи намекает на благорасположение к учителю, поскольку Меланиппа говорит. . . [см. А 62].

8. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 25, 19 [=31 А 7]: Эмпедокл из Акраганта, родившийся немного времени спустя после Анаксагора. Ср. 31 А 1, § 56. 59 А 43.

9. ПРОКЛ. Комм. к Евклиду, с. 65, 21 [ср. 41 А 1]: После него [Пифагора] многими геометрическими проблемами занимались Анаксагор из Клазомен и Энопид из Хиоса, который был немного моложе Анаксагора. Платон также упомянул о них в «Соперниках» как о прославившихся в математике [см. 41 А 2].

10. КЕДРЕН, I, 165, 18 Векк.: Как сообщают эллины, и Ферекид из Сироса, и Пифагор из Самоса, и Анаксагор из Клазомен, и Платон Афинский путешествовали в Египет в надежде получить от египтян более точные знания по богословию и естествознанию.

АММИАН МАРЦЕЛЛИН, XXII, 16, 22: Основываясь на них [=тайных книгах египтян], Анаксагор предсказал падение камней с неба, а изучая колодезную муть, — будущие землетрясения. Ср. XXII, 8, 5.

11. Паросская хроника, 57 (FGrHist 239 А 57): С тех пор как в Эгоспотаммах упал камень и умер поэт Симонид в возрасте 90 лет, минуло 205 лет; было это при афинском архонте Феагениде [468—467 г. до н. э.].

ПЛИНИЙ. Естественная история, II, 149 сл.: Греки сообщают, что Анаксагор Клазоменский во второй год 78-й олимпиады [467—466 г. до н. э.] благодаря своим

познаниям в астрономии предсказал, в какие дни упадет камень с Солнца, что и произошло среди бела дня в области Фракии возле реки Эгоспотамы (камень этот по-прежнему и по сей день: он величиной с грузный воз и ошаленного цвета), причем в те ночи на небе пылала комета. Если поверить в то, что он и впрямь это предсказал, придется также признать, что провидческая способность Анаксагора была совершенно удивительной; сама наша способность к пониманию природы вещей окажется под угрозой и все спутается, если допустить, что Солнце либо само камень, либо на нем когда-либо находился камень. Однако сам факт частого падения [каменей с неба] не подлежит сомнению. (150) Один такой, небольших размеров, и по сей день заботливо сохраняется в Абидосском гимнасии; рассказывают, что его падение на материке было предсказано тем же Анаксагором. Ср.: ИОАНН ЛИДИЙСКИЙ. О знамениях, 7; с. 14, 15 W.

ИЕРОНИМ (пер. «Хроники» Евсевия): На реке Эгоспотамы свалился камень с неба в год от Авраама 1551-й [=Ол. 78,3=466 г.]. Ср. А 1, § 11.

12. ПЛУТАРХ: Лисандр, 12: Некоторые утверждают, что знамением, предвещавшим поражение, было падение камня: на берегу Эгоспотамов свалился огромный камень, и большинство уверяет, что он упал с неба. Его показывают и сейчас, и для жителей Херсонеса он служит предметом поклонения. Говорят, будто Анаксагор предсказал, что одно из прикрепленных к небу тел в случае колебания или сотрясения может оборваться и рухнуть вниз. Ни одна из звезд, утверждал он далее, не находится теперь на искони присущем ей месте: каменистые по составу и тяжелые, светящиеся вследствие сопротивления и разрыва эфира, они удерживаются в вышине, увлекаемые огромною силой вихревого круговорота, примерно так же, как были они удержаны от падения на Землю первоначально, когда тяжелые и холодные части отделялись от Вселенной. [. . .] Даимах в сочинении «О благочестии» [FGt Hist 65 F 8] подтверждает слова Анаксагора, рассказывая, что в течение семидесяти пяти дней до падения камня на небе непрерывно было видно огромное, похожее на пылающее облако огненное тело, которое не стояло на месте, а несло сложным, кривым путем *и т. д.* (пер. М. Е. Сергеевко).

13. ПЛУТАРХ. Перикл, 16: Поддерживал весь этот аккуратный порядок [в доме Перикла] его слуга Эвангел, один, как никто другой, по натуре ли своей способный к хозяйству или приученный к нему Периклом. Конечно, это не согласно с философией Анаксагора, который по вдохновению свыше или по внушениям своего великого духа [собств. «из высокоумрия»] бросил свой дом, оставил землю без обработки на пастбище овцам (пер. С. И. Соболевского).

ПЛАТОН. Гипсий Большой, 283 А: . . . Получив в наследство огромное состояние, [Анаксагор] не радел о нем и утратил его полностью: столь неразумно он умствовал.

*ЦИЦЕРОН. Тускуланские беседы, V, 39: Будь это не так, разве Анаксагор или тот же Демокрит оставили бы свои имения и наследства, чтобы всей душой отдаться божественному удовольствию познания и исследования?

*ФИЛОН АЛЕКС. О созерцательной жизни, 14: Греки славословят Анаксагора и Демокрита за то, что, охваченные вождением к философии, они бросили свои владения незаконными. Я тоже восхищаюсь ими за то, что они оказались выше богатства, но и т. д. [Ср. ДЕМОКРИТ, XXVI—XXVII Л.]

14. ТЕРТУЛЛИАН. Апология, 46: Если сравнивать [христиан и язычников] в честности, то Анаксагор [?] отказался вернуть залог своим друзьям, а честность христиан признается даже язычниками.

15. ПЛАТОН. Федр, 269 E.: [Сократ] Может статься, любезнейший, что Перикл неспроста оказался всех совершеннее в ораторском искусстве. [Федр]. Почему это? [Сократ]. Все великие искусства нуждаются в суесловии и высокословии о горнем и о природе: похоже, что от такого рода занятий приобретаются возвышенность мысли и совершенство во всем. Перикл именно это и приобрел в придачу к своей природной одаренности: сойдясь с Анаксагором, который, по-моему, обладал этими свойствами, и исполнившись высокословия о горнем, а также добравшись до природы ума и недоумия (о чем по большей части рассуждал Анаксагор), он отсюда почерпнул для ораторского искусства те качества, которые ему приличествуют. Ср.: ПЛАТОН. Алкивиад I, 118 с=37 А 5.

ИСОКРАТ, XV, 235=37 А 3.

ПЛУТАРХ. Перикл, 4: Но самым близким Периклу человеком, который вдохнул в него величественный образ мыслей, возвышающий его над уровнем обыкновенного вожака народа, и вообще придал его характеру высокое достоинство, был Анаксагор из Клазомен, которого современники называли «Умом» — потому ли, что удивлялись его великому, необыкновенному уму, проявлявшемуся при исследовании природы, или потому, что он первый выставил принцип устройства Вселенной не случай или необходимость, но ум, чистый, несмешанный, который во всех остальных предметах, смешанных, выделяет однородные частицы (гомеомерии) (пер. С. И. Соболевского).

ЦИЦЕРОН. Об ораторе, III, 138: Не заваливший учитель риторики обучил Перикла горланить у клепсидры; учителем его, как сообщают, был знаменитый Анаксагор.

16. ПЛУТАРХ. Перикл, 6: Это были не единственные плоды, которые получили Перикл от общения с Анаксагором: по-видимому, он стал выше суеверного страха, внушаемого удивительными небесными явлениями людям, которые не знают их причин, теряют рассудок и приходят в смятение от божественных дел по неведению их, тогда как наука о природе, устрояя боязнь, вместо устрашающего, болезненного суеверия дает человеку спокойное благочестие и благие надежды. Рассказывают, что однажды Периклу принесли из деревни голову однорогого барана. Прорицатель Лампон, увидев, что рог, выросший на середине лба, был крепок и тверд, сказал, что от двух могущественных партий, существующих теперь в городе, Фукидидовой и Перикловой, сила перейдет к одному, у кого будет это чудо. А Анаксагор, разрубив череп, показал, что мозг не наполнял своего основания, но, имея форму яйца, собрался из всего вместилища своего в то место, где корень рога имел начало. Тогда все присутствующие удивлялись Анаксагору, а немного спустя Лампону, когда Фукидид был низвергнут, а управление всеми общественными делами перешло в руки Перикла (пер. С. И. Соболевского).

17. Там же, 32: В это же время [=начало Пелопоннесской войны]... Диоциф внес законопроект [псефизму] о привлечении к суду по обвинению в государственном преступлении тех, кто не признает богов и преподает учения о небесных явлениях; тем самым он хотел навлечь подозрение на Перикла через Анаксагора... опасаясь за Анаксагора, [Перикл] отослал его из города.

ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ; XII, 39 (архонтство Эвтидема — 431 г. до н. э.; после описания процесса Фидия; вероятный источник — Эфор): Кроме того, [противники Перикла] клеветнически обвинили софиста Анаксагора, учителя Перикла, в том, что он якобы нечестиво богохульствует. Ср. А 1, § 12.

18. ПЛУТАРХ. Никий, 23: Первым, кто обнаружил в письменном сочинении чрезвычайно ясное и смелое учение о фазах и затмении Луны, был Анаксагор, но и сам он в ту пору [413 г. до н. э.] был еще фигурой недавнего прошлого, и учение его еще не

стало общеизвестным: оно по-прежнему сохранялось в тайне и распространялось среди узкого круга лиц с известной осторожностью и конфиденциальностью. Тогда не терпели естествоиспытателей и «трепачей о небесных явлениях» (метеоролесков), как их тогда называли, за то, что они якобы сводили божество к лишенным разума причинам, непреднамеренно действующим силам и детерминированным явлениям. Так изгнали Протагора и посадили в тюрьму Анаксагора, которого с трудом вызволил Перикл.

ЕВСЕВИЙ. Хроника (арм. пер.), год от Авраама 1554-й (Ол. 79,3=462—461 г. до н. э.): Было затмение Солнца. Умер Анаксагор [ср. А 4].

*ЦИЦЕРОН. О государстве, I, 16, 25: Нечто подобное, по преданию, произошло и во время той величайшей войны, которую афиняне и лакедемоняне вели между собой, напрягая все силы: знаменитый Перикл, первый в своем государстве по авторитету, красноречию и мудрости, когда Солнце померкло и внезапно наступила тьма, а афиняне охватил ужас, будто бы объяснил согражданам то, что сам узнал от Анаксагора, чьим учеником он был, — что Луна заслоняет нам круг Солнца; вот почему это, хотя бывает, правда, не в каждое новолуние, возможно только в определенные новолуния. Рассмотрев этот вопрос и дав объяснения, он избавил людей от страха, охватившего их, ибо это было необычное и в те времена неизвестное объяснение — что затмение Солнца происходит вследствие промежуточного положения Луны; как говорят, первый это открыл Фалес Милетский (пер. В. О. Горенштейна).

19. ИОСИФ ФЛАВИЙ. Против Апиона, II, 265: Анаксагор был клазоменцем, но, поскольку он объявил Солнце (которое афиняне почитали богом) раскаленным жерновом, они приговорили его к смерти с перевесом в несколько голосов.

ОЛИМПИОДОР. Комм. к «Метеорологии», с. 17, 19 Stüve: Лишь звезды огненной природы, поэтому Анаксагор и назвал Солнце «крицей», имея в виду чрезмерный накал: «крица» (κρίβρος) означает «раскаленное железо». За то, что он посмел такое сказать, его изгнали посредством ostracism из Афин. Впоследствии, однако, его реабилитировали и вернули из ссылки благодаря Перикловой речи [в его защиту]: Перикл был учеником Анаксагора.

20. ФИЛОДЕМ. Риторика, II, 180, фр. 7 Sudhaus: Раб <Кле>она [?] после порки дал судьям показания на Анаксагора.

20 а. Схолии к ПИНДАРУ; Олимп. I, 91 (с. 38, 6 Dr.): Тантал был естествоиспытателем и утверждал, что Солнце — глыба. За это он понес наказание: над ним нависает камень, который приводит его в ужас и трепет. По поводу камня физики говорят, что «камнем» [в мифе] называется Солнце, и Еврипид, который был учеником Анаксагора, в приводимых ниже стихах также назвал Солнце скалой: «Блаженный. . . / Там в воздухе парит недвижно Тантал / И ужасом терзается, скалу / Над головою чувствуя преступной» [«Орест», ст. 4—7]. В другом месте он называет его обломком: «О если бя к камню взвилась. / Обломок Олимпа, / Меж небом и нами / Повис на цепях золотых он / И кружится вихрем! / Я Танталу старому там бы / Надгробную песню провыла» [«Орест», ст. 982 сл.] (стихи в пер. Инн. Анненского).

20 б. Теологумены арифметики, с. 6, 18 de Falco: Еврипид, поскольку он был учеником Анаксагора, упоминает о Земле в таких словах: «Мудрецы стигают тебя Очагом смертных». [Ср. фр. 944 N.]

20 с. Оксиринхские папирусы, т. IX, № 1176 (из 6-й книги «Жизнеописаний» Сатира, отношении Еврипида к Анаксагору): фр. 37, стб. 1, 22: . . . Затем он Анаксагора божественно . . . природо. . . фр. 37, стб. 3, 9: О Владыка Вселенной, я зелень тебе / Приношу и лепешку, Аид или Зевс / Именуешься ты. . .

[ЕВРИПИД, фр. 912] — в этих трех стихах он с точностью выразил все учение Анаксагора об устройстве мира. А в другом месте он задается вопросом, что стоит во главе небесного мира, «О Зевс, закон природы ль ты иль ум людей» [«Троянки», 886].

фр. 38, стб. 1, 16; . . . он говорит: «Какой нечестивец и безбожник, взирая на это-вот [=Вселенную], не наставляет свою душу верить в бога и не отбросит прочь лукавый обман метеорологов, чей дерзкий язык суесловит о незримом, напрочь лишённый ума?» [ЕВРИПИД, фр. 913, парафраза].

21. АВЛ ГЕЛЛИЙ, XV, 20: Вот какие стихи сочинил про Еврипида Александр Этолийский [фр. 7 Diehl]:

Был угрюм в обращении, по мне, ученик беспорочного Анаксагора:
Ненавидел он смех и шутить не умел даже выпив чарку-другую,
Но все, что писал он, мед пропитал и Сирен сладкозвучная прелесть.

ЭЛИАН. Пестрое повествование, VIII, 13: Говорят, что Анаксагора Клазоменского ни разу не видели ни смеющимся, ни улыбающимся.

22. АФИНЕЙ, V, 220 В: В его [=Эсхина-сократика] диалоге «Каллий» содержатся описание ссоры Каллия с отцом и сатира на софистов Продика и Анаксагора [?]. Продик, по его словам, воспитал такого ученика, как Ферамен, а Анаксагор — Филоксена, Эриксидова сына, и Арифрада (брата кифареда Аригнота): испорченность воспитанников и их ненасытная страсть к пороку по его замыслу должны изобличить учение воспитателей.

23. АЛКИДАМАНТ у Аристотеля, Риторика, II, 23. 1398 b 15: Жители Лампсака похоронили Анаксагора [за общественный счет] — хоть он и был чужаком — и почитают по сей день.

24. ЭЛИАН. Пестрое повествование, VIII, 19 (после эпитафии, приведенной в А 1, § 15): Еще говорят, что ему воздвигнут алтарь, [как герою], и на нем надпись: «Уму или, по-другому, «Истине».

25. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, II, 46 (ср. 14 А 15, 21 А 19): Как говорит Аристотель в третьей книге «О поэтике», соперником Анаксагора был Сосибий.

26. Там же, X, 12: По словам Диокла, из древних он [=Эпикур] больше всего одобрял Анаксагора, хотя кое в чем и возражал ему, и еще Архелая — учителя Сократа.

27. «Монеты из Клазомен (легенда: ΚΛΑΖΟΜΕΝΙΩΝ), вероятно, воспроизводят изображение местных статуй философа. 1-й тип (ок. 100 г. до н. э.) изображает Анаксагора в разворот слева, сидящим на барабане каменной колонны, правая рука поднята в поучающем жесте, левая опущена на колено. 2-й тип (эпоха империи) — стоящим в разворот справа, грудь обнажена, левая нога опирается на надгробие, в вытянутой правой руке он держит глобус, левая упирается в бок» — ДК.

Апофтегматика

ср. А 1, § 10. 13

28. АРИСТОТЕЛЬ. Метаф., 1009 b 25 (после 28 В 16): Упоминают также изречение Анаксагора (обращенное к кому-то из его учеников) о том, что сущее будет для них таким, каким они его будут представлять.

29. КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, II, 130: Как сообщают, Анаксагор из Клазомен сказал, что цель жизни — созерцание и происходящая из него свобода.

30. АРИСТОТЕЛЬ. Никомахова этика, 1141 b 3=ФАЛЕС, А 9.

Там же, 1179 а 13: По-видимому, и Анаксагор считал, что счастливый — это не богат и не властитель; по его словам, он бы не удивился, если бы [тот, кто действительно счастлив], показался толпе ненормальным. Ср.: АРИСТОТЕЛЬ. Евдемова этика, 1215 в 6. Там же, 1216 а 11: Говорят, что на чей-то недоуменный вопрос, чего ради предпочтительней родиться на свет, чем не родиться, Анаксагор ответил: «Ради созерцания неба и порядка Вселенной».

ЕВРИПИД, фр. 910 N. (поет хор): Блажен, кто стяжал знание науки (*istoria*), кто не причиняет зла согражданам и не стремится к несправедным делам, но созерцает нестерпящий строй (космос) бессмертной природы — как он возник, отчего? К таким людям никогда не лезут помыслы о постыдных делах.

31. ВАЛЕРИЙ МАКСИМ, VIII, 7 ext. 6: А каким рвением пылал Анаксагор! Воротаясь из долгих странствий на родину и увидев свои владения заброшенными, он сказал: «Я бы не уцелел, если бы они не пропали». Слова, исполненные изысканной мудрости! Ибо, если бы он возделывал свои угодья, а не духовные дарования и остался бы хозяином в родовом поместье, он не вернулся бы в него столь знаменитым Анаксагором.

32. ПЛУТАРХ. Перикл, 16: Однажды, когда Перикл был очень занят, Анаксагор, уже старик, лежал без призора, накрывши голову, чтобы покончить жизнь, уморив себя голодом. Когда известие об этом дошло до Перикла, он в испуге сейчас же побежал к старику и стал уговаривать его оставить это намерение, оплакивая не его, а себя при мысли, что лишится такого советника в государственных делах. Тогда Анаксагор открыл голову и сказал ему: «Перикл, а тот, кто имеет надобность в лампе, подливает в нее масла» (пер. С. И. Соболевского).

33. ГАЛЕН. О воззрениях Гиппократов и Платона, IV, 7. с. 392 Müller=ПОСИДОНИЙ, F 165 Edelstein—Kidd: Поэтому он говорит о «предварении» событий и об отношении к еще не наступившему как к уже наступившему. Термин «предварять» (*προεβήκειν*) означает у Посидония: заранее воображать и представлять в своем сознании то событие, которое должно произойти, так чтобы постепенно свыкнуться с ним как со свершившимся фактом. Поэтому [Посидоний] привел тут изречение Анаксагора: когда ему сообщили о смерти сына, он совершенно спокойно ответил: «Я знал, что родил его смертным», а Еврипид заимствовал эту мысль и вложил в уста Тесею слова [фр. 964 N.]:

Я мудрецом одним сему наученный
 Всегда несчастья в мыслях представлял себе,
 Воображал изгнанье из отечества,
 Безвременную смерть, другие бедствия,
 Чтоб коль со мной стряется, что я мнил в уме,
 Страданий вящих новизной не вызвало.

Ср.: ЕВРИПИД: Алкестида (поставлена в 438 г. до н. э.), ст. 903 сл.

34. СТОБЕЙ, IV, 52 b, 39 N.: Анаксагор говорил, что есть два урока смерти: время до рождения и сон.

34 а. ЦИЦЕРОН. Тускуланские беседы, I, 43, 104: Когда Анаксагор умирал в Лампсаке и друзья спросили его, не желает ли он, чтобы, ежели что стряется, его перевезли на родину в Клазомены, он ответил: «Нужды нет: путь в преисподнюю отовсюду одинаков». Прекрасно сказано!

Сочинение

ср. А 1, § 6

35. ПЛАТОН. Апология Сократа, 26 d: [Мелет] он говорит, что Солнце — камень, а Луна — земля. [Сократ] Так ты вздумал обвинять Анаксагора, [а не меня], любезный Мелет? И ты так презираешь судей и считаешь их настолько безграмотными, что, по-твоему, они не знают, что этими речами полны книги Анаксагора Клазоменского? И значит, юноши от меня узнают то, что можно иной раз купить в оркестре самое большее за драхму и поднять Сократа насмех, если он станет выдавать за свои эти учения, к тому же столь нелепые?

36. КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, I, 78: Поздно пришли к эллинам преподавание словесности и [прозаическая] литература. Алкмеон Кротонский и т. д. [см. 24 А 2]. Другие сообщают, что первым издал в списках книгу Анаксагор, сын Гегесибула, клазоменец.

37. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, I, 16 По одному сочинению написали Мелисс, Парменид, Анаксагор.

38. ПЛУТАРХ. Об изгнании, 17. 607 F: Сидя в тюрьме, Анаксагор чертил квадратуру круга.

39. ВИТРУВИЙ, VII, Предисл., 11: Впервые в Афинах Агафарх, когда Эсхил ставил трагедию, устроил сцену [=перспективную декорацию] и оставил об этом исследование. По его почину Анаксагор и Демокрит написали [работы, посвященные] этому же вопросу: каким образом надлежит из центра, помещенного в определенном месте, [провести] линии сообразно как взору глаз, так и распространению лучей соответственно естественной пропорции, чтобы о несуществующей [в опыте] вещи существующие [в опыте] изображения зданий давали в сценических декорациях впечатление, [что она существует], и чтобы из предметов, изображенных в одной и той же плоскости, одни казались находящимися позади, другие — выступающими вперед (пер. С. Я. Лурье, см.: ДЕМОКРИТ, фр. 139 с комм.).

40. Мюнхенский кодекс 490, XV век, л. 483^v: Об Анаксагоре. По словам некоторых, Анаксагор написал трактат о неразрешимых вопросах и назвал его «Ремень», поскольку, по его мнению, он привязывал читателей к безысходным трудностям.

*40 а. ГАЛЕН. Об отсутствии печалей, у Ибн аби Ушайбийя, CMG, Supp. Or. II, с. 90 (пер. с араб.): Er [Galen] sagte in seinem Buch «Über die Vertreibung des Kummers», dass ihm in den grossen königlichen Schatzkammern der Stadt Rom zahlreiche Bücher [...] verbrannt seien. Einige der verbrannten Exemplare waren von der Hand des Aristoteles, des Anaxagoras und des Andromachos.

Учение

ср. А 1, § 8

ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, V, 42 (каталог сочинений Теофраста): «Против Анаксагора» — 1 книга; «Об учениях Анаксагора» — 1 книга; ср.: СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 166, 17 (цит. ниже в А 41).

41. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 27, 2 [=ТЕОФРАСТ. Физические мнения, фр. 4 Diels]: Анаксагор, сын Гегесибула, клазоменец, примкнув к философии Анаксимена, первым реформировал воззрения о началах и восполнил недостающую причину. При этом телесных начал он принял бесконечно много: по его мнению, все подобчаст-

ные, как-то: вода, огонь или золото, безначальны и неуничтожимы, а их видимое (феноменальное) возникновение и уничтожение всецело обусловлены соединением и разделением [частиц], причем все [подобочастные] содержатся во всех, но каждое характеризуется по тому, что в нем преобладает. Так, золотом феноменально является то, в чем много золота, хотя при этом в нем содержится все. Действительно Анаксагор говорит, что «во всем содержится доля всего» и «чего в каждой отдельной вещи больше всего содержится, тем она с наибольшей ясноразличимостью была и есть» [В 12]. Об этом, по словам Теофраста, Анаксагор учит сходно с Анаксимандром, так как тот [=Анаксимандр] утверждает, что при дифференциации бесконечного [начала] сродные [частицы] устремляются друг к другу, и что уже было налично как золото, [незримо рассеянное] во Вселенной, то и становится [видимым] золотом, а что как земля — то землей. То же и все остальные вещи: они не возникают, но изначально имеются в наличии. Но только Анаксагор присвоил в качестве причины движения и возникновения Ум, разделяясь под действием которого [подобочастные вещества] породили миры (космосы) и все остальные существа. «При таком толковании, — говорит [Теофраст], — можно было бы считать, что Анаксагор принимает бесконечное число материальных начал и одну причину движения и возникновения — Ум. Но если истолковать смесь всех вещей как единую субстанцию (φύσιν), неопределенную и по виду [=качественно] и по величине, то выходит, что он полагает два начала: природу бесконечного и Ум, так что телесные элементы, как видим, он рассматривает сходно с Анаксимандром».

Там же, 166, 15: Анаксагор утверждал, что «ни у малого нет наименьшего, но всякий раз еще меньшее, ни у большого нет величайшего» [В 3]. Это явствует из самой цитаты, а также из слов Теофраста, который во второй книге сочинения «Об Анаксагоре» пишет так: «Далее, неубедительно утверждение, что все вещи содержатся во всем на том основании, что они бесконечны по величине и по малости и что нельзя постулировать ни наименьшую, ни наибольшую величину».

* Там же, 162, 31: Стало быть, в гомеомерии содержится и плоть, и кость, и кровь, и золото, и свинец, и сладкое, и белое, но вследствие малости они не воспринимаются нашими чувствами, хотя все содержится во всем.

42. ИППОЛИТ. Опровержение всех ересей, I, 8, 1 сл.: После него [-Анаксимена] был Анаксагор, сын Гегесибула, клазоменец. Он считал началом всего ум и материю: ум — как творящую причину, материю — как становящуюся. Все вещи были вперемешку, а ум пришел и упорядочил. Материальные начала, по его словам, бесконечны [по числу], и малость их тоже бесконечна. (2) Все вещи были приведены в движение умом, и подобное сошлось с подобным. Часть из них под действием кругового движения получила постоянное место на небе: плотное, влажное, темное, холодное и все тяжелое сошлись в середину (когда они затвердели, из них возникла Земля), а то, что этому противоположно: горячее, светлое, сухое и легкое, устремилось в даль эфира. (3) Земля имеет плоскую форму и парит, не падая, благодаря своей величине, а также потому, что не существует пустоты, и потому, что воздух, сила коего безмерна, удерживает Землю на весу. (4) Что касается наземной влаги, то море возникло из [первичных] земных вод (после испарения которых образовалось то, что имеется теперь) и от стока рек. (5). Реки питаются как дождями, так и подземными водами: земля-то полая, а в полостях — вода. Нил разливается летом потому, что в него стекают воды от [таяния] горных снегов. (6) Солнце, Луна и все звезды — раскаленные камни, охваченные круговращением эфира. Ниже звезд есть некие тела, которые вращаются вместе с Солнцем и Луной,

невидимые для нас. (7) Тепло звезд мы не ощущаем, так как они на большом расстоянии от Земли, и к тому же не так горячи, как Солнце, поскольку занимают область похолодней. Луна ниже Солнца и ближе к нам. (8) Солнце по величине превосходит Пелопоннес. Свет у Луны не свой, но от Солнца. Круговращение звезд происходит под Землей. (9) Затмения Луны бывают от того, что ее заслоняет Земля, а иной раз и тела, [которые обращаются] ниже Луны; затмения Солнца — когда его заслоняет Луна, по волюниям. Повороты Солнца и Луны происходят от того, что их отбрасывает назад воздух. Луна поворачивает часто, так как не может одолеть холодное начало [=воздух]. (10) Он впервые точно определил условия затмений и лунных фаз. Он сказал, что Луна землеобразна и что на ней есть равнины и ущелья. Млечный путь — отражение света звезд, не освещаемых Солнцем. Падающие звезды как бы искры, которые срываются [с неба] от движения небосвода. (11) Ветры возникают от того, что Солнце разжижает воздух, причем расплавленные [потоки] уходят в небесную высь, а оттуда отскоком несутся назад. Громы и молнии происходят от того, что горячее [вещество] врывается в облака. (12) Землетрясения происходят, когда верхний воздух врывается в подземный: последний сотрясается, поддерживаемая им Земля колеблется. Животные первоначально родились во влаге, а потом [стали рождаться] одно от другого, причем самцы рождаются, когда семя, выделившись с правой стороны, приклеится к правой стороне матки, а самки — когда наоборот. (13) Он был в расцвете * * * <а умер> в первый год восемьдесят восьмой олимпиады [428 г. до н. э.]; в том же году, как сообщают, родился Платон. Про него говорят также, что он был провидцем.

43. АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, 984 а 11: Анаксагор из Клазомен, который по времени был раньше [Эмпедокла], а делами — позже, принимает бесконечное число начал: он утверждает, что почти все подобочастные (как, например, вода или огонь) возникают и уничтожаются только в смысле соединения и разделения, а в другом смысле не возникают и не уничтожаются, но пребывают вечными. АРИСТОТЕЛЬ. О небе, 302 а 28: Учение Анаксагора об элементах прямо противоположно учению Эмпедокла. Последний утверждает, что огонь, земля и рядоположенные им тела суть элементы тел и что все тела состоят из них; Анаксагор, наоборот, — что подобочастные вещества (т. е. мясо, кость и все подобное) — элементы, а воздух и огонь — смеси этих и всех остальных «семян», поскольку и тот и другой представляют собой скопление всех подобочастных [телец], невидимых [вследствие малости]: потому-то из них [=воздуха и огня] и возникает все («эфир», по его терминологии, означает то же, что огонь).

44. ЛУКРЕЦИЙ, I, 830 сл. (пер. Ф. А. Петровского):

830 Анаксагора теперь мы рассмотрим «гомёомерию»,

Как ее греки зовут, а нам передать это слово

Не позволяют язык и наречия нашего скудость,

Но тем не менее суть его выразить вовсе не трудно.

Прежде всего, говоря о гомеомерии предметов,

835 Он разумеет под ней, что из крошечных и из мельчайших

Кости рождаются кости, что из крошечных и из мельчайших

Мышцы рождаются мышц и что кровь образуется в теле

Из сочетанья в одно сходящихся вместе кровинок.

Так из крупиц золотых, полагает он, вырасти может

840 Золото, да и земля из земель небольших получить;

Думает он, что огонь — из огней и что влага — из влаги,

Воображая, что все таким же путем возникает.

Но пустоты никакой допускать он в вещах не согласен,
844 Да и дроблению тел никакого предела не ставит.

875 Здесь остается одна небольшая возможность увертки,
Анаксагор за нее и хватается, предполагая,
Будто все вещи во всех в смешеньи таятся, но только
То выдается из них, чего будет бблшая примесь,
Что наготове всегда и на первом находится месте.

45. АРИСТОТЕЛЬ. Физика, Г 4.203 а 19: А те, кто полагает элементы бесконечными [по числу], как Анаксагор и Демокрит, говорят, что бесконечное [=материя] непрерывно благодаря контакту [частиц] и составляется, согласно первому, из подобочастных, согласно второму — из панспермии фигур [=атомов]. Причем первый из них считает, что любая частица — смесь, подобная Вселенной, так как зрительный опыт говорит о том, что все что угодно возникает из всего чего угодно. Исходя из этого, он, по-видимому, и сказал, что «некогда все вещи были вперемешку» [В 1] и т. д.

СИМПЛИКИЙ. Комм. к этому месту, 460, 4: Поскольку и Анаксагор, и Демокрит принимают бесконечное число начал (первый — гомеомерии, второй — атомы), [Аристотель] сначала излагает воззрение Анаксагора, и объясняет нам, почему Анаксагор пришел к такому представлению, и показывает, что Анаксагору приходится считать бесконечной по величине не только целокупную смесь [Вселен.], но и утверждать, что каждая гомеомерия, подобно Вселенной, содержит в себе все вещи, и даже не просто бесконечные [по числу], но и бесконечное число раз бесконечные (*ἀπειράκις ἄπειρα*). К такому воззрению Анаксагор пришел, полагая, что ничто не возникает из не-сущего и что все питается [=растет за счет] себе подобным. Он наблюдал, что все возникает из всего, пусть даже не непосредственно, а по порядку (так, из огня возникает воздух, из воздуха — вода, из воды — земля, из земли — камень, а из камня — опять огонь) и что, когда принимают одну и ту же пищу, например хлеб, возникает много неподобных [между собой вещей]: плоть, кости, вены, сухожилия, волосы, ногти, а бывает, что и перья, и рога; при этом подобное растет за счет подобного. Поэтому он решил, что все это содержится в пище, а в воде (раз ею питаются деревья) содержатся древесина, кора и плоды. Поэтому он утверждал, что все намешано во всем и возникновение происходит путем выделения [из смеси]. Вероятно, его навело на эту мысль и то, что при накаливании некоторых [веществ] из них возникают другие, например из камня — огонь, а из булькающей воды — воздух. Таким образом, наблюдая, что из каждой из ныне разделенных вещей выделяется все (как, например, из хлеба — плоть, кость и т. д.), и объясняя это тем, что в ней одновременно содержится и смешано воедино все, он на этом основании предположил, что раньше [вообще] все сущее было смешано воедино, прежде чем разделилось [на отдельные вещи]. Поэтому он и начал свое сочинение так: «Все вещи были вперемешку», [В 1], так что любая вещь, как этот-вот хлеб, и эта-вот плоть, и эта-вот кость, по своему составу — смесь, подобная Вселенной.

Там же, 1123, 21: Как полагали, Анаксагор утверждал, что все вещи были вперемешку и оставались неподвижными в течение бесконечного времени, затем творец космоса — Ум, соизволив разделить виды (*εἶδη*), которые он называет гомеомериями, сообщил им движение.

46. АРИСТОТЕЛЬ. О возникновении и уничтожении, I, 1. 314 а 18: [Анаксагор] полагает элементами подобочастные, как-то: кость, плоть, костный мозг и прочие вещи, часть каждой из которых соименна [«синонимична»] целому.

Мнения философов, I, 3, 5: Анаксагор, сын Гегесибула, клазоменец, началами сущего полагал гомеомерии, ибо ему казалось совершенно необъяснимым, как из того, чего нет, может возникнуть нечто или же уничтожиться в то, чего нет. Ведь мы едим пищу простую и однородную, хлеб и воду, а из нее образуются волосы, вены, артерии, плоть, сухожилия, кости и прочие части. Стало быть, раз это происходит, надо признать, что в пище, которую мы едим, [уже] содержится все, что есть, и что все растет из того, что [уже] есть. В этой пище содержатся порождающие частицы крови, сухожилий, костей и прочего, которые постигаются разумом. Не следует все сводить к ощущению на том основании, что эти [части тела] образуются из хлеба и воды: в них есть постигаемые разумом частицы. Поскольку содержащиеся в пище части (*μέρη*) подобны (*ὅμοια*) порождаемым ими [вещам], он назвал их подобочастиями (*ὁμομερείας*) и признал началами сущего, причем подобочастия — материей, а творящей причиной — все упорядочивший Ум. Начинает он так: «Все вещи были вперемешку, а Ум их разделил и упорядочил» (*χρημάτα* у него означает «вещи»). Поэтому его надо одобрить за то, что он присовокупил к материи творца.

47. ПЛАТОН. Федон, 97 b: Но однажды я услышал, как кто-то читал [вслух] из книги Анаксагора (как он сказал) и толковал о том, что-де устроитель и причина всех вещей — Ум. Я пришел в восторг от этого объяснения и решил, что тут что-то есть, в этом утверждении, что Ум — причина всех вещей, и подумал: если это так, то уж Ум-то, взявшись устраивать, должен устраивать все и располагать всякую вещь наилучшим образом. Я думал, что нашел в лице Анаксагора учителя себе по душе [букв. «по уму»] в объяснении вещей и что сначала он мне скажет — Земля плоская или круглая, а сказав, пояснит причину и необходимость [этого], исходя из принципа наивысшего блага: почему для Земли лучше всего быть именно такой; и если скажет, что Земля находится в центре, то пояснит, что для нее лучше всего быть в центре. (98 a) Я уже было настроился [прекратить поиски и] больше не искать иного вида причины, если он изъяснит мне это. Точно так же я настроился услышать от него сходные объяснения касательно Солнца, Луны и других звезд, их относительной скорости, поворотов и других явлений: в чем заключается принцип наивысшего блага для действий и претерпеваний каждой из них? Раз он говорит, что они упорядочены Умом, думал я, он никак не может приложить к ним какую-либо иную причину, кроме одной: самое лучшее для них — быть так, как они есть. Я думал, что, объяснив причину каждой из этих вещей и всех вместе, он растолкует, что самое лучшее для каждой из них и каково благо, общее для всех. Свои надежды я не продал бы и за большие деньги и, с большим рвением взяв книги [Анаксагора], стал читать их так быстро, как только мог, чтобы поскорее узнать, что самое лучшее и худшее. Как воспитательна была надежда, друг мой, и как я разочаровался, когда, углубившись в чтение, увидел, что умом он не пользуется вовсе и не указывает настоящих причин упорядоченности вещей, а ссылается на всякие там воздушные эфиры, воды и множество других нелепых вещей.

АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, А 4. 985 a 18: у Анаксагора Ум используется как *deus ex machina* (*μηχανή*) для творения мира, и всякий раз, как он не может объяснить, по какой причине [нечто] с необходимостью имеет место, он его притаскивает, а в остальных случаях он называет причиной происходящего все что угодно, только не Ум.

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 327, 26 [=ЕВДЕМ, фр. 53 W.]: Также и Анаксагор, по словам Евдема, оставив в стороне Ум, объясняет образование большинства вещей самопроизвольностью (*ἀβόματιζων*).

48. Мнения философов (Псевдо-Плутарх), I, 7, 5: Анаксагор говорит, что тела первоначально были неподвижны, а Ум бога их упорядочил и все привел в движение.

Там же (Стобей), I, 7, 15 («Что есть бог?»): По Анаксагору, бог есть Ум — творец космоса. Ср.: ЕВРИПИД, фр. 1018 N.: В каждом из нас ум [=дух] есть бог [ср. 64 С 2].

ЯМВЛИХ. Протрептик, 8: «Наш ум есть бог», как сказал. . . Анаксагор.

ФИЛОДЕМ. О благочестии, стб. 4 а, с. 66 G. (Теология Анаксагора): [Ум?] .

был, есть и будет, над всем правит и господствует. И Ум упорядочил все вещи, сущие бесконечными и смешанными. . . ЦИЦЕРОН. О природе богов, I, 11, 26: Затем Анаксагор, который был преемником Анаксимена по школе, первым выдвинул утверждение, что разделение и порядок всех вещей определяются и устраиваются разумной силой бесконечного ума. При этом он проглядел, что в нем [уме] не может быть ни чувственного и протяженного в бесконечность движения, ни вообще ощущения, которым бы он ощущал [как собственное тело] всю природу [=Вселенную], приведя ее в движение. Далее, если он полагал этот ум как бы живым существом, то должно быть нечто более внутреннее, [чем он сам], на основании чего он и называется живым существом. Что же внутренней ума? Следовательно, он должен быть окружен внешним [духовным] телом. Поскольку это абсурдно, то чистый и простой ум, не соединенный ни с чем, посредством чего он мог бы ощущать, представляется выходящим за границы нашего понимания.

49. ЦИЦЕРОН. Учения академиков, II, 37, 118: Анаксагор [полагал началом] бесконечную материю, а из нее—маленькие подобные между собой частицы; сначала они были смешаны, затем приведены в порядок божественным умом.

50. АРИСТОТЕЛЬ. Физика, Г 5. 205 b 1: Анаксагор абсурдно говорит о неподвижности бесконечного [тела]: он утверждает, что бесконечное упирается само в себя, так как находится в самом себе (ибо ничто другое его извне не объемлет [=не ограничивает]), предполагая, что где бы нечто ни находилось, там для него и естественно быть. См. также: ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ. О Мелиссе. . . , 2. 975 b 17 и 976 a 14= 30 А 5.

51. Мнения философов (Стобей), I, 14, 4 (форма корпускул): Согласно Анаксагору, подобочастные многообразны по форме.

52. АРИСТОТЕЛЬ. Физика, А 4. 187 а 20 [ср. 12 А 16]: *Другие говорят, что из одного выделяются содержащиеся в нем противоположности, — так говорит Анаксимандр и те, кто принимает одно и многое, как Эмпедокл и Анаксагор: они также допускают, что все прочее выделяется из смеси. Различаются они между собой тем, что один [=Эмпедокл] допускает периодичность этого [=выделения из смеси], а другой — однократность, а также тем, что один [=Анаксагор] [допускает] бесконечное число [элементов] — как подобочастных, так и противоположностей, — а другой — только известные [четыре] элемента* (187 а 26). По-видимому, Анаксагор пришел к этому мнению о бесконечности [элементов], так как считал верным общепринятое воззрение физиков, согласно которому ничто не возникает из того, чего нет (поэтому говорят так: «Все вещи были вперемешку» и «возникновение такой-то вещи равнозначно изменению» *или, согласно другим, «соединению и разделению»), а также исходя из того, что противоположности возникают друг из друга: следовательно, они содержались [одна в другой]. Действительно, если все возникающее по необходимости должно возникать либо из того, что есть, либо из того, чего нет, а возникновение из того, чего нет, невозможно (в этом мнении единодушны все физики), то они решили,

что оставшаяся альтернатива по необходимости должна быть верной, т. е. что [возникающее] возникает из того, что [уже] есть и имеется в наличии, но не воспринимается нашими чувствами по причине маленькой величины корпускул ($\delta\gamma\chi\omega\nu$). Поэтому они и говорят, что все размешано во всем, так как наблюдали, что все возникает из всего. По их мнению, вещи феноменально являются [нам] различными и называются разными именами в зависимости от того, какая из них преобладает по количеству в смеси бесконечных [по числу ингредиентов]: в чистом виде целиком не бывает ни белого, ни черного, ни сладкого, ни плоти, ни кости, но чего больше всего содержит всякая вещь, тем и представляется ($\delta\omicron\mu\alpha\iota\nu$) [нам] ее качественная самобытность ($\varphi\upsilon\sigma\iota\nu$)*.

АРИСТОТЕЛЬ. О возникновении и уничтожении, 314 а 11: А те, кто полагает материю множественной, как Эмпедокл, Анаксагор и Левкипп, должны считать [возникновение и качественное изменение, $\alpha\lambda\lambda\omicron\iota\omega\sigma\iota\varsigma$] различными. Да только Анаксагор, [утверждая это различие], забыл свои собственные слова: ведь он же сам говорит, что «рождение и гибель равнозначны изменению ($\alpha\lambda\lambda\omicron\iota\omega\sigma\iota\theta\alpha\iota$)».

53. *АРИСТОТЕЛЬ. Физика, А, 4. 188 а 5: А утверждение [Анаксагора], что [окончательное] разделение вещей не произойдет никогда, хоть и неосознанно, но верно, так как свойства неотделимы [от вещей]. (188 а 9) Так что несуразен взыскующей невозможного «Ум», коль скоро он хочет разделить [вещи], а сделать это невозможно и т. д.

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 461, 19: Даже при разделении [= дифференциации] они [= чувственные вещи] не оторвались полностью друг от друга [ср. В 8]. Поэтому Анаксагор говорит, что разделение всех вещей вообще невозможно, так как разделение [~ дифференциация] не есть полный разрыв.

54. Мнения философов, I, 17, 2: [Одни объясняют смесь как слияние и превращение ($\alpha\lambda\lambda\omicron\iota\omega\sigma\iota\varsigma$) элементов]. А Анаксагор и Демокрит с их последователями считают, что смеси образуются путем рядоположения элементов.

55. ПЛАТОН. Кратил, 413 с 4: [Этимология слова $\tau\omicron\delta\delta\iota\kappa\alpha\iota\omicron\nu$, «справедливое»]. Другой говорит, что «справедливое» — это то, о чем говорит Анаксагор, т. е. Ум, так как Ум, по его словам, будучи самовластным и не смешанным ни с чем, упорядочивает все вещи, проходя насквозь ($\delta\iota\alpha\ \iota\beta\nu\tau\alpha$) через все.

АРИСТОТЕЛЬ. О душе, А 2. 405 а 15: [Анаксагор] полагает ум началом по преимуществу: из всех сущих только его одного он признает простым, беспримесным и чистым. Причем он приписывает одному и тому же началу обе [способности], как познания, так и движения, полагая, что Ум привел в движение Вселенную.

56. АРИСТОТЕЛЬ. Физика, Θ 5. 256 б 24: Поэтому Анаксагор правильно считает Ум нестрадательным и беспримесным, раз он признает его причиной движения: только в том случае он может двигать, если сам недвижим, и [только в том случае] господствовать [над материей], если сам не смешан [с ней]. Ср.: *АРИСТОТЕЛЬ Метафизика, 1072 а 4: Что действительность предшествует [во времени возможности] — тому свидетель Анаксагор: Ум есть действительность (энергия).

57. КЛИМЕНТ АЛЕКС. Строматы, II, 14: Анаксагор впервые поставил над вещами Ум, но и он не сохранил творящей причины, а вообразил какие-то дурацкие «вихря» при полной бездеятельности и глухости ума.

58. АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, А 3. 984 б 15: Поэтому сказавший, что в природе (как в живых существах) содержится Ум и что это он причина космоса и всего [миро]порядка, явился словно трезвый по сравнению с прежними [философами], говорившими [пьяную] чушь ($\epsilon\iota\kappa\eta\tilde{\iota}$). Доподлинно известно, что таких взглядов дер-

жался Анаксагор, но есть основания предполагать, что еще раньше их высказал Гермотим из Клазомен.

59. *АРИСТОТЕЛЬ. Физика, Θ 1. 250 b 24: [Анаксагор] говорит, что все вещи были вперемешку и оставались неподвижными в течение бесконечного времени, а Ум сообщил им движение и разделил. . .

СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 1185, 9 (=ЕВДЕМ, фр. 111 W.): Евдем упрекает Анаксагора не только за его утверждение, что движение некогда началось, а раньше его не было, но и за то, что он упустил сказать, будет ли оно продолжаться или однажды закончится (ведь это вовсе не очевидно). «Что мешает Уму, — говорит он, — однажды принять решение остановить все вещи столь же [немотивированно], как он, по словам [Анаксагора], привел их в движение?». Еще Евдем вменяет Анаксагору в вину вот что: «Каким образом отрицательная противоположность может предшествовать во времени положительной? Стало быть, если покой есть отрицательная противоположность движения, он не может существовать раньше движения».

60. АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, I 6. 1056 b 28: Поэтому неверно сказал Анаксагор, отступив [от истины], что «все вещи были вперемешку, бесконечные по множеству и по малости» [В 1]; вместо «и по малости» ($\mu\iota\chi\rho\acute{o}\tau\eta\tau\iota$) следовало сказать «и по малочисленности» ($\delta\lambda\iota\gamma\acute{o}\tau\eta\tau\iota$) — в действительности они не бесконечны.

61. Там же, Λ 2. 1069 b 19: Все возникает из сущего, но только сущего в возможности, а в действительности не сущего. Именно это означает Одно Анаксагора (так лучше, чем «все вперемешку»), и «смесь» Эмпедокла и Анаксимандра, и то, что говорит Демокрит, «только» «вперемешку все было» в возможности, а в действительности — нет. Так что они, пожалуй, толковали о материи.

Там же, Λ 8. 989 а 30: Что касается Анаксагора, то если принять, что он полагает два элемента, то такое толкование вполне соответствовало бы теории, которую он сам, правда, ясно не сформулировал, но по необходимости внял бы тем, кто ему [ее] подсказал. . . (b 4) если следовать [за ходом его рассуждений] и помогать ему ясно формулировать то, что он хочет сказать, то может статься, что высказывания его покажутся более современными. Ясно, что в то время, когда ничто еще не было выделено, о таком [нерасчлененном] бытии невозможны были никакие истинные высказывания: например [о нем нельзя было сказать] ни «белое», ни «черное», ни «серое», ни [приписать ему] какой-либо другой цвет. Напротив, оно по необходимости было бесцветным, так как в противном случае у него был бы определенный цвет. На том же основании оно должно было быть также безвкусным. Нельзя было высказать о нем и никакой другой предикат: оно не может быть ни «каким», ни «скольким», ни «чем». В противном случае ему был бы присущ один из так называемых частных видов (эйдосов), но это невозможно, коль скоро все смешано. Иначе выделение уже имело бы место, а он говорит, что все было смешано, кроме Ума, и только он несмешан и чист. Откуда следует, что он полагает началами Одно (ибо оно — простое и несмешанное) и Иное в том смысле, в каком мы полагаем Неопределенное, прежде чем оно получило определение и сопричастность некому виду (эйдосу). Так что выражается он неточно и неясно, но то, что он имеет в виду, похоже на высказывания позднейших [философов] и распространенные ныне воззрения.

62. ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ, I, 7, 7 [контекст см. в гл. 12 Dubia]: Еврипид, похоже, тоже согласен со сказанным выше в том, что касается природы Вселенной (ибо он был учеником естествоиспытателя Анаксагора); в «Меланиппе» он высказывается так [фр. 484 N.]:

И не мое то слово — матери моей,
 Что было Небо и Земля — единый лик,
 Когда же разделились меж собою врозь,
 То породили все, произведя на свет
 Деревья, птиц, зверей и рыб морских,
 А также смертных род.

63. Мнения философов (Стобей), II, 1, 2: Фалес. . . Анаксагор, Платон, Аристотель, Зенон [признают] один космос.

64. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 154, 29: [Анаксагор и Эмпедокл различаются], во-первых, тем, что, по словам Анаксагора, единожды возникнув из смеси, космос впредь пребывает, управляемый и разделяемый Умом-начальником. . . Там же, 1121, 21: Анаксагор, Архелай и Метродор из Хиоса, судя по всему, считают, что космос возник с началом времени. Они утверждают, что движение также [некогда] началось: в течение предшествующего времени сущее было неподвижным, Ум вызвал движение, движение породило космос. По-видимому, и они также принимают начало миротворения [лишь] с дидактической целью

65. Мнения философов (Стобей), II, 4, 6: Анаксимандр, Анаксимен, Анаксагор, Архелай, Диоген, Левкипп [считают] космос уничтожимым. Там же, I, 24, 2=ЭМПЕДОКЛ, фр. 54 В.

66. Там же, I, 29, 7 («О случайности», тюхэ): Анаксагор и стоики [определяют случайность] как причину, неясную человеческому рассудку.

АЛЕКСАНДР АФРОДИС. О судьбе, 2: Анаксагор говорит, что ничто из происходящего не происходит волею судьбы (εἰμαρμένη), это имя лишено смысла.

Схолии к Элию Аристиду, кодекс Vatic. gr. 1298: Анаксагор говорил, что над людьми нет вообще никакого промысла богов, но всеми человеческими делами правит случай (тюхэ).

67. Мнения философов, II, 8, 1: Диоген и Анаксагор говорили, что после того, как космос образовался и произвел из земли животных, он спонтанно наклонился к югу.

68. АРИСТОТЕЛЬ. О небе, Δ 2. 309 а 19: Из числа тех, кто отрицает существование пустоты, одни, как Анаксагор и Эмпедокл, не дали никакого объяснения легкого и тяжелого.

АРИСТОТЕЛЬ. Физика, 213 а 22: Те, кто пытается доказать, что пустоты нет, опровергают не [существование] «пустоты» в общепотребительном смысле, а [«пустоты»] в ошибочном смысле — такую ошибку допускает Анаксагор и опровергающие сходным образом. На самом деле они доказывают [лишь], что воздух есть нечто, когда испытывают на прочность [надутые] мехи и показывают силу [сопротивления] воздуха и когда запирают его в клепсидрах.

69. ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ. Проблемы, XVI, 8. 914 б 9: Причина того, что происходит в клепсидре, в целом, по-видимому, та, что указывает Анаксагор: запертый в ней воздух — причина того, что вода не входит, когда трубка заткнута. Но это не безусловная причина: если окунуть клепсидру в воду боком, то даже при заткнутой трубке вода войдет внутрь. Поэтому Анаксагор недостаточно объяснил, при каких условиях [воздух выступает как] причина.

70. ТЕОФРАСТ. Об ощущениях, 59: [Физики] говорят, например, что разреженное и тонкое — горячее, а плотное и густое — холодное: таким мамером Анаксагор различает аэр и эфир.

71. Мнения философов, II, 13, 3 («О сущности звезд»): Анаксагор: по своей сущности облекающий [космос] эфир огненный, но силой круговращения он восхитил с Земли камни и, воспламенивши, обратил в звезды.

72. Там же (Стобей), II, 20, 6: Анаксагор: Солнце — раскаленная глыба или камень.

Там же (Псевдо-Плутарх), II, 21, 3 («О величине Солнца»): Анаксагор: во много раз больше Пелопоннеса.

Там же, II, 23, 2 («О солнцеворотах»): Анаксагор: в силу обратного толчка околополярного воздуха, который оно [=Солнце] само [туда] нагнетает и усиливает через сгущение.

73. КСЕНОФОНТ. Воспоминания о Сократе, IV, 7, 6: Вообще он [=Сократ] не советовал заниматься изучением небесных явлений, как бог производит каждое из них: этого, думал он, людям не удастся постигнуть, да и богам не доставит удовольствия, кто исследует то, чего эни не захотели открыть; к тому же рискует сойти с ума, кто занят такими изысканиями, точно так же как сошел с ума Анаксагор, очень гордившийся своим объяснением действий богов. (7) Так, Анаксагор говорил, что огонь и Солнце одно и то же, но он упустил из виду то, что на огонь люди легко смотрят, а на Солнце не могут глядеть, что от солнечного света люди имеют более темный цвет кожи, а от огня — нет; он упустил из виду также и то, что ни одно растение без солнечных лучей не может хорошо расти, а от согревания огнем они все погибают; утверждая, будто Солнце есть раскаленный в огне камень, он упустил из виду и то, что камень, находясь в огне, не светит и не может долго держаться, а Солнце вечно остается самым блестящим светилом (пер. С. И. Соболевского).

АРИСТОТЕЛЬ, О небе, А, 3. 270 b 24: Анаксагор употребляет это имя [=«эфир»] неправильно: он называет «эфиром» огонь. СИМПЛИКИЙ. Комм. к этому месту, 119, 2: Он винит Анаксагора в том, что тот неправильно этимологизировал имя αἴθρ from αἴθερ, т. е. «жечь», и поэтому употребляет его применительно к огню. См. также: АРИСТОТЕЛЬ. Метеорология, 339 b 22.

74. ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ. Проблемы, XI, 33. 903 a 7: Почему ночью лучше слышно, чем днем? Потому ли, что — как говорит Анаксагор — днем воздух шипит и шумит, поджариваясь на солнце, а ночью погружается в тишину, поскольку жар исчезает?

ПЛУТАРХ. Застольные вопросы, VIII, 3, 3. 722 A: Анаксагор говорит, что от солнечного нагрева воздух приходит в дрожательное и колебательное движение — это видно по мельчайшим дылинкам и частичкам (некоторые называют их «пушинками»), которые постоянно мелькают в солнечном луче. Вот эти самые частички, по словам Анаксагора, шипя и шумя от жара, днем приглушают [человеческие] голоса, а ночью их тряска и гул унимаются.

75. ПРОКЛ. Комм. к «Тимею», III, 63, 26 D.: Платон [38 с 5]. учил, что Солнце и Луна вместе про-изошли в [чувственный] мир. Но и эту теорию изобрел не он — впервые ее выдвинул Анаксагор, как сообщает Евдем [фр. 147 W.].

76. ПЛАТОН. Кратил, 409 a 9: То, что он [=Анаксагор] говорил недавно — что Луна получает свет от Солнца. (b 6) если верно то, что говорят анаксагоровцы: все время кружа вокруг Луны, Солнце прибавляет ей все новый и новый свет. . .

77. Схолии к Аполлонию Родосскому, I, 498: Тот же Анаксагор говорит, что Луна — плоская страна, с которой, как полагают, упал Немейский лев.

Мнения философов, II, 25, 9 («О сущности Луны»): Анаксагор и Демокрит: раскаленная твердь, на которой есть равнины, горы и ущелья.

АХИЛЛ. Введение к Арату, 21, с. 49, 4 М.: Другие [считают Луну] раскаленной земной твердью, содержащей огонь; на ней есть иная обитаемая область, реки и все, что на Земле; оттуда же, по мифу, упал и Немейский лев.

Мнения философов, II, 30, 2 (чем объясняется «изображение» на диске Луны): По Анаксагору — неровности строения; вследствие примеси холодного вещества и землистого состава одни [участки поверхности] у нее высокие, другие низкие, третьи впадины.

Там же (Стобей), II, 28, 5: Фалес первым сказал, что [Луна] освещается Солнцем. Анаксагор, Метродор — то же.

Там же (Стобей), II, 29, 6—7: Фалес, Анаксагор, Платон и стоики в согласии с математиками [=астрономами] [полагают, что] ежемесячные исчезновения [Луны происходят], когда она соединяется с Солнцем и <не> освещается [им], а затмения — когда она попадает в тень Земли, оказавшейся между обоими светилами, причем Луна заслоняется в большей мере, [чем при частичных затмениях]. (7) По словам Теофраста, Анаксагор [объясняет причины затмений] также тем, что иногда Луна заслоняется [обращающимися] ниже нее телами.

78. Там же (Псевдо-Плутарх), II, 16, 1: Анаксагор, Демокрит, Клеанф: все светила движутся с востока на запад.

79. АХИЛЛ. Введение к Арату, I, 13, с. 40, 26: Ни Анаксагор, ни Демокрит в «Большом мирострое» не признают светила живыми существами.

80. АРИСТОТЕЛЬ. Метеорология, А 8. 345 а 25: Анаксагор и Демокрит с их последователями считают Млечный путь светом неких звезд, поскольку, двигаясь под Землей, Солнце не освещает [букв. «не видит»] некоторых звезд. Свет тех звезд, которые освещаются Солнцем, не виден (мешают солнечные лучи), а тех, которые загораживаются Землей так, что Солнце на них не светит, [виден], и вот собственный свет этих звезд, по их словам, и есть Млечный путь.

Мнения философов, III, 1, 5 (О Млечном пути): По Анаксагору, тень Земли падает на эту часть неба, когда зашедшее под Землю Солнце не освещает все [видимое небо] целиком.

81. АРИСТОТЕЛЬ. Метеорология, А 6. 342 в 25: Анаксагор и Демокрит говорят, что кометы — это «со-видимость» (σύνφασις) блуждающих звезд, [возникающая] всякий раз, как благодаря [видимому] сближению они создают иллюзию взаимного контакта.

Мнения философов, III, 2, 2: Анаксагор, Демокрит [объясняют кометы как] схождение двух или больше звезд, путем слияния лучей.

Схолии к Арату, с. 545, 20 М.: Демокрит и Анаксагор говорят, что кометы образуются благодаря слиянию света двух планет, отсвечивающих друг в друге, подобно зеркалам, всякий раз, как они сблизятся между собой.

82. Мнения философов, III, 2, 9: По мнению Анаксагора, так называемые «мелькающие» [=падающие] звезды падают словно искры из эфира, потому они тотчас гаснут.

83. СЕНЕКА. Естественнаучные вопросы, VII, 5, 3: В своей книге о кометах Хармандр говорит, что Анаксагор видел великое и необыкновенное сияние на небе величайшей с изрядное бревно, и сверкало оно много дней.

84. АРИСТОТЕЛЬ. Метеорология, В 9 (о молнии и громе). 369 в 14: . . . По Анаксагору, часть горнего эфира (так он называет огонь), низвергнувшаяся сверху вниз.

Вспышка этого огня есть молния, а шум и шипение от угасания — гром: он думает, что как нам кажется, так оно и происходит, и что молния действительно раньше грома.

Мнения философов, III, 3, 4: Когда горячее попадет в холодное (т. е. часть эфира в азр), то от шума получается гром, от [светлого] цвета на фоне черного облака — молния, от большого количества и величины света — перун, от огня с более плотной корпусуленцией — тифон [= ураган], а от смешанного с облаком — престер [= торнадо].

СЕНЕКА. Естественнонаучные вопросы, II, 12, 3: Анаксагор говорит, что огонь стекает по каплям из эфира, и из столь огромного [скопления] небесного жара падает много [огней], которые долго сохраняются внутри облаков.

Там же, II, 19 [после 12 А 23]: Анаксагор все это объясняет тем, что некоторое количество эфира ниспадает вниз: наткнувшись на холодные облака, огонь гремит, а разрывая их, сверкает, и причем меньшее количество огней образует молнии, а большее — перуны.

85. Мнения философов (Стобей), III, 4, 2: Анаксагор облака и снег [объясняет] сходно с Анаксименом [13 А 17], а град, [по его мнению, бывает], когда частицы замерзших облаков устремятся к земле, охлаждаясь и закружываясь при падении.

АРИСТОТЕЛЬ. Метеорология, А 12 (о граде). 348 b 13: По словам Анаксагора, это происходит с облаком, когда оно взойдет в холодный воздух, а по нашему мнению, когда сойдет в горячий. Там же, 348 a 14: По мнению некоторых, причина этого явления и [его] возникновение в том, что облако выталкивается в верхнее место, более холодное, так как там кончаются отражения лучей от Земли, а когда оно туда попадет, вода замерзает. Поэтому град чаще выпадает летом и в теплых странах, ибо жар вздымает облака на большую высоту над землей.

*СЕНЕКА. Естественнонаучные вопросы, IV b, 3, 6: По Анаксагору. . . град — не что иное, как взвешенный лед, а снег — парящий иней.

86. Мнения философов (Псевдо-Плутарх), III, 5, 11 (О радуге): По Анаксагору, отражение солнечного сияния в плотном облаке, причем она всегда находится прямо напротив отражающегося в ней светила. Сходным образом он объясняет так называемые паргелии, которые наблюдаются в области Понта.

86 а. Схолии А к Эсхилу (Прометей, 88): По Анаксагору, ветры рождаются из земли, по Гомеру, «из туч Зевеса-отца» [Ил. II, 146]. Анаксагор указывает материальную причину ветров, а Гомер — творящую, или, скорее, обе — материальную [= «тучи»] и творящую [= Зевс].

87. Астрономические эксперименты (Ватиканский кодекс 381): Земля не вогнутая, как считает Демокрит [фр. 405 Л.], и не плоская, как считает Анаксагор.

88. АРИСТОТЕЛЬ. О небе, В 13. 295 a 9: Поэтому если сейчас Земля покоится насильственно, то и вихревое движение, благодаря которому ее части собрались в центр, также было насильственным. Именно его все считают причиной, основываясь на наблюдении вихрей, происходящих в жидкостях и в воздухе: в них более крупные и более тяжелые тела всегда устремяются к центру вихря.

СИМПЛИКИЙ. Комм. к этому месту, 511, 23: Большинство полагает, что Земля находится в центре, как Эмпедокл. и Анаксагор.

Там же, 520, 28: .Считавших, что Земля остается неподвижной потому, что ее поддерживает находящийся под ней воздух, который она запирает благодаря своей плоской и барабанообразной форме, не давая ему выхода. Полагали, что это учение Анаксимена, Анаксагора и Демокрита. См. также 13 А 20.

89. АРИСТОТЕЛЬ. Метеорология, В 7. 365 а 19 (о землетрясениях): Анаксагор говорит, что эфир, которому от природы свойственно двигаться вверх, попадая под землю и [проникая] в полости, колеблет ее: сверху Земля слиплась от дождей [и не пропускает эфир], хотя по природе она вся одинаково пористая. Тем самым он предполагает, что у всей сферы есть верх и низ, и та сторона, на которой мы живем, — верхняя, а противоположная ей — нижняя. . . (а 31) Столь же наивно говорить, что Земля покоится на воздухе благодаря своей величине, и в то же время утверждать, что она сотрясается от ударов снизу вверх вся насквозь. Кроме того, он совершенно не объясняет обстоятельств, при которых происходят землетрясения.

Мнения философов (Псевдо-Плутарх), III, 15, 4 (О землетрясениях): Анаксагор [объясняет] опусканием воздуха на глубину: вследствие сжатия он ударяется в поверхность [Земли], а так как не может выделиться [из нее] — сотрясает колебанием окружающее.

СЕНЕКА. Естественные вопросы, VI, 9, 1: Некоторые считают причиной землетрясений огонь, некоторые — огонь, но не единственной причиной. К первым относится Анаксагор, который считает, что сотрясения воздуха и Земли происходят по сходной причине: воздух (*spiritus*) под землей разрывает плотный, сгущенный в тучи азр (с той же силой, с какой у нас [во время грозы] трескаются тучи) и от этого столкновения туч и тока прыснувшего воздуха вспыхивает огонь. Ища выхода, он налетает на все, что встает у него на пути и разносит преграды, покуда не найдет себе узкий проход к небу или не [проложит] его сокрушительной силой. См. также: АММИАН МАРЦЕЛЛИН, XVII, 7, 11.

90. Мнения философов (Псевдо-Плутарх), III, 16, 2 («О море — как оно возникло и почему горькое»): Анаксагор говорит, что, после того как первоначально затопивавшая [всю Землю] вода была обожжена солнцем и пресная [часть воды] испарилась, оставшаяся часть приобрела соленость и горечь.

АЛЕКСАНДР АФРОДИС. Комм. к «Метеорологии», 67, 17: Третье воззрение о море гласит, что просачивающаяся через землю и промывающая ее вода становится соленой, так как именно в земле содержатся такие вкусовые вещества. В доказательство этого они ссылались на то, что из земли выкапывают и соль, и соду (*νιτρον*), а кроме того, во многих местах земля имеет едкий вкус. Этого воззрения держались Анаксагор и Метродор.

ГАЛЕН. Комм. к «Эпидемиям» Гиппократов, CMG V 10, 1, с. 193, 6 Pfaff [пер. с араб.]: Wir finden ja auch das Wasser, wenn das Feuer oder die Sonne es übermäßig erhitzt, sozusagen zur Salzigkeit neigend, nur dass die Arten des Wassers im Annehmen von Salzgeschmack sich nach ihrer ersten Natur unterscheiden; Wasser nämlich, das schnell Salzgeschmack annimmt, wenn es erhitzt wird, und in dem er dann gründlich vorherrscht, kann man nicht trinken. Anaxagoras nennt diesen Geschmack «natronisch» von dem Wort «Natron», weil Natron auch Salz ist. [. . .] Hippokrates nennt ihn salzreich und Platon «salzig».

91. Мнения философов (Псевдо-Плутарх), IV, 1, 3 («О разливах Нила»): По Анаксагору, от снега в Эфиопии, который летом тает, а зимой замерзает.

СЕНЕКА. Естественные вопросы, IV а 2, 17: Анаксагор говорит, что растаившие снега стекают в Нил с гор Эфиопии. Того же мнения держалась вся древность: его высказывают Эсхил [«Умоляющие», ст. 559; фр. 300 N.], Софокл [фр. 797 N.], Еврипид [«Елена», 3; фр. 228 N.].

ГЕРОДОТ, II, 22: Третье объяснение хоть и намного благовиднее, а совершенно ложно: оно тоже ничего толком не объясняет, утверждая, что истоки Нила питаются тающим снегом и т. д.

*ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ, I, 38, 4: Физик Анаксагор утверждал, что причина разлива — таяние снега в Эфиопии, ему следовал в этом и поэт Еврипид (его ученик), который говорит так [фр. 228 N.]:

. . . А я покинув Нила воды дивные,
 Что в крае чернолюдном Эфиопии
 Свой полнит ток, едва растает горный снег.

*Там же, I, 39, 1: Демокрит из Абдер говорит, что снег выпадает не в южных краях, как говорили Еврипид и Анаксагор, а в северных и т. д. [=ДЕМОКРИТ, фр. 411 Л.].

92. ТЕОФРАСТ. Об ощущениях, 27 сл.: Согласно Анаксагору, [ощущения в целом] происходят по принципу противоположности [воспринимающего и воспринимаемого], так как подобное не испытывает воздействия подобного: каждое отдельное ощущение он пытается подробно описать особо. Так, видим мы благодаря отображению (ἐμφασις) в зрачке, причем отображение происходит не в одноцветном, но в ином [по цвету]. Для большинства [животных] иноцветность [предметов] имеет место днем, а для некоторых — ночью, поэтому они острее видят ночью. В целом же ночь чаще бывает одноцветной глазам. Отображение происходит днем, так как свет — сопутствующая причина отображения, а преобладающий цвет всегда лучше отображается в ином, [чем он сам]. (28) Таким же образом различают [воспринимаемое] и осязание, и вкус: так, одинаково горячее или холодное, [т. е. такое же горячее или холодное, как наше тело], при контакте и не греет и не холодит [нас], и точно так же мы не распознаем сладкое и кислое через них самих, но горячим — холодное, соленым — пресное и кислым — сладкое благодаря нехватке каждого [из этих чувственных качеств в нас самих] — а он утверждает, что все они содержатся в нас. То же и с обонянием и слухом, причем обоняем мы одновременно с вдыханием [запаха], а слышим благодаря тому, что звук проникает вплоть до мозга, поскольку окружающая [ухо] кость полая и в нее попадает звук. (29) Всякое ощущение сопровождается болью (ἄλγῃ) (что, по видимому, согласуется с его исходным постулатом, так как все неподобное при соприкосновении вызывает боль). Это становится очевидным при большой продолжительности [восприятия] и при чрезмерной силе ощущений. Так, яркие цвета и чрезмерно громкие звуки вызывают боль, и если они не ослабевают, мы не можем выносить их в течение длительного времени. Чем крупнее животное, тем оно чувствительнее, и вообще сила ощущения пропорциональна величине [органов]. Так, [животные], у которых большие, чистые и ясные глаза, видят [предметы] крупные и издалека, а у которых маленькие — те наоборот. То же и со слухом. (30) Большие [уши] слышат громкие звуки и издалека, а менее громких не замечают; маленькие [уши слышат] тихие звуки и вблизи. То же и с обонянием. Сильнее пахнет тонкий воздух, так как пахнет он при нагревании и разрежении. При дыхании большое животное вместе с разреженным втягивает и густой воздух, а маленькое — только разреженный. Поэтому большие животные лучше ощущают. Запах тем «ближе», чем он гуще, а рассеиваясь [=распространяясь дальше], он слабеет. Так что можно сказать, что большие животные не ощущают тонкого воздуха [=запаха], а маленькие — густого. [. . .] (37) Итак, в этом отношении, [т. е. в теории «отображения»], Анаксагор, как сказано, высказывает взгляд довольно распространенный и не новый. Но в то же время он высказывает ори-

гинальные мысли обо всех ощущениях по отдельности, и особенно о зрении, объясняя, почему воспринимается большое; более грубые ощущения он не разъясняет. Там же, 59: [В объяснении цветовых ощущений] другие ограничиваются утверждением, что белое и черное — начала, а прочие цвета возникают от их смешения. Анаксагор также высказался о них в общей форме.

93. Мнения философов (Стобей), IV, 3, 2 («Телесна ли душа и какова ее сущность»): Анаксимен, Анаксагор, Архелай, Диоген [полагают, что] душа состоит из воздуха. [В редакции Псевдо-Плутарха добавлено]: «и считали ее телом».

Там же (Стобей), IV, 5, 11 («О сознании»): Пифагор, Анаксагор . . . [считают, что] ум внедряется извне.

ФЕОДОР ИТ. Врачевание, V, 23: Пифагор, Анаксагор. . . утверждали, что душа бессмертна. См. также 28 А 47.

94. АРИСТОТЕЛЬ. Никомахова этика, VII, 15. 1154 b 7: Живое существо постоянно испытывает боль, о чем свидетельствуют и естественные, утверждающие, что зрение и слух болезненны, но мы уже привыкли, говорят они.

АСПАСИЙ. Комм. к этому месту, с. 156, 14: Анаксагор говорил, что живое существо постоянно испытывает боль от ощущений. [Аристотель] приводит этот взгляд не в знак согласия с ним, а просто для сведения, поскольку они [=перипатетики] не считали, что живое существо постоянно ощущает боль, и в упрек Анаксагору (как и Теофраст в «Этике») он говорит, что наслаждение изгоняет страдание и т. д.

Мнения философов (Стобей), IV, 9, 16: По Анаксагору, всякое ощущение сопровождается болью (*πῶνος*).

95. ЦИЦЕРОН. Учения академиков, I, 12, 44: [Аркесилай начал полемику с Зеноном] по причине темноты тех вещей, которые привели к признанию собственного незнания Сократа и еще раньше Сократа Демокрита, Анаксагора, Эмпедокла, да, можно сказать, всех древних, которые утверждали, что ничего нельзя ни познать, ни воспринять, ни знать; ощущения «узкие» [ЭМПЕДОКЛ, фр. 10, 1 В.], «дух немощен» [59 В 21 ?], «жизненное поприще коротко», «истина — на дне бездны» (по словам Демокрита), все утверждения основаны на субъективных мнениях и условностях, на долю истины не остается ничего, все окутано мраком — вот что говорили они.

96. Мнения философов (Стобей), IV, 9, 1 («Истинны ли ощущения?»): Пифагор, Эмпедокл, Ксенофан, Парменид, Зенон, Мелисс, Анаксагор, Демокрит, Метродор, Протагор, Платон [считают] ощущения ложными.

97. СЕКСТ ЭМПИРИК. Пирроновы основоположения, I, 33: Мыслимое видимому [мы противопоставляем] так, как Анаксагор противопоставлял утверждению «снег бел» рассуждение «снег есть замерзшая вода; вода черна, следовательно, снег черен».

ЦИЦЕРОН. Учения академиков, II, 31, 100: И он признаёт белизну снега охотнее, чем Анаксагор, который не только это отрицал, но и утверждал, что поскольку он знает, что вода, из которой образовался снег, черна, то снег даже не кажется ему белым.

98. Схолии к Гомеру (А), к словам «черную воду» (Ил., XVI, 161): Анаксагор: «Ибо черна по природе: ведь и дым тоже черен потому, что возникает из воды в дровах».

98 а. МИХАИЛ ПСЕЛЛ. О свойствах камней, 26: Многие дерзнули изъяснить причины сих свойств, присущих камням, из более древних мудрецов — Анаксагор, Эмпедокл и Демокрит.

99. АРИСТОТЕЛЬ. О душе, А 2. 404 а 25: Анаксагор также понимает душу (псюхэ) как принцип движения, равно как и любой другой [философ], сказавший, что

Вселенную привел в движение ум ($\nu\omicron\upsilon\varsigma$), — но только не совсем так, как Демокрит: тот просто отождествляет душу и ум. . .

100. Там же, 404 b 1: Анаксагор не так ясно говорит о них, [как Демокрит]: во многих местах он понимает ум как причину [всего] прекрасного и правильного, а в других отождествляет его с душой — это явствует из его слов, что ум присущ всем животным, и великим и малым, и честным и бесчестным. Но ум в смысле «разума» ($\varphi\rho\acute{\nu}\nu\eta\varsigma\iota\varsigma$) явно не присущ всем животным одинаково, и даже не всем людям.

Там же, 405 a 13: [В отличие от Демокрита] Анаксагор, судя по всему, различал душу и ум, как мы уже сказали выше, но пользуется обоими как одним понятием, только ум он полагает высшим началом, поскольку считает его единственным из всех вещей — простым, несмешанным и чистым. Одному и тому же началу он приписывает обе способности — и познания и движения, так как говорит, что ум двинул Вселенную.

Там же, 405 b 19: [Большинство допускает сродство души и первоэлементов, следуя принципу «подобное познается подобным»]. И только один Анаксагор утверждает, что ум не испытывает никаких воздействий и что в нем нет абсолютно ничего общего ни с одной другой вещью. Спрашивается, если он таков, то как он вообще сможет познавать и по какой причине. Ни сам Анаксагор не ответил на это, ни [нам теперь это] не ясно по контексту.

Там же, III, 4. 429 a 18: Стало быть, коль скоро ум мыслит все, он по необходимости должен быть «несмешанным», как сказал Анаксагор, чтобы «овладевать», т. е. чтобы познавать.

101. Мнения философов (Псевдо-Плутарх), V, 20, 3: По Анаксагору, все животные обладают деятельным разумом ($\lambda\acute{o}\gamma\omicron\nu$), но не обладают, так сказать, речевым [разумом] — так называемым «переводчиком ума» ($\nu\omicron\upsilon$).

102. АРИСТОТЕЛЬ. О частях животных, IV, 10. 687 a 7: Анаксагор говорит, что человек — самое разумное из всех животных, потому что у него есть руки. Логичнее было бы сказать, что ему достались руки, потому что он самое разумное [из всех животных]. Ибо руки — это орудие, а природа, подобно разумному человеку, каждого наделяет тем, чем он умеет пользоваться.

Ср.: ГАЛЕН. О назначении частей человеческого тела, I, 3: Как человек — мудрейшее из животных, так и руки — орудия, подобающие мудрому животному. Ибо человек не потому мудрейшее существо, что ему достались руки, как говорил Анаксагор, но потому ему достались руки, что он был мудрейшим, как говорит Аристотель, который совершенно прав.

103. Мнения философов (Псевдо-Плутарх), V, 25, 2 («Душевные ли или телесные состояния смерть и сон»): По Анаксагору, сон бывает от усталости, сопряженной с работой тела, стало быть, это состояние телесное, не душевное, но, с другой стороны, разделение [тела и души] означает также и смерть души.

104. ГАЛЕН. О естественных способностях, II, 8: . . . Почему бы нам не рассмотреть и вопрос о крови, зарождается ли она в теле или уже содержится в пище в рассеянном виде, как утверждают те, кто принимает гомеомерии.

105. АРИСТОТЕЛЬ. О частях животных, IV, 2. 677 a 5: Последователи Анаксагора неверно думают, что желчь — причина острых болезней: при избыточном накоплении происходит ее излияние в легкие, вены и бока. Между тем почти ни у кого из страдающих этими болезнями нет желчи, да и при анатомировании это становилось бы ясно.

106. Мнения философов (Псевдо-Плутарх), IV, 19, 5: По Анаксагору, звук голоса возникает так: воздушная струя сталкивается с плотным воздухом и в результате возвратного удара доносится до ушей, как это бывает и в случае с эхо.

107. АРИСТОТЕЛЬ. О возникновении животных, IV, 1. 763 b 30: Одни утверждают, что эта противоположность [= мужского и женского пола] изначально имеется в семени (так думает Анаксагор и некоторые другие физиологи): по их мнению, семя рождается от самца, а самка [лишь] предоставляет место, и причем самцы — с правой стороны, самки — с левой; то же и в матке — самцы находятся справа, а самки — слева. См. также 24 A 13; 28 A 53; ЭМПЕДОКЛ, фр. 644, 651.

108. ЦЕНЗОРИН, 6, 1 (какая часть зародыша образуется первой): По мнению Анаксагора, головной мозг, откуда все ощущения.

109. Там же, 6, 2: Следуя Анаксагору, некоторые считают, что [в зародыше] содержится эфирное тепло, которое упорядочивает члены.

110. Там же, 6, 3: Анаксагор и многие другие полагают, что пища [зародышу] подается через пуповину.

111. Там же, 6, 8: Анаксагор считал, что дети похожи на того из родителей, кто внес больше семени.

112. Мнения философов (Псевдо-Плутарх), V, 10, 23 («О происхождении животных. »): Последователи Эпикура, согласно которым животные безначальны в плане [вечного] изменения, считают, что они зарождаются периодически, поскольку животные — части вот-этого космоса. С этим согласны Анаксагор и Еврипид: «Не гибнет. обличье». Ср.: ЕВРИПИД. ХРИСИП, фр. 839 N. (поет хор):

Великая Гея и Зевсов Эфир —
 Прародителем стал он людей и богов,
 А она влаговержные капли дождя
 Восприявши во чреве, рождает людей,
 Рождает снедь и зверей племена,
 Потому и не зря
 Почитается Матерью общей.
 Но уходит назад
 Что Землей рождено — то во прах земной,
 А от горнего семени что возросло,
 То в небесный свод вернется опять.
 Не гибнет ничто из рожденных на свет,
 Но одно с другим разделяясь врозь,
 Являет иное обличье.

113. ИРИНЕЙ, II, 14, 2: Анаксагор, который был прозван безбожником, утверждал, что живые существа произошли от семян, упавших с неба на землю.

114. АРИСТОТЕЛЬ. О возникновении животных, III, 6. 756 b 13: Кое-кто говорит, что вороны, равно как и ибисы, спариваются через рот и что из четвероногих через рот рождает ласка. Об этом говорит Анаксагор и еще кое-кто из физиков, говорят весьма наивно и несерьезно.

115. АРИСТОТЕЛЬ. О дыхании, 2. 470 b 30: Анаксагор и Диоген, утверждающие, что дыхание присуще всем животным, описывают, как дышат рыбы и моллюски. По словам Анаксагора, рыбы дышат так: выпустив воду через жабры, они втягивают замесивший ее во рту воздух, так как пустоты быть не может.

116. ПЛУТАРХ. Физические причины, I. 911 D: Платон, Аваксагор и Демокрит считают, что растение — это приросшее к земле животное.

117. ТЕОФРАСТ. Исследование о растениях, III, 1, 4: Спонтанное зарождение [диких растений], о котором говорят физиологи. Так, Анаксагор утверждает, что воздух содержит семена всех [растений?], которые выпадают вместе с [дождевой] водой и порождают растения.

ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ. (=Николай из Дамаска). О растениях, I, 1. 815 а 15 (ср.: ЭМПЕДОКЛ; фр. 577): Анаксагор и Эмпедокл говорят, что растения способны совершать движения по желанию, а также утверждают, что они ощущают, испытывают страдание [~боль] и удовольствия. Из них Анаксагор в доказательство своего утверждения, что растения — животные, испытывающие удовольствие и страдание, ссылался на поворот листьев. [. . .] (b 16) Анаксагор, Демокрит и Эмпедокл говорили, что растения обладают умом (*intellectus*=*νοῦς*) и пониманием (*intellegentia*=*φρόνησις*). Там же, гл. 5. 816 b 26: Пусть Анаксагор и говорит, что растение обладает дыханием.

Там же, гл. 6. 817 а 23: Источник питания растений — земля, а причина плодоношения — солнце. Поэтому Анаксагор сказал, что растения оплодотворяются воздухом.

* 118. Мнения филос. V, 27, 2 (Daiber, Aëtius Arabus, 245): *Anaxagoras glaupte: die Lebewesen werden durch die Feuchtigkeit ernährt, welche jedes ihrer Organe durch das Verzehren und in der Ernährung herbeizieht. Sie wachsen, wenn zu ihnen viel Nahrung gelangt, werden aber schwach und siechen dahin, wenn das, was von ihnen zerfällt, viel ist.*

В. ФРАГМЕНТЫ

О природе

1. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 155, 23 Diels: О том, что, по мнению Анаксагора, бесконечное множество подобочастных выделяется из одной смеси, при том что все содержится во всем, а каждая вещь характеризуется тем, что в ней преобладает, он ясно дает понять в первой книге «Физики», в самом начале которой он говорит:

«Все вещи были вперемешку, бесконечные и по множеству, и по малости, так как и малость была бесконечной. И пока все было вперемешку, ничто не было ясноразлично по причине [своей] малости: все обнимали аэр (туман) и эфир, оба бесконечные. Ибо изо всех [тел], которые содержатся во Вселенной, эти [два] самые большие и по множеству, и по величине». Ср. А 60. 61.

2. Там же, 155, 30 (после В 1): . . . И чуть ниже: «Ибо аэр (туман) и эфир выделяются из небосвода Объемлющего, а Объемлющее бесконечно по множеству».

3. Там же, 164, 16: О том, что в началах нет ни наименьшего, ни наибольшего, [он говорит в следующих словах]: «Ибо ни у малого. . . и велика и мала». Действительно, если все [содержится] во всем и все из всего выделяется, то и из того, что считается наименьшим, выделится нечто меньшее, чем оно, и то, что считается наибольшим, выделится из чего-то большего, чем оно само. Он ясно говорит, что «во всем содержится доля . . . ум тоже» [В 11]. А также: «все. . . вещь» [В 12]. В другом месте он говорит так: «А так как . . . выделяющихся [из смеси]» [В 6]. Аваксагор также полагает, что каждая из чувственных гомеомерий (подобочастных) возникает и характеризуется путем соединения подобных [частей]. Он говорит: «Но чего . . . была и есть» [В 12].

«Ибо ни у малого нет наименьшего, но всегда [еще] меньшее (ибо бытие не может перестать быть путем деления), и точно так же у большого есть всегда большее. И оно равно малому по множеству. Сама же по себе всякая вещь и велика и мала».

4. Там же, 34, 28: Немного ниже, после начала первой книги «О природе», Анаксагор говорит так: «Коль скоро это так . . . но и в другом месте». Быть может, кто-нибудь подумает, что он не сопоставляет разделение [смеси] при возникновении [нашего мира] с разделением в умпостигаемом мире, а [просто] сравнивает область Земли, в которой мы живем, с другими местами Земли. Однако о других местах [Земли] он не сказал бы «солнце. . . как у нас» и не назвал бы то, что там находится, «семенами и формами (идеями) всех вещей». (156, 1) И немного ниже [после В 2]: «Коль скоро это так . . . запахами». «А прежде чем выделилось. . . на другую». (34, 21) «А прежде чем выделилось это . . . все вещи» [с пропуском слов «Так как и из всех прочих . . . на другую»]. (157, 9) Сказав: «содержится много всевозможных . . . и люди образовались, и все другие животные, обладающие душой», он добавляет: «и что у людей . . . употребляют». То, что он намекает на некий иной, отличный от нашего мирострой, явствует из слов «как и у нас», сказанных не один только раз. То, что он не считает тот мирострой чувственным, но по времени предшествующим нашему, явствует из слов «собрав самое полезное в жилище, они употребляют»: он сказал не «употребляли», но «употребляют». Точно так же не говорит он и о ныне существующем состоянии в каких-то других областях Земли, сходном с нашим: так как он не сказал «у них есть солнце и луна, как и у нас», но «[некое] солнце и [некая] луна, как у нас», словно говоря о других [солнце и луне]. Впрочем, так это или не так, надо еще разобраться.

«Коль скоро это так, следует предполагать, что во всех образованиях содержится много всевозможных [вещей] и семян всех вещей, обладающих всевозможными образами, цветами и запахами. [Следует предполагать] также, что и люди [там] образовались, и все другие животные, обладающие душой. И что у людей есть и населенные города, и возделанные поля, как и у нас, и солнце у них есть, и луна, и все прочее, как у нас, и земля им родит много всевозможных [злаков и плодов], самые полезные из которых они собирают в жилище и употребляют. Все это я сказал о выделении [из смеси], т. е. что выделение могло произойти не только у нас, но и в другом месте [Вселенной].

А прежде чем выделилось это [= наш мир], пока все было вперемешку, нельзя было различить даже ни один цвет; этому препятствовало смешение всех вещей — влажного и сухого, горячего и холодного, светлого и темного, причем [в смеси] содержалось и много земли, и бесконечное множество семян, совершенно не похожих друг на друга. Также и из прочих [вещей] одна совершенно не похожа на другую. Коль скоро это так, следует предполагать, что во всем содержатся все вещи».

5. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 156, 9 (после В 4): О том, что ни одна из гомеомерий не возникает и не уничтожается, но что они всегда одни и те же, он ясно говорит в следующих словах:

«Решив этот вопрос таким образом, следует признать, что всех [вещей] ничуть не меньше и не больше (ибо их не может быть больше всей их совокупности), но всегда ровно столько же». Вот что он говорит о смеси и гомеомериях.

6. Там же, 164, 25 (после В 12): В другом месте он говорит так: «А так как и у большого и у малого равное число долей по количеству, то и на этом основании все должно заключаться во всем. И [следовательно, ничто] не может быть по отдельности, но все содержит долю всего. Так как наименьшей величины быть не может, то она не могла бы обособиться или стать сама по себе, но как вначале, так и теперь: все вперемешку. Во всех [вещах] содержится много [веществ], и причем как в больших, так и в меньших [вещах] содержится равное количество [веществ], выделяющихся [из смеси]».

7. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «О небе», 608, 23 (после начала В 1 и конца В 4): Возможно, он употребляет термин «бесконечное» в смысле «неопределенного» и «непознаваемого» для нас, на это указывают его слова: «так что число выделяющихся [из смеси вещей] не постичь ни на словах, ни на деле». То, что он признавал конечное число видов вещей, явствует из его слов о том, что «ум все знает»: если бы вещи были бесконечны [по числу] в строгом смысле, они были бы непознаваемы, так как познание определяет и ограничивает познание [следует В 12].

8. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 175, 11: Анаксагор сказал: «не отделяется одно от другого» [В 12], так как все во всем, и в другом месте «и не отрублено холодного». (176, 28) «Не отделены . . . топором», как он говорит в другом месте.

«Не отделены друг от друга [вещи, находящиеся] в одном мироздании (космосе), и не отрублено топором ни горячее от холодного, ни холодное от горячего».

9. Там же, 35, 13 (после В 4): Послушай также, что он говорит чуть ниже, проводя сравнение между обоими мирами [=единым и разделенным]: «. . . так эти [вещи] круговращаются и выделяются [из смеси] под действием силы и скорости. Силу создает скорость. А скорость этих [вещей] несравнима со скоростью какой-либо вещи из тех, что ныне есть у людей, но в любом случае во много раз быстрее».

10. Схолии к ГРИГОРИЮ НАЗИАНЗИНУ, PG т. XXXVI, с. 911 Migne: Обнаружив древнее положение о том, что ничто не возникает из ничего, Анаксагор отрицал возникновение (рождение) и ввел разделение вместо возникновения. Он наивно утверждал, что все смешано между собой, а при росте разделяется. Так, в одной и той же сперме, по его словам, содержатся волосы, ногти, вены, артерии, жилы и кости: они невидимы вследствие мелкости, а при росте постепенно становятся различимыми. «Каким образом, — спрашивает он, — из не-волоса может возникнуть волос и из неплоти — плоть?» Он утверждал это не только о телах, но и о цветах: в белом, по его словам, содержится черное, а в черном — белое. То же он полагал и о весе, считая, что к тяжелому примешано легкое, а к легкому — тяжелое. Ср. А 45 (Симпликий), А 46.

11. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 164, 22: Он ясно говорит, что «во всем содержится доля всего, кроме ума, а в некоторых [существах] содержится и ум тоже».

12. Там же, 164, 24 (после В 11): И далее: «Все вещи. . . не смешан ни с чем». 156, 13 (после В 5): Об уме он пишет так: «Ум же есть нечто неограниченное. . . была и есть». Ср.: Там же, 176, 32.

«Все [вещи] содержат долю всего, Ум же есть нечто неограниченное и самовластное и не смешан ни с одной вещью, но — единственный — сам по себе. Если бы он не был сам по себе, но был смешан с чем-то другим, он был бы причастен всем вещам [сразу], будь он смешан с чем-то [одним]. Ибо, как я сказал выше [В 11], во всем содержится доля всего. Примешанные [вещи] препятствовали бы ему, [не давая] править ни одной вещью так, как [он правит] в одиночку и сам по себе».

Ибо он тончайшее и чистейшее из всех вещей, и предрешает (γυόμετην ἰσχεῖν) абсолютно все, и обладает величайшим могуществом. И всеми [существами], обладающими душой, как большими, так и меньшими, правит Ум. И совокупным круговращением [мира] правит Ум, так что [благодаря ему это] круговращение вообще началось. Сперва круговращение началось с малого, [теперь] оно расширилось, а в будущем расширится еще больше. И то, что смешивается, и то, что выделяется [из смеси], и то, что разделяется, — все это предрешает (ἔγυω) Ум. И все, чему суждено было быть, и все, что делалось, но чего теперь нет, и все, что есть теперь и будет в будущем, — все это упорядочил Ум, равно как и это круговращение, в котором кружатся теперь звезды, Солнце и Луна,

а также выделяющиеся аэр (темный воздух) и эфир. Именно это круговращение стало причиной выделения. И выделяется из разреженного плотное, из холодного горячее, из темного светлое и из влажного сухое. Но [в них по-прежнему] содержится много долей многих [веществ]. Полностью ничто не выделяется и не отделяется одно от другого, кроме Ума. Всякий ум, и больший, и меньший, подобен [=однороден]. Однако ничто другое не подобно ничему, но чего в каждой отдельной вещи больше всего содержится, тем она с наибольшей ясноразличимостью была и есть».

13. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 300, 27: По словам Александра, «Анаксагора он [АРИСТОТЕЛЬ. Физика, 194 а 20] не упомянул несмотря на то, что тот полагает ум среди начал, — вероятно, потому, что он не прибегает к нему для объяснения возникновения». Ясно, однако, что прибегает, коль скоро он утверждает, что возникновение не что иное, как выделение, выделение вызывается движением, а причина движения — Ум. Вот что говорит Анаксагор:

«Как только Ум начал двигать, из всего движимого стало происходить выделение, и все, что Ум привел в движение, разделилось. По мере того как [вещи] приводились в движение и разделялись, круговращение вызывало namного больше разделение».

14. Там же, 157, 5: То, что Анаксагор принимает двойной миропорядок: один — умопостигаемый, другой — чувственный, <отличный> от него, явствует из сказанного выше [В 12], явствует и из следующего ниже:

«Ум предрешил как все, что существует внутри [нашего мира] и в настоящем, так и все прочее [что находится] в объемлющем своде, в тех [мирах], которые образовались путем аккреции и выделения [из смеси]».

15. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 179, 3 (после В 12): И чуть ниже: «Плотное, влажное, холодное, и темное сошло сюда, где теперь земля, а разреженное, горячее, сухое (<и светло>) ушло в даль эфира».

16. Там же, 179, 6 (после В 15): Об этих элементарных и простейших [телах] он говорит, что они «выделяются» [из смеси], а о других, более сложных, чем они, иной раз говорит, что они «сплавиваются» (как, например, составные), иной раз — что они «выделяются», как, например, земля. Он говорит так: «Из этих камни». Там же, 155, 21: В первой книге «Физики» Анаксагор говорит: «... из облаков. воды».

«Из этих [тел?] по мере их выделения сплавивается земля: из облаков выделяется вода, из воды — земля, а из земли под действием холода сплавиваются камни. Впрочем, камни скорее выходят [=образуются] из воды».

17. Там же, 163, 18: В первой книге «Физики» Анаксагор со всей ясностью говорит, что рождение и гибель — это соединение и разъединение; он пишет так: «О рождении и гибели эллины думают неправильно: на самом деле ничто не рождается и не гибнет, но соединяется из вещей, которые [уже] есть, и разделяется. Так что правильнее было бы называть рождение «соединением», а гибель «разделением»».

18. ПЛУТАРХ. О лице на Луне, 16. 929 В: Приятель блеснул, процитировав в беседе слова Анаксагора: «Солнце придает Луне светлый облик».

19. Схолии к ГОМЕРУ ВТ (к Ил. XVII, 547): Анаксагор говорит: «Радугой мы называем отсвет солнца в облаках. Она примета бури, так как вода, которой обрызгано облако, вызывает ветер или изливает дождь».

21. СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых VII, 90: Анаксагор, этот физик из физиков, дискредитируя ощущения за бессилие, говорит: «Из-за их слабости мы не способны различать истину». В доказательство их недостоверности он ссылается на постепенное изменение цветов: если взять две краски, черную и белую, и затем по капле вливать

из одной в другую, то зрение не сможет различить постепенные изменения, хотя объективно они будут реальными.

21а. СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, VII, 140: Диотим говорил, что, по Демокриту, есть три критерия истины: критерий постижения невидимого — явления, ибо «явления суть видимое обнаружение невидимого», как говорит Анаксагор, которого хвалит за это Демокрит и т. д.

21б. ПЛУТАРХ. Об удаче, З. 98 F: Во всем этом [=силе и скорости ног и т. д.] нам повезло меньше, чем животным, но, используя опыт, память, смекалку и их [?] собственное умение, по Анаксагору, мы бортничаем, доим и собираем в житницы.

22. АФИНЕЙ, 57 D: Анаксагор говорит в «Физике», что то, что называют «птичьим молоком», — это белок яйца.

* * *

*26. ГАЛЕН. Комм. к «Эпидемиям» Гиппократу кн. VI (CMG, т. V, 102, 2; с. 300, 9): По словам Сабина, уже Анаксагор употреблял это слово [*λεῖψματα* — о боли в суставах].

*27. СТОБЕЙ, II, 8, 17; т. II, с. 156, 12—15 W.: [Изречение] Анаксимена [читай «Анаксагора», ср. 59 А 66]: «Ибо Случаем (Тюхэ) мы привыкли называть те события в жизни, которые не поддаются [предварительному] расчету людей. Если бы наши замыслы всегда удавались, то самого имени Случая не существовало бы». [dubium]

*28=А 52: «Рождение и гибель равнозначны преобращению».

*29=А 98 (цитата verbatim).

*30. Аутентично сравнение с «золотыми крупницами» (*ψήγματα*) в А 1, § 8, ср. А 44, ст. 839—840.

*31. «Раскаленная крица» (о Солнце): см. А 1, § 12. 15; А 2—3; А 20 а; А 72.

*32=А 92, § 29: «Всякое ощущение сопровождается болью».

Spuria

23. Греко-сирийские изречения философов, № 30 Ryssel (изречение Псевдо-Анаксагора о блаженстве смерти): см. нем. пер. в DK II, 44, 7—22.

24.=АНАКСАРХ, 72 В 2.

25. Схолии к Аполлонию Родосскому IV, 814: Анаксагор говорит, что жители Лаконики на самом деле почитают Ахилла как бога.

60. АРХЕЛАЙ

А. СВИДЕТЕЛЬСТВА О ЖИЗНИ И УЧЕНИИ

(ср. 59 А 7. 26)

1. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, II, 16: Архелай, афинянин или милетец, сын Аполлодора, а согласно некоторым, Мидона, ученик Анаксагора, учитель Сократа. Он первым перенес философию природы из Ионии в Афины и был прозван «физиком» [=философом природы], почему и закончилась на нем философия природы, так как Сократ ввел философию этическую. Судя по всему, однако, он также занимался этикой. Так, например, он философствовал о законах, а также о прекрасном и справедливом. У него-то Сократ и перенял [этическую философию], а первооткрывателем его стали считать потому, что он умножил [е] до * * *. Он полагал две причины возникновения:

горячее и холодное; животные, по его мнению, зародились из ила. А справедливое и безобразное существуют не по природе, а по установлению.

(17). Учение его таково. Расплавляясь под действием тепла, вода, поскольку она сплавливается в шлакообразное вещество, образует землю, а поскольку испаряется, рождает воздух. Поэтому земля удерживается воздухом, а воздух — сферой огня. Животные, по его словам, зарождаются из разогретой земли, испускающей как бы некую пищу, подобную молоку. Таким же образом он объясняет и происхождение людей. Он первым объяснил происхождение речи как сотрясение воздуха. Море образовалось во впадинах земли, просочившись сквозь землю. Самое большое светило — Солнце, а Вселенная бесконечна.

Было еще три Архелая: географ, описавший страны, завоеванные Александром; сочинитель «Своеобразий» и еще ритор, автор руководства [по ораторскому искусству].

2. СУДА, под словом «Архелай»: Архелай, сын Аполлодора или Мидона, милетец, философ, по своей принадлежности к школе [натурфилософов] прозванный «физиком», так как он первым перенес науку о природе (*φυσιολογία*) из Ионии; ученик Анаксагора, его же учеником был Сократ, а по словам некоторых, и Еврипид. Сочинил «Природоведение» (*Φυσιολογία*) и учил, что справедливое и безобразное существуют не по природе, а по установлению. Автор еще нескольких сочинений.

3. ПОРФИРИЙ. История философии, фр. 12 Nauck², с. 11, 23 (цитируется у КИРИЛЛА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО. Против Юлиана, VI, 186D): О нем [Сократе] поговаривали, что-де в отрочестве он вел не благопристойную жизнь. . . когда ему было около семнадцати лет, с ним познакомился Архелай, ученик Анаксагора, уверяя, что он его поклонник. Сократ же не отверг знакомства и общения с Архелаем, но оставался в его обществе в течение многих лет. Вот каким образом Архелай наставил его на путь философии.

СУДА, под словом «Сократ»=АРИСТОКСЕН, фр. 52 b Wehrli: Аристоксен утверждает, что он [Сократ] сначала был учеником Архелая, а также стал его любовником.

ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, II, 23=ИОН ИЗ ХИОСА. Мемуары, FGrH 392 F 9: По словам Иона из Хиоса, в молодости Сократ вместе с Архелаем участвовал в походе на Самос.

Доксография

Ср.: ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, V, 42: [Каталог сочинений Теофраста]. «Об учении Архелая» I книга.

4. ИППОЛИТ. Опровержение всех ересей, I, 9, 1 (Dox. 563): Архелай, афинянин родом, сын Аполлодора. Он учил о смеси материи подобно Анаксагору и в учении о первоначалах держался таких же взглядов. Но, по его учению, в разуме (*νοῦς*) изначально налично некоторое количество смеси. (2) Начало движения — отделение друг от друга горячего и холодного, причем горячее движется, а холодное покоится. Плаваясь, вода течет в середину [космоса], где, подвергаясь обжигу, превращается в воздух и землю, из которых первый возносится вверх, а вторая оседает вниз. (3) Земля, стало быть, неподвижна и возникла в силу указанных причин, покоится же она в центре, будучи, можно сказать, ничтожно малой частью [букв. «никакой»] Вселенной. Воздух, испарившись под действием обжигания, преобладает надо всем; от него по мере его дальнейшего выжигания образовалась вначале природа звезд, из коих самая большая — Солнце, вторая по величине — Луна, а прочие разного размера. (4) Небо, утверждает он, наклонилось, и Солнце таким образом осветило землю, сделав воздух прозрачным,

а землю сухой. В начале-то ведь она была озером, так как кругом [=по краям] она возвышенна, а в середине вогнутая. В доказательство ее вогнутости он ссылается на то, что солнце восходит и заходит не одновременно для всех, что должно было бы происходить, если бы она была ровная. (5) Относительно животных он говорит, что при нагревании земли в начале [мирообразования] в нижней ее части, там, где смешивались горячее и холодное, возникли многочисленные животные и люди. Все они вели одинаковый образ жизни и питались илом, и причем были недолговечными, а впоследствии у них образовалось рождение друг от друга. (6) И отделились люди от прочих [животных], и учредили вождей, законы, ремесла, города и прочее. Разум ($\nu\omicron\upsilon\varsigma$), по его словам, врожден всем животным в равной мере. Ибо все животные пользуются разумом, одни медленнее, другие быстрее.

5. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 27, 23: Архелай Афинский, про которого сообщают, что он был учителем Сократа и учеником Анаксагора, в учении о происхождении космоса и в прочем пытается высказывать кое-что свое, а первоначально определяет так же, как Анаксагор. Итак, эти философы признают бесконечные по числу и разнородные начала, полагая началами гомеомерии.

5а. ГЕФЕСТИОН. Руководство, с. 3, 20 Consbr.: Софокл в «Элегиях» полагал, что имя Архелая (Ἀρχέλαος) не укладывается ни в гексаметр, ни в пентаметр; он говорит: Ἀρχελεός — ведь так лучше ложится в размер.

6. СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, VII, 14: Архелай-афинянин занимался физической и этической частью философии.

7. ОН ЖЕ. Против ученых, IX, 360: Архелай-афинянин, наставник Сократа, началом и элементом всех вещей полагал воздух.

Мнения философов, I, 3, 6 («О началах»): Архелай, сын Аполлодора, афинянин, [полагал началами] бесконечный воздух и присущие ему плотность и разреженность, из коих одно есть огонь, а другое — вода.

8. ГЕРМИЙ. Осмеяние языч. философов, 11: Но славу их оспаривает Архелай, утверждающий, что начала всего — горячее и холодное. Ср.: ПЛАТОН. Софист, 242d.

9. ЕПИФАНИЙ. Против ересей, III, 2, 9: Архелай, сын Аполлодора, а по некоторым, Милтона, афинянин, физик, утверждает, что все возникло из земли: она, как он говорит, есть начало всего.

10. АВГУСТИН. О Граде Божиим, VIII, 2: Преемником Анаксагора был его ученик Архелай. Он также полагал, что все отдельные вещи, какие возникают, состоят из подобных между собой частиц [=«гомеомерий»], и причем таким образом, что им присущ также разум, который правит всеми вечными телами, т. е. указанными частями, соединяя их и рассеивая. [Ср. Сидоний Аполлинарий, Стихотворения, 15, 94. После сего Архелай и т. д.]

11. КЛИМЕНТ АЛЕКС. Протрептик, 5, 66 (т. I, с. 50, 15 St.): Оба они [=Анаксагор и Архелай] поставили над бесконечностью [=«материей»] разум ($\nu\omicron\upsilon\varsigma$).

12. Мнения философов (Стобей), I, 7, 14 («Что есть бог»): Архелай полагает богом воздух и разум ($\nu\omicron\upsilon\varsigma$), но только не миротворящий разум.

13. Там же (Стобей), II, 1, 3 («О космосе»): Анаксимандр, Анаксимен, Архелай [принимают] бесконечное число космосов в бесконечном [пространстве] во всех направлениях. Ср. 12 А 17.

14. Там же (Стобей), II, 4, 5 («Вечен ли космос»): Согласно Архелая, космос образовался под действием горячего и холодного. Там же, II, 4, 6; Анаксимандр . Архелай . [считают], что космос уничтожим. Ср. 59 А 64.

15. Там же (Стобей), II, 13, 6 («О сущности звезд»): Архелай утверждал, что звезды — раскаленные глыбы.

16. Там же (Стобей), III, 3, 5 («О громах, молниях, перунах, престерах, ураганах») [после § 4, см. 59 А 84]: Архелай утверждает то же самое, приводя [в качестве сравнения] то, что происходит с раскаленными камнями, опускаемыми в воду.

16а. СЕНЕКА. Естественнонаучные вопросы, VI, 12, 1 сл.: Архелай, знаток древней науки, говорит так: «Ветры низвергаются в полости земли. Затем, после того как все пустоты наполнились и воздух уплотнился до предела, вновь налетающий поток воздуха сжимает прежний воздух, и выдавливает его, и частыми ударами сначала теснит его, а потом вышибает. Тогда тот, ища места, раздвигает все тесноты и пытается взломать все запоры. Таким образом порыв воздуха, ищущего выхода, вызывает землетрясение. Поэтому землетрясению предшествует затишье и покой воздуха — очевидно, по той причине, что сила воздушного порыва, вызывающего ветры, удерживается в глубине земли».

17. Мнения философов (Стобей), IV, 3, 2 («Тело ли душа и какова ее сущность»): Анаксимен, Анаксагор, Архелай, Диоген: [душа] — воздухообразна.

18. ФИЛОПОН. Комм. к «О душе», с. 71, 17 Naud. (к «О душе» 404 а 25): Все те, говорит он [Аристотель], кто полагал, что Вселенная приведена в движение разумом (νοῦς), судя по всему, считают, что душе свойственно приводить в движение. К их числу принадлежит и Архелай.

В. СОЧИНЕНИЯ

Элегии

1. ПЛУТАРХ. Кимон, 4 (из Дидима): Кимон, сын Мильтиада, происходил от матери Гегесицилы, родом фракиянки, дочери царя Олора, как об этом сообщается в стихотворениях Архелая и Меланфия, посвященных самому Кимону. . . Несомненно, однако, что Кимон страстно любил сожительствовавшую с ним по закону Исодику, дочь Эвриптолема, и тяжело переживал ее смерть, насколько можно судить по элегиям, написанным по случаю утешения в скорби и обращенным к нему. Сочинителем этих элегий философ Панетий считает физика Архелая; догадка его согласуется с хронологией.

Природоведение

(ср. А 2)

1а. ПЛУТАРХ. Об абсолютном холоде, 21. 954 EF: Поэтому земля не сгорает вполне или же горит едва и с трудом. Воздух при обжигании часто испускает из себя пламя, пылает и сверкает, а влага служит пищей теплу, так как в дереве горит не твердое, но сырое вещество, когда же оно испарится, то остается твердое и сухое вещество, обратившееся в золу. Стремящиеся во что бы о ни стало доказать, что и этот остаток превращается и истребляется, [пытаются сжечь его], многократно смачивая елеем и жиром, но не достигают цели: всякий раз, как жирная часть выгорает, неизменно остается землистый остаток. Вот почему, имея в виду не только неподвижное пребывание земли на одном месте, но и ее субстанциальную непревращаемость, древние назвали ее Гестией, поскольку она «пребывает в доме богов», и *κλίτα* по причине ее неподвижности и затверделости, каковой [земли?] «скрепление — холод», как сказал Архелай-физик, ибо ничто не может расслабить или размягчить ее при нагревании и накаливании.

Spuria

«О священном искусстве»

2. Berthelot, Собрание греческих алхимических трактатов, т. I, с. 25, 6: Знай, дорогой мой, имена творцов [золота]: Платон. Теофраст, Архелай, Петасий и т. д. Сохранилась алхимическая поэма «Архелая-философа о священном искусстве в ямбических стихах» (336 ямбов ранневизантийский эпохи), издано в: *Physici et medici graeci minores*, ed. Ideler, vol. II, p. 343 sq.

С

Влияние Архелая на псевдогипократовские трактаты «О диете» (I, 9, 10) и «О седмицах» (гл. 13) предполагает Fredrich, *Hippokratische Unters.*, p. 135, 139; также на Петрона из Эгины и Геродика из Селимбрии у Лондонского Анонима (*Anon. Lond.* 20, 2; 9, 34).

61. МЕТРОДОР ИЗ ЛАМПСАКА

1. ПЛАТОН. Ион, 530 с: По-моему, [говорит Ион], я толкую Гомера лучше всех; ни Метродор из Лампсака, ни Стесимброт из Тасоса, ни Главкон, ни кто-либо еще из [толкователей Гомера] всех времен не был в состоянии дать так много и таких прекрасных толкований Гомера, как я. Ср.: КСЕНОФОНТ. Пир, 3, 6; Схолии к Гомеру, Илиада, I, 636.

2. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, II, 11 [ср. 59 A 1, § 11]: Еще дальше, [чем Анаксагор], развил это положение [о поэзии Гомера как нравственной аллегории] его ученик Метродор из Лампсака, который также был первым, кто занимался физическим учением Гомера.

3. ТАТИАН, гл. 21: Метродор из Лампсака в сочинении «О Гомере» тоже рассуждает довольно глупо, все обращая в аллегорию. Ни Гера, ни Афина, ни Зевс, по его словам, вовсе не то, чем считают их те, кто учредил им священные ограды и святилища, а естественные субстанции и упорядочения элементов. Так, чего доброго, вы скажете, что и Гектор, и Ахилл, и Агамемнон — одним словом, все греки и варвары, включая Елену и Париса, одной и той же природы и выведены [Гомером] ради притчи и что никто из поименованных выше — не человек.

4. ГЕСИХИЙ: «Агамемноном» Метродор аллегорически назвал эфир. ФИЛОДЕМ. Геркуланумские папирусы, с. alt. VII 3 f. 90: И о законах и обычаях людей, и что-де Агамемнон — это эфир, Ахилл — солнце, Елена — земля, а Александр — воздух, Гектор — луна, и что остальные названы подобно этим. А из богов-де Деметра — это печень, Дионис — селезенка, а Аполлон — желчь.

5. ПОРФИРИЙ. Гомеровские вопросы, к «Илиаде», X, 252; т. I, с. 147, 18 Schrader [о выражении *πλεῖον ὄβρις*]: Метродор говорит, что слово *πλεῖον* имеет у Гомера два значения: и обычное [«больше»] [следуют ссылки на Одисс. VIII, 475 и Ил., I, 165]. . . и «полное» как в [Ил., IV, 262; II, 226]. В данном случае *πλεῖον* употреблено в смысле «полное» [следует цитата из Хрисиппа].

6. СИНКЕЛЛ. Хроника, 140 С; т. I, с. 282, 19 Dindorf: Анаксагоровцы толкуют мифических богов: Зевса — как разум (нус), Афины — как ремесло (технэ), откуда и (*Orph.*, fr. 347 Kern):

С гибелью рук погибает Афина-умелица тотчас.

62. КЛИДЕМ

1. АРИСТОТЕЛЬ. Метеорология, II, 9. 370 а 10: Некоторые, подобно Клидему, полагают, что молния не реальность, а видимость. Они сравнивают это явление с тем, что происходит, когда море ударяют палкой: Ночью кажется, что вода сверкает; подобным же образом молния есть видимость вспышки при хлестании по влаге, содержащейся в облаке. Ср.: СЕНЕКА. Естественнонаучные вопросы, II, 55.

2. ТЕОФРАСТ. Об ощущениях, 38 (между Анаксагором и Диогеном из Аполлонии): Один лишь Клидем выдвинул своеобразную теорию зрения: по его словам, мы ощущаем глазами только потому, что они прозрачны, ушами — потому, что попадающий внутрь воздух производит сотрясение, ноздрями — поскольку они втягивают воздух, языком [различаем] вкусы и тепло с холодом в силу того, что он пористый, а остальным телом — ни по одной из этих причин, а из тех же самых [ощущаемых качеств] — и теплое, и влажное, и противоположное. Только уши сами по себе не различают ничего, но передают в разум (нус). В этом он отличается от Анаксагора, который считает разум принципом (архэ) всех [ощущений].

3. ТЕОФРАСТ. Исследование о растениях, III, 1, 4 [после 59 А 117; 64 А 32]: Клидем полагает, что растения состоят из тех же элементов, что и животные, и причем чем более мутных и холодных, тем дальше они отстоят от животных.

4. ТЕОФРАСТ. О причинах растений, I, 10, 3: Холодные растения произрастают летом, а теплые — зимой, так что каждая из двух природ соразмеряется с каждым из двух времен года: так считает Клидем.

5. Там же, III, 23, 1: Одни предписывают сеять до [захода] Плеяд. . . другие — одновременно с заходом Плеяд, так как на седьмой день после захода выпадают обильные дожди. . (2) Сев на солнцеворот, по словам Климедя, опасен: земля в это время, сырая и тяжелая, делается насыщенной испарениями и похожей на плохо связанную шерсть, а кроме того, она не может всасывать и передавать испарения, так как не содержит достаточно тепла и не такая мазкая.

6. Там же, V, 9, 10: От избытка воды бывает и то, что виноградная лоза не приносит плодов и идет в лист. . . от подобных причин по большей части приключаются: фиговому дереву — парша, оливе — лишай, лозе — опадение, как говорит и Клидем: незрелый плод хил и легко опадает.

63. ИДЕЙ

СЕКСТ ЭМПИРИК. Против ученых, IX, 360 Анаксимен, Идей из Гимеры, Диоген из Аполлонии и Архелай Афинский, учитель Сократа [началом и элементом всех вещей полагали] воздух.

64. ДИОГЕН ИЗ АПОЛЛОНИИ

А. СВИДЕТЕЛЬСТВА О ЖИЗНИ И УЧЕНИИ

Жизнь

1. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 57: Диоген, сын Аполлофемидя, аполлониец, знаменитый натурфилософ. По словам Антисфена [фр. 15 Ясоби], учился у Анаксимена. Он был современником Анаксагора. Деметрий Фалерский в «Апологии Сократа»

[фр. 91 Wehrli] говорит, что он был на волоске от гибели в Афинах по причине большого недоброжелательства к нему.

Воззрения его были таковы: первоэлемент — воздух, космосы бесчисленны и пустота бесконечна. Сгущаясь и разрежаясь, воздух порождает космосы. Ничто не возникает из не-сущего и не уничтожается в не-сущее. Земля кругла, укреплена в центре [космоса]; она образовалась во время вихря, вызванного теплом, и затвердела под действием холода.

Начало его сочинения гласит [следует фр. В 1].

2. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VI, 81 (источник: Деметрий из Магнезии): Диогенов было пять: первый — натурфилософ из Аполлонии, сочинение которого начинается [следует фр. В 1].

3. СТЕФАН ВИЗАНТИЙСКИЙ, под словом «Аполлония», с. 106, 13: 23-я Аполлония: Критская, прежнее название Элевтерна, родина Лина. Из нее родом физик Диоген.

ЭЛИАН. Пестрая история, II, 31: [перечень безбожников]. Эвгемер из Мессены, Диоген-фригиец, Гиппон. Ср.: СТЕФАН ВИЗАНТИЙСКИЙ, с. 106, 11: 18-я Аполлония: Фригийская, прежнее название Маргий.

Сочинения

4. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 151, 20: Поскольку, по сообщениям большинства, Диоген из Аполлонии, подобно Анаксимену, полагает первым элементом воздух, а Николай в трактате «О богах» сообщает, что он полагал началом вещество промежуточное между огнем и воздухом. . следует заметить, что этот Диоген — автор нескольких сочинений, о чем он сам упоминает в «О природе», где говорится, что он полемизировал против физиологов, которых он также называет «софистами» и что он написал «Метеорологию», в которой он, по его словам, рассуждает о первоначале, а также трактат «О природе человека». Во всяком случае, в трактате «О природе» — единственном его сочинении, дошедшем до меня, — он выдвигает предложение доказать посредством многих аргументов, что полагаемому им началу в значительной мере присуще сознание (*νόησις*). Ср. фр. В 2—5.

Учение

ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, V, 43: [Каталог сочинений Теофраста]. Свод учений Диогена в 1-й книге.

5. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», 25, 1: Диоген из Аполлонии, едва ли не самый младший из философов, занимавшихся этими вопросами, по большей части писал эклектически, одно излагая по Анаксагору, другое — по Левкиппу. Природой Вселенной он также полагает бесконечный и вечный воздух; посредством сгущения и разрежения, а также качественного изменения из него возникают формы других вещей. Так сообщает о Диогене Теофраст [фр. 2 «Физических мнений» Diels], и дошедшее до меня сочинение его, озаглавленное «О природе», также недвусмысленно называет воздух тем, из чего возникает все остальное. Однако Николай сообщает, что он полагает первоэлементом среднее между огнем и воздухом. Вышеназванные философы полагали, что аффицируемость и переменчивость воздуха пригодны для превращения. Поэтому землю как элемент неподвижный и трудноизменяемый они считали не очень-то под-

ходящим для того, чтобы признать ее началом. Такова классификация философов, полагающих одно начало.

6. ПСЕВДО-ПЛУТАРХ. Строматы, 12: Диоген из Аполлонии полагает элементом воздух. Все движется, космосы бесконечны [по числу]. Космогония его такова: когда Вселенная находилась в движении и в одном месте становилась разреженной, а в другом — плотной, то там, где случайно оказалось плотное, оно посредством сжатия [собств. «свертывания в клубок»] образовало <Землю>; и прочие [части космоса образовались] аналогичным образом. Легчайшие же [частицы] заняли верхнее место и образовали Солнце.

7. Мнения философов, I, 3, 26 («О началах»): Диоген Аполлонийский: бесконечный воздух. Ср. 13 А 4.

АРИСТОТЕЛЬ. О возникновении и уничтожении, I, 6. 332 b 12: Хотя и необходимо полагать образование из одного. В этом отношении прав Диоген, который говорит, что если бы все вещи были не из одного, то взаимное действие и страдание были бы невозможны, как, например, горячее охлаждается, а холодное, в свою очередь, нагревается: ясно, что не тепло и холод превращаются друг в друга, но субстрат.

8. ФИЛОДЕМ. О благочестии, стб. 6 b: Диоген хвалит Гомера за то, что он рассуждал о божестве не мифически, но истинно. По его словам, Гомер считает Зевсом воздух, так как говорит, что Зевс все знает.

ЦИЦЕРОН. О природе богов, I, 12, 29: Спрашивается: воздух, который Диоген Аполлонийский полагает богом, может ли обладать каким-нибудь ощущением или образом бога?

Мнения философов (Стобей), I, 7, 17 («Что есть бог?»): Диоген, Клеанф и Энопид: душа космоса. Ср. 13 А 23.

АВГУСТИН. О Граде Божьем, VIII, 2: Диоген, другой ученик Анаксимена [наряду с Анаксагором], также считал воздух материей, из которой все возникает, но только воздух, по его мнению, наделен божественным разумом, без которого из него не могло бы возникнуть ничего. [ср.: СИДОНИЙ АПОЛЛИНАРИЙ, Стихотворения, 15, 91]. Ср. В 8; ДЕМОКРИТ В 30 DK=№ 580 Лурье.

9. АРИСТОТЕЛЬ. Метеорология, В 2. 355 а 21: Одна и та же нелепость вытекает из рассуждений этих философов и тех, кто утверждает, что и земля первоначально была влажной, и что в результате нагревания окружающего землю пространства (κόσμος) солнцем возник воздух, и что оно [солнце] вызвало ветры и стало совершать солнцевороты.

10. Мнения философов (Стобей), II, 1, 3: [Один космос или много?] Диоген. бесконечны [по числу] космосы в бесконечном [пространстве] во всех направлениях.

Там же, II, 1, 6: Диоген и Мелисс: Вселенная бесконечна, а космос конечен.

Там же (Стобей), II, 4, 6 («Неуничтожим ли космос?»): Анаксимаандр. Диоген, Левкипп: космос уничтожим. Ср. 13 А 11.

11. Мнения философов, II, 8, 1=59 А 67.

12. Там же, II, 13, 5—6. («О сущности звезд»): Диоген: звезды пемзообразны, причем он считает их отдушинами космоса. Они раскалены. Вместе с видимыми звездами вращаются и невидимые камни, потому что они и безымянны. Часто они падают на землю и гаснут подобно каменной звезде, свалившейся в Эгоспотамах и прочертившей огненный след. Ср. 59 А 11. 12.

13. Мнения философов (Стобей), II, 20, 10 («О сущности Солнца»): Диоген: Солнце пемзообразно, в нем застревают лучи, исходящие из эфира.

Там же, II, 23, 4 («О солнцеворотах»): Диоген: под действием холода, сталкивающегося с теплом, [Солнце] гаснет [?].

14. Там же (Столбей), II, 25, 10 («О сущности Луны»): Диоген считает Луну пемзобразным воспламенением.

15. Там же, III, 2, 8 («О кометах. .»): Диоген: кометы — это звезды.

16. Там же (Столбей), III, 3, 8 («О громах, молниях, перунах, престерах, ураганах»): Диоген: попадание огня во влажное облако, которое производит гром угасением, а молнию вспышкой. Сопутствующей причиной он считает воздух [шнелму].

СЕНЕКА. Естественнаучные вопросы, II, 20: Диоген из Аполлонии одни громы объясняет огнем, другие — воздухом. Огонь производит те, которым он предшествует и которые возвещает, воздух — те, которые громяхают без вспышки.

16а. Схолии к ВАСИЛИЮ ВЕЛИКОМУ, Кодекс 6-ки св. Марка № 58: Согласно Диогену Аполлонийскому, Земля носима воздухом. Ср. С 2 ниже.

17. АЛЕКСАНДР АФРОД. Комм. к «Метеорологии» (к II, 1. 353 а 32), с. 67, 1 Найдук: Он имеет в виду физиков. Последние полагают, что море возникло, а не считают его невозникшим и имеющим собственные истоки, подобно теологам. Одни из них считают море остатком первичной влаги. По их мнению, окружающее Землю пространство [сначала] было влажным, а затем часть влаги испарилась под действием Солнца, от этого возникли ветры и повороты Солнца и Луны, так как, мол, они [= Солнце и Луна] совершают повороты вследствие этого пара и испарений: они поворачивают вокруг тех мест, где имеется источник снабжения их паром. А та часть [первичной влаги], которая осталась во впадинах Земли, и есть море, поэтому море постоянно уменьшается, высыхая под действием Солнца, и в конце концов некогда станет сушей. Этого мнения, как сообщает Теофраст [«Физические мнения», фр. 23 Diels], держались Анаксимандр и Диоген. Диоген, кроме того, объясняет причину солености моря тем, что Солнце выпаривает пресную воду, а оставшаяся оказывается соленой. Ср.: Там же, с. 73, 22; ГИППОКРАТ. О воздухах, водах, местностях, гл. 8 (CMG I, 1, с. 62, 11); ПОРФИРИЙ. Гомеровские вопросы (к «Илиаде» XI, 53. 54), с. 161 Schrader.

18. Схолии к АПОЛЛОНИЮ РОДОССКОМУ, IV, 269: Диоген Аполлонийский полагает, что морская вода похищается Солнцем, а затем выпадает в Нил: по его мнению, Нил разливается летом потому, что Солнце отворачивает в него влажные испарения (*ιζμάδας*) из земли. СЕНЕКА. Естественнаучные вопросы, IVa, 2, 28: Диоген Аполлонийский говорит: «Солнце восхищает к себе влагу: подсыхая земля вытягивает ее из моря, затем из прочих вод. Быть, однако, не может, чтобы одна часть земли была сухой, а другая изобилвала влагой. Ибо все [ее части] пробурявлены насквозь и способны к взаимному проникновению, так что сухие берут у влажных. Иначе, если бы земля не получала какого-то количества [воды], она бы уже высохла. Следовательно, Солнце тянет отовсюду, но более всего из тех [частей], которых оно держится: это южные части. (29) Иссохнув, земля притягивает к себе больше влаги. Подобно тому как в светильниках масло течет туда, где оно выгорает, так и вода устремляется туда, куда зовет ее сила тепла и изнывающей от жара земли. Откуда, стало быть, тянет? Разумеется, из тех частей, где всегда зима: северные части наводнены. Поэтому Понт постоянно стремительно течет в нижнее море (в отличие от остальных морей, где зима сменяется летом), всегда устремленный и несущийся в одну сторону. Поэтому если бы по проложенным путям не восполнялись недостатки и не выливались избытки каждой из частей, то все уже было бы либо сухим, либо наводненным». (30) Позволительно задать Диогену вопрос: почему, если все продырявлено и взаимно перемещается, реки

не везде разливаются летом? «Солнце сильнее прожаривает Египет, поэтому Нил сильнее разливается».

19. ТЕОФРАСТ. Об ощущениях, 39: Диоген как жизнь и соображение ($\tau\acute{o}$ φρονεῖν), так и ощущения привязывает к воздуху. Поэтому надо полагать, что он объясняет [ощущение] принципом подобия [между ощущающим и ощущаемым]: по его словам, действие и страдание вообще были бы невозможны, если бы все не было из одного.

Обоняние [он объясняет] мозговым воздухом: он скучен и соразмерен запаху, поскольку сам мозг рыхл и [мозговые] сосуды тончайшие, а воздух, содержащийся в частях тела с противоположными свойствами, несоизмерен и не смешивается с запахами, поскольку, мол, если бы какой-нибудь другой [воздух, кроме мозгового], был соразмерен смеси, мы бы, очевидно, ощущали [запах другими частями тела].

(40) Слуховое восприятие имеет место, когда заключенный в ушах воздух, сотрясенный внешним воздухом, передает [колебание] в мозг. Зрительный образ мы видим, когда он отражается в зрачке, и причем смешивается с внутренним воздухом, тем самым вызывая ощущение. Тому свидетельство: если случится воспаление вен, [зрительный образ] не смешивается с внутренним [воздухом] и мы его не видим, хотя отражение [на зрачке] равным образом имеется. Вкус [мы различаем] языком благодаря его рыхлости и нежности. Осязанию он не дал никакого определения: ни как оно происходит, ни каким [частям тела] присуще. Однако после этого он пытается объяснить, отчего ощущения бывают более острыми и у каких [существ].

(41) Острейшее обоняние [бывает] у тех, у кого меньше всего воздуха в голове, так как он быстрее всего смешивается [с запахом]. А кроме того, если [обоняющий] втягивает [запах] через более продолговатый и более узкий [проход]: в таком случае [запах] скорее становится различимым, поэтому некоторые животные обладают более острым обонянием, чем человек. А кроме того, человек обладает наиболее тонким ощущением, когда запах соразмерен воздуху в отношении смеси. Острее всего слышат те, у кого и вены тонки, как в случае с обонянием, и слуховой проход небольшой, тонкий и прямой, а кроме того, у кого ухо прямое и большое: когда воздух, находящийся внутри ушей, сотрясается, он сотрясает и внутренний воздух. Если же слуховой проход шире, то при сотрясении воздуха звук и шум нечленоразделен, так как он не доходит до находящегося в состоянии покоя [внутреннего воздуха].

(42) Видят острее всего те, у кого и воздух, и вены тонки, как в случае с другими [ощущениями], и у кого самый светлый глаз. Лучше всего отражается противоположный цвет. Поэтому черноглазые лучше видят днем и светлые предметы, а светлоглазые — ночью. А что ощущает внутренний воздух, сущий малою частицей бога, тому свидетельство, что часто, отвлекши внимание на другое, мы и не видим, и не слышим.

(43) Удовольствие и страдание возникают следующим образом. Когда обильный воздух смешивается с кровью и приносит облегчение, поскольку он находится в естественном состоянии и распространяется по всему телу, — то удовольствие. А когда в противоестественном состоянии и не смешивается, — то страдание, поскольку кровь оседает и делается слабее и гуще. Сходным образом [он объясняет] смелость, здоровье и то, что им противоположно. Наиболее чувствителен в различении удовольствия [~ наслаждения] язык: так как он всего нежней, рыхл и к нему ведут все вены. Поэтому у больных на нем проявляется множество симптомов [собств. «свидетельств», σημεῖα], и у других животных тоже различия в цвете [языка] говорят [о болезнях]: сколько бы их ни было и каких, столько отражается. Вот как и по какой причине происходит ощущение.

(44) Соображаем (*φρονεῖν*), как сказано выше [§ 39], мы чистым и сухим воздухом, так как влага препятствует разуму (*νοῦς*). Поэтому во сне, во хмелю и при переедании мы соображаем хуже. А что влага отнимает разум, тому свидетельство то, что прочие животные слабее [человека] умом (*διάνοια*): это объясняется тем, что они вдыхают воздух от земли и питаются более влажной пищей. Птицы, правда, дышат чистым воздухом, но по своей природе они подобны рыбам: и плоть у них жесткая, и вдыхаемый воздух не проникает сквозь все [тело], но задерживается в желудке. Поэтому пищу они переваривают быстро, а сами глупы. Помимо пищи, определенное значение имеет также рот и язык: они не способны понимать друг друга. Растения же совершенно лишены соображения, так как они не являются полыми и не получают воздуха. (45) По этой же причине и дети лишены соображения: в них содержится много влаги, так что [воздух] не может проникать во все тело, но выделяется из груди: вот почему они глупы и несообразительны. Раздражительность же их и вообще резкие перепады настроения и переменчивость объясняются тем, что из маленьких [пор] выделяется много воздуха. В этом же и причина забывчивости: мы не можем вспомнить нечто от того, что [воздух] не проникает сквозь все тело. Тому свидетельство: те, кто припоминает нечто, испытывают затруднение [собств. «непродоходимость», *ἀπορία*] в груди, а стоит им только найти, как рассеиваются и испытывают облегчение от страдания. Ср.: АРИСТОФАН. Фесмофориазусы, 14 сл.

20. АРИСТОТЕЛЬ. О душе, А 2. 405 а 21: Диоген, подобно некоторым другим, [считает душу] воздухом, приняв его за наиболее тончайший [элемент] и начало. Поэтому душа обладает познавательной и двигательной способностью: поскольку она первый [элемент], из которого состоят все остальные, постольку она познает, а постольку тончайшее [тело], постольку обладает двигательной способностью. ФЕОДОРИТ. Врачевание эллинских недугов, V, 23: Пифагор, Анаксагор и Диоген. утверждали, что душа бессмертна.

Мнения философов (Псевдо-Плутарх), IV, 5, 7 (о локализации сознания): Согласно Диогену — в артериальном желудочке сердца, который содержит пневму.

21. Мнения философов, IV, 16, 3 («О слухе»): Диоген: когда содержащийся в голове воздух ударяется и сотрясается голосом.

22. Там же (Псевдо-Плутарх), IV, 18, 2 («О вкусе»): Согласно Диогену, благодаря разреженности и мягкости языка, а также вследствие того, что к нему примыкают вены со всего тела, вкусовые соки разливаются [в мозг]; они всасываются, словно губкой, к [месту локализации] ощущения и сознания.

23. Мнения философов (Столбей), IV, 9, 8 («Истинны ли ощущения»): Большинство полагает, что чувственно воспринимаемое существует по природе; Левкипп, Демокрит и Диоген — что субъективно (*νόμῳ*), т. е. в нашем представлении (*δόξα*) и в наших аффектах.

24. КЛИМЕНТ АЛЕКС. Педагог, I, 6, 48 (т. I, с. 119, 2 St.): Некоторые полагают, что и сперма животных по своей сущности есть пена крови (*ἀφρός*); сбиваемая во время соитий под действием врожденного пыла самца, она вспенивается и откладывается в семенных жилах; отсюда, по мнению Диогена Аполлонийского происходит название любовного соития (*ἀφροδίσια*). Ср. В 6.

25. АРИСТОФАН. Сокращение «Истории животных» I, 78 (Suppl. Arist. I, 1, с. 23, 13): Заблуждается Диоген Аполлоновский, считавший, что эмбрионы питаются через ворсинки последа, т. е. что в матке. См. также 38 А 17. Ср.: АРИСТОТЕЛЬ. О возникновении животных, II, 7. 746 а 19 = ДЕМОКРИТ, 68 А 144 DK = фр. 535 Лурье.

26. ЦЕНЗОРИН, 9, 2: Диоген Аполлонийский, который говорит, что тело мальчиков формируется за четыре месяца, девочек — за пять. Ср. В 9.

27. ОН ЖЕ, 5, 4: Рождается ли плод только от семени отца, как считает Диоген. . . или же и от семени матери тоже. (6, 1) Диоген Аполлонийский полагал, что из влаги сначала образуется плоть, затем из плоти рождаются кости, жилы и прочие части.

28. Мнения философов (Псевдо-Плутарх), V, 15, 4 («Является ли зародыш живым существом?»): По Диогену, младенцы рождаются безжизненными, но теплыми. Поэтому едва младенец появился на свет, как врожденное тепло сразу втягивает холодный воздух в легкие.

29. Там же, V, 24, 3: Диоген полагает, что, если кровь, полностью разлившись, наполнит вены и вытолкнет содержащийся в них воздух в грудь и расположенный ниже живот, происходит сон и грудь нагревается; если же в венах совершенно не останется воздухообразного вещества, случается смерть.

29а. ПСЕВДО-ГАЛЕН. О жидкостях, XIX, 495 К.: По цвету также распознается как преобладание того или иного сока, так и болезни. Этот метод диагностики ничуть не уступает по точности другим важнейшим методам; у Диогена и его ученых современников он считался своего рода мантикой [=искусством гадания]. Эти мужи придавали очень большое значение цветам, классифицируя по их различиям и болезни. «Краснокожими» они называли тех, у кого преобладает кровь, «рыжеватокожими» — у кого горький сок, «чернокожими» — у кого черный, и «белокожими» — флегматиков; свойственные им болезни они соответственно именовали «красными», «рыжными», «черными» и «белыми». Не знаю уж, чего ради они отказались от большинства способов диагностики, принятых во врачебном искусстве, включая и те, которые могут дать более точный диагноз болезни, и всецело возложили распознавание болезни на одни лишь цвета.

*29b. ГАЛЕН. О врачебном опыте, XXII, 3 (пер. с араб. Р. Вальцера): Diogenes, writing more briefly and compendiously than you (sc. Asclepiades), has collected the diseases and their causes and remedies in one treatise.

30. Мнения философов (Псевдо-Плутарх), V, 20, 5 («Сколько существует родов животных, и все ли обладают разумом и ощущением»): Согласно Диогену, животные причастны воздуху и разуму, но так как одни из них в силу плотности, а другие в силу преобладания влаги не обладают ни рассудком, ни ощущением, то они пребывают в состоянии, сходном с сумасшествием, поскольку руководящее начало у них свихнуто.

31. АРИСТОТЕЛЬ. О дыхании, 2. 471 а 3 [после 59 А 115]: По мнению Диогена, рыбы, выпустив воду через жабры, втягивают пустоту внутри рта воду из окружающей рот воды, так как, мол, в воде содержится воздух. . . (b 12) Спрашивается; если рыбы дышат [воздухом], то по какой причине они умирают на воздухе и трепещут как задыхающиеся? Уж никак не от недостатка пищи с ними это происходит. Причина, которую называет Диоген, наивна: он утверждает, что на воздухе они втягивают слишком много воздуха, тогда как в воде — умеренное количество, и потому умирают.

32. ТЕОФРАСТ. Исследование о растениях, III, 1, 4 [после 59 А 117]: По мнению Диогена, [воздух рождает растения], когда вода начинает гнить и в известной пропорции смешивается с землей.

33. АЛЕКСАНДР АФРОДИС. Вопросы и решения, II, 23 («О Гераклеийском камне, почему он притягивает железо»), т. II, с. 73, 11 Вгups: Диоген Аполлонийский говорит, что всем металлам свойственно выделять из себя некую влагу и притягивать извне, одним больше, другим меньше. Больше всего влаги выделяют медь и железо, чему сви-

детельство то, что некоторое количество их выгорает и истребляется в огне, а также то, что, помазанные уксусом и оливковым маслом, они ржавеют: это происходит с ними от того, что уксус вытягивает из них влагу. Огонь сжигает то, что выступило на поверхность металла, а уксус, проникая внутрь его, вытягивает и истребляет содержащуюся в нем влагу. В то время как железо притягивает и выделяет больше влаги, магнит, поскольку он разреженнее и землистее железа, притягивает из окружающего воздуха больше влаги, чем выделяет из себя. Притягивая родственное, он принимает его в себе, а неродственное отталкивает. Железо родственно магниту, поэтому выделяющуюся из него [влагу] он притягивает и принимает в себе, и благодаря притяжению влаги железо тоже притягивается вследствие непрерывного притяжения заключенной в нем влаги, однако железо уже не притягивает магнит, так как железо не настолько разреженно, чтобы оно могло принять обильное истечение влаги из магнита.

В. ФРАГМЕНТЫ

1. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, IX, 57 [см. А 1, § 2]: Начало его сочинения гласит: «Начиная любую речь (*λόγος*), думаю, мне, надо представить исходное начало (*ἀρχή*) неоспоримым, а стиль изложения простым и серьезным».

2—5. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 151, 28 [ср. А 4]: Во всяком случае, в трактате «О природе» — единственном его сочинении, дошедшем до меня, — он предлагает показать на основании многих аргументов, что в полагаемом им начале имеется много сознания (*νόησις*). Сразу же после предисловия [В 1] он пишет так:

2. «Мне же думается, говоря в дух словах, что все сущие [вещи возникают] путем превращения из одного и того же и суть одно и то же. И это очевидно: если бы [вещи], налично сущие в этом-вот космосе теперь, — земля, вода, воздух, огонь и все прочее, что мы видим наличным в этом-вот космосе, — если бы хоть одна из них была отличной от другой, будучи другой по своей природе, а не оставалась бы тем же самым в своих многообразных изменениях и превращениях, то они никоим образом не могли бы ни смешиваться друг с другом, ни причинять друг другу пользу или вред, равно как ни растение не могло бы произрасти из земли, ни животное родиться, ни что-либо иное, если бы они не образовывались таким образом, что при этом они суть одно и то же. На самом же деле все эти [вещи] рождаются то такими, то иными путем превращения из одного и того же и в одно и то же возвращаются».

Прочитав сначала эти слова, я тоже решил было, что он полагает общий субстрат чем-то отличным от четырех элементов, раз он говорит, что эти [элементы] не смешивались бы между собой и не изменялись бы друг в друга, если бы один из них был началом, обладающим собственной природой, и если бы в основе всех не лежал один и тот же субстрат, из которого все возникает путем превращения. Однако показав затем, что этому началу присуща высокая степень сознания (*νόησις πολλή*),

3. «Ибо оно не могло бы быть распределенным таким образом, — говорит он, — без сознания так, чтобы полагать меру всему: зиме и лету, ночи и дню, дождям, ветрам и ведру. Да и все остальное, если угодно вдуматься, оказывается устроенным наипрекраснейшим из всех возможных образов», —

он добавляет, что и люди, и остальные животные живут, обладают душой и сознанием благодаря этому началу, каковым является воздух, о чем он говорит так:

4. «Помимо этих, вот еще важные свидетельства: люди и прочие животные живут воздухом, вдыхая его. И он для них и душа, и сознание, как будет ясно показано

в этом сочинении, и стоит ему покинуть их, как они умирают, и сознание прекращается».

Затем, немного спустя, он ясно добавляет:

5. «И думается мне, что то, что обладает сознанием, — это воздух, как называют его люди, и что он всеми правит и над всеми господствует: именно это, думается мне, и есть бог, и везде присутствует, и все устраивает, и во всем содержится. И нет ничего, что ему не причастно; причастно же [всякое на свой лад], и нет ни одной вещи, которая была бы причастна ему так же, как другая, но есть много видоизменений и самого воздуха, и сознания. Ибо он многообразен и бывает более теплым и более холодным, более сухим и более влажным, более неподвижным и обладающим более стремительным движением, и ему присущи многочисленные изменения запаха-вкуса (ἡδονή) и цвета — бесконечные [по числу]. И у всех животных душа — одно и то же: воздух теплее внешнего, в котором мы находимся, но намного холоднее того, что у Солнца. Ни у одного из животных это тепло не бывает одинаковым (так как даже у людей сравнительно друг с другом оно неодинаково), но различается, правда не в большой степени, а в такой, что они похожи. Только ни одна из превращающихся вещей не может стать в точности подобной какой-либо другой, пока не станет одним и тем же. Так как превращение многообразно, то многообразны и животные, и многочисленны, и ни внешним видом не похожи друг на друга, ни образом жизни, ни сознанием по причине множества превращений. И тем не менее все живут, и видят, и слышат одним и тем же, и прочее сознание все имеют от одного и того же.»

6. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 153, 13: И затем [после В 5] он показывает, что и сперма животных пневмообразна, и мысли возникают от того, что воздух с кровью доходит до всего тела по жилам, причем в этом месте он излагает подробную анатомию жил. Тут-то он и говорит со всей ясностью, что то, что люди называют воздухом, и есть начало.

ВИНДИЦИАН, изд. М. Wellmann, *Fragm. der griech. Ärzte*, I, 208, 2: Александр по прозвищу Филалет (Правдолюб), ученик Асклепиада, в первой книге трактата «О семени» определил его сущность как пену крови в согласии со взглядами Диогена.

(3) Диоген Аполлонийский сходным образом определил сущность [семени] как пену крови в первой книге трактата о природе: «Втянутый при вдохе воздух вздымает кровь, одна часть которой поглощается плотью, а другая, оставшаяся, оседает в семенные проходы и образует семя, которое есть не что иное, как пена крови, взбитой воздухом». [Ср. А 24].

АРИСТОТЕЛЬ. История животных, III, 2. 511 b 30: Диоген Аполлонийский говорит так: «С жилами в человеке обстоит так: есть две важнейшие. Они тянутся через брюшную полость вдоль спинного хребта, одна справа, другая слева, каждая в соответствующее бедро, и вверх — в голову, вдоль ключиц через горло. От них протянулись жилы по всему телу: от правой — вправо, от левой — влево, две самых больших — в сердце около самого спинного хребта, а другие, чуть выше, через грудь под мышкой в каждую руку со своей стороны; одна из них называется селезеночной, другая — печеночной. Каждая из них разветвляется на конце, причем одно ответвление идет в большой палец, другое — в ладонь; от них, в свою очередь, [расходятся] тонкие и многоветвистые [жилки] по всей остальной руке и пальцам. [Две] другие, более тонкие тянутся от первых жил: от правой — в печень, от левой — в селезенку и в почки. Те, что тянутся в ноги, разветвляются на месте сращения и идут через все бедро. Самая большая из них тянется с задней стороны бедра и выявляется толстой; другая,

чуть менее толстая [тянется] внутри бедра. Затем, минуя колено, они тянутся в голень и стопу, как и в руки. И доходят до стопы ноги, а отсюда протягиваются к пальцам. Также и в брюшную полость, и в область ребер от них [=от важнейших жил] ответвляется много тонких жил.

Те, что идут в голову через горло, выявляются крупными на шее. От каждой из них на конце ответвляется много [жил, идущих] в голову, причем те, что справа, [идут] налево, а те, что слева, — направо. Обе оканчиваются возле уха.

Рядом с большой [жилой] на шее с обеих сторон есть еще другая жила, немного меньше той, в которой сходятся большинство [жил, идущих] из самой головы. [Обе] они тянутся через горло внутрь, и от каждой из них под лопаткой тянутся [другие] в руки. Наряду с селезеночной и печеночной [жилами] обнаруживаются и другие, чуть меньшие, которые открывают, когда болит под кожей, а когда в животе — то печеночную и селезеночную. Под сосцами от них тянутся и другие. Еще другие — те, что тянутся от каждой из двух [главных жил] через спинной мозг в яички, они тонки. Еще другие тянутся под кожей через мясо в почки и заканчиваются у мужчин в яичках, у женщин в матке. (А первые жилы, идущие из живота, сперва шире, а потом сужаются, покуда не повернут справа налево и слева направо). Эти последние называются семенными. Самая густая кровь поглощается мясистыми частями, а прорвавшаяся в эти места делается тонкой, горячей и пенистой.

7. СИМПЛИКИЙ. Комм. к «Физике», с. 153, 17 [после «и есть начало» В 6 выше]. Вызывает удивление, что, принимая возникновение других [тел] из него путем превращения, он тем не менее называет его «вечным»: «И само оно — вечное и бессмертное тело, а из прочих [вещей] одни рождаются, другие погибают».

8. Там же, 153, 20 [после В 7]: И в другом месте: «Ясно, мне думается, что оно — великое, могучее, вечное, бессмертное и многознающее».

9. ГАЛЕН. Комм. к «Эпидемиям», VI, комм. II (т. XVII A, с. 1006, 8 Kühn): Едва ли не все врачи согласны, что мужской зародыш не только формируется, но и начинает двигаться скорее, чем женский. . . По словам Руфа, Диоген Аполлонийский единственный, кто утверждал противоположное во второй книге трактата «О природе». Мне эта книга не попадалась. Ср. А 26.

10. ГЕРОДИАН. Об уникальных словах, I, с. 7, 8: Форма $\pi\lambda\eta$ [«полная»], употребленная у Диогена Аполлонийского вместо прилагательного женского рода $\pi\lambda\acute{\epsilon}\tau\eta$, неизвестна другим авторам.

С. ПАРОДИИ И ПОДРАЖАНИЯ

1. АРИСТОФАН. Облака, ст. 225 сл. [ср. С 2 ниже]:

С о к р а т:

Я хожу по воздуху и смотрю свысока на Солнце.

С т р е п с и а д:

Так что ж ты из корзины презираешь богов,
А не с земли, раз уж на то пошло? — Иначе бы я никогда
Не постиг правильно небесные явления,
Если бы не подвесил разуменье и не смешал бы

230 Тонкую мысль с подобным воздухом.

А если б я, стоя на земле, изучал верхнее снизу,

То не постиг бы никогда. И впрямь: земля-то силой
Притягивает к себе влагу мысли.

То же самое происходит и с кардамоном.

235 — Что ты говоришь?

Мысль притягивает влагу в кардамон?

Ст. 828 сл.:

Стрепсиад:

Вихрь (Динос) царствует, выгнав с трона Дия (Зевса).

Фейдиппид:

Вот-те на! Ты что мелешь? — Точно тебе говорю.

— А тебе кто сказал? — Сократ из Мелоса

И Херефонт, коему ведомы следы блох.

2. ГИППОКРАТ. О воздухе внутри тела, 3 (СМГ I, 1, с. 92): см. гл. Гиппократовская школа, № 4. Ср.: ЕВРИПИД. Троянки, ст. 884 сл.:

Гекуба:

Земли носитель, сам с опорой на Земле!

Кто б ни был ты, — тебя не просто разгадать,

О Зевс, закон природы ль ты иль смертных ум,

К тебе молюсь, зане беззвучным ты путем

Ступая, правишь смертными на правый лад.

Менелай:

Что слышу? Обновила ты мольбы богам!

АРИСТОФАН. Облака, 264:

О владыка и царь, безграничный Аэр, что несешь в вышине нашу землю!
и т. д.

3. ГИППОКРАТ. О плоти, 2 (т. VIII, с. 584 L.): Думается мне, что то, что мы называем теплом, бессмертно, и все разумеет, и видит, и слышит, и знает все сущее и грядущее. Большая часть его, когда все было взволновано [космогоническим вихрем], удалилась в самую верхнюю сферу, и именно его, думается мне, древние назвали «эфиром».

3 а. ГИППОКРАТ. О священной болезни, 16: см. гл. «Гиппократовская школа», № 7.

3 б. ГИППОКРАТ. О болезнях, IV, 34 (т. VII, с. 544 L): Земля заключает в себе всевозможные и бесчисленные свойства: сколько ни произрастает на ней [растений], каждому она дает подобную ему влагу, подобную и родственную той, какую и само растение содержит в себе, и каждое растение вытягивает из земли такую же пищу, как оно само *и т. д.* Ср. 64 А 33; С 1.

4. ФИЛЕМОН-КОМИК, фр. 91 Коск:

Я тот, от кого не скроется никто, что бы он ни делал,

Ни собирался сделать или уже сделал в прошлом,

Ни бог, ни человек,

Я — Воздух, который можно назвать и Зевсом.

5 Я есмь везде, а это дело бога,

Здесь в Афинах, в Патрах, в Сицилии,
 Во всех городах, во всех домах,
 Во всех вас. Нет места,
 Где нет Воздуха, а тот, кто присутствует везде,
 10 По необходимости знает все, раз он везде присутствует.

65. КРАТИЛ

1. ПЛАТОН. Кратил, 429 b 10 сл.:

Сократ. Стало быть, все имена установлены правильно?

Кратил. Все, сколько ни на есть. [. .] (429 d 1 сл.)

Сократ. Так что же означает твой тезис? Что ложь высказывать вообще невозможно — так что ли? Многие так утверждают, любезный Кратил, и теперь, да и прежде утверждали.

Кратил. Скажи мне, пожалуйста, Сократ, каким образом кто-либо, говоря то, что он говорит, мог бы говорить то, чего нет? Разве «говорить ложь» не означает «говорить то, чего нет»?

Сократ. Для меня, дружище, и для моего возраста этот аргумент слишком изощренный. И все-таки скажи мне вот что: считаешь ли ты, что говорить ложь невозможно, а сказать можно?

Кратил. И сказать, по-моему, нельзя.

Сократ. И назвать нельзя, и обратиться нельзя? Ну, скажем, если бы кто-нибудь, повстречав тебя на чужбине, взял за руку и назвал: «Здравствуй, Афинский гость, сын Смикриона Гермоген», — говорил бы он это, или сказал бы он это, или назвал бы он это, или обратился бы он так не к тебе, а к этому вот Гермогену? Или ни к кому?

Кратил. По-моему, Сократ, он произнес бы эти звуки впустую. 440 d 5: [Сократ к Кратилу]. Ты еще молод и в цвете лет. . .

2. АРИСТОТЕЛЬ. Риторика. Г 16. 1417 b 1: Или как Эсхин о Кратиле: «шипя и тряся руками» — [такого рода слова] убедительны, так как они оказываются понятными намеками, по которым слушатели догадываются о том, что им неизвестно.

3. АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, А 6. 987 a 29: После поименованных философских учений [Met А 3—5] последовала система Платона, во многом следующая пифагорейцам, но имеющая и свои особенности, отличающие ее от италийской философии. Смолоду став сначала близким знакомцем Кратила и Гераклитовских воззрений, по которым все чувственно воспринимаемые вещи постоянно текут и знание (ἐπιστήμη) о них невозможно, он и впоследствии держался того же взгляда. Между тем Сократ и т. д. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, III, 6: Начиная с этого времени, достигнув двадцатилетнего возраста, он [=Платон], как говорят, стал учеником Сократа, когда же Сократа не стало, примкнул к Кратилу-гераклитовцу и Гермогену, философствовавшему по Пармениду.

4. АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика, Г 5. 1010 a 7: Кроме того, видя, что эта [=чувственная] природа всецело находится в движении, а ни один [предикат, высказанный] о том, что изменяется, не является истинным, [они полагали], что по крайней мере о том, что абсолютно и во всех отношениях изменчиво, истинные высказывания невозможны. Из этого воззрения расцвел крайний взгляд указанных философов, притязающих на то, что они следуют Гераклиту, подобный тому, какого держался Кратил, ко-

торый под конец считал, что не следует ничего говорить, а только шевелил пальцем и упрекал Гераклита за то, что он сказал, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку [фр. 40]; сам он считал, что нельзя и один раз.

5. ПЛАТОН. Кратил, 383 а 4: Этот-вот Кратил, о Сократ, утверждает, что для каждой из вещей имеется по природе правильность имени и что имя — это вовсе не то, что какие-нибудь люди, условившись [это] так называть, называют, произнося при этом частицу своей собственной речи, но что от природы существует некая правильность имен, одна и та же для всех: и для эллинов, и для варваров. Ср.: АММОНИЙ. Комм. к «Об истолковании», с. 34, 22 Busse.

66. АНТИСФЕН-ГЕРАКЛИТОВЕЦ

1. ДИОГЕН ЛАЭРТИЙ, VI, 19: Было еще три других Антисфена, [помимо сократика]: один гераклитовец, другой эфесец и историк из Родоса [FHG II, 174 сл.]. Ср. IX, 15.

Другие гераклитовцы

2. ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ. Проблемы, 23, 30. 934 b 33: Поэтому некоторые из гераклитизирующих [философов] утверждают, что из пресной воды при высыхании и затвердевании рождаются камни и земля, а из моря испаряется солнце. Ср.: ГЕРАКЛИТ, 66 f³.

3. ПЛАТОН. Теэтет, 179 d 7: Приверженцы Гераклита дирижируют этим учением [о тождестве ощущения и знания] довольно рьяно.

66^a. ГИППОКРАТОВСКАЯ ШКОЛА (ИЗБРАННЫЕ ОТРЫВКИ)

А. НАТУРФИЛОСОФСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ

1. Из трактата «О седмицах»

1. (§ 1) Форма мира и всех содержащихся в нем отдельных вещей упорядочена так. Седьмеричный вид и семидневные сроки необходимы и для затвердевания человеческого семени, и для образования природы человека, и для кризисов болезней, и для всех [элементов], истлевающих в теле, — тех же, что и во Вселенной. И все прочее имеет седьмеричную природу и вид, а также [сроки] созревания и дряхления по следующей причине: таково число мира, семичастна всякая форма в нем, семичастен порядок каждой из частей. (§ 2) Первый ряд во Вселенной — беспримесного мира, имеющий проходы лета и зимы. Второй ряд — звезд отсвет и разреженность, более блеклый блеск природы. Третий — путь Солнца, обладающий теплом. Четвертый — Луны возвращающейся, становящейся полной через прибыль и уменьшающейся через убыль. Пятая доля — скопление и мир воздуха, содержащая дожди и молнии, громы и снег, <и град, и прочее подобное>. Шестая — влажная часть моря, рек, родников, источников и озер, <и соленая и пресная вода>, и содержащееся в них тепло — проводник влажного испарения и орошения. Седьмая [часть] — сама Земля, на которой животные и растения <. . .> она кормилица всех существ, {поскольку состоит из воды}, <так как содержит влагу>.

2. (1) Таким образом, миры Вселенной имеют семичастный порядок, причем миры, находящиеся под Землей, равны по числу и одинаковы по форме с мирами, находящимися над Землей. А самобезным круговращением обладают, и обхождения и прохождения вокруг Земли совершая обращение, вот почему: Земля и Олимпийский мир имеют природу неподвижную, а прочие обладают движением круговращения. Находясь в срединном мире и имея в себе и под собой влажные питательные вещества, Земля парит в воздухе, так что для тех, кто внизу, этот верх — низ, а низ — верх, и так же отстоят [друг от друга] правая и левая сторона, и вокруг всей Земли дело обстоит таким образом. Так вот, Земля, находясь в середине, и Олимпийский мир, будучи самым верхним, неподвижны, а Луна, находясь в середине <всех прочих частей, расположенных кверху и книзу от нее>, гармонически соединяет все прочие [элементы], которые живут один за счет другого и в своем беге чередуются, [как в эстафете]. Они вечно приводятся в движение и сами собой, и вечносущими богами. <И каждый из них движется своим собственным движением, отличным от иных, причем все находятся в круговращении, но части каждого отличны от всех прочих.> (§ 2) Звезды небесные, числом семь, определяют смену времен [года] поочередно. В первую очередь Солнце, а Солнцу следует Луна. Медведица следует Арктуру равным следованием, как и Луна — Солнцу. Плеяды следуют Гиадам, а Ориону — Пес. Эти звезды следуют друг другу и противоположны: они совершают свой путь, поочередно определяя [?] смену времен года, так что звезды имеют не одну и ту же остановку пути.

3. {О ветрах.} Ветров опять-таки семь <дуновений, при которых> они дуют периодически и вызывают незримое движение † блуждающим бездыханно † силу дыхания творя. Начало ветров, откуда они происходят, — от тепла. Апельиот, следующий Борей, потом Апарктиас, затем Зефир, за ним Липс, потом Нот, следующий Эвр. Эти семь дуют сообразно с временами года.

4. {О временах года.} Времен года семь. Вот они: сев, зима, посадка, весна, лето, пора плодов, осень. Между собой они различаются вот чем: сев летом не родит, ни посадка осенью, ни цветение зимой, ни произрастание летом, ни созревание зимой.

5. Так и в случае с природой человека есть семь сезонов, которые мы называем возрастами: дитя, ребенок, отрок, юноша, муж, пожилой, старик. Дитя — до семи лет и вырастания зубов; ребенок — вплоть до половой зрелости, до дважды семи; отрок — вплоть до опущения подбородка, до трижды семи; юноша — вплоть до возрастания всего тела, до четырехжды семи; муж — вплоть до сорока девяти лет, до семижды семи; пожилой — вплоть до пятидесяти шести лет, до семижды восьми, а оттоль — старик.

6. (§ 1) Тела и растения, которые суть на земле, и самые маленькие и большие, имеют природу, подобную миру. Ибо части мира, коль скоро все одинаково, должны быть сравнимы с миром, так как они состоят из частей, равных и подобных миру. Земля устойчива и неподвижна, середина у нее каменная в подражание <костям>, нечувствительная и неподвижная природа, а то, что ее окружает — человеческая плоть, рыхлое. Что в земле теплое и влажное — то костный и головной мозг человека, <откуда исходит> семя. Вода рек есть подражание жил и текущей в жилах крови: болота — мочевого пузыря и толстой кишки. Моря — жидкость, которая во чреве человека. Воздух то же, что дыхание в человеке. Луна — место ощущения. (§ 2) Тепло человека, как и в мире, обнаруживается в двух местах, и причем то, которое накопилось от солнечных лучей в земле, то же, что тепло во чреве человека и в жилах, а то, которое находится в верхних частях мира — звезды и Солнце — тождественно с теплом, находящимся под кожей вокруг плоти человека; сияя от быстроты, оно меняет

цвета, так что и там ты найдешь Зевса Эгиоха. Медведица, питаемая Солнцем, — действие лихорадки в человеке. Нераздельная твердь, объемлющая весь мир, — затвердевание кожи, холодного состава. Итак, всякое сложение каждой из форм объемлется так.

7. У каждого вида семь частей. <У человека семь частей.> Голова — одна часть. Рука, пособница дел, — вторая. Внутренности и грудобрюшная преграда — третья. Полового члена две части: одна — для мочеиспускания, четвертая, другая — для доставки семени, пятая. Прямая кишка, выход пищевых осадков — шестая. Ноги для хождения — седьмая.

8. Голова и сама имеет семичастное вспоможение для жизни. Первая — вход холода через любую открытую часть. Вторая — выдох жара из всего тела. Третья — зрение, различение <цветов и прочего>. Четвертая — ухо, слух. Пятая — дыхательные ноздри, разумение запахов. Шестая — питье жидкости и перенос пищи, дыхательное горло и желудок. Седьмая — язык, чувство вкуса.

9. И сама речь делается членораздельной через семь гласных букв.

10. Душа также имеет семь частей. <Первая — тепло <для> семидневного образования семени и легче всего гибнущее за те семь дней, — то же, что в воздухе и в животных. Вторая — воздушный холод полезный. Третья — влага, разлитая по всему телу. Четвертая — землястая, кровь, нуждающаяся в пище. Пятая — горькая желчь, <от> нее много скорбных страданий в течение семи дней. Шестая — всякая сладкая пища, приросток крови. Седьмая — все соленое, уменьшение наслаждений.

Эти семь частей — природа души, при благоразумии они существуют без страданий. Ежели человек хоть что-то соображает, то он должен принять правильное решение, чтобы позаботиться о теле. Если в остальном ведут себя правильно, то живут полные бодрости, и крепость имеют, и проживают достаточно. Если же по оплошности нерадивого [части души] составлены <между собой> плохо, то наталкиваются на мучительное страдание и беспокойство. Люди умирают от приключаящихся с ними напастей по своей собственной вине, и впрямь сами себе причиняя страдания.

11. Вся Земля имеет семь частей: голова и лицо — Пелопоннес, обиталище великих душ. Вторая часть — Истм, мозговина и шея. Третья — внутренности и грудобрюшная преграда, Иония, <и обитатели этой местности особенно смышлены, рассудительны и мудры>. Четвертая — ноги, Геллеспонт, <и эта местность вытянута в длину, идет в направлении нашего моря и узка>. Пятая — стопы, Боспор, <поэтому обитатели этой местности — сильные, крепкие, воины и люди смелые и отважные и никто не может их сдержать>. Шестая — чрево, Египет и Египетское море, <и это плодородная земля, полная злаков и плодов>. Седьмая — пах и прямая кишка, Эвксинский Поит и Меотидское болото, <и это большой остров из числа островов моря, который приемлет отбросы Земли, и среди них находится остров, который приемлет отбросы морской воды, но в его народе и обитателях совершенно нет отваги: они слабы, угодливы и не в состоянии выдержать борьбу и войну>.

12. Обо всем мире в целом и о природе человека я сказал согласно природе и [последовательному] рассуждению [ratio=λόγος], ибо дело обстоит так, как я показываю, и сообразно с тем, как разделено само тело. Следовательно, коль скоро мир таков, то я покажу, что и при болезни с телами всего мира и всех остальных [существ] происходит то же самое. Природу всего мира и всех [существ] необходимо показать ради тех, кто [ее] не знает, чтобы, зная, они легче могли постигнуть то, о чем сейчас идет речь. Очевидно, что установить это — дело естественнонаучного рассуждения [ratio natura-

lis=λόγος φυσικός]. Это рассуждение учит, какие [элементы] по природе содержат сами лихорадки и другие причины, оно учит также, каким образом возникают острые болезни, и как их следует сдерживать, когда они возникли, или как предупредить, и как их надо правильно лечить при появлении. Итак, все следует рассматривать согласно этому рассуждению.

2. Из трактата «О диете»

кн. I. III. (1) Все животные и человек состоят из двух [элементов], различных по силе (δύναμις), но сличных по пользе: огня и воды. Оба вместе они довлеют всему прочему и друг другу, а каждый в отдельности — ни самому себе, ни чему-либо другому. Сила каждого из них такова: огонь может все всегда приводить в движение, а вода все всегда питать. Они преобладают и подчиняются поочередно до максимума и минимума, насколько возможно. (2) Ни один из них не может получить полное преобладание по следующей причине: как только наступление огня дойдет до крайнего предела воды, иссякает пища — тогда он отступает к точке, в которой у него будет источник питания. Как только наступление воды дойдет до крайнего предела огня, иссякает движение, — тогда она останавливается в этой точке, но стоит ей остановиться, как она уже больше не преобладает и с этого момента потребляется в пищу нападающим огнем. (3) Ни один из них поэтому не может получить полное преобладание, а если бы хоть один из них был прежде побежден, то ничто из ныне существующего не было бы таким, как сейчас. Но поскольку [ныне существующее] таково, то и всегда будет тем же самым, и ни один [из элементов] по отдельности, ни оба вместе никогда не иссякнут. Итак, огонь и вода, как я сказал, довлеют всем всегда до максимума и минимума в равной мере.

IV. (1) Каждому из них присущи следующие [качества]: огню — горячее и сухое, воде — холодное и влажное. Но каждый имеет также [одно качество] от другого: огонь от воды — влажное, так как в огне содержится влажность, а вода от огня — сухое, так как в воде содержится сухость. Поскольку [элементы] таковы, они выделяют из взаимной [смеси] много разнообразных форм (ιδέας) и семян и животных, совершенно не похожих друг на друга ни по внешнему виду, ни по качеству (δύναμις). Так как [элементы] никогда не останавливаются в одном и том же состоянии, но постоянно изменяются в том и другом направлении, то и то, что из них выделяется, по необходимости оказывается несходным. (2) Из всей совокупности вещей ничто не уничтожается и ничто не возникает, чего бы не было и раньше: смешиваясь и разделяясь, они изменяются. Люди же думают, что то, что выросло из Аида на свет, «возникло», а то, что уменьшилось, [исчезнуv] со света в Аид, «уничтожилось». Они верят больше глазам, чем разуму (γυῶμα), хотя [глаза] неспособны судить даже о зримом, я же объясняю [~ истолковываю] это разумом. Те, что там [= в Аиде], — такие же живые существа, как и те, что здесь [= на свете], и ни живое существо не может умереть иначе как вместе со всеми вещами — ибо куда оно умрет? — ни не-сущее не может возникнуть: ибо откуда оно возьмется? На самом деле все растет [~ увеличивается] и уменьшается до максимума и минимума, насколько это возможно. (3) Если я говорю о «рождении» и «гибели», то выражаюсь так ради толпы, под этими [терминами] я разумею «смешение» и «разделение». Более того, возникновение и уничтожение — одно и то же, смешение и разделение — одно и то же, рост и убыль — одно и то же, возникновение-смешение — одно и то же, уничтожение-разделение — одно и то же. Каждая отдельная вещь по отношению ко всем вещам и все вещи по отношению к каждой отдельной вещи тождественны,

и ничто из всего не тождественно. Ибо в этом обычай [~ условность, νόμος] противоречит природе (φύσις).

V. (1) Все вещи, и божественные и человеческие, движутся туда-сюда [букв. «вверх-вниз»] попеременно. День и ночь — до максимума и минимума; как Луна — до максимума и минимума, наступление огня и воды, так и Солнце — до самого долгого и самого краткого, все — то же и не то же. Свет Зевсу — тьма Аиду, свет Аиду — тьма Зевсу, носятся тамошние [вещи] сюда-вот, а эти-вот — туда, во всякое время, во всяком месте, причем те [=незримые вещи] исполняют дело этих [=явленных], а эти — тех. (2) И что они делают, того не знают, а что не делают, то думают, что знают, и что видят, того не понимают, но все приключается им по божественной необходимости (анаγκэ) в равной мере: и что желают, и чего не желают. И когда те носятся сюда, а эти — туда и смешиваются друг с другом, каждое исполняет предопределенную ему судьбу (мойра) в сторону увеличения и в сторону уменьшения. Гибель всем друг от друга: большему от меньшего и меньшему от большего, растет большее за счет меньшего и меньшее за счет большего.

VI. (1) Душа человека получает такое же устройство (διαкосмесис), как и все остальные [вещи], а тело — такое же, как душа. Вползают в человека части частей, целые целых, содержащие смесь огня и воды, одни — чтобы взять, другие — чтобы дать, и те, что берут, делают меньше, а те, что дают — больше. Пилят люди бревно: один тянет, другой толкает. Они делают одно и то же: делая меньше, делают больше. (2) Такова и природа человека: одно толкает, другое тянет, одно дает, другое берет, одному дает, а у другого берет, этому дает настолько же больше, а у того берет настолько же меньше. Каждая [частица] блюдет свое место, и те, что уменьшаются, разделяются в меньшее место, а те, что увеличиваются, смешиваясь, перемещаются на большее положение, а чужие и несходные выталкиваются из чужого места. (3) Всякая душа, поскольку она содержит большие и меньшие [частицы], перемещает свои частицы туда-сюда, не нуждаясь ни в прибавлении, ни в убавлении частей, но, нуждаясь в месте по мере увеличения и уменьшения наличных [частей], она отработывает все, в какое бы место [они] ни вошли, и приемлет новые поступления. Ибо несходное не может удержаться в несличных местах — оно блуждает беспечно [или: «без узнавания»], а соединившись между собой, узнает, с чем соединилось. Полезное соединяется с полезным, а бесполезное воюет, борется и отделяется. Поэтому человеческая душа в человеке растет, а больше ни в ком. Точно так же и [душа] других — больших живых существ. Инердное же отделяется от ивного силой.

VII. (1) Оставив в стороне других животных, я буду говорить о человеке. Вползает в человека душа, имеющая смесь огня и воды, часть (μοῖρα) человеческого тела. Эти [семена], многочисленные и разнообразные, питаются и растут благодаря человеческому питанию. Однако они по необходимости должны содержать все привходящие [с питанием] части, так как, если бы доля чего-то не содержалась [в семени] изначально, оно не выросло бы ни при большом, ни при малом поступлении пищи, поскольку ему нечего растить. (2) Если же оно содержит в себе все, то каждый [зародыш той или иной части тела] растет в своем собственном месте по мере поступления пищи из сухой воды и влажного огня, причем одни [частицы] усваиваются внутрь, а другие насильно выталкиваются наружу. Слово плотники пилят бревно, и один тянет, а другой толкает, а делают одно и то же. Когда они давят вниз, [пила] вздымается вверх, так как она не допускает несвоевременного движения вниз, а если насильно, то ничего же выйдет. Так и с пищей человека: одно тянет, другое толкает, впиливаемая

силой внутрь, она вылезает наружу, а если заставлять несвоевременно, ничего не добьешься.

VIII. (1) Все [частицы] занимают одно и то же положение в течение определенного времени, до тех пор пока место, [в котором они находятся], больше не приемлет их и не имеет достаточно пищи для возможного максимума [роста]. Затем они перемещаются в большее место, и мужские и женские, одинаково гонимые силой и необходимостью. Которые раньше исполнят предначинанную судьбу, те разделяются первыми и одновременно соединяются [~ смешиваются]: все, едва лишь разделяется, как сразу и соединяется. (2) Сменив место и достигнув [в отношениях между собой] правильного гармонического лада (*ἀρμονία*), содержащего три консонирующих интервала; кварту, квинту и октаву, [частицы] живут и вращаются тем же, чем и прежде, а если не достигнут гармонии и если низкие и высокие тоны не будут созвучны между собой в первом интервале, или во втором, или в октаве, то тогда, раз пропал один [интервал], пропадает все и вся тональность (*τόνος*), ибо она не годится для аккомпанемента пению. Тогда они сменяют большее на меньшее раньше предначинанного срока, ибо не знают, что делают.

IX. (1) Почему образуются мужчины и женщины, я объясню в дальнейшем изложении. Но каков бы ни был пол зародыша, достигшего гармонии, он влажен и приводится в движение огнем. А движимый [огнем], он воспламеняется, словно тлеющий уголек, и притягивает питание из еды и воздуха, поступающих внутрь женщины. И поначалу, пока он еще рыхлый, он совершенно одинаков. Но под действием движущей силы огня он высыхает и отвердевает, а отвердевая, уплотняется по всей поверхности. Заключенный внутри огонь больше не имеет возможности ни притягивать достаточно пищи, ни выталкивать дыхание [шнелму] вследствие плотности оболочки. Тогда он потребляет наличную внутри влагу. (2) Твердые по природе и сухие части в образовавшемся [зародыше] не потребляются огнем в пищу, но крепнут и сплачиваются по мере иссякания влаги: эти части называются «костями» и «жилами». Огонь же через смешанную [с ним] и приводимую [им] в движение влагу устроит тело согласно природе вот по какой необходимости: через твердые и сухие части он не может устроить длительные проходы, так как не имеет пищи, а через влажные и мягкие — может, так как они ему служат пищей. (3) Однако и в них остается сухость, не потребленная огнем: эти [сухие остатки] сплачиваются между собой. Запертый в самом нутре [зародыша] огонь — самый обильный, и он устроил самый большой проход, так как в этом месте, которое называют «животом», содержалось больше всего влаги. И так как у него не было пищи, он вырвался отсюда наружу и устроил проходы для дыхания и для подвоза и рассылки пищи. Самая влажная часть огня, которая оказалась запертой в остальном теле, устроила в этих местах три кругооборота, которые называются полыми венами. Посреди них скапливается и затвердевает остаток воды: это то, что называют «плотью».

X. (1) Одним словом, огонь сам собой упорядочил в теле все части как полагается, в подражание Вселенной, [сообразовав] малое с великим и великое с малым. Величайшему чреву, хранилищу сухой и влажной воды, всем дающему и ото всех берущему, он придал силу моря, подходящих животных кормильца, неподходящих губильца. Вокруг него он устроил сплочение холодной и влажной воды, проход холодного и теплого воздуха, в подражание земле, которая превращает все, что в нее попадает. (2) И одно тратя, другое умножая, он учинил рассеяние тонкой воды и воздушного огня, незримого и зримого, — выделение твердого образования, перемещаясь в кото-

ром всякая [часть] выходит наружу в предназначенный срок. В нем огонь устроил три кругооборота, смыкающихся между собой, и внутри, и снаружи: одному, ближе к полости влаги, он придал силу Луны; другому, ближе к внешней периферии, к объемлющей тверди, — силу звезд, а среднему, доходящему и внутрь и вовне, — силу Солнца. (3) Самый горячий и самый сильный огонь, который господствует над всем, проникая все по природе, неприкосновенный ни взору, ни касанию, в нем — душа, ум, сознание, рост, убыль, движение, перемена, сон, пробуждение. Он правит всеми вещами всегда, и этими [=наземными] и теми [=подземными], никогда не замирая.

XI. (1) Люди не умеют по зримому наблюдать незримое. Они не знают, что искусства, которыми они занимаются, подобны человеческой природе. Ум богов научил их подражать своим собственным [действиям], знающих, что делают, но не знающих, чему подражают. Ибо все подобно, хотя и неподобно; все слично, хотя и различно; разговаривает, не разговаривая; обладает разумом, будучи неразумным; противоречив характер всего, хотя и согласен. Обычай ($\nu\theta\mu\sigma$) и природа ($\phi\acute{\upsilon}\sigma\iota\varsigma$), следуя которым мы все совершаем, не согласуются, согласуясь. (2) Обычай люди сами себе установили, не зная, о чем установили, а природу всего упорядочили боги. То, что установили люди, никогда не остается тем же, ни правильным, ни неправильным, а все, что установили боги, всегда правильно, и правильное и неправильное, — столь велико различие [между божественным и человеческим].

XII. (1) Я покажу, что зримые искусства подобны [процессам], происходящим с человеком, и зримым, и незримым. Возьмем мантику [=искусство гадания]: по зримому она узнает незримое, и по незримому — зримое, и по настоящему — будущее, и по мертвому — живое, и по лишенному соображения [гадателя] соображают, знающий — всегда правильно, а незнающий — когда как. (2) Это подражает природе и жизни человека. Мужчина, совокупившись с женщиной, родил ребенка: по зримому узнает неявный факт, что это будет так. Разум человека, сам незримый, узнает зримое и переходит от ребенка к мужу: по настоящему узнает будущее. Мертвый не похож на живого, но через мертвое [гадатель] ведает живое. Желудок лишен соображения, но через него мы соображаем, что жаждем или голодны. То же самое происходит в искусстве гадания и в человеческой природе: для знающих — всегда правильно, а для незнающих — когда как.

XIII. (1) Железных дел мастера плавят железо огнем, воздухом принуждая огонь, отнимают [у железа] наличную пищу, и, размягчив его, бьют, и куют; пропитанное новой водой, оно закаляется. (2) То же самое делает с человеком педотриб [=учитель гимнастики]: наличную пищу отнимает огнем, вынуждаемым дыханием; размягчив, бьет, массирует, очищает, облив водой снаружи, закаляет.

XIV. (1) То же проделывают и валяльщики: топчут, бьют, тянут, попирая, делают крепче, состригая торчащие [нити] и заплетая, делают [ткань] более красивой. Тому же подвергается человек.

XV. (1) Сапожники разделяют целое на части и из частей творят целое. Разрезая и протыкая, делают гнилое крепким. То же самое происходит с человеком: целое разделяется на части, а из соединяемых частей получается целое. (2) Прокалывая и разрезая, врачи вылечивают то, что прогнило. Вот еще дело медицины: избавить от того, что вызывает страдание, и, устранив причину боли, сделать здоровым. Природа умеет это сама собой: кому больно сидеть, встанет; кому больно бежать, перестанет. Природа обладает и другими подобными свойствами медицины.

XVI. (1) Плотники пилят: один толкает, другой тянет, оба делают одно и то же. Когда надавят, одно поднимается, другое опускается: делаю меньше, делают больше. (2) Они подражают природе человека. Одно втягивает дыхание, другое выгалькивает, обоими способами делают одно и то же. Одно вдавливаются внутрь, другое лезет вверх. От разделения одной души [происходят] более многочисленные и менее многочисленные, большие и меньшие [души].

XVII. (1) Строители из различного делают складное, сухое увлажняя, влажное высушивая, целое разделяя, разделенное соединяя, а без этого [дом] не был бы таким, как надо. (2) Подражают диете человеческой: сухое увлажняют, влажное высушивают, целое разделяют, разделенное соединяют; все это, хоть и различно, а ладно [~ полезно].

XVIII. (1) Музыкальные сочинения из тех же [нот], а не те же: из высокого и низкого, сходных по имени, несходных по звуку; наиболее различное лучше всего ладит, наименее различное хуже всего ладит. А если сочинить [пьесу] из одной ноты, никакого удовольствия. Чем больше перемен [~ вариаций] и чем они многообразней, тем больше они услаждают. (2) Повара готовят людям яства из различного, сличного, смешивая всякую всячину, из тех же — не те же: еду и питье человеку. А если сделать все одинаковым, не доставляет удовольствия. И если сервировать все на одном [блюде], тоже толку не будет. (3) В музыке одни ноты берутся высокие, другие низкие. Музыка подражает языку, различающему сладкий и кислый вкус пищи и ее диссонанс и консонанс. Язык извлекает звуки высокие и низкие; низкие, взятые высоко, или высокие — низко, не годятся. Если язык хорошо настроен, созвучие вызывает удовольствие, расстроен — огорчение.

XIX. (1) Кожемяки растягивают, трут, чешут, моют. То же — уход за детьми. Плетельщики [корзин] плетут по кругу: [начинают] с начала и кончают началом. То же — кругооборот в теле: откуда начинается, там и кончается.

XX. (1) Выработывают золото: долбят, промывают, плавят. На мягком огне образ ется, на сильном — нет. Добыв, используют не все. (2) Человек хлеб молотит, моет, мелет, испекши — ест. На мягком огне в теле сваривается, на сильном — нет.

XXI. (1) Ваятели творят подражание тела, кроме души, а наделенных разумом [изваяний] не делают, из воды и земли, влажное высушивая, сухое увлажняя; где лишнее — отнимают, где не хватает — добавляют, нарацивают от минимума до максимума. (2) То же происходит с человеком: растет от минимума до максимума, от лишнего отнимая, к недостающему прибавляя, сухое увлажняя, влажное высушивая.

XXII. (1) Гончары вращают круг, а он не идет ни назад, ни вперед и в то же время — одновременно вперед и назад, подражает круговращению Вселенной. На одном и том же вращающемся [круге] изготавливают всевозможные [сосуды], ни один из которых не похож на другой, из одного и того же [материала], одними и теми же орудиями. (2) То же самое происходит с людьми и другими животными: в одном и том же круговороте изготавливают все из одного и того же [материала] совершенно непохожее, одними и теми же орудиями, из влажного делая сухое, из сухого — влажное.

XXIII. (1) Вот что такое грамматическое искусство: сложение фигур, знаков человеческого голоса, способность прошлое вспомнить, что предстоит сделать — показать; знание — посредством семи фигур. Все это совершает человек, и знающий грамоту, и не знающий. (2) Посредством семи фигур — и человеческие ощущения:

слух — для звуков, зрение — для видимого, нос — для запаха, язык — для речи, тело — для осязания, проходы горячего или холодного дыхания внутрь и вовне: через них у людей знание.

XXIV. (1) Вот что такое агонистика, гимнастика: учат беззаконничать по закону, справедливо нарушать право, обманывать, воровать, похищать, насиловать, наихудшее — самое лучшее. Кто этого не делает — плохой, а кто делает — хороший. Доказательство сумасбродства толпы. Смотрят на это и выбирают одного из всех хорошим, а прочих — плохими. Много дивящихся, мало знающих. (2) Придя на агору, люди делают то же самое: обманывают и продавцы и покупатели, кто обманул больше всех — тем восхищаются. Когда пьют и сумасбродствуют — делают то же самое. Бегают, борются, дерутся, воруют, обманывают: из всех выбирают одного. (3) Актерское искусство обманывает зрителей: говорят одно, а думают другое; выходят [на сцену] и уходят те же и не те же. Есть это и в человеке: говорить одно, а делать другое; тот же самый — не тот же самый, то одно мнение имеет, то другое.

Таким образом, все искусства имеют что-то общее с человеческой природой. [. .]

XXVII. (1) Вот, насколько это возможно, объяснение того, как образуются мужчины и женщины. Женщины в большей мере растут от воды, от холодных, влажных и мягких еды, питья и образа жизни. Мужчины — в большей мере от огня, от сухой и горячей еды и диеты. [. .]

XXVIII. (1) Соединение женского и мужского [семени] между собой возможно, во-первых, потому, что в каждом из них вращивается и мужское и женское начало, а во-вторых, потому, что душа тождественна у всех живых существ, а тело у каждого отдельного существа различно. Душа всегда одинакова, и в большем и в меньшем, так как она не изменяется ни в силу [своей внутренней] природы, ни в силу [внешней] необходимости: тело же никогда ни у кого не тождественно [самому себе] ни по природе, ни под действием необходимости, так как одна часть его [постоянно] разделяется на все [вещества], а другая соединяется из всех [веществ]. (2) Если окажется, что тельца, выделенные [при зачатии] с обеих сторон, мужские, то они растут согласно наличному и становятся мужчинами с блестящей душой и крепким телом, если только не попортятся впоследствии от [неправильной] диеты. (3) Если же от мужчины выделится мужской [элемент], а от женщины — женский и мужской победит, то более слабая душа примешивается к более сильной, так как среди наличного [материала] нет более сродного ей, к которому она могла бы примкнуть: [в этом случае] и меньшая [душа] сочетается с большей, и большая — с меньшей; сообща одолевают наличное. При этом мужское тело растет, а женское убывает и рассеивается [~разделяется], [переходя] в иной удел (*μοίρα*). Эти, правда, не такие блестящие, как первые, но все-таки, поскольку победил мужской [элемент, выделенный] от мужчины, становятся мужественными и по праву носят это имя. (4) Но вот если от женщины выделится мужской [элемент], а от мужчины — женский и мужской победит, то он растет таким же образом, как и в предыдущем случае, а [женский] убывает. Эти становятся андрогинами и называются так правильно. Таковы три вида рождения мужчин, они различаются в зависимости от большей или меньшей степени [содержания] воды <и огня> в частях [семени], от питания, воспитания и привычек. [. .]

XXIX. (1) Женский пол образуется таким же образом. Если от обоих [родителей] выделится женский [элемент], получают самые женственные и красивые женщины. Если от женщины [выделится] женский [элемент], от мужчины — мужской и победит женский, то эти посмелей прежних, но все-таки тоже скромницы. Но вот если

от мужчины — женский [элемент], а от женщины — мужской и победит женский, то растут таким же образом, но становятся более дерзкими, чем прежние, и называются мужеподобными. [. .]

XXXV. (1) Что касается того, что называют умом (*φρόνησις*) и глупостью души, то дело обстоит так. Самая влажная часть огня и самая сухая часть воды, смешавшись в теле, дают самый большой ум, так как огонь имеет влажность от воды, а вода — сухость от огня. В результате то и другое оказываются самодовлеющими в высшей степени: огонь, не испытывая недостатка в пище, не заходит слишком далеко, а вода, не испытывая недостатка в движении, не становится слишком вялой. Таким образом, даже смешавшись между собой, они остаются самодовлеющими в высшей степени. Что меньше всего зависит от окружения, то больше всего обращается к наличному при минимальной, не вынужденной необходимостью подвижности огня и при максимальной, ненасильственной подвижности воды. Смешанная из этих [элементов в такой пропорции] душа самая умная и самая памятьливая. [Следует детальная характеристология интеллектуально-психологических типов; тупость и идиотизм объясняются обладанием «вялого» элемента — воды.]

3. Из трактата «О пище»

(1) Пища и вид пищи — одна и много: одна — поскольку род один, а вид [различается] влажностью и сухостью, и в этих [последних надо различать] качества (*ἰδέαι*) и количество, и для чего, и до какой степени.

(2) Она растит и укрепляет, и наращивает плоть, и уподобляет, и расподобляет то, что имеется в каждой части [тела] согласно природе каждой части и своей изначальной силе.

(8) Пища — то, что питает, пища — то, что может [питать], пища — то, что [питать] будет.

(9) Начало всех — одно, и конец всех — один, и одно и то же — начало и конец.

(11) Соки разнообразны и цветами, и силами, и во вред, и на пользу, и ни во вред, ни на пользу, и множеством, и избытком, и недостатком, и переплетением с этим — да, с тем — нет.

(12) [Пища] вредна и полезна нагреванием всех [органов], вредна и полезна охлаждением, вредна и полезна силой.

(13) Природы силы разнообразны.

(14) Соки, губящие целое и часть извне и изнутри, самопроизвольны и несамопроизвольны: для нас — самопроизвольны, а в отношении причины — несамопроизвольны. Причина же частью ясна, частью неясна, и одно возможно, другое невозможно.

(15) Природа довлеет всем во всем.

(17) [О различных выделениях]. Все это — одна природа и не одна, все это — много природ и одна.

(18) Очистительное средство — вверх и вниз, ни вверх, ни вниз.

(19) Лекарство в пище — отличное, лекарство в пище — плохое; плохое и отличное в отношении чего.

(21) Пища — не пища, если не может питать. Не пища — пища, если может питать. Имя — пища, дело — нет, дело — пища, имя — нет.

(23) Все слито воедино, все связано одним дыханием, все взаимодействует (все — в целокупности, а по отдельности — части каждой части) для дела.

(24) Великое начало доходит до последней части, от последней части доходит до великого начала. Быть и не быть — одна природа.

(25) [Различные органы]. Все это — едино и разделяльно. Величина их велика и невелика.

(27) Сладкое — не сладко; сладкое по силе, например вода; сладкое по вкусу, например мед. .

(38) Оживают не животные, оживают животные, оживают части животных.

(39) Природа всех никем не обучена.

(40) Чужая кровь полезна, своя кровь вредна, чужая кровь вредна, своя кровь полезна, чужие соки полезны, свои соки вредны, чужие соки вредны, свои соки полезны, согласное разногласно, разногласное согласное, чужое молоко — хорошее, свое молоко — плохое, чужое молоко вредно, свое молоко полезно.

(44) Кровь жидкая и кровь плотная. Жидкая кровь хорошая, жидкая кровь плохая. Плотная кровь хорошая, плотная кровь плохая. Все [считается] хорошим или плохим по отношению к чему.

(45) Путь вверх-вниз — один.

(46) Сила пищи лучше объема, объем пищи лучше силы, и во влажных, и в сухих [видах].

(47) [Пища] отнимает и прибавляет одно и то же: отнимает у одного и прибавляет другому одно и то же.

(54) Сила умножает, питает и взращивает все.

(55) Влага — перевозчик пищи.

4. Из трактата «О воздухе внутри тела», гл. 3

Воздух [пневма], который находится внутри тел, называется дуновением (фюса), а тот, что снаружи — аэр. Он величайший из всех владыка всех существ. Стоит рассмотреть его силу (δύναμις). Ветер есть струя и ток воздуха. Когда обильный воздух сотворит мощный ток, то сильным напором ветра вырываются с корнем деревья, волнуется море и громадные корабли разметываются в щепки. Вот какой силой он обладает в этом. Далее, с виду он незрим, а для рассудка очевиден. И действительно, что может возникнуть без него? В чем он отсутствует или в чем не соприкасается? Все пространство между небом и землей наполнено воздухом [пневмой]. Он причина зимы и лета, поскольку зимой делается плотным и холодным, а летом — тихим и спокойным. Далее, путь Солнца, Луны и звезд проходит через воздух: воздух — пища огня, лишний воздух огонь не может жить, так что и вечную жизнь Солнца поддерживает тонкий воздух. Равным образом очевидно, что и море содержит воздух, иначе морские животные не могли бы жить, если бы они не были причастны воздуху. А как иначе они могли бы быть ему причастны, кроме как втягивая воздух через воду или из воды? Далее, и земля ему основание, и он опора земли, и ничто от него не пусто. Ср.: ДИОГЕН АПОЛЛОНИЙСКИЙ, С 2.

В. МЕДИЦИНА ПРОТИВ ФИЛОСОФИИ

5. Из трактата «О природе человека»

1. Кто привык слушать рассуждающих о природе человека и выходящих за пределы того, что относится к медицине, тому слушать это мое рассуждение будет не по вкусу. Ибо я не утверждаю ни того, что человек всецело воздух, ни того, что он огонь,

ни что он вода, ни что земля, ни что-либо еще, что не наблюдается (φανερόν) содержащимся в человеке. Кому до этого есть охота — пусть себе об этом рассуждают! Но только думается мне, что выступающие с этими учениями не достигают правильного знания. Все они пользуются одной и той же теорией (γνώμη), а говорят не одно и то же. Вывод из этой теории они [все] делают один и тот же — а именно утверждают, что есть нечто одно, что бы это ни было, и что оно есть «одно-и-все», — а в именах не сходятся. Один из них утверждает, что это «одно-и-все» — воздух, другой — огонь, третий — вода, четвертый — земля, и каждый приводит в поддержку своей теории «свидетельства» (μαρτύρια) и «доказательства» (τεκμήρια), которые равным счетом ничего не стоят. Коль скоро они принимают одну и ту же теоретическую концепцию (γνώμη), а говорят не одно и то же, то ясно, что и знания об этом у них нет. В этом легче всего убедиться, посетив их диспуты [несколько раз], причем с одними и теми же выступающими оппонентами. Еще ни разу не было, чтобы, когда спорят между собой одни и те же люди перед теми же самыми слушателями, один и тот же [оратор] победил бы три раза подряд своей речью, но то один победит, то другой, а то и просто тот, кто случится в ударе и натреплет языком перед толпой. А между тем мы вправе ожидать, чтобы притязающий на правильное знание о вещах всякий раз демонстрировал победу своего тезиса, если он и впрямь знает то, что есть на самом деле (ἔοντα), и утверждения его верны. Мне, по крайней мере, кажется, что такие люди по недостатку ума опровергают самих себя в суесловии своих речей, а вот теорию Мелисса поддерживают.

II. Об этих людях [= философах] сказано достаточно. А вот из врачей некоторые говорят, что человек есть кровь, другие из них отождествляют человека с желчью, а иные — с флегмой. И они также приходят к одному и тому же заключению: а именно утверждают, что [человек] есть нечто одно, называя [это одно] так, как каждому заблагорассудится, и что оно изменяет свой качественный вид (ιδέη) и внутренние свойства (δύναμις), принуждаемое горячим и холодным, и становится сладким и горьким, белым и черным и всевозможным. По моему, это тоже неверно. Итак, большинство утверждает нечто подобное или близкое к тому. А я утверждаю, что, если бы человек был нечто одно, он никогда не испытывал бы боли: раз он одно, то не было бы ничего [другого], что могло бы причинить ему боль. А если бы даже и испытал, то и лечить пришлось бы одно. На самом же деле [лечить приходится] многое, ибо в теле содержится много [ингредиентов], которые в результате взаимного противоестественного нагревания, охлаждения, иссушения и увлажнения порождают болезни, так что есть много качественно различных видов (ιδέαι) болезней, многообразно и лечение их. Пусть-ка тот, кто утверждает, что человек есть только кровь и ничего больше покажет такого человека, который не изменяется по виду (ιδέη) и не становится всевозможным, или хотя бы такое время года, или возраст человека, когда в человеке наблюдается (φαίνεται) содержащейся одна только кровь: ведь [по его теории] естественно должно быть одно такое время года, когда кровь сама по себе наблюдается в качестве единственного ингредиента [тела]. Я же докажу, что те [элементы], которые, по моему, составляют человека, и согласно условности (номос), и согласно природе (φюсис), всегда одни и те же, равно в молодости и старости, и в холодное, и в теплое время года, и приведу фактические доказательства (τεκμήρια), и укажу необходимые причины (ἀνάγκας), по которым в теле все растет и убывает.

III. Прежде всего необходимо, чтобы возникновение (генезис) не происходило из [чего-то] одного: каким образом нечто одно могло бы породить, не смешавшись

[~совокупившись] с чем-то? Опять-таки рождение невозможно и не приведет ни к какому результату и в том случае, если смешиваются [элементы] неоднородные и не имеющие одну и ту же силу ($\delta\upsilon\nu\alpha\mu\iota\varsigma$). Опять-таки если горячее с холодным и сухое с влажным не будут между собой соразмерны и равны, но одно будет намного превосходить другое, как более сильное более слабое, рождения не будет. Как же может нечто родиться из одного, если оно не рождается даже из многого, если последнее не смешано между собой в хорошей пропорции? Стало быть, коль скоро природа всего прочего, и в том числе человека, такова, необходимо, чтобы человек был не нечто одно, но чтобы каждый из [элементов], вносящий свой вклад в рождение, имел бы в теле силу, пропорциональную своему вкладу. И точно так же необходимо, чтобы при смерти человеческого тела каждый [элемент] возвращался в свою собственную природу: влажное — к влажному, сухое — к сухому, горячее — к горячему и холодное — к холодному. Такова и природа животных и всех остальных вещей: все вещи одинаково возникают, все вещи одинаково умирают. Ибо их природа образуется из всех этих предреченных [элементов] и умирает, согласно сказанному, в то же самое, откуда именно каждая вещь образовалась. [Откуда пришло], туда и ушло.

IV. Тело человека содержит в себе кровь, флегму, желчь желтую и черную: они составляют природу тела, через них [человек] испытывает боль или здоров. Он совершенно здоров, когда они соразмерны между собой в отношении смеси, силы и количества и совершенно между собой перемешаны. Боль же [человек] испытывает, когда одно из них оказывается в меньшем или большем количестве или же отделится в теле и не будет смешано со всеми. [. . .]

V. Я обещал, чем бы я ни объявил человека, доказать, что [эти элементы] всегда те же самые и согласно условности, и согласно природе. Утверждаю же я, что [человек] — это кровь, флегма, желчь желтая и черная. Прежде всего я утверждаю, что имена их разделены согласно принятой условности и что ни одно из них не имеет того же имени, [что и другое]; затем [я утверждаю], что их качественные виды ($\iota\delta\epsilon\alpha\iota$) разделены согласно природе и ни флегма совершенно не похожа на кровь, ни кровь — на желчь, ни желчь — на флегму. Как можно их считать похожими между собой, если ни цвета их при наблюдении не видятся подобными, ни при ощупывании рукой они не кажутся подобными? Они не горячи в равной мере и не холодны, не сухи и не влажны. Стало быть, коль скоро они настолько различны между собой и по качественному виду ($\iota\delta\epsilon\alpha$), и по свойствам ($\delta\upsilon\nu\alpha\mu\iota\varsigma$), необходимо, чтобы они не были чем-то одним, раз уж [мы признаем, что] огонь и вода не одно и то же.

6. Из трактата «О древней медицине»

I. Все, кто брался говорить или писать о медицине, положив в основу своей собственной теории исходное предположение ($\delta\lambda\omicron\delta\epsilon\tau\iota\varsigma$), «горячее» или «холодное», или «влажное» или «сухое», или что им еще заблагорассудится, сводят до минимума причины, вызывающие человеческие болезни и смерть, до одной во всех случаях, приняв один или два [элемента]. То, что многие из их теорий ошибочны, очевидно, но в особенности они достойны порицания за то, что [ошибаются] в отношении настоящего искусства, к услугам которого прибегают все люди в самых важных случаях и окружают величайшими почестями хороших умельцев и мастеров, [практикующих его]. Бывают мастера неважные, а бывают великопепные: этого бы не было, если бы медицинского искусства не было бы вовсе и если бы в нем не было проведено ни-

каких исследований и ничего бы не было найдено, но все были бы одинаково неискушенными в нем и не-знатоками, и все лечение больных происходило бы как попало. Ан это не так, но как во всех остальных искусствах мастера весьма различаются между собой и по сноровке рук, и по знаниям, так и в медицине. Поэтому я считаю, что она не нуждается в пустых предположениях, как незримое и загадочное, как, например, небесные явления или то, что под землей, в отношении которых по необходимости приходится прибегать к предположениям, если кто берется о них рассуждать; даже если бы кто-нибудь познал эти вещи, каковы они на самом деле, и стал об этом говорить, то ни самому говорящему, ни его слушателям не было бы ясно, истинно это или нет. Ибо нет [критерия], соотнеся с которым [такие утверждения] можно было бы узнать точную истину (τὸ σαφές).

II. У медицины же давно уже все есть, и принцип (ἀρχή) открыт, и метод (ῥόδος), благодаря которому в течение длительного времени было сделано много замечательных открытий и еще неоткрытое будет открыто, если исследователь будет способным, знающим уже открытое, и будет отправляться от него. Но тот, кто отбросив и отвергнув все, пытается искать иным путем и иным манером и утверждает, что он что-то нашел, тот и сам обманывается и обманывает других. [.]

XV. Затрудняюсь я понять, каким это образом сторонники того взгляда, уводящие медицину с этого [т. е. древнего, эмпирического] пути к предположению, собираются лечить людей. Ведь не открыли же они, как я думаю, «горячее само по себе», или холодное, или сухое, или влажное, не причастное никакому другому виду (εἶδος)! Я полагаю, что они имеют дело с теми же видами еды и питья, какие употребляем мы все, и одному из них они приписывают свойство горячего, другому — холодного, третьему — сухого, четвертому — влажного, поскольку предписать больному «принять нечто горячее» — невозможно. Ведь тот сразу спросит: «Что горячее?» Вот и придется либо нести вздор, либо прибегнуть к чему-то известному. [.]

XX. Некоторые врачи и софисты [=«философы»] утверждают, что не может знать медицинское искусство тот, кто не знает, что есть человек, и что именно это должен познать тот, кто собирается правильно лечить людей. Однако вопрос, который они ставят, относится скорее к философии, к тому, что писали Эмпедокл или другие о природе, — что есть человек изначально, и как он впервые возник, и из чего образовался. Я же думаю, что все, что сказано или написано врачами и софистами о природе, в меньшей мере относится к медицинскому искусству, нежели к искусству живописи. Я полагаю, что узнать нечто точное о природе нельзя больше нигде, кроме как из медицины, и узнать это можно только тогда, когда правильно постигнешь медицинское искусство, а до этого — нечего и думать (я разумею получение точных сведений о том, что есть человек, и в силу каких причин он возникает и прочее). Ибо по-моему, врачу необходимо знать о природе и всячески стараться узнать (если он собирается исполнять свои обязанности), — что есть человек по отношению к еде и питью, и что — по отношению к другим занятиям, и что приключится каждому от каждого [из них] и т. д.

С. МЕДИЦИНА ПРОТИВ МАГИИ

7. Из трактата «О священной болезни»

(I) С так называемой священной болезнью дело обстоит так. По-моему, она ничуть не более божественна и священна, чем другие болезни, но имеет естественную причину (*φύσιν καὶ πρόφασιν*), а люди сочли ее чем-то божественным от невежества и удивления перед тем, что совершенно непохоже на остальное. И поскольку они затрудняются понять [ее природу], постольку ее божественный характер сохраняется, а постольку способ лечения, которым они пользуются, отличается общедоступной легкостью, постольку от божественности ничего не остается, ибо лечатся они очищениями и заклинаниями. Но если все удивительное считать божественным, то окажется не одна, а много священных болезней, постольку, как я покажу, есть и другие, ничуть не менее удивительные и чудесные болезни, которые, тем не менее, никто священными не считает. Например, ежедневные лихорадки (равно как трехдневные и четырехдневные) мне представляются ничуть не менее священными и происходящими от бога, чем эта болезнь, однако им никто не удивляется. Или вот я наблюдаю сходящих с ума и бредящих безо всякой видимой причины и много чего делающих некстати. Многие, как я знаю, рыдают и кричат во сне, другие задыхаются, а третьи вскакивают и выбегают из дому и бредят до тех пор, пока не проснутся, а потом опять делаются здоровыми и находящимися в здравом уме, как и прежде, несмотря на оставшуюся бледность и слабость, и так бывает не раз, а многожды. И много еще чего есть всякого, о чем говорить по отдельности было бы слишком долго.

(II) Думается мне, что люди, впервые признавшие эту болезнь священной, были вроде нынешних магов, очистителей, шарлатанов (агиртов) и жуликов, которые прикидываются, будто они чрезвычайно благочестивы и обладают сверхчеловеческим знанием (*πλέον τι εἰδέναι*). Выставляя божество как прикрытие собственной беспомощности и неимения действительных средств лечения, а также, чтобы не обнаружилось их полное невежество, они признали эту болезнь священной и присочинив еще подобающие речи, установили способ лечения, который обеспечивал их собственную безопасность. Они применяли очищения и заклинания, предписывали воздерживаться от бань и от многих видов пищи, неподходящих для больных. Из морской живности — от триглы, чернохвостки, кефали и угря (это — самые вредные породы). Мяса не есть козьего, оленьего, свиного, собачьего (эти виды мяса особенно расстраивают желудок). Из птицы — от петуха, горлицы, дрофы и от всех прочих, которые считаются особенно тяжелыми для пищеварения. Из зелени — от мяты, чеснока, лука (постольку остро больным отнюдь не полезно). Не носить черный гиматий, ибо черное — цвет смерти. Не спать на козьей шкуре и не носить ее. Еще не класть ногу на ногу и руку на руку, постольку, мол, все это — «помехи». Все это они присовокупляют божества ради, ссылаясь на то, что обладают сверхчеловеческим знанием и называя еще другие причины, чтобы в случае, если больной выздоровеет, им бы досталась слава умельцев, а если умрет, то у них была бы безопасная возможность сослаться на то, что не они, мол, виноваты, а боги: они-то ведь не давали больному ни есть, ни выпить никакого лекарства и не разморили его банями, а потому и не могут считаться виновными. Сдается мне, что ни один ливец — из тех, что живут в глубине материка — не может быть в таком случае здоровым, постольку они спят на козьих шкурах и питаются козлятиной (все подстилки, одежда и обувь у них исключительно из козьих шкур, так как много домашнего скота, кроме коз, они не держат). Но если

употребление всех этих видов пищи вызывает и усиливает болезнь, а воздержание от них — исцеляет, то уже не бог — причина, и не очищения помогают: исцеляют и вредят яства, а сила божия исчезает.

(III) Поэтому я думаю, что те, кто применяет такой способ лечения, [на самом деле] не считают эти болезни ни священными, ни божественными. Ибо если эти болезни устраняются такими очищениями и таким лечением, то что мешает им поражать людей благодаря иным искусственным приемам того же рода? Так что уже не божественное оказывается причиной, а человеческое. Ибо кто с помощью очищений и магии может отвести такую болезнь, тот и наведет ее с помощью иных приемов, и от божества тем самым ничего не остается. Такими высказываниями и уловками они притязают на сверхчеловеческое знание и обманывают людей, предписывая им освящения и очищения, и большинство их речей касаются божественного и демонического. Мне, однако, думается, что речи их скорее относятся не к благочестию (как они считают), а к нечестию, и отрицают существование богов, а то, что они называют благочестивым и божественным, как я покажу, — нечестиво и кощунственно.

(IV) Если они притязают на то, что знают, как свести с неба луну, устроить затмение солнца, сотворить бурю или ведро, ливни или засуху, сделать море несудоходным, и землю бесплодной, и тому подобное, — говорят ли занимающиеся этим, что такое возможно благодаря обрядам, или благодаря какой-то иной уловке и старанию — в любом случае они, по-моему, впадают в нечестие и тем самым отрицают существование богов и считают, что боги не имеют никакой силы и не застрахованы ни от одной из самых крайних неприятностей. Как же не страшны они для богов, если творят такое? Если человек с помощью магии или жертвоприношений сведет с неба луну или заставит солнце затмиться, или же сотворит бурю и ведро, то я уже признаю ни одно из этих явлений божественными, а сочту их человеческими, раз сила божества побеждается и порабождается волей человека. Вероятно, все же, это не так, а просто люди, которым нужны средства к существованию, изобретают и ухищренно выдумывают по разному поводу, в том числе и по поводу этой болезни, много всякой всячины, приписывая вину за каждый вид болезни тому или иному богу. И если больной подражает козе или рычит, то называют виновницей Мать богов. Если же больной слишком пронзительно и громко кричит, то уподобляют его коню и называют виновником Посейдона. Если он слегка обкакается (а это часто случается во время приступов болезни), то виновницей называется Энодия («Придорожная»), а если чаще и тошнше (вроде птичьего помета) — то Аполлон Пастбищный. Если изо рта пойдет пена и станет лгаться ногами, то виноват Арес. А если на кого по ночам находят страхи и ужасы или бред, или он вскакивает с постели и выбегает из дому, то это, говорят они, «наскоки Гекаты» и «нападения усопших (героев)». Применяя очищения и заклинания, как я полагаю, они совершают нечто в высшей степени кощунственное и безбожное, поскольку очищают они кровью и тому подобным страдающих от болезни, словно они — оскверненные, изверги, заколдованные людьми или совершили какое-то кощунство. Между тем, им следовало поступать наоборот: совершать жертвоприношения и молиться, вести больных в храмы и умолять богов, но они ничего этого не делают, а очищают. Очистки они зарывают в землю, бросают в море или уносят в горы, где до них никто не дотронется и не наступит ногой. А между тем их следовало отнести в храм и посвятить богу, если бог и впрямь виновник. Я, по крайней мере, считаю, что тело человека не может быть осквернено богом: самое брнное — самым непорочным. И даже если оно осквернено или претерпело порчу от кого-то

другого, то бог скорее должен очистить и освятить его, чем осквернить. Ибо именно божество очищает нас, освящает и смывает с нас величайшие и нечестивейшие грехи. И мы сами устанавливаем границы храмов и священных участков богов, чтобы никто не преступал их, если он не чист, и входя в них, не окропляемся, отнюдь не оскверняя себя этим, а напротив смывая с себя прежнюю скверну, если таковая на нас была. Вот что я думаю об очищениях.

(V) Болезнь же эта представляется мне ничуть не более божественной, чем все остальные: она имеет такую же природу, как и все болезни, и возникает по той же причине. И излечима она ничуть не менее прочих, если только не запущена в течение долгого времени настолько, что ее уже не берут применяемые лекарства. Как и прочие болезни, она имеет наследственное происхождение. Раз от флегматика родится флегматик, от холерика — холерик, от чахоточного — чахоточный, от спленетика — спленетик, то если у кого-то страдали этой болезнью отец или мать, что мешает и кому-то из потомков тоже ею страдать? Ведь семя исходит от всех частей тела: здоровое — от здоровых, больное — от больных. Вот еще важное доказательство (*τεκμήριον*) того, что она ничуть не божественней прочих болезней: у флегматиков она возникает естественно, а холериков не поражает. А между тем, если бы она была божественней остальных, то должна была бы поражать всех подряд и не различать между холериком и флегматиком.

(VI) Причина этой болезни, как и других тяжелых болезней, — головной мозг, а каким образом и по какому поводу она возникает, я изложу со всей ясностью. Мозг человека, как и всех остальных животных, — двойной; посередине он разделен тонкой перепонкой. Поэтому головная боль ощущается не всегда с одной и той же стороны, но поочередно то с одной, то с другой, а иной раз и во всей голове. К мозгу протянуты вены со всего тела, многочисленные и тонкие, а две — толстые, одна из печени, другая из селезенки. Та, что из печени, такова: одна ее часть тянется вниз с правой стороны мимо почки и поясницы во внутреннюю часть бедра и достигает стопы; она называется полой веной. Другая часть тянется вверх через правую диафрагму и легкое; от нее отходит ответвление в сердце и правую руку. Далее она идет вверх через ключицу в правую часть шеи до самой кожи, так что становится видна. Возле самого уха она прячется и здесь разветвляется, причем одна ее часть, самая толстая, большая и объемистая, заканчивается в мозгу; другая — в правом ухе, третья — в правом глазу, четвертая — в носдре. Так обстоит дело с венами, идущими из печени. Из селезенки тоже протянута вена — влево, вверх и вниз, как и та, что из печени, но только эта потоньше и послабей.

(VII) По этим венам мы и получаем большую часть дыхания; они служат отдушниками тела, втягивают в себя воздух и разносят его по остальному телу по ветвящимся жилкам, а потом делают передышку и выдыхают снова. Дыхание не может остановиться, но движется туда-сюда. Если оно где-то остановится и окажется спертым, эта часть тела парализуется. Об этом свидетельствует такой факт: если лежа или сидя отдавить маленькие вены, так что дыхание через них не проходит, тут же наступает оцепенение. О венах достаточно. [. .]

(XVII) Люди должны знать, что именно отсюда [=из мозга], и ниоткуда больше, возникают удовольствия и радость, смех и шутки, печали и огорчения, неудовольствие и плач. Именно мозгом мы соображаем, видим и слышим, распознаем безобразное и прекрасное, плохое и хорошее, приятное и неприятное; в одних случаях мы различаем это исходя из общепринятой условности, в других — воспринимаем исходя

из [собственной] пользы. Им же распознаем мы удовольствия и неудовольствия, исходя из момента, и [в разное время] нам правится не одно и то же. По вине мозга мы сходим с ума и бредим, и на нас находят страхи и ужасы (одни ночью, другие днем), бессонница, несвоевременные блуждания, навязчивые мысли, забвение установленных правил и странное поведение. И все это с нами происходит от мозга, когда он не здоров, но делается либо теплее естественной нормы (φύσις), либо холоднее, либо влажнее, либо суше, либо подвергается еще какому-нибудь воздействию, которое выводит его из состояния естественной нормы. С ума мы сходим от влажности. Когда мозг влажнее естественной нормы, он неизбежно начинает колебаться, а колебание его приводит к тому, что ни зрение, ни слух не могут быть неподвижно фиксированными. Тогда [человек начинает] видеть и слышать то одно, то другое, а язык начинает говорить обо всем, что он видит и слышит в каждый отдельный момент. Но в течение всего времени, что мозг остается неподвижным, человек находится в здоровом уме. (XVIII) Порчу мозга вызывают флегма и желчь. [. .]

(XIX) Поэтому я полагаю, что мозг обладает величайшей силой в человеке, ибо когда он здоров, то служит нам истолкователем [ощущений], вызываемых воздухом. Именно воздух дает сознание (φρόνησις). А глаза, уши, язык, руки и ноги делают то, что решит мозг. Во всем теле возникает некоторое сознание в зависимости от того, насколько [та или иная часть тела] причастна воздуху; мозг же служит для интеллекта (δύναμις) вестником-передатчиком. Когда человек втягивает в себя воздух, то он сначала попадает в мозг, а уж потом рассеивается по остальному телу, оставив в мозгу отборную часть самого себя — ту, которая обладает сознанием и умом (γνώμη). А если бы он сначала достигал тела и лишь затем мозга, оставив в мясе и венах способность распознавания (διδάχνησις), то он шел бы в мозг теплым и не чистым, но с примесью влаги из мяса и крови, так что он уже не был бы подлинным.

(XX) Поэтому я утверждаю, что мозг — истолкователь [собств. «переводчик»] интеллекта. Что же касается диафрагмы, то ей это имя [«орган сознания»] присвоено напрасно — в силу случайности и условности (νόμος), а не в соответствии с реальностью (τῷ ἔντι) и природой. Я, признаться, даже не знаю, какой вообще способностью к мышлению и сознанию (φρονεῖν) обладает диафрагма (φρένες). Разве что когда человек неожиданно испытывает чрезмерную радость или горе, диафрагма подпрыгивает и вызывает щемящее чувство: поскольку она тонка, протянута внутри тела больше [любого другого органа] и не имеет внутренней полости для [различающего] восприятия поступающих извне положительных и отрицательных [сигналов], то и теми, и другими она приводится в [одинаковое] состояние волнения в силу слабости своей природы. Диафрагма ощущает не раньше, чем любая другая часть тела; ей дали это имя и [усмотрели в ней] причину [сознания] напрасно — подобно тому, как предсердия называют «ушками», хотя к слуху они не имеют никакого отношения. Некоторые, впрочем, говорят, что сознание находится в сердце и что именно сердце испытывает печаль и заботу [~внимание]. Но это не так: подобно диафрагме, и даже еще больше, оно испытывает судороги, и вот по какой причине. Со всего тела к сердцу протянуты вены и в нем есть закрытые полости, чтобы ощущать любую боль или напряжение, которые приключаются с человеком. В состоянии горя тело по необходимости должно содрогаться и испытывать напряжение, и то же самое с ним должно происходить при чрезмерной радости, поскольку сердце и диафрагма в высшей степени наделены ощущением. Однако ни сердцу, ни диафрагме не присуще сознание: причина всех этих [способностей] — мозг. И подобно тому, как мозг — первый из телесных органов,

воспринимающий воздушное сознание, так и в случае, если в воздухе произойдет резкая перемена, обусловленная временами года, мозг становится отличным от самого себя. Поэтому я считаю, что и болезни, поражающие его, — самые острые, самые серьезные, самые смертельные и самые труднораспознаваемые для неопытных.

(XXI) Эта болезнь, называемая священной, возникает от тех же самых причин, что и прочие болезни: от того, что поступает в тело [с пищей] и выводится из него, от холода, солнца и от никогда не прекращающейся смены ветров. Все эти [явления] — божественны, а потому нет нужды отделять эту болезнь от прочих и считать ее более божественной: все болезни — божественные и все — человеческие. Каждая из них обладает своей собственной природой и силой и ни одна не является безнадежно неизлечимой. Большинство излечимо теми же самыми [факторами], которыми они порождаются. Ибо одно другому — пища, а порой и вред. Поэтому врач должен уметь распознавать надлежащие моменты для каждого [фактора] с тем, чтобы одному из них назначать питание и рост, а другому — уменьшение и вред. В случае с этой болезнью, как и со всеми остальными, следует не усиливать болезнь, а изнурять ее, применяя к каждой болезни то, что ей больше всего враждебно, а не сродно. Ибо от сродного она процветает и усиливается, а от враждебного чахнет и ослабевает. Кто умеет с помощью диеты производить в человеке сухое и влажное, холодное и горячее, тот (если будет распознавать благоприятные моменты) исцелит и эту болезнь, не прибегая к очищениям и магии.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Как собрание текстов эта книга — плод коллективного труда нескольких поколений ученых, филологов-классиков и историков греческой философии разных стран. Над ними возвышается фигура великого немецкого филолога Германа Дильса (1848—1922), чей классический труд «Фрагменты досократиков», усовершенствованный и дополненный его учеником Вальтером Кранцом, и положен в основу русского перевода¹. После выхода в свет последнего, 6-го издания Дильса—Кранца (ниже — ДК) не было ни одного сравнимого с ним по полноте нового общего издания доплатоновских философов², но появилось много новых отдельных изданий (милетцев, пифагорейцев, Гераклита, Парменида, Эмпедокла, Анаксагора и др.), не говоря уже о новых критических изданиях древних авторов, из которых извлечены свидетельства и фрагменты. Важнейшие из них я постарался учесть, сохранив при этом общую структуру ДК, а также нумерацию глав и фрагментов (исключение составляют только Гераклит и Эмпедокл), поскольку она давно стала общепринятой при цитировании доплатоновских философов (поэтому добавочные главы, вставленные мной, идут вне общей нумерации). Для милетцев я учитывал издания А. Магдалены и Дж. Колли³, для пифагорейцев (гл. 14—20, 24—26, 32—58) — издание М. Тимпанаро Кардини и неоценимую книгу В. Буркерта⁴, для Парменида — издания М. Унтерстейнера, Л. Тарана, У. Хельшера, Э. Хейча, А. Мурелатоса и др.⁵, глава «Зенон» дополнена по изданиям Ли и Унтерстейнера⁶, глава «Мелисс» — по изданию Дж. Реале⁷, в главе «Анаксагор» учтены издания Д. Ланцы и Д. Сайдера⁸. Фрагменты Гераклита переведены по капитальному изданию М. Марковича⁹ — с контекстами, вариантами, парафразами, реминисценциями; в биографический раздел добавлены Псевдо-Гераклитовские письма по изданию Л. Тарана¹⁰, в раздел «Подражаний» — полный текст Клеанфова «Гимна к Зевсу». Фрагменты поэмы «О природе» Эмпедокла даются по изд. Ж. Боллака¹¹, «Очищения» — по ДК с учетом текста Цунтца¹². Поскольку в изданиях Марковича и Боллака доксография расписана по фрагментам, доксографический раздел в главах «Гераклит» и «Эмпедокл» исчез. Существенные изменения претерпел раздел «Предфилософская традиция» (в ДК именуемый Anfänge). К «Ранней космогонической поэзии» я добавил четыре главки (Гомер, Гесиод, Лии, Космогония Алкмана)¹³ и значительно расширил главу «Орфей» за счет фрагментов «Раскодической Теогонии», переведенных по изданию О. Керна¹⁴, а также новых находок: древнейшей орфической теогонии папируса из Дербени (переведена по реконструкции М. Л. Уэста)¹⁵, золотой пластинки из Гиппониона, опубликованной итальянскими эпиграфистами¹⁶, и — last, but not least — орфических (или, скорее, пифагорейских) граффити из Ольвии (по публикации в ВДИ с уточнениями Ю. Виноградова), которые можно рассматривать как древнейший философский текст, найденный на территории СССР. Новый подраздел «Пророки и чудотворцы архаической эпохи» включает полупоэтические фигуры Аристея, Абариса, Гермотима и (вполне реального) Ономакрита¹⁷. Как и глава «Орфей» он должен напомнить, что

6 в. был не только веком ионийского естествознания и зарождения точных наук (математики, астрономии), но и веком мистики и иррационализма, экстатической мистики и веры в чудеса, в недрах которых вызревало новое учение о душе. Пифагора я снабдил философическими родственниками (Геано, Телавг), а к милетцам добавил неотделимого от них Гекатея (выборка по Якоби)¹⁸. Разбросанные в ДК по разным главам (в качестве «подражаний») натурфилософские отрывки из гиппократовского корпуса ввиду их самостоятельного интереса я распырил и свел вместе, добавив начало трактата «О седмицах»¹⁹ и — *audietur et altera pars* — энергичную полемику гиппократовцев-эмпириков против философии и магии (гл. 66^a). Помимо этих добавочных глав, там и сям я вставлял свидетельства и фрагменты, которых нет ни в ДК, ни в перечисленных выше новых изданиях. Некоторые из них были известны и раньше (в т. ч. и Дильсу, у которого были свои принципы отбора). Некоторые основаны на новых публикациях и находках: последняя по времени находка такого рода — свидетельство Аристарха Самосского о Фалесе (к 11 А 17а) и новый астрономический фрагмент Гераклита (фр. 118 bis), подаренные нам оксиринхскими песками (ср. также опубликованную несколько раньше цитату из Гераклита в Дервенийском трактате: к фр. 57 М.). Наконец, ряд текстов атрибуирован мной. Таковы, например, фрагмент орфической антропологии (Рапсодич. Теогония, после фр. 220 К.), незамеченные парафразы фрагмента Анаксимандра (к 12 В 1), свидетельство Аристотеля о пирамидальном огне у Гиппаса (18 А 7а), три вероятных фрагмента Ксенофана (21 В 46—48), фрагмент Эпихарма из Стобея (23 В 8а), два фрагмента Алкмеона — о параллелизме человека и растения (24 А 15а) и о происхождении растений (24, Dubia), фрагмент космогонии Гераклита (фр. 53 bis), Эмбриологический фрагмент Эмпедокла (* 611) фрагмент антропологии Гиппона (38 В*1b), фрагмент Анаксагора (?) о Случае (В 27) и др. В ряде случаев я атрибуировал в качестве цитат *expressis verbis* известные и даже напечатанные в ДК или других изданиях тексты, не считавшиеся цитатами: таковы Гераклит 40 (а) (первая из трех цитат), 64; Анаксагор 59 А 52. А 98 и др. Насколько удачны эти и другие атрибуции — судить, разумеется, не мне. Принимая за основу состав и расположение фрагментов по ДК, Боллаку или Марковичу, я отнюдь не всегда следовал их тексту, который во многих случаях приходилось устанавливать заново. Если читатель не узнает, например, 48-й фрагмент Гераклита, 3-й и 32-й стих проэпия Парменида, 1-й фрагмент Алкмеона или 14-й фрагмент Анаксагора, то причиной тому будет (как и в десятках других случаев) не новый перевод, а новый (или, наоборот, старый) греческий текст, положенный в основу перевода. Все необходимые разъяснения к принятому тексту и переводу будут даны во втором томе, куда помимо фрагментов атомистов и софистов войдет текстологический комментарий ко всему корпусу.

Перевод преследовал скорее научные, чем художественные цели. Поэтому философски важные стихотворные тексты (фрагменты Эпихарма из Диогена, Парменид, Эмпедокл), а также тексты, существующие в общедоступных стихотворных переводах (Гомер, Гесиод), переводились прозой. Там, где предельная точность была не так важна, или же греческие стихи легко укладывались в русские почти слово в слово, я давал метрический перевод (большая часть Рапсодической Теогонии, Ксенофан, Клеанфов гимн к Зевсу, гномы Эпихарма, пифагорейские «Золотые стихи» и др.). Возможно, идеальным решением было бы переводить все стихи прозой и давать стихотворный перевод в приложении (как это в порядке исключения сделал для Парменида), но это влекло за собой увеличение объема и не всегда имело смысл. Отсутствие

стихотворного перевода Эмпедокла компенсируется недавно переизданной работой Якубаниса в редакции М. Л. Гаспарова²⁰. Для некоторых поэтических цитат и свидетельств использованы существующие русские переводы; каждый из этих случаев оговорен особо в тексте. Несколько свидетельств, сохранившихся только в переводах на восточные языки (арабский, сирийский, армянский) с утраченного греческого оригинала, оставлены в авторитетных переводах на английский, немецкий, французский, принадлежащих обычно издателям этих текстов.

Легко предвидеть вопрос: почему «Фрагменты ранних греческих философов», а не «Фрагменты досократиков»? «Досократиками» обычно называют греческих философов 6—5 в. до н. э. от Фалеса до Демокрита и атомистов (здесь уже начинаются хронологические странности, так как «досократик» Демокрит, по Аполлодору, родился через 10 лет после Сократа, а такие «досократики», как Анаксарх и Гекатей Абдерский жили уже при Александре Великом и первых Птолемах!). В прижизненных изданиях Дильса (без Кранца) предфилософская традиция и софисты помещались в «Приложениях», и название «Досократики» (пусть с некоторой натяжкой) соответствовало основному составу сборника. Кранц (впрочем, исполняя пожелание Дильса) в 5-м издании расположил все тексты в хронологической последовательности, что было весьма разумно, но дело в том, что софистов не принято называть «досократиками», а называть «досократиками» мифических певцов Орфея, Мусея или Лина (пусть даже за этими именами иногда скрываются пифагорейцы) по меньшей мере так же странно, как и называть «допушкинским поэтом» сказочного Бояна. Получается, что название «Досократики» не соответствует двум из трех основных разделов ДК. По-видимому, предвидя возможный упрек, Кранц в предисловии к 5-му изданию (Vd. I. S. VIII) сослался на то, что Vorsokratiker означает не «философы до Сократа», а «философы до сократиков». Пусть так, но очевидно, что сократическая традиция начинается с Сократа, который, следовательно и был первым сократиком: термин «досократический» и «досократовский», т. о., равнозначны, точно так же, как равнозначны термины «домарксистская» и «домарксова» философия. Если же принять аргумент Кранца всерьез, то придется и Сократа зачислить в «досократики», поскольку он был «до» своих учеников («сократиков»), но с этим едва ли кто-нибудь согласится. Кроме того, термин «досократики» оказался прочно связан с некоторыми современными мифами, избавиться от которых до конца невозможно, не лишив его нормативного и общеобязательного характера.

Читатель не найдет в этом издании еще одного привычного имени — Аэтия, которого Г. Дильс считал составителем нашего основного доксографического компендия «Мнения философов» (Placita Philosophorum). Атрибуция Дильса вызывает серьезные сомнения, поэтому я позволил себе вернуться к тому положению вещей, которое существовало искони до 1879 г. (когда «Аэтий» появился на свет вместе с «Греческими доксографами» Дильса), и указывал в каждом случае реальные источники (Псевдо-Плутарха, Стобея, Феодорита и др.), а не гипотетического автора, возможно, никогда не существовавшего²¹. Там, где ссылка дается просто на «Мнения философов» (без уточнения), это означает, что редакции Псевдо-Плутарха и Стобея совпадают.

Взявшие на себя труд рецензирования М. Л. Гаспаров и В. В. Библихин сделали ряд полезных замечаний о переводе. Многие интерпретации предварительно обсуждались с А. К. Гавриловым, которому я также многим обязан в общегерменевтическом плане. Неоценимую помощь присылкой необходимых изданий оказали зарубежные коллеги: Дж. Барнес (Оксфорд), Ж. Боллак (Париж), В. Буркерт (Цюрих), М. Джи-

ганте (Неаполь), О. Жигон (Базель), Ч. Кан (Филадельфия, Пенсильвания), М. Маркович (Урбана, Иллинойс), А. Мурелатос (Остин, Техас), Л. Таран (Нью-Йорк), М. Уэст (Лондон) и другие, чьи работы цитируются в комментарии. Приношу всем свою благодарность.

Издание греческого текста «Досократиков» с немецким переводом Г. Дильса посвятил своему другу — известному философу Вильгельму Дильтею. Русский, дополненный перевод я посвящаю памяти моего учителя, профессора Ленинградского университета Аристиды Ивановича Доватура (1897—1982), оправдаввшего смысл своего имени и в науке, и в человечности.

А. В. Лебедев

Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch und Deutsch von HERMANN DIELS, hrsg. v. W. KRANZ, Bd. I—III. B., 1951—1952⁶. Все последующие издания (например, Zürich—Hildesheim, 1985¹²) — фотомеханические репринты 6-го. При жизни Дильса вышло 4 издания: 1-е — в 1903, 4-е — в 1922 г.; Кранц редактировал 5-е (1935) и 6-е, которые различаются между собой только небольшими «Добавлениями» (Nachträge). Единственный русский перевод А. О. Маковельского (Казань, 1915—1919, без предфилософской традиции) был устаревшим в момент выхода ввиду своей филологической беспомощности. В 1902 г. Г. Ф. Церетели опубликовал перевод доксграфии и фрагментов только важнейших доплатоновских философов в приложении к книге П. Таннери «Первые шаги древнегреческой науки» (Спб.). «Жизнеописания» Диогена Лаэртия вышли в пер. М. Л. Гаспарова.

² Из новейших выборочных изданий (без критического аппарата) можно назвать тщательно исполненные: KIRK G. S., RAVEN J., SCHOFIELD M. *The Presocratic Philosophers*. Cambr., 1983²; MANSFELD J. *Die Vorsokratiker*, Bd. I—II, Stuttgart, 1986. Грандиозным замыслом Дж. Колли — издать доплатоновских философов заново в 11 томах — помешала внезапная смерть: вышло только 2 тома: COLLI G. *La sapienza greca*, vol. I—II. Milano, 1977 (кончается миллетцами и Ономакритом) и незаконченный Гераклит (v. III, Eraclito, 1981).

³ MADDALENA A. (ed.). *Ionic. Testimonianze e frammenti*, Firenze, 1963.

⁴ TIMPANARO CARDINI M. (ed.). *Pitagorici. Testimonianze e frammenti*. Fasc. 1—3. Firenze, 1969 (1958); BURKERT W. *Love and Science in Ancient Pythagoreanism*. Cambr. (Mass.), 1972. Ср. также: DE VOGEL C. J. *Pythagoras*. Assen, 1966.

⁵ UNTERSTEINER M. (ed.). *Parmenide. Testimonianze e frammenti*. Firenze, 1958; TARÁN L. *Parmenides*. Princeton, 1970; HÖLSCHER U. *Parmenides. Vom Wesen des Seienden*. Frankfurt am Main, 1969; HEITSCH E. *Parmenides. Die Anfänge der Ontologie, Logik und Wissenschaft*. München, 1974; MOURELATOS A. P. D. *The Route of Parmenides*. New Haven; L., 1970. Новое издание Коксона (COXON A. H. *The Fragments of Parmenides*. Assen, 1986) могло быть учтено лишь отчасти.

⁶ LEE H. D. P. *Zeno of Elea*. Amsterdam, 1967 (1936); UNTERSTEINER M. (ed.). *Zenone. Testimonianze e frammenti*. Firenze, 1970 (1963).

⁷ REALE JG. (ed.) *Melisso. Testimonianze e frammenti*. Firenze, 1970.

⁸ LANZA D. (ed.). *Anassagora*. Firenze, 1966; SIDER D. *The Fragments of Anaxagoras*. Meisenheim, 1981.

⁹ MARCOVICH M. (ed.). *Eraclito*. Firenze, 1978². При переводе я снял разбивку на «стихи», [деление фрагментов на «группы» и пометы С, Р, R (цитаты, пара-

- фразы, реминисценции) ввиду их спорности. Собственные слова Гераклита (и близкие к оригиналу парафразы) выделены полужирным шрифтом. Поскольку в своих оценках Маркович несколько гиперкритичен, я реабилитировал в качестве подлинных ряд фрагментов, отнесенных им к парафразам, помещая их под отдельным номером, но сохраняя нумерацию Марковича. По полноте и удобству издание Марковича остается непревзойденным. Более новые издания Ч. Капа (Ch. Kahn. *Cambr.*, 1983) и М. Конша (M. Conche. P., 1986) интересны главным образом своим комментарием.
- ¹⁰ MONDOLFO R., TARÁN L. *Eraclito. Testimonianze e imitazione.* Firenze, 1972.
- ¹¹ BOLLACK J. *Empédocle. T. 1—4.* P., 1965—1969. Ср. также: RIGHT M. R. *Empédocles. The extant fragments.* New York, 1981.
- ¹² ZUNTZ G. *Persephone.* Oxford, 1971. P. 181—274.
- ¹³ Фрагменты «Лина» переведены по изданию: WEST M. L. *The Orphic Poems.* Oxford, 1983. P. 62—67.
- ¹⁴ KERN O. *Orphicorum fragmenta.* Berolini, 1922. Фрагменты Рапсодической Теогонии я включил, во-первых, потому, что это основной памятник орфической литературы; во-вторых, потому, что находка Дервенийской теогонии опровергла скепсис Виламовица и Линфорта, считавших ее эллинистической, и доказала, что если не сама Рапсодическая теогония, то нечто близкое к ней существовало уже ок. 500 г. до н. э.
- ¹⁵ WEST M. L. *The Orphic Poems.* P. 114—115.
- ¹⁶ Тексты остальных золотых пластинок даются по изданию Цунтца: ZUNTZ G. *Persephone.* P. 277—293.
- ¹⁷ «Пророки и чудотворцы» передает греч. *μάντις καὶ θαυματοποιός*; я старался избегать термина «шаманы», «шаманизм», поскольку он может вести к серьезным недоразумениям.
- ¹⁸ Отобраны только фрагменты, относящиеся к рационализации мифов и географии в космографическом аспекте.
- ¹⁹ Перевод «О седмицах» сделан по изданию М. Л. Уэста: WEST M. L. *The Cosmology of Hippocrates' De hebdomadibus // Classical Quarterly*, 1971. Vol. 21. N. 2. P. 368—371.
- ²⁰ В приложении к кн.: ТИТ ЛУКРЕЦИЙ КАП. *О природе вещей*, М., 1983. С. 275—291. Здесь же — стихотворный перевод Парменида, сделанный М. Л. Гаспаровым.
- ²¹ См. предварительное сообщение: *Did the Doxographer Aëtius ever exist? // XVIIe Congrès mondial de philosophie.* Montréal, 1983. Actes (Proceedings, vol. III. P. 813—817 (Éditions Montmorency 1988, микрофильм).

NB: При цитировании текста источников рекомендуется спускать все вставки в квадратных скобках, имеющие характер комментария, оставляя только добавления, необходимые для связности и ясности текста.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. Д. Рожанский</i>	
Ранняя греческая философия	5
Условные обозначения, принятые в тексте	32

ПРЕДФИЛОСОФСКАЯ ТРАДИЦИЯ

I. РАННЯЯ КОСМОГОНИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ	33
1 ^a . Гомер	33
1 ^b . Гесиод	34
1. Орфей	36
2. Мусей	66
2 ^a . Лин	70
3. Эпименид	73
3 ^a . Космогония Алкмана	80
II. РАННЯЯ АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ	81
4. Гесиод	81
5. Фок	83
6. Клеострат	83
III. РАННЯЯ КОСМОГОНИЧЕСКАЯ И ГНОМИЧЕСКАЯ ПРОЗА	84
7. Ферекид из Сироа	84
8. Теаген	89
9. Акусилаи	90
10. Семь мудрецов	91
IV. ПРОРОКИ И ЧУДОТВОРЦЫ АРХАИЧЕСКОЙ ЭПОХИ	94
10 ^a . Аристей из Прокооннеса	94
10 ^b . Абарис	96
10 ^c . Гермотим	97
10 ^d . Ономакрит	98

ФРАГМЕНТЫ ГРЕЧЕСКИХ ФИЛОСОФОВ VI—V вв. до н. э.

11. Фалес	100
12. Анаксимандр	116
13. Анаксимен	129
13 ^a . Гекатей Милетский	135
14. Пифагор	138
14 ^a . Теано	149
14 ^b . Телавг	150
15. Керкоп	150
16. Петрон	150
17. Бротин	151
18. Гиппас	151

19. Каллифонт и Демокед	155
20. Пармиск	156
21. Ксенофан	156
22. Гераклит	176
23. Эпихарм	257
24. Алкмеон	267
25. Иккос	273
26. Парон	274
27. Аминий	274
28. Парменид	274
29. Зенон	298
30. Мелисс	315
31. Эмпедокл	330
32. Менестор	414
33. Ксуф	415
34. Бойд	416
35. Трасиалк	416
36. Ион из Хиоса	416
37. Дамон	418
38. Гиппон	421
39. Фалей и Гипподам	425
40. Поликлет	426
41. Энопид из Хиоса	427
42. Гиппократ из Хиоса. Эсхил	429
43. Феодор	431
44. Филолай	432
45. Эврит	446
46. Архипп. Лисид. Опсим	447
47. Архит	447
48. Оккел	459
49. Тимей	460
50. Гикет	461
51. Экфант	461
52. Ксенофил	462
53. Диокл. Полимнаст. Эхекрат. Фантон. Арион	462
54. Прор. Амикл. Клиний	462
55. Дамон и Финтий	463
56. Сим. Мионид. Эвфранор	463
57. Ликон	464
57 ^a . Тимарид	464
58. Пифагорейская школа	465
59. Анаксагор	505
60. Архелай	535
61. Метродор из Лампсака	539
62. Клидем	540
63. Идеи	540
64. Диоген из Аполлонии	540
65. Кратил	551
66. Антистен-гераклитовец	552
66 ^a . Гиппократовская школа (избранные отрывки)	552
От переводчика	571